

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ГОДЪ ПЯТЫЙ

ТОМЪ XV

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

Т О М Ъ XV

1884

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. 11—2
1883

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ПЯТЫЙ
ЯНВАРЬ, 1884.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

ЯНВАРЬ, 1884 г.

	Стр.
I. Ксенія Борисовна Годунова. Н. И. Бостомарова	7
Иллюстрація: Ксенія Годунова у Самозванца. Картина Неврева (на отдѣл. листѣ).—Убіеніе Маріи и Феодора Годуновыхъ. Картина Маковского (на отдѣл. листѣ).	
II. Соціалистъ прошлаго вѣка. Историческая повѣсть. Гл. I—V. Д. Л. Мордовцева	24
III. Императоръ Николай Павловичъ—цензоръ и критикъ сочиненій Пушкина. (По неизданнымъ документамъ). М. И. Сухомлинова	55
IV. Отрывокъ изъ воспоминаній. Ф. Ф. Косошкинъ. А. П. Милюкова	88
V. Факсимиле одной изъ рукописей И. С. Тургенева	97
Иллюстрація: Факсимиле первой страницы разсказа «Бирюкъ».	
VI. Учено-литературная дѣятельность Д. И. Иловайскаго . (По поводу его юбилея). Д. Д. Языкова	100
Иллюстрація: Портретъ Д. И. Иловайскаго.	
VII. Повстанскія похождения Сигизмунда Сулимы. Н. В. Верга	107
VIII. Разсказы о быломъ. А. Н. Борсакова	133
IX. Изъ частной жизни Гладстона. Б. Н. В.	144
Иллюстрація: Гладстонъ въ своей библиотекѣ. — Древній замокъ Гауерденъ. — Новый замокъ Гауерденъ. — Гербертъ и В. Г. Гладстонъ. — Миссисъ Гладстонъ. — Гладстонъ и его сестра (1814 г.).	
X. Документальная исторія чорта. В. Р. Зотова	158
XI. Дочь королевъ Викторіи. Ф. И. Булгакова	173
XII. Иностранная историографія. Б. Г. Е.	182
XIII. Критика и библиографія: Сочиненія Д. И. Иловайскаго. М. 1884. Н. Н. В. — Мининъ и Пожарскій. Прямые и Кривые въ Смутное время. И. Забѣлина . М. 1883. Мих. Н.—евича .—Родъ князей Запѣциныхъ. Историческій романъ Шардина. Два тома. Спб. 1883. А. М. —Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ф. М. Достоевскаго . Съ портретомъ и приложеніями. Спб. 1883. Е. Г. — Сборникъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпуски 3-й и 4-й. М. 1883. П. У.	185
XIV. Заграничныя литературныя новости	205
XV. Изъ прошлаго: Разсказъ объ императорѣ Александрѣ I. Сообщ. П. С. Бѣльскимъ .—Происхожденіе одного казеннаго заведенія. Сообщ. Н. Л. Родионовымъ	212
XVI. Смѣсь: Памятникъ императору Александру II. — Трехсотлѣтній юбилей русскаго Гуттенберга. — Юбилей Д. И. Иловайскаго. — Юбилей графа Д. А. Милютина. — Шестой археологическій съѣздъ въ Одессѣ. — Новое изданіе сочиненій Батюшкова. — Некрологи: А. И. Кошелева; Н. А. Корфа; В. В. Маркова; Генри Мартена; Франсуа Ленормана	215
XVII. Лермонтовскій музей. Ф. И. Булгакова	225
ПРИЛОЖЕНІЕ. Саванарола. Культурно-историческій очеркъ изъ временъ возрожденія во Флоренціи и Римѣ. Адольфа Глазера . Гл. I и II.	
Иллюстрація: Саванарола во Флоренціи во время карнавала 1497 года (на отдѣл. листѣ). — Нынѣшній городъ Флоренція. — Косма Медичи. — Дворецъ Пацци во Флоренціи. — Заговоръ Пацци. — Данте.	
Къ Январской книжкѣ прилагаются объявленія: 1) О подпискѣ на «Историческій Вѣстникъ» въ 1884 году; 2) Объ изданіи «Исторической портретной галлерей»; 3) О подпискѣ на «Живописное Обзорѣніе» въ 1884 году; 4) О книгѣ «Сочиненія П. Якушкина» и другихъ изданіяхъ В. О. Михневича ; 5) О сочиненіяхъ Н. А. Лейкина .	

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1884 ГОДУ

Н А

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ПЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ будетъ издаваться въ 1884 году по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года (1880—1883).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Редакція, вполне обеспеченная разнообразнымъ литературнымъ матеріаломъ, обратитъ особенное вниманіе на рисунки и обязательно будетъ давать въ каждой книжкѣ журнала нѣсколько иллюстрацій (въ 1883 году въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ помѣщено болѣе 130 гравюръ).

Для приложенія въ 1884 году къ „Историческому Вѣстнику“ редакція приобрѣла отъ лейпцигскаго издателя Шпамера право изданія иллюстрированнаго (40-ка гравюрами на деревѣ) культурно-историческаго очерка Адольфа Глазера „Саванарола“.

Для первыхъ книжекъ „Историческаго Вѣстника“ 1884 года въ распоряженіи редакціи уже находятся статьи слѣдующихъ писателей:

Д. В. Аверкіева, А. В. Арсеньева, Н. В. Берга, Ф. И. Вулгакова, В. П. Вуренина, А. Я. Вутковской, И. Д. Вѣлова, Н. А. Вѣлозерской, Е. М. Гаршина, В. И. Герье, Н. А. Добротворскаго, И. И. Дубасова,

Г. В. Есипова, И. Н. Захарьина, В. Р. Зотова, П. П. Каратыгина, Е. П. Карновича, А. И. Кирпичникова, Н. М. Коншина, М. С. Корелина, Н. И. Костомарова, Д. А. Курсакова, А. Н. Курсакова, В. Д. Кренке, Н. С. Кутейникова, Д. П. Лебедева, Н. С. Лѣскова, В. Н. Майнова, С. В. Максимова, П. К. Мартьянова, А. Н. Маслова, Л. С. Мацѣевича, А. П. Милюкова, В. О. Михневича, Д. Л. Мордовцева, А. И. Незеленова, В. И. Немировича-Данченко, Н. И. Петрова, А. С. Пругавина, Д. Н. Садовникова, графа Е. А. Сальяса, И. Н. Смирнова, А. И. Соболевскаго, В. Я. Стоюнина, М. И. Сухомлинова, С. Н. Терпигорева, П. С. Усова, Ө. Н. Устрялова, М. К. Цебриковой и др.

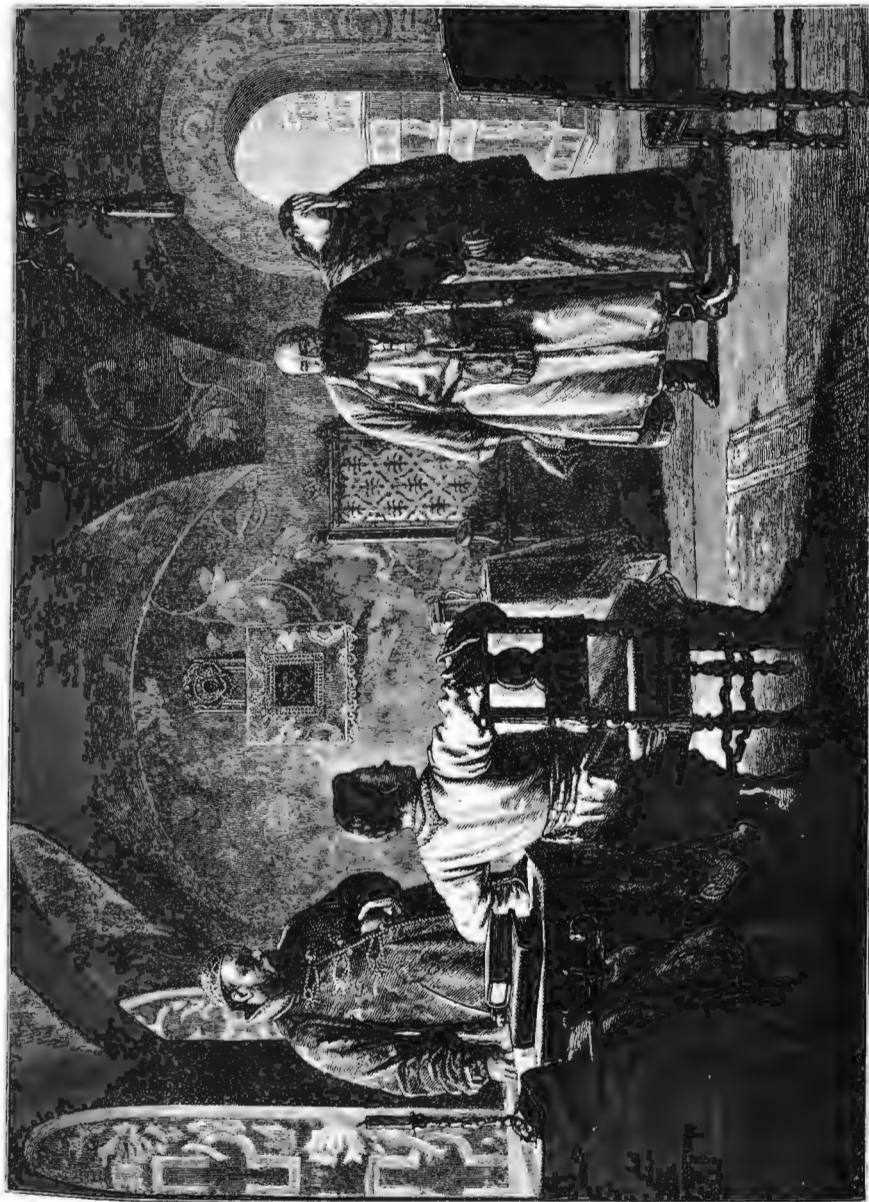
Гравюры для иллюстраціи статей заказаны преимущественно граверамъ: Паннемакеру въ Парижѣ и Зубчанинову въ Петербургѣ.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, д. № 38, и въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы, при московскомъ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

Въ главной конторѣ можно получать оставшіеся, въ весьма ограниченномъ числѣ, экземпляры „Историческаго Вѣстника“ за прошлые годы (1883 года остается 21 экз.). Цѣна каждому году, со всѣми приложеніями, десять рублей съ пересылкой и доставкой.

КСЕНІЯ БОРИСОВНА ГОДУНОВА, ПРИВЕДЕННАЯ КЪ САМОЗВАНЦЮ.

Картина художника Неврова. Гравюра Панцмакера въ Парижѣ.

КОЗЛОВСКО ИСНАУРОВО. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 25 АВГУСТА 1883 Г.

ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА. ЗРТЕЛЕЦЪ НЕР. Т. II—2.

КСЕНІЯ БОРИСОВНА ГОДУНОВА.

(По поводу картины художника Неврева.)

ВЪ РУССКОЙ исторіи едва ли найдется такой грустный женскій образъ, какъ образъ царевны Ксеніи Борисовны. Судьба какъ будто измышленно и утонченно сопоставила для нея все, чтобъ сдѣлать ее несчастною и притомъ такъ, чтобъ она какъ возможно сильнѣе ощущала свое горе. По извѣстному поэтическому выраженію Данта, всякое злополучіе тѣмъ тяжелѣе и невыносимѣе, чѣмъ болѣе предшествовало ему благополучіе. Въ жизни Ксеніи это выразилось самымъ язвительнымъ способомъ. Она родилась въ эпоху блестящихъ надеждъ для ея родителя, когда все, казалось, пророчило всему роду Годуновыхъ величайшія земныя блага; ея дѣтство и отрочество протекали въ добрѣ и холѣ, среди всякаго избытка окружавшаго знатную русскую семью; она возрастала подъ непрерывными ласками родителей и родныхъ, а достигши лѣтъ взрослой дѣвицы, очутилась первою по знатности дѣвицею на Руси, единственною дочерью царя. Природа надѣлила ее красотою и, судя по оставшемуся въ Кубасовскомъ хронографѣ описанію ея наружности, она представляла собою типъ великорусской красной дѣвицы, какъ создаетъ ее народная гѣсенная поэзія ¹⁾). Какого еще

¹⁾ Отроковица чюднаго домышления вѣлною красотою лѣпа, бѣла и лицемъ румянна, очи имѣя черны велики, свѣтлостію блистая, когда же въ жалости слезы от очю испущаше, тогда наипаче свѣтлостію вѣлною блисташе, бровми союзна, тѣломъ изобильна, млечною бѣлостію облянна, возрастомъ ни высока, ни ниска, власы имѣя черны велики, аки трубы по плечемъ лежаху (Рус. Достоп. 1, 174).

благополучія для дѣвицы! Если бы она родилась царевною, то и вполнину не испытала бы того наслажденія, какое должна была ощущать когда стала царевною, не бывши ею съ колыбели. Такого благополучія было мало. Судьба, казалось, доставляла ей то, въ чемъ отказывала вообще другимъ русскимъ царевнамъ, осуждаемымъ за свой почетъ на всегдашнее одиночество, ради того только, что отдавать ихъ въ замужество за иновѣрцевъ считалось грѣхомъ, а православнаго мужчины, который по своему происхожденію достоинъ бы былъ руки царской дочери, не находилось. Съ Ксеніей было не такъ. Ея отецъ хотѣлъ во что бы то ни стало дать въ женихи своей дочери какого нибудь иноземнаго принца высокаго рода, не жалѣя надѣлать его удѣломъ изъ своихъ обширныхъ владѣній. Попытки въ этомъ родѣ слѣдовали одна за другою: неудачи не останавливали чадолюбиваго родителя, какъ вдругъ неожиданный ударъ судьбы разбилъ въ прахъ всѣ его замыслы и надежды. Царевна стала свидѣтельницею внезапнаго паденія своего рода, на ея глазахъ совершается трагическая смерть матери и брата; она остается горемычною сиротою, безъ родныхъ, безъ друзей, отдается на посрамленіе врагу, захватившему престоль отца ея; нѣсколько времени противъ воли служить предметомъ его гнусной забавы и, наконецъ, въ угоду ожидаемой въ жены царю иноземкѣ, отсылается въ монастырское заточеніе. И тутъ еще не окончены ея страданія! Ей суждено еще разъ, уже подъ иноческою одеждою, достаться на поруганіе дикой военной толпѣ... нѣтъ бѣдняжкѣ покоя и въ святыхъ стѣнахъ отшельницъ, нѣтъ ей успокоенія отъ ударовъ судьбы, пока не успокоится вся Россія, взбаламученная грѣхами отца ея.

Этотъ образъ злополучнѣйшей изъ русскихъ женщинъ не созданъ вымысломъ поэта: онъ существовалъ нѣкогда въ дѣйствительности. Неудивительно, что этотъ образъ былъ излюбленъ нашими художниками, посвящавшими свой талантъ изображенію событій отечественной исторіи. Назадъ тому лѣтъ двадцать, на выставкѣ въ Академіи Художествъ мы любовались картиною г. К. Маковскаго, изображающею страшное событіе смерти Борисовой жены и сына; царевна Ксенія изображена здѣсь плачущею надъ трупомъ только что предъ тѣмъ удавленной матери, а за нею убійцы расправляются съ ея братомъ Федоромъ Борисовичемъ. Съ этой картины къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прилагается копія въ гравюрѣ исполненной г. Зубчаниновымъ. По нашему мнѣнію, это лучшее произведеніе талантливаго художника¹⁾; но оно мало было оцѣнено въ свое время. Тогда у знатоковъ господствовалъ вкусъ къ рутинной живописи съ античными позами; картину г. Маковскаго находили слишкомъ реальною и грубою, ставили ей въ недостатокъ даже вѣрность исторіи, однимъ словомъ порицали за то, что составляло въ ней достоинства. Въ болѣе не-

давнее время явилась другая картина изъ жизни Ксеніи Борисовны, не менѣе талантливаго художника г. Неврева, снимокъ съ которой также прилагается къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника», въ прекрасно сдѣланной гравюрѣ извѣстнаго гравера Паннемакера. Художникъ избралъ тотъ моментъ, когда Рубецъ-Мосальскій, въ девѣ погибели Борисова семейства взявшій Ксенію къ себѣ въ домъ съ цѣлію доставить ее въ жертву сластолюбію новаго царя, приводитъ ее къ названому Димитрію. По поводу этого художественнаго произведенія мы позволимъ себѣ нѣсколькими словами помянуть изображенную въ картинѣ г. Неврева историческую личность.

Борисъ Годуновъ еще за долго до своего воцаренія былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ сановниковъ, которые начинали сознавать необходимость просвѣщенія и убѣждались, что это просвѣщеніе можетъ водвориться въ Россіи не иначе, какъ чрезъ сближеніе съ Западною Европою.

Еще при царѣ Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ онъ постоянно благопріятствовалъ англичанамъ, которые вели торговыя сношенія съ Россією. То же самое было еще въ большей степени при царѣ Федорѣ Ивановичѣ, при которомъ, вслѣдствіе слабоумія государя, всѣмъ государствомъ управлялъ онъ, Борисъ Годуновъ. Когда, по кончинѣ царя Федора Ивановича, Борисъ былъ избранъ на престолъ, тогда его просвѣтительныя намѣренія стали высказываться въполнѣ. Онъ не только дозволилъ нѣмцамъ, жившимъ близъ столицы въ Нѣмецкой слободѣ, построить себѣ церковь для отправленія богослуженія по своимъ обрядамъ (что очень не нравилось приверженцамъ старины), не только привлекалъ во множествѣ иноземцевъ въ военную службу, съ цѣлію устроить войско по западноевропейскому образцу, не только приглашалъ въ Россію опытныхъ «рудознатцевъ» для отысканія золотыхъ и серебрянныхъ рудъ, часовщиковъ и другаго рода мастеровъ, въ особенности же врачей:—онъ возымѣлъ намѣреніе завести въ Московскомъ государствѣ школы для народнаго обученія и выписать изъ Западной Европы учителей и наставниковъ. Въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ сохраняется письмо одного нѣмецкаго учонаго изъ Гамбурга, отъ 24-го января 1601 года, къ царю Борису. Онъ восхваляетъ Бориса за намѣреніе (о которомъ онъ узналъ отъ одного посланнаго царемъ московскаго нѣмца) основать въ своемъ государствѣ университетъ и училища, и съ этою цѣлію пригласить иностранныхъ ученыхъ людей. «Ваше величество, выражался въ своемъ письмѣ этотъ нѣмецъ — приобретете себѣ безсмертную славу во всемъ мірѣ, если даруете своему народу величайшее благодѣяніе, ибо нѣтъ драгоценнѣе сокровищъ, какъ знанія и изящныя искусства: этому доводомъ служить можетъ судьба всѣхъ образованныхъ народовъ» (Карамз. т. XI, прим. 125). Но когда царь

по этому вопросу стали совѣтоваться съ свѣтскими и духовными сановниками, духовные рѣзко воспротивились и говорили: «наша страна велика и обширна, но въ ней одна вѣра, одинакіе нравы и одна рѣчь, а какъ вгѣдряется къ намъ люди иного языка, тогда уже не будетъ прежняго единства, начнутся раздѣленія и споры, и не будетъ мира внутри страны нашей, какъ было прежде».

Духовенство въ тѣ времена имѣло громадную нравственную силу, а царь Борисъ не чувствовалъ еще большой силы за собою и за своимъ, только что воцарившимся, родомъ: онъ долженъ былъ уступить и ограничился только посылкою въ чужіе края для обученія наукамъ и для знакомства съ иностранными языками восемнадцати молодыхъ дворянъ, изъ которыхъ впоследствии только одинъ воротился въ отечество, прочіе же отrekliсь отъ него. (Bussov. Chron. изд. Археогр. Ком. Rerum rossicorum scriptores externi, I, стр. 9).

Цѣня такъ высоко просвѣщеніе для народа, естественно царь Борисъ прилагалъ стараніе о собственныхъ дѣтяхъ. О сынѣ его Фѣдорѣ Борисовичѣ, наслѣдовавшемъ престолъ, но преждевременно погибшемъ, лѣтописецъ современникъ отзывается такъ: «аще бо и юнъ сый лѣтними числы бысть, но да смысломъ и разумомъ многихъ превзыде сѣдинами совершенныхъ, бѣ бо зѣло изученъ премудрости и всякаго философскаго естественнословія и о благочестіи же присно упражняшеса, злобы жъ и мерзости и всякаго нечестія отнюдъ всяко ненавистенъ бысть» (Врем. И. М. О. И. и Др. XVI, 92).

Другой старинный лѣтописатель говоритъ о немъ: «царевичъ Фѣдоръ, царя Бориса отроча зѣло чудно... наученъ же бѣ отъ отца своего книжному почитанію, въ отвѣтѣхъ дивенъ и сладкорѣчивъ вельми, пустошное же и гнилое слово никогдаже изъ устъ его исхождаше, о вѣрѣ и о поученіи книжномъ со усердіемъ прилѣжаше» (Руск. Достоп. I, стр. 174). Памятникомъ образованія, какое получалъ сынъ царя Бориса, осталась начертанная имъ карта Россіи, напечатанная въ Германіи въ 1614 году (Карамз. XI, прим. 132). О дочери Бориса, Ксеніи, тотъ же лѣтописатель, изобразившій ея брата Фѣдора, отзывается такъ: «во истинну во всѣхъ женахъ благочиннѣиша и писанію книжному многимъ цвѣтуще благорѣчимъ, во истинну во всѣхъ дѣлехъ чредима, гласы воспѣваемыя любляше і пѣсни духовныя любезнѣ слышати любляше» (Рус. Достоп. I, 175). Какія это писанія книжныя, которыми занималась царевна, а также къ какому «поученію книжному со усердіемъ прилежаше» ея братъ царевичъ Фѣдоръ, мы можемъ опредѣлить только приблизительно, по соображенію — какія книги могли быть тогда читаемы. Кромѣ довольно ограниченнаго еще числа печатныхъ книгъ того времени, тогдашняя литература не бѣдна была по количеству рукописныхъ

книгъ, преимущественно религіознаго содержанія, но отчасти и свѣтскаго: хронографы, гдѣ излагалась древняя исторія, начинавшаяся отъ Ноя, переходившая къ дѣяніямъ византійскихъ царей, потомъ къ русской исторіи, сборники, заключавшіе «альфавиты, азбуковники, цвѣтники, космографіи» и т. д. Изъ нихъ можно было почерпать разныя энциклопедическія свѣдѣнія; космографіи сообщали о странахъ свѣта, о государствахъ и народахъ въ нихъ обитающихъ; альфавиты и азбуковники заключали разныя житейскія ходячія свѣдѣнія, напр. какъ измѣряется время по годамъ, мѣсяцамъ и недѣлямъ, что значатъ семь свободныхъ мудростей: грамматика, диалектика, риторика, музыка (подъ которою разумѣлось собственно пѣніе), ариметика или числительница, геометрія (въ которую включались свѣдѣнія, касавшіяся математической и физической географіи) и астрономія или звѣздозаконіе (счисленіе обращенія луны и теченія планетъ и звѣздъ). Самый процессъ тогдашняго наученія письма представлялъ нелегкое и кропотливое занятіе, при необходимости изучить правильное употребленіе разныхъ надстрочныхъ и междустрочныхъ знаковъ ¹⁾. Еще болѣе трудностей въ мелочахъ представляло изученіе церковнаго пѣнія, котораго любительницею изображается царевна Ксенія. Въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей» (1846 г., № 3) помѣщена очень любопытная ученая статья покойнаго Ундольскаго о церковномъ пѣніи, представляющая поразительно странную кучу названій, терминовъ, которые должны были заучить, понять и удержать въ памяти занимавшіеся пѣніемъ люди стараго времени ²⁾. Кромѣ чтенія и церковнаго пѣнія, въ кругъ стариннаго воспитанія входило иконописание, а женскому полу вышиваніе золотомъ, серебромъ и шелками. Конечно и царевна Ксенія училась тому, чему обязательно учились тогдашнія барышни. Подъ 1589 годомъ есть письма Бориса Годунова іерусалимскому патріарху Софронію. Борисъ писалъ: «и дочь моя Аксиныя тебѣ великому господину и государю челомъ бьетъ икону Спасовъ образъ и ширянку» (Др. Русск. Вивл. XII, 414). Такъ какъ Ксенія тогда еще была малолѣтнею, то нельзя считать какой нибудь изъ даровъ произведеніемъ ея рукъ, но принесенные патріарху отъ ея имени подарки имѣютъ смыслъ, какъ

¹⁾ Варія, вражія, оксія, исо, камора, звательцо, вопросительная, удивительная, виѣстительная, пераспомени, маіора, раздвижка, атриваль, слогія, стяга, чашка, дасія, статія, сввады (Чт. М. О. И. и Др. 1861. Т. 4. стр. 52).

²⁾ Тутъ есть разныя енты: грамогласная, громозвѣльная, громосвѣтлая, двоестрѣльная, душеполезная, дѣвическая, двоечельная, златокрылая, положительная, пострятельная, предложительная, скорбная, смирная, степенная, тихая, страшливая, троицкая усепенская, храпливая, и другія, кулизмы, полукулизмы, змѣицы, дербицы, голубчики перелетки, перескоки, переступы, перевертки, перегибки, перехваты, перемеы, перекладки, переклички, перенязки, и проч., и проч.

будто посылается ея собственная работа. Это въ особенности можно замѣтить о ширинкѣ, такъ какъ этотъ предметъ входилъ въ кругъ женскихъ занятій исключительно. Наконецъ, мы позволяемъ себѣ думать, что воспитывая дѣтей своихъ съ особеннымъ вниманіемъ, Борисъ не оставлялъ ихъ безъ знакомства съ иностранными языками. Хотя объ этомъ не сохранилось нигдѣ ни малѣйшаго намека, но мы считаемъ возможнымъ это на томъ основаніи, что Борисъ былъ большой поклонникъ знанія иностранныхъ языковъ и когда думалъ заводить школы, духовенство вооружилось противъ такого намѣренія именно въ опасеніи распространенія иностранной рѣчи въ Россіи. Не можетъ быть, чтобы, признавая большую пользу въ изученіи иностранныхъ языковъ для своихъ подданныхъ, Борисъ не сознавалъ въ томъ же большой пользы для собственныхъ дѣтей. Считаемъ вѣроятнымъ, что Борисъ, готовя своего сына Феодора быть царемъ, училъ его языкамъ, по крайней мѣрѣ латинскому, какъ языку интеллигенціи во всей Европѣ, а можетъ быть еще нѣмецкому или англійскому, тѣмъ болѣе, что тогда уже нѣкоторые изъ бояръ начинали учиться, не смотря на неодобреніе благочестивыхъ духовныхъ. О Ксеніи можно предположить чтонибудь подобное, такъ какъ отецъ готовилъ ее быть женою иностраннаго принца.

Чадолюбивый отецъ старался, чтобъ москвичи заранѣе полюбили его дѣтей. Послѣ его избранія на престолъ, московскіе чины поднесли царевичу Феодору и царевнѣ Ксеніи хлѣбъ-соль и подарки состоящіе въ золотыхъ и серебрянныхъ издѣліяхъ. Борисъ приказалъ дѣтямъ принять хлѣбъ-соль, а золото и серебро отвергнуть; затѣмъ всѣхъ приносившихъ дары пригласить къ царскому столу (Карамз. XI, 8).

Для сына отецъ назначалъ престолъ, а дочери хотѣлъ доставить жениха изъ иноземныхъ принцевъ, который бы согласился принять православіе и жить въ Россіи. Борисъ такому принцу предполагалъ дать удѣльное владѣніе въ предѣлахъ своего государства. Нѣсколькихъ принцевъ, одного за другимъ, пытался Борисъ поставить въ такое положеніе и все ему не удавалось.

Первымъ изъ кандидатовъ въ зятя московскому царю явился Густавъ, сынъ низложеннаго шведскаго короля Эрика XIV. Онъ скитался изгнанникомъ по Европѣ и поселился въ польскихъ владѣніяхъ въ г. Гданскѣ, потомъ въ Торунѣ. Его наследственное право захватили родичи и оспаривали его другъ у друга. По низложеніи Эрика, шведскимъ королемъ сталъ братъ послѣдняго Іоаннъ, а по смерти его—сынъ Іоанна, Сигизмундъ, польскій король, который, самъ проживая въ Польшѣ, назначилъ своимъ намѣстникомъ въ Швеціи дядю, брата отца своего, Карла герцога Зюдерманландскаго. Тогда въ Швеціи образовалась партія, недовольная Сигизмундомъ, главное за его привязанность къ католичеству, и предложив-

шая шведскую корону Карлу. Отъ этого между двумя лицами, носившими титулъ шведскаго короля, возникла вражда, перешедшая на шведскую и польскую націи и ставшая причиною многихъ войнъ между ними. Борисъ завелъ сношенія съ Густавомъ еще при царѣ Ѳедорѣ, а вступивши на престолъ приглашалъ его пріѣхать въ Россію и увѣрялъ, что тамъ онъ найдетъ въ царѣ покровителя и втораго отца. Московская политика нашла возможнымъ сдѣлать этого изгнаннаго принца орудіемъ своихъ политическихъ замысловъ. Борисъ предполагалъ сдѣлать изъ своего будущаго зятя то, что сдѣлалъ царь Иванъ Васильевичъ изъ датскаго принца Магнуса, котораго, женивъ на своей племянницѣ, назначилъ королемъ ливонскимъ въ вассальной зависимости отъ московскаго царя. Борису казалось, что этотъ принцъ-скиталецъ, неимѣвшій постояннаго пріюта, и, какъ говорили, терпѣвшій скудость, на все согласится. Въ августѣ 1599 года, принцъ Густавъ пріѣхалъ въ Россію, былъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ 19-го августа въ Москвѣ и тотчасъ щедро одаренъ со всею своею свитою (Исаакъ Масса. 70. Bussov. Chronic. 9). Царь отправилъ служившихъ у него нѣмцевъ склонять ливонцевъ, находившихся подъ властію короля Сигизмунда, къ отпаденію отъ Рѣчи Посполитой; одинъ изъ нихъ Кляузень ѣздилъ въ Ригу убѣждать рижанъ отдаться подъ покровительство московскаго царя, и признать надъ собою власть его подручника Густава; царь писалъ къ рижанамъ, что соболѣзнуетъ о ихъ судьбѣ, слыша, что іезуиты посягаютъ на ихъ лютеранское вѣроисповѣданіе; самъ же Густавъ, по наученію царя, написалъ къ считавшемуся шведскимъ королемъ Карлу Зюдерманландскому, чтобъ онъ добровольно уступилъ ему Эстонію и обѣщалъ за то союзъ и дружбу со Швеціею отъ себя и отъ царя; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ увѣрялъ, будто Сигизмундъ желаетъ уступить ему Ливонію и по ходатайству его уже приказалъ прекратить начатыя непріязненные дѣйствія противъ Швеціи (Карамзинъ, XI, прим. 42). Если Сигизмундъ не сдѣлаетъ ему добровольно уступки, то царь будетъ оружіемъ добывать для него владѣніе. Но всѣ эти затѣи не имѣли послѣдствій. Самъ Густавъ оказался неподходящимъ человѣкомъ царю. Когда царь стороною сообщилъ ему, что онъ можетъ искать руки царской дочери, но долженъ принять православную вѣру, и за это царь обѣщалъ ему не только добыть владѣніе въ Ливоніи, но даже и шведскую корону, которой онъ прямой и законный наслѣдникъ, Густавъ заявилъ на отрѣзъ, что онъ ни за что не перемѣнитъ вѣры и не хочетъ искать шведской короны, если это соединено будетъ съ кровопролитіемъ и нанесеніемъ вреда его отечеству (Bussov. Chron. 10). Послѣ такого заявленія, обращеніе съ нимъ царя и вообще царскаго двора измѣнилось; не стало прежняго вниманія и предупредительности. Къ тому же онъ возбуждалъ соблазнъ своимъ поведеніемъ: живучи въ Гданскѣ, онъ вошелъ въ любовную связь съ женою своего хозяина

Христіана Катера и привезъ ее съ собою въ Москву. Она ѣздила въ каретѣ, запряженной четвернею бѣлыхъ лошадей, какъ въ Москвѣ ѣздили только царицы. Люди указывали на нее пальцами. Притомъ были недовольные и изъ собственной свиты принца: говорили, что она имѣла на него вліяніе и подѣ этимъ вліяніемъ онъ сталъ дурно обращаться съ своими людьми (Is. Massa; перев. стр. 72). Царь приказалъ ему передать, что поступки его неприличны званию королевскаго сына. Густавъ раздражился и собирался уѣхать изъ Россіи. Передъ пріѣздомъ въ Москву онъ получилъ отъ царя Бориса опасную грамоту, по силѣ которой предоставлялось ему свободно выѣхать изъ Московскаго государства, но эту грамоту онъ оставилъ въ Ригѣ, а царь Борисъ чрезъ посредство какого-то Іоанна Шульта досталъ ее въ свои руки. Утративши этотъ важный документъ, Густавъ все-таки требовалъ отпуска, ссылаясь на царское обѣщаніе и замѣчая, что царское слово должно быть неизмѣнно. Не смотря на всѣ домогательства, царь не торопился исполнить его желаніе и тогда Густавъ, въ порывѣ досады и притомъ разгоряченный выпитымъ передъ тѣмъ виномъ, произнесъ такую похвалку: «я уйду, да еще и городъ зажгу!» Это было тотчасъ сообщено боярину Семену Годунову, а послѣдній донесъ объ этомъ царю. Тогда Борисъ, сильно разгнѣвавшись, приказалъ отобрать у принца серебряный приборъ, подаренный ему прежде, и другія драгоценности, отнялъ у него подаренный ему удѣлъ въ Калугѣ, приказалъ поставить у его жилища караулъ и не велѣлъ посылать ему каждодневнаго обѣда изъ царской кухни. Этотъ гнѣвъ продолжался не долго. Борисъ рѣшилъ, что такой принцъ не можетъ сдѣлаться его зятемъ, но не хотѣлъ отпускать его за рубежъ: царь назначилъ ему городъ Угличъ, съ уѣздомъ, съ котораго принцъ могъ получать ежегоднаго дохода до 4.000 рублей, но управлять этимъ удѣломъ должны были назначенные отъ царя дворяне, а принцу на его содержаніе доставлять доходы (Petr. Chron. Reg. rossicar. scriptores externi. Изд. Арх. Комм. 1, стр. 156.— Маржеретъ.—Сказ. соврем. о Дим. самозв. III, 69). Густавъ уѣхалъ туда и тамъ занимался химіей, живя въ Угличѣ безвыѣздно до конца Борисова царствованія и жалуясь на непостоянство женщины, которой въ жертву онъ принесъ счастье своей жизни (Bussov. Chronic. 10).

Вскорѣ послѣ первой неудавшейся попытки достать для дочери жениха послѣдовала другая. Царь Борисъ узналъ, что у датскаго короля Христіана есть братъ Іоаннъ и отправилъ посольство какъ бы для улаженія нѣкоторыхъ пограничныхъ недоразумѣній, но въ то же время поручилъ сообщить королю о своемъ желаніи отдать свою дочь за его брата. Мы не знаемъ условій, на которыхъ датскій король согласился отпустить своего брата въ Московское государство, но достоверно то, что датскій королевичъ герцогъ Іоаннъ

долженъ былъ навсегда поселиться въ Россіи въ удѣлѣ, который назначить ему тесть. Іоаннъ не былъ тогда въ отечествѣ: онъ воевалъ въ Нидерландахъ. По возвращеніи въ Данію, онъ сѣлъ на корабль и отправился въ Россію чрезъ Балтійское море. 6-го августа 1608 года, онъ вступилъ на берегъ въ Иванъгородъ съ многочисленною свитою, доходившею числомъ до четырехсотъ человекъ (Is. Massa; перев. 86). Отсюда до Москвы путешествіе его было праздничнымъ шествіемъ: на каждомъ станѣ предупредительно угощали его и всю его дружину, при вѣздѣ въ города встрѣчали его пушечными выстрѣлами и выстроенные въ рядъ ратные люди отдавали почестъ высокому гостю. Онъ ѣхалъ черезъ Новгородъ, Торжокъ, Старицу, ѣхалъ медленно, дѣлая не болѣе тридцати верстъ въ день, останавливался, забавлялся охотою. Провожали его бояринъ Михаилъ Салтыковъ и дьякъ Аванасій Власевъ, люди болѣе прочихъ знакомые съ иноземными обычаями и потому при- ставленные къ чужестранному гостю. Герцогъ Іоаннъ бесѣдовалъ съ ними, узнавалъ отъ нихъ о житьѣ-бытьѣ русскаго народа, о гражданскомъ и церковномъ строеніи въ Московскомъ государствѣ. Царь посылалъ ему подарки: деревянный возокъ съ парадною окраскою и дорогою обивкою внутри, породистыхъ упряжныхъ лошадей и различныя одежды, украшенные дорогими камнями (Карамз. XI, примѣч. 60—62). 19-го сентября Іоаннъ вѣхалъ въ Москву, встрѣчаемый множествомъ народа, при оглушительномъ звонѣ всѣхъ московскихъ колоколовъ. Бояре и дворяне встрѣчали его верхомъ, въ нарядныхъ одеждахъ. Его помѣстили въ Китай-городѣ въ лучшемъ домѣ, нарочно заранѣе къ его приѣзду убранномъ, и въ первый же день доставили ему и всей его дружинѣ изъ царской кухни обѣдъ на тридцати золотыхъ блюдахъ и множество сосудовъ съ виномъ и медомъ. 28-го сентября онъ представлялся царю. Царь Борисъ и царевичъ Федоръ, одѣтые въ бархатныя порфиры, унизанныя жемчугами, въ коронахъ на головѣ и съ бармами на груди, на которыхъ блистали крупные рубины, изумруды и яхонты, обняли его какъ роднаго и посадили рядомъ съ собою. Въ тотъ же день происходилъ обѣдъ въ грановитой палатѣ. Царь сидѣлъ на золотомъ тронѣ, посреди царевича и принца Іоанна, какъ своего будущаго зятя: кромѣ членовъ царской семьи, никто не могъ сидѣть рядомъ съ государемъ. По окончаніи пиршества, царь и царевичъ сняли съ себя толстыя золотыя цѣпи и возложили на герцога. Въ тотъ же день постановили отложить бракосочетаніе до наступленія зимы. Царевны Ксенія здѣсь не было; по извѣстному московскому обычаю, она, какъ невѣста, не могла до сватбы видѣть своего суженаго лицомъ къ лицу. Она видѣла его изъ скрытаго мѣста, стоя въ верхнемъ корридорѣ (Карамз. XI, прим. 63. — Busching's Magazine; t. VIII. Moskowitzische Reise. стр. 257—277).

По общему отзыву современниковъ, герцогъ Иоаннъ былъ очень красивъ и статенъ и произвелъ пріятное впечатлѣніе на царевну.

Не суждено было и этому преднамѣченному Борисомъ жениху его дочери сдѣлаться ея мужемъ. Вскорѣ послѣ представленія его царю, государь со всѣмъ семействомъ поѣхалъ въ Троицко-Сергіевскую обитель. Такъ нужно было предъ совершеніемъ важнаго семейнаго дѣла по благочестивымъ обычаямъ. Королевичъ не поѣхалъ и остался въ Москвѣ. Каждый день продолжали угощать его и всю его дружину обѣдами изъ царской кухни, а невѣста, бывшая лично съ родителями на богомольѣ, прислала ему въ даръ, какъ жениху, по обычаю, богато убранную постель и бѣлье, расшитое серебромъ и золотомъ. Королевичъ употребилъ время отсутствія царя съ семействомъ на занятіе русскимъ языкомъ. Онъ за него принялся ревностно и говорилъ даже, что имѣетъ желаніе принять православную вѣру. Послѣднее извѣстіе находится только въ Степенной книгѣ Латухина (Рукоп. Археогр. Коммисіи) и не подтверждается никакими иноземными свидѣтельствами, но оно вполне достоверно. При тогдашнихъ возрѣніяхъ было бы не въ порядкѣ вещей отдавать царскую дочь въ замужество за иновѣрнаго человѣка; хотя Борисъ, отличавшійся уже издавна любовью къ иноземцамъ, могъ самъ иначе смотрѣть на это, но онъ бы никогда не рѣшился на такой шагъ изъ страха вооружить противъ себя духовенство и потерять любовь народную. Вѣроятно, если объ этомъ не было объявлено датскому королевичу еще до его пріѣзда въ Россію, то ему объявили бы позже, и онъ, зная это и предупреждая русскихъ, самъ заявлялъ желаніе сдѣлать то, чего бы, какъ онъ уже предвидѣлъ, отъ него непремѣнно потребовали.

Оставаясь въ Москвѣ и пользуясь знаками чрезвычайнаго къ себѣ вниманія, герцогъ, по извѣстію одного современника (Маржер. русс. пер. Сказ. о Дим. самозв. III, 77), неосторожно нарушилъ предѣлы воздержанія и умѣренности, вѣроятно, по поводу громаднаго количества яствъ, доставляемыхъ изъ дворца ежедневно. Царь узналъ о его болѣзни 16-го октября, находясь въ Братошинѣ на возвратномъ пути отъ Троицы. Болѣзнь сначала казалась неопасною: королевичъ былъ въ состояніи написать о себѣ нареченному тестю. Царь умолялъ врачей и своихъ и прибывшихъ въ герцогской дружинѣ спасти дорогаго будущаго зятя и сулилъ за его выздоровленіе великія милости. По примѣру благочестивыхъ предковъ, которые въ виду грозившей опасности давали разные обѣты, царь обѣщалъ, если королевичъ останется живъ, отпустить на свободу 4,000 узниковъ (Карамаз. XI, 52). Врачи увѣряли государя, что болѣзнь королевича неопасна и излечима. Но на перекоръ ихъ увѣреніямъ, болѣзнь со дня на день принимала все болѣе и болѣе зловѣщій характеръ. 27-го октября, царь съ патриархомъ и съ боярами посѣтилъ больнаго. Герцогъ лежалъ уже без-

УБИЕНІЕ МАРИИ И ФЕОДОРА ГОДУНОВЫХЪ

Картина художника К. Маковского; гравюра на деревѣ А. И. Зубчанинова.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 22 ДЕКАБРЯ 1863 Г.

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА. ФРЕНЧЕВЪ ПЕР., Д. 11—2.

гласенъ. Съ нимъ сдѣлалась сильнѣйшая горячка. По одной разрядной книгѣ онъ умеръ 27-го октября, во второмъ часу ночи, по другой—29-го октября, въ третьемъ часу ночи (Карамзинъ, XI, примѣч. 68).

Говорили, что Ксенія, услышавши о смерти жениха, чрезвычайно убивалась по немъ, а Борисъ, соболѣзную дочери, сказала, «погибло, дочь, твое счастье и мое утѣшеніе» (Moskovit. Reise. Büsch. VIII, 272). Но есть иного рода извѣстіе, занесенное въ тогдашнія русскія лѣтописи: Борисъ съ семьею уѣхалъ къ Троицѣ, оставивши королевича подъ наблюденіемъ своихъ бояръ; но когда до него стали доходить слухи, что молодой королевичъ пріобрѣтаетъ большую любовь, Борисъ, до того сердечно расположенный къ Иоанну, сталъ ему завидовать: ему приходило въ голову, что такимъ образомъ москвичи послѣ его смерти могутъ избрать на престолъ его зятя, а не сына. Онъ сообщилъ свое опасеніе Семену Годунову. Тутъ заболѣлъ королевичъ. Доктора говорили Семену Годунову, завѣдывавшему аптекарскимъ приказомъ, что болѣзнь королевича излѣчима. Семень Годуновъ посмотрѣлъ на нихъ свирѣпо: изъ этого доктора уразумѣли, что царю вовсе не желательно, чтобъ королевичъ выздоровѣлъ (Лѣтоп. о мятеж. Никон. VIII, 50. Нов. лѣт. Времен. И. М. О. И. и Д. XVII, стр. 56). Это извѣстіе достопримѣчательно только въ томъ отношеніи, что показываетъ, какъ много было нелюбившихъ Бориса и какъ легко возникали всякаго рода клеветы на него и принимались съ довѣріемъ.

И такъ, два раза не удалось Борису выдать дочь свою за нарочно привлеченнаго иноземнаго принца. Еще до несчастнаго пріѣзда королевича датскаго, Борисъ, какъ кажется, намѣревался съискать для своей Ксеніи жениха между членами императорскаго дома Габсбурговъ. Сохранилось латинское письмо императора Рудольфа къ Борису, въ которомъ императоръ сообщаетъ московскому царю, что не можетъ отвѣчать на секретное сообщеніе царскаго посла Аванасія Власьева, не поговоривши съ своими братьями, но, поговоривши съ ними и узнавши ихъ расположеніе, будетъ отвѣчать или письменно или словесно чрезъ посла (Карамз. XI, прим. 82). Карамзинъ предполагаетъ, что тутъ дѣло шло о сватовствѣ, что Борисъ думалъ отдать Ксенію за одного изъ герцоговъ. Но это не имѣло никакихъ послѣдствій. И понятно. Никто изъ Габсбурговъ не рѣшился бы перемѣнять религіи. По смерти герцога Иоанна, Борисъ нашелъ болѣе умѣстнымъ найти для Ксеніи такого жениха, которому не нужно было бы перемѣнять вѣры. Въ Закавказьи было нѣсколько владѣтельныхъ особъ грузинскаго происхожденія, православнаго исповѣданія. У Карталинскаго князя Юрія была дочь Елена и молодой родственникъ, воспитанникъ матери Юрія, по имени Хозрой или Фозра. Елена годилась быть

супругою Ѳедора Борисовича, а Хозрой могъ быть женихомъ Ксеніи. Собственно Борисъ посылалъ просить руки одной Елены, женихомъ же Ксеніи предполагался другой грузинскій князекъ—Теймуразъ, иверскій царевичъ, но онъ оказался въ отсутствіи и князь Карталинскій самъ предложилъ послу Борисову, Михайлу Игнатьевичу Татищеву, замѣстить Теймураза Хозроемъ. Московскій посоль въ своемъ донесеніи царю такъ описываетъ и молодца и дѣвицу: «Хозрою отъ роду 23 года; онъ высокъ ростомъ и строенъ; лицо у него красивое и чистое, но смуглое, глаза свѣтлые, каріе, носъ съ горбиною, волосы темнорусые, усъ тонокъ, бороду уже брѣветъ, въ разговорахъ уменъ и рѣчистъ, знаетъ языкъ турецкій и грамоту турецкую, однимъ словомъ хорошъ, но не отличенъ; вѣроятно, что полюбится, но не вѣрно. Елена бѣла и еще нѣсколько бѣлится, глаза у нея черные, носъ небольшой, волосы крашеные, станомъ пряма, но слишкомъ тонка отъ молодости, ибо ей только 10 лѣтъ, а въ лицѣ не довольно полна. Отецъ вымѣрялъ ея ростъ деревцомъ и подаль мнѣ сію мѣрку, чтобы сличить съ данною отъ государя» (Карамз. XI, стр. 70). Изъ этого донесенія видно, что Борисъ, отправляя посла просить руки невѣсты для царевича, указывалъ заранѣе какого роста должна быть эта невѣста, словно дѣло шло о покупкѣ животнаго или дерева.

Сватовство это не имѣло послѣдствій; князь Карталинскій согласился на бракъ дѣтей своихъ, но Елену оставилъ у себя за ея малолѣтствомъ, а Хозроя отпустилъ съ Татищевымъ къ московскому царю. По причинѣ происшедшихъ тогда въ Закавказьѣ переворотовъ, Татищевъ оставилъ его въ Сонской землѣ, а самъ воротился въ Москву, уже въ царствованіе названнаго Димитрія. Въ то время, когда Татищевъ по царскому наказу отыскивалъ въ Закавказьѣ жениха и невѣсту для царскихъ дѣтей, Борисъ пробовалъ еще отыскать для Ксеніи жениха въ той же Даніи, откуда пріѣзжалъ ея умершій женихъ. Въ 1603 и 1604 годахъ были царскіе послы Михайло Глѣбовичъ Салтыковъ и дьякъ Аѳанасій Власьевъ у герцога Шлезвигскаго Іоанна и предлагали ему послать въ супруги для царевны Ксеніи одного изъ сыновей своихъ, которому царь Борисъ назначить особый удѣлъ въ своихъ владѣніяхъ. Герцогъ указалъ на третьяго изъ сыновей своихъ Филиппа. Состоялось согласіе. Послы уѣхали и съ тѣхъ поръ уже не было никакого отзыва изъ Московской державы объ этомъ дѣлѣ. Настали такія обстоятельства, при которыхъ царю Борису было уже не до исканія жениховъ (Карамз. XI, прим. 77).

Наступила великая смута, и совершилось страшное событіе 10-го іюня 1605 года, такъ мастерски изображенное кистью художника Константина Маковского. Царица Марья, вдова Бориса и сынъ ея Ѳедоръ были удушены, а народу объявлено было, что они сами себя отравили ядомъ: этому никто не повѣрилъ, такъ

какъ болѣе сотни лицъ и въ ихъ числѣ историкъ этой эпохи Петрей (Сказ. иностр. о Россіи, т. I, 175) видѣли явные слѣды удавленія веревками. А царевна «едва оживе» — замѣтилъ кратко, но тѣмъ не менѣе очень много сказавши этимъ, современный лѣтописецъ (Никон. VIII, 70).

По другому лѣтописному извѣстію, названный Димитрій самъ далъ тайное приказаніе умертвить царя Ѳедора Борисовича и мать его; «а дщерь повелѣлъ въ живыхъ оставить, дабы ему лѣпоты ея насладиться еже и бысь» (Времен. И. М. О. И. и Др. XVI, 29), хотя самъ показывалъ, будто это совершилось мимо его воли. Осиротѣвшая царевна взята была однимъ изъ губителей Борисова семейства, княземъ Рубецъ-Мосальскимъ, и содержалась у него въ домѣ, ожидая страшнаго дня, когда ее поведутъ на посрамленіе. Этотъ день пришелъ. Названный Димитрій установился въ Москвѣ; всѣ москвичи признали его царемъ; попытка Шуйскаго низвергнуть его въ первые же дни его воцаренія — не удалась, возвратилась изъ ссылки мать настоящаго царевича Димитрія и всенародно признала царя своимъ сыномъ, совершонъ былъ надъ нимъ обрядъ царскаго вѣнчанія, укрѣпившій его право въ глазахъ обрядолобивыхъ людей Московскаго Государства, и тутъ-то, по его приказанію, князь Рубецъ-Мосальскій привелъ къ нему во дворецъ бѣдную Ксенію. Вотъ это-то мгновеніе изобразилъ талантливый художникъ г. Невревъ въ своей картинѣ. Какой же день былъ ужаснѣе въ жизни злополучной царевны: тотъ ли, когда передъ ея глазами удавили ея мать и брата, или этотъ, когда ее привели къ названому Димитрію? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, нужно знать всю душу Ксеніи. Во всякомъ случаѣ трудно себѣ вообразить что нибудь унижительное и оскорбительное положенія женщины, отдаваемой на забаву тирану-сластолюбцу, котораго она считала убійцею своихъ дорогихъ родныхъ. И при томъ какой женщины? Той, для которой такъ недавно царствующій родитель отправлялъ до вѣранныхъ пословъ въ разныя страны искать жениха высокой крови!

Но это мгновеніе важно для исторіи еще и потому, что оно болѣе всего помогаетъ намъ разгадать, чтѣ за существо былъ этотъ названный Димитрій, этотъ по истинѣ сфинксъ русской исторіи.

Бываютъ личности, умѣющія такъ искусно личиною добродѣтели прикрывать свои внутреннія порочныя наклонности и побужденія, что невольно привлекаютъ къ себѣ и располагаютъ составить о нихъ такое мнѣніе, какое не составилось бы тогда, когда мы знали бы ихъ поглубже. Одною изъ такихъ личностей въ исторіи представляется названный Димитрій. Въ немъ замѣчается столько благородныхъ и свѣтлыхъ чертъ прямоты, искренности, великодушія, что при изученіи его судьбы не одного изъ насъ волновала мысль: не могъ онъ быть сознательный обманщикъ! Подъ влия-

ніемъ такого воззрѣнія иные готовы были признавать его за дѣйствительнаго царевича Димитрія, которымъ онъ себя называлъ; другіе же, соображая, что онъ никакъ не могъ быть тѣмъ, кого уже давно не было на свѣтѣ, останавливались на томъ предположеніи, что если онъ на самомъ дѣлѣ не былъ тѣмъ, за кого себя выдавалъ, то по крайней мѣрѣ былъ самъ въ томъ увѣренъ, потому что еще въ дѣтствѣ его настроили другіе въ этомъ убѣжденіи. Къ такому взгляду склонялся и покойный С. М. Соловьевъ, историкъ въ высшей степени трезвый въ своихъ сужденіяхъ и осторожный въ заключеніяхъ. Но обратимъ вниманіе на поступокъ его съ Ксенією: это такой поступокъ, въ которомъ онъ видѣнъ весь насквозь—и тутъ невольно склоняемся мы къ тому, что всѣ качества такъ подкупающія насъ въ его пользу, не болѣе какъ блестящая мишура. И мы когда-то, подкупленные этими качествами, долго хотѣли, чтобъ этотъ поступокъ не имѣлъ исторической достовѣрности и могъ быть отнесенъ къ разряду тѣхъ пятенъ, которыя въ такомъ изобиліи наложили на него, названаго Димитрія, монахи, и несостоятельность которыхъ легко изобличается исторической критикой. Къ сожалѣнію, здѣсь обѣлить эту личность невозможно. Не только русскіе, но также иноземные современники, не имѣвшіе повода чернить названаго Димитрія, говорятъ положительно, что онъ приказалъ доставить къ себѣ Ксенію Годунову и, противъ ея воли, продержавши у себя наложницею, сослалъ въ монастырь. Всего важнѣе въ этомъ вопросѣ письмо будущаго тестя его Юрія Мнишка: «Есть, писалъ онъ, у вашей царской милости непріатели, которые распространяютъ о поведеніи вашемъ молву; хотя у болѣе разсудительныхъ эти слухи не имѣютъ мѣста, но я, отдавши вашему величеству сердце и любя васъ какъ сына, дарованнаго мнѣ отъ Бога, прошу ваше величество остерегаться всякихъ поводовъ, и такъ какъ дѣвица, дочь Бориса Годунова, живетъ вблизи васъ, то по моему и благо-разумныхъ людей совѣту, постарайтесь ее удалить и отослать подалѣе» (Собр. госуд. грам. и догов. II, 243). Жившій въ то время въ Москвѣ голландецъ Исаакъ Масса на счетъ Ксеніи (Русс. перев. стр. 171), сообщаетъ, кромѣ того, о сношеніяхъ названаго Димитрія съ другими особами женскаго пола въ чрезвычайно циническомъ видѣ (*ibid.* 172).

Ксенія жила во дворцѣ названаго Димитрія нѣсколько мѣсяцевъ. Намъ неизвѣстенъ способъ обращенія съ нею въ то время. Послѣ письма Мнишка, писаннаго 25-го декабря 1605 года, въ началѣ слѣдующаго 1606 года бѣдную сироту отвезли для постриженія въ монастырь, но въ какой именно, о томъ просходитъ разнорѣчіе: по однимъ во Владимирскій, по другимъ въ Кириловскій, (Никон. лѣт. VIII, 70.—Масса, русс. перев. 171) или точнѣе въ Горицкій женскій близъ мужскаго Кириловскаго. Думаютъ согласить это разнорѣчіе такъ, что Димитрій отправилъ ее въ Горицкій, а

Василій Шуйскій, по своемъ воцареніи, перевелъ ее во Владимірскій Княгининъ монастырь.

Царь Василій Шуйскій устроилъ торжественное перенесеніе праха Годуновыхъ изъ убогаго Варсонофьева монастыря въ Троицкій Сергіевъ. Когда двадцать монаховъ несли гробъ царя Бориса, а двадцать бояръ и думныхъ людей гробы Маріи и Ѳедора Борисовича къ Троицкимъ воротамъ, за погребальнымъ шествіемъ ѣхала въ закрытыхъ саняхъ Ксенія, постриженная съ именемъ Ольги, и горько вопила, такъ что народъ слышалъ ея причитанія: «Горько мнѣ бѣдной сиротѣ. Злодѣй воръ, что назвался ложно Димитріемъ, погубилъ моего батюшку, мою сердечную матушку, моего милаго братца, весь родъ нашъ заѣлъ! И самъ пропасть, и при животѣ своемъ надѣлалъ бѣдъ Русской землѣ и по смерти продолжаетъ. Господи! осуди его, накажи его!» (Buss. Chronic. 69). Тогда же носились слухи о явленіи новыхъ обманщиковъ, взявшихъ на себя продолжать дѣло перваго названаго Димитрія, тогда уже убитаго, и этимъ объясняются слова Ксеніи, что онъ и по смерти продолжаетъ дѣлать зло Русской землѣ.

Въ 1609 году, мы видимъ старицу Ольгу, бывшую въ мірѣ Ксенію Годунову, въ Троицко-Сергіевомъ монастырѣ. Думаютъ объяснить ея появленіе тѣмъ, что она прибыла туда для поминовенія родителей и была застигнута осадкою отъ полчищъ Сапѣги и Лисовскаго. Въ Актахъ Историческихъ (т. XI, стр. 212—213) напечатано письмо ея къ теткѣ княгинѣ Домнѣ Богдановнѣ Ноготковой. Эта тетка была дочь Богдана Юрьевича Сабурова, сестра Евдокіи Богдановны, одной изъ женъ царевича Ивана, старшаго сына царя Ивана Васильевича Грознаго. Пишущая, называя себя «дочь Бориса Ѳедоровича», но неозначая своего имени, извѣщаетъ, что она: «и я у Живоначалныя Троицы въ осадѣ марта по 29-й день въ своихъ бѣдахъ чуть жива, конечно болна со всѣми старицами; и впредь, государыня, никако не чаемъ себѣ живота, съ часу на часъ ожидаемъ смерти, потому что у насъ въ осадѣ шатость и измѣна великая. Да у насъ же за грѣхъ за нашъ моровая повѣтрея, всякихъ людей изняли скорби великія смертныя, на всякой день хоронятъ мертвыхъ челоуѣкъ по двадцати и по тридцати и болши, а которые люди пося мѣсто ходятъ, и тѣ собою не владѣютъ, всѣ обезножѣли. Да пожалуй отпиши ко мнѣ про московское житье, про все подлинно, а язъ тебѣ, государынѣ своей, много челоуѣкъ бью» (А. И., II, стр. 212).

Рядомъ съ этимъ письмомъ инокини Ольги, въ Актахъ Историческихъ помѣщено письмо ея служительницы Соломоніи Ржевской къ своей матери Ѳеофаніи Ржевской на Новомонастырскомъ дворѣ. Она пишетъ: «я, государыня матушка, жива послѣ Петрова дни недѣлю, а нѣту мнѣ, государыня матушка, здѣся никоторыя нужи, Ольги Борисовны милостью». Далѣе — она

разсказываетъ о приступѣ непріятелей, бывшемъ наканунѣ Петрова дня, но не причинившемъ большого вреда монастырю, — жалуется, что мать не писала къ ней отъ Великаго мясоѣда до Петровыхъ заговѣнъ, спрашиваетъ: есть ли у матери «жоначка или дѣвка», проситъ передать Макарію Карякину, что Ѳедоръ Карьцовъ живъ, а Кашпировъ сынъ Димитрій умеръ, и Ольга Борисовна пожаловала рубль на похороны, а то было съхоронить нечѣмъ. Въ заключеніе, Соломонія извѣщаетъ мать, что у нихъ въ монастырѣ свирѣпствовавшій моръ унялся, «а не осталось людей ни трети».

Вмѣстѣ съ дочерью бывшаго царя Бориса, у Троицы въ осадѣ находилась тогда другая особа стараго царственнаго рода, Марья Владимировна, племянница царя Ивана Васильевича Грознаго, вдова Магнуса, короля ливонскаго, продолжавшая и въ иноческомъ званіи носить прозвище королевы ливонской. Старцы монастырскіе обвиняли ее въ измѣнѣ, она же посылала извѣтъ на своихъ недоброжелателей (А. И., II, 286). Это совпадало съ возникшею ссорой между собою двухъ царскихъ воеводъ, защищавшихъ Троицко-Сергіевскій монастырь, княземъ Долгоруковымъ-Роцкою и Алексѣемъ Голохвастовымъ. Не видно, чтобы дочь Бориса вмѣшивалась въ эти дразги, хотя въ письмѣ къ теткѣ, приведенномъ выше, дѣлается намекъ на шатость и измѣну въ осажденномъ монастырѣ.

По освобожденіи Троицко-Сергіевскаго монастыря отъ осады, находившіяся тамъ инокини изъ Владимира не поѣхали въ свой монастырь, быть можетъ оттого, что въ то смутное время трудно и не безопасно было туда поѣхать. Онѣ послѣ того очутились въ Московскомъ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Этотъ монастырь находился во власти боярѣ, сидѣвшихъ въ Кремлѣ вмѣстѣ съ поляками и присягнувшихъ королевичу Владиславу. Для охраненія монастыря помѣщено было въ немъ четыреста польскихъ казаковъ и двѣсти нѣмцевъ. Въ началѣ августа 1611 года, казаки Заруцкаго, стоявшіе подъ разоренною Москвою и воевавшіе противъ поляковъ, взяли приступомъ Новодѣвичій монастырь. Бояре, сидѣвшіе въ Кремлѣ и составлявшіе верховное правительство отъ имени царя Владислава, въ январѣ 1612 года, разослали окружную грамоту, и въ ней говорилось такъ: «какъ въ Новомъ девичьемъ монастыре сидѣли ратные люди отъ насъ с Москвы, и они церковь Божию соблюдали что свое око, а какъ Ивашко Заруцкой с товарищи Дѣвичь монастырь взяли, и они церковь Божию разорили и образы обдирали и кололи поганскимъ обычаемъ, и черницъ королеву княжъ Владимирову дочь Андрѣевича и царя Борисову дочь Ольгу, на которыхъ прежь сего и зрѣти не смѣли, ограбили до-нага, и иныхъ бѣдныхъ черницъ и дѣвицъ грабили и на блудъ имали, а какъ пошли изъ монастыря, и они и досталь погубили,

и церковь и монастырь выжгли» (Собр. госуд. грам. и догов., II, 585).

Всѣхъ монахинь, находившихся въ Новодѣвичьемъ монастырѣ временно изъ Владимирскаго княгинина монастыря отправили обратно въ ихъ монастырь. Тогда и злополучная дочь Бориса Годунова, претерпѣвшая это новое, но уже послѣднее надъ собою поруганіе, была возвращена во Владимирь, и съ тѣхъ поръ объ ней нигдѣ нѣтъ помина до 1622 года. Въ этомъ году, 30-го августа, прекратились всѣ ея страданія на 41 году ея возраста. Передъ смертью она изъявила желаніе, чтобъ тѣло ея было погребено вмѣстѣ съ прахомъ ея родителей. Сохранился отрывокъ безъ конца грамоты царя Михаила Ѳедоровича суздальскому и торусскому архіепископу Арсенію, въ которой говорится: «Вѣдомо намъ учинилося, что царя Бориса Ѳедоровича дочери царевны старицы Ольги не стало, а по обѣщанію де своему, отходя отъ свѣта, приказала намъ бить челомъ, чтобъ намъ пожаловати тѣло ея велѣти погresti у Новоначальной Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ съ отцомъ ея и съ матерью вмѣстѣ. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ, богомолецъ нашъ, да съ тобою ахримандритъ Спаской Еуфиміева монастыря, по нашему указу и по грамотѣ отца нашего великаго государя святѣйшаго патріарха Филарета Московскаго... (А. А. Э. III, 176).

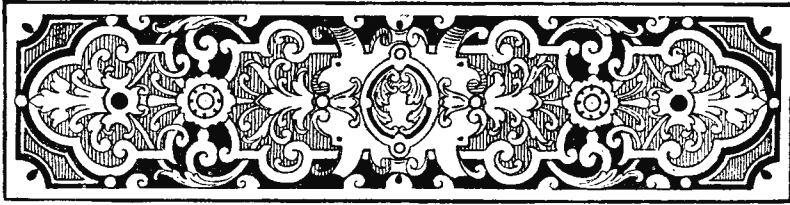
Здѣсь царская грамота прерывается, но смыслъ того, что заключалось въ утраченномъ концѣ ея, очевиденъ самъ собою: царь указывалъ поступить согласно желанію почившей.

Прахъ злосчастной царевны былъ привезенъ по назначенію и преданъ землѣ рядомъ съ прахомъ ея родныхъ въ трапезной паперти Успенскаго собора Троицко-Сергіевскаго монастыря. Эта паперть была сломана въ 1781 году, а надъ могилою семейства Годуновыхъ воздвигли каменную палату, существующую и въ наше время близъ входа въ Успенскую церковь.

Тамъ покоится прахъ страдальцы, пережившей своихъ родныхъ, свидѣтельница ужаснѣйшихъ дней въ жизни русскаго народа и разомъ съ нимъ испившей горькую долю сиротства и всякаго рода посрамленій и поруганій. Много трогательнаго и привлекательнаго въ этой давно уже отшедшей въ вѣчность личности, невинной жертвѣ преступленій своихъ предковъ. Русскій народъ воспоминаетъ о ней въ своихъ пѣсняхъ; почтили память ея несчастій русскіе художники; коснулся ея, хотя вскользь, но достойно своего поэтическаго гения, и великій русскій поэтъ въ своемъ «Борисѣ Годуновѣ».

Н. Костомаровъ.

СОЦИАЛИСТЪ ПРОШЛАГО ВѢКА.

Историческая повѣсть ¹⁾.

I.

На крейсерѣ.

«Въ шестьдесятъ лѣтъ всѣ расколы исчезнутъ. Сколь скоро заведутся и утвердятся народныя школы, то невѣжество истребится само собою. Тутъ насиліе ненадобно».

Екатерина II (Дневникъ Храповицкаго).

О ТЕМНО-БИРЮЗОВОЙ глади Чернаго моря, отъ кавказскаго берега къ крымскому, медленно двигался парусный военный фрегатъ.

Это было еще тогда, когда о возможности двигаться по водѣ иначе какъ при помощи парусовъ или весель умъ человѣческій еще не загадывалъ:—это было въ 77-мъ году прошлаго столѣтія.

Тихій весенній вѣтерокъ, ласково повѣвавшій со стороны кавказскихъ горъ, чуть-чуть надувалъ бѣлые паруса фрегата, которому, казалось, никогда не суждено переплыть эту безконечную темно-бирюзовую равнину. Кругомъ—подавляющее однообразіе. На

¹⁾ Матерьялами для этой повѣсти послужили документы, извлеченные изъ государственнаго архива проф. В. И. Ламанскимъ и напечатанные имъ въ первомъ томѣ «Памятниковъ новой русской исторіи».

голубомъ небѣ ни облачка. На морѣ—хоть бы парусъ заблѣлся гдѣ, хоть бы темная точка показалась на горизонтѣ. Только дельфины, которымъ, казалось, тоже наскучило это однообразіе, то тамъ, то здѣсь, выставляли изъ воды свои темныя изогнутыя спины и, словно по командѣ, кувыркались опять въ море.

На фрегатѣ почти незамѣтно было движенія. Матросы, за нимѣніемъ работы, почти всѣ расположились въ передней части судна, и только болѣе копотливые, да вахтенные, неторопливо возились у своихъ мѣсть — кто у снастей, кто у руля. Около офицерскихъ каютъ, въ тѣни, подъ тентою, на складныхъ табуретахъ сидѣло нѣсколько молодыхъ офицеровъ—кто курилъ и молчалъ, кто изрѣдка перекидывался словами то съ тѣмъ, то съ другимъ товарищемъ.

— А и скучна, господа, эта крейсерская служба, говорилъ бѣлокурый съ голубыми глазами офицерикъ, задумчиво поглядывая на море.

— Что говорить!—тоска порядочная, лѣниво, какъ бы нехотя, отвѣчалъ другой темнолицый и сѣроглазый, ни на кого не глядя.

— Тосчица—мало тоска!—Точно бѣлка въ колесѣ:—отъ Кафы къ Суджукъ-Кале, отъ Суджукъ-Кале опять къ Кафѣ... Ужъ и дельфины надобли...

— А тебѣ бы въ баталію сейчасъ... Чесменскимъ героємъ сразу бы стать...

— Не героємъ... А вотъ хоть бы какъ Евдокимъ Михайловичъ—счастливецъ! чего онъ не видѣлъ!

— Успѣешь еще... Да что вы все молчите, Евдокимъ Михайловичъ! Хоть бы рассказали, какъ вы мыкались по всѣмъ морямъ, что народу перевидали... А?

Тотъ, къ кому относились эти слова, сидѣлъ немножко поодаль и задумчиво глядѣлъ въ даль, медленно пуская дымокъ изъ коротенькаго чубука. Это былъ мужчина лѣтъ за тридцать, худощавый, сильно загорѣлый брюнетъ съ добрыми задумчивыми глазами. Въ этихъ глазахъ, какъ и въ кроткой улыбкѣ, было, казалось, что-то свое, особенное, что никому не высказывалось и о чемъ, казалось, постоянно думалось.

Когда его обlickнули товарищи, онъ улыбнулся своею доброю, загадочною улыбкою, но ничего не отвѣчалъ.

— А?—много видали?

— А загаръ-то у васъ на лицѣ почище нашего.

— Да, отвѣчалъ тотъ, къ кому обращались:—я всякаго солнца извѣдалъ—и южнаго и сѣвернаго.

— Да также восточнаго и западнаго, засмѣялся голубоглазый, сверкнувъ своими бѣлыми зубами:—счастливецъ вы!

Тотъ, къ кому относились эти слова, молча и съ улыбкой пожалъ плечами.

— А въ сколькихъ кампаніяхъ вы, Евдокимъ Михайловичъ, участвовали? спросилъ другой офицеръ.

— Въ тринадцать.

— Какъ разъ чортова дюжина! засмѣялся первый.

— А въ архипелажской экспедиціи находились? спросилъ второй.

— Находился... Что за рай земной этотъ Архипелагъ, эти Циклады и Спорады!.. А все дома, на Окѣ, лучше.

Ему вспомнилось, что въ карманѣ у него, на груди, письмо... Онъ невольно оцупалъ грудь... Да, тутъ... И ему мучительно захотѣлось домой—туда, далеко, на берегъ родной Оки...

«Я жду тебя—жду... Я Богу молюсь, морю молюсь: отдай мнѣ его, сине море»...

Онъ глянулъ на море—оно было больше чѣмъ синее. Только недалеко, на небольшомъ пространствѣ, оно казалось совсѣмъ чернымъ, точно кто окрасилъ его въ этомъ мѣстѣ самою густою тушью:—это по небу плыло маленькое, одинокое облачко и тѣнь отъ него ложилась такимъ чернымъ пятномъ на бирюзовое море...

«Отдай мнѣ его, сине море»... Нѣтъ, пока еще не отдаетъ—крѣпко держать... А такъ ли тамъ, надъ Окою, какъ тогда, шепчется съ весеннимъ вѣтеркомъ кудрявая береза?.. Не то она шепталась, не то мы... Нѣтъ—мы... Это не береза нашептывала мнѣ, не ея то былъ голосъ: «возьми меня, милый, за синее море, возьми съ собой»...

— О чемъ это вы опять задумались, Евдокимъ Михайловичъ?

— А!—Что такое?

— О чемъ задумались? приставалъ блондинъ.

— Да такъ... ни о чемъ собственно...

— О далекихъ моряхъ?—о своихъ экспедиціяхъ?

— Да, пожалуй...

— А расскажите намъ пожалуйста, гдѣ вы бывали?—Вотъ ужъ сколько мы съ вами въ морѣ, а вы намъ до сей поры не рассказали о своихъ морскихъ странствіяхъ... Вспомните старину—расскажите... Можетъ и на насъ повѣсть вѣтеркомъ съ далекихъ морей да океановъ.

— Да, въ самомъ дѣлѣ—расскажите, Евдокимъ Михайловичъ, просилъ и другой офицеръ.

— Право—разгоните тоску и свою и нашу... Вы видимо о чемъ-то тоскуете.

Туманъ, туманъ по долинѣ,
Широкой листъ на ялинѣ,
А ще ширшій на дубочку,
Новяль голубъ голубочку,
Да не свою, а чужую...

Это тянулъ тихо, заунывно, какой-то матросикъ, забившись промежду снастей.

— Что воешь?—али подыхать собрался?
 — Это онъ обь своей Марусѣ...
 — Ишь панихиду тянеть—со святыми упокой, шутили другіе матросы:—и языкъ-то у хохла суконный, и пѣсня-то суконна.
 — Что жь, Евдокимъ Михайловичъ,—разскажете?
 — Что жь вамъ разсказать? спросилъ онъ.
 — Да всю вашу морскую жизнь... Вспомните все...
 — Хорошо—такъ и быть... Вспоминать—значить переживать...
 Попробую пережить опять мое прошлое, побывать съ вами въ далекихъ моряхъ...

— И разчудесно!—давно бы пора.
 — Отлично!—мы слушаемъ.
 — Да вся суть-то, господа, не долга — исторійка невеличка — мыканье какъ мыканье, да въ душѣ-то за все мыканье много перебивало: и камушки-то самоцвѣтные въ душѣ свѣтились, а порой и жорновомъ осельнымъ сердце-то приваливало, какъ тамъ, помните, что привалиша камень съ кустодією. Всего въ душѣ перебивало... Спервоначалу-то, еще мальцомъ когда былъ, гардемариномъ, такъ все больше нудили лѣтомъ по чухонскому океану—то около Кронштадта, то у Ревеля толчемся. Испыталъ я и эту морскую болѣсть, а потомъ обтерпѣлся. А молодая-то душа все вдаль рвалась: крылья-то ужъ Господь Богъ далъ ей могучія—непосѣда душа человѣческая, все едино что вотъ у васъ...

Онъ кивнулъ голубоглазому блондину, который жадно слушалъ.

— Крылья — и летѣ-летѣ на крилу вѣтренюю, улыбнулся смуглый.

— Да, точно,—жаденъ духъ человѣческой—все ищеть, все рыщеть по свѣту, пока въ могилку не заглянеть... Ну-съ, государи мои, плескались мы сначала у родныхъ береговъ, а какъ доплескался я до мичмановъ, такъ и выпустили изъ клѣтки—лети, душа!.. Сначала вышли мы въ свое пока море—до Копенгагена... И то такъ и ѣлъ глазами все невиданное:—и солнце-то, кажись, не такъ ходить, и люди-то не такъ созданы... Да это что! простора еще не было... А тамъ—дальше да больше, больше да шире—и до Портсмута добрались, и весь этотъ «туманный Альбіонъ» очами поѣдалъ, и съ Цезаремъ, кажись, да съ его легіонами блуждалъ по этимъ сѣрымъ берегамъ... А тутъ ужъ, понимаете, государи мои, самъ сѣдой старецъ, его величество океанъ, на васъ дышетъ величіемъ божіимъ... Я, дуракъ, упалъ на колѣни передъ нимъ — заплакалъ отъ счастья — слезы только капъ-капъ-капъ... Слышу, божеская грудь на меня, на ничтожнаго мичманишку, дышетъ, великая грудь... А Алексѣй Григорьичъ Орловъ увидалъ меня въ такомъ блаженномъ оцѣненіи да и улыбается: «что, говоритъ, Кравковъ, пробрало?...» И точно я будто бы самъ выросъ на сѣ-

дыхъ гривахъ этого великана — точно я выше сталъ, въ груди силы прибыло—самъ чуялъ, какъ крылья въ душѣ вырастаютъ...

— Ну, и что жъ дальше?—Въ океанѣ...

— Въ океанѣ, сударь мой, я точно выросъ — въ лейтенанты меня произвели... Ну, и полетѣли мы дальше по сѣдому океану: Франція, Испанія, Португалія — все это я топталъ вотъ этими ногами, вспоминая подчасъ мою далекую Оку, мою скромную деревеньку и усадьбуку...

Онъ разомъ замолчалъ и задумался... Ему, казалось, слышался голосъ: «я морю молось: отдай мнѣ его, сине море»!..

— Франція, Испанія, Португалія, повторялъ его слова безпкойный блондинъ:—а тамъ—дальше?

— Не выдержалъ! какъ-то глухо произнесъ разскащикъ.

— Чего не выдержали, Евдокимъ Михайловичъ?

— Душа не выдержала, тѣло не выдержало души—перелилась чаша черезъ край—я занемогъ...

— Чѣмъ?

— Объялся, обожрался.. Не я, не тѣло объялось, а духъ мой: ужъ больно жадно духъ мой пожиралъ новыя впечатлѣнія... Въ Италиі уже, въ Ливорно, я слегъ...

— Чтожъ съ вами было?

— Не знаю, голубчикъ,—горячка что ли, только когда я началъ оправляться, такъ Орловъ велѣлъ меня отправить въ Питеръ уже по сухопутью.—Это было въ маѣ 1771 года. А въ слѣдующемъ году я ужъ опять мыкался по морямъ, да не по южнымъ, не подъ жаркимъ солнцемъ Италиі, а подъ солнцемъ Ледовитаго океана. Что за угрюмое море, государи мои! — и какъ величественно непривѣтливо!.. Изъ Архангельска я обогнулъ Нордкапъ. Среди этого Ледовитаго чорта можно съ ума сойти! — представьте только въ своемъ воображеніи: плывете вы день, плывете другой, третій, четвертый,—а солнце все не заходитъ — все вертится какъ опалѣлое кругомъ, съ утра до вечера, съ вечера до утра, все плаваетъ этотъ страшный огненный шаръ надъ горизонтомъ и не тонетъ въ морѣ... Страшно становится подъ конецъ! хочется уйти, спрятаться отъ этого обезумѣвшаго небеснаго свѣтила—думается, что оно сбилось съ своего пути, потеряло ночь и не можетъ найти ее—просишь у Бога ночи—нѣтъ, нейдетъ ночь... Изобразите себѣ въ мысляхъ эту картину: солнце потеряло свой закатъ, солнце свѣтитъ не оттуда, откуда оно свѣтило вамъ всю жизнь — съ востока, съ юга, съ запада — нѣтъ! оно свѣтитъ съ сѣвера и тѣнь вапу посылаетъ на югъ... Отъ этого вида точно и мозги-то ваши опрокидываются. Обезумѣло, какъ есть обезумѣло солнце!—Я самъ чуть не обезумѣлъ — я не могъ спать—я началъ было пить съ тоски—я просилъ ночи, тьмы, а тьма пропала...

— А матросы что? весь красный от волненія спросилъ голу-боглазый.

— Что матросы!—Говорятъ: вотъ благодать! кабы-де да у насъ въ деревнѣ такъ весь годъ свѣтло было, такъ и лучины бы не надо было запасать.

— Молодцы матросики!—Вотъ философы! засмѣялись оба офицера.

— Да, только они и отраду давали: послушаешь это, какъ они на-счетъ солнца-то острятъ да выгадываютъ, ну—и полегчаетъ на душѣ... Солнушко, говорятъ, съ пьяну съ дороги сбилось—дверей не найдеть—и шатается по небу... Кита, говорятъ, спужалось — боится въ воду окунуться...

— Ну, а какъ вы оттуда выбрались?

— Кругомъ—мимо Гиммерфеста, да сторонкой отъ гольфстрема и обогнули всю Норвегію и Швецію, да опять въ чухонское море—въ Ревель.

— А какъ же вы попали въ Архипелагъ?

— Это послѣ. Это я потомъ назначенъ былъ въ эскадру контръ-адмирала Самойлы Карлыча Грейга. Такъ ужъ съ нимъ мы ходили до Копенгагена сначала, а оттуда въ Портсмуть, а далѣе — опять въ Средиземное море, къ Ливорнѣ, а ужъ оттуда въ Архипелагъ.

— Что-жъ вы тамъ дѣлали?

— Да все крейсировали, какъ и здѣсь,—турецкіе корабли ловили.

— А много изловили?

— Не мало... Больше все топить приходилось... Тамъ меня и въ капитанъ-лейтенанты произвели...

Течетъ рѣчка лозоньками,

Плачетъ дѣвка слезоньками, —

тянулъ за душу все тотъ же унылый, однообразный голосъ.

— Это Маруська-то что-ль плакалась?

— Маруська, знамо, все по ёмъ...

— Ваше благородіе! ваше благородіе! точно изъ земли выросъ матросикъ.

— Что ты? тревожно спросили офицеры.

— Кажись турка крадѣтца...

— Гдѣ? гдѣ видишь?

— Вонъ тамotka... во-во, должно къ Анапу улепетываетъ...

На фрегатѣ все зашевелилось. Раздалась команда. Заскрипѣли блоки, снасти. Матросы словно кошки разсѣялись по реямъ. Заходили паруса точно живые, надулись Богъ-вѣсть откуда взявшимися вѣтромъ... Точно само море проснулось...

— Ну вотъ, скучали безъ работы — вотъ и работа будетъ, на ходу бросилъ словами Кравковъ своимъ собесѣдникамъ, быстро, отрывисто отдавая приказанія.

- Живо — готовь фитили! осмотрѣть запалы!
 — Вотъ тѣ и Маруська...
 — Лѣвѣй, лѣвѣй, чортъ!

Фрегатъ накренился, сдѣлалъ полуоборотъ и на всѣхъ парусахъ полетѣлъ къ Анапѣ.

II.

На родинѣ.

Въ ясный, лѣтній вечеръ, когда солнце опускалось уже на темныя игольчатыя вершины сосенъ и елей, обывательская тройка, мѣрно позвякивая колокольчикомъ, тихою рысцою катила по извилистому проселку, постукивая о сухую землю нешинованными колесами простой извозчичьей телѣги. Проселокъ извивался вдоль Оки по направленію къ Гороховцу.

На облучѣ сидѣлъ ямщикъ въ синей посконной рубахѣ и въ шляпѣ гречушникомъ, и какъ бы для очищенья совѣсти постоянно махалъ надъ лошадиными крупами обдерганнымъ кнутикомъ, сопровождая эти помахиванья эпическими, лѣвными и ему и лошадымъ прискучившими возгласами: «но-но, боговы! съ горки на горку—дасть баринъ на водку... но-но, пошаливай!»—хотя флегматическія лошадки и не думали шалить.

— Трогай-трогай! понукалъ, въ свою очередь, сидѣвшій въ телегѣ «баринъ»:—ужь не далеко осталось.

— Но-но, погромыхивай, боговы! не далече — помахивай!

Сидѣвшій въ телѣгѣ «баринъ» былъ Кравковъ, Евдокимъ Михайловичъ, тотъ самый загорѣлый капитанъ-лейтенантъ, котораго мы видѣли на Черномъ морѣ и который рассказывалъ о своихъ далекихъ скитаніяхъ двумъ молодымъ морячкамъ мичманамъ.

Кравкову, не богатому, но даровитому отъ природы юношѣ, съ самой школьной скамьи молодая жизнь улыбалась. Умный отецъ его, мелкопомѣстный дворянинъ Владимірскаго намѣстничества, служившій въ гвардіи и вышедшій въ отставку съ небольшимъ чиномъ, замѣтивъ способности «востроглазаго Евдоши», порѣшилъ, что онъ умомъ и знаніемъ долженъ завоевать свое счастье, и отдалъ его въ морской кадетскій корпусъ. «Не даромъ Великій Петръ любилъ море—въ морѣ сила, моремъ свѣтъ держится: — пусть же мой Евдоша хлебнетъ изъ этого ковша, какъ Илья Муромецъ, и наберется силы», часто говаривалъ онъ про своего бойкаго сынишку. И Евдоша не обманулъ ожиданій отца:—изъ Евдоши вышелъ способный морякъ, хотя, когда онъ уже мичманомъ явился на родину, некому было на него порадоваться. Онъ нашелъ въ

своей деревенькѣ только двѣ могилки — отца и матери, да зеленѣющую надъ ними кудрявую березку.

Поплакавъ подъ этой березкой, онъ опять воротился къ своему морю, которое, какъ поэтъ въ душѣ и мечтатель, любилъ больше всего на свѣтѣ. И вотъ, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, начались его мыканья по синимъ, по зеленымъ и по фіолетовымъ волнамъ океана. Всѣ товарищи любили Кравкова, какъ задушевнаго, честнаго до мозга костей и въ высшей степени симпатичнаго человѣка, пылкаго фантазера и хорошаго собесѣдника. Начальство отличало его передъ всѣми какъ способнаго моряка, хотя и косилось на него за одну его, съ ихъ точки зрѣнія, слабость—за гордость, холодность отношеній къ высшимъ, за самостоятельность убѣжденій. Онъ никогда не заискивалъ въ начальствѣ, не забѣгалъ впередъ, не умѣлъ мило льстить, изловчаться. Когда даже всесильный Орловъ трепалъ его любезно по плечу, онъ какъ будто хмурился. «Я не теленокъ, чтобъ меня гладили», говорилъ онъ при этомъ товарищамъ. Онъ много читалъ. Мыкаясь по свѣту, онъ доставалъ въ Европѣ такія книги, какихъ въ Россіи достать было не легко. Руссо съ его философіею природы былъ его любимымъ писателемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ глубоко любилъ высокую, чарующую своей простотою, поэзію Евангелія, и оно вмѣстѣ съ Руссо составляло его настольную книгу.

Въ поэзіи моря, какъ и въ поэзіи Евангелія, онъ видѣлъ идеалы своей жизни, и другихъ идеаловъ онъ не искалъ бы, кажется, со всѣмъ, если бы въ его отзывчивое сердце не заронилъ луча живой, реальный идеалъ съ плотью и кровью и съ прелестными сѣрыми глазами.

Когда видъ могучаго океана въ первый разъ произвелъ на его душу потрясающее впечатлѣніе и когда подъ тяжестью своихъ собственныхъ страстныхъ порывовъ его нервы не выдержали и онъ слегъ въ Ливорно, откуда Орловъ и отправилъ его для поправленія здоровья на родину,—онъ въ своей гороховецкой вотчинкѣ встрѣтился съ тѣмъ реальнымъ идеаломъ съ сѣрыми глазами, который и занялъ въ его душѣ мѣсто рядомъ съ поэзіею палестинскихъ рыбаей. Это была дочь его сосѣда, богатаго барина, масона и «волтеріанца»—шаловливая Катя, выросшая на полной свободѣ какъ лѣсная бѣлка и какъ бѣлка подвижная и стремительная. Катя полюбила загорѣлаго моряка, котораго она слушала съ замираніемъ сердца, когда онъ рассказывалъ ей отцу о своихъ скитаніяхъ по голубымъ и фіолетовымъ морямъ. Влюбленные поклялись принадлежать другъ другу во что-бы то ни стало. Но такъ-какъ Катя хорошо знала характеръ своего упрямаго отца, который не разъ высказывалъ, что скорѣе застрѣлитъ свою любимицу дочь какъ бѣлку чѣмъ позволить ей унизить свой родъ—выйти за какую-нибудь «мелкую сошку»,—то молодые люди и

порѣшили выждать совершеннолѣтія Кати, чтобъ потомъ, не нарушая ни гражданскихъ законовъ, ни законовъ приличія, соединиться уже на вѣки.

Только не такъ вышло, какъ имъ мечталось.

Во время послѣдней крейсировки на Черномъ морѣ, Кравковъ получилъ извѣстіе, что его невѣсту самодуръ отецъ хочетъ насильно отдать замужъ за богатое и титулованное ничтожество. Возвратившійся изъ Владиміра въ азовскую флотилію, бывшій въ отпуску, лейтенантъ, пріятель Кравкова, привезъ ему письмо, въ которомъ невѣста умоляла его немедленно пріѣхать: «и мое и твое счастье на волоскѣ» писала она между прочимъ:—«а если ты не пріѣдешь, то мнѣ остается только въ Оку броситься».

Кравковъ тотчасъ же подалъ въ отставку и при прошеніи представилъ свидѣтельство врачей о болѣзни, а самъ поскакалъ въ Петербургъ—лично хлопотать и объ отставкѣ, и о пенсіи.

Въ адмиралтействъ-коллегіи все сдѣлали быстро и на докладъ коллегіи послѣдовала высочайшая резолюція о выдачѣ Кравкову пансіона.

Но тутъ-то и начались тѣ мытарства, та всероссійская правда, которая губить мелкія и честныя единицы ради интересовъ крупныхъ государственныхъ паразитовъ. Не смотря на высочайшую резолюцію, графъ Чернышовъ Иванъ Григорьевичъ, вице-президентъ адмиралтействъ-коллегіи, рѣшительно отказалъ выдать Кравкову пенсію.

— Нѣтъ у насъ, государь мой, пенсіонной для васъ суммы! рѣзко сказалъ онъ Кравкову при всѣхъ просителяхъ:—мы обязаны оберегать интересы ея императорскаго величества.

Кравковъ очень хорошо зналъ, какъ этотъ господинъ оберегалъ интересы государства. Моряки его не иначе называли какъ «воръ-президентъ» адмиралтействъ-коллегіи, а не вице-президентъ. Сама императрица была объ немъ самага низкаго мнѣнія. Она сама говорила Храповицкому о всѣхъ его продѣлкахъ—и о томъ, какъ онъ у князя Орлова «зажилить каминъ»—подлинныя слова Екатерины—«и не возвратилъ взятыхъ на то денегъ, когда ѣздилъ въ Англію», и о томъ, какъ онъ оттягалъ картины у вдовы герцога Кингстона и пр.

Этотъ-то господинъ ни за что, ни про что при всѣхъ оборвалъ Кравкова, который еще никому не кланялся.

Несчастный очутился безъ копѣйки денегъ.

— И не ищите правды, говорили Кравкову его петербургскіе товарищи по корпусу, когда онъ хотѣлъ жаловаться на Чернышова:—всѣ они таковы—воръ на ворѣ и воръ у вора изъ рукъ дубины рвутъ... У насъ правда только на бумагѣ.

Собравъ послѣдніе гроши, оставшіеся отъ жалованья, и продавъ мундиръ, онъ поскакалъ въ свою деревеньку, на Оку, увозя изъ

Петербурга очень не хорошее чувство къ «властителямъ и судіямъ» вообще.

«А что-то тамъ—дома?—не опоздалъ-ли? не все ли ужъ потеряно?» острымъ ножомъ рѣзали сердце вопросы, когда изъ-за зелени лѣса блеснула синеватая полоса родной рѣки.

— Да что ты такъ тащишься, любезный!—точно тебя за смертью послали! волновался онъ.

— Но-но, боковы! помахивай!

— Кой чортъ помахивай! еле ноги переставляютъ! болванъ!

— А! ѣжь те муха! шевелись—пошевеливай!

Но вотъ показалась знакомая роща, гдѣ когда-то Евдоша, еще рѣзвымъ мальчикомъ, за бѣлками гонялся, а тамъ—все еще чернѣются знакомыя грачовыя гнѣзда. Грачи ужъ вывелись—вонъ какъ орутъ надъ рощею. И скворешня знакомая торчитъ надъ скотнымъ дворомъ. Какъ почернѣла!—а тогда была еще новенькая. А гдѣ теперь тотъ «Петька» скворецъ, котораго юный Кравковъ передъ отправленіемъ своимъ въ морской корпусъ самъ воспитатель и который такъ хорошо величалъ самого себя—«скворгушка, скворгушка»?..

Вонъ и березка кудрявая, подъ тѣнью которой пріютились двѣ знакомыя могилки съ покосившимися крестами.

Знакомая родная деревенька съ черными избушками и клѣвушками и осиротѣлая родная усадьба—какое все это маленькое, жалкое, но дорогое сердцу!

Но не такъ его сердце рвется къ этой родной усадьбѣ, какъ вонъ къ тому большому барскому дому, что стоитъ за Окой какъ разъ противъ его скромной усадьбы. Домъ съ колоннами, съ цвѣтникомъ, съ садомъ, съ теплицами.

Но отчего всѣ окна въ немъ закрыты ставнями? Отчего не видно кругомъ движенія, жизни?—ни на террасѣ, ни на берегу—ни души. Точно все вымерло. Ея любимая лодочка—«Дельфинъ»—привязана у плота. Надъ ея мезониномъ не развѣвается знакомый маленький флагъ съ изображеніемъ на немъ якоря.

Что все это значить?.. Уѣхали?—но куда?..

Только бѣлые голуби кружатся у ея балкона...

«Неужели опоздалъ»?.. У Кравкова сердце точно упало и замерло...

Ямщикъ, употребивъ послѣднія энергическія усилія, заставилъ наконецъ свою тройку лихо подкатить къ невысокому крыльцу усадьбы.

Изъ воротъ съ лаемъ выбѣжали собаки. На крыльцѣ показалась бѣлокурая дѣвочка—скорѣе дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и остановилась въ изумленіи.

— Барбось! а—старый, не узналъ!

Собака, не узнавъ лица своего господина, котораго давно не

«истор. вѣстн.», январь, 1884 г., т. xv.

видала, узнала его голосъ и завизжала отъ неожиданнаго счастья, показывая такую безумную радость и столько искренности, сколько самый любящій человѣкъ не сьумѣетъ высказать словомъ и ласками.

— Батюшки! баринъ пріѣхалъ! закричала и дѣвочка захлебывающимся голосомъ, стремительно убѣгая въ дверь, изъ которой снова опять выскочила красная какъ кумачъ.

— Здравствуй, Поля, ласково сказалъ Кравковъ, выгѣзая изъ телѣги и съ трудомъ отбиваясь отъ Барбоса, примѣру котораго послѣдовали и другія, младшія собаки: «значить, такъ слѣдуетъ— это баринъ», быстро сообразила четвероногая дворня.

Дѣвушка робко подошла къ Кравкову и схватила было его руку, чтобъ поцѣловать ее; но тотъ отнял руку и поцѣловалъ дѣвушку въ голову. Она еще болѣе вспыхнула.

— А Лукьяновна—няня—здорова?

— Здорова-съ, баринъ. Да вонъ и сама баушка.

На крыльцѣ, на которое уже успѣлъ взойти и Кравковъ, въ дверяхъ, показалась старуха. Она безмолвно всплеснула руками и закрыла ими лицо...

— Охъ, баринушка! охъ, милый! о-охъ!

— Здравствуй, няня...

У Кравкова голосъ сорвался. Онъ предчувствовалъ что-то недоброе. Онъ увидѣлъ, что заплакала и дѣвушка, и старуха вся дрожала, всхлипывая.

— Что съ тобой, няня!—что случилось?

Онъ самъ испугался своего вопроса... Зачѣмъ онъ спросилъ?... Онъ боялся отвѣта на свой, прорѣзавшій его собственное сердце вопросъ.

— Охъ батюшка! родной мой! баринушка!

— Да что же?—что съ вами?—Онъ уже боялся спросить: «что случилось?».

— Охъ родной! охъ батюшка! свѣтикъ ты мой!

— Да скажи ты, Поля,—что съ няней?

Но и дѣвушка только пуще расплакалась.

Тогда старуха, отнявъ руки отъ лица, стала порывисто крестить своего барина.

— Постой—постой, родимый... Дай сердцу-то на мѣстѣ стать— все расскажу.

— А лошадожь-то, баринъ, распрягать велишь? вмѣшался ямщикъ.

— Извѣстно—распрягай.

— Ишь упарили!—и дорожка же!

— Что жъ мы тутъ стоимъ? заговорила вдругъ старушка:— пожалуй въ горницу, батюшка, а ты, Полюша, бѣги — ставеньки открой.

Кравковъ машинально, самъ того не сознавая, отворилъ дверь въ сѣни, а потомъ, направо, въ знакомую съ дѣтства «горницу». Въ ней было темно какъ въ могилѣ. Разнородныя ощущенія клещами сдавили сердце... Такого смутнаго страха онъ и среди бурнаго океана не испытывалъ...

Ставня открылась—и свѣтъ словно бы испуганно ворвался въ комнату, въ одну ея половину, боясь проникнуть дальше. Скрипнула и отворилась другая ставня...

Знакомыя стѣны, столъ, стулья и на стѣнѣ потемнѣвшая гравюра, изображающая Петра Великаго въ бурю на Ладожскомъ озерѣ... Какія ничтожныя волны въ сравненіи съ тѣми, которыя онъ видѣлъ!

На кругломъ столѣ, у кожанаго дивана, лежала женская соломенная шляпка съ голубыми лентами, и тутъ же маленькая палева перчатка.

У Кравкова не то радостью, не то новымъ страхомъ сжалось сердце... Нѣтъ, это не радость...

Вошла нянюшка и, взглянувъ на шляпку и на своего барина, вновь заплакала...

— Ну, говори же, няня, разомъ:—умерла? глухимъ голосомъ, съ трудомъ, выговорилъ онъ послѣднее слово.

— Охъ, нѣтъ, родимый...

— Нѣтъ, говоришь?—няня!—гдѣ жъ она!

— Охъ, постой—постой, болѣзненный,—все, горемычная, расскажу... Пришла это она, голубушка, ни жива, ни мертва, положила это на столъ свою шляпочку и вонъ эту перчаточку, да и говорить: нянюшка—гитъ, меня батюшка силкомъ замужъ хочетъ отдать, за Никиту Кирилыча, а я-гитъ—не хочу за него, я-гитъ—и передъ Богомъ и передъ людьми невѣста твою барина, Евдокима Михайлыча... Охъ!

Старуха остановилась и опять заплакала. Кравковъ съ трудомъ передохнулъ.

— Ну, говори, няня,—не плачь.

— Не буду, не буду, родной, всхлипывала старуха:—вотъ она, горлинка божья, и говорить: я-гитъ-нянюшка, ушла отъ родителя,—я-гитъ-хочу ѣхать къ Евдокимъ Михайлычу, поѣду-гитъ—во Владиміръ, а оттолѣ-де напишу ему, чтобъ пріѣзжалъ за мной.—Что жъ—говорю—и съ богомъ, дитятко, коли ужъ васъ Господь раньше благословилъ къ супружеству, — поѣзжай, говорю, ла-стущка. — Въ ночь, гитъ, и выѣду, — только бы мнѣ лошадокъ достать да ямщика.—Что жъ—я говорю—барышня, за лошадами дѣло не станеть:—мой-де Ермилъ съ Полюшей и проводятъ тебя до Владиміра. — Только я это, родной мой, выговорила, какъ слышу у крыльца конскій топотъ. Барышня глянула въ окошко, да такъ и помертвѣла: отецъ—говорить—а съ нимъ вмѣстѣ тотъ

злодѣй... Что я буду дѣлать! Пропала я, бѣдная!—А сама ручки ломаетъ...

Старуха опять остановилась. Кравковъ сидѣлъ блѣдный, съ широко раскрытыми, точно отъ ужаса, глазами.

— Ну... кончай же... Они увезли ее?

— Охъ, нѣту, родной... Дай передохнуть... Вбѣжали это въ комнату... А—говорить старый-то баринъ—ты здѣсь!—ахъ ты—гитъ—упрямая дѣвчонка!—вся въ меня—только я—гитъ—сильнѣе тебя... Да взялъ ее, голубушку, эдакъ въ охашку какъ дитю малую, и понесъ на крыльцо... А она, сердешная, только молить слезно: пустите—пустите меня... А родитель-то ейный, отецъ-отъ, вынесъ ее эдакъ, голубушку, на крыльцо да и передаетъ съ рукъ на руки нелюбу-то злодѣю.—Берите—гитъ—дочь мою изъ родительскихъ рукъ:—она-де теперь ваша и передъ Богомъ и передъ людьми. Теперь она—гитъ—глупа, молодешенька, свою талану-счастья не разумѣетъ, а послѣ меня-же-де благодарить будетъ.—Да такъ ее въ руки-то злодѣю и вложилъ, какъ ребеночка... А она, сердешная, какъ вскрикнетъ не своимъ голосомъ, какъ вскрикнетъ!... О, Господи! Господи!

— Такъ и увезли?

— Нѣту! охъ—нѣту! коли бъ увезли...

— А что?—говори же, не мори меня!

— Баринушка мой! не могу—языкъ не выговорить...

— Что же?—Господи!

— Слушай же... Все доскажу—дорѣжу тебя... Какъ злодѣй-то взялъ ее въ руки, а она, ластушка, какъ вскрикнетъ, да и выпривисъ изъ рукъ погубителя-то свою... Охъ!... А отецъ-отъ опять за нее... А она какъ кинется на берегъ, да съ кручи-то прямо въ Оку... Только и видѣли ее...

Кравковъ не имѣлъ силы даже вскрикнуть...

— А какъ барышня бѣжали къ Окѣ, такъ они сказали: «я къ тебѣ иду—возьми меня» — да съ этимъ словомъ и нырнули съ кручи, добавила Поля, которая стояла у дверей и рукавомъ рубахи утирала глаза.

Кравковъ продолжалъ сидѣть попрежнему. Онъ даже не плакалъ.

Старуха нѣсколько успокоенная тѣмъ, что онъ, казалось, не такъ сильно былъ пораженъ ея рассказомъ, какъ она того ожидала, стала припоминать подробности.

— И платице-то на ей, на голубушкѣ, было свѣтленькое да веселенькое такое...

— По бѣлому полю твѣтики махоньки, поясняла Поля.

— Стали искать это ее въ рѣкѣ баграми да неводами, продолжала старушка.

— А самъ баринъ въ лодкѣ въ барышниной, опять поясняла внучка.

— Не мѣшай, глупая... Искали-искали ее... Не далеке вить и отнесло ее... Вонъ тамъ и нашли...

— Супротивъ, почитай, березки, не вытерпѣла Поля.

— Вынули это ее, сердешную, а у нее и головка падаетъ, и косынька-то растрепалась... Я мигомъ простыни притащила, чтобы на простынку-то ее положить да качать... На твоихъ простынкахъ, родной, и качали ее... Спать бы ей, горемышной, съ тобой на этихъ простынкахъ да радоваться—такъ нѣтъ—не привелъ Богъ...

— А я ей платье, барышнѣ-то, разстегнула — баринъ велѣлъ, добавила Поля:—самъ онъ хотѣлъ разстегнуть, да руки трясутся...

— Убивица онъ—вотъ что, а не отецъ! съ сердцемъ сказала старушка.

— Что жъ—не откачали? чуть слышно спросилъ Кравковъ.

— Гдѣ откачать, батюшка!.. Такъ и отвезли ее на ту сторону съ нашими простынками... Послѣ ужъ я ихъ взяла... А на третій день и похоронили сердешную... Еще городской попъ-отъ не хотѣлъ ее хоронить—утопленица, говорить,—безъ попа-де да безъ ладону померла,—такъ ёный баринъ кнутомъ попу пригрозилъ—ну и схоронили голубушку, тамъ же, въ садикѣ у нихъ.

— А самъ баринъ уѣхалъ, вставила свое слово Поля.

— Куда уѣхалъ?

— Въ чужія земли, сказываютъ, уѣхалъ, а домъ велѣлъ запереть наглухо, отвѣчала старуха.

Кравковъ взялъ въ руки маленькую перчатку, поглядѣлъ на нее и снова положилъ на столъ... Въ этотъ моментъ онъ почувствовалъ себя такимъ одинокимъ сиротой во всемъ мірѣ, такимъ чужимъ для всѣхъ... Ничего у него не осталось—ни моря, ни жизни...

Онъ упалъ головой на столъ и зарыдалъ... Старуха и дѣвушка стояли около него и тоже плакали.

III.

Въ тихомъ омутѣ.

Для Кравкова началась не жизнь, а вѣчная агонія.

Въ то время когда онъ былъ въ морѣ, когда у него было дѣло, которое онъ страстно любилъ, которое составляло цѣль и всю окраску его жизни, въ которое онъ, наконецъ, воплотилъ идеалъ своего духа,—для него міръ не казался пустыней:—въ этомъ мірѣ была у него цѣль, къ которой онъ шелъ, и жизнь казалась ему вѣчнымъ движеніемъ впередъ, постепеннымъ достиженіемъ чего-то искомаго, чтó и было его идеаломъ, хотя быть можетъ не ясно сознаннымъ, смутно представляемымъ.

Потомъ, когда онъ нашелъ—въ этомъ исканіи своего идеала—и нашелъ совершенно случайно, точно съ завязанными глазами, какъ древніе изображали «слѣпое счастье»—нашелъ другой идеалъ—идеалъ личнаго счастья,—міръ казался ему раемъ, въ которомъ все было уготовано для его личнаго блаженства.

И вдругъ—все это было разрушено... Онъ бросилъ море, своихъ товарищей, свои привычныя и любимыя занятія, все, что наполняло его жизнь, бросилъ для новой жизни, которая представлялась ему такою лучезарною—и что же нашелъ!

Онъ разомъ потерялъ все. Жизнь потеряла для него всякій интересъ и весь міръ сталъ для него пустыней...

Куда идти? Чего искать?—Да для чего, зачѣмъ?—Идти развѣ туда же, въ Оку...

Но это бы еще ничего, что міръ сталъ для него пустыней. Можно было бы и въ пустынь забыться. Но забыться нельзя... Взамѣнъ всего, что у него было, ему оставили что-то незабываемое, отъ котораго и въ пустынь нельзя спрятаться... Ему оставили страданія, острия, жгучія... Куда отъ нихъ бѣжать? Какъ тутъ забыться!... Онъ былъ глубоко одинокъ; но онъ былъ не одинъ: и днемъ и ночью за нимъ ходило это незабываемое—эти острия, жгучія муки...

Онъ потерялъ сонъ... Цѣлыя ночи онъ или сидѣлъ на берегу Оки, тамъ, у березокъ, или отправлялся на ту сторону рѣки, гдѣ подъ землею лежало что-то для него не умершее... Онъ сидѣлъ и думалъ—мучительно думалъ...

Если-бъ еще онъ могъ вновь отдаться дѣлу, которое онъ любилъ; но онъ самъ порвалъ съ этимъ дѣломъ такъ рѣзко, въ такихъ окончательныхъ формахъ, что возвратиться къ нему не было никакой возможности... Да и зачѣмъ теперь ему дѣло!

Какія безконечныя ночи!—и дни безконечные... Хоть бы сномъ забыться... И на Окѣ тихо, и въ лѣсу тихо—ничто не шелохнетъ... Онъ сидитъ на берегу Оки, сжавъ голову руками...

Что это—какъ будто кто плачетъ?... Кому же плакать, какъ не его собственной душѣ?

Нѣтъ—плачетъ кто-то...

— Кто тутъ?

Нѣтъ отвѣта. Это ему представляется — чудится въ ночной тиши...

Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ кто-то плачетъ, и близко — явственно всхлипываетъ. Онъ поднимаетъ голову... Да, точно—плачетъ...

— Кто тутъ?—кто плачетъ?

Онъ всталъ и направился къ тому мѣсту, откуда слышался плачь. Подъ кустомъ что-то бѣлѣлось. Словно чѣмъ-то ожгло его по сердцу...

— Кто это?

- Это я, баринъ, отвѣчалъ всхлипывающій голосъ.
 — А—это ты, Поля.. Зачѣмъ ты здѣсь?—объ чемъ плачешь?
 Дѣвушка еще сильнѣе заплакала.
 — Что съ тобой, Поля?—зачѣмъ ты не дома—не спишь?
 — Ахъ, баринъ... А вы сами... котору ночь не спите...
 Онъ схватилъ себя за голову.
 — Я не могу спать, Поля... А ты ступай—не мѣшай мнѣ...

Вѣроятно, онъ скоро покончилъ бы съ собой, если-бъ жестокая горячка не уложила его въ постель. Двѣ недѣли онъ былъ между жизнью и смертью. Старушка няня и въ особенности ея внучка не отходили отъ больного. Въ бреду онъ говорилъ такія вещи, которыхъ ни старуха, ни дѣвушка не понимали: то чудились ему какія-то далекія моря, по которымъ онъ, казалось, плавалъ и проносилъ непонятныя слова; то жаловался на какихъ-то злыхъ и безсердечныхъ людей; то вспоминалъ какое-то письмо и звалъ кого-то. Всего страшнѣе казалось для его юной сидѣлки — для Поли, когда онъ говорилъ съ какимъ-то моремъ, какъ-будто съ живымъ человѣкомъ: «отдай мнѣ его, синѣ море, отдай—отдай!..»

Поля совсѣмъ извелась за это время, но не оставляла больного, какъ ни уговаривала ее старая бабушка. Когда старухи не было въ комнатѣ, дѣвушка часто становилась на колѣни и по цѣлымъ часамъ молилась. Когда больной сталъ приходить въ себя и къ нему иногда возвращался сонъ, дѣвушка украдкой цѣловала у соннаго руку и тихо плакала.

Нѣкоторые ближайшіе сосѣди, узнавъ о возвращеніи Кравкова и о постигшемъ его несчастіи, пріѣзжали къ нему; но старуха, видя, что пользы отъ этихъ посѣщеній не выдалось никакой, старалась не пускать ихъ къ больному.

Но и горячка прошла, какъ все проходитъ на свѣтѣ, только нравственное состояніе Кравкова не улучшалось. Прѣжнихъ стремленій уже не было въ душѣ; острия боли также въ ней нѣсколько поулеглись, но тупая тоска не покидала его, какъ не покидали и воспоминанія о его «потерянномъ раѣ». Онъ потерялъ и вѣру въ людей. А между тѣмъ жить надо было. Ни постигшее его великое горе, ни тяжкая болѣзнь не разрушили его организма, а только надломили энергію его духа, оборвали въ душѣ какія-то струны..

«Живи, Кравковъ, живи—говорилъ онъ самъ съ собою, медленно поправляясь, и бродя одиноко по берегу Оки:—не умерь—значить, долженъ жить... А для чего? — А какое тебѣ дѣло до этого?—Велѣно жить—и живи... Это твоя барщина... Вонъ твои мужики работаютъ на тебя—это ихъ барщина...»

Но кромѣ личнаго горя, въ его душѣ вставали общіе вопросы жизни.

«Гдѣ же правда?... Тамъ, въ роскошныхъ палатахъ, ея нѣтъ—она и не завиталась тамъ... У Чернышова правда? — У всѣхъ

этихъ напудренныхъ вельможъ, у которыхъ на словахъ общественное благо, а на глазахъ крокодиловы слезы?... Знаю я эту правду— и ей служить я не буду...»

— Ты что, Поля?

— Меня за вами баушка послала, баринь.

— А что?

— Баушка говорить—обѣдъ простынетъ... Кушать пожалуйста...

— А—хорошо... Ты что, Поля, такая блѣдная?

— Я ничево, баринь... такъ...

— Ты за мною замаялась, бѣдненькая, когда я былъ боленъ?

— Нѣтъ... это что же-съ?... это такъ...

— Хорошо, Поля,—я сейчасъ приѣду.

«Развѣ вотъ у этихъ, бѣдныхъ людей, правда? Вонъ они какъ за мной ходили... Вотъ хоть бы и Поля... Да это, можетъ быть, отъ холопской ихъ преданности? Это ихъ барщина—ходить за мной...»

«Говорили—у масоновъ правда... Знаю я эту правду!—Въ Херсонѣ вонъ офицеры втянули меня въ эту бездну, и я насилу выкарабкался... Тамъ все барство—всѣ бары лѣзутъ въ масоны—князи и вельможи... Вотъ, говорятъ, и Чернышовъ масонъ... Не таковы были люди христовой правды: они ходили босикомъ, въ милотяхъ и шкурахъ козьихъ, рыбу ловили, отъ рукъ своихъ кормились... А эти!—это Навуходносоры—велятъ, чтобъ имъ кланялись, какъ тому идолу на полѣ Деирѣ... Нѣтъ, не тутъ правда... Была для меня правда въ морѣ, только въ морѣ она и потонула... Кому я тамъ служилъ?—Имъ же—Навуходносорамъ, и они же меня бросили въ пещь огненную...»

— Что вы, баринушко, мало кушаете у насъ?

— Нѣтъ, няня,—я хорошо ѣмъ.

— Ужъ и хорошо,—словно цыпленокъ клюетъ... А яишенка-то какая!

— Яичница чудесная, няня.

— Чудесная, а не кушаете... А все оттого, что вокругъ своей печали ходите.

— Какъ такъ, няня?

— Да все думаете въ мысляхъ... А коли у человѣка мысли—нѣту тово хуже.

Кравковъ улыбнулся.

— Какъ же, няня, безъ мыслей-то жить?

— А какъ други-то люди живутъ!

— Гдѣ жъ они?

— Да хопса бы Петръ Ильичъ либо Андрей Исаичъ... Понавѣдались бы когда къ нимъ, а то они къ вамъ: вотъ бы мыслей то и не былъ... А они же всѣ навѣщали хвораво-то.

— Твоя правда, няня, побываю у нихъ.

— Они люди простые, хоша и господа тоже.

«Можетъ я тутъ, въ этой глуши, среди простыхъ людей найду правду и душевный покой... Они же живутъ—не рвутся къ небу... Да у нихъ впрочемъ и горя такого не было...»

— А это Полюша вамъ рыжичковъ набрала.

— Спасибо ей: она добрая дѣвочка.

— Въ сметанкѣ-та да съ сольцой—и-и-скусно.

Кравковъ послушался старухи и сталъ иногда видѣться съ сосѣдями—то онъ ихъ навѣститъ, то они къ нему прїѣдутъ. Хотя общество ихъ и не было ему по душѣ, да и интересы этихъ захолустныхъ, небогатыхъ помѣщиковъ были самые узенькіе, обыденные—вертѣлись то около поля съ запашками, то около охоты за зайцами и утками, или же вращались въ сферѣ мѣстныхъ сплетень, однако и съ этими дикарями онъ чувствовалъ менѣе свое одиночество. Но порой и эти сосѣди съ ихъ скучными разговорами наводили на него тоску. Какъ идеаль ихъ стремленій было тоже масонство; но Кравкову опротивѣла одна мысль о масонахъ.

Онъ чувствовалъ, какъ тоска и пустота жизни затягивали его, словно омутъ. Онъ опять сталъ задумываться. Опять воспоминанія прежней, такой разумной и свѣтлой жизни туманомъ падали на его душу. Опять въ этомъ прошломъ воскресалъ дорогой образъ. Онъ снова запирался дома, или безцѣльно бродилъ по лѣсу, по окрестностямъ. Но онъ чувствовалъ, что и тамъ, по лѣсу, за нимъ бродило что-то... Это бродило за нимъ его прошлое, его тоска... Отъ нея некуда уйти—развѣ въ могилу?

Но послѣдняя мысль казалась ему оскорбленіемъ всего его свѣтлаго прошлаго—безумною, грѣшною мыслью, барскимъ капризомъ... «Отъ барщины бѣжать?—Нѣтъ, живи, страдай...»

Всего мучительнѣе терзало его сознаніе, что онъ не можетъ возвратиться къ прежней жизни, которая теперь представлялась ему потеряннымъ раемъ. Мысль его, когда она на минуты отрывалась отъ созерцанія того, что имъ было потеряно вотъ здѣсь, на этомъ самомъ берегу,—блуждала по далекимъ морямъ, гдѣ надъ его головой сверкало чудное солнце юга, гдѣ чарующею картиною развертывались передъ нимъ волшебныя страны. Ему казалось, что онъ опять бродитъ по оливковымъ и апельсиннымъ рощамъ острововъ Архипелага, слышитъ прибой фіолетовыхъ волнъ вѣчно говорливаго моря... Тамъ, въ Геллеспонтѣ, созерцая берега нѣкогда бывшей Троянской земли, онъ переживалъ тысячелѣтія, своею душою чувствовалъ то, что чувствовали когда-то эти герои и полубоги Греціи, съ которыми онъ породнился мыслью еще на школьной скамьѣ...

«Но какъ воротиться въ этотъ дивный міръ?—Черезъ Петербургъ?»...

Но передъ нимъ вставалъ во всемъ омерзеніи барской спеси

возмутительный образъ Чернышова — и его гордый духъ возмутился... «Ни за что не поклонюсь презрѣнному сановнику!»

«Но какъ же жить?» снова терзался онъ вопросомъ.

«А живи такъ, какъ совѣтуетъ старуха нянька—безъ мыслей», отвѣчаетъ внутри его какъ бы чей-то посторонній голосъ.

И онъ рѣшился жить «безъ мыслей»: — онъ отдался теченію той жизни, которая его окружала.

Кравковъ снова сталъ видѣться съ своими сосѣдами, ѣздилъ съ ними на охоту, толковалъ о мужикахъ, объ урожаяхъ, о собакахъ. Онъ дѣлалъ то, что дѣлали всѣ. Но такъ какъ ни пороши съ заячьими слѣдами, ни собаки, не могли наполнить собой всей пустоты жизни, то дополненіе это старались находить въ винѣ:— въ этомъ зеленомъ російскомъ океанѣ Кравковъ и надѣялся утеплить свое горе.

Изъ нижеслѣдующаго читатель увидитъ, насколько Кравковъ успѣлъ въ этомъ.

IV.

Въ иргизскихъ скитахъ.

Прошло три года.

Лѣтнимъ утромъ 1780 года, за Волгой, по дорогѣ отъ села Малыковки, что нынѣ городъ Вольскъ Саратовской губерніи, къ Яику, шель какой-то прохожій, опираясь на длинную палку, какія обыкновенно носятъ странники.

Прохожій былъ мужчина лѣтъ тридцати-пяти, хотя рѣзкія морщинки, проведенныя на его лицѣ не то горемъ, не то думами, придавали этому строгому съ задумчивыми глазами лицу гораздо болѣе лѣтъ. На головѣ у него была простая мужичья войлочная шляпа, какъ-то не помужичьи опущенная на глаза, которымъ, казалось, тяжело было смотрѣть на все окружающее. Одѣтъ прохожій былъ въ грубую синюю крапешинную рубаху съ косымъ воротомъ, въ такія же штаны, заправленныя въ высокіе мужицкой работы сапоги. На плечахъ сѣрый зипунъ и котомка, да за поясомъ тыква-горлянка для воды.

Хотя по всему одѣянію это былъ совсѣмъ мужикъ, но въ лицѣ его, въ выраженіи глазъ и въ какомъ-то неудовимомъ огнѣ ихъ, было что-то такое, что какъ-будто говорило, что глаза эти на своемъ вѣку перевидали что-то другое, не то, что доступно простому мужику въ его обыденной обстановкѣ, а голова эта, прикрытая мужицкою шляпою, передумала много такого, о чемъ мужичья голова никогда и не загадываетъ.

Въ волосахъ прохожаго и въ бородѣ съ чернымъ волосомъ рѣзко переплетались серебряныя нити сѣдины.

Онъ остановился повидимому затѣмъ, чтобъ передохнуть. Солнце уже пекло сильно. Прохожіи окинулъ взоромъ разстилающуюся передъ нимъ необозримую равнину. Это была степь, по которой семь лѣтъ тому назадъ бродилъ невѣдомый скиталець, за которымъ пошла потомъ половина Россіи.

— Экое море, Господи! тихо, съ какимъ-то умилевіемъ въ голосъ проговорилъ прохожіи. — Только это не то море—не фіолетовое... А далеко-далеко оно, это фіолетовое море, словно моя молодость и мое счастье.

Онъ задумался. Безбрежная степь невольно навѣвала на душу думы. Тихо, безмолвно кругомъ. Изрѣдка надъ степью пролетитъ сѣдой лунь, плавными взмахами широкихъ крыльевъ нарушая мертвое однообразіе пустыни, да въ голубомъ прозрачномъ небѣ, трепеща острыми крылышками, рѣетъ сизая пустельга. Единственные живые голоса степи—это монотонно сюрчащіе кузнечики.

— Такъ вотъ гдѣ мыкался Пугачовъ, гоняясь за своею долей и за своею страшною смертью... Только я ужъ не ищу своей доли...

Онъ сбросилъ съ себя котомку, отвязалъ отъ пояса тыкву-горлянку и сталъ жадно пить находившуюся въ ней воду.

— Что-жъ мудренаго, что за Пугачовымъ всѣ пошли, когда кругомъ одна неправда? Гдѣ же правда-то?.. Говорять-тамъ, за этой степью, въ тихомъ уединеніи лѣса...

Онъ снялъ съ головы шляпу и горько улыбнулся, глядя на нее. Потомъ глянулъ на свою рубаху, на запыленные сапоги, на котомку.

— Капитанъ-лейтенантъ въ сермягѣ... Что жъ! чѣмъ я лучше ихъ, что кромѣ сермяги ничего не знали?.. А я зналъ—и того довольно съ меня... Вспоминай прошлое... Эхъ, Руссо, Руссо! тысячу разъ правы твои святые слова: только въ природѣ человѣкъ находитъ истинное упокоеніе... Да, вотъ она—тихая, безмолвная, кроткая, а какъ много душъ сказывается она, мать-природа... О, моя матушка, матушка!

Онъ заплакалъ, закрывъ лицо ладонями. Голова его тихо качалась изъ стороны въ сторону.

— О, какъ горька ты и сладка, память прошлаго... Матушка, матушка моя!

Долго сидѣлъ онъ такъ, не поднимая головы, потомъ отнял руки отъ лица, оглянулся кругомъ и сталъ опять надѣвать на себя котомку.

— Иди-иди, капитанъ-лейтенантъ, съ горькою усмѣшкой проговорилъ онъ:—а то прошлое твое по пятамъ идетъ за тобою.

Онъ тихо пошелъ дальше. На дорогу изъ сухого чернобыльника выскочилъ зайчикъ-тушканчикъ, сѣлъ на заднія лапки и съ любопытствомъ глядѣлъ на прохожаго.

— Что, дурачокъ!—не боишься людей? — Люди, вѣрно, еще не научили тебя страху...

Тупшканчикъ въ нѣсколько прыжковъ очутился опять въ травѣ.

Путникъ продолжалъ идти, отъ времени до времени поглядывая въ разстилающуюся передъ нимъ даль. Степи, казалось, конца не будутъ.

Но вотъ на горизонтѣ показались неясныя очертанія лѣса. Вдали желтели нивы созрѣваго хлѣба и виднѣлись, разбросанныя по равнинѣ, коническія шапки стоговъ сѣна.

— Должно быть близко, тихо проговорилъ путникъ: — это признаки жилья людскаго.

На нивахъ темнѣлись отдѣльныя точки. Ясно было, что это люди.

Скоро путникъ различилъ, что это были жнецы, убиравшіе хлѣбъ. По темному одѣянію онъ принялъ было ихъ за мужиковъ, но подойдя ближе, увидалъ, что это все были бабы и дѣвушки. Всѣ они по одеждѣ напоминали черничекъ.

У самыхъ нивъ дорога раздѣлялась на два пути. Прохожіи остановились, видимо недоумѣвая, какою дорогою идти ему дальше.

Онъ подошелъ къ жницамъ, которыхъ было нѣсколько десятковъ, и снялъ шляпу.

— Богъ въ помощь, люди добрые, сказалъ онъ, кланяясь.

Жницы поднялись, держа въ рукахъ серпы и пучки сжатой пшеницы.

— Спасибо тебѣ, человѣче, на божьемъ словѣ, отвѣчала одна изъ нихъ, пожилая, съ добрыми карими глазами.

— Скажите, матушка, какою дорогою я пройду въ скиты? спросилъ прохожіи.

— Коли ты съ добрыми мыслями, такъ пройдешь прямою дорогою, былъ загадочный отвѣтъ.

— Съ добрыми, матушка.

— А откуда ты, человѣче?

— Теперь изъ Мальковки.

— А кто тебѣ напутствіе далъ во скиты?

— Василій Алексѣевичъ Злобинъ.

— Злобинъ Василій Алексѣичъ намъ вѣдомъ — хорошій человекъ... Что-жъ ты въ скиты—по какому такому дѣлу?

— Ищу, матушка, тихаго пристанища въ горькой жизни.

— А! только наше пристанище трудъ любить—да потрудится человекъ во славу божію.

— И я ищу труда.

— Дѣло благое... Такъ вотъ тебѣ дорога въ скиты—такъ и иди въ лѣсъ.

Путникъ поблагодарилъ, поклонился и пошелъ тѣмъ путемъ, который отклонялся вправо:—это и была дорога въ иргизскіе скиты,

нынѣ уже не существующіе: они уничтожены въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія.

Скоро путникъ вошелъ въ лѣсъ, прохладная тѣнь котораго, казалось, живительно подѣйствовала на усталаго странника. Онъ снялъ шляпу и поднялъ свое задумчивое лицо. Въ грустныхъ глазахъ засвѣтилось что-то радостное.

Какъ тихо тутъ, безмятежно... Ужели тутъ обрѣту я свое пристанище? можетъ быть:—вѣрно не даромъ говорить старая пѣсня, которую я слышалъ когда-то еще отъ покойницы бабушки, что горе-злочастіе отстало отъ горюна только тогда, когда за нимъ хлопнулись монастырскія ворота.

Гдѣ-то за лѣсомъ вился къ небу синій дымокъ. По временамъ доносился крикъ пѣтуха да лѣнивый лай собаки.

— Да, жилие близко... Не видѣть ужъ мнѣ отсюда синяго моря...

Лѣсъ началъ рѣдѣть. Показались заборы, огороды, строенія. Изъ-за деревьевъ блеснулъ крестъ. Прохожій перекрестился.

— Благословенъ путь твой, человѣче! раздался вдругъ чей-то голосъ сзади.

Прохожій невольно вздрогнулъ и обернулся. Изъ лѣсной тропочки выходилъ на дорогу сѣдой старичекъ въ скуфейкѣ. Въ рукахъ у него была плетенка, доверху наполненная черно-сизою ежевикой.

— Благословенъ путь твой, человѣче! ласково повторилъ старичокъ..

— Спасибо вамъ, дѣдушка-отче, отвѣчалъ прохожій, невольно потупляясь передъ свѣтлыми, совсѣмъ молодыми глазами старичка.

— Въ скитокъ къ намъ путь держишь, милый? еще ласковѣе спросилъ старичекъ.

— Въ скитъ, отецъ святой... Могу я видѣть Никиту Петровича?

— А кто тебѣ, миленькой, сказалъ про грѣшнаго Никиту?

— Василій Алексѣевичъ Злобинъ.

— А—онъ, родной...

— Вотъ и письмо у меня къ Никитѣ Петровичу.

— Такъ-такъ, миленькой, улыбался старичекъ:—я этотъ самый Никита и буду.

— Вы?.. Извините—я не зналъ...

Старичекъ еще добродушнѣе улыбнулся.

— Какъ же, миленькой, знать всяко древо въ лѣсу?—А я здѣсь—то же древо старое во скитскомъ нашемъ вертоградѣ... Какъ же тебѣ знать меня, не выдавши?

Пришлецъ снялъ съ головы свою коническую шляпу и вынулъ изъ нея завернутое въ платокъ письмо.

— Вотъ вамъ, Никита Петровичъ, письмецо отъ Злобина.

Старичокъ, поставивъ свою плетушку на землю, взялъ поданное ему письмо, посмотрѣлъ на надпись, разломилъ большую сур-

гучную печать и сталъ читать написанное на четвертушкѣ синей бумаги. По мѣрѣ чтенія, лицо старика принимало какіе-то неудовимые оттѣнки—не то на немъ отражалось изумленіе, не то радость, не то сомнѣніе. Нѣсколько разъ онъ вскинулъ на пришельца своими ясными очами.

— Такъ вы и будете оный податель? спросилъ онъ, ворочая письмо въ своихъ сухихъ пальцахъ.

— Я, Никита Петровичъ.

— Евдокимъ Михайлычъ Кравковъ?

— Да, я самый.

— Господинъ капитанъ-литенать?

— Да, точно.

— Зѣло радъ... такой высокій чинъ—и въ нашу бѣдную обитель...

— Ежели только примете... Вотъ мой указъ объ отставкѣ...

Кравковъ вынулъ изъ того же платка въ четверо свернутый листъ бумаги. Старикъ съ улыбкой посмотрѣлъ на него своими ясными глазами.

— Нѣтъ—нѣтъ, увольте, батюшка Евдокимъ Михайлычъ, господинъ капитанъ-литенать, торопливо заговорилъ онъ: — мы не сыщики—мы не связываемъ душу живу указами да пачпортами—это дѣло темное, не наше, нечистое дѣло... Кто убо воспретилъ птицѣ небесной летати по аеру?—ни самъ Господь... Вонъ она, птичина божья, полетываетъ (старикъ указалъ на кружившихся надъ скитами голубей)... Такъ душу ли живую вязать пачпортами!—Христось тому не училъ—не спрашивалъ онъ указовъ да пачпортѣвъ, когда звалъ съ собою апостоловъ,—нѣтъ, не спрашивалъ!.. Воспомните оно мѣсто во святомъ евангеліи: «ходя же при мори Галилейстемъ, видѣ два брата, Симона глаголемаго Петра и Андрея брата его, метаяща мрежи въ море, бѣста бо рыбае. И глагола има: грядите по мнѣ и сотворю вы ловца чловѣкомъ. Они же абіе оставивша мрежи, по немъ идоста»... Спрашивалъ онъ отъ нихъ пачпортѣвъ?—а? А они спрашивали его—кто-де ты такой?.. Спрашивать—кто ты да какъ—это уже дѣло Пилатова—не наше: ему подавай пачпортѣ да указы... Ты ли еси царь іудейскій—это онъ вопрошалъ... А мы—нѣтъ: мы по слову Христову всякаго страннаго принимаемъ въ обитель свою—она божья, не наша...

Старикъ говорилъ горячо, страстно. Ясные глаза его теплились глубокою искренностью:—онъ забылъ даже, что они стоятъ еще въ лѣсу, что собесѣдникъ его, быть можетъ, усталъ, проголодался. Много, видно, онъ испыталъ на вѣку, много видѣлъ несчастныхъ жертвъ этихъ пачпортѣвъ «да указовъ», много знавалъ людского горя, виною котораго было это «Пилатова дѣло», эти допросы да пытанья,—оттого и говорилъ съ страстностью.

— Они, Пилаты, вяжутъ душу живу, печатаютъ ее кустодією—душу-то живу, словно ко Христу привалили камень съ кустодією... Такъ нѣтъ—не удержали подъ печатью душу живу—воскресла!—воскресъ батюшка Христосъ!.. Пущай они, Пилаты, печатаютъ душу, а мы—нѣтъ; мы просимъ у Владыки-свѣта: кто дастъ мнѣ крилѣ яко голубинѣ—и полечу... да и полечу—полетитъ душа моя безъ пачпорта, а Владыка-свѣтъ вездѣ найдетъ ее: аще възду на небо—ты тамо еси, аще сниду во адъ—ты тамо еси, аще возьму крилѣ мои рано и вселюся въ послѣднихъ моря—и тамо бо наставитъ мя и удержитъ мя десница твоя..

«Вселюся въ послѣднихъ моря»—что-то какъ-бы рѣзнуло по сердцу слушавшаго эту горячую рѣчь путника:—«да—и тамъ я чувствовалъ его»...

— А то на!—душу въ подушное обратили, словно осла подъяремнаго: плати, душа, подушное... Душу-то платить за себя заставляютъ—и кому же платить!—на какое дѣло!.. Богъ тебѣ далъ душу живу—ее припечатали кустодією! Богъ тебѣ далъ свой образъ и подобіе—его оскоблили... Дивлюсь, какъ носовъ не пообрѣзали—оно было бы еще глаже...

Старикъ, однако, опомнился и какъ-бы смутился немного.

— Что жъ я развякался такъ!—не обезсудь, родной... Странничекъ истомился въ путинѣ, а я его морю... А все эти указы да пачпортъ... пусто-бъ имъ.

Онъ торопливо взялъ свою плетенку съ ежевикой.

— Такъ пойдемъ же, родной, господинъ капитанъ-литенатъ,—пойдемъ въ обитель нашу... Тамъ и потолкуемъ, а ты отдохнешь да и подкрѣпишься чѣмъ Богъ послалъ.

Они пошли дальше. Передъ изумленными глазами Кравкова постоянно развертывалась картина, которой онъ не ожидалъ: изъ зелени лѣса выступило цѣлое поселеніе — церковь, большіе, длинные дома и цѣлыя группы построекъ... Все это смотрѣло такъ привѣтливо, весело. Изъ-за домовъ выглядывала голубая поверхность огромнаго озера, окоймленнаго лѣсомъ. Густыя ветлы, клены, дубъ, липа, береза—все это такъ живописно осѣняло таинственное поселеніе, спрятавшееся въ зеленую чащу среди необозримой заволжско-яицкой степи. По озеру кое-гдѣ скользили рыбацкія лодки. На огородахъ виднѣлись люди—бабы и дѣвки копались въ грядахъ, пололи, поливали. Слышался стукъ топора, визгъ пилы. На всемъ лѣсномъ оазисѣ видимо кипѣла жизнь, но такъ ровно, тихо, гармонично. Попадавшіеся на встрѣчу старичку и Кравкову—мужики не мужики, монахи не монахи, а что-то среднее—низко кланялись... «Господь по среди насъ», отвѣчалъ имъ на это старичокъ, и они проходили далѣе.

— Вотъ наши палестины—пустыня прекрасная, добродушно сказалъ старичокъ, когда они вошли на обширный дворъ, среди

котораго стояла небольшая деревянная церковь, украшенная по верху осьмиконечными крестами...

Старичокъ ввелъ Кравкова подъ крытое крыльцо длиннаго деревяннаго дома, гдѣ въ тѣни навѣса, у стѣны и по краямъ, находились широкія деревянныя лавки.

Вдругъ въ воздухѣ пронесся рѣзкій металлическій крикъ, и эхо откликнулось ему по лѣсу и за озеромъ. Кравковъ невольно вздрогнулъ. Крикъ повторился еще и еще. Били въ чугунную доску.

— Било заговорило, съ улыбкою замѣтилъ старичокъ:—къ обѣду зоветь братію... Оно у насъ голосисто—до Бога кричить... Чась приспѣ обѣдать—и вы съ нами потрапезуете... А послѣ того мы съ вами и покалякаемъ.

На дворъ какъ муравьи посыпались со всѣхъ сторонъ люди... Кравковъ не вѣрилъ, что онъ въ степи, въ безлюднотъ заволжѣ, гдѣ онъ видѣлъ только дикихъ сайгаковъ, убѣгавшихъ при видѣ человѣка, да медленно плавающего надъ степью беркута, либо бѣлаго луны.

V.

«Прекрасная пустыня».

— А ты поуспокойся, родной,—не надрывай сердца-то.

— Не могу, святой отецъ, видитъ Богъ—не могу... Ужъ очень долго все это въ душу пряталъ—вотъ душа и не выдержала:—прорвалась...

— Знаю—знаю, родной... Самъ я такой же жорновъ осельный на душѣ носилъ...

— И я несу...

— Ладно... У насъ ты ево на мельницу сдашь, жорновъ-отъ осельный... Ну, такъ какъ же?—Досказывай все, какъ на духу—легше станетъ на душу камень гнести, а то и совсѣмъ съ души свалится... Ну, такъ пріѣхалъ ты домой...

— Да, пріѣхалъ—думалъ счастье найду съ нею...

— Такъ—а родители уже померли?

— Померли—давно... Вотъ пріѣзжаю я, думаю—въ рай пріѣхалъ, а меня встрѣтило лютое горе...

— Что жъ—представилась откровица?

— Нѣтъ... Я и сказать не могу—языкъ коснѣеть...

— Что жъ, родной,—дѣло прошлое—не воротить.

— Да, не воротить... Она ждала меня, и отецъ силой отдавалъ ее за злодѣя.

— Точно—силой—это не хорошо... не силой, а любовью надо: не

силою Христось насъ привелъ къ себѣ, но любовію... Кая же любовь выше, аще положити душу за други своя... Сила—это дѣло Пилатово.. Ну?

— Она вырвалась изъ рукъ злодѣя и утопилась въ Окѣ...

— Ахъ, бѣдная отроковица, бѣдная! погубила свою душеньку чистую.

— И мою погубила...

— Что ты! что ты! пока человѣкъ живъ — божье око бдитъ надъ нимъ: а божье милосердіе — море неисчерпаемое: — на всѣхъ достанетъ.

Въ сторонѣ, на берегу озера подъ ветлами, послышалось тихое, мелодическое пѣніе. Пѣлъ чей-то свѣжій, юношескій голосъ:

О прекрасная пустыня!
Самъ Господь пустыню восхваляетъ,
Отцы въ пустынѣ скитають,
Ангелы отцемъ помогаютъ,
Апостоли отцовъ убажаютъ,
Пророцы отцовъ прославляютъ,
Мученицы отцовъ восхваляютъ,
А вси святіи отцовъ величаютъ,
Отцы въ пустынѣ скитають
И горь воды испиваютъ,
Древа въ пустынѣ процвѣтають,
Птицы ко древамъ прилетаютъ,
На кудрявыя вѣтви посѣдаютъ,
Красныя пѣсни воспѣваютъ,
Отцовъ въ пустынѣ утѣшаютъ...

Съ глубокимъ вниманіемъ слушалъ Кравковъ это тихое, грустное пѣніе. Они сидѣли съ Никитою Петровичемъ въ скитскомъ саду, подъ грушею. Тутъ же былъ и скитскій пчельникъ. Пчелы суетливо жужжали по цвѣтамъ, а другія словно пули быстро летали то къ озеру за водой, то назадъ въ свои ульи.

— Кто это поетъ? задумчиво спросилъ Кравковъ.

— А вьюноша тутъ у насъ... Двое ихъ у насъ—два брата, иноки младые, Герасимъ да Савватій... Вотъ тоже, что и ты—изъ благородныхъ, даже можно сказать—изъ высоко-благорожденныхъ.

— Кто же они?

— А изъ роду Персицкихъ... Отцы ихъ и дѣды атаманствовали въ вольскомъ войскѣ... Знаешь, чать, о вольскомъ войскѣ?

— Какъ же... Вольскіе казаки, говорятъ, къ Пугачеву тогда пристали, такъ послѣ усмиренія бунта вольское войско уничтожили—на Терекъ перевели.

— Точно-точно. Вонъ и наше яицкое войско за ту же провинку уральскимъ сдѣлали, чтобъ и имени-де и духу бунтовничаго не осталось... Такъ вотъ эти-то вьюноши Персицкіе не захотѣли властямъ

неправеднымъ покориться—не поѣхали на Терекъ, а пришли къ намъ въ пустыню, еще малыми робятками, да вотъ и теперь живутъ у насъ во славу божію—трудятся, и оба—какіе грамотники!— всѣ стихи духовные наизусть знаютъ... Вотъ нашли же утѣху въ пустынѣ, да еще въ такихъ младыхъ лѣтахъ... Найдешь и ты свою утѣху.

— Дай-то Богъ!

Голосъ невидимаго пѣвца смолкъ, а собесѣдники все, казалось, къ чему-то прислушивались—не то къ тихому шопоту листьевъ, не то къ умоленной мелодіи, которая какъ бы еще стояла и медленно замирала въ очарованномъ воздухѣ.

— Тихо у васъ, хорошо, невольно вздохнулось Кравкову.

— Да—тихая пустыня, безмолвная—это точно... Но кто въ ней, въ пустынѣ-то этой, долго пожилъ, для того она не безгласна, другъ мой... Преклони токмо ухо къ ней—она самимъ Господомъ говорить... Слышишь?

— Да, кажется, и я слышу...

Но это не пустыня говорила. Изъ-за ветель доносилась еще болѣе тихая, плачущая мелодія.

Какъ расплачется, какъ растужится мать
сыра земля передъ Господомъ:
Тяжело-то мнѣ, Господь, подъ людьми стоять,
Тяжелѣй того—людей держать,
Людей грѣшныхъ, беззаконныхъ,
Кои творять грѣхи тяжкіе,
Досаду чинять отцу-матери,
Убийства-татьбы дѣлають страшныя,
Повели мнѣ, Господи, разступитися,
Пожрать люди грѣшницы, беззаконницы.
Отвѣчаетъ землѣ Исусъ Христосъ:
О мати ты, мати сыра земля!
Всѣхъ ты тварей хуже осужденная,
Дѣлами человѣческими оскверненная!
Потерпи еще время моего пришествія страшнаго:
Тогда ты, земля, возрадуешься:
Убѣлю тебя снѣгу бѣлѣй,
Прекрасный рай проращу на тебѣ,
Цвѣты райскіе пуцу по тебѣ...

— Ужъ и мастеръ же пѣтъ Герасимушко... Да и оба они—и Савватій—оба хороши пѣвцы... Какъ хорошо службу поютъ!—Это, сказываютъ, въ роду у Персицкихъ господъ... И отцы ихъ, атаманѣ,—у! пѣвуны же, сказываютъ, были на все войско... А вотъ симъ вьюношамъ Господь послалъ талантъ пустынножительства:—не скорбятъ о прелестяхъ міра сего тлѣннаго, о родѣ своемъ, объ

атаманствѣ: — и забыли, кажись, что они изъ породы Персидскихъ ¹⁾...

Старикъ остановился. Онъ увидѣлъ, что Кравковъ, закрывъ лицо руками, плакалъ. И у старика слезы навертывались на глаза.

¹⁾ Иргизскіе иноки, братья Персидскіе, Герасимъ и Савватій—это личности вполне историческія, не вымышленныя. Когда послѣ пораженія Пугачева Михельсономъ подъ Чернымъ Яркомъ, между трупами пугачевцевъ найденъ былъ документъ, обличавшій, что волжское войско передано Пугачеву, то войско это было уничтожено и переселено на Терекъ. Молодые же Персидскіе, происшедшіе отъ атамановъ волжскаго войска, братья Герасимъ и Савватій («дѣти майора Персидскаго», какъ ихъ называли въ официальныхъ бумагахъ) ушли на Иргизъ, гдѣ и оставались иноками до уничтоженія, уже въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, иргизскихъ раскольничьихъ общинъ, гдѣ они пользовались большимъ уваженіемъ. По уничтоженіи иргизскихъ монастырей, Герасимъ и Савватій Персидскіе, уже маститые старцы, воротились къ себѣ на родину, въ Дубовку, гдѣ у нихъ оставались имѣнія, и у себя на хуторѣ, на рѣчкѣ Бердеѣ, основали свой собственный скитъ. Слава объ этомъ скитѣ и о самыхъ подвижникахъ прогремѣла по всему среднему Поволжью, по Дону и по Уралу, гдѣ раскольники знали Персидскихъ и считали ихъ, какъ значитса въ дѣлахъ, «великими свѣтилами правды». О скитѣ же ихъ старовѣры выражались: «солнце православія, зашедши на Иргизъ, по милости божіей возсіяло на Бердеѣ». Когда слухи объ этомъ дошли до правительства, то оно приказало запечатать и скитъ Персидскихъ. Но энергія братьевъ-инокъ была несокрушима. Они основали на Бердеѣ тайный скитъ, превративъ въ моленную простую «овечью избу», чтобы тѣмъ усыпить бдительность властей, подобно тому какъ первые христіане усыпляли бдительность язычниковъ-римлянъ, отправляя свои богослуженія въ катакомбахъ, въ пещерахъ, «въ норахъ» и «язвинахъ». Но власти и объ этомъ довѣдались. Братьевъ Персидскихъ, уже очень дряхлыхъ старцевъ, арестовали.— «У отцовъ нашихъ войско волжское взяли, говорили они передъ властями—и насѣки атаманской лишили («насѣка»—атаманская булава и доселѣ); съ насѣ же ризы ангельскія снимаютъ и посохи странническіе отнимаютъ. Поручены казацкія вольности на Дону, на Яикѣ и на Волгѣ—нѣтъ болѣе славнаго войска яицкаго и волжскаго и не возвратится вспять казацкая вольность. Мы скрыли себя въ пустынѣ, тамъ стали въ ряды воинства Христова; но пришелъ врагъ и разогналъ наше войско. Вотъ мы и рѣшили искать новаго убѣжища, дабы умереть не въ острогѣ и предстать предъ Господомъ не въ сѣрой свитѣ (армякъ, чапанъ) арестанта, но во иноческомъ одѣяніи». Къ скиту Персидскихъ на Бердеѣ стали тяготѣть раскольники съ Дона, Бузулука, Медвѣдицы, съ Бурлука, Иловы и Волги. Всѣ эти свѣдѣнія о Персидскихъ я извлекъ изъ архивныхъ дѣлъ саратовскаго губернскаго правленія, когда занимался тамъ изслѣдованіемъ движеній въ расколѣ Поволжья, равно исторію уничтоженія иргизскихъ монастырей и гоненія на раскольниковъ въ Саратовѣ, Хвалынскѣ, Вольскѣ, Камышинѣ, Дубовкѣ, Царицынѣ и во всемъ нижнемъ Поволжѣ (гоненія эти особенно сильны были въ 40-хъ годахъ). Дворянскій родъ Персидскихъ доселѣ извѣстенъ въ нижнемъ Поволжѣ: изъ атамановъ Персидскіе превратились въ предводителей дворянства и т. п.

— Что жъ, сынокъ,—поплачь, поплачь маленько... Это хорошо:— это душа твоя плачетъ, это пустыня въ нее вошла, святая, тихая пустыня... Ну, старое-то, горькое все, прискорбное, нечисть свѣтская—все это слезами сладкими изойдетъ... Это, другъ, пустыня очищаетъ тебя, аки баня пакибытія... Это душа въ тебѣ возрождается и аки младенецъ, исходя изъ утробы матерней, плачетъ... Хорошія это слезы, другъ,—и я плакалъ такими...

— Нѣтъ, не такія это слезы... Это слезы стыда, позора... Вѣдь они, мои злодѣи, душу мою отравили... Тамъ у меня, въ душѣ, проказа!

— А ты забылъ о прокаженномъ, другъ мой?

— Нѣтъ, помню... Но тогда былъ Христосъ на землѣ, а меня некому очистить.

— Не говори такъ, мой другъ:—Христосъ и понынѣ на землѣ, онъ среди насъ...

— Да я-то его не вижу... Я чертей видѣлъ, а Христа нѣтъ.

— Какихъ чертей ты видѣлъ, дружокъ?

— Да они меня, злодѣи-то мои, други и сосѣди—они меня споили совѣмъ, чтобъ овладѣть мною... А я пилъ съ тоски, потому что спать не могъ... И ко мнѣ стали черти являться...

— Это, другъ мой, мечтаніе.

— Я самъ знаю, что мечтаніе, да только я видѣлъ эту мечту... Голуби—я ихъ видѣлъ...

— Какіе голуби?

— Да когда злодѣи довели меня до изступленія, вокругъ моей головы все голуби летали.

— Что жъ—это мечтаніе... Ты былъ боленъ...

— Да, боленъ былъ... А они, пользуясь этимъ, подлецомъ меня сдѣлали, злодѣемъ, убійцей!

— Что ты! Господь съ тобой!

— Да... Я никого не убилъ, не зарѣзалъ—но хуже-того:—я моихъ крестьянъ продалъ имъ, какъ скотину... Я и себя разорилъ и крестьянъ...

— А Господь на что? Онъ поможетъ имъ:—у него-свѣта—всего много.

— Но я души продалъ—родныя души: я продалъ свою няньку старуху, которая выносила меня на рукахъ, не спала за мной и дни и ночи... Я продалъ и внучку ея—бѣдная Поля!

— Кто жъ эти злодѣи твои были?

— Да все сосѣди—все дворяне, благородные...

— Охъ ужъ эти благородные! отъ нихъ-то все и зло на землѣ!

— Отъ нихъ—это я самъ на себѣ испыталъ... Чѣмъ выше чело-вѣкъ стоитъ, тѣмъ онъ бездушнѣе... Отъ чернаго рабочаго народу нѣтъ такого зла, а все зло отъ нашего брата—отъ благородныхъ... Они, благородные, довели меня до безумія, до скотства. А какъ

увидѣли, что я въ безуміи могу что-либо учинить надъ собою или надъ другими, они какъ вора или разбойника взяли меня подъ караулъ да и отвезли во Владимірѣ. А сколько времени тамъ они морили!.. Да и это еще ничего. Нѣтъ, имъ нужно было до конца сгубить мою душу. По знакомству съ графомъ Воронцовымъ, Романомъ Ларіоновичемъ, нашимъ генераль-губернаторомъ, они уговорили его назначить меня на мѣсто. А у графа свой умыселъ былъ. Водилась у него нѣкая метреса, дѣвка, тоже изъ благородныхъ, да надоѣла ему. Такъ онъ и возымѣлъ мысль сбыть ее съ шеи, отдѣлаться. А такъ просто, какъ отъ холопки, отдѣлаться нельзя, благородная вѣдь, шляхетскую честь надо соблюсти: надо выдать за благороднаго же. Я какъ разъ и пригодился. Взялъ онъ, Воронцовъ-то, да и назначилъ меня во Владимірѣ въ верхній земскій судъ заасѣдателемъ, а тамъ и сталъ ухаживать за мною: познакомилъ съ своею метресою. Та ужъ была подучена—она и обвела меня своею красотою да и притворною невинностью. Лицомъ же, на мое несчастье, она походила на мою покойную невѣсту. Я и поддался соблазну—женился на ней: думаю, по крайней мѣрѣ, заживу человѣкомъ—успокоюсь въ своей семьѣ... А вмѣсто успокоенія я нашель сущій адъ. Она не любила меня, а вышла за меня, чтобъ мною прикрыть свое поведеніе. Тогда я все понялъ. Она не думала скрывать отъ меня своихъ поступковъ, а говорила, что какъ прежде любила графа, такъ и теперь любить. Да только графъ-то ее ужъ не любилъ: у него завелась новая утѣха. Чтобъ отдѣлаться отъ насъ, онъ перевелъ меня на службу въ Пензу, подальше отъ себя. А тамъ мнѣ еще хуже стало—я не вынесъ моихъ мученій. Я хотѣлъ покончить съ собой, но рука не подымалась...

— Какъ можно!—эка грѣхъ какой! Ужъ что же хуже самоубивства! качаль головой старикъ.

— Не втерпежь было... Я вѣдь никому о своемъ горѣ не говорилъ—вамъ это первымъ рассказываю...

— Что жъ, мнѣ можно: мнѣ какъ будто на духу.

— Вы какъ отецъ меня приняли...

— И точно—я всѣмъ здѣсь отецъ,—потому—старше всѣхъ:—тоже, значить, ветхъ денми...

— Да... Я такъ и рѣшилъ съ собой:—пойду искать добрыхъ, простыхъ людей...

— Простые-то добрѣе, потому—къ Богу ближе живутъ.

— Правда, я самъ это чувствую здѣсь... У васъ рай.

— Точно—рай:—пустынюшка матушка.

— Спасибо Злобину—Василію Алексѣевичу—онъ направилъ меня къ вамъ.

— И благо учинилъ:—у насъ тихо... Вонъ какъ хорошо нашъ скитской соловушко распѣваетъ, благо праздничекъ Богъ далъ:—

всѣ скитскіе-то по ягоды да по грибы пошли, и онъ вотъ, Герасимушко нашъ, пустыню воспѣваетъ..

А изъ-за ветель дѣйствительно неслось пѣніе:

О прекрасная пустыня,
Любимая моя другиня!
Безмолвная мати пустыня,
Безмолвная, не празднословная,
Безропотна, не строптива,
Смиреномудренна, терпѣлива...

— А какъ же жена? спросилъ старикъ.

— Она осталась въ Пензѣ.

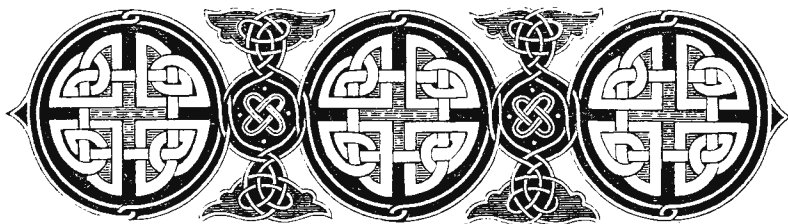
— И не знаетъ, что съ тобой?

— Не знаетъ,—да она и не хочетъ знать:— она тяготилась мною, да и мнѣ она стала въ тягость... Впрочемъ, она, кажется, нашла свое счастье... Она обо мнѣ жалѣть не будетъ... Я для нее, какъ и для всего свѣта, въ воду кануль.

Д. Мордовцевъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ — КРИТИКЪ И ЦЕНЗОРЪ СОЧИНЕНІЙ ПУШКИНА.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ Пушкина представляютъ неисчерпаемый источникъ для историко-литературныхъ изслѣдованій какъ по своему художественному достоинству, такъ и по отношенію къ тогдашнему состоянію нашей умственной и общественной жизни. Самая судьба произведеній великаго писателя, т. е. тѣ условія, при которыхъ они дѣлались достояніемъ русской литературы и русскаго образованнаго общества, невольно привлекаютъ къ себѣ вниманіе изслѣдователя. Сочиненія Пушкина появлялись въ печати не общепринятымъ у насъ способомъ: авторъ не представлялъ своихъ рукописей въ обыкновенную цензуру. Для Пушкина сдѣлано было исключеніе—обязанности цензора принялъ на себя самъ императоръ. Исполнитель воли государя, генераль-адъютантъ Бенкендорфъ, писалъ Пушкину, 30-го сентября 1826 года: «Сочиненій вашихъ никто разсматривать не будетъ; на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь императоръ самъ будетъ первымъ цѣнителемъ произведеній вашихъ и цензоромъ».

Съ какою цѣлью сдѣлалъ это императоръ Николай Павловичъ? Желалъ ли онъ выразить свое уваженіе и довѣріе знаменитому писателю? Но въ такомъ случаѣ всего проще было бы освободить его отъ всякой цензуры. Или, быть можетъ, имѣлось въ виду совершенно другое—устранить всякую попытку напечатать что либо такое, что могло бы проскользнуть отъ недосмотра или снисходительности обыкновенной цензуры? Не была ли подобная мѣра своего рода признаніемъ въ Пушкинѣ весьма крупной нравственной

силы, которою нельзя пренебрегать; становясь лицомъ къ лицу съ гениальнымъ поэтомъ, представитель власти не желалъ ли привлечь къ себѣ, сдѣлать ручнымъ гордаго и непокорнаго льва?

Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно, что отношенія императора Николая I къ Пушкину отчасти вызваны были литературною дѣятельностью Пушкина въ предшествовавшее царствованіе. Извѣстно, что Пушкинъ подвергся гнѣву императора Александра I и былъ сосланъ. О причинѣ ссылки ходили въ свое время слухи болѣе или менѣе неопредѣленные и разнорѣчивые. Рассказывали, напримѣръ, что стихи Пушкина до того увлекали современную молодежь, что гвардейскіе офицеры не только читали ихъ съ жадностью и заучивали наизусть, но исписали ими стѣны казармъ и даже гауптвахты, въ которой дежурили. Въ числѣ этихъ стихотвореній были и такія, которыхъ ни за что не пропустила бы тогдашняя цензура. Допрошенный по начальству, Пушкинъ не утаилъ ничего изъ написаннаго имъ, даже и того, что направлено было, прямо или косвенно, противъ предержавшихъ властей. Вслѣдъ за объясненіемъ у Милорадовича, Пушкина потребовали къ государю. Императоръ Александръ I выразилъ Пушкину свое неудовольствіе, и сказалъ ему: «ты мнѣ даешь совѣты какъ управлять Россіей; но ты еще очень молодъ и совѣтъ не знаешь Россіи, а потому я и пошлю тебя изучать ее» и т. д. Поприщемъ для изученія, т. е. мѣстомъ ссылки, былъ южный край Россіи. Сосланный поэтъ возвратился въ столицу уже по вступленіи на престолъ преемника Александра I.

Въ приливѣ благодарнаго чувства къ своему освободителю, поэтъ говорилъ, обращаясь къ «друзьямъ»:

Въ изгнаньи жизнь моя текла,
Влачилъ я съ милыми раздуку,
Но онъ мнѣ царственную руку
Простеръ, — и съ вами снова я.
Во мнѣ почтилъ онъ вдохновенье,
Освободилъ онъ мысль мою...

Послѣдніе два стиха служатъ поэтическимъ комментариемъ къ официальному извѣщенію о снятіи опалы. Пушкинъ совершенно искренно выражалъ свое чувство — говорилъ «языкомъ правды»: онъ вѣрилъ тогда въ счастливую звѣзду русской литературы, и привѣтствовалъ наступленіе радостнаго дня. Стихотвореніе, заключающее въ себѣ приведенныя строки, относится къ тѣмъ временамъ, когда на молодого государя возлагали надежды многіе изъ писателей и ученыхъ, потерпѣвшихъ въ концѣ царствованія Александра I за свободу мысли и слова. Лица, преслѣдуемыя Магницкимъ, Руничемъ и ихъ сподвижниками, находили себѣ защиту у великаго князя Николая Павловича. «Давайте мнѣ побольше та-

кихъ, какъ Арсеньевъ» — сказалъ великій князь Николай Павловичъ начальнику военнаго училища, въ которомъ преподавалъ профессоръ Арсеньевъ, изгнанный изъ петербургскаго университета. На лекціяхъ своихъ Арсеньевъ указывалъ вредъ крѣпостнаго права и разнаго рода стѣснительныхъ мѣръ. Онъ говорилъ: «Земля, воздѣланная вольными крестьянами, даетъ обильнѣйшіе плоды, нежели земля, обработанная крѣпостными. Свобода промышленника и промысловъ есть самое вѣрное ручательство въ приумноженіи богатства частнаго и общественнаго; гражданская, личная свобода—единый источникъ величія и совершенства всѣхъ родовъ промышленности» и т. п. За подобныя мысли Арсеньевъ былъ обвиняемъ въ государственномъ преступленіи, и въ то самое время, когда возбудили вопросъ о преданіи его уголовному суду, великій князь Николай Павловичъ, бывшій тогда генераль-инспекторомъ по инженерной части, выражалъ Арсеньеву свою благодарность за успѣшное преподаваніе въ главномъ инженерномъ училищѣ. И по вступленіи своемъ на престолъ, императоръ Николай Павловичъ, по нѣкоторымъ дѣламъ о цензурѣ, восходившимъ до верховной власти, обнаруживалъ болѣе терпимости, нежели все цензурное вѣдомство, со всѣми его инстанціями. Комедія Гоголя «Ревизоръ», въ которой видѣли рѣзкій политическій памфлетъ, злую сатиру на наши общественные порядки, появилась въ печати по личной волѣ государя, уничтожившей всѣ опасенія явныхъ и тайныхъ цензоровъ. Замѣчательный трудъ преосвященнаго Филарета, впоследствии архіепископа черниговскаго, подвергся нареканіямъ въ цензурномъ отношеніи. Особенно опасными казались нѣкоторыя мнѣнія автора о свободѣ и независимости церкви и приведенныя имъ историческія свидѣтельства объ отношеніи Петра III къ православію. Прочитавъ сомнительныя и заподозрѣнныя мѣста въ книгѣ Филарета, императоръ Николай I замѣтилъ, что не видитъ въ нихъ ничего, кромѣ правды, и т. д.

Разсматривая сочиненія Пушкина, представляемыя въ рукописи, государь отмѣчалъ мѣста, требовавшія объясненія; въ иныхъ случаяхъ высказывалъ, въ самыхъ общихъ чертахъ, свое мнѣніе о пьесѣ, и давалъ автору совѣты, равносильные приказанію. Для всякаго другого они были бы безусловно обязательными, но Пушкинъ отстаивалъ свои авторскія права, и, выждавъ время, излагалъ доводы, по которымъ то или другое мѣсто, запрещенное августѣйшимъ критикомъ и цензоромъ, не представляло ни малѣйшей опасности и могло бы появиться въ печати. Замѣчательно, что государь соглашался съ доводами Пушкина и предоставлялъ ему право печатать то, что первоначально было запрещено. Когда же требовали отъ Пушкина передѣлокъ и измѣненій, онъ упорно отказывался подъ тѣмъ предлогомъ, что не чувствуетъ въ себѣ способности передѣлывать то, что однажды имъ написано.

При умѣньи Пушкина защищать свою независимость и при нежеланіи государя отталкивать отъ себя писателя, въ которомъ всѣ видѣли славу Россіи, можно было бы ожидать, что Пушкина минуютъ многія изъ тѣхъ невзгодъ, которыя выпадаютъ на долю авторовъ, обязанныхъ представлять свои сочиненія въ обыкновенную цензуру. Но дѣйствительность не всегда соответствуетъ ожиданіямъ и надеждамъ. Пушкинъ имѣлъ полное основаніе полагать, что покончилъ всѣ свои счеты съ цензурнымъ вѣдомствомъ, но оказалось, что онъ ошибался въ этомъ отношеніи. Воля государя освободила его отъ всякой другой цензуры, кромѣ царской, а между тѣмъ послѣдовало распоряженіе о томъ, что Пушкинъ долженъ всѣ свои сочиненія представлять въ цензуру. Во исполненіе высочайше утвержденного положенія правительствующаго сената, с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ предписалъ оберъ-полицеймейстеру, 16-го августа 1828 года: «извѣстнаго стихотворца Александра Пушкина обязать подпискою, дабы онъ впредь никакихъ сочиненій, безъ пропуска и одобренія оныхъ цензурою, не осмѣливался выпускать въ публику, подѣ опасеніямъ строгаго по законамъ взысканія». Постановленіе правительствующаго сената послѣдовало по дѣлу кандидата московскаго университета Леопольдова, преданнаго суду за найденные у него «возмутительные стихи сочиненія Александра Пушкина и сдѣланіе на нихъ надписи, что они на 14-е декабря 1825 года». Въ докладѣ сената говорится: «Пушкинъ отвѣтствовалъ, что стихи сіи были написаны имъ гораздо прежде происшествія 14-го декабря, помѣщены въ элегіи Андрей Шенье и явно относятся къ французской революціи, въ коей Шенье погибъ. Далѣе, изъясняя, что въ семь отрывкѣхъ поэтъ говоритъ о взятіи бастиліи, о клятвѣ *du jeu de roquette*, о перенесеніи тѣлъ славныхъ изгнанниковъ въ пантеонъ, о побѣдѣ революціонныхъ идей, о торжественномъ провозглашеніи равенства, объ уничтоженіи царей, Пушкинъ заключаетъ вопросомъ: что же тутъ общаго съ несчастнымъ бунтомъ 14-го декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взятіемъ подѣ стражу всѣхъ заговорщиковъ?»

Главный источникъ недоразумѣній, со всѣми ихъ печальными послѣдствіями, заключался въ томъ, что Пушкинъ не могъ непосредственно обращаться къ своему высокому критику и цензору. Необходимымъ посредникомъ оставался постоянно генералъ-адъютантъ Бенкендорфъ, шефъ жандармовъ и главный начальникъ грознаго нѣкогда Третьяго Отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, по отзыву его современниковъ, былъ человѣкъ добрый, но совершенно равнодушный къ просвѣщенію и не питавшій ни малѣйшаго сочувствія къ литературѣ. При кажущейся мягкости пріемовъ, онъ отнесся въ сущности, весьма жестко и недоброжелательно къ литературному міру, не щадя и цензурнаго вѣдомства.

Служебная карьера Бенкендорфа началась при императорѣ Павлѣ, и началась блестящимъ образомъ. Въ 1798 году, Бенкендорфъ вступилъ лейбъгвардіи въ семеновскій полкъ унтеръ-офицеромъ, и въ томъ же году произведенъ въ прапорщики, съ назначеніемъ въ флигель-адъютанты къ его императорскому величеству. Находясь въ военной службѣ, Бенкендорфъ участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ и сраженіяхъ. Въ 1804 году, командированъ въ Корфу, гдѣ формировалъ легіоны изъ суліотовъ и албанцевъ. Въ 1811 году, былъ за Дунаемъ въ первой атакѣ крѣпости Силистріи и въ другихъ дѣлахъ при ея блокадѣ. Въ 1814 году, по переправѣ черезъ Рейнъ, посланъ съ отрядомъ въ Эпернэ, откуда вытѣснилъ непріятели и взялъ въ плѣнъ до четырехсотъ человекъ. Въ 1828 году, находился въ Валахія при осадѣ крѣпости Браилова; при переправѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай «былъ въ дѣйствительномъ сраженіи». Участвовалъ въ Отечественной войнѣ, и въ 1812 году, за отличіе въ сраженіи, произведенъ въ генераль-майоры. Въ 1826 году, будучи генераль-адъютантомъ и генераль-лейтенантомъ, назначенъ шефомъ жандармовъ, командующимъ императорскою главною квартирою и главнымъ начальникомъ Третьяго Отдѣленія собственной его императорскаго величества канцеляріи. Въ числѣ разныхъ наградъ, ему пожаловано 28,000 десятинъ земли въ Бессарабской области въ вѣчное и потомственное владѣніе; по духовному завѣщанію императрицы Маріи Ѳеодоровны онъ получилъ, въ 1828 году, 75,000 рублей ассигнаціями. По особой высочайшей волѣ отправился, въ 1841 году, въ Лифляндію, гдѣ произошло сильное волненіе между крестьянами: «въ самое короткое время, успокоивъ всѣ умы, и совершенно возстановивъ прежній порядокъ, возвратился въ Петербургъ».

Истинный представитель «желѣзнаго вѣка», по выраженію Пушкина, полагавшій, что усердіе и безусловная покорность несравненно выше всѣхъ добродѣтелей и талантовъ, Бенкендорфъ питалъ инстинктивное отвращеніе ко всякаго рода свободѣ, и всего пуще — къ свободѣ мысли и слова. Легко представить себѣ, какія отношенія образовались между человекомъ такого склада понятій и поэтомъ, который «свободу смѣлую избралъ себѣ въ законъ» и славу свою полагалъ въ томъ, что и «въ жестокой вѣкѣ возславилъ онъ свободу»...

Бенкендорфъ увѣрялъ Пушкина, что относится къ нему почетически, будучи приставленъ къ нему для того, чтобы руководить его своими совѣтами, не какъ шефъ жандармовъ, а какъ лицо, облеченное особымъ довѣріемъ государя. Но Пушкинъ никакъ не могъ приучить себя къ сыновней почтительности, да и переписка съ Бенкендорфомъ, надо правду сказать, была плохою школою въ этомъ отношеніи. Въ письмахъ Бенкендорфа къ Пушкину, весьма учтивыхъ по внѣшней формѣ, нерѣдко встрѣчаются

и такого рода любезности: «покорнѣйше прошу васъ увѣдомить меня, по какимъ причинамъ не изволили вы сдержатъ даннаго мнѣ слова» или «какія причины могли васъ заставить измѣнить данному мнѣ слову» и т. п. Понятно, съ какимъ чувствомъ Пушкинъ брался за перо, чтобы отвѣчать на подобныя письма. Пушкинъ и Бенкендорфъ не понимали другъ друга: они говорили двумя разными языками; въ понятіяхъ ихъ было такое же несходство, такое же непримиримое разногласіе. По мнѣнію Пушкина, дарованная милость есть право, по мнѣнію Бенкендорфа—обязанность; Бенкендорфъ полагалъ, что быть подъ секретнымъ наблюденіемъ, значитъ тоже самое, что жить на совершенной свободѣ; Пушкину же казалось, что между свободою и какимъ бы - то ни было наблюденіемъ огромная разница, и что если выбирать, то явное наблюденіе слѣдуетъ предпочесть тайному. Пушкинъ писалъ Бенкендорфу: «Я всегда твердо былъ увѣренъ, что высочайшая милость, коей неожиданно былъ я удостоенъ, не лишаетъ меня права, даннаго государемъ всѣмъ его подданнымъ—печатать съ дозволенія цензуры... Государю угодно было впредь положиться на меня въ изданіи моихъ сочиненій. Послѣ того было бы для меня нескромностію вновь подвергать мои сочиненія собственному разсмотрѣнію его величества». Бенкендорфъ отвѣчаетъ Пушкину: «Сколь ни удостоенъ государь императоръ въ чистотѣ вашихъ намѣреній и правилъ, но за всѣмъ тѣмъ, однако же, вамъ надлежитъ испрашивать всякій разъ высочайшее соизволеніе на напечатаніе вашихъ сочиненій» и т. д. Пушкина крайне тревожило учрежденіе надъ нимъ какъ бы опеки въ лицѣ Бенкендорфа. Принявъ на себя роль ментора, Бенкендорфъ старался успокоить Пушкина такими увѣреніями: *Jamais aucune police n'a eu ordre de vous surveiller. Les avis que je vous ai donnés de temps en temps, comme ami, n'ont pu que vous être utiles* ¹⁾. Письмо относится къ 1830 году, а еще въ 1828 году с.-петербургскій военный генераль-губернаторъ доносилъ главнокомандующему въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ: «Во исполненіе высочайше учрежденнаго положенія государственнаго совѣта, учрежденъ за Пушкинымъ секретный надзоръ». Государственный совѣтъ призналъ нужнымъ такую мѣру «по неприличному выраженію Пушкина въ отвѣтахъ на счетъ произшествія 14-го декабря 1825 года и по духу самаго сочиненія его», т. е. тѣхъ стиховъ, за которые судился кандидатъ Леопольдовъ. Самъ Бенкендорфъ спрашивалъ, въ 1829 году, с.-петербургскаго генераль-губернатора, сообщилъ ли онъ начальству того мѣста, куда уѣхалъ Пушкинъ, что онъ состоитъ подъ секретнымъ над-

¹⁾ Никогда никакая полиція не получила приказанія наблюдать за вами. Дружескія предостереженія, которые я давалъ вамъ отъ времени до времени, могли принести вамъ только пользу.

зоромъ. Такъ какъ Пушкинъ уѣхалъ въ Тифлисъ, то о секретномъ надзорѣ сообщено главнокомандующему въ Грузіи, графу Паскевичу-Эриванскому.

Отношенія между Бенкендорфомъ и Пушкинымъ становились все болѣе и болѣе натянутыми. Бездна, отдѣлявшая опекуна отъ опекаемаго, обозначалась все рѣзче и рѣзче. Лица, къ которымъ обращался Бенкендорфъ за свѣдѣніями, не только не старались разсѣять предубѣжденія его противъ Пушкина, а напротивъ того подливали масла въ огонь своимъ неумолимымъ злоязычіемъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ: «Я вамъ сказывалъ, что Пушкинъ поѣхалъ отсюда въ деревню и одинъ. Вотъ первое о немъ извѣстіе отъ собаченки его, Сомова. Что далѣе узнаю, сообщу. Помните при семъ, что у Пушкина родной братъ служилъ на Кавказѣ, и что господинъ поэтъ столь же опасенъ pour l'Etat ¹⁾, какъ неочиненное перо. Ни онъ не затѣетъ ничего въ своей вѣтренной головѣ, ни его не возьметъ никто въ свои затѣи. Можно смѣло утверждать, что это путешествіе устроено игроками, у коихъ онъ въ тискахъ. Ему вѣрно обѣщаютъ золотыя горы на Кавказѣ, а когда увидятъ деньги или поэму, то выиграютъ, и—конецъ... Пушкинъ—несчастное существо, съ огромнымъ талантомъ, служитъ живымъ примѣромъ, что умъ безъ души есть мечъ въ рукахъ бѣшеннаго. Неблагодарность и гордость—двѣ отличительныя черты его характера... Къ господствовавшей нѣкогда партіи Пушкинъ принадлежалъ не по участію въ заговорѣ, но по одинакому образу мыслей и дружбѣ съ главными матадорами», и т. п.

Всѣ сочиненія Пушкина, представляемыя государю, разсматривались предварительно Бенкендорфомъ или—что гораздо вѣроятнѣе—тѣми лицами, которымъ онъ это поручалъ. Нѣкоторыя изъ сочиненій и не доходили до государя, и въ такихъ случаяхъ критикомъ и цензоромъ Пушкина былъ въ дѣйствительности уже не государь, а Бенкендорфъ или кто-либо изъ лицъ, перомъ которыхъ онъ могъ располагать. Пушкинъ иногда прямо говоритъ, что посылаетъ свои стихи на разсмотрѣніе Бенкендорфа, и благодарить его, если онъ оказывается довольно снисходительнымъ цензоромъ. Пушкинъ пишетъ Бенкендорфу: «Честь имѣю препроводить на разсмотрѣніе вашего превосходительства новыя мои стихотворенія... Мнѣ было совѣстно беспокоить ничтожными литературными занятіями моими человѣка государственнаго среди огромныхъ его заботъ... Совѣстясь беспокоить поминутно его величество, я раза два обратился къ вашему покровительству, когда цензура недоумѣвала, и имѣлъ счастье найти въ васъ болѣе снисходительности, нежели въ ней».

¹⁾ Для государства.

Переписка Пушкина съ Бенкендорфомъ заключаетъ въ себѣ матеріалы весьма любопытныя не только для біографіи поэта, но и для исторіи его литературной дѣятельности. Немало данныхъ изъ этой переписки появилось уже на страницахъ различныхъ поврежденныхъ изданій. Но иное приведено только въ отрывкахъ, иное — въ пересказѣ, а не въ дословномъ изложеніи; нѣкоторыя и весьма важныя вещи издавались не по подлиннику, а по копіямъ, и т. д. Вслѣдствіе этого возникали недоразумѣнія, не всѣ черты воспроизводились съ полною опредѣленностію, а нѣкоторыя получали окраску не вполне соответствующую дѣйствительности. Для всесторонняго изученія и оцѣнки литературной дѣятельности знаменитаго писателя необходимо собрать возможно большее количество достовѣрныхъ и точныхъ матеріаловъ, вполне пригодныхъ для историко-литературныхъ изслѣдованій. На этомъ основаніи считаемъ нелишнимъ привести нѣсколько данныхъ, имѣющихъ безспорное значеніе, и заимствуемыхъ изъ первыхъ источниковъ.

Представляя государю рукописи Пушкина, Бенкендорфъ иногда прилагалъ къ нимъ и краткій очеркъ содержанія и даже критическій отзывъ о представляемомъ произведеніи. Эти приложения писались лицами, пользовавшимися почему-бы то ни было довѣріемъ Бенкендорфа ¹⁾.

Въ февралѣ 1827 года, баронъ Дельвицъ, по порученію автора, представилъ Бенкендорфу «пять сочиненій Пушкина: поэму Цыганы, два отрывка изъ третьей главы Онѣгина, 19 октября и къ ***». Разрѣшая ихъ печатать, съ нѣкоторыми ограниченіями, Бенкендорфъ очевидно руководствовался слѣдующими, составленными по его приказанію «примѣчаніями»:

«1) Въ Цыганахъ, хотя говорится о свободѣ и вольности, или лучше сказать, хотя въ сей пьесѣ упоминаются сіи слова, но это не стремленіе къ воспламененію умовъ, не политическая свобода и вольность (такъ называемая), но вольность цыганской бездомной жизни, свобода степей. Безъ всякаго сомнѣнія, сколь ни будетъ хорошо описана цыганская жизнь и нравы кочующихъ, никто не броситъ своего и не промѣняетъ жизнь городскую на цыганскую.

«Это лучшее произведеніе Пушкина въ литературномъ отношеніи—въ родѣ Байрона.

«2) а) Ночной разговоръ Татьяны съ няней, б) Письмо Татьяны, с) Къ ***—ничего не заключаютъ, что бы могло возбудить малѣйшую тѣнь двусмыслія.

---

¹⁾ Считаемъ долгомъ принести искреннюю благодарность г. президенту академіи наукъ, графу Д. А. Толстому, давшему намъ возможность пользоваться нѣкоторыми подлинными документами, относящимися къ Пушкину и его сочиненіямъ.

«3) 19-е октября—для публики можетъ быть будетъ и незачующею пьесою — но заглавныя буквы друзей — для тѣхъ, кто знаетъ, о комъ говорится—лишни. Также вовсе не нужно говорить о своей опалѣ, о несчастіяхъ—когда авторъ не былъ въ ономъ; но былъ милостиво и отечески општрафованъ—за такіе проступки, за которые въ другихъ государствахъ подвергнули бы суду и жестокому наказанію».

На основаніи этихъ замѣтокъ составлено письмо Бенкендорфа къ Пушкину, 4-го марта 1827 года: «Баронъ Дельвигъ, котораго я вовсе не имѣю чести знать, препроводилъ ко мнѣ пять сочиненій вашихъ, я не могу скрыть вамъ крайняго моего удивленія, что вы избрали посредника въ сношеніяхъ со мною, основанныхъ на высочайшемъ соизволеніи.

«Я возвратилъ сочиненія ваши г. Дельвигу и поспѣшаю васъ увѣдомить, что я представлялъ оныя государю императору.

«Произведенія сіи, изъ коихъ одно даже одобрено уже цензурою, не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго цензурнымъ правиламъ. Позвольте мнѣ одно только примѣчаніе: Заглавныя буквы друзей въ пьесѣ 19-е октября не могутъ ли подать повода къ неблагопріятнымъ для васъ собственнымъ заключеніямъ?—Это предоставляю вашему разсужденію».

На письмо это Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу, 22-го марта 1827 года: «Стихотворенія, доставленныя барономъ Дельвигомъ вашему превосходительству, давно не находились у меня: они мною были отданы ему для альманаха: Сѣверные Цвѣты, и должны быть напечатаны въ началѣ нынѣшняго года. Вслѣдствіе высочайшей воли, я остановилъ ихъ напечатаніе и предписалъ барону Дельвигу прежде всего представить оныя вашему превосходительству.

«Чувствительно благодарю васъ за доброжелательное замѣчаніе касательно пьесы 19-е октября. Непремѣнно напишу барону Дельвигу, чтобъ заглавныя буквы именъ—и вообще все, что можетъ подать поводъ къ невыгоднымъ для меня заключеніямъ и толкованіямъ, было имъ исключено.

«Медлительность моего отвѣта происходитъ оттого, что послѣднее письмо, которое удостоился получить отъ вашего превосходительства, ошибкою было адресовано во Псковъ».

Не смотря на замѣчаніе Бенкендорфа, въ печатномъ текстѣ говорится и о несчастіяхъ, и объ опалѣ поэта:

Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ опальный...

.....Поэта домъ опальный...

Изъ края въ край преслѣдуетъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на лоно дружбы новой,
Уставъ, приникъ заскакающей главой...

Съ мольбой моею, печальной и мятежной,
 Съ довѣрчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
 Друзьямъ инымъ душой преданъ нѣжной;
 Но горекъ былъ небратскій ихъ привѣтъ.
 И нынѣ здѣсь, въ забытой сей глуши,
 Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада...

Особенно любопытна литературная исторія знаменитой драмы Пушкина: «Борисъ Годуновъ».

Произведеніе это окончено въ 1825 году, и авторъ далъ ему такое названіе: «Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ». Еще не появляясь въ печати, оно приобрѣло громкую извѣстность въ литературномъ кругу. Самъ Пушкинъ выразился такимъ образомъ: «трагедія моя извѣстна почти всѣмъ тѣмъ, мнѣніемъ которыхъ дорожу». Во время пребыванія своего въ Москвѣ, Пушкинъ читалъ свою «комедію» въ обществѣ писателей и ученыхъ; въ числѣ слушателей его были: Веневитиновъ, Баратынскій, Мицкевичъ, Хомяковъ, Кирѣевскіе, Погодинъ, Шевыревъ, и др. По этому поводу Бенкендорфъ писалъ Пушкину, 22-го ноября 1826 года: «Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную вами вновь трагедію. Сіе меня побуждаетъ васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня, справедливо ли таковое извѣстіе или нѣтъ» и т. д.

Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу, изъ Пскова, 29-го ноября 1826 года: «Такъ какъ я дѣйствительно въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ, то поставляю себѣ за долгъ препроводить ее вашему превосходительству въ томъ самомъ видѣ, какъ была она мною читана, дабы вы сами изволили видѣть духъ, въ которомъ она сочинена. Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія. Такъ какъ другаго списка у меня не находится, то приѣмлю смѣлость просить ваше превосходительство оный мнѣ возвратить».

9-го декабря 1826 года Бенкендорфъ Пушкину: «Получивъ письмо вмѣстѣ съ препровожденною при ономъ драматическою піе-сою, я послѣшаю васъ о томъ извѣстить, съ присовокупленіемъ, что я оную представляю его императорскому величеству, и дамъ вамъ знать о воспослѣдовать имѣющему высочайшемъ отзывѣ».

Вмѣстѣ съ драмою Пушкина представлены Бенкендорфомъ государю и слѣдующія «замѣчанія» и «выписки»:

Замѣчанія на Комедію о Царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ.

«По названію Комедія, данному піесѣ, не должно думать, что это комедія въ такомъ родѣ, какъ называются драматическія произведенія, изображающія странности общества и характеровъ. Пуш-

кинъ хотѣлъ подражать даже въ заглавіи старинѣ. Въ началѣ русскаго театра, въ 1705 году, комедіей называлось какое-нибудь происшествіе историческое или выдуманное, представленное въ разговорѣ. Въ спискѣ таковыхъ комедій, находившихся въ посольскомъ приказѣ 1709 года, мы находимъ заглавія: комедія о Франгаласѣ, царѣ эфирскомъ и о Мирандолѣ, сынѣ его, и о прочихъ; комедія о честномъ измѣнникѣ, въ ней же первая персона Арцухъ (то-есть герцогъ) Фридерикъ фонъ Поплей; комедія о крѣпости Грубетона, въ ней же первая персона Александръ, царь македонскій, и тому подобное. Въ подражаніе симъ названіямъ Пушкинъ назвалъ свое сочиненіе Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Въ сей піесѣ нѣтъ ничего цѣлаго: это отдѣльныя сцены или, лучше сказать, отрывки изъ X и XI тома исторіи государства русскаго, сочиненія Карамзина, передѣланныя въ разговоры и сцены. Характеры, происшествія, мѣнія, все основано на сочиненіи Карамзина, все оттуда позаимствовано. Автору комедіи принадлежитъ только рассказъ, расположеніе дѣйствія на сцены.

«Почти каждая сцена составлена изъ событій, упомянутыхъ въ исторіи, исключая сцены самозванца въ корчмѣ на литовской границѣ, сцены юродиваго и свиданія самозванца съ Мариною Мишешкѣ въ саду, гдѣ онъ ей признается, что онъ Отрепьевъ, а не царевичъ.

«Цѣль піесы—показать историческія событія въ естественномъ видѣ, въ нравахъ своего вѣка.

«Духъ цѣлаго сочиненія монархическій; ибо нигдѣ не введены мечты о свободѣ, какъ въ другихъ сочиненіяхъ сего автора, и только одно мѣсто предосудительно въ политическомъ отношеніи: народъ привязывается къ самозванцу именно потому, что почитаетъ его отраслью древняго царскаго рода. Нѣкоторые бояре увлекаются честолюбіемъ—но такъ говоритъ исторія. Имена почти всѣ историческія.

«Литературное достоинство гораздо ниже, нежели мы ожидали. Это не есть подражаніе Шекспиру, Гёте и Шиллеру: ибо у сихъ поэтовъ въ сочиненіяхъ, составленныхъ изъ разныхъ эпохъ, всегда находится связь и цѣлое въ піесахъ. У Пушкина это разговоры, припоминающіе разговоры Вальтера Скотта. Кажется, будто это составъ вырванныхъ листовъ изъ романа Вальтера Скотта. Для русскихъ это будетъ чрезвычайно интересно по новости рода, и по отечественнымъ событіямъ; для иностранцевъ все это потеряно. Нѣкоторыя сцены, какъ, напримѣръ, первая на рубежѣ Россіи, сцена, когда монахъ Пименъ пишетъ исторію, а молодой инокъ Гришка Отрепьевъ спитъ въ кельѣ, сцена Гришки Отрепьева въ корчмѣ на литовской границѣ и еще нѣкоторыя мѣста истинно занимательны и народны; но въ цѣломъ составѣ нѣтъ

ничего такого, которое бы показывало сильные порывы чувства или пламенное пѣтическое воображеніе. Все—подражаніе, отъ первой сцены до послѣдней. Прекрасныхъ стиховъ и тирадъ весьма мало.

«Нѣкоторыя мѣста должно непременно исключить. Говоря сіе, должно замѣтить, что человекъ съ малѣйшимъ вкусомъ и тактомъ не осмѣлился-бы никогда представить публикѣ выраженія, которыя нельзя произнести ни въ одномъ благопристойномъ трактирѣ! на примѣръ, слова Маржерета. См. № 1.

«Въ сценѣ юродиваго № 2 слова: не надобно бы молиться за царя Ирода, хотя не подлежатъ никакимъ толкамъ и примѣненіямъ,—но такъ говорятъ раскольники, и называютъ Иродомъ každого, кого имъ заблагоразсудится, кто брѣшетъ бороду, и т. п.

«№ 3. Сія тирада произведетъ непріятное впечатлѣніе. У насъ еще не привыкли, чтобы каждый герой романа говорилъ своимъ языкомъ безъ возраженія въ слѣдъ за его умствованіемъ. Предоставлять каждому читателю возражать самому—еще у насъ не принято, да и публика наша для сего не созрѣла.

«№ 4. Здѣсь представлено, что народъ съ воплемъ и слезами проситъ Бориса принять царскій вѣнецъ (какъ сказано у Карамзина); а между тѣмъ изображено: что люди плачутъ, сами не знаютъ о чемъ, а другіе вовсе не могутъ проливать слезъ и хотятъ лукомъ натирать глаза! «о чемъ мы плачемъ?»—говоритъ одинъ: «А какъ намъ знать, то вѣдаютъ бояре, не намъ чета!» — Отвѣчаетъ другой. Затрудняюсь въ изложеніи моего мнѣнія на счетъ сей сцены. Прилично ли такъ толковать народныя чувства?

«№ 5. Сцену въ корчмѣ можно бы смягчить: монахи слишкомъ представлены въ развратномъ видѣ. Пословица: вольному воля, спасенному рай, передѣлана: Вольному воля, а пьяному рай. Хотя эти монахи и бѣжали изъ монастыря и хотя это обстоятельство находится у Карамзина; но кажется, самый развратъ и попойка должны быть облагорожены въ поэзіи, особенно въ отношеніи къ званію монаховъ.

«№ 6. Рѣшительно должно выкинуть весь монологъ. Во первыхъ, царская власть представлена въ ужасномъ видѣ; во вторыхъ, явно говорится, что кто только будетъ обѣщать свободу крестьянамъ, тотъ взбунтуетъ ихъ. Въ юрьевъ день можно было, до царствованія Бориса Годунова, переходить съ мѣста на мѣсто.

«За сими исключеніями и поправками, кажется, нѣтъ никакого препятствія къ напечатанію піесы. Разумѣется, что играть ее невозможно и не должно; ибо у насъ не видывали патріарха и монаховъ на сценѣ. До 1818 года, въ повѣстяхъ, гпсняхъ и романахъ, выводили въ дѣйствіе монаховъ, и даже не всегда въ блестящихъ цвѣтахъ. Во время мистицизма и вліянія духовенства на литературу даже имена монаховъ и священниковъ запрещалось

строго упоминать; нельзя было сказать: «отецъ мой!»—По паденіи мистицизма и уничтоженіи монашескаго вліянія, показались двѣ піесы, гдѣ монахи выведены въ дѣйствіе: Чернецъ, поэма, сочин. Козлова, и Русалка—Пушкина. Обѣ піесы подвергались гоненію духовенства, и на нихъ были приносимы жалобы министру просвѣщенія. Но въ публикѣ это не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, и у насъ есть народныя, напечатанныя пѣсни, въ коихъ даже монахи представлены въ самомъ развратномъ видѣ. Характерическая черта русскаго народа есть то, что онъ приверженъ къ вѣрѣ и обрядамъ церковнымъ, но вовсе не уважаетъ духовнаго званія, какъ тогда только, когда оно въ полномъ облаченіи. Всѣ сказки, всѣ анекдоты не обойдутся безъ попа—представленнаго всегда въ дурномъ видѣ. И такъ кажется, что введеніе патриарха и монаховъ въ сочиненіе Пушкина не произведетъ никакого дурнаго впечатлѣнія въ публикѣ, исключая партіи, приверженной къ системѣ мистицизма. Впрочемъ, это зависитъ совершенно отъ того, какъ угодно будетъ смотрѣть на сей предметъ: у Карамзина все это описано въ десятеро сильнѣе—и онъ говоритъ даже, что въ то время Россія была наполнена бѣглыми монахами, которые, скитаясь по обителямъ, дѣлали большіе соблазны и даже злодѣянія. Здѣсь только въ одной сценѣ представлены они въ попойкѣ».

Выписка изъ комедіи о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ.

Ходъ піесы.

«Она начинается со дня вступленія Годунова на царство; изображаетъ притворство и лукавство Бориса, отклонявшаго сначала отъ себя высокій санъ царя, по избранію духовенства и бояръ; возобновленіе усиленныхъ ихъ убѣжденій, и наконецъ его согласіе, и принятіе правленія.

«Нахожденіе Отрепьева въ Чудовѣ монастырѣ монахомъ, въ кельѣ Пимена лѣтописца, который, рассказывая ему о убіеніи Дмитрія царевича, упомянулъ, что еслибъ Дмитрій былъ живъ, то онъ бы былъ ровесникъ ему по лѣтамъ. Дерзкое предпріятіе Отрепьева назваться царевичемъ; бѣгство его изъ монастыря и изъ Россіи въ Литву. Пребываніе въ Краковѣ; удача самозванца; помощь, оказываемая ему королемъ и вельможами. Пребываніе его въ имѣніи Мнишеа; любовь его къ Маринѣ. Распространеніе въ Москвѣ слуховъ о самозванцѣ; безпокойство и различные толки въ народѣ; мѣры осторожности царя Бориса.

«Вступленіе самозванца въ Россію, съ шайкою его приверженцевъ; сраженія; различные успѣхи съ обѣихъ сторонъ.

«Страданіе Бориса, мучимаго совѣстію; предложеніе патріарха перенести мощи Димитрія царевича изъ Углича въ Москву, для увѣренія народа о его смерти. Отклоненіе сего предложенія княземъ Шуйскимъ, съ коимъ царь соглашается.

«Молебствія въ присутствіи Бориса; безпокойство его отъ угрызенія совѣсти; онъ изнемогаетъ. Назначеніе сына Θεодора наслѣдникомъ. Патріархъ, духовенство и бояре признаютъ его царемъ.— Постриженіе Бориса; его смерть. Царство Θεодора.—Рѣчь Пушкина (Гаврила) прибывшаго отъ самозванца въ Москву, къ народу, о признаніи царемъ законнаго наслѣдника Димитрія царевича и о истребленіи рода Бориса Годунова.

«Заключеніе подъ стражу царя Θεодора и его сестры Ксеніи.— Прибытіе въ палаты, гдѣ заключены высокіе плѣнники, бояръ Голицына и Милославскаго.— Стоны и вопли, исходящіе изъ палатъ.— Объявленіе о смерти царя и его матери. Провозглашеніе царемъ Димитрія Ивановича. Вышеозначенныя происшествія происходятъ: въ Москвѣ на площадяхъ, около соборовъ и монастырей, въ Чудовомъ монастырѣ; въ палатахъ царскихъ, въ домахъ бояръ.— На границѣ Литвы: въ корчмѣ, Краковѣ, въ жилищѣ самозванца, въ домѣ Мнишка. На границѣ Россіи: въ лагеряхъ около Новгорода Сѣверскаго, и пр.

«Дѣйствующія лица: царь Борисъ со всѣмъ своимъ семействомъ, патріархъ, монахи, бояре, народъ; юродивый Николка;—Отрепьевъ, его приверженцы: князь Курбскій, Хрущовъ, Пушкинъ (Гаврило), Мнишекъ, Марина и пр.»

Выписка:

№ 1.

МАРЖЕРЕТЪ.

Tudieu, il y fait chaud! — Ce diable de samozvanets, comme ils l'appellent, est un bougre, qui a du poil au col-qu'en pensez vous, mein herr?

№ 2.

ЮРОДИВЫЙ.

Борисъ, Борисъ! Николку дѣти обижаютъ.

ЦАРЬ.

Подать ему милостыню. О чемъ онъ плачетъ?

ЮРОДИВЫЙ.

Николку маленькія дѣти обижаютъ... веди ихъ зарѣзать, какъ зарѣзалъ ты маленькаго царевича.

БОЯРЕ.

Поди прочь, дуракъ, схватите дурака!

ЦАРЬ.

Оставьте его. Молись за меня, бѣдный Николка!

ЮРОДИВЫЙ.

Нѣтъ, нѣтъ! нельзя молиться за царя Ирода—
Богородица не велить.

№ 3.

ЦАРЬ.

Лишь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержатъ народъ. Такъ думалъ Иоаннъ,
Смиритель бурь, разумный самодержецъ,
Такъ думалъ и—его свирѣпый внукъ.
Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ,
Твори добро—не скажетъ онъ спасибо,
Грабь и казни—тебѣ не будетъ хуже.

№ 4.

НАРОДЪ.

Ахъ, смилуйся, отецъ нашъ! властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ царь!

ОДИНЪ (тихо).

О чемъ мы плачемъ?

ДРУГОЙ.

А какъ намъ знать? то вѣдаютъ бояре,
Не намъ чета.

БАВА (съ ребенкомъ).

Ну, что-жь? какъ надо плакать,
Такъ и затихъ! вотъ я тебя! вотъ бука!
Плачь, баловень! (бросаетъ его объ земь; ребенокъ пищитъ).
Ну, то-то-же.

ОДИНЪ.

Всѣ плачутъ,
Заплачемъ, братъ, и мы.

ДРУГОЙ.

Я силюсь, братъ,
Да не могу.

ПЕРВЫЙ.

Я также. Нѣтъ ли луку?
Потремъ глаза.

№ 5-й. **Монахи пьютъ; Варлаамъ затягиваетъ пѣсню.**

Ты проходишь, дорогая, и проч.

(Григорью): Что же ты не подтягиваешь, да и не потягиваешь?

ГРИГОРІЙ.

Не хочу.

МИСАИЛЬ.

Вольному воля...

ВАРЛААМЪ.

А пьяному рай, отвѣтилъ Мисаиль! выпьемъ же чарочку за шинкарочку...

...неволей добрый молодецъ и проч.

Однако, отецъ Мисаиль, когда я пью, такъ трезвыхъ не люблю; ино дѣло пьянство, а иное чванство; хочешь жить какъ мы, милости просимъ—нѣтъ, такъ убирайся, проваливай: скоморохъ попу не товарищъ.

ГРИГОРІЙ.

Пей, да про себя разумѣй, от. Варлаамъ! видишь, и я порой складно говорить умѣю.

ВАРЛААМЪ.

А что мнѣ про себя разумѣть!

МИСАИЛЬ.

Оставь его, от. Варлаамъ.

ВАРЛААМЪ.

Да что онъ за постникъ? самъ же къ намъ навязался въ товарищи, невѣдомо кто, невѣдомо откуда — да еще и спѣсивится; можетъ быть кобылу нюхаль... (пѣть и поеть).

ГРИГОРІЙ (хозяйкѣ).

Куда ведетъ эта дорога?

ХОЗЯЙКА.

Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луевымъ горамъ.

ГРИГОРІЙ.

А далече ли до Луевыхъ горъ?

ХОЗЯЙКА.

Не далече, къ вечеру можно бы туда поспѣть, кабы не заставы царскія, да сторожевыя приставы.

ГРИГОРІЙ.

Какъ заставы! что это значить?

ХОЗЯЙКА.

Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ задерживать да осматривать.

ГРИГОРІЙ (про себя).

Вотъ тебѣ, бабушка, юрьевъ день.

ВАРЛААМЪ.

Эй, товарищъ! да ты къ хозяйкѣ присусѣдился. Знать, не нужна тебѣ водка, а нужна молодка, дѣло, братъ, дѣло! у всякаго свой обычай; а у насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка: пьемъ до донушка, выпьемъ, поворотимъ, и въ донушко поколотимъ.

МИСАИЛЬ.

Складно сказано, отъ Варлаамъ.

№ 6.

БОЯРИНЪ ПУШКИНЪ.

Такой грозѣ, что врядъ царю Борису
Сдержатъ вѣнецъ на умной головѣ!
И по дѣломъ ему! онъ править нами,
Какъ царь Иванъ (не къ ночи будь помянуть):
Что пользы въ томъ, что явныхъ казней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Иисусу,
Что насъ не жгутъ на площади, а царь
Своимъ жезломъ не подгребаешь углей?
Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей?
Насъ каждый день опала ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль кандалы,
А тамъ, въ глуши голодна смерть, или петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?

Гдѣ Сицкіе князья, гдѣ Шестуновы,
 Романовы, отечества надежда?
 Заточены, замучены въ изгнаньи.
 Дай срокъ: тебѣ такая жь будетъ участь.
 Легко-ль, скажи? мы дома, какъ Литвой,
 Осаждены невѣрными рабами,
 Все языки, готовые продать,
 Правительствомъ подкупленные воры;
 Зависимъ мы отъ перваго холопа,
 Котораго захочемъ наказать.
 Вотъ—юрьевъ день задумалъ уничтожить,
 Не властны мы въ помѣстіяхъ своихъ,
 Не смѣй согнать лѣнивца! радъ-не радъ,
 Корми его, не смѣй переманить
 Работника, не то въ приказъ холопій,
 Ну, слыхано ль хоть при царѣ Иванѣ
 Такое зло? а легче ли народу?
 Спроси его. Попробуй самозванецъ
 Имъ посулить старинный юрьевъ день,
 Такъ и пойдетъ потѣха.

На рукописи Пушкина государь, по свидѣтельству П. А. Плетнева, отмѣтилъ нѣсколько сценъ краснымъ карандашемъ. На представленныхъ же Бенкендорфомъ «Замѣчаніяхъ» государь написалъ: «Я считаю, что цѣль г. Пушкина была бы выполнена, еслибъ съ нужнымъ очищеніемъ передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ на подобіе Вальтеръ Скотта». Отзывъ государя находится въ непосредственной связи съ «Замѣчаніями», въ которыхъ упоминается о цѣли пьесы и говорится: «кажется будто это составъ вырванныхъ листовъ изъ романа «Вальтера Скотта» и т. д. Въ приложеніи къ „Замѣчаніямъ» — въ «Выпискахъ» указаны тѣ мѣста, отъ которыхъ комедія должна быть очищена.

Объ отзывѣ государя Бенкендорфъ увѣдомилъ Пушкина письмомъ 14-го декабря 1826 года: «Я имѣлъ счастье представить государю императору комедію вашу о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ. Его величество изволилъ прочесть оную съ большимъ удовольствіемъ и на поднесенной мною по сему предмету запискѣ собственноручно написать слѣдующее:

«Я считаю, что цѣль г. Пушкина была бы выполнена, еслибъ съ нужнымъ очищеніемъ передѣлалъ комедію свою въ историческую повѣсть или романъ, на подобіе Вальтера Скотта».

«Увѣдомляя васъ о семъ высочайшемъ отзывѣ и возвращая при семъ сочиненіе ваше, долгомъ считаю присовокупить, что мѣста,

обратившія на себя вниманіе его величества и требующія нѣкотораго очищенія, отмѣчены въ самой рукописи и заключаются также въ прилагаемой у сего выпискѣ».

Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу, 3 января 1827 года: «Съ чувствомъ глубочайшей благодарности получилъ я письмо вашего превосходительства, увѣдомляющее меня о всемилостивѣйшемъ отзывѣ его величества касательно моей драматической поэмы. Согласенъ, что она болѣе сбивается на историческій романъ, нежели на трагедію, какъ государь императоръ изволилъ замѣтить. Жалѣю, что я не въ силахъ уже передѣлать мною однажды написанное».

Этимъ письмомъ прерывается переписка о драмѣ Пушкина, до 1829 года. 20-го іюля 1829 года, П. А. Плетневъ обратился къ служившему въ Третьемъ Отдѣленіи собственной его императорскаго величества канцеляріи Петру Яковлевичу фонъ-Фоку съ слѣдующимъ письмомъ:

«Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ имѣлъ счастье представлять государю императору еще въ Москвѣ во время коронаціи драматическое свое сочиненіе. На рукописи автора его императорскому величеству угодно было отмѣтить нѣсколько сценъ краснымъ карандашомъ, вслѣдствіе чего и сдѣланы были г. Пушкинымъ разныя перемѣны въ сочиненіи.

«Впрочемъ, по недовѣрчивости ли къ собственному своему вкусу, или желая подвергнуть свои поправки свѣжему взгляду, авторъ передъ отъѣздомъ изъ С.-петербурга передалъ рукопись Василю Андреевичу Жуковскому, съ тѣмъ, чтобы онъ, пересмотрѣвъ еще поправленное сочиненіе, принялъ на себя трудъ заготовить чистый экземпляръ, въ какомъ видѣ полагаетъ лучше издать его.

«Получивъ нынѣ отъ г. Жуковскаго обѣ рукописи, имѣю честь препроводить ихъ къ вамъ, милостивый государь. Такъ какъ, по желанію автора, я приступаю къ печатанію этого сочиненія, то не угодно ли будетъ вамъ, по сличенію оригинала съ копіею, подписать послѣднюю для типографіи, а первый возвратитъ мнѣ для доставленія г. Жуковскому».

Вслѣдствіе этого письма, рукопись была представлена государю при докладѣ слѣдующаго содержанія: «По высочайшему вашему императорскаго величества повелѣнію представляется драматическое стихотвореніе Пушкина о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ». На докладѣ написано: «Высочайшаго соизволенія не воспослѣдовало. 10-го октября 1829 года». На томъ же докладѣ, рукою Бенкендорфа, карандашомъ: «возвратить Пушкину съ тѣмъ, чтобы перемѣнилъ бы нѣкоторыя мѣста, слишкомъ тривіальныя, и тогда я опять доложу государю». 21-го января 1830 года Бенкендорфъ писалъ Пушкину: «Возвращая при семь два рукописные экземпляра комедіи вашей о царѣ Борисѣ покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, перемѣнить въ оной еще нѣкоторыя, слишкомъ три-

вѣальныхъ мѣста. Тогда я вмѣню себѣ въ пріятнѣйшую обязанность снова представить сіе стихотвореніе государю императору».

Требованіе новыхъ измѣненій глубоко опечалило Пушкина, и онъ рѣшился отстаивать, до послѣдней крайности, свободу своего творчества. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно замѣчательно письмо Пушкина къ Бенкендорфу, 16-го апрѣля 1830 года, заключающее въ себѣ живыя черты для характеристики Пушкина вообще. Оно писано по-французски. Приводимъ изъ него то, что относится собственно къ «Борису Годунову» ¹⁾:

Encore une grâce: en 1826 j'apportais à Moscou ma tragedie de Годуновъ écrite pendant mon exil. Elle ne vous fut envoyée, telle que vous l'avez vue, que pour me disculper. L'empereur ayant daigné la lire m'a fait quelques critiques sur des passages trop libres, et je dois l'avouer sa Majesté n'avait que trop raison. Deux ou trois passages ont aussi attiré son attention, parce qu'ils semblaient présenter des allusions aux circonstances alors récentes, en les relisant actuellement je doute qu'on puisse leur trouver ce sens là. Tous les troubles se ressemblent. L'auteur dramatique ne peut répondre des paroles qu'il met dans la bouche des personnages historiques. Il doit les faire parler selon leur caractère connu. Il ne faut donc faire attention qu'à l'esprit dans lequel est conçu l'ouvrage entier, à l'impression qu'il doit produire. Ma tragedie est une oeuvre de bonne foi et je ne puis en conscience supprimer ce qui me parait essentiel. Je supplie sa Majesté de me pardonner la liberté que je prends de la contredire,

---

¹⁾ Еще одну милость: въ 1826 году я привезъ въ Москву свою трагедію о Годуновѣ, писанную во время моей ссылки. Только для того, чтобы оправдать себя, я послалъ вамъ свою трагедію въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она тогда была. Императоръ, удостоивъ ее прочтенія, сдѣлалъ мнѣ нѣсколько замѣчаній о мѣстахъ черезчуръ свободныхъ, и я долженъ сознаться, что его величество былъ какъ нельзя болѣе правъ. Два или три мѣста также привлекли его вниманіе, потому что представляли кажущіеся намеки на событія, тогда еще недавнія. Но перечитывая ихъ въ настоящее время, я сомнѣваюсь, чтобы можно было въ нихъ найти этотъ смыслъ. Всѣ смуты похожи одна на другую. Драматическій писатель не можетъ отвѣчать за слова, которыя онъ влагаетъ въ уста историческихкихъ лицъ. Онъ долженъ заставлять ихъ говорить сообразно съ ихъ характеромъ. Итакъ, надо обращать вниманіе на духъ, въ которомъ написана вся пьеса, и на впечатлѣніе, которое она должна произвести. Моя трагедія есть произведеніе вполне искреннее, и я не могу по совѣсти уничтожить то, что мнѣ кажется существеннымъ. Умоляю его величество простить мнѣ ту свободу, съ которою я ему противорѣчу; я очень хорошо знаю, что это противорѣчіе поэта можетъ показаться смѣшнымъ, но до сихъ поръ я постоянно отклонялъ всѣ предложенія книгопродавцевъ: я былъ счастливъ, что могъ въ тишинѣ приносить эту жертву волѣ его величества. Въ настоящее же время, вынуждаемый обстоятельствами, я умоляю его величество развязать мнѣ руки и позволить мнѣ напечатать мою трагедію въ томъ видѣ, какъ она есть.

je sais bien que cette opposition de poète peut prêter à rire, mais jusqu'à présent j'ai toujours constamment refusé toutes les propositions des libraires; j'étais heureux de pouvoir faire en silence ce sacrifice à la volonté de sa Majesté. Les circonstances actuelles me pressent et je viens supplier sa majesté de me délier les mains et de me permettre d'imprimer ma tragedie comme je l'entends.

Пушкинъ получилъ желаемое разрѣшеніе. Въ письмѣ своемъ, 28-го апрѣля 1830 года, Бенкендорфъ увѣдомлялъ Пушкина, что государь разрѣшаетъ напечатать трагедію подь собственною отвѣтственностью автора: Pour ce qui regarde votre tragedie de Godouhoff, S. M. l'Empereur vous permet de la faire imprimer sous votre propre responsabilité ¹⁾).

О послѣдовавшемъ разрѣшеніи Бенкендорфъ увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія князя Ливена. Бенкендорфъ писалъ князю Ливену, 22-го октября 1830 года. «По высочайшему повелѣнію государя императора, объявилъ я извѣстному писателю Александру Сергѣевичу Пушкину дозволеніе его императорскаго величества на напечатаніе исторической драмы его сочиненія: «Борисъ Годуновъ», подь собственною его отвѣтственностію.

«Освѣдомясь нынѣ, что г. Пушкинъ намѣренъ отдать сіе сочиненіе, для напечатанія, въ типографію департамента народнаго просвѣщенія, я счелъ долгомъ довести до свѣдѣнія вашей свѣтлости объявленную мною г. Пушкину высочайшую волю, съ тѣмъ, что не благоугодно ли будетъ вамъ, милостивый государь, къ должному исполненію оной, приказать помянутой типографіи, отпечатать потребное число экземпляровъ означенной драмы, непрекословно выдать, кому г. Пушкинъ поручить оныя принять».

24-го декабря 1830 года, князь Ливенъ увѣдомилъ Бенкендорфа, что «типографія департамента народнаго просвѣщенія, отпечатать драму г. Пушкина, выпустила экземпляры, по его порученію г. Плетневу».

Печатный экземпляръ «Бориса Годунова» былъ представленъ государю. О впечатлѣніи, произведенномъ на государя драмою Пушкина, появившеюся въ печати, Бенкендорфъ увѣдомилъ автора письмомъ 9-го января 1831 года. Бенкендорфъ не рѣшился отправить письмо, не представивши его предварительно государю. Въ письмѣ Бенкендорфа Пушкину было сказано: «Его величество государь императоръ, прочитавъ сочиненіе ваше «Борисъ Годуновъ», изволилъ отозваться, что чтеніе сего изящнаго піитическаго творенія доставило ему великое удовольствіе». Государь исправилъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: «Его величество государь императоръ по-

¹⁾ Что касается вашей трагедіи о Годуновѣ, его величество государь императоръ разрѣшаетъ вамъ напечатать ее подь вашею собственною отвѣтственностью.

ручить мнѣ изволилъ увѣдомить васъ, что сочиненіе ваше «Борисъ Годуновъ» изволилъ читать съ особымъ удовольствіемъ».

Пушкинъ отвѣчалъ Бенкендорфу письмомъ изъ Москвы 18-го января 1831 года: «Съ чувствомъ глубочайшей благодарности удостоился я получить благосклонный отзывъ государя императора о моей исторической драмѣ. Писанный въ минувшее царствованіе, «Борисъ Годуновъ» обязанъ своимъ появленіемъ не только частному покровительству, которымъ удостоилъ меня государь, но и свободѣ, смѣло дарованной монархомъ писателямъ русскимъ въ такое время и въ такихъ обстоятельствахъ, когда всякое другое правительство старалось бы стѣснить и оковать книгопечатаніе».

Чтобы понять настоящій смыслъ этого письма, необходимо припомнить, когда и по какому поводу оно писано. Долго ожидалъ Пушкинъ счастливой поры, когда его любимое произведеніе появится, наконецъ въ печати, и эта пора наступила. Поэтъ одержалъ своего рода побѣду надъ препятствіями, которыя казались неодолимыми: ему разрѣшено было печатать подъ его собственною отвѣтственностью. Онъ увѣренъ былъ, что это разрѣшеніе равносильно праву печатать безъ цензуры, и что оно простирается не только на «Бориса Годунова» но и на всѣ другія сочиненія. Что именно такъ понималъ Пушкинъ слова: *sous votre propre responsabilité*, видно изъ того, что онъ считалъ ихъ знакомъ особеннаго довѣрія, и напоминая Бенкендорфу о своемъ правѣ говорилъ: «Государю угодно было впредь положиться на меня въ изданіи моихъ сочиненій». Суть хвалебнаго отзыва о правительствѣ, смѣло даровавшемъ свободу писателямъ, заключается въ томъ, что свобода слова возвышаетъ власть и показываетъ ея могущество, а стѣсненіе и оковы печати низводятъ власть съ ея высоты и покрываютъ безславіемъ. Въ самомъ упоминаніи объ «оковахъ книгопечатанія» не заключается ли косвеннаго осужденія тѣхъ нехорошихъ средствъ, которыя могла присовѣтывать реакція встрѣчавшая на ту пору многихъ поборниковъ и у насъ, и въ другихъ государствахъ.

При сравненіи перваго печатнаго изданія «Бориса Годунова» съ «выписками» изъ рукописи Пушкина, присланной Бенкендорфу, оказывается, что изъ шести мѣстъ, подлежащихъ исключенію, два, именно № 3 и № 6 удержаны въ печатномъ изданіи вполнѣ, безъ малѣйшихъ измѣненій; одно № 4 исключено все; въ остальныхъ сдѣлано немного измѣненій. Въ № 5 пропущено: «Эй, товарищъ, да ты къ хозяйкѣ присусѣдился. Знать не нужна тебѣ водка, а нужна молодка. Дѣло, братецъ, дѣло! У всякаго свой обычай, а у насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботушка: пьемъ до донушка, выпьемъ, поворотимъ и въ донушко поколотимъ» и т. д. Въ № 2 вмѣсто: Николку дѣти обижаютъ; молись за меня, бѣдный Николка»

напечатано: «Мальчишки обижаютъ юродиваго; молись за меня юродивый». Мѣсто № 1 измѣнено такимъ образомъ:

Въ рукописи:

Tudieu, il y fait chaud! Ce diable de samozvanets, comme ils l'appellent, est un bougre, qui a du poil au col—qu'en pensez mein herr.

Въ печатномъ изданіи:

Diable, il y fait chaud! Ce diable de samozvanetz, comme il s'appelle, est un brave à trois poils.

По счастью, первоначальный текстъ драмы Пушкина сохранился въ собственноручной, бѣловой рукописи автора. Драгоценность эта принадлежитъ въ настоящее время Павлу Васильевичу Жуковскому, сыну В. А. Жуковского, друга Пушкина. Благодаря просвѣщенной обязательности владѣльца рукописи, мы могли сравнить ее съ тѣми «выписками», которыя сдѣланы были, для государя, въ 1826 году. При сравненіи невольно возникаетъ вопросъ, не есть ли это та самая рукопись, которую Пушкинъ отослалъ Бенкендорфу, и которая, слѣдовательно, была въ рукахъ государя? Для рѣшенія этого вопроса надо имѣть въ виду слѣдующее. Въ рукописи, принадлежащей П. В. Жуковскому, отмѣчены краснымъ карандашомъ—знакомъ №—всѣ тѣ мѣста, относительно которыхъ требовалось нужное очищеніе. И число отмѣченныхъ мѣстъ—шесть, и нумера отмѣтокъ вполне соответствуютъ числу и номерамъ «выписокъ», приложенныхъ къ «замѣчаніямъ» или къ той «запискѣ», о которой упоминаетъ Бенкендорфъ въ своемъ отвѣтѣ Пушкину. Всѣ или почти всѣ измѣненія въ автографѣ Пушкина, сдѣланныя карандашомъ, принадлежать, судя по почерку, Василию Андреевичу Жуковскому. Измѣненія эти въ такомъ родѣ:

Вмѣсто: «Наряжены Москву мы вмѣстѣ вѣдать»—

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать (стр. 37). ¹⁾

Вмѣсто: «И въ петлю лѣзть не захочу я даромъ»—

И въ петлю лѣзть не соглашусь я даромъ (стр. 39).

Вмѣсто: «Желалъ бы знать, чего желаетъ онъ»—

Желалъ бы знать, о чемъ гадаетъ онъ (стр. 53).

Вмѣсто: «Даровъ любви»—утѣхъ любви (стр. 54) и т. п.

Самое выдающееся измѣненіе заключается въ пропускѣ собственнаго имени юродиваго. Въ рукописи Пушкина: «Николка Николка—желѣзный колпакъ!.. Николку дѣти обижаютъ.. Николку маленькія дѣти обижаютъ... Молись за меня, бѣдный Николка». Имя: Николка зачеркнуто, и мѣста, гдѣ оно было, измѣнены такъ: «Молись за меня юродивый.. «Мальчишки меня обижаютъ», и т. п. (стр. 100—102). За самыми незначитель-

¹⁾ Страницы указаны по изданію 1882 года. Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе восьмое, подъ редакціей П. А. Ефремова. Томъ V.

ными исключеніями, выписанныя мѣста представляютъ дословное сходство съ соответствующими мѣстами рукописи Пушкина въ ея первоначальномъ видѣ, т. е. пока въ ней не было сдѣланныхъ карандашомъ измѣненій. Мѣста зачеркнутыя въ рукописи карандашомъ, не вошли и въ печатное изданіе. И въ собственноручной рукописи Пушкина, и въ «выпискахъ» пьеса названа такъ: «Комедія о царѣ Борисѣ и о Гришкѣ Отрепьевѣ». Въ рукописи Пушкина «комедія» оканчивается словами: «Кричите, да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ! Народъ: Да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!» Затѣмъ выставленъ годъ, и рукою самого же Пушкина написано: «Конецъ комедіи, въ ней же первая персона царь Борисъ Годуновъ. Слава Отцу и Сыну и св. Духу, аминь».

Однимъ изъ первыхъ произведеній Пушкина, по возвращеніи его изъ ссылки, была записка: О народномъ воспитаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ она была первою данью, заплаченною потомъ своему новому положенію. Написанная на-скоро, не по желанію самого автора, а по приказанію государя, состоящая изъ отрывочныхъ замѣтокъ, записка Пушкина все-таки заключаетъ въ себѣ много любопытнаго, рисующаго тогдашнее время и складъ понятій автора.

Приказаніе государя передано Пушкину Бенкендорфомъ. 30-го сентября 1826 года Бенкендорфъ писалъ Пушкину: «Его величество совершенно остается увѣреннымъ, что вы употребите отличныя способности ваши на переданіе потомству славы нашего отечества, предавъ вмѣстѣ безсмертію имя ваше. Въ сей увѣренности его императорскому величеству благоугодно, чтобы вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ; вамъ предоставляется совершенная и полная свобода, когда и какъ представить ваши мысли и соображенія. И предметъ сей долженъ представить вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія».

Пушкинъ не отвѣчалъ на это письмо. Черезъ нѣсколько времени Бенкендорфъ снова обратился къ Пушкину, напомнивъ ему о прежнемъ письмѣ. Вскорѣ послѣ втораго письма Бенкендорфа, Пушкинъ прислалъ свою записку: О народномъ воспитаніи.

При оцѣнкѣ этого труда, или—точнѣе—этихъ набросковъ, не слѣдуетъ забывать, что авторъ взялся за перо не по собственной волѣ, а по приказу, и самъ вполне сознавалъ свою неподготовленность къ рѣшенію предложенной ему задачи. Не смотря на то, что ему прямо указано было, въ какомъ духѣ и направленіи должно писать, Пушкинъ умѣлъ сохранить свою самостоятельность, и написалъ въ сущности совсѣмъ не то, чего требовалось и чего ожидали.

Печальными красками изображаетъ Пушкинъ современное ему воспитаніе, въ особенности домашнее. Съ малыхъ раннихъ лѣтъ, ребенокъ отдается на жертву двухъ темныхъ силъ; видитъ вокругъ себя своеволие—съ одной стороны, и рабство—съ другой. Кругъ образованія ограничивается поверхностнымъ изученіемъ иностранныхъ языковъ. Всѣ мечты юноши стремятся къ тому, чтобы скорѣе пло производство, скорѣе дослужиться до крупнаго чина. Наши общественные порядки вовсе не таковы, чтобы могли исправить зло, вносимое въ жизнь плохимъ воспитаніемъ. Вещи по существу своему ужасныя считаются у насъ самыми обыкновенными: юноши и взрослые наказываются, и не въ мѣру строго, за проступки, совершенные ими въ отроческомъ возрастѣ. «Въ Россіи все продажно», и педагоги берутъ взятку такъ же точно, какъ и таможенные чиновники. Для успѣха нашихъ общественныхъ учебныхъ заведеній отнюдь не должно «ограничивать идей, которыя и безъ того слишкомъ у насъ ограничены». Преподаватель исторіи долженъ выставлять событія въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, не допуская ни малѣйшаго лукавства, т. е. не искажая республиканскихъ подвиговъ въ угоду монархическому взгляду на вещи. Для успѣшнаго хода всѣхъ нашихъ общественныхъ и государственныхъ дѣлъ необходимо, по мнѣнію Пушкина, чтобы между правительствомъ и обществомъ существовало полное и искреннее согласіе, и чтобы они дружно стремились къ одной и той же великой цѣли—«къ улучшенію государственныхъ постановленій».

Основная мысль Пушкина заключается въ томъ, что просвѣщеніе, можетъ удалить поводы къ общественнымъ волненіямъ и смутамъ. Съ развитіемъ просвѣщенія поднимается и нравственный уровень общества: просвѣщеніе дѣйствуетъ благотворно не только на умы, но и на нравы людей. Чѣмъ менѣе путей открыто для просвѣщенія, чѣмъ менѣе свободы предоставлено литературѣ, тѣмъ труднѣе достигается благая цѣль. Упомянувъ о политическихъ заговорахъ и тайныхъ обществахъ, Пушкинъ, указываетъ на то обстоятельство, что «рукописные пасквили на правительство» и другія возмутительныя вещи размножились именно тогда, когда «литература была подавлена самою своенравною цензурою».

Будучи убѣжденъ, что въ просвѣщеніи заключается великая нравственная сила, охраняющая и общество и государство, и зная, что въ кругу лицъ, окружавшихъ государя, господствуютъ другіе взгляды, Пушкинъ не хотѣлъ надѣвать на себя маски, не скрывалъ своего образа мыслей, и высказалъ его со всею прямою и искренностью. Получивъ отъ Бенкендорфа внушеніе въ томъ духѣ, что усердіе важнѣе просвѣщенія, отъ котораго нерѣдко возникали смуты и мятежи, Пушкинъ послалъ тому же самому Бенкендорфу стихотвореніе, въ которомъ говоритъ, что только рабъ или лстецъ можетъ внушать государю, что «просвѣщенія плодъ—развратъ и

нѣжкій духъ мятежный»; подобные навѣты на просвѣщеніе лишь «горе на царя накличуть». Стихотвореніе Пушкина: «Друзьямъ» можетъ служить, до нѣкоторой степени, какъ-бы поясненіемъ къ запискѣ о воспитаніи.

Записка Пушкина о народномъ воспитаніи извѣстна въ печати только по черновому списку, случайно уцѣлѣвшему. Приводимъ ее по подлиннику, т. е. по тому самому, бѣловому, списку, который былъ въ рукахъ государя, сдѣлавшаго на немъ свои отмѣтки.

О народномъ воспитаніи.

«Послѣднія произшествія обнаружили много печальныхъ истинъ. Недостатокъ просвѣщенія и нравственности вовлекъ многихъ молодыхъ людей въ преступныя заблужденія. Политическія измѣненія, вынужденныя у другихъ народовъ силою обстоятельствъ и долговременнымъ приготовленіемъ, вдругъ сдѣлались у насъ предметомъ замысловъ и злонамѣренныхъ усилій. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, молодые люди занимались только военною службою, старались отличиться одною свѣтскою образованностію или шалостями; литература (въ то время столь свободная) не имѣла никакого направленія; воспитаніе ни въ чемъ не отклонилось отъ первоначальныхъ начертаній. Десять лѣтъ спустя, мы увидѣли либеральныя идеи необходимой вывѣской хорошаго воспитанія, разговоръ исключительно политическій; литературу (подавленную самой своенравною цензурою) превратившуюся въ рукописныя пасквили на правительство и возмутительныя пѣсни; наконецъ и тайныя общества, заговоры, замыслы болѣе или менѣе кровавыя и безумныя.

«Ясно, что походамъ 1813 и 1814 года, пребыванію нашихъ войскъ во Франціи и въ Германіи должно приписать сіе вліяніе на духъ и нравы того поколѣнія, коего несчастные представители погибли въ нашихъ глазахъ; должно надѣяться, что люди, раздѣлявшіе образъ мыслей заговорщиковъ, образумились; что, съ одной стороны, они увидѣли ничтожность своихъ замысловъ и средствъ, съ другой, необъятную силу правительства, основанную на силѣ вещей. Вѣроятно, братья, друзья, товарищи погибшихъ успокоятся временемъ и размышленіемъ, поймутъ необходимость и простятъ оной въ душѣ своей. Но надлежитъ защитить новое, возрастающее поколѣніе, еще не наученное никакимъ опытомъ, и которое скоро явится на поприще жизни со всею пылкію первой молодости, со всѣмъ ея восторгомъ и готовностію принимать всякія впечатлѣнія.

«Не одно вліяніе чужеземнаго идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитаніе, или, лучше сказать, отсутствіе воспитанія есть корень всякаго зла. Не просвѣщенію, сказано въ высо-

чайшемъ манифестѣ, отъ 13-го іюля 1826 года, но праздности ума, болѣе вредной, чѣмъ праздность тѣлесныхъ силъ, недостатку твердыхъ познаній должно приписать сіе своевольство мыслей, источникъ буйныхъ страстей, сію пагубную роскошь полупознаній, сей порывъ въ мечтательныя крайности, коихъ начало есть порча нравовъ, а конецъ погибель. Скажемъ болѣе: одно просвѣщеніе въ состояніи удержатъ новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія.

«Чины сдѣлались страстію русскаго народа. Того хотѣлъ Петръ Великій, того требовало тогдашнее состояніе Россіи. Въ другихъ земляхъ молодой человекъ кончаетъ курсъ ученія около 25-ти лѣтъ, у насъ онъ торопится вступить какъ можно ранѣе въ службу, ибо ему необходимо 30-ти лѣтъ быть полковникомъ или коллежскимъ совѣтникомъ. Онъ входитъ въ свѣтъ безо всякихъ основательныхъ познаній, безъ всякихъ положительныхъ правилъ, всякая мысль для него нова, всякая новость имѣетъ на него вліяніе. Онъ не въ состояніи ни повѣрять, ни возражать, онъ становится слѣпымъ приверженцемъ или жалкимъ повторителемъ перваго товарища, который захочетъ оказать надъ нимъ свое превосходство или сдѣлать изъ него свое орудіе.

«Конечно, уничтоженіе чиновъ (по крайней мѣрѣ гражданскихъ) представляетъ великія выгоды; но сія мѣра влечетъ за собою и безпорядки безчисленные, какъ вообще всякое измѣненіе постановленій, освященныхъ временемъ и привычкою. Можно, по крайней мѣрѣ, извлечь нѣкоторую пользу изъ самаго злоупотребленія и представить чины цѣлю и достояніемъ просвѣщенія, должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія, подчиненныя надзору правительства, должно его тамъ удержатъ, дать ему время перекипѣть, обогатиться познаніями, созрѣть въ типинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ. Въ Россіи домашнее воспитаніе есть самое недостаточное, самое безнравственное: ребенокъ окруженъ одними холопами, видитъ одни гнусные примѣры, своевольничаетъ или рабствуетъ, не получаетъ никакихъ понятій о справедливости, о взаимныхъ отношеніяхъ людей, объ истинной чести. Воспитаніе его ограничивается изученіемъ двухъ или трехъ иностранныхъ языковъ и начальнымъ основаніемъ всѣхъ наукъ, преподаваемыхъ какимъ нибудь нанятымъ учителемъ. Воспитаніе въ частныхъ пансіонахъ немногимъ лучше, здѣсь и тамъ оно кончается на 16-тилѣтнемъ возрастѣ воспитанника. Нечего колебаться: во чтѣ бы-то ни стало, должно подавить воспитаніе частное.

«Надлежитъ всѣми средствами умножить невыгоды, сопряженныя съ онымъ (напримѣръ, прибавить годы унтеръ-офицерства и первыхъ гражданскихъ чиновъ).

«Уничтожить экзамены. Покойный императоръ, удостовѣрясь въ ничтожествѣ ему предшествовавшаго поколѣнія, желалъ открытъ

дорогу просвѣщенному юношеству и задержать какъ нибудь стариковъ, закоренѣлыхъ въ безнравствіи и невѣжествѣ. Отселѣ указъ объ экзаменахъ, мѣра слишкомъ демократическая и ошибочная, ибо она нанесла послѣдній ударъ дворянскому просвѣщенію и гражданской администраціи, вытѣснивъ все новое поколѣніе въ военную службу. А такъ какъ въ Россіи все продажно, то и экзамень сдѣлался новой отраслю промышленности для профессоровъ. Онъ походить на плохую таможенную заставу, въ которую старые инвалиды пропускаютъ за деньги тѣхъ, которые не умѣли проѣхать стороною. И такъ (съ такого-то года) молодой человекъ, невоспитанный въ государственномъ училищѣ, вступая въ службу, не получаетъ впередъ никакихъ выгодъ и не имѣетъ права требовать экзамена.

«Уничтоженіе экзаменовъ произведетъ большую радость въ старыхъ титулярныхъ и коллежскихъ совѣтникахъ, что и будетъ хорошимъ противофѣйствіемъ ропоту родителей, почитающихъ своихъ дѣтей обиженными.

«Что касается до воспитанія заграничнаго, то запрещать его нѣтъ никакой надобности. Довольно будетъ опутать его однѣми невыгодами, сопряженными съ воспитаніемъ домашнимъ, ибо, первое, весьма немногіе стануть пользоваться симъ позволеніемъ; второе, воспитаніе иностранныхъ университетовъ, не смотря на всѣ свои неудобства, не въ примѣръ для насъ менѣе вредно воспитанія патріархальнаго. Мы видимъ, что Н. Тургеневъ, воспитывавшійся въ геттингенскомъ университетѣ, не смотря на свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностію и умѣренностію, слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ познаній. Такимъ образомъ, уничтоживъ или, по крайней мѣрѣ, сильно затруднивъ воспитаніе частное, правительству легко будетъ заняться улучшеніемъ воспитанія общеннаго.

«Ланкастерскія школы входятъ у насъ въ систему военного образованія и, слѣдовательно, состоятъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ.

«Кадетскіе корпуса, разсадникъ офицеровъ русской арміи, требуютъ физическаго преобразованія, большаго присмотра за нравами, кои находятся въ самомъ гнусномъ запущеніи. Для сего нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ; доносы другихъ должны быть оставлены безъ изслѣдованія и даже подвергаться наказанію; черезъ сію полицію должны будутъ доходить и жалобы до начальства. Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходящія между воспитанниками. За найденную похабную рукопись положить тягчайшее наказаніе, за возмутительную — исключеніе изъ училища, но безъ дальнѣйшаго гоненія по службѣ: наказывать юношу или взрослого человека за вину отрока есть дѣло ужасное и, къ несчастію, слишкомъ у насъ обыкновенное.

«Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній необходимо. Надлежитъ зранѣе внушить воспитанникамъ правила чести и человѣколюбія, не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ, слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаеть изъ нихъ палачей, а не начальниковъ.

«Въ гимназіяхъ, лицеяхъ и пансіонахъ при университетахъ должно будетъ продлить, по крайней мѣрѣ, тремя годами кругъ обыкновенный ученія, по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ.

«Преобразование семинарій, разсадника нашего духовенства, какъ дѣло высшей государственной важности, требуетъ полного, особеннаго разсмотрѣнія.

«Предметы ученія въ первые годы не требуютъ значительной перемѣны. Кажется, однакожь, что языки слишкомъ много занимаютъ времени. Къ чему, напримѣръ, 6-тилѣтнее изученіе французскаго языка, когда навѣкъ свѣта и безъ того слишкомъ уже достаточенъ? къ чему латинскій или греческій? позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго?

«Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ свѣтскихъ журналахъ. Все это отвлекаетъ отъ ученія, приучаетъ дѣтей къ мелочнымъ успѣхамъ и ограничиваетъ идеи, уже и безъ того слишкомъ у насъ ограниченныя.

«Высшія политическія науки займутъ окончательныя годы. Преподаваніе правъ, политическая экономія по новѣйшей системѣ Сея и Сисмонди, статистика, исторія.

«Исторія въ первые годы ученія должна быть голымъ хронологическимъ разсказомъ происшествій безо всякихъ нравственныхъ или политическихъ разсужденій. Къ чему давать младенствующимъ умамъ направленіе одностороннее, всегда непрочное? но въ окончательномъ курсѣ преподаваніе исторіи (особенно новѣйшей) должно будетъ совершенно измѣниться. Можно будетъ съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ, источника нужды и требованій государственныхъ, не хитрить, не искажать республиканскихъ разсужденій, не позорить убивства Кесаря, превознесеннаго 2,000 лѣтъ, но представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества, а Кесаря честолюбивымъ возмутителемъ.

«Вообще, не должно, чтобъ республиканскія идеи изумили воспитанниковъ при вступленіи въ свѣтъ и имѣли для нихъ прелесть новизны.

«Исторію русскую должно будетъ преподавать по Карамзину. Исторія государства російскаго есть не только произведеніе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка. Россія слишкомъ мало извѣстна русскимъ; сверхъ ея исторіи, ея статистика,

ея законодательство требуютъ особенныхъ каедръ. Изученіе Росіи должно будетъ преимущественно занять въ окончателные годы умы молодыхъ дворянъ, готовящихся служить отечеству вѣрою и правдою, имѣя цѣлю искренно и усердно соединиться съ правительствомъ въ великомъ подвигѣ улучшенія государственныхъ постановленій, а не препятствовать ему, безумно упорствуя въ тайномъ недоброжелательствѣ.

«Самъ отъ себя я бы никогда не осмѣлился представить на разсмотрѣніе правительства столь недостаточныя замѣчанія о предметѣ столь важномъ, каково есть народное воспитаніе: одно желаніе усердіемъ и искренностью оправдать высочайшія милости, мною незаслуженныя, понудили меня исполнить ввѣренное мнѣ препорученіе. Ободренный первымъ вниманіемъ государя императора, всеподданнѣйше прошу его величество дозволить мнѣ повергнуть предъ нимъ мысли касательно предметовъ болѣе мнѣ близкихъ и знакомыхъ».

«Александръ Пушкинъ».

Рукопись, представленная Пушкинымъ государю, не есть автографъ; Пушкинъ только подписалъ ее, выставилъ заглавіе и «своею же рукою приписалъ, на поляхъ, два мѣста, которыя должны быть включены въ текстъ, а именно слѣдующія: «Мы видимъ, что Н. Тургеневъ, воспитывавшійся въ геттингенскомъ университетѣ, не смотря на свой политическій фанатизмъ, отличался посреди буйныхъ своихъ сообщниковъ нравственностію и умѣренностію—слѣдствіемъ просвѣщенія истиннаго и положительныхъ познаній» и «Преобразование нашихъ семинарій—разсадника нашего духовенства, какъ дѣло высшей государственной важности, требуетъ полного, особеннаго разсмотрѣнія».

Вниманіе государя обратили на себя слѣдующія мѣста: ¹⁾.

— Походамъ 13 и 14 года, пребыванію нашихъ войскъ во Франціи и въ Германіи, должно приписать вліяніе на духъ и нравы того поколѣнія, коего несчастные представители погибли въ нашихъ глазахъ.—(?)

— Отсутствие воспитанія есть корень всякаго зла.—(?)

— Одно просвѣщеніе въ состояніи удержать новыя безумства, новыя общественныя бѣдствія.—(?)

— Уничтоженіе чиновъ представляетъ великія выгоды, но влечетъ за собою и беспорядки безчисленные.—(?)—можно, по крайней мѣрѣ, представить чины цѣлю и достояніемъ просвѣщенія.—(?)

— Должно увлечь все юношество въ общественныя заведенія.—(?)

¹⁾ Въ скобкахъ помѣщены знаки, поставленные государемъ.

— Должно дать ему (юношеству) время созрѣть въ тишинѣ училищъ, а не въ шумной праздности казармъ.—(?)

— Должно подавить воспитаніе частное.—(?)

— Прибавить годы унтеръ-офицерства и первыхъ гражданскихъ чиновъ.—(?)

— Уничтожить экзамены.. Молодой человѣкъ, невоспитанный въ государственномъ училищѣ, вступая въ службу, не получаетъ впередъ никакихъ выгодъ.—(?)

— Запрещать воспитаніе заграничное нѣтъ никакой надобности.—(?)

— Доносы (воспитанниковъ) должны быть оставлены безъ вниманія и даже подвергаться наказанію.—(?)

— Должно обратить строгое вниманіе на рукописи, ходяція между воспитанниками. и т. д. Наказывать юношу или взрослого человѣка за вину отрока есть дѣло ужасное.—(?)

— Не должно забывать, что они будутъ имѣть право розги и палки надъ солдатомъ.—(?)

— Слишкомъ жестокое воспитаніе дѣлаетъ палачей, а не начальниковъ.—(?)

— Къ чему латинскій (языкъ) или греческій: позволительна ли роскошь тамъ, гдѣ чувствителенъ недостатокъ необходимаго.—(?)

— Можно представить Кесаря честолюбивымъ возмутителемъ.—(?)

— Республиканскія идеи имѣли для воспитанниковъ прелесть новизны.—(?)

— Ланкастерскія школы входятъ у насъ въ систему военнаго образованія и, слѣдовательно состоятъ въ самомъ лучшемъ порядкѣ.—(??)

— Нужна полиція, составленная изъ лучшихъ воспитанниковъ.—(??)

— Уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній необходимо.—(??)

— Можно представить Брута защитникомъ и мстителемъ коренныхъ постановленій отечества.—(??)

— Можно будетъ съ хладнокровіемъ показать разницу духа народовъ; (???) — источника нуждъ и требованій государственныхъ.—(??)

— Въ гимназіяхъ, лицейхъ и пансіонахъ при университетахъ продлить кругъ ученія, по мѣрѣ того повышая и чины, даваемые при выпускѣ.—(???)

— Во всѣхъ почти училищахъ дѣти занимаются литературою, составляютъ общества, даже печатаютъ свои сочиненія въ журналахъ.—(!?)

Обѣ собственноручныя приписки Пушкина, о Н. Тургеневѣ и о преобразованіи семинарій, отмѣнены двумя вопросительными знаками.

На первой страницѣ рукописи, представленной Пушкинымъ, написано рукою Бенкендорфа, карандашемъ: Lui faire une reponse, le remercier pour ce papier, en lui observant cependant, que le principe qu'il avance, que l'instruction et le génie est tout est un principe faux pour tous les gouvernements, et nommément celui qui a manqué le précipiter lui-même dans l'abime et qui y a jeté tant de jeunes gens; que la morale, les services, le zèle doivent l'emporter sur l'instruction... ¹⁾ Остальныхъ нѣсколькихъ словъ нельзя разобрать: они стерлись отъ времени. Впрочемъ все, написанное Бенкендорфомъ, воспроизведено, съ небольшими измѣненіями, въ слѣдующемъ письмѣ его къ Пушкину, 23-го декабря 1826 года:

«Государь императоръ съ удовольствіемъ изволилъ читать разсужденія ваши о народномъ воспитаніи, и поручилъ мнѣ изъяснить вамъ высочайшую свою признательность.

«Его величество при семъ замѣтить изволилъ, что принятое вами правило, будто бы просвѣщеніе и геній служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило опасное для общаго спокойствія, завлекшее васъ самихъ на край пропасти и повергшее въ оную толикое число молодыхъ людей. Нравственность, прилежное служеніе, усердіе предпочесть должно просвѣщенію неопытному, безнравственному и бесполезному. На сихъ-то началахъ должно быть основано благонаправленное воспитаніе. Впрочемъ, разсужденія ваши заключаютъ въ себѣ много полезныхъ истинъ».

Въ запискѣ своей о народномъ воспитаніи Пушкинъ дѣйствительно выдвигаетъ на первый планъ просвѣщеніе, а о геніи онъ вовсе и не упоминаетъ. Приписывая Пушкину такое поклоненіе генію, Бенкендорфъ находилъ, быть можетъ, подъ влияніемъ тѣхъ лицъ, которыя внушали ему, что Пушкинъ чрезвычайно гордъ, самонадѣянъ и придаетъ чрезчуръ большое значеніе своему поэтическому таланту.

Записка Пушкина «О народномъ воспитаніи» впервые напечатана, въ 1872 году, П. И. Бартевымъ, по черновой рукописи Пушкина, которую самъ авторъ передалъ князю П. А. Вяземскому ²⁾. По этому списку напечатана она и въ собраніи сочиненій А. С. Пушкина, издатель которыхъ замѣчаетъ, что «бѣловой списокъ пока неизвѣстенъ» ³⁾.

¹⁾ Написать ему отвѣтъ, благодарить его за эту бумагу, замѣтивъ ему однакожь, что выставленное имъ начало, что просвѣщеніе и геній составляютъ все, есть начало ложное въ глазахъ всѣхъ правительствъ, и оно-то едва не нивергло его въ ту бездну, въ которую бросило столько молодыхъ людей; что нравственность, исполненіе служебныхъ обязанностей, усердіе, должны быть предпочитаемы просвѣщенію...

²⁾ Девятнадцатый вѣкъ. Историческій сборникъ, издаваемый Петромъ Бартевымъ. 1872. Книга вторая, стр. 209—218.

³⁾ Сочиненія А. С. Пушкина. Изданіе восьмое, подъ редакціей П. А. Ефремова. 1882. Томъ V, стр. 40—46 и 486.

П. В. Анненковъ въ своихъ «Матеріалахъ для біографіи Александра Сергѣевича Пушкина» говоритъ: «Нѣсколько черновыхъ безслѣдныхъ отрывковъ трактата о воспитаніи, сохранившихся въ бумагахъ Пушкина, не даютъ никакой ясной идеи о сочиненіи; но изъ отзыва, воспослѣдовавшаго на разсужденіе, можно заключить объ односторонности основной мысли автора. Изъявляя ему признательность за нѣкоторыя отдѣльныя истины, высшее начальство постановило ему на видѣ, что правило, принятое сочинителемъ будто просвѣщеніе и гений служатъ исключительнымъ основаніемъ совершенству, есть правило невѣрное, ибо при семъ упущены изъ виду нравственныя качества и наконецъ примѣрное служеніе, усердіе, которыя должно предпочесть просвѣщенію неопытному, безнравственному и бесполезному» ¹⁾. «Изъ этого надо бы заключить, — говоритъ П. И. Бартеневъ, напечатавшій записку Пушкина въ своемъ изданіи—что «записка» была подана не въ томъ видѣ, какъ здѣсь напечатана»; но мы скорѣе думаемъ, что собиратель матеріаловъ для біографіи Пушкина смѣшалъ обстоятельства, и что приведенныя выраженія служили отвѣтомъ на что-либо другое. Бумаги Пушкина требуютъ точнѣйшаго разсмотрѣнія.

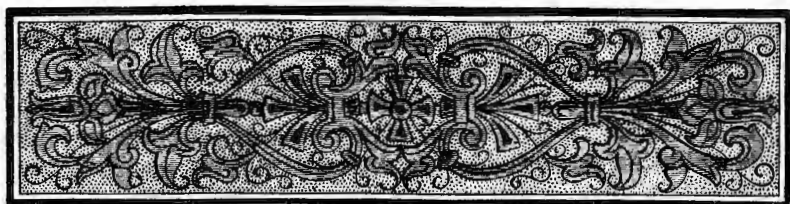
Указанія, сохранившіяся въ первыхъ источникахъ, вполне разъясняютъ дѣло, устраняя всякое сомнѣніе въ томъ, что «отзывъ» относится къ запискѣ о народномъ воспитаніи, а не къ другому какому либо сочиненію Пушкина.

М. И. Сухомлиновъ.

---

¹⁾ Сочиненія Пушкина. Изданіе П. В. Анненкова. 1855. Томъ первый, стра. 174—175.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

Ө. Ө. КОКОШКИНЪ.

ВЪ НѢКОТОРЫХЪ русскихъ мемуарахъ встрѣчались рассказы о Федорѣ Федоровичѣ Коккошкинѣ, бывшемъ директорѣ московскаго театра и переводчикѣ мольеровскаго «Мизантропа». Въ воспоминаніяхъ его современниковъ онъ представляется по большей части человѣкомъ далеко не симпатичнымъ: его обвиняютъ въ надутомъ чванствѣ, узкомъ педантизмѣ, интригахъ и недоброжелательствѣ. Можетъ быть, въ этихъ отзывахъ и была доля правды, но въ моей памяти онъ рисуется въ иномъ видѣ. Правда, я зналъ его недолго и притомъ только въ послѣдніе годы его жизни и въ моей ранней молодости, но какъ бы ни было, онъ представляется мнѣ человѣкомъ не только не злымъ, а напротивъ радушнымъ и добрымъ, хотя во многихъ отношеніяхъ страннымъ и даже смѣшнымъ. Извѣстно, что онъ былъ недурнымъ актеромъ, въ тогдашнемъ псевдо-классическомъ смыслѣ, и удачно игралъ на своемъ домашнемъ театрѣ въ комедіяхъ Мольера, но едва ли въ ряду разыгранныхъ имъ ролей на сценѣ нашлось бы лицо столько комическое, какъ онъ самъ былъ въ дѣйствительной жизни.

Я былъ еще въ одномъ изъ высшихъ классовъ первой, и въ то время единственной, московской гимназіи, когда отецъ мой перѣхалъ въ домъ Коккошкина, на Никитскомъ бульварѣ. Мы жили во флигелѣ, а хозяинъ помѣщался въ большомъ каменномъ домѣ, который стоялъ въ глубинѣ двора, отдѣленнаго отъ улицы рѣшет-

чатымъ заборомъ. Въ то время Федоръ Федоровичъ не былъ уже директоромъ императорскаго театра, но не переставалъ еще интересоваться имъ; его посѣщали актеры и театралы, журналисты и литераторы, и на его домашней сценѣ бывали иногда спектакли, въ которыхъ самъ онъ непремѣнно участвовалъ. На эти вечера съѣзжались люди изъ лучшаго московскаго общества и артистическаго круга, и многихъ, кажется, не столько привлекало предлагаемое зрѣлище, сколько сопровождавшіе его ужины и вообще широкое, радушное гостепріимство хозяина. Мнѣ скоро пришлось быть на одномъ изъ такихъ спектаклей, и хотя онъ сильно привлекалъ меня, особенно артистической игрою самого Коккошкина и жившей тогда въ его домѣ актрисы Потанчиковой, но я замѣтилъ однако же, что нѣкоторые гости меньше интересовались пьесою, чѣмъ буфетомъ. Иные даже въ тихомолку подсмѣивались надъ превосходительнымъ актеромъ.

На масляницѣ, Коккошкинъ былъ у насъ на блинахъ, заговорилъ со мною, спросилъ о занятіяхъ въ гимназіи, пожелалъ видѣть мои классныя сочиненія и предложилъ брать книги изъ его библіотеки. Я конечно не упустилъ случая воспользоваться этимъ предложеніемъ. Тутъ удалось мнѣ перечитать много классическихъ, преимущественно французскихъ писателей и въ первый разъ познакомиться съ трагедіями и романами Вольтера. Выѣстъ съ тѣмъ, при частыхъ прогулкахъ въ библіотеку, гдѣ иногда проводилъ я цѣлые часы, разсматривая гравюры и иллюстрированныя изданія, которыя неудобно было брать домой, познакомился я и съ домашней жизнью моего патрона.

Коккошкину въ то время было лѣтъ семьдесятъ, но онъ еще казался бодрымъ и не переставалъ разыгрывать свѣтскаго селадона и дамскаго поклонника. Надобно было видѣть, какія совершались съ нимъ каждый день овидіевскія превращенія. Утромъ, вставъ съ постели, сидѣлъ онъ въ своемъ кабинетѣ, въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, желтый какъ египетская мумія, съ гладкимъ безволосымъ черепомъ и ввалившимися щеками, и медленно пилъ свою чашку кофе. Казалось, этотъ уже полуживой старикъ сейчасъ рухнетъ на полъ. Но вотъ приходитъ его камердинеръ, Данило Ивановичъ, ставитъ на столъ разныя принадлежности старческаго туалета—флаконы съ румянами и бѣлилами, щеточки и кисточки, рыжеватый парикъ на деревянномъ болванѣ и искусственную челоусть на серебряномъ блюдецѣ. И начиналось превращеніе, какого не придумывалъ и пѣвецъ Метаморфозъ. Пергаменное лицо начинало бѣлѣть и алѣть подъ косметической щекатуркой, голый черепъ прикрывался густыми завитыми кудрями, изъ-за натертыхъ розовой помадою губъ выглядывали прекрасныя вставныя зубы, и вся скорбленная фигура выпрямлялась подъ туго-затянутымъ корсетомъ. Раза два или три въ недѣлю, въ модномъ сюртучкѣ, съ

тросточкой, на концѣ которой былъ золотой молоточекъ, послѣдній изъ атрибутовъ масонства, выѣзжалъ онъ въ коляскѣ, или только сопровождаемый ею выходилъ пѣшкомъ на прогулку.

Модными гуляньями въ Москвѣ были въ то время Пресненскіе пруды, Тверской бульваръ и Осташевскій садъ. Тамъ въ очередные дни недѣли можно было видѣть лучшее московское общество. Отъ двухъ до четырехъ часовъ дня прилегающія улицы уставлены были рядами экипажей, а по аллеямъ двигались пестрые группы гуляющихъ. На каждомъ изъ этихъ гуляній были свои кортесы и признанныя знаменитости: иногда можно было встрѣтить тамъ характерную фигуру Ермолова, съ его величаво-львиной головой, или улыбающееся, умное лицо Дениса Давыдова, или шагающаго на тонкихъ ногахъ пресловутаго ратника Сергѣя Глинку. Были знаменитости и между дамами: такъ, напримѣръ, однажды общее вниманіе обращено было въ Осташевскомъ саду на извѣстную кавалеристъ-дѣвицу Дурову-Александрову. Кокоскинъ посѣщалъ регулярно эти гулянья, особенно садъ и бульваръ, и его можно было видѣть преимущественно или съ тогдашними литературными и артистическими извѣстностями, или съ молодыми дамами. Кто встрѣчалъ его въ эти часы, стоящаго передъ какой-нибудь московской красавицей и играющаго своей тросточкой съ живостью молодого франта, тому конечно не могло придти въ голову, что черезъ нѣсколько часовъ онъ опять превратится въ жалкаго старика и полиняетъ, какъ грошевый московскій ситецъ.

Первыми красавицами въ Москвѣ считались въ то время дѣвицы Фольцъ. Это были двѣ сестры, обѣ блондинки, необыкновенно стройныя и изящныя. Въ лучшемъ обществѣ онѣ не были приняты, и барыни окидывали ихъ строгимъ, недоброжелательнымъ взглядомъ, когда онѣ появлялись въ ложѣ Малаго театра или на гуляньяхъ, въ сопровожденіи старика внушительной наружности, съ длинными сѣдыми усами и орденскими ленточками въ петлицѣ статскаго сюртука. Одни говорили, что это отецъ молодыхъ красавицъ, отставной майоръ или подполковникъ бывшихъ польскихъ войскъ, оставившій службу не задолго до начала революціи тридцать перваго года. Другіе утверждали, что дѣвушки вовсе не дочери его, а только какія-то дальнія родственницы, и это отчасти подтверждалось тѣмъ, что его видали въ костелѣ, а онѣ ходили въ русскія церкви. Сомнительная репутація этого семейства кончилась тѣмъ, что однажды, послѣ прогулки на Тверскомъ бульварѣ, гдѣ кто-то поднесъ дѣвушкамъ два персика, онѣ обѣ умерли въ тотъ же самый день. Въ церкви Стараго Вознесенья стояли два голубые гроба, и покойницъ отпѣвали при большомъ стеченіи публики.

Я видалъ сестеръ Фольцъ въ Осташевскомъ саду. Иногда онѣ были съ своимъ дѣйствительнымъ или мнимымъ родителемъ, а иногда онъ прогуливался съ кѣмъ-нибудь, а дѣвушки сидѣли на

скамейкѣ, окруженныя свѣтской молодежью и старыми холостяками, къ которымъ присоединялся иной разъ и Кокошкинъ. О загадочной смерти барышень долго говорила вся Москва, и вотъ какъ объясняли этотъ трагическій случай.

Говорили, что Фольцъ употреблялъ своихъ прекрасныхъ дочекъ для ловли московскихъ и заѣзжихъ простаковъ, способныхъ увлекаться привѣтливымъ взглядомъ красавицы. Онъ замѣчалъ, кто особенно на нихъ засматривался, развѣдывалъ объ общественномъ положеніи и особенно о достаткѣ поклонника, и если находилъ то и другое удовлетворительнымъ, то поручалъ красавицѣ, которая привлекала на себя вниманіе, поощрить исканія жертвы. Неосторожная муха попадала въ сѣти паука. Послѣ нѣсколькихъ прогулокъ на Тверскомъ бульварѣ или танцевъ въ купеческомъ собраніи, довѣрчивому ловеласу позволялось пожать прекрасную ручку и обыкновенно случалось такъ, что самъ старикъ знакомился съ нимъ и приглашалъ къ себѣ въ домъ. И, вотъ, однажды поклонникъ застаётъ любимую особу одну, такъ какъ папаша съ другой сестрой куда-то уѣхалъ. Какой чудный вечеръ: комфортабельная гостиная освѣщена матовымъ свѣтомъ карсельской лампы. Очаровательная дѣвушка, сыгравъ какой-нибудь нѣжный романсъ на фортепьяно, садится на шелковый диванъ, съ улыбкой и поощряющимъ взглядомъ. Можно ли желать лучшихъ минутъ для объясненія? И гость пользуется ими и высказываетъ обычное признаніе въ любви. Передъ нимъ смущаются, краснѣютъ, но не отталкиваютъ его. По среди перваго поцѣлуя вдругъ отворяется дверь и въ комнату показывается папаша, величавый, грозный, съ сверкающими отъ негодованія глазами.

— Несчастная! говоритъ онъ, обращаясь къ смущенной дѣвушкѣ: преступная дочь! И ты не постыдилась опозорить мою честную шестидесятилѣтнюю жизнь? ты отнимаешь у меня единственное достояніе—добрую славу моего имени. Оставь меня, иди прочь съ моихъ глазъ; я отрекаюсь отъ тебя, я тебя проклинаю!.. А вы, милостивый государь, продолжаетъ Фольцъ, обращаясь къ своему гостю: вы соблазнили невинную дѣвушку, вы насмѣялись надъ сѣдинами отца, стараго солдата, который тридцать лѣтъ проливалъ кровь за царя и отечество. Еслибы я былъ моложе, я убилъ бы васъ на мѣстѣ, но къ несчастію мои израненныя въ бояхъ руки не въ состояніи уже держать оружія. Но я найду мстителя. Тѣ кому я служилъ вѣрой и правдой, не допустятъ безнаказанно смѣяться надъ честными сѣдинами заслуженнаго воина..

Но ни къ какимъ мстителямъ оскорбленному папашѣ не приходилось обращаться: оканчивалось тѣмъ, что попавшая въ сѣти жертва отпускалась на всѣ четыре стороны, подписавъ заготовленный заранее вексель на болѣе или менѣе крупную сумму. Вѣроятно однако же, что у иныхъ такимъ образомъ попадавшихся

въ паутину мухъ было жало, и этимъ объясняли печальный конецъ отравленныхъ персиками дѣвухекъ. Называли два-три имени подозрѣваемыхъ, но, кажется, розыски ни къ чему не повели, а Фольцъ послѣ того пропалъ куда-то изъ Москвы, и самое происшествіе скоро было забыто. Помню, какъ однажды Ѳ. Ѳ. Кокочкинъ, рассказывая о подвигахъ этого негодяя кому-то изъ знакомыхъ, представилъ его въ роли оскорбленнаго отца и мастерски продекламировалъ его патетическій монологъ передъ преступной дочерью и ея соблазнителемъ. Сцена была прочитана съ большимъ искусствомъ и правдою.

Вообще, Кокочкинъ былъ замѣчательнымъ декламаторомъ, разумѣется въ томъ стилѣ, который господствовалъ на французской сценѣ прошлаго столѣтія. Мы давно уже привыкли относиться съ высока къ этой декламации, также какъ и къ той драмѣ, которую прозвали псевдо-классической. Нельзя не согласиться конечно, что въ той и другой было много условнаго, искусственнаго, не согласнаго съ дѣйствительной жизнью, но та и другая были естественнымъ созданиемъ своего вѣка и прямымъ выраженіемъ идеала націи, стоявшей во главѣ образованнаго міра. Не правъ былъ Вольтеръ, называвшій грубымъ дикаремъ Шекспира, не правъ и тотъ, кто подводитъ Вольтера и Расина подъ мѣрку нашей современной теоріи. Во французской сценической декламации, при талантливыхъ исполнителяхъ и въ соотвѣтствующихъ ей пьесахъ, было не мало увлекательнаго. Это доказала вполнѣ Рашель и въ недавнее время Росси. Но я помню, что въ первый разъ почувствовалъ уваженіе къ французской классической школѣ, когда услышалъ однажды сценическое состязаніе на вечерѣ у Кокочкина. Завязался оживленный разговоръ о различіи между псевдо-классической трагедіей и мелодрамой, въ отношеніи къ ихъ содержанію и исполненію на сценѣ. Извѣстный актеръ Мочаловъ, бывшій тогда въ апогеѣ своей славы, прочелъ отрывокъ изъ драмы Виктора Дюканжа «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», а Кокочкинъ въ слѣдъ затѣмъ продекламировалъ какой-то монологъ изъ «Цинны» Корнеля. Конечно, чтеніе перваго было увлекательнѣе и производило болѣе сильное впечатлѣніе, что зависѣло безъ сомнѣнія и отъ превосходства его таланта; но и въ декламации послѣдняго была какая-то поразительная сила и величіе, при которыхъ не замѣчалось никакой фальши и ходульности, въ чемъ обыкновенно обвиняютъ представителей французской драмы и ея исполнителей на сценѣ.

Оставя дирекцію казеннаго театра, Кокочкинъ принялся за торговлю и промышленныя предпріятія. Это зависѣло не отъ упадка его состоянія или разстройства дѣлъ: кромѣ двухъ домовъ въ городѣ, у него было хорошее подмосковское село Анненское и еще какія-то имѣнія въ другихъ губерніяхъ. Къ спекуляціямъ побудилъ его кажется тотъ торговый задоръ, который началъ тогда обнару-

живаться въ средѣ русскихъ баръ и помѣщиковъ, можетъ быть, въ невольномъ предчувствіи конца крѣпостнаго права. Съ каждымъ годомъ дворяне все больше брали гильдейскихъ свидѣтельствъ, открывали заводы и фабрики и пускались въ торговые обороты. Но многіе при этомъ не только не выигрывали, а, напротивъ, разстроивали свое состояніе и даже совсѣмъ теряли его. Настоящіе купцы и заводчики слышали о постоянныхъ крахахъ господъ, самодовольно покачивали головами и говорили, что подобныя предпріятія—вовсе не барское дѣло.

Ө. Ө. Кокочкинъ также потерпѣлъ полную неудачу въ своихъ промышленныхъ затѣяхъ. Прежде всего онъ построилъ заводъ для выдѣлки сальныхъ свѣчей и открылъ свѣчную лавку подлѣ Охотнаго ряда, гдѣ теперь Лоскутная гостинница. Въ то время по всей этой небольшой улицѣ, съ обѣихъ сторонъ, были такъ называемыя шубныя лавки, гдѣ торговали крестьянскими нагольными тулупами и мѣховыми шапками, изображенія которыхъ и намалеваны были на вывѣскахъ, надъ каждой входной дверью. Бывая иногда въ магазинѣ Кокочкина, я не разъ имѣлъ случай любоваться своеобразнымъ обращеніемъ шубныхъ торговцевъ съ своими покупателями и принятымъ у нихъ способомъ рекомендовать свой товаръ. Какъ скоро на улицѣ показывался мужичекъ, заподозриваемый по нѣкоторымъ признакамъ въ намѣреніи купить шапку или тулупъ, стоявшіе у ближайшей отъ угла лавки мальчишки, или взрослые парни, начинали заывать его, величая почтеннымъ или хозяиномъ, и если онъ медлилъ самъ войти, то его брали за руки, вводили насильно и запирали двери. Покупатель оставался тамъ довольно долго и иногда выходилъ съ шубой или шапкой въ рукахъ, но большею частію бывало то, что онъ не сходилъ въ цѣнѣ съ продавцомъ или товаръ ему не нравился, тогда вдругъ двери отпирались, и вытолканный въ шею мужикъ летѣлъ стремглавъ на середину улицы. Тутъ ожидавшіе уже такой развязки торговцы противоположной лавки быстро подбѣгали къ нему, хватили его подъ руки и, прежде чѣмъ успѣвалъ онъ опомниться, втаскивали къ себѣ и запирали за нимъ двери. Вѣроятно, и въ этой лавкѣ покупатель не могъ столкнуться съ купцами, и его снова выталкивали на мостовую, откуда опять тащили въ новую лавку на другой сторонѣ, и такимъ образомъ если ему не удавалось отбиться и убѣжать къ Иверской часовнѣ, бѣдняка долго бросали, какъ мячикъ, съ одной стороны улицы на другую. Кокочкинъ видѣлъ однажды эту оригинальную торговлю изъ своего магазина и ѣздилъ говорить о ней съ оберъ-полицеймейстеромъ, но я не знаю повліяли ли эти переговоры на шубныхъ торговцевъ.

Свѣчной заводъ почему-то не пошелъ и магазинъ скоро былъ закрытъ. Тогда Өедоръ Өедоровичъ задумалъ другое дѣло. Въ подмосковной деревнѣ у него засѣвался картофель, перемалывался

на собственной мельницѣ въ муку, которая и сбывалась съ выгодною въ Москвѣ и въ окрестностяхъ. Вдругъ кто-то, возвратясь изъ за границы, сообщилъ ему, что видѣлъ въ Англїи машину, которая служитъ для выдѣлки картофельной муки и работаетъ съ необыкновенной быстротою. Кokoшкинъ чрезъ какое-то агентство выписалъ немедленно подобную машину, и заплатилъ за нее, сколько помнится, двѣ или три тысячи рублей. Снарядъ этотъ привезли въ Анненское, поставили, и собравъ картофель, пустили въ ходъ. На торжественный дебютъ заморскаго локобиля приглашены были гости; служили молебень, пили шампанское, прославляли предприимчивость дѣятельнаго и просвѣщеннаго хозяина. Машина въ самомъ дѣлѣ работала прекрасно, и не смотря на то, что въ этотъ годъ картофелю засѣяно было въ пять разъ больше, чѣмъ засѣвалось прежде, она перемолола весь урожай въ три дня. Практическій результатъ этого былъ слѣдующій. Прежде мельница была въ ходу нѣсколько мѣсяцевъ, и постоянно свѣжая мука распродавалась по частямъ, а теперь машина, покончивъ вдругъ со всѣмъ годовымъ запасомъ картофеля, опочила отъ труда до слѣдующей осени, а выработанную ею муку вдругъ нельзя было сбыть и бѣльшая часть ея слежалась, загнила и была отдана кому-то за безцѣнокъ, а частію выброшена. Одинъ изъ близкихъ прїятелей Кokoшкина, когда зашелъ разговоръ о томъ, что столько-то пудовъ муки придется бросить, сказалъ ему:

— Да зачѣмъ-же, Федоръ Федоровичъ, бросать ее!

— А что съ нею дѣлать? спросилъ Кokoшкинъ.

— Вы говорите, что мука идетъ на патоку?

— Ну, да.

— Такъ надѣлаемъ-ка изъ нея патоки съ имбиремъ да и будемъ сами носить по Москвѣ съ пѣсенкой: «патока съ имбиремъ! вареная съ имбиремъ! варилъ дядя Симіонъ, тетушка Арина кушала хвалила, а дѣдушка Елизаръ всѣ пальчики облизалъ!»

Кokoшкинъ сморщился, но черезъ минуту самъ расхохотался надъ этой выходкой.

Такая же неудача постигла и послѣднюю затѣю старика. Какой-то остзейскій нѣмецъ предложилъ ему купить секретъ новоизобрѣтеннаго производства фарфоровой глины, придающаго издѣліямъ необыкновенную прочность и блескъ. Ожидая значительныхъ выгодъ отъ этого дѣла, Кokoшкинъ прїобрѣлъ новооткрытый секретъ опять за довольно крупную сумму, устроилъ заводъ гдѣ-то за Москвой рѣкой, нанялъ мастеромъ самого изобрѣтателя, съ хошимъ, разумѣется, жалованьемъ, и открылъ магазинъ у Никитскихъ воротъ. Дѣло сначала пошло довольно бойко: фаянсовая и фарфоровая посуда хорошо продавалась въ Москвѣ и на макарьевской ярмаркѣ. Ободренный заводчикъ взялъ поставку узорныхъ изразцовъ по стариннымъ рисункамъ, для печей въ возобновляе-

мыхъ кремлевскихъ теремахъ, и кромѣ того приготовилъ къ открывавшейся тогда въ дворянскомъ собраніи мануфактурной выставкѣ роскошный фарфоровый туалетъ съ живописными бордюрами и выпуклыми цвѣтами, въ который вставлены были серебряныя, нарочно заказанныя, принадлежности. Въ надеждѣ, что эта изящная вещь будетъ куплена въ домъ какого нибудь милліонера или даже ко двору, ей назначили баснословно дорогую цѣну. Между тѣмъ въ городѣ начали ходить слухи, что на заводъ Кокоскина возятъ по ночамъ для примѣси къ глинѣ такой продуктъ, который до сихъ поръ употреблялся только въ иныхъ мѣстахъ для унавоженія полей, и хотя посуда издѣлія нашего заводчика не отличалась никакимъ специфическимъ запахомъ, но её перестали покупать, и самое названіе «кокоскинская посуда» сдѣлалось браннымъ словомъ. Пресловутый туалетъ также никто не купилъ; съ выставки привезли его въ домъ и поставили къ кабинетѣ, а потомъ онъ отчего-то лопнулъ и вынесенъ былъ въ сарай, гдѣ катали бѣлье, и прачки мало по малу обломали съ него всѣ рельефныя цвѣты. Дѣятельность завода кончилась, а непроданныя фарфоровыя вещи, вазы и сервизы, раздарены были знакомымъ.

Кокоскинъ былъ членомъ англійскаго клуба и довольно исправно посѣщалъ его. Возвращался онъ оттуда очень поздно и иногда пѣшкомъ. Однажды вышелъ случай, который могъ кончиться очень печально. Полицейскіе солдаты, избивавшіе по ночамъ бездомныхъ собакъ, какими въ то время обилвала Москва, преслѣдовали какую-то дворняшку у нашего дома, и такъ какъ ворота оставались обыкновенно растворенными до возвращенія хозяина изъ клуба и ихъ иногда совсѣмъ не караулили, то гонимая собака бросилась къ намъ на дворъ. Будочники вбѣжали за нею и начали выгонять, бросая въ нее палками. Въ эту минуту Кокоскинъ, возвращавшійся пѣшкомъ изъ клубнаго засѣданія, входилъ въ ворота, и преслѣдуемая собака бросилась ему подъ ноги, а за нею полетѣла и брошенная увѣсистая палка. Старикъ упалъ, и хотя не ушибся, но отъ испуга пролежалъ нѣсколько дней въ постели.

Въ Анненскомъ устраивалась иногда охота на волковъ, для чего приглашались и гости изъ Москвы. Я не бывалъ на этихъ потѣхахъ, но мнѣ говорили, что онѣ оканчивались обыкновенно двумя-тремя подстрѣленными зайцами и роскошнымъ ужиномъ, на которомъ выпивался цѣлый ящикъ шампанскаго. Волковъ не только не случалось бить, но ихъ даже и не видали. Тотъ самый пріятель нашего амфитріона, который предлагалъ ему торговать въ разность патовой съ имбиремъ, совѣтовалъ тутъ для полного наслажденія охотой, выписывать волковъ и медвѣдей изъ Костромской губерніи и разводить въ аннинскихъ лѣсахъ. Кажется, мужики нарочно привозили вымышленныя извѣстія о появленіи мнимыхъ волковъ, потому что въ городѣ барина не легко было видѣть, а въ де-

ревнѣ его осаждали различными просьбами, въ которыхъ онъ по добротѣ своей рѣдко отказывалъ. По крайней мѣрѣ я слышалъ, что однажды староста заманилъ барина на охоту для того, чтобы генералъ былъ у него воспріемникомъ отъ купели новорожденного ребенка и при семъ торжествѣ пожаловалъ крестнику лѣсу на какую-то постройку.

Зимою, кромѣ спектаклей, бывали иногда у Кокоскина литературные вечера, но они неособенно интересовали меня, потому что читали большею частію давно уже извѣстное и напечатанное. Кажется, главною задачею при этомъ было не самое содержаніе сочиненія, а искусство чтеца, такъ-какъ выбирались преимущественно драматическія сцены или такіе рассказы, въ которыхъ преобладалъ діалогъ. Нерѣдко между слушателями возникали споры, и главной темою ихъ былъ капитальный вопросъ того времени о различіи классицизма и романтизма. Однажды, впрочемъ, споръ вышелъ изъ этого обычнаго круга. Кто-то изъ гостей, и кажется Вельтманъ, авторъ замѣчательныхъ, но теперь уже забытыхъ романовъ «Ющей безсмертной», «Святославичъ» и др., прочелъ стихотвореніе Пушкина: «Въ часы забавъ иль празднои скуки». При этомъ, по поводу послѣдней строфы, возникло разногласіе о томъ, кому поэтъ посвятилъ эту прекрасную пьесу. Въ одной редакціи заключительные стихи читались такъ:

Твоимъ огнемъ душа палама,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ арфѣ Серафима
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

По другимъ-же рукописнымъ спискамъ слѣдовало будто-бы читать этотъ куплетъ иначе, а именно:

Твоимъ огнемъ душа согрѣта,
Отвергла мракъ земныхъ суетъ,
И внемлетъ гласу Филарета
Въ священномъ ужасѣ поэтъ.

Тутъ и начался споръ о томъ, къ кому Пушкинъ обращался въ этомъ стихотвореніи. Одни говорили, что оно посвящено московскому митрополиту Филарету, другіе полагали, что авторъ обращался къ митрополиту петербургскому—Серафиму, а по мнѣнію нѣкоторыхъ, онъ хотѣлъ будто-бы угодить этимъ посланіемъ и тому и другому. Разумѣется, теперь никому уже не придетъ въ голову подозрѣвать нашего великаго поэта въ такой двуличности. Кокоскинъ, хотя не питалъ особаго расположенія къ Пушкину, энергически говорилъ противъ такого обвиненія и утверждалъ, что стихи посвящены были Филарету.

А. Милюковъ.

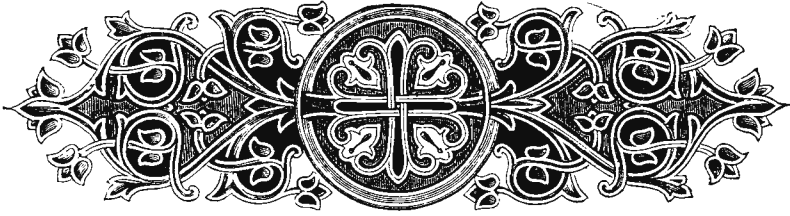

ФАКСИМИЛЕ ОДНОЙ ИЗЪ РУКОПИСЕЙ ТУРГЕНЕВА.

МОСКОВСКИЙ собиратель автографовъ, А. М. Подшиваловъ, приобрѣлъ недавно отъ г. Лаврова нѣсколько собственноручныхъ рукописей И. С. Тургенева, именно рассказы: «Бирюкъ», «Лебедянь», «Бѣжинъ лугъ» (первая половина) и «Касьянь съ Красивой Мечи» (въ двухъ видахъ). Г. Лаврову рукописи эти достались случайно, вмѣстѣ съ разными книгами, отъ одного знакомаго Тургенева.

Рукописи интересны въ особенности тѣмъ, что на поляхъ ихъ, въ иныхъ мѣстахъ, сдѣланы Тургеневымъ разныя отмѣтки и рисунки.

Благодаря любезности г. Подшивалова, мы прилагаемъ къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» точный снимокъ съ первой страницы рукописи «Бирюкъ» и присоединяемъ къ нему подробное описаніе рукописей, сдѣланное, по нашей просьбѣ, г. Подшиваловымъ.

Бирюкъ на двухъ отдѣльныхъ четвертушкахъ листа и на листѣ почтовой бумаги, исписанныхъ кругомъ. Первая страница, приложенная здѣсь, точно воспроизведена фотогравюрой московскимъ художникомъ-фотографомъ М. М. Пановымъ. Стр. 4 (на поляхъ) исписана рисунками нѣсколькихъ профилей мужскихъ лицъ. Тутъ же съ боку на французскомъ языкѣ выписаны всѣ лица комедіи Бомарше «Севильскій цирюльникъ». Рукопись оканчивается фамиліей — Viardot, написанной рукой Тургенева.

Лебедянь на листѣ писчей бумаги, исписанномъ кругомъ. На послѣдней страницѣ Тургеневъ, вѣроятно для изданія «Записокъ

Охотника», составилъ порядокъ послѣдовательному расположенію рассказовъ, намѣтивши такъ:

1. X. и К.	4. О. О.	7. Конт.	10. Малиновая вода.
2. Е. и М.	5. Л.	8. Двѣ Пом.	11. Уѣ. лѣ.
3. М. С. Р.	6. Бур.	9. Бирюкъ.	12. (Рефор.) Лебедянь.

Бѣжинъ лугъ. Интересъ рукописи представляетъ собой характеристика мальчиковъ, встрѣчающихся въ рассказѣ. Такъ, съ боку, въ концѣ, слѣдующія выноски: Федя — красав., смѣл.; Павлушка — трусливъ; Илюша — поэтич.; Костя — глупый и мрачный. На одномъ изъ листовъ нарисованъ портретъ Кости.

Касьянъ съ Красивой Мечи въ двухъ видахъ: черновая и переписанная на-бѣло, посторонней рукой, и поправленная Тургеневымъ. Повидимому, Иванъ Сергѣевичъ хотѣлъ этотъ рассказъ назвать «Касьянъ Блоха», но потомъ вычеркнулъ. Рукопись оканчивается такъ ¹⁾, послѣ словъ: «возвратились домой», прибавлено еще: «Я съ тѣхъ поръ не видалъ Касьяна. Его, слышно, опять вернули на Красивую Мечь».

БИРЮКЪ.

(1) Я ѣхалъ съ охоты вечеромъ одинъ на бѣговыхъ дрожкахъ. До дому еще было (2) версть восемь; моя добрая (лошадь) рысистая кобылка бодро бѣжала по пыльной дорогѣ (3) изрѣдка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака словно привязанная (къ дрожкамъ) (4) не отставала отъ заднихъ колесъ. Гроза надвигалась. Впереди огромная (целена) лиловая (5) туча медленно поднималась (съ на позади меня на нее) изъ-за лѣса (миѣ) (6) (на встрѣчу) прямо надо мною... ²⁾ (тихо) неслись сѣрыя... ³⁾ длинныя сѣрыя облака. Душный жаръ (7) внезапно смѣнился влажнымъ холодомъ; тѣни быстро густѣли. Я (сталъ) (8) (понукать) ударилъ возжей (свою) по (лошадь) лошади, спустился въ оврагъ (перѣхалъ выдохшій) перебрался черезъ сухой ручей, (9) весь заросшій лозниками—поднялся въ гору—и въѣхалъ въ лѣсъ. (Не у(10)спѣлъ я проѣхать версты по дорогѣ). Дорога (глухо) вилась передо мной (шла змѣей?) (11) между густыми (ор.) кустами орѣшника, уже залитыми мракомъ; (мимо) я подвигался впередъ съ трудомъ. Дрожки прыгали по (11) (сухіе могучіе) твердымъ корнямъ столѣтнихъ дубовъ и липъ (пересѣкали) ее (безпрестанно) (берг.) (на корни дубовые) безпрестанно (то и дѣло какъ(12)домъ шагу) (ее) пересѣкавшимъ глубокія продольныя рытвины, слѣды (полосъ) те(13)лѣжныхъ колесъ; лошадь моя начала спотыкаться и (фыркать). (14) Сильный вѣтретъ внезапно загудѣлъ въ вышинѣ, деревья забушевали (загудѣли) (15) крупныя капли дождя встучали по листьямъ, сверкнула молнія и (16) началась гроза (разразилась). (Кругомъ сдѣлалось такъ темно. Скоро) Дождь (17) полилъ ручьями. (Я продолжалъ и. Лошадь моя пошла шагомъ) (18) Я поѣхалъ шагомъ—и скоро (валились) принужденъ былъ оста-

¹⁾ «Записки Охотника», 5-е стереотипное изданіе. Спб. 1883 г., стр. 129.

²⁾ Неразборчиво.

³⁾ Неразборчиво.

новиться. Лошадь (19) моя вязла (темнота дрожки то и дѣло ¹⁾). Я не видалъ ни зги (Кое-какъ пріютился. Кое-какъ пріютился къ сторонкѣ) широкому кусту. Сгор(20)бившись (на дрожкахъ ждалъ) и закутавши лицо, ожидалъ я терпѣливо конца ненастья, какъ вдругъ (21) (показалось) при блескѣ молніи почувилось мнѣ (на дорогѣ) высокая фигура.—(22) (Я сталъ ждать) другой молніи (какъ говорить и Викторъ Гюго) на дорогѣ шагахъ ²⁾ впереди. Я сталъ (23) (пристально)? пристально глядѣть въ ту сторону... (но) Та же фигура словно выросла изъ земли (24) подлѣ моихъ дрожекъ.

(25) Кто это? спросилъ звучный голосъ.—

(26) А ты кто? (спросилъ) возразилъ я.

(27) Я вдѣшній лѣсникъ, отвѣчалъ (лѣс.) голосъ.

(28) Я назвалъ себя.—

(29) А! знаю. Вы домой ѣдете?

(30) Домой. Да вотъ (теперь не знаю какъ) видишь какая гроза.

(31) Да гроза (отвѣчалъ голосъ).

(32) Бѣлая молнія (озарила его съ нимъ все кругомъ выѣхъ) озарила лѣсника (33) съ ногъ до головы (Рѣзкій) трескучій и короткій ударъ грома (разразился) (раздался) разразился (надъ нами) тотчасъ вслѣдъ (34) за нею (Собака) Дождь хлынулъ съ удвоенной силой.—

(35) Не скоро пройдетъ, продолжалъ лѣсникъ.—

(36) Что дѣлать! (отвѣчалъ я).

(37) Я васъ пожалуй въ свою избу проведу, (возразилъ) отрывисто проговорилъ онъ. (38) Сдѣлай одолженіе. (39) Извольте сидѣть... Онъ подошелъ къ головѣ лошади, вялъ ее за узду (и) Лошадь (Путешествіе наше продолжалось около четверти часа) (40) (тронулась). Я сове... (разслыпалъ)?.. и сдернулъ съ мѣста. Мы тронулись. Я (41) держался за подушку дрожекъ которыя колыхались, «какъ въ морѣ челнокъ» (42) (и безпрестанно) кликала собаку. Бѣдная моя кобыла (моя лошадь) тяжело шлепала ногами (43) по грязи, скользила, (направо, налево) спотыкалась; лѣсникъ покачивался передъ (44) оглоблями направо и налево, словно привидѣнье... Внезапно очутились (45) (мы, за нами собака). Мы ѣхали довольно долго. (Путешествіе). Онъ остановился. «Вотъ мы и дома баринъ», промолвилъ онъ спокойнымъ голосомъ. Я поднялъ голову... калитка заскрипѣла, (46) (собака) нѣсколько щенковъ дружно залаяли (и) и при свѣтѣ молніи увидалъ я небольшую избушку посреди (47) обширнаго двора, обнесеннаго плетнемъ ³⁾. Изъ одного окошечка тускло (48) свѣтили огонекъ. Лѣсникъ довелъ лошадь до (двери) крыльца и заступ(49)чалъ въ дверь.—«Сейчасъ, сейчасъ», раздался тоненькій голосокъ—послышался (50) топотъ босыхъ ногъ, засовъ заскрипѣлъ и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати въ рубашонкѣ, подпоясанная покромкой (51) (въ рубашкѣ) (показалась)? съ фонаремъ въ рукѣ показалась на порогѣ.

Примѣчаніе. Цифры означаютъ число строкъ въ рукописи и начало каждой строки.

Слова, поставленные въ скобкахъ были зачеркнуты Тургеневымъ, за исключеніемъ 22 стр.: (какъ говорить и В. Гюго).

¹⁾ Неразборчиво.

²⁾ Неразборчиво.

³⁾ Неразборчиво.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ Д. И. ИЛОВАЙСКАГО.

(По поводу его юбилея.)

ШЕСТОЕ ноября прошлаго года было свѣтлымъ праздникомъ въ жизни нашего уважаемаго историка Дмитрія Ивановича Иловайскаго: въ этотъ день онъ безъ пышной торжественности, только среди кружка ученыхъ друзей и почитателей, справлялъ двадцатипятилѣтній юбилей со времени изданія своей магистерской диссертации ¹⁾. При чтеніи многочисленныхъ привѣтствій, принесенныхъ письмами и телеграфомъ, при внимательномъ выслушиваніи рѣчей, адресовъ и изустныхъ поздравленій, предъ каждымъ открывалось ясно, что четверть вѣка (1858—1883 гг.), пережитая юбиляромъ, прошла не безъ важнаго значенія для науки русской исторіи. Но никто изъ присутствующихъ на праздникъ не указалъ, что виновникъ торжества появился съ первыми научными работами гораздо ранѣе 1858 года; ни одинъ изъ близкихъ къ юбиляру не подѣлился съ публикой хотя немногими свѣдѣніями объ его прошлой жизни и учено-литературной дѣятельности. Поэтому мы рѣшаемся сообщить какъ немногія, но точныя данныя изъ біографіи уважаемаго историка, такъ и полный библиографическій очеркъ его ученыхъ трудовъ.

Дмитрій Ивановичъ родился въ городѣ Козловѣ (Тамбовской губерніи), среди небогатой купеческой семьи и, послѣ домашняго воспитанія, поступилъ въ рязанскую гимназію. Тутъ, признавался онъ самъ,

¹⁾ Подробное описаніе этого праздника было напечатано въ «Московск. Вѣдом.» 1883 года, № 312; мы помѣщаемъ его въ сокращеніи въ отдѣлѣ «Смѣсь» настоящей книжки.

«еще будучи ученикомъ среднихъ классовъ гимназій, я, учась самъ, давалъ уже уроки, которыми добывалъ средства существованія до окончанія гимназическаго курса». Изъ рязанской гимназій ему пришлось, въ 1850 году, поступить на историко-филологическій факультетъ московскаго университета, а въ 1854 году окончить курсъ четвертымъ кандидатомъ вмѣстѣ съ

Д. И. Иловайскій.

Генрихомъ Вызинскимъ и Ниломъ Поповымъ. По выпускѣ изъ университета, Дмитрій Ивановичъ началъ педагогическую службу въ родной гимназій, но оттуда скоро перешелъ въ преподавателя 3-й реальной гимназій Москвы. Эта карьера учителя гимназій продолжалась до 1860 года, когда онъ, уже удостоенный степени магистра, былъ избранъ московскимъ университетомъ въ адъюнкты по все-

общей исторіи. Но новый адъюнктъ только одинъ годъ пробылъ на своей кафедрѣ: въ 1861 году его командировали за-границу, а слѣдующій годъ онъ по собственному желанію вышелъ въ отставку. Съ той поры Дмигрій Ивановичъ вполне отдался только учено-литературной дѣятельности и, не смотря на заманчивое предложеніе кафедры русской исторіи въ университетѣ св. Владиміра (1865 г.), до нынѣшняго дня продолжаетъ работать въ Москвѣ. Вотъ краткія свѣдѣнія о прошлой жизни г. Иловайскаго. Гораздо полнѣе и точнѣе можно обрисовать его учено-литературную дѣятельность. Она за весь промежутокъ времени (1857—1883 гг.) представляетъ длинную вереницу то журнальныхъ и газетныхъ статей, то отдѣльно изданныхъ монографій, то «руководствъ» по исторіи для среднихъ учебныхъ заведеній, то, наконецъ, нѣсколькихъ томовъ «Исторіи Россіи». Всѣ эти труды появились въ слѣдующемъ хронологическомъ порядкѣ:

1857 г. Прогулка по берегамъ Оки (Московск. Вѣдом., №№ 149—152).

1858 г. Новыя извѣстія о послѣднемъ рязанскомъ князѣ (№ 6; перепеч. въ Рязанск. губ. Вѣдом., № 4).

Публичная бібліотека въ Рязани (№№ 16 и 58).

Естественныя произведенія и торговля древняго рязанскаго края (№ 27).

Олегъ Ивановичъ, великій князь рязанскій (№№ 42—43; перепеч. въ Рязанск. губ., Вѣдом., №№ 16—18).

Изъ воспоминаній студента о Грановскомъ, Кудрявцовѣ и Рудьѣ (№ 64).

Русскіе учебники по всеобщей исторіи (№ 67).

Рязанскія письма (№№ 74 и 76).

Послѣдніе рязанскіе князья (№№ 94—95).

Воспоминаніе объ А. Н. Костылевѣ (№ 109).

Разборъ «Курса всеобщей исторіи» Шульгина (№№ 137 и 140).

Исторія Рязанскаго княжества, диссертация на степень магистра русской исторіи (М., 329 стр.).

1859 г. Замятка о разговорѣ Дидро съ княгиней Дашковой, въ 1770 году, о нашемъ крѣпостномъ сословіи (Московск. Вѣдом., №№ 15 и 20).

Библіографическая замятка о сочиненіи Костомарова: «Богданъ Хмельницкій» (№ 38).

Княгиня Дашкова, директоръ академіи наукъ (№ 52).

Нѣсколько словъ о реформахъ въ системѣ общественнаго образованія (№ 210).

Письмо пресов. Іова, митрополита новгородскаго, къ архимандриту Теодосію (Лѣтописи русск. литер. и древн., т. I).

Изъ послѣднихъ годовъ XVIII столѣтія (Атеней, кн. 6).

Рецензія на изданіе Безсонова: «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка» (Отеч. Зап., кн. 4).

Екатерина Романовна Дашкова, біографическій очеркъ (Отеч. Зап., кн. 9—12).

Нѣсколько словъ по поводу вопроса о древнѣйшей русской поэзіи (Русск. Слово, кн. 12).

1860 г. Рецензія на «Курсъ всеобщей исторіи» Вебера, въ русскомъ переводѣ (Московск. Вѣдом., № 18).

Краткіе очерки русской исторіи, приспособленные къ курсу среднихъ учебныхъ заведеній (М., 132 стр.).

Эта книга выдержала слѣдующія изданія въ Москвѣ: изд. 2-е 1861 г.; 3-е 1862 г.; 4-е 1863 г.; 5-е 1864 г.; 6-е 1865 г.; 7-е 1866 г.; 8-е 1867 г.; 9-е 1868 г.; 10-е 1869 г. (съ добавкою въ заглавіи: «курсъ старшаго возраста»); 11-е 1870 г.; 12-е 1872 г.; 13-е 1873 г.; 14-е 1874 г.; 15-е 1875 г.; 16-е 1876 г.; 17-е 1878 г.; 18-е 1879 г.; 19-е 1880 г.; 20-е 1881 г.; 21-е 1883 года.

1861 г. Изъ временъ реставраціи въ Италіи: 1) Обзоръ итальянскихъ государствъ; 2) Неаполитанскій переворотъ; 3) Пиемонтскій переворотъ (Русск. Вѣстн., кн. 6).

Очерки изъ исторіи 1814 и 1815 годовъ: 1) Первая реставрація бурбоновъ; 2) Сто дней; 3) Вторая реставрація бурбоновъ; 4) Вѣнскій конгрессъ (Московск. Вѣдом., №№ 83, 86, 91, 98 и 101):

1862 г. Взглядъ на прошедшее дворянство (Московск. Вѣдом., № 47).

Коронный мечникъ Яблоновскій, очерки изъ исторіи польскихъ сеймовъ XVII вѣка (Русск. Вѣстн., кн. 3).

Польскіе сеймики и нѣкоторыя черты нравовъ во второй половинѣ XVIII вѣка (Русск. Вѣстн., кн. 5).

Сокращенное руководство къ русской исторіи для младшаго возраста (М., 134 стр.).

Это «руководство» напечатано нѣсколько разъ въ Москвѣ: изд. 2-е 1863 г.; 3-е и 4-е 1864 г.; 5-е 1865 г.; 6-е 1866 г.; 7-е 1867 г.; 8-е 1868 г. (подъ заглавіемъ: «руководство къ русской исторіи»); 9-е и 10-е 1869 г.; 11-е 1870 г. (подъ названіемъ: «руководство къ русской исторіи, средней курсъ, изложенный по преимуществу въ біографическихъ чертахъ»); 12-е 1871 г.; 13-е 1872 г.; 14-е 1873 г.; 15-е и 16-е 1874 г.; 17-е 1875 г.; 18-е 1877 г.; 19-е и 20-е 1878 г.; 21-е 1880 г.; 22-е 1881 г.; 23-е 1882 г.; 24-е 1883 года.

1863 г. Изъ польскаго быта (С.-Петербур. Вѣдом., № 84).

Изъ біографіи графа Якова Сиверса (С.-Петербур. Вѣдом., № 133).

Литературныя замѣтки: 1) О характерѣ новгородской аристократіи; 2) о народныхъ движеніяхъ въ Подоліи и Волыни (С.-Петербур. Вѣдом., № 170).

Новыя свѣдѣнія о Н. И. Новиковѣ и членахъ компаніи типографической (Лѣтописи русск. литер. и древн., т. V).

Извѣстія о профессорѣ Мельманѣ (Лѣтописи русск. литер. и древн., т. V).

Изъ прошлаго: 1) Статистическія свѣдѣнія; 2) Лугъ Воронецъ (Русск. Вѣстн., кн. 11).

Новгородская губернія сто лѣтъ тому назадъ, изъ біографіи графа Сиверса (Русск. Вѣстн., кн. 12).

Руководство ко всеобщей исторіи для младшаго возраста (М., 269 стр.).

Этотъ учебникъ, заключавшій въ одной книгѣ «древній міръ» и «средніе вѣка», былъ изданъ много разъ, а именно: изд. 2-е 1864 г.; 3-е и 4-е 1865 г.; 5-е 1866 г.; 6-е 1867 г.; 7-е 1868, 8-е 1870 г.

- (съ прибавкою въ заглавіи: «средній курсъ»); 9-е 1872 г.; 10-е 1873 г.; 11-е 1874 г.; 12-е 1875 г.; 13-е 1876 г.; 14-е 1878 г.; 15-е 1879 г.; 16-е 1880 г.; 17-е 1882 г.; 18-е 1883 года.
- 1864 г. Третье мая 1791 года (Русск. Вѣстн., кн. 1).
 Послѣ раздѣла (Русск. Вѣстн., кн. 3).
 Записка о московскихъ педагогическихъ собраніяхъ (Современ. Лѣтопись, № 17).
 Великій Новгородъ и Бѣлоруссія (Русск. Вѣстн., кн. 8).
 Руководство ко всеобщей исторіи: «новая исторія» (М., 271—430 страницъ).
 Этотъ выпускъ служилъ, какъ видно и по страницамъ, продолженіемъ предыдущаго «руководства»; онъ выдержалъ слѣдующія изданія въ Москвѣ: изд. 2-е 1865 г.; 3-е и 4-е 1866 г.; 5-е 1867 г.; 6-е 1868 г.; 7-е 1869 г.; 8-е 1872 г.; 9-е 1873 г.; 10-е 1874 г.; 11-е 1876 г.; 12-е 1877 г., 13-е 1878 г.; 14-е 1880 г.; 15-е 1881 года.
- 1865 г. Графъ Яковъ Сиверсъ, біографическій очеркъ (Русск. Вѣстн., кн. 1—3).
 1867 г. Руководство ко всеобщей исторіи (М.).
 Эта учебная книга вышла въ видѣ двухъ частей: первая изъ нихъ («древній міръ») выдержала такіа изданія: 2-е 1868 г.; 3-е 1869 г.; 4-е 1870 г.; 5-е 1872 г.; 6-е 1874 г.; 7-е 1875 г.; 8-е 1876 г.; 9-е 1877 г.; 10-е 1878 г.; 11-е 1879 г.; 12-е 1881 г.; 13-е 1882 г.; 14-е 1883 года; вторая часть («средніе вѣка») имѣла слѣдующія перепечатки: 2-е 1868 г.; 3-е 1869 г.; 4-е 1871 г.; 5-е 1874 г.; 6-е 1875 г.; 7-е 1876 г.; 8-е 1878 г.; 9-е 1878 г.; 10-е 1879 г.; 11-е 1880 г.; 12-е 1881 года.
- Сокращенное руководство по всеобщей исторіи (М.).
 Такое «руководство» издавалось нѣсколько разъ въ Москвѣ, а именно: изд. 2-е 1868 г.; 3-я 1869 г. (начиная съ этого изданія, виднѣется добавка въ заглавіи: «и русской исторіи»; 4-е 1870 г.; 5-е 1872 г.; 6-е 1873 г.; 7-е 1874 г.; 8-е 1875 г.; 9-е 1876 г.; 10-е 1877 г.; 11-е 1879 г.; 12-е 1880 г.; 13-е 1881 г.; 14-е 1883 года.
- Дополнительный томъ Русской исторіи Германа (Русск. Вѣстн., кн. 11).
 1868 г. Изъ дипломатической корреспонденціи XVIII вѣка (Русск. Арх., кн. 10).
 1869 г. Образцы политической сатиры въ Польшѣ въ эпоху паденія (Русск. Арх., кн. 5).
 1870 г. Гродненскій сеймъ 1793 года, диссертация на степень доктора русской исторіи (М., 274 стр.).
 Это изслѣдованіе сначала помѣщалось въ Русскомъ Вѣстникѣ (1870 г., кн. 1, 3, 4, 6—8). Кромѣ того, оно переведено на польскій языкъ, подъ заглавіемъ: «Sejm grodnieński» 1793 г. (Познань, 1871 г.).
 Два слова о моемъ рецензентѣ въ журналѣ Зибеля (Современ. Лѣт., № 19).
 О книгѣ Хвольсона: «Извѣстія о ховарахъ, буртасахъ, болгарахъ, мадьярахъ, славянахъ и руссахъ» (Древности, изд. московск. археолог. общ., т. III).
- 1871 г. О мнимомъ призваніи варяговъ (Русск. Арх., кн. 11 и 12).
 Рааборъ книги Рождественскаго: «Отечественная исторія» (Современ. Лѣт., № 45).
- 1872 г. Отвѣтное замѣчаніе Погодину (Русск. Арх., кн. 4).
 Еще о норманизмѣ (Русск. Вѣстн., кн. 11 и 12).

- Замѣтка по варяжскому вопросу (Русск. Арх., кн. 12).
- 1873 г. Замѣтки о книгѣ Васильевского и отвѣтъ М. П. Погодину (Русск. Арх. кн. 2).
- Къ вопросу о лѣтописи и началѣ Руси (Русск. Арх., кн. 4).
- Отвѣтъ Погодину (Русск. Вѣстн., кн. 4).
- О нѣкоторыхъ полемическихъ приемахъ (Современ. Извѣст., № 311).
- 1874 г. Взглядъ на русскую печать за послѣднія 18 лѣтъ (Русск. Арх., кн. 1).
- Уроки исторіи (Русск. Арх., кн. 2 и 3).
- Къ вопросу о началѣ Руси (Русск. Стар., кн. 3).
- О критикѣ историка Германа (Русск. Стар., кн. 4).
- Нѣсколько соображеній о памятникахъ Тмутараканской Руси и Тмутараканскомъ болванѣ (Труды Археолог. Общ., т. IV, кн. 2).
- О происхожденіи дунайскихъ болгаръ (Русск. Арх., кн. 7).
- 1875 г. П. И. Мельниковъ (Русск. Арх., кн. 1).
- Эллино-скиескій міръ на берегахъ Понта, историко-этнографическій очеркъ (Древн. и Нов. Россія, кн. 2 и 3).
- Два новыя изслѣдованія по начальной русской исторіи гг. Васильевского и Миллера (Древн. и Нов. Россія, кн. 5).
- 1876 г. Отвѣтъ А. А. Кунику (Древн. и Нов. Россія, кн. 3).
- Разысканія о началѣ Руси (вмѣсто введенія въ русскую исторію) (М., 466 стр.)
- Исторія Россіи, ч. I: Кіевскій періодъ (М., 333 стр.).
- 1877 г. Древній Черниговъ (Древн. и Нов. Россія, кн. 3).
- Славяно-Балтійская теорія (Русск. Стар., кн. 3).
- 1878 г. Воспоминаніе о Галичѣ на Днѣстрѣ (Древн. и Нов. Россія, кн. 2).
- Изъ путевыхъ замѣтокъ (Русск. Арх., кн. 3).
- 1879 г. Къ вопросу о болгаряхъ (Русск. Стар., кн. 5).
- Калкское побоище (Руск. Стар., кн. 8).
- Галицкое наслѣдство (Русск. Арх., кн. 9).
- 1880 г. Памяти С. М. Соловьева (Древн. и Нов. Россія, кн. 1).
- Еще о происхожденіи Руси, противъ Куника, Соловьева и Томсена (Древн. и Нов. Россія, кн. 4).
- Куниковская побѣда Дмитрія Ивановича Донскаго, историческій очеркъ, М. (два изданія).
- Исторія Россіи, ч. II: владимірскій періодъ (М., 578 стр.).
- Французское преподаваніе исторіи сравнительно съ русскимъ (Русск. Стар., кн. 12).
- 1881 г. Вопросъ о народности руссовъ, болгаръ и гунновъ (Журналъ мин. народн. просвѣщ., кн. 5).
- 1882 г. Пересмотръ вопроса о гуннахъ (Русск. Стар., кн. 3).
- Разысканія о началѣ Руси, изд. 2-е съ присоединеніемъ «Вопроса о гуннахъ» (М.).
- 1883 г. Очерки и рассказы изъ всеобщей исторіи, ч. I: «древній міръ» (М.).
- Сочиненія Д. И. Иловайскаго («Исторія Рязанскаго княжества», «Екатерина Романовна Дашкова» и «Графъ Яковъ Сиверсъ») (М.).

При всей полнотѣ и точности, эту длинную вереницу, конечно, нельзя назвать совершенно законченнымъ указателемъ: въ ней не упомянуты многія «письма» по современнымъ вопросамъ, какія

г. Иловайскій помѣщалъ въ «Русскомъ Мирѣ» (1877 г.), «Новомъ Времени» (1879—1882 г.) и «Московскихъ Вѣдомостяхъ» (1877—1883 г.); съ другой стороны, нашъ уважаемый историкъ еще настолько бодръ и неутомимъ въ трудѣ, что мы вполне вѣримъ въ близкое осуществленіе его собственныхъ словъ: «могу только обѣщать, что буду работать по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ».

Дмитрій Языковъ.

ПОВСТАНСКІЯ ПОХОЖДЕНІЯ СИГИЗМУНДА СУЛИМЫ.

ВЪ ЧИСЛѢ бойкихъ и отчаянно-отважныхъ повстанцевъ 1863 года былъ, между прочимъ, одинъ молодой, двадцатилѣтній, здоровый и крѣпкій парень, Сигизмундъ Сулима, которому посчастливилось отбыть всю тяжелую повстанскую службу совершенно благополучно, не быть раненымъ, не попасть въ плѣнъ и даже уйти отъ всякихъ преслѣдованій въ самое послѣднее время, когда всѣхъ маломальски подозрительныхъ, попадавшихся нашимъ разѣздамъ на дорогахъ и въ лѣсахъ, хватали и отсылали въ варшавскую слѣдственную комиссію, откуда большинство ихъ шло въ Сибирь, не то отсылалось въ отдаленныя губерніи Европейской Россіи. Иные гибли даже на висѣлицахъ, не доходя до Варшавы...

Сулима, уйдя потомъ за границу, записалъ добросовѣстно и простодушно все съ нимъ случившееся и все имъ видѣнное, и напечаталъ недавно во Львовѣ, подъ названіемъ: «*Ramiętniki powstania*». Эта книжка довольно любопытна и открываетъ мѣстами кое-какіе повстанскіе секреты, знакомитъ съ лагерною жизнію польскихъ бандъ, съ ихъ походами, состояніемъ моральнымъ и матеріальнымъ, съ отношеніями солдатъ къ офицерамъ, тѣхъ и другихъ къ начальникамъ воеводствъ и къ жонду народоному. Мы рѣшились сдѣлать изъ этой книги извлеченія, взять суть дѣла, наименѣе извѣстную, то, что можетъ пригодиться даже и для историковъ этой эпохи.

I.

Выѣздъ Сулимы изъ Варшавы. — Пребываніе у родителей. — Равскій отрядъ. — Побѣгъ въ лѣса. — Бонча-Томашевскій. — Скитанія по югу Радомской губерніи. — Новое-Мѣсто. — Похищеніе денегъ въ кассѣ солянаго управленія. — Расправы. — Новые марши. — Селенія: Прадлы, Жарки, Пинчовъ. — Столкновение съ русскимъ отрядомъ Плескачевскаго. — Смерть Бончи. — Начальство надъ отрядомъ принимаетъ ротмистръ Дзяноть. — Встрѣча съ Хмѣленскимъ.

Сулима отправился въ лѣса при самомъ началѣ возстанія, т. е. въ концѣ января 1863 года, изъ Варшавы, получивъ благословеніе отъ отца и отъ матери, которые жили неподалеку въ своей деревнѣ. Однажды, ночью, черезъ эту деревню проходила банда «Варшавскихъ дѣтей», человекъ во сто, назначенная для слѣдованія въ Равскій уѣздъ, Варшавской губерніи, гдѣ формировался, какъ говорили, большой равскій отрядъ. Сулима поступилъ въ эту банду рядовымъ. Къ утру «Варшавскія дѣти» прибыли въ деревню Попель, подъ Мщоновымъ, и расположились по конюшнямъ, овчарнямъ, хлѣвамъ, ригамъ и гдѣ случится. На другой день пріѣхалъ какой-то помѣщикъ и разослалъ прозябшихъ и порядкомъ наголодавшихся повстанцевъ по разнымъ окрестнымъ хуторамъ, прося никуда не удаляться до полученія особаго приказа, а также и обмундированія и вооруженія. Этого «обмундированія и вооруженія» ждали они цѣлый мѣсяцъ и не могли дожидаться. Болѣе нетерпѣливые хотѣли, просто-за-просто, идти куда глаза глядятъ; тѣмъ болѣе, что слава подвиговъ Мирославскаго, Лангевича и нѣкоторыхъ другихъ отрядныхъ начальниковъ возстанія уже шумѣла по всѣмъ лѣсамъ (разумѣется съ разными преувеличеніями) и не давала молодымъ честолюбцамъ покою. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ кто-то сказалъ, что «недалеко въ лѣсу стойтъ партія, намѣревающаяся идти въ Опочинскій уѣздъ, Радомской губерніи». Вся масса «Варшавскихъ дѣтей» ринулась, какъ одинъ человекъ, на соединеніе съ братьями: нашли въ лѣсу человекъ до двухъ сотъ, варшавяковъ же, вооруженныхъ пиками, палками, одѣтыхъ кое-какъ и состоявшихъ подъ начальствомъ какого-то бурмистра. Въ тотъ же день партія перешла въ деревню Могильницю. Хаосъ и отсутствіе субординаціи превосходили въ этой партіи всякое вѣроятіе. Постоянный шумъ, крики, споры, чуть не драки... и эта дикая масса, не имѣвшая понятія ни о какомъ боѣ, шла сражаться съ благоустроенной арміей первостепенной державы!..

Черезъ два дни прибыли въ окрестности Новаго-Мѣста, надъ рѣкою Пилицей, и расположились въ дремучихъ лѣсахъ, тянувшихся миль, по крайней мѣрѣ, на двадцать. Тутъ многимъ пришлось, въ первый разъ отъ роду, ночевать на голой землѣ, въ десятиградусный морозъ. Кто никакъ не могъ заснуть, тѣ раз-

вели большой костеръ и около него грѣлись и тараторили цѣлую ночь. Ёсть, по счастью, было что: какія-то невидимыя силы доставляли изъ Новаго-Мѣста и окрестныхъ деревень всякіе съѣстные припасы.

На слѣдующій день, часу въ одиннадцатомъ утра, партія услышала топотъ коннаго отряда и думала, что они открыты русскими разбѣздами. Но это была «Народная конница», 20—30 человекъ, подъ начальствомъ бывшаго русскаго артиллериста, поручика Бончи-Блащинскаго, котораго иные звали Томашевскимъ ¹⁾) Сказавъ «Варшавякамъ» нѣсколько одушевленныхъ словъ, Бонча раздѣлил ихъ на двѣ части: умѣющихъ и неумѣющихъ ѣздить верхомъ. Первыхъ, человекъ 70, посадилъ на коней, доставленныхъ кѣмъ-то изъ окрестностей, а остальныхъ, пѣшихъ, человекъ до полутораста, отправилъ въ равскій отрядъ Древновскаго, гдѣ набралось до тысячи человекъ народу, довольно хорошо вооруженныхъ австрійскимъ и бельгійскимъ оружіемъ и сносно обмундированныхъ. Часть этихъ людей очутилась въ отрядѣ Езеранскаго и брала, 28-го января новаго стиля, Раву.

Изъ лѣсу отрядъ Бончи перебрався на фольваркъ Высокинъ и стоялъ тамъ около двухъ недѣль, занимаясь все это время разными воинскими упражненіями: маршировкой, стрѣльбой въ цѣль и т. п. Тутъ роздали всѣмъ, у кого была статская одежда, одинакіе мундиры: красную рубашку, голубые штаны и бѣлую конфедератку. Рубахи эти назывались гарибальдійками и были шиты изъ краснаго тибета, — совсѣмъ не по сезону. Кромѣ того, страшно дрались, такъ что надлежащій видъ сохранили только около недѣли. Оружіе было доставлено въ достаточномъ количествѣ: длинные палаши въ желѣзныхъ ножнахъ, револьверы и пики. Немного позже пришли короткіе кавалерійскіе карабины.

Въ Высокинѣ отрядъ увеличился прибытіемъ съ разныхъ сторонъ охотниковъ, въ числѣ около 200 человекъ, хорошо вооруженныхъ, одѣтыхъ и на добрыхъ коняхъ. Бонча былъ офицеръ способный командовать и знавшій военное ремесло. Онъ очень скоро вышколилъ свой отрядъ примѣрнымъ образомъ, сдѣлалъ изъ ребятъ, походившихъ незадолго передъ тѣмъ на безпардонныхъ и беспорядочныхъ школьниковъ, нѣчто похожее на солдатъ, ввелъ необходимыя воинскіе приемы и дисциплину. Все было съ вѣшной стороны хорошо, но партія сходила съума отъ бездѣйствія: ея назначеніемъ было «бродить изъ угла въ уголъ по краю и наблюдать за тѣми мѣстностями, гдѣ хлопы, по своему нерасположенію къ возстанію, были опасны для малыхъ бандъ, начинавшихъ формироваться». Кромѣ того, Бонча долженъ былъ преслѣдовать

¹⁾ Подъ этимъ именемъ онъ явился въ Плоцкъ, въ ночь общаго вооруженнаго возстанія, съ 10-го на 11-е января стараго стиля 1863 года.

всякаго рода враговъ народнаго правительства и всемѣрно избѣгать столкновѣній съ русскими войсками. Словомъ, это былъ отрядъ жандармовъ, признанныхъ необходимыми въ ту пору, когда еще не было нигдѣ настоящаго ладу и возстаніе имѣло непріятелей между самими поляками. Только жандармы Бончи довольно долго не знали, что они жандармы: это отъ нихъ всячески скрывалось, иначе, безъ всякаго сомнѣнія, открылись бы побѣги. Отрядъ бродилъ изъ Равскаго уѣзда въ Опочинскій, изъ Опочинскаго въ Равскій, оттуда въ Краковское воеводство, полагая, что это такъ нужно для высшихъ соображеній.

Изъ Высокина партія Бончи передвинулась въ Новое-Мѣсто, гдѣ населеніе выказало чрезвычайную радость, что видитъ «народныя войска»—и громко ихъ привѣтствовало криками «вивать, ура»!.. Въ капуцинскомъ костелѣ жандармы отстояли обѣдню и пропѣли подъ-конецъ «*Boże coś Polskę*». Народу набралось тьматмущая. Все было настроено торжественно. У всѣхъ мечты летѣли Богъ вѣсть куда. Всякій, въ патріотическомъ своемъ увлеченіи, думалъ, что вотъ, не сегодня-завтра, эти красныя рубахи, въ соединеніи съ другими повстанскими мундирами царства Польскаго, возстановятъ Польшу отъ моря до моря!.. Слышно было, что отрядовъ формируется много; энтузіазмъ вездѣ страшный; за царствомъ Польскимъ проснется, конечно, Литва и Русь!..

Скоро жандармы Бончи узнали, что въ Новомъ-Мѣстѣ есть казенный соляной магазинъ, гдѣ въ кассѣ лежитъ до 11,000 злотыхъ: Бонча все это забралъ именемъ народнаго правительства и далъ чиновникамъ росписку.

Изъ Нового-Мѣста отрядъ перешелъ въ Краковское воеводство и стоялъ тамъ по разнымъ деревнямъ и мѣстечкамъ, совершенно спокойно, въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Измѣнниковъ между поляками не было: ближайшимъ русскимъ отрядамъ никто не давалъ знать о происходившихъ тамъ и тамъ чудесахъ—и они не являлись. Куда дѣвалась о ту пору наша полиція и жандармы—это неизвѣстно...

Въ концѣ мая жандармы Бончи очутились въ Русановѣ, Опочинскаго уѣзда, Радомской губерніи, и едва только выпустили лошадей на одинъ изъ примыкающихъ къ деревнѣ луговъ, какъ прибѣжалъ съ пикета солдатъ и донесъ, что идутъ русскіе. Это была рота смоленскаго полка, изъ Кѣльць, подъ начальствомъ маіора Бентковскаго, прибывшая въ Русановъ на подводахъ. Смоленцы ту же минуту разсыпали стрѣлковъ. Бонча приготовилъ-было свой отрядъ къ атакѣ, но, сдѣлавъ нѣсколько выстрѣловъ, счелъ болѣе выгоднымъ ретироваться.

Вскорѣ послѣ этого, идя Опочинскимъ уѣздомъ, Бонча получилъ предписаніе отъ жонда народоваго наказать крестьянъ деревни Липы за ихъ коварное и непатріотическое поведеніе: они

хватали, гдѣ случится, повстанцевъ и выдавали русскимъ властямъ. Былъ слухъ, что они же навели русскихъ на отрядъ Завадскаго, формировавшійся въ сосѣднемъ лѣсу. Онъ былъ жестоко разбитъ. Часть его солдатъ попала въ плѣнъ; въ томъ числѣ и самъ Завадскій; остальные, подъ начальствомъ русскихъ дезертировъ, юнкеровъ: Громейки и Рудовскаго, бѣжали въ лѣса, примыкающія къ деревнѣ Рудѣ-Маленецкой.

По прибытіи въ Липу, большую и хорошо устроенную деревню, Бонча приказалъ окружить ее и поджечь съ двухъ концовъ. Раздались крики и вопли. Всѣ бросились спасать свое имущество. Огонь быстро охватилъ строенія и когда отъ домовъ остались одни обгорѣлыя стѣны, Бонча собралъ въ кучу всѣхъ жителей на одну площадь, сказалъ имъ внушительную рѣчь, гдѣ были выставлены причины, почему онъ такъ дѣйствуетъ; затѣмъ требовалъ выдачи главныхъ измѣнниковъ отечеству. Были указаны: солтысъ и отставной солдатъ. Когда ихъ привели къ вождю, они старались свалить всю вину на одного жида, портнаго изъ мѣстечка Бялачова. Приказано розыскать этого жида и привести немедля въ отрядъ. Посланные привели не только его, но и его сына. Расправа была коротка: отца повѣсили, а сыну дали сто палокъ, какъ несовершеннолѣтнему. Изъ хлоповъ не наказанъ ни одинъ: они сочтены расквитавшимися съ народнымъ правительствомъ тѣмъ, что у нихъ сожжена деревня. Солтысу и отставному солдату прочли нотацию и отпустили ихъ на свободу.

Насколько можно было замѣтить, простой народъ не благопріятствовалъ возстанію болѣе всего въ Опочинскомъ и Радомскомъ уѣздахъ. Въ Опочинскомъ былъ даже у крестьянъ какой-то предводитель Бульви или Бульверъ, который устраивалъ облавы на повстанцевъ въ лѣсахъ и переловилъ ихъ очень много, но потомъ и самъ попалъ въ руки революціоннаго правосудія. Его разстрѣляли; но послѣ ходили слухи, будто бы всѣ три пули, которыя въ него попали, были не смертельны, что онъ выздоровѣлъ и живетъ до сихъ поръ...

Одновременно съ приказаніемъ расправиться съ жителями селенія Липы, Бонча получилъ предписаніе отъ жонда народоваго присоединить къ себѣ отрядъ помѣщика Стаміровскаго, состоявшій изъ 20-ти кавалеристовъ и бродившій въ окрестностяхъ Гройца, Черска и Могильницъ. А временами его видѣли въ Опочинскомъ и Краковскомъ уѣздахъ.

Стаміровскій былъ родомъ изъ Равскаго уѣзда, гдѣ имѣлъ небольшую деревню. Характеръ буйный, неукротимый, склонный къ походженіямъ дурнаго свойства. Еще до возстанія о немъ говорили вездѣ, какъ о чловѣкѣ безпокойномъ, который участвовалъ во всѣхъ дрянныхъ исторіяхъ своего уѣзда. Когда же вспыхнуло возстаніе, Стаміровскій вооружился съ головы до ногъ, вмѣстѣ со

своимъ лакеемъ, и напалъ врасплохъ на казачій кордонъ въ деревнѣ Мщоновѣ... Немного спустя онъ набралъ кучу подобныхъ себѣ безобразниковъ и сталъ съ ними производить чисто-на-чисто разбойничьи нападенія на хутора помѣщиковъ, на крестьянскіе поселки; налагалъ контрибуціи, билъ и калечилъ всѣхъ, кто ему противился. На одномъ хуторѣ захватилъ до 200,000 злотыхъ...

Бонча, узнавъ, что Стаміровскій стоитъ неподалеку отъ Руды-Меленецкой, послалъ къ нему, съ двумя своими людьми, предписание немедля явиться для выслушанія приказа жонда народоваго. Стаміровскій отвѣчалъ, что и не думаетъ исполнять повелѣній какого-то тамъ жонда, что онъ самъ себѣ жондъ — и двинулся въ Равскій уѣздъ. Бонча хотѣлъ-было его преслѣдовать, но офицеры отговорили его. Стаміровскій, немного позже, наткнулся на отрядъ Хмѣленскаго, подъ Ендржеёвымъ, былъ схваченъ и повѣшенъ.

Въ Гнѣвоцкомъ, около Водзислава, Хмѣленскій соединился съ Бончей и, поручивъ ему наблюденіе за своимъ коннымъ отрядомъ, въ 40 человекъ, хорошо вооруженныхъ и обмундированныхъ, самъ отправился въ сторону Златаго Потока, для формировація пѣхоты. Такимъ образомъ, у Бончи оказалось до 300 кавалеристовъ, которымъ смертельно хотѣлось схватиться съ непріателемъ, но вождь видимо избѣгалъ и продолжалъ скитаться отъ селенія къ селенію, въ Краковскомъ и Опочинскомъ, а когда было можно—развлекалъ солдатъ воинскими упражненіями. Но, вѣроятно, и ему надоѣло такое препровожденіе времени. Къ этому присоединилось разочарованіе въ успѣхѣ возстанія. То-и-дѣло получались извѣстія о разбитіи повстанскихъ отрядовъ то тутъ, то тамъ. Объ европейской интервенціи нечего было и думать. Нѣтъ сомнѣнія, что закрадывалась временами также мысль и о томъ, что «глупо было бросать прекрасную военную карьеру для какихъ-то дѣтскихъ мечтаній и прекрасную квартиру во владимірскомъ фортѣ александровской цитадели мѣнять на скитанія по лѣсамъ, на голодъ и холодъ ¹⁾»... Бонча (въ іюнѣ мѣсяцѣ 1863 года) положительно упалъ духомъ, сталъ мраченъ, неразговорчивъ, всячески старался скрывать свои чувства отъ товарищей, прикидывался иногда веселымъ, но эта веселость черезъ-чуръ была натянута; всѣ это видѣли—и тоже настраивались дурно.

13-го іюня новаго стиля, по выходѣ отряда изъ мѣстечка Русанова, присталъ къ повстанцамъ бѣглый казакъ Леткинъ и какой-то пѣхотный солдатъ. Бонча долго не соглашался ихъ принимать, боясь измѣны, но выслушавъ ихъ простодушный рассказъ о томъ, какъ и почему они ушли—принялъ. Леткинъ служилъ у повстанцевъ до конца возстанія, переходя изъ отряда въ отрядъ,

¹⁾ Бонча былъ комендантомъ владимірскаго форта и, естественно, имѣлъ лучшее въ немъ помѣщеніе.

и куда потомъ дѣлся, неизвѣстно. Однажды, служа у Хмѣленскаго, онъ попался въ плѣнъ, но ушелъ изъ Петрова. Чтò сталося съ пѣхотинцемъ, Сулима не рассказываетъ.

14-го іюня новаго стиля, ночью, жандармы Бончи пришли въ деревню Прады, подъ Жарками, и оттуда двинулись въ Хробежъ, имѣніе Велепольскаго, которое нашли ограбленнымъ и опустошеннымъ солдатами Лангевича, стоявшаго тамъ нѣсколько дней передъ тѣмъ. Превосходная и дорогая мебель была изрублена саблями, картины ободраны и проколоты штыками, статуи разбиты... Послѣ того отрядъ перешелъ въ Пинчовъ, гдѣ былъ принятъ жителями въ высшей степени гостепріимно: мало того, что накормили солдатъ до отвала, — выкатили бочки вина, но строгій начальникъ не далъ имъ черезъ-чуръ упиваться даровымъ угощеніемъ. Кромѣ того, онъ получилъ предписаніе слѣдовать сколь возможно поспѣшнѣе на границу для соединенія съ отрядомъ Гордана, котораго тамъ ожидали съ минуты на минуту.

Бонча выступилъ изъ Пинчова и пошелъ форсированнымъ маршемъ въ направленіи къ михаловицкой таможенѣ, черезъ селенія: Ежицы и Гуры. Вслѣдствіе страшнаго утомленія солдатъ (которые были такъ измучены, что формально спали на лошадахъ) вождь хотѣлъ дать имъ отдыхъ въ послѣдней деревнѣ, принадлежавшей помѣщику Дембинскому. Сверхъ того и самъ онъ чувствовалъ необходимость въ отдыхѣ: былъ не такъ здоровъ и бѣжалъ сзади отряда на телѣгѣ. Когда стали приближаться къ Гурамъ (это было 15-го іюня новаго стиля, на зарѣ, часа въ три), изъ лѣсу, окружающаго селеніе, выскочилъ мужикъ и сказалъ, что «въ Гурахъ стоитъ русскій отрядъ¹⁾», который арестовалъ прибывшихъ заражѣе курьеровъ Бончи». Не распросивъ мужика подробно ни о чемъ, вождь приказалъ подать себѣ коня и, построивъ своихъ солдатъ плутонгами къ атакѣ, понесся къ селенію, откуда выбѣжало послѣ этого сейчасъ же нѣсколько казаковъ. Они быстро окружили Бончу и сбили его съ лошади пиками, а сами ретировались, съ цѣлію навести повстанцевъ на засаду пѣхоты, которая вскорѣ открыла убійственный огонь, едва только жандармы приблизились къ селенію. Они смѣшались — и бросились въ-разсыпную къ лѣсу, подхвативъ однако раненаго вождю. Пѣхота преслѣдовать ихъ не рѣшилась. Въ деревнѣ Любчѣ отрядъ Бончи остановился. Принялись осматривать раны вождю: голова его была разрублена въ нѣсколькихъ мѣстахъ; кое-гдѣ виднѣлся мозгъ. Докторъ, сдѣлавъ перевязку, усадилъ раненаго въ большое покойное кресло, но онъ былъ въ горячечномъ состояніи и ничего не могъ говорить. Въ теченіи дня прибыло изъ Кракова еще нѣсколько докторовъ: всѣ

¹⁾ Поручика Плескачевскаго, который очень долго слѣдилъ за жандармами Бончи.

«Истор. вѣстн.», январь, 1884 г., т. XV.

они объявили, что положеніе больного безнадежно. Въ 4 часа утра. 16-го іюня новаго стилиа, его не стало. На другой день послѣ этого были торжественныя похороны, въ которыхъ участвовали даже всѣ евреи селенія. Погребальная процессія, съ факелами, потянулась на кладбище, которое было довольно далеко. Надъ могилой произнесено нѣсколько рѣчей.

Начальство надъ отрядомъ принялъ ротмистръ Дзяноть, человекъ слабого характера, не могшій справиться съ людьми, которыми командовалъ суровый и строгій Бонча. Самая фізіономія его, немного свирѣпая отъ густыхъ черныхъ бакенбардъ и такихъ же бровей, высокой ростъ, голосъ, взглядъ внушали страхъ и уваженіе всякому, кто только вступалъ съ нимъ въ какое-либо объясненіе. Солдаты чувствовали инстинктивно, что это вождь какъ надо быть вождю и что ему нельзя не повиноваться. Дзяноть, напротивъ, самъ созналъ трудность своего положенія и рѣшился соединиться съ Хмѣленскимъ, который, вмѣстѣ съ Оксинскимъ, формировалъ тогда большой пѣхотный отрядъ подъ Концеполемъ и Сецыминомъ. Хмѣленскій зналъ уже, что Бонча погибъ подъ Гурами; зналъ также, что Дзяноть не могъ сладить съ осиротѣлымъ отрядомъ—и когда жандармы съ нимъ соединились, онъ вышелъ къ нимъ и сказалъ, что «они отнынѣ уже не жандармы; что онъ сливается ихъ со своею пѣхотой, такъ-какъ этотъ родъ войскъ возстанію гораздо полезнѣе всякой кавалеріи».

Служить въ кавалеріи считалось у повстанцевъ особеннымъ почетомъ. Поэтому, жандармы выслушали приказъ Хмѣленскаго превратиться въ пѣхоту съ неудовольствіемъ. Поднялся шумъ. Дзяноть сталъ завѣрять вождя, что — «передъ нимъ образцовые кавалеристы, которые свыклись съ родомъ своей службы и могутъ быть полезнѣе въ кавалеріи, чѣмъ въ пѣхотѣ». Хмѣленскій отвѣчалъ на это рѣзкимъ тономъ, что онъ нисколько не сомнѣвался въ ихъ кавалерійскихъ способностяхъ и отвагѣ, чему свидѣтельствомъ недавняя стычка съ москалями въ Гурахъ, гдѣ эти храбрые войны позволили изрубить своего начальника кучкѣ казаковъ! А что касается до приведенія ихъ въ надлежащій порядокъ, какъ пѣхотинцевъ,—этому научить вотъ эта нагайка. «Оставить ихъ кавалеристами я не могу, такъ-какъ не привыкъ измѣнять разъ отданныхъ по войскамъ приказовъ!» Сказавъ это Хмѣленскій повернулся и ушелъ въ свою палатку.

Дзяноть не зналъ, что дѣлать... между тѣмъ кавалеристы его, оскорбленные попрекомъ въ трусости, да и нежелавшіе нисколько переходить въ пѣхоту, объявили своему начальнику, что «соединиться съ отрядомъ такого грубаго предводителя вовсе не намѣрены, а пойдутъ себѣ куда глаза глядятъ».—И съ этими словами весь отрядъ выступилъ рысью изъ мѣстечка (Сецымина). Хмѣленскій, привыкшій къ субординаціи и никакъ не ожидавшій, чтобы

200 съ чѣмъ-нибудь всадниковъ отказали въ повиновеніи пѣхотному отряду въ нѣсколько сотъ человѣкъ, узнавъ объ уходѣ жандармовъ Дзянота, выскочилъ какъ бѣшеный изъ палатки и хотѣлъ-было стрѣлять по уходившимъ, но они были уже верстахъ въ двухъ отъ селенія. Вслѣдствіе этого, махнувъ сердито рукою, онъ ушелъ опять въ палатку.

II.

Дальнѣйшія странствованія Дзянота. — Стычки. — Распущеніе отряда. — Сулима поступаетъ на службу къ Хмѣленскому. — Арестованіе русскаго артиллериста. — Стычки. — Искра-Соколовскій. — Хмѣленскій раздѣляетъ отрядъ на мелкія части и уѣзжаетъ въ Краковъ. — Марковскій. — Прибытіе генерала Босака. — Стычка подъ Оксой и Квилиномъ.

Отрядъ Дзянота направился къ Олешну. Беспорядокъ въ рядахъ былъ страшный. Всѣ хотѣли учить и командовать, а не повиноваться. Находились и такіе, которые говорили, что не лучше ли бросить такую проклятую службу, чѣмъ скитаться безсмысленно по лѣсамъ?... Въ Олешнѣ переночевали и перешли потомъ въ Малюшинъ, имѣніе графа Островскаго. Вскорѣ соединились съ ними остатки банды Оксинскаго, разбитой подъ Конецполомъ, въ такомъ жалкомъ положеніи, что разстроенная партія Дзянота смотрѣла, сравнительно съ ними, самымъ образцовымъ войскомъ. Въ особенности жалостный видъ представляли косинеры, полунагіе, отошальные, блѣдные...

Ночью распространились между повстанцами слухи, что идутъ русскіе со стороны Кѣльць и Петркова. Высланный развѣздъ, въ 20 человѣкъ, наткнулся, подъ Незнановицами, около Влощовы, на авангардъ генерала Ченгери. Отступая и отстрѣливаясь отъ напиравшихъ на него казаковъ, развѣздъ скрылся въ лѣсу.

Послѣ этого произошла еще небольшая стычка съ тѣмъ же отрядомъ, въ улицахъ мѣстечка Пршедборжа, 23-го іюня новаго стіля, передъ наступленіемъ ночи. Повстанцы вездѣ были выбиты изъ строеній и ушли въ лѣсъ, а Ченгери къ утру занялъ мѣстечко. Отрядъ Дзянота отправился въ мѣстечко Чермно, а Оксинскій пошелъ въ направленіи къ Бонковой горѣ и утромъ на другой день имѣлъ стычку съ русскими подъ Требницею.

Въ Чермнѣ, воины Дзянота, измученные постоянными маршами, голодные и промокшіе до костей отъ дождя, который лилъ всю ночь, какъ-только они выступили изъ Пршедборжа, — рѣшились отдохнуть, разставивъ кругомъ пикеты. Къ утру перешли въ Фальковъ, потомъ въ Ренчну, гдѣ снова были встревожены приближе-

ніемъ одного русскаго отряда, который вогналъ ихъ въ лѣсъ и довольно долго преслѣдовалъ, производя въ рядахъ отступающихъ страшный беспорядокъ и смятеніе. Фургоны съ аммуниціей и снарядами, телѣги съ живностью, съ кухонной посудой, перемѣшавшись съ кавалеристами, скакали во всѣхъ направленіяхъ. Часть была захвачена нашимъ отрядомъ. Сулима, съ двумя пріятелями, очутился къ утру въ Чермнѣ, откуда они перебрались густыми лѣсами въ Руду-Телчинскую, потомъ въ Скурницы — и тутъ, въ хатѣ лѣсника, переночевали и отдохнули.

Узнавъ на другой день, что весь отрядъ ихъ стоитъ оттуда недалеко, въ лѣсу, Сулима и его пріятели достали проводниковъ и перебрались къ товарищамъ, которыхъ нашли въ жалкомъ видѣ, ободранныхъ, искалеченныхъ и упавшихъ духомъ до послѣдней степени. Было ихъ всего навсе до 50-ти человѣкъ, неспособныхъ ни къ какой службѣ. Дзяноть сказалъ имъ, что въ такомъ положеніи, въ какомъ они находятся, думать о новыхъ схваткахъ съ непріателемъ было бы нелѣпо и безумно, а слѣдуетъ припрятать, гдѣ кто знаетъ, оружіе; лошадей размѣстить по фольваркамъ и дворамъ помѣщиковъ, а самимъ переодѣться въ другое платье и разойтись въ разныя стороны, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ для возстанія дней.

Такъ и сдѣлали. Сулима отдалъ лошадь и оружіе одному помѣщику, съ которымъ наиболѣе сблизился, досталъ себѣ статское платье и пошелъ пѣшкомъ въ направленіи къ Петркову, предполагая, если удастся, пробраться домой, къ родителямъ, а не то — въ Калишское воеводство, гдѣ, какъ носились слухи, формировали большіе отряды отставной прусскій офицеръ Тачановскій и французъ Калье.

Послѣ трехдневнаго скитанія по лѣсамъ отъ деревни къ деревнѣ, удалось бывшему кавалеристу Бончи выправить себѣ у какого-то войта гмины паспортъ и съ нимъ вступить нѣсколько смѣлѣе въ улицы Петркова, наполненные войскомъ и плѣнными изъ отряда Оксинскаго, которыхъ было, приблизительно, человѣкъ двѣсти. Здѣсь Сулима, въ самый день прибытія, сѣлъ на желѣзную дорогу и вечеромъ былъ уже въ объятіяхъ родителей. Отецъ сказалъ ему, однако, что не ручается за его безопасность въ ихъ домѣ, а совѣтуетъ укрыться куда-нибудь подальше. Сулима перебрался въ Варшаву, посѣтилъ нѣсколькихъ знакомыхъ, которые рекомендовали ему не заживаться такъ долго въ городѣ, гдѣ есть цитадель и слѣдственная коммисія съ страшнымъ генераломъ Тухолкой, а искать другаго мѣста для постояннаго пребыванія. Странникъ сѣлъ снова на желѣзную дорогу и очутился въ Петрковѣ, откуда перебрался въ Кѣльцы, а потомъ въ Козловъ, подѣ Влощовой. Здѣсь сказали ему, что Хмѣленскій стоитъ, около недѣли, съ большимъ отрядомъ пѣхоты и кавалеріи, подѣ Ендржеё-

вымъ, въ лѣсахъ Хлѣвской-Воли и недавно имѣлъ съ русскими удачное столкновение.

Недолго размышляя, Сулима перенесся въ этотъ отрядъ и нашелъ тамъ довольно товарищей по службѣ въ жандармахъ Бончи. Отрядъ Хмѣленскаго былъ сформированъ изъ остатковъ бандъ: Оксинскаго, Чаховскаго и Тачановскаго, незадолго передъ тѣмъ разбитаго подъ Игнацовымъ. Пѣхоты было 500 человекъ и 100 конныхъ. Строгость и дисциплина доходили до послѣднихъ предѣловъ: никто не смѣлъ шевельнуться съ мѣста безъ позволенія начальника, ни на шагъ отойти отъ лагеря. Съѣстные припасы раздавалъ офицеръ, стараясь всячески никого не обмѣрить и не обвѣсить. Съ утра до ночи — муштры, маршировка, стрѣльба въ цѣль и другія военныя упражненія. Хмѣленскій лично заглядывалъ всюду, все зналъ, былъ неутомимъ, осматривалъ и повѣрялъ пикеты. Найдя однажды кавалериста, дремавшего на пикетѣ, хотѣлъ его разстрѣлять, но все окончилось палками, въ такомъ размѣрѣ однако, что наказаннаго отправили въ госпиталь. Бывали въ лагерѣ и другія экзекуціи: въ день прибытія Сулимы въ отрядъ, былъ повѣшенъ бурмистръ селенія Довбора, за наведеніе русскихъ отрядовъ на повстанцевъ и разные разбойничьи подвиги; а сына этого бурмиистра Хмѣленскій велѣлъ взять въ солдаты.

Подъ Хлѣвской-Волей стояла партія Хмѣленскаго около трехъ недѣль. Въ концѣ третьей недѣли получено извѣстіе, что генераль Ченгери выступилъ изъ Кѣлецъ, съ цѣлію, повидимому, уничтожить повстанцевъ, загостившихся въ его «владѣніяхъ». Считая свои силы недостаточными для встрѣчи съ большимъ непріятельскимъ отрядомъ, Хмѣленскій поспѣшилъ сняться и пошелъ въ направленіи къ Слупѣ-Новой и Обѣхова, куда прибылъ 13-го августа новаго стиля. Въ Обѣховѣ назначенъ былъ роздыхъ. Тутъ напалъ на повстанцевъ Ченгери, слѣдовавшій за нимъ по пятамъ. Завязалась горячая перестрѣлка. На помощь къ Ченгери явилось еще два отряда: изъ Петркова и Ченстохова. Хмѣленскому ничего не оставалось, какъ только разбить свою банду на мелкія партіи, человекъ по 50 въ каждой, и рассыпать ихъ по лѣсамъ, съ приказаніемъ собраться потомъ около Влощовы. Потерю подъ Обѣховымъ Сулима показываетъ въ 30 человекъ убитыми и 70 ранеными. О потерѣ со стороны русскихъ не говорить ничего ¹⁾.

На третій день послѣ этого, всѣ силы Хмѣленскаго собрались въ деревнѣ Конты, стояли тамъ десять дней, въ теченіе которыхъ производились непрерывныя ученія. Все это время шелъ проливной дождь, но это нисколько не считалось препятствіемъ къ муштрамъ. Тяжела въ особенности была служба пикетовъ и ведетовъ.

¹⁾ Подробности объ этомъ боѣ можно видѣть въ «Журналѣ военныхъ дѣйствій» 1863, № 35, стр. 6, и № 39, стр. 7—8.

Однако, никто не смѣлъ громко роптать и жаловаться, зная суровый нравъ вождя. Изнѣженные баричи, попавшіе въ отрядъ Хмѣленскаго, не разъ выражали, въ тайныхъ другъ съ другомъ бесѣдахъ, охоту бѣжать, но куда было бѣжать? Еслибъ поймали, навѣрное разстрѣляли бы. А еслибъ иной и ушелъ — могъ наткнуться на русскіе отряды и казацкіе разъѣзды...

Несмотря на чрезвычайный порядокъ со стороны несенія служебныхъ обязанностей, отрядъ не имѣлъ однажды, въ теченіе сказанной десятидневной стоянки, никакихъ съѣстныхъ припасовъ двое сутокъ сряду! На одиннадцатый день перешли опять въ Хлѣвскую-Волю и стояли тамъ двѣ недѣли. Отрядъ Хмѣленскаго нѣсколько увеличился прибытіемъ новыхъ охотниковъ. Въ концѣ второй недѣли случилось такое происшествіе: курьеръ, посланный за чѣмъ-то въ Ченстоховъ — возвращаясь въ отрядъ, увидѣлъ у одной корчмы пьянаго русскаго артиллериста, положилъ его въ телѣгу и привезъ соннаго къ Хмѣленскому. Судьбѣ угодно было, чтобы этотъ солдатъ служилъ когда-то подъ начальствомъ послѣдняго! Какъ только онъ проснулся, бывшій его командиръ подошелъ къ нему и сказалъ: «Здорово, братъ!» (Хмѣленскій говорилъ по-русски совершенно чисто, безъ малѣйшаго иностраннаго акцента, что ставилось ему одно время почти въ вину и на него поглядывали иные товарищи съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, какъ бы на перереженнаго мѣскаля).

Солдатъ вскочилъ и сталъ пристально оглядывать Хмѣленскаго. Тотъ спросилъ опять: Какой ты батареи?

- Четвертой, ваше благородіе, отвѣчалъ солдатъ.
- А что, не узналъ поручика Хмѣленскаго?
- Какъ не узнать, узналъ, ваше благородіе!
- Ну, братъ, какъ тебѣ кажется: гдѣ ты теперь?
- Не могу' знать, ваше благородіе!
- А хочешь служить въ польскихъ войскахъ?
- Какъ прикажете, ваше благородіе!
- Ну, ладно, сказалъ Хмѣленскій: а пока поди поѣшь!

Солдатъ этотъ состоялъ потомъ при отрядѣ Хмѣленскаго довольно долго, исполняя въ точности всѣ приказанія бывшаго своего начальника, но — только его одного. Больше никого не хотѣлъ слушать. Онъ говорилъ постоянно, что «все это только такъ, напускають; а придетъ часъ воли Божіей и они съ поручикомъ вернутся опять въ 4-ю батарею»!.. Въ стычкѣ съ нашимъ отрядомъ подъ Черномъ онъ былъ убитъ...

На шестнадцатый день стоянки въ Хлѣвской-Волѣ, Хмѣленскій выступилъ въ направленіи къ Пшедборжу, гдѣ имѣлъ столкновеніе съ однимъ русскимъ отрядомъ, послѣ чего перешелъ въ деревню Скотники и расположился, около нея, въ густомъ лѣсу,

лагеремъ. Необходимо было отдохнуть: люди валились съ ногъ отъ усталости и голоду, ничего не ѣвши болѣе сутокъ. Въ Скотникахъ присоединилось къ Хмѣленскому нѣсколько кавалеристовъ изъ отряда Тачановскаго, окончательно разбитаго подъ Крушиной. Какъ это всегда бываетъ съ человѣкомъ въ несчастіи, этого вождя, способнаго, опытнаго, энергическаго и дотолѣ дѣйствовавшаго въ Калишскомъ воеводствѣ довольно успѣшно, — ругательски ругали его же солдаты за то только, что онъ... былъ разбитъ сильнѣйшимъ отрядомъ!..

Изъ Скотниковъ перешли въ деревню Желѣзницу, лежавшую среди дремучихъ лѣсовъ и непроходимыхъ трясинъ. Хмѣленскій намѣренъ былъ тамъ отдохнуть и оправиться отъ предыдущихъ невзгодъ и потрясеній. Прошло восемь безмятежныхъ дней. Ни одинъ изъ русскихъ отрядовъ, бродившихъ кругомъ, не тревожилъ повстанцевъ. Вдругъ одинъ разъѣздъ, посланный на рекогносцировку въ сторону Красноцина, донесъ, что русскіе, въ значительныхъ силахъ, идутъ прямо на отрядъ Хмѣленскаго. Сію же минуту приказано сняться и идти къ Лахову, а оттуда къ Желиславицамъ. Простоявъ тамъ нѣсколько часовъ, отрядъ перешелъ въ Коницы, подъ Бядржеёвъ и, неподалеку оттуда, на полянѣ, во второмъ часу ночи, расположился на отдыхъ. Но тутъ и нагрянули русскіе, подъ начальствомъ Ченгери, повидимому шедшаго по пятамъ отряда. Произошла довольно серьезная схватка. Хмѣленскій отступилъ къ Черну и имѣлъ новую стычку съ тѣмъ же самымъ отрядомъ, 22-го сентября новаго стиля, въ которой потерялъ болѣе 80-ти человѣкъ убитыми и столько же ранеными, послѣ чего отступилъ въ порядкѣ къ Ракошину. Говорятъ, генералъ Ченгери, смотря на бой подъ Черномъ, сказалъ: «они и вправду дерутся»!

Отдохнувъ часа четыре въ Ракошинѣ (гдѣ Хмѣленскій выходилъ изъ себя, распекая своихъ солдатъ за трусость, съ какою они уходили отъ непріятеля, и грозился разстрѣлять десятаго, если еще разъ случится что-либо подобное) узнали, что русскіе снова идутъ противъ нихъ, съ цѣлю, повидимому, разсѣять партію Хмѣленскаго окончательно. Отрядъ снялся и пошелъ въ направленіи къ Варжину. Послѣ 24-часоваго форсированнаго марша, Хмѣленскій дозволилъ солдатамъ отдохнуть — но Ченгери былъ тутъ-какъ-тутъ! Наши вогнали повстанцевъ въ лѣсъ. Нуженъ былъ новый форсированный маршъ, къ деревнѣ Оксѣ, откуда пришли къ Незановицы и подремали тамъ немного, не разсѣдывая лошадей.

Людямъ здраво разсуждающимъ въ партіи Хмѣленскаго, можетъ и ему самому, стало больше и больше приходиться на мысли, что дѣло возстанія проиграно: лучшіе отряды, устроенные, какъ только могли быть устроены повстанскіе отряды, бились, относительно, превосходно, были безукоризненно храбры, — между тѣмъ,

все уходили и уходили форсированными маршами по лѣсамъ, не прибрѣтя, въ восемь мѣсяцевъ, даже нѣсколькихъ сажень земли, гдѣ бы могли считать себя полными хозяевами и не бояться ежеминутнаго нападенія врага! О наступательныхъ дѣйствіяхъ никто и не думалъ. Духъ сталъ падать вездѣ, во всѣхъ пунктахъ царства Польскаго и — въ эмиграціи. Энтузіазмъ, охватившій страну въ первые дни возстанія, жилъ не долго. Въ минуты, о которыхъ мы рассказываемъ, очень многіе солдаты и офицеры говорили: «когда бы все это поскорѣе кончилось!» А въ Парижѣ, руководители движенія начинали помышлять объ устройствѣ правильной европейской арміи, съ корпусами и дивизіями!..

Отрядъ дремалъ въ Незнановицахъ подлѣ своихъ лошадей: вдругъ донесли Хмѣленскому, что Ченгери снова напалъ на его слѣды и находится какихъ-нибудь верстахъ въ трехъ-четырехъ! Хмѣленскій приказалъ ту же минуту сняться и идти форсированнымъ маршемъ къ Черницѣ, черезъ Влощову и Лаховъ. Около Черницы Ченгери настигъ повстанцевъ въ лѣсу и гналъ ихъ, полями и лугами, до Сецымина, гдѣ опять пошелъ дремучій лѣсъ и они могли въ него спрятаться и уйти отъ опасности—быть совершенно разсѣянными.

Забившись въ непроходимую чащу, близъ деревни Рудниковъ, Хмѣленскій простоялъ тамъ день и потомъ пошелъ въ селеніе Ключескъ. Слыша постоянно, что русскіе отряды бродятъ кругомъ, Хмѣленскій перебрался въ мѣстечко Дрохлинъ, гдѣ намѣревался простоять нѣсколько долѣе, дабы привести въ порядокъ уставшіе отъ походовъ и разстроенные непрерывными стычками ряды.

Въ полумили оттуда стоялъ тогда, съ небольшою бандой, извѣстный своими возмутительными шалостями помѣщикъ Искра-Соколовскій. Жондъ народовой давно на него косился и, наконецъ, предписалъ всѣмъ начальникамъ большихъ отрядовъ, а также и воеводамъ (въ томъ числѣ и Хмѣленскому), при первомъ удобномъ случаѣ, схватить этого вреднаго для возстанія негодяя и судить военнымъ судомъ. Хмѣленскій, узнавъ, что Искра стоитъ отъ нихъ недалеко, послалъ ему сказать, чтобы онъ прибылъ немедленно, для объясненія по дѣлу, нетерпящему отлагательства.

Искра смекнулъ, что дѣло плохо, но послушаться Хмѣленскаго не посмѣлъ: явился въ его отрядъ, окруженный всею своею кавалеріею, гдѣ было до полусотни всадниковъ. Хмѣленскій объяснилъ ему ту же минуту, для чего онъ потребовалъ его къ себѣ и сказалъ, что «военный судъ уже собрался; слѣдуетъ только укомплектовать его еще двумя лицами изъ отряда самого Искры».

Это смутило прибывшаго. Оправясь немного, онъ отвѣчалъ, что «желалъ бы видѣть своими глазами предписаніе жонда». Оно было ему сейчасъ же показано. Пробѣжавъ его, онъ сказалъ, что «при-

знаетъ несправедливыми клеветы, на него взводимыя, и не позволить никогда судить себя офицеру, равному ему чиномъ». Свита его зашумѣла при этомъ, что «не допустить нанести само малѣйшее оскорбленіе своему начальнику!» Хмѣленскій предвидѣлъ такую сцену и приготовился къ ней: едва только Искра сдѣлалъ шагъ къ своимъ кавалеристамъ, какъ со всѣхъ сторонъ надвинулись пѣхотные колонны, свѣсивъ штыки и загородили ему дорогу. Уйти было некуда. А Хмѣленскій, вынувъ изъ-за пояса револьверъ, подошелъ къ свитѣ Искры и крикнулъ внушительнымъ голосомъ: «Голову размозжу тому, кто осмѣлится бунтовать противъ народнаго правительства!»

Все бурлившее мгновенно утихло и присмирѣло. Даже раздался голоса, что «никто противъ народнаго правительства бунтовать не думаетъ и все, что ему угодно, будетъ ими исполнено въ точности».

Судъ разбиралъ дѣло Искры въ теченіи двухъ часовъ, подъ предсѣдательствомъ капитана Тыльмана, и произнесъ въ заключеніе смертный приговоръ. Когда Искрѣ объявили объ этомъ, онъ смѣло пошелъ на площадь, гдѣ уже дѣлались приготовления къ разстрѣлянью: становили столбъ и вызвано было, по обычаю, двѣнадцать стрѣлковъ. Не смотря на то, что весь отрядъ Хмѣленскаго былъ убѣжденъ въ справедливости обвиненій и приговора и зналъ хорошо, что такое Искра и его разбойничья шайка, однако нашлось нѣсколько офицеровъ, которые надъ нимъ сжалились и просили вождя о смягченіи приговора, замѣчая, что фактъ осужденія и все, что Искра видитъ у нихъ въ отрядѣ, неизбежно на него подѣйствуетъ, онъ исправится и даже изъ него, можетъ быть, выйдетъ добрый и полезный слуга отечеству. Хмѣленскій былъ непреклоненъ и отвѣчалъ просившимъ, что «нарушать предписаній жонда не властенъ, а также не намѣренъ поступать вопреки рѣшенію суда, между членами котораго были также и солдаты самого обвиненнаго».

Приговоръ былъ немедля исполненъ... Отрядъ разстрѣяннаго вошелъ въ составъ партіи Хмѣленскаго: все это были бравые, хорошо вооруженные и экипированные солдаты. Партія Хмѣленскаго такимъ образомъ увеличилась. Онъ считалъ у себя до 600 человекъ пѣхоты и до полутораста кавалеристовъ.

На четвертый день пребыванія въ Дрохлинѣ Хмѣленскій получилъ извѣстіе, что русскіе надвигаются на него съ двухъ сторонъ: отъ Петркова и отъ Кѣльць. Приказано было сняться и идти поспѣшно въ сторону Малхова, но было уже поздно: наши отряды, подъ начальствомъ полковника Таубе и подполковника Загряжскаго, окружили повстанцевъ и едва не забрали всѣхъ ихъ въ плѣнъ. Темный, глухой лѣсъ, бывший неподалеку, помогъ нѣкоторой части воиновъ Хмѣленскаго, вмѣстѣ съ предводителемъ спа-

стись бѣгствомъ. Бѣжали въ страшномъ безпорядкѣ, растерявъ офицеровъ, не зная даже, гдѣ ихъ вождь, спасся или погибъ. Только добравшись до деревни Кучки, услышали, что Хмѣленскій, съ остатками пѣхоты, стоитъ подъ Влоцовой, куда приказалъ собираться всѣмъ, кто уцѣлѣлъ во время ретирады ¹⁾).

Отрядъ собрался въ Рогеницахъ — и тутъ снова узнали, что русскіе недалеко: это былъ полковникъ Шульманъ, съ подкрѣпленіемъ изъ Ченстохова. Хмѣленскій велѣлъ своимъ идти въ Оксу, а потомъ поворотить на Держговскую мельницу, гдѣ раздѣлилъ свои силы на мелкія партіи и разослалъ въ разныя стороны. Больше ничего не оставалось дѣлать. Всѣ были измучены до невѣроятности. Биться никому не хотѣлось; къ тому же, это не имѣло никакого смысла. Самъ вождь былъ также утомленъ и чувствовалъ себя не очень здоровымъ. Ему нуженъ былъ неизбѣжный покой, для восстановленія силъ. Онъ исчезъ вдругъ изъ глазъ своихъ солдатъ. Говорили, что онъ укрылся на фольваркѣ одного помѣщика, гдѣ-то около Оксы, нето Влоцовой, откуда потомъ уѣхалъ въ Краковъ и тамъ лечится...

Это было время, когда возстаніе жило только надеждами на интервенцію Европы (конецъ сентября и начало октября 1863) и еслибъ не эти надежды, — отряды разбрелись-бы и растаяли сами собою, безъ всякихъ схватокъ съ нашими войсками. Тотъ-же духъ и то-же безотрадное настроеніе были и въ отрядѣ Хмѣленскаго. Немного не доставало, чтобы начались побѣги. Деморализація и неповиновеніе офицерамъ стали мало-по-малу закрадываться какъ въ пѣхоту, такъ и въ кавалерію. Начальникъ послѣдней, расторопный офицеръ Нейманъ, умѣвшій держать солдатъ своихъ въ порядкѣ, — во время одной ретирады прострѣлилъ себѣ нечаянно ногу и отправился лечиться въ Краковъ, откуда прибылъ вскорѣ старый повстанецъ, служившій послѣднее время въ турецкихъ казакахъ Садыкъ-паши-Чайковскаго, нѣкто Марковскій, съ уполномочіемъ отъ Хмѣленскаго: принять команду надъ бывшимъ его отрядомъ. Это былъ человекъ лѣтъ 50, посѣдѣвшій въ бояхъ, смѣлый, отважный, но слабохарактерный; онъ не умѣлъ управлять людьми, привыкшими къ суровому обращенію Хмѣленскаго. Словомъ: былъ то-же, что Дзяноть. Люди Хмѣленскаго двигались съ Марковскимъ бессмысленно изъ угла въ уголь, по югу царства, не встрѣчая, по счастью для нихъ, никакихъ столкновеній съ непріателемъ. Начались побѣги, ропоть... нѣтъ сомнѣнія, что отрядъ мало-по-мало распался бы, еслибъ вдругъ не явился снова среди своихъ воиновъ выздоровѣвшій и отдохнувшій Хмѣленскій.

Это было около деревни Ракова, между Влоцовой и Ендржеёвымъ,

¹⁾ У насъ см. объ этихъ битвахъ въ «Журналѣ военныхъ дѣйствій» № 44, стр. 1 и № 48, стр. 2.

въ лѣсу. Начались ежедневныя муштры. Прибывали временами новыя охотники. Даже соединилась съ отрядомъ цѣлая большая партія Грылинскаго. Недѣли черезъ двѣ приказано двинуться на Держгово, гдѣ собралось все, что только носило еще какое-либо оружіе на югѣ и въ центрѣ Радомской губерніи: всѣ пѣхотные и кавалерійскіе отряды, для того, чтобы представиться новому начальнику обоихъ воеводствъ, Краковскаго и Сандомірскаго, только-что прибывшему изъ Парижа генералу Босаку (графу Іосифу Гауке).

Босакъ сдѣлалъ смотръ войскамъ (это было въ самомъ началѣ октября по н. ст.). Всѣ глядѣли на него съ любопытствомъ, какъ на давно-невиданнаго звѣря. На многихъ устахъ мелькала проницательная улыбка. Иные замѣтили ее даже на лицѣ самого Босака. Послѣ смотра явился печатный приказъ по арміи, начинавшійся по наполеоновски: «Воины изъ-подъ Церна, Варжина, Чарнца и Малхова!» (Какъ будто бы это были: Абукиръ, Аустерлицъ, Гена!.. а въ сущности, это были пункты, откуда этимъ воинамъ удалось цѣлыми уйти.)

Обѣщаніямъ Босака, высказаннымъ въ этомъ пышномъ приказѣ, что «скоро наступитъ европейская интервенція, соберется конгрессъ, совершится внутренній и внѣшній заемъ»—никто надлежащимъ образомъ не вѣрилъ. «Воины изъ-подъ Церна, Варжина, Чарнца и Малхова», читая эти строки, только смѣялись и каждый думалъ, что-то они будутъ дѣлать, когда новыя русскіе отряды вдругъ явятся въ тѣхъ мѣстахъ и нужно будетъ биться?..

Въ самомъ дѣлѣ русскіе были оттуда недалеко: въ Оксѣ старый знакомый повстанцевъ Радомской губерніи, майоръ Бентковскій, который шелъ на этотъ разъ совсѣмъ не съ цѣлями бить Босака ила Хмѣленскаго (сдѣлавшагося начальникомъ штаба новоприбывшаго генерала), а собирать экзекуціонныя недоимки. Силы его отряда были невелики: три роты и сотня казаковъ. Дойдя до фольварка Оксы, Бентковскій занялъ его, заперъ ворота и принялъ всякія другія предосторожности, необходимыя въ военное время. Босакъ получилъ извѣстіе, что Бентковскій намѣренъ на фольваркѣ ночевать. Имѣя въ распоряженіи довольно большой отрядъ (до тысячи человѣкъ пѣхоты и кавалеріи), генераль рѣшился атаковать русскихъ. Для этого сдѣлано было слѣдующее: въ Держговѣ оставлены огни по всему лагерю (дабы непріятель могъ подумать, что повстанцы никуда не двигались). Главныя силы направлены съ фронта. Грылинскому предписано ударить съ тылу, а кавалерія поставлена въ сторонѣ, дабы дѣйствовать послѣ того, какъ дѣло будетъ рѣшено въ пользу нападающихъ пѣхотой. Болѣе всего было приказано обращать вниманіе на тишину и соблюденіе строжайшаго порядка въ частяхъ.

Хмѣленскій, во главѣ всей пѣхоты, подошелъ къ воротамъ фольварка въ два часа ночи. При немъ находились два растороп-

ные кавалериста. Затаивъ дыханіе, стояли они тамъ безъ движенія болѣе часа, дожидаясь прибытія съ противоположной стороны Грылинскаго. Но Грылинскій почему-то не шелъ... стало свѣтать. Казаки, стоявшіе на шикетахъ, рассмотрѣли повстанцевъ и открыли по нимъ огонь. Русскій отрядъ на фольваркѣ проснулся и приготовился къ бою. Хмѣленскому ничего болѣе не оставалось, какъ двинуть свою пѣхоту впередъ. Завязалась горячая перестрѣлка. Поляки силились высадить ворота, но это имъ не удалось. Капитанъ Новицкій долго рубилъ ихъ топоромъ, пока не палъ, пробитый пулей. Солдаты его (2-я рота), потерявъ вожда, отступили. Это произвело смятеніе и въ другихъ рядахъ пѣхоты: всѣ смѣшалось и обратились въ самое беспорядочное бѣгство. Прибывшій въ эту минуту Грылинскій не могъ поправить дѣла и самъ поспѣшно ретировался... Хмѣленскій, отойдя всего на полмили, безпечно расположился отдыхать на фольваркѣ Квилинъ, въ надеждѣ, что Бентковскій не рѣшится послѣ такого продолжительнаго боя (съ 4 часовъ утра до 12 дня) вести своихъ измученныхъ солдатъ на повстанцевъ, почти восторжествовавшихъ. Но Бентковскій рѣшился! И какъ-только стемнѣло и Хмѣленскій велѣлъ своему отряду готовить ужинъ—наши ударили такъ стремительно, что растерявшіеся и удивленные повстанцы пустились бѣжать въ неопisanномъ беспорядкѣ. Хмѣленскій едва не попалъ въ плѣнъ. Сулима говоритъ, что «единственно темнотѣ ночи они обязаны спасеніемъ и еще тому, что Бентковскій поторопился ударить: еслибъ онъ имъ далъ поѣсть и заснуть—тогда ни одинъ повстанецъ не вышелъ-бы цѣлъ изъ боя!»¹⁾.

III.

Хмѣленскій' идетъ къ Радкову.—Бѣдственные скитанія по лѣсамъ, голодъ и холодъ.— Столкновеніе съ русскими войсками подъ селеніемъ Бодзеховымъ.— Хмѣленскій взятъ въ плѣнъ.— Дальнѣйшая судьба его отряда.— Марковскій, какъ начальникъ Краковскаго и Сандомирскаго воеводства.— Сулима идетъ въ Варшаву.— Кршивда-Ржевускій.— Приказъ Босака о распущеніи бандъ.— Последнія похождения Сулимы.— Приѣздъ къ родителямъ.

На другой день весь отрядъ Хмѣленскаго потянулся къ Радкову малыми частями, изъ которыхъ одна другую догоняла. Дней въ восемь все пришло въ порядокъ. Хмѣленскій приказалъ идти къ Свентокришскимъ горамъ, дабы тамъ нѣсколько отдохнуть и оправиться отъ послѣднихъ передрагъ и потрясеній. Солдаты и офи-

¹⁾ Pamiętniki Powstańia, стр. 109.

перы чувствовали, что близится всему конецъ. Ряды повстанской арміи рѣдѣли. Комплектоваться новыми охотниками было невозможно трудно. Въ добавокъ ко всему, началъ пропекать странниковъ морозъ, въ особенности по ночамъ. Генераль Босакъ, лучше другихъ понимавшій дѣло и предвидѣвшій его исходъ, отправился въ Краковъ для совѣщанія съ пріятелями, что дѣлать далѣе,— и, по совѣту ихъ, собралъ челоуѣкъ 300 пѣхоты и около 100 всадниковъ, съ которыми перешелъ опять границу, но скоро былъ жестоко разбитъ генераломъ Ченгери, подъ Озерками, около Опатова. Остатки банды скрылись въ лѣсъ и, спустя нѣкоторое время, соединились съ отрядомъ Хмѣленскаго, который, имѣя постоянно непріятеля на плечахъ, шелъ форсированными маршами на мѣстечко Стройновъ, черезъ деревни: Тршцинецъ, Новоржище, Мотковище и Малешовъ. Въ Стройновѣ, вслѣдствіе крайняго утомленія солдатъ, велѣно было остановиться лагеремъ, но русскіе отряды, слѣдившіе за Хмѣленскимъ очень внимательно, ударили—и погнали повстанцевъ по полямъ и лугамъ, до перваго лѣса. Отрядъ Хмѣленскаго и Босака выбрался, проселочными дорогами, на мѣстечко Куновъ и хотя зналъ, что русскіе расположились лагеремъ всего въ двухъ верстахъ оттуда, долженъ былъ поневолѣ остановиться, вслѣдствіе совершеннаго изнеможенія людей и лошадей.

Въ Куновѣ отрядъ сталъ лагеремъ. Въ это время присоединился къ Хмѣленскому юнкеръ Рудовскій, со своею мадеуькой, но хорошо устроенной бандой. Однако же Хмѣленскій вскорѣ отослалъ его, для поддержки и оживленія возстанія въ Радомской губерніи, гдѣ всѣ существовавшіе кое-какъ повстанскіе отряды приходили ежеминутно все болѣе и болѣе въ жалкое состояніе и разсыпались сами собою.

Черезъ три дня по выходѣ отряда изъ Кунова, въ направленіи къ Петрову и Еленѣву (гдѣ повстанцы застали богатую помѣщичью свадьбу и приняли въ ней участіе, провозглашая тосты за здоровье молодыхъ, съ бокалами въ рукахъ)—было вдругъ донесено, что русскіе стоятъ въ большихъ силахъ всего на-все версты двѣ оттуда. Вслѣдствіе этого, Хмѣленскій приказалъ немедленно выступить по направленію къ селенію Опесенки, гдѣ прозошелъ упорный бой—послѣдній сколько нибудь серьезный бой въ Радомской губерніи, если не сказать: всего царства. Повстанцы держались стойко, но должны были уступить превосходящей силѣ, послѣ чего пустились форсированнымъ маршемъ въ Свентокришскія горы, однако подъ селеніемъ Бодзеховымъ были снова настигнуты и произошла новая стычка, 4 декабря ст. ст., окончившаяся безпорядочнымъ отступленіемъ Хмѣленскаго просто—куда глаза глядятъ. При этомъ отступленіи встрѣтился на дорогѣ ровъ, черезъ который перебраться оказалось невозможнымъ. Раненый въ руку Хмѣленскій былъ окруженъ драгунами, сбитъ съ лошади

и едва не изрубленъ. Узнавъ, что передъ ними Хмѣленскій (имя котораго было извѣстно всѣмъ солдатамъ Радомскаго отдѣла), драгуны вложили палаши въ ножны, связали плѣнника и доставили въ штабъ отряда, гдѣ находился тогда и генераль Ченгери. Предоставивъ переговорить съ Хмѣленскимъ его старому товарищу Добровольскому, онъ отправилъ его въ Радомъ, къ начальнику отдѣла, гдѣ Хмѣленскій былъ разстрѣлянъ 7 декабря ст. ст. ¹⁾.

Одновременно съ разбитіемъ генераломъ Ченгери отряда Хмѣленскаго подъ Бодзеховымъ, разбитъ полковникомъ Гагемейстеромъ большой отрядъ Скавронскаго (за 1,000 человекъ пѣхоты и до 200 человекъ кавалеріи), въ Равскомъ уѣздѣ Варшавской губерніи, между Ловичемъ и Бржезинами, подъ деревней Волей-Цырусовой.

Намѣстникъ разослалъ по царству мелкіе отряды и разъѣзды съ приказаніемъ захватывать и отправлять въ Варшаву всякихъ одинокихъ ратниковъ умирающаго возстанія. То же распоряженіе было сдѣлано и относительно бандъ, которыя укрывались по лѣснымъ трупобамъ. Начальникомъ всѣхъ такихъ бандъ de-facto и вмѣстѣ — краковскимъ и сандомірскимъ воеводой сдѣлался уже извѣстный читателямъ Марковскій, а настоящій воевода, генераль Босакъ, скрылся въ лѣсныхъ трупобахъ между Опатовымъ и Сандоміромъ и оттуда посылалъ приказанія куда нужно. Весьма немногіе знали, что Босакъ еще въ краю. Въ концѣ декабря онъ приказалъ Марковскому снестись съ Варшавой при посредствѣ какого нибудь расторопнаго офицера. Марковскій послалъ Сулиму и онъ счастливо совершилъ это опасное путешествіе, подвергаясь минутно арестамъ и осмотру. Онъ долженъ былъ узнать у «главнаго начальства», т. е. у жонда, сколько нужно еще держаться отрядамъ въ лѣсахъ, такъ-какъ положеніе скитальцевъ, лишенныхъ теплой одежды, становилось, съ приближеніемъ зимы, часъ отъ часу затруднительнѣе. Жондъ (Траугутъ) приказалъ держаться до-нельзя, увѣряя, что «весною слѣдующаго 1864 года, возстаніе снова оживетъ, вслѣдствіе обѣщанной помощи изъ Европы: придутъ новые офицеры, явятся деньги»... и вѣдь находились люди, правда, немного, которые простодушно вѣрили этимъ бреднямъ!..

Въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, генваря и февраля 1864 года, возстаніе держалось кое-какъ, вовсе не потому, что это было приказано жондомъ, а потому, что каждый лѣсной скиталець зналъ очень хорошо, что по выходѣ изъ лѣса его ожидаетъ арестъ или смерть. Въ мартѣ мѣсяцѣ положеніе углѣбвшихъ бандъ еще ухудшилось: онѣ не столько зябли, сколько голодали. Доставать пищу въ деревняхъ стало очень трудно. Фуражировъ ловили по дорогамъ казаки, или задерживали крестьяне. Надъ остатками отряда Хмѣленскаго начальствовалъ тогда Наполеонъ Ржевускій, принявшій,

¹⁾ «Журналъ военныхъ дѣйствій» 1863, № 64, стр. 1—3.

по своему гербу, названіе «Кршивды». Его поминутно перегоняли съ мѣста на мѣсто разные кавалерійскіе отряды. Съ иными изъ нихъ онъ имѣлъ легкія стычки. Кучка измученныхъ до-нельзя этими вѣчными маршами изъ лѣса въ лѣсъ, изъ трупобы въ трупобу, солдатъ, объявила своему начальнику «что долѣе скитаться не станетъ, а разойдется въ разныя стороны—чтò ни будетъ изъ этого!» Кршивда долженъ былъ соблюсти надлежащій воинскій порядокъ: получить форменное разрѣшеніе отъ своего начальства, генерала Босака, котораго мѣстопребываніе въ точности никому не было извѣстно. Посланъ его розыскать и съ нимъ объясниться откровенно тотъ же отчаянный повстанецъ Сулима, который не такъ давно смахалъ благополучно въ Варшаву.

Сулима переодѣлся въ статское платье и вышелъ изъ лагеря пѣшкомъ, безъ всякаго оружія. По особенному счастью, которое никогда его не оставляло, онъ нигдѣ не былъ задержанъ и даже не видалъ русскихъ разбѣздовъ. Бывали случаи, что онъ подсаживался къ какому нибудь проѣзжавшему мимо его хлопугу, въ саняхъ или въ телѣгѣ, а дальше опять шелъ пѣшкомъ и такъ совершилъ прогулку въ 20 миль слишкомъ (т. е. близъ полутора ста верстъ). Наконецъ, въ одной деревнѣ ему сказали, что «генераль» скрывается недалеко въ лѣсу. Онъ сталъ спрашивать объ этомъ подробно у какого-то шляхтича, но тотъ, смѣривъ прищельца глазами, отвѣчалъ, что «никакого здѣсь генерала Босака нѣтъ; что онъ давно за границей». Но немного погодя, поговоривъ съ Сулимою еще, шляхтичъ сказалъ: «подождите тутъ, я сейчасъ наведу справки!» и куда-то пропалъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ пришелъ въ сопровожденіи Марковскаго, лично знавшаго Сулиму. Разспросивъ о причинѣ прибытія, Марковскій велѣлъ запречь бричку, сѣлъ въ нее съ Сулимою, и оба поѣхали въ лѣсъ. Было это неподалеку отъ Сандоміра. На небольшой полянкѣ стояла караулка лѣсника, среди разныхъ господскихъ строеній. Когда пріѣхавшіе вошли въ хату, Сулима увидѣлъ передъ собою «генерала», чрезвычайно опустившагося, постарѣвшаго, мрачнаго какъ ночь, съ лицомъ блѣднымъ и опухшимъ. Одѣтъ онъ былъ въ черную чамарку, на лисьемъ мѣху. На ногахъ были высокіе лакированные сапоги. Онъ сидѣлъ у стола, надъ кучей бумагъ. Сулима ту же минуту приступилъ къ объясненію повода своего прибытія. Босакъ отвѣчалъ на это: «вы увѣряете, что держаться уже нельзя; а я вотъ только-что получилъ извѣстіе отъ жонда, что возстаніе во многихъ пунктахъ края подымаетъ голову: явились банды и бьютъ москалей! Вѣдь самое трудное время, зима, почти прошла. Теперь снова начинается весна, теплые дни. Держаться въ лѣсахъ стало легче!»

— Правда, мы продержались зиму, сказалъ Сулима, но какъ продержались и что теперь представляютъ отряды—это можетъ разсказать надлежащимъ образомъ только тотъ, кто видѣлъ это близко.

Кормили насъ по преимуществу помѣщики, но теперь отказались; теперь никто не кормить, ни помѣщики, ни мужики! Пребываніе въ лѣсахъ голодныхъ оборванцовъ, которые прячутся отъ войскъ, стало совершенною безмыслицей. А что пишутъ генералу изъ жонда, будто-бы гдѣ-то возстаніе снова ожило и явились банды, которые бьютъ москалей,—это фантазія чьего-то развигравшагося воображенія, не болѣе. Смѣю генерала завѣрить, что на-дѣлѣ ничего такого нѣтъ. Мы это лучше жонда знаемъ, мы, остающіеся донныѣ въ лѣсахъ вѣрными польскому знамени, несмотря ни на какія трудности и опасности.

Босакъ задумался. Потомъ сказалъ: «можетъ быть это и такъ... мы дѣлали, что могли, что было въ нашихъ силахъ. Я не хочу и не долженъ допускать, чтобы люди гибли изъ-за чьихъ-либо фантазій, чтобы кто-нибудь попрекалъ меня, что я требовалъ невозможнаго, бессмысленно подвергалъ достойныхъ сыновъ отечества всевозможнымъ испытаніямъ, не имѣя и тѣни надежды... Разойдитесь и дѣлайте что хотите!»

— Прошу генерала отдать приказъ на бумагѣ! — замѣтилъ Сулима.

Босакъ написалъ нѣсколько строкъ, приложилъ печать, отдалъ посланному и сказалъ: «желаю вамъ всякаго счастья и благополучія!»

Сулима запряталъ приказъ въ разрѣзъ подошвы сапога и пустился въ обратный путь. Въ Тарноскаль остановилъ его драгунскій пикетъ. Хозяинъ дома, гдѣ стоялъ офицеръ, къ которому привели задержаннаго, объяснилъ, что «это—его писарь, котораго онъ посылалъ на фольваркъ Малесцову».

Офицеръ приказалъ все-таки раздѣть задержаннаго и осмотрѣть подробно его платье и вещи. Когда стали снимать сапоги, съ нимъ чуть не сдѣлалось дурно... Однако-жъ осмотръ обошелся благополучно. Офицеръ сказалъ, что «плѣнникъ можетъ итти-себѣ куда-угодно», а хозяинъ прибавилъ: «въ 5 часовъ утра изволь взять три телѣги и съѣзди за сѣномъ!» Сулима поклонился и пошелъ спать. Въ 5-мъ часу онъ дѣйствительно выгѣхалъ изъ фольварка въ телѣгѣ. На пикетѣ его окликнули: «Кто идетъ?»

— За сѣномъ для васъ, хозяинъ послалъ!

— Ну, хорошо, ступай!»

Этимъ кончились приключенія въ Тарноскаль.

Сулима пробирался далѣе, принимая возможные мѣры осторожности. На третій день, близъ Незнановицъ, онъ наткнулся на отрядъ русской пѣхоты. Подскакали казаки, всегда находящіеся при пѣхотныхъ отрядахъ въ незначительномъ числѣ.

— Стой! Куда?

— Во Влоцкову!

— А паспортъ есть?

Онъ показалъ имъ какую-то бумагу.

— А кто тебѣ далъ паспортъ?

— Генераль Ченгери!

— Ну, хорошо, давай на водку!

Онъ далъ что-то и казаки отъѣхали.

Сулима, веселый и безмятежный, сталъ напѣвать пѣсни, думая о своей счастливой звѣздѣ: бывалъ во многихъ битвахъ — ниразу не раненъ! Попадался въ руки москалей—всегда уходилъ цѣлымъ и невредимымъ!.. Вдругъ смотреть, летятъ снова казаки. Бѣжать было некуда, скрыться негдѣ.

— Стой! куда?

— Въ Ендржеёвъ, за паспортомъ!

— Ладно, поѣдемъ вмѣстѣ!

Поѣхали. По дорогѣ казаки стали его спрашивать: а что, признайся, былъ въ бандѣ?

— Какая тамъ банда, отвѣчалъ Сулима: я человекъ нездоровый, служить на войнѣ не могу!

— Да, вы всѣ такъ говорите! сказалъ одинъ казакъ: а кажется, я тебя видѣлъ гдѣ-то въ бандѣ!

Казакъ, разумѣется, говорилъ на-обумъ, но Сулиму подралъ морозъ по кожѣ: «Ну, какъ въ самомъ дѣлѣ, подумалъ онъ, они видѣли меня гдѣ-нибудь подъ Стройновымъ или подъ Чарнцемъ?» — Онъ началъ плестъ имъ всякій вздоръ и все размышлялъ о томъ, какъ-бы удрать?.. Въѣхали въ густой лѣсъ, стало темнѣть. Часть казаковъ постоянно ѣхала впереди, а часть сзади. Замѣтивъ, что эти, задніе, въ одномъ мѣстѣ немного поотстали, плѣнникъ спустился осторожно въ кусты, такъ-что и кучеръ не слышалъ. Казаки проѣхали немного погодя мимо, но замѣтили, что въ тѣлѣгѣ никого нѣтъ. А плѣнникъ, тѣмъ временемъ, ползъ кустами, въ потьмахъ, стараясь какъ можно меньше производить шуму. Однако, до казаковъ долетѣлъ какой-то шелестъ: они дали въ ту сторону нѣсколько выстрѣловъ, похлестали возницу нагайками, что плохо смотрѣлъ, а потомъ поѣхали кучей дальше.

Сулима-же все пробирался да пробирался осторожно кустами и доползъ наконецъ, измученный, до какой-то мельницы: смотреть, а это очень знакомая ему мельница въ Поповицахъ! Стукнулъ и когда ему отворили, — вошелъ и бросился на лавку, на которой пролежалъ почти безъ движенія до утра. На другой день узналъ, что Кршивда стоитъ съ отрядомъ между Кршепиномъ и Курже-левымъ: пустился туда, но прежде заглянулъ въ Оксу, гдѣ у него оставалась лошадь, военная одежда и вооруженіе. Все нашелъ въ порядкѣ — и только что сталъ преобразжаться, какъ ему сказали, что идетъ какая-то кавалерія. Разумѣется, онъ подумалъ, что это русскіе, но оказался Кршивда со своимъ малымъ кавалерійскимъ отрядомъ.

Въ Оксѣ стали дѣлать приготовленія къ встрѣчѣ «народнаго войска»... но вдругъ на это народное войско налетѣли драгуны и растрепали его жестоко; изъ 50 всадниковъ едвали осталось 20, которые спаслись удачною переправой черезъ болота, неизвѣстными никому тропинками. Въ числѣ спасшихся былъ и Кршивда. Онъ распустилъ своихъ солдатъ, не выдавши Сулимы и не прочитавши форменнаго увольненія отъ службы, съ такими хлопотами добытаго!.. Послѣ узнали, что Кршивда, переодѣтый крестьяниномъ, счастливо перешелъ австрійскую границу. Солдатамъ его идти было некуда: они держались въ одной лѣсной труппѣ, выбравъ себѣ въ начальники какого-то Андерлини, который тоже, въ скоромъ времени, счелъ за лучшее обратиться за границу..

Сулима ходилъ по лѣсамъ, спалъ на землѣ, иной разъ подъ сильнымъ дождемъ, сушился потомъ и перекусывалъ чтò случится по хатамъ лѣсниковъ, и, наконецъ, перебрался въ Кршешинь, а послѣ въ Пршиленкъ, гдѣ поселился у знакомаго шляхтича, обѣдалъ съ его семейю, а остальное время дня скрывался въ разныхъ строеніяхъ, забываясь въ солому.

Разъ они сидѣли за обѣдомъ, какъ вошла служанка и сказала, что прибылъ во дворъ какой-то овчаръ и желаетъ опредѣлиться на службу. Это былъ начальникъ «Краковскаго и Сандомірскаго воеводства», Марковскій! Разговорились. Марковскій сообщилъ, что идетъ прямокомъ изъ Сандоміра и какимъ-то чудомъ не былъ нигдѣ остановленъ. Онъ блуждалъ по губерніи безъ всякой опредѣленной цѣли; карманы его были набиты приказами жонда, который постоянно требовалъ, чтобы банды держались, что на весну сформируются новые отряды!..

На другой день Марковскій ушелъ изъ Пршиленка, не сказавъ никому, куда идетъ и какія имѣетъ цѣли. Вскорѣ узнали, что онъ задержанъ крестьянами подъ Опатовымъ и доставленъ въ ближайшій русскій отрядъ. Подозрѣніе крестьянъ, что это «не овчаръ, а кто нибудь другой, вообще не хлопскаго происхожденія», возбудили усмотрѣнные ими на ногахъ Марковскаго скарпетки вмѣсто оныхъ!..

Понятное дѣло, что Марковскаго осмотрѣли въ отрядѣ очень внимательно—и нашли при немъ тьму-тьмущую приказовъ жонда и всякихъ подозрительныхъ бумагъ. На что все это онъ таскалъ съ собою до послѣдней минуты? Неужели думалъ, что скоро придетъ время, когда этотъ хламъ опять пригодится?..

Рѣшено отправить его въ Радомъ. Боясь, что при слѣдствіи онъ какъ-нибудь себѣ измѣнитъ, выдастъ кого либо изъ пріятелей, — Марковскій задумалъ порѣшить съ собою какимъ придется способомъ: при немъ находилась большая иголка, которою шиваютъ мѣшки, изъ толстаго полотна, и кули: онъ воткнулъ ее нѣсколько разъ въ сердце и черезъ два часа испустилъ духъ. Такъ

глупо кончилъ жизнь послѣдній начальникъ краковскаго и сандомирскаго воеводства!..

Сулима скитался еще по лѣсамъ до мая 1864 года, въ окрестностяхъ Пришенка, Оксы, Домбя и другихъ деревень, куда заходилъ къ разнымъ знакомымъ и незнакомымъ лицамъ, чтобы поѣсть и выпататься какъ надо. Одни временные хозяева его были гостеприимны и старались всячески показать, что не стѣсняются пребываніемъ у нихъ такого подозрительнаго гостя, а другіе, принявъ его и накормивъ, только и думали, какъ бы отъ него избавиться. Постоянная опасность и неизвѣстность въ будущемъ приводили его въ отчаяніе... Наконецъ, онъ узнаеть, что вышелъ указъ, дарующій помилованіе всѣмъ повстанцамъ, которые явятся добровольно и присягнуть на вѣрное подданство. Сулима однакожь, обмысливъ со всѣхъ сторонъ свое положеніе, рѣшился отправиться въ Варшаву, въ томъ разчетѣ, что найдетъ тамъ хаосъ и снованіе назадъ и впередъ всякихъ личностей, среди которыхъ будетъ нетрудно жить за совершенно невиннаго и получить паспортъ.

Прежде всего, онъ перебрался въ Лаховъ, а потомъ въ Куржеловъ, гдѣ пошелъ прямо въ домъ пробоша, у котораго нашелъ офицера, лежавшаго на диванѣ. Офицеръ оглядѣлъ прибывшаго съ головы до ногъ и спросилъ: «панъ откуда?»

— Я здѣшній официалистъ, отвѣчалъ Сулима.

— А теперь откуда?

— Ъздилъ въ Лаховъ купить картофелю.

Офицеръ помолчалъ немного, потомъ спросилъ: а былъ панъ въ возстаніи?

— Нѣтъ, не приходилось никогда! Я не чувствовалъ въ себѣ къ этому ни охоты, ни смѣлости!

— Можешь панъ дать мнѣ въ этомъ честное слово?

Сулима молчалъ. Замѣтивъ въ немъ нѣкоторое смущеніе, офицеръ повторилъ:—Честное слово, что панъ не былъ въ возстаніи?

Сулима не рѣшился долѣе лгать и признался, что былъ въ возстаніи.—Скажу даже болѣе: я пришелъ прямо изъ банды! Дѣлайте со мною, чтѣ хотите!

— А какъ думаешь, чтѣ я сдѣлаю?

— Какъ думаю?.. Ничего хорошаго не думаю!

— Ошибаешься, панъ, сказалъ офицеръ, вставая съ дивана и протягивая Сулимѣ руку: я хотѣлъ только испытать, какъ много значитъ для васъ, поляковъ, честное слово. Объявляю, что панъ воленъ итти куда ему угодно: никто пана не тронетъ. Сейчасъ выдамъ свидѣтельство, что панъ явился добровольно. Ступай съ этимъ свидѣтельствомъ въ Кѣльцы и принеси присягу въ вѣрноподданничествѣ. Вотъ и все!

Пробошъ былъ до такой степени радъ подобному счастливому

окончанію дѣла, что вытасилъ откуда-то заплѣсневѣлую баклажку, съ добрымъ венгерскимъ, и заставилъ гостей ее осушить.

Сулима отправился въ Кѣльцы, получилъ паспортъ на свободное жительство вездѣ, гдѣ пожелаетъ, отъ того самаго Бентковскаго, съ которымъ встрѣчался до тѣхъ поръ, какъ лютый врагъ. Жандармскій офицеръ прочиталъ притомъ Сулимѣ соответственную нотацію, какъ себя далѣе вести. По выслушаніи всего этого, бывшій ярый повстанецъ выскочилъ на улицу какъ ошпаренный, взялъ мѣсто въ такъ называемой «курьеркѣ»—и на другой день упалъ въ объятія родителей, послѣ 15-мѣсячной съ ними разлуки...

Н. Бергъ.

РАЗСКАЗЫ О БЫЛОМЪ.

ИМПЕРАТРИЦА Екатерина II имѣла обыкновеніе всякій день перемѣнять шелковые чулки и головной платокъ, который она надѣвала на ночь. И чулки, и платокъ подавали непременно новые.

Однажды, вечеромъ, приходитъ къ камердинеру государыни, Секретареву ¹⁾, камерфрау и спрашиваетъ для государыни платокъ. Секретаревъ растерялся: случилось какъ-то, что на этотъ разъ, по его оплошности, новаго платка въ гардеробъ не оказалось. Тотчасъ же взяли прежній, тщательно разгладили его и подали императрицѣ. Екатерина въ ту же минуту замѣтила подмѣну и, приказавъ позвать Секретарева, сказала при немъ бывшей съ нею Марьѣ Савишнѣ Перекусихиной: «Вотъ до чего мы дожили, Марья Савишна, что для меня нѣтъ ужъ и платка новаго». Потомъ, обратясь къ Секретареву, отдала ему платокъ, сказавъ: «на, возьми». Секретаревъ говорилъ, что деликатное замѣчаніе императрицы долгое время терзало его и мучило.

Онъ же сказывалъ, что одной изъ причинъ, ожесточившихъ болѣзнь и ускорившихъ кончину князя Потемкина, была его неумѣренность: онъ вдругъ съѣлъ 2 арбуза и 16 апельсиновъ. Дѣло возможное. Потемкинъ, какъ говорятъ, неохотно повиновался предписаніямъ докторовъ и лишь только ослабѣвали приступы лихорадки, то не соблюдалъ никакой діеты ²⁾, а графъ Ростопчинъ, извѣщая С. Р. Воронцова о смерти Потемкина, писалъ: «Были у него лихорадоч-

¹⁾ Коллежскій ассесоръ Федоръ Ермолаевичъ Секретаревъ былъ много лѣтъ камердинеромъ при князѣ Петемкинѣ, а послѣ его смерти исполнялъ ту же должность при императрицѣ Екатеринѣ II.

²⁾ «Русская Старина» 1875 г., т. XIV, 248.

ные припадки, но онъ поправился, возвратился въ городъ и вновь заболѣлъ, наѣвшись гусятины и плодовъ» ¹⁾).

Извѣстно, что о намѣреніи Екатерины устранить Павла отъ престолонаслѣдія передавали многіе изъ современниковъ той эпохи. Хотя рассказы эти разнорѣчивы, но почти всѣ они утверждаютъ, что намѣреніе это не осуществилось благодаря содѣйствію князя Безбородки. По словамъ Секретарева, случилось это такъ: когда, по прибытіи Павла изъ Гатчины, Безбородко показалъ ему завѣщаніе Екатерины, то будто Павелъ пожелалъ узнать объ этомъ актѣ личное его мнѣніе и услышалъ отъ него, что онъ, Безбородко, присягалъ наслѣднику престола, а наслѣдникомъ престола былъ Павелъ, почему онъ и остался вѣренъ своей присягѣ. Послѣ этихъ словъ Павелъ уничтожилъ завѣщаніе ²⁾).

Павелъ Петровичъ, бывши великимъ княземъ, жилъ, какъ извѣстно, большею частію, въ Гатчинѣ. Тамъ, окруженный своимъ отрядомъ, онъ проводилъ время, занимаясь обученіемъ его по прусскому уставу. Отрядъ состоялъ изъ двухъ эскадроновъ кавалеріи, трехъ баталіоновъ пѣхоты и роты артиллеріи. Всякую недѣлю, въ пятницу, великіе князья Александръ и Константинъ должны были являться въ Гатчину къ своимъ командамъ. Второй баталіонъ былъ подъ начальствомъ Александра, а третій—Константина. Въ субботу, Павелъ выводилъ солдатъ на ученье, на которомъ великіе князья командовали своими частями. Здѣсь, на этихъ ученьяхъ, Павелъ жаловалъ отличившихся орденомъ св. Анны на шпагу. Въ воскресенье, великіе князья, снявъ съ себя гатчинскіе мундиры, возвращались въ Петербургъ къ императрицѣ и оставались при ней до слѣдующей пятницы.

Въ Гатчинѣ вошелъ въ особенную милость къ Павлу Аракчеевъ. Онъ былъ прикомандированъ къ отряду для командованія артиллерійскою ротою. Когда Павелъ вступилъ на престолъ, то на гатчинцевъ на первыхъ излилась царская милость. Первый баталіонъ былъ весь помѣщенъ въ преображенскій полкъ, второй—въ семеновскій, а третій въ измайловскій. Офицерамъ, имѣвшимъ анненскіе знаки, было дано по 1,000 по 2,000 и по 3,000 душъ; прочимъ офицерамъ, не имѣвшимъ этого знака, по 200, по 300 и 400 душъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и родной дядя мой, которому было пожаловано 400 душъ въ нижегородской губерніи. Будучи человѣкомъ не богатымъ, онъ во всю жизнь благоговѣлъ передъ памятью государя и называлъ его своимъ благодѣтелемъ. Въ ка-

¹⁾ «Русскій Архивъ» 1876 г., № 1, 82.

²⁾ Сказанное о Секретаревѣ слышалъ я отъ отца моего, которому о томъ рассказывалъ самъ Секретаревъ.

бинетъ у него стоялъ гипсовый бюстъ Павла, которому онъ ежедневно, послѣ утренней молитвы, подходилъ и дѣлалъ поклонъ ¹⁾).

Какъ иногда Павелъ бывалъ впечатлителенъ и мягокъ сердцемъ можно видѣть изъ случая, рассказаннаго мнѣ княземъ А. Л. Дадьяномъ, а имъ слышаннаго отъ одной изъ екатерининскихъ фрейлинъ, дожившей до его времени. Однажды, возвратясь въ Гатчину съ бала, бывшаго при большомъ дворѣ, Павелъ изумилъ всѣхъ необыкновенно веселымъ расположеніемъ духа: онъ смѣялся, шутилъ, обнимался, цѣловался... Чтоже такое случилось?—«Ея величество изволила сегодня со мною танцовать» чуть не со слезами рассказывалъ онъ своимъ приближеннымъ.

Вахтъ-парадная система ввелась и утвердилась при Павлѣ. При немъ же вошло въ обыкновеніе каждое воскресенье дѣлать разводы. Нелегко было отбывать ихъ. Офицеръ, идя въ разводъ, не могъ быть увѣренъ — вернется ли онъ домой или очутится въ крѣпости, а то и дальше — въ Сибири. Въ особенности бывало трудно полковымъ адъютантамъ, которымъ Павелъ, по окончаніи развода, самъ отдавалъ парольныя приказанія. Адъютанты вынимали карандашъ и бумагу и спѣшили записывать слова государя, говорившаго невнятно. Нерѣдко приказывалъ онъ кому нибудь изъ адъютантовъ прочесть отданное имъ приказаніе и тутъ бѣда была тому, кто дѣлалъ какую либо ошибку. Отецъ князя Дадьяна былъ адъютантомъ преображенскаго полка. Шестнадцатилѣтняя жена его всегда дрожала за участь мужа. Страхъ ея былъ такъ великъ, что она неизменно ложилась спать, какъ привязывая свою руку къ рукѣ мужа, чтобы въ случаѣ внезапнаго ареста ночью, она могла узнать о несчастіи ²⁾).

Офицеры, присутствовавшіе при разводѣ, собирались обыкновенно во дворецъ, и послѣ выхода государя шли въ дворцовую церковь къ обѣднѣ. Однажды, когда такимъ образомъ собравшіеся во дворцѣ офицеры ожидали выхода Павла и разговаривали между собою, дали знать, что онъ идетъ. Мгновенно все смолкло и среди глубокой тишины взоры всѣхъ обратились въ сторону, откуда онъ долженъ былъ идти. Послѣ нѣсколькихъ минутъ ожиданія, двери открылись и по сторонамъ ихъ стали великіе князья Александръ и Константинъ, а вдали показался Павелъ. Онъ вошелъ въ залу и, опершись на трость, остановился. Быстрымъ взглядомъ окинулъ

¹⁾ Отъ отца моего.

²⁾ Отъ князя Дадьяна.

онъ собраніе и, увидавъ Петра Ивановича Балле (не знаю, такъ ли я называю фамилію) подошелъ къ нему скорыми шагами. — «Какое идутъ у васъ корабельныя работы?» спросилъ онъ у Балле. — «Хорошо, ваше величество». — «Когда же вы позволите мнѣ осмотрѣть ихъ?» — «Когда будетъ угодно вашему величеству.» — «Нѣтъ, прервалъ его Павелъ, вы начальникъ и я долженъ быть тогда, когда вы позволите.» Павелъ настоялъ, Балле назначилъ ему день и часъ ¹⁾).

Павелъ Петровичъ любилъ кататься по городу. Ѣзжалъ онъ обыкновенно въ легкой коляскѣ, запряженной шестью бѣлыми лошадьми; впереди неслись два лейбъ-гусара, а позади плацъ-маіоръ. «Одинъ разъ, когда я стоялъ съ артиллеристами въ караулѣ, при арсеналѣ, рассказывалъ мнѣ отецъ, часовой, стоявшій на гауптвахтѣ, вызвалъ караулъ. Ѣхалъ великій князь Александръ Павловичъ верхомъ. Едва успѣлъ предупредить меня великій князь, какъ изъ-за угла показались лейбъ-гусары, а за ними и шестерка бѣлыхъ лошадей». Отецъ говорилъ, что Александръ Павловичъ, сопровождая по городу государя, по добротѣ своей всегда старался предупреждать въ подобныхъ случаяхъ караульныхъ офицеровъ, дабы они не могли подвергнуться гнѣву государя за какую-либо неисправность.

Бывшій тобольскій губернаторъ, Александръ Михайловичъ Тургеневъ, рассказывалъ слѣдующій случай, бывшій съ нимъ во время его молодости. Онъ служилъ лейбъ-гвардіи въ Семеновскомъ полку, и по восшествіи на престолъ Павла былъ еще унтеръ-офицеромъ. «Вы видите мою комплекцію — полнѣтъ я началъ еще въ молодости, щеки у меня были какъ налитыя. Начальство, готовя меня на ординарцы, твердило мнѣ, чтобы я смѣло смотрѣлъ въ глаза императору. Запомнилъ я это, и, явившись къ Павлу, гляжу на него въ упоръ. — «Вишь какъ откормила васъ матушка, сказалъ онъ ущипнувъ меня за щеку,—я покажу вамъ, какъ надобно служить—ступай...» Я повернулся, но такъ неловко, что при быстромъ поворотѣ тесакъ мой ударилъ Павла по ногамъ. Ну, быть бѣдѣ, подумалъ я, и съ отчаянія началъ пагать, высчитывая про себя: разъ-два, три-четыре... «Молодецъ!» послышался сзади меня сильный голосъ Павла. Я успокоился» ²⁾).

¹⁾ Отъ отца моего, находившагося въ тотъ день вмѣстѣ съ прочими во дворцѣ.

²⁾ Отъ Е. В. Чельцова, которому рассказывалъ Тургеневъ.

Въ Преображенскомъ полку былъ одинъ солдатъ, котораго очень любилъ Павелъ. Всякій разъ, какъ только случалось ему видѣть своего любимца, онъ подходилъ къ нему и разговаривалъ съ нимъ. Одинъ разъ полковникъ Малышкинъ наказалъ этого солдата за какую-то неисправность. На другой день былъ разводъ. Малышкинъ, отпрапортовавъ государю, сталъ на свое мѣсто. Павелъ подошелъ къ своему любимцу и сталъ съ нимъ говорить. Во время разговора совершенно случайно онъ повернулся и взглянулъ на Малышкина. Бѣдный полковникъ затрясся и упалъ; его унесли безъ памяти. Онъ вообразилъ, что солдатъ жаловался на него Павлу.

Однажды, императоръ Павелъ, бывши въ Москвѣ, пожелалъ посѣтить Троицкую лавру. Митрополитъ Платонъ отправился въ монастырь, чтобы сдѣлать распоряженіе къ его встрѣчѣ. Наступилъ день посѣщенія. У Святыхъ воротъ лавры стояли въ два ряда монахи въ лучшихъ, богатѣйшихъ ризахъ; тутъ же былъ и митрополитъ съ крестомъ въ рукахъ. Государь подъѣхалъ и вышелъ изъ экипажа. Подойдя къ митрополиту и увидя на немъ ветхую крапешинную ризу, всыхнулъ и отступилъ назадъ. Гнѣвъ изобразился на лицѣ его. Не выслушавъ привѣтствія и не приложившись къ кресту, угрюмый, прошелъ онъ быстрыми шагами въ соборъ. Началось молебствіе. Павелъ былъ гнѣвенъ. Бывшая съ нимъ свита смутилась, но митрополитъ оставался спокоенъ. По окончаніи службы, Платонъ, осѣняя Павла крестомъ, сказалъ: «Государь! для встрѣчи твоей мы облеклись въ богатѣйшія одѣянія сокровищницы нашей, на мнѣ же видишь одѣяніе драгоцѣннѣйшее всѣхъ—ризу св. угодника Сергія». Мгновенно просіяло лицо Павла. Онъ съ любопытствомъ разсматривалъ ризу преподобнаго Сергія и, осмотрѣвъ монастырь, возвратился въ Москву въ веселомъ расположеніи духа.

Рассказъ этотъ, переданный въ сороковыхъ годахъ однимъ престарѣлымъ лаврскимъ монахомъ московскому плацъ-адъютанту Николаеву, кажется, и до сихъ поръ еще держится въ преданіяхъ лавры; странно, однакоже, что въ запискахъ митрополита Платона нѣтъ даже и намека на что либо подобное.

Извѣстна платоническая любовь Павла къ А. П. Лопухиной. Она жила въ Таврическомъ дворцѣ, куда нерѣдко заѣзжалъ къ ней Павелъ. Рассказываютъ, что когда онъ собирался навѣстить ее, то прежде старался хорошенько принарядиться и передъ зеркаломъ репетировалъ свои манеры — учился входить, кланяться и проч. Если Лопухина бывала съ нимъ ласкова, то Павелъ приходилъ въ такой восторгъ, что первый, попавшійся ему на встрѣчу, могъ ни за что, ни про что, быть засыпанъ милостями, но горе

бывало тому, кто попадался ему на глаза послѣ неблагожелательнаго приѣма Лопухиной: тогда онъ бывалъ самъ не свой и гнѣвъ его изливался на всѣхъ. Вышелъ однажды такой случай. Павелъ поѣхалъ кататься по городу, направляясь къ Таврическому дворцу. Онъ уже предвкушалъ удовольствіе видѣть въ окнѣ свою любимицу, которая дѣйствительно и сидѣла на условленномъ мѣстѣ, какъ вдругъ неожиданный случай разрушилъ его сладкую надежду. Ему попался на встрѣчу какой-то кавалергардскій юнкеръ верхомъ на лошади, и въ то самое время, какъ Павелъ поравнялся съ окномъ, у котораго сидѣла Лопухина, юнкеръ остановился, повернулъ во фронтъ и лошадью заслонилъ окно. Къ довершенію несчастія, лошадь, повернутая задомъ къ окну, стала отмѣчать мѣсто, гдѣ стояла, самыми неблагоприятными слѣдами. Ни въ чемъ неповинный юнкеръ былъ посланъ въ Сибирь ¹⁾.

Императоръ Александръ Павловичъ почему то чрезвычайно полюбилъ артиллерійскаго солдата Аристовъ. По приказанію государя онъ былъ переведенъ лейбъ-гвардіи въ артиллерійскій батальонъ, кромѣ того ему было объявлено высочайшее позволеніе—ходить въ случаѣ надобности во дворецъ и обращаться съ просьбами прямо къ государю. Прошло нѣсколько времени; Аристовъ пользовался оказанною ему милостію, ходилъ къ государю, докладывалъ о своихъ нуждахъ и всегда возвращался въ казармы веселый и довольный. Однажды, Аристовъ, получивъ позволеніе идти во дворецъ, возвратился оттуда печальный и чѣмъ-то озабоченный. Прошло нѣсколько дней; Аристовъ оставался задумчивъ и молчаливъ. Такъ какъ онъ никому ничего не говорилъ, что съ нимъ случилось, то никто и не обращалъ на него вниманія. Наконецъ, онъ до того измѣнился, что уже нельзя было не замѣтить въ немъ странной перемѣны—онъ лишился разсудка. Черезъ нѣсколько времени государь спрашиваетъ у командира лейбъ-гвардіи артиллерійскаго батальона генераль-маіора Касперскаго о своемъ любимцѣ. Ему докладываютъ о его положеніи; государь хочетъ знать причину, но ему говорятъ, что ничего больше неизвѣстно, какъ только то, что Аристовъ, возвратясь послѣдній разъ изъ дворца, сталъ грустить и задумываться и, наконецъ, до того перемѣнился, что его нельзя было узнать. — «А, знаю! сказалъ Александръ—это я виноватъ!» и тотчасъ же приказалъ Вилье заняться больнымъ. Несмотря на старанія Вилье, Аристовъ остался помѣшаннымъ. Дѣло въ томъ, что когда онъ былъ послѣдній разъ во дворцѣ, то государь приказалъ ему сказать, чтобы онъ пришелъ къ нему въ другое время—Аристовъ, какъ можно было за-

¹⁾ Отъ князя Дадьяна.

ключить по его рѣчамъ, вообразить, что государь на него прогнѣвался ¹⁾).

Въ картинной галлерей Москвитской Публичной Библиотеки, помѣщающейся въ Пашковомъ домѣ, есть картина Жордана П р а в о с у д і е. Изображенныя же на ней фигуры—почти въ натуральную величину, почему она не малыхъ размѣровъ. Картина эта вывезена изъ Англіи герцогинею Кингстонъ и уступлена ею князю Потемкину. Впослѣдствіи, она стала собственностію цесаревича Константина Павловича, была помѣщена въ Мраморномъ дворцѣ, а затѣмъ, подарена цесаревичемъ, по особому расположенію, дѣду моему, генералу-отъ-артиллеріи Алексѣю Ивановичу Корсакову, у котораго вмѣстѣ съ большимъ собраніемъ различныхъ рѣдкостей была и замѣчательная картинная галлерей ²⁾). Употребивъ болѣе 30-ти лѣтъ на собираніе ея, онъ приобрѣлъ вкусъ и познанія истиннаго знатока изящныхъ искусствъ, которыхъ, по словамъ А. П. Ермолова, онъ былъ «настоящимъ тираномъ» въ томъ смыслѣ, что въ изящномъ произведеніи ни одинъ недостатокъ не могъ укрыться отъ опытнаго его взгляда. Академія Художествъ избрала его своимъ почетнымъ членомъ. Отецъ мой, по поводу вышеупомянутой картины Жордана, слышалъ отъ него и мнѣ передалъ слѣдующее: Однажды императрица Марія Ѳеодоровна, тоже любительница искусствъ и даже художница по рѣзбѣ на камнѣ, сказала дѣду: «Алексѣй Ивановичъ! Я желала бы видѣть вашу картинную галлерей». Не знаю, что онъ отвѣчалъ на это императрицѣ и была ли она у него, но помню отецъ говорилъ, что дѣдъ, желая сдѣлать угодное государынѣ, пригласилъ двухъ академиковъ и поручилъ имъ скопировать лучшія картины въ миниатюрѣ и когда они были окончены, то поднесъ ихъ Марія Ѳеодоровнѣ ³⁾). При этомъ ли случаѣ, или при обзорѣ картинъ на дому у дѣда, императрица остановила вниманіе на картинѣ Жордана и спросила: «Такая, кажется, есть въ Мраморномъ дворцѣ?» — «Это она самая» отвѣчалъ дѣдъ, ничего не сказавъ, какъ она ему досталась. Марія Ѳеодоровна тоже промолчала, но потомъ, какъ-то при

¹⁾ Отъ отца моего, которому передалъ генералъ-маіоръ Касперскій.

²⁾ О распродажѣ ея послѣ его смерти было объявлено въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1822 г., № 26.

³⁾ Если не ошибаюсь, кажется, именно по этому случаю онъ получилъ слѣдующій рескриптъ императрицы. «Алексѣй Ивановичъ! Неоднократныя мнѣ ваши угожденія и старанія сдѣлать мнѣ удовольствіе, возлагаютъ на меня пріятную обязанность изъявить вамъ искреннюю мою за то признательность. Я желаю, чтобы приложенный при семъ перстень служилъ вамъ знакомъ таковыхъ моихъ къ вамъ расположеній, пребывая съ совершеннымъ доброжелательствомъ вамъ всегда благосклонною». Въ Павловскѣ. Августа 7 дня 1808 года.

Марія.

случаѣ, спросила у императора Александра: «Какимъ образомъ у генерала Корсакова очутилась картина изъ Мраморнаго дворца?»— Когда она все рассказала государю, то онъ приказалъ объ этомъ узнать. Ему доложили, что картина подарена генералу Корсакову великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Государь послалъ къ цесаревичу потребовать объясненія. Константинъ Павловичъ, выслушавъ вопросъ, горячо и гордо отвѣтилъ: «Мраморный дворецъ покойнымъ государемъ родителемъ моимъ пожалованъ мнѣ, и если бы я зналъ, что мнѣ сдѣлаютъ такой вопросъ, то я отдалъ бы генералу Корсакову не только картину изъ дворца, но и самый дворецъ».

Однажды, на какомъ-то смотрѣ, производившемся въ присутствіи императора Александра Павловича, Аракчеевъ стоялъ рядомъ съ государемъ. Великіе князья Константинъ и Николай, при прохожденіи церемональнымъ маршемъ, ѣхали впереди колоннъ. Когда они стали приближаться къ государю, то Константинъ спросилъ Николая: «Братъ! кому салютовать-то?...» ¹⁾.

Отецъ архимандритъ Григорій передаетъ въ «Московскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» (1876 г., № 44) о митрополитѣ Филаретѣ слѣдующее: «Преосвященный Игнатій ²⁾ еще будучи студентомъ академіи, объявилъ покойному владыкѣ желаніе иноческой жизни (1850). Митрополитъ сказалъ: «Хорошее твое желаніе, но не надо имѣть честолюбивыхъ видовъ. Когда я самъ принималъ постриженіе, продолжалъ владыко, я думалъ: вотъ теперь начнетъ академія готовить ученыхъ профессоровъ, а я куда похужу (съ старымъ образованіемъ)? Привелъ бы меня Богъ подъ конецъ жизни стать гробовымъ у раки преподобнаго Сергія».

Прочитавъ этотъ рассказъ, я припомнилъ другой, слышанный мною отъ покойнаго протоіерея Ѡ. Д. Попова.

«Родитель мой, говорилъ онъ, кончилъ курсъ въ петербургской академіи, когда ректоромъ ея былъ архимандритъ Филаретъ. Зная моего отца съ хорошей стороны и оказывая ему постоянное благоволеніе, онъ долго уговаривалъ его принять монашество, но батюшка упорно отказывался. Видя его непреклонность, Филаретъ пожелалъ узнать, по крайней мѣрѣ, причину его отказа. «Труденъ путь монаха, ваше высокопреподобіе», отвѣчалъ ему мой отецъ и при этомъ указалъ, между прочимъ, на объѣтъ безбрачія и на опасность, угрожаемую плотскими страстями. «Правда ваша, отвѣчалъ Филаретъ, труденъ путь монаха, но не бойтесь: не тамъ опасность, гдѣ вы ее

¹⁾ Отъ отца моего.

²⁾ Умеръ въ Костромѣ, въ іюнѣ нынѣшняго года.

видите; эту страсть легко побороть, но есть у монаха другое искушение болѣе сильное и болѣе опасное—это честолюбіе».

Сопоставленіе этихъ двухъ рассказовъ не лишено нѣкотораго значенія.

Въ 1850 году, владѣльцы села Новоспасскаго (Влахернское, Дѣденево) Головины, пожелавъ при сельской церкви своей устроить женскій монастырь, обратились къ митрополиту Филарету съ просьбою исходатайствовать имъ на то высочайшее разрѣшеніе. Филаретъ принялъ просьбу, но пожелалъ предварительно осмотрѣть храмъ села Новоспасскаго и окружающую мѣстность. Когда сталъ извѣстенъ день пріѣзда владыки, въ село Новоспасское наѣхало много гостей изъ сосѣднихъ помѣщиковъ; тутъ же былъ и приглашенный Головиными И. М. Снегиревъ, который, какъ извѣстно, не всегда умѣлъ злой языкъ свой держать за зубами. Митрополитъ пріѣхалъ 10 іюня, на обратномъ пути въ лавру, изъ Пѣсношскаго монастыря, гдѣ онъ съ намѣстникомъ лавры, архимандритомъ Антоніемъ, освящалъ соборную церковь. Войдя въ храмъ села Новоспасскаго, Филаретъ внимательно разсматривалъ во множествѣ находящіяся тамъ старинныя иконы, благоговѣнно лобызая каждую. Приложившись къ одной иконѣ и дѣлая о ней археологическія замѣчанія, онъ сказалъ: «Какъ жаль, что ликъ потускнѣлъ, совсѣмъ не видно его». «Это, владыко, отъ нашихъ нечестивыхъ устенъ», сказалъ подвернувшійся Снегиревъ. — «И сквернаго, нечистѣйшаго языка» добавилъ Филаретъ, продолжая начатыя Снегиревымъ слова молитвы Іоанна Злотоустаго ¹⁾).

Императору Николаю правилась игра петербургскаго актера Аванасьева въ роли Гоголевскаго Осипа, но, увидавъ въ той же роли въ Москвѣ Орлова, онъ сказалъ бывшимъ съ нимъ въ ложѣ: «Я ошибался, полагая, что Осипа надо смотрѣть въ Петербургѣ; настоящій Осипъ здѣсь, въ Москвѣ».

Въ одинъ изъ пріѣздовъ государя въ Москву давали Горе отъ ума. По окончаніи спектакля, Николай Павловичъ послалъ Загоскина поблагодарить отъ его имени Орлова, игравшаго роль Скалозуба. Замѣчательный талантъ этого артиста произвелъ на государя впечатлѣніе. Много времени спустя, бывши въ театрѣ (въ Петербургѣ), онъ сказалъ Геденову «Слышалъ ли ты новость—къ намъ Орловъ пріѣхалъ». Это было въ то время, когда въ Петербургъ пріѣзжала извѣстная артистка m-me Алан. Орловъ пріѣхалъ съ женой собственно для того, чтобы дать возможность женѣ своей

¹⁾ Отъ одного изъ присутствовавшихъ во Влахернскомъ.

видѣть игру Allan, такъ какъ у нихъ были одни роли. Въ первый же спектакль Орловъ отправился въ театръ и смотрѣлъ на игру со сцены. Гедеоновъ предупредилъ его, что въ театрѣ будетъ государь. По окончаніи пьесы, Николай Павловичъ отправился на сцену къ Allan. Разговаривая съ нею, онъ увидѣлъ Орлова, стоявшаго въ отдаленіи. «Здравствуй полковникъ!» сказалъ ему ласково государь. Орловъ поклонился. «Осипъ, подойди ко мнѣ ближе. Ты пріѣхалъ къ намъ показать себя», продолжалъ государь. — «Если вашему величеству угодно, я почту счастьемъ ваше вниманіе, хотя я пріѣхалъ для того, чтобы показать женѣ игру m-me Allan — у нихъ одни роли», отвѣчалъ Орловъ. — «Да, m-me Allan — талантъ», замѣтилъ государь. Затѣмъ, обратясь къ Орловой, привѣтливо сказалъ: «А васъ я видѣлъ только въ ложѣ».

Орловъ, воспитанникъ горнаго кадетскаго корпуса, имѣлъ чинъ коллежскаго ассесора. «Когда государь назвалъ меня полковникомъ, рассказывалъ онъ смѣясь моему отцу, такъ я хотѣлъ, какъ это бывало прежде, поблагодарить его за чинъ, да онъ тотчасъ же назвалъ меня Осипомъ»... ¹⁾.

Рассказываютъ, что въ тридцатыхъ годахъ, когда императоръ Николай захотѣлъ имѣть русскій народный гимнъ и поручилъ Жуковскому написать слова, а Львову положить ихъ на музыку, то почему-то пожелалъ онъ узнать о новомъ произведеніи «народной молитвы» мнѣніе Филарета. Съ этимъ порученіемъ, говорятъ, у митрополита былъ самъ Львовъ. На вопросъ: какъ онъ находитъ «народную молитву?» Филаретъ будто-бы отвѣчалъ: «У насъ изстари есть народная молитва: «Спаси Господи люди твоя»...»

Вотъ еще характеристическій отвѣтъ Филарета.

Протоіерей Ѳ. Д. Поповъ, будучи назначенъ въ кадетскій корпусъ священникомъ прямо изъ студентовъ духовной академіи, въ первое время своей службы, нерѣдко встрѣчалъ затрудненія, какъ ему поступить въ томъ, или другомъ случаѣ. Однажды, корпусъ посѣтилъ одинъ изъ великихъ князей. Священникъ встрѣтилъ его, какъ это положено уставомъ, передъ церковью съ крестомъ и св. водою, но царскія двери въ церкви были закрыты. Великій князь, осмотрѣвъ церковь и заведеніе, остался доволенъ и уѣхалъ, но Попова взяло сомнѣніе: не слѣдовало ли ему отворить царскія двери, какъ это дѣлается при посѣщеніи государя императора? Къ кому не обращался онъ съ вопросомъ — какъ въ подобныхъ случаяхъ бывало прежде — никто ничего не могъ сказать ему. Тогда за разрѣшеніемъ сомнѣнія рѣшился онъ обратиться къ

¹⁾ Отъ отца моего.

митрополиту Филарету. Молча, съ поникшей головой и глазами, опущенными долу, слушалъ владыко молодого священника. «Какъ ты выносишь крестъ святой?» спросилъ онъ его, когда тотъ высказался.—«Черезъ сѣверныя двери, высокопреосвященнѣйшій владыко».—«Неужели Крестъ Господень не заслуживаетъ быть изнашиваемымъ черезъ царскія двери?» возразилъ ему старикъ. «Вотъ подите-же... говорилъ потомъ *Θ. Дм.*, рассказывая объ этомъ случаѣ—«вотъ какъ нашъ сфинксъ разрѣшалъ иногда вопросы».

А. Корсаковъ.

ИЗЪ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ГЛАДСТОНА.

РИ ТОЙ широкой гласности и—можно даже сказать—чрезвычайно широкой огласкѣ какъ мнѣній, такъ и образа жизни государственныхъ людей и общественныхъ дѣятелей Англїи, еще до смерти ихъ появляются въ англїйской печати самыя подробныя и—что еще важнѣе—самыя достовѣрныя о нихъ свѣдѣнія. Иллюстрированныя англїйскія изданія на своихъ страницахъ помѣщаютъ не только ихъ портреты, но и такія рисунки, на которыхъ изображается ихъ домашняя обстановка. Такъ, недавно, въ иллюстрированномъ лондонскомъ журналѣ «Harper's Magasin» была напечатана статья подъ заглавіемъ «Mr. Gladston at Hawarden», т. е. «Мистеръ Гладстонъ въ Гауэрденѣ».

Названіе Гауэрденъ носятъ, находящіеся въ княжествѣ Уэльскомъ, два замка, принадлежащіе миссисъ Гладстонъ. Одинъ изъ этихъ замковъ дѣйствительно древній, такъ какъ онъ былъ возобновленъ во времена Эдуарда I или Эдуарда II; другой же замокъ, хотя и имѣетъ видъ древняго жилища, но древность его подѣльная. Первоначальная постройка древняго замка восходитъ, впрочемъ, къ болѣе еще отдаленной эпохѣ—къ той эпохѣ, когда бритты оказывали упорное сопротивленіе саксамъ и датчанамъ, желавшимъ отнять у нихъ ихъ родовое поземельное достояніе. Между 1267 и 1280 годами, гауэрденскій замокъ былъ разрушенъ и затѣмъ вновь возстановленный, былъ королемъ Эдуардомъ пожалованъ фамиліи Сельсбюри. Впослѣдствїи, онъ перешелъ въ собственность перваго графа Дерби. Въ этомъ замкѣ король Генрихъ VII нашелъ самую гостепріимную встрѣчу, когда онъ посѣтилъ его

въ исходѣ XV столѣтія. Во время парламентской войны замкомъ овладѣвали различныя партіи. Въ началѣ же этой войны замокъ былъ на сторонѣ парламента, но въ 1643 году его взяли приступомъ роялисты. Спустя однако два года, въ 1645 году, вытѣснили оттуда ихъ противники, и въ томъ же году, въ день Рождества Христова, парламентъ постановилъ уничтожить всѣ укрѣпленія замка, что и было исполнено съ безпощадною строгостью. Когда во время упомянутой войны владѣтель этого замка, Джемсъ, графъ Дерби, былъ обезглавленъ, то государство отъ себя распорядилось замкомъ, который былъ назначенъ въ продажу и купленъ Серджентомъ Глэйномъ и черезъ его потомство перешелъ впослѣдствіи къ супругѣ Вилльяма Эварта Гладстона. Сынъ Серджента Глэйна, сэръ Вильямъ, получившій титулъ баронета, вступивъ во владѣніе замкомъ, возымѣлъ странную мысль разрушить эту древнюю постройку, и потому къ концу семнадцатаго столѣтія отъ него осталось весьма не много, и развалины эти сохранились до настоящаго времени.

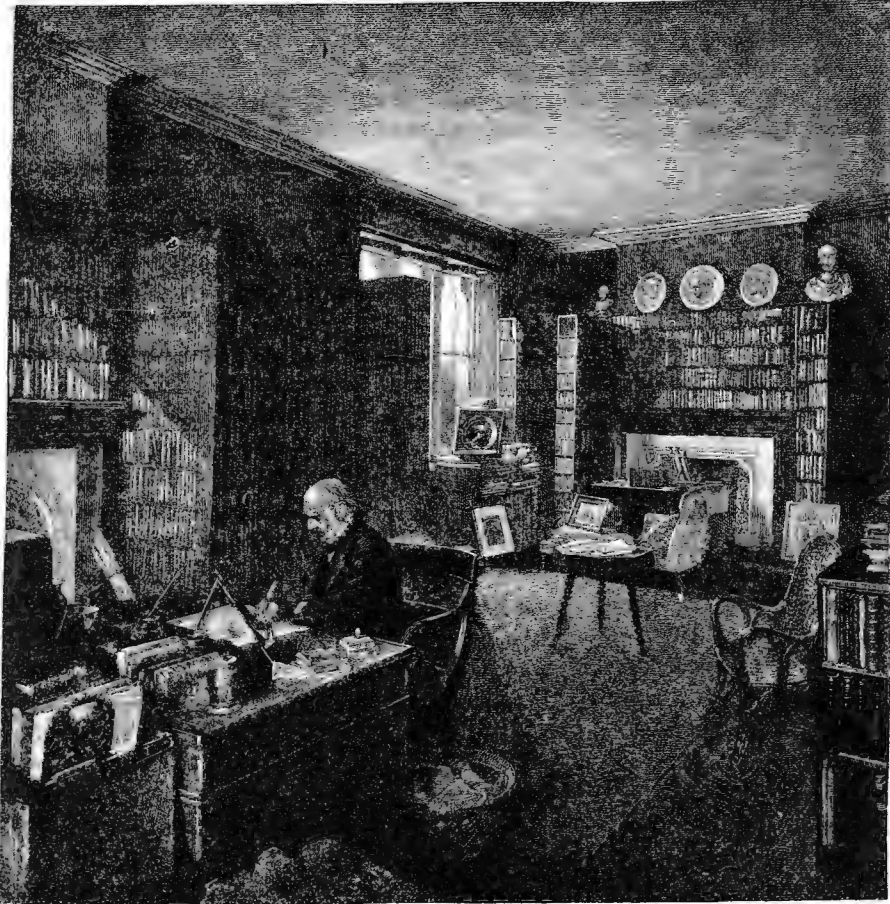
Въ эту пору, о которой шла рѣчь, Глейны жили въ Оксфордширѣ, но въ первой четверти XVII столѣтія они выстроили для себя небольшой домъ въ Гауэрденѣ, а въ 1752 году сэръ Джонъ Глэйнь построилъ тамъ домъ изъ кирпича и развелъ обширный садъ. Въ 1809 году, владѣлецъ этого помѣстья, прельщенный, безъ всякаго сомнѣнія, живописной картиною развалинъ, пожелалъ въ виду ихъ построить для себя новое жилище, которое представляло бы небольшой замокъ. Намѣреніе это онъ исполнилъ съ большою энергіею, но безъ особаго успѣха, и тогда въ Гауэрденѣ явился новый замокъ, имѣющій по своимъ башенкамъ отпечатокъ поддѣльной старины и возвышающійся передъ развалинами стараго замка, надъ которымъ пронеслось шесть вѣковъ. Въ паркѣ замка входъ открытъ каждому, а развалины посѣщаются многими, подписывающими свои имена на остаткахъ стѣнъ и нѣкоторые изъ этихъ именъ принадлежатъ англійскимъ знаменитостямъ.

Въ Гауэрденскомъ замкѣ, который посѣщаютъ нынѣ личности, болѣе знаменитыя, нежели лица посѣщавшія прежній—не смотря на то, что тамъ бывалъ даже король—современный намъ посѣтитель найдетъ на каждомъ шагу слѣды отдохновенія мистера Гладстона, человекъ, пользующагося громадною извѣстностію, и теперь, быть можетъ, самаго популярнаго дѣятеля во всей Англій.

Въ тотъ день—разказываетъ одинъ англичанинъ—когда я посѣтилъ Гауэрденскій замокъ, у самыхъ входныхъ дверей замка лежалъ топоръ. Топоръ этотъ не былъ, однако, изъ числа тѣхъ изящныхъ и дорогихъ подарковъ, которые, по временамъ, подносятъ народъ великому государственному человѣку, но было самое простое рабочее орудіе: на немъ были видны слѣды частаго его употребленія. Топоръ этотъ не принадлежалъ къ разряду тѣхъ

украшеній, которыми любители охоты обвѣшиваютъ стѣны своего жилища въ видѣ оленьихъ головъ и лисьихъ хвостовъ. Несомнѣнно, что мистеръ Гладстонъ, окончивъ свою дневную тяжѣлую работу, положилъ этотъ топоръ въ такомъ мѣстѣ, чтобы онъ былъ, какъ можно ближе, у него подъ рукою. По всей вѣроятности, топоръ лежалъ здѣсь съ предшествовавшаго воскресенья — съ того дня, когда Гладстонъ въ послѣдній разъ предавался своему любимому занятію. День этотъ остался памятенъ въ лѣтописяхъ кораблекрушеній, такъ какъ въ продолженіе его свирѣпствовала сильная буря. Буря эта повсюду въ Англіи надѣлала много вреда лѣсамъ и садамъ, поваливъ множество вѣковыхъ деревьевъ и въ лѣсу, окружающемъ Гауэрденскій паркъ. На слѣдующій день, премьеръ, съ топоромъ въ рукахъ, провелъ нѣсколько часовъ разсичая лѣсъ и, возвратившись домой, почувствовалъ сильную простуду. Онъ не выходилъ нѣсколько дней изъ дому, оставаясь постоянно въ своей библіотекѣ. Болѣзнь Гладстона была серьезная. Въ этомъ легко было убѣдиться, взглянувъ на его блѣдное лицо и дотронувшись до его рукъ, горѣвшихъ лихорадочнымъ жаромъ. Докторъ, однако, приглашенъ не былъ. Въ Гауэрденскомъ замкѣ все употребляется по прежнему, за исключеніемъ, конечно зубчатыхъ стѣнъ и башенъ. Изъ тѣхъ и другихъ нынѣшніе владѣтели замка не дѣлаютъ того употребленія, какое дѣлалось при Эдуардѣ I. Тѣмъ не менѣе, однако, такъ какъ по стародавнимъ англійскимъ понятіямъ жена или мать могутъ ухаживать за больнымъ простудой, а мистеръ Гладстонъ имѣетъ по этой части многіе опыты, то онъ и поручилъ врачевать себя своей супругѣ и былъ вознагражденъ за это. Онъ довѣрялъ ей, какъ надсмотрщику, но ни за что не хотѣлъ, чтобы его гласно считали больнымъ, и при этомъ условіи трудно было не выпускать его изъ дому. Вообще же онъ не способенъ умѣрять свои силы, такъ какъ длинный рядъ опытовъ убѣдилъ его, что они и неодолимы, и неистощимы.

Это, впрочемъ, старая исторія, часто повторяющаяся съ нимъ въ палатѣ общинъ. Такъ, въ одномъ изъ послѣднихъ ночныхъ засѣданій палаты, онъ съ необыкновеннымъ успѣхомъ уничтожилъ препятствія, мѣшавшія принятію поземельнаго билля, и ослабивъ негодованіе большинства палаты—рѣшился, если представится необходимость, провести въ преніяхъ на пролетѣ цѣлую ночь. Вслѣдствіе этого, мистеръ Гладстонъ дошелъ до изнеможенія, которое было очевидно каждому, но самъ онъ не чувствовалъ его. Предшествовавшее засѣданіе было закрыто послѣ полуночи, а затѣмъ онъ уже съ самаго ранняго утра снова съ жаромъ громилъ своихъ противниковъ, которые, не смотря на все свое утомленіе, слушали его съ напряженнымъ вниманіемъ. Тогда мистеръ Джемсъ Колландеръ, бывшій долгое время по своей политикѣ сторонникомъ ирландскихъ членовъ, поднялся съ мѣста и объявилъ, среди громкихъ одобреній, что

Гладстонъ въ своей библиотекѣ.

всѣ ожидали, что мистеръ Гладстонъ отправится домой спать. Если же, добавилъ Колландеръ, засѣданіе палаты должно продолжаться цѣлую ночь, то объ этомъ слѣдовало заявить предварительно. Во вниманіе къ такому заявленію, единодушно поддержанному, премьеръ закрылъ засѣданіе, хотя онъ обыкновенно и не бываетъ склоненъ дѣлать подобныя уступки человѣческой немощи. Онъ одинаково, и у себя дома, и на сторонѣ, и въ Гауэрденѣ, и въ палатѣ общинъ, трудится на столько, на сколько у него хватаетъ силъ, и такимъ образомъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ онъ заботится объ исполненіи лежащихъ на немъ обязанностей.

Мистеръ Гладстонъ склоненъ ко всѣмъ тѣлеснымъ упражненіямъ, исключая прогулокъ, до которыхъ онъ не охотникъ. Онъ уже нѣ-

сколько лѣтъ не садился на лошадь и никогда не занимался въ особенности верховою ѣздою. Онъ очень рѣдко правитъ самъ экипажемъ, никогда не стрѣляетъ, не ходитъ на охоту и не удитъ рыбу. Но за то онъ мастерски владѣетъ топоромъ и пристрастилъ къ этой работѣ своего сына, мистера В. Т. Гладстона, который и самъ по себѣ отличный ремесленникъ.

Во время отдыха отъ государственныхъ занятій, если позволяетъ погода, а иной разъ и въ ненастье, мистеръ Гладстонъ, несмотря на свои семьдесятъ три года, бродитъ съ топоромъ на плечѣ и возвращается домой не ранѣе, какъ сознаетъ, что онъ заработалъ свой обѣдъ. Въ случаѣ неимѣнія работы для топора, онъ совершаетъ часовую прогулку или сидитъ на террасѣ своего замка, передъ которой находится цвѣточный садъ и виднѣются на далекомъ пространствѣ луга, окаймленные деревьями.

Во время сессій парламента, часы его отдохновенія соразмѣряются съ засѣданіями палаты. Онъ никогда не ложится спать ранѣе двухъ часовъ, а иногда ложится позже, сознавая, что обязанъ заботиться о дѣлахъ государства, надъ которымъ никогда не заходитъ солнце. Удаляясь порою отъ дѣлъ, онъ, во время лѣтняго отдыха, не слѣдуетъ примѣру тѣхъ законодателей, которые, находясь въ деревнѣ, заботятся о своемъ удовольствіи, совмѣщая свои патріотическія заботы съ развлеченіями лѣтней поры. Онъ рѣдко ложится спать ранѣе половины одиннадцатаго, а иногда слышитъ какъ часы на башнѣ замка бьютъ полночь. Впрочемъ, въ какое бы время онъ ни легъ въ постель, онъ къ четверти осьмага бываетъ всегда уже вставши и передъ завтракомъ идетъ въ маленькую сельскую церковь, гдѣ божественную службу отправляетъ его сынъ, ректоръ этой церкви. Церковь эта соединяется съ замкомъ особой пѣшеходной дорогой, и по этой дорогѣ, лишь только ударятъ въ колоколь, англійскій премьеръ идетъ легкимъ и скорымъ шагомъ молиться, несмотря ни на какую погоду.

О гауэрденской церкви сохранилось сказаніе, превосходящее по своей древности сказаніе о прежнемъ гауэрденскомъ замкѣ. Достоверно, что на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣшняя церковь, еще въ 950 году существовала церковь. Однажды въ ней распятіе или крестъ упалъ на голову тогдашней владѣлицы замка, лэди Тростъ, и причинилъ ей сильный ушибъ. Какой-то еврей, бывший свидѣтелемъ этого случая, воспользовался суматохою, схватилъ распятіе и бросилъ его въ рѣку, но оно всплыло на поверхность рѣки и остановилось у песчаной мели, которая называется нынѣ «Крестовымъ островомъ».

При этой церкви хранится именной списокъ ея ректоровъ или священниковъ, восходящій до 1180 года. Когда гауэрденское помѣстье перешло къ фамиліи Глэйновъ, то должность ректора была

предоставлена членамъ этой фамилии, а въ настоящее время ректоромъ или священникомъ гауэрденской церкви состоитъ Стефенъ Гладстонъ, сынъ премьера и его супруги, наслѣдовавшей замокъ Гауэрденъ отъ Глэйновъ. Восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ пожаръ истребилъ эту церковь, такъ что теперь осталось очень немного отъ первоначальной ея постройки. Она была возобновлена съ большею поспѣшностію и открыта въ томъ же году. Въ церковь эту сходятся прихожане съ разныхъ сторонъ и если мистеръ Гладстонъ, во время своего пребыванія въ гауэрденскомъ замкѣ, не бываетъ

Древній замокъ Гауэрденъ.

обремененъ дѣлами, то онъ тѣмъ изъ прихожанъ, которые того пожелаютъ, читаетъ лекціи. Независимо отъ этого, онъ самый исправный прихожанинъ, и надежда увидѣть англійскаго премьера сидящимъ въ церкви на лавкѣ, и, въ добавомъ къ тому, еще, быть можетъ, и услышать его лекціи, привлекаетъ по воскресеньямъ въ церковь постороннихъ лицъ, такъ что тамъ не достаетъ мѣста обычнымъ прихожанамъ. Хотя всѣ мѣста въ церкви бываютъ заняты и во время службы, но любопытство возбуждается въ присутствующихъ лишь тогда, когда премьеръ подходитъ къ пюпитру. Въ церкви Гладстонъ избѣгаетъ всякой излишней обстановки.

Мѣсто его, какъ владѣльца замка, отдалено отъ проповѣднической кафедры и самъ онъ и его семейство сидятъ на голой лавкѣ, безъ подушекъ.

Въ гауэрденскомъ замкѣ мистеръ Гладстонъ жилъ еще и прежде, за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ какъ этотъ замокъ перешелъ въ собственность его супруги. Еще въ то время, когда братъ миссисъ Гладстонъ владѣлъ Гауэрденомъ, мистеръ Глэйнтъ, въ 1864 году, прибавилъ къ замку, въ честь своего собрата-законника, новую пристройку, назвавъ ее «флигелемъ Гладстона». Въ этомъ флигелѣ помѣщается читальная зала, имѣющая три окна и два камина и примыкающая къ библиотекѣ, размѣщенной въ другихъ комнатахъ и заключающей въ себѣ 10,000 томовъ, изъ которыхъ самая главная часть принадлежитъ къ богословскимъ книгамъ. Всѣ этого рода сочиненія помѣщены въ особомъ углу комнаты. Отдѣльныя помѣщенія устроены для твореній Гомера, Шекспира и Данта. Хотя Гладстонъ и чрезвычайный любитель книгъ, но у него при этомъ нѣтъ эгоизма. Такъ какъ по близости Гауэрдена не находится публичной библиотeki, то замковая библиотeka открыта для полученія изъ нея книгъ, при чемъ принимается для возвращенія взятой книги слѣдующая предосторожность: записывается имя взявшаго книгу и срокъ, на который она была выдана.

Каждый изъ находящихся въ читальной залѣ письменныхъ столовъ имѣетъ особое назначеніе. За однимъ изъ нихъ сидитъ Гладстонъ въ то время, когда онъ бываетъ занятъ работою по политическимъ дѣламъ; другой столъ предназначенъ для литературныхъ его трудовъ и для изученія Гомера. Третій столъ предоставленъ миссисъ Гладстонъ. «За этимъ столомъ — говорить съ печальной улыбкой Гладстонъ — было написано «*Inventis Mundi*» и прошло много времени послѣ того, какъ я сидѣлъ за этой работою».

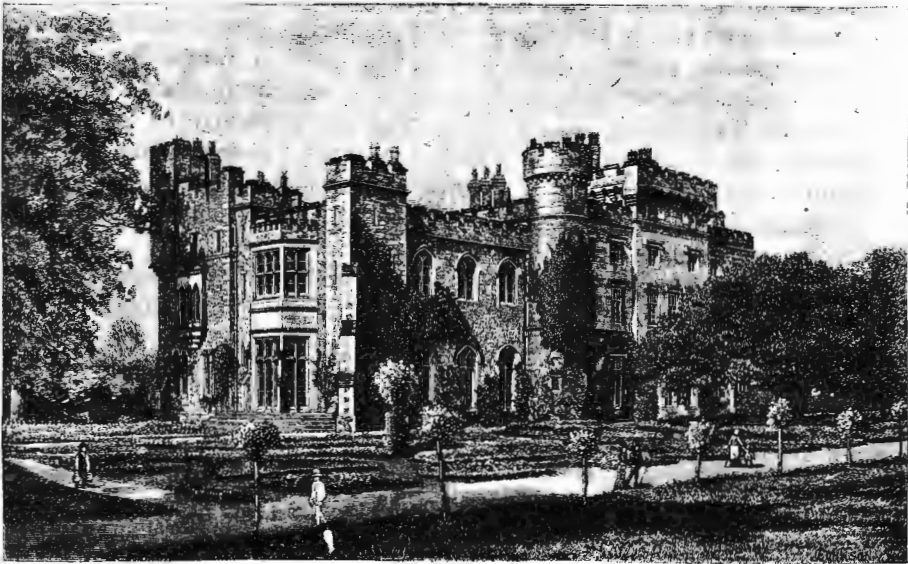
Въ одномъ изъ угловъ этой комнаты поставленъ топоръ — подарокъ, сдѣланный Гладстону городомъ Ноттингэмомъ. Длинное и широкое его лезвіе не сходно вовсе съ образцомъ американскаго топора, которымъ Гладстонъ привыкъ работать. Когда премьеръ остается дома, то онъ или весь день или большую его часть проводитъ въ читальной залѣ. Здѣсь на него съ книжныхъ шкафовъ смотрятъ бюсты Сиднея Гербера, герцога ньюкастельскаго, Каннинга, Кобдена и Гомера, а вмѣстѣ съ ними выглядываетъ на него и старый его другъ, Тениссонъ, изъ большаго бронзоваго медальона.

Утреннія занятія Гладстона очень обширны и большею частью чрезвычайно важны. Самая сильная энергія человѣка не въ состояніи была бы справиться съ ними безъ примѣненія къ нимъ особой системы. Но Гладстонъ на столько же человѣкъ энергичный, настолько и методичный, и каждый день онъ оканчиваетъ всѣ дѣла, приходящіяся на этотъ день. Его корреспонденція, какъ

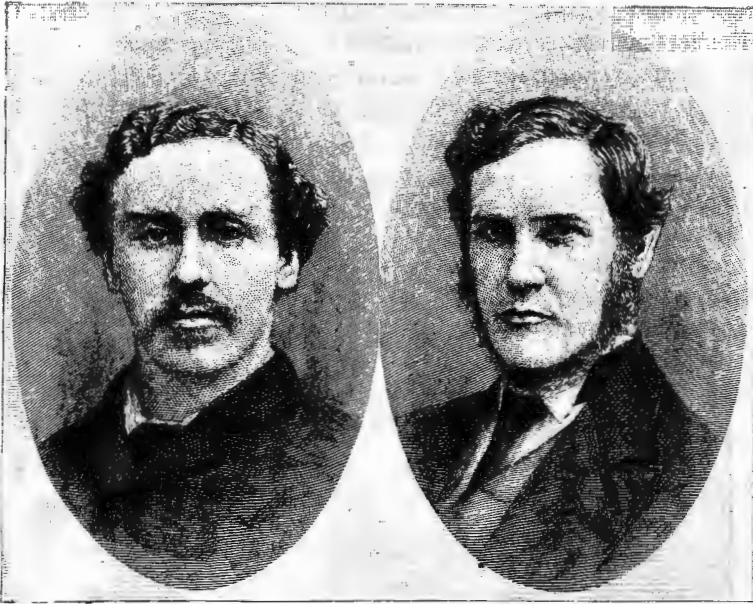
частная, такъ и официальная—громадна, но она ведется очень простымъ способомъ. Секретарь распечатываетъ получаемыя на имя Гладстона письма и прочитываетъ ему ихъ, и на оборотѣ подписываетъ фамилію писавшаго, а также пишетъ въ самомъ сжатомъ видѣ содержаніе письма. Гладстонъ просматриваетъ эти отмѣтки и излагаетъ общій смыслъ отвѣта, если таковой требуется. Если же письмо оказывается важнымъ или касается денежныхъ дѣлъ, то Гладстонъ прочитываетъ его самъ. Но изъ ста случаевъ въ девяносто девяти онъ довольствуется только изложеніемъ краткаго отвѣта.

Въ прежнее время Гладстонъ, при своей неутомимой энергіи, велъ собственноручную переписку съ своими корреспондентами.

Новый замокъ Гауэрдень.

Каждый надѣдливый человѣкъ и даже каждый негодяй, который не пожалѣлъ бы одного пени на почтовую марку, могъ надѣяться получить отъ него собственноручный отвѣтъ, написанный хорошо-знакомою рукою и еще съ болѣе извѣстною подписью. Теперь такую работу Гладстонъ преимущественно поручаетъ своему секретарю и хотя онъ ежедневно пишетъ самъ много писемъ, но число ихъ находится въ весьма слабомъ пропорціональномъ отношеніи къ числу тѣхъ писемъ, которыя получаютъ на его имя. Онъ безъ злаго намѣренія нанесъ сильный ударъ тѣмъ, кто желаетъ имѣть съ нимъ частную корреспонденцію. У него имѣются заготовленные литографическіе оттиски, съ собственноручнаго его

Гербертъ и В. Г. Гладстона.

оригинала. Въ этихъ спискахъ Гладстонъ выражаетъ корреспондентамъ свою признательность за ихъ вниманіе и увѣряетъ ихъ въ своемъ къ нимъ уваженіи и преданности. Между тѣмъ, ничего не подозрѣвающіе корреспонденты, не умѣющие отличить литографированнаго отъ написаннаго рукою, полагаютъ, что великій государственный человѣкъ отвѣтилъ каждому изъ нихъ собственноручно.

Не смотря на то, что Гладстонъ предоставилъ значительную часть своей переписки секретарю, самому ему все-таки приходится каждый день писать не мало писемъ. Въ палатѣ общинъ постоянно можно видѣть, какъ премьеръ, сидя на своемъ мѣстѣ, пишетъ письмо, положивъ его на приподнятое колѣно. Такое положеніе пишущаго очень не удобно и дѣлаетъ писаніе работой слишкомъ затруднительной. Въ добавокъ къ тому, такой работой Гладстону часто приходится заниматься и поздною ночью, послѣ трудового дня, въ такую пору, когда заурядные люди укладываются въ хорошо-постланную постель, смыкаютъ глаза и тотчасъ же засыпаютъ. Когда пренія затягиваются на долго и нескончаемая болтовня отнимаетъ у публики время по-пустому, тогда Гладстонъ пишетъ свои письма, вполне основательно предполагая, что такіа пренія кончатся благополучно и безъ его вмѣшательства. Онъ очень

хорошо понимаетъ, что у него времени не много а между тѣмъ ему необходимо написать спѣшное письмо.

Однажды ночью, въ послѣднюю сессію парламента, когда ирландскіе члены, въ сильномъ возбужденіи, раздѣлились въ корридорахъ палаты на кучки, и переходили съ мѣста на мѣсто, Гладстонъ успѣлъ написать множество писемъ. Онъ писалъ ихъ на ко-

Миссисъ Гладстонъ.

лѣнѣ, оставаясь на своей скамьѣ. Когда же зазвонили въ колокольчикъ, то онъ оставилъ эту работу и съ юношескимъ проворствомъ протискался сквозь толпу. Во время перерыва, онъ случайно присѣлъ къ письменному столу и набросалъ на бумагу послѣдовательную нить своей рѣчи въ то время, когда около него толпились члены палаты. Онъ писалъ такъ усердно, какъ будто привыкъ всю жизнь работать изъ - за какихъ нибудь десяти

пенсовт. Когда же послѣдній изъ членовъ палаты вышелъ изъ корридора, мистеръ Гладстонъ всталъ отъ письменнаго стола и занялъ въ залѣ свое обычное мѣсто. Надобно замѣтить, что во время преній и расказиванія депутатовъ Гладстонъ велъ весьма важную корреспонденцію.

Но если замѣчательна способность Гладстона сосредоточивать свои мысли при шумѣ преній, то еще болѣе замѣчательно то, что въ то же самое время вниманіе его бываетъ поглощено тѣмъ, что происходитъ въ палатѣ. Смотри на Гладстона, быстро пишущаго своимъ изящнымъ почеркомъ, никто не подумаетъ, что этотъ человѣкъ, приподнявшись съ мѣста, можетъ заговорить такимъ внятнымъ голосомъ, который подобенъ грохоту отдаленнаго грома. Когда онъ представляетъ свой докладъ, то докладъ его нисколько не отдаляется отъ дѣйствительныхъ фактовъ. Если же ему приходится выслушивать чужой докладъ о чемъ либо, бывшемъ въ прежнее время, или если что либо выставляется въ докладѣ въ ложномъ свѣтѣ, то онъ приостанавливается писать и, посмотрѣвъ вопросительно на оратора, внушительно качаетъ головою или представляетъ какія нибудь неотразимыя поправки и принимается снова писать. Повидимому, онъ долженъ быть чрезвычайно способенъ къ разговору по телефону. Можно предполагать, что съ какою мѣстностью ни переговаривался бы онъ, онъ, по данному сигналу, можетъ тотчасъ, точно такъ же превосходно, заговорить и съ другою.

Въ статьѣ, которою мы теперь пользуемся, приведенъ слѣдующій примѣръ его трудолюбія по письменной части. Въ 1878 году, на митингѣ, происходившемъ въ Оксфордѣ, Гладстонъ прямо высказалъ свое намѣреніе низвергнуть лорда Биконсфильда. Тогдашній премьеръ презрительно отнесся къ публикѣ, составлявшей митингъ, къ которой, однако, онъ потомъ самъ обратился, и при этомъ приписалъ Гладстону такія фразы, какихъ онъ вовсе не говорилъ на упомянутомъ митингѣ. Тогда Гладстонъ прибѣгнувъ къ неупотребительному, вообще, способу объясненій. Онъ, безъ малѣйшей жалости къ Биконсфильду, отправилъ къ нему содержаніе своей рѣчи и потребовалъ отъ него отвѣта. Свое письмо и данный на него Биконсфильдомъ отвѣтъ, Гладстонъ прочелъ въ палатѣ общинъ при самомъ оживленномъ ея настроеніи. Послѣ того — разсказываетъ авторъ статьи — я желалъ сообщить для напечатанія этотъ случай съ болѣею точностью, почему и обратился къ Гладстону съ просьбою о присылкѣ мнѣ копіи съ переписки его съ Биконсфильдомъ. По прошествіи получаса я получилъ просимую копію, собственноручно переписанную Гладстономъ.

Гладстонъ такъ же быстро прочитываетъ ежедневныя газеты, какъ быстро ведетъ свою корреспонденцію. Въ Гауарденѣ онъ получаетъ всѣ лондонскія газеты, но ему достаточно бываетъ полчаса, чтобъ ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Въ продолженіе многихъ

Гладстонъ и его сестра (1811).

лѣтъ, онъ привыкъ читать «Pall Malle Gazette». Къ чтенію утреннихъ газетъ присоединяется еще и чтеніе вечернихъ, такъ что англійскій премьеръ имѣетъ полную возможность узнавать направление общественнаго мнѣнія. Впрочемъ, онъ и безъ помощи газетъ отличается способностью чутъ все происходящее кругомъ его и если бы ему не удалось быть первымъ министромъ, то изъ него вышелъ бы превосходный редакторъ. Онъ въ полчаса узнаетъ изъ лондонскихъ газетъ все то, что для зауряднаго читателя потребовало бы, по крайней мѣрѣ, полдня.

Достаточно одного взгляда на гостиную Гладстона, дабы убѣдиться, что онъ въ цѣломъ свѣтѣ личность наиболѣе всѣхъ другихъ фотографируемая. Столы въ его комнатахъ буквально завалены фотографіями, на которыхъ его, всѣмъ знакомая, личность изображена во всевозможныхъ позахъ. Мистеръ Гладстонъ подчиняется желанію фотографовъ по той же самой причинѣ, по которой ему приходится переносить съ неохотой и другія подобнаго рода испытанія. Онъ сознаетъ то вліяніе, какое онъ приобрѣлъ на публику, желающую имѣть его фотографіи, и исполняетъ ея желаніе. Трудно сосчитать то количество времени, какое онъ провелъ, сидя неподвижно передъ фотографическою камерою. Онъ снимается у

фотографовъ не только часто, но и быстро, и приобрѣлъ такой навыкъ, что, въ сущности, онъ только приходитъ и уходитъ отъ нихъ. Наглядный тому примѣръ былъ при посѣщеніи имъ фотографіи Валькера. Премьеръ назначилъ этому художнику только пятнадцать минутъ срока, въ продолженіе которыхъ онъ стоялъ неподвижно и въ это время было снято съ него пятнадцать негативовъ. Въ свою очередь живописецъ мяслынами красками, мистеръ Миле, года два тому назадъ, выставилъ въ академіи большой портретъ премьера и послѣ того отправилъ его для выставки по всей Англіи. Портретъ этотъ считается лучшимъ произведеніемъ знаменитаго художника.

Большаго вниманія, чѣмъ портретъ Миле, заслуживаетъ маленький нарисованный на слоновой кости портретъ, находящійся въ гостиной гауэрденаго замка. На портретѣ этомъ представленъ пухленькій мальчуганъ, около двухъ лѣтъ. Онъ сидитъ подлѣ крошечной дѣвочки, на колѣняхъ у которой положена развернутая книга и въ эту книгу мальчуганъ тычетъ указательнымъ пальцемъ. Этотъ кроткій мальчикъ—теперь тотъ старецъ, который сидитъ въ другой комнатѣ и котораго отъ упомянутаго дѣтскаго портрета отдѣляетъ уже семьдесятъ лѣтъ жизни, а дѣвочка—умершая уже его сестра. Портретъ этотъ былъ снятъ въ Ливерпулѣ въ то время когда тамъ жилъ отецъ нынѣшняго премьера, Джонъ Гладстонъ.

Та страсть къ убранству домовъ, которая нынѣ господствуетъ какъ въ Лондонѣ, такъ и во всей Англіи, не коснулась вовсе гауэрденаго замка. Посѣтителямъ замка болѣе всего бросается въ глаза находящаяся въ столовой зеленая покрывка стола въ соединеніи съ ярко-краснымъ цвѣтомъ матеріи, изъ которой сдѣланы подушки на стулья. Была, однако, пора, когда мистеръ Гладстонъ съ чрезвычайною энергіею составлялъ коллекціи изъ стараго фарфора. Въ это время онъ столько же заботился о какомъ нибудь черепкѣ, чашкѣ или соусникѣ, сколько и о критической поправкѣ поземельнаго билля. Но въ 1874 году онъ распродалъ свою коллекцію фарфора и удержалъ только коллекцію вещей изъ слоновой кости, а также коллекцію драгоценныхъ камней. Эти двѣ коллекціи занимаютъ въ Гауэрденѣ два обширные кабинеты, но собственно онѣ принадлежали покойному брату премьера.

Въ гауэрденскомъ замкѣ, какъ и вообще во всѣхъ наслѣдственныхъ имѣніяхъ англійскихъ дворянъ, находится много хорошихъ семейныхъ портретовъ, но миссисъ Гладстонъ скромно замѣчаетъ, что въ Гауэрденѣ можно видѣть только одинъ достойный вниманія портретъ, а именно—портретъ сэра Кенельма Дигби, нарисованный Ванъ-Дикомъ. Въ столовой виситъ портретъ Серджента Глэйна, родоначальника этой фамиліи, а противъ этого портрета помѣщена прелестная семейная группа. Съ лѣвой стороны находится портретъ Стефена Глэйна, отца миссисъ Гладстонъ. Портреты миссисъ

Гладстонъ и сестры ея, лэди Литльтонъ, занимаютъ мѣсто между портретами ихъ отца и ихъ матери. Тутъ же находятся портреты сэра Джона и лэди Глэйна. Въ саду, прямо передъ замкомъ, сэръ Джонъ Глэйнь развелъ палисадникъ, въ которомъ деревья достигли очень значительной вышины и въ лѣтнюю пору они даютъ прохладное убѣжище подъ своею тѣнью.

По заламъ замка разставлено много бюстовъ. Въ числѣ ихъ находится и бюстъ Гладстона, изваянный Марокетти. Въ гостиной поставленъ бюстъ миссисъ Гладстонъ, сдѣланный въ 1839 году въ Римѣ, Макдональдомъ. По правой сторонѣ этого бюста находится бюстъ Питта, а въ углу, около камина, сдѣланъ рельефомъ бюстъ Герберта Гладстона, въ дѣтской шапочкѣ, сидящаго подлѣ своей сестры. Книги, подаренныя авторами Гладстону, представляютъ какъ бы походный очеркъ жизни премьера. Кромѣ книгъ, находящихся въ библиотекѣ, шкафы съ книгами размѣщены еще и въ приемной, и въ столовой.

Мистеръ Гербертъ Гладстонъ, когда гоститъ въ Гауэрденѣ, то живетъ въ замкѣ, а старшій сынъ премьера, Вильямъ Гладстонъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Стефеномъ, живетъ въ ректорскомъ домѣ, который соединенъ съ замкомъ телефономъ.

К. Н. В.

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ ЧОРТА.

Враждебныя отношенія природы и человѣка.—Созданіе боговъ.—Борьба добра и зла.—Начало религій.—Наука и сверхъестественныя явленія.—Злой духъ въ народныхъ разсказахъ.—Книга о чортѣ.—Ормуздъ и Ариманъ.—Идеи о вѣрованіи первобытнаго человѣка.—Боги дикарей.—Сатана семитовъ.—Арійскіе боги.—Эллинскіе демоны.—Средневѣковой чортъ.—Поклоненіе звѣздамъ и борьба ангеловъ.—Видѣніе св. Гильдегарды.—Гдѣ находится адъ.—Сверхъестественный огонь.—Вездѣсущность чорта.—Аббатъ Рихальтусъ.—Сколько чертей на землѣ.—Царство чорта.—Адъ по изображенію кабалы и визионеровъ.—Чертовскія имена.—Адская іерархія.—Наружность чорта и его превращенія.—Инкубы и сукубы.—Сожженіе дѣтей чорта.—Какое у него тѣло?—Роль искусителя.—Бѣсноватые.—Научные и легендарные факты.—Лекарства, прогоняющія чертей.—Добрый чортъ.—Исторія феодаловъ и сборщика податей.—Легенда о либеральномъ возрѣніи на вѣчныя муки.—Возможно ли чорту спастись и получить прощеніе?

ЧТѢХЪ порѣ какъ въ человѣкѣ стала развиваться мыслящая способность и онъ началъ сознательно относиться къ окружающей его природѣ, грозные феномены ея производили на него, конечно, гораздо больше впечатлѣнія, чѣмъ мирныя картины періодически повторяющихся, всеневныхъ явленій. Отвоевывавъ себѣ, въ борьбѣ за существованіе, мѣсто на землѣ среди страшныхъ стихійныхъ силъ и враждебнаго ему міра животныхъ, человѣкъ легко могъ напасть на мысль о существованіи другихъ созданій, одаренныхъ больше его силою сопротивляться разрушительнымъ элементамъ природы. Тогда онъ сталъ создавать, по своему образу и подобию, боговъ, одаряя ихъ прежде всего свойствами, какихъ не доставало ему самому: громадною крѣпостью, несокрушимостью, бессмертіемъ. Сначала фигура первобытнаго бога являлась грозною, карающею, раз-

рушительно, какъ преобладающія въ природѣ, стихійныя явленія. Потомъ идея справедливости придала этому богу свойства милости, умиротворенія, благоволенія къ смертнымъ. Но зло, истребленіе, погибель продолжали царить вокругъ человѣка и образъ все-сильнаго существа раздвоился: явились два, одинаково могучія, но не одинаково дѣйствующія созданія: одно надѣляло людей всѣми благами жизни, другое губило ихъ, увлекало къ преступленіямъ, къ истребленію своихъ братьевъ. Добро и зло, олицетворяясь въ отдѣльныхъ существахъ, легли въ основаніе первыхъ религій древняго міра. Ормуздъ и Ариманъ, Озирись и Тифонъ, дивы и пери, амшаспанды и дарваңды, духи свѣтлаго неба и мрачной преисподней начали, по системѣ дуализма, управлять и человѣкомъ и міромъ, въ которомъ также стали во враждебное отношеніе между собою два начала—духовное и тѣлесное. Всѣ мифологіи наполнены разсказами о борьбѣ двухъ силъ, которая должна все-таки кончиться побѣдой добраго начала. Это служитъ утѣшеніемъ человѣку въ томъ печальномъ явленіи, что въ жизни на землѣ почти всегда преобладало и побѣждало зло. Эта побѣда зависѣла частью и отъ того, что человѣкъ приписалъ слишкомъ много власти враждебному, демоническому началу, одарилъ его такою сверхъестественною силою, что передъ его могуществомъ должна была склониться здравая мысль и авторитетъ науки. Какой громадный вредъ принесла человѣчеству вѣра его во всемогущество злого начала—доказываютъ страницы исторіи, испещренныя именами безчисленныхъ жертвъ, погибшихъ во имя чудовищной фикціи, что они поклоняются не богу, а дьяволу. Древніе народы не надѣляли своего духа зла такою властью, чтобы онъ могъ нарушать естественные законы природы и поэтому жертвы его въ эту эпоху были не такъ многочисленны. Еще Цицеронъ говорилъ, «что если религія, основанная на познаніи природы, имѣетъ право на наше уваженіе, то вѣрованія, грубо противорѣчащія этому познанію—являются бичомъ для общества». Наше время пошло еще дальше, утверждая, что до тѣхъ поръ, пока сверхъестественный элементъ будетъ вмѣшиваться въ наши понятія о жизни и мірѣ, тормозя свободныя изслѣдованія науки, побѣда разума и здраваго смысла не можетъ считаться окончательною. Наука не признаетъ совмѣстнаго существованія естественнаго и сверхъестественнаго элемента: но все, чего она не объясняетъ себѣ въ настоящемъ—можетъ быть разъяснено въ будущемъ. Мы далеко не знаемъ всѣхъ законовъ природы, да и тѣ, какіе знаемъ, еще не вполне изслѣдованы нами. Многое, что теперь кажется намъ невозможнымъ, возможно въ будущемъ. Изъ этого не слѣдуетъ однако же, чтобы мы должны были вѣрить тому, что отвергаетъ логика и законы науки. И, однако, человѣческая фантазія во всѣ времена создавала факты и преданія, противорѣчащія и наукѣ, и здравому смыслу. Къ такимъ преданіямъ при-

надлежать безчисленные рассказы, относящіяся къ роли, занимаемой въ исторіи человѣчества злымъ духомъ или чортомъ, какъ называетъ его народъ. Прослѣдить въ народныхъ легендахъ всѣ появленія чорта между людьми, его сношенія съ ними, продѣлки, похиженія, искушенія всякаго рода, въ какія онъ вводитъ человѣчество—дѣло нелегкое, и дѣломъ этимъ занялся французскій писатель Жюль Бессакъ, авторъ книги «Начало религіи» (*Les origines de la religion*). Въ концѣ прошлаго года издалъ онъ не менѣе замѣчательное сочиненіе подъ названіемъ «*Le Diable*», въ которомъ разбираетъ критически, съ философской точки зрѣнія, всѣ сохранившіяся въ народѣ преданія о врагѣ рода человѣческаго, прослѣдивъ ихъ съ древнѣйшихъ временъ до эпохи реформаціи. Такимъ образомъ серьезный и любопытный трудъ Бессака еще далеко не конченъ, и авторъ обѣщаетъ возвратиться къ нему впослѣдствіи. Но и въ настоящемъ своемъ видѣ, въ книгѣ этой столько интересныхъ подробностей, что мы сочли не лишнимъ познакомить читателей «Историческаго Вѣстника» съ главными выводами и положеніями Бессака, представившаго, на основаніи официальныхъ документовъ, довольно подробный сводъ всего, что было до него написано объ этомъ предметѣ. А что предметъ этотъ заслуживаетъ вниманіе мыслителя, доказываетъ хотя-бы тотъ фактъ, что одинъ изъ ученѣйшихъ нѣмецкихъ писателей прошлаго вѣка, Христіанъ Томазіи, профессоръ юриспруденціи въ Галле, сосчиталъ, что до начала XVIII столѣтія одни судилища инквизиціи истребили 9.440,000 человѣкъ за сношеніе съ чортомъ, и *ad majorem Dei gloriam*. Если къ этому числу прибавить число лицъ, морально загубленныхъ чортомъ, какъ бѣсноватые, конвульсіонеры, колдуны, вѣдьмы и т. п., то сумма жертвъ человѣческихъ суевѣрій и предразсудковъ достигнетъ громадной цифры. Представимъ же главнѣйшіе результаты изысканій французскаго автора, пополнимъ ихъ, гдѣ нужно, свидѣтельствомъ и другихъ писателей изъ богатой литературы демонологіи.

Книга Бессака раздѣляется на двѣ части: въ первой разсматриваются преданія о самомъ чортѣ, во второй—о лицахъ, имѣвшихъ съ нимъ сношенія. Обратимся сначала къ легендарному, но засвидѣтельствованному историческими документами, происхожденію и, такъ сказать, социальному положенію чорта между людьми, оставивъ въ сторонѣ всѣ теологическія отношенія къ нему.

Бессакъ начинаетъ съ изслѣдованія иранскаго преданія о происхожденіи двухъ враждующихъ между собою началъ, добраго и злого, Агурамазда (Ормуздъ) и Агро Майнія (Ариманъ), происходившихъ отъ одного отца. Ариманъ былъ младшимъ братомъ, но, въ мірѣ и надъ людьми имѣлъ больше власти, чѣмъ старшій братъ, олицетворявшій доброе начало. Дѣйствительно, первобытный человѣкъ не имѣлъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы бороться съ природою,

вездѣ видѣлъ онъ врага, свое существованіе поддерживалъ только нападая и защищаясь. Война каждаго и всѣхъ, противъ всѣхъ и каждаго, была необходимымъ условіемъ его жизни, какъ бродячаго охотника. Идея мирнаго труда развилась въ немъ только когда онъ перешелъ въ пастушеское состояніе, а изъ пастуха сдѣлался землепашцемъ. Съ добровольнымъ трудомъ къ человѣку вернулось спокойствіе духа и мирное настроеніе; постепенно онъ научился находить удовольствіе въ созерцаніи величественныхъ картинъ природы, въ звукахъ, краскахъ. Онъ научился веселиться, тогда какъ первобытный человѣкъ не умѣлъ даже смѣяться. У дикарей, стоящихъ на низшей антропологической ступени, лицевыя мускулы весьма мало подвижны, и выраженіе лица ихъ постоянно строго или безпокойно. Дикарь вѣчно на сторожѣ, въ немъ сильно развиты органы: чувствъ, но не чувствительность. Религія его основана на страхѣ; онъ прежде всего боится своего бога. Первая идея о богѣ, говоритъ Лёббокъ, почти вездѣ представляетъ его злымъ существомъ. Въ Африкѣ, въ Полинезіи, дикія племена приносятъ болѣе жертвъ злему, нежели доброму существу; это же замѣтили европейцы, открывшіе Новый Свѣтъ. Фетишизмъ поклоняется самымъ свирѣпымъ звѣрямъ. Въ Африкѣ богъ мандинговъ—левъ; убійство его считается оскорбленіемъ величества. Въ индійскомъ архипелагѣ воздають божескую почесть тигру. Быть съѣденнымъ имъ—считается религіознымъ жертвоприношеніемъ. Крокодилы, змѣи, хищныя птицы служатъ предметомъ поклоненія многихъ племенъ. Правда, между ними очень смутно пониманіе добра и зла, и оно часто сводится на извѣстный отвѣтъ одного бушмена: «зло—это когда берутъ у меня моихъ женъ, добро—когда я могу взять чужую жену». Понятіе объ истинномъ добрѣ и злѣ развивается дѣйствительно въ болѣе позднѣйшія эпохи соціального быта. У Эсхилла Прометей говоритъ, что умъ развился у людей, только послѣ того, какъ титанъ свелъ имъ съ неба огонь; до тѣхъ поръ они жили вѣка, смотря, но ничего не видя, слушая, но ничего не понимая. Различіе добра и зла въ своемъ основаніи лежитъ въ противоположности удовольствія и страданія. Слово сатана, одно изъ самыхъ древнихъ на языкѣ семитовъ, означаетъ врага, противника. Каждая сила въ природѣ, противившаяся человѣку, и съ которой онъ долженъ былъ бороться, считалась демоническою. И въ ребенкѣ боязнь передъ карающимъ существомъ развивается прежде, нежели любовь къ существу благотворящему. У однихъ арійцевъ богъ олицетворялъ добро, у семитовъ онъ былъ только всемогущимъ, карающимъ богомъ, мстящимъ за оскорбленіе до десятаго колѣна. Только арійскій богъ могъ вырождаться въ человѣчнаго Зевса. Демоны древнихъ были безразлично добрыми или злыми существами, иногда тѣми и другими вмѣстѣ, но всегда нерасположенными къ человѣку.

Эллинскій культъ былъ высшимъ и благороднѣйшимъ выраженіемъ вѣрованій древняго міра.

Средневѣковыя преданія причисляли и чорта къ существамъ созданнымъ богомъ. Думать, что зло, символомъ котораго былъ сатана, независимо отъ творца и составляетъ отдѣльное начало, противоположное началу добра, т. е. самому богу, значило быть манихейниномъ, послѣдователемъ Манеса, ересіарха III вѣка, вводившаго въ новую религію персидскую идею дуализма. Идея возстанія злыхъ духовъ противъ своего творца, возникла только со времени вавилонскаго плѣненія, когда семиты познакомились съ легендою объ Ариманѣ, господствовавшей на берегахъ Евфрата и Тигра.

Поклоненіе звѣздамъ у древнихъ семитовъ послужило основаніемъ преданію о борьбѣ ангеловъ. Самая свѣтлая звѣзда южнаго полушарія, называемая евреями Гиллель, по латини Люциферъ, исчезла съ горизонта. Это былъ ангель, осмѣлившійся возстать противъ своего творца, и за это низвергнутый съ неба и сдѣлавшійся главою злыхъ духовъ. Легенду о его возстаніи передалъ Мильтонъ въ своемъ «Потерянномъ Раѣ», но она была не единственною въ теченіи среднихъ вѣковъ. Одна изъ знаменитыхъ визионерокъ, св. Гильдегарда, въ книгѣ написанной подъ ея диктовку, названной «Scivias», и одобренной св. Бернардомъ и папою Евгеніемъ III, рассказываетъ подробно, какъ великій драконъ, т. е. сатана и діаволь, былъ низвергнутъ съ неба на землю, со всѣми своими ангелами. Съ тѣхъ поръ всѣ звѣзды арміи великаго дракона, купавшіяся до той минуты въ волнахъ свѣта, теперь совершенно погасли, и походятъ на черные угли, обожженные огнемъ. Страшный вихрь, вышедшій изъ бездонной глубины, низвергнулъ возставшихъ на сѣверъ, въ такія пропасти, что никто съ тѣхъ поръ не зналъ, куда они скрылись. Клеманъ Эльбэ, въ своей книгѣ «Исторія Сатаны», говоритъ, что современная астрономія видитъ въ звѣздномъ небѣ почти треть пространства теперь пустымъ, но когда-то наполненнаго звѣздами, а Мирвиль, католическій демонографъ и спиритъ, утверждаетъ прямо, что послѣдній геологическій переворотъ на землѣ произошелъ вслѣдствіе этой битвы звѣздъ на небѣ. Что касается до мѣста, куда были низвергнуты падшіе духи, преданіе указывало на него съ давнихъ временъ, но окончательно подтвердилъ это извѣстный Сегюръ. Въ своей книгѣ объ адѣ, онъ говоритъ: горящія бездны центральнаго земного огня, представляютъ мѣсто, куда по воскресеніи изъ мертвыхъ, будутъ низвергнуты тѣла грѣшниковъ. Катихизисъ тридентскаго собора указываетъ опредѣлительно, что адъ находится въ центрѣ земли *in medio terrae*; того же мнѣнія былъ и св. Ома. Геологи представляютъ намъ этотъ центръ, какъ громадный огненный океанъ растопленной сѣры и смолы, какъ нѣчто до того ужасное, и вмѣстѣ съ тѣмъ величественное, что на землѣ ничто не можетъ

дать намъ объ немъ понятіе. Сегюръ прибавляетъ, что «хотя этотъ центральный геологическій огонь есть огонь естественный, но онъ сдѣланъ сверхестественнымъ (supernaturalisé) всемогуществомъ божескаго правосудія, для того, чтобы произвести весь эффектъ, требуемый этимъ обожаемымъ и ужаснымъ правосудіемъ, для того, чтобы проникнуть въ духъ такъ же какъ и въ тѣло, и не сжечь тѣла грѣшника, а напротивъ сохранить его». Это же ученіе проповѣдывалъ Тома Аквинскій, утверждающій, что свѣтъ огня будетъ отдѣленъ отъ его свойства сжигать, и что это свойство сжигательное будетъ служить мученіемъ грѣшниковъ. Онъ прибавляетъ, что въ срединѣ земли, гдѣ находится адъ, огонь можетъ быть только темный, мрачный и полный дыма, а Сегюръ важно замѣчаетъ, что это подтверждается вполнѣ изверженіями вулкановъ.

Первоначальныя преданія говорили, что сатана и его ангелы заключены на тысячу лѣтъ въ безднахъ ада, но съ тѣхъ поръ прошло уже нѣсколько тысячъ лѣтъ, и поневолѣ пришлось отложить этотъ срокъ. Къ тому же появленіе всякаго рода чертей на землѣ, въ теченіи этихъ тысячелѣтій, было столько разъ документально засвидѣтельствовано разными протоколами и процессами, что приходилось убѣдиться въ полной свободѣ, данной нечистому искушать человѣчество. По свидѣтельству католическихъ прелатовъ, присутствіе злыхъ духовъ въ нашихъ общественныхъ дѣлахъ, бѣдствіяхъ, болѣзняхъ, порокахъ—несомнѣнно. Въ воздухѣ нѣтъ ни одного атома, въ водѣ ни одной капли, на землѣ ни одной пылинки, гдѣ бы не сидѣла нечистая сила. Для всѣхъ этихъ стихій въ католическомъ ритуалѣ существуютъ особыя формулы заклинанія и отчитыванія, подтверждающія свойства вездѣсущности чорта. Во Франконіи, въ цистеріанскомъ монастырѣ, близъ Шенталья, въ срединѣ XIII вѣка, жилъ блаженный аббатъ Рихальмусъ. Онъ написалъ объ этой вездѣсущности чорта любопытное сочиненіе «Книгу откровенія о хитростяхъ и уловкахъ демона по отношенію къ людямъ» (*Liber revelationum de insidiis et versatiis daemonum adversus homines*). Рихальмусъ перечисляетъ всѣ эти хитрости и уловки: такъ, зачастую, послѣ обѣдни и обѣда, монаховъ мучило, конечно по навожденію чорта; онъ же возбуждалъ въ нихъ головокруженіе, когда имъ надобно было слушать мессу. Чортъ занимался также тѣмъ, что уродовалъ монаховъ, придавая ихъ носамъ красноту и даже синеватый отливъ, надѣлая ихъ отвислыми губами, нагоняя на нихъ сонъ во время молитвы. Одинъ послушникъ говорилъ, что ему часто слышится странный звукъ, похожій на храпѣніе, и исходящій съ того мѣста на хорахъ, гдѣ сидитъ аббатъ. «Звукъ этотъ, сынъ мой, производятъ демоны», отвѣчалъ настоятель. Рихальмусъ, совершенно добродушно и наивно сообщающій подобныя вещи, говоритъ, что чловѣкъ со всѣхъ сторонъ окруженъ постоянно нечистою силой такъ

плотно, что струя воздуха съ трудомъ можетъ проникнуть между ними. Съ увеличеніемъ суевѣрія, число чертей доходило дѣйствительно до такихъ цифръ, какія не въ силахъ была перечислить статистика демонологіи. Въ концѣ XVI вѣка, вѣнскій епископъ докторъ Гаспаръ Нейбекъ въ церкви св. Варвары изгналъ изъ 16-ти-лѣтней дѣвушки Анны Шлюттербауеръ 12,652 чорта. Протоколъ этой операціи, подписанный самимъ прелатомъ, сохраняется въ вѣнскихъ архивахъ, и его приводитъ современный австрійскій писатель Августъ Зильберштейнъ, въ своемъ сочиненіи «Denksaellen im Gebiete der Cultur und Litteratur, т. III. Tenfel und Hexen». Еще раньше Нейбека, архіепископъ Турпинъ, въ гальскомъ городѣ Виеннѣ, въ день смерти Карла Великаго, подошелъ къ окну, привлеченный необычайнымъ шумомъ извнѣ. Шумъ походилъ на жужжаніе несмѣтныхъ роевъ саранчи. Это были демоны, отправлявшіеся присутствовать при послѣднихъ минутахъ умирающаго монарха, для того, чтобы постараться захватить его душу, при выходѣ ея изъ тѣла. Ихъ было такъ много, прибавляетъ архіепископъ, что дневной свѣтъ померкъ, и никто не былъ бы въ состояніи сосчитать ихъ. Еврейскіе кабалисты высчитываютъ, что каждый изъ людей окруженъ одиннадцатью тысячею чертей, изъ которыхъ тысяча по правую сторону и 10,000 по лѣвую. Какое же баснословное число чертей нужно для всѣхъ жителей нашей планеты?

Царю Соломону, утверждаетъ кабала, удалось посредствомъ магическихъ заклинаній поймать нѣсколько миліоновъ чертей, которыхъ онъ упряталъ въ большой мѣдный котелъ и бросилъ ихъ въ болото близъ Вавилона. Жители города, найдя котелъ, вообразили, что въ немъ спрятанъ кладъ, открыли крышку и черти разлетѣлись. Въ той же кабалѣ говорится, что Соломонъ долгое время держалъ у себя въ заключеніи, въ маленькой склянкѣ, 522,280 чертей. Демонографъ XVI вѣка, Вейеръ, возстававшій противъ казни колдуновъ и колдуній, приводитъ неизвѣстно откуда взятую точную цифру адской арміи. Цифра эта простирается до 44.635,569 чертей, не считая миліардовъ гномовъ, кобольдовъ, оборотней и другой мелкой нечистой силы, вращающейся атомистическими массами во всѣхъ царствахъ природы. Нечего удивляться поэтому, что весь міръ нашъ находится во власти чорта, *princeps hujus mundi*.

Царство чорта также обширно: границы его тамъ, гдѣ оканчивается мірозданіе, оно вездѣ, гдѣ смерть, разрушеніе, грѣхъ, преступленіе. Но основываясь на словахъ преданія, что падшіе духи заключены въ преисподнюю, жилищемъ ихъ считали внутренность земли. Въ первые вѣка называли вулканы и даже сѣрные источники — отдушинами ада, и это мнѣніе было освящено въ VI вѣкѣ авторитетомъ папы Григорія Великаго. При Веспасіанѣ произошло изверженіе горы Безбія, которое христіане называли «отрыжкой дьявола». Одно изъ свѣтилъ церкви XI вѣка, кардиналъ Петръ

Даміанъ говоритъ, что властитель Капуи, Пандольфъ, смерть котораго совпала съ изверженіемъ Везувія 981 года, испытываетъ на днѣ его кратера мученія осужденнаго. Историкъ Гейстербахъ утверждаетъ, что другого грѣшника, проклятаго церковью, Бертольда Церингенскаго, черти мучаютъ въ кратерѣ Этны. Въ тотъ же кратеръ черти несли душу добраго, но большаго гуляки, короля Дагоберта, награждая его по дорогѣ пинками, когда св. Денисъ, Мартинъ и Маврикій бросились съ небесныхъ высотъ на адскій кортежъ, разогнали его и перехватили королевскую душу.

Нѣкоторые изъ теологовъ, какъ напримѣръ Теодоретъ, помѣщали, правда, мѣстопребываніе чертей за предѣлами земли, въ вѣчномъ мракѣ воздушныхъ сферъ, но большинство возставало противъ этого мнѣнія. Протестантскій докторъ XVI вѣка, Гаспаръ Пейкеръ, ученикъ и зять Меланхтона, свидѣтельствуетъ, что онъ самъ слышалъ, какъ въ вулканѣ Геклы стонутъ осужденные грѣшники, а Клеманъ д'Эльбе вычислилъ даже, что температура огня, въ которомъ они жарятся въ аду, доходитъ до 195,000 градусовъ. Еврейскіе ученые оставили намъ подробное топографическое описаніе ада. Кабала говоритъ, что онъ имѣетъ форму воронки и состоитъ изъ семи поясовъ, каждый въ 60,000 разъ больше слѣдующаго за нимъ. Увлеченные фантазіей, эти господа не рассчитали, что полагая даже нижній поясъ, равнымъ единицѣ, верхній седьмой занималъ бы надъ землею поверхность гораздо большую нежели окружность всей земли. Но цифры, какъ мы видѣли, нисколько не затрудняютъ и не пугаютъ мистиковъ. Каждый поясъ имѣетъ нѣсколько подраздѣленій, число которыхъ почему-то не показано. Въ каждомъ отдѣлѣ 7,000 мѣстъ заключенія; въ каждомъ изъ нихъ 7,000 ямъ, въ каждой ямѣ 7,000 скорпіоновъ и тысяча бочекъ (отчего же не 7,000?) черной, кипящей смолы. Скорпіоны семью своими щупальцами рвутъ тѣло грѣшниковъ. Наука, правда, насчитываетъ у скорпіоновъ восемь щупальцевъ, но въ аду, вѣроятно, своя наука, и адскіе скорпіоны щиплются больнѣе своими семью щупальцами. Описаніями ада чрезвычайно богата мистическая литература. Всѣ знаменитые визионеры изображали его съ разными вариантами: Екатерина Риччи, Франциска Римская, Терезія, Обицій, Баронтъ и др. Всѣмъ извѣстно описаніе ада въ поэмѣ Данта, но, спустя столѣтіе послѣ него, такой же адъ видѣла лично Франциска Римская и прочла надъ дверьми его почти тѣ же слова: «Здѣсь мѣсто ада, безъ надежды и перерыва, гдѣ нѣтъ никакого покоя». Адъ, по словамъ ея, раздѣляется на три области, гдѣ муки постепенны и пропорціональны преступленіямъ. «Вездѣ мракъ, смрадъ, неописанныя страданія. Страшный драконъ, кольца котораго извиваются на днѣ пропасти, раскрываетъ у входа въ нее громадную пасть, изъ которой, какъ изъ глазъ и ушей его, выходитъ клубомъ мрачное пламя и зловонныя испаренія. Въ центрѣ сидитъ на тронѣ сатана,

голова котораго возвышается до вершины бездны, а ноги касаются дна. Руки его простерты надъ чернымъ царствомъ, какъ знакъ власти. На лбу его — огромные олени рога, безчисленныя вѣтви которыхъ свѣтятся какъ факелы. Но несмотря на царскую власть, горячія цѣпи приковываютъ его къ позорному трону». Цезарій Гейстербахъ представляетъ адъ глубокою, страшною долиною, наполненною сѣрнымъ запахомъ; на ней демоны играютъ въ мячъ душами грѣшниковъ. Посрединѣ—колодезь, закрытый раскаленною крышкою, поднимающеюся, по трубному звуку, чтобы пропустить души. Цезарій резюмируетъ слѣдующими словами мученія, ожидающія ихъ въ аду: «Pix, pix, nox, vermis, flagra, vincula, pus, pudor, horror» (смола, снѣгъ, ночь, червь, бичъ, цѣпи, гной, позоръ, ужасъ).

Демонографы свидѣлствуютъ, что въ царствѣ бѣсовъ существуетъ строгая іерархія. Подъ монархическимъ управленіемъ Вельзевула соединены высшіе и низшіе сановники, съ титулами соотвѣтственными герцогамъ, графамъ, маркизамъ и баронамъ, съ гражданскими чиновниками разныхъ классовъ и даже съ орденами. Великій устроитель праздниковъ и удовольствій адскаго двора называется Ниббасъ, директоръ театровъ—Кобаль, начальникъ тайной полиціи Нергаль; главный медицинскій инспекторъ при дворѣ Раммонъ не пользуется значеніемъ, говоритъ Вейеръ. Церемоній-мейстеръ, вводящій посланниковъ—Верделе, у другихъ писателей называется Жолибуа, Вержоли, и пр. Главный истопникъ, которому поручено поддерживать огонь адскихъ печей—Ксафанъ; смотритель надъ кухнями—Нисброкъ, надзиратель за хлѣбопеченіемъ—Дагонъ и др. Въ аду, какъ и на землѣ, есть города и села, потому что есть обер-архитекторъ Гальфасъ. Чиновники неувольняемы и получаютъ жалованье, такъ какъ есть казначей Мелькора и хранитель сокровищъ Газіель. Неизвѣстно только, какою монетою выплачиваютъ содержаніе. Колдуньи, пользовавшіяся бѣсовскими щедротами, не скопляли богатства. По преданіямъ деньги, выплачиваемыя чортомъ, превращались въ карманахъ получившихъ ихъ—въ холодные угли. Католицизмъ не считалъ обитателей ада тѣнями, какъ древніе римляне, а то можно было бы подумать, что между этими тѣнями обращались вмѣсто денегъ тоже тѣни золота и серебра—ассигнаціи. Преданіе никогда не представляло себѣ чорта безтѣлеснымъ духомъ: оно всегда надбляло его тѣми же органами, какими обладаетъ человѣкъ, и только приписывало ему способность—принимать на себя формы разныхъ животныхъ, преимущественно козла и кошки. Блаженная Маргарита-Марія Алакокъ, изобрѣтательница поклоненія «святому сердцу», говоритъ въ своей біографіи, что чортъ являлся ей «въ видѣ страшнаго мавра, съ глазами, горящими какъ два угля и скрежещущими зубами». Оомъ Аквинскому оупъ показывался въ формѣ эоіопа, in forma Eriopis. Св. Агнеса видѣла его не разъ на кухнѣ

ланжакскаго монастыря, когда она была тамъ судомойкою во время своего послушничества. Онъ являлся въ видѣ ужаснаго дракона, извергающаго огонь изъ пасти и ноздрей; а однажды показался гигантскимъ зѣиопомъ, освѣщавшимъ кухню огнемъ своихъ глазъ и высовывавшимъ огненный языкъ въ футъ длиною. 1-го февраля 1620 года, молнія ударила въ соборъ Кемпер-Корантена. Жители, собѣжавшіеся на пожаръ, увидѣли, что его разжигаетъ зеленый чортъ съ длиннымъ хвостомъ, такого же цвѣта. Протоколъ объ этомъ событіи утверждаетъ, впрочемъ, что иные видѣли его также синимъ и желтымъ. Такъ какъ пожаръ не могли потушить 150 бочекъ съ водой и 50 возовъ навозу, то прибѣгли къ другому средству: въ огонь бросали хлѣбъ съ запеченнымъ въ немъ кусочкомъ просвиры изъ причастія и вылили святую воду, смѣшанную съ молокомъ кормилицы хорошаго поведенія. Тогда чортъ улетѣлъ съ пожара съ страшнымъ свистомъ. Этому было свидѣтелемъ все городское населеніе набожныхъ бретонцевъ. И въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ приводимыхъ нами, существуютъ официально утвержденные документы.

Отъ I до XII вѣка, чорта видѣло множество лицъ, въ разныхъ формахъ: лошадыю, собакой, обезьяной, медвѣдемъ, жабой, ворономъ, быкомъ, грифомъ, центавромъ, минотавромъ. Монахи и отшельники, спасавшіеся въ пустыняхъ, встрѣчали его въ невозможныхъ формахъ: сфинксомъ съ человѣческой головой и длинными лапами, вооруженными острыми когтями; химерой съ зелеными глазами, хвостомъ и крыльями дракона, извергающею огонь изъ ноздрей, собакою съ обезьяньей головою, краснымъ львомъ съ человѣческимъ лицомъ, съ тройнымъ рядомъ зубовъ, гигантскимъ муравьемъ съ львиною гривой и пр. Цезарій Гейстербахъ, францисканскій монахъ XI вѣка, пишетъ, что чортъ во всемъ похожъ на человѣка, только у него нѣтъ спины, *dorsa tamen non habet*. Въ Толедо, онъ вошелъ въ тѣло Маріи Гарсіи, въ видѣ апельсина. Шпренгеръ, авторъ «Молота Колдуній», говоритъ, что одна монахиня едва не проглотила его въ формѣ салата, но по счастью узнала (какимъ образомъ?) и во-время остановилась. Блаженной Христинѣ Стоммельнъ онъ являлся въ формѣ паука. Нѣсколько лѣтъ служилъ онъ доминиканцамъ въ Мекленбург-Шверинѣ подт видомъ обезьяны, работая на кухнѣ, метя полъ, поворачивая вертелъ, разливая вина. Святые отцы уже тогда догадались, кто служилъ у нихъ подъ именемъ Пука, и одинъ изъ нихъ написалъ книгу: «Правдивая исторія демона Пука». Въ 1545 году, въ Ротвейлѣ видѣли чорта на улицахъ въ формѣ зайца, гуся или хорька. Узнали чорта потому, что животныя эти разговаривали съ прохожими. Въ одномъ изъ городовъ Саксоніи онъ явился къ священнику въ исповѣдальню, но тотъ узналъ нечистаго и чортъ скрылся, оставивъ послѣ себя такой запахъ, что всѣ бѣжали изъ церкви.

Въ Фрейбургѣ онъ выкинулъ еще болѣе дерзкую продѣлку, явившись въ облаченіи священника къ умирающему, чтобъ его исповѣдывать. Чортъ являлся даже на ученые лекціи. Перипатетикъ Аммоній, читавшій еще въ V вѣкѣ философію въ Александріи, говоритъ, что его лекціи чортъ приходилъ слушать въ формѣ осла. Въ 1546 году, на похоронахъ Лютера, стая вороновъ вилась надъ гробомъ реформатора. Добрые католики узнали въ ней чорта. Нерѣдко онъ принималъ на себя образъ живыхъ людей, чтобы ввести другихъ въ заблужденіе. Такъ, для того, чтобы дискредитировать Сильвана, епископа Назаретскаго, чортъ, подъ видомъ святителя, проникнулъ ночью въ спальню одной благородной горожанки, и когда та стала кричать, сбѣжавшійся народъ нашелъ чорта въ образѣ епископа и выгналъ его съ позоромъ. Враги Сильвана стали утверждать, что это былъ онъ самъ, но епископъ заставилъ чорта, преданіе не говоритъ только какимъ средствомъ, сознаться въ своей адской хитрости. Къ Герону, египетскому пустыннику, чортъ явился въ видѣ свѣтлаго ангела и предложилъ вознести его на небо. Но едва Геронъ усѣлся на спину крылатаго посланца, какъ тотъ сбросилъ его въ колодезь, гдѣ и нашли его полумертвымъ. Въ Англіи, въ царствованіе Елисаветы, онъ являлся, то подъ видомъ протестантскаго пастора, то католическимъ проповѣдникомъ—смотря по обстоятельствамъ. Паписты увѣряли, что слышали его проповѣди—въ первой формѣ, пресвитеріанцы—во второй.

Кардиналъ Бона, въ своей книгѣ «О распознаваніи духовъ» (*De discretione spirituum*) говоритъ, что чорту не позволено являться только въ формѣ голубя и ягненка. Тоже подтверждаетъ аббатъ Риве въ сочиненіи «*La Mistique divine*». Онъ вооружается также противъ мнѣнія, что чортъ не можетъ являться въ формѣ барана и доказываетъ, что именно въ этой формѣ его видѣли св. Освальдъ и Франциска Римская. На констанцскій соборъ собралось, по словамъ лѣтописца, невѣроятное множество куртизанокъ (*incredibilis multitudo meretricum*). Нидеръ и Шпренгеръ утверждаютъ, что это были переодѣтые черти, которымъ однакоже позволили спокойно жить въ Констанцѣ и присутствовать при сожженіи Иоанна Гусса.

Чортъ можетъ имѣть дѣтей отъ смертныхъ—это утверждали богословы. Принимая на себя, по желанію, тотъ или другой полъ, онъ называется, входя въ сношенія съ женщинами—инкубомъ, съ мужчинами—сукубомъ. Сомнѣваться въ этомъ—значитъ быть еретикомъ. Въ буллѣ, отъ 9-го ноября 1484 года, папа Иннокентій VIII возвѣщаетъ, что «къ крайнему его прискорбію, въ епархіяхъ Майнца, Кельна, Трира, Зальцбурга и Бремена, нѣкоторые лица обоого пола, забывая свое спасеніе и отдаляясь отъ католической вѣры предаются демонамъ, инкубамъ и сукубамъ». Впрочемъ, это вѣрованіе существовало и въ древности, перейдя, въ нѣсколько измѣненномъ

видѣ, въ первые вѣка христіанства. Августинъ говорятъ, что фавны и сатиры, называемые нынѣ инкубами, имѣютъ сношенія съ женщинами, какъ и демоны, называемые галлами—«дузы»; «это засвидѣтельствовано столькими лицами и такъ положительно, что было бы дерзостью отрицать это». Шпренгеръ въ названной уже нами книгѣ «Молоть Колдуній», служившей, въ теченіи двухъ вѣковъ руководствомъ для духовной и гражданской инквизиціи въ дѣлахъ о колдовствѣ, говоритъ прямо, что нѣтъ почти ни одного колдуна, ни одной колдуньи, которыя не имѣли бы тѣлесныхъ сношеній съ чортомъ. Въ архивахъ Вюрцбурга сохранился именной списокъ лицъ, сожженныхъ въ этомъ городѣ въ 1627 и 1628 годахъ, по приговору духовнаго суда, въ числѣ сорока двухъ, и между ними 25 дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, отъ 9-ти до 14-ти лѣтъ, рожденныхъ отъ сношеній чорта съ колдуньями. А сколько подобныхъ несчастныхъ жертвъ возмутительнаго безчеловѣчія и невѣжества погибло въ другихъ мѣстахъ! Въ Помераніи сожгли бѣдную десятилѣтнюю дѣвочку, заставивъ ее прежде, въ пыткѣ, признаться, что она имѣла двухъ дѣтей отъ чорта и беременна третьимъ.

Не всегда отъ этихъ браковъ чертей рождались люди; иногда колдуньи производили на свѣтъ змѣй, жабъ, крысъ, кротовъ, разныхъ уродовъ, даже мухъ или, наконецъ, безформенныя, слизистыя массы съ сѣрнымъ запахомъ, характеризующимъ демонское происхожденіе. За подобныя выкидыши инквизиція также сожгла нѣсколько женщинъ. Повидимому, въ подобныхъ сношеніяхъ чортъ долженъ имѣть одну цѣль — погубить въ грѣхѣ избранную имъ жертву, но, по свидѣтельству теологовъ, оказывается, что чортъ можетъ быть влюбленъ до безумія, *perditissimus amasius*. Это доказываетъ и капуцинъ Синистрари, въ своей книгѣ «*De la Demoniâlité*». Правда, за то другой демонографъ, Гуакцій, увѣряетъ, что чортъ любитъ страстно только кобыль. Это опровергается исторіей многихъ лицъ, соблазняемыхъ чортомъ, то въ видѣ красиваго юноши, то какъ женщина необычайной красоты. Св. Антонія, Станислава Костку и Арскаго священника онъ искушалъ въ видѣ безстыдной прелестницы. Отшельника Викторина въ его пещерѣ чортъ соблазнилъ, явившись къ нему въ бурю просить гостепріимства въ видѣ прекрасной путницы. Всѣ подобныя исторіи подтверждали, что чортъ является въ тѣлесномъ видѣ, но Латранскій соборъ 1215 года, созванный Иннокентіемъ III, постановилъ, что добрые и злые ангелы—существа безплотныя. Какъ было примирить этотъ догматъ съ прежнимъ, совершенно противоположнымъ ученіемъ? Богословы не затруднились и въ этомъ случаѣ, какъ во всѣхъ другихъ: они положили, что есть ангелы чисто духовные и есть тѣлесные. Латранскій соборъ говорилъ только о первомъ родѣ, а другіе соборы—о второмъ. Коротко и ясно. Что

же касается вопроса, какое собственно тѣло чорта и каковы его качества, демонологи входятъ по этому случаю въ такія фізіологическія тонкости щекотливаго свойства, что мы не можемъ привести ихъ ни въ аллегорическихъ перифразахъ, ни даже въ латинскомъ подлинникѣ.

Легенды приписываютъ чорту такое же всемогущество, какъ Богу. Въ первые вѣка христіанства были отцы церкви, признанные еретиками и учившіе, что міръ созданъ діаволомъ—такъ поражало ихъ преобладаніе зла на землѣ. Чортъ можетъ поднимать бури, посылать дождь и градъ, поражать человѣка болѣзнями и избавлять отъ нихъ—все это свидѣтельствуя процессы колдуновъ. Онъ можетъ дѣлать чудеса, убивать людей. Всѣ, входившіе съ нимъ въ сношенія, погибали насильственною смертію, говорятъ теологи, не прибавляя, что заботу о кончинѣ этихъ людей принимала на себя больше всего инквизиція. Мы видѣли также, что чортъ вездѣсущъ, такъ какъ смерть господствуетъ всюду. Тертуллианъ говоритъ прямо: *totus orbis illis locus unus est*. Онъ внушаетъ дурныя мысли и подстрекаетъ на дурныя дѣла. Такимъ образомъ, человѣкъ часто виновенъ въ своихъ поступкахъ, будучи не въ состояніи, по слабости характера, противиться мощному искустителю. Вся жизнь наша—вѣчная борьба съ искушеніемъ. Аббатъ Соьеръ въ недавно изданномъ сочиненіи «*Les mystères du diable de voilés*» представляетъ картину этого искушенія со дня зачатія младенца. Чортъ постоянно стремится испортить его, ангелы защищаютъ его. «Когда Богъ захочетъ сообщить душѣ святое внушеніе или даже движеніе—нужно прежде всего отогнать демоновъ». Далѣе въ книгѣ приводится признаніе Маріи Латастъ, какъ она защищалась однажды отъ множества постыдныхъ видѣній, окружавшихъ ее. «Мой ангелъ отошелъ и только смотрѣлъ на меня, говоритъ она. Я боролась одна, подкрѣпляя себя пѣніемъ псалма, потомъ прибѣгла къ Богу, чтобы онъ очистилъ душу мою отъ непристойныхъ образовъ, стремившихся осквернить ее. Тогда явился ангелъ съ розгою въ рукахъ и сталъ отгонять демона». Латастъ приводитъ даже діалогъ между ними, заключавшійся въ повтореніи фразъ: Я возьму ее.—Не возьмешь.— Я заставлю ее пасть.—Не заставишь и т. п.

Ученіе протестантства объ искушеніи—точно такое же какъ въ католичествѣ. Одно изъ сочиненій, появившихся въ 1533 году, то есть за 13 лѣтъ до смерти реформатора, передаетъ его бесѣду съ чортомъ. Эту исторію Лютеръ самъ поручилъ своему другу Юсту Іонѣ перевести съ нѣмецкаго языка на латинскій. Предметомъ бесѣды были вопросы о томъ: слѣдуетъ ли священнику причащаться одному, въ алтарѣ, во время обѣдни. Чортъ, доказывая что, причащаясь одинъ, священникъ не достигаетъ цѣли своего назначенія и дѣйствіе его имѣетъ опредѣленное значеніе только, когда въ немъ участвуютъ вѣрующіе. Этотъ споръ вошелъ въ докумен-

тальную исторію протестантства, и только разсказъ о томъ, какъ нетерпѣливый реформаторъ пустилъ въ чорта чернилицей въ Вартбургъ, относится къ вымышленнымъ легендамъ. Въмѣстѣ съ искушеніемъ, чортъ напускаетъ на вѣрующихъ и навожденіе. Кельи и пещеры спасающихся отшельниковъ наполняютъ видѣнія всякаго рода, которыя не только наводятъ ужасъ, но и мучаютъ физически. Всего чаще,—и въ этомъ видна низкая натура чорта—онъ искушаетъ слабыхъ женщинъ. Каноникъ Лабисъ, въ біографіи Маріи Дезанжъ, говоритъ: этой блаженной особѣ хотѣлось, чтобы ее ударили по щекѣ, въ память заушенія, полученнаго Спасителемъ, и, однажды, въ церкви, послѣ благословенія священника, стоявшій подлѣ нея красивый молодой человѣкъ далъ ей неожиданно такую пощечину, что звукъ ея раздался по всей церкви. Мушны бросились съ обнаженными мечами на безумца, но онъ исчезъ безъ слѣда. Кромѣ искушенія человѣка, чортъ, какъ извѣстно, можетъ войти въ его тѣло одинъ или въ большомъ обществѣ и распорядиться всѣми поступками человѣка, заставляя его бѣсноваться или продѣлывать то, что не допускается въ обыкновенномъ состояніи. Чортъ можетъ овладѣть человѣкомъ въ его дѣтскіе годы. Никакое званіе и положеніе въ свѣтѣ не спасетъ отъ нечистаго. Соборъ 963 года, низложившій папу Іоанна XII, приводитъ въ доказательство того, что въ немъ сидитъ бѣсъ, тосты папы за здоровье дьявола и жертвы, приносимыя имъ Юпитеру и Венерѣ. Кремонскій епископъ Луитпрандъ говоритъ, что и смерть папы произошла отъ того, что чортъ ударилъ его ночью въ високъ въ то время, когда папа былъ на свиданіи съ одною женщиной.

Извѣстна способность одержимыхъ бѣсомъ, говорить на разныхъ языкахъ. Но это же явленіе замѣчено и докторами въ нѣкоторыхъ нервныхъ болѣзняхъ. Тэнъ, въ своей книгѣ «De l'intelligence», приводитъ случай, бывшій съ одною больною, 25-тилѣтнею дѣвушкой, незнавшею даже граматы, и которая вдругъ, во время нервного кризиса, начала произносить латинскія, греческія и даже еврейскія фразы, а когда выздоровѣла, то не могла припомнить ни одного слова изъ того, что говорила во время болѣзни. Потомъ оказалось, что она съ девятилѣтнаго возраста жила у своего дяди, ученаго пастора, имѣвшаго привычку громко читать, прохаживаясь, отрывки изъ древнихъ классиковъ въ то время, когда племянница его сидѣла за шитьемъ въ той же комнатѣ. Конечно, и въ этомъ случаѣ трудно объяснить себѣ, какимъ образомъ дѣвушка могла сохранить въ своей памяти и впослѣдствіи воспроизвести цѣлыя фразы на незнакомомъ ей языкѣ, но, по крайней мѣрѣ, подобные случаи возможны, какъ и многія явленія сонambuлизма и магнетическаго ясновидѣнія, безъ вмѣшательства нечистой силы. Наука представляетъ примѣры еще болѣе удивительнаго сохраненія въ памяти цѣлыхъ музыкальныхъ пѣсень маленькою дѣвочкой,

слышавшею сквозь тонкую перегородку, какъ эти пьесы разучивалъ опытный музыкантъ. Въ демонологіи приводятся подобные же случаи съ бѣсноватыми. Такъ, въ одну старуху вселился музыкальный бѣсъ, и она вдругъ запѣла превосходнымъ теноромъ. Ее привели въ Валонбрѣзъ, чтобы изгнать изъ нее чорта, и онъ сталъ просить, чтобы ему позволили передъ выходомъ, пропѣть еще одну кантату, послѣ чего продолжая напѣвать, вышелъ изъ старухи. Католическіе теологи сопоставляютъ съ бѣсовскимъ навожденіемъ такъ называемый божественный экстазъ, но нѣкоторыя формы того и другаго явленія, воспроизводили врачи нервныхъ болѣзней. Такъ, извѣстный Шарко въ Сальпетриерѣ возбуждалъ искусственно, но совершенно естественнымъ образомъ, феномены экстаза и бѣснованія у одного и того же лица. Отъ физическихъ конвульсій подобные нервные болѣзны легко приводятся въ состояніе экстаза. Съ одной изъ болѣзней Шарко повторялись, по произволу, почти всѣ припадки, какимъ подвергалась извѣстная визионерка Луиза Латто, умершая въ прошломъ году. Извѣстно также, что припадки конвульсії, пляски святого Витта, падучей болѣзни, истерики, заразительны также какъ и припадки нашихъ кликушъ. Во всѣхъ этихъ болѣзняхъ нужно конечно отличать дѣйствительное нервическое расстройство отъ притворства и обмана. Любопытно, что, несмотря на всѣ доводы науки и здраваго смысла, бѣснованіе продолжаетъ играть роль и въ наше время. Еще недавно вышла, на испанскомъ языкѣ, брошюра священника въ Серданьѣ, переведенная на французскій языкъ подъ названіемъ «Le diable révolutionnaire». Въ ней разсказана исторія молодой дѣвушки Карметы Трасфи, одержимой бѣсомъ въ 1875 году. Заклинатель выгналъ изъ нея множество чертей по имени: Альфоргасъ, Рокасъ, Сакасъ, Ботасъ, Бутеакасъ, Гарлопасъ, Мальбестіа, Ксапотисъ, Куине и проч. Неизвѣстно, почему авторъ называетъ всѣхъ этихъ чертей революціонерами и доказываетъ имъ адское происхожденіе революціи. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ молитвами и заклинаніями противъ бѣснованія, патеры совѣтуютъ употреблять и лекарства, прогоняющія чертей. Изъ такихъ средствъ отецъ Менги рекомендуетъ въ своей книгѣ «Fustis daemonum» натираніе живота и груди особаго рода помадою, составленною изъ ладона, оливковаго масла, укропа, камеди, руты, шалфея и проч., сваренныхъ въ святой водѣ. Отецъ Синистарій приводитъ въ примѣръ ученаго теолога, который, чтобы прогнать отъ себя чорта, окуривалъ свою комнату смѣсью перца, кубебы, кардамона, имбиря, корицы, мускатнаго орѣха, смолы, алая и проч. Эта смѣсь дѣйствуетъ только на одинъ сортъ бѣсовъ; противъ другихъ надо употреблять евфорбію, мандрагору, бѣлену и другія травы.

Не смотря на вражду, которую человѣчество должно питать къ своему искусителю, оно во многихъ случаяхъ относилось къ нему

весьма добродушно. Многія легенды представляют чорта положительно добрымъ малымъ. «Добрый чортъ» играетъ не маловажную роль во многихъ преданіяхъ. Одно изъ нихъ, относящееся къ среднимъ вѣкамъ, весьма характеристично. Одно изъ безчисленныхъ нѣмецкихъ герцогствъ постоянно раззорялось непрерывными войнами мелкихъ феодальныхъ тирановъ; въ ихъ числѣ были не только князья и бургграфы, но много владѣтельныхъ аббатовъ и епископовъ. Чортъ сжалился наконецъ надъ бѣднымъ народомъ, и рѣшился избавить его отъ притѣснителей. Однажды онъ перехваталъ всю эту феодальную сволочь въ ея замкахъ, набилъ ея большой мѣшокъ, взвалилъ его къ себѣ на плечи и полетѣлъ съ нимъ изъ Германіи. Народъ привѣтствовалъ криками радости своего избавителя, но во время полета чортъ, нагруженный тяжелымъ мѣшкомъ, наткнулся на колокольню городской церкви; острый пшицъ колокольни прорвалъ мѣшокъ; аристократія посыпалась изъ него на землю, попы забрались въ церковь, стали гнать бѣса заклинаніями, и онъ долженъ былъ покинуть страну. Въ господство феодализма чортъ былъ демократомъ—онъ не любилъ дворянъ и заступался за горожанъ. Монахъ XV столѣтія, Іоганъ Герольдъ, оставилъ любопытный сборникъ разсказовъ своего времени, въ которыхъ чортъ играетъ не маловажную роль. Вотъ одинъ изъ этихъ разсказовъ:

Безсердечный сборщикъ податей, выжимавшій изъ бѣднаго народа послѣдній грошъ его, добытый тяжелымъ трудомъ, ѣхалъ однажды въ городъ за податями; его нагналъ таинственный путникъ, отправившійся съ нимъ по той-же дорогѣ; отъ путника пахло немножко сѣрой, и подозрительная наружность его беспокоила сборщика, жившаго не въ ладу съ своею совѣстью. Имъ встрѣтился мужикъ, отправлявшійся на базаръ продавать свинью. Животное, предвидя, вѣроятно, неприятную участь ожидавшую ее, не хотѣло идти впередъ; мужикъ сердился, кричалъ, стегалъ свинью хлыстомъ, и наконецъ, проходя мимо путниковъ, вскричалъ: «а, чтобъ тебя чортъ побралъ». Сборщикъ податей обратился къ своему товарищу, съ вопросомъ, отчего бы ему не взять то, что предлагаютъ? — «Нѣтъ, отвѣчалъ чортъ: подарокъ дѣлаютъ не отъ добраго сердца, я не хочу принять его». Дальше, проходя мимо одной фермы, они услышали, какъ старуха гнала надоѣдавшаго ей мальчишку и кричала: «а, чортъ тебя возьми». Но и тутъ спутникъ сборщика нашель, что предложеніе дѣлается не отъ чистаго сердца, и прошелъ дальше. Наконецъ, они пришли въ городъ, гдѣ на площади стояла толпа крестьянъ. Увидя своего мучителя, они закричали: «а, вотъ и нашъ палачъ! о чтобъ его чортъ взять! «Ну, вотъ на этотъ разъ мнѣ предлагаютъ подарокъ отъ чистаго сердца»—сказалъ чортъ, и схвативъ сборщика податей, мигомъ провалился съ нимъ въ преисподнюю, къ большой радости видѣвшихъ это крестьянъ.

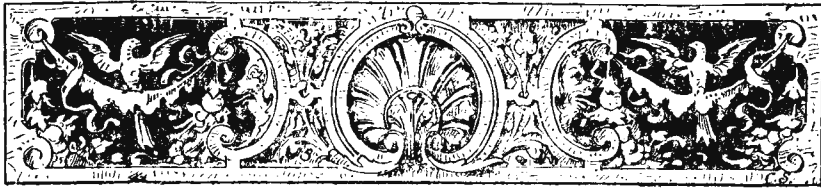
Шведскій ученый Олай Великій, архіепископъ упсальскій, делегатъ папы Павла III на Тридентскомъ соборѣ, рассказываетъ въ своей книгѣ «De gentibus septentrionalibus», что въ его время въ Норвегіи чортъ оказывалъ семействамъ множество мелкихъ домашнихъ услугъ: чистилъ лошадей и конюшни, водилъ скотъ на водопой, разливалъ вино въ погребѣ, мылъ ребятъ и посуду и проч. Современникъ Олая, поэтъ Ронсаръ передалъ все это въ стихахъ, въ своемъ «гимнѣ демонамъ». Этотъ родъ чертей очень напоминаетъ нашихъ домовыхъ. Чортъ держитъ также крѣпко данное имъ слово, но люди не разъ обманывали его, и не исполняли данныхъ ему обѣщаній. Онъ также очень хорошій докторъ, и не разъ вылечивалъ людей отъ тяжкихъ болѣзней. Онъ также справедливъ, не обращаетъ вниманія на различіе званія и состоянія, и всегда былъ грозою купцовъ, обманывавшихъ или обвѣшивавшихъ своихъ покупателей. Въ Бранденбургѣ онъ унесъ однажды женщину, продававшую подмѣшанное пиво. Въ Англіи, гдѣ было множество подобныхъ исторій, въ приходской церкви Людлоу, барельефъ изображаетъ, какъ чортъ уноситъ въ адъ продавщицу подмѣшаннаго эля. Заступничество чорта за угнетенныхъ или базвинно обвиняемыхъ часто служитъ темою народныхъ разсказовъ. И за то народъ вѣритъ, что при второмъ прішествіи Христа, даже чортъ будетъ прощенъ и спасенъ. Напрасно соборъ и папа проклинали книгу Оригена, въ которой ученый говорилъ, что наказанія, имѣя цѣлью исправленіе прегрѣшившаго, не могутъ быть вѣчны, — массы народа все-таки были увѣрены, что чортъ получитъ прощеніе.

Такое чортъ католическихъ легендъ, но не менѣе интересна и исторія лицъ, поклонявшихся ему, имѣвшихъ съ нимъ сношенія. Мы передадимъ въ послѣдствіи основныя черты этой исторіи.

Вл. Зотовъ.

ДОЧЬ КОРОЛЕВЫ ВИКТОРИИ.

ВЕЛИКАЯ герцогиня Гессенская Алиса, дочь английской королевы Викторіи, умершая пять лѣтъ назадъ жертвой материнской любви, оставляетъ по себѣ память въ исторической литературѣ, изданными недавно письмами ея къ матери ¹⁾. Книга, заключающая въ себѣ эту переписку, посвящена дѣтямъ покойной: наследственному великому герцогу Эрнсту-Людвигу, принцессамъ Викторіи, Елизаветѣ, Иринѣ и Алисѣ. Письма герцогини дополнены свѣдѣніями о жизни и дѣятельности ея, доставленными ихъ анонимному издателю английской королевою Викторіей, супругомъ Алисы—великимъ герцогомъ Людвигомъ, германской императрицей Августой, сестрой Алисы—кронпринцессой Викторіей и великой герцогиней Луизой Баденской.

Принцесса Алиса родилась 25 апрѣля 1843 года третьимъ ребенкомъ и второй дочерью отъ брака нынѣшней английской королевы съ покойнымъ принцемъ Альбертомъ. Она считалась «красой семьи», по выраженію ея отца и «маленькой тщеславной особой», по выраженію ея матери, и была любимицей всей семьи. Воспитаніе королевскихъ дѣтей, какъ мы знаемъ изъ напечатаннаго недавно сэромъ Теодоромъ Мартиномъ жизнеописанія Альберта, было серьезное и строгое. До конфирмаціи всѣ дѣти держались вдали отъ двора. Только на прогулкахъ они сопровождали родителей, да

---

¹⁾ Alice, Grossherzogin von Hessen und bei Rhein, Prinzessin von Grossbritannien und Irland. Mittheilungen aus ihrem leben und ihrem Briefen. Darmstadt, 1883 г.

за десертомъ появлялись за королевскимъ столомъ. Принцеса Алисъ въ дѣтствѣ любила всякія физическія упражненія: гимнастику, катанье на конькахъ и верховую ѣзду, и при этомъ, по словамъ ея сестры Викторіи, «ея ученическія тетради всегда были въ порядкѣ, писаны красивымъ и отчетливымъ почеркомъ». Умственные способности и наиболѣе глубокія стороны характера развились въ ней, однако, не очень рано. По отзыву Луизы Баденской, съ 1851 года бывшей въ дружбѣ съ Алисъ, покойная въ молодости обладала даромъ правиться окружающимъ ее. Особенную привязанность она питала къ теперешнему императору и императрицѣ Германіи, которыхъ называла въ то время «дядя Пруссіи» и «тетка Пруссіи». Когда старшая сестра Алисы вышла замужъ за германскаго кронпринца и уѣхала въ Берлинъ, покойная стала ближе къ своему отцу, который пробудилъ въ ней разумную любовь къ образовательнымъ искусствамъ и къ музыкѣ. Принцъ Альбертъ не могъ не нарадоваться, видя свою дочь «красивую, изящную и образованную», а королева считала ее очень доброй, кроткой, разсудительной и привѣтливой. «Она — говорила королева—истинная утѣха для меня и я не выдамъ ее замужъ до тѣхъ поръ, пока только въ состояніи буду отклонить ее отъ такого намѣренія разумными доводами». Тѣмъ не менѣе женихъ не заставилъ себя ждать. Въ іюнь 1860 года, при англійскомъ дворѣ находились принцы Гессенскіе Людвигъ и Генрихъ. «Юношески свѣжій тѣломъ и духомъ» 22-хлѣтній Людвигъ плѣнилъ сердце 17-ти-лѣтней принцессы Алисы. Въ ноябрѣ того же года состоялась помолвка. Свадьбу же пришлось отложить по случаю смерти принца Альберта.

Принцесса вмѣстѣ съ матерью проводила дни и ночи у постели больнаго отца, а, когда его не стало, явилась настоящей опорой для убитой горемъ королевы. «По единогласному отзыву очевидцевъ—пишетъ Луиза Баденская—то, чѣмъ выказала себя принцесса Алиса при смерти отца, просто изумительно. Сама удрученная тоской по горячо любимомъ отцѣ, она немедленно взяла въ свое распоряженіе все, что нужно было, чтобъ въ эти первые ужасные моменты облегчить положеніе матери. Всѣ доклады министровъ и придворнаго штата доходили до монархини чрезъ ея посредство. Письменно и устно она дѣятельно облегчала королевѣ все, сколько было въ ея силахъ. Твердое рѣшеніе королевы, по настоятельному желанію короля Леопольда Бельгійскаго, немедленно по смерти принца покинуть Виндзоръ и отправиться въ Осборнъ, было поколеблено единственно Алисъ». Въ это-то время въ принцессѣ и развились интересъ къ политикѣ и политическая сметка, какими она впослѣдствіи такъ отличалась. Тогда же она приобрѣла тотъ практически-организаторскій взглядъ и ту неутолимую потребность дѣятельности, какіе составляли отличительную особенность ея семейной и общественной жизни.

И однакожь, изъ писемъ Алисы къ ея матери, видно, что чувство невозмѣстимой утраты дорогаго отца проходить черезъ всю ея жизнь. Въ этомъ первомъ трудномъ жизненномъ испытаніи закалилась глубокая серьезность ея характера и сознание, что жизнь—не забава, но поприще для серьезнаго труда и сознательнаго исполненія долга. Едва ли отыщется хоть одно письмо въ данной книгѣ, въ которомъ не упоминалось бы объ отцѣ. «Я не знала—писать принцесса 12-го декабря 1874 года—человѣка, котораго можно было бы поставить на ряду съ отцомъ или котораго можно было бы такъ неизмѣнно любить и почитать. Онъ былъ и есть мой идеаль». «Лелѣять воспоминанія юности» — говорить анонимный издатель книги,—«осуществить на дѣлѣ внушенные принцессѣ отцомъ планы, заботиться объ искусствахъ и наукахъ, содѣйствовать развитію просвѣщенія, образцово устроить свою семью, улучшить участь низшихъ классовъ, заботиться о нуждахъ рабочаго населенія, словомъ, по мѣрѣ силъ подражать примѣру отца—все это было священной обязанностью принцессы относительно дорогой памяти». Подъ первымъ впечатлѣніемъ сильнаго горя и въ періодъ наплыва многообразныхъ новыхъ обязанностей, Алиса до такой степени мало заботилась о своей будущей судьбѣ, что женихъ ея одно время опасался, какъ бы она не взяла своего слова назадъ. Но 1-го іюля 1862 года въ Осборнѣ состоялась свадьба, 9-го іюля молодые уѣхали изъ Англіи и черезъ три дня торжественно были встрѣчены въ Дармштадтѣ.

Послѣ роскошной обстановки въ Англіи, принцессѣ не легко было привыкнуть къ маленькому герцогскому двору въ Дармштадтѣ, хотя родители ея мужа и самъ Людвигъ старались доставить ей всѣ удобства. «Я намѣреваюсь сказать великому герцогу» пишетъ Алиса къ матери 27-го іюля 1862 года, «что мы осенью воротимся въ Англію, чтобъ не быть въ тягость своимъ родителямъ». Принцесса, дѣйствительно, нуждалась въ самомъ необходимомъ. Война 1866 года встревожила ее въ виду возможности окончательнаго раззоренія. «Мы очень скоро—пишетъ она 25-го мая—сдѣлаемся нищими, если все такъ пойдетъ, какъ ожидается». Подъ 15-мъ іюня читаемъ: «Ужасное время! Я предвижу, что приходитъ гибель маленькихъ государствъ. Помоги намъ, Боже! Безъ жалованья дядя Людвигъ и вся семья—нищіе, такъ какъ вся собственность заключается въ земляхъ». Положеніе принцессы въ это время было болѣе, чѣмъ тягостное. Она съ каждымъ днемъ ожидала прибавленія семейства и около нея не было ни одной замужней женщины. Супругъ ея находился на полѣ сраженія, а населеніе Гессена боялось Пруссіи пуще всего. «Смятеніе здѣсь страшное—говорится въ письмѣ 27-го іюля—нужда въ деньгахъ неотступная—на право и на лѣво надо помогать. Такъ какъ пруссаки рыщутъ здѣсь, то вещи многихъ спрятаны у меня въ домѣ. Лежа въ постели, я

должна принимать въ своей комнатѣ мужчинъ, являющихся ко мнѣ съ вопросами, которые я сама непосредственно должна рѣшать... Знамя полка Людвигъ, которое не взято имъ и обыкновенно хранится въ замкѣ, находится теперь для безопасности въ моей комнатѣ».

Принцесса близко видѣла войну. Пруссаки заняли Дармштадтъ, дома переполнились ранеными, которымъ не доставало самаго необходимого. Она немедленно принялась за дѣло помощи раненымъ, выписывала изъ Англiи полотно и корпию, организовала уходъ за больными, посѣщала лазареты и приносила страждущимъ утѣшенiе и облегченiе. Принцесса рано привыкла принимать близко къ сердцу чужое горе и неустрашимо смотрѣть въ глаза горю и слезамъ. Однажды, принцесса посѣтила съ придворной дамой роженицу. Она описываетъ это своей матери, прося ее никому о томъ не говорить, такъ какъ, кромѣ принца и придворныхъ дамъ, ни одна душа не вѣдаетъ о слѣдующемъ посѣщенiи: «Наконецъ, прошли мы чрезъ грязный дворикъ по темной лѣстницѣ въ маленькую комнату, гдѣ на одной кровати лежала бѣдная женщина и ея малютка, на томъ же пространствѣ находились еще четыре ребенка, мужъ, двѣ другiя кровати и печь. Впрочемъ, въ комнатѣ не было ни дурнаго запаха, ни грязи. Я выслала Христу (придворную даму) съ дѣтьми, затѣмъ сварила кое-что для женщины, привела въ порядокъ ея постель, выкупала ея малютку, промыла ему глазенки, которые зло глядѣли, и спеленала. Я дважды приходила туда. Обитатели комнатки не знали меня; они были одѣты чисто, добродушно и трогательно привѣтливы другъ съ другомъ. Прiятно въ такой бѣдности находить столь свѣтлыя чувства».

Свое высшее счастье принцесса Алиса находила въ любви къ мужу. Письма ея къ королевѣ переполнены доказательствами ея привязанности къ своему Людвигу. Она не нахвалится его семейными добродѣтелями. Это супружеское счастье достигло своего апогея, когда въ 1868 году у нихъ родился первый сыночекъ, затѣмъ въ 1870 году явился на свѣтъ второй, который, однако, къ великому горю родителей, въ 1873 году, по недосмотру, упалъ съ окна и умеръ.

Принцесса ничего такъ не боялась, какъ взрыва новой войны. Но когда наступила франко-прусская война, Алиса съ прежней неустрашимостью заботилась о больныхъ и раненыхъ: «я не вижу и не ощущаю ничего, кромѣ ранъ», говорится въ одномъ изъ ея писемъ. И среди такихъ хлопотъ и безпокойствъ она, когда мужъ ея стоялъ съ своей дивизiей у Меца, родила втораго сына. Оправившись, она снова отдалась заботамъ о раненыхъ. «Бѣдствiе—вездѣ велико, пишеть она 14-го января 1871 года. Я помогаю, гдѣ только могу. Пока я въ состоянiи изъ своихъ сбереженiй помогать другимъ, я должна это дѣлать». Подъ впечатлѣнiемъ извѣстiя о

перемиріи она писала: «Теперь, когда война приостановлена, я чувствую какъ разслабили мои нервы, послѣ всего испытаннаго мною въ теченіи дѣльныхъ шести мѣсяцевъ».

1876 годъ принесъ съ собой войну Сербіи съ Турціей. Императоръ Александръ II въ Дармштадтѣ видѣлся съ принцессой. Вотъ что она сообщаетъ королевѣ подѣ 23-мъ іюля объ этомъ свиданіи: «Вчера императоръ Александръ говорилъ со мной, онъ искренно радовался, что политическія осложненія клонятся къ мирной развязкѣ: «подтверди мамѣ еще разъ, сказалъ онъ, какъ мнѣ пріятно узнать, что именно она поддерживаетъ миръ; мы не можемъ, мы не хотимъ воевать съ Англіей. Было бы безуміемъ думать о Константинополѣ и объ Индіи». Слезы были на его глазахъ, онъ казался такъ растроганъ, точно съ него сняли страшное бремя. И за Марію и ея мужа (герцога Эдинбургскаго, брата Алисы) ему было пріятно, что все опять уладится благополучно... Я, прибавляетъ Алиса—тутъ подумала о тебѣ—39 лѣтъ незавиднаго господства, и это за услуги, какія оказываешь своему отечеству и міру вообще въ такомъ затруднительномъ положеніи. Частнымъ людямъ, весьма естественно, живется лучше, наши привилегіи обусловлены болѣе обязательствами, нежели преимуществами, а ихъ непривилегированное положеніе—нисколько не лишеніе въ сравненіи съ неизмѣримой выгодой самому себѣ быть господиномъ и обращаться съ остальными людьми на равной ногѣ, имѣть возможность познавать людей и міръ, какъ они есть въ дѣйствительности, а не только какъ имъ хочется намъ показывать себя, намъ въ угоду». Два дня спустя Алиса приводитъ сказанную ей фразу князя Горчакова, «который казался не совсѣмъ въ духѣ»,—«я могу вамъ откровенно сказать, что я желалъ бы видѣть Англію великой, сильной, рѣшительной въ политикѣ, какъ то было при Каннингѣ и великихъ государственныхъ людяхъ Англіи, которыхъ я зналъ сорокъ лѣтъ назадъ. Россія велика и сильна, если бы и Англія была такой же, намъ не понадобилось бы обращать вниманіе на всѣхъ маленькихъ». Онъ сказалъ еще: «мы (т. е. англичане) дѣлали свою внѣшнюю политику и депеши для Синей книги и не показали никакой явно рѣшительной политики въ палатѣ общинъ и передъ свѣтомъ».

Интересуясь политикой, принцесса, обладавшая весьма многостороннимъ умомъ, любила науку и слѣдила особенно за успѣхами исторіи и современныхъ научныхъ вопросовъ. Ближе всѣхъ къ ней стоялъ знаменитый авторъ «Жизни Іисуса», Давидъ Штрауссъ. Принцесса сама пожелала познакомиться съ нимъ, когда онъ жилъ въ Дармштадтѣ (съ весны 1868 года по осень 1872 года). Осенью 1868 года, онъ былъ представленъ Алисѣ. Теперь явилась возможность возстановить то мѣсто, которое въ литературныхъ воспоминаніяхъ Штрауса, гдѣ идетъ рѣчь о встрѣчѣ съ принцессой, было выпущено въ 1877 году.

Вотъ разсказъ самого Штраусса: «Непривыкнувъ возвращаться въ кругу великихъ міра сего, я, однакожь, съ перваго же разу почувствовалъ какое-то довѣріе къ этой дамѣ. Дружеская натуральность въ обхожденіи, ясность пониманія, сглаживали всю мою неловкость». Визиты Штраусса повторялись и каждый разъ продолжительныя бесѣды были «источникомъ благодѣтельнаго оживленія для обѣихъ сторонъ». Штрауссъ занимался тогда изученіемъ Вольтера. «Все глубже читалъ я и вдумывался въ этого замѣчательнаго человѣка и его дѣятельность, но при этомъ я, все-таки, не хотѣлъ ничего о немъ писать и потому ни разу не выписалъ ни одной цитаты... Прекрасно, что я измѣнилъ своему рѣшенію. Я задумалъ писать — не для публики, но для моей дочери». Принцесса, узнавъ объ этомъ, упростила Штраусса прочесть ей о Вольтерѣ по рукописи. «Теперь, говоритъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, меня прельщала мысль непременно что нибудь написать о Вольтерѣ для принцессы». Предполагалось въ началѣ прослушать этюды Штраусса въ кругу избранной публики, но мужъ принцессы заболѣлъ дифтеритомъ и отъ такого плана пришлось отказаться. «Она пригласила меня къ себѣ, пишетъ Штрауссъ, если я не боюсь заразиться, и призналась мнѣ, что въ часы одиночества ей было бы очень лестно прослушать мои лекціи о Вольтерѣ. Я охотно согласился». Въ теченіе семи часовъ былъ прочитанъ манускриптъ. Штрауссъ намѣревался даже посвятить принцессѣ свою книгу о Вольтерѣ, но принцесса отказалась изъ скромности. Тогда авторъ предложилъ ей единственный личный экземпляръ съ посвященіемъ.

Изъ искусствъ она занималась съ любовью живописью и музыкой. Въ обѣихъ она далеко превосходила даровитыхъ диллетантовъ. Нравственные же интересы принцессы сосредоточивались на воспитаніи дѣтей. Алиса не переносила тѣхъ матерей, которыя вѣчно толкуютъ о собственныхъ дѣтяхъ. Она считала за лучшее по меньше говорить, но по больше дѣлать. Письма, относящіяся къ этому предмету, весьма поучительны для матерей. Тутъ много правды, здравыхъ сужденій и свѣтлыхъ взглядовъ высказано на разныя стороны домашняго и общественнаго воспитанія.

Относительно свадьбы своего брата, герцога Эдинбургскаго съ великой княгиней Маріей Александровной, Алиса писала матери—королевы: «Навѣрно Мари должна глубоко чувствовать; покинуть столь нѣжную и любвеобильную мать (покойную императрицу) представляется почти несправедливымъ. Какъ непонятна эта сторона природы—всѣхъ, кого любишь наиболѣе, кого знаешь наиболѣе, кому всѣмъ обязанъ, покидать изъ-за одного и, сравнительно, неизвѣстнаго! Жребій родителей, дѣйствительно, жестокій и требуетъ столько самоотреченія». Принцесса не разъ встрѣчалась съ покойной императрицей, ежегодно проводившей лѣто въ Ингенгейнѣ.

Алиса хвалитъ въ ней нѣжную любовь къ дѣтямъ и глубокую религіозность.

Въ числѣ послѣднихъ писемъ великой герцогини есть одно— къ новому воспитателю наслѣдника великаго герцогства; здѣсь она говоритъ, какъ бы она желала воспитать сына. Онъ долженъ быть «благороднымъ человѣкомъ въ полномъ смыслѣ слова, безъ чванства принца, рѣшительнымъ, не эгоистичнымъ, отзывчивымъ на добрыя дѣла, съ такими качествами, которыя англійское воспитаніе стремится развить прежде всего сознаниемъ долга, чувствомъ чести и любовью къ истинѣ, уваженіемъ къ Богу и закону. Только эти качества дѣлаютъ человѣка истинно-свободнымъ». Такимъ образцемъ благороднаго человѣка былъ для нея отецъ, такими же она хотѣла видѣть своихъ дѣтей, требуя отъ правителей, чтобъ они являли міру примѣръ добродѣтели. Съ этой мыслью, вспоминая отца на смертномъ одрѣ, скончалась Алиса, отъ заразы дифтеритомъ во время ухода за больной дочерью, 14-го декабря 1878 года, оставивъ по себѣ свѣтлую память, какъ о правительницѣ — образцѣ добродѣтели.

Ф. Вулгаковъ.

ИНОСТРАННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ.

(L'AMI DES HOMMES OU TRAITÉ DE LA POPULATION, PAR LE MARQUIS DE MIRABEAU, AVEC UNE PRÉFACE ET UNE NOTICE BIOGRAPHIQUE PAR M. ROUXEL. PARIS. 1883).

Въ изысканіяхъ современной исторической критики очень замѣтно теперь стремленіе вызывать на строгій судъ тѣни знаменитыхъ покойниковъ, съ цѣлью кассировать установившійся надъ ними приговоръ исторіи. Отверженные оправдываются и возводятся на пьедесталъ; кумиры, напротивъ, ниспровергаются, какъ недостойные признательности потомства. Есть историки, которые всячески стараются оправдать императора Клавдія, есть и такіе, которые добродѣтельнаго Тита приравниваютъ къ Нерону. Чему вѣрить, не знаешь. Но такое направленіе представляетъ собою то преимущество, что имъ рѣшительно подрывается кредитъ легендарной исторіи и на мѣсто ея водружается свое знамя исторія чисто фактическая, безжалостно срывающая обманчивую маску съ кумировъ и идоловъ, поднимающая завѣсу, которой прикрывались до сихъ поръ ихъ темныя стороны.

Въ числѣ историческихъ лицъ, бывшихъ, такъ сказать, подъ сомнѣніемъ передъ судомъ безпристрастной исторіи, считается и маркизъ Мирабо, отецъ знаменитаго оратора. Его знаютъ вообще за человѣка дурнаго, въ своемъ родѣ Тартюфа, за тирана семьи его, въ своихъ сочиненіяхъ выставившаго на показъ лицемѣрную любовь къ человѣчеству. И вотъ, является де-Ломени, собираетъ документы, провѣряетъ ихъ и въ академическомъ трудѣ своемъ «Les Mirabeau» представляетъ Мирабо совсѣмъ инымъ, если и не

чуждымъ укоромъ, то, по крайней мѣрѣ, не такимъ очерненнымъ, какъ его изображали другіе. Въ сущности это, какъ оказывается, былъ человѣкъ искренній въ своихъ филантропическихъ стремленіяхъ, а въ семейныхъ отношеніяхъ являлся столько же палачомъ, сколько и жертвой своей жены и своего сына. Оставалось еще выяснитъ, какой онъ былъ писатель. Эту задачу взялся рѣшить Руксель въ вышеприведенномъ изданіи. Руксель напечаталъ одно изъ наиболѣе замѣчательныхъ его сочиненій, заглавіе котораго «Другъ людей» служило потомъ ироническимъ прозвищемъ маркиза, а въ предисловіи и біографической замѣткѣ авторъ знакомитъ съ карьерой, характеромъ и идеями маркиза.

Аристократическое происхожденіе Мирабо или, вѣрнѣе, Рикети, впоследствии принявшихъ фамилію собственника земель въ Бара, теперь подвержено большому сомнѣнію. Рикети были не больше, какъ незначительные торговцы въ Диньи, потомъ въ Марсели и только впоследствии получили титулъ маркизовъ. Любопытна нравственная фізіономія знаменитаго потомка такихъ маркизовъ, родомъ изъ Флоренціи. Отецъ оратора всю жизнь дѣлалъ мечту положить начало знатному роду и трудиться для своихъ потомковъ. Эта «postéromanie», какъ онъ называлъ свою химеру, привела его ко многимъ ошибкамъ въ жизни, была поводомъ къ его нелѣпому браку, къ сумасбродному расширенію своихъ владѣній, къ семейнымъ ссорамъ. Едва ли кто другой въ дореволюціонной Франціи былъ пропитанъ въ такой степени феодализмомъ, и въ то же время былъ однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ новаторовъ, когда революція пробивала себѣ дорогу. Маркизь Мирабо занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду писателей и мыслителей, подготовившихъ разрушеніе вѣковаго режима, которому сами они такъ глубоко и такъ суевѣрно поклонялись. Проповѣдуя революцію, отецъ въ своихъ сочиненіяхъ, сынъ съ ораторской трибуны, эти надменные Мирабо, въ исторіи Франціи стяжали себѣ знаменитость совсѣмъ не ту, къ какой, повидимому, стремились, импонируя своимъ богатствомъ и своимъ сеньорствомъ.

Этотъ контрастъ, этотъ двуликій Янусъ, взвизгивающій на разложеніе прошедшаго и замѣчающій зарю новыхъ временъ, вполне отражается и въ «Ami des hommes». Тутъ явно его различіе отъ Кеня и школы «фізіократовъ». Не слѣдуетъ забывать, что сочиненіе маркиза появилось въ 1756 году. Восемь лѣтъ раньше Монтескье издалъ «l'Esprit de lois», въ сердечныхъ изліяніяхъ Руссо уже слышалось предвѣстіе приближающейся бури, Вольтеръ уже твердо держалъ свой камертонъ въ хорѣ молодѣющаго общества, «Энциклопедія» водрузила знамя свободы, со всѣхъ сторонъ трактовались важнѣйшія изъ социальныхъ проблеммъ, всюду только и слышалось, что о коренной перестройкѣ стараго зданія и объ упрощеніи счастья человѣчества на твердыхъ основахъ философіи, вза-

мѣня хаоса злоупотребленій и произвола. Въ такой-то средѣ созрѣло сочиненіе маркиза Мирабо. Маркизъ писалъ какъ-то своей пріятельницѣ, графинѣ Рошфоръ: «я люблю народъ и люблю людей, я знаю, на сколько они стали бы лучше, если бы жили счастливѣе; я видѣлъ средства простыя сдѣлать ихъ таковыми»... Руксель вполне резонно поставилъ эти строки въ видѣ эпиграфа къ книгѣ. Въ нихъ обрисовывается и авторъ, и время его.

«*Ami des hommes*» имѣла огромный успѣхъ, какой имѣютъ обыкновенно книги, въ которыхъ громко высказано то, что чувствуетъ и думаетъ масса умовъ. Въ этомъ, мѣстами краснорѣчивомъ, панегирикѣ земледѣлію чувствуется вліяніе «Георгикъ», видна любовь къ сельской жизни, охватившее общество, какъ бы въ противовѣсъ непрерывному «шуму городскому». Какимъ образомъ, спросятъ пожалуй, могла имѣть успѣхъ книга, озаглавленная «трактатъ о населеніи»? Но надо вспомнить, что экономическая наука, въ тотъ періодъ своего зарожденія, имѣла претензіи не меньшія, чѣмъ философія въ античной Греціи; это была наука первая и верховная, наука по преимуществу, обнимавшая всѣ другія науки. Какъ «физиократы», такъ и Мирабо не ограничивали ея роль изученіемъ явленій и законовъ производства, распредѣленія и потребленія богатствъ. По ихъ мнѣнію, ничто изъ того, что такъ или иначе задѣваетъ государство, не должно быть имъ чуждо. Отсюда крайне политическій характеръ ихъ системъ и ихъ сочиненій; отсюда объясняется и интересъ современниковъ къ «*Ami des hommes*». Для насъ этотъ интересъ, разумѣется, значительно ослабѣлъ, и книга маркиза Мирабо поучительна для насъ развѣ въ томъ отношеніи, что по ней можно судить, какъ быстро старѣютъ чисто доктринерскія сочиненія. Слѣпое поклоненіе принципамъ, очевидно, не возмѣщаетъ пренебреженія фактами. Большинство прорицаній и размышленій «Друга людей» кажутся теперь общими мѣстами. И отъ этого «Друга» остался только монтеневскій стиль съ замѣтнымъ отгѣнкомъ оригинальной личности автора, подвижной, дѣятельной, энергической, смѣлой, пылкой, неисчерпаемой въ импровизаціяхъ.

В. Г. К.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Сочиненія Д. И. Иловайскаго. Москва, 1884 г.

ИМЯ СВОЕ, какъ имя ученаго историка, г. Иловайскій, такъ сказать, поставилъ въ предверіи нашей отечественной исторіи вслѣдствіе отрицанія имъ норманской теоріи. Съ высказанными имъ на счетъ этого мнѣніями, какъ равно и съ приводимыми имъ въ этомъ случаѣ доказательствами, можно и соглашаться и нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, разработка вопроса о варягахъ, съ новымъ на него воззрѣніемъ, составляетъ серьезную заслугу г. Иловайскаго. Впрочемъ, въ настоящей нашей замѣткѣ о трудахъ этого рода и о полемическихъ приемахъ почтеннаго автора, мы говорить не будемъ, такъ какъ приходится теперь вести рѣчь о такихъ его произведеніяхъ, въ которыхъ нѣтъ никакихъ споровъ, а въ которыхъ онъ является только историкомъ-повѣствователемъ. Сочиненія эти озаглавлены: а) Исторія Рязанскаго княжества; б) Екатерина Романовна Дашкова, и в) графъ Яковъ Сиверсъ.

Пространство, которое занимало Рязанское княжество, не будучи средоточіемъ государственной жизни древней Руси, было, однако, въ его исторіи замѣчательною мѣстностью какъ по относительному своему могуществу, сравнительно съ прочими русскими княжествами, такъ и по соперничеству съ великимъ княжествомъ Московскимъ, въ ту пору, когда оно стало главенствовать въ Восточной Руси. Кромѣ того, и этнографическій составъ его населенія представляетъ одну изъ историческихъ задачъ, до сихъ поръ еще весьма мало затронутыхъ нашими историками. Съ своей стороны, г. Иловайскій, занявшись разработкою исторіи княжества Рязанскаго, имѣлъ въ виду, во-первыхъ, привести въ извѣстность и дать единство фактамъ, до сихъ поръ разрозненнымъ и отрывочнымъ; во-вторыхъ, указать на самыя важныя эпохи, которыя переживало это княжество; и, въ-третьихъ, по возможности, проникнуть въ его внутренній бытъ. «Хотѣлось бы, говорить

г. Иловайскій, дать болѣе мѣста бытовой сторонѣ и остановиться на духовной жизни народа, но здѣсь историкъ встрѣтитъ сильныя затрудненія, по крайней скудости источниковъ и по отсутствію предварительныхъ изслѣдованій. Отчетливое изображеніе древне-язанскаго быта, продолжаетъ г. Иловайскій, не возможно до тѣхъ поръ, пока не будутъ собраны и изданы въ значительномъ количествѣ мѣстныхъ преданія, пѣсни, повѣрія, остатки прежнихъ обычаевъ; пока русская археологія и филологія не приведутъ въ нѣвѣстность и не объяснятъ хотя наиболѣе замѣчательныхъ памятниковъ язанской письменности, а равно и памятниковъ искусства, принадлежащихъ Рязанскому краю».

По всей вѣроятности, не только самому г. Иловайскому, но и тѣмъ, которые захотятъ идти по его пути, т. е. воспользоваться чужою подготовительною работою по древнему Рязанскому краю, придется очень долго ждать такой вождѣльной поры, но, по нашему мнѣнію, и сами по себѣ труды, подобныя труду г. Иловайскаго, т. е. чисто-историческія изслѣдованія тѣхъ мѣстностей, которыя въ древней Руси составляли болѣе или менѣе замѣтныя политическія единицы, должны приносить пользу. Не смотря на разныя особенности того или другого края, въ общемъ ходѣ нашей исторіи есть много одинаковыхъ теченій, а при этомъ условія нѣкоторыя явленія, не достаточно уясняемыя общою исторіей Русской Земли, могутъ быть болѣе или менѣе удачно объяснены сходственными съ ними явленіями, замѣченными въ другихъ русскихъ областяхъ. Нельзя не сказать, что русская исторія удѣльной поры, до утверженія первенства Москвы въ сущности весьма однообразна, и читая изслѣдованія г. Иловайскаго, нужно придти къ тому заключенію, что стремленія Рязани въ сущности были тѣ же самыя, какъ и стремленія Москвы, и что еслибы Рязани посчастливилось такъ, какъ посчастливилось Москвѣ, то послѣдствія были бы одинаковы, т. е., что Рязань, какъ и Москва, могла бы сдѣлаться притягательною силой для мелкихъ княженій и явиться во главѣ Сѣверной Руси. Къ приобрѣтенію такого значенія, у Москвы не было болѣе преимуществъ и правъ, какъ у Рязани, и даже, можно сказать, что, по своему историческому значенію, Рязань имѣла въ этомъ случаѣ преимущество передъ Москвою. Мы говоримъ это въ особенности въ виду того, что Рязань представляетъ больше, чѣмъ Москва, важности въ развитіи русско-народной жизни потому, что древняя Рязань была какъ бы родоначальницею того отпрыска русской народности, которая такъ рѣзко проявилась въ казачествѣ. Русскій народно-политическій бытъ былъ, однако, очень слабъ самъ по себѣ, а потому московская государственность постоянно брала надъ нимъ верхъ, истребляя все то, что изъ него самостоятельно нарождалось. Уже Иванъ III писалъ къ рязанской княгинѣ Агрипинѣ, управлявшей рязанскимъ княжествомъ за малолѣтствомъ ея сына, такіе наказы, которые прямо обнаруживали стремленія Москвы замѣнить строгою государственностью тѣ порядки, которые установились на Рязани подъ влияніемъ старинныхъ русскихъ понятій и обычаевъ. Въ 1502 году, великій князь московскій такъ повелѣвалъ великой княгинѣ рязанской: «Твоимъ людямъ служилымъ, боярамъ и дѣтемъ боярскимъ и сельскимъ бытъ всѣмъ на моей службѣ, а торговымъ лучшимъ людямъ и середнимъ и чернымъ быти у тебя въ городѣ на Рязани. А слушаеша кто и пойдетъ самодурью на Донъ въ молдчество, ино бы ты, Аграфена, велѣла казнити, вдовьямъ, да женскимъ дѣломъ, не отпиралась. А по уму бабью не учнешь казнити, ино мнѣ ихъ

велѣти казнити и продавати, охочихъ на покупъ много». Такимъ образомъ, Москва хотѣла распространить, вопреки условіямъ народнаго быта, свою государственность, и на рязанское, еще независимое отъ нея княженіе, избирая для этого средство закрѣпленія на мѣстѣ и даже продажу вольныхъ людей людямъ охочимъ покупать ихъ.

Общіе выводы изъ изслѣдованія г. Иловайскаго представляются въ слѣдующемъ.

Во-первыхъ, городъ Рязань должно считать первоначально черниговскимъ поселеніемъ, основанномъ не на славянской, а на финской землѣ, которая въ ту пору не имѣла сплошнаго славянскаго населенія, и Рязанское княжество, какъ и княжество Суздальское, было обязано своимъ возникновеніемъ системѣ княжеской, а не народной колонизаціи.

Во-вторыхъ, въ половинѣ XII столѣтія, Рязань, вмѣстѣ съ Муромомъ, стала выдѣляться изъ черниговско-сѣверскаго удѣла, утверждаться за родомъ Ярослава Святославича и сдѣлалась метрополіею народовъ, расположенныхъ вверхъ по Окѣ до устья Лопасны и по Пронѣ. Славянскій же и вмѣстѣ съ тѣмъ христіанскій элементъ населенія сосредоточился въ центральной области Рязанскаго княжества, которая заключалась между Окою, Пронею и Осетромъ.

Въ третьихъ, изъ дальнѣйшихъ выводовъ г. Иловайскаго оказывается, что XII вѣкъ былъ временемъ борьбы Рязани съ Владиміромъ и что дробленіе рязанскаго княжества и происходившія въ немъ усобицы болѣе всего содѣйствовали перевѣсу надъ нимъ Суздаля. Въ XIV вѣкѣ началась борьба Рязанскаго княжества съ Москвою, но въ сущности борьба эта была продолженіемъ предшествовавшей ей борьбы съ Суздалемъ, при прежнихъ неблагоприятныхъ для Рязани условіяхъ ея внутренняго состоянія. Наибольшее значеніе Рязань получила при великомъ князѣ Олегѣ, стремившемся къ тому, чтобы изъ своего княжества создать такой центръ, около котораго могла бы собраться юго-восточная Русь. Осуществленію такого стремленія, по указаніямъ г. Иловайскаго, воспрепятствовали не только ходъ историческихъ событій, но еще и этнографическія условія. Послѣ Олега могущество Рязанскаго княжества поникло и политика Москвы такъ незамѣтно и такъ неизбежно подчинила его своей власти, что уничтоженіе его самостоятельности совершилось позже безъ всякой борьбы. Съ своей стороны г. Иловайскій находитъ, что Рязанское княжество, по образованности и по матеріальному благосостоянію, уступало московскому и тверскому и что главною тому причиною были невыгодныя не только географическія, но еще и этнографическія условія, вслѣдствіе недостатка безопасности и долгаго преобладанія финнотурецкаго элемента въ составѣ мѣстнаго населенія. Конечно, многимъ, не приобывшимъ къ этнографическимъ тонкостямъ, покажется страннымъ указаніе г. Иловайскаго на вліяніе какой бы то ни было «турской» примѣси въ коренной подмосковской русской области. Но безъ сомнѣнія г. Иловайскій, какъ свѣдущій этнографъ, открылъ тамъ такія черты быта и народности, которыя заставляютъ согласиться съ его мнѣніемъ тѣхъ, кто только поверхностно относится къ вопросамъ, имѣющимъ для себя исходную точку въ такой отдаленной древности, когда смѣшеніе племенъ составляло зачатокъ для дальнѣйшаго развитія исторіи европейскихъ народовъ, а въ числѣ ихъ и русскаго народа. Не смотря, однако, на продолжительное преобладаніе въ Рязанскомъ краѣ упомянутой племенной примѣси, г. Иловайскій находитъ, что въ фор-

махъ быта древне-рязанскій край мало отличался отъ другихъ русскихъ областей и что тамъ замѣтна большая свобода въ отношеніяхъ сословій между собою и меньшее развитіе централизаціи сравнительно съ московскимъ княжествомъ. Переводя эти замѣтки г. Иловайскаго о древнемъ бытѣ Рязанскаго княжества на современные намъ понятія и на нынѣшній русскій языкъ слѣдуетъ сказать, что Рязанское княжество, хотя и долго находившееся подъ преобладающимъ вліяніемъ финно-турецкаго элемента, было «либеральнѣе» Московскаго.

Слѣдующія ватѣмъ двѣ статьи, имѣющія одно общее заглавіе: «Два біографическихъ очерка изъ XVIII столѣтія» посвящены жизнеописаніямъ: первая княгини Екатерины Романовны Дашковой, а вторая—графа Якова Ефимовича Сиверса. Изслѣдованіемъ о Дашковой занимался г. Иловаискій во время порядочно уже отдалившееся отъ настоящей поры, такъ какъ изслѣдованіе это появилось въ первый разъ въ 1859 году. Съ того времени прибавилось, однако, не мало свѣдѣній, дополняющихъ и отгѣняющихъ историческое значеніе княгини Дашковой, но мы не можемъ сказать воспользовался ли этими свѣдѣніями г. Иловаискій или же статья его, написанная за 24 года тому назадъ, явилась въ первоначальномъ своемъ видѣ. Для этого слѣдовало бы произвести подробное сличеніе обоихъ ея изданій. На сколько же мы вообще могли замѣтить, то надобно сказать, что послѣднее предположеніе оказывается болѣе вѣрнымъ. Цѣль этого труда имѣвшаяся въ виду при первомъ его изданіи осталась и теперь та же самая, а именно: авторъ желалъ, по мѣрѣ силъ, способствовать знакомству публики съ замѣчательными личностями изъ русской исторіи XVIII столѣтія, серьезная разработка котораго только начиналась въ нашей исторіи. Если это послѣднее замѣчаніе было вѣрно въ 1859 году, то въ настоящее время оно оказывается нѣсколько запоздалымъ, такъ какъ прошлое столѣтіе сдѣлалось съ той поры предметомъ старательной и подробной разработки со стороны нашей исторической литературы. Главнымъ источникомъ для статьи г. Иловайскаго послужили собственныя «Записки» княгини. Личность ея, послѣ перваго появленія ея статьи, сдѣлалась уже на столько извѣстна читающей русской публикѣ, что теперь пересказъ статьи г. Иловайскаго, былъ бы дѣломъ совершенно излишнимъ, а дополнять ее нѣкоторыми упущенными авторомъ изъ виду частностями было бы не подходящей для рецензента работой. Разумѣется, что главнымъ событіемъ въ жизни княгини Дашковой было ея участіе въ переворотѣ, произшедшемъ 28-го іюня 1762 года. Теперь объ этомъ мы, конечно, знаемъ гораздо болѣе сравнительно съ тѣмъ, что могъ знать и напечатать о немъ г. Иловаискій въ 1859 году. Разныя относящіяся къ царствованію Петра III свѣдѣнія, заимствованныя изъ другихъ источниковъ, выяснили ходъ дѣла гораздо подробнѣе, нежели они могли быть изложены въ статьѣ г. Иловайскаго, но въ свое время статья г. Иловайскаго представляла не мало любопытнаго для русскихъ читателей, только что начинавшихъ знакомиться съ нашей отечественной исторіей за прошедшее столѣтіе, такъ что теперь статья эта оказывается собственно памятникомъ его первоначальныхъ историческихъ работъ и не имѣетъ уже приманки новизны. Но такъ какъ во всякомъ случаѣ написанная г. Иловаискимъ біографія княгини Дашковой представляетъ и до нынѣ единственный подробный и систематическій сводъ свѣдѣній объ этой личности, то вновь изданная теперь его статья можетъ быть пригодна для тѣхъ, кто не имѣлъ случая познакомиться съ нею раньше.

Въ заключеніи, авторъ не дѣлаетъ никакой общей оцѣнки политической дѣятельности своей героини, но, приводя нѣсколько пѣжныхъ строкъ изъ письма княгини къ любимицѣ ея миссъ Вильмонтъ,—пишетъ: «читая эти строки, начерченная дрожащею рукою и пропикнутая безвыходною грустью, невозможно отказать ихъ автору въ тепломъ искреннемъ участіи съ нашей стороны. Какъ жаль, добавляетъ г. Иловайскій,—что такая богато-одаренная личность не развилась подъ болѣе благотворнымъ вліяніемъ и въ болѣе свѣтлой атмосферѣ!» Такъ какъ г. Иловайскій и спустя почти четверть столѣтія не отказался отъ этихъ сочувственно написанныхъ имъ въ отношеніи Дашковой строкъ, то нельзя не обратить вниманія на постоянство почтеннаго автора особенно въ наше столь перемѣнчивое время, когда сегодня говорить о комъ нибудь одно, а завтра совершенно иное.

Несравненно менѣе замѣчательною и даже для большинства публики, мало занимающеюся исторіею, почти вовсе незамѣтною личностію является графъ Яковъ Сиверсъ, которому г. Иловайскій посвятилъ довольно объемистую статью, напечатанную имъ въ первый разъ въ 1865 году и, слѣдовательно, имѣющую за собою тоже достаточно почтенную литературную давность. Г. Иловайскій справедливо считалъ, да, конечно, и нынѣ считаетъ Якова Сиверса лицомъ, принадлежавшимъ къ числу наиболѣе извѣстныхъ дѣятелей екатерининской эпохи, при чемъ дѣятельность его, какъ говоритъ авторъ, была разнообразна и касалась многихъ важныхъ сторонъ нашего государственнаго быта. Но самый трудъ г. Иловайскаго о Сиверсѣ, на русскомъ языкѣ, былъ вызванъ трудомъ нѣмецкаго писателя Блума, издавшаго въ 1857—1858 году въ Гейдельбергѣ обширную монографію о Яковѣ Сиверсѣ, въ четырехъ томахъ. Блумъ былъ замѣчательно усидчивый работникъ и должно быть онъ чрезвычайно увлекся Яковымъ Сиверсомъ, если посвятилъ ему двадцать лѣтъ своей трудовой жизни, хотя — сказать по правдѣ — весьма сомнительно, чтобы онъ за этотъ подвигъ былъ вознагражденъ достаточнымъ числомъ любознательныхъ читателей, хотя бы даже изъ нѣмцевъ, а въ Россіи работа его, по всей вѣроятности, осталась бы и вовсе неизвѣстна, еслибы на нее не обратилъ — хотя и нѣсколько поздно — своего благосклоннаго вниманія г. Иловайскій и не познакомилъ съ нею русскую публику въ сокращенномъ видѣ. По мнѣнію г. Иловайскаго, права Сиверса на видное мѣсто въ нашей исторіи основаны собственно на двухъ сторонахъ его дѣятельности: во-первыхъ, на его семнадцати лѣтнемъ управленіи Новгородской губерніею и на участіи въ составленіи областныхъ учреждений при Екатеринѣ II и, во-вторыхъ, на его посольствѣ въ Польшу и на той роли, которую онъ игралъ при второмъ ея раздѣлѣ.

Иоакимъ и Карлъ, родные братья Сиверсы, дѣти шведскаго капитана и небогатаго лифляндскаго помѣщика, начали свою жизнь тѣмъ, что состояли въ числѣ домашней прислуги богатаго лифляндскаго ландрата барона фонъ-Тизенгаузена, при чемъ старшій изъ нихъ былъ управляющимъ, а другой — камердинеромъ барона. Этотъ послѣдній, не поладивъ съ барономъ, отошелъ отъ него и отправился искать счастья въ Петербургѣ, гдѣ и пробылъ сперва форрейторомъ, затѣмъ буфетчикомъ при дворѣ Елизаветы, а потомъ, быстро возвышаясь и исполняя сначала частныя порученія Елизаветы, а впослѣдствіи и дипломатическія, достигъ наконецъ званія оберъ-гофмаршала. Онъ и взялъ въ Петербургъ на свое попеченіе племянника, своего старшаго брата, Иоакима или Ефима — девятнадцатилѣтняго сына Якова Сиверса, нашедшаго

такимъ образомъ для себя сильную поддержку въ лицѣ своего дяди, получившаго отъ римско-нѣмецкаго императора сперва баронскій, а потомъ и графскій титулъ.

Подъ покровительствомъ своего дяди, сдѣлавшагося уже замѣтнымъ царедворцемъ, молодой Сиверсъ началъ удачно свою служебную карьеру, будучи причисленъ къ русскому посольству въ Копенгагенѣ, потомъ онъ пробылъ семь лѣтъ при посольствѣ въ Англіи, и тамъ закончилъ свое воспитаніе. Разумѣется, что для исторіи не представляетъ никакой важности житиѣ-бытѣ Сиверса въ Лондонѣ, гдѣ онъ, по недостатку денежныхъ средствъ, затруднялся и ходить въ театръ и имѣть учителя фехтованія и хорошо обѣдать, довольствуясь иногда, вмѣсто обѣда, только двумя пирожками, но само собою, что въ биографіи всѣ эти частности имѣютъ свою занимательность. Возвратившись изъ Англіи въ Россію, Сиверсъ, съ чиномъ премьеръ-майора, участвовалъ въ войнѣ съ Пруссіею и выйдя въ отставку генераль-маіоромъ, проживалъ въ имѣніи своего отца, когда представленный императрицѣ въ числѣ 30 кандидатовъ на губернаторскія мѣста, былъ назначенъ ею новгородскимъ губернаторомъ. Поданная имъ императрицѣ записка о состояніи новгородской губерніи, въ то время чрезвычайно обширной области, имѣетъ очень важное значеніе для исторіи нашего мѣстнаго управленія, такъ какъ записка эта весьма наглядно обрисовываетъ то печальное состояніе, въ какомъ находились наши губерніи и въ административномъ, и въ хозяйственномъ отношеніяхъ. Въ своей запискѣ, Сиверсъ предложилъ различныя мѣры для устраненія этихъ недостатковъ, и обратилъ вниманіе на всѣ отрасли губернскаго и провинціального управленія, а также на сухопутныя и водяныя пути. Замѣчательно, что сообщая императрицѣ о своихъ побѣздахъ по провинціямъ своей губерніи, Сиверсъ упоминалъ и описывалъ остатки древностей, тогда еще встрѣчавшихся въ этихъ мѣстахъ.

Въ изданной нынѣ снова биографіи Сиверса, г. Иловайскій не довелъ ее до конца и описалъ дѣятельность Сиверса въ Польшѣ въ особой монографіи, напечатанной нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ».

Хотя при составленіи жизнеописанія Сиверса основнымъ источникомъ служило для г. Иловайскаго вышеупомянутое сочиненіе Блума, но тѣмъ не менѣе нѣтъ смѣлокъ видно, что г. Иловайскій пользовался при этомъ не только русскими извѣстными матеріалами, но и архивными документами.

К. Н. В.

Мининъ и Пожарскій. Прямые и Кривые въ Смутное время. Соч. Ивана Забѣлина. Москва 1883 г.

Въ исторіи очень немного есть такихъ явленій, которыя нашли себѣ уже въ наукѣ полное и окончательное опредѣленіе разъ навсегда, какъ совершенно истинное и непреложное, такъ что для новыхъ провѣрокъ и переислѣдованій тутъ уже не за что зацѣпиться.

Исторія, какъ наука, далека отъ философской опредѣлительности точныхъ наукъ. То, что вчера еще признавалось въ ней истиной, сегодня—подвергается сомнѣнію, а завтра и вовсе отвергается, замѣщаясь новыми открытіями, которыя, быть можетъ, недолгѣ постигнетъ такая-же участь. Въ своихъ выводахъ, исторія есть, въ сущности, рядъ однихъ предположеній и

гаданій различной степени вѣроятности. Самое ея изученіе и развитіе заключается, главнымъ образомъ, въ непрерывной критической провѣркѣ прежнихъ выводовъ и замѣнѣ ихъ болѣе вѣроятными, болѣе приближающимися къ истинѣ. Безъ сомнѣнія, помощью этой работы, при постепенно увеличивающемся количествѣ матеріаловъ и усовершенствованіи методовъ ихъ изслѣдованія, степень правдоподобія историческихъ выводовъ день ото дня повышается. Но историкъ—не безстрастный естествоиспытатель, руководимый однимъ лишь холоднымъ анализомъ, чистымъ отъ всякой предвзятости, отъ всякой окраски стеколь въ микроскопѣ. Историкъ прежде всего сынъ своей эпохи, подчиняющийся влиянію тѣхъ или другихъ волнующихъ ее умственныхъ и политическихъ теченій, и, по естественному порядку, съ ихъ точки зрѣнія отправляется и въ своей оцѣнкѣ, въ своемъ толкованіи историческихъ событій. Какъ-бы ни былъ свѣдущъ, остроуменъ и добросовѣстенъ историкъ,—печать его политическихъ симпатій и возрѣній неизбежно отразится на его работахъ и сообщаетъ имъ извѣстную окраску. Это тѣмъ болѣе, когда историкъ въ своихъ работахъ преднамѣренно задаетъ дидактическими или политическими цѣлями, отыскивая въ исторіи «уроковъ» и совѣтовъ для современниковъ, почерпая въ ней разъясненіе и оправданіе совершающихся въ дѣйствительности движеній и переворотовъ. Тутъ уже предвзятость и односторонность въ выборѣ и оцѣнѣ фактовъ, а также въ освѣщеніи всей картины—являются вещью вполне естественной и безпорной.

Такая, весьма распространенная въ настоящее время, утилизація исторіи, по требованіямъ «довлѣющей дневи злобѣ»,—дѣло, безъ сомнѣнія, хорошее и назидательное; но только нужно помнить, что, при этомъ, исторія теряетъ научную самостоятельность, да, въ строгомъ смыслѣ, она и вовсе перестаетъ быть здѣсь наукой, потому что наука прежде всего абстрактна и независима.

Въ нашей исторіи, особенно въ древнемъ ея періодѣ, вслѣдствіе скудости достовѣрныхъ источниковъ, многіе факты и личности отличаются, по выраженію г. Костомарова, «удобоподатливостью различнымъ толкованіямъ», вызываемымъ дѣятельностью воображенія и сердца. «Отсюда,—продолжаетъ онъ,—происходитъ вредное для исторической правды возведеніе въ апотеозу историческихъ дѣятелей, преувеличенія, направленіе въ одну извѣстную сторону изображаемыхъ событій, предпочтенія однихъ сказаній другимъ на томъ только основаніи, что первыя болѣе согласуются съ нашимъ чувствомъ, чѣмъ другія; ревнивое прилипаніе къ одному способу толкованія и безусловное устраненіе всякаго иного; наконецъ, обращеніе предположеній въ догматы»...

Извѣстно, что г. Костомаровъ, исходя изъ вышеприведеннаго взгляда, попытался низвести изъ «апотеозы» многихъ нашихъ историческихъ дѣятелей», и въ томъ числѣ героевъ смутнаго времени—Минина и Пожарскаго, въ томъ предположеніи, что тамъ, гдѣ народъ здоровъ, крѣпокъ и «имѣетъ право уповать на будущее», — тамъ «историки способны стать выше предразсудковъ и смотрѣть безпристрастно и трезво на прошедшее своего отечества», и наоборотъ — только въ дрябломъ, находящемся въ упадкѣ, обществѣ историки «уходятъ всѣмъ сердцемъ въ свое прошедшее и обращаются съ нимъ самымъ несдержаннымъ и пристрастнымъ способомъ».

Безъ сомнѣнія, во взглядѣ этомъ много основательнаго, но онъ напелъ себѣ теперь сильнаго противника, въ лицѣ г. Забѣлина, выше означенная

книжка котораго является критикой и апитезой отношенія г. Костомарова къ отечественному прошлому, вообще, и къ героямъ смутнаго времени, въ особености.

Г. Забѣлинъ возстаетъ противъ отрицательнаго отношенія къ родному прошлому. «Какъ извѣстно, — замѣчаетъ онъ съ горькой ироніей, — мы очень усердно только отрицаемъ и обличаемъ нашу исторію и о какихъ-либо характерахъ, идеалахъ не смѣемъ и помышлять. Идеальнаго въ своей исторіи мы не допускаемъ. Какіе у насъ были идеалы, а тѣмъ паче герои!»

Въ противоположность г. Костомарову, стремящемуся разжаловывать героевъ въ простые смертные и какъ-бы обнажать ихъ отъ «апотеозы», сотканной историками-апологистами, г. Забѣлинъ желаетъ ревниво охранить ихъ отъ такой вульгаризаціи и даже не прочь, повидимому, рукоплескать идеализаціи героевъ, хотя-бы и въ ущербъ точной исторической правды. Онъ очень остроумно различаетъ, въ этомъ случаѣ, двѣ правды: одну — такъ сказать, черновую, научную, въ которой все, и доброе и худое, можетъ идти въ строку; другую — художественную, патріотически воспитательную, задачей которой должно быть возвеличеніе славы народной, сооруженіе національнаго пантеона и наполненіе его «характерами-идеалами», въ очищенномъ, художественно отшлифованномъ видѣ, въ гордость и назиданіе потомству.

Въ оправданіе этой теоріи, онъ ссылается на классическихъ, римскихъ и греческихъ историковъ, которые-де «умѣли изображать въ своей исторіи лучшихъ передовыхъ своихъ дѣятелей не только въ исторической, но и въ поэтической правдѣ. Они умѣли, — продолжаетъ онъ, — различать золотую правду заслугъ героевъ отъ житейской лжи и грязи, въ которой каждый человѣкъ (слѣдовательно, и каждый герой) необходимо проживаетъ и всегда больше или меньше ею марается».

Такое отношеніе исторіи къ героямъ, такое художественное ихъ опозитивированіе г. Забѣлинъ — опять таки въ противоположность г. Костомарову — считаетъ характеристическимъ признакомъ здоровой, крѣпкой націи, имѣющей «право уповать на будущее». По его мнѣнію, безъ этого просто немыслима истинная «национальная исторія» и — только плохой, ничтожный народъ не имѣетъ въ своей исторіи ничего, чѣмъ-бы могъ гордиться, и, отсюда, не уважаетъ своего прошлаго. Далѣе, онъ настаиваетъ на своемъ взглядѣ, имѣя въ виду педагогическія цѣли: онъ находитъ необходимымъ воспитывать подрастающія поколѣнія на примѣрахъ доблести историческихъ «характеровъ-идеаловъ», на уваженіи отечественнаго прошлаго. Исторія-же отрицательная, развѣнчивающая героевъ, по его мнѣнію, не можетъ и воспитывать героевъ, дѣйствуя на юношескіе умы «гнетательно»... «Не за то-ли самое, — заключаетъ г. Забѣлинъ, — большинство русской образованности несетъ можетъ быть очень справедливый укоръ, что оно не имѣетъ почвы подъ собою, что не чувствуетъ въ себѣ своего историческаго національнаго сознанія, а потому и умственно, и нравственно носится попутными вѣтрами во всякую сторону».

Можетъ быть и такъ, но едва-ли виноваты въ этомъ одни лишь историки-скептики: они были-бы не въ силахъ развѣять «чувство своего историческаго сознанія» въ обществѣ, въ которомъ чувство это прочно коренилось-бы.

Впрочемъ, вдаваться въ разборъ теоріи г. Забѣлина мы не станемъ, хотя не можемъ не замѣтить, что въ ней, не взирая на ея односторонность, очень много дѣльнаго и основательнаго. Мы здѣсь хотѣли только показать, какъ еще мало устойчивости и опредѣлительности въ нашей исторической наукѣ даже въ основныхъ началахъ и по самымъ важнымъ, кореннымъ вопросамъ. Два современныхъ историка, одинаково компетентные и авторитетные, трактуя объ одномъ и томъ же вопросѣ, объ одной и той же эпохѣ и ея герояхъ, притомъ—эпохѣ самой великой и самой характеристической въ русской исторіи, исходятъ изъ совершенно разнорѣчивыхъ точекъ зрѣнія и приходятъ къ диаметрально-противуположнымъ выводамъ.

Явленіе это, безъ сомнѣнія, здоровое — признакъ бодрости мысли и живаго непрерывнаго развитія нашей исторической науки, но въ то же время означаетъ и крайнюю молодость этой науки. Быть можетъ, пора было бы отъ нея потребовать законченности и устойчивости въ опредѣленіи и оцѣнкѣ, по крайней мѣрѣ, въ принципѣ, въ основныхъ чертахъ: что-же такое, наконецъ, эти событія, хотя-бы на азбучный критерій добра и зла?.. До сихъ поръ въ нашей исторической литературѣ по этимъ вопросамъ происходила только непрерывная смѣна «апотеозъ» — развѣнчаніемъ, апологій — отрицаніемъ, разрушенія—созиданіемъ, и—обратно. Неудивительно, послѣ этого, и та шаткость и та смутность «историческаго національнаго сознанія» въ нашемъ обществѣ, на которыя указываетъ г. Забѣлинъ...

Настоящій пересмотръ г. Забѣлинымъ исторіи смутнаго времени, безъ сомнѣнія, увлечетъ за собой многихъ читателей и заставитъ ихъ отказаться отъ усвоеннаго ими, по костомаровской редакціи, отрицательнаго воззрѣнія на эту эпоху—потому что г. Забѣлинъ вѣрнымъ чутьемъ и весьма талантливо намѣтилъ ту крѣпкую, надежную историческую почву, въ области которой, и твердо стоя на ней, только и можно правильно судить о той великой эпохѣ, о ея «прямыхъ и кривыхъ» герояхъ.

Почва эта—земля, народъ. Положимъ, это теперь уже общее мѣсто, что въ освобожденіи Руси въ смутное время и въ водвореніи въ ней «правоваго порядка»—героемъ и творцомъ былъ русскій народъ; но, кажется, ни одинъ еще историкъ не изслѣдывалъ съ такой глубиной и съ такой, если можно такъ выразиться, пластичностью проявленія народнаго разума и народной воли въ этотъ великій историческій моментъ, какъ это дѣлаетъ г. Забѣлинъ. Кроме того, почтенный историкъ производитъ неотразимое обаяніе на читателя теплотою своего патріотическаго чувства и своей благородной вѣры въ историческую духовную мощь русскаго народа, русской Земли.

Исходя изъ такого отношенія къ вопросу, г. Забѣлинъ называетъ «прямыми» смутнаго времени истинныхъ представителей Земли, выразителей и исполнителей воли народной, а «кривые» у него тѣ, кто преслѣдовалъ либо дружинные, сословные, либо личные, демагогическія и своекорыстныя цѣли. «Кривыми» оказались въ ту пору бояре и служилые люди въ большинствѣ, «прямыми»—представители «сироты—народа», люди посадскіе.

Широкой, яркой кистью рисуетъ г. Забѣлинъ эти два лагеря, рельефнѣе чѣмъ когданибудь опредѣлившіеся въ тотъ достопамятный моментъ. «Дружинники» — бояре, искони стремясь «властвовать надъ Землею, а не служить Землѣ», въ смутное время бросились во все тяжкія для достиженія своей завѣтной цѣли. Вся боярская среда тогда, какъ говоритъ г. Забѣлинъ, «изогалась, перессорилась, потянула въ разные стороны; завела

себѣ особыхъ царей, ото иноземныхъ, ото доморощенныхъ, пресяѣдую лишь однѣ цѣли—захватъ власти, захватъ владѣнія».

Хозяина въ царствѣ не было, и въ то время, какъ «бояринъ подыскивался на царство, хотѣлъ быть царемъ»,—родовые дворяне, служилые люди и холопы, «всѣ искали и хватали себѣ побольше личнаго благополучія и вовсе забывали о томъ, что надо было всей Землѣ».

«Сирота-народъ долго стоялъ передъ домомъ покойника и все видѣлъ, и все слышалъ, что тамъ творилось, и прямо называлъ все это дѣло воровствомъ, а всѣхъ заводчиковъ смуты—ворами».

«И вотъ здѣсь-то, въ этотъ моментъ нашей исторіи, и представляется до крайности любопытное и наиздательное зрѣлище: спокойный, вѣчно страдающій и бѣдствующій сирота-народъ двинулся собраннымъ на свои послѣдніе деньги ополченіемъ усмирять буйство своего правительства; двинулся восстанавливать въ государствѣ тишину и спокойствіе, нарушенное не имъ, народомъ, а его правительствомъ, которое между тѣмъ всегда жаловалось на бунты и неповиновеніе народа-же: онъ пришелъ спасать, поднимать правительство, изнеможенное въ крамолахъ и смутахъ, запродавшее родную Землю въ иноѣрческія руки»...

Это народное движеніе было явленіемъ совершенно новымъ и особеннымъ, отсюда ясно, что и всѣ герои этого движенія должны быть иные люди, чѣмъ герои прежняго движенія».

Съ этой-то точки зрѣнія г. Забѣлинъ и оцѣниваетъ Минина и Пожарскаго, и, разумѣется, въ противоположность скептической оцѣнѣ ихъ г. Костомаровымъ, горячо и рѣшительно предъ ними преклоняется.

Онъ соглашается, что эти люди «на театральнѣйшій взглядъ вовсе незамѣчательны и даже не замѣтны». «Они не порывисты, а потому медлительны»... Но,—справедливо замѣчаетъ авторъ,—«такъ всегда бываетъ со всѣми, когда люди работаютъ не для себя, а для общаго дѣла, когда они впередъ выставляютъ не свою личность, а прежде всего это общее дѣло. Общее дѣло, которое несли на своихъ плечахъ наши герои, Мининъ и Пожарскій, совсѣмъ покрыло ихъ личности; изъ-за него ихъ вовсе не видно было, а они вовсе о томъ не думали—видно-ли ихъ, или не видно».

Это очень остроумное и вѣрное замѣчаніе. Далѣе г. Забѣлинъ, шагъ за шагомъ, критически провѣряя историческія свѣдѣнія о своихъ герояхъ и полемизируя неоступно съ г. Костомаровымъ относительно толкованія этихъ свѣдѣній и истиннаго пониманія личностей Минина и Пожарскаго, старается обълить послѣднихъ отъ всѣхъ упрековъ и порицаній. Пожарскій, почитаемый, обыкновенно, человѣкомъ ограниченнымъ и далеко не важнымъ полководцемъ, — является въ рисовкѣ г. Забѣлина, вполне отвѣчавшимъ высотѣ своего призванія, мужемъ разума, совѣта и воинской доблести. Такимъ же образомъ, жесткій практикъ, крутой нравомъ, властолюбивый и не совсѣмъ безупречный въ дѣлахъ денежныхъ, Мининъ, какъ его изобразилъ г. Костомаровъ, — на картинѣ г. Забѣлина выступаетъ неподкупно-чистымъ, вполне «излюбленнымъ» народомъ, самоотверженнымъ героемъ... Аргументируетъ себя въ этомъ случаѣ г. Забѣлинъ тѣмъ доводомъ, что будь Мининъ и Пожарскій иными людьми—народъ-бы и не избралъ ихъ въ исполнители своей воли и въ руководители своего великаго подвига.

О безошибочности народныхъ, «мірскихъ» выборовъ «излюбленныхъ» лю-

дей можно, конечно, спорить, какъ можно оспаривать и подробности апологической оцѣнки характеровъ Минина и Пожарскаго почтеннымъ авторомъ; но онъ правъ бесспорно, и по отношенію къ этимъ историческимъ личностямъ, и вообще, когда говорить, что у исторіи особая мѣра нравственной оцѣнки людскихъ дѣлъ и подвиговъ—«это мѣра достигаемаго тѣми дѣлами и подвигами всенароднаго (общечеловѣческаго) счастья, мѣра достигаемой не ложной, а истинной и всесторонней свободы для всѣхъ, для всего народа и для всего человѣческаго рода, ибо родовое, но отнюдь не видовое, не сословное, но всенародное общечеловѣческое счастье и свобода и составляютъ прямую, да и единственную цѣль общечеловѣческаго всенароднаго развитія».

«Кто служилъ и служить этой цѣли, тотъ самъ собою приобретаетъ въ исторіи славное великое имя спасителя и устроителя человѣческаго счастья; кто отбиваетъ народное развитіе отъ этой цѣли, тотъ самъ собою приобретаетъ въ исторіи заслуженное осужденіе и даже проклятіе потомства».

Это — прекрасныя слова, и, становясь на эту, единственно вѣрную и твердую въ исторической наукѣ, точку зрѣнія, мы, разумѣется, должны признать Минина и Пожарскаго несомнѣнными народными героями, незабвенными подвижниками блага, спасенія и историческаго развитія русской Земли!

Мих. Н—евичъ.

**Родъ Князей Зацѣпныхъ. Историческій романъ, соч. Шардина.
Два тома. Спб. 1883 г.**

Судьба русскаго историческаго романа довольно странная. Вызванный вліяніемъ гениальныхъ произведеній Вальтеръ-Скотта, онъ начался у насъ въ эпоху, далеко неблагоприятную для этого рода искусства. Сочувствіе къ старой русской жизни, подъ вліяніемъ западно-европейскаго образованія, было еще крайне слабо, изученіе нашей народности едва только начиналось, многія стороны и явленія нашей исторіи составляли предметъ невыясненный и спорный, количество обнародованныхъ письменныхъ памятниковъ, въ родѣ мемуаровъ и историческихъ записокъ, было скудно до крайности. Матеріаломъ для романиста, покушавшагося изобразить какую-нибудь, болѣе или менѣе отдаленную эпоху нашей общественной жизни, служила только исторія Карамзина да небольшое число другихъ историческихъ монографій. То, что англійскій романистъ видѣлъ наглядно въ массѣ сохранившихся и всѣмъ доступныхъ памятникахъ, у насъ нужно было внимательно изучать и даже угадывать. Вотъ почему русскій историческій романъ въ первую эпоху его существованія представляетъ не много капитальныхъ произведеній. Даже въ сочиненіяхъ такихъ даровитыхъ писателей, какъ Загоскинъ и Лажечниковъ, въ настоящее время видны крупныя недостатки, зависящіе преимущественно отъ бѣдности тогдашней исторической литературы. Только гениальной чуткости Пушкина и Гоголя удалось создать такія произведенія, какъ «Капитанская Дочка» и «Тарасъ Бульба», которыя составляютъ гордость нашей литературы и могутъ быть поставлены на ряду съ самыми лучшими романами Вальтеръ-Скотта. Между тѣмъ успѣхъ первыхъ, хотя не совершенныхъ, но замѣчательныхъ по своей новості сочиненій въ этомъ

родѣ, породилъ цѣлую толпу посредственныхъ и даже вовсе бездарныхъ писателей, которые увлеклись мнимой легкостью этого рода литературнаго труда и скоро успѣли его опошлить. Единственнымъ матеріаломъ для этихъ издѣлій служила исторія Карамзина: изъ нея брался обыкновенно какой-нибудь самъ по себѣ занимательный эпизодъ, къ нему приплеталась вымышленная интрига и обставлялась придуманными лицами. Это скоро совсѣмъ уронило историческій романъ и даже породило мнѣніе, будто это ложный родъ искусства. Онъ на нѣсколько лѣтъ совсѣмъ исчезъ изъ нашей литературы.

Новая эпоха для русскаго историческаго романа настала съ появленія сочиненія графа А. Толстого «Князь Серебрянный». Это было уже время гораздо болѣе благопріятное для такого рода литературы. Труды Забѣлина, Бѣляева, Костомарова и многихъ другихъ ученыхъ, пролили свѣтъ на темныя до тѣхъ поръ стороны нашей исторіи и стараго русскаго быта. Масса долго лежавшаго подъ спудомъ историческаго матеріала являлась въ многочисленныхъ томахъ «Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества»; множество мемуаровъ, записокъ и воспоминаній различныхъ лицъ о различныхъ эпохахъ нашей минувшей жизни вышло въ свѣтъ и отдѣльными изданіями, и въ книжкахъ спеціально посвященныхъ нашей старинѣ журналовъ: «Русскій Архивъ», «Древняя и Новая Россія», «Русская Старина», «Историческій Вѣстникъ». Все это представляло обильный матеріалъ для историческаго романа. Но здѣсь произошло новое странное явленіе. Какъ прежде скудость источниковъ, такъ теперь самое обиліе ихъ послужило ко вреду этого рода искусства. За весьма немногими исключениями, историческіе романы этого втораго современнаго намъ цикла болѣе или менѣе отступаютъ отъ прекраснаго образца Вальтеръ-Скотта, который имѣлъ въ виду постройку занимательнаго вымысла на исторической почвѣ и знакомство съ прошлой жизнію посредствомъ соединенія художественной фабулы съ картиною быта и нравовъ, присущихъ каждой эпохѣ. Въ нашихъ современныхъ историческихъ романахъ почти не существуетъ фабулы и все содержаніе ихъ состоитъ обыкновенно изъ разсказа какихъ-нибудь дѣйствительныхъ событій, почерпаемаго изъ историческихъ записокъ и мемуаровъ. Это болѣею частію не что иное, какъ простая компиляція готовыхъ матеріаловъ, слегка связанная подобіемъ какого-нибудь незатѣливаго вымысла. Понятно, что при такомъ упрощенномъ взглядѣ на значеніе историческаго романа, наши новые романисты должны были предпочитать такіа эпохи русскаго быта, для изображенія которыхъ представляется болѣе источниковъ въ изданныхъ мемуарахъ и воспоминаніяхъ. Этимъ и объясняется, почему XVIII вѣкъ сдѣлался излюбленнымъ временемъ для нашихъ современныхъ Вальтеръ-Скоттовъ. Обиліе матеріаловъ по этой эпохѣ, которая сама по себѣ представляетъ цѣлый рядъ занимательныхъ историческихъ происшествій и обширную галерею характерныхъ лицъ, ясно и живо изображенныхъ ихъ современниками въ многочисленныхъ запискахъ, извѣщаетъ нашихъ романистовъ отъ собственнаго творчества и даетъ имъ не только канву, но и значительно уже готовую на ней вышивку. Искусство писателя состоитъ при этомъ только въ умѣннѣ навязать отдѣльныя событія въ одну общую нить, пополнить нѣкоторые пробѣлы мелочными подробностями и къ числу взятыхъ цѣликомъ историческихъ лицъ прибавить нѣсколько вымышленныхъ. Конечно, этимъ искусствомъ не всѣ наши современные романисты

владѣютъ въ одинаковой степени. Если большинство ихъ можетъ быть названо только компиляторами, то у нѣкоторыхъ эти компилятивные романы не лишены своего рода интереса и даже литературныхъ достоинствъ.

Къ числу романовъ, построенныхъ по этой методѣ на событіяхъ русской общественной или, точнѣе сказать, государственной жизни, принадлежить печатавшееся въ одномъ изъ нашихъ литературныхъ журналовъ и теперь вышедшее отдѣльнымъ изданіемъ сочиненіе г. Шардина «Родъ Князей Зацѣпныхъ». Главный рассказъ автора обнимаетъ періодъ времени съ послѣдняго года царствованія императрицы Анны Иоанновны до восшествія на престолъ Елизаветы Петровны. Здѣсь подробно переданы по современнымъ запискамъ всѣ дворцовыя и государственныя событія, которыми сопровождалось регентство Бирона и Анны Леопольдовны и воцареніе дочери Петра Великаго, причѣмъ выведены всѣ не только главные, но и второстепенныя историческія лица, прямо или косвенно участвовавшія въ тогдашнихъ переворотахъ и подготовительныхъ къ нимъ интригахъ и заговорахъ. Это собственно не романъ, а хроника прошествій въ русской государственной жизни по взятому авторомъ періоду времени. Въ хроникѣ этой находите и казнь Волынскаго, и арестъ Бирона, и низверженіе правительницы Анны, и переворотъ, произведенный цесаревною Елизаветой; тутъ являются герцогъ и герцогиня Биронъ, Минихъ, Остерманъ, Лестокъ, Шетарди, князь Борисъ Куракинъ, Шуваловы Левенвольдъ, графъ Линаръ, Разумовскій, Шубинъ, статсъ-дамы, фрейлины, камергеры, придворныя шуты и проч. и проч. Это длинная галерея дѣйствительныхъ лицъ, хорошо знакомыхъ читателямъ историческихъ записокъ прошлаго столѣтія. При этомъ подробно описываются балы, обѣды и визиты въ высшемъ кругу тогдашняго петербургскаго общества, съ подробнымъ указаніемъ того, кто съ кѣмъ танцевалъ, въ какомъ порядкѣ сѣдѣли за столами, о чемъ говорили, кто какъ держался, въ чемъ былъ одѣтъ, какіе имѣлъ ордена, какъ убранъ былъ кабинетъ вельможи, какъ монтирована его столовая, какія подавались за обѣдомъ блюда. Чтобы показать, до какой степени утомительно слѣдить за множествомъ выведенныхъ въ хроникѣ лицъ, мы приведемъ рассказъ автора о томъ, какъ молодой князь Зацѣпинъ, возвратясь изъ Парижа въ Петербургъ, спѣшитъ показаться въ столичномъ обществѣ. «Первый его выѣздъ, пишетъ нашъ романистъ, былъ сдѣланъ къ Трубецкимъ, генераль-фельдмаршалу и генераль-прокурору. Дочь фельдмаршала Трубецкаго, принцесса гессенъ-гамбургская, тогда тоже уже жена фельдмаршала, влюбилась въ него съ разу и поддерживала такимъ образомъ его парижскую репутацію. Но ему нужно было не это, и онъ поѣхалъ къ генераль-прокурору. Тамъ его приняли какъ роднаго, какъ своего, и не стали скрывать своей ненависти къ нынѣшнему министерству, называя канцлера Бестужева не иначе, какъ креатурою Бирона. Отъ нихъ онъ заѣхалъ къ князю Куракину, оберъ-шталмейстеру. Князь сообщалъ ему всѣ обычаи новаго двора и очертилъ лицъ, окружающихъ императрицу. Андрей Васильевичъ хорошо зналъ и Воронцова, и Шуваловыхъ. Но когда Куракинъ началъ было говорить о Разумовскомъ, о его случаѣ, Зацѣпинъ перебилъ разговоръ... Слѣдующій день былъ посвященъ посѣщенію лицъ бывшаго двора цесаревны. Воронцовъ принялъ его весьма обязательно, Нарышкинъ даже съ чувствомъ. Онъ вспомнилъ его дядюшку, его вечера, его искусство жить. Шуваловъ тоже принял его, если не симпатично, то весьма вѣжливо. Заѣхалъ онъ и къ своему бывшему начальнику, Ушакову, и къ принцу гессенъ-

гомбургскому, на котораго было возложено тогда командованіе гвардіей, жена котораго, видѣвъ князя Андрея Васильевича у своего отца, прямо растаяла отъ нѣжности, и разумѣется какъ хозяйка засыпала своими любезностями... Какое понятіе, спросимъ мы, можетъ составить читатель объ упомянутыхъ здѣсь лицахъ по сухому перечню, лишенному всякихъ слѣдовъ искусства? Есть ли тутъ что-нибудь похожее на живопись или сценичность, какія требуются отъ романа, какъ произведенія поэтическаго? Между тѣмъ, сочиненіе г. Шардина обилуетъ подобными страницами. Но этаго мало. Въ этомъ такъ-называемомъ романѣ читатели найдутъ на цѣлыхъ десяткахъ страницъ обширныя разсужденія о крѣпостномъ правѣ, о трудѣ и капиталѣ, трактатъ изъ естественной исторіи о пчелахъ, о правахъ рабочихъ пчелъ и трутней, наконецъ, послужные списки военныхъ и гражданскихъ лицъ и перечень полученныхъ ими по разнымъ случаямъ наградъ. Вотъ, напримѣръ, разсказъ о милостяхъ, которыхъ удостоены были приверженцы Елизаветы Петровны велѣдъ за ея воцареніемъ. «Ближайшія лица ея двора, бывшіе камеръ-юнкеры Шуваловы, Воронцовъ и Разумовскій, были сдѣланы ея дѣйствительными камергерами. Одинъ изъ Шуваловыхъ, Александръ Ивановичъ, любимецъ цесаревны, былъ назначенъ начальникомъ тайной канцеляріи, вмѣсто ужаснаго Ушакова, который за усердіе и многія службы былъ назначенъ сенаторомъ, получилъ золотую цѣпь Андрея, а послѣ и графское достоинство... Генераль-аншефы Румянцевъ, Чернышевъ и Левашевъ, и дѣйствительный тайный совѣтникъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ получили андреевскія ленты, а графъ Головинъ, князь Куракинъ, какъ имѣвшіе уже этотъ орденъ, вмѣстѣ съ Ушаковымъ, получили золотыя цѣпи, высшій знакъ кавалеровъ Андрея Первозваннаго. Михаилъ Петровичъ Бестужевъ былъ сдѣланъ оберъ-гофмаршаломъ... Лестокъ былъ назначенъ первымъ лейбъ-медикомъ двора ея величества и собственнымъ докторомъ государыни, произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, сдѣланъ управляющимъ всею медицинскою частью имперіи, съ огромнымъ по тому времени содержаніемъ 7000 р., кромѣ разныхъ акциденцій. На уплату долговъ ему была дана значительная сумма, пожаловано имѣніе, а вскорѣ дано и графское достоинство»... И подобными этому перечню страницами уснащается все обширное сочиненіе г. Шардина. Предоставляемъ самымъ читателямъ судить, на сколько это умѣстно въ романѣ.

Но вѣдъ должна же при этомъ быть въ сочиненіи какая-нибудь интрига, по мимо чисто-историческихъ фактовъ, разсужденій о пчелахъ и послужныхъ списковъ? Есть же въ немъ что-нибудь такое, почему авторъ позволилъ себѣ назвать его романомъ? Вотъ въ короткихъ словахъ та нить, которою г. Шардинъ старался связать всю массу взятаго имъ матеріала. Въ одномъ отдаленномъ углу Россіи, на берегахъ рѣки Ветлуги, въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка жилъ помѣщикъ Зацѣпинъ, принадлежавшій къ одному изъ древнѣйшихъ родовъ нашего отечества. Зацѣпины происходили, изволите видѣть, прямо отъ Рюрика, были долго удѣльными князьями, считали себя выше великихъ князей московскихъ, гордились своимъ родомъ и думали, что «нѣтъ на Руси, да и въ цѣломъ мірѣ имени, которое могло бы равняться съ нимъ». Не велики были ихъ владѣнія, но велика родовая гордость. Не смотря на то, что историческій ходъ русской жизни не позволилъ имъ верстаться съ возростающею силою и властью Москвы, они не думали подчиняться ей, и даже въ то время, когда великій князь Иванъ Васильевичъ

стать собирать разрозненные части Руси, Зацѣпны уступили ему свой удѣлъ на условіи сохраненія имъ нѣкоторыхъ владѣльческихъ правъ. Но принужденные отказаться отъ независимости, они не теряли убѣжденія, что рано или поздно снова пріобрѣтутъ ее и будутъ такими же властными князьями, какими были ихъ предки Ярославъ Мудрый и Владиміръ Мономахъ. Живя въ своей глуши, держась постоянно старыхъ обычаевъ, чуждаясь государственной службы и образованія, они не оставляли своей безумной надежды и въ то время, когда могучая рука Петра Великаго начала привлекать къ дѣятельности людей изъ самыхъ темныхъ трущобъ Россіи. Только послѣ того, какъ одного изъ князей Зацѣпныхъ грозный государь послалъ учиться за-границу, а другой долженъ былъ невольно протянуть долгую служебную лямку, послѣдній понялъ, что возвратить силу захудалому роду можно не упорной оппозиціей правительству, а службою ему и умѣньемъ составить карьеру при дворѣ. Додумавшись до такой простой мысли, князь Василій Дмитріевичъ Зацѣпнъ посылаетъ своего молодого сына Андрея въ Петербургъ къ дядѣ его, которой послѣ науки за-границей и успѣховъ въ Парижѣ, занялъ видное положеніе и велъ роскошную жизнь въ столицѣ. Романъ начинается съ пріѣзда въ Петербургъ молодого князя Андрея Васильевича Зацѣпина, который, и есть главный герой въ сочиненіи г. Шардина. Превращеніе этого дикаря въ столичнаго петиметра, начало его успѣховъ въ свѣтѣ, потомъ поѣздка въ Парижъ, окончаніе свѣтскаго воспитанія въ его модныхъ салонахъ, возвращеніе въ Россію, блестящее появленіе при дворѣ только что вступившей на престолъ императрицы Елизаветы Петровны, наконецъ опала и уединенная жизнь въ родовомъ селѣ, а затѣмъ неожиданная смерть отъ борьбы съ медвѣдемъ и посвященіе передъ кончиною въ схиму, вотъ что служить фабулой, скрѣпляющей длинную цѣль политическихъ событій взятой авторомъ эпохи. Какъ историческая сторона романа, такъ точно и эта вымышленная часть его отличается множествомъ утомительныхъ подробностей и вставныхъ эпизодовъ. Такъ, напримѣръ, въ формѣ рукописи монаха, повѣствующаго о родѣ Зацѣпныхъ, здѣсь помѣщена цѣлая лѣтопись событій въ Россіи, начиная съ Гостомысла и призванія новгородцами варяжскихъ князей. Въ разсказѣ, напоминающемъ то учебникъ исторіи, то книжку для дѣтскаго чтенія, авторъ передаетъ элементарныя свѣдѣнія объ Олегѣ, Святославѣ, Владимірѣ Святормъ, Ярославѣ, о происхожденіи удѣльной системы и нашествіи татаръ, объ Андрѣѣ Боголюбскомъ и Дмитріи Донскомъ и т. д. Въ какой степени исторически вѣрна эта зацѣпнская лѣтопись, читатели могутъ судить по разсказу о воинскомъ зрѣлищѣ, на которе великій князь владимірскаго Юрій Всеволодовичъ пригласилъ князей рязанскихъ, съ цѣлью показать имъ свою гвардію. Вотъ этотъ любопытный парадъ: «Только великіи князь съ князьями вышелъ, трубачи, сурминщики и литаврички своему князю славу заиграли. Пошли по рядамъ, видать—одинъ рядъ другаго бравѣе, одинъ другаго отважѣе,—красота просто! И одѣты они все особенно: въ переднихъ рядахъ шишаки, кольчуги и карамники, въ рукахъ копьа, а къ боку меча привѣшены. Второй рядъ безъ кольчуги, въ однихъ карамникахъ, зато сѣкеры и бердыши въ рукахъ; а въ задніе ряды силачи все подобраны, вмѣсто шишака медвѣжья шапка на головѣ и также карамники, а въ рукахъ палица съ желѣзнымъ обухомъ и желѣзнымъ наконечникомъ, да еще большой ножъ на желѣзномъ боку; посмотришь—страшно становится! Особый отрядъ стрѣлковъ и арбалетчиковъ былъ съ луками, арбалетами и пища-

лями, изъ которыхъ стрѣлы и камень бросали, да еще челоуѣкъ съ десятокъ было съ какими-то греческими самопалами. Когда великій князь обошелъ съ гостями своими по рядамъ, его дружина великокняжеская ему ура и славу прокричала. Юрій Всеволодовичъ велѣлъ ей проходитьъ передъ нимъ отрядами, по городамъ и волостямъ. И пошли они стройно, бойко, весело; съ шагу не сбивались, одинъ другому не мѣшали. Когда всѣ прошли, князь велѣлъ изъ луковъ, пищалей и арбалетовъ стрѣлять; попадали мѣтко. Не очень толстую дощечку стрѣлой на вылетъ пробивали». Такіе-то военные парады съ маневрами и стрѣльбою, по заявленію г. Шардина, происходили у насъ въ первой половинѣ XIII вѣка, передъ нашествіемъ Батюга. Можно-ли, спросимъ мы, вводить такимъ образомъ въ заблужденіе читателей, которые должны видѣть въ историческомъ романѣ жизненную правду не только въ дѣйствительныхъ событіяхъ, но и въ самомъ вымыслѣ.

Но г. Шардинъ не только извращаетъ нашу далекую старину въ измышленной имъ лѣтописи монаха, а съ такою же легкостью относится и къ рассказамъ о болѣе близкомъ къ намъ времени. Пользуясь записками иностранцевъ о событіяхъ въ Россіи и государственныхъ лицахъ прошлаго столѣтія, онъ относится къ этимъ источникамъ съ полнымъ довѣріемъ, безъ всякаго критическаго разбора, забывая то, что въ этихъ мемуарахъ много рассказовъ болѣе нежели сомнительныхъ. Конечно, романистъ не историкъ, и мы не имѣемъ права требовать отъ него строгой критики, но во всякомъ случаѣ, выводя историческое лицо, онъ долженъ поступать въ отношеніи къ нему осмотрительно, не допускать въ изображеніи его того, что навязано ему по легкомыслию иностранцами, а тѣмъ болѣе самому надѣлать его своими вымыслами. Романистъ можетъ создать свои вымышленныя лица какъ угодно, но дѣятелей историческихъ онъ обязанъ показывать въ такихъ чертахъ, какія несомнѣнно имъ принадлежали. Въ этомъ отношеніи г. Шардинъ также не безупреченъ. Извѣстно, напримѣръ, какое участіе принималъ Лестоуъ въ судьбѣ цесаревны Елизаветы и въ какихъ находился къ ней отношеніяхъ, но нельзя не усомниться въ возможности тѣхъ совѣтовъ и наставленій, которые въ разсматриваемомъ нами романѣ даетъ онъ великой княжнѣ, въ видахъ подѣйствовать на востановленіе ея здоровья и доставить ей развлеченіе. Если это и могло быть, то конечно не въ такой формѣ, какъ передаетъ авторъ. Едва-ли цесаревна, при всей довѣренности къ своему медику, могла повѣрять ему такіа задушевные мысли и чувства, которыя не всегда высказываются и духовнику.

Мы не стали бы распространяться о романѣ г. Шардина, еслибы въ немъ, при всѣхъ указанныхъ нами недостаткахъ въ общемъ планѣ и подробностяхъ, не было такихъ сторонъ, которыя заслуживаютъ вниманія по несомнѣннымъ достоинствамъ и обличаютъ дарованіе автора. Нѣкоторые отдѣльные эпизоды сочиненія, взятые сами по себѣ, обработаны очень удачно. Таковъ, напримѣръ, рассказъ о приѣмѣ и взаменѣ молодыхъ дворянъ Петромъ Великимъ передъ отправленіемъ ихъ въ ученіе за-границу. Еще съ большимъ искусствомъ написанъ эпизодъ, въ которомъ описывается пребываніе старшаго князя Зацѣпина во Франціи, житіе его въ парижской навигаторской школѣ, присутствіе на пышной свадьбѣ маркиза Куаньи, участіе въ морской битвѣ съ голландцами и наконецъ представленіе королю Людовику XIV послѣ побѣды. Все это передано въ картинныхъ сценахъ, полныхъ правды, живости и интереса. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы весь ро-

манъ былъ написанъ съ такимъ искусствомъ, какъ эти сцены, не страдалъ запутанностью плана, массою нагроможденныхъ лицъ, большею частію совсѣмъ ненужныхъ, и не утомлялъ мелочными подробностями, то онъ могъ бы быть цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу. Во всякомъ случаѣ его нельзя смѣшивать съ тѣми бездарными издѣліями, которыя въ такомъ обиліи фабрикуются въ наше время подъ видомъ историческихъ романовъ. Самый языкъ г. Шардина, особенно въ тѣхъ эпизодахъ сочиненія, на которые мы сейчасъ указали, обличаетъ человѣка, вполне владѣющаго литературнымъ перомъ.

А. М.

Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ф. М. Достоевскаго. Съ портретомъ Ф. М. Достоевскаго и приложениями. — С.-Петербургъ. 1883.

Появленіе весьма объемистаго тома «Биографія» Ф. М. Достоевскаго, во всякомъ случаѣ, представляетъ собою фактъ выдающійся. Наши замѣчательнѣйшіе писатели несчастливы на біографовъ, и обыкновенно только юбилеи заставляютъ литературу сказать о писателѣ хоть чтонибудь. Въдь о Пушкинѣ есть только работы Анненкова, да въ настоящее время начать трудъ г. Незеленова. Относительно Лермонтова существуютъ лишь статьи г. Висковатова, и только одному Гоголю пришлось, недолго послѣ смерти, ждать своего біографа, появившагося въ лицѣ Кулиша. Биографія Достоевскаго показываетъ, что за послѣднее время сдѣланъ крупный шагъ въ области историко-литературныхъ явленій, шагъ, выражающійся въ болѣе энергичномъ и своевременномъ подведеніи итоговъ дѣятельности нашихъ крупнѣйшихъ писателей. Десять лѣтъ тому назадъ, невозможно было бы появленіе обширнаго, въ 50 печатныхъ листовъ, тома, посвященнаго біографіи писателя, еще столь недавно сошедшаго въ могилу.

Отлагая до слѣдующей книжки нашего журнала обстоятельный отчетъ о вышедшей въ свѣтъ «Биографія» Достоевскаго, съ цѣлью сведенія къ возможно единому цѣлому всѣхъ данныхъ, освѣтляющихъ жизнь, характеръ литературную дѣятельность и общественное значеніе покойнаго писателя, мы дадимъ здѣсь лишь краткое обзорѣніе заключающагося въ ней матерьяла. Мы говоримъ матерьяла потому, что сырые историко-литературные факты занимаютъ гораздо больше половины объемистаго тома. Попытку обработать этотъ матерьялъ представляютъ двѣ статьи: О. Ф. Миллера, остановившаго свое вниманіе на первомъ періодѣ жизни покойнаго писателя, отъ самаго его рожденія до возвращенія изъ каторги и ссылки, и Н. Н. Стрехова, живописующаго передъ нами жизнь Ф. М. Достоевскаго въ періодъ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ и вплоть до самой его смерти. Оба вышеназванные авторы подошли къ своей задачѣ, взглянувъ на нее съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Профессоръ Миллеръ взялся за свое дѣло съ приемами историко-литературнаго изслѣдователя, подвергъ тщательной критикѣ собранный матерьялъ, не упустивъ изъ виду довольно многочисленныхъ автобіографическихъ данныхъ, извлеченныхъ имъ изъ сочиненій покойнаго романиста, и примѣненныхъ къ поясненію соответственныхъ моментовъ жизни Федора Михайловича. Такой приемъ, конечно, обусловилъ всестороннюю

обработку всего наличнаго биографическаго матерьяла. Весьма жаль, что для биографіи такого замѣчательнаго писателя, какимъ былъ Ф. М. Достоевскій, ничего не сдѣлали нѣкоторые собраты его по перу, стоявшіе близко къ Достоевскому чуть-ли не втеченіе всей его жизни, а, главное, видѣвшіе во-очію разцвѣтъ его литературной дѣятельности, злополучно совпавшій для него съ слишкомъ крутымъ поворотомъ въ его судьбѣ.

Что касается г. Страхова, то онъ взглянулъ на свою задачу совершенно иначе и далъ лишь довольно пространныя личныя воспоминанія о Ф. М. Достоевскомъ, съ которымъ онъ сблизился, участвуя своими трудами въ изданіи журналовъ «Время» и «Эпоха», и потому понятно, что онъ особенно серьезно остановился на изложеніи періода, всецѣло отданнаго братьями Достоевскими этимъ повреженнымъ изданіямъ, не упустивъ при этомъ случая обрисовать извѣстными красками и то бурное время шестидесятыхъ годовъ, среди котораго братьямъ Достоевскимъ пришлось со всемъ усердіемъ окунуться въ кипучую журнальную дѣятельность. Точно также для уясненія этой дѣятельности и ея задачъ весьма полезны и характерны напечатанныя въ приложеніи объявленія о подпискѣ на журналъ «Время» въ 62 и 63 годахъ, и на журналъ «Эпоха» въ 65 году, подробно излагающія направленіе журналовъ братьевъ Достоевскихъ.

По мѣрѣ приближенія къ послѣднимъ годамъ жизни покойнаго писателя, краски въ изложеніи г. Страхова блѣднѣютъ и факты изсякаютъ, такъ что, напримѣръ, онъ прямо отказывается подробно и безъ недомолвокъ говорить объ участіи Федора Михайловича въ журналѣ «Гражданинъ».

Но за всемъ тѣмъ сырой матерьялъ, предложенный въ разбираемомъ нами томѣ, несомнѣнно очень богатъ. Здѣсь, конечно, первое мѣсто занимаютъ многочисленныя письма Федора Михайловича къ его брату Мих. Достоевскому, съ которымъ его всю жизнь соединяла нѣжная и искренняя дружба. Достогаочный интересъ представляютъ также письма къ барону Врангелю для періода заграничной жизни Федора Михайловича, чрезвычайно важны письма къ А. Н. Майкову и Н. Н. Страхову, въ которыхъ особенно опредѣленно и ярко рисуется рѣзкій поворотъ въ убѣжденіяхъ покойнаго художника, поворотъ, вслѣдствіе котораго онъ, изъ автора «Мертваго дома» и редактора-издателя журнала «Время», превратился въ автора «Бѣсовъ» и «Братьевъ Карамазовыхъ».

Переписка, относящаяся къ концу 70-хъ годовъ и возникшая благодаря изданію Федоромъ Михайловичемъ его «Дневника», въ концѣ концовъ даетъ очень мало чисто-автобиографическихъ данныхъ, потому что, понятно, письма эти писались Достоевскимъ не для себя и не о себѣ, а для тѣхъ лицъ, кому они адресовались. Замѣтки изъ записной книжки могутъ быть съ пользою употреблены для сличенія и сопоставленія этихъ набросковъ съ ихъ окончательной отдѣлкой въ «Дневникѣ Писателя». Весьма интересно прослѣдить, что ройлось въ головѣ писателя, такъ страстно относившагося къ окружающей его дѣйствительности и что могло найти немедленное выраженіе въ печати, да еще при такихъ оригинальныхъ и благопріятныхъ (въ смыслѣ самостоятельности) условіяхъ, въ какія поставилъ себя покойный романистъ, принимая издание «Дневника».

Статья, подъ заглавіемъ «Участіе и поминки Ф. М. Достоевскаго въ славянскомъ благотворительномъ обществѣ», даетъ также довольно интересныя биографическія данныя, заключаая въ себѣ многія прочувствованныя рѣчи лицъ, болѣе или менѣе близкихъ къ покойному писателю.

Такимъ образомъ, вообще, томъ біографіи Ф. М. Достоевскаго чрезвычайно богатъ содержаніемъ и уясняетъ, до возможныхъ предѣловъ, умственный и нравственный обликъ покойнаго художника, со всѣмъ многообразіемъ его отзывчивой натуры, ярко отражавшей всѣ стороны человѣческой жизни и ніеогда не замыкавшейся въ узкія рамки извѣстныхъ взглядовъ и направленій.

А между тѣмъ съ точки зрѣнія этихъ послѣднихъ и можно черпать изъ вышесказаннаго богатаго матеріала именно тѣ данныя, которыя могутъ послужить для созданія такого или иного образа замѣчательнѣйшаго нашего художника, въ интересахъ тѣхъ или другихъ взглядовъ. Но задача спокойной и безпристрастной историко-литературной критики именно въ томъ и состоитъ, чтобы взять непреложные факты изъ жизни и дѣятельности писателя и примириться съ той картиной, которую они дадутъ сами по себѣ,—вообще отнестись къ поставленной задачѣ вполне объективно. Постараемся сдѣлать именно это въ обстоятельномъ по возможности обзорѣ жизни и дѣятельности покойнаго писателя, пользуясь для нашей цѣли матеріалами, предложенными его біографами.

Е. Г.

Сборникъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпуски 3-й и 4-й (изданіе комиссіи печатанія грамотъ и договоровъ). Москва 1883 г.

Этотъ сборникъ сталъ появляться съ 1880 года и уже обогатилъ историческую науку нѣсколькими очень любопытными и цѣнными данными. Въ вышедшемъ нынѣ объемистомъ томѣ, представляющемъ третій и четвертый выпуски, содержатся слѣдующія статьи: «Начало сношеній Россіи съ Турціею, послѣ Іоанна III», А. Неклюдова; «Московскій главный архивъ и его прежніе посѣтители» барона Ф. Болера; окончаніе пространнаго добросовѣстнаго литературнаго труда Уляницкаго (магистра международнаго права) «Дарданеллы, Босфоръ и Черное море въ XVIII вѣкѣ» (очерки дипломатической исторіи восточнаго вопроса); «Обозрѣніе бібліотеки московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ», И. Токмакова и «Каталогъ изданій комиссіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ состоящей при означенномъ архивѣ.» Статья г. Токмакова обстоятельно знакомитъ съ богатствами этой бібліотеки, состоящей нынѣ изъ 32,205 томовъ книгъ, рукописей, картъ и плановъ. Доступъ въ эту бібліотеку для занятій разрѣшается директоромъ архива.

Ислѣдованіе г. Неклюдова знакомитъ насъ съ первыми сношеніями русскаго государства съ султанами турецкими и съ первымъ русскимъ посольствомъ въ Константинополь. Изъ этого ислѣдованія видно, что начало сношеній Россіи съ Турціею, по завоеваніи турками Константинополя, отличалось мирнымъ и дружественнымъ характеромъ; что обоимъ государствамъ чужды были задуманные вперёдъ враждебные замыслы, напрямѣръ мысль со стороны царей московскихъ объ овладѣніи Константинополемъ; что причину этого дружественнаго расположенія слѣдуетъ видѣть въ политическихъ и торговыхъ расчетахъ Россіи и Турціи и что наконецъ послѣдствіемъ по-

добныхъ отношеній было установленіе правильныхъ обоюдныхъ сношеній, приче́мъ Порты признавала за московскими царями полную по отношенію къ себѣ равноправность и особенно дорожила дипломатическими сношеніями съ нами.

Первымъ русскимъ посломъ къ турецкому султану былъ отправленъ стольникъ Михаилъ Андреевичъ Плещеевъ, однимъ изъ предковъ котораго былъ св. Алексѣй, митрополитъ московскій, воспитатель Дмитрія Донского. Плещеевъ не согласился подчиниться разнымъ унижительнымъ церемоніямъ, установленнымъ при стамбульскомъ дворѣ для иностранныхъ посланниковъ, которыя переносили представители западныхъ европейскихъ державъ. Напримѣръ извѣстно, что посланникъ французскаго короля Лудовика XIV, Лагей, на первой же аудіенціи у великаго визиря былъ битъ по лицу, укушенъ и потомъ отозванъ по требованію всесильнаго министра, а въ концѣ XVI столѣтія великій визирь угрожалъ англійскому посланнику Гербону дать ему 1000 палокъ. Почетное положеніе, установившееся для русскихъ пословъ въ Стамбулѣ со временъ Плещеева, объясняется г. Неклюдовымъ тѣмъ, что великій князь московскій является въ глазахъ турокъ неограниченнымъ монархомъ своихъ подданныхъ, другомъ и покровителемъ единовѣрцевъ, побѣдителемъ или союзникомъ магометанъ Золотой и Крымской орды. Турки не знали Москвы наравнѣ съ западными народами, но они преувеличивали себѣ ея могущество вмѣсто того, чтобы уменьшать его; все, что было имъ доподлинно извѣстно, все что они видѣли и слышали, отзывалось чѣмъ-то знакомымъ, роднымъ, естественнымъ. Эта восточная гордость, неподвижность, важность, любовь къ пышности и великому почету, богатые подарки, привозимые послами, вмѣсто унижительныхъ просьбъ о субсидіяхъ (вплоть до самыхъ одеждъ и длинныхъ бородъ москвитянъ),—все это дѣлало ихъ въ глазахъ османлисовъ народомъ полноправнымъ, хорошими отношеніями съ которымъ можно и полезно было дорожить.

Вообще представители Россіи оказали европейской дипломатіи большія услуги тѣмъ, что заставили турокъ отказаться отъ многихъ своихъ невѣжливыхъ обычаевъ въ отношеніи къ иностраннымъ посламъ. Новѣйшую такую услугу оказалъ графъ Алексѣй Ѳеодоровичъ Орловъ; когда онъ пріѣхалъ въ первый разъ въ Константинополь въ эпоху заключенія Адрианопольскаго мира, то драгоманъ посольства сочли необходимымъ предупредить А. Ѳ. Орлова, что, по принятому этикету, великій визирь не встаетъ ни передъ драгоманами, ни даже передъ послами. Орловъ шутя отвѣтилъ, что визирь для него встанетъ, но драгоманъ спорили, насколько дозволяло почтительное отношеніе ихъ къ послу, такъ что дѣло едва не дошло до пари. Дѣйствительно, въ день аудіенціи, А. Ѳ. Орловъ вошелъ къ великому визирю съ отличавшею его вельможною осанкою (онъ былъ гигантскаго роста, плечистъ), прямо подошелъ къ дряхлому старнку, визирю, сидѣвшему, поджавши ноги, на подушкахъ, дружески протянулъ ему руку и, привѣтствуя его на турецкомъ языкѣ, такъ крѣпко сжалъ ему руку въ своей, что старикъ вскочилъ, какъ ужаленный, а затѣмъ А. Ѳ. Орловъ сталъ водить его, все держа за руку, по комнатѣ. Въ этой прогулкѣ прошла вся аудіенція. Съ тѣхъ поръ турецкій этикетъ былъ прогнанъ. Великій визирь встаетъ не только для пословъ, но и для посланниковъ.

П. У.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ.

Посмертное сочиненіе Дарвина.—Записки Камиллы Сельденъ о Генрихѣ Гейне.—Исторія древняго искусства.—Художественныя сокровища Италіи.—Иллюстрированныя путешествія.—Крестовые походы.—Словарь музыки.—Автобіографія Вебера.—Книга Морфиля о славянской литературѣ.—Древняя литература Исландіи.—Драма о царевичѣ Алексѣѣ.—Доисторическіе гелветы.—Реформація по документамъ Ватикана.—Индійцы въ Гвианѣ.—Биографія Шанзи.—Мицкевичъ въ Вильнѣ.—Письма Сигизмунда Красинскаго.

ВЪ КОНЦѢ прошлаго года вышло очень не много замѣчательныхъ изданій, такъ какъ въ эту эпоху появляются преимущественно иллюстрированныя и такъ называемыя рождественскія или роскошныя изданія для подарковъ. О громкихъ именахъ въ наукѣ и литературѣ напомнили только два сочиненія. Одно изъ нихъ принадлежитъ великому Дарвину и было прочтено его ученикомъ Романесомъ, въ лондонскомъ обществѣ Линнея. Оно составляетъ какъ бы научное, посмертное завѣщаніе ученаго. Предметъ этого сочиненія—умственное развитіе животныхъ. Дарвинъ хотѣлъ сначала присоединить это изслѣдованіе къ своей книгѣ, «О происхожденіи видовъ», но потомъ, не желая увеличивать объема книги, оставилъ свое намѣреніе. Подробнѣе всего авторъ изслѣдуетъ изумительный и таинственный инстинктъ птицъ, перелетающихъ, въ извѣстныхъ эпохи, огромныя пространства и широкія моря. Подобныя сложныя инстинкты возникаютъ вслѣдствіе приспособленія къ обстоятельствамъ, обусловливаемого борьбою за существованіе. Если инстинкты не совершенствуются, то родъ вымираетъ. Въ этомъ этюдѣ, написанномъ 30 лѣтъ тому назадъ, видно, что Дарвинъ оставался всегда вѣренъ своей идеѣ, что міръ созданъ не для наслажденій, а для борьбы. «Плодитесь и умножайтесь; сильныя должны жить, слабыя погибнуть» — вотъ главная мысль и этого сочиненія и всей жизни Дарвина.

— Мы говорили уже о недавно вышедшемъ сочиненіи Вейля, обнаруживающаго свои воспоминанія объ интимной жизни Генриха Гейне. Теперь вышла другая книга о томъ же самомъ предметѣ, написанная женщиною, горячо воспытою по томъ, какъ послѣднее утѣшеніе его жизни, послѣдній цвѣтокъ его осени. Имя ея Камилла Сельденъ. Родившись въ чешской Прагѣ, она сдѣлалась настоящею французженкой, составивъ себѣ имя во французской литературѣ изслѣдованіемъ «духа нашего вѣка», этюдомъ «объ умѣ женщины», біографіею императора Максимилиана, сочиненіемъ о Мендельсонѣ и вѣмецкой музыкѣ, романомъ «Даніель Влади» и переводомъ Гётева «Wahlverwandschaften». Теперь она въ руанскомъ лицей профессоромъ иностранныхъ языковъ. Книга ея, названная «Послѣдніе дни Генриха Гейне» (*Les derniers jours de Henri Heine*), передаетъ исторію послѣднихъ лѣтъ жизни поэта. Знакомство съ нимъ автора началось за годъ до смерти поэта, о которомъ Камилла, и черезъ 27 лѣтъ послѣ его смерти, вспоминаетъ съ глубокимъ чувствомъ. Почитательница поэта, она пріѣхала изъ Вѣны для того, чтобы ухаживать за нимъ въ его мучительной болѣзни, девять лѣтъ приковывавшей его къ постели и заставлявшей страдать невыносимо. «Я болѣнъ какъ собака, писалъ поэтъ, и борюсь съ болью и смертью, какъ кошка; жаль только, что кошки такъ живучи». И несмотря на свою болѣзнь, поэтъ сильно привязался къ молодой и красивой дѣвушкѣ, и она отвѣчала ему, усладивъ своею привязанностью и физическія страданія, и тяжесть его семейной жизни, подробно описанной Камиллою, которую Гейне называлъ своею мушкою (*Mouche*). Она защищаетъ его отъ упрековъ въ эгоизмѣ, наумляетъ энергію, съ которою онъ, несмотря на страшныя страданія, работаетъ не только на содержаніе семьи, но и на изящныя наряды жены. Любопытны приводимыя ею сужденія о писателяхъ его времени, и ихъ произведеніяхъ. Такъ, онъ терпѣть не могъ Жоржъ Занда, и своего соотечественника Шиллера; къ Виктору Гюго и Альфреду Мюссе питалъ антипатію, но преклонялся передъ Шекспиромъ. Камилла свидѣтельствуетъ также, что Гейне оставилъ свои мемуары, о существованіи которыхъ идетъ теперь споръ въ литературѣ.

— Изъ роскошныхъ рождественскихъ изданій замѣчательнъ первый выпускъ «Исторіи искусства въ древности» (*Geschichte der Kunst im Alterthum*). Въ полное изданіе войдутъ Египетъ, Ассирія, Персія, Малая Азія, Греція, Этрурія и Римъ. Теперь вышелъ только отдѣлъ, заключающій въ себѣ Египетъ, описанный Пичманномъ. Въ выпускѣ 600 рисунковъ, и между ними нѣсколько раскрашенныхъ. Книга составлена по послѣднимъ научнымъ изслѣдованіямъ и включаетъ въ себѣ, въ систематическомъ изложеніи, все, что относится до предмета, избраннаго авторомъ.

— Къ подобнымъ же иллюстрированнымъ изданіямъ принадлежитъ книга о художественныхъ сокровищахъ Италіи (*Die Kunstschatze Italiens*) въ географико-историческомъ обзорѣ Карла Лютцова. Изданіе это еще не окончено, хотя началось въ прошломъ году, но и теперь уже можно назвать его лучшимъ сочиненіемъ по этой части. Рисунки въ немъ принадлежатъ извѣстнымъ художникамъ и граверамъ и представляютъ не одни картины, статуи и вѣданія, но также бронзы, рѣзные работы, гербы, обои, матеріи и т. п. Текстъ представляетъ не сухое описаніе предметовъ, а очеркъ культурно-художественной жизни. Книга представляетъ не только роскошный альбомъ, но и серьезное научное изслѣдованіе, изложенное литературнымъ языкомъ.

— Извѣстный писатель Фридрихъ Гельвальдъ составилъ превосходное, всестороннее описаніе Соединенныхъ Штатовъ, подъ названіемъ «America in Wort und Bild», значеніе котораго увеличивается оригинальными иллюстраціями, приложенными къ тексту.

— Въ такомъ же родѣ Клейнпауль составилъ описаніе Рима — «Rom in Wort und Bild» и Неаполя съ его окрестностями — «Neapel und seine Umgebung». Последнее сочиненіе еще не окончено; въ немъ будетъ 150 рисунковъ. Въ описаніи Рима ихъ 47.

— Неокончено также замѣчательное сочиненіе Отто Генне «Крестовые походы и культура ихъ времени» (Die Kreuzzüge und die Cultur ihrer Zeit). До сихъ поръ вышло только описаніе перваго похода, очень живо очерченнаго и иллюстрированнаго Густавомъ Доре и нѣмецкими художниками. Особенно замѣчательны, конечно, рисунки Доре, строго выдержанные и въ которыхъ не замѣтно ни манерности, ни афектаціи, проскальзывающихъ иногда въ работѣ великаго художника, какъ напр. въ его «Orlando furioso».

— Въ Лондонѣ вышелъ «Словарь музыки и музыкантовъ» (A Dictionary of Music and Musicians) составленный Джоржемъ Грове, директоромъ королевской музыкальной коллегіи. Сотрудники его въ этомъ полезномъ и добросовѣстномъ изданіи — всѣ англійскіе знатоки музыки. Конечно, главное мѣсто въ біографіи музыкантовъ отведено англичанамъ, но и о музыкальныхъ дѣятеляхъ другихъ націй приведены довольно подробныя свѣдѣнія. Статьи по теоріи музыки отличаются полнымъ знаніемъ дѣла, по исторіи музыки — безпристрастіемъ. Изложеніе сжатое, но ясное и не сухое.

— Извѣстный нѣмецкій историкъ Георгъ Веберъ, вмѣстѣ съ первыми выпусками втораго изданія своей пятнадцатитомной «Общей всемірной исторіи» (Allgemeine Weltgeschichte) издалъ свою автобіографію подъ названіемъ «Моя жизнь, и ходъ образованія» (Mein Leben und Bildungsgang). Семидесятипятилѣтній историкъ рассказываетъ просто, безприязнательно, исторію своей жизни чуждой перипетій и волненій, но посвященной труду, наукѣ и изученію человѣчества. Простой рассказъ его о своей жизни оканчивается описаніемъ его 50-ти-лѣтняго юбилея, отпразднованнаго еще въ прошломъ году въ Гейдельбергѣ. Тогда же началось печатаніе и новаго изданія его исторіи, первые четыре тома которой посвящены древнимъ временамъ. Здѣсь переработанъ имъ въ особенности періодъ греческой исторіи и александринско-эллинической эпохи. Слѣдующіе четыре тома посвящены исторіи среднихъ вѣковъ, девятый томъ — исторіи народовъ при переходѣ изъ среднихъ вѣковъ къ новымъ временамъ, слѣдующіе два тома эпохъ реформаціи и религіозныхъ войнъ; двѣнадцатый томъ временамъ неограниченнаго господства монарховъ въ XVII и XVIII столѣтіи, тринадцатый революціи и, наконецъ, послѣдніе два тома исторіи XIX столѣтія.

— Извѣстный знатокъ славянской литературы В. Морфилль издалъ объ этомъ предметѣ книгу подъ названіемъ «Slavonic literature». Источникомъ для этого труда ему служили «Исторія славянскихъ литературъ» Пыпина и Спасовича на русскомъ языкѣ, «Архивъ славянской филологіи» Ягича, на нѣмецкомъ, и журналъ чешскаго музея на чешскомъ. Книга Морфилля пополняетъ недостатокъ сочиненій по этому предмету на англійскомъ языкѣ, гдѣ существуетъ только одно сочиненіе Робинсона, вышедшее въ 1850 году въ Нью-Йоркѣ. Морфилль начинаетъ съ классификаціи славянскихъ племенъ, къ которымъ онъ причисляетъ литовцевъ и леттовъ, хотя въ номенклатурѣ сла-

вянскихъ племень говоритъ только о русскихъ, полякахъ, болгарахъ, сербахъ и чехахъ, вендахъ, хорватахъ и древнихъ скиѣахъ. Въ главѣ о древней русской литературѣ, онъ разбираетъ былины, упоминая о переводахъ Рамбо, изслѣдованіяхъ Буслаева, Вольнера, Владиміра Стасова и др., говоритъ о Несторѣ, Остромирѣ, русскихъ паломникахъ, Слово о полку Игоря, «Русской Правдѣ», Домостроѣ, Котошихинѣ, Крыжаничѣ, Симеонѣ Полоцкомъ и др. Малороссійской и бѣлорусской литературѣ посвящена отдѣльная глава, въ которой говорится о казакахъ, сѣчѣ, думкахъ, гайдамакахъ, объ отсутствіи старинныхъ пѣсенъ въ литовской литературѣ. Слѣдующія главы посвящены краткимъ очеркамъ литературъ болгарской, сербской, хорватской, словенской, польской, оканчивающейся Скаргою и Стрыйковскимъ. Въ чешской литературѣ упоминается и о словакахъ. Къ вендской авторъ причисляетъ произведенія верхнихъ и нижнихъ лужичанъ въ Саксоніи и Пруссіи. Послѣдняя глава посвящена полабамъ, лютичамъ и бодричамъ. Въ ней говорится объ онѣмченіи балтійскихъ славянъ. Въ заключеніе приводится нѣсколько русскихъ пословицъ: изъ сборниковъ Снегирева и Даля, малороссійскихъ изъ Драгоманова, чешскихъ изъ Челяковского. Вообще, не смотря на незначительный объемъ (258 страницъ), очеркъ Морфилля даетъ точное понятіе о духѣ и главныхъ произведеніяхъ славянскихъ литературъ.

— По исторіи древнихъ литературъ вышло также на англійскомъ языкѣ, подъ общимъ названіемъ (*Corpus poetisum Boreale*) любопытное сочиненіе: «Поэзія стариннаго сѣвернаго языка, съ древнѣйшихъ временъ до XIII столѣтія» (*The poetry of the old Northern tongue from the earliest times to the thirteenth century*). Книга эта, только что появившаяся въ Оксфордѣ, имѣетъ большой интересъ и для Россіи, исторія которой начинается со сношеній съ скандинавскими народами. Многія изъ скандинавскихъ сагъ и преданій древняго сѣвера имѣютъ сходство со славянскими мифами. Сочиненіе это, по своему серьезному значенію, заслуживаетъ полного вниманія филологовъ и знатоковъ литературы.

— Нѣмецкій драматургъ Гейнрихъ Крузе напечаталъ пятиактную трагедію въ стихахъ «Алексѣй» (*Alexei*). Это исторія несчастнаго царевича, сына Петра I. Въ своей пьесѣ авторъ излагаетъ эту семейно-политическую драму, по историческимъ даннымъ; только, въ концѣ пьесы, царевича убиваютъ въ его тюрьмѣ тѣ же временники, приближенные царя, которые убѣдили его бѣжать изъ отечества. Меньшиковъ отдаетъ приказаніе совершить тайное убійство. Драма оканчивается тѣмъ, что Екатерина, у которой только что умеръ ея собственный сынъ, убѣждаетъ царя назначить наследникомъ престола—малолѣтняго сына царевича Алексѣя, что также несогласно съ исторіею. Въ драмѣ умираетъ также принцесса Шарлота—жена царевича. Діалогъ драмы довольно искусственный, и приближенные Петра ведутъ бесѣды даже о благотворномъ вліяніи на нихъ красотъ природы.

— Доисторическая археологія обогатилась важнымъ трудомъ доктора Гросса «Протогельветы» (*Les Protohelvètes*). Этотъ ученый, въ теченіи 12-ти лѣтъ, составилъ изъ раскопокъ на Невшатальскомъ и Бриенскомъ оверѣ рѣдкую коллекцію оружія, хозяйственныхъ инструментовъ и утвари, предметовъ украшеній доисторическихъ гельветовъ, и издавъ теперь ихъ описаніе съ фотографическимъ изображеніемъ 950 предметовъ. Между ними есть и такіе, которые могли придти только извнѣ, какъ янтарныя ожерелья—съ

Балтійскаго моря, нефритъ изъ Туркестана, хлоромелонитъ—черный камень съ желтыми полосками—изъ неизвѣстныхъ странъ Азіи, ядентъ—видоизмѣненіе полевого шпата изъ Бирмы. Колекція представляетъ эпоху свайныхъ или озерныхъ построекъ во всемъ ея послѣдовательномъ развитіи, начиная съ каменнаго періода и оканчивая бронзовымъ. Лучше всего свидѣтельствуесть объ этомъ развитіи постепенная отдѣлка гончарныхъ вещей. Къ этому періоду относятся остатки плетенокъ, цыновокъ, льняныхъ тканей, веретень съ сохранившимися на нихъ нитками, сѣти, гребни для расчесыванія шерсти. Въ бронзовомъ періодѣ являются остатки литейнаго и кузничнаго промысла, шорное и телѣжное производство. Тутъ же являются не одни топоры, долота и пожи, но щипцы, бритвы, шилья, даже гири для вѣсовъ и формы для отливки. Но всего полнѣе отдѣлъ украшеній: тутъ — пояса и пражки, застежки, браслеты, бусы, серьги, кольца, запонки необыкновенно тонкой работы. Всѣ теперешнія дикія и домашнія животныя, плоды и растенія существовали и въ ту эпоху. Черепа и костики протогелветовъ представляютъ всѣ черты вполне развитой, арабской расы, только ниже средняго роста. У нихъ были общія могилы и производилась трепанація (сверленіе черепа), какъ надъ живыми людьми, такъ и надъ трупами. Жили гелветы въ круглыхъ хижинахъ, построенныхъ на сваяхъ, семьями; въ хижинахъ хранились земледѣльскія орудія, жернова для молотбы хлѣба, ткацкій станокъ для пряденія льняного холста. Озерная эпоха копчилась за десять вѣковъ до Р. Х.

— Изъ многочисленной литературы, явившейся по поводу юбилея Лютера, одно изъ самыхъ любопытныхъ сочиненій вышло на латипскомъ языкѣ подъ названіемъ «Памятники Лютеровской реформаціи изъ тайнаго папскаго архива» (*Monumenta Reformationis Lutheranae ex tabularis S. Sedes secretis 1521—1525*). Собранныя Петромъ Баланомъ эта колекція ватиканскихъ документовъ бросаетъ, во многихъ отношеніяхъ, новый свѣтъ на эпоху реформаціи. Здѣсь помѣщена серія папскихъ писемъ, начинающая отъ Льва X (къ саксонскому электору) до Климента VII, писавшаго Нюрнбергскому сейму. Большая часть этихъ документовъ появляется первый разъ въ печати. Самые любопытныя бумаги принадлежатъ папскому легату Александру и написаны странною смѣсью итальянскаго языка съ латинскимъ; онѣ обрисовываютъ настроеніе германскаго народа при началѣ реформаціи. Особенно интересно описаніе прибытія Лютера «съ его дьявольскими глазами» въ Вормсъ и таинственное исчезновеніе его изъ этого города. Александръ утверждаетъ, что Лютеръ былъ схваченъ и увезенъ электоромъ саксонскимъ, хотя тотъ и отрицалъ это «*cum ogni juramento*». Въ документахъ видно также, какимъ огромнымъ вліяніемъ пользовались въ эту эпоху Ульрихъ фонъ-Гуттенъ и Францъ Сиккингенъ. Папскій легатъ вполне увѣряетъ, что движеніе, возбужденное Лютеромъ, будетъ скоро подавлено, стоять только «вмѣсто сожженія книгъ, приказать императору—сжечь подложныя лютеранъ и конфисковать ихъ имущества». Партія реформы и ея противники, своею нетерпимостью и ожесточенными преслѣдованіями другъ друга, только растравляли междоусобную вражду. Никто не хотѣлъ слѣдовать совѣту Эразма Роттердамскаго: «не слѣдуетъ никого заключать въ оковы; болѣе пользы приносить—укрощать духъ, нежели изнурять тѣло».

— Малоизвѣстная англійская Гвіана съ ея дикими обитателями, довольно подробно описана въ сочиненіи Эверарда Турна: «Между индійцами Гвіаны»

(Among the Indians of Guiana). Очерки эти имѣютъ преимущественно антропологическую цѣль, хотя авторъ изслѣдуетъ также фауну и флору страны и говоритъ о надписяхъ, высѣченныхъ на скалахъ; одѣ изъ нихъ, позднѣйшія—очевидно мексиканскаго происхожденія, другія, болѣе древнія, относятся неизвѣстно къ какой эпохѣ. Между туземцами Гвианы также рѣзко различаются двѣ, совершенно отдѣльныя расы: одна поздняго происхожденія изъ Вестъ-Индіи, другая, принадлежащая къ аборигенамъ и раздѣляющаяся на обитателей саваннъ, прибрежныхъ и внутреннихъ провинцій. Жрецы ихъ соединяютъ съ духовною властью и званіе лекарей, какъ наши шаманы. Картины природы художественно изображены авторомъ. Въ книгѣ превосходныя иллюстраціи.

— Артуръ Шюке издалъ замѣчательную біографію Шанзи (Le général Chanzy), слишкомъ рано умершаго и заслуги котораго еще не вполне оцѣнены его соотечественниками. Эпиграфомъ своего очерка авторъ взялъ стихъ Иліады: «Если чья рука могла спасти Пергамъ—это была его рука», и съ этимъ нельзя не согласиться. Шанзи былъ едвали не единственный даровитый генералъ, въ эпоху послѣдней борьбы Франціи съ Германіей. Но онъ слишкомъ поздно припять начальство надъ остатками войскъ, большая часть которыхъ была погублена или предана бездарными наполеоновскими маршалами. Ядромъ арміи Шанзи были молодые, неопытные въ военномъ дѣлѣ солдаты, только что вступившіе въ ряды ея для защиты родины. Справедливо сказалъ одинъ военный историкъ, что дѣла могли принять совершенно другой оборотъ, еслибы при началѣ войны, старыми солдатами командовалъ Шанзи, или еслибы, при концѣ войны, у него были старые солдаты. Съ этой точки зрѣнія смотреть на генерала и авторъ его біографіи, почти цѣлкомъ посвященной его военной дѣятельности. Опѣнкѣ его какъ губернатора Алжиріи и посланника при русскомъ дворѣ посвящено гораздо менѣе мѣста. Книга написана прекраснымъ языкомъ.

— Во Львовѣ вышла въ трехъ томахъ книга «Мицкевичъ въ Вильнѣ; его жизнь и поэзія», соч. Іосифа Третьяка. Это собраніе біографическихъ данныхъ изъ перваго періода жизни поэта до отъѣзда его изъ края. Объ этомъ трудѣ съ похвалою отзываются Одыпецъ, товарищъ и свидѣтель молодости Адама Мицкевича. Съ этой книгой мы подробнѣе познакомимъ читателей въ особой статьѣ.

— Во Львовѣ же вышелъ въ свѣтъ въ 1883 году, второй томъ Писемъ Сигизмунда Красинскаго, содержащій въ себѣ его переписку съ пріятелемъ, Адамомъ Солтаномъ. Первый томъ, вышедшій годъ назадъ, заключалъ въ себѣ письма къ Гащинскому и менѣе второго представлялъ данныхъ для изученія личной жизни Красинскаго и взглядовъ его на польскую жизнь послѣ возстанія 1830 года. Въ этомъ томѣ, между прочимъ, находятся имѣющія біографическій интересъ свѣдѣнія о разногласіяхъ Красинскаго съ отцомъ, съ которымъ онъ не сходился во взглядахъ на идеи тогдашняго патриотизма польскаго, на значеніе изгнанничества, какъ протеста противъ страданій отчизны, и т. п. Переживая душевныя страданія, внутреннюю борьбу, Красинскій хотя жилъ далеко отъ центра эмиграціи, Парижа, но не могъ не увлечься идеями мессіанизма, божественнаго посланничества Польши, которыя одно время были въ большомъ ходу, пока не поблѣднѣли передъ революціоннымъ движеніемъ второй половины сороковыхъ годовъ. Мечтанія о «воснесеніи духомъ и въ духѣ», о страданія Польши

за всѣ народы уступили мѣсто реальнымъ надеждамъ и предпріятіямъ. Красинскій въ своихъ письмахъ является врагомъ красной революціи. Аристократъ по происхожденію, онъ выражаетъ и соотвѣтствующіе политическіе взгляды. «Польша управлялась аристократіей, и безъ нея ничего быть не можетъ», такъ высказывается Красинскій въ письмахъ, хотя относится съ уваженіемъ и къ принципамъ противныхъ партій, только не слишкомъ крайнихъ. Онъ выражаетъ негодованіе, что пуждой и униженіемъ его соотечественниковъ «пользуются нѣмцы и жидаы и что повсюду только жидаы имѣютъ вліяніе, власть, богатство». Революціи 1848 года Красинскій не одобрялъ и желалъ для Польши положенія охранительницы возвышенныхъ началъ добродѣтели и шляхетства, «исчезнувшихъ со свѣта». «Пусть только она не бросается ни въ объятія монголовъ (!), ни въ гнусныя объятія красной республики!» Но надеждъ на такую будущность у Красинскаго высказывается мало. Онъ пегодуетъ на польскую молодежь, носящую историческія имена: «отсутствіе необходимой силы для ихъ возвышенія, неимѣніе понятія объ истинной аристократіи; съ одной стороны кутежи, съ другой—камеръ-юнкерство, нескончаемое невѣжество съ третьей...»

Вообще, для историка польской литературы и народной жизни письма Красинскаго составляютъ цѣнный матеріалъ, несмотря на односторонность воззрѣній автора.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Разсказъ объ императорѣ Александрѣ I.

ТЕЦЬ мой былъ, въ 1825 году, священникомъ въ станицѣ, а теперь селѣ Алексѣевскомъ, Самарскаго уѣзда, тогда Симбирской губерніи. Отъ него я слышалъ слѣдующій разсказъ о проѣздѣ черезъ эту станицу императора Александра Павловича.

Въ концѣ 1824 года разнесся слухъ, что государь предполагать быть въ городахъ Симбирскѣ и Оренбургѣ и по пути неминуемо будетъ проѣзжать черезъ Алексѣевское. Слухъ этотъ очень обрадовалъ жителей, которые никогда не видали царя. Съ ранней весны 1825 года начали исправлять, съ особеннымъ стараніемъ, почтовый трактъ, выбрали въ селѣ и окрестныхъ деревняхъ лучшихъ лошадей, которыхъ обѣзжали, чтобы были выносливы и не пугливы; приготавливали людей, половчѣе, которые могли бы замѣнить кучеровъ и форейторовъ. Всѣ помѣщики, жившіе въ уѣздѣ, пріѣхали на это время въ городъ.

Наконецъ, получено было извѣстіе, что государь скоро прибудетъ въ Самару и, проѣдомъ, остановится для обѣда въ Алексѣевскомъ, гдѣ для него и свиты велѣно приготовить домъ станичнаго атамана, В. В. Михайлова. Весь народъ, за десятки верстъ кругомъ, толпами началъ сходиться въ Алексѣевское. Ночью, наканунѣ пріѣзда государя, пріѣхала часть царской прислуги, а на другой день, съ ранняго утра, стали являться гонцы съ извѣстіемъ о приближеніи его величества. По распоряженію, присланнаго отъ губернатора для наблюденія за порядкомъ, отставнаго маіора Григорова, весь народъ былъ разставленъ вдоль улицы, въ два ряда, до самой церкви, гдѣ находился мой отецъ, въ полномъ облаченіи и съ напестольнымъ крестомъ. Дорога къ станицѣ шла съ горы. Часа въ два дня показалось нѣсколько экипажей, двигавшихся довольно тихо. Народъ заколыхался; зазвонили во всѣ колокола. Но первая коляска оказалась пустой. Правившій ею царскій кучеръ, Илья, сказалъ, чтобы подождали звонить, такъ какъ государь идетъ пѣшкомъ. Случилось это такъ. Проѣзжая мимо села Смышляева, государь спросилъ: «Это Алексѣевское?» Ему отвѣчали, что пѣтъ; но онъ, все-таки, приказалъ остановиться и, не видя совсѣмъ народа, спросилъ:—«Гдѣ же люди?» Ему отвѣчали, что ушли для встрѣчи его въ Алексѣевское.—«А далеко ли

же до Алексѣевского?» Ему доложили, что дорогой верстѣ семь, а прямо черезъ гору версты три. Государь приказалъ экипажамъ ѣхать дорогой, а самъ, съ нѣсколькими лицами изъ свиты, пошелъ пѣшкомъ черезъ гору. Подойдя къ Алексѣевскому и завернувъ въ первую улицу, гдѣ также не было народа, государь остановился у дома казачки Парамоновой, поднялъ оконце и увидѣлъ, что старуха печетъ блины.

— Бабушка! да гдѣ же у васъ люди? спросилъ онъ.

— Пошли всѣ, батюшка, царя встрѣчать.

— А ты что же не пошла?

— Куда мнѣ старухѣ. Да вотъ и внучатамъ нужно готовить ѣсть.

— А видала ли ты царя?

— Нѣтъ, батюшка.

— Ну, такъ, смотри,—сказалъ государь и съ этими словами захлопнулъ оконце.

— Свѣтъ ты нашъ, батюшка! Хоть блинковъ-то бы откушалъ!—закричала старуха и выбѣжала на улицу, но государь уже направился къ площади и подошелъ къ народу. Замѣтивъ молодую, красивую дѣвочку, лѣтъ 14-ти, онъ спросилъ:

— Какого сословія?

— Казацьяго.

— Гдѣ отецъ?

— На службѣ, въ командировкѣ.

Затѣмъ государь подошелъ къ майору Григорову и спросилъ:—«Гдѣ вы служили?» Но Григоровъ до того растерялся, что не могъ выговорить слова. Увидавъ моего отца, съ крестомъ, государь снялъ фуражку и быстрыми шагами направился къ нему. Дьяконъ возгласилъ многолѣтіе, а пѣвчіе запѣли, какъ умѣли, многая лѣта. Государь приложился къ кресту. Народъ, по знаку опаматовавшагося Григорова, закричалъ: ура! и не умолкалъ до тѣхъ поръ, пока императоръ не вошелъ въ домъ Михайлова.

Во время царскаго обѣда, всѣмъ желающимъ было разрѣшено входить въ комнату и смотрѣть на царя, но только не надолго. По окончаніи обѣда, государь приказалъ позвать хозяина, спрашивалъ его о службѣ, о состояніи станицы и пожелалъ видѣть его семейство. Михайловъ представилъ жену и дочь. Государь пожаловалъ имъ по золотому перстню и потомъ, ласково простившись, сѣлъ въ коляску. Народъ, кто бѣгомъ, кто верхомъ, съ радостными криками, сопровождалъ экипажъ далеко за село.

Пожалованные Михайловымъ перстни были пожертвованы ими въ Самарскую Успенскую церковь и вдѣланы въ запрестольную икону Божіей Матери.

Сообщено П. С. Вѣльскимъ.

Происхожденіе одного казеннаго заведенія.

Въ концѣ 20-хъ годовъ, проживала въ Казани вдова полковника Родіонова, бездѣтная старушка, владѣвшая значительнымъ помѣстьемъ въ уѣздѣ и двумя большими домами въ самомъ городѣ. Ее звали Анной Николаевной.

Племянникъ ея, сынъ меньшаго брата Павла, Лука Родіоновъ, жилъ въ Петербургѣ, съ вдовой матерью, когда-то красавицей, Александрой Луки-

пнишой Родіоновой, занимая богатую квартиру, на Литейной. Лука Родіоновъ, по выпускѣ изъ царскосельскаго лицея, вступилъ на службу въ лейбъ-гвардію конный полкъ.

Тогдашнимъ сверстникомъ и товарищемъ по полку его былъ теперешній московскій генераль-губернаторъ князь Владиміръ Андреевичъ Долгорукій, съ которымъ онъ въ особенности былъ близокъ.

Полковница Родіонова, проживавшая безвыѣздно въ городѣ Казани, заболѣваетъ серьезно. Тотчасъ-же въ Петербургъ была послана эстафета (тогда телеграфовъ еще не существовало) къ племяннику и единственному ея прямому наслѣднику, Лукѣ Павловичу Родіонову, съ зовомъ немедленно прійхать въ Казань «закрыть глаза теткѣ».

Исполнить въ точности этого желанія больной тетки Лука Родіоновъ не могъ, по случаю обязанностей службы, задержавшихъ его въ Петербургѣ нѣсколько дней сряду.

Черезъ полторы недѣли, когда онъ прибылъ въ Казань, тетка его уже лежала на столѣ... Душеприкащикъ покойницы передалъ ему, что полковница, передъ смертью, напрасно прождавшая его, усмотрѣла въ поступкѣ этомъ непочтительность и, уничтоживъ прежнее духовное свое завѣщаніе, хѣлавшее его, Родіонова, единственнымъ наслѣдникомъ всего ея имущества, — отказала все состояніе свое государю Николаю Павловичу, и на этомъ умерла.

Въ самый день похоронъ, къ племяннику явились какія-то темныя личности, съ предложеніемъ просто-на-просто уничтожить вторую духовную, про которую еще никто не зналъ. Эти личности требовали за услугу 25 тысячъ рублей ассигнаціями. На серебро тогда еще не считали.

Возмущенный подобнымъ предложеніемъ и вполне увѣренный въ своемъ правѣ на бесспорное наслѣдство, Лука Родіоновъ, не пошелъ на сдѣлку.

Духовная-«дарственная» была получена въ Петербургѣ раньше его возвращенія, доложена государю—и утверждена: собственной рукой императора, на маржѣ, было помѣчено: «принять».

Всѣ хлопоты молодого конногвардейца не привели ни къ чему, и онъ долженъ былъ покориться монаршей волѣ.

Обладая все еще хорошимъ личнымъ и материнскимъ состояніемъ, онъ принужденъ былъ выйти въ отставку, женился на дочери генераль-аншефа Арсеньева, мальтійскаго кавалера и любимца императора Павла Петровича, и поселился въ своемъ имѣніи, въ Нижегородской губерніи, гдѣ вскорѣ былъ избранъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства.

На имѣніи, отказанныя полковницей Родіоновой, по приказанію государя, былъ учрежденъ въ г. Казани институтъ для благородныхъ дѣвицъ, которому присвоено наименованіе «Родіоновскаго». Этотъ институтъ и до-сихъ-поръ существуетъ въ Казани, подъ симъ наименованіемъ. Родіоновымъ, въ видѣ компенсаціи, предоставлено право бесплатнаго воспитанія въ немъ дѣтей женскаго пола...

Отчужденіе такого значительнаго состоянія послужило первою причиною окончательнаго разоренія рода Родіоновыхъ. Мать Луки Родіонова «тронутая умомъ», и сынъ, въ угоду матери, принималъ на себя всѣ расточительныя распоряженія ея по управленію имѣніемъ. Въ 1863 году, Лука Родіоновъ умеръ въ бѣдности. Это былъ—отецъ мой.

Сообщено Н. Л. Родіоновымъ.

С М Ъ С Ъ.

ПАМЯТНИКЪ императору Александру II. Въ день годовщины судебной реформы, въ зданіи судебныхъ учрежденій Петербурга происходило торжественное освященіе памятника создателю этой благотворной реформы. По окончаніи молебна, была провозглашена вѣчная память императору Александру Николаевичу и въ эту минуту упала завѣса, скрывавшая статую покойнаго государя, изваянную изъ бѣлаго каррарскаго мрамора. Государь представленъ во весь ростъ, въ сюртукѣ съ погонами, съ книгою «Судебные уставы 20-го ноября 1864 года» въ рукахъ, слегка облокотившимся на столъ. Статуя помѣщена противъ входныхъ дверей въ Екатерининской залѣ, въ глубокой нишѣ. Внутренность ниши выложена красноватымъ полированнымъ мраморомъ; по сторонамъ она обрамлена украшеніями изъ мрамора различныхъ цвѣтовъ отъ бѣлаго до темно-краснаго. Надъ верхнимъ карнизомъ ниши изъ сѣраго мрамора видны корона, держава и скипетръ, помѣщенные на лавровомъ вѣнкѣ и художественно изваянные изъ бѣлаго мрамора. Ниже карниза, на бѣлой мраморной доскѣ, слѣдующая надпись: «Творите судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ». Ниша ограждена полукруглой рѣшеткой изъ полированной стали, за которой размѣщены пальмы и экзотическія растенія. Статуя исполнена академикомъ Забѣлло. Художникъ взялъ тотъ моментъ, когда покойный государь задумалъ дать судебную реформу. 19 лѣтъ тому назадъ, 20-го ноября, произнесены знаменательныя слова, начертанныя надъ памятникомъ. Они напоминаютъ всѣмъ входящимъ въ судъ, чего они могутъ ждать, а судебнымъ дѣятелямъ, чего они должны держаться. Старшій предсѣдатель петербургской судебной палаты сказалъ рѣчь, заканчивающуюся слѣдующими словами: «Оглядываясь назадъ, мы можемъ сказать съ спокойною совѣстью, что стремились, по мѣрѣ крайняго разумѣнія нашего, исполнить свой долгъ. Если же въ дѣйствіяхъ нашихъ, какъ во всѣхъ дѣяніяхъ человѣческихъ, могли быть и были промахи и ошибки, подававшіе поводъ къ нареканіямъ, то приложимъ всѣ наши старанія въ ошибкахъ прошедшаго искать полезныхъ указаній для будущаго. Станемъ не съ надменностью, а съ благодарностью, съ полнымъ вниманіемъ и съ строгостью къ

самимъ себѣ, выслушивать указанія на наши недостатки и посвящать всѣ свои силы тому, чтобы великое дѣло правосудія отправлялось нами во всемъ сообразно священнымъ завету и напутствію въ Возѣ почившаго императора. Будемъ всегда помнить ту тяжкую отвѣтственность, которая, во всякое уклоненіе отъ нашего долга, лежитъ на насъ». Въ тотъ же день послѣдовало въ Вильнѣ открытіе судебныхъ учреждений для Западнаго края.

Трехсотлѣтній юбилей русскаго Гутенберга. 5-го декабря 1583 года, во Львовѣ Галицкомъ, уже болѣе двухъ столѣтій принадлежавшемъ Польшѣ, умеръ бѣдный русскій эмигрантъ, бѣжавшій изъ Москвы отъ преслѣдованія бояръ и духовенства Ивана Грознаго. Въ церкви св. Онуфрія, въ притворѣ близъ главныхъ дверей, еще въ половинѣ нынѣшняго столѣтія былъ надгробный памятникъ съ гербомъ и надписью по краямъ плиты: «Іоаннъ Федоровичъ, друкаръ москвитинъ, который своимъ тщаніемъ друкованіе занедалое (заброшенное) обновилъ». Это же заглавіе покойнаго еще разъ повторяется и по срединѣ плиты: «Друкаръ книгъ предъ тѣмъ невиданныхъ». Теперь этой плиты уже не существуетъ. Усердіемъ ксепдза львовской церкви надгробный камень перваго русскаго печатника разбитъ на куски и уничтоженъ, такъ какъ Федоровъ былъ схизматикъ. Память человѣка, обвиненнаго въ ереси его современниками, за ту же самую вину задумали уничтожить въ наше просвѣщенное время. Судьба Федорова и при жизни была печальна. Дьяконъ кремлевской церкви Николы Гостунскаго въ Москвѣ, онъ въ 1563 году, на «Печатномъ дворѣ», устроенномъ Иваномъ Грознымъ по проекту датчанина Миссенгейма, началъ печатать первую книгу вышедшую въ Россіи «Дѣянія Апостольскія». Въ 1565 году, былъ напечатанъ «Часовникъ». Это испугало ретроградовъ и самобытниковъ XVI вѣка. Чтобы положить конецъ развитію печати, они обвинили его въ ереси (обвиненія въ вольнодумствѣ, либерализмѣ, потрясеніи основъ и т. п. изобрѣтены уже въ XIX вѣкѣ). Ивалъ Федоровъ и товарищъ его Петръ Мстиславецъ, чтобы спасти свою жизнь, принуждены были бѣжать изъ отечества. Печатный домъ былъ сожженъ, типографскіе станки уничтожены. Литовскій гетманъ Ходкевичъ далъ убѣжище бѣглецамъ въ своемъ имѣніи Заблудовое. Здѣсь они напечатали въ 1569 году «Евангеліе Учительное», а въ слѣдующемъ году «Псалтырь съ Часословцемъ». Оттуда Федоровъ переселился во Львовъ, гдѣ, въ 1674 году, напечаталъ «Апостола». Но и во Львовѣ Федорову съ своимъ сыномъ Иваномъ, занимавшимся переплетнымъ мастерствомъ, не повезло. Средства ихъ до того истощились, что пришлось валожить всѣ типографскія принадлежности и книги еврею Янкелю. Тогда неутомимый первопечатникъ отправился въ Острогъ, и здѣсь, въ типографіи, устроенной знаменитымъ ревнителемъ просвѣщенія княземъ Константиномъ Острожскимъ, вполне предался своему любимому занятію. Онъ «выдруковалъ» здѣсь «Новый Заветъ съ Псалтырю» въ 1650 году, и знаменитую острожскую, первую полную славянскую біблію. Это было самое блестящее время его дѣятельности. Отсюда книгопечатаніе стало распространяться и по другимъ городамъ юго-западной Руси, причемъ книги печатались по образцамъ острожскихъ изданій, шрифтами Федорова, который умѣлъ не только набирать и печатать книги, но самъ вырѣзывалъ формы (матрицы), отливалъ всѣ рисунки и буквы, и притомъ такъ хорошо, что они могли быть поставлены, наравнѣ съ лучшими заграничными произведеніями въ этотъ родъ. Невѣстно почему Федоровъ, въ годъ выхода бібліи въ 1581 года, опять вернулся во Львовъ, гдѣ и умеръ черезъ два года, въ крайней нуждѣ и всѣми позабытый. Да и при жизни, его почти вездѣ встрѣчали если не съ фанатическимъ озлобленіемъ, то съ невѣжественнымъ равнодушіемъ. Сколько преслѣдованій выпесъ втотъ энергичный работникъ изъ любви къ книгопечатанію, сколько разъ долженъ былъ бѣжать изъ города въ городъ, преслѣдуемый «презлѣлымъ озлобленіемъ отъ многихъ начальниковъ и учителей, которые зависти ради на насъ многія ереси умышляли, хотячи благое во зло превратити и Божію

дѣло въ конецъ погубити». Петманъ Ходкевичъ повелѣлъ ему даже, оставивъ книгопечатаніе, заняться обработкою земли, «однако же, пишетъ Федоровъ, невозможно показалось мнѣ коротать жизнь свою за плугомъ и сѣяніемъ сѣмянъ, такъ какъ мѣсто плуга для меня занимало книгопечатаніе, и мнѣ надлежало вмѣсто житныхъ сѣмянъ, разсѣвать по вселенной сѣмена духовныя, и всѣмъ раздавать духовную пищу». Дѣло его не приносило ему ничего кромѣ «скорбей и бѣдъ», и онъ все-таки посвятилъ ему всю жизнь, все свое знаніе, всѣ силы, все имущество, не ожидая ни отъ кого, никакого вознагражденія, работая только изъ любви къ своему дѣлу. Уже по смерти его львовскіе мѣщане выкупили у еврея печатный станокъ Федорова и открыли при Успенской церкви свою собственную типографію. Повтому галицкая Русь точно также праздновала день юбилея Ивана Федорова, какъ Петербургъ, Москва и многіе другіе города Россіи. Въ Петербургѣ, въ день его кончины, справляли панихиду по первомъ печатникѣ земли русской. На другой день, въ память его происходили торжественный актъ и литературно-музыкальное утро, на которомъ читали стихи и рѣчи. Въ одной изъ нихъ говорится: «есть мудрое изреченіе, что гласъ народа, гласъ Божій, но пока не было на свѣтѣ печатнаго станка, гласъ этотъ не могъ найти себѣ достаточно внятнаго мірового выраженія. Только теперь, когда не уставая работаютъ тысяча печатныхъ станковъ, эта великая народная истина вполнѣ осуществилась. Печать есть орудіе, есть выраженіе, есть органъ гласа народа, гласа Божьяго. Конечно, и въ печати есть слабыя стороны, опечатки, ошибки, безъ нихъ не обходится ни одно человѣческое дѣло, но въ своихъ общихъ и конечныхъ результатахъ, печать несомнѣнно служитъ всему добруму и прекрасному. Вотъ та великая идея, представителемъ которой былъ Иванъ Федоровъ». Въ другой рѣчи говорилось о тугомъ развитіи у насъ печати, до прошлаго царствованія, когда печатный станокъ получилъ права гражданства, и сдѣлался ближайшимъ сотрудникомъ и сподвижникомъ всѣхъ реформъ. Во всѣхъ газетахъ нашихъ появились статьи о значеніи и дѣятельности Федорова. Вездѣ чествовали его память; не упоминали только, что на труды и заслуги русскаго первопечатника, уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было обращено вниманіе общества. Въ 1869 году, по почину московскаго археологическаго общества, открыта подписка на сооруженіе памятника Федорову; по благочиніямъ развились указы консисторіи и подписные листы, а между тѣмъ, мы нигдѣ не нашли свѣдѣній, въ какомъ положеніи теперь эта подписка. Былъ напечатанъ и рисунокъ проекта памятника, на которомъ Федоровъ изображенъ во весь ростъ, съ фоліантомъ въ рукѣ «Апостола 1553—1564 гг.»; у ногъ его лежатъ нѣсколько подобныхъ же фоліантовъ. Памятникъ предполагалось поставить на стѣнѣ Китай-Города. Въ 1872 году, вышло великолѣпное изданіе московской синодальной типографіи «Начало книгопечатанія въ Россіи».

Юбилей Д. И. Иловайскаго. Москва отпраздновала, въ концѣ прошлаго года, двадцатипятилѣтній юбилей научной литературной дѣятельности профессора Иловайскаго. Утромъ, въ домѣ его собрались представители различныхъ ученыхъ обществъ, печати, учебныхъ заведеній, нѣкоторыхъ земствъ и пр. Министръ народнаго просвѣщенія прислалъ телеграмму, извѣщавшую, что Государь Императоръ, въ воздаяніе особыхъ заслугъ юбиляра на поприщѣ науки и литературы пожаловалъ его чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (изъ коллежскаго ассесора). Въ рѣчи своей юбиляру, Е. В. Варсовъ сказалъ, что «25 лѣтъ въ жизни ученаго—естественный срокъ, когда онъ можетъ подвести итогъ своимъ трудамъ и представить ихъ на судъ общественнаго мнѣнія. Пятидесятилѣтніе юбилей, опредѣленные закономъ не столько для лицъ, сколько для учреждений, менѣе всего выпадаютъ на долю ученыхъ людямъ. Не всякому суждено прожить 70—80 лѣтъ, чтобы дожидаться праздника общественнаго признанія своей дѣятельности. Вотъ почему желательно, чтобы

Двадцатипятилѣтніе юбилеи въ ученѣмъ мірѣ повторялись какъ можно чаще и подымали ихъ духъ, возбуждали и поддерживали ихъ нравственное напряженіе, для дальнѣйшей умственной производительности и плодотворнаго служенія наукѣ. Истинно ученый человѣкъ, по преимуществу кабинетный анаторетъ, облеченный въ ученую схиму, лучшіе свои годы онъ посвящаетъ уединенію, постоянно напрягается, волнуется и сгораетъ внутреннимъ огнемъ: жизнь его — умственное наслажденіе и вмѣстѣ страданіе. «Ваша умственная дѣятельность, продолжалъ г. Барсовъ, знаменуется двумя дарованіями, которыя рѣдко совмѣщаются въ одномъ лицѣ. Съ одной стороны, вы умѣете подниматься до общихъ историческихъ вопросовъ — предлагать на нихъ по сильныя рѣшенія, бороться съ противными мнѣніями, а съ другой, вы умѣете курсъ историческихъ знаній низвести до простоты и ясности дѣтскаго разумѣнія. Общественное значеніе вашихъ трудовъ особенно замѣчательно. Вы обладаете, такъ сказать, эстетическимъ перомъ, и въ этомъ состоитъ безспорно ваша главная сила. Мастерское изложеніе историческихъ фактовъ вмѣстѣ съ яснымъ освѣщеніемъ ихъ внутренняго смысла, образцовыя характеристики, даютъ право вашимъ трудамъ называться учено-художественными произведениями. Этимъ, конечно, объясняется и то, что среди нашего общества, глухого и слѣпного для ученыхъ работъ, ваши книги по преимуществу находятъ читателей, увлекаютъ и будятъ дремлющее общественное сознаніе. Интересы русской исторіи мало-по-малу проникаютъ въ общественную массу и служатъ къ проясненію историческаго самосознанія. Въ новой русской исторіи не разъ появлялись высочайшіе указы, направленные къ тому, чтобы выдвинуть въ ряду государственныхъ заслугъ значеніе строго-ученыхъ трудовъ, кому бы они ни принадлежали, лишь бы, какъ говорилось въ указахъ, «пріобрѣли въ ученѣмъ свѣтѣ славу». Такіе указы вытекали изъ глубокаго убѣжденія въ томъ, что истинная наука есть первая и глубочайшая сила въ государствѣ, кою опредѣляется устой и твердость общественной жизни. Къ сожалѣнію подобныя воззрѣнія и начала не проведенны опредѣленно и систематически въ нашемъ законодательствѣ. Въ просвѣщенныя страны Запада есть мантія, съ которою связано историческое преданіе о наукѣ и которая возлагается на свѣтила науки; тамъ есть государственныя учрежденія, которыя слѣдятъ за появленіемъ строго-ученыхъ трудовъ, кѣмъ бы они ни создавались, поощряютъ ихъ и поддерживаютъ; тамъ есть ученые государственныя отличія, коими отмѣчаются выдающіеся труды и силы. У насъ законодательство не представляло до сихъ поръ строго опредѣленнаго и систематически развитаго отношенія государства къ наукѣ; отъ того многія ученые силы часто принуждены были чувствовать себя одинокими, беззащитными, изнемогать и падать въ своей энергіи и напряженности. Лишь съ наступленіемъ настоящаго царствованія начинается всходить новая заря ученыхъ силъ и трудовъ.»

Привѣтственные слова произносило еще много лицъ, затѣмъ читались телеграммы разныхъ обществъ, учреждений и частныхъ лицъ, отъ органовъ печати, «Журнала министерства народнаго просвѣщенія», «Историческаго Вѣстника», «Русской Старины», «Новаго Времени», «Варшавскаго Дневника», всего—болѣе ста телеграммъ. Въ своей отвѣтной рѣчи юбиляръ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее о значеніи своихъ произведеній: «Что касается моихъ трудовъ, то я не знаю, въ какой степени можно назвать трудомъ такое занятіе, которое страстно любишь, которому преданъ всѣмъ своимъ существомъ. Напротивъ, если бы по какому нибудь случаю я вдругъ лишился возможности заниматься историческою наукою, то считалъ бы это величайшимъ для себя бѣдствіемъ, ничѣмъ не вознаградиמוю потерей. Съ другой стороны, возможно ли исторіку безстрастно и безучастно относиться къ совершающимся вокругъ него событіямъ, то-есть къ исторіи ему современной, и хотя бы иногда не подавать своего голоса, если только есть возможность его по-

дать? Наблюдения надъ современностію должны многое уяснить ему въ исторіи прошедшихъ вѣковъ; а изученіе прошлой жизни народовъ въ свою очередь должно просвѣтлять его взглядъ на современность и сообщать болѣе серьезное значеніе его голосу. Въ особенности это можно сказать о нашемъ времени и о нашемъ отечествѣ, которое, какъ вы знаете, переживаетъ трудную эпоху, когда назрѣло столько важныхъ вопросовъ, внутреннихъ и внѣшнихъ, и когда само общее положеніе русской націи должно занимать умъ не только русскаго историка или русскаго публициста, но и всякаго сколько нибудь мыслящаго человѣка».

Юбилей графа Д. А. Милютина. Въ Петербургѣ, въ то же время, русская армія праздновала пятидесятилѣтіе нахожденія въ ея рядахъ бывшаго военнаго министра, генерала-адъютанта графа Д. А. Милютина. Маститый юбиляръ родился въ Москвѣ, въ 1816 году, воспитаніе получилъ въ университетскомъ пансіонѣ, откуда по окончаніи курса поступилъ на службу въ артиллерію и 17-ти лѣтъ отъ роду, въ 1833 году, произведенъ въ первый офицерскій чинъ. Черезъ 6 лѣтъ онъ уже въ чинѣ штабс-капитана отправился на Кавказъ, гдѣ принималъ участіе въ военныхъ дѣлахъ при аулѣ Буртунай, гдѣ былъ разбитъ Шамилъ, осадѣ Ахульго, покореніи аула Чиркея и въ 1843 году переведенъ въ генеральный штабъ подполковникомъ. Въ 1844 году, въ дѣлѣ противъ чеченцевъ былъ раненъ пулею въ правое плечо на вылетъ и въ 1845 году оставилъ Кавказъ и боевую дѣятельность для занятій профессора военной географіи въ военной академіи. Въ академіи Дмитрій Алексѣевичъ пробылъ до 1855 г. За это время имъ написаны: «Первые опыты военной статистики», «Описаніе военныхъ дѣйствій 1839 года въ Сѣверномъ Дагестанѣ», издана «Карманная справочная книжка для русскихъ офицеровъ» и окончена «Исторія войны 1799 года». Въ 1856 году Дмитрій Алексѣевичъ былъ произведенъ въ генерал-майоры и назначенъ начальникомъ штаба князя Барятинскаго на Кавказѣ. Въ этомъ званіи онъ участвовалъ во всѣхъ дѣлахъ съ горами, завершившихся окончательнымъ покореніемъ Кавказа. Въ 1860 году генерал-адъютантъ Милютинъ назначенъ товарищемъ военнаго министра и въ 1861 году сталъ управлять этимъ обширнымъ министерствомъ и управлялъ имъ бесцѣльно цѣлыя двадцать лѣтъ, участвуя во всѣхъ великихъ военныхъ реформахъ минувшаго царствованія. Полную оцѣнку дѣятельности юбиляра на постѣ военнаго министра можно найти въ громадномъ трудѣ: «Историческій очеркъ дѣятельности военнаго управленія въ Россіи и т. д.», изданномъ въ семи томахъ, подъ редакцію г. Богдановича, и въ которомъ, шагъ за шагомъ, отъ преобразованія къ преобразованію, рассказана многотрудная дѣятельность графа Милютина. Всѣ планы и начинанія министра были проникнуты высоко-гуманнымъ характеромъ, идеями равенства обязанностей гражданъ по отношенію къ защитѣ государства, идеями справедливаго пользованія всѣми и каждымъ заслуженными правами и, наконецъ, идеями просвѣщенія и культуры. Д. А. Милютинъ первый поднялъ въ русскомъ солдатѣ человѣческую личность и, въ смыслѣ человѣчности, въ его управленіе русская армія стала самой передовой въ Европѣ. Русскій воинъ пересталъ быть представителемъ только пушечнаго мяса и избавился отъ тѣлеснаго наказанія. Болгарская война доказала, что онъ не сдѣлался отъ того худшимъ солдатомъ, не потерялъ своей легендарной выносливости и не разучился умирать такъ же доблестно и честно, какъ умирали старые солдаты на бастіонахъ Севастополя. Установленіемъ широкой и цѣлесообразной системы образованія офицеровъ, Дмитрій Алексѣевичъ высоко поднялъ общій уровень общаго образованія русскаго войска, которое, незамѣтно для себя самого, стало истиннымъ расадникомъ народнаго просвѣщенія въ Россіи. Изъ всѣхъ заслугъ юбиляра, безспорно это важнѣйшая, и сколько бы ни находили въ административной дѣятельности министра ошибокъ и неудачъ, этой великой заслуги Дмитрія Алексѣевича Милютина Россія никогда не забудетъ.

Шестой археологическій съѣздъ въ Одессѣ. 15-го августа 1884 года въ Одессѣ открывается археологическій съѣздъ, членами котораго признаются всѣ лица, изъявившія согласіе принять участіе въ занятіяхъ съѣзда и внесшія 3 руб. 60 коп. Записываться въ члены можно въ петербургскомъ и московскомъ археологическомъ обществѣ. въ предварительномъ комитетѣ въ Одессѣ и у членовъ корреспондентовъ. Съѣздъ раздѣляется на 8 отдѣленій: памятники первобытные, языческіе, классическіе, общественнаго и домашняго быта, юридическіе, искусство и художество, письменности и языка, исторической географіи и этнографіи. Кромѣ того, на съѣздѣ будутъ обсуждаться вопросы обще-археологическіе и устроена археологическая выставка. Совѣтъ съѣзда опубликовалъ програму какъ общихъ вопросовъ къ обсужденію, такъ и частныхъ по отдѣленіямъ. Между этими вопросами особый интересъ имѣютъ слѣдующіе: какое значеніе имѣетъ русскій расколъ въ исторіи русской археологіи; археологическія извѣстія въ Болгаріи, каменный вѣкъ въ Россіи, когда окончился бронзовый періодъ и начался періодъ желѣза? опредѣленіе погребальныхъ опытовъ въ курганахъ южно-русскаго края, слѣды парейскихъ вѣрованій и обрядовъ на Кавказѣ, хронологія царей Восточнаго Босфора, арийскія основы общественнаго быта у славянъ, родовая организація горцевъ, палеографическое опредѣленіе вѣка рукописей и мѣсто ихъ написанія, легенды Троянскаго цикла въ Черноморьи, сравнительная филологія въ примѣненіи къ историческимъ и археологическимъ изысканіямъ, славянскія національности въ Византіи, составъ хозарскаго царства, происхожденіе тавровъ, готы въ Крыму, могилы доисторической эпохи въ предѣлахъ Россіи, первобытныя формы соціальной организаціи и друг. Подобныхъ вопросовъ намѣчено 68. Кромѣ того, съѣздъ самъ предложилъ серію вопросовъ, рѣшеніе которыхъ было бы желательно. Онъ приглашаетъ на свои засѣданія всѣхъ любителей науки и просвѣщенія.

Новое изданіе сочиненій Батюшкова. П. Н. Батюшковъ, приготовляющій къ печати новое изданіе сочиненій нашего высокоталантливаго поэта, сообщаетъ, что работы по приготовленію этого изданія успѣшно подвигаются впередъ. Напечатанное въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ началѣ текущаго года, извѣстіе объ этомъ предпріятіи имѣло весьма благопріятныя послѣдствія. Многія лица, въ распоряженіи которыхъ находятся письма покойнаго поэта и различныя свѣдѣнія о немъ, самымъ радушнымъ образомъ отозвались на призывъ издателя. Въ числѣ этихъ лицъ должно назвать П. И. Бартенева, барона Н. К. Богушевскаго, А. Ф. Вычкова, барона Ф. А. Бюлера, кн. П. П. Вяземскаго, Г. А. Гревеница, П. Я. Дашкова, Е. И. Елагина, П. В. Жуковскаго, М. И. Постникова, М. И. Семевскаго, Н. И. Стояновскаго и А. Н. Тургенева. Бумагъ самого поэта, его черновыхъ набросковъ, замѣтокъ, а также писемъ къ нему, то-есть, того, что можно было бы назвать его собственнымъ архивомъ, сохранилось къ сожалѣнію весьма мало. За то писемъ, адресованныхъ имъ къ разнымъ лицамъ, нашлось очень значительное количество. До сихъ поръ въ печати были извѣстны лишь нѣкоторые небольшіе отрывки изъ этой переписки. Затѣмъ богатые и совершенно неизвѣстные до сихъ поръ матеріалы сообщены княземъ П. П. Вяземскимъ, доставившимъ цѣлую коллекцію писемъ Константина Николаевича къ его отцу, извѣстному писателю, и П. В. Жуковскимъ. Приготовленіе текста для новаго изданія поручено В. И. Сантову, просмотрѣвшему для этой цѣли почти всѣ наши періодическія изданія первыхъ десятилѣтій текущаго вѣка. Біографія поэта составляется Л. Н. Майковымъ. Изданіе будетъ снабжено нѣсколькими снимками и украшено портретомъ поэта. Тщательность и изящество изданія и собранные въ немъ новые богатые матеріалы обѣщаютъ сдѣлать его истиннымъ приобретениемъ для русской литературы, въ которой кратковременная поэтическая дѣятельность Константина Николаевича, сверстника Жуковскаго и прямого учителя Пушкина, занимаетъ столь видное мѣсто. Изданіе предполагается

въ двухъ, а можетъ быть и въ трехъ томахъ. Теперь есть еще время воспользоваться для него тѣми дополненіями, которыя могли бы оказаться въ чьихъ либо рукахъ. Съ глубокою признательностью приметъ подобныя сообщенія издатель, живущій въ Петербургѣ (Большая Конюшенная, 5).

† Въ Москвѣ прошлаго года умеръ 78-ми лѣтъ замѣчательный земскій дѣятель и писатель Александръ Ивановичъ Кошелевъ. Ранняя молодость его принадлежитъ еще временамъ Александра I. Николаевское время знало его по преимуществу какъ сельскаго хозяина и откупщика, и только въ царствованіе Александра II онъ выступилъ какъ публицистъ, какъ дѣятель государственный и дѣятель по общественному самоуправленію. Въ первые годы минушаго царствованія онъ издавалъ славянофильскій органъ «Русскую Бесѣду»; въ семидесятыхъ годахъ на его средства была издаваема «Бесѣда» подъ редакціей С. А. Юрьева, а въ послѣдніе годы—«Земство» подъ редакціей В. Ю. Скалона. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ онъ дѣятельно участвовалъ своими статьями. Не оставлялъ онъ публицистическаго поприща и въ промежутки, когда упомянутыя изданія прерывались: въ газетныхъ статьяхъ и въ отдѣльныхъ брошюрахъ, печатанныхъ и за границей, онъ излагалъ свои взгляды по текущимъ вопросамъ. Кромѣ трехъ журналовъ, въ самое горячее время эмансипаціонной реформы, онъ издавалъ еще журналъ «Сельское Благоустройство», специально посвященный вопросу объ освобожденіи крестьянъ. Это было любимое изданіе покойнаго; съ юношескимъ жаромъ онъ работалъ надъ этимъ, самымъ дѣльнымъ эмансипаціоннымъ органомъ. Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ занималъ Кошелева еще задолго до рескрипта, предписывающаго учрежденіе губернскихъ комитетовъ; съ проектомъ по этому вопросу онъ выступалъ даже въ Николаевское царствованіе. Въ губернскомъ комитетѣ (по освобожденіи крестьянъ) онъ былъ однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ. Въ слѣдъ за тѣмъ Кошелевъ былъ вызываемъ къ участию въ разныхъ законодательныхъ комиссіяхъ; призванъ былъ и къ административной дѣятельности въ качествѣ министра (главнаго директора) финансовъ царства Польскаго. Ему между прочимъ обязана Россія, что царство Польское перестало требовать на себя расходовъ изъ казначейства имперіи. Немного прослуживъ въ Варшавѣ, онъ вышелъ въ отставку и отдался дѣлу земскаго самоуправления, въ которомъ былъ постояннымъ, неутомимымъ, энергичнѣйшимъ дѣятелемъ. Преданность земству, его идеѣ, вѣру въ нее, онъ сохранилъ до конца; земство не имѣло еще другого, болѣе горячаго и болѣе постояннаго защитника.

Кошелевъ былъ чрезвычайно образованный человѣкъ; въ молодые годы изучалъ Шеллинга, въ лѣта зрѣлыя вниманіе его почти исключительно направилось на вопросы политическіе, соціальныя, финансовыя. По этой отрасли онъ слѣдилъ и за событіями и за литературой до конца дней, и люди гораздо болѣе его молодые, удивлялись бодрости, свѣжести, юношеской горячности сохранившейся въ немъ, не смотря на преклонныя лѣта. Онъ не зналъ отдыха. Безъ запятій и безъ интересовъ, живо занимавшихъ его, нельзя было его представить. Еще наканунѣ смерти онъ участвовалъ въ засѣданіяхъ думской финансовой комисіи. Славянофиль въ молодые годы, онъ въ зрѣломъ возрастѣ отказался отъ узкихъ возрѣній этой партіи и признавая заслуги Запада въ дѣлѣ прогресса, до конца жизни остался вполне русскимъ человекомъ.

† Почти въ одно время съ Кошелевымъ, скончался въ Харьковѣ другой земскій дѣятель, но еще въ молодыхъ годахъ, недоживъ и до 50-ти лѣтъ, Николай Александровичъ Корфъ. Онъ родился въ Харьковѣ, кончилъ курсъ въ александровскомъ лицейѣ съ серебряною медалью и поступилъ на службу въ министерство юстиціи. Его подвижная, дѣятельная натура не могла сродниться съ мертвымъ канцелярскимъ дѣломъ; черезъ полтора года онъ уѣхалъ изъ Петербурга въ Екатеринославскую губернію, въ свое наслѣдственное имѣніе. Десять лѣтъ онъ провелъ частью въ провинціи, частью

заграницей, посвящая время научнымъ занятіямъ. Съ открытіемъ земскихъ учреждений, баронъ Корфъ былъ избранъ въ 1866 году въ гласные въ Александровскомъ уѣздѣ; занималъ должность секретаря, былъ членомъ ревизіонной комисіи и принималъ живое участіе въ охраненіи земской автономіи отъ бюрократическихъ посягательствъ. Со введеніемъ новыхъ судебныхъ уставовъ, избранный почетнымъ мировымъ судьей, занималъ въ теченіе трехъ лѣтъ должность председателя мирового сѣзда. Въ 1867 году выступилъ дѣятелемъ по устройству элементарныхъ школъ, не смотря на то, что располагалъ далеко незавидными матеріальными средствами; училища его приобрѣли добрую славу не только въ уѣздѣ, но и за предѣлами Екатеринославской губерніи. Печать обратила на нихъ общее вниманіе. Ревностный и неутомимый земскій дѣятель обучалъ дѣтей и воспитывалъ сельскихъ учителей—учительскихъ семинарій тогда почти не существовало. Въ теченіи пяти лѣтъ своей практической школьной дѣятельности Корфъ далъ русскимъ земствамъ значительный контингентъ учителей земскихъ школъ. Дѣятельность его была неустанная: онъ готовилъ учителей, руководилъ и завѣдывалъ учительскими сѣздами, участвовалъ въ засѣданіяхъ училищнаго совѣта, обдумывалъ и составлялъ учебникъ за учебникомъ, провѣряя ихъ на практикѣ, велъ многочисленную переписку по педагогическимъ вопросамъ (съ двумястами корреспондентовъ въ Россіи), завѣдывалъ порученнымъ ему училищнымъ участкомъ и ежегодно составлялъ отчеты объ училищахъ. Эти отчеты по достоинству были опѣнены нашей печатью и распродажа ихъ доставила въ пользу мѣстныхъ училищъ болѣе 2,000 руб., а изъ выручки отъ его «Руководства къ обученію грамотѣ» тѣ же училища получили болѣе 4,000 руб. Появившись въ 1867 году, эта книга разошлась въ числѣ 70 тыс. экземпляровъ, выдержавъ шесть изданій. Изъ педагогическихъ сочиненій Корфа появились также «Русская начальная школа» (шесть изданій, всего 32,000 экземпляровъ), «Нашъ другъ» (пять изданій, болѣе 200 тыс. экземпляровъ), «Малютка» (одно изданіе, въ числѣ 25 тыс. экземпляровъ), «Наше школьное дѣло (5 тыс. экземпляровъ)», «Руководство къ наглядному обученію», Гардера, 2 тома (переводъ съ нѣмецкаго) и «Исторія Востока, Греціи и Рима». Въ 1879 году онъ издалъ брошюру «Итоги народнаго образованія въ европейскихъ государствахъ». Съ 1866 года Корфъ былъ сотрудникомъ «Спб. Вѣдомостей», гдѣ велъ борьбу съ газетой «Вѣсть» по вопросамъ о самоуправленіи. Повдѣе онъ слѣдилъ за законодательствомъ по училищному дѣлу, описывалъ учебныя заведенія, русскія и иностранныя. Статьи его объ учительскихъ семинаріяхъ, появившись въ «Спб. Вѣдомостяхъ» подъ заглавіемъ «Земскій вопросъ», впоследствии были напечатаны отдѣльной брошюрой. Другія статьи, напечатанныя въ «Народной Школѣ», «Семьѣ и Школѣ», и «Вѣстникѣ Европы»,—изданы отдѣльной книгой въ 1878 году подъ названіемъ: «Наше школьное дѣло, сборникъ статей по училищевѣдѣнію». Въ «Вѣстникѣ Европы» были помѣщены его статьи: «Объ обязательномъ обученіи», о книгѣ князя А. И. Васильчикова «Самоуправленіе», «Новая Вѣна и ея самоуправленіе», «О теоріи Дарвина», «Вѣнская всемірная выставка—отдѣлъ педагогическій»; кромѣ того Корфъ участвовалъ въ газетѣ «Недѣля». Критика указывала на ошибки и одностороннія увлеченія въ трудахъ барона Корфа; но онъ и не былъ присяжнымъ педагогомъ. Свѣжкимъ человекомъ, незабвеннымъ рутинной, земскій дѣятель посвятилъ себя школьному дѣлу на 34 году своей жизни, послѣ того, какъ въ деревнѣ и уѣздѣ изучалъ нужды народа. Быть можетъ, именно этимъ условіямъ Корфъ обязанъ своимъ успѣхомъ общественнымъ. Задачей своей онъ считалъ сближеніе присяжныхъ педагоговъ съ обществомъ, онъ убѣждалъ публику въ томъ, что педагогика не спеціальность только избранныхъ, людей засѣдающихъ на учительскихъ креслахъ, но общее дѣло—наука естественная и социальная. Въ 1871 году московскій университетъ избралъ барона Корфа почетнымъ своимъ членомъ, въ 1873 году петербургскій комитетъ грамотности наградилъ его золотою ме-

далеко за труды по народному образованію. Забаллотированный въ 1872 году землевладѣльцами Александровскаго уѣзда двумя третями голосовъ, Корфъ былъ избранъ въ гласные тремя избирательными сѣздами крестьянъ изъ пяти—фактъ знаменательный. Вскорѣ, однако, онъ долженъ былъ поневолѣ бросить любимую свою дѣятельность въ Россіи. Уѣхавъ за границу, онъ устроилъ въ Женевѣ русскую семейную школу, не имѣвшую успѣха, хотя она и просуществовала, подъ его руководствомъ, лѣтъ семь. Послѣдніе годы Н. А. Корфъ прожилъ въ своемъ имѣніи.

† 11-го декабря умеръ въ Петербургѣ 49-ти лѣтъ писатель, Василій Васильевичъ Марковъ, почти 25 лѣтъ работавшій на поприщѣ поэзіи и литературы. Сынъ рязанскаго помѣщика, онъ кончилъ курсъ въ Дворянскомъ полку, но не чувствуя никакого призванія къ военной службѣ, задумалъ поступить въ университетъ. Вернувшись къ себѣ на родину въ Касимовъ, онъ вскорѣ убѣдился, что не можетъ, ведя уѣздную жизнь, подготовиться къ университету. Поэтому онъ снова пріѣхалъ въ Петербургъ, почти не имѣя никакихъ средствъ. По совѣту И. И. Введенскаго онъ выучился латинскому и англійскому языкамъ, зная уже основательно французскій и нѣмецкій. Но Введенскій скоро умеръ, а самого Маркова постигла тяжкая болѣзнь,—разстройство нервной системы, мучившая его потомъ всю жизнь. Чернышевскій поручилъ ему перевести Маколея для «Современника» и Шлоссера для «Исторической Библіотеки». Марковъ жилъ исключительно этимъ литературнымъ трудомъ. Въ 1863 году, онъ вступилъ въ редакцію «Русскаго Инвалида», гдѣ писалъ статьи по иностранному отдѣлу, и велъ литературный фельетонъ объ иностранныхъ книгахъ. Эта работа дала ему возможность посѣтить Германію, Францію и Англію. Потомъ онъ перешелъ въ «Петербургскія Вѣдомости», гдѣ писалъ по отдѣлу иностранному и текущей журналистики. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ занимался и научными вопросами, изучалъ сочиненія о происхожденіи варяговъ, творенія Рабеле, перевелъ «Всеобщую исторію» Лоренца съ дополненіями и обширнымъ предисловіемъ. Послѣдніе годы онъ писалъ въ «Новомъ Времени», «Заграничномъ Вѣстникѣ» и «Недѣлѣ». Въ стихахъ его всегда есть мысль и чувство, но форма ихъ не выдержана, и стихъ тяжелъ. По убѣжденіямъ онъ былъ народникъ и эстетикъ, но болѣзненно разстроенный организмъ развилъ въ немъ наклонность къ спиритизму, на которомъ онъ построилъ особенную социологическую теорію. Это увлеченіе фантастическими ученіями, въ соединеніи съ непрочностью литературныхъ трудовъ, прекратило раньше времени полезную, труженническую жизнь честнаго и даровитаго писателя. Изъ отдѣльныхъ сочиненій его главные: «Новѣйшій спиритизмъ, его феномены и ученія» 1877 года, «На встрѣчу», очерки и стихотворенія, 1878 года; «Илья Муромецъ», поэма пѣсня первая, 1880 года; «Курскіе порубежники», историческій романъ въ трехъ частяхъ, Москва, 1879 года.

† Въ Парижѣ умеръ одинъ изъ лучшихъ французскихъ историковъ, Ганри Мартенъ. Онъ родился въ 1810 году въ Сен-Кентенѣ. По окончаніи курса въ мѣстной коллегіи, онъ поступилъ въ контору нотариуса, но послѣ революціи 1830 года переимѣнилъ эту дѣятельность на литературу и написалъ романъ «Wolfhngt». Пристрастившись затѣмъ къ исторіи фронды, онъ въ 1832 и 1833 годахъ написалъ три историческихъ романа на сюжеты, заимствованные изъ этой эпохи: «La Vielle Fronde», «Minuit et midi» и «Le Libelliste». Онъ задумалъ издать исторію Франціи, составленную изъ выписокъ главнѣйшихъ французскихъ лѣтописцевъ и историковъ («Histoire de France par les principaux historiens»), но предпріятіе это не удалось. Тогда Ганри Мартенъ приступилъ къ своему капитальному труду «Histoire de France» (1833—36 г. 15 томовъ). Первое изданіе этой исторіи не было еще окончено, а онъ приступилъ уже къ полной передѣлкѣ сочиненія по болѣе обширному плану и на основаніи новыхъ документовъ. Этотъ колоссальный трудъ продолжался 17 лѣтъ (1837—1855 г.). Нѣкоторыя части новаго изданія вызвали общее одоб

реніе какъ во Франціи, такъ и за границею, особенно описаніе религіозныхъ войнъ и вѣка Людовика XIV. Въ 1855 году Мартенъ приступилъ къ четвертому изданію, которое отличается болѣе тщательными изслѣдованіями исторіи и религіи галловъ, происхожденія французской поэзіи и французскаго языка, событій среднихъ вѣковъ и феодальной системы. Это четвертое изданіе, въ 16 томовъ, было окончено въ 1860 году и признано институтомъ достойнымъ награды въ 20,000 фр. Выбранный во время осады Парижа мэромъ 16-го октября, онъ былъ избранъ депутатомъ 1871 года въ двухъ департаментахъ и энергично возсталъ противъ коммуны. Въ національномъ собраніи Мартенъ игралъ выдающуюся роль въ качествѣ президента республиканской лѣвой. Въ то же время онъ писалъ въ «Siècle» замѣчательныя статьи по внутреннимъ вопросамъ. Избранный въ сенаторы онъ былъ выбранъ также членомъ академіи нравственныхъ и политическихъ наукъ, а въ 1878—членомъ французской академіи. Онъ написалъ также много историческо-политическихъ сочиненій, въ томъ числѣ «Daniel Manin» (1859), «l'Unité italienne et la France» (1861), «Pologne et Moscovie» (1863), «La Russie et l'Europe» (1866). Онъ написалъ также историческую драму «Vercingetorix» (1865). Наконецъ, въ 1867 году онъ издалъ популярную исторію Франціи въ шести томахъ (*Histoire de France populaire illustrée*).

† Франсуа Лепорманъ, извѣстный профессоръ археологіи и членъ французскаго института, скончался въ Парижѣ. Родился онъ въ 1837 году и двадцати лѣтъ уже обратилъ на себя вниманіе ученаго міра своимъ «Опытномъ классификаціи монетъ» и затѣмъ этюдомъ о христіанскомъ происхожденіи синайскихъ надписей. Въ 1860 году онъ путешествовалъ на Востокъ и печаталъ любопытныя корреспонденціи о звѣрствахъ въ Сиріи. Профессоромъ археологіи онъ былъ избранъ въ 1874 году, а членомъ института—три года назадъ. Изъ многочисленныхъ трудовъ его главнѣйшіе «Двѣ французскія династіи у южныхъ славянъ въ XIV и XV вѣкахъ», «Руководство по древней исторіи Востока», «Первобытная цивилизаціи», «Магія на востокѣ» (*Les sciences occultes en Asie*) и др.

ЛЕРМОНТОВСКИЙ МУЗЕЙ.

Существование памяти Пушкина заставило вспомнить и о других борцах за успехи русской мысли и русского слова. Теперь очередь наступила для увековечения памяти М. Ю. Лермонтова. Кому же следовало исполнить долг относительно этой памяти, если не школа, которая в известной степени имела неблагоприятное влияние на нравственное развитие великого поэта? Сь одной стороны—буйныя развлеченія, сь другой—строгое соблюдение фрунтовой рутины — вотъ чѣмъ одолжила юнаго Лермонтова, сколько известно изъ его собственныхъ показаній, школа гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Весьма естественно, что нынѣшнее начальство этой школы, именуемой теперь Николаевскимъ кавалерійскимъ училищемъ, воспользовалось идеей бывшей пушкинской выставки и «Puschkiniana» въ александровскомъ лицѣ, и воплотила эту идею въ болѣе широкихъ размѣрахъ и въ болѣе постоянной формѣ. Мы разумѣемъ открытый 18 декабря музей имени Лермонтова въ Николаевскомъ кавалерійскомъ училищѣ. Музей этотъ задался цѣлью собрать все, что только было, есть и будетъ найдено, напечатано и приведено въ известность, о личности и дѣятельности Лермонтова.

А. А. Бильдерлингъ, начальникъ училища, сопричастный къ міру нашихъ художниковъ, взялся выполнить столь почтенную цѣль. Два года назадъ въ печати явилось его воззваніе къ лицамъ, знавшимъ поэта и близкимъ къ нему, съ просьбой нести все, что у кого есть, для задуманнаго предпріятія. Успѣхъ воззванія превзошелъ всякія ожиданія его автора. Г. Бильдерлингъ сталъ получать и пожертвованія денежныя, и рукописи, и книги и иллюстраціи къ сочиненіямъ Лермонтова, такъ что, по прошествіи какихъ-нибудь двухъ лѣтъ, явилась возможность организовать музей въ шестнадцати отдѣлахъ.

Въ Лермонтовскомъ музеѣ собраны теперь 84 нумера журналовъ, сборниковъ и альманаховъ, въ которыхъ печатались произведенія поэта, начиная съ 1835 года, отдѣльныя изданія сочиненій М. Ю. Лермонтова, въ числѣ

«истор. вѣстн.», январь, 1884 г., т. xv.

15

40, начиная съ «Героя нашего времени» 1840 года; 210 номеровъ сочиненій, журналовъ и сборниковъ съ статьями и отзывами о Лермонтовѣ, собраніе рисунковъ къ его сочиненіямъ, около 150 номеровъ музыкальныхъ произведеній на слова Лермонтова, стихотворенія на смерть его, болѣе 50-ти отдѣльныхъ переводовъ произведеній его на иностранныя языки (съ 1842 года): нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, шведскій, датскій, финскій, латышскій, польскій, чешскій, сербскій и русинскій.

Изъ рукописей Лермонтова интересны шестнадцать тетрадей, писанныхъ рукою поэта, изъ нихъ 11-я содержащая «Ангель смерти», пожертвована въ музей П. А. Ефремовымъ. 16-я, въ листъ, съ юношеской повѣстью безъ заглавія и съ весьма характернымъ рисункомъ перомъ, принесена въ даръ Е. П. Веселовской, рожденной Шахъ-Гирей, а остальные четырнадцать тетрадей пожертвованы А. А. Краевскимъ. Вообще наиболѣе цѣнные вклады въ музей достались отъ гг. Ефремова и Краевского. Они же доставили ему корректурные листы къ разнымъ изданіямъ Лермонтова съ весьма любопытными цензурными помѣтками. Отдѣлъ картинъ и рисунковъ Лермонтова обвѣзанъ своимъ существованіемъ гг. Арнольди, Д. А. Столыпину, племянницѣ поэта по отцу, К. М. Цехановской. Такъ, въ музеѣ имѣются: двѣ картины масляными красками (сцены изъ кавказской жизни), писанные Лермонтовымъ въ селищенскихъ казармахъ Новгородской губерніи, въ лейбъ-гвардіи гродненскомъ гусарскомъ полку, три акварели (лейбъ-гусары подъ Варшавой въ 1831 году, эпизодъ маневра юнкерской школы и третья, изображающая эпизодъ кавказской войны, исполнена на Кавказѣ Лермонтовымъ совмѣстно съ княземъ Гагаринымъ) и два рисунка (сепіею—Божія Матерь съ Спасителемъ и карандашемъ — дѣтская головка, не считая уже мелкихъ набросковъ перомъ и карандашомъ на отдѣльныхъ листкахъ и въ черновыхъ тетрадяхъ. Отдѣлъ этотъ пополнился въ день открытія музея приношеніями: отъ князя Максимова—рисунка, отъ г. Висковатова—двухъ рисунковъ. Отдѣлъ портретовъ Лермонтова не особенно богатъ. Во-первыхъ, обращаетъ на себя вниманіе съ натуры писанный Шахъ-Гиреемъ и пожертвованный княгиней Ухтомской портретъ масляными красками, гдѣ Лермонтовъ представленъ въ гусарской формѣ. Затѣмъ любопытенъ пожертвованный Д. А. Столыпинымъ портретъ тоже съ натуры и тоже красками работы художника Шведе, сдѣланный на Кавказѣ тотчасъ послѣ смерти Лермонтова. Поэтъ лежитъ на кровати подъ простыней, въ сорочкѣ. Художникомъ К. А. Горбуновымъ сдѣланы два портрета: акварельный съ натуры и поясной портретъ въ натуральную величину, пожертвованный гг. офицерами лейбъ-гусарскаго полка. Болѣе извѣстенъ акварельный портретъ 1839 г. работы Кюднера, отпечатанный въ снимкѣ при «Русской Старинѣ» 1875 г. Кроме этихъ оригиналовъ, въ музеѣ собраны фотографіи и снимки съ портретовъ, прилагавшихся къ разнымъ изданіямъ сочиненій Лермонтова.

Весьма интересны портреты прадѣда, дѣда, отца и матери Лермонтова. Всѣ они поясные, въ натуральную величину, писаны масляными красками и могутъ имѣть значеніе даже какъ образчики современной имъ живописи, хотя и неизвѣстно, кто ихъ дѣлалъ. Портрета типической бабушки поэта, Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, урожденной Столыпина, нѣтъ, а есть большая фотографія съ оригинала, хранящагося у Д. А. Столыпина.

М. И. Семеновскій положилъ начало коллекціи портретовъ современниковъ поэта, принесъ въ даръ музею собраніе акварельныхъ портретовъ тридцати

четырёх товарищей и сослуживцев Лермонтова, офицеровъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, начиная съ командира полка до его корнетовъ. Изъ нихъ въ живыхъ остались только кн. Абамеликъ-Лазаревъ, И. Н. Гончаровъ, кн. Меншиковъ и баронъ Розенъ. Отъ того же лица музей получилъ собраніе гравированныхъ портретовъ болѣе выдающихся русскихъ писателей, современныхъ Лермонтову.

Учредитель музея, видимо по своей личной склонности, обратилъ главное вниманіе на художественную часть музея. Если бы гг. Ефремовъ и Краевскій, да еще Б. П. Чичеринъ, не пожертвовали имѣвшимся у нихъ подлинныхъ рукописей, отдѣлъ этотъ вовсе бы отсутствовалъ и пришлось бы довольствоваться лишь копіями съ рукописей. Еще болѣе поразительна бѣдность матеріаловъ для біографіи Лермонтова. Не будь тутъ литографированныхъ приказовъ, отданныхъ по школѣ гвардейскихъ подпоручиковъ, за подписью генераль-маіора Шлиппенбаха, семи высочайшихъ приказовъ о прохожденіи службы Лермонтова и патента, выданнаго поэту на чинъ поручика, то и этотъ отдѣлъ пришлось бы вычеркнуть, ибо въ немъ, помимо перечисленныхъ документовъ, нѣтъ ничего. Разумѣется, разныя картины, писанныя съ фотографій конкеромъ Мезенцовымъ, какъ ни любопытны онѣ для сужденія о развивающемся дарованіи юноши-художника, не могутъ восполнить данный пробѣлъ. Тоже надо сказать и о рисункахъ, аквареляхъ, фотографіяхъ и гравюрахъ (всего около 30-ти) тѣхъ мѣстъ, гдѣ родился, воспитывался, жилъ, похороненъ Лермонтовъ и которыя связаны съ воспоминаніями о немъ.

Вещей, принадлежавшихъ поэту, также немного. Черкесскій поясъ, съ наборомъ чернаго серебра, ношенный Лермонтовымъ на Кавказѣ, пожертвованъ въ музей А. И. Арнольди. Пороховница изъ серебра съ чернью, съ буквою Л., доставлена княземъ С. Н. Трубецкимъ. Книжка, принадлежавшій поэту, принесенъ въ даръ г. Краевскимъ. Чювяки изъ краснаго сафьяна, оставшіеся у камердинера, Андрея Иванова Соколова, который привезъ въ село Тарханы прахъ поэта, и, наконецъ, альбомъ М. М. Лермонтовой, матери поэта—вотъ и всѣ вещи.

Въ итогѣ собрано всего семьсотъ нумеровъ. За два года это, безъ сомнѣнія, внушительная цифра. Но удовольствоваться всѣмъ имѣющимся въ личности въ музей было бы чрезчуръ легкомысленно. Это—только основа будущаго монумента Лермонтову, сооруженнаго его собственнымъ гениемъ. Для познанія же условий жизни и развитія такого гения собранное оказывается даже мизернымъ. Правда, біографъ поэта и теперь найдетъ много интереснаго въ музей, но во многомъ же обнаружится пробѣлъ, при ближайшемъ изученіи предмета. Такіе пробѣлы должны восполниться современнымъ, мало по малу, лишь бы администрація музея не опочила на лаврахъ, съ счастливымъ самодовольствомъ озираясь кругомъ на всѣ эти новенькія витрины съ книгами и рукописями въ изящныхъ картонахъ, на эти заново реставрированные портреты, развѣшенные по стѣнамъ, въ блестящихъ рамкахъ, на эти бюсты дополняющіе симметрію изящной обстановки музея, помѣщеннаго въ особой комнатѣ, заново отдѣланной и украшенной фамильнымъ гербомъ Лермонтова и бронзовымъ медальономъ на массивномъ дубовомъ пьедесталѣ съ надписями кругомъ. Изящная внѣшность и красота—важные аксесуары содержательности, но онѣ же становятся пустою и тщеславной затѣей, какъ скоро служатъ сами себѣ цѣлью.

Все это напоминаемъ мы, разумѣется, не въ укоръ, а въ предостереженіе

администраціи музея, которой не слѣдуетъ забывать, что ея сдѣланъ лишь первый шагъ и что дальнѣйшій успѣхъ музея будетъ всецѣло зависѣть отъ сочувствія публики къ его дѣлу. Это же сочувствіе можно снискать по мѣрѣ того, какъ она ближе ознакомится съ музеемъ и убѣдится, что это не затѣя чьего либо личнаго тщеславія, поддержанная на первыхъ порахъ случайными современателями, а дѣло полезное, необходимое и потому прочное. Администрація музея, конечно, въ интересахъ скорѣйшаго съ нимъ ознакомленія публики, поспѣшила открытіемъ его, не дождавшись даже ближайшаго повода къ такому событію. Въ будущемъ году, какъ извѣстно, минетъ ровно пятьдесятъ лѣтъ со времени выхода изъ юнкерской школы ¹¹. Ю. Лермонтова. Администрація оказалась нѣсколько нетерпѣливой, и, какъ только отдѣлали комнату для музея, поспѣшила его открыть. Отъ души желаемъ, чтобъ эта нетерпѣливость, эта поспѣшность, послужили во благо самому дѣлу. Но что сдѣлано для ознакомленія съ музеемъ? Если не брать въ расчетъ газетныхъ сообщений объ открытіи его, сообщеній, которыя, по самому характеру своему, не могутъ вполнѣ удовлетворить любознательность интересующихся, да если еще пропустить жиденькій отчетъ г. Бильдерлинга, въ декабрьской книжкѣ «Русской Старины», то окажется, что сколько-нибудь обстоятельное ознакомленіе съ музеемъ доступно только тѣмъ, кто лично увидитъ его. Въ Петербургѣ узнаютъ, пожалуй, что Лермонтовскій музей открытъ, а чего ему недостаетъ или что въ немъ есть, не откуда узнать. Г. Глазуновъ, правда, напечаталъ обстоятельный и снабженный иллюстраціями каталогъ г. Бильдерлинга, но каталогъ этотъ не для простыхъ смертныхъ. Да и кому, кромѣ патентованныхъ библіографовъ и истыхъ любителей платить за каталогъ цѣну, какую заблагоразсудится назначить издателю. У насъ и необходимыхъ-то книги туго идутъ, а ужъ на такія исключительныя изданія охотниковъ мало найдется. Въ этомъ отношеніи администрація Пушкинской библіотеки поступала осмотрительнѣе. Каталогъ «Puschkiniana» раздавался и разсылался сколько помнится бесплатно, всѣмъ желающимъ ознакомиться съ новымъ учрежденіемъ. Такъ бы слѣдовало поступить и относительно Лермонтовскаго музея. Г. Глазуновъ издалъ, правда, семь фототипій и два автографа при каталогѣ. За исключеніемъ рисунка дома, гдѣ жилъ Лермонтовъ въ с. Тарханахъ, да еще снимка съ портрета работы Шведе, остальные фототипіи по исполненію довольно плохи. Автографы еще имѣютъ цѣну, въ особенности снимокъ съ вышеупомянутаго характернаго рисунка перомъ изъ 16-й тетради Лермонтова. Но все это—не резонъ, что называется, пользоваться случаемъ и интересующихся дѣломъ музея направлять къ кассѣ издателя. Со стороны г. Глазунова, который путемъ долготѣянаго опыта узналъ цѣну имени Лермонтова, этотъ гешефтъ не удивителенъ, но со стороны администраціи музея допускать его не совсѣмъ-таки благовидно и ужъ вовсе не расчетливо въ интересахъ дѣла.

6. Вулгаковъ.

ОБЪ ИЗДАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОРТРЕТНОЙ ГАЛЛЕРЕИ

Лишь немногимъ любителямъ доступно знакомство съ оригиналами историческихъ портретовъ, хранящимися какъ драгоцѣнное сокровище, унаслѣдованное отъ предыдущихъ вѣковъ, въ публичныхъ библіотекахъ и музеяхъ. Между тѣмъ, для всякаго, занимающагося исторіей вообще, и спеціально исторіей искусствъ и культуры, весьма важно изучать и психологически анализировать портреты знаменитыхъ историческихъ дѣятелей, имѣвшихъ могущественное вліяніе на судьбы міра, и отыскивать связь между чертами лица и историческимъ характеромъ данной личности.

Кромѣ того, не малое значеніе представляетъ также и знакомство съ художниками, рисовавшими эти портреты, такъ какъ въ извѣстные періоды искусства существовали особые взгляды на портретную живопись, отъ которыхъ художники находились въ полной зависимости.

Пользуясь фототипіей, доведенной въ послѣднее время до высокой степени совершенства, мы предпринимаемъ изданіе подъ заглавіемъ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ

Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, по лучшимъ оригиналамъ, съ краткими біографіями.

Изданіе это будетъ выходить, по мѣрѣ изготовленія фототипій, выпусками по 8 портретовъ и біографій въ каждомъ.

ВЫПУСКИ БУДУТЪ РАСПРЕДѢЛЕНЫ СЛѢДУЮЩИМЪ ОБРАЗОМЪ:

Государи и папы.

Государственные люди, полководцы, герои, моряки.

Писатели.

Композиторы и музыканты.

Ученые, педагоги, реформаторы.

Знаменитыя женщины.

Цѣна каждому выпуску 2 руб., съ пересылкой 2р. 50 коп.

Отдѣльно портреты не продаются.

„Историческая портретная галлерей“, будетъ печататься всего въ количествѣ 150 экземпляровъ. Фототипіи для настоящаго изданія изготовляются въ художественномъ заведеніи Фр. Брукманна въ Мюнхенѣ.

0 выходѣ каждаго Выпуска будетъ объявляться особо.

Съ требованіями слѣдуетъ обращаться въ книжные магазины «Новаго Времени» Петербургъ, уголъ Михайловской улицы и Невскаго проспекта, домъ Волжско-Камскаго банка, и Москва, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЖИВОПИСНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1884. — Двѣнадцатый годъ изданія. — 1884.

Всѣмъ подписчикамъ въ теченіи года вышлетя:

- 1) 52 еженедѣльныхъ нумера каждый въ два большихъ печатныхъ листа съ 5—6 рисунками въ текстѣ.
- 2) 12 ежемѣсячныхъ книжекъ въ 8-ю долю, объемъ въ 10 печатныхъ листовъ.
- 3) 12 ежемѣсячныхъ нумеровъ «Парижскихъ модъ».
- 4) Безилатная премія, — олеографія съ картины извѣстнаго художника **В. Е. МАКОВСКАГО**

„МАЛОРОССІЙСКІЙ ДѢВЧИЧНИКЪ“

(Размѣръ преміи: 20 верш. длины и 13 верш. ширины).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

Съ доставкой и пересылкой: Безъ доставки и пересылки:

За годъ 8 р., за полгода 4 р. 50 к.   За годъ 9 р. 60 к., за полгода 4 р.

За границу: за годъ—12 р., за полгода—6 руб.

За пересылку преміи страховою посылкою 60 к.

Адресъ конторы и редакціи журнала: С.-Петербургъ, уголъ Николаевской и Колокольной домъ Боборыкиной.

Для помѣщенія въ 1884 г. редакція уже имѣетъ слѣдующія произведенія: **А. Михайлова**, «И золотомъ и молотомъ», ром.; **Его-же**, «Изъ міра довольства и благополучія», рядъ рассказовъ; **Н. Лѣскова**, «Отборное зерно» (комическая трилогія); **Евгенія Маркова** «Путешествіе въ Дагестанъ» **И. Северина**, «Врали» комедія; **П. Полеваго**, «Шуты и скоморохи» картины изъ сродневѣковаго быта; **К. Соборной** (псевдонимъ), «Въ погонѣ за богатствомъ», романъ; **П. Тройницкаго**, «Петербургъ» (центры умственной жизни); **А. Сиононой**, «Чья возьметъ», повѣсть; **А. Круглова**, «Разказы изъ народнаго быта»; **А. Митурича**, «Новая звѣзда», большая повѣсть; **А. Сахаровой**, «Чайка не ласточка», рассказъ; **В. Юрьева**, «Фея горъ», поэма; **Г. Сенкевича**, «Огнемъ и мечемъ», историч. романъ; **М. Цебриковой**, «Американки», изъ-за атлантической литературной жизни; **Н. Краснова**, «Поискъ походнаго атамана Ивана Богатаго подъ Цареградъ» — изъ донской старины; **П. Васильева**, «Нравственная зараза», очерки; **Ранцони**, «Проклятіе и искушеніе», ром. съ иллюстраціями Каргера и мн. др.

Редакторъ-Издатель **Н. П. ПОЛЕВОЙ.**

— Объявленія —

**ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА:
СОЧИНЕНІЯ**

ПАВЛА ЯКУШКИНА.

Разказы и очерки.—II. Путевыя письма.—III. Народныя стихи и пѣсни. Съ портретомъ автора, его биографіею С. В. Максимова и товарищескими о немъ воспоминаніями: П. Д. Боборыкина, П. Я. Вейнберга, И. О. Горбунова, А. Ф. Иванова, Н. С. Курочкина, Н. А. Лейкина, Н. С. Лѣскова, Д. Д. Минаева, В. Н. Никитина, В. О. Португалова и С. И. Турбина. Изданіе Вл. Михневича 830 стр. in 8° убористой печати. Ц. 4 р. 30 к., пересылка за 3 ф.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ ВЛ. МИХНЕВИЧА:

ИСТОРИЧЕСКІЕ ЭТЮДЫ РУССКОЙ ЖИЗНИ:

Томъ I-й: Очеркъ исторіи музыки въ Россіи въ культурно-общественномъ отношеніи (I. Дохристіанская Старина; II. Византійско-московская Типина; III. Шпильманская хитрость изъ-за моря; IV. Опереточный вѣкъ; V. Кавось и его время). 1879 г. 310 стр. in 8° Ц. 2 р. 25 к. перес. за 2 ф.

Томъ II-й: Народная копилка Христа ради.—Исторія русской бороды.—Исторія одного проклятаго вопроса.—Объединители.—Пляска на Руси въ хородѣ, на балу и въ балетѣ.—Извращеніе народнаго пѣснотворчества. 1882 г., 430 стр. in 8° Ц. 2 р. 25 к., перес. за 2 ф. Готовится къ печатанію III-й т. «Истор. Этюдовъ»: «Русская женщина XVIII столѣтія»

ВАРШАВА и ВАРШАВЯНЕ.

Наблюденія и замѣтки: I. Вступительн. замѣтки.—II. Значеніе Варшавы польско-національное и обще-славянское.—III. Варшава, какъ городъ.—IV.—Варшавяне.—V. Варшавская общественная жизнь.—VI. Прошлое польскаго театра.—VII. Современ. польскаго комедія.—VIII. Варшав. театры и музеи.—IX. Крашевскій и его юбилей.—X. Чего хотятъ и куда идутъ привислян. поляки?—XI. Послѣднее слово польской исторической науки.—XII. Варшавская журналистика. 1881 г. 225 стр. Ц. 1 р. 25 к., перес. за 1 ф.

ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ОМУТѢ.

Романъ-фельетонъ изъ временъ войны 1877 года. Изд. второе. 1879 г. 420 стр. Ц. 1 р. 25 к. перес. за 1 ф.

МЫ, ВЫ, ОНИ, ОНЪ.

Юмористическіе очерки и шаржи, въ трехъ серіяхъ: I. Отлогоски изъ временъ войны. II. Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. III. Дачныя картинки 1879 г. 415 стр. Цѣна 1 р. 60 к., перес. за 1 ф.

Готовятся къ печати того-же автора слѣд. книги: 1) „Словарь современниковъ“ съ 50-ю портретами — карикатурами, и 2) „Явны Петербурга“, опытъ нравствен. статистики столич. населенія.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ у автора: Спб. Измайловскій просп. и Троицкій пр. № 6. Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.

Выписывающіе не менѣе пяти экземпляровъ каждаго изданія пользуются уступкой 20%.

У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ПРОДАЮТСЯ КНИГИ

Н. ЛЕЙКИНА.

«ХРИСТОВА НЕВѢСТА, КУСОКЪ ХЛѢБА», романъ и повѣсть, изданіе 3-е, 1884 г. 288 стр. Ц. 1 р. 50 к. «КАРАСИ и ЩУКИ», 1883 г. 306 стр. 60 разск. Ц. 1 р. 50 к. «ТЕПЛЫЕ РЕБЯТА» (съ портретомъ автора) 1882 г., 316 стр., 62 юмористическія разсказа Ц. 1 руб. 50 к. — ГУСИ ЛАПЧАТЫЕ 1881 г., 300 стр., 65 разсказ. Ц. 1 р. 50 к., МУЧЕНИКИ ОХОТЫ. 1880 г., 268 стр. 53 разск. Ц. 1 р. 50 к.—МѢДНЫЕ ЛЬВЫ. 1880 г., около 300 стр., 35 разск. Ц. 1 р. 50 к.—САВРАСЫ БЕЗЪ УЗДЫ, 1880 г., около 300 стр., 72 разск. Ц. 1 р. 50 к.—НАШИ ЗАБАВНИКИ (Изд. 2-е, дополненное). 1881 г., 81 юмор. разск., 315 стр. Ц. 1 р. 50 к.—НЕУНЫВАЮЩІЕ РОССІЯНЕ (Изд. 2-е, дополненное). 1881 г., 42 юмор. разск., 300 стр. Ц. 1 р. 50 к.—ШУТЫ ГОРОХОВЫЕ (Изд. 2-е, дополненное). 1880 г. 87 юмор. разск. 320 стр. Ц. 1 р. 50 к.

Лица, выписывающія черезъ контору редакціи журнала „Осколки“ (С.-Петербургъ, Николаевская, № 10)., за пересылку ничего не платятъ.

У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

Ц В Ъ Т Ы И З М Ъ И

САТИРА, ЮМОРЪ И ФАНТАЗІЯ.

Сборникъ шаловливыхъ стиховъ и напѣвовъ

Л. И. ПАЛЬМИНА.

Изданіе журнала «Осколки». Книга содержитъ въ себѣ 268 стр.

Цѣна 1 р. 50 к.

Лица, выписывающія черезъ контору журнала «Осколки» (Спб. Николаевская ул., д. № 10), за пересылку не платятъ.

У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

ПОДЪ ГНЕТОМЪ.

Повѣсти и рассказы **К. БАРАНЦЕВИЧА.**

Спб., 1884 г., 323 стр., ц. 1 р. 50 к.

Изданіе редакціи журнала «Осколки».

Лица, выписывающія черезъ контору редакціи «Осколки», за пересылку не платятъ.

САВАНАРОЛА

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

ИЗЪ

ВРЕМЕНЪ ВОЗРОЖДЕНІЯ ВО ФЛОРЕНЦІИ И РИМЪ

(СЪ 44 ГРАВЮРАМИ НА ДЕРЕВЪ)

Адольфа ГЛАЗЕРА

ПРИЛОЖЕНІЕ
къ
«ИСТОРИЧЕСКОМУ ВЪСТНИКУ»

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ А. С. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., Д. № 11—2

1884

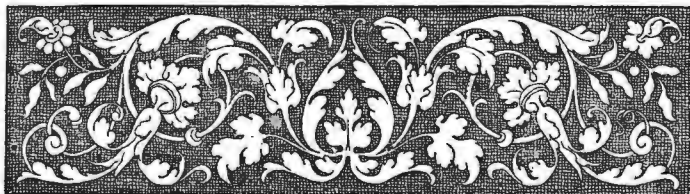

Саванарола во Флоренци, во время карнавала 1497 года.

ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА, ВЪГЛЕДЕВЪ ПЕР., Д. 11—2.

ДОЗВОЛЕНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ 22 ДЕКАБРЯ 1863 Г.

ГЛАВА I.

Заговоръ во Флоренціи.

Флоренція еще съ давнихъ временъ славилась красотой своихъ окрестностей. Холмы, окружавшіе ее со всѣхъ сторонъ точно зеленыя стѣны, были покрыты уже тогда красивыми виллами, утопавшими въ зелени виноградниковъ, а на вершинахъ этихъ холмовъ красовались зубчатая стѣны и башни замковъ, представлявшихъ настоящія крѣпости, готовыя дать отпоръ дерзкому врагу. Съ возвышенныхъ мѣстъ открывался чудный видъ: внизу красивый и цвѣтушій городъ, пересѣкаемый рѣкою Арно, черезъ которую были перекинута изящные мосты, а кругомъ, вблизи и вдали, прелестные дворцы и виллы, куда богатые и знатные жители города удалялись для отдыха. Флоренція вполне заслужила свое названіе „цвѣтушаго города“, которое было дано ей еще древними римлянами. Вначалѣ это была небольшая римская колонія, но, благодаря своему великолѣпному мѣстоположенію и развитію шелковой промышленности, Флоренція съ теченіемъ времени превратилась въ большой городъ, добившійся полной самостоятельности и подчинившій себѣ другіе города, въ особенности Пизу, которая

1*

нужна была Флоренці, какъ гавань для свободнаго сообщенія съ Средиземнымъ моремъ.

Но не одна Флоренція представляла изъ себя такое самостоятельное государство; Миланъ, Генуя, Римъ и другіе города Италіи также были независимы и, вообще, вся Италія въ средніе вѣка была раздроблена на множество мелкихъ государствъ. Одинъ и тотъ же народъ, исповѣдывавшій одну и ту же религію и говорившій на одномъ и томъ же языкѣ, населялъ всѣ эти мелкія государства, вѣчно враждовавшія между собою и не стѣснявшіяся призывать на помощь иностранцевъ—французовъ, испанцевъ и даже турокъ для избіенія своихъ же братьевъ итальянцевъ. Но и внутри государствъ и въ самостоятельныхъ городахъ вражда и борьба вліятельныхъ и знатныхъ дворянскихъ родовъ, оспаривавшихъ власть другъ у друга, никогда не прекращалась. Эта борьба приводила иногда къ рѣзнѣ на улицахъ города, къ убійствамъ изъ за угла. Вообще, убійства, явныя и тайныя, и заговоры составляли тогда самое обычное явленіе въ Италіи, и побѣдители учиняли кровавую расправу надъ побѣжденными. То были тяжелыя, мрачныя времена, залитыя кровью многихъ невинныхъ людей и, конечно, они оставили бы по себѣ въ исторіи Италіи одни только страшныя воспомнанія, еслибы искусства и науки не достигли въ Италіи именно въ это время очень высокой степени развитія и процвѣтанія, благодаря покровительству тщеславныхъ и соперничавшихъ между собою правителей итальянскихъ государствъ.

„Цвѣтушій городъ“ Флоренція не составлялъ исключенія изъ этого общаго правила. Здѣсь, какъ и въ другихъ областяхъ Италіи, не прекращалась глухая борьба между людьми, желавшими захватить власть

въ свои руки. Наряду съ вѣчными внутренними междуусобными распрями Флоренці приходилось еще вести войны съ сосѣдями, съ цѣлью расширенія своихъ владѣній. Но какъ ни тяжелы были эти условія жизни, они все-таки имѣли одну хорошую сторону: они закаляли мужество гражданъ и способствовали появленію среди нихъ свѣтлыхъ личностей, не преслѣдовавшихъ никакихъ честолюбивыхъ цѣлей, а готовыхъ жертвовать собой, чтобы спасти свою родину отъ гибели, и храбро боровшихся со всякими притѣсненіями, несправедливостями и пороками, которые были распространены въ тогдашнемъ итальянскомъ обществѣ. Многіе изъ этихъ борцовъ за правду и проповѣдниковъ добра и свѣта погибли мученической смертью, но смерть ихъ не пропала даромъ для будущихъ поколѣній, и проповѣдь ихъ все-таки принесла плоды. Имена такихъ великихъ борцовъ, гдѣ бы они ни дѣйствовали, являются потомъ уже достояніемъ всего человѣчества, которое съ благодарностью вспоминаетъ о нихъ.

Въ XV вѣкѣ во Флоренці власть надъ городомъ находилась въ рукахъ Косьмы Медичи, одного изъ умнѣйшихъ людей своего времени, происходившаго не изъ знатнаго дворянскаго рода, а изъ купеческой семьи, составившей себѣ громадное состояніе торговлей. Въ такомъ промышленномъ городѣ какъ Флоренція купцы и ремесленники, конечно, должны были играть большую роль. Въ семьѣ Медичи они видѣли свою опору и поэтому были безусловно ей преданы. Но Медичи вообще пользовались народною любовью за то, что еще въ концѣ XIV вѣка принимали участіе въ борьбѣ народа со знатными дворянами и всегда стояли на его сторонѣ. Когда побѣда въ этой борьбѣ ока-

залась на сторонѣ знати, Медичи были изгнаны изъ Флоренціи, но въ XV вѣкѣ они вернулись, и Косьма Медичи, воспользовавшись неудовольствіемъ народа на управленіе дворянъ за частыя войны и тяжелые налоги, захватилъ въ свои руки власть. Съ того момента до конца столѣтія Медичи управляли флорентинскою республикой и приобрѣли громкую извѣстность тѣмъ, что покровительствовали искусствамъ, достигшимъ во Флоренціи во время ихъ управленія очень высокой степени процвѣтанія. Косьма Медичи названъ былъ кромѣ того „отцомъ отечества“ еще за то, что свои богатства онъ употреблялъ на благо народа, никогда не прибѣгалъ къ вымогательствамъ и въ голодный годъ раздавалъ хлѣбъ народу. Онъ всячески старался уладить внутренніе раздоры и распри и, чтобы привлечь на свою сторону властолюбивую знать города, породнился съ семьєю самаго вліятельнаго противника своего Пацци, выдавъ замужъ свою внучку Бланку за Вильгельма Пацци.

По смерти Косьмы, котораго оплакивала вся Флоренція, городъ призналъ своимъ главой его сына Пьетро, отца Бланки. Къ сожалѣнію, Пьетро былъ слабый и больной человекъ, далеко не обладавшій умомъ и энергіей своего отца. Онъ недолго правилъ Флоренціею и скоро умеръ. Послѣ него остались два сына: Лоренцо и Джуліано, на которыхъ флорентинцы перенесли свою привязанность къ дому Медичей, хотя оба юноши, воспитанные въ роскоши и богатствѣ, ничѣмъ еще не успѣли зарекомендовать себя въ глазахъ народа. Этимъ то обстоятельствомъ задумали воспользоваться нѣкоторые изъ знатныхъ родовъ во Флоренціи, чтобы отнять у Медичей власть и господство надъ городомъ.

Внучка Косьмы Медичи, Бланка, вышедшая замужъ

за Вильгельма Пацци, славилась своею красотой, скромностью и кротостью нрава. Она пользовалась всеобщою любовью, и бракъ ея былъ очень счастливый. Она жила съ мужемъ въ прелестной виллѣ въ окрестностяхъ Флоренціи. Вильгельмъ Пацци очень любилъ заниматься сельскимъ хозяйствомъ и самъ управлялъ своими обширными помѣстьями. Хозяйство его было образцовое, и Бланка помогала ему во всемъ. Но, какъ истый потомокъ Медичей, Бланка питала также особенную любовь къ искусствамъ и старалась украшать свою виллу лучшими художественными произведеніями. И Вильгельмъ и Бланка охотнѣе всего проводили время дома, въ кругу близкихъ, но Вильгельму все-таки приходилось часто бывать въ городѣ по разнымъ дѣламъ. По воскресеньямъ онъ также имѣлъ обыкновеніе ѣздить въ городъ, чтобы присутствовать на торжественномъ богослуженіи въ соборѣ. Поэтому Бланка была очень удивлена, когда онъ въ одно изъ воскресеній объявилъ ей, что не поѣдетъ въ городъ, а будетъ слушать обѣдню въ своей домовой церкви.

Это показалось ей тѣмъ болѣе удивительнымъ, что именно сегодня долженъ былъ служить въ соборѣ новый архіепископъ и, конечно, на этомъ богослуженіи должна была присутствовать вся знать города, такъ что отсутствіе Вильгельма Пацци могло показаться страннымъ. Новый архіепископъ, Пьетро Ріаріо, былъ родственникъ папы Сикста IX, который раздавалъ высокія должности всѣмъ своимъ роднымъ и теперь назначилъ своего племянника Пьетро архіепископомъ Флоренціи. Молодой архіепископъ сразу пріобрѣлъ громкую извѣстность своею невѣроятною расточительностью и роскошью пировъ, которые онъ задавалъ въ своемъ дворцѣ. Когда онъ пріѣхалъ во Флоренцію съ блестящею свитой, то

о немъ уже гремѣла громкая слава, и всѣ ожидали, что свое первое появленіе въ соборѣ онъ обставитъ особенною пышностью.

— Не думай, что я не ѣду туда изъ гордости или зависти!—сказалъ Вильгельмъ. — Мнѣ рѣшительно все равно. Но меня удерживаетъ сегодня дома какое то смутное предчувствіе. Впрочемъ, я не думаю, чтобы мое отсутствіе было замѣчено кѣмънибудь.

Онъ проговорилъ послѣднія слова съ усиліемъ, какъ будто нехотя, но Бланка не имѣла ни малѣйшаго подозрѣнія о томъ, какія причины побуждаютъ его не ѣхать въ городъ, и поэтому сказала:

— Врядъ ли на такомъ торжествѣ можетъ пройти незамѣченнымъ отсутствіе одного изъ членовъ дома Пацци.

— Ты ошибаешься,—возразилъ Вильгельмъ съ отѣнкомъ горечи.—Наша семья теперь совсѣмъ отодвинута на задній планъ. Твои братья занимаютъ первое мѣсто послѣ смерти твоего отца, и поэтому никто теперь не обратитъ вниманія, находилась ли въ соборѣ вся семья Пацци или не хватало кого-нибудь изъ ея членовъ.

Тонъ, которымъ были сказаны эти слова, произвелъ на Бланку непріятное впечатлѣніе, и она замѣтила мужу:

— Ты знаешь, какъ я горюю о вашихъ раздорахъ, и какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы обѣ наши семьи жили всегда въ согласіи. Но я думаю, что именно теперь тебѣ не нужно оставаться въ тѣни. Твой братъ Францискъ, къ которому очень благоволитъ папа, сопровождаетъ архіепископа, и я надѣялась, что его присутствіе можетъ послужить къ примиренію моей и твоей семьи. Ты отказался присутствовать

на празднествахъ, устраиваемыхъ въ честь новаго архіепископа, и поэтому я думаю, что тебѣ слѣдовало бы быть на сегодняшнемъ торжественномъ богослуженіи.

— Моя дорогая,—сказалъ Вильгельмъ, обнимая ее и цѣлуя въ лобъ,—тебѣ трудно понять тѣ чувства зависти и злобы, которыя такъ часто возникаютъ въ сердцахъ людей и даютъ поводъ къ распрямъ, нарушающимъ миръ нашего города. Мой братъ Францискъ дѣйствительно пользуется расположеніемъ нашего новаго архіепископа и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ изъ Рима во Флоренцію, но его присутствіе здѣсь меня не очень то радуетъ. Впрочемъ, не будемъ больше говорить объ этомъ и пожелаемъ, чтобы сегодняшній день прошелъ благополучно и не принесъ намъ ничего дурнаго.

Бланкѣ почудились въ словахъ ея мужа словно раскаты отдаленнаго грома, и какой-то смутный страхъ закрался въ ея душу. Она, однако, овладѣла собой.

— Какъ ты серьезно говоришь это!—сказала она и, взявъ его за руку, подвела къ окну, откуда открывался чудный видъ на Флоренцію. Это было въ концѣ апрѣля, и все кругомъ цвѣло и благоухало.

— Взгляни, какъ хороша Флоренція, нашъ чудный цвѣтущій городъ, освѣщенный лучами солнца,—прибавила Бланка—взгляни и отгони всѣ мрачныя мысли. Я уже давно замѣчаю, что у тебя что то на душѣ. Ужъ не обидѣлъ ли тебя мой братъ Лоренцо? Его честолюбіе, я знаю, очень велико. Отчего это лучшіе люди во Флоренціи не могутъ жить въ мирѣ и дружбѣ, и неужели вы вѣчно будете враждовать другъ съ другомъ?

— Спроси объ этомъ своего брата Лоренцо,—возразилъ раздраженно Вильгельмъ, но когда увидѣлъ, что

Бланка грустно поникла головой, онъ обнялъ ее и сказалъ:—Какъ грустно, что умерли твои отецъ и дѣдъ. Я увѣренъ, что они, ради нашихъ дѣтей, постарались бы сохранить миръ между нашими семьями и не дали бы разгорѣться враждѣ. Однако, гдѣ же дѣти? я ихъ еще не видѣлъ сегодня.

— Я ихъ сейчасъ приведу,—поспѣшила отвѣтить Бланка и вышла изъ комнаты.

Какъ только дверь закрылась за нею, Вильгельмъ снова погрузился въ мрачное раздумье. Тревога все сильнѣе овладѣвала имъ—онъ зналъ, что въ данную минуту рѣшается судьба его родного города. Лоренцо Медичи вмѣстѣ съ братомъ Джуліано неограниченно управляли Флоренціей, все рѣже и рѣже справляясь съ желаніями народа и еще менѣе обращая вниманія на желанія знатныхъ дворянъ, очень неохотно покорявшихся имъ. Понятно, что оба брата Медичи нажили себѣ много враговъ среди флорентинской знати, но народъ, въ память ихъ дѣда, все-таки оставался на ихъ сторонѣ.

Лоренцо Медичи прежде всего нанесъ оскорбленіе флорентинскому дворянству тѣмъ, что выбралъ себѣ жену изъ знатной римской семьи Орсини, а не изъ флорентинскихъ дворянокъ, а затѣмъ онъ возбудилъ противъ себя ненависть дворянъ, и въ особенности семьи Пацци, разными притѣсненіями. Лоренцо желалъ устранить всѣхъ своихъ соперниковъ и такъ какъ Пацци онъ считалъ самыми опасными, то на долю ихъ выпало больше всего неприяностей. Мужа своей сестры, Вильгельма, Лоренцо считалъ безопаснымъ и поэтому оставлялъ его въ покоѣ, но другіе братья Вильгельма, въ концѣ концовъ, вынуждены были покинуть Флоренцію и, конечно, искали только случая отомстить Лорен-

цо. Франциско Пацци, бывший однимъ изъ приближенныхъ папы, старался всячески возбудить его противъ Медичей, которыхъ онъ желалъ устранить. Когда племянникъ папы, Пьетро Ріаріо, былъ назначенъ архіепископомъ во Флоренціи, то въ головѣ Франциска тотчасъ же зародился планъ заговора противъ Медичей.

Франциску нетрудно было привлечь на свою сторону новаго архіепископа. Онъ зналъ, что подъ его защитою можетъ спокойно отправиться во Флоренцію и тамъ приготовить ударъ, который долженъ былъ уничтожить обоихъ братьевъ Медичи. Всѣ проживавшіе во Флоренціи члены семьи Пацци считали долгомъ чести участвовать въ этомъ заговорѣ, и только Вильгельмъ, по весьма понятнымъ причинамъ, отказался отъ участія въ немъ, но за то онъ долженъ былъ поклясться не мѣшать заговору и хранить его въ безусловной тайнѣ.

Весь планъ заговора, имѣвшаго цѣлью убійство братьевъ Медичи и перемѣну правительства во Флоренціи, былъ задуманъ и обработанъ Францискомъ Пацци и архіепископомъ Пьетро Ріаріо, но кромѣ нихъ въ заговорѣ принимали участіе и многіе другіе противники и враги Медичей. Рѣшено было воспользоваться тѣмъ, что оба брата должны присутствовать на торжественномъ богослуженіи въ соборѣ, и тамъ убить ихъ.

Вильгельмъ подозрѣвалъ, что покушеніе на убійство обоихъ братьевъ Медичи должно произойти именно во время торжественнаго богослуженія въ соборѣ. Волненіе его возрастало все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ проходило время. Черезъ нѣсколько часовъ во Флоренціи могли произойти очень важныя событія, и эта мысль заставляла тревожно биться его сердце.

Приходъ Бланки оторвалъ на мгновеніе Вильгельма

отъ его тревожныхъ думъ. Бланка вела за руку двухъ прелестныхъ дѣтей, мальчика и дѣвочку. Во всякое другое время отецъ съ восторгомъ обнялъ бы ихъ, но на этотъ разъ видъ любимыхъ дѣтей не вызвалъ въ немъ обычной радости. Бланка замѣтила это, и безпокойство ея еще увеличилось, когда мужъ сказалъ ей:

— Знаешь ли, я необдуманно поступилъ, что не отправился на сегодняшнее торжество. Я велю осѣдлатъ лошадь и поѣду въ городъ. Быть можетъ, я поспѣю во время.

Вильгельмъ самъ хорошенько не зналъ, что онъ дѣлаетъ; онъ понималъ только одно, что ему надо во что бы то ни стало предупредить убійство. Будь что будетъ, но онъ чувствовалъ, что не можетъ спокойно оставаться на мѣстѣ и долженъ быть тамъ, гдѣ рѣшается судьба его родного города.

Бланка поняла, что надвигается что то серьезное, и сердце ея тревожно сжалось. Она не успѣла вымолвить слова, какъ Вильгельмъ уже былъ за дверью. Въ окно она видѣла, какъ онъ выбѣжалъ на дворъ и черезъ нѣсколько минутъ ему подвели осѣдланную лошадь. Вильгельмъ сѣлъ на нее и ускакалъ по направленію къ городу.

Когда Вильгельмъ вѣхалъ въ городскія ворота, до него донеслись крики и шумъ, раздававшіеся на улицахъ, и онъ понялъ, что опоздалъ. Ему захотѣлось поскорѣе узнать, что произошло, онъ поскакалъ впередъ и очутился среди бѣснующейся толпы, которая неслась по улицамъ и въ слѣпой ярости требовала немедленнаго умерщвленія всѣхъ лицъ, принадлежащихъ къ семьѣ Пацци. Вильгельму грозила опасность быть растерзаннымъ этой толпой, разъяренной тѣмъ, что совершенно было покушеніе на любимцевъ народа—Медичей.

ИЗДАНИЯ А. С. СУВОРИНА.

(Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ (Суворина) въ Петербургѣ и Москвѣ).

Арсеньевъ, А. В. Карта для нагляднаго обзорѣнія истории и хронологии русской литературы съ «Словаремъ писателей» древняго периода русской литературы IX—XVII вѣка. Сост. подъ редакціей О. В. Миллера. Ц. 2 р.

Ахшарумовъ. Во что бы ни стало. Романъ. Ц. 2 р. 25 к.

Балетоманъ. Балетъ и его исторія. Ц. въ переплетъ 3 р.

Баранецкій, П. Лѣсоохраненіе. Спб. 1880. Ц. 2 р. 50 к.

Боровиковскій, А. Систематическій сборникъ рѣшеній Гражд. Касс. Департамента Правительственнаго Сената за 1879 г. Матеріальное право. Спб. 1882. Ц. 3 р.

Боровиковскій, А. Законы Гражданскіе (сводъ законовъ т. X. ч. I.). Съ объясненіями по рѣшеніямъ Гражд. Касс. Деп-та Прав. Сената, изданнымъ съ 1866 г. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1883. Ц. 5 р.

Богословскій, В. С. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Предназначается для врачей и лицъ, отправляющихся на воды. Ц. 2 р.

Богословскій, А. Арацесвщина. Ц. 2 р.

Буренинъ, В. Вылое. Стихотворенія. Ц. 1 р. 75 к.

Буренинъ, В. Стрѣлы. Стихотворенія. Ц. въ перепл. 2 р.

Бѣляевъ, А. Воспоминанія декабриста о перешитомъ и перечувствованномъ (1805—1850). Ц. 2 р.

Ванъ-дънъ-Бергъ. Братная исторія Востока. Съ 24 грав. и вишестками. Ц. 60 к. въ перепл. 80 к.

Вернь, Ж. Плавающій городъ. Съ 26 рисун. Ц. 1 р. Роскош. изданіе на веленовой бумагѣ. Ц. 1 р. 50 к.

Вернь, Ж. Дѣти капитана Гранта. (Путешествіе вокругъ свѣта). Въ 3-хъ част. Съ 168 рис. Ц. 3 р. 50 к. Роскош. изданіе на веленовой бум. 5 р.

Вернь, Ж. Путешествіе вокругъ свѣта въ 80 дней. Съ 55 рис. Ц. 1 р. 50 к. Роскош. изданіе на веленовой бумагѣ 2 р. 50 к.

Вернь, Ж. Приключенія капитана Гаттераса. Съ 252 рисунками. Ц. 2 р. 50 к. Роск. изданіе на веленовой бум. 4 р.

Вернь, Ж. Путешествіе вокругъ луны. Съ 44 рисунками. Ц. 1 р. 25 к. Роскош. изданіе на веленовой бум. 3 р.

Вернь, Ж. Восемьдесятъ тысячъ верстъ подъ водой. Путешествіе подъ волнами океана. Въ 2-хъ частяхъ. Съ 107 рис. Спб. 1883. Ц. 3 р.

Генцель, Э. Царство протистовъ. Очеркъ низшихъ организмовъ. Невъ. съ ил. Подъ ред. В. К. Браунъ та. Съ 58 рис. Ц. 1 р. 20 к.

Генсли. Введеніе въ науку. Руководство къ пониманію природы и ея явленій. Ц. 30 к.

Гельвальдъ, Фр. Естественная исторія племенъ и народовъ. Со мною. иллюстраціей. Выходитъ выпусками. Ц. каждому выпуску 80 к.

Горбуновъ, И. Ф. Сценки и рассказы. 6-е, значительно дополненное изданіе. Ц. 1 р. 75 к.

Гродековъ, Н. И. Чрезъ Агганистанъ. Пут. записки. Ц. въ пер. 2 р.

Гюго, Викторъ. Отверженные. Романъ. Ц. 3 р. 50 к.

Додз, А. Королева Фредерика. (Короли въ изгнаніи). Романъ. Ц. 1 р. 50 коп.

Драматическій словарь. Воспроизведеніе изд. 1787 г. Ц. 2 р. На велен. бум. 5 р.

Есиповъ, Г. В. Люди стараго вѣка. Рассказы изъ дѣлъ преобразеннаго приказа и тайной канцеляріи. Ц. 1 р. 50 к.

Иллюстрированная исторія Петра Великаго. Текстъ прое. А. Г. БРИКНЕРА. Гравюры на деревѣ Паннемакера, Матте, Кеазберга, Эртеля, Кюсса, Хельма, Зубанинова, Рашенскаго, Шляпера и Винклера. Заглавный листъ, загл. буквы и украшенія худ. Панова. 2 т. Ц. 15 р., въ изд. коленк. пер. 16 р. 50 к., въ роск. шагр. перепл. съ зол. обрѣзкомъ 21 р.

Ностомаровъ, Н. И. Черняговка. Бывъ. Ц. 1 р. 50 коп.

Ностомаровъ, Н. Кудеяръ. Историческая хроника въ 3-хъ книгахъ. Ц. 2 р.

Краузе, Вл. Гомеровскій Словарь (къ Илиадѣ и Одиссею). Съ 180 рис. въ текстѣ и картюж. Трои. Ц. 1 р. 50 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Альбомъ (Группы и портреты). Ц. 1 р. 75 коп.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Барятово. Ц. 1 р. 50 к.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Первая борьба. Ц. 1 р.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Встрѣча. Романъ. Ц. 1 р.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Въ ожиданіи лучшаго. Ром. Ц. 2 р.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Повѣсти 3 ч. Ц. 5 р.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Очерки и отрывки. 2 книги. Ц. 3 р.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Большая Медвѣдица. Романъ. 2 т. Ц. 3 р.

Крестовскій, В. (псевдонимъ). Испытаніе. Романъ. 83. Ц. 1 р. 50 коп.

Кущевскій, И. А. Рассказы. Ц. 1 р. 50 коп.

Лермонтовъ, М. Ю. Юношескія драмм. Ц. 1 р. 50 к.

Лейснеръ. Нашъ вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи, искусства, науки и промышленности. Со множествомъ портретовъ, рисунковъ, автографовъ и др. иллюстрацій. Цена каждому выпуску 35 коп.

Лѣсковъ, Н. С. Три праведника и одинъ Шермуръ. Ц. 1 р. 50 к.

Лѣсковъ, Н. Некуда. Романъ. Ц. 3 р.

Лѣсковъ, Н. Слѣдъ и Горе. Воспоминанія покойнаго человѣка. Ц. 1 р. 50 к.

Магаффи. Древне-греческая жизнь. Съ рис. Ц. 60 коп. въ перепл. 80 к.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Программа „Историческаго Вѣстника“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „Историческому Вѣстнику“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергія Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІЯ А. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 11 — 2

СО Д Е Р Ж А Н И Е.

ФЕВРАЛЬ, 1884 г.

	Стр.
I. Сторонники воцаренія Екатерины II. Д. А. Борсакова	231
Иллюстраціи: Императрица Екатерина II (на отдѣльномъ листѣ).—Графъ Г. Г. Орловъ. — Графъ Н. И. Панинъ. — Княгиня Е. Р. Дашкова. — Медаль, выбитая въ честь канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина.	
II. Соціалистъ прошлаго вѣка. Историческая повѣсть. Гл. VI—XI (Окончаніе). Д. Л. Мордовцева	261
III. Въ немшоной странѣ. Изъ воспоминаній. Гл. I—III. С. В. Максимова	300
Иллюстраціи: Слѣпой оstackъ. — Видъ Амура по выходѣ изъ Хинганскаго хребта.	
IV. Семейство Тургеневыхъ. Изъ воспоминаній О. В. Аргамаковой	324
V. Пушкинская гречанка. Сообщ. Х. С. Бирова	337
VI. Памяти архіепископа Дмитрія Одесскаго. К. Б.	341
Иллюстраціи: Портретъ архіепископа Дмитрія.	
VII. Учено-литературная дѣятельность П. И. Мельникова (По поводу годовщины со дня его смерти). Д. Д. Языкова	346
VIII. Испорченная жизнь. Е. М. Гаршина	351
IX. Воспоминанія о Р. А. Фадѣевѣ . П. С. Усова	371
X. Понятія о власти и о народѣ въ наказахъ 1789 года. В. И. Герье	380
XI. Отецъ современной биологіи. Н. Н.	392
Иллюстраціи: Портретъ Дарвина (на отдѣльномъ листѣ).—Рабочій кабинетъ Дарвина. — Домъ Дарвина (видъ изъ сада). — Видъ того же дома съ прилежащей дороги. — Оранжерея, въ которой Дарвинъ производилъ свои опыты и наблюденія. — Мѣсто обычной прогулки Дарвина.	
XII. Французское общество во время Крымской войны. В. Р. Зотова	403
XIII. Критика и библиографія: Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Исслѣдованіе А. Архангельскаго . Казань, 1883. Н. Н. В. — Живописная Россія. Томъ одиннадцатый. Западная Сибирь. Изданіе товарищества М. О. Вольфа . Спб. 1884. С. Ш. — Сочиненія П. И. Якушкина . Изданіе В. Михневича . Спб. 1884. В. З. — Архивъ князя Воронцова. Книга 29-я. М. 1883. П. У. — Возраженіе на рѣчь Эрнеста Ренана «Исламъ и наука» петербургскаго магометанскаго ахуна Атаула Баязитова. Спб. 1884. Лби. — Петербургскій некрополь. Составилъ В. Саитовъ . М. 1883. Е. К. — Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и невеликихъ людей. Изъ записной книжки П. Мартынова . Спб. 1884. З. Т. В. — Преображенское или Преображенскъ. Ивана Забѣлина . М. 1883. Мих. Н-евича. — Литературная дѣятельность Тургенева; критическій этюдъ. В. Буренина . Спб. 1884. В. З. — Указатель къ изданіямъ Общества исторіи и древностей россійскихъ при Московскомъ университетѣ за 68 лѣтъ, съ 1815 по 1883 г. М. 1883. Н. Н. В. — Воспоминанія крестьянина А. Артынова . М. 1883. П. У. — Путеводитель по Вильнѣ и ея окрестностямъ. Вильна. 1883. Н. П. — Путеводитель по городу Ростову. А. А. Титова . М. 1883. П. У. — Литовскіе евреи. С. Верцацкаго . Спб. 1884. В. З. — Греко-болгарскій вопросъ. В. Теплова . Спб. 1884. Н. Н. — Очеркъ исторіи Почаевской лавры. А. Хайнацкаго . Спб. 1883. П. С. — П. И. Мельниковъ (Андрей Печерскій), его жизнь и литературное значеніе. Н. Невзорова . Казань. 1883. Б. Р.	419
XIV. Заграничныя историческія новости.	438
XV. Изъ прошлаго: Къ біографіи князя П. И. Багратіона . Сообщ. Н. А. Добровольскаго . — Русская фехтовальная пѣснь. Сообщ. П. Я. Дашковымъ	447
XVI. Смѣсь	450
XVII. Замѣтки и поправки: 1) Для памяти редакціи „Русскаго Архива“. П. П. Каратыгина . — 2) Къ некрологу В. В. Маркова	459

ПРИЛОЖЕНІЕ. Саванарола. Культурно-историческій очеркъ изъ временъ возрожденія во Флоренціи и Римѣ. **Адольфа Глазера**. Гл. III и IV.

Иллюстраціи: Дворецъ Медичи во Флоренціи. — Свадебный поѣздъ Катарини Корнаръ. — Лоренцо Медичи. — Видъ города Фамагоста на Кипрѣ. — Венеціанская галерея. — Палеская крыта (склепъ) въ катакомбахъ Калкеста.

При этой книжкѣ разсылается для гг. подписчиковъ объявленіе отъ «Княжной торговли для иногородныхъ **Н. П. Карбасникова**».

gravé par Schelkoff.

*Reconnait vers le Nord l'aimant qui nous attire
 C'est heureux conquérant, profond législateur,
 Femme aimable, grand homme et que l'on croit admire
 Qui parcourt ses Etats, y verse le bonheur.
 L'original se trouve dans la collection de Monsieur le General Mamonoff, à qui cette planche est dédiée avec le plus profond respect*

*Maître en l'art de regner, savante en l'art d'écrire,
 Repandant la lumière, écartant les ténèbres,
 Si le sort n'avoit pu lui donner un Empire
 Elle auroit eu toujours son Trône dans nos cœurs*

*Gravé par W. Walcker graveur de Sa Maj. Imp.
 et sur de l'ouv. de J. J. Schelkoff.*

M. P. 1786, publié par J. J. Schelkoff à Pétersbourg et J. J. Schelkoff à Paris.

par son très humble valet de chambre J. J. Schelkoff.

ИМПЕРАТРИЦА ЕКАТЕРИНА II.
 Съ гравированнаго портрета Валькера.

ДОВОЛЬНО ЦЕНЗУРОЮ. С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 24 ФЕВРАЯ 1884 г.

ТИПОГРАФИЯ А. С. СУВОРИНА. ВЪТРЕШНЬ ПЕР., Д. 11—2.

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1884 ГОДУ

Н А

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ПЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1884 году по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года (1880—1883).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Редакція, вполне обеспеченная разнообразнымъ литературнымъ матеріаломъ, обратитъ особенное вниманіе на рисунки и обязательно будетъ давать въ каждой книжкѣ журнала нѣсколько иллюстрацій (въ 1883 году въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ помѣщено болѣе 130 гравюръ).

Въ приложеніи къ „Историческому Вѣстнику“ въ 1884 году печатается иллюстрированный (40-ка гравюрами на деревѣ) культурно-историческій очеркъ Адольфа Глазера „Саванарола“.

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1884 года будутъ помѣщены, уже находящіися въ распоряженіи редакціи, статьи слѣдующихъ писателей:

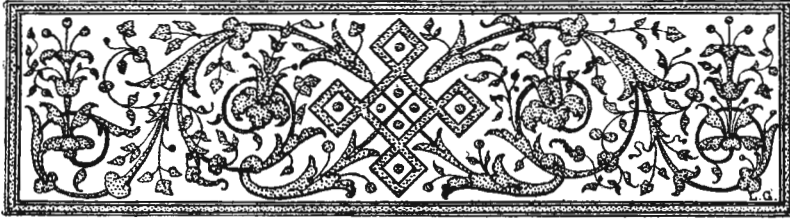
Д. В. Аверкіева, А. В. Арсеньева, Н. В. Верга, Ф. И. Булгакова, В. П. Вуренина, А. Я. Вутковской, И. Д. Вѣлова, Н. А. Вѣлозерской, Е. М. Гаршина, В. И. Герье, Н. А. Добротворскаго, И. И. Дубасова, Г. В. Есипова, И. Н. Захарьина, В. Р. Зотова, П. П. Каратыгина, Е. П. Карновича, А. И. Кирпичникова, Н. М. Коншина, М. С. Корелина, Н. И. Костомарова, Д. А. Корсакова, А. Н. Корсакова,

В. Д. Кренке, Н. С. Кутейникова, Д. П. Лебедева, Н. С. Лѣскова, В. Н. Майнова, С. В. Максимова, П. К. Мартьянова, А. Н. Маслова, Л. С. Мацѣевича, А. П. Милюкова, В. О. Михневича, Д. Л. Мордовцева, А. И. Незеленова, В. И. Немировича-Данченко, Н. И. Петрова, А. С. Пругавина, Д. Н. Садовникова, графа Е. А. Сальяса, И. Н. Смирнова, А. И. Соболевскаго В. Я. Стоюнина, М. И. Сухомлинова, С. Н. Терпигорева, П. С. Усова, Ѳ. Н. Устрялова, М. К. Цебриковой и др.

Гравюры для иллюстраціи статей заказаны преимущественно граверамъ: Паннемакеру въ Парижѣ и Зубчанинову въ Петербургѣ.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, д. № 38, и въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы, при московскомъ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

Примѣчаніе. Всѣ экземпляры „Историческаго Вѣстника“ 1883 года разошлись по подпискѣ и дальнѣйшія требованія о высылкѣ журнала за означенный годъ не могутъ быть удовлетворены. Что касается 1880, 1881 и 1882 годовъ, то въ конторѣ еще имѣется небольшое количество экземпляровъ журнала за это время.

СТОРОННИКИ ВОЦАРЕНІЯ ЕКАТЕРИНЫ II.

(1757—1762 гг.)

БЛИЖАЙШІЕ поводы къ воцаренію императрицы Екатерины II и внѣшняя фактическая сторона этого воцаренія въ настоящее время достаточно разработаны, и мы можемъ воспроизвести почти вполнѣ всѣ происшествія, бывшія въ Петергофѣ, Ораніенбаумѣ и Петербургѣ, въ концѣ іюня и въ началѣ іюля 1762 года. Далеко не столь ясно представляется намъ внутренній процессъ зарожденія и развитія самой мысли о воцареніи Екатерины II. Мы знакомы съ эпилогомъ драмы, съ ея *mise en scène*, но недостаточно еще изучили весь ходъ драмы, всѣхъ дѣйствующихъ въ ней лицъ, всѣ обстоятельства, обуславливающія ея возникновеніе; мы не знаемъ еще хорошенько того механизма, при помощи котораго произошли всѣ сценическія превращенія «Петербургскихъ дѣйствъ» 1762 года и который скрывается подъ сценой и за кулисами. Политическое броженіе среди русскаго шляхетства, сильно возбужденное при воцареніи Анны Іоанновны, не замерло окончательно ни въ тяжелыя времена Бироновщины, ни въ правленіе «случайныхъ» русскихъ людей въ царствованіе Елизаветы Петровны. Масса средняго и низшаго шляхетства, получивъ имущественныя и служебныя льготы, которыхъ добивалась въ 1730 году, все болѣе и болѣе проникалась инстинктами крѣпостничества и мелкаго карьеризма; но стремленіе къ участию въ «вышнемъ правительствѣ», заявленное при воцареніи императрицы Анны Іоанновны въ дѣломъ рядѣ шляхетскихъ проектовъ, — продолжало одушевлять немногихъ от-

дѣльныхъ личностей изъ шляхетства, непорвавшихъ духовной связи съ главными участниками движенія 1730 года. Эти личности ждали многого отъ Елизаветы Петровны, воцареніе которой привѣтствовали съ энтузіазмомъ, но они обманулись. Царствованіе ея убѣдило, напротивъ, тогдашнихъ лучшихъ русскихъ государственныхъ людей въ необходимости коренныхъ реформъ, основанныхъ не на произвольныхъ возрѣніяхъ временщиковъ, а на прочныхъ измѣненіяхъ государственныхъ учреждений. Мысль о томъ, что будетъ съ Россіей, когда воцарится племянникъ императрицы, добрый, но ограниченный, чуждый всему русскому, великій князь Петръ Ѳеодоровичъ,—давно смущала русскихъ людей, стоявшихъ у кормила правленія. Желаніе видѣть во главѣ государства не его, а его супругу, было впервые заявлено еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ, года за четыре до кончины императрицы Елизаветы. Это желаніе нашло сочувствіе въ разнообразныхъ слояхъ общества, въ людяхъ самыхъ противоположныхъ возрѣній. Когда Гр. Гр. Орловъ «кликнулъ кличъ», на него откликнулись и гетманъ Разумовскій, и Тепловъ, и Никита Ив. Панинъ, и старикъ фельдмаршалъ князь Н. Ю. Трубецкой, и молодые гвардейскіе офицеры. Но всѣ эти лица далеко не одинаково поняли главенство Екатерины въ русскомъ государствѣ. Не всѣ они стремились видѣть въ ней самодержавную императрицу, и каждый изъ нихъ имѣлъ свои побужденія принять участіе въ переворотѣ. А много ли мы знаемъ объ обстоятельствахъ, жизни и о характерѣ всѣхъ этихъ главныхъ и второстепенныхъ «пособниковъ» Екатерины? До тѣхъ поръ, пока не выяснятся подробности ихъ жизни, особенности ихъ характеровъ, фактъ воцаренія Екатерины II будетъ лишень полнаго историческаго освѣщенія. М. Н. Лонгиновъ, представившій любопытныя замѣтки о пособникахъ воцаренія Екатерины II, едва затрагиваетъ этотъ вопросъ; С. М. Соловьевъ въ XXV т. своей «Исторіи Россіи» дѣлаетъ первую попытку объяснить степень участія въ происшествіяхъ 28-го іюня 1762 года важнѣйшихъ дѣятелей этого дня, указывая вскользь на частныя ихъ побужденія. Болѣе подробной разработкы такого спеціальнаго вопроса нельзя впрочемъ и требовать отъ изслѣдователя общаго историческаго развитія русской государственной жизни.

Не касаясь фактической стороны воцаренія Екатерины II, я позволяю себѣ представить нѣсколько замѣтокъ о «людяхъ 28-го іюня 1762 года». Замѣтки мои не претендуютъ на полноту и законченность. Въ нихъ я касаюсь далеко не всѣхъ людей этого дня и не исполнѣ, а лишь тѣхъ изъ нихъ, побужденія которыхъ къ участію въ происшествіяхъ 28-го іюня 1762 года недостаточно, на мой взглядъ, выяснены, и лишь на столько, на сколько это служитъ къ уясненію ихъ участія въ переворотѣ. Предлагаемыя замѣтки составились изъ набросковъ при чтеніи XXV т. «Исторіи Россіи»

С. М. Соловьева и послѣдняго изданія «Записокъ» княгини Дашковой («Архивъ князя Воронцова», кн. XXI, М. 1881 г.). Само собою разумѣется, что многія изъ собранныхъ мною данныхъ не могутъ служить основаніемъ для непреложныхъ заключеній и выводовъ, а пригодны для соображеній и предположеній; но иной разъ, когда вѣтъ прямыхъ указаній, и домыслы не бесполезны.

I.

28-го іюня 1744 года, 15-ти-лѣтняя принцесса Ангальтъ-Цербстская Софія Августа Фридерика принимаетъ въ Москвѣ православіе съ именемъ Екатерины Алексѣевны, а черезъ годъ съ небольшимъ, 25-го августа 1745 года, становится супругой наслѣдника русскаго престола Петра Ѳеодоровича. Различіе между ею и ея мужемъ бросилось въ глаза каждому, и весьма естественно, что симпатіи какъ государственныхъ людей, такъ и карьеристовъ придворныхъ—были на сторонѣ молодой и даровитой супруги наслѣдника престола. Скоро эти симпатіи изъ высшихъ правительственныхъ и придворныхъ сферъ перешли въ кружки гвардейскихъ офицеровъ, а затѣмъ и въ средніе и низшіе слои петербургскаго населенія; великая княгиня Екатерина Алексѣевна становилась все болѣе и болѣе популярна ¹⁾).

Она жила уединенно, вдали отъ суетливаго и вмѣстѣ съ тѣмъ богомольнаго двора императрицы Елизаветы Петровны и казарменнаго препровожденія времени наслѣдника престола. Въ своемъ уединеніи Екатерина изучала творенія великихъ мыслителей эпохи и окружающую ее среду и поучалась разсказами о недавно-прошлыхъ событіяхъ при петербургскомъ дворѣ. Ничто не пропадало для нея даромъ. Она воспитывала себя не только Белемъ, Монтескьё, Вольтеромъ и энциклопедіей, но и разсказами ходячихъ придворныхъ хроникъ въ родѣ статсъ-дамы графини Румянцевой и камеръ-

¹⁾ Главнѣйшія данныя изъ жизни Екатерины II до ея воцаренія находятся: а) въ ея «Запискахъ» (Memoires de Catherine II, Londres. 1859); б) въ «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева, т. XXII—XXIV; в) въ статьѣ «Новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся родителей Екатерины II и ея прѣзда въ Россію», XVIII вѣкъ, сборникъ изд. П. И. Бартенева, кн. I, стр. 1—44; д) собственноручныя бумаги Екатерины II въ VII т. «Русскаго Историческаго Сборника»; е) Я. К. Грота «Воспитаніе Екатерины II», «Др. и Нов. Россія» 1875 года, т. I, стр. 110—125; ф) въ статьяхъ профессора дерптскаго университета А. Г. Бригнера о Петрѣ III до его восшествія на престолъ: «Русск. Вѣстн.» 1882 г., кн. 11-я и 1883 г., кн. 1-я и 2-я (еще не оконч.). Какъ все, что выходитъ изъ-подъ пера этого ученаго наслѣдователя русскаго XVIII вѣка, статьи эти отличаются полнотою матеріала и его строго-научной обработкой.

фрау Прасковьи Никитишны Владиславовой. Императрица Елизавета Петровна, весьма благоволившая къ Екатеринѣ въ началѣ ея пребыванія въ Россіи, могла сообщить ей много интереснаго о своемъ бездольномъ житѣ-бытѣ во времена Анны Иоанновны и о своемъ воцареніи. Многіе изъ игравшихъ дѣятельную роль въ избраніи Анны Иоанновны, многіе изъ потерявшихъ свободу при Биронѣ—были налицо и могли лично передавать великой княгинѣ о происшествіяхъ, въ которыхъ принимали непосредственное участіе, о томъ, что видѣли, что слышали. Роль царевны Софьи и воцареніе Петра среди стрѣлецкихъ мятежей, характеръ и реформы «перваго императора», его отношенія къ первой его женѣ Евдокии Лопухиной и къ царевичу Алексѣю, воцареніе второй жены Петра Великаго, «Маріенбургской плѣнницы Марты», преждевременная кончина Петра II и «кондиціи», предложенныя Аннѣ Иоанновнѣ; «Бироновщина» съ ея жестокостями и возведеніе на престолъ преображенцами «дщери Петровой» Елизаветы; быстрое возвышеніе и столь же быстрое паденіе временщиковъ и фаворитовъ; замыслы родовитыхъ русскихъ людей и ихъ «искорененіе»—вотъ тотъ пестрый калейдоскопъ «петербургскихъ дѣйствъ», въ который съ напряженнымъ вниманіемъ всматривалась юная нѣмецкая принцесса. Калейдоскопъ не могъ не поразить ее. Разказы о недавнемъ прошломъ такъ мало походили на дѣйствительность, такъ прихотливо уносили ее въ какой-то сказочный, фантастическій міръ. Впослѣдствіи, уже ставши императрицею, Екатерина припоминала многіе изъ этихъ разказовъ. Нѣкоторые изъ нихъ она занесла въ свой «Антидотъ», сборникъ опроверженій на книгу о Россіи француза, аббата Шаппа д'Отерошъ, о другихъ остались отъ нея отдѣльныя замѣчанія (напримѣръ о замыслѣ верховниковъ ограничить самодержавіе Анны Иоанновны въ 1730 году, о дѣлѣ Волынскаго). Тогда же она прочла всѣ мнѣнія и проекты верховниковъ и шляхетства 1730 года и, запечатавъ ихъ въ особый конвертъ, написала на немъ собственноручно: «безъ особаго указа никому не выдавать» ¹⁾.

Не трудно отгадать что останавливало на себѣ преимущественное вниманіе Екатерины въ этихъ разказахъ. Она невольно поражалась случайностью престолонаслѣдія въ Россіи въ то время, и судьбою женщинъ изъ царской семьи. Екатерина была отъ природы честолюбива и слаболюбива. Весьма естественно, что она за-

¹⁾ «Антидотъ» напечатанъ въ русскомъ переводѣ въ «XVIII вѣкѣ», кн. IV.—Собственноручная замѣтка Екатерины II о попыткѣ князей Долгорукихъ въ 1730 году ограничить власть самодержавія, въ «Русск. Стар.» 1875 года, т. XII, стр. 388.—Завѣщаніе Екатерины II по дѣлу Волынскаго (1765 г.), въ «Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос.» 1858 года, кн. IV, стр. 143—144.—О разсмотрѣніи Екатериною II политическихъ документовъ времени воцаренія императрицы Анны Иоанновны см. въ моеи монографіи объ этомъ воцареніи (отд. изд., Казань, 1880 г.).

думывалась надъ той ролюю, которая ей самой можетъ предстоять въ будущемъ, и, разумѣется, она желала видѣть себя не въ монашеской рясѣ съ четками въ рукахъ, а въ коронѣ и порфирѣ, со скипетромъ и державой. Ожиданіе чего-то необычайнаго въ своей судьбѣ явилось у Екатерины весьма рано. Еще когда она была ребенкомъ, какой-то астрологъ въ Германіи предсказалъ ей что три короны украсятъ ея голову. «Въ ожиданіи брака сердце не обѣщало мнѣ много счастья»—говорила она въ то время шведскому государственному человѣку, графу Гюлленборгу—«одно честолюбіе меня поддерживало. У меня въ глубинѣ сердца было что-то такое, что никогда не давало мнѣ ни на минуту сомнѣваться, что рано или поздно я сдѣлаюсь самодержавной повелительницей Россіи»¹⁾.

Къ 1757—1758 годамъ относится первое проявленіе мысли о предоставленіи великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ главенства въ руссійскомъ государствѣ. Въ 1757 году, императрица Елизавета приняла участіе въ такъ называемой семилѣтней войнѣ Фридриха II съ Маріею Терезіею, а въ слѣдующемъ году возникли въ Петербургѣ связанные съ этою войною два политическихъ процесса, въ которыхъ было замѣшано имя великой княгини Екатерины: перваго побѣдителя пруссаковъ, фельдмаршала Апраксина, и главы тогдашняго русскаго министерства, графа А. П. Бестужева-Рюмина. Великая княгиня находилась въ перепискѣ съ фельдмаршаломъ, а Бестужевъ-Рюминъ имѣлъ съ ней какіе-то таинственные переговоры. Апраксинъ послѣ блестящей побѣды надъ войсками Фридриха II при Гроссъ-Эгерсдорфѣ совершенно неожиданно отступилъ къ предѣламъ Россіи. Отступленіе Апраксина совпало также съ неожиданной и угрожающей болѣзнію императрицы Елизаветы. Явились серьезныя опасенія за ея жизнь. Въ это время отношенія императрицы къ наслѣднику престола были очень натянуты. И вотъ придворная молва связываетъ отступленіе Апраксина съ болѣзнію Елизаветы Петровны и впутываетъ въ это дѣло канцлера Бестужева и великую княгиню Екатерину. Всѣ компетентные люди были тогда увѣрены, что Бестужевъ, полагая, что Елизавета проживетъ недолго, придумалъ «конъюнктуру» относительно престолонаслѣдія. Ему приписывали слѣдующій планъ: объявить императоромъ Павла Петровича—трех-лѣтняго сына Екатерины и Петра Θεодоровича—подъ регентствомъ матери, а самого Петра Θεодоровича удалить въ Голштинію. Апраксина отозвалъ Бестужевъ будто бы для того, чтобы имѣть на случай подъ рукой большее количество войскъ и чтобы расположить въ свою пользу Фридриха II. Бестужеву удалось передъ своимъ арестомъ сжечь самыя важныя бумаги: дѣло его дошло до насъ не вполнѣ; Апрак-

¹⁾ «Др. и Нов. Россія» 1875 г., т. I, стр. 118.

синь умеръ скоропостижно во время слѣдствія надъ нимъ; великая княгиня Екатерина просила императрицу отпустить ее къ матери въ Германію—это все такіе факты, которые заставляютъ предполагать, что тогдашняя молва была справедлива. О замыслахъ Бестужева прямо говоритъ Екатерина II въ своихъ «Запискахъ». Возможность этихъ замысловъ доказывается еще и тѣмъ, что опальный канцлеръ не былъ возвращенъ ко двору Петромъ III по восшествіи его на престолъ: этотъ государь, успѣвшій въ свое шестимѣсячное царствованіе помиловать всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ преступниковъ прошлыхъ царствованій, обошелъ Бестужева.

Съ самаго начала семилѣтней войны, императрица Елизавета Петровна имѣла все основаніе быть недовольной наслѣдникомъ престола, не скрывавшимъ своихъ симпатій къ Фридриху II; она видимо охлаждалась къ нему и не прочь была лишить его престолонаслѣдія въ пользу его сына Павла Петровича, хотя и не высказывала еще никакихъ опредѣленныхъ плановъ на этотъ счетъ.

«Бестужевская исторія» тѣмъ не менѣе ее очень взволновала. Она стала враждебно относиться къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, видя въ ней свою преемницу, назначенную не по ея желанію. Положеніе великой княгини при дворѣ дѣлается съ каждымъ днемъ все хуже и хуже, а съ 1760 года, когда умираетъ ея мать, она чувствуетъ себя совершенно одинокой. Полная жизни и силы даровитая натура великой княгини ищетъ выхода. И вотъ она невольно начинаетъ сближаться съ нѣкоторыми личностями, имѣвшими черезъ два года столь важное, рѣшающее вліяніе на ея судьбу. Изъ нихъ мы отмѣтимъ: Гр. Гр. Орлова, Ник. Ив. Панина и княгиню Дашкову. Умственное развитіе, возрѣнія на вещи, наклонности и характеры этихъ лицъ, были весьма различны. Великая княгиня вполне симпатизировала возрѣніямъ Орлова, но, какъ женщина съ большимъ умомъ и тактомъ, показывала видъ, что совершенно согласна и съ Панинымъ, и съ Дашковой, которую видѣла насквозь, она давала чувствовать, что не можетъ сдѣлать безъ нея шагу. Втайнѣ отъ Панина и отъ Дашковой, въ интимныхъ бесѣдахъ съ Гр. Гр. Орловымъ, Екатерина развивала ему свою политическую программу, а эта программа всегда сводилась къ самодержавному режиму. Такія возрѣнія она выразила въ своемъ знаменитомъ «Наказѣ», составленіемъ котораго занималась именно въ 1760—1762 годахъ. Необходимость для россійскаго государства самодержавной власти Екатерина обусловливаетъ большимъ объемомъ россійской государственной территоріи. «Всякое другое правленіе не только было бы Россіи вредно, но и въ конецъ разорительно» — говоритъ Екатерина; «другая причина (необходимости самодержавія) та, что лучше повиноваться законамъ подъ однимъ господиномъ, нежели угождать многимъ» ¹⁾.

¹⁾ «Наказъ» императрицы Екатерины II, изд. 1770 года, гл. II, стр. 8—10.

Григорій Григорьевич Орловъ (р. 1734 † 1783 г.) до сихъ поръ представляется большинству пустымъ гвардейскимъ офицеромъ, бретёромъ и счастливымъ баловнемъ случая. Въ дѣйствительности онъ является человѣкомъ съ гораздо болѣе симпатичными чертами. Гр. Орловъ не принадлежитъ къ выдающимся политическимъ дѣятелямъ второй половины XVIII вѣка, но онъ не можетъ быть поставленъ и въ ряды тщеславныхъ случайныхъ людей и бездушныхъ временщиковъ, которыми такъ богатъ этотъ вѣкъ. Гр. Орловъ обладалъ умомъ, если не самостоятельнымъ и глубокимъ, то чуткимъ къ вопросамъ дня. Онъ способенъ былъ воспринять идею и развить и разработать ее. Сердце Орлова было отзывчиво на все хорошее и онъ инстинктивно склонялся на сторону униженнаго и оскорбленнаго. Безстрашный и рѣшительный, скромный и обходительный, весельчакъ и кутила, — Гр. Орловъ былъ любимъ всѣми, съ кѣмъ сводила его судьба. Какъ среди товарищей, будучи простымъ незнатнымъ офицеромъ, такъ и впоследствии, на вершинѣ почестей и славы, онъ не любилъ выставляться впередъ и рисоваться своими поступками. Онъ все дѣлалъ просто, и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣлъ стать во главѣ любой затѣи, любого предпріятія. Имя Гр. Орлова тѣсно связано съ лучшими начинаніями Екатерины II въ первый періодъ ея царствованія, когда она открыто заявляла сочувствіе либеральнымъ идеямъ. Едва заговорили при дворѣ объ улучшеніи быта крестьянъ, Орловъ является во главѣ движенія и въ числѣ первыхъ членовъ основателей Вольнаго Экономическаго Общества. Его избираютъ президентомъ этого общества, но онъ отказывается, и только впоследствии принимаетъ это званіе. По его инициативѣ Вольное Экономическое Общество предлагаетъ задачу на премію: «полезно-ли даровать собственность крестьянамъ». Въ знаменитой комиссіи 1767 года для сочиненія проекта новаго уложенія, Гр. Орловъ является заступникомъ крѣпостныхъ крестьянъ и держитъ себя также скромно: онъ отказывается отъ званія маршала комиссіи, будучи избранъ значительнымъ большинствомъ. Гр. Орловъ кажется впервые высказываетъ мысль объ освобожденіи грековъ отъ турецкаго владычества; эта мысль воспринимается Екатериной II и впоследствии разработывается Потемкинымъ ¹⁾.

Императрица Екатерина преувеличивала достоинства Гр. Орлова. Даже въ концѣ 80-хъ годовъ, когда его уже не было на свѣтѣ и умомъ ея всецѣло владѣлъ могучій умъ Потемкина, когда она отеклась отъ либеральной программы первыхъ годовъ своего царствованія, она такъ характеризовала Орлова. «Григорій Орловъ —

¹⁾ Сводъ всѣхъ важнѣйшихъ фактовъ изъ жизни Гр. Орлова находится въ обстоятельной его биографіи, написанной А. П. Барсуковымъ. См. «Русскій Архивъ» 1873 годъ, т. I, стр. 1—146.

говорила Екатерина Храповицкому—быль *genie*, силенъ, храбръ, рѣшителенъ, *mais doux comme un mouton, il avait le coeur d'une poule* ¹⁾. Для насъ гораздо важнѣе отзывъ объ Орловѣ другаго современника, рѣзкаго порицателя «поврежденія нравовъ» эпохи, князя М. М. Щербатова. Бичуя «распутіе» Орлова, онъ отдаетъ должное добротѣ его сердца и души. «Сей, вышедши на вышнюю степень, до какой подданный можетъ достигнуть—говоритъ князь Щербатовъ—среди кулашныхъ боевъ, борьбы, игры въ карты и другихъ шумныхъ забавъ, почерпнулъ и утвердилъ въ сердцѣ своемъ нѣкоторыя полезныя для государства правила; оныя состояли: никому не мстить, отгонять льстецовъ, оставить каждому мѣсту и человѣку непрерывное исполненіе ихъ должностей, не льстить государю, выискивать людей достойныхъ и не производить, какъ токмо по заслугамъ, и наконецъ отбѣгать отъ роскоши, которыя правила сей Григорій Григорьевичъ (Орловъ) до смерти своей сохранилъ. Находя, что картошная азартная игра можетъ привести другихъ въ раззореніе, играть въ нее пересталъ; хотя его явные были непріатели графы Никита и Петръ Ивановичи Панины, никогда ни малѣйшаго имъ зла не сдѣлалъ, а на противъ того во многихъ случаяхъ имъ дѣлалъ благодѣянія и защищалъ ихъ отъ гнѣву государыни» ²⁾.

Григорій Григорьевичъ Орловъ прибылъ въ Петербургъ изъ заграничной арміи, сражавшейся съ Фридрихомъ II, въ 1759 году. Въ то время ему было 25 лѣтъ. Около года спустя начинается его знакомство съ великой княгиней Екатериной Алексѣевной. Увлекающагося молодаго человѣка не могли не поразить умъ и таланты тридцатилѣтней принцессы и ея изолированное положеніе. Орловъ былъ очарованъ ею какъ мужчина, онъ полюбилъ ее страстно, и мысль о томъ, что престолъ Россіи должна занять Екатерина, а не Петръ Ѳеодоровичъ, дѣлается его господствующею мыслию. Задачей жизни Орлова съ этихъ поръ является—переворотъ въ пользу Екатерины. Онъ одушевляется этой задачей со всѣмъ пыломъ молодости и стремится къ ея осуществленію съ энергіей страстно влюбленнаго человѣка. Ему не нужно никакихъ политическихъ реформъ и гарантій—не о нихъ онъ заботится; ему нужно, чтобы Екатерина заняла должное ей положеніе русской императрицы, и тогда, по его мнѣнію, Россія будетъ счастливѣйшей въ мірѣ стра-

¹⁾ «Дневникъ А. В. Храповицкаго» изд. Н. П. Барсукова, Спб. 1874 года стр. 82.

²⁾ «О поврежд. нравовъ въ Россіи», мемуаръ кн. М. М. Щербатова, «Русск. Стар.» 1871 годъ, т. III; 1-е изд., стр. 676—677.—Слич. отзывы о Гр. Орловѣ его сослуживца по семилѣтней войнѣ А. Т. Болотова, въ «Запискахъ» послѣдняго, изд. «Русск. Стар.», т. I, стр. 840—846, 873, 879—881; т. II, стр. 214—224, 275, 282.

Графъ Григорій Григорьевичъ Орловъ.
 (Съ гравированнаго портрета Чемесова).

ной. Гр. Орловъ не имѣлъ традиціонныхъ политическихъ воззрѣній, унаслѣдованныхъ отъ предковъ, и если сохранилъ въ памяти что-нибудь изъ семейныхъ преданій, то это было воспоминаніе о буйной силѣ стрѣлцкой. Дѣдъ Григорія Григорьевича, Иванъ Никитичъ Орловъ, былъ однимъ изъ стрѣлцкихъ головъ, помилованныхъ Петромъ Великимъ.

Первыми и ближайшими сотрудниками Гр. Орлова по приведенію въ исполненіе его завѣтной мечты были его братья. Отецъ Орловыхъ, Григорій Ивановичъ, занимавшій мѣсто губернатора въ Новгородѣ, имѣлъ девять сыновей, изъ которыхъ зрѣлаго возраста достигли пятеро: Иванъ, Григорій, Алексѣй, Ѳедоръ и Владиміръ. Въ воцареніи Екатерины, кромѣ Григорія, игралъ выдающуюся роль третій братъ, Алексѣй, которому принадлежитъ исключительно быстрота исполненія предпріятія. Человѣкъ безнравственный и грубый, онъ былъ лишенъ тѣхъ симпатичныхъ свойствъ, которыми отличался Григорій, а впоследствии онъ запятналъ себя гнусными преступленіями, которыхъ не могла смыть случайно пріобрѣтенная имъ слава Чесменскаго героя. Старшій изъ братьевъ, Иванъ, жилъ въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка въ Москвѣ, въ отставкѣ, и никакого участія въ возведеніи на престолъ Екатерины II не принималъ; Ѳедоръ Орловъ былъ исполнителемъ вѣдѣній Григорія и Алексѣя, а меньшому, Владиміру, въ 1762 году было всего 19 лѣтъ отъ роду ¹⁾.

Совершенно инымъ человѣкомъ представляется Никита Ивановичъ Панинъ (р. 1718 † 1783 г.), впоследствии извѣстный екатерининскій канцлеръ. Въ 1760 году, пріѣхавъ онъ въ Петербургъ изъ Стокгольма, гдѣ пробылъ посланникомъ двѣнадцать лѣтъ. Панинъ, осторожный и уклончивый отъ природы, вернулся въ Россію изъ серьезной политической школы и уже въ зрѣломъ возрастѣ, когда убѣжденія человѣка складываются совершенно опредѣленно и устойчиво: ему въ то время шелъ 43-й годъ. Швеція была страной наиболѣе вліявшей на русскихъ государственныхъ людей XVIII вѣка своею политическою жизнію. Это вліяніе испытали на себѣ дѣятели начала XVIII вѣка—князь Я. Ѳ. Долгорукой и князь Д. М. Голицынъ; находился подъ вліяніемъ шведскихъ политическихъ порядковъ и Ник. Ив. Панинъ, но нѣсколько иначе и при иныхъ условіяхъ, чѣмъ названные выше лица. Долгорукіе и Голицыны были люди «родословные»: ихъ привлекала политическая роль шведской аристократіи, и въ этой роли желали они видѣть осуществленіе собственныхъ своихъ политическихъ мечтаній, унаслѣдованныхъ ими отъ ихъ отцевъ и дѣдовъ XVII и XVI вѣка. Панинъ не принадлежалъ къ старинной московской знати и не могъ имѣть традиціонныхъ аристократиче-

¹⁾ Родосл. книга кн. Долгорукаго. IV, стр. 437—438.

ских воззрѣній. Панины не играли политической роли при царяхъ московскихъ и вышли изъ среды шляхетства, выдвинутого реформой Петра Великаго. Отецъ Панина служилъ при Петрѣ генераль-майоромъ, а при Аннѣ Иоанновнѣ достигъ сенаторства. Никита Ив. Панинъ первоначальной своей карьерой обязанъ князьямъ Куракинымъ, съ которыми находился въ родствѣ. Первымъ руководителемъ Панина въ политической наукѣ былъ канцлеръ императрицы Елизаветы, графъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, хорошо знавшій Швецію, но также человекъ не родословный. Панинъ основательно изучилъ государственный строй Швеціи, и увлеченіе еѣ шведской конституціей явилось результатомъ этого изученія, а не традиціоннымъ преклоненіемъ передъ ней родословныхъ людей. Едва онъ прибылъ въ Петербургъ, какъ былъ назначенъ воспитателемъ шестилѣтняго сына наслѣдника престола — Павла Петровича. Панинъ увлекся мечтой воспитать великаго князя въ духъ конституціонализма. Отношенія Панина къ великой княгинѣ Екатеринѣ были совершенно иныя, чѣмъ Орлова. Орловъ былъ прежде всего человекъ сердца, Панинъ былъ человекъ ума. Екатерина оцѣнила въ Орловѣ то качество, котораго лишена была ея нравственная природа — чувство; къ Панину ее привязывалъ умъ, которымъ она сама обладала въ столь значительной степени. Орловъ былъ симпатичный товарищъ и ученикъ; Панинъ былъ серьезный и требовательный учитель и суровый менторъ. Орловъ сразу подчинился Екатеринѣ, Панина съумѣла подчинить себѣ Екатерина. Въ этихъ противоположностяхъ характеровъ Орлова и Панина лежитъ основная причина ихъ послѣдующей «нелюбки»: такія двѣ различныя натуры не могли сойтись ¹⁾).

¹⁾ О жизни и дѣятельности Н. И. Панина въ настоящее время издано очень много матеріала, который до сихъ поръ далеко не вполне изученъ и выясненъ. Первая по времени біографія Н. И. Панина, написанная вскорѣ по его смерти Д. И. Фонъ-Визинимъ (см. сочиненія его, изд. Ефремова, стр. 216—226), кратка и слишкомъ хвалебна. Бантышъ-Каменскій («Словарь достопамят. людей», 1836 г., т. IV, стр. 96—108) и Терещенко («Опытъ обзор. жизни сановниковъ, управлявш. иностр. дѣлами», СПб. 1837 г., ч. II, стр. 110—142) — представили подробный сводъ внѣшнихъ событій изъ жизни Панина, но также впали въ официально-панегирический тонъ. П. С. Лебедевъ въ монографіи «Графы Никита и Петръ Панины» («Отеч. Зап.» 1862 г., кн. 2 и 7, и отд. изд. СПб. 1863 г.) является, наоборотъ, безусловнымъ порицателемъ Панина, что можетъ быть объяснено временемъ, когда написана эта монографія. Въ 60-хъ годахъ текущаго столѣтія была мода на отрицательный взглядъ на современное и прошлое Россіи, что было совершенно естественнымъ противодѣйствіемъ панегирическому тону столь долго и упорно державшемуся въ русской исторической и публицистической литературѣ. Д. Ѳ. Кобеко въ своей весьма интересной монографіи о цесаревичѣ Павлѣ Петровичѣ (СПБ. 1882 г.; 2-е изд. 1883 г.) даетъ хотя самую общую, но безпристрастную характеристику Н. И. Панина. — Много важныхъ замѣчаній находится въ XXIV—XXVII тт. «Исторіи Россіи» С. М. Соловьева.

Никита Ивановичъ Панинъ, никогда не высказывавшійся прямо относительно своихъ политическихъ плановъ, указывалъ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ на необходимость важныхъ измѣненій въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ. Начавъ съ образованія Императорскаго Совѣта по образцу Государственнаго Совѣта Швеціи, онъ намѣренъ былъ постепенно преобразовать русскія высшія правительственныя учрежденія въ представительныя государственныя учрежденія по шведскому образцу и этимъ путемъ надѣялся достигъ наилучшаго «упорядоченія внутреннихъ государственныхъ дѣлъ», какъ выражались у насъ въ XVIII вѣкѣ. Реформаторскія идеи Панина видны изъ поданнаго имъ Екатеринѣ II въ сентябрѣ 1762 года «проекта объ учрежденіи Императорскаго Совѣта».

Желая прежде всего оградить правленіе отъ вліянія фаворитовъ, Панинъ рѣзко нападаетъ во введеніи къ своему проекту на бюрократическій и придворно-временщичій характеръ правленія при Елизаветѣ Петровнѣ. Остановимся на самыхъ характеристическихъ мѣстахъ этого введенія.

«Ея величество (Елизавета Петровна) вспамятовала,—говорить Панинъ,—что у ея отца, государя Петра Великаго, былъ домовый кабинетъ, изъ котораго, кромѣ партикулярныхъ приказаній, ордеровъ и писемъ, ничего не выходило, приказала и у себя такой же учредить. Тогдашніе случайные и припадочные люди воспользовались симъ домашнимъ мѣстомъ для своихъ прихотей и собственныхъ видовъ и поставили средствомъ онаго всегда злоключительный общему благу интервалъ между Государя и Правительства. Они, временщики и куртизаны, сдѣлали въ немъ, яко въ безгласномъ и никакого образа государственнаго не имѣющемъ мѣстѣ, гнѣздо всѣмъ своимъ прихотямъ, чѣмъ оно претворилось въ самый вредный источникъ не токмо государству, но и самому государю... ..Государь былъ отдаленъ отъ государства». Панинъ требуетъ, чтобы самодержавный государь дѣйствовалъ черезъ органы подверженные суду и отвѣту передъ публикою, и замѣчаетъ иронически: «Нашъ сапожный мастеръ не мѣшаетъ подмастерью съ работникомъ и наминаетъ každого къ своему званію; а мыѣ, напротивъ того, случилось слышать у престола государства, отъ людей его окружающихъ, пословицу льстивую за штатское (государственное) правило: была бы милость, всякаго на все станеть». Далѣе Панинъ высказываетъ убѣжденіе, что императрица Екатерина II «Богомъ и народомъ врученное ей право самодержавства употребить съ полною властію къ основанію и утвержденію формы и порядка въ правительствѣ». Выраженіемъ такой формы и порядка является постоянный Императорскій Совѣтъ, который однако не можетъ «взять тотчасъ свою форму и приведенъ быть въ теченіе, ибо

почти невозможно сомнѣваться,—говорить Панинъ,—чтобы при самомъ началѣ тѣ особы (т. е. фавориты) не старались изыскивать трудностей къ остановкѣ всего, или по послѣдней мѣрѣ къ обращенію въ ту форму, какову они могутъ желать».

Затѣмъ Панинъ говоритъ отъ имени Екатерины II, объ учрежденіи Императорскаго Совѣта въ слѣдующихъ словахъ: «За долго до нашего принятія Россійской державы, мы, познавая существо правленія сей великой и сильной имперіи, познали и причины, которыя такъ часто при всякихъ обстоятельствахъ и перемѣнахъ, подвергали оное пренебреженію государственныхъ дѣлъ, т. е. слабости народнаго правосудія, упущенію его благосостоянія и наконецъ всѣмъ тѣмъ порокамъ, которые по временамъ внѣдривались во все теченіе правленія, какъ особливо при возведеніи на престолъ покойной императрицы Анны Іоанновны и самая самодержавная власть уже потрясена была. Таковыя государству вредныя приключенія происходили несумнѣнно частію отъ того, что въ производствѣ дѣлъ дѣйствовала болѣе сила персонъ, нежели власть мѣсть государственныхъ, частію же и отъ недостатка такихъ начальныхъ основаній правительства, которыя бы его форму твердо сохранять могли.. Отъ начала недостаточныя установленія чрезъ долгое время, частію и въ томъ еще злоупотребленія, наконецъ привели въ такое положеніе правленіе дѣлъ въ нашемъ любезномъ отечествѣ, что при наиважнѣйшемъ происшествіи на монаршемъ престолѣ почиталось излишнимъ и ненадобнымъ собраніе верховнаго правительства. Кто вѣрный и разумный сынъ отечества безъ чувствительности можетъ себѣ привести на память въ какомъ порядкѣ восходилъ на престолъ бывшій императоръ Петръ III, и не можетъ ли сіе заключительное положеніе быть уподоблено тѣмъ варварскимъ временамъ, въ которыя не токмо установленнаго правительства, ниже письменныхъ законовъ еще не бывало».

Императорскій Совѣтъ, по проекту, долженъ былъ состоять изъ шести членовъ, которые называются императорскими совѣтниками; кромѣ того при немъ полагалось четыре статсъ-секретаря или министра, для наблюденія надъ четырьмя важнѣйшими департаментами (иностранныхъ дѣлъ, внутреннихъ дѣлъ, военнымъ и морскимъ). Въ проектѣ такъ опредѣляется назначеніе Совѣта: «Всѣ дѣла, принадлежащія по уставамъ государственнымъ и по существу монаршей самодержавной власти нашему собственному попеченію и рѣшенію, яко то возносимыя къ намъ не въ присутствіи въ Сенатѣ доклады, мнѣнія, проекты, всякія къ намъ принадлежащія просьбы, точное свѣдѣніе всѣхъ разныхъ частей, составляющихъ государство и его пользу, словомъ все то, что служить можетъ къ собственному самодержавнаго государя попеченію о при-

ращеніи и исправленіи государственномъ, имѣть быть въ нашемъ Императорскомъ Совѣтѣ, яко у насъ собственно» ¹⁾).

Весьма интересны замѣчанія нѣкоторыхъ государственныхъ людей на проектъ Панина, написанныя по вызову императрицы Екатерины. Для одного (имя его, къ сожалѣнію, до сихъ поръ неизвѣстно) совершенно ясно представлялась генетическая связь проектируемаго Императорскаго Совѣта съ бывшимъ уже въ Россіи Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, хотя во введеніи къ проекту онъ и порицается за потрясеніе самодержавной власти при воцареніи Анны Иоанновны, а потому этотъ неизвѣстный сановникъ и предлагаетъ назвать новый совѣтъ прежнимъ именемъ Верховнаго Тайнаго Совѣта. Генераль-фельдцейхмейстеръ Вильбуа выразился откровеннѣе и гораздо точнѣе: «Я не знаю, кто составитель проекта, — писалъ онъ, — но мнѣ кажется, какъ будто онъ, подъ видомъ защиты монархіи, тонкимъ образомъ склоняется болѣе къ аристократическому правленію. Обязательный и государственнымъ закономъ установленный Императорскій Совѣтъ и вліятельные его члены могутъ съ теченіемъ времени подняться до значенія соправителей. Императрица, по своей мудрости, отстранить все то, изъ чего впоследствии могутъ произойти вредныя слѣдствія. Ея разумъ и духъ не нуждаются ни въ какомъ особенномъ Совѣтѣ... Императорскій Совѣтъ слишкомъ приблизить подданнаго къ государю и у подданнаго можетъ явиться желаніе подѣлить власть съ государемъ!» ²⁾.

Проектъ Н. Ив. Панина не былъ утвержденъ Екатериной II и возникшій въ 1768 году Государственный Совѣтъ не имѣлъ ничего общаго съ панинскимъ Императорскимъ Совѣтомъ.

Молоденькая, 17-тилѣтняя, только что вышедшая замужъ, княгиня Екатерина Романовна Дашкова (р. 1743 г.), занимала въ обществѣ великой княгини далеко не столь первенствующее мѣсто, какое она отводитъ себѣ въ своихъ извѣстныхъ мемуарахъ. Живость ея ума и характера дѣлали ее несомнѣнно пріятной собесѣдницей Екатерины, а ея близкое родство съ Воронцовыми, сильными людьми при дворѣ Елизаветы Петровны, и родственныя отношенія съ Ник. Ив. Панинымъ — заставляли Екатерину особенно дорожить ея расположеніемъ и прикидываться ея искреннимъ другомъ. Княгиня Дашкова, сама того не замѣчая, была лишь орудіемъ въ ловкихъ рукахъ Екатерины и Панина; ей поручалась извѣстная исполнительная роль; ее одинаково эксплуатировали и

¹⁾ Проектъ Н. И. Панина объ Импер. Совѣтѣ напечат. по документамъ Государственнаго Архива и Главн. Моск. Архива Мин. Ин. Дѣлъ С. М. Соловьевымъ въ «Исторіи Россіи», т. XXV, стр. 173—181. То же самое короче въ его же статьѣ «Императорскіе Совѣты въ Россіи въ XVIII вѣкѣ», «Русск. Стар.» 1870 г., т. II, 1-е изд., стр. 463—468.

²⁾ «Исторія Россіи» С. М. Соловьева, т. XXV, стр. 182.

Екатерина съ Орловымъ, и Панинъ, намѣренно преувеличивая ея значеніе—а она простодушно вѣрила имъ на слово, билась изо всѣхъ силъ, испытывая на себѣ извѣстную басню о каштанахъ. Фридрихъ II очень остроумно сравнилъ ее съ мухой, сидящей на головѣ у вола, запряженнаго въ плугъ, и наивно воображающей, что она пашетъ. Впослѣдствіи, когда планъ воцаренія Екатерины II совсѣмъ созрѣлъ, княгиня Дашкова оказала дѣйствительно большую услугу въ исполненіи этого плана, но нити, главныя пружины «предпріятія» никогда не были въ ея рукахъ. Черезъ свою родную сестру, Елизавету Романовну Воронцову, официальную фаворитку императора Петра III, женщину весьма ограниченную, Екатерина Романовна могла очень хорошо узнавать все, что дѣлается въ Ораніенбаумѣ; еще болѣе интересныя свѣдѣнія могъ ей сообщать ея дядя и воспитатель, канцлеръ графъ Михаилъ Ларіоновичъ Воронцовъ. Мужъ ея, князь Дашковъ, былъ гвардейскимъ офицеромъ, въ домѣ у него сходилось много товарищей—и черезъ этихъ-то гвардейцевъ молодая княгиня пропагандировала мысль о воцареніи Екатерины II.

«Ник. Ив. Панинъ и княгиня Дашкова, говоритъ Рюльеръ, редактировали условія (кондиціи), по которымъ русскіе вельможи, отстраняя Петра III, могли бы передать престоль его супругѣ посредствомъ формальнаго избранія съ ограниченіемъ ея власти. Эта надежда вовлекла въ заговоръ большую часть дворянства, и возможность исполненія предположенія объ ограниченіи власти Екатерины приобрѣтала съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе вѣроятія» ¹⁾.

Въ то время, какъ великая княгиня Екатерина Алексѣевна въ интимномъ кружкѣ Орлова, Панина и Дашковой обдумывала разные способы обезпеченія за собою верховной власти въ Россійской имперіи по смерти императрицы Елизаветы Петровны, тѣ самыя «фавориты», противъ которыхъ такъ рѣзко высказывался Панинъ, замыслили также устраненіе отъ «наслѣдія» Петра Θεодоровича. Объ этихъ замыслахъ сохранилась собственноручная записка императрицы Екатерины II, по словамъ которой, дѣло происходило слѣдующимъ образомъ: Извѣстный «фаворитъ» императрицы Елизаветы Петровны и меценатъ эпохи, Ив. Ив. Шуваловъ, въ исходѣ 1760 года и въ началѣ 1761 года сталъ во главѣ «великаго числа» молодыхъ людей, недовольныхъ наклонностями и характеромъ наслѣдника престола и мечтавшихъ послѣ Елизаветы Петровны возвести на престоль великаго князя Павла Петровича. Среди этихъ недовольныхъ было два всзрѣнія, двѣ партіи: одни хотѣли удалить изъ Россіи наслѣдника вмѣстѣ съ его супругой, другіе желали выпроводить въ Голштинію только Петра Θεодоровича, а Ека-

¹⁾ De-Rulhière, Histoire sur la revolution de Russie en 1762, p. 68; ed. 1797. «истор. вѣстн.», февраль, 1884 г., т. XV.

терину Алексѣвну провозгласить регентомъ государства до совершеннолѣтія Павла Петровича. Ив. Ив. Шуваловъ сообщилъ обо всѣхъ этихъ предположеніяхъ Никитѣ Ив. Панину, который отнесся къ нимъ несочувственно. Панинъ, по своимъ прежнимъ отношеніямъ, не любилъ Шувалова и былъ слишкомъ остороженъ для того, чтобы прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ. Кромѣ того, онъ, какъ мы видѣли, надѣялся достичь лучшаго, по его мнѣнію, будущаго въ государственномъ бытѣ Россіи не посредствомъ крутаго переворота, а посредствомъ постепеннаго измѣненія государственныхъ учрежденій. Панинъ склонилъ и тѣ и другія предположенія Ив. Ив. Шувалова, считая ихъ «способами къ междоусобной гибели». Тѣмъ не менѣе, онъ тотчасъ сообщилъ о нихъ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, присовокупивъ при этомъ слѣдующее: «еслибы большою императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ представить о высылкѣ Петра Ѳеодоровича въ Голштинію и о передачѣ «наслѣдія» Павлу Петровичу подъ регентствомъ великой княгини, то есть большая вѣроятность предполагать, что императрица согласилась бы на это». «Но къ сему, благодаря Богу, заключаетъ Екатерина свою записку, «фавориты» не приступили, но оборотя всѣ мысли свои къ собственной ихъ безопасности, стали дворовыми вымыслами и происками стараться входить въ милости Петра III, въ коемъ отчасти и предупѣли» ¹⁾).

Такимъ образомъ, изъ словъ самой императрицы Екатерины видно, что Ник. Ив. Панинъ предлагалъ ей, еще въ 1761 году, регентство надъ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Впослѣдствіи, уже по воцареніи Екатерины II, ходили слухи, что она дала Панину, удостовѣреніе, за своею подписью, въ томъ, что она принимаетъ правленіе государствомъ въ качествѣ правительницы до совершеннолѣтія великаго князя Павла Петровича. Эти слухи занесены въ реляцію иностранныхъ дипломатовъ, какъ современныхъ перевороту 28-го іюня 1762 года, такъ и позднѣйшихъ, повели къ двумъ политическимъ процессамъ, имѣвшимъ мѣсто въ сентябрѣ 1762 года и въ маѣ 1763 года, и сохранились въ семейныхъ преданіяхъ потомковъ нѣкоторыхъ «пособниковъ» Екатерины II. Объ этихъ слухахъ упоминаютъ: Рюльеръ (1762 г.), Ширлей (1768 г.) и Дюранъ (1773 г.) ²⁾. Первый политическій процессъ извѣстенъ подъ именемъ «дѣла Гурьева и Хрущовыхъ», второй—подъ именемъ «дѣла Хитрово». Изъ дѣла Гурьева и Хрущовыхъ обнаружались разговоры между гвардейскими офицерами объ отношеніяхъ Н. И. Панина и И. И. Шувалова къ воцаренію Екатерины II. Разговоры эти, бывшіе во время коронаціи импе-

¹⁾ «Русскій Архивъ», 1863 г., стр. 567—568.

²⁾ De-Rulhière, Histoire sur la revolution de Russie en 1762, p. 35, 69.—La Cour de Russie, p. 197.

Графъ Никита Ивановичъ Панинъ.
(Съ гравированнаго портрета Радига.)

ратрицы, вращались около слѣдующихъ вопросовъ: о сомнѣніи, явившемся у Н. И. Панина и И. И. Шувалова, кому правителемъ быть? и во-вторыхъ, почему не коронованъ цесаревичъ Павелъ Петровичъ? ¹⁾ Дѣло Хитрово выставляло гораздо рельефнѣе вопросъ о регентствѣ Екатерины. Хитрово, одинъ изъ пособниковъ Екатерины при ея воцареніи, рассказывалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Панинъ сдѣлалъ было подписку съ тѣмъ, чтобъ быть государынѣ правительницею и она на то согласилась, а когда пришли въ Измайловскій полкъ и объявили про ту подписку капитанамъ Рославлеву и Ласунскому, то они ей объявили, что на то не согласны, а поздравляютъ ее самодержавною императрицею и велѣли солдатамъ кричать ура» ²⁾. Семейныя преданія Хитрово, Ласунскихъ и Рославлевыхъ передаютъ, что Екатерина дала Панину подписку царствовать только до совершеннолѣтія великаго князя Павла Петровича, именно до его 20-тилѣтняго возраста, т. е. до 1774 года, что эта подписка хранилась въ сенатѣ, но впоследствии, послѣ коронаціи, взята оттуда и передана императрицѣ. О лицахъ, при помощи которыхъ подписка очутилась въ рукахъ императрицы, въ семейныхъ преданіяхъ существуетъ два варианта: одинъ называетъ Орловыхъ, другой самого Н. И. Панина.

Изъ приведенной выше записки Екатерины II не видно, какого изъ двухъ воззрѣній о передачѣ «наслѣдія» великому князю Павлу Петровичу держался И. И. Шуваловъ, но послѣдующая роль его въ царствованіе Екатерины II можетъ навести на предположеніе, что первоначально Шуваловъ склонялся къ удаленію изъ Россіи наслѣдника престола Петра Ѳеодоровича вмѣстѣ съ его супругою. И. И. Шуваловъ, приставшій къ сторонникамъ Екатерины II, 28-го іюня 1762 года, является вскорѣ послѣ того не у дѣлъ и вдали отъ двора. Вслѣдъ за воцареніемъ Екатерины II онъ заболѣлъ, или сказался больнымъ, а затѣмъ, менѣе чѣмъ черезъ годъ, уѣхалъ за-границу, гдѣ прожилъ слишкомъ четырнадцать лѣтъ. Говорятъ, что Шуваловъ позволялъ себѣ что-то рассказывать про Екатерину II и про ея воцареніе въ высшихъ сферахъ Вѣны и Парижа, и что эти рассказы возстановили противъ него императрицу ³⁾.

II.

Таковы были главнѣйшіе представители «недовольныхъ» въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы Петровны. За ними стояло

¹⁾ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXV, стр. 163—164 (изъ дѣлъ Государственнаго Архива).

²⁾ Ibid., по тѣмъ же источникамъ, стр. 248.

³⁾ См. біографію И. И. Шувалова, П. И. Бартечева, въ «Русск. Бесѣдѣ», 1857 г., кн. I, отд. отд., стр. 52, 58—59 и 67.

очень много лицъ, готовыхъ на «перемѣну наслѣдія». Всѣ они группировались частію около великой княгини Екатерины Алексѣевны, частію замыслили «перемѣну» самостоятельно, независимо отъ нея. Соединить всѣхъ ихъ въ одно сообщество, дать этому сообществу должную организацію было чрезвычайно трудно—такъ противоположны другъ другу были эти люди, такъ различны были ихъ замыслы. Эту трудную задачу взяла на себя сама Екатерина, а Гр. Орлову предоставила пропагандировать мысль о ея воцареніи среди гвардейскихъ офицеровъ.

Главнымъ совѣтникомъ великой княгини по части организаціи «предпріятія» былъ человекъ, пострадавшій за нее и жившій въ отдаленіи отъ двора. Знаменитый ех-канцлеръ императрицы Елизаветы, графъ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ, которому въ рассматриваемое время было подѣ 70 лѣтъ (онъ родился въ 1693 году), жилъ въ ссылкѣ въ своей подмосковной—Горетовѣ. Опытный въ придворныхъ и дипломатическихъ интригахъ онъ, несмотря на свое удаленіе, какъ кажется, держалъ въ рукахъ всѣ главныя нити предпріятія. Недаромъ императрица Екатерина, едва воцарилась, возвратила его ко двору и называла «батюшкой».

Гр. Орловъ бросилъ сѣмя на подготовленную почву: гвардейскіе полки были крайне недовольны нѣмецкими «новшествами» въ войскахъ Петра III и предпочтенію, которое оказывалъ императоръ голштинцамъ передъ русскими. Къ концу іюня 1762 года, по словамъ Екатерины II, между соумышленниками въ гвардіи считалось до 40 офицеровъ и около 10,000 рядовыхъ. Соумышленники раздѣлялись на четыре группы и вожди группъ собирались на совѣщанія ¹⁾).

Далеко не всѣ гвардейскіе офицеры шли за Орловымъ только потому, что были недовольны порядками, введенными въ гвардію Петромъ III, и потому, что любили Григорія Орлова, какъ добраго товарища: этихъ мотивовъ для иныхъ изъ нихъ было слишкомъ недостаточно. Многіе гвардейскіе офицеры имѣли другія, гораздо болѣе серьезныя побужденія, которыя проходили въ сознаніе ихъ глубже, чѣмъ огорченіе отъ нелѣпыхъ воинскихъ артикуловъ и отъ слѣпаго подражанія прусскимъ порядкамъ въ арміи. Я указывалъ выше на побужденія Орлова и Панина. Первый изъ нихъ увлекся личностью великой княгини, второй—государственнымъ строемъ Швеціи. Второстепенные сторонники воцаренія Екатерины II не имѣли возможности знать интимную жизнь великой княгини и не были посвящены въ подробности политической жизни западно-европейскихъ государствъ. Поэтому побужденія, руководившія многими изъ нихъ, были инаго рода.

¹⁾ Письмо Екатерины II къ Станиславу Понятовскому по цитатѣ Соловьева, «Исторія Россіи», т. XXV, стр. 108—109.

Изучая мелкія біографическія данныя «пособниковъ» Екатерины II, нельзя не остановиться на ихъ родственныхъ отношеніяхъ, какъ между собою, такъ и къ цѣлому ряду лицъ, игравшихъ политическую роль въ первой половинѣ XVIII вѣка и оставившихъ по себѣ память въ исторіи если не политическими дѣяніями, то политическими замыслами и проектами. Эти родственныя отношенія имѣютъ въ данномъ случаѣ гораздо болѣе значенія, чѣмъ можно предполагать съ перваго раза. Родственныя связи были еще очень живучи и крѣпки на Руси въ XVIII вѣкѣ и, при недостаточномъ развитіи общественныхъ воззрѣній, служили связующимъ звеномъ между отдѣльными лицами. Въ то время считались не только самымъ дальнимъ родствомъ, но и свойствомъ. За старшими братьями шли младшіе, за дядями слѣдовали племянники; младшіе родственники слушались безпрекословно старшихъ. Въ семьяхъ хранились преданія о судьбѣ родственниковъ прежнихъ поколѣній, и весьма нерѣдко эти преданія западали въ душу болѣе впечатлительныхъ и болѣе даровитыхъ младшихъ членовъ семьи и служили имъ примѣромъ для подражанія. Разказы о петровскихъ войнахъ генераловъ и офицеровъ этихъ войнъ вселяли духъ воинской доблести въ ихъ сыновьяхъ и внукахъ, которые впослѣдствіи проявляли храбрость подъ знаменами Миниха и подъ предводительствомъ Фермора и Петра Ивановича Панина. Точно также дѣйствовали на молодыхъ людей 50-хъ годовъ XVIII вѣка разказы о политическихъ замыслахъ старшихъ родственниковъ двадцатыхъ, тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Разказы объ этихъ замыслахъ, какъ мы видѣли выше, заставляли задумываться славолубивую Екатерину Алексѣевну; они же останавливали на себѣ мысль многихъ родственниковъ составителей разныхъ политическихъ проектовъ 1730 года и лицъ погибшихъ изъ-за своихъ замысловъ въ лихолѣтѣ Бироновщины. Воззрѣнія верховниковъ и челобитчиковъ 1730 года являлись въ этихъ семейныхъ преданіяхъ идеализированными; Долгорукіе, Голицыны и Волынский съ «конфидентами» озарялись въ нихъ ореоломъ мученичества. Слушая съ дѣтскихъ лѣтъ разказы о ихъ дѣятельности и трагическомъ концѣ, многіе изъ ихъ сородичей проникались ненавистью къ нѣмцамъ-правителямъ, и ихъ напуганному воображенію невольно мерещилась возможность новой Бироновщины при Петрѣ III. Въ страхъ за будущее Россіи они или мечтали о тѣхъ же «кондиціяхъ» и внутреннихъ реформахъ, о которыхъ слышали семейныя преданія, или были увѣрены въ лучшемъ будущемъ лишь бы не царствовалъ Петръ Теодоровичъ.

Съ точки зрѣнія этихъ родственниковъ отношеній многіе изъ дѣятелей 28-го іюня 1762 года могутъ быть распредѣлены по слѣдующимъ 4-мъ рубрикамъ: 1) родственники графа А. П. Бестужева-Рюмина, 2) родственники князей Долгорукихъ и Голицыныхъ,

3) родственники «конфидентовъ» Волынскаго, 4) родственники участниковъ разныхъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года. Само собою, распредѣленіе это не можетъ быть безусловно точно, такъ какъ нѣкоторые изъ пособниковъ Екатерины II подходятъ подъ нѣсколько группъ, находясь въ родствѣ съ многими изъ указанныхъ дѣятелей первой половины XVIII вѣка.

Во главѣ родственниковъ графа Алексѣя Петровича Бестужева-Рюмина стоялъ явный сторонникъ Екатерины II, родной племянникъ ея-канцлера, князь М. Н. Волконской.

Князь Михаилъ Никитичъ Волконской—(р. 1713†1789 г.) сынъ любимой фрейлины императрицы Анны Иоанновны, Аграфены Петровны, рожденной Бестужевой и придворнаго шута той же императрицы, князя Никиты Ѳеодоровича Волконскаго,—не отличался ни умомъ, ни талантами; его достоинствами были: необыкновенная аккуратность по службѣ и точность въ исполненіи возлагаемыхъ на него порученій. Воспитанный Алексѣемъ Петровичемъ Бестужевымъ-Рюминымъ, князь М. Н. Волконской обязанъ ему своимъ значеніемъ и своей карьерой. Благодаря высокому политическому положенію дяди при Елизаветѣ Петровнѣ, князь Волконской возвышался въ чинахъ и получалъ серьезныя назначенія: съ 1756 по 1758 годъ онъ состоялъ полномочнымъ министромъ въ Польшѣ. Ему удалось избѣгнуть опалы при паденіи его дяди: вызванный въ 1758 году изъ Польши въ Петербургъ онъ былъ прикомандированъ къ австрійской арміи, дѣйствовавшей въ союзѣ съ русскими противъ Фридриха II, и произведенъ скоро въ генералъ-поручики. Петръ III назначилъ Волконскаго членомъ особаго совѣта, учрежденнаго при дворѣ. Въ царствованіе Екатерины II князь Волконской явился орудіемъ избранія Станислава Понятовскаго и перваго раздѣла Польши, будучи сначала главнокомандующимъ русскихъ войскъ въ Польшѣ, а затѣмъ посланникомъ Екатерины II при Понятовскомъ. Съ 1771 года по 1780 годъ, князь Волконской былъ главнокомандующимъ въ Москвѣ.

Сторонниками тайными, выступающими на сцену уже по окончаніи переворота, являются двоюродный братъ Бестужева, адмиралъ Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ и двоюродный его племянникъ, преображенскій офицеръ Александръ Ѳеодоровичъ Талызинъ. Оба они пользуются большимъ довѣріемъ Екатерины, что видно изъ ихъ участія въ событіяхъ, послѣдовавшихъ за провозглашеніемъ ея самодержавной императрицей. Иванъ Лукьяновичъ Талызинъ, завладѣвъ, по повелѣнію Екатерины, Кронштадтомъ, оказалъ ей существенную услугу. Не явись онъ такимъ энергическимъ сторонникомъ новаго царствованія, быть можетъ, дальнѣйшій ходъ событій принялъ бы иное направленіе. Какъ извѣстно, только благодаря распорядительности И. Л. Талызина, гарнизонъ Кронштадта присягнулъ Екатеринѣ II и не допустилъ Петра III

завладѣть этой важной крѣпостью. Въ преображенскомъ мундирѣ Александра Ѳеодоровича Талызина была Екатерина II во время своего «похода» во главѣ гвардейскихъ полковъ подъ Ораніенбаумъ ¹⁾).

Къ лицамъ, стоявшимъ въ родственныхъ отношеніяхъ къ Долгорукимъ и Голицынымъ, принадлежатъ: С. А. Бредихинъ, графъ Я. А. Брюсъ и П. Б. Пассекъ.

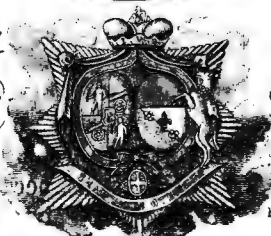
Сергѣй Александровичъ Бредихинъ, капитанъ-поручикъ преображенскаго полка, былъ сынъ Александра Ѳеодоровича Бредихина, участвовавшаго въ 1730 году въ самомъ многочисленномъ по количеству лицъ шляхетскомъ проектѣ Секіотова ²⁾. Не столько это обстоятельство, сколько послѣдующая служба его отца, могли развить въ немъ политическія мечтанія объ ограниченіи самодержавной власти, которыя онъ надѣялся видѣть исполненными при воцареніи Екатерины II. Съ 1732 по 1742 годъ, Александръ Ѳеодоровичъ Бредихинъ находился вице-губернаторомъ въ Новгородѣ и управлялъ этою губерніей. Во время вице-губернаторства А. Ѳ. Бредихина, въ Новгородѣ, 8-го ноября 1739 года, произошла казнь князей Долгорукихъ: князь Василій Лукичъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ составителей «кондицій», предложенныхъ Аннѣ Иоанновнѣ верховниками и его двоюродные братья—Сергѣй и Иванъ Григорьевичи были обезглавлены, а его племянникъ, нѣкогда все-сильный фаворитъ Петра II, князь Иванъ Алексѣевичъ — колесо-

¹⁾ Рос. Род. книга кн. П. В. Долгорукаго, ч. I, стр. 255, 260; ч. IV, стр. 287—288.—Переписка императрицы Анны Иоанновны съ С. А. Салтыковымъ, Чт. Моск. Общ. Ист. и Др. Рос. 1878 года, кн. I.—Мать А. П. Бестужева-Рюмина была рожденная Талызина.—Бантышъ-Каменскій, Словарь, изд. 1836 года, I, 327—329.

²⁾ Шляхетскій проектъ государственныхъ преобразованій, поданный въ числѣ другихъ проектовъ Верховному Тайному Совѣту въ 1730 году, при воцареніи Анны Иоанновны, называется мною проектомъ Секіотова потому, что имя Сергѣя Вас. Секіотова стоитъ первымъ въ числѣ подписавшихъ его. Всего подъ проектомъ 321 подпись, вслѣдствіе чего онъ является выраженіемъ мнѣнія большинства шляхетства въ 1730 году. Во главѣ постоянного высшаго центральнаго государственнаго управленія, по этому проекту, стоятъ 2 учрежденія: высшее правительство и сенатъ, члены которыхъ выбираются генералитетомъ и шляхетствомъ, образующими изъ себя особую избирательную коллегію. Для обсужденія важныхъ государственныхъ дѣлъ и для дальнѣйшаго развитія плана государственнаго устройства созывается общее собраніе изъ высшаго правительства, сената, генералитета и шляхетства. Президенты коллегій и губернаторы также опредѣляются по выбору генералитета и шляхетства. Далѣе проектъ набрасываетъ цѣлый рядъ льготъ шляхетству и указываетъ на необходимость улучшенія быта духовенства, купечества, крестьянства и солдатъ. Съ проектомъ Секіотова совершенно тождественны еще 2 шляхетскихъ проекта. Подробности см. въ книгѣ «Воцареніе императрицы Анны Иоанновны», стр. 162—164; прилож., стр. 22—49.

Her High
the PRINCESS of
Polia as all her Life in Courts had been,

неф
DASHKAW.
Not Good as She the World had never seen.

Published as the Act directs 23^d Octo^r 1777. by G. S. Skorodumoff.

Княгиня Екатерина Романовна Дашкова.
(Съ гравированнаго портрета Скородумова.)

ванъ. При этой казни, которой распоряжался по своему служебному положенію вицегубернаторъ Бредихинъ, присутствовала тайкомъ шестилѣтняя его дочь Анюта. Какое страшное, потрясающее впечатлѣніе должно было произвести это зрѣлище на ребенка! Въ семействѣ Бредихиныхъ жила память о Долгорукихъ, какъ о невинныхъ страдальцахъ: Анюта и ея брать Сергѣй росли и воспитались подѣ влияніемъ разсказовъ о нихъ. Впослѣдствіи Бредихины даже породнились съ Долгорукими: на Анютѣ (Аннѣ Александровнѣ) Бредихиной (род. 1733 † 1808 г.) женился въ 1756 году братъ казеннаго князя Ивана, князь Николай Алексѣевичъ Долгорукой (род. 1713 † 1790 г.) ¹⁾, на судьбѣ котораго жестоко отразилась казнь его брата. Ни въ чемъ невинный, онъ въ 1740 году былъ битъ кнутомъ «съ урѣзаніемъ языка» и сосланъ въ Охотскъ. Елизавета Петровна помиловала его, произвела въ бригады и позволила выдти въ отставку. Князь Николай уѣхалъ въ одну изъ своихъ деревень, въ которой и поселился навсегда ²⁾.

Еще въ болѣе близкихъ отношеніяхъ къ князьямъ Долгорукимъ находился одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ пособниковъ воцаренія Екатерины II, секундъ-майоръ семеновскаго полка, графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ (р. 1732 † 1791 г.), впослѣдствіи генералъ-губернаторъ двухъ столицъ—сначала Москвы (съ 1771 по 1786 г.), а потомъ Петербурга (съ 1786 по 1791 г.). Его отецъ, племянникъ извѣстнаго ученаго и инженера эпохи Петра Великаго, графа Якова Вилимовича Брюса, графъ Александръ Романовичъ Брюсъ, былъ женатъ три раза: въ первый разъ (1729 г.) на княжнѣ Анастасіи Михайловнѣ Долгорукой, дочери одного изъ верховниковъ, князя Михаила Владиміровича Долгорукаго; во второй разъ (1745 г.) на «разрушенной» государынѣ—невѣстѣ Петра II, княжнѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ Долгорукой († 1745 г.); третьей женой А. Р. Брюса была Н. Ѳ. Колычева. Графъ Яковъ Александровичъ Брюсъ былъ сыномъ отъ перваго брака и когда отецъ его женился на «разрушенной» государынѣ—невѣстѣ, онъ былъ 13-ти-лѣтнимъ мальчикомъ ³⁾.

Петръ Богдановичъ Пассекъ (р. 1736 † 1804 г.), преображенскій офицеръ, игралъ въ событіяхъ 28-го іюня 1762 года весьма важную роль. Онъ былъ сослуживецъ и большой другъ Гр. Гр. Орлова. По приказу Петра III, онъ арестованъ 27-го іюня, что очень встревожило сторонниковъ Екатерины II, и они поторопились привести въ исполненіе задуманный переворотъ. Въ то время

¹⁾ Онъ былъ въ то время вдовецъ. Первой его женой была княжна Наталья Сергѣевна Голицына († 1755 г.).

²⁾ См. Баранова, Опис. Сен. Арх., т. III, № 8,761. — Кн. Долгорукой, Род. Кн., I, стр. 91; его же Memoires, t. I, p. 371.

³⁾ Родословн., изд. «Русск. Стар.», кн. I, стр. 57—58.

26-ти-лѣтній П. Б. Пассекъ былъ женатъ уже болѣе двухъ лѣтъ на баронессѣ Натальѣ Исаевнѣ Шафировой, родной внукѣ известнаго дѣльца временъ Петра Великаго, Петра Павловича Шафирова. По женѣ онъ находился въ близкомъ родствѣ съ семьей князя Сергѣя Григорьевича Долгорукаго, дяди «разрушенной» государыни—невѣсты Петра II; князь Сергій Григорьевичъ былъ женатъ на дочери Петра Павловича Шафирова, Марѣ Петровнѣ, приходившейся женѣ Пассека теткой. Князь Сергій Григорьевичъ Долгорукой, по воцареніи Анны Иоанновны, въ 1730 году былъ сосланъ сначала въ Рененбургъ, затѣмъ въ свою рязанскую деревню, а 8-го ноября 1739 года, какъ мы видѣли выше, былъ казненъ въ Новгородѣ вмѣстѣ съ другими князьями Долгорукими ¹⁾.

Изъ потомковъ участниковъ «дѣла Волынскаго» мы встрѣчаемся съ двумя: А. М. Еропкинымъ и графомъ В. П. Мусинымъ-Пушкинымъ.

Алексѣй Михайловичъ Еропкинъ († 1764 г.), родной братъ гофъ-интенданта Петра Михайловича Еропкина, одного изъ самыхъ ревностныхъ «конфидентовъ» Волынскаго, казненнаго вмѣстѣ съ нимъ въ 1740 году. Елизавета Петровна пожаловала Алексѣю Михайловичу Еропкину все недвижимое имѣніе, конфискованное у его брата послѣ казни. Въ концѣ царствованія Елизаветы, А. М. Еропкинъ занималъ должность совѣтника вотчинной коллегіи, а въ апрѣлѣ 1762 года былъ назначенъ управляющимъ «собственными экономическими дѣлами императрицы Екатерины Алексѣевны» ²⁾.

Графъ Валентинъ Платоновичъ Мусинъ-Пушкинъ (р. 1735 † 1804 г.), поручикъ коннаго полка, былъ сынъ сосланнаго по дѣлу Волынскаго съ «урѣзаніемъ языка» графа Платона Ивановича Мусина-Пушкина. Мать Валентина Платоновича, Марѣя Петровна, была рожденная княжна Черкасская, племянница князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго, виднаго, хотя и неустойчиваго въ возрѣніяхъ, участника въ событіяхъ воцаренія Анны Иоанновны. Когда Платонъ Ивановичъ Мусинъ-Пушкинъ былъ сосланъ по дѣлу Волынскаго въ Соловецкій монастырь, Валентину

¹⁾ Родословн., стр. 114, 271.—«Русск. Стар.», 1876 г., т. XVI, стр. 344 и монографія о князѣ С. Г. Долгорукомъ, «Истор. Вѣстн.» 1880 г., т. I, стр. 472. Изъ князей Голицыныхъ въ числѣ участниковъ возведенія на престолъ Екатерины II встрѣчается князь Петръ Алексѣевичъ (р. 1731 † 1810 г.), капитанъ измайловскаго полка, дальній родственникъ князя Дмитрія Михайловича Голицына, главы верховниковъ 1730 года.—Кн. Долгорукой, Род. Кн., I, стр. 286—292.

²⁾ Кн. Долгорукой, Род. Кн., IV, стр. 8—10.—Барановъ, Опис. Сен. Арх., т. III, № 12,143.—Многіе изъ Еропкиныхъ принимали дѣятельное участие въ шляхетскихъ совѣщаніяхъ при воцареніи Анны Иоанновны. Петръ Михайловичъ Еропкинъ былъ сторонникомъ ея самодержавія, а три его двоюродныхъ брата подписались подъ разными шляхетскими проектами.

Платоновичу было всего 5 лѣтъ отъ роду. Родственники графа Вал. Пл. Мусина-Пушкина принимали дѣятельное участіе въ январскихъ и февральскихъ событіяхъ въ Москвѣ, въ 1730 году. Его дѣдъ, въ то время уже дряхлый старикъ, подалъ отдѣльное мнѣніе о государственномъ устройствѣ, наканунѣ своей смерти (онъ умеръ въ февралѣ 1730 г.), а отецъ и дядя подписались подъ проектами князя Черкаскаго, Алабердеева и Грекова и затѣмъ оба высказались за самодержавіе Анны Іоанновны. Дѣдъ Валентина Платоновича, графъ Иванъ Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, былъ бояриномъ еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и пользовался большимъ уваженіемъ Петра Великаго: онъ былъ назначенъ въ числѣ немногихъ сенаторомъ при учрежденіи сената въ 1711 году. Графъ Валентинъ Платоновичъ отличался необыкновенною честностью, прямою и твердостью характера и большой добротой. Екатерина II его не любила, выражаясь о немъ весьма не лестно въ интимныхъ разговорахъ съ своимъ статсъ-секретаремъ Храповицкимъ, но официально должна была его награждать: къ концу ея царствованія Мусинъ-Пушкинъ былъ вице-президентомъ военной коллегіи и кавалеромъ всѣхъ русскихъ орденовъ ¹⁾).

Группу лицъ, находящихся въ родствѣ съ участниками разныхъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года составляютъ: 1) М. Е. Баскаковъ, 2) В. И. Бибиковъ, 3) князь Ѡ. С. Борятинскій, 4) князь И. В. Несвицкой, 5) Гр. Ал. Потемкинъ (впослѣдствіи знаменитый князь Таврической), 6) А. И. Ржевскій, 7) Н. И. Рославлевъ, 8) А. И. Рославлевъ, 9) Ѡ. А. Хитрово ²⁾).

Михаилъ Егоровичъ Баскаковъ, капитанъ-поручикъ Преображенскаго полка, былъ человѣкъ жестокой и рѣшительный. Во

¹⁾ Кн. Долгорукой. Род. кн., I, стр. 95—97; II, стр. 197—198.—Родосл., изд. «Рус. Стар.», I, стр. 57—58.—«Записки Храповицкаго», изд. Н. П. Барсукова, стр. 306 и слѣд. — О служебной его карьерѣ см. Словарь Бантыша-Каменскаго, изд. 1836 г., III, стр. 383—386.—О его характерѣ въ разказахъ Карабанова, «Рус. Стар.» 1872 г., т. V, стр. 143.

²⁾ О родственныхъ отношеніяхъ всѣхъ этихъ лицъ къ участникамъ разныхъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года см. Кн. Долгорукаго, Род. кн., I, стр. 75—77; IV, стр. 29 и слѣд., 290—292.—Родосл., изд. «Рус. Стар.», I, стр. 86 и слѣд., 314 и слѣд., 331 и слѣд. — VII-ю главу «Воцаренія Анны Іоанновны» и приложенія, № 2. Къ родственникамъ участниковъ тѣхъ же шляхетскихъ проектовъ принадлежатъ Е. А. Чертковъ и Г. Г. Протасовъ: первый—троюродный братъ, а второй троюродный племянникъ Черткова и Протасова, подписавшихъ проектъ Секиотова. Но я не внесъ ихъ въ текстъ на томъ основаніи, что они играли, какъ въ дѣлѣ воцаренія Екатерины II, такъ и впослѣдствіи, очень пассивную роль. Чертковъ является одной изъ многочисленныхъ планетъ князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, а Протасовъ былъ втянутъ въ прошествія 28-го іюня 1762 г. Орловыми, съ которыми онъ состоялъ въ родствѣ, и впослѣдствіи ничѣмъ себя не проявилъ, будучи зауряднымъ придворнымъ.

время смерти низложеннаго императора онъ находился въ Ропшѣ, а послѣ 1763 года о Баскаковѣ не упоминается: что случилось съ нимъ—неизвѣстно. Баскаковъ приходился родственникомъ оберъ-прокурору Синода Алексѣю Петровичу Баскакову, участнику нѣсколькихъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года и впоследствии, въ 1737 году, замѣшанному въ процессъ князя Д. М. Голицына.

Василій Ильичъ Бибииковъ, капитанъ-поручикъ Семеновскаго полка; братъ извѣстнаго дѣятеля Екатерининскаго царствованія Александра Ильича Бибиикова, состоялъ въ родствѣ съ шестью Бибииковыми, подписавшими разные шляхетскіе проекты въ 1730 году. Въ комисіи для составленія проекта новаго уложенія 1767 года В. И. Бибииковъ былъ депутатомъ отъ дворянства Шацкаго уѣзда.

Князь Ѳеодоръ Сергѣевичъ Борятинскій (р. 1742 † 1814 г.) поручикъ Преображенскаго полка, былъ внукомъ князя Ивана Ѳеодоровича Борятинскаго, участника многихъ шляхетскихъ проектовъ 1730 года.—Онъ находился въ Ропшѣ во время смерти Петра III. Въ 1780-хъ годахъ князь Ѳ. С. Борятинской былъ тайный совѣтникъ, камергеръ и оберъ-гофмаршалъ, а императоръ Павелъ, въ самый день вступленія на престоль, отставилъ его отъ службы.

Всѣ остальные поименованныя нами лица, гвардейскіе офицеры разныхъ полковъ, находятся въ близкомъ родствѣ съ участниками проекта Секіотова 1730 года. Князь Несвицкой, Гр. Ал. Потемкинъ, братья Рославлевы и Хитрово—сыновья участниковъ этого проекта; Ржевскій—племянникъ участника. Всѣмъ извѣстна блестящая карьера князя Потемкина-Таврическаго, но далеко не столь знакомо большинству такъ называемое дѣло Хитрово, въ которомъ играли роль почти всѣ названныя лица, за исключеніемъ Черткова и Протасова.

Лѣтомъ 1763 года, были арестованы Хитрово, князь Несвицкой, двое Рославлевыхъ и Ласунскій (также одинъ изъ видныхъ участниковъ возведенія на престоль Екатерины II). Всѣ они занимали въ то время придворныя должности: Хитрово и князь Несвицкой были камеръ-юнкеры, остальные—камергеры. Арестъ произошелъ по милости Ржевскаго,—двоюроднаго брата Хитрово,—сдѣлавшаго доносъ Алексѣю Орлову. Возникло дѣло, весьма встревожившее Екатерину. Было привлечено къ допросамъ очень много гвардейскихъ офицеровъ и придворныхъ, большею частью изъ оказавшихъ Екатеринѣ важныя услуги при ея воцареніи. Изъ этихъ допросовъ, кромѣ уже извѣстныхъ намъ толковъ о «подпискѣ», данной Екатериною при воцареніи Никитѣ Ивановичу Панину, выяснилось еще слѣдующее обстоятельство.

Въ 1763 году, А. П. Бестужевъ-Рюминъ хлопоталъ о томъ, чтобъ императрица избрала себѣ достойнаго супруга изъ своихъ

подданныхъ, потому что государь цесаревичъ (Павель Петровичъ) слабъ и въ оспѣ еще не лежалъ. Бестужевъ составилъ въ этомъ смыслѣ прошеніе Екатерины отъ лица всѣхъ ея вѣрноподданныхъ. Подъ прошеніемъ подписалось знатное духовенство и нѣсколько сенаторовъ. Воспротивились прошенію Н. И. Панинъ, Кир. Гр. Разумовскій и Захаръ Гр. Чернышевъ. Многие, знавшіе дѣло близко, были убѣждены, что Бестужевъ-Рюминъ прямо намекаетъ на Григорія Григорьевича Орлова и что прошеніе составлено по инициативѣ самой императрицы. Никита Ивановичъ Панинъ спросилъ императрицу: «съ ея ли позволенія представилъ прошеніе Бестужевъ?» Екатерина отвѣчала отрицательно. Тогда Панинъ замѣтилъ, что въ такомъ случаѣ Бестужева надо предать суду. На это императрица промолчала. Затѣя Бестужева произвела сильное волненіе въ кружкахъ гвардейскихъ офицеровъ; стали собираться сходки. На этихъ сходкахъ горячился болѣе всѣхъ Хитрово.

«Если государыня намѣрена идти замужъ, говорилъ онъ,—то у Иванушки есть два брата». Подъ Иванушкой онъ разумѣлъ несчастнаго шлюссельбургскаго узника, императора Иоанна Антоновича, у котораго было два меньшихъ брата. Петру Антоновичу въ то время было 18 лѣтъ, а Алексѣю Антоновичу—17.

«Если Императрица не согласится на это, продолжалъ шумѣть Хитрово,—то схватить Орловыхъ и всѣхъ отлучить, а если можно, то и скорѣе Орловыхъ при первомъ удобномъ случаѣ погубить».

«Григорій Орловъ глупъ, разсуждалъ Хитрово,—но больше всего дѣлаетъ братъ его Алексѣй: онъ великій плутъ и всему дѣлу причиною».

По Петербургу стали ходить слухи о томъ, что императрица намѣрена выдти замужъ за Григорія Орлова, вслѣдствіе чего Орловыхъ хотятъ убить, а Екатерину лишить престола.

Хитрово былъ удаленъ отъ службы и сосланъ на житье въ его Орловское имѣніе. Къ концу царствованія Екатерины Хитрово уже не было въ живыхъ. Въ 1794 году, императрица обвиняла дѣтей Хитрово—Николая, Екатерину и Наталью въ варварскомъ обращеніи съ крестьянами въ пожалованномъ ихъ отцу въ 1762 году имѣніи въ Калязинскомъ уѣздѣ Тверской губерніи. Было ли это обвиненіе вполнѣ справедливымъ? Легко можетъ статься, что оно являлось выраженіемъ неудовольствія на Хитрово со стороны императрицы.

Вслѣдъ за Хитрово удалены отъ двора и другіе главнѣйшіе участники его дѣла ¹⁾.

¹⁾ Соловьевъ, «Исторія Россіи», т. XXV, стр. 257—261. «Сборн. Рус. Ист. Общ.», т. VII, стр. 109—115, 289—294.

Весьма многие из русских людей, желавших низложения Петра III, скоро разочаровались. День 28-го июня 1762 года выдвинулъ на первый планъ Гр. Орлова и разрушил иллюзіи Панина, Шувалова и нѣкоторыхъ офицеровъ, ревностно содѣйствовавшихъ воцаренію Екатерины II. Хитроумный дѣлецъ прежняго времени А. П. Бестужевъ-Рюминъ, умѣвшій угождать и Бирону и Елизаветѣ Петровнѣ, хлопотавшій о регентствѣ Екатерины въ 1757 году, въ 1762 году—послѣ провозглашенія ея самодержавной государыней, желаетъ уже устроить бракъ ея съ героемъ событія Гр. Орловымъ. Великій князь Павелъ Петровичъ забыть; онъ въ сторонѣ. Только Ник. Ив. Панинъ сохранилъ теплую привязан-

Медаль, выбитая въ честь канцлера графа
А. П. Бестужева-Рюмина.

ность къ своему воспитаннику. Екатерина весьма естественно относится къ нему, какъ къ конкуренту ея власти, сначала недобѣрчиво, а затѣмъ прямо враждебно. Для впечатлительнаго ребенка начинается горькая жизнь, которая тянется затѣмъ уныло черезъ все долгое, блестящее царствованіе Екатерины II.

Но не одинъ Павелъ Петровичъ заставляеть императрицу недобѣрчиво смотрѣть на окружающее ее. Хитрово указывалъ на злосчастнаго сына Анны Леопольдовны—Іоанна Антоновича, какъ на возможнаго соперника Екатеринѣ II. Симпатіи къ тому же шлюссельбургскому узнику высказывались еще за годъ до ареста Хитрово «съ товарищи» въ другихъ офицерскихъ кружкахъ Гурьева и Хрущовыхъ, а годомъ позже, въ 1764 году, явилась сумасбродная попытка со стороны также офицера, Мировича, освободить изъ заточенія Іоанна Антоновича и возвести его на престоль. Недовольство новымъ правительствомъ переходить въ низшіе классы. Государственные и помѣщичьи крестьяне, ободренные указомъ

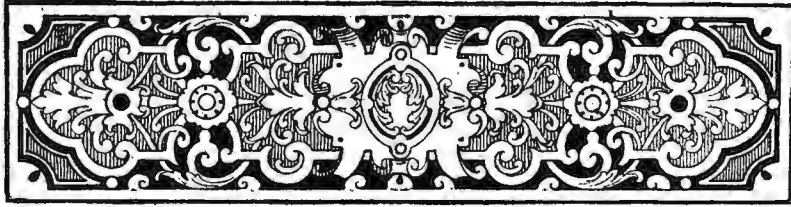

Петра III объ отобраніи крестьянъ у монастырей и архіереевъ, ждали и себѣ «воли», и вотъ вслѣдъ за воцареніемъ Екатерины II среди крестьянства начинаютъ бродить разные слухи о томъ, что императоръ Петръ III живъ; крестьяне волнуются и, наконецъ, изъ народныхъ массъ выдѣляются самозванцы, принимающіе имя умершаго императора и сулящіе свободу и льготы простому народу. Цѣлый рядъ лже-Петровъ III тянется съ 1765 года въ теченіи десятилѣтій, начинаясь Кремневымъ и заканчиваясь Пугачевымъ.

Но Екатерина II вышла побѣдоносно изъ всѣхъ этихъ важныхъ затрудненій. Внѣшній блескъ ея двора, успѣхи русскаго оружія и русской дипломатіи въ ея царствованіе—прославили вѣкъ Екатерины и въ Западной Европѣ и въ Россіи, а реформы Екатерины II по внутреннему государственному управленію поставили ея имя на ряду съ именемъ Петра Великаго. Императоръ Павелъ закономъ о престолонаслѣдіи 5-го апрѣля 1797 года навсегда пресѣкъ возможность въ этомъ важнѣйшемъ государственномъ вопросѣ тѣхъ «конъюнктуръ», которыя волновали весь русскій XVIII вѣкъ, и замыслы «пособниковъ» воцаренія Екатерины II стали лишь достояніемъ исторіи. Въ ней должны они сохраниться какъ факты бывшаго.

Д. Корсаковъ.

СОЦІАЛИСТЪ ПРОШЛАГО ВѢКА ¹⁾.

VI.

Передъ исправникомъ.

КРАВКОВЪ окончательно поселился въ скитахъ. Жизнь его такъ уходила, что онъ искалъ покоя, забвенья. Скитская же жизнь вполне отвѣчала идеалу человѣка, утомленнаго жизнью, съ разбитымъ прошлымъ и съ будущимъ, въ которомъ не свѣтилось ни одного луча надежды. Еслибъ онъ былъ другимъ человѣкомъ, онъ бы примирился и съ тою жизнью, какъ мирятся милліоны. Но въ душѣ его теплилось что-то такое, что освѣщало передъ нимъ возмутительныя стороны той жизни, которую онъ бросилъ, и онъ не искалъ возврата къ ней... У него въ душѣ было много поэзіи, теплоты. Еще еслибъ у него осталось море да молодья вѣрованія; такъ нѣтъ:—голубое море съ его безконечною далью у него отнято, и молодья вѣрованія его разбиты. Такъ лучше ужъ тутъ, въ этой пустынѣ, среди природы похоронить себя.

А въ этой пустынѣ была своя жизнь и много поэзіи. Скиты представляли значительное поселеніе людей, совершенно свободныхъ, ни отъ кого не зависѣвшихъ—не знавшихъ ни что такое исправникъ, ни что такое подати и паспорта. Въ скитахъ въ это время находилось болѣе ста муштинъ — и старыхъ, и молодыхъ, и

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. XV, стр. 24.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1884 г., т. XV.

даже дѣтей, и до пяти-сотъ женщинъ. Пустыня эта была въ сущности не пустыня, а только уединенная колонія, маленькое теократическое, но въ сущности демократическое государство, не знавшее ни войнъ, ни рекрутчины, ни начальства. Начальство они были сами. А кто заслуживалъ между ними наибольшаго уваженія, тому они охотно и съ любовью повиновались. Дѣлать имъ было нечего:—у нихъ все было общее. Да и дѣлать было не изъ чего: ихъ уединенная, дѣйствительно прекрасная «мати пустыня» была маленькая землица, буквально «текущая медомъ и млекоу». У нихъ было обширное хозяйство. Обширныя дѣвственные степи, которыхъ отъ сотворенія міра не касалась ни соха, ни плугъ и по которымъ только разгуливали стада робкихъ сайгаковъ, — степи эти, прародительницы ынгъшней «самарской житницы», родили имъ золотую пшеницу самъ-сто. Озера и рѣки Иргиза давали имъ въ изобиліи рыбу. По землямъ ихъ паслись цѣлыя стада крупнаго и мелкаго скота. Это былъ дѣйствительно рай.

Всѣ скитники работали на общину. Но это была такая легкая, такая благодарная работа.

Были въ скитахъ и такія радости жизни, которыя возможны только тамъ, «въ мірѣ»... Гдѣ молодость, здоровье — тамъ и любовь,—иначе жизнь была бы не полная.

Три года прожилъ Кравковъ въ скитахъ и чувствовалъ, что въ душу его сошелъ миръ: — тѣ глубокія раны, которыя онъ носилъ въ сердцѣ—зажили. Отъ всего прежняго остались только тихія, дорогія воспоминанія, а все острое, жгучее — точно подернулось дымкою дали, смягчилось въ своей рѣзкости и жгучести...

«Ученый морякъ, капитанъ-лейтенантъ, поклонникъ Руссо, съ тихою улыбкою думалъ онъ иногда:—а теперь раскольникъ скитникъ... А побылъ бы Руссо въ моей шкурѣ — въ шкурѣ бѣднаго російскаго дворянина, тогда бы онъ понялъ, что такое скитъ для русскаго, что такое «пустыня» для затравленнаго звѣря»...

И сидя на берегу Калача—такъ называлось озеро, надъ которымъ расселились скиты—онъ закидывалъ въ воду удочку и тихо подтягивалъ молодымъ инокамъ, Герасиму и Савватию Персидскимъ, которые пѣли одинъ изъ любимыхъ скитниками «противоцерковныхъ стиховъ»:

Кто Бога боится, тотъ въ церковь не ходитъ,
 Съ попами-дьяками хлѣбъ-соли не водитъ,
 Къ Богу съ покаяньемъ часто прибѣгаетъ
 И властей-начальства знать совсѣмъ не знаетъ.

Озеро раздѣляло мужской скитъ отъ женскаго, который былъ красиво расположенъ по ту сторону. Скитницы въ это время мочили у берега ленъ и, слушая, какъ поютъ «братья», съ своей стороны голосисто запѣвали:

По грѣхѣмъ нашимъ, на нашу страну
 Попусти Богъ бѣду такую:
 Облакъ темный всюду осѣни,
 Небо и воздухъ мракомъ потемни;
 Солнце въ небеса скры своя лучи
 И луна въ ночи свѣтлость помрачи,
 А и звѣзды вся потемниша зракъ,
 А и свѣтъ дневной предложися въ мракъ...

Тихо—дѣйствительно пустыня, дѣйствительно рай. Ни прилива, ни отлива въ этомъ морѣ тиши и упокоенія.

Но когда въ душѣ улеглись жгучія боли, когда прошлое—и то далекое, счастливое, свѣтлое, и это недавнее горькое — когда это прошлое отошло уже въ область воспоминаній, а настоящее какъ-бы застыло въ той формѣ жизни, о которой можно было бы сказать—«идѣ же нѣсть ни болѣзнь, ни печаль, ни вздыханіе»,—Кравковъ почувствовалъ, что ему чего-то недостаетъ... Не достаетъ прилива и отлива въ этомъ тихомъ пристанищѣ, недостаетъ бурь, въ этомъ безпечальномъ морѣ тишины... Да, доставало чего-то.

Будь онъ такой же, какъ Герасимушка Персидскій, который ничего кромѣ Волги и Дубовки не видалъ, для котораго весь міръ — въ этой опрокинутой надъ пустынею скорлупѣ голубого неба, ограничиваемаго вонъ этимъ горизонтомъ,—онъ удовольствовался бы пѣніемъ «Стиха преболѣзненнаго воспоминанія о озлобленіи каоликовъ» или объ «Аллилуевой женѣ милосердной», собираніемъ грибовъ и ежевики, уженіемъ рыбы въ Калачѣ и Иргизѣ, дѣленіемъ дня и всей жизни между заутренями и обѣднями, вечернями и всенощными; но, на несчастье или счастье, онъ видѣлъ когда-то такое, чего Герасимушкѣ и во снѣ не грезилось, читалъ то, чего Герасимушкѣ не понять, передумалъ столько, сколько всѣ головы обоихъ скитовъ, вмѣстѣ взятыя, не передумали во всю свою жизнь. Часто, сидя на берегу Калача и закинувъ удочку въ воду, онъ совсѣмъ забывалъ гдѣ онъ, а вмѣсто скита на томъ берегу озера передъ его глазами разстилался троянскій берегъ, въ виду котораго стоялъ когда-то ихъ корабль, а въ душѣ безконечною лентою развертывались картины, одна другой ярче, одна другой заманчивѣе... «Что-то дѣлается тамъ, внѣ этой мертвой пустыни? Все такъ же ли бьетъ ключомъ жизнь, какъ тогда, давно когда-то?». — Ему страстно захотѣлось хоть еще разъ взглянуть на эту жизнь, хоть издали прислушаться къ ея чарующему шуму... Вѣдь это все равно что заживо погребенному выйти изъ темной могилы и посмотреть вновь на голубое небо, на жаркое солнце, увидѣть тѣ мѣста, по которымъ онъ когда-то, до погребенія своего, ходилъ, не думая, что все это у него разомъ отыметсѣя, что все это станетъ для него недоступнымъ, недостижимымъ.

Хоть бы разъ еще увидѣть родную Оку, тотъ берегъ съ бере-

3*

зою, съ которыми связано было столько сладкихъ и горестныхъ воспоминаній. Тамъ же и родная усадьба, и родная деревенька, которую онъ такъ безсовѣстно продалъ. Тамъ же и дорогія могилы... И все это брошено, забыто!

Въ душѣ его заговорило горькое, мучительное сознание того, какъ безчеловѣчно поступилъ онъ съ людьми, которые безконечно были ему преданы, которые, кажется, вымолили его у смерти, когда онъ, послѣ страшнаго нравственнаго потрясенія, безпомощно метался въ своей одинокой горенкѣ... Нѣтъ, не безпомощно:—надъ нимъ плакали и страдали. Два любящія существа не покидали его ни на минуту, забывая и сонъ и покой—и онъ ихъ безчеловѣчно продалъ какъ гончихъ собакъ, продалъ — одну уже на закатѣ ея жизни, когда ей самой былъ нуженъ и уходъ и покой, другую— на самомъ разсвѣтѣ ея молодой жизни... Между тѣмъ она его любила: онъ не могъ этого не видѣть при всемъ безумномъ эгоизмѣ, на который только способно личное, острое страданіе, забывающее все, кромѣ своихъ личныхъ болей...

Нѣтъ, онъ долженъ поправить эту безчеловѣчную ошибку, если только уже не поздно. Онъ долженъ ихъ выкупить, дать имъ волю вновь жить своею жизнью хотя бы вотъ въ этихъ скитахъ. У него еще сбережено нѣсколько сотъ рублей, и онъ выкупить изъ кабалы бѣдную старушку и столько же, если не болѣе несчастную дѣвушку.

. . . . .
Въ одно утро, когда всѣ скитники собрались за трапезу, Кравкова не оказалось межъ ними. Прошелъ день, другой, третій, прошла недѣля—нѣтъ Кравкова. «Добрый баринъ», какъ всѣ при-
выкли его звать въ скитахъ, исчезъ—словно въ воду канулъ. Всѣ пожалѣли объ немъ, потому что всѣ любили его за скромность, хотя не могли не видѣть, что у него есть за душою что-то свое, чѣмъ онъ ни съ кѣмъ не дѣлился; но какъ всѣ догадывались, что это было горе, которое таилось въ его душѣ, то его жалѣли и любили еще болѣе.

«Не перекипѣлъ еще», бормоталъ про себя, качая сѣдою головой, Никита Петровичъ:—«не убродилось душевное пиво—нѣтъ, не убродилось... Понесъ свою душу супротивъ всѣхъ четырехъ вѣтровъ житейскихъ—размечуть ее буйные вѣтры... не скитская душа—воинствующая»...

Прошло недѣли три. Въ Макарьевской слободѣ, что подъ Нижнимъ, проходилъ какой-то мужикъ съ котомкой за плечами, опираясь на длинную палку. Онъ шелъ черезъ базаръ, не обращая вниманія на обычную базарную суетню и на то, что базарные люди передъ кѣмъ-то снимали шапки. Этотъ кто-то былъ исправ-

никъ, какъ можно было судить по его полицейской формѣ, а еще болѣе по начальническому виду.

— Эй! ты кто? послышался вдругъ окрикъ.

Всѣ воззрѣлись на того, на кого кричалъ исправникъ. А тотъ, къ кому относился окрикъ, продолжалъ идти далѣе, ни на что не обращая вниманія.

— Эй ты, бродяга!—тебѣ говорятъ! повторился окрикъ.

Опять вѣтъ отвѣта. Пухлые щеки исправника побагровѣли отъ гнѣва.

— Задержать его! крикнулъ онъ десятскимъ.

Нѣсколько человекъ перегородили дорогу прохожему. Тотъ остановился, удивленно посматривая на нихъ. Подошелъ исправникъ.

— Ты кто такой? съ прежнимъ гнѣвомъ спросилъ онъ.

Прохожій спокойно поглядѣлъ ему въ лицо, смѣрилъ съ головы до ногъ и что-то въ родѣ усмѣшки блеснуло въ его черныхъ задумчивыхъ глазахъ. Это окончательно взорвало полицейскаго претора.

— Какъ ты, мерзавецъ, смѣешь не отвѣчать мнѣ! окончательно накинулся онъ на страннаго человека.—Да я тебя, мерзавца.

— Ты? меня? спокойно спросилъ прохожій съ тою же усмѣшкою.

Исправникъ даже отшатнулся.

— И ты еще смѣешь тыкать меня!—ты!—ты!

— Я слѣдую твоему примѣру, былъ тотъ же спокойный отвѣтъ.

— Ды ты знаешь ли—кто я!

— Знаю... Человекъ, роняющій власть.

— Какъ! я!.. Исправникъ не нашелся даже что сказать.

— Да, ты... Ты роняешь власть...

— Я исправникъ!

— Вижу... Тѣмъ хуже для тебя—ты не на мѣстѣ...

— Да какъ ты смѣешь со мной такъ говорить!

— Потому что ты такъ говоришь...

— А! такъ я тебѣ покажу!—Говори: кто ты такой?

— На это отвѣчу, ибо ты, яко исправникъ, имѣешь право на такой вопросъ: я—капитанъ-лейтенантъ.

Исправника видимо озадачилъ такой отвѣтъ. Онъ сразу какъ-бы смутился. Но увидѣвъ, что окружившая ихъ базарная толпа какъ будто бы насмѣшливо улыбается, снова покраснѣлъ отъ досады.

— Какой ты капитанъ-лейтенантъ!—ты бродяга.

— Нѣтъ, я не бродяга... Со мной указъ объ отставкѣ.

— Такъ ты самозванецъ!

— Такой же какъ и ты.

Въ толпѣ послышался сдержанный смѣхъ. Исправникъ злобно оглянулъ народъ, но ничего не сказалъ.

Между тѣмъ прохожій снялъ съ себя котомку, неторопливо вынулъ изъ нея книгу, изъ книги—вчетверо сложенный листъ и подалъ его исправнику.

— Вотъ мой указъ.

Исправникъ торопливо развернулъ бумагу. Руки его дрожали. Быстро пробѣжалъ онъ написанное, бормоча: «капитану-лейтенанту Евдокиму Михайлову сыну Кравкову... изъ адмиралтействъ-коллегии... подписалъ вице-адмиралъ Чичаговъ... печать... скрѣпа»...

— Такъ вы Кравковъ?

— Да, я Кравковъ.

— А если видъ подложный?

— Можете справиться по принадлежности.

— Но и настоящій указъ можно добыть какимъ ни-на-есть способомъ отъ другого лица.

— Я не добывалъ.

— Зачѣмъ же вы такъ ходите?

— Такъ хочу.

— Для чего вы носите бороду?

— Бородъ нынѣ носить не воспрещается.

— Но вы дворянинъ.

— Чѣмъ же борода безчеститъ дворянина?—Бороду и Спаситель носилъ.

— Такъ то Спаситель... А вы россійскій дворянинъ.

— И русскіе цари носили бороды.

Исправникъ не зналъ что дальше говорить.

— А зачѣмъ вы крестьянское платье носите?

— Такъ хочу... Не хочу имѣть никакой отлички отъ крестьянина:—онъ такой-же человѣкъ, какъ я.

Въ толпѣ послышался ропотъ удивленія и одобренія. Исправникъ чувствовалъ неловкость своего положенія; но старался выдержать роль претора до конца.

— Дворянину въ неподобной одеждѣ ходить нельзя.

— Почему же?

— Соблазнъ... неподобно... въ законѣ не указано...

— На это вѣтъ закона, какъ равно закономъ не воспрещено дворянину ѣсть черный хлѣбъ вмѣсто бѣлаго...

— Вотъ такъ отрѣзалъ, братцы, послышалось замѣчаніе въ толпѣ.

— Ну!—язычекъ же!— бритва...

— Ай да баринъ!—умѣеть отвѣтъ держать...

— Комаръ носу не подточить... Вотъ тѣ и тихоня!.. И насчетъ одежи—ну!

Исправникъ грозно оглянулъ толпу. Все шарахнулось назадъ.

— Все же я долженъ васъ арестовать, рѣшилъ наконецъ исправникъ.

— За что?—какъ!

— За ношеніе неподобной одежды.

— По мой указъ, мое званіе!

— Ваше поведеніе недостойно вашего званія.. Я васъ арестую.

— Вотъ тѣ и клюква! не выдержалъ кто-то въ толпѣ.

Исправникъ нетерпѣливо обратился къ десятскимъ.

— Разогнать эту сволочь!—Прочь отсюда!—въ шею ихъ!

Десятскіе бросились на народъ. Передніе осадили заднихъ, — тѣ бросились бѣжать. Десятскіе пустили въ ходъ палки.

— Идите за мной, продолжалъ исправникъ, пряча бумагу Кравкова за бортъ кафтана.

— Но зачѣмъ?—Я иду къ себѣ на родину.

— Куда это?

— Во Владиміръ—въ Пороховець.

— А откуда?

— Я иду изъ-за Волги, изъ Иргизскихъ скитовъ.

— А зачѣмъ вы тамъ были?

— Я просто жилъ тамъ.. Я могу жить гдѣ хочу.

— Но я все-таки обязанъ представить васъ вышему начальству—препроводить въ намѣстническое правленіе... Какъ рѣшить начальство...

Кравковъ долженъ былъ покориться необходимости.

Его какъ арестанта отправили въ Нижній при бумагахъ и велѣли сдать въ намѣстническомъ правленіи «подъ росписку», словно пакетъ какой-нибудь.

«Пилатово это дѣло — темное, нечистое, вспоминались ему дорогой слова Никиты Петровича: — вотъ и узналъ, что дѣлается на божьемъ свѣтѣ, вдали отъ пустыни.. Опять бы туда? — а то хоть на край свѣта, только бы подальше отсюда!»..

VII.

Передъ генераль-губернаторомъ и архіереємъ.

2-го октября 1784 года, Кравковъ предсталъ предъ лицо исправляшаго должность нижегородскаго и пензенскаго генераль-губернатора, генераль-поручика Ребиндера, одного изъ тѣхъ Ребиндеровъ, объ одномъ изъ коихъ мы читаемъ очень характерное замѣчаніе въ «Дневникѣ Храповицкаго» подъ 4-мъ марта 1787 года, гдѣ говорится: «Услыша, что Ребиндеръ съ графомъ Стакельбер-

гомъ поѣхали верхами, сказано (т. е. Екатерина II сказала Храповицкому), что когда лифляндцы вмѣстѣ сойдутся, всегда говорятъ по-чухонски. Послѣ того вошелъ Ребиндеръ, и въ томъ признался».

Эта мѣткая характеристика въ устахъ замѣчательной женщины и императрицы могла быть примѣнена въ то время и ко всѣмъ Ребиндерамъ, въ томъ числѣ и къ нашему — къ нижегородскому. Эти люди, охотнѣе говорившіе по-чухонски чѣмъ по-русски, не знали и не хотѣли знать страны и ея народа, которыми однако управляли въ качествѣ правителей и намѣстниковъ, и не могли любить ни первой, ни послѣдняго.

Тщательно выбритый, завитой и напудренный, Ребиндеръ съ удивленіемъ и какою-то нескрываемою гадливостью смотрѣлъ на стоявшаго передъ нимъ мужика съ умными задумчивыми глазами.

— И вы—капитанъ-лейтенантъ подлинно? спрашивалъ онъ съ ядовитою вѣжливостью.

— Подлинно капитанъ-лейтенантъ, былъ отвѣтъ.

— И вы проходили морское ученіе?

— Проходилъ.

— Въ какомъ заведеніи?

— Въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ.

— И экспедиціи дѣлали?

— Да—болѣе десяти.

— Что же заставило васъ бросить службу?

— Нежеланіе продолжать ее.

— Странно... Можетъ быть, неудовольствія по службѣ?

— Нѣтъ—меня отличало начальство.

— Какъ же вы могли промѣнять лейтенантскій униформъ на это... на эту сермягу?

— Промѣнялъ...

— Не понимаю!

— Много пришлось бы рассказывать... не стоитъ...

— Но что жъ вы дѣлали?—гдѣ жили?—что намѣрены дѣлать?

— Я воротился домой... Меня обобрали и обманули... Я поступилъ на службу—меня опять безбожно обманули... Я бросилъ службу... сбросилъ съ себя оболочку даже, подъ которою прячется одна ложь—и ушелъ туда, гдѣ нѣтъ лжи...

— Куда же? съ едва скрываемою ироніею спросилъ Ребиндеръ:—гдѣ это вы нашли такую Аркадію?

— За Волгой.

— За Волгой?—вотъ тутъ?

— Нѣтъ, на Иргизѣ.

— На Иргизѣ?—гдѣ же это?

— За Малыковкой

— Я этой мѣстности не знаю.

— Ниже Симбирска и выше Саратова... Въ Иргизскихъ скитахъ.

— А! въ скитахъ!—Такъ вы раскольникъ?—Вотъ что!—дворянинъ—и раскольникъ! Ребиндеръ пожалъ плечами.

— Нѣтъ... я не раскольникъ... Я только нахожу сомнѣнія въ разсужденіи церковныхъ—не почитаю не только духовенство, но и церковь...

— О! Ребиндеръ всталъ.—Даже церковь?

— Да... И то, что попы называютъ таинствами — я не признаю...

— Что же вы признаете?

— Евангеліе и правду...

— О! улыбнулся вельможа: — я не православный — въ вашей религіи я не силенъ... Я лучше попрошу его преосвященство переговорить съ вами о семъ предметѣ... Прощайте!

— Можете увести его, обратился онъ къ стоявшимъ у порога съ ружьями солдатамъ.

Кравковъ, горько улыбнувшись, вышелъ.

«Прежде къ Пилату, шепталъ онъ: — а теперь, видно, къ Аннѣ и Каиафѣ поведутъ... Ходи, Кравковъ, ходи... Вотъ тебѣ и свѣтъ широкій, вотъ тебѣ и фіолетовыя моря!..»

На другой день Кравкова вели по улицамъ Нижняго какъ простого арестанта. И передъ нимъ и за нимъ шли два солдата съ ружьями. Передъ его глазами открывалась красивая панорама Волги и далекаго Заволжья. Онъ вспомнилъ, какъ давно когда-то, еще мальчикомъ, онъ былъ въ Нижнемъ съ отцомъ, и эта далекая панорама поразила его юное воображеніе. Неужели же можно добраться туда, въ эту недосыгаемую даль? думалось ему тогда. А въ такія ли дали, послѣ, забрасывала его судьба!—Такія ли панорамы развертывались передъ его изумленными очами, когда корабль его носило по океанамъ!.. А теперь... вонъ куда занесло его утлую ладью...

Кравкова ввели къ архіерею. Горькое чувство шевелилось въ душѣ арестанта.

— Приблизися, сынъ мой, тихо сказалъ архіерей, опершись тучнымъ тѣломъ на аналой, на которомъ лежали крестъ и раскрытое евангеліе, и заплывшими жиромъ глазками осматривая съ ногъ до головы интереснаго арестанта.

Кравковъ не двигался. Губы его судорожно передергивались.

— Подойди, сынъ мой, повторилъ епископъ, возвышая голосъ.

— Зачѣмъ?—Что мнѣ тутъ дѣлать? произнесъ арестантъ.

— Сотвори крестное знаменіе и поцѣлуй крестъ и слово Спасителя твоего.

— Для чего!.. Я не хочу этимъ играть... Я много цѣловалъ его, я его слезами обливалъ...

— Паки поцѣлуй, настаивалъ епископъ.

— Да зачѣмъ вамъ это!—зачѣмъ вамъ этотъ крестъ! — какое вамъ дѣло до Спасителя! съ страстною горечью произнесъ арестантъ.

— Какъ какое дѣло! изумился епископъ.

— Не Его ли именемъ вы мучите народъ, глубоко вѣрующій, глубоко любящій, народъ, у котораго вѣра чище вашей и искреннѣе!.. Не Его ли именемъ вы загоняете его въ пустыни и дебри!.. Не Его ли именемъ возжигаютъ костры и сожигаютъ на нихъ тысячи невинныхъ! Не Его ли именемъ пролиты рѣки крови, когда онъ Самъ пролилъ свою божественную кровь за насъ, чтобы только мы не были звѣрьми, не ѣли бы другъ друга!.. Не Его ли священнымъ именемъ сильные угнетаютъ слабыхъ, богатые обираютъ нищихъ!.. Не Его ли именемъ прикрываютъ все глубоко неправое и глубоко безнравственное!.. Вы, вонъ, въ шелковой рясѣ, въ богатыхъ палатахъ, тотъ весь въ золотѣ, у тѣхъ власть и богатства,— и вы ли смѣете безтрепетно богохульствовать, произнося чистое имя Того, Который по имѣлъ гдѣ главу преклонить! — Вы ли Его служители?—Нѣтъ, вы служители Ирода!.. Это Онъ, божественный страдалецъ, къ вамъ обращался, говоря: «о, порожденія ехиднова! како можете добро глаголати, зли суще?»

— Что ты! что ты!—ты богохульствуешь, еретикъ! могъ только произнести архіерей, все далѣе и далѣе отступая въ глубь обширнаго кабинета, съ испугомъ оглядываясь по-сторонамъ.

— Нѣтъ, вы богохульствуете каждымъ вашимъ словомъ, каждымъ поступкомъ! продолжалъ арестантъ:—вы отъ Его божественнаго ученья, отъ всѣхъ правилъ и заповѣдей Его не оставили не искаженнымъ и не оскверненнымъ ни одного слова, ни одной іоты, какъ слѣпые и злые люди не оставили камня на камнѣ отъ того храма, гдѣ Онъ, божественный страдалецъ, училъ любить ближняго какъ самого себя... А гдѣ вашъ ближній?—Вы загнали его въ лѣса, въ пустыни, въ норы и язины, вы отдали его кровное достояніе богачу, а его хижину оставили безъ крыши, вы одѣли сильнаго пурпуромъ, а его тѣло отдали на жертву холода и дождей, вы обули богача въ сафьянъ и замшу, а ближняго гоните босымъ и голоднымъ на барщину... О, порожденія ехиднова!..

Кравковъ вдругъ остановился, какъ бы сразу проснувшись или опаматовавшись отъ бреда. Онъ протянулъ впередъ руки...

— Простите меня, ваше преосвященство! со слезами въ голосѣ заговорилъ онъ:—я не хотѣлъ оскорбить васъ... Я не къ вамъ отнесилъ мои слова... Я небу жаловался, я вѣтру кричалъ... Ваше преосвященство! я такъ много думалъ, такъ много страдалъ...

— Успокойся, сынъ мой... Богъ тебя простить... Въ тебѣ говоритъ заблужденіе, духъ гордыни, началъ было архіерей.

— Гордыня!—въ армякѣ-то этомъ!—И арестантъ съ горечью показалъ на свой жалкій костюмъ.

— Гордыня и въ рублищѣ ходить... А ты, сынъ мой, смирись...

— Что вы мнѣ говорите! — опять страстно воскликнулъ арестантъ:—меня прислали къ вамъ, чтобъ вы меня увѣщевали, какъ раскольника, какъ какого-нибудь начетчика... Да, я Вольтера всего прочелъ, Руссо наизусть знаю, Дидерота, Даламберта, Гельвеція! Надъ святыми словами евангелія я до сихъ поръ плачу какъ ребенокъ... Я правды ищу, правды, слышите ли! А гдѣ она?—У васъ въ консисторіи что ли?—въ синодѣ?—у исправниковъ?—у губернаторовъ?—Я Христовой правды ищу, а вы увѣщевать меня хотите!.. Раскольникъ я!.. Да не вы ли Христа раскольниковъ сдѣлали!.. Увѣщевать!—въ чемъ же?—что я сдѣлалъ?—кому зло учинилъ?—какое преступленіе совершилъ? — Развѣ то, что эту подлую, по-вашему, одежду на себя надѣлъ? — За это и исправникъ меня арестовалъ... А вы-то что тутъ, слуга Христовъ?—Вы тоже развѣ исправникъ?.. Развѣ Никодима приводили ко Христу съ солдатами?

Онъ снова остановился, точно его покинули силы. Архіерей въ смущеніи перебиралъ четки.

— Чего же тебѣ надобно? спросилъ онъ въ нерѣшительности.

— Мнѣ ничего не надо, отвѣчалъ Кравковъ упавшимъ голосомъ:—но вамъ-то что отъ меня нужно?—что нужно имъ?—за что они меня взяли, за что арестовали какъ убійцу?... Я одного только прошу—отпустите меня, не мучьте.

— Но ты покорись властямъ.

— Какимъ?

— Предержащимъ властямъ... Ему же убо урокъ урокъ, а ему же дань дань...

— Знаю, знаю... Дань-то особенно... Да я-то не податной — я дворянинъ... говорю это съ сожалѣніемъ...

— Все равно... власть... А ему же убо страхъ страхъ...

— Знаю, давно знаю!—Это Его-то святыя слова исказили—изъ евангелія сдѣлали уложеніе о наказаніяхъ... О, порожденія ехиднова!

Архіерей позвонилъ. Кравковъ вздрогнулъ и снова какъ бы опомнился.

— Отпустите меня, ваше преосвященство.

Въ кабинетъ съ низкимъ поклономъ вошелъ сѣдой монахъ.

— Отецъ экономъ, обратился къ нему архіерей:—проведи господина капитанъ-лейтенанта въ слѣдственную—впредь до особаго распоряженія.

— О, порожденія ехиднова! тихо бормоталъ Кравковъ, слѣдуя за отцомъ экономомъ.

VIII.

Передъ Шешковскимъ.

Раннимъ утромъ, 13-го ноября 1784 года, въ Петербургъ, черезъ московскую заставу, въѣзжали сани-пошевни. По взмысленной и заиндевьшей тройкѣ, отъ которой паръ шелъ клубами, видно было, что ѣздоки торопили ямскихъ лошадей, и только, когда у шлахбаума подвязывали къ дугѣ колокольчикъ, усталымъ конямъ дали нѣсколько секундъ на передышку. Дѣло ѣздоковъ было, повидимому, спѣшное.

Кто же были эти путники?—Тайной экспедиціи канцелярскій чиновникъ Григорьевъ съ «будущимъ», какъ значилось въ дорожной, на которой сверхъ того чернѣли три крупно написанныя магическія слова: «по высочайшему повелѣнію». Вотъ почему такъ взмыслены ямскія лошади и почему часовой такъ торопливо подвысилъ шлахбаумъ.

А кто былъ этотъ «будущій» безъ имени! — Конечно Кравковъ. Это онъ сидитъ закутанный въ нагольный арестантскій тулупъ и задумчиво глядитъ на выступающій изъ тумана Петербургъ.

«Вотъ и онъ опять — Вавилонъ новый. Захотѣлось Кравкову выглянуть изъ «прекрасной пустыни» на свѣтъ божій — ну вотъ и гляди, разглядывай, пока тебя изъ тюрьмы въ тюрьму будутъ перевозить».

Замелькали знакомыя петербургскія улицы, мосты, будки, часовые.

«Все-то прячутся, все-то стерегутъ кого-то, точно дикими звѣрями населенъ городъ. Нѣтъ—хуже чѣмъ звѣрями—благородными Чернышевыми, добрыми Шешковскими, Вяземскими».

Подъ визгъ полозьевъ, захватывавшихъ камни мостовой и рѣзавшихъ душу, Кравковъ, казалось, слышалъ, какъ Герасимушка Персидскій тянулъ свою тоскливую мелодію:

Оле бѣдствія на святой Руси,
Оле лютости по всей земли:
По глухимъ дебрямъ всѣ скитаемся,
Отъ звѣрей лютыхъ уязвляемся,
Всюду бѣдніи утѣсняемся,
Изъ отечества изгоняемся.

«Ахъ, если бы можно было вонъ бѣжать изъ этого отечества, туда, къ фіолетовымъ волнамъ, подъ яркое солнце».

Сани остановились у крыльца большого съ колоннами дома.— Приѣхали!—Какъ-то холодно стало на сердцѣ у приѣхавшаго.

«Въ 80-хъ годахъ прошлаго вѣка—говоритъ В. И. Ламанскій въ своемъ изслѣдованіи о Кравковѣ ¹⁾—русское образованное общество,

¹⁾ Памятники новой русской исторіи; томъ I.

къ лучшимъ представителямъ котораго, за исключеніемъ, быть можетъ, балахнинскаго исправника, принадлежали всѣ лица, такъ вдругъ единодушно заинтересовавшіяся личностью Кравкова, — это общество, по крайней мѣрѣ большинство образованнаго дворянства, не отличалось особенной преданностью церкви и православію, считало сотнями въ своихъ рядахъ ревностныхъ масоновъ, иллюминатовъ или усердныхъ поклонниковъ Вольтера, Дидро, д'Аламбера, Гельвеція. Ни въ Нижнемъ, ни въ Петербургѣ особенно, никого тогда не могло удивить, что какой-то русскій дворянинъ, отставной капитанъ-лейтенантъ, съ неуваженіемъ отзываясь о русской церкви, не почитаетъ ни таинствъ ея, ни обрядовъ. Кошунство надъ вѣрою, насмѣшки надъ христіанствомъ были въ то время у насъ до такой степени въ модѣ, что имъ предавались часто даже люди вѣрующіе, изъ боязни прослыть отсталыми. Въ рѣчахъ Кравкова, такъ вдругъ поразившихъ высокопоставленныхъ лицъ и въ Нижнемъ, и въ Петербургѣ, были высказаны тѣ вольныя мысли о церкви, которыхъ держались и они сами, и огромное множество ихъ друзей и знакомыхъ, и, наконецъ, нѣсколько сотъ тысячъ русскихъ крестьянъ и купцовъ - раскольниковъ, которыхъ въ то время запрещено было преслѣдовать. Въ простыхъ словахъ Кравкова: «гдѣ хочетъ, тамъ и живетъ, и что хочетъ, то и думаетъ», выразились самыя невинныя и естественныя требованія каждаго свободнаго человѣка, самое первое правило начала свободы совѣсти, начала, торжественно провозглашенныя законодательствомъ того времени! Тѣмъ не менѣе, и Ребиндеру въ Нижнемъ, и высшимъ лицамъ въ Петербургѣ мысли Кравкова представляются «зловредными». Подобно балахнинскому исправнику (арестовавшему Кравкова), всѣ они одинаково были поражены не мыслями Кравкова, а тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ возвѣщаль отставной капитанъ-лейтенантъ съ бородой, въ неподобной одеждѣ; что онъ, осуждая греко-россійскую церковь, ея таинства и обряды, въ то же время называлъ себя христіаниномъ, почиталъ Николая Чудотворца. Раскольника-крестьянина не арестовалъ бы и балахнинскій исправникъ; дворянина масона, деиста или атеиста, преспокойно оставили бы въ покоѣ, но дворянинъ раскольникъ былъ явленіемъ до такой степени страннымъ, что не могъ не возбудить къ себѣ сильнаго подозрѣнія и въ балахнинскомъ исправникѣ, и въ исправляющемъ должность генералъ-губернатора, и въ князѣ Вяземскомъ, и въ самой императрицѣ Екатеринѣ II. Всѣ они были изумлены этимъ случаемъ не только какъ лица правительственныя, представители государства, но и просто какъ люди образованные, представители русскаго общества второй половины XVIII вѣка.

Какъ бы то ни было, Кравкова въ тотъ же день представили предъ ясныя очи Степана Ивановича Шешковскаго.

Шешковскій — это была замѣчательная личность въ исторіи второй половины прошлаго вѣка. На памятникѣ его, который доселѣ можно видѣть на кладбищѣ Александро-Невской лавры, въ сосѣдствѣ съ памятникомъ фонъ-Визина, сохранилась лаконическая эпитафія: «Служилъ отечеству 56 лѣтъ». Но какъ служилъ!— Должность его была скромная. Онъ титуловался только оберъ-секретаремъ тайной экспедиціи. Но Степана Ивановича боялись не только простые смертные, но даже первые чины имперіи... Попасть въ руки Степана Ивановича—это все равно, что попасть въ волчій капканъ. Подъ рукой, вельможи рассказывали, что Степанъ Ивановичъ такъ привыкъ дѣлать «обыски» и «допросы», что когда ему некого было обыскивать и допрашивать, то онъ обыскивалъ самого себя. Самъ онъ о себѣ говорилъ, что у него «восковое сердце», что злыми языками толковалось такъ, что онъ изъ своего сердца что хотѣлъ, то и дѣлалъ, но оно такъ же не чувствительно было къ чужому горю и къ чужимъ слезамъ, какъ простой кусокъ воску.

Шешковскій встрѣтилъ Кравкова извиненіемъ, что его, можетъ быть напрасно, побезпокоили; но что, по долгу службы, онъ проситъ господина капитана рассказать ему о себѣ все, «какъ отцу родному». Кравкову челоуѣкъ этотъ съ «восковымъ сердцемъ» показался добрякомъ, и, перемученный дорогою, разбитый нравственно, съ чувствомъ усталости въ душѣ, онъ дѣйствительно началъ говорить ему «какъ отцу родному». Упавшимъ голосомъ, часто останавливаясь, какъ бы переживая все то, что онъ говорилъ, Кравковъ дѣйствительно рассказалъ ему все, что намъ уже извѣстно—что довело его до рѣшимости порвать связи съ міромъ, глубоко опостылѣвшимъ ему. Рассказалъ и о своей неудачной женитьбѣ, о женѣ, которая надбавила горечи въ тотъ ковшъ горя, который ему пришлось испить.

— Впрочемъ—прибавилъ онъ съ горечью—напрасно я вамъ объ этомъ и сказываю: она, я думаю, уже давно замужемъ. Сказалъ я о ней для того только, что я твердо рѣшился удалиться отъ свѣта и отъ масоновъ, ибо и въ Пензѣ и во Владимірѣ — все масоны, да и графъ Воронцовъ самъ сказывалъ, что онъ масонъ: я де и Чернышова вашего поставилъ масономъ. Я рѣшился искать прямо христіанской жизни, и ушелъ изъ Пензы, продалъ свое платье, одѣлся въ это, и пошелъ въ раскольничьи скиты. Тамъ я и нашелъ людей, прямо живущихъ по закону божію.

Глаза Шешковского, ясные и прозрачные, какъ глаза невиннаго младенца, казалось, выражали сочувствіе къ арестанту, которому видимо надоѣло все то, что онъ долженъ былъ повторять въ десятый разъ, вовсе того не желая.

— Раскольничьи скиты, повторилъ Степанъ Ивановичъ мягко:— но вѣдь тамъ живутъ люди, не имѣющіе никакого просвѣщенія,

наполненные суевѣрствомъ и невѣжествомъ, и самые простые мужики. Кажется бы, по состоянію вашему, отнюдь не прилично по здоровому разуму прилѣпляться къ такимъ простякамъ, забывъ свою честь, что вы почтены въ государствѣ.

Кравковъ слабо махнулъ рукой.

— Мнѣ ни честь, ни достоинства не нужны, и пріятна ихъ жизнь и обряды въ богопочтеніи. Я почитаю—они основаны на истинѣ священнаго писанія, а посему я ихъ и считаю настоящими христіанами.

Глаза Степана Ивановича встрѣтились съ глазами, сидѣвшаго въ сторонѣ, у окна, какого-то старичка и что-то строчившаго. Старичекъ понялъ этотъ взглядъ и сталъ строчить еще усерднѣе.

— Но вѣдь эти люди, продолжалъ онъ еще болѣе мягко, наполнены суевѣрствомъ и невѣжествомъ, то кажется ни какъ не совмѣстно и не прилично вамъ быть въ ихъ сообществѣ, а надлежитъ, оставя такое заблужденіе, искать, по состоянію вашему, лучшей участи и уклониться отъ ихъ прелестнаго ученія.

Кравковъ сдѣлалъ нетерпѣливый знакъ. Все это такъ ему надоѣло!—а этотъ еще повторяетъ одно и то же—«не совмѣстно, не прилично!»

— Я ничего не хочу! рванулъ онъ было съ мѣста, но остановился.—Одинъ рабъ двумъ господамъ служить не можетъ... Бороды брить, другого платья носить и лучшей участи имѣть я не желаю, а только прошу отпустить меня за границу.

— За границу? Степанъ Ивановичъ насторожилъ уши.

— Да, за границу.

— Что же вы тамъ будете дѣлать?

— Тамъ дѣла больше чѣмъ здѣсь.

Степанъ Ивановичъ опять глянулъ на строчащаго старичка, какъ бы говоря глазами: «строчи, строчи—ничего не моги пропустить».

— Гмъ—дѣла больше чѣмъ у насъ... А въ какомъ мѣстѣ?

— Ужъ я тамъ выберу себѣ мѣсто, какое Богъ назначить.

— Такъ-съ, отлично... А дѣлать-то что будете?

— Работать, читать...

— И читать?

— Да, и читать.

— А что бы такое, позвольте спросить?

— Философовъ, Руссо—да мало ли кого!

— Такъ, такъ, отлично—и философъ, и Руссо... Раскольники и Руссо—это что-то не вяжется, господинъ капитанъ-лейтенантъ... Суевѣрство..!

Кравковъ нетерпѣливо пожалъ плечами.

— Что вамъ дались раскольники! замѣтилъ онъ. — Эти люди, живущіе въ дѣсахъ, какъ затравленные звѣри, упражняются въ богомоліи и въ трудахъ, да они-жъ бѣдные, и подати платятъ.

— А много ихъ тамъ? любопытствовалъ Степанъ Ивановичъ.

— Въ томъ скиту, отвѣчалъ Кравковъ,—гдѣ я былъ, живетъ человекъ сто-другое мужчинъ, да сотъ до пяти женщинъ, и старухи—всѣ трудятся въ работахъ, и подати платять.

— Да они и должны платить, возразилъ Шешковскій,—ибо они имѣютъ земли и промыслы.

— Да земля-то вѣдь божья, съ своей стороны возразилъ русскій социалистъ прошлаго вѣка:—а Богъ не велѣлъ никому никакого насилья дѣлать, ибо Онъ сотворилъ всѣхъ равными.

«Ого-го!» казалось, говорили глаза Степана Ивановича, обращенные къ пишущему старичку:—«слышите? Смекаете?—Это пугачовщиной пахнетъ»...

Но онъ этого не высказалъ, а сдѣлался еще любезнѣе.

— Ахъ, государь мой, началъ онъ снова:—какъ вамъ не стыдно, имѣвши чинъ, и притомъ штабъ-офицерской, быть такъ упряму противъ установленнаго въ государствѣ порядка и защищать такихъ людей, которые, живучи въ праздности, подъ видомъ ложной святости, стараются своими хитростями вовлекать людей въ свои пагубныя сѣти, что самое случилось и съ вами.

Терпѣніе Кравкова, наконецъ, лопнуло... «Чего имъ отъ меня нужно? Что я имъ сдѣлалъ!» Онъ уже начиналъ чувствовать, что пропала его свобода, что паутина, въ которой онъ очутился, запутывала его все больше и больше... «Прощай свобода! прощайте, голубья моря!»

— Такъ какъ же-съ, государь мой? стоялъ надъ душой страшный паукъ, въ образѣ «добраго друга».

— Какъ!—Да ежели я сдѣлалъ какое зло, съ отчаяньемъ заговорилъ арестантъ,—то въ вашей волѣ—можете меня мучить, бить, или живота лишить. Я на все готовъ. Только души у меня отнять никто не можетъ. Буде же хотите—судите меня воинскимъ судомъ. Хоть съечь велите—только я отъ своего намѣренія не отступлю!

Степанъ Ивановичъ пожалъ плечами, какъ бы сожалься «оподлившагося» дворянина.

— Никто васъ мучить не будетъ, снисходительно замѣтилъ онъ,—да и нѣтъ нужды.

— Такъ что же вамъ отъ меня нужно?

Степанъ Ивановичъ какъ-то странно улыбнулся.

— Можно думать, сказалъ онъ, продолжая улыбаться,—что вы столь упорствуете для того, что васъ старички послали посланникомъ за нихъ пострадать и для того вамъ въ напутствіе дали образъ святителя Николая...

— Это благословеніе матери, нетерпѣливо перебилъ его Кравковъ.

— Положимъ... Но старички весьма ошиблись, продолжалъ болѣе серьезно Шешковскій:—нынѣ, по власти божіей и по милости всемилостивѣйшей государыни, наша вѣра христіанская соблюдается

отъ всѣхъ по самому евангелію и преданіямъ святыхъ отецъ. А люди эти, держащіеся стараго обряда, достойны сожалѣнія, ибо отчуждаются церкви Христовой по однимъ только обрядамъ. Впрочемъ, они также христіане, почему и васъ, кажется, мучить нужды не будетъ, а только требуется отъ васъ, по общимъ государственнымъ законамъ, повиновеніе, какъ отъ свѣдущаго по службѣ челоуѣка и заслужившаго штабъ-офицерскій чинъ.

На всю эту рѣчь Кравковъ ничего не отвѣчалъ. Такъ опротивѣли ему эти казенныя, лицемѣрныя рѣчи людей, которые сами ни во что не вѣрили, даже въ челоуѣческую честность.

— Какъ же, государь мой?

Кравковъ все молчитъ. Только губы его нервно вздрагиваютъ.

— А?—согласны, мой добрый другъ?

Опять молчаніе. Слышится только тяжелый сдержанный вздохъ.

— А?—скажите же, государь мой.

— Я уже болѣе говорить не буду, отвѣчалъ Кравковъ не поднимая головы.—Я все сказалъ... Отпустите меня за границу—вѣдь другихъ отпускаютъ.

— Конечно... только...

— Ну, а если нельзя—пошлите на каторгу, тамъ я буду работать, или отошлите въ острогъ—я и тамъ трудиться буду. А здѣсь я запертъ и живу въ праздности.

Шешковскій сталъ ходить по комнатѣ и что-то соображать.

— Хорошо, сказалъ онъ, а потомъ, обращаясь къ строчившему старичку, спросилъ:—готово?

— Готово-съ, ваше превосходительство.

— Литерально?

— Литерально-съ, ваше превосходительство.

Затѣмъ Шешковскій обратился опять къ Кравкову.

— Теперь неужгодно ли вамъ, государь мой, руку приложить, указавъ онъ на бумагу, поданную ему старичкомъ.

— Къ чему! нетерпѣливо отвѣчалъ арестантъ.

— А къ вашимъ показаніямъ.

— Зачѣмъ это?

— Такъ заведено-съ—порядокъ, государь мой.

— Не стану я руку прикладывать!—Дѣлайте что хотите!—Я вѣдь ужъ забылъ и писать...

Кравковъ задыхался. Онъ видѣлъ, что его уже сдѣлали государственнымъ преступникомъ.

— Я не хочу писать!—не хочу самъ затягивать свою петлю! повторялъ онъ, пятясь къ порогу:—я разучился писать!

— Полноте-съ... А Руссо, а философы?

— Пустите меня!—у васъ и говорить разучишься... Я совсѣмъ перестану говорить... Для васъ слово божье, рѣчь—и то уже преступленіе... Дѣлайте со мной что хотите!

— Такъ не подпишете?

— Нѣтъ!

— Напрасно-съ—только время сами затягиваете... А впрочемъ— все равно... На этотъ разъ можете идти...

Онъ хлопнулъ въ ладоши. Въ дверяхъ показались солдаты съ ружьями.

— Проводите господина капитанъ-лейтенанта... До свиданья, государь мой... Подумайте на свободѣ.

Кравковъ вышелъ, не произнеся болѣе ни одного слова.

Онъ сдержалъ слово, данное Шешковскому: до 11-го генваря 1785 года онъ не произнесъ ни одного слова. Онъ не говорилъ даже съ караульными солдатами. Онъ сдѣлался молчальникомъ. «Слово, рѣчь—уже и это преступленіе»...

11 генваря, Кравковъ заговорилъ вотъ по какому случаю. Въ этотъ день у князя Вяземскаго былъ парадный обѣдъ по поводу одной радости, выпавшей на долю князя наканунѣ. 10-го генваря, Вяземскій, по должности генераль-прокурора, докладывалъ императрицѣ вѣдомость о политическихъ преступникахъ, содержащихся въ крѣпостяхъ.

— А что дворянинъ-старовѣръ Кравковъ? спросила Екатерина.

— Продолжаетъ упорствовать, ваше величество.

— Какъ упорствовать?

— Все молчитъ, государыня.

— То-есть—какъ же молчитъ?

— Не произноситъ ни единого слова вотъ уже который мѣсяцъ: ни на допросы не отвѣчаетъ, ни даже съ караульными не говорить.

— Какъ же?—съ чего же это?

— Да послѣ перваго вопроса, ваше величество: — велѣли ему руку приложить къ его показаніямъ, такъ не захотѣлъ—уперся—говорить: «совсѣмъ перестану говорить, ибо-де у насъ, въ Россіи, простое слово божіе, рѣчь—и то уже преступленіе».

— Такъ и сказалъ?

— Такъ и сказалъ, государыня.

Краска не то негодованія, не то стыда, такъ и залила все лицо Екатерины.

— Каково!.. это все вы своимъ неумѣньемъ обращать съ преступниками, своею жестокостью доводите ихъ до того, что они говорятъ—и въ правѣ говорить, что въ Россіи—простое слово божіе, рѣчь—и то уже преступленіе!... А!—что скажутъ обо мнѣ въ Европѣ!—что я лодоѣдка?—что мнѣ мои подданные боятся говорить правду?.. Какая-де въ Россіи свобода!—только на словахъ...

Князь Вяземскій стоялъ блѣдный, потерянный. Храповицкій, присутствовавшій тутъ же, весь красный, утиралъ фуляромъ потъ, каплями выступавшій на лбу, на щекахъ и даже подъ косою.

— Что-жъ вы ихъ—пытаете что-ли! продолжала императрица:— морите голодомъ?— И это въ мое-то царствованіе, когда я торжественно, передъ всей Европой, провозгласила уничтоженіе пытокъ, всякихъ насилій надъ подданными, даже преступными! когда я хочу только милости и милости! — когда я хочу быть только ихъ матерью!.. А!—слово въ Россіи—преступленіе! И это говорить не мужикъ, а просвѣщенный человѣкъ, выдавшій Европу!— Вотъ до чего вы довели моихъ подданныхъ вашею жестокостью...

Совсѣмъ уничтоженный, князь Вяземскій умолялъ объ отставкѣ... Храповицкій, нагнувшись надъ какою-то бумагою, которую онъ переписывалъ, весь смущенный, прикладывалъ къ этой бумагѣ фуляръ, силясь что-то вытереть.

При видѣ его смѣшной фигуры, императрица вдругъ улыбнулась.

— Что закапалъ потомъ «Обманщика»?

— Ненарокомъ, ваше величество,—простите, бормоталъ онъ:— вспотѣлъ нечаянно.

— Самъ же переписешь...

— Перепишу, государыня,—вспотѣлъ...

— Вспотѣлъ въ чужой банѣ.

Глѣвъ императрицы окончательно прошелъ. Она взглянула на Вяземскаго.

— Ты просишь отставки?

— Не гожусь я, ваше императорское величество,— увольте — негожусь.

Екатерина милостиво положила ему на плечо руку.

— Только ты одинъ и годишься, ласково пояснила она: — ни изъ князей Голицыныхъ, ни изъ Долгоруковыхъ нельзя сдѣлать генераль-прокурора. А ты—мой ученикъ, я тебя сама формировала, и сколько я за тебя выдержала: — всѣ называли тебя дуракомъ ¹⁾.

Вяземскій, упавъ на колѣни, цѣловалъ край платья императрицы и плакалъ.

— Матушка!.. великая, великая! бормоталъ онъ безсвязно.

Эта-то неожиданная нахлобучка, а потомъ милостивое признаніе, что онъ не дуракъ, дало Вяземскому поводъ устроить званый обѣдъ для друзей. А такъ-какъ причиною нахлобучки былъ Кравковъ, то генераль-прокуроръ въ тотъ же день рѣшился быть какъ можно мягче и снисходительнѣе къ своимъ арестантамъ, а въ особенности къ Кравкову. 11-го же генваря онъ велѣлъ отнести своему арестанту обѣдъ со своего стола. Этотъ-то обѣдъ и заставилъ Кравкова говорить. Узнавъ, что это обѣдъ отъ Вяземскаго и вспомнивъ, сколько времени они его мучать напрасно, Кравковъ не могъ

¹⁾ «Дневн. Храповицк.» изд. Барсукова, стр. 4, 279, 323.

подавить припадка вспышки и сказалъ караульнымъ принесшимъ обѣдъ: «отдайте его собакамъ».

Вечеромъ, когда ему принесли и ужинъ съ княжескаго стола, послѣдовала та же исторія. Этотъ княжескій ужинъ Кравковъ выбросилъ въ тотъ сосудъ, который арестанты называютъ «чиганашкой».

— Скажите Шешковскому, обратится онъ при этомъ къ караульнымъ:—если со мною ничего не сдѣлаютъ и станутъ меня еще здѣсь держать, то вѣдь руки у меня не скованы,—я самъ чтонибудь надъ собою сдѣлаю.

Это такъ напугало Вяземскаго, что онъ тотчасъ же поскакалъ къ митрополиту Гавріилу.

— Ваше высокопреосвященство! помогите, молилъ онъ митрополита.

— Въ чемъ дѣло, сіятельнѣйшій князь?

— Государыня думаетъ, что я жестоко обращаюсь съ моими арестантами и не умѣю ихъ направить на путь истины. А мнѣ вотъ на шею посадили раскольника дворянина, такого, что Вольтера да Руссо читаетъ и въ скитахъ жилъ. Какъ мнѣ съ нимъ сладить насчетъ вѣры!—Позвольте мнѣ его къ вамъ прислать, ваше высокопреосвященство.

— Хорошо, пришлите.

IX.

Передъ княземъ Вяземскимъ.

Въ чемъ состояло объясненіе митрополита съ Кравковымъ, какъ они поняли другъ друга—изъ дѣла неизвѣстно. Но несомнѣнно, что митрополитъ не возбудилъ въ странномъ раскольникѣ того глубокаго презрѣнія, какое возбудили въ немъ и архіерей нижегородскій, и Ребиндеръ, и Шешковскій, и Вяземскій. Оно и не удивительно: митрополитъ Гавріиль былъ умнѣе всѣхъ ихъ и болѣе всѣхъ понималъ душу человѣческую. Не даромъ Екатерина особенно уважала этого іерарха, посвятила ему даже своего «Велисарія» и всегда называла его «мужемъ острымъ и резонабельнымъ». Этотъ же митрополитъ, глубоко возмущаясь стариннымъ обычаемъ, въ силу котораго провинившихся священниковъ сѣкли какъ Сидорову козу, исходатайствовалъ у правительства указъ объ уничтоженіи этого гнуснаго обычая-закона.

Какъ отнесся митрополитъ къ воззрѣніямъ Кравкова, можно отчасти судить по письму его къ князю Вяземскому, по поводу того же Кравкова.

«Сіятельнѣйшій князь Александръ Алексѣевичъ, милостивый государь!—писаль онъ.—Присланный отъ вашего сіятельства ко мнѣ флота капитанъ 2-го ранга Евдокимъ Кравковъ многократно былъ увѣщеваемъ, но остался въ прежнихъ мысляхъ. Онъ приверженъ къ толку старообрядцевъ, называемому поповщиною, но при всей той приверженности имѣетъ мнѣнія и раскольниками нетерпимыя. Его отзывы и разсужденія показываютъ человѣка разстроенныхъ мыслей. А какъ въ такое состояніе приведенъ онъ печальными обстоятельствами и причиною того почитаетъ другихъ, то произшедшее отъ сего въ немъ негодованіе производитъ недовѣрчивость, отвращеніе и упорство. Исправить его, кромѣ снисхожденія, не можно. Онъ чрезъ время, увидѣвши не то, что нынѣ заключаетъ, можетъ смягчиться въ своемъ упорствѣ. Я его съ симъ къ вашему сіятельству препровождаю».

«Снисхожденіе», только «снисхожденіе». Но этого государственные умники никакъ не могли понять. Имъ хотѣлось непремѣнно переубѣдить человѣка, который былъ умнѣ ихъ и притомъ же доведенъ до крайняго нервнаго возбужденія, благодаря все тѣмъ же умникамъ.

— Что дворянинъ-старовѣръ? снова спросила императрица Вяземскаго черезъ нѣсколько дней.

— Послѣ увѣщанія митрополита, ваше величество, спокойнѣе стала.

— А касательно мыслей?

— Упорствуетъ, государыня.

— А что митрополитъ сказалъ?

— Митрополитъ, государыня, пишетъ, что исправить его, кромѣ снисхожденія, ничѣмъ не можно.

— Снисхожденіе! живо заговорила императрица:—слышите что говорить умный человѣкъ?—а? слышите?

И Вяземскій, и Храповицкій, тутъ же занимавшійся «перлюстраціей», вытянулись.

— Точно, государыня, процѣдилъ первый.

— Снисхожденіе... милость, поддакивалъ второй.

— Да—милость—только милость, а не строгость править міромъ, горячо сказала императрица:—вспомните—неразумный сынъ премудраго и милостиваго Соломона чрезъ свою строгость царства лишился... Это зато, что онъ наказывалъ подданныхъ скорпіями...

— А князь кормить Кравкова устрицами, матушка.

Екатерина невольно улыбнулась. Это говорилъ Нарышкинъ Левъ, показавшись на порогъ внутреннихъ покоевъ. На плечѣ у него было полотенце.

— Устрицами?

— Точно, матушка.

— Не устрицами, государыня, а точно отъ своего стола посылалъ, оправдывался Вяземскій.

Императрица замѣтила полотенце на плечѣ у своего друга «Левушки».

— Это что у тебя за полотенце? улыбнулась она.

— Да вотъ покой твой убиралъ, матушка, невозмутимо отвѣчалъ Нарышкинъ.

— А Захаръ что же?

— Не хочетъ.

— Какъ не хочетъ!

— Такъ и не хочетъ—сердится на тебя, матушка.

— За что еще?

— Да говорить—государыня всю прислугу избаловала:—сама изволятъ печи топить, а прислуга дрыхнетъ... Такъ, говорить, житья не будетъ во дворцѣ.

Екатерина засмѣялась.

— Это правда—я немножко виновата передъ Захаромъ:—сегодня утромъ я проснулась раньше обыкновеннаго—дѣла было много и показалось мнѣ холодно... Я пожалѣла прислугу—и не разбудила, да сама и растопила дрова... Нечего дѣлать—надо просить прощенія у Захара Константиновича.

Императрица видимо была довольна этой невинной, но ловкой шуткой своего «Левушки». Этотъ «Левушка» при помощи своихъ дурачествъ умѣлъ необыкновенно искусно льстить. Хитрый царедворецъ, прикидывавшійся повѣсой, больше всѣхъ зналъ слабость императрицы къ популярности—и всегда умѣлъ ловко угодить этой слабости. Онъ такъ поступилъ и въ данномъ случаѣ: рѣчь шла о снисхожденіи, о милости, объ умѣ и добротѣ Соломона; «Левушка» все это слышалъ изъ сосѣдней комнаты—и явился съ полотенцемъ на плечѣ, чтобъ «насмѣшить свою матушку»...

— Такъ устрицами, князь, кормишь Кравкова, а не скорпіями? продолжала шутить матушка.

— Стараюсь, государыня.

И онъ дѣйствительно постарался.

Въ тотъ же день онъ велѣлъ привести Кравкова въ присутствіе тайной экспедиціи, гдѣ, конечно, былъ и неизбѣжный Шешковскій. Послѣдній былъ не въ духѣ, узнавъ, что императрица не одобряетъ ихъ жестокаго обращенія съ арестантами.

«Сама печи топить, прислугу жалѣючи, а мы вонъ якобы мучимъ нашихъ молодцовъ, бормоталъ онъ, расхаживая маленькими шажками по присутствію:—что жъ намъ ручки что-ли у нихъ цѣловать, когда они упорствуютъ?.. Устрицами Кравкова кормимъ, скорпіями... Да онъ, подлець, и стоитъ скорпиевъ—эдакій кремень... Устрицами... А все этотъ Левка наушникъ—все онъ переносить, шпынь проклятый... Совсѣмъ избаловали арестантовъ:—пытать,

слышь, не могли... Да чѣмъ его, подлеца, кромѣ дыбы проймешь?— Эхъ то-то времячко было, то-то лафа была Андрею Иванычу Ушакову, когда у него подъ руками и застѣнокъ, и дыбушка-матгушка, и эдакія разныя плеточки—сразу все выпытають... А мы вотъ въ сухоматку допрашивай—не смѣй и посѣчь»...

Вошелъ Кравковъ. Онъ много измѣнился за послѣднее время, постарѣлъ, посѣдѣлъ, хоть ему едва только минуло сорокъ лѣтъ.

— А! Господинъ капитанъ-лейтенантъ: сколько лѣтъ, сколько зимъ! дружески подошелъ къ нему Степанъ Ивановичъ.

— Какъ ваше здоровье, господинъ капитанъ? спросилъ Вяземскій, кивая головой:—сама всемилостивѣйшая государыня интересуется вашимъ дѣломъ.

— Благодарю—я здоровъ, былъ короткій отвѣтъ.

— Очень радъ... Ну, а какъ на счетъ вашего рѣшенія?

— Какого рѣшенія?

— На счетъ то-есть мыслей въ разсужденіи религіи?

— Мои мысли на этотъ счетъ извѣстны его высокопреосвященству.

— Все это такъ-съ... Его высокопреосвященство, конечно, смотритъ со стороны догматики, а мы—согласитесь—должны относиться къ дѣлу съ государственной точки зрѣнія.

— Со стороны такъ сказать цивильной, пояснилъ Шешковскій.

— И шляхетской, добавилъ князь Вяземскій.

— Въ разсужденіи бороды и платья, еще яснѣе опредѣлилъ Шешковскій.

— А также и въ разсужденіи раскола.

Кравковъ молчалъ.

— Какъ же, капитанъ? — не бросили вы вашихъ бредней? не вытерпѣлъ Шешковскій.

— Какихъ бредней? спросилъ Кравковъ.

— Ахъ, капитанъ! да неужели вы сами не понимаете, сколь для васъ постыдно, заслуживши чинъ штабъ-офицерской, войти въ такое заблужденіе, которому слѣдуютъ люди, не имѣвшіе никогда никакого просвѣщенія, удалиться отъ общества и тѣмъ паче оставить святую церковь, всѣ ея преданія, и вѣрить такимъ людямъ, которые не только никакого понятія, въ чемъ они сомнѣваются, не имѣютъ, но что и сами, по глупости своей, истинно полагаютъ, то и тому правдоподобнаго доказательства дать не могутъ.

— Но вѣдь я же это слышалъ!—Что вамъ до меня!

— Намъ васъ жаль.

— Такъ отпустите меня.

— Куда?—въ скиты?

— Да хоть гдѣ-нибудь дайте спокойно умереть.

— Зачѣмъ умирать?

— Ну, уйти отъ всѣхъ, отъ этой горькой жизни — забыться...

— Чтожъ! если вы хотите посвятить себя на службу Богу и удалиться отъ суеты...

Кравковъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе, но смолчалъ.

— Что жъ!—вы можете избрать мѣсто, по желанію вашему, въ монастырѣ, гдѣ быть вамъ не только не постыдно, но и полезно бы было для васъ, и притомъ, надѣюсь, на сіе бы и всемилостивѣйшая государыня изъявить изволила свое благоволеніе.

Говоря это, князь Вяземскій невольно вспомнилъ: «а всѣ тебя считали дуракомъ.. кто же это всѣ? а?—ужъ не Левка ли Нарышкинъ наушникъ, шпынь и льстець»...

— Ну такъ какъ же? снова обратился онъ къ арестанту.

— Устрицы... все только устрицы... скорпіи бы, пробормоталъ про себя Шешковскій:—ахъ Андрей Иванычъ!..

Вяземскій старался не слышать его словъ; онъ рѣшился до конца быть мягкимъ.

— А?—что же вы на это скажете, мой другъ?—въ разсужденіи монастыря...

— Помилуйте! не выдержалъ арестантъ:—что вамъ до меня за нужда!—Богъ насильно никого къ спасенію призывать не велѣлъ, а открылъ путь всякому, кто какъ желаетъ спастись... Что вамъ до меня?—Какъ я о величіи божіи мыслю и ищу спасенія—знать никто не можетъ.

«Ахъ! — думалъ онъ при этомъ:—какъ умнѣе всѣхъ ихъ Никита Петровичъ — простой мужикъ... А вѣдь эти государствомъ правятъ».

— Зачѣмъ вы хотите меня непременно въ монастырь засадить?

— Не мы—продолжалъ пилить Вяземскій, стараясь оправдать довѣріе государыни, что онъ не дуракъ: — не мы, но самъ Богъ, чрезъ посредство постановленныхъ пастырей церкви Христовой, которымъ Онъ ввѣрилъ самъ, по словеси своему, пасти стадо, призываетъ васъ къ истинному богопознанію. Положимъ, что вы конечно вѣруете въ Бога, чаете себѣ спасенія, но равнымъ образомъ и всякій христіанинъ того же желаетъ и ищетъ того по своему состоянію. Всякій исполняетъ всѣ обязанности, налагаемыя закономъ и вѣрою, и церковь святую почитаетъ матерью своею, всѣ ея преданія, установленныя отъ Христа, и преданія святыхъ отецъ по возможности исполняетъ; а вы совсѣмъ отчуждились отъ церкви и ее оставили. Повѣрьте, если бы сіе не было прискорбно и вы не были бы достойны сожалѣнія въ разсужденіи такихъ странныхъ кроющихся въ васъ воображеній, то конечно бы по напрасну не стали бы принуждать васъ къ присоединенію къ церкви Христовой, страшась, дабы не отдать отвѣта Богу, что объ васъ не старались или мало о обращеніи вашемъ попеченія имѣли, тѣмъ болѣе что и всемилостивѣйшей государынѣ весьма сіе угодно, ибо она, аки мать, о чадахъ своихъ печется, но видитъ своего подданнаго,

падшаго въ такое заблужденіе. И для того мы (онъ взглянулъ на Шешковскаго, который нетерпѣливо шуршалъ бумагой) — мы, будучи обязаны вѣрностію къ самодержицѣ своей, должны о васъ имѣть сожалѣніе и, сколь возможно, привести къ познанію истины.

Вся эта проповѣдь, дышущая грубѣйшимъ матеріализмомъ, — полная кощунства надъ вѣрою и ученіемъ евангельскимъ, терзала и мучила Кравкова, стоила ему всякой пытки.

Онъ глубоко поникъ головою. Упавшія на колѣни руки сжались съ такою силою, что кости хрустнули.

— Такъ какъ же? — ясны для васъ мои доводы? продолжалъ пилить Вяземскій.

Кравковъ всталъ, но голова его оставалась опущенною на грудь.

— Я родился во тьмѣ — тихо сказалъ онъ — хочу такъ же и умереть... Я не знаю, что кому нужды имѣть обо мнѣ попеченіе... Я ни отъ кого ничего не требую и не желаю, ни о чемъ никого не просилъ и не прошу... Если же я сдѣлалъ что противное закону, то вы вольны меня разжаловать, наказать по законамъ и хотя лишить жизни.

— Зачѣмъ же! помилуйте!

Кравковъ махнулъ рукой и быстро вышелъ изъ присутствія.

«Трудно иногда представить себѣ — говорить по этому случаю г. Ламанскій—до какого уродства и безобразія способны доходить люди въ своемъ безвѣрїи и индеферентизмѣ, когда по какимъ нибудь внѣшнимъ расчетамъ и соображеніямъ считаютъ себя призванными являться защитниками вѣры, христіанства, ученія любви и свободы, не только не нуждающагося въ ихъ покровительствѣ, но еще оскверняемаго ими въ своей святынѣ! Кто хлопочетъ объ обращенїи Кравкова? Князь Вяземскій, низкой души человекъ, нечестный гражданинъ, грязный въ своей семейной жизни! О нравственности и крѣпости христіанскихъ убѣжденій Шешковскаго и другихъ нечего и упоминать».

Х.

«Матерняя революція».

Послѣ этихъ неудачныхъ увѣщаній, Кравкова оставили на время въ покоѣ. Дни проходили за днями, а ни къ нему никто изъ властей не заглядывалъ, ни къ себѣ его не призывали. Казалось, что объ немъ всѣ забыли. Но тѣмъ сильнѣе въ немъ заговорила память прошлаго.

О томъ, далекокомъ, свѣтломъ прошломъ, когда передъ нимъ заманчивой панорамой разстилалось таинственное, но полное иллю-

зій будущее, когда во власти его, казалось, находились цѣлыя моря и океаны съ невѣдомыми странами и народами, когда онъ самъ бороздилъ эти моря и рвался въ новыя, невиданныя страны и когда впереди, среди этихъ грезъ и дѣйствительности, вставалъ свѣтлый образъ навѣки погибшаго друга, — объ этомъ далекомъ прошломъ онъ даже и не вспоминалъ, потому что не могъ реально представить его себѣ. Ему теперь казалось, что этой полосы въ его жизни совсѣмъ даже не было, что все это пронеслось въ волшебномъ снѣ, въ молодыхъ грезахъ. Онъ даже не могъ теперь представить себя тѣмъ Кравковымъ, какимъ онъ былъ когда-то въ этихъ разлетѣвшихся грезахъ, въ этихъ «соніяхъ», пробужденіе отъ которыхъ было такое страшное. Развѣ это онъ, вотъ этотъ одинокій Кравковъ, плылъ тогда на фрегатѣ отъ кавказскаго берега къ Крыму, къ Кафѣ, и рассказывалъ молодымъ офицерамъ Павлюку и Шастову о своихъ далекихъ плаваніяхъ? Да развѣ это онъ плавалъ? — Развѣ онъ восторженно молился сѣдому океану и плакалъ отъ умиленія?.. Нѣтъ, это былъ кто-то другой, а не онъ... Да, этого прошлаго не было — оно было только во снѣ... И та, когда-то свѣжая, а теперь уже почти забытая могила на берегу Оки, и та, которая лежала въ этой могилѣ, и ея соломенная шляпка на столѣ, и одна перчатка, и то послѣднее письмо — «отдай мнѣ его, сине море», — все это было во снѣ...

Но у него осталось еще и другое прошлое, близкое—и вотъ объ немъ онъ теперь вспоминалъ какъ о чемъ-то недосыгаемомъ.

Обширная луговая поляна залита лучами утренняго солнца. Съ одной стороны ее окаймляетъ зеленый лѣсъ, звенящій голосами птицъ, съ другой—ровные, плоскіе берега Иргиза, а дальше—безконечная степь, что раскинулась вширь отъ Волги вплоть до Яика-Урала. Изъ-за лѣсу блеститъ на солнцѣ золоченый крестъ скитской церкви. Въ прозрачной синевѣ кружатся голуби. А здѣсь, на полянѣ, кипитъ работа. Отъ самаго лѣсу вытянулся строй косарей, человѣкъ до ста, и, широко размахивая косами, эта длинная лава косцовъ медленно двигается впередъ, шаркая острыми косами по зеленой травѣ, убранной всевозможными цвѣтами. Высокая, сочная трава такъ и разстилается, такъ и падаетъ ницъ передъ этими витязями. А витязи эти—скитскіе «старцы»—косари, большею частью народъ молодой, здоровый. А противъ этой длинной лавы «старцевъ» идетъ другая, еще болѣе длинная лава «старицъ»—все это бабы молодья, сильные. «Старицы» идутъ лавою косцовъ въ двѣсти. Косы сверкаютъ на солнцѣ какъ алмазныя полосы.

— Вонъ какъ старица Платонида забираетъ впереди всѣхъ, словно лебедь плыветъ.

— Ужъ и мастерица же косить! двухъ мужиковъ за поясъ заткнетъ.

— Вонъ какую широкую полосу гонить—богатырь старица!

— Одно слово, по писанію—«широковидная».
 — Да и сестра Вириная шибко рѣжетъ.
 — А нашъ - отъ старецъ Вавила, гляньте, какимъ козыремъ
идеть.

— Словно Самсонъ на филистимлянъ.

Обѣ лавы косарей все ближе и ближе сдвигаются. Уже небольшая полоса нескошенной травы раздѣляетъ мужскую лаву отъ женской. Сестра Платонида и старецъ Вавила первые прорѣзали свои полосы до конца, и остановились, красные, разгорѣвшіеся.

— Богъ въ помощь, матушка Платонидушка.

— Спасибо на божьемъ словѣ, Вавилушка братецъ.

Косцы вынимаютъ изъ-за голенищъ деревянные лопатки и шаркаютъ ими о притупившіяся косы. Наближаются и другіе косцы— лава къ лавѣ.

А Кравковъ вмѣстѣ съ Герасимушкой и Саватѣюшкою Персидскими идутъ за лавами косцовъ и собираютъ въ плетешки перепелиныя яйца: послѣ скошенной травы перепелиныя гнѣзда открываются то тамъ, то здѣсь, и Кравковъ съ своими молодыми друзьями собираетъ сѣренкїя, пятнистыя яички, потому что все равно ихъ сороки повыщиваютъ. Вонъ они, долгохвостыя, такъ и вьются надъ скошенными полосами, ища легкой добычи. А изъ этихъ перепелиныхъ яичекъ какія вкусныя яичницы готовятъ въ скитахъ!

Первая полоса скошена. Косы притупились. Косцы собираются у «стана» и, уфѣвшись кругами на землѣ, начинаютъ «отбивать» небольшими молотками на такихъ же небольшихъ наковальняхъ притупившіяся лезвѣя косъ. Звонъ раздается по всей полянѣ, и эхо его повторяется въ лѣсу по ту сторону Иргиза.

Передохнувъ, идутъ косить вторую полосу. А тамъ, вскорѣ и копны готовы—вся поляна такъ и уфѣяна копнами. Тутъ ужъ «копнить» сѣно—это бабѣ дѣло: на такое дѣло сестры большія мастерицы.

А тамъ, глядишь, и ржи и пшеницы стали созрѣвать. Новая работа всему скитскому населенію, и такъ почти круглый годъ: уборка, молотѣба, помолы на скитской мельницѣ. А тутъ же и возка арбузовъ и дынь съ бахчей, соленье и квашенья тѣхъ и другихъ на зиму... Горы огурцовъ, капусты...

Проходитъ лѣто. Наступаютъ осенніе заморозки — «звонкая осень», когда шибко укатанная и промерзшая дорога звенитъ на зарѣ подъ кованными колесами. Но снѣгу еще нѣтъ, ибо заволжская осень суха и ясна. Озеро уже подернуто тонкимъ, прозрачнымъ какъ стекло льдомъ. Ледъ дѣлается все толще и толще. Раннимъ утромъ Кравковъ отправляется съ юными Персидскими «глушить» рыбу по замерзшимъ берегамъ Калача, особенно по ту сторону озера, въ приглубыхъ заливахъ и въ длинныхъ «куткахъ»,

по берегамъ поросшихъ рѣзучею осокою. Въ рукахъ у нихъ «чекмари»—длинные палки съ круглыми въ кулакъ наконечниками изъ корня того же дерева, изъ котораго сдѣланъ «чекмарь». Ледъ такъ еще тонокъ, что Кравковъ и его юные друзья ложатся на животы и ползкомъ перебираются на ту сторону Калача. Сквозь прозрачный ледъ видно далеко въ глубину—вода какъ хрусталь чиста: въ глубинѣ видны плавающія рыбы. По мѣрѣ движенія охотниковъ по льду, онъ гнется, трещитъ—вотъ-вотъ проломится; но они ползутъ осторожно. Вотъ они и переползли—идутъ вдоль берега. Здѣсь вода еще прозрачнѣе. Видно дно озера какъ на ладони—и пріютившаяся подъ водою травка, и, заснувшая на зиму, зеленая лягушка, уткнувшаяся носомъ въ какую-нибудь ямочку. Они идутъ тихо, чуть скользятъ по зеркальной поверхности. Вонъ подбилась къ подводной травкѣ щука и стоитъ неподвижно, только гибкій хвостъ ея немного шевелится. Кравковъ поднимаетъ высоко надъ головою «чекмарь» и со всего размаху бьетъ имъ по льду какъ разъ противъ головы щуки. Ударъ оглушаетъ ее—она вертится на мѣстѣ. Еще ударъ, и еще—и хищная рыба опрокидывается пластомъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ ударили «чекмаремъ», во льду образовалась чудная, всѣхъ радужныхъ цвѣтовъ звѣзда. Кравковъ еще сильнѣе бьетъ по льду «чекмаремъ»—и ледъ пробитъ. Въ отверстіе засовывается рука—и щука вытаскивается на поверхность. А тамъ Герасимушка «глушить» огромнаго караса, Саватѣюшка ни какъ не можетъ заглушить жирнаго линя.

Слышно, какъ на токѣ молотить братія—и старцы и здоровыя старицы: далеко разносятся въ утреннемъ воздухѣ звонкіе удары цѣповъ объ промерзшую, гладкую какъ ровная доска токовину. Въ лѣсу звучатъ топоры объ замерзшія деревья—это братія готовятъ дрова на обитель. Все работаетъ—и работаетъ не по принужденію, а изъ любви, по охотѣ, и потому во всемъ довольство, обиліе.

Гулко въ морозномъ воздухѣ раздаются удары въ скитское било—это святой отецъ, Никита Петровичъ, созываетъ въ обитель свою братію, старцевъ и старицъ, труждающихся и обремененныхъ:—это значитъ, что настала часъ общественной трапезы. Всѣ сходятся въ просторную избу и садятся за огромные столы, а служки, молодые послушники, разносятъ по столамъ яства, а во время трапезы кто-либо изъ братіи, которые грамотные, читаютъ по очереди то евангеліе, то дѣянія апостольскія, то житіе святыхъ, либо другое что божественное.

Такъ вспоминалъ Кравковъ скитскую жизнь, сидя въ своемъ одиночествѣ и не зная, что въ эти самые часы рѣшается навсегда его участь.

Въ кабинетѣ императрицы идетъ докладъ. Екатерина, нѣсколько откинувшись на спинку кресла и поглаживая рукой перламутровый разрѣзной ножъ, слушаетъ докладъ Вяземскаго и поглядываетъ

ваеъ иногда на Храповицкаго, который за отдѣльнымъ столомъ углубился въ какіе-то корректурные листы. У окна Левъ Александровичъ Нарышкинъ тихонько дразнить попугая, просовывая къ нему въ клѣтку кончикъ носового платка.

«Онъ, Кравковъ (читаетъ Вяземскій), какъ человѣкъ противъ званія своего дѣлаеъ поведеніемъ и жизнію своею нетерпимый въ обществѣ не только соблазнъ, но самымъ своимъ ложнымъ мнѣніемъ развращаетъ и другихъ, отторгнувшись отъ святой церкви и наставленіемъ неправомыслящихъ невѣждъ, избралъ лучшее сожитіе съ тѣми невѣждами, нежели въ обществѣ людей, законами и вѣрою охраняемыхъ, такъ что никакія увѣщанія духовной и мірской власти о повиновеніи церкви и установленнымъ государственнымъ законамъ воздѣйствовать въ немъ не могли, за что, по силѣ законовъ, и достоинъ онъ, Кравковъ, жестокому наказанію»...

Замѣтивъ, что при послѣднихъ словахъ императрица какъ-будто поморщилась, докладчикъ въ нерѣшительности остановился.

— Наказанію, да еще жестокому, сказала она, глядя на Вяземскаго:—не люблю я этихъ словъ.

— Эти слова изъ закона, ваше величество, оправдывался докладчикъ.

— И въ законѣ такихъ словъ не должно быть:— жестокость, наказаніе...

— И скорпіи, матушка, вкинулъ свое слово «Левушка», ударивъ попугая по носу.

— Именно скорпіи... Я не хочу быть похожею на Ровоама.

— А Соломона, матушка, ты превзошла, продолжалъ хитрый «Левушка».

— Ну, Левъ Александровичъ, — ужъ ты не въ мѣру льстишь мнѣ, замѣтила императрица.

— Нѣтъ, государыня, — еикогда я вамъ не льстилъ, а всегда говорилъ сущую правду... Будь на вашемъ мѣстѣ Соломонъ и приди къ нему княгиня Дашкова съ моимъ братцемъ, какъ тѣ двѣ матери съ ребенкомъ...

Екатерина размѣялась.

— А вѣдь ты правъ:—она бы Соломона въ гробъ вогнала.

Въ это время къ столу въ нерѣшительности приблизился Храповицкій.

— Ты что, Александръ Васильевичъ? спросили его.

— Вотъ тутъ, ваше величество, княгиня...

— Опять княгиня!—Дашкова?

— Такъ точно, государыня.

— Что же она?

— Вотъ тутъ, въ корректурѣ «Обманщика»,—княгиня сдѣлала маленькую поправочку въ словѣ.

— Какую же?

— Слово это замѣнила словомъ сіе.

— Оставь это... На правда ли, Левъ Александровичъ, это болѣе порусски чѣмъ сіе.

— Правда, матушка, развѣ не смѣшно было бы сказать: сей попугай большой разбойникъ?

— Вѣрно, вѣрно...

— А сія княгиня—сіе какъ-то возвышеннѣе...

— Ахъ ты, шпынь... Ну, продолжай, обратилась она къ Вяземскому.

— Слушаю-сь.

— И я слушаю.

— «За что, по силѣ законовъ, и достоинъ онъ Кравковъ»...

Вяземскій остановился.

— Только не жестокому наказанію, повторила Екатерина: — напиши тяжкому осужденію.

— Слушаю-сь... «тяжкому осужденію: по поелику довольно изъ собственныхъ его изрѣченій да и по существу самыхъ его дѣяній видно, что въ сіе заблужденіе впалъ и столь упорно настоять по всѣенному въ него отъ вышеписанныхъ невѣждъ суевѣрію, которое онъ, по слабости разсудка своего, мнитъ быть истиннымъ, а сіе самое и ввергло его въ совершенную фанатизму»...

— Да, да, соглашалась императрица: — фанатизма — это дѣло серьезное и фанатики—люди опасные... Ну, продолжай.

... «ввергло его въ совершенную фанатизму—съ удовольствіемъ на лицѣ повторилъ генераль-прокуроръ эту фразу — или лучше сказать, что лишенъ онъ конечно здраваго разсудка. Почему, а болѣе подражая матернему ея величества челоуѣколюбію и милосердію...

При этихъ словахъ что-то неуловимое мелькнуло по лицу Екатерины, отразилось въ ея глазахъ и тотчасъ же сгасло точно искра. Нарышкинъ еще усерднѣе занялся попугаемъ.

... «отъ положеннаго законами жестокаго наказанія», продолжалъ Вяземскій.

— Осужденіе, поправила императрица.

... «отъ того осужденія его избавить; но дабы онъ не могъ, по такому своему упорству и пренебрегаючи не только общее, но и собственное благосостояніе, между обществомъ по разнымъ мѣстамъ шататься, а тѣмъ самымъ не подавалъ бы другимъ слабаго разсудка людямъ соблазна, а не меньше по обътому имъ суевѣрству чрезъ странныя разглашенія о святой церкви, то послать его за надежнымъ присмотромъ въ шлиссельбургскую крѣпость»...

— Нѣтъ, остановила докладчика императрица: — не въ шлиссельбургскую.

— Въ петропавловскую?

— Нѣтъ,—въ ревальскую.

— Слушаю-съ... «въ ревельскую крѣпость, гдѣ велѣтъ тамошнему коменданту содержать его подъ такую стражею, чтобъ онъ никакъ оттуда уйти не могъ, и для того отвезть ему особый покой; однакожъ будущимъ при той стражѣ подтвердить, дабы съ нимъ поступано было съ сохраненіемъ человѣческаго состоянія, не дѣлая никакихъ оскорбленій».

— Это хорошо, одобрила императрица.

— Э, ваше сіятельство, — да вы не однимъ языкомъ язвите, пробормоталъ Нарышкинъ, отдергивая руку отъ клѣтки съ попугомъ.

Екатерина глянула въ его сторону:— «Что—укусилъ?»

— Типнулъ, матушка... Настоящая княгиня — и язычокъ такой же.

— Ахъ ты повѣса.

— Я серьезно, матушка, говорю: вѣдь у попугаевъ и пераклитовъ языкъ подобнаго сложенія человѣческому — это вѣрно.

— Какъ?

— А вы развѣ не извоили этого доселѣ замѣтить?

— Не замѣчала.

— Извольте посмотрѣть.

И Нарышкинъ, съ трудомъ поднявъ массивную клѣтку, поднесъ ее къ императрицѣ.

— Купать попку, купать!—Онъ этого не любитъ.

— Дуггакъ! дуггакъ! дуггакъ! закричалъ попугай и заметался въ клѣткѣ.

— Извольте видѣть его языкъ?

— Вижу... точно сложеніе подобное... je ne savais pas cela... je donnois à la perruche la survivance de votre charge... ¹⁾ Удивительно...

Клѣтку опять поставили на мѣсто.

— Мѣшай дѣло съ бездѣльемъ, улыбнулась императрица.—Я слушаю докладъ.

«А какъ онъ, Кравковъ—продолжалъ докладчикъ—человѣкъ лишившійся здраваго разума, то иногда что-либо станетъ дѣлать или говорить непристойное, въ такомъ случаѣ коменданту его отъ того удерживать по данной ему, по высочайшему учрежденію, власти. Буде же, паче чаянія, оный Кравковъ станетъ что врать важное, то въ такомъ случаѣ писать о томъ къ генераль-прокурору, а стражѣ, находящейся при немъ, наиприлежнѣйше истолковать, чтобы отъ него, яко отъ безумнаго человѣка, ничего не слушать и никому-бъ, кромѣ его, коменданта, о томъ враньѣ никакъ не разглашали подъ опасеніемъ военнаго суда. Писемъ писать ему не велѣтъ и ни отъ кого къ нему не брать, чего ради бумаги,

¹⁾ «Дневн. Храповицк.», изд. Барсукова, 5.

пера, чернилъ и всего къ письму способнаго ему ни для чего не давать, также строго смотрѣть, чтобы онъ чего надъ собою или надъ стражею сдѣлать вреднаго не могъ и для того ножа и никакого орудія, чѣмъ человекъ себя и другаго повредить можетъ, не давать»...

— Вотъ какъ понкѣ, пробормоталъ «Лёвушка».

... «да и караульнымъ въ томъ покоѣ, гдѣ онъ содержанъ будетъ, никакого орудія не имѣть. На пропитаніе-жъ и одежду выдать ему на каждый день по семи копѣекъ»...

— По десяти, поправила Екатерина:—онъ штабъ-офицеръ.

... «по десяти копѣекъ. Въ какомъ же онъ состояніи находится будетъ, и придетъ ли онъ въ познаніе истины, генераль-прокурору чрезъ каждые четыре мѣсяца, при требованіи на него кормовыхъ денегъ, репортовать. Если же, паче чаянія, оный Кравковъ пожелаетъ позвать къ себѣ попа для исповѣди или святаго причастія, то онаго къ нему, хотя бы онъ былъ и здоровъ, допустить; буде-жъ будетъ въ болѣзни, то потому-жъ преподавать ему о семъ спасительномъ для него способѣ совѣтъ, сказавъ однакожъ священнику, что буде онъ Кравковъ откроетъ ему свое заблужденіе и станетъ просить его о присоединеніи къ церкви, то чтобы онъ въ то же время далъ знать коменданту, а оный имѣетъ донести о томъ генераль-прокурору. Если же онъ умретъ, то похоронить его, Кравкова, по церковному чиноположенію и объ томъ коменданту той крѣпости отписать».

Докладчикъ кончилъ и поклонился.

— Быть по сему, послѣдовала высочайшая резолюція.—А что «лексиконъ риетъ»?—обратилась Екатерина къ Храповицкому.

— Первые тетради готовы, государыня.

— А «Февей» переписывается?

— Почти готовъ, государыня.

— Спасибо за проворство.

— Еггмолловъ дуггакъ!—дуггакъ Еггмолловъ! вдругъ закричалъ пошка.

— Молчи, попочка,—услышитъ—побьетъ.

Екатерина улыбулась:—«это ты его научилъ, повѣса?»

— Нѣтъ, матушка, онъ своимъ умомъ дошелъ.

Екатерина погрозила «Лёвущкѣ» пальцемъ, а къ Вяземскому наклонила голову:—тотъ понялъ, что его отпускаютъ—поклонился и вышелъ.—«Матерняя, истинно матерняя резолюція», шепталъ онъ съ умиленіемъ.

«Лица, осудившія Кравкова за его неправославіе (такъ характеризуетъ г. Ламанскій «золотой на сѣверѣ вѣкъ»), сами нисколько не сочувствовали и не вѣрили православію: иначе они не поступили бы такимъ образомъ съ Кравковымъ. Если бы, напримѣръ, Кравковъ былъ действъ или атеистъ, то никто не тронулъ бы его,

очевидно,—не изъ признанія свободы совѣсти, а потому, что всѣ тогдашнія правительственныя лица въ Россіи, втѣстѣ съ большинствомъ образованнаго общества, сами глубоко сочувствовали Вольтеру и энциклопедистамъ. Никому изъ правительственныхъ лицъ не могла тогда придти въ голову дикая мысль о томъ, чтобы хватать въ тайную экспедицію людей за деизмъ, атеизмъ или масонство (которое впослѣдствіи Екатерина стала преслѣдовать только за сочувствіе масоновъ къ великому князю Павлу Петровичу),—словомъ, всѣхъ образованныхъ русскихъ неправославныхъ, и тамъ насильственно обращать ихъ въ православіе! Извѣстны сношенія Екатерины II съ Вольтеромъ и энциклопедистами; Дидро она даже приглашала въ воспитатели къ своему сыну; а тогдашній оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, П. П. Чебышевъ, громко хвалился своитемъ атеизмомъ... Но отчего же тайная экспедиція, встрѣтятся съ Кравковымъ, вдругъ такъ воспламеняется жаромъ учительства и непремѣнно отъ него требуетъ, чтобъ онъ обратился къ церкви?—Мы видѣли, что Кравкова пытаются (хотя не въ застѣнкѣ, а мягко, любезно) и осуждаютъ не за то собственно, что онъ мыслить и вѣровалъ неправославно, не согласно съ церковью, а за то, что онъ, природный російскій дворянинъ и отставной штабъ-офицеръ, носилъ бороду и не подобную одежду, мыслить и вѣровалъ, какъ не просвѣщенный невѣжда. Тайная полиція російской имперіи въ 1784—1785 годахъ ловить дворянина Кравкова и сажаетъ его въ казематъ ревельской крѣпости, слишкомъ на 11 лѣтъ (вѣчно, до смерти), за то единственно, что онъ вѣровалъ и мыслить по-мужицки, не прилично своему званію, не согласно съ тогдашними исправниками, губернаторами, и С. И. Шешковскимъ, княземъ А. А. Вяземскимъ и императрицей Екатериною. По существу не напоминаетъ ли это дѣло священной тайной инквизиціи, о которой если не самъ Шешковскій, то князь Вяземскій и императрица отзывались, безъ сомнѣнія, не иначе, какъ съ благороднымъ негодованіемъ? И не есть ли случай съ Кравковымъ одна изъ самыхъ обыкновенныхъ исторій въ лѣтописяхъ всѣхъ прежнихъ и нынѣшнихъ полицейско-военныхъ государствъ, въ которыхъ тайная полиція не только разыскиваетъ и предупреждаетъ преступленія, но сама судить и наказываетъ людей, по ея мнѣнію, виновныхъ, обладаетъ безконтрольною властью, распоряжается огромными тайными суммами и заправляетъ внѣшнею и внутреннею политикою страны? Съ этой высшей точки зрѣнія, я боюсь, исторія бѣднаго Кравкова покажется рускому читателю самымъ незначащимъ анекдотомъ...¹⁾

Замѣчанія—глубоко вѣрныя.

¹⁾ «Памяти. новой руск. исторіи», I, 47—48.

«Истор. вѣстн.», февраль, 1884 г., т. XV.

Такъ кончилась первая попытка «хожденія въ народъ чело-вѣка легальнаго». Но съ самымъ этимъ чело-вѣкомъ еще не все было покончено.

XI.

Послѣдняя встрѣча.

Въ маѣ 1785 года, изъ кронштадтской гавани собирался вы-ходить въ море фрегаты «Витязь», тотъ самый, который, въ 1777 году, мы видѣли крейсирующимъ въ Черномъ морѣ между Кафою и Суджукъ-Кале. Но якорь почему-то не подымали. Матросики, наладивъ все къ отходу, стояли и бродили межъ снястями въ ожи-даніи приказа капитана. Одинъ изъ нихъ стоялъ въ сторонѣ и, поглядывая за бортъ, на воду, тихонько про себя мурлыкалъ:

Течеть рѣчка лозоньками,
Плачетъ дѣвка слезоньками.

— Да зачѣмъ, братцы, дѣло стало? интересуется одинъ мат-росикъ.

— А нечистый ево знаетъ:—должно, господа офицера съ кумуш-ками прощаются.

— Эй, Маруська! слышишь, хохле!

А тотъ, къ кому относились: продолжалъ жалобно мурлыкать:

Не плачь, дѣвка, не журился,
Ще жъ я молодъ не женился.

— Эй, чортъ, Маруська! тебѣ говорятъ!

— А что?

— Чево мы стоимъ—не сываемся?

— Охвицеръ говѣритъ—рестантовъ ждуть.

— Куда жъ ихъ?—али въ море топить?

— Нѣтъ, въ Ревель, Богу работать.

Дѣйствительно, на пристани показалаь партія арестантовъ, кон-воируемая солдатами. Тутъ были и старые и молодые, бритые и съ бородами; у иныхъ были урѣзаны либо правое, либо лѣвое ухо; виднѣлись и такіе, у которыхъ были вырваны ноздри—это больше старики.

Скоро арестанты были доставлены на бортъ фрегата, и корабль, пользуясь попутнымъ вѣтеркомъ, вышелъ въ море.

Одинъ изъ арестантовъ, котораго сопровождали особо два сол-датика, обратилъ на себя вниманіе матросовъ. Въ лицѣ его, не-обыкновенно грустномъ и въ то же время чѣмъ-то оживленномъ, въ какой-то горькой улыбкѣ и въ выраженіи черныхъ, ясныхъ и за-думчивыхъ глазъ было что-то особенное, чего не замѣчалось ни у

одного изъ прочихъ арестантовъ. Матросы замѣтили, что онъ глядѣлъ куда-то далеко, туда дальше, гдѣ море сливается съ небомъ, а по впалымъ щекамъ его медленно катились слезы.

- Глянъко-ко, Маруська, на тово вонъ съ бородой — видишь?
- Вижу... что плачетъ?
- Да, онъ самый.
- Что жъ?—на кого не доведись:—невольникъ.
- Да тебѣ развѣ повывлазило!
- А что?
- Али не видишь кто это!
- А Богъ ево знаетъ.
- Да это Евдокимъ Михайлычъ.
- Что ты! Кравковъ?
- Онъ и есть—что капитаномъ у насъ былъ.
- Ай-ай!—съ нами святъ!—и точно онъ.
- Господи!—вотъ диво-то!—за что ево?
- А Богъ ево знаетъ... А какой добрый былъ человѣкъ.

Матросы нарочно подошли ближе къ таинственному арестанту, показывая видъ, что идутъ по дѣлу. Арестантъ взглянулъ на нихъ, и въ глазахъ его, сквозь застилавшія ихъ слезы, какъ бы что то затеплилось, точно радость.

— Здравствуй, Маруська! — здорово, Гавриловъ! произнесъ съ улыбкою арестантъ.

Матросы точно остолбенѣли. Кравковъ продолжалъ глядѣть на нихъ.

- Развѣ не узнаете Кравкова—капитана?
- Какъ не узнать, ваше выскородіе!—Да какъ же это, Господи!
- Эй, проходи, служба! загораживалъ собою Кравкова одинъ изъ конвойныхъ:—проходите, господа служба! — разговаривать не приказано.

- Да мы Богъ знаетъ какъ!—мы и не знай что!
- Мы всей душой, вашескородіе!
- Бога за васъ молимъ денно-ношно!
- Сказано проходи! капитану пожалуюсь! горячился конвойный.
- Отойдите лучше, братцы, тихо сказалъ Кравковъ:—онъ человѣкъ не вольный—подъ присягой... Спасибо за то, что не забыли.
- Ахъ, вашескородіе! Евдокимъ Михайлычъ! — да мы Богъ знаетъ какъ!

— Проходи! проходи!

Въ это время изъ офицерской каютъ-кампаніи вышли два офицера съ какою-то бумагою въ рукахъ. Это были списки арестантовъ, препровождавшихся на «Витязѣ», который долженъ былъ сдать ихъ въ Ревелѣ коменданту крѣпости.

— Да неужели-жъ это онъ? говорилъ, видимо волнуясь, бѣлокурый, лѣтъ подлѣ тридцать офицеръ съ голубыми глазами.

— Конечно онъ, отвѣчалъ другой, темнолицый, смуглый, съ сѣрыми глазами.

— Удивительно!—и за что это!

— Надо полагать, за масонство.

— Но вѣдь онъ не любилъ масоновъ.

Они подошли къ конвойнымъ.

— Гдѣ тутъ капитанъ-лейтенантъ Кравковъ? спросилъ смуглый.

— Да здѣсь они, ваше благородіе, весело отозвался тотъ матросикъ, котораго дразнили Маруськой.

— Вотъ они, вотъ Евдокимъ Михайлычъ! подтверждалъ другой матросъ.

— Я здѣсь, господа! съ дрожью въ голосѣ проговорилъ Кравковъ.

Они остановились въ изумленіи, пораженные... Его голосъ, его глаза, и лицо его, но не то, какимъ они его знавали прежде—живымъ, цвѣтущимъ, полнымъ энергіи... Да, это онъ—только въ какомъ видѣ, въ какой одеждѣ!..

— Здравствуйте, господинъ Павлюкъ! — здравствуйте, Шастовъ!

Да, это Кравковъ говоритъ. Это самъ онъ—не тѣнь его.

— Евдокимъ Михайловичъ!—голубчикъ!

— Что съ вами, дорогой другъ!

— Какъ видите—я арестантъ, отвѣчалъ Кравковъ, указывая на конвойныхъ.

— Но какъ! за что?

— За неподобную одежду.

— Ваше благородіе! извольте проходить, опять заговорилъ конвойный.

— Что! крикнуть на него бѣлокурый Шастовъ.

— Разговаривать, ваше благородіе, не приказано.

— Молчать!—вотъ ты такъ не смѣй разговаривать!

— Я что, ваше выскородіе—мнѣ приказано—присяга...

— Молчать! я лучше тебя знаю службу.

И онъ бросился обнимать Кравкова: «голубчикъ! да какъ же это!—гдѣ вы пропадали?—какъ попали сюда, опять на «Витязя»—и въ такомъ... ахъ, Боже мой!..»

— Вотъ что лучше, господа, взволнованнымъ голосомъ сказалъ другой офицеръ, Павлюкъ:—проведи ты, Сапа, Евдокима Михайловича къ намъ въ каюту, а то здѣсь неловко... видишь? — А я ужъ самъ провѣрю арестантовъ—(онъ поправился) — я самъ провѣрю людей по спискамъ и тотчасъ же приду къ вамъ, сказалъ онъ, протягивая Кравкову обѣ руки.

Шастовъ и Кравковъ вошли въ офицерскую каюту. Все наминало послѣднему его службу на этомъ фрегатѣ—каждая мачта,

каждая снасть, паруса, и знакомыя, хотя постарѣвшія, лица матросовъ, и эта каюта, на оконномъ стеклѣ которой все еще видны были нацарапанныя алмазомъ изъ перстня слова: «прощай, товарищъ». Это когда-то нацарапалъ Кравковъ, въ день своего прощанья съ фрегатомъ и съ добрыми друзьями.

— Цѣла, грустно улынулся онъ, показывая на надпись.

— Да, голубчикъ... А вы-то!

— А меня ужъ нѣтъ—стерся...

— Богъ съ вами!

— Да—стерся совсѣмъ, и окно мое разбито—разбита жизнь и душа...

— Ахъ, голубчикъ! да что же это! какъ?

И Шастовъ снова обнималъ своего стараго друга, бывшаго начальника и товарища.

— Да скажите же—за какое это преступленіе?

— Говорю вамъ:—за ношеніе неподобнаго платья.

— Какого же, голубчикъ?

— Мужицкаго—мужицкой рубахи и бороды.

— Неужто за это?

— Главнымъ образомъ за это.

— Да какъ же все случилось?—Расскажите все, что было съ вами съ того дня, какъ мы съ вами простились въ Херсонѣ.

— Слишкомъ много рассказывать, да и тяжело, признаться.

— Нѣтъ, это облегчитъ вамъ душу—наше къ вамъ участіе—мы какъ родные...

— Да какъ вамъ сказать!—все это такъ просто, а между тѣмъ такъ ужасно... Въ Петербургѣ, воротясь изъ Херсона, я ничего не нашель кромѣ оскорбленія.

— Какъ!—отъ кого?

— Отъ Чернышова... Меня выбросили какъ выгѣденное яйцо... Но я спѣшилъ домой—меня тамъ ждала невѣста... Да только вмѣсто невѣсты я нашель—ея могилу, да забытыя ею у меня на столѣ шляпу и перчатку...

— Ахъ, голубчикъ!—вотъ горе-то!

— Да что объ этомъ!—Если-бъ умерла она — это бы еще ничего:—Богъ далъ — Богъ и взялъ... А то ее заставили утопиться изъ-за меня.

— Господи! да кто же это!

— Отецъ... Что потомъ было—ну, да объ этомъ я могилѣ расскажу... А тамъ меня разорили—и меня и душу мою ограбили.

— Кто же, голубчикъ?

— Да все люди, которымъ я вѣрилъ... Потомъ меня же осквернили:—душу мою, что ограбили у меня, бросили подъ ноги животному... И все это властители и судіи надѣлали... Вмѣсто лю-

дей я нашель звѣрей, вышедшихъ изъ лѣсу и облекшихся въ шитые кафтаны.

— Понимаю... Видываль и я такихъ.

— Я бѣжалъ отъ нихъ, какъ Іоаннъ, въ пустыню — и только тамъ нашель людей.

— Гдѣ же это, голубчикъ?

— Тамъ, куда звѣри въ шитыхъ кафтанахъ не заходятъ:—я ушелъ къ гонимымъ, къ отверженнымъ—и тамъ нашель людей... Это простые люди, мужики—да душу-то свою они не промѣняли на шитые кафтаны... И я сбросилъ съ себя кафтанъ, надѣлъ ихъ рубаху, дѣлалъ ихъ дѣло, думалъ поихнему, и нашель, что Руссо былъ правъ, совѣтуя человѣку одичать... Только я не успѣлъ одичать:—я вышелъ изъ пустыни посмотрѣть, что дѣлають звѣри въ кафтанахъ — и вотъ они меня загрызли... Удивительно только!— звѣрьё всякое повишило изъ лѣсу, надѣло на себя шитые кафтаны да рясы, а людей позагнали въ лѣса...

Шастовъ повидимому многого не понималъ изъ того, что говорилъ Кравковъ, но онъ помнилъ, что у него и прежде была эта манера—говорить какъ-то иносказательно, полузагадками и сравненіями.

— И долго вы тамъ пробыли? старался онъ выпытать у собесѣдника болѣе ясныя свѣдѣнія о его прошломъ.

— Въ скитахъ-то?

— Да... А вы развѣ въ скитахъ жили?

— Въ скитахъ—въ иргизскомъ кадетскомъ корпусѣ, улыбнулся онъ: — только не въ шляхетскомъ, а въ мужичьемъ, въ сиволапомъ.

— Да за что же васъ собственно осудили?

— Ей-Богу не знаю: — читали мнѣ длиннѣйшую резолюцію, изъ коей я ничего не понималъ: — ни то я раскольникъ, ни то я сумасшедшій, ни то одержимый фанатизмомъ.

— Такъ за это только?

— За это—за фанатизму: а фанатизма моя вся въ томъ и состоитъ, что я не похожъ на нихъ—не кусаюсь и не мучу никого именемъ Христовымъ, какъ они.

— И къ чему же васъ присудили?

— Къ заточенію до смерти.

— Господи! на вѣчное заточеніе.

— На вѣчное и одиночное... Позволили только похоронить меня, когда умру, по церковному чиноположенію, да дозволили еще, съ разрѣшенія коменданта, сдѣлаться подобнымъ имъ звѣремъ, когда того пожелаю.

— Какъ это?

— Да когда я открою попу свое заблужденіе, а какое—я и самъ не знаю, и когда пожелаю присоединиться къ церкви.

— А развѣ вы отъ нее отреклись?

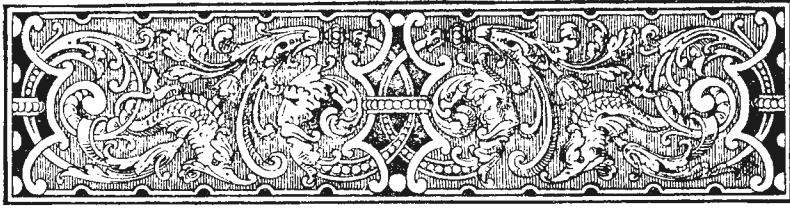
— Меня обвиняють въ этомъ за то, что я вѣрю только словамъ Христа, а не ихъ искаженіямъ этихъ словъ: — вотъ за Христа-то на меня и взѣлся Шешковскій... Вѣрь Вяземскому, а не Христу—это значитъ присоединиться къ церкви... Э! да что я объ этомъ говорю! — Развѣ я первый? — Обидно то, что я и не послѣдній.

Дѣйствительно, онъ не былъ послѣднимъ. Ровно сто лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ Екатерина II сказала великую истину, поставленную въ эпитафію этой повѣсти, что «въ шестьдесятъ лѣтъ исчезнуть всѣ расколы, если только заведутся и утвердятся народныя школы и если по отношенію къ раскольникамъ не будутъ употреблять насилія»; но расколы до сихъ поръ не исчезли. А почему?—На это я отвѣчать не рѣшаюсь, тѣмъ болѣе, что отвѣтъ тутъ ясенъ для всякаго, даже не учившагося въ семинаріи.

Д. Мордовцевъ.

ВЪ НЕМШОНОЙ СТРАНѢ

(Изъ воспоминаній).

I.

Кто такіе и что такое?

НЕ СЪ ЦѢЛЬЮ увеличить число недовольныхъ неудавшимся трехсотлѣтнимъ юбилеемъ Сибири, но подѣ исчезнувшими еще впечатлѣніями самаго событія и его громаднаго значенія пишу эти строки.

Нельзя не сознаться, что сибирскій юбилей захватилъ насъ въ расплохъ, не приготовленными. Мы, отнесясь недовѣрчиво къ лѣтописнымъ указаніямъ года, числа и мѣсяца, для дня празднества не успѣли еще опредѣлить самаго вѣрнаго и безспорнаго срока. Въ то же время готовые праздничать и чествовать страну за ея прошлое, когда угодно, мы не успѣли выяснитъ себѣ, съ кѣмъ имѣемъ дѣло и, положившись на вѣру и на чужое слово, отнеслись къ событію съ изумительнымъ равнодушіемъ и досадною холодностью.

Конечно, если вдаваться все глубже въ кабинетныя и книжныя соображенія, окажется, пожалуй, что трехсотлѣтнимъ празднествомъ даже и очень опоздали. Еще отцу Ивана Грознаго въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ, за вечерней въ крещенскій сочельникъ, кликали въ титулѣ слова «югорскаго, обдорскаго и кондійскаго». Да и кто можетъ поручиться за то, что не мужичьи лапти, не тѣ вольные пашенные люди, которые въ московскихъ грама-

тахъ обзывались именемъ «гулящихъ», проложили дорогу въ Сибирь еще до выѣзда Строгоновыхъ на Чусовую и вызова ими съ Волги Ермака? Давно ли мы, впрочемъ, чуть не съ колѣнопреклоненіями воздавали честь и благодарность Норденшѣльду за указаніе пути отъ печорскихъ устьевъ до устьевъ великихъ сибирскихъ рѣкъ, глубоко и твердо убѣжденные въ томъ, что этотъ путь зачурованъ отъ сотворенія міра и что тѣ воды совершенно непроходимы и непобѣдимы.

«А послѣтъ отъ Архангельскаго города въ Мангазею недѣли въ полпята мочно», — простодушно сознавались на вопросахъ еще въ 1610 году промышленные люди съ Двины, и толковали: «А Енисея глубока, кораблями ходить по ней мочно, и рѣка угодна, и рыба всякая такова же, что въ Волгѣ».

На это имъ отвѣчали изъ Москвы вскорѣ:

«А будетъ кто учнетъ съ нѣмецкими людьми торговати или торговые люди учнутъ впередъ ходити изъ Мангазеи къ Архангельскому городу, — и тѣмъ людямъ бити отъ насъ въ великой опалѣ и въ казни. А Еремку Савина бити батогами нещадно, чтобы, на то смотря, инымъ было неповадно воровствомъ смуту затѣвать».

Впрочемъ, среди всей этой массы неразобранныхъ и невыясненныхъ дѣлъ, въ настоящемъ случаѣ у меня не та цѣль, чтобы объяснять, какъ велика энергія торговыхъ людей и какъ далеко заводитъ удалъ промышленниковъ, прежде чѣмъ узнаютъ о томъ могучіе и сильные, и спохватятся пособить имъ, или помѣшать. Тогда-то только, съ достаточною точностію, опредѣляется и время цифровыми датами. Занимателенъ и любопытенъ, между прочимъ, другой вопросъ: что такое Сибирь и сибиряки?

«Безъ имени и овца — баранъ», говоритъ народная поговорка, а съ другой стороны — «подъ чужой потолокъ подведутъ, такъ и другое имя дадутъ». Если у сибиряковъ для чиновниковъ и заѣзжихъ купцовъ существуетъ названіе «россійскихъ», а новыхъ поселенцовъ зовутъ они «русскими», то значитъ, находя въ другихъ отличія, они сами признаютъ за собою такія особенности, которыя складываются въ самостоятельный типъ. Но не успокоиваться же намъ на томъ дешевомъ, азбучномъ опредѣленіи, которое совѣтуетъ называть сибиряками «старожиловъ» со всѣми правами и преимуществами кореннаго жителя страны, либо по праву рожденія въ ней отцовъ и дѣдовъ, весьма давно перешедшихъ, либо по праву личному, когда выходецъ освоился съ мѣстными нравами и видоизмѣнился, или, что называется, «осибирячился». Не желая успокоиваться, мы въ то же время не имѣемъ права и удивляться, когда положительно не знаемъ, гдѣ лежатъ ясно намѣченными границы обширной страны, называемой Сибирью. Само Географическое Общество, вѣдающее антропологическія и этногра-

фическія задачи, еще не занималось рѣшеніемъ вопроса о томъ, гдѣ начинается западная граница Сибири. А гдѣ кончится восточная или южная граница, на это не сдумѣеть дать отвѣта даже и специальный азиатскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Впрочемъ, во всемъ этомъ нѣтъ ничего мудренаго, если и въ Россіи мы еще не успѣли толково разобраться и, успокоившись на трехъ коренныхъ племенахъ восточной расы славянъ, сознательно и отчетливо не выдѣляемъ изъ нихъ рѣзкихъ отличій, извѣстныхъ помѣсей, ни въ тѣхъ—ни въ сѣхъ, въ родѣ казаковъ, чухарей, палѣховъ, полѣшуконъ и т. д. А тѣмъ временемъ и сама Сибирь успѣла уже заручиться племенными помѣсями, въ видѣ каменщиковъ, чоло-казаковъ, ясачныхъ, карымовъ, креоловъ и т. п.

Между тѣмъ, слово «сибирякъ» и эпитетъ «сибирскій» такое опредѣленное понятіе и такія распространенныя въ народѣ прозванія! Въ Сибири выдумано то верхнее платье, которое пришлось по вкусу всѣмъ городскимъ жителямъ въ Россіи, и быстро усвоилось, и всюду распространилось въ формѣ коротенькаго кафтана съ сборками назади и по бокамъ, но безъ задняго разрѣза полъ, съ невысокимъ стоячимъ воротникомъ и косымъ накладнымъ бортомъ, который напередѣ надо застегивать пуговками. Это—классическая сибирка. Въ Сибири же, говорятъ, изобрѣтена и та карточная игра вистъ, которая также распространилась по всему лицу земли русской, подъ названіемъ «винта», съ огромнымъ сибирскимъ счетомъ за взятки. «Сибирскимъ» называется самое лучшее сортовое желѣзо съ Урала, который и тамъ, въ свою очередь, слыветъ въ народѣ подъ именемъ «сибирскаго камня». И «сибирки» же барки, поднимающія до 10 тысячъ пудовъ, тѣ, которыя приходятъ на Волгу въ Нижній къ Сибирской пристани съ этимъ же самымъ желѣзомъ изъ Камы. На той же Нижегородской ярмаркѣ, развернувшейся на полномъ ходу и загулѣ, на пути моемъ въ Сибирь, совѣтовали принимать за «сибиряковъ» всѣхъ тѣхъ безобразниковъ, которые по ярмарочнымъ трактирамъ, прямо съ утра брались за шампанское, въ разгулѣ мыли имъ руки и лили прямо изъ бутылки съ головы на волосы и бѣлую рубаху вертляваго и угодливаго половаго. Но въ этомъ случаѣ за сибиряка (да еще съ наддачею званія золотопромышленника) свободно сходилъ въ то время любой Митрофанъ Мазуринъ и засчитывался въ виноватыхъ очумѣлый сынокъ богатаго «городоваго» купца, вырвавшійся на волю и прожигавшій наслѣдство. Точная повѣрка ярмарочныхъ сплетенъ указала совсѣмъ противоположное явленіе: «на волка только помолвка, а шалать пастухи». Настоящіе сибиряки скромно поселились въ верхнихъ палаткахъ китайскаго ряда и терпѣливо ожидали начала дѣла. И, что замѣчательно (въ то время до уничтоженія кяхтинской монополіи), въ рукахъ сибиряковъ находился

одинъ изъ главныхъ ключей всей ярмарки. Она не начинается, мается, какъ передъ родами, ходить только чай пить и жаловаться на заминку, и удивляться застою. Въ самомъ дѣлѣ, точно на большой рѣкѣ, гдѣ-то затерло ледъ и не прорываетъ. Правда, что въ иныхъ мѣстахъ и полыньи показались, и на заторы начали поплескивать волны, а большому льду все нѣтъ ходу.

— Отчего тиха ярмарка и всѣ недовольны?

— На чай и желѣзо цѣнъ нѣтъ. Съ чаями крѣплятъ; съ желѣзомъ не могутъ развязаться.

— Товару навезено столько, что хоть Оку пруди: всѣ вотъ и глядятъ на сибирскую пристань и прислушиваются къ китайскимъ рядамъ.

Давно отошло въ прошлое это доброе сибирское время, а бывало такъ, что когда на чай и желѣзо устанавливались цѣны, — ярмарочную плотину прорывало. У сибиряковъ появлялись въ рукахъ деньги, и они начинали шевелить мануфактурные товары. Перебирались деньги въ карманы московскихъ и шуйскихъ фабрикантовъ, и это колесо тотчасъ же захватывало своими крѣпкими зубцами сосѣднія—москательный товаръ. За нимъ начинали вертѣться всѣ прочія до самыхъ маленькихъ, на которыхъ треплется разная ярмарочная мелочь въ родѣ умственного товара: духовныхъ и гражданскихъ книгъ, народныхъ картинокъ и т. д. Самая ярмарка заиграла вся вдругъ, и разомъ развеселилась: торбанистамъ, арфисткамъ и цыганамъ велятъ растопить сердце, а трактирной прислугѣ «подкинуть еще одно полѣшкю». Тогда уже всѣ волки събы, и нѣтъ того людскаго образа, въ которомъ можно было бы различить не только племенной обликъ, но и человѣческой ликъ. Ярмарка тогда совершенно утрачиваетъ серьезное свое значеніе, какъ несомнѣнно богатаго собранія этнографическаго матеріала: надо отправляться дальше. Она, впрочемъ, слову «Сибирь» придаетъ близкое къ правдѣ значеніе и держитъ это имя честно по старинѣ, согласно съ исторіей и представленіями народа, у котораго, какъ извѣстно, своя, такъ называемая, политическая географія, стоящая въ прямомъ противорѣчьи съ той, которая навязывается въ школахъ учебниками.

Какойнибудь швецъ изъ Пошехонья—обширной мѣстности по старинной рѣкѣ Шехони, по нынѣшней Шекснѣ (границы котораго совершенно не согласны съ административными границами уѣзда), возвратившись домой, незадолго до начала весеннихъ работъ, къ родной землѣ изъ отхожаго промысла на чужбинѣ, глубоко убѣжденъ, что онъ былъ въ Сибири, хотя и обшивалъ народъ не дальше Пермской губерніи. Точно также коноваль изъ «Бѣжицы»—обширной мѣстности древней новгородской пятины, увѣренно называетъ «Сибирью» какойнибудь Зюздинскій край, или Тамышевскій край (первый въ Глазовскомъ, второй въ Слободскомъ уѣздѣ

Вятской губерніи), куда онъ сходилъ полѣчить лошадей, чистилъ имъ горло, а кстати и мимоходомъ ворожилъ на водѣ и поколдовалъ. Изъ этой же Сибири идутъ въ «Троичину» (Кадниковскаго уѣзда, Вологодской Губерніи) скотскія кожи на выдѣлку, и изъ «Горянщины» съ трехъ волостей (той же Вятской губерніи и уѣзда) везутъ дешовую мебель на купеческій и чиновничій вкусъ и обиходъ, въ какуюнибудь несчастную Осу, или въ богатый и богомольный Кунгуръ. Считаая за Сибирь всѣ тѣ мѣстности, гдѣ приходится кормиться зимнимъ временемъ отъ своего мастерства и досужества, эти промышленные люди показываютъ, что и въ самомъ дѣлѣ тамъ много отличій и въ людяхъ, и въ жизни. Всѣ рассказы сводятся на то, что тамошній народъ живетъ не въ примѣръ сытнѣе и богаче; денегъ у нихъ довольно, потому что все покупаютъ готовымъ, и на мѣну идутъ неохотно. А вотъ и поличное: розсыпчатый зернистый липовый медъ, крупная тяжелая щетина, пушистый лѣсной звѣрокъ и мерлушка, и жирная вкусная рыба: все это хорошо потому, что также вырастаетъ и живетъ на волѣ и сытно питается. Во всякомъ случаѣ несомнѣнень тотъ фактъ, что въ сѣверной, лѣсной Россіи, до Нижегородской ярмарки и московскаго гостиннаго двора включительно, Сибирь принимается въ старинномъ, истинномъ смыслѣ и признается за Сибирь весь востокъ Россіи по ту сторону рѣки Камы, а еще вѣрнѣе—всѣ мѣстности отъ лѣваго берега Вятки съ неизбѣжнымъ подозрѣніемъ и на ближайшія къ нимъ,—по сосѣдству.

Подъ впечатлѣніемъ такихъ спутанныхъ данныхъ, съ открытымъ вопросомъ, привелось мнѣ переѣхать Уралъ — несомнѣнную границу Европы и Азіи (о чемъ въ наученіе всѣмъ ясно написано даже на спопутномъ пограничномъ столбѣ).

Вотъ несомнѣнное начало азіатскаго материка и вѣроятное начало Сибири. Можно бы, кажется, и успокоиться, начиная свои наблюденія въ этомъ прямомъ направленіи. Но продолжаютъ еще путаться заводы, съ тѣми характерными обстоятельствами, которыя исключили въ нихъ все національное, и представляютъ какъ бы отдѣльную страну и особое государство; — и очень не кстати лѣзетъ въ глаза и особенно мѣшаетъ Екатеринбургъ. Онъ, получивши прозваніе по имени жены Преобразователя, намѣренно и энергически силится походить на тотъ городъ, который получилъ имя самого Преобразователя. Болѣе, чѣмъ полуторавѣковыя стремленія его все въ одномъ и томъ же направленіи, дѣйствительно, оставили его такимъ множествомъ особенностей, что представленія о какой-то новой странѣ и иномъ народѣ уже окончательно спутываются и затемняются. Этотъ искусственно созданный городъ успѣлъ, однако, хорошо приспособиться къ мѣстнымъ условіямъ и казаться въ то же время особеннымъ, но все-таки еще здѣсь не Сибирь, хотя и торгуетъ сибирскими самоцвѣтными камнями, са-

ломъ и шерстью прямо изъ киргизскихъ степей, даже сибирскимъ мясомъ и медомъ. И все-таки всѣ говорятъ здѣсь, что Сибирь дальше, что до нея еще надо потрудиться доѣхать.

Впрочемъ, захотѣлось еще разъ попытаться узнать объ этомъ, такъ-сказать, въ самомъ источникѣ, не дальше трехъ почтовыхъ станцій за Екатеринбургомъ.

Слѣпой остякъ.

(Съ рисунка сдѣланнаго съ натуры и сообщеннаго С. В. Максимовымъ).

Пробоваль я прибѣгать къ испытанному и весьма надежному способу: наостривъ ухо, прислушивался къ говору.

Говоръ оказался тотъ самый, который слышится по всей сѣверной лѣсной Руси и который, будучи занесенъ сюда первыми вольными выходцами изъ вологодскаго и архангельскаго края, остался совершенно въ нетронутомъ видѣ. Напр. вѣтры, дующiе на Бай-

калѣ съ различныхъ сторонѣ, неизмѣнно носятъ тѣ же самыя названія, что на Ильменѣ озерѣ и на Бѣломъ морѣ. Злоупотребляютъ оканьемъ, бережно сохраняютъ множество завѣтныхъ старинныхъ словъ, на Руси теперь затерявшихся; не брезгаютъ принимать слова инородческія и охотно руководствуются ими; не затруднились, когда пришла нужда, выдумать и пустить въ обиходъ слова новыя, въ большинствѣ случаевъ очень выразительныя и красивыя. Какъ сѣверный поморъ не уставалъ гоняться за всѣми прихотливыми излучинами и изгибами моря и на всякую рѣзкую особенность поспѣлъ съ новымъ словомъ, такъ и сибирякъ, которому послѣ гладкой равнины довелось влѣзть на горы «тянигусомъ» и лазать по горнымъ «подушкамъ», обогатилъ свой языкъ въ этомъ направленіи. Здѣсь въ сущности все то же, по общему обычаю, но говоръ все-таки не представлялъ собою того ключа, которымъ можно было бы отперѣть замкнутое и неизвѣстное.

Точно также не выручаютъ наблюденія и надъ другими этнографическими признаками, въ числѣ которыхъ самыми благонадежными почитаются наряды. Придумавъ сибирку и приспособясь къ дахѣ, сибирякъ очевидно стремится къ тому, чтобы уравниваться однообразіемъ покроя и не допускать, сверхъ положеннаго и усвоеннаго, никакой пестроты и отмѣнъ по роду занятій и по сословіямъ. Разрѣшается пощеголять въ лаптяхъ только новоселамъ на первыя недѣли прибытія изъ Россіи: Сибирь велитъ обуваться въ сапоги (чарки, бродни и т. под.) и скоро и умѣло въ томъ помогаетъ. Также скоро исчезаютъ на головахъ поярковыя шляпы, по фасонамъ которыхъ можно распознавать пришельцевъ лишь на первое время: по колпаку-маргелкѣ—бѣлорусса, по брилю—малоросса, по шпильку—подмосковныхъ, по шляпѣ «съ переломомъ»—рязанцевъ; можно среди новоселовъ натолкнуться и на шляпу «кашникъ» и «гречневикъ», но все это мимолетныя исключенія. Сибирякъ все смѣнилъ новомоднымъ городскимъ щеголемъ—картузомъ при глянцовитомъ ремешкѣ и свѣтящемся козырькѣ. Въ своихъ явныхъ стремленіяхъ къ городскому мѣщанскому наряду (въ чемъ помогаетъ особенно развившаяся въ послѣднее время торговля готовымъ платьемъ), сибирскіе жители послѣдовательны до того, что и у женщинъ отняли кички, сороки и разновидности кокошники, смѣнивъ ихъ на простую головную повязку платкомъ, а всего охотнѣе на французскую шляпку. Въ зимнемъ нарядѣ, въ якутской—кохлянкѣ и подъ киргизскимъ малахаемъ, его можно только по славянскому типу лица и по густой бородѣ отличать отъ инородцевъ.

Пробовалъ я тутъ же, въ селеніи, задаваться прямыми разспросами, откровенно и простодушно:

— За кого вы себя признаете,—спрашивалъ я первыхъ попавшихся: за сибиряковъ или за російскіихъ?

— Да какъ сказать?!—вопросительно отвѣчали мнѣ съ явнымъ выраженіемъ сомнѣнія. По твоему толкованью, да и по всему, надо бы намъ сказываться сибиряками, да чего dospѣшь? Однако, нѣтъ: мы сибиряками не зовемся. Мы еще пермскіе, такъ надо полагать. Вотъ мало-мало выйдетъ тебѣ на дорогу Иртыш-рѣка: за ней ужь каленая Сибирь пошла, одно слово—Сибирь настоящая, немшопая.

Я помню этотъ внушительный разговоръ твердо и ясно. Я написалъ его, какъ фактъ, свидѣтельствующій о томъ, до какой степени успѣли впутаться не въ свое дѣло и затемнить основную суть эти топографическія чертежныя дѣленія Руси; этотъ 1797 годъ, когда притянули къ новой Пермской губерніи все это Зауралье. Иной разъ просто хлопотали о томъ, чтобъ въ губерніи было, по числу ли апостоловъ, или по числу мѣсяцевъ, двѣнадцать уѣздовъ. Вотъ за то теперь и коренныя сибирскія мѣстности засчитали себя въ межеумкахъ, получивъ на то право съ утратою кое-какихъ привилегій сибирскихъ мѣстностей, и зналъ, что для нихъ ближайшее начальство—губерніа Пермь. Значить, и имъ все равно: такъ тому, видно, и быть и слыть.

Намъ, однако, этимъ ограничиваться не слѣдуетъ. Надо пытаться дальше завѣтнымъ сибирскимъ допросомъ: чьихъ вы?

За Иртышемъ, въ самомъ дѣлѣ, въ крупныхъ чертахъ стало все казаться по другому, начиная съ бѣшеной ѣзды на крѣпкихъ и здоровыхъ лошадяхъ, до жарко натопленныхъ избъ, гдѣ гостепріимно подчуютъ вкусными пельменями и пирогами съ макуномъ и съ загнутыми во всѣхъ четырехъ углахъ кусками льду. Вотъ и сама строганина—исключительное сибирское кушанье изъ сырой и мороженой рыбы, которую скоблятъ ножомъ въ рѣшительное подобіе древесныхъ стружекъ и приправляютъ перцемъ и уксусомъ непременно пивнымъ и китайскимъ. Появилась и наливка изъ облѣпихи кустарниковой, оранжеваго цвѣта ягоды, и кисели изъ облѣпихи съ ананаснымъ, ароматнымъ вкусомъ, и варенье изъ облѣпихи же—коренной сибирской ягоды. Черезъ какую деревню не проѣзжаешь, всѣ онѣ людныя и длинныя, верстъ по 5 и 8; въ какую ни попадешь избу, всѣ онѣ полны народомъ, всѣ хозяева многосемьясты, всѣ налицо и дома, и всегда пьютъ кирпичный чай, заправленный солью, саломъ и мучной заболткой (затураномъ). Это питье чаю и щелканье женщинами съ искусствомъ бѣлокъ кедровыхъ орѣховъ кажется постояннымъ и безконечнымъ. Въ дорогѣ, при встрѣчахъ, опять все тотъ же сибирскій ѣздокъ, который памятенъ съ дѣтства по азбукамъ московскаго издѣлія, поставленнымъ при буквѣ Ъ, но на этотъ разъ въ широкихъ, какъ просторная горница, и открытыхъ кошевахъ, и всѣ въ дахахъ съ распашными полами, и столь же широкихъ, просторныхъ и очень теплыхъ. Эти мохнатые дахи просто рябятъ въ глазахъ всякими

цвѣтами и всякаго сорта, неизмѣнно мѣхомъ наружу, снятымъ съ оленей, съ молодыхъ жеребятъ, съ козуль и съ собакъ. Вотъ и жгучій морозъ палитъ лицо и ищетъ мѣста въ дахѣ, чтобы пробраться струей по всему обогрѣтому тѣлу и мимоходомъ щиплетъ за носъ и захватываетъ дыханіе такъ, что опрокидываешься лицомъ и прячешь его въ подушку. И мчится тройка удалая, потому что ямщикъ не хотѣлъ ѣхать, по указанію подорожной, на парѣ, а отъ себя, безъ прогонной приплаты, припрегъ третью лошадь. Цѣлымъ роємъ выются передъ глазами новые виды и бытовья особенности, безконечно тянутся несслыханные и интересные рассказы. Подавляютъ они воображеніе и утомляютъ память. Надо отдохнуть, удалиться; въ тиши уединенія и сидя на мѣстѣ, разобрать ихъ по сортамъ и уяснить себѣ однородное. Надо дать время,—и выжидать желаемый случай, когда все схваченное по дорогѣ, на лету и второпяхъ, и все, набравшееся съ пылью и мутью, уляжется и осядетъ.

II.

Заурядъ-городъ.

Городъ Благовѣщенскъ на плоской, какъ доска, травянистой степи, оступившейся въ рѣку Амуръ невысокимъ крутояромъ, могъ расположиться совершенно такими же правильными квадратами, какіе заказаны нормальными чертежами свода законовъ и вычерчены въ петербургскихъ штабахъ на ватманской бумагѣ циркулемъ и тушью. Это, конечно, лишило его ландшафтнаго разнообразія, на которомъ привычно отдыхаетъ глазъ, и наложило ту печать холоднаго однообразія, отъ котораго не отдѣлаешься въ воспоминаніяхъ вотъ въ теченіи цѣлыхъ двадцати лѣтъ. За то этотъ городъ воспользовался рѣдкимъ преимуществомъ: будучи еще, такъ сказать, въ младенческомъ возрастѣ, онъ прямо произведенъ былъ въ генеральскій рангъ, въ званіе областного города Амурской области. Не проходилъ онъ такимъ образомъ низшихъ степеней и инстанцій, обязательныхъ для всѣхъ сибирскихъ настоящихъ и народныхъ городовъ. Тѣ изъ одинокой заимки, въ видѣ землянки, съ мало надежной глинобитной печкой и кривымъ окномъ, затынутымъ рыбьимъ пузыремъ, дослуживались сначала до званія «зимовья», когда этихъ звѣриныхъ логовищъ торчала уже цѣлая кучка изъ 4—5 штукъ; потомъ до ранга «острога», когда эти избенки окружались тыномъ изъ стойкомъ поставленныхъ и завостренныхъ наверху бревенъ, и наконецъ уже до высшей степени и значенія—до «города», къ которому приселялась подлѣ слобода.

Тогда новыя жилия замкнуты были со всѣхъ четырехъ сторонъ въ бревенчатые заборы, рубленые въ стѣну съ башнями, бойницами, воротами и надолбами. Производились же они въ почетное и наивысшее званіе «города» уже въ то время, когда эти деревянные стѣны чернѣли въ уголь, гнивали и разсыпались, когда слѣдовало предоставлять подобныя развалины въ гнилушкахъ своей судьбѣ или складывать новыя стѣны, опять изъ сосновыхъ и дубовыхъ бревенъ, или уже изъ кирпича на известковомъ растворѣ и на скрѣпкахъ желѣзными связями.

Освобожденный отъ всѣхъ этихъ производствъ и повышеній за выслугу лѣтъ и служебныя отличія, выскочка - Благовѣщенскъ, какъ бы столица амурскаго казачьяго войска, получилъ высшій рангъ лишь заурядъ, говоря сибирскимъ казачьимъ выраженіемъ. Тогда, за недостаткомъ офицеровъ, простыхъ казаковъ изъ урядниковъ производили въ чины, надѣвали на нихъ офицерскую форму съ эполетами и прочими украшеніями этого званія и лишь называли заурядъ - хорунжими, заурядъ - эсаулами и заурядъ - сотниками. Они немножко подбодрялись, старались ходить и глядѣть козыремъ, смотрѣть на другихъ свысока, зазнаваться, почаще другихъ пить кирпичный чай, черной работой «бѣлкованья» въ лѣсахъ не заниматься, а по начальственнымъ привилегіямъ стараться притѣснить кого-нибудь, и что-нибудь стянуть въ свою пользу, и черную работу казачью и деревенскую смѣнить на чистую и городскую, т. е., заняться какой-нибудь подручной торговлишкой. Собственно говоря, могли тотчасъ же обращать ихъ въ простыхъ казаковъ и, въ видѣ дисциплинарныхъ взысканій, наказывать даже тѣлесно, по зубамъ и спинамъ. Въ силу такого обычая и Благовѣщенскъ казался заурядъ - областнымъ городомъ: единственная деревянная маленькая церковь называлась кафедральнымъ соборомъ, а для мѣстнаго епархіальнаго начальства (покойнаго московскаго митрополита Иннокентія) строили нескладный и неудобный, но большой домъ, для подворья съ крестовою церковью. Длинные деревянные срубы, плохо прикрытые кровлями и наскоро законопаченные мхомъ, носили почтенное названіе казармъ. Собственно одни они и представляли собою весь городъ или, по крайней мѣрѣ, существенную, главную и видную его часть, не считая двухъ-трехъ десятковъ частныхъ домовъ. Но за то въ крутоярѣ рѣки Амура еще цѣлы были образцы первобытныхъ человѣческихъ жилищъ въ видѣ «стрижовыхъ норъ», вырытыхъ прямо въ берегу. Въ этихъ землянкахъ жили приговоренные въ Россіи на поселеніе и даже отбывавшія срокъ каторжныхъ работъ женщины.

Все было тогда (въ 1860 году) новое (чтобы не сказать съ иголочки), все какъ бы увѣренно и настойчиво говорило: «вотъ теперь и посмотри, какъ мы умѣемъ дѣлать города по-новомодному и очень скоро, если выйдетъ на то приказаніе начальства». И хотя,

по правдѣ сказать, въ торопяхъ сдѣланное вышло вкривь и накось, но за то все было по новому. Въ видахъ уступки старинѣ, верстахъ въ двухъ отъ города дозволили себѣ разбить казачью деревушку, носившую названіе слободы, хотя жители ея не были прежними охочими вольными людьми и не освобождались ни отъ тѣлеснаго наказанія, ни отъ подневольныхъ разсылокъ и командировокъ. Жили тутъ въ избахъ, по сибирскому обыкновенію всегда дурно срубленныхъ и потому холодныхъ, на битыхъ глиняныхъ полахъ и въ тѣхъ же полуземлянкахъ, натапливаемыхъ до угара и духоты, тѣ же самые казаки, которые первыми заняли Амуръ. Жили они—и горевали, мурлыкая себѣ подъ носъ вновь составленную пѣсню, которую въ то время не рѣшалась пропустить въ печать цензура,—ту пѣсню, гдѣ сибирскіе казаки изливали и тоску по родинѣ—Забайкальѣ, и вспоминали недавно пережитыя невзгоды торопливаго и неумѣлаго принудительнаго переселенія, съ Аргуни и Шилки въ Амуръ.

Какъ отъ Шилки по Амуру великія версты,
Ужь и были эти версты:—стерли у рукъ персты.
До Кизева доплывали—къ берегу приставали,
На прикрутомъ бережечкѣ выросло древо,
Выросло это древо березынька бѣда.
Какъ на той ли на березкѣ сидитъ птица пана (sic),
Какъ сидѣла птица-пана, кричить: «запропала!—
Забайкальскіе казаки! А гдѣ ваши кони?»
—Наши кони во Сартоли ходятъ да гуляютъ.
«Забайкальскіе казаки, а гдѣ съ коней сбруя?»
—Съ коней сбруя поломалась (sic), въ Амурѣ осталась.
Кто на Амурѣ не бывалъ, тотъ и горя не видалъ.
Кто на Амурѣ побывалъ, тотъ все горе распозналъ.

Настроеніе этой пѣсни тогда было общимъ. Попалъ и я подъ гнетъ этихъ тяжелыхъ впечатлѣній, когда они начали усугубляться благовѣщенской скукой. Я разболѣлся, — принужденъ былъ здѣсь остановиться, началъ кое-чѣмъ лѣчиться, и когда поправился,— всѣ послѣдніе пароходы давно уже ушли вверхъ. Надо было дожидаться, когда встанетъ Амуръ и откроется зимнее первопутье. Дождаться привелось цѣлыхъ два мѣсяца: можно было и отдохнуть, и пристально присмотрѣться, во все это докучное время, къ главнымъ затѣямъ на Амурѣ.

Впрочемъ, все, что слѣдовало видѣть, было осмотрѣно и начинало надоѣдать повтореніями, однимъ и тѣмъ же изо-дня въ день. Разъ оживилъ наше мертвое время пріѣздъ манджурскаго губернатора Амбаня, по имени Аджентая. Два раза успѣла нарождаться на небѣ новая луна, а вмѣстѣ съ нею и тотчасъ располагалась на городской площадкѣ и на самомъ берегу Амура манджурская ежемѣсячная ярмарка, но такая, что довольно было бы, если бы она

разставляла свои палатки разъ въ году. Съ ярмаркой было скучно и докучливо отъ торговцевъ; съ Амбанемъ было весело и неприятно лишь съ его свитой, которая, на подобіе архіерейскихъ пѣвчихъ при объѣздахъ епархіи, пожирала все, что видѣла, и что не успѣвала съѣсть торопливо и очень искусно тащила съ собой, и притомъ совсѣмъ не краснѣя. По манджурскимъ деревнямъ на пути они пролетѣли рѣшительной саранчей, свертывая курамъ шеи и схватывая поросятъ за заднія ноги. Весело намъ было, потому, что мы этого китайскаго генераль-маіора во-первыхъ ожидали нѣсколько дней, тратили время на приготовленіе встрѣтить и удивить. Когда онъ къ намъ прибылъ (воспользовавшись выѣздомъ въ Иркутскъ нашего генераль-маіора, съ которымъ у него были сильныя нелады), мы цѣлый день старались потѣшаться надъ нимъ и занимать его. Потѣха наша заключалась въ томъ, что, воспользовавшись этимъ первымъ въ его жизни и на службѣ выѣздомъ въ Благовѣщенскъ, старались не ударить въ грязь лицомъ при нашей настоящей скудости. Схоронивъ концы, мы силились показать, на сколько мы добрые и могучіе сосѣди и притомъ совсѣмъ особенные и непохожіе. Вотъ, на примѣръ, наша первая попавшаяся на пути казарма: въ свѣтлый и сухой зимній день она очень холодновата, но этимъ не удивишь манджуръ, привыкшихъ и въ своихъ юртахъ жить на холодкѣ въ ватныхъ курмахъ и при вѣчно-тлѣющемъ очагѣ или мунгалѣ (онъ насъ сильно допекалъ угаромъ, а у нихъ головы совсѣмъ не болятъ). Въ углахъ и въ щеляхъ по пазамъ стѣнъ казармы нашей можно было бы замѣтить накинѣвшихъ зайчиковъ, но подъ нары Амбанъ не заглядывалъ, успокоившись, видимо, тѣмъ, что и у нихъ въ домахъ точно такія же. Да и мы постарались отвлечь его вниманіе, бросивъ ему пыли въ глаза солдатскимъ ружьемъ, которое первый солдатъ сунуль-было съ кремениемомъ. Ему велѣли однако отыскать ружье съ пистономъ послѣдняго присыла.

— У насъ-де на твою несчастную башку есть оба сорта. Тебѣ съ твоимъ фитильнымъ ружьемъ надо еще за огнемъ сбѣгать въ юрту, сунуть въ фитиль огонекъ, чтобы затлѣлся и зачадилъ, а мы тѣмъ временемъ обѣ твои ноги успѣемъ прострѣлить.

Мы видимо перехвастали, потому что на ружье у Амбана загорѣлись глаза.

— А каковъ порохъ, что твой макъ! Покажите ему ребята, порохъ!

Посмотрѣлъ онъ, но удивленія не выразилъ, хотя самъ стрѣлялъ до сихъ поръ очень крупнымъ или «хрушковымъ» порохомъ (по древнему сибирскому выраженію), изобрѣтеннымъ однако раньше европейскаго.

— Вотъ какъ привыкли сдерживаться!—удивляемся мы. Вотъ патріоты! Что ни покажи: «никацкое (китайское) говорятъ лучше».

— А вотъ тебѣ, дикая образина, пистоны! — говорятъ наши военные.

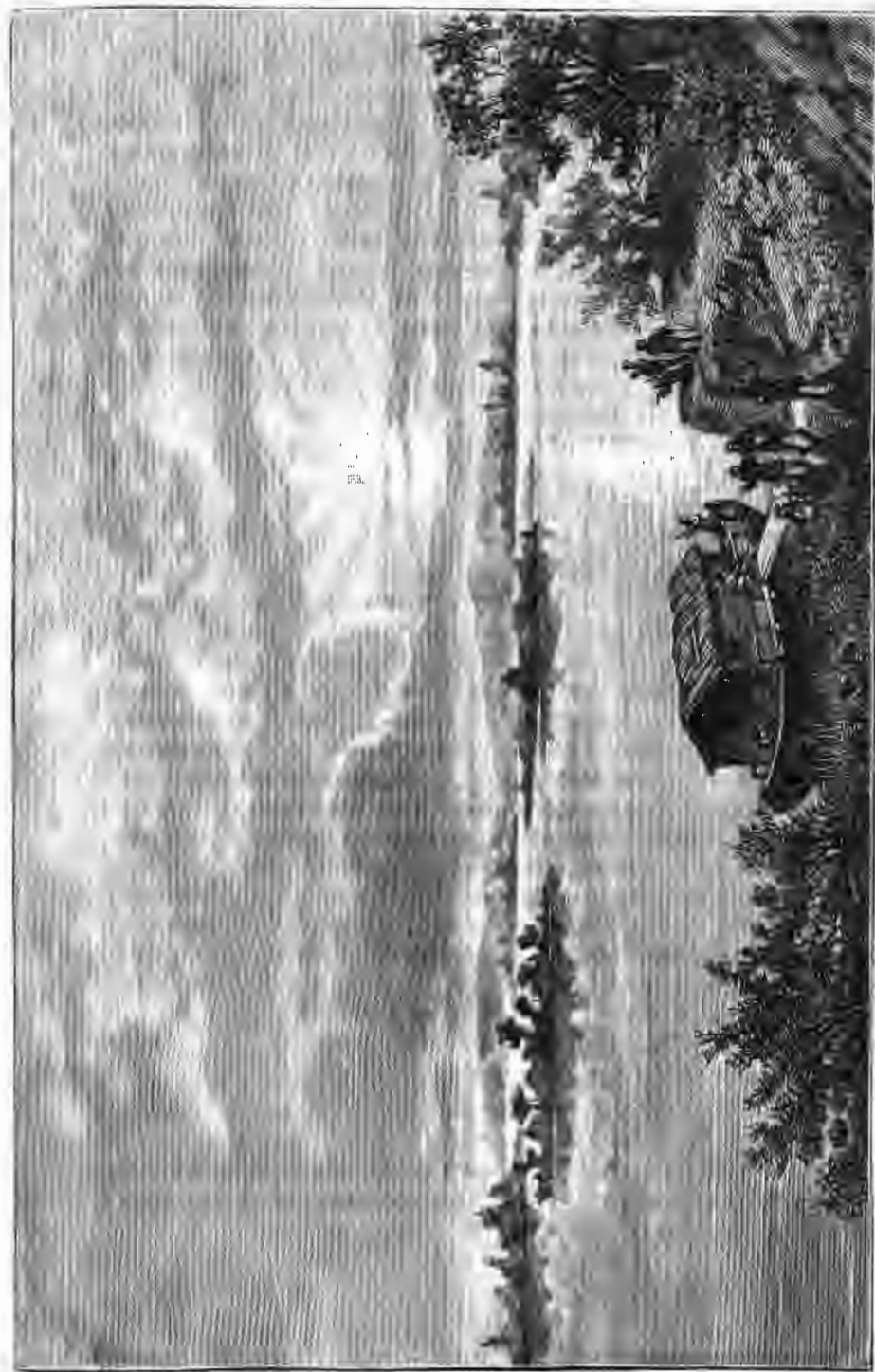
Амбанъ (а стало быть также военный человѣкъ) взялъ ружье твердой и опытной рукой; наложилъ пистонъ, спустилъ курокъ и пошелъ щелкать, что ребенокъ на игрушкѣ, — и улыбался, — чему? Не вспомнилъ ли онъ на этотъ случай отвѣта своего нашему благовѣщенскому амбаню, когда тотъ за прекращеніе международныхъ сношеній, послѣ сожженія нашими храма съ бурханами, пригрозилъ идти походомъ на Айгунъ? — Амбанъ отвѣчалъ на эту угрозу:

— Вы скажите, когда станете выступать, — по крайней мѣрѣ за недѣлю: я овса пришлю вашимъ лошадямъ, подкормить ихъ, чтобы онѣ эти сорокъ верстъ могли дотащить до Айгуна ноги.

Завели мы потомъ этого «шута горохового» (какъ прозвали его наши военные патріоты) въ церковь, въ нашъ кафедральный соборъ. Единственный въ городѣ священникъ поскучалъ было сначала тѣмъ, что пустилъ въ церковь язычника, но успокоился, когда, по его совѣту, Амбанъ снялъ шалку съ розовымъ генеральскимъ шарикомъ, а на провожатыхъ, на свиту свою, сильно цыкнулъ и тѣмъ мгновенно выгналъ ихъ вонъ. Священникъ облачился въ ризу, отворилъ царскія двери, — и все показалъ. Тутъ Амбаня мы опять поразили, когда, указывая на евангеліе, объясняли, что достаточно знать одну эту книгу и по ней поступать, чтобы угодить нашему Богу. Онъ изумился, видимо не повѣрилъ, обнаружилъ внутреннее безпокойство, выкричалъ переводчика, широко разводилъ обѣими руками. Велѣлъ говорить, что мало этой церкви, чтобы умѣстить всѣ книги, какія буддисту знать надо. Говорилъ онъ возбужденно и, видимо было, что желалъ и насъ, въ свою очередь, перехвастать.

Потомъ мы хвалились передъ нимъ фортепянной игрой: затѣяли даже танцы. Французская кадрили ему такъ понравилась, что онъ самъ рѣшился встать въ пару. На вальсъ глядѣлъ съ изумленіемъ и покачивалъ головой; надъ полькой-трясучкой искренно и добродушно смѣялся. При проводахъ, на которыя наше исправлявшее должность начальство идти не рѣшилось, хотѣли было мы вслѣдъ ему выпалить изъ пушки, да подумали: одни, что внушеній сдѣлано довольно, другіе, что если не пробрало прежде его, то лишняя капля теперь ничего къ величію Россіи не прибавитъ. Можетъ очень случиться, что потребуютъ основаній, по которымъ истраченъ былъ казенный порохъ и — далеко ли до грѣха! — не послѣдовало бы вопросовъ и сношеній со стороны азіятскаго департамента. Бывали-де такіе случаи и примѣры. За дикарей ли и нехристей ихъ принимать, или ставить на равную ногу и приближать къ себѣ, — тогда все это еще не было выражено окончательно. Велѣно ласкаться, приказано угощать и дарить, а далѣе поступать согласно съ мѣстными обстоятельствами.

Амбанъ уѣхалъ отъ насъ на-веселѣ: онъ налегъ на американское

Видъ Амура по выходѣ изъ Хинганскаго хребта.

шампанское въ 2 руб. бутылка, столько же сладко-горьковатое, какъ весенній сокъ молодыхъ березъ (жевица) и пѣнистое, какъ кислыя щи. Не пренебрегъ онъ и сибирскими наливками, между которыми наплась и классическая мѣстная облепиховка, угодившая китайскому вкусу своей сластью больше, чѣмъ характернымъ, въ родѣ ананаснаго, ароматомъ.

Съ отъѣздомъ китайскаго большого чиновника осталось для насъ еще одно манджурское развлеченіе, какъ я сказалъ, — ярмарка. Но она способна удержать вниманіе на одинъ лишь день, когда при-сматриваешься къ тому немногому, чѣмъ имѣеть силы и возможность торговать этотъ, скорѣе крѣпость, чѣмъ городъ, Айгунь. Мелкое пшено—буда, да рисовая водка—единые соблазны и болѣе ходкіе товары, если присоединить еще сюда для шаловливой молодежи бумажные вѣеры съ грубыми скандальными картинками. Для забавы досужихъ и скучающихъ объявилось сверхсмѣтное удовольствіе видѣть въ лицахъ ту скрытую ненависть, которую питають побѣжденные китайцы къ манджурамъ. Широколицый, сытый манджуръ—молодой паренъ, прикащикъ, дрался съ сухошавымъ желтолицымъ китайцемъ, тоже купеческимъ прикащикомъ. Началось дѣло изъ-за спора о національныхъ преимуществахъ; быстро загорѣлись недобрымъ огонькомъ глаза, вскипѣло сердце, сдерживаемое приличіемъ на чужихъ людяхъ,—и разгорѣлось оно, и расходились руки. До сихъ поръ оба эти пѣтуха, въ особенности передъ прочими прикащиками, надоѣли намъ не меньшей жидовской назойливостью, являясь ежедневно: и насорить на полу пепломъ изъ своихъ трубочекъ, и измучить предложеніями обмѣнять бумажки, взятыя ими за товаръ, на серебро. За два серебряныхъ цѣлковыхъ они охотно давали трехрублевую бумажку и развели новую отрасль торговли, сколько по необычайной способности и племенной страсти ко всякимъ торговымъ предпріятіямъ, столько и потому, что хорошо знали распоряженіе высшаго русскаго начальства въ пользу служащихъ на Амурѣ. Всякій изъ такихъ, получая въ казначействѣ жалованье, имѣлъ право $\frac{2}{3}$ его потребовать серебряною монетою. Въ такихъ же условіяхъ очутился и я, когда пришлось разомъ получить содержаніе изъ суммъ морскаго министерства за три мѣсяца, въ теченіи которыхъ мнѣ не удалось попасть ни въ одно казначейство (да ихъ и не было на всѣхъ трехъ тысячахъ верстѣ). Я не располагалъ воспользоваться своимъ правомъ, но вынужденъ былъ къ тому неожиданнымъ случаемъ, доставившимъ мнѣ интересное знакомство. На немъ и остановлюсь.

III.

Одинъ изъ колонизаторовъ.

Въ то утро, когда я расположился очистить свою денежную статью, передо мною встала незнакомая фигура, вкрадчивымъ, очень ласковымъ голосомъ сразу поспѣшившая выпросить извиненіе за безпокойство. Это былъ здоровенный парень, судя по мундиру, служившій юнкеромъ въ мѣстномъ линейномъ батальонѣ, здоровый и гладкій. Вытесанный богатыремъ въ спинѣ и плечахъ, но не особенно искусно, онъ казался неуклюжимъ; былъ бѣлокуръ по природѣ и забавенъ по благопріобрѣтеннымъ угловатымъ манерамъ. Прозывался онъ «Бѣлыхъ», въ оправданіе той бѣлокурости, которая, вѣроятно, была у него наслѣдственной, судя по фамиліи, придуманной совершенно по сибирскому обычаю, гдѣ не спрашиваютъ незнакомаго, чей ты?, а «чьихъ вы?» Отсюда и «сизыхъ», «черныхъ», «нагихъ» и «пареныхъ» и, даже, «жареныхъ».

Онъ сообщилъ мнѣ, что казначей ждетъ меня съ деньгами, что приготовилъ къ выдачѣ триста серебряныхъ рублей. При этомъ онъ поспѣшилъ выразить сомнѣніе, какъ я понесу такую тяжесть, и что съ серебромъ буду дѣлать, на обратномъ пути по Амуру въ Сибирь. Меня уже не удивляло, какимъ образомъ онъ подробно узналъ объ моемъ, такъ-сказать, домашнемъ и карманномъ дѣлѣ. Не только въ городѣ, гдѣ всякій хорошо зналъ другъ друга въ лицо, но и во всей области не затруднялись узнавать новыхъ и пришлыхъ не только ближайшія начальства, но и высшее. Самъ губернаторъ доказалъ это. Гуляя около манджурской ярмарки по берегу рѣки, онъ сразу счумѣлъ отличить кучку новыхъ людей изъ мужиковъ, и тотчасъ же поспѣшилъ спросить ихъ: откуда?

— Съ Зеи-рѣки.

— Какъ такъ?! Тамъ я всѣхъ на перечетъ знаю: и молоканъ и православныхъ. А васъ я въ первый разъ вижу и никто мнѣ про васъ не говорилъ.

— Да мы тамъ недавно: мы тамъ поселе ладимъ. Избы срубили, печи сложили, пришли вотъ гвоздей поискать, крупки вымѣнять, солцы покупить мало-мало.

Изъ дальнѣйшихъ разспросовъ оказалось, что это были самовольные выселенцы. Ихъ поселили въ низовьяхъ Амура, дали такое скверное мѣсто, которое я уже имѣлъ случай описать въ своей книгѣ («На Востокѣ»), что они, долго не думая, бросили его, поднялись сюда по рѣкѣ, за тысячу верстъ и завяли привольное мѣстечко по Зеѣ. За то къ нимъ примѣнили русскій законъ, т. е. этапнымъ порядкомъ препроводили на постылое и кинутое пепелище.

Впрочемъ, я заговорился, и про юнкера забылъ.

Когда я высказалъ ему о давно придуманномъ для себя рѣшеніи не пользоваться преимуществомъ получения содержанія своего серебромъ, въ интересахъ остающихся здѣсь и при личномъ неудобствѣ возиться въ дорогѣ съ лишнею тяжестью, онъ пересталъ скрываться и прямо пошелъ на приступъ, приступилъ къ дѣлу. Смѣло предугадывая, что я поступлю такъ, какъ увѣрялъ, Бѣлыхъ усердно просилъ взять серебра на его долю: онъ остается здѣсь; ему, по его общественному положенію, ежемѣсячно приходится получать всего лишь три или пять этихъ казенныхъ серебряныхъ цѣлковыхъ, и что ему съ ними дѣлать, когда на Амурѣ все дорого и все приходится покупать у манчжуръ и на всемъ терять при этомъ по многу, когда отдаешь за товаръ бумажныя деньги.

Я рѣшился исполнить его просьбу и не мало былъ изумленъ и озадаченъ, когда объяснили мнѣ, по уходѣ юнкера, что одолженіе мое не только бесполезно, но и вредно въ томъ отношеніи, что мои серебряныя рубли попали въ дурныя руки. Вотъ что я узналъ.

Такимъ вотъ молодымъ и съ такими крупными задатками физической силы прибылъ онъ на безлюдный и полуголодный Амуръ, гдѣ въ его званіи нельзя было ни сильными руками поработать, ни мощныхъ плечъ расправить. Когда загуливалъ безшабашный линейный офицеръ изъ неудавшихся и исключенныхъ изъ корпуса кадетъ и начиналъ пить одну за другой, закусывая черемшой, юнкеръ разводилъ по городу взводы и становился гдѣ-нибудь на караулѣ. Онъ оберегалъ либо казенныя деньги, которыхъ было очень мало и временами не хватало на удовлетвореніе всѣхъ служащихъ жалованьемъ, либо каторжныхъ арестантовъ, которые всѣ единодушно тосковали по сибирскимъ лѣсамъ и волѣ и измышляли разныя подходящія средства къ побѣгамъ. Новому поселенцу и молодому человѣку Амуръ предложилъ на волю и на выборъ, какъ и всѣмъ прочимъ, что-нибудь изъ двухъ: или самому начать спиваться и впитаться въ водку такъ, чтобы изумлять и хвастаться непобѣдимостью, либо, оставивъ въ сторонѣ это баловство, высматривать на трезвое, на иныя полезныя занятія отъ скуки и на досугѣ. Вотъ ему для развлеченія и поощренія въ службѣ предложена равнодушнымъ начальствомъ отвѣтственная командировка:— доставить въ первую станицу за Хинганомъ, верстъ за 400 отъ Благовѣщенска, баржу съ хлѣбомъ. До сихъ поръ амурскіе водяные черти спихивали эти баржи со стрежа на мель и одну всадили, во время весенняго половодья, прямо-таки, на смѣхъ и удивленіе, въ самую середину большаго острова (самолично я это видѣлъ).

Бѣлыхъ, отправляясь въ длинный путь и на долгое время, захватилъ съ собой все свое имущество, въ которомъ неизбѣжно полагался всѣмъ нужный и всѣхъ выручавшій изъ бѣды котелокъ: заварить кирпичнаго чаю съ затураномъ, сварить уху изъ дешевой и очень вкус-

ной амурской рыбы. Мнѣ за папухъ листоваго табаку въ $\frac{1}{4}$ фунта, гольдъ далъ положительно полпуда свѣжей, сейчасъ вынутой изъ рыбы, бѣлужьей крупно-зернистой икры. Съ котелкомъ и съ запасными броднями, гдѣ голенище подвязывается къ ногѣ два раза, подъ колѣнками и надъ щиколкой, прибылъ Бѣлыхъ къ мѣсту назначенія благополучно; провіантъ сдалъ въ цѣлости и сохранности. Сталъ отдыхать тутъ же подлѣ станицы, верстахъ въ трехъ, сидя передъ костромъ и своимъ котелкомъ. На огонь выходили съ берегу и изъ-за лѣсу гольды; садились съ нимъ рядомъ кой о чемъ помолчать; курили трубочки, сплевывали и, Боже сохрани,—не въ огонь, боясь его злаго духа. Изъ всѣхъ, собравшихся глядѣть на чужой огонь дикарей, выдѣлился одинъ; показалъ рукой на котелокъ и на свое сердце, — значить нравится. Посидѣлъ онъ тутъ, не спуская глазъ съ котелка, почмокалъ губами, спряталъ за пазуху трубочку — и ушелъ. Вскорѣ, опять его круглая фигура съ широкимъ лицомъ и грязной косою торчала на короточкахъ на прежнемъ мѣстѣ, когда котелокъ былъ опростанъ, снятъ съ огня и простылъ. Гольдъ то посмотритъ на него, то погладитъ его рукой, поласкаетъ и опять несетъ руку къ сердцу и прикладываетъ ее къ головѣ:—значить надумалъ приобрести, и, притомъ, съ полною радостію и большимъ нетерпѣніемъ. Юнкеръ рукой отмахивается и показываетъ на лѣсъ: «вещь не продажная,—ступай, откуда пришелъ. Мнѣ самому она нужна и что я самъ безъ нея въ вашихъ проклятыхъ пустынныхъ мѣстахъ буду дѣлать?»

Гольдъ полѣзъ за пазуху,—вытащилъ соболя: просить за него, что ему понравилось, отдаетъ, что самому не нужно. Можетъ быть манджурскіе сборщики уже и пришли и обобрали ясачныхъ; этотъ соболекъ вольный и, вѣроятно, припрятанный. Взглянулъ юнкеръ на соболька, опять замоталъ головой и махнулъ рукой на лѣсъ.

На другой разъ гольдъ принесъ двухъ соболей—стало-быть хорошо понялъ дѣло: дотолковались,—теперь можно начать торговаться. Суетъ онъ шкурки одной рукой, а другой котелокъ придвигаетъ. Взглянулъ юнкеръ на соболей: оказались изъ обыкновенныхъ амурскихъ,—мелкіе, рыжеватые, въ лавкахъ амурской компаніи цѣна имъ рубля четыре-пять (камчатскіе лучшіе стоили въ то время 20 руб. шкурка). Взглянулъ на шкурки, да по пути и въ глаза гольду: горятъ они дикимъ огонькомъ. А юнкеръ опять бѣлокуроыми волосами трясетъ и кулакомъ показываетъ на шею: не послушаешься—выпровожу силой, угощу по русски, если еще въ жизни своей не пробовалъ.

Худо, должно быть, спалъ всю ночь гольдъ, потому что пришелъ ни свѣтъ-ни заря и настойчиво растолкалъ продавца. Показываетъ ему три шкурки, одну руку отъ сердца не отнимаетъ и даже слезу пролилъ.

Видишь, какъ тебѣ приглянулся котелокъ: возьми его даромъ

за то, что, видно по всему, нужная тебѣ эта вещь и взять ее негдѣ. Есть ли на свѣтѣ положеніе хуже и безвыходнѣе твоего въ настоящемъ случаѣ? Неужели затѣмъ только ты и на свѣтъ родился, чтобы валились на тебя безконечныя бѣды? А у тебя, униженнаго до скотскаго подобія, нѣтъ противъ нихъ никакой защиты. Возьми котелокъ даромъ, на память,—будемъ друзьями. Всѣмъ извѣстно, какъ глубоко и долго простое твое сердце будетъ чувствовать одолженіе и какъ высоко разцѣнитъ оно этотъ самый пустой подарокъ. Не удивишь, если останешься на вѣки другомъ, и всю жизнь будешь считать себя должникомъ.

Не такъ, однако мыслилъ юнкеръ Бѣлыхъ. Онъ не замѣчалъ передъ собою безпомощную, умоляющую бѣдность: онъ прогналъ старика гольда за четвертымъ соболемъ и самъ сходилъ, на очистку совѣсти, въ юрту. Узналъ онъ теперь, гдѣ живетъ покушникъ, увидалъ у него еще много соболей, оказалось, что попалъ на счастливаго и удачливаго звѣролова. Изъ юрты отправился юнкеръ въ Михайло-Семеновскую станицу, въ лавку амурской компаніи: соболей обмѣнялъ на серебряные рубли (на бумажные деньги ихъ не продавали):—и довольно бы ему на первый разъ такой выгодной коммерческой сдѣлки. Въ самомъ дѣлѣ, пошелъ мѣдный котелокъ чуть не за серебряную вазу и повѣсть о томъ превратилась въ легенду, въ сказку изъ тысячи и одной ночи. Она ходила въ веселыхъ разсказахъ по всему Амуру съ нижеслѣдующимъ продолженіемъ.

Вымѣнялъ ловкій человекъ выгодно соболя шкурки,—и беречь бы свою: ѣхать обратно на службу. Станичное начальство, попавшее случайно на встрѣчу, даже и намекнуло о томъ. На своей лодкѣ Бѣлыхъ послѣ того побывалъ только затѣмъ, чтобы, очистивъ отъ грязи и пыли, высвѣтлить свои легкіе цѣлковые и пропасть дня на четыре.

Вернулся онъ безъ цѣлковыхъ, но съ цѣлымъ сорочкомъ соболей. Самъ простодушно сознавался онъ въ томъ, что къ старому знакомому гольду не заходилъ, а забирался на своихъ сильныхъ ногахъ въ такія трупы по верховьямъ рѣчекъ, гдѣ еще русскаго духа слыхомъ не слышать и видомъ не видать. Манджуры въ то время стали уже побаиваться наѣзжать въ улусы лѣваго амурскаго берега, чтобы не залѣсть въ чужое государство и не быть въ отвѣтѣ передъ чиновниками обѣихъ имперій вмѣстѣ. Русскіе оказались тоже большими охотниками до пушнаго звѣря и простодушнаго дикаря, который не понимаетъ цѣны ни въ трудѣ, ни во времени, и цѣнитъ лишь одинъ зарядъ пороху, да пульку.

Придя въ юрту, Бѣлыхъ соблазнялъ гольдовъ блескомъ и звономъ своихъ цѣлковыхъ, за которые торгующіе манджуры, охотно давали и листовой табакъ, и рисовую водку, и муку. Разговаривалъ юнкеръ съ дикарями на томъ понятномъ ему языкѣ, что

когда видѣлъ разгорѣвшіеся глаза: бралъ двухъ-трехъ соболей и клалъ на одинъ цѣлковый — а затѣмъ торговался. Снялъ дикарь двухъ; вдохновенный удачами, покупатель бралъ изъ его рукъ одного или двухъ и затѣмъ выжидалъ, что будетъ: промолчить онъ, или протянетъ руку?

Потомъ рассказывалъ онъ съ обычнымъ своимъ смѣхомъ въ кулакъ и себѣ подъ носъ, что не одинъ разъ случалось, что гольды уступали двухъ соболей за яркій и звонкій серебряный кружокъ, который хорошо и ловко вертится и у русскихъ въ рукахъ, когда покупаешь синюю дабу на новую куртку (курму). И прибавлялъ Бѣлыхъ къ своему рассказу:

— Я еще разъ хотѣлъ идти къ нимъ, и еще дальше, да войсковой старшина самъ приходилъ на лодку и строго приказывалъ отчаливать: больше трехъ сутокъ прохладиться не велѣно.

Въ Благовѣщенскѣ серебряные рубли изъ другой лавки амурской компаніи дождались того времени, когда послѣ ярмарки стали шататься по квартирамъ городскимъ айгунскіе манджуры и шепелявить по дѣтски: «селебело еси купи?», т. е. на вотъ бери, наживай себѣ цѣлый рубль на два.

Намѣнялъ Бѣлыхъ бумажекъ; ихъ въ свою очередь размѣнялъ на табакъ Бостанджого, который весь скупилъ изъ амурской лавки. Съ товаромъ этимъ съ тѣхъ поръ стало туго: продавцовъ нѣтъ, покупателей много. Требованія напряглись. Кто вдвинетъ товаръ, тотъ обогатится.

О столь извѣстномъ правилѣ на всѣхъ рынкахъ давно смекнулъ нашъ юнкеръ и явился теперь табачнымъ монополистомъ. Онъ держитъ товаръ въ однѣхъ рукахъ, и никакой цѣны не объявляетъ, и никому табаку въ розницу не продаетъ. Весь товаръ у него: и въ 25 коп. четвертка и самый дешевый. А понять его коммерческаго фортеля никто не можетъ. Выручаетъ обиженныхъ, утѣсненныхъ случай, и они, достаточно наругавшись, хотѣли было уже идти жаловаться по начальству.

Юнкеръ Бѣлыхъ, выпросилъ себѣ приватное занятіе, — поступилъ писцомъ въ полицейское управленіе. Писалъ онъ не твердо и криво по бабѣму; грамоту разумѣлъ вообще плохо. Книгъ не читалъ, а вмѣсто книгъ любилъ заглядывать въ карты. Игралъ онъ, впрочемъ, только въ носки изъ-за того, какъ объяснялъ, чтобы не проигрывать накопленныхъ денегъ: не по карману бей, а хлопай по носу, хотя бы до пузырей. Не твердо и перо держалъ онъ въ рукахъ и часто капалъ на чистую бумагу, досаждая начальству, получалъ сердитые выговоры, когда, переписывая бумаги набѣло, портилъ тѣ, которыя шли въ руку акуратнаго и чистоплотнаго генерала. Полицеймейстеръ радъ былъ и такому мастеру письменнаго дѣла, который все таки былъ грамотнѣе прочихъ юнкеровъ, и при этомъ трудолюбивъ и послушенъ. Жалованьемъ, къ

общему удивленію, онъ ограничивался самымъ маленькимъ, и даже какъ будто ставилъ его себѣ ни во что. За то очень хлопоталъ и просилъ лишь о томъ, чтобы отдали ему даромъ большую казарменную комнату при полиціи для квартиры. Этимъ онъ удивлялъ до тѣхъ поръ, пока не объявилась въ лицахъ его затаенная мысль.

Въ казенной квартирѣ придѣлалъ Бѣлыхъ своими руками, сверхъ своей, четыре новыя нары изъ нетесанныхъ досокъ. Сколотилъ большой столъ и придѣлалъ скамейки.

Таинственныя приготовленія вскорѣ объяснились: онъ собралъ изъ товарищей - юнкеровъ харчевую артель, пайки у нихъ отбиралъ, а за то предлагалъ нары, теплую комнату въ холодную зиму, приварокъ горячій, хлѣбъ крутой и свою досужую бесѣду. Одному человѣку изъ пайка нечего было выкроить—надо искать помощи въ людяхъ,—изъ пяти пайковъ вмѣстѣ въ ловкихъ рукахъ артельного старосты вскипѣлъ сытный, крутой и споркой обѣдъ. Юнкера остались довольны. Стали спать послѣ такихъ обѣдовъ богатырями, самъ Амбанъ приходи съ войной, — не добудится. Къ артельному своему старостѣ молодежь прилѣпилась: голова съ мозгомъ, отецъ-благодѣтель. Денегъ никакихъ за постой и прокормъ онъ не требуетъ, а кормить всякій день горячей пищей и желаетъ только такой легкой работы, какъ набивка табаку и клейка папирсныхъ патроновъ и легкихъ бумажныхъ обертокъ на каждую сотню. На фунтъ манджурскаго листоваго табаку, который юнкера также должны были рѣзать и крошить, Бѣлыхъ клалъ четвертку бостанджоглова (какъ выражался онъ), и сотню такой дряни продавалъ за два рубля. Всѣ платили ему охотно не по одному тому, что лучшаго взять было негдѣ, а и за то, что этотъ былъ очень сердитъ и внушительнъ. Въ куреньѣ, при благовѣщенской скукѣ, обрѣталось всѣми большое утѣшеніе—въ скорбяхъ и печаляхъ: курили запоемъ до обмороковъ. Не все же спать до пузырей на глазахъ, надо же было выбрать время вспомнить о прошломъ и потосковать объ родныхъ и Россіи. Иному, послѣ корпуса, цѣлый Петербургъ, засыпанный разнообразными соблазнами и задохнувшійся по горло удовольствіями, цѣлыя ночи на пролетъ не давалъ покоя. Папиросы въ эти жуткіе часы и времена потреблялись въ великомъ множествѣ. Капиталь у Бѣлыхъ выросталъ; амурскій прикащикъ при всякой встрѣчѣ его язвилъ и застращивалъ, что курительнаго товару больше продавать ему не станетъ. Вслѣдствіе повсемѣстнаго употребленія юнкерскаго товару, городскія дамы сначала умѣли гостей ходить курить на улицу, а потомъ привыкли. Некому стало напомнить о тѣхъ золотыхъ временахъ, когда папироса не дымилась сосновой головѣшкой.

Бѣлыхъ тѣмъ временемъ и соболька перекупалъ при случаѣ, и бумажные денежные знаки по прежнему вымѣнивалъ у манджурскихъ прикащиковъ на ярмаркѣ. Онъ все былъ на ногахъ, на ходу

и въ хлопотахъ и въ особыхъ переговорахъ на улицахъ съ разными лицами. Успѣвалъ показывать и свое слабое мѣсто, лишь только долетали до его слуха звуки фортепьяно, когда и онъ, въ числѣ прочихъ, приглашался въ тотъ музыкальный домъ, въ гости на вечеръ. Любилъ онъ танцовать не только до упаду, но и до кроваваго пота. Я былъ личнымъ свидѣтелемъ, на сколько велика была его физическая сила. Танцовалъ онъ также скверно, какъ и переписывалъ бумаги, но страшно любилъ это занятіе. Когда приспѣвалъ тому часъ и заявлялось требованіе на его помощь и поддержку—онъ былъ всегда первымъ. Работать, такъ работать въ полную силу,—говорилъ онъ и ногами и руками: теперь она, моя великая сила, мнѣ не нужна, возьмите всю, да еще съ прибавкой,—съ приваркомъ за милое вниманіе къ моему ничтожеству. Онъ носился въ вальсѣ безъ удержу, встряхивая головою, какъ лошадь гривой. Когда прекращалась музыка и онъ, красный какъ ракъ, долженъ былъ отдыхать, я видѣлъ, какъ продолжали бить тактъ и снова проситься въ плясъ его богатырскія крѣпкія ноги. Видно было, что и ногами управляла во всю свою силу та же могучая воля, которая неудержимо потянула его на корысть и наживу, и не давала ему ни отдыха, ни покоя. Неуклюжимъ его ширетамъ въ танцахъ всѣ смѣются, лошадинымъ топаньемъ его всѣ весьма тяготятся и выговариваютъ объ этомъ прямо въ глаза. Но его мѣдный лобъ черезъ нѣсколько минутъ опять откинулся назадъ вмѣстѣ съ головою и вертится все туловище не въ тактъ музыкѣ, въ полную помѣху танцующимъ парамъ и на потѣху зрителямъ. Онъ и здѣсь кажется барышничаетъ, приторговываетъ. Сколько людей усердными танцами плѣняли женщинъ и вытанцовывали себѣ невѣсты не красивымъ лицомъ, не ловкимъ или умнымъ разговоромъ съ приличными манерами, а однимъ лишь усердіемъ и настойчивостью. Къ тому же здѣшнія невѣсты такъ довѣрчивы и простодушны; инныя дѣвицы затѣмъ и поѣхали на это безлюдье, чтобы выискать мужа и пристроиться. Не затѣмъ ли нашъ юнкеръ наживалъ и копилъ деньги, чтобы приладивъ къ нимъ задорные танцы, плѣнить наивную и малодушную избранницу и присвататься къ ней?

— Нѣтъ, рѣшительно нѣтъ!—останавливали мои предположенія тамошніе знатоки, когда пошелъ опредѣлившійся слухъ, что у Бѣлыхъ перевалилъ капиталъ за тысячу рублей, въ то время, когда у гольда котелокъ юнкерскій началъ уже, вѣроятно, прогорать и скоро потребуетъ заклепокъ.

— Помидуйте (спорилъ я): — онъ мнѣ самъ признавался, что деньги копить для того, чтобы уѣхать въ Россію и поступить тамъ въ гусары. Вы надъ нимъ насмѣхаетесь, вы его достаточно убѣждали въ томъ, что онъ скверно танцуетъ; но онъ настолько увѣренъ въ своемъ умѣньѣ и настолько не развитъ, что очень раз-

считываетъ танцами привлечь невѣсту и краснымъ мундиромъ съ золотыми шнурами ее окончательно побѣдить. Средство настолько испытанное и самое дѣло столь извѣстное, что несомнѣнно и до него дошли о томъ слухи.

— Не такъ онъ простъ, чтобы этимъ увлекаться и не затѣмъ ему хочется въ гусары. Да онъ и самъ же разъ наивно сознавался и простодушно толковалъ о матушкиныхъ сынкахъ, объ ихъ кутежахъ и вѣчной нуждѣ въ деньгахъ. Вотъ куда онъ мѣтитъ. Вотъ объ чемъ онъ мечтаетъ, вкусивши сладкихъ плодовъ отъ проклятаго золота. А если безсовѣстно пляшетъ теперь, то это онъ бревна ворочаетъ: вѣдь для этого же и создана спина его и эти крѣпкія ноги и длинныя руки. А ему вмѣсто бревенъ дали перо. Просто онъ радъ случаю, и не самъ онъ радъ своимъ духомъ, а радуется, тѣшится и млѣетъ его неладно скроенное, но крѣпко сшитое тѣло. Онъ и теперь даетъ по мелочамъ въ долгъ за большіе проценты деньги кушеческимъ прикащикамъ и, что всего хуже,—товарищамъ. Вотъ почему не нравилось намъ, что онъ беззастѣнчиво и нахально подлѣзъ къ вашимъ серебрянымъ рублямъ. Это—несомнѣнно будущій крупный торговецъ сибирскаго направления и того сорта человѣкъ, который не ходитъ рутиннымъ напотанымъ путемъ, а, какъ слышали, ищетъ самыхъ темныхъ людей въ нежилыхъ мѣстахъ. Онъ ищетъ соболя и откроетъ первымъ еще какой-нибудь неоткрытый Беринговъ проливъ. Ему сверхъ прочаго захочется чернобурой лисицы—и онъ попадетъ въ какую-нибудь новую землю, до тѣхъ поръ неслыханную, и отыщетъ богатства, никому не вѣданныя. Конечно, это далеко впоследствии, а до того времени онъ успѣетъ образумиться, одуматься. Въ гусары онъ ни въ какомъ случаѣ не пойдетъ: это—временное увлеченіе подъ давленіемъ некрасиваго и невыгоднаго пѣхотнаго мундира, простая ребячья мечта, надъ которою онъ скоро будетъ искренно, во все широкое горло, смѣяться. Въ немъ уже плотно и прочно сидитъ тотъ злой духъ, который въ великомъ множествѣ шатается по сибирской странѣ и ищетъ свободнаго, способнаго и подручнаго гнѣздилища. Онъ именно изъ такихъ химиковъ, при малограмотствѣ (которое тоже очень кстати подобнымъ людямъ), и при мѣдномъ лбѣ, который достаточно навертѣлся, и насверкалъ, и назвонилъ передъ нами.—Ему двѣ дороги: либо сдѣлаться «таежнымъ волкомъ» (самое худшее при случайныхъ обстоятельствахъ), либо «обуховой родней», чему признаки ясно видятся въ немъ уже и теперь въ полной силѣ, со всѣми оттѣнками кореннаго, своеобразнаго сибирскаго пошиба.

Онъ и мнѣ, спустя очень много времени, первымъ приходитъ теперь на память, какъ природный сибирякъ по праву рожденія и по натурѣ, обнаружившей такую силу и волю и такія чрезвычайныя наклонности при нерядовой энергіи и настойчивости. Про нѣ-

что похожее мы уже и раньше читали и слышали, а потому лишнее будетъ навести о томъ справку. Поставимъ его подъ извѣстную мѣрку, пригонимъ въ версту съ другими знакомыми намъ типами и посмотримъ, въ какой онъ разрядъ попадетъ и на что погодится! Время спросить теперь по тамошнему: чьихъ онъ будетъ?

С. Максимовъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СЕМЕЙСТВО ТУРГЕНЕВЫХЪ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній).

«Одну я сказку знаю эту
Ее повѣдаю я свѣту.»

Пушкинъ.

ПОСЛѢ КОНЧИНЫ нашего знаменитаго писателя И. С. Тургенева въ разныхъ журналахъ появились воспоминанія о немъ лицъ, болѣе или менѣе, близко его знавшихъ. Въ этихъ воспоминаніяхъ много любопытнаго, но не мало и невѣрнаго. Я много лѣтъ знала семью Тургеневыхъ, въ особенности мать писателя, Варвару Петровну, которая была очень ко мнѣ расположена. Я жила въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ имѣніемъ Варвары Петровны и съ 1836 по 1840 годъ почти ежедневно бывала у нея; жена же ея старшаго сына, Николая Сергѣевича, была моей сверстницей и подругой. Многое я теперь забыла, но все же въ моей памяти сохранились довольно ясно нѣкоторые факты изъ семейной жизни Тургеневыхъ, и я рѣшаюсь передать ихъ какъ умѣю, въ надеждѣ, что они могутъ показаться не лишними интереса для почитателей покойнаго писателя и исправятъ невольныя ошибки, вкравшіяся въ воспоминанія о немъ другихъ лицъ.

Прежде всего считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о домѣ, въ которомъ родился Иванъ Сергѣевичъ и который сгорѣлъ въ 1839 году. Домъ этотъ имѣетъ свою исторію и достоинъ описанія потому, что событія, въ немъ происходившія, имѣли отчасти вліяніе на жизнь Ивана Сергѣевича.

Старый домъ былъ большой и не каменный, какъ сказано въ одномъ журналѣ (кажется въ «Нивѣ»), а деревянный двухъэтажный. Зала въ немъ имѣла два свѣта. О величинѣ ея можно судить по окнамъ верхняго свѣта, которые были вышиною въ 5 аршинъ; одну изъ этихъ рамъ можно видѣть и по сей часъ въ Спасскомъ. Нижній этажъ былъ подвальный съ кладовыми. Рядомъ съ залой находилась обширная гостиная, меблированная дорогой, но старинной мебелью. Окна выходили въ садъ, у одного изъ нихъ былъ устроенъ читальный кабинетъ Варвары Петровны, отдѣленный дорогою зеленою на трельяжѣ и плющемъ. Здѣсь стояла небольшая козетка, письменный столикъ и одно кресло. Посреди гостиной помѣщался мягкій пате въ квадратѣ 2 арш. Мы, молодежь, почти всегда сиживали на немъ, работали, или въ тихомолку болтали. Мы ей не мѣшали, по она, скрытая за зеленою, зорко за нами наблюдала.

Затѣмъ, изъ комнатъ замѣчательнѣе былъ кабинетъ отца Ивана Сергѣевича. Это было святилище послѣ смерти Сергѣя Николаевича, въ которое никогда никто не смѣлъ входить. Въ теченіи моего четырехъ-лѣтняго, почти ежедневнаго посѣщенія Спасскаго, мнѣ удалось побывать въ этомъ святилищѣ одинъ только разъ и то тайкомъ. Комната была очень большая, окна выходили во дворъ; въ ней стояло 4 письменныхъ стола, нѣсколько кушетокъ и кресель изящной работы; стѣны были окрашены масляной краской свѣтлодикаго цвѣта и украшены бѣлымъ, лѣпнымъ карнизомъ; потолокъ окрашенъ бѣлой масляной краской и разрисованъ арабесками на срединѣ. На стѣнахъ висѣли картины: одна изъ нихъ была задернута бѣлой занавѣской: то былъ портретъ Сергѣя Николаевича, рисованный въ Парижѣ. Сергѣй Николаевичъ былъ изображенъ въ халатѣ, съ бѣлымъ откладнымъ воротникомъ голландской рубахи. Лицо покрыто матовой блѣдностію; оно было очень выразительно и въ глазахъ просвѣчивало страданіе отъ многолѣтней, неизлѣчимой болѣзни.

Домъ этотъ принадлежалъ Ивану Ивановичу Лутовинову, дядѣ матери Ивана Сергѣевича, Варвары Петровны. Въ день пожара я обѣдала у Варвары Петровны и въ 9 часовъ вечера уѣхала оттуда. Въ 11 увидала большое зарево въ Спасскомъ—и въ нѣсколько часовъ домъ сгорѣлъ до основанія. Причиной пожара была, смѣшно сказать, больная корова. Противъ дома, съ правой стороны, упираясь въ плотину, стояли дворовыя избы, крытыя соломой. Знахарь посоветовалъ бабѣ обкурить, даннымъ ей корешкомъ, больную корову, но непременно въ старомъ лаптѣ и, не вытряхая горячихъ угольковъ, закопать его подъ притолку хлѣва. Строеніе загорѣлось, поднялся вихрь, пламя перекинуло на домъ и все сгорѣло.

Иванъ Ивановичъ былъ холостъ, каковымъ и умеръ. Онъ жилъ совершеннымъ магнатомъ. Къ нему нерѣдко собиралось общество чело-

вѣкъ до полутора ста; гостили по нѣскольکو дней, пировали: это показывается—на сколько домъ былъ обширенъ. О богатствѣ же Лутовинова можно судить по тому, что когда онъ умеръ, то одной серебряной поеуды осталось 60 пудовъ и денегъ 600,000 руб. Хотя это было на ассигнаціи, но въ то время подобная сумма равнялась нынѣшнему милліону. Ивану Ивановичу кромѣ того принадлежало нѣскольکو имѣній въ разныхъ губерніяхъ: въ Орловской, Курской, Калужской и Тульской ¹⁾); однимъ словомъ, если бы выставлятъ подставы въ его имѣніяхъ отъ города Жиздры чрезъ городъ Чернь до Курска, то по нимъ можно было бы проѣхать, какъ по станціямъ. Откуда взялись у него такія богатства—я не знаю. Говорятъ, что въ старыхъ записяхъ, хранящихся въ с. Спасскомъ, и по сіе время есть записки Ивана Ивановича Лутовинова въ такомъ родѣ: мѣдныхъ кулей столько-то, серебряныхъ столько-то и общій итогъ такой-то.

Иванъ Ивановичъ не любилъ свою племянницу Варвару Петровну. Причину такихъ отношеній между дядей и племянницей я тоже не берусь объяснить, потому что Варвара Петровна объ этомъ никогда ничего не говорила сама, кромѣ же ея никто не могъ знать истинной причины ихъ несогласія, могу лишь удостовѣрить только тотъ фактъ, что антипатія дяди къ племянницѣ возросла до такой степени, что Иванъ Ивановичъ выгналъ Варвару Петровну изъ своего дома, и намѣревался на другой же день по ея отсылкѣ ѣхать въ городъ для написанія духовной въ пользу своей сестры, но Богъ судилъ иначе: наканунѣ своего отъѣзда въ городъ, Иванъ Ивановичъ приказалъ своему чтецу, конечно изъ своихъ крѣпостныхъ, почитать и во время чтенія потянулся за табакеркой (онъ нюхалъ табакъ) — потянулся... да такъ и остался мертвымъ отъ разрыва сердца.

Конечно, сейчасъ былъ посланъ гонецъ за Варварой Петровной, который догналъ ее и доложилъ о случившемся. Она немедленно вернулась, приняла мѣры къ охраненію имущества, затѣмъ предъявила права свои на наслѣдство по закону и, хотя женщина, но, какъ ближайшая наслѣдница по мужской линіи, вступила въ обладаніе всѣмъ безъ изъятія богатствомъ умершаго дяди. При описи и оцѣнкѣ всего имущества былъ, въ качествѣ засѣдателя, мой родной дядя, Александръ Никитичъ Чапкинъ, который мнѣ и раз-

---

¹⁾ Тульской губерніи Ефремовскаго уѣзда: 1) Любовини, 2) Хмѣлева, 3) Новоселово, 4) Яблоново, 5) Медвѣдка, 6) Кадново и 7) Сидново. Чернскаго уѣзда: 1) Кольна, 2) Стекланная слобода и 3) село Тургенево. Калужской губерніи, Жиздринскаго уѣзда: 1) Козаки. Козельскаго: 1) Долгое. Курской губерніи, Курскаго уѣзда: 1) Семеновка. Орловской губерніи, Малоархангельскаго уѣзда: 1) село Топки. Мценскаго: 1) село Спасское, 2) Сомово, 3) Сычи, 4) Долгово, 5) Столбецкое.

сказывалъ о жизни Ивана Ивановича Лутовинова. Сказанное имъ подтверждается въ «Запискахъ Охотника» разсказами однодворца Овсянникова.

Варвара Петровна была не красива собой, не большого роста, немного сутуловатая, имѣла длинный и вмѣстѣ съ тѣмъ широкой носъ, съ глубокими порами на кожѣ, отчего онъ казался какъ бы немного изрытымъ; подъ старость носъ получилъ синеву. Глаза у нея были черные, злые, непріятные, лицо смуглое, волосы черные; она имѣла осанку гордую, надмѣнную, поступь величавую, тяжелую. Ее ни чему не учили. Читала она плохо, а писала — еще хуже. Характеръ у нея былъ въ полномъ смыслѣ деспотическій, о чемъ я поговорю ниже, а теперь разскажу о ея замужествѣ.

Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ былъ сынъ дворянина, имѣваго 140 душъ при селѣ Тургеневѣ. Служилъ онъ въ гусарахъ, былъ ремонтеромъ и пріѣхалъ къ Варварѣ Петровнѣ купить лошадей изъ ея завода. Онъ былъ молодъ, красивъ, ловокъ, почему и понравился хозяйкѣ. Въ разговорѣ съ нимъ, Варвара Петровна, мѣшая дѣло съ бездѣльемъ, предложила ему сыграть въ карты съ условіемъ, что тотъ изъ нихъ, кто выиграетъ, можетъ по желанію назначить выигрышъ. Выигралъ Сергѣй Николаевичъ и, воспользовавшись случаемъ, просилъ ея руки. Она не отказала. Въ слѣдующее его посѣщеніе онъ тоже выигралъ и просилъ назначить день свадьбы. Свадьба состоялась. Спустя нѣкоторое время, Сергѣй Николаевичъ, чтобъ придать женѣ хотя какой нибудь лоскъ, поѣхалъ съ нею въ Парижъ, гдѣ онъ, такъ сказать, ее нафранцузилъ.

Пишущая эти строки познакомилась съ Варварой Петровной въ 1836 году. Я жила съ отцомъ въ пяти верстахъ отъ Спасскаго; часто бывала у Варвары Петровны въ старомъ домѣ, гдѣ всегда гостило много дѣвицъ. Избранными моими подругами были Елизавета Ивановна Дунаевская, по замужеству княгиня Кутушева, затѣмъ дѣвица Лаврова и дѣвица Анна Яковлевна Шварцъ, впоследствии вышедшая замужъ за старшаго сына Варвары Петровны, Николая Сергѣевича, противъ ея воли. Варвара Петровна, какъ я уже сказала, меня очень любила, многое разсказывала мнѣ изъ своей жизни. Разъ даже взяла съ меня едва ли не клятвенное обѣщаніе, чтобы я не вѣнчалась въ пятницу, такъ какъ будто бы этотъ день предвѣщаетъ несчастіе въ супружеской жизни.

— Я это испытала на себѣ, прибавила она, вѣнчалась я въ пятницу, и что-жъ! мой мужъ былъ болѣнъ въ теченіи послѣднихъ 10-ти лѣтъ моего замужества; то были 10 лѣтъ никому неизвѣстныхъ моихъ душевныхъ страданій.

Она разсказывала эпизоды изъ ея лучшихъ дней, о ея веселомъ житьѣ-бытьѣ въ Парижѣ, о сватовствѣ съ своимъ мужемъ, о надеждахъ на блестящую будущность и литературную извѣст-

ность Ивана Сергѣевича, который тогда былъ студентомъ Берлинскаго университета и началъ помѣщать свои статьи, кажется, въ «Современникѣ». Въ знакъ расположенія, она подарила мнѣ на память два парадныхъ платья изъ tulle illusion, украшенныя бу-сами ¹⁾. Отъ этихъ платьевъ у меня и по настоящее время хранится нѣсколько букетовъ.

Какъ она кичилась своимъ богатствомъ, можетъ дать понятіе нижеслѣдующій случай: когда выходила за-мужъ, кажется, великая княжна Марія Николаевна, въ газетахъ, между прочимъ, было сказано, что за ней дается въ приданое миллионъ деньгами.

— Что за богатство? презрительно замѣтила Варвара Петровна. — И за моимъ Иваномъ будетъ миллионъ.

Разсказывая, что когда пріѣхала въ Россію знаменитая танцовщица Таліони, то въ первыя ея представленія за ложу въ бельэтажѣ платили по 300 руб., но съ возвращеніемъ изъ-заграницы покойнаго государя, Николая Павловича, цѣны мѣстамъ сдѣлались обыкновенныя, Варвара Петровна прибавила:

— Это было невыносимо, никто тогда не могъ замѣтить разности положенія между публикою.

Варвара Петровна осталась вдовой. Я уже сказала, что характера она была деспотическаго. Въ домашней обстановкѣ своей она старалась подражать коронованнымъ особамъ; такъ, крѣпостные люди ея, исполнявшіе ту или другую обязанность при ней, назывались не только придворными званіями, но даже фамиліями тѣхъ министровъ, которые занимали соотвѣтствующія должности при высочайшемъ дворѣ, такъ, напримѣръ, дворецкій звался министромъ двора, и ему была придана фамилія тогдашняго шефа жандармовъ, генерала Бенкендорфа. Мальчикъ, лѣтъ 14, завѣдывавшій съ нѣсколькими помощниками полученіемъ и отправкою писемъ и газетъ, назывался министромъ почтъ. Эти два министра болѣе другихъ врѣзались въ моей памяти, такъ какъ съ ними, по ихъ положенію въ ея домѣ, я встрѣчалась чаще, чѣмъ съ другими.

Безъ инициативы со стороны самой Варвары Петровны съ ней никто не смѣлъ заговорить. Напримѣръ, министръ ея двора являлся съ докладомъ, останавливался у дверей и ждалъ разрѣшительнаго знака говорить, и если этого знака Варвара Петровна минуты съ двѣ не подавала, то это значило, что доклада она въ то время выслушивать не желала, и министръ ретировался.

Приходъ почты возвѣщалъ большой колоколъ ²⁾. Почталіоны

¹⁾ Въ этихъ платьяхъ она была на балахъ въ Парижѣ.

²⁾ Этотъ колоколъ и до сихъ поръ цѣлъ. Когда Иванъ Сергѣевичъ былъ въ послѣдній разъ въ селѣ Спаскомъ, по звуку его собирались всѣ гости въ домъ или для обѣда, или къ чаю, завтраку.

съ колокольчиками бѣгали по корридорамъ обширнаго дома, а министръ почтъ, одѣтый по формѣ, преподносилъ на серебряномъ подносѣ газеты и письма, адресованныя на имя Варвары Петровны. Присутствовавшія изъ насъ, молодыхъ дѣвушекъ, замѣняли ей секретарей и читали вслухъ указанное ею. Если письма были ей пріятны—мы ликовали; но если выходило обратно, то всѣ живущіе, притаивъ дыханіе, оставались безмолвными, а я уѣзжала домой.

Однажды, Варвара Петровна ходила въ раздумьѣ по комнатѣ. Въ эту минуту въ дверяхъ показался ея управляющій, полковникъ Бакунинъ.

— Варвара Петровна, сказалъ онъ, Сычи ²⁾ сгорѣли.

Она не обратила вниманія на его слова.

— Варвара Петровна, Сычи сгорѣли.

Она молчала.

— Сычи сгорѣли, повторилъ онъ еще разъ, сдѣлавъ къ ней шагъ впередъ.

Она быстро повернулась къ нему и дала ему пощечину, закричавъ:

— Какъ вы смѣли мнѣ мѣшать. Вы знаете гдѣ я была? Я была въ Парижѣ!..

Помню и другой случай. Во время второй холеры, въ газетахъ утверждали, что зараза носилась въ воздухѣ, будто бы наполненномъ ядовитыми микроскопическими мошками. Люди, глотая ихъ, заражались.

— Николай Николаевичъ, сказала Варвара Петровна своему деверю (братъ ея мужа), бывшему въ то время у нея главнымъ управляющимъ, устрой для меня нѣчто такое, чтобы я, гуляя, могла видѣть всѣ окружающіе меня предметы, но не глотала бы зараженнаго воздуха.

Для нее сдѣлали носилки съ стекляннымъ колпакомъ въ видѣ не то кареты, не то — кіоты. Она тамъ сидѣла въ мягкихъ креслахъ, и ее носили. Оставшись очень довольна своимъ ручнымъ экипажемъ, она подарила, за мастерскую работу его, столяру золотой.

Всѣмъ извѣстно, что у насъ на Руси въ кіотахъ носятъ только иконы. Одинъ благочестивый мужичекъ, имѣвшій при себѣ грошъ, встрѣтился однажды съ оригинальными носилками и, принявъ ихъ за кіотъ, въ которомъ несли образа, сдѣлалъ земной поклонъ и подаль грошъ, прибавивъ: на свѣчку. Взрывъ гнѣва Варвары Петровны не имѣлъ границъ. Она приказала немедленно сослать на поселеніе столяра, который дѣлалъ носилки и котораго она раньше наградила золотымъ. Она приняла выходку мужичка за насмѣшку.

²⁾ Это было ея имѣніе душъ въ 400.

Мелкое чиновничество Варвара Петровна не считала за людей. Такъ, однажды, ей доложили о приѣздѣ становаго въ то время, когда она брала ванну. Она немедленно велѣла позвать его къ себѣ. Когда становой, по естественному чувству, остановился сконфуженный, увидѣвъ чрезъ полурастворенную, камеръ-фрейлиною, дверь Варвару Петровну въ видѣ Сусанны, она на него прикрикнула:

— Да ну! Иди что ли! Что ты для меня? Мущина, что ли?

Разъ, она приѣхала въ село Сычи, гдѣ былъ гремучій колодезь, названный такъ потому, что струя воды была изъ каменной горы на столько сильно, что двигала одинъ поставъ и затѣмъ падала на нѣкоторомъ разстояніи отъ земли, чѣмъ производила шумъ, слышанный иногда на зарѣ верстъ за пять. Шумъ этого колодца помѣшалъ ей спать. Она призвала бурмистра (старосту) и приказала законопатить колодезь. Бурмистръ, зная, что въ случаѣ неудачи въ инженерномъ искусствѣ ему жутко придется, вторично пошелъ къ ней для дальнѣйшихъ приказаній. Варвара Петровна ходила по комнатамъ.

— Матушка, Варвара Петровна, позволь тебѣ доложить...

Варвара Петровна взяла со стола свою табакерку и пошла въ другія комнаты, а бурмистръ отдалъ обычный земной поклонъ уже ей пяткамъ.

Боясь барскаго гнѣва, доморощенные инженеры какъ-то ухитрились законопатить колодезь, который нашелъ себѣ путь ниже бывшаго жерла и посейчасъ, но уже мирно и тихо, течетъ въ ровень съ землею.

Вотъ уже 42 года, какъ я вышла замужъ и разсталась съ Варварой Петровной; но мнѣ и теперь пріятно вспомнить, что намъ, ея «секретарямъ» посчастливилось разъ—и только одинъ разъ—безъ инициативы со стороны Варвары Петровны высказать ей наше желаніе и получить удовлетвореніе.

Варвара Петровна имѣла поваромъ француза. Всѣ кушанья были изящныя, очень вкусны и всегда подавались на серебрѣ. Но французскій обѣдъ не совсѣмъ удовлетворялъ наши молодые желудки. Нагулявшись по парку вдоволь, мы нерѣдко вспоминали о простыхъ и любимыхъ, какъ моихъ, такъ и моихъ подругъ, кушаньяхъ; въ особенности мы любили бараній бокъ, начиненный грешневою кашей и печенкой, приготовляемый очень вкусно поваромъ моего отца. Подмѣтивъ веселое настроеніе духа Варвары Петровны, мы всѣ попросили ее приказать французскому повару приготовить бараній бокъ, начиненный грешневою кашей.

— Послать повара! приказала она.

Явился французъ, изысканно одѣтый. Его колпакъ и бѣлый фартукъ были снѣжной бѣлизны.

— Сдѣлай намъ бараній бокъ и начини его кашей, сказала Варвара Петровна.

— Не могу и не стану готовить, отозвался французъ.

Она гнѣвно повела бровями.

— Почему?

— У насъ, въ Парижѣ такимъ кушаньемъ собакъ кормятъ.

Она громко разсмѣялась, но на другой день все-таки бокъ былъ подавъ, хотя и приготовленный на французскій манеръ.

Съ сыновьями своими Варвара Петровна обращалась весьма сурово. Сыновья ея были: Николай Сергѣевичъ—старшій; онъ служилъ въ гвардейской конной артиллеріи прапорщикомъ. Иванъ Сергѣевичъ—младшій сынъ былъ студентъ. Они не смѣли являться къ ней во всякое время и по своему желанію, даже послѣ долгой разлуки, напримѣръ изъ-за границы. Объ нихъ, также какъ и о всѣхъ, докладывалъ ей министръ двора. Если она произносила «знаю», то это означало, чтобы уже далѣе не было рѣчи и—родному сыну приходилось ждать приѣма.

Для большей характеристики отношеній Варвары Петровны къ сыновьямъ, расскажу подробнѣе ея отношенія къ старшему сыну Николаю Сергѣевичу, которыя я больше знала, нежели ея отношенія къ Ивану Сергѣевичу, потому что Анна Яковлевна Шварцъ, вышедшая потомъ замужъ за Николая Сергѣевича, была моей подругой въ дѣтствѣ. Женитьба на ней Николая Сергѣевича совершилась помимо согласія его матери; неудовольствіе свое за это Варвара Петровна выразила прекращеніемъ содержанія Николаю Сергѣевичу, который и поселился съ женою въ имѣніи своего умершаго отца въ селѣ Тургеневѣ. Права на это имѣніе имѣла и Варвара Петровна, какъ вдова; но, однако, вѣсть объ этомъ водвореніи она встрѣтила молчаніемъ.

Бѣдно жилось Николаю Сергѣевичу въ деревянномъ, низенькомъ крытомъ соломой домикѣ давно умершаго своего дѣдушки. Этотъ домъ впослѣдствіи былъ обращенъ въ баню и прачешную. Сдѣлавшись отцомъ, Николай Сергѣевичъ явился къ Варварѣ Петровнѣ поздравить ее бабушкой, думая, что явленіемъ на свѣтъ внука, во всякой другой семьѣ явленіемъ радостнымъ, онъ умячитъ сердце своей матери и попросилъ себѣ выдѣла изъ обладаемаго ею имуществва. Не задумавшись, Варвара Петровна объявила, что въ наступающее воскресенье, отслушавъ обѣдню въ церкви села Тургенево, она будетъ пить у него чай, причемъ выразить свою волю окончательно. Въ назначенный день, какъ только показалась на горизонтѣ, версты за три до деревни, ея карета, по заведенному обычаю, раздался первый ударъ церковнаго колокола, призывающаго къ обѣднѣ, и вся барщина въ праздничныхъ нарядахъ пошла ей на встрѣчу, выпрягла лошадей и на себѣ повезла карету къ церковной паперти. Анна Яковлевна по болѣзни не могла встрѣтить свою свекровь и поджидала ее дома къ чаю. Варвара Петровна послѣ обѣдни пришла въ домъ, мелькомъ взглянула на внука и,

во все время своего посѣщенія, ни слова не сказала о цѣли своего прїѣзда. Сынъ же не смѣлъ начать разговоръ. Уже усѣвшись въ карету, Варвара Петровна, какъ будто только вспомнивъ о просьбѣ сына, вынула изъ своего ридикюля вчетверо сложенный листъ бумаги, по виду дѣловой, и, передавая сыну, который усаживалъ ее въ карету, сказала:

— Вотъ здѣсь ты найдешь все, что я нашла нужнымъ сдѣлать.

Николай Сергѣевичъ разсыпался въ благодарностяхъ и бросился цѣловать руки матери. Когда Варвара Петровна уѣхала, Николай Сергѣевичъ, весь сияющій отъ радости, побѣжалъ къ своей женѣ объявить о милости матери; но, развернувъ листъ, долженствовавшій по его мнѣнію измѣнить весь строй его жизни, остолбенѣлъ!!! Въ его рукахъ трепеталъ листъ писчей бумаги и на немъ ни слова!

Вскорѣ послѣ этого Николай Сергѣевичъ уѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ на службу переводчикомъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, а жена его давала уроки на фортепiano. Варвара Петровна нисколько не измѣняла своихъ отношеній къ сыну и лишь только передъ кончиной, чувствуя приближеніе смерти, эстафетою вызвала его изъ Петербурга. Онъ прискакалъ на курьерскихъ и, когда объ немъ доложили Варварѣ Петровнѣ, то она отвѣтила свое: «знаю». Она дождалась времени, когда долженъ былъ разрѣшиться ея желудокъ, заняла соответственное мѣсто и, сидя на немъ, приняла Николая Сергѣевича.

— Николай! сказала она,—я убѣдилась, что твоя жена достойна занять мое мѣсто (какое?).—Я выслала тебѣ въ Петербургъ чемоданъ и если ты найдешь тамъ образъ, то значить я тебя благословляю; если же нѣтъ—ну такъ и будетъ.

Полетѣлъ Николай Сергѣевичъ обратно въ Петербургъ за чемоданомъ. Образъ нашелъ и опять поскакалъ на курьерскихъ благодарить мамашу, но засталъ ее уже мертвою. Извѣстіе о кончинѣ ея, посланное съ эстафетой, не успѣло предупредить его въ Петербургѣ.

Для характеристики Варвары Петровны, разскажу еще два случая.

Любимымъ занятіемъ ея было пчеловодство и разведеніе дворовой птицы. Въ извѣстный часъ она выходила ихъ кормить, и всѣ пернатые сбѣгались къ ней по колокольчику. На эту приманку налетало также много воронъ. Одинъ разъ, казачекъ, присутствовавшій при кормленіи, принялся усиленно отгонять ихъ.

— Зачѣмъ ты гонишь ихъ? спросила она его.

— Затѣмъ, отвѣтилъ смѣтливый мальчикъ,—что это вороны не наши, а гг. Завадскихъ.

За такой отвѣтъ Варвара Петровна дала ему свободу.

Разъ, сидя подъ окномъ, Варвара Петровна увидѣла индюка, гнавшаго ея любимаго русскаго пѣтуха, у котораго голова была до крови продолблена.

— Бенкендорфъ! крикнула она.

Министръ двора явился у дверей.

— Смотри! она показала рукой по направленію къ окну.—Ви-дишь?

Онъ молча поклонился.

— Казнить озорника достойнымъ образомъ.

Министръ немедленно вырылъ тутъ же на дворѣ яму, и бѣднаго индюка-забіяку зарыли живаго въ землю.

Это мнѣ передавалъ бывший управляющій Варвары Петровны, Николай Федоровичъ Туляниновъ.

Въ воспоминаніяхъ о Тургеневѣ г. Берга, напечатанныхъ въ ноябрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго, 1883 года, между прочимъ, рассказывается о связи Ивана Сергѣевича съ крѣпостной дѣвушкой, которая родила ему дочь. Г. Бергъ говоритъ, что это была горничная кухни Тургенева, по имени Θεоктиста. Влюбившись въ нее, Тургеневъ, по тогдашнему обычаю, будто бы купилъ ее за 700 руб. и отправилъ въ свою деревню, куда вскорѣ и самъ пріѣхалъ. Плача, Θεоктиста покорилась своему року и скоро надѣла барину. Когда она родила дочь, Тургеневъ уѣхалъ за границу, а потомъ выписалъ дочь и отдалъ ее на воспитаніе г-жѣ Віардо.

Это было не такъ.

Система обращенія, принятая Варварой Петровной относительно всѣхъ лицъ, ее окружавшихъ, не исключая и сыновей, не допускаетъ мысли, чтобы Иванъ Сергѣевичъ рѣшился позволить себѣ помѣстить въ имѣніяхъ своей матери Θεоктисту, или какуюнибудь другую дѣвушку, и продолжать съ ней открытую связь при жизни Варвары Петровны.

Обманутая надеждой на блестящую партію старшаго сына, Варвара Петровна отдалась мечтѣ о блестящей партіи для Ивана Сергѣевича и поэтому ревностно охраняла его холостое положеніе.

Когда на Петербургской оперной сценѣ появилась блестящей звѣздой пѣвица Полина Віардо-Гарсія и Иванъ Сергѣевичъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ восторженныхъ ея поклонниковъ, то Варвара Петровна принимала это поклоненіе за увлеченіе выдающимся талантомъ Віардо. Она была вполне увѣрена, что тутъ истинной любви и серьезныхъ отъ нея послѣдствій, всѣмъ теперь извѣстныхъ, не было и не будетъ.

Въ сороковыхъ годахъ, больная Варвара Петровна переѣхала въ Москву въ свой домъ на Остоженкѣ; сюда Иванъ Сергѣевичъ пріѣзжалъ изъ-за границы на побывку и, признаться, не столько для свиданія съ матерью, сколько за полученіемъ субсидій.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній, смазливая швейка, нѣмка, принесла Варварѣ Петровнѣ работу. Съ ней случайно разговорился Иванъ Сергѣевичъ, она ему понравилась и онъ предложилъ ей свои

ласки, которыя и были приняты. Послѣ этого, Иванъ Сергѣевичъ вскорѣ уѣхалъ за границу, не подозрѣвая, что въ Россіи оставляетъ свою дочь.

Прошло много времени. Дѣвочка была представлена Варварѣ Петровнѣ, которая, по ея поразительному сходству съ Иваномъ Сергѣевичемъ, признала ее за дочь его. Она вызвала Ивана Сергѣевича изъ-за границы и, при свиданіи, протягивая одну руку для поцѣлуя, а другою указывая на дѣвочку, букою высматривавшею изъ подъ стола стѣннаго зеркала, спросила:

— Эта твоя!!

Послѣ секунднаго размышленія, Иванъ Сергѣевичъ отвѣчалъ:

— Если родная мать говорить мнѣ, что моя — значить моя.

— Отвези ее въ Парижъ — тамъ всѣ граждане. Позаботься о ея воспитаніи, посоветовала она ему.

Я увѣрена, что поступить такъ было всего удобнѣе въ видахъ самой Варвары Петровны потому, что съ удаленіемъ этого ребенка за границу, удалялась возможность помѣхи для той блестящей партіи, о которой она мечтала для Ивана Сергѣевича.

Но не такъ легко, какъ она думала, отнестя къ своей обязанности отца, самъ Иванъ Сергѣевичъ. Извѣстно, что онъ былъ прекраснымъ отцемъ во всю свою жизнь, далъ дѣвочкѣ хорошее воспитаніе, а по окончаніи ученья помѣстилъ ее возлѣ себя, у Віардо, въ семьѣ которой уже жилъ самъ. Потомъ онъ выдалъ ее за мужъ, давъ въ приданое нѣсколько тысячъ франковъ. Варвары Петровны въ это время уже не было въ живыхъ.

Иванъ Сергѣевичъ не скрывалъ, что онъ былъ отецъ. Лѣтъ шесть тому назадъ онъ былъ у моего брата по поводу отдачи ему въ аренду села Спасскаго. Мы невольно коснулись давно прошедшаго и Иванъ Сергѣевичъ между прочимъ сказалъ:

— Много употребилъ я времени, чтобы разгадать сердце женщины, много писалъ, и думалъ, что вѣрно опредѣлю женское чувство, но когда на дѣлѣ пришлось провѣрить свою опытность, то убѣдился, что далеко не достигъ желанной цѣли. Дочь моя одно время стала скучать, хирѣть и, видимо, страдала. Я никакъ не угадывалъ причины. Наконецъ, она сама призналась, что влюблена въ одного изъ учителей того пансіона, въ которомъ воспитывалась. Я обратился къ молодому человѣку, но онъ отвѣчалъ: «Mademoiselle est charmante mais!.. но я не разстанусь съ своей свободой». — Теперь она замужемъ, прибавилъ онъ.

На хуторѣ, называемомъ Петровскомъ, въ верстѣ отъ Спасскаго, жила дѣйствительно Θεоктиста Петрова, но особа свободная, дѣтей у нея никогда не было. Иванъ Сергѣевичъ никогда не пользовался вассальными правами въ отношеніи своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, что подтверждаютъ всѣ оставшіеся въ живыхъ его современники, бывшіе тогда его крѣпостными. Я и по сейчасъ живу

въ 5 верстахъ отъ Спасскаго и въ 7 — отъ села Тургенева. Въ первомъ живъ еще бывший его крѣпостной, Захаръ Кривой, служившій Ивану Сергѣевичу съ юныхъ лѣтъ включительно до его послѣдняго посѣщенія родины. Нынѣ, говоря языкомъ Варвары Петровны, Захаръ называется «архивариусомъ» оставшагося въ старомъ домѣ имущества. Онъ помнитъ все о старомъ домѣ и образѣ жизни Ивана Сергѣевича.

Въ селѣ Тургеневѣ живетъ Иванъ Михайловъ Кубышкинъ также долго служившій у Ивана Сергѣевича лакеемъ. Съ нимъ-то, въ юности, Иванъ Сергѣевичъ, заслышавъ въ деревнѣ гѣсни, исчезалъ изъ дома въ орѣховые кусты, густо росшіе въ то время между сараемъ и деревней, близъ которыхъ деревенскія дѣвушки водили хороводъ.

Тамъ Иванъ Сергѣевичъ ложился ничкомъ, подслушивалъ и записывалъ слова гѣсенъ. Тамъ иногда удавалось ему быть свидѣтелемъ сценъ, которыя онъ помѣщалъ впослѣдствіи въ своихъ сочиненіяхъ. Но далѣе этого Иванъ Сергѣевичъ никогда не заходилъ въ своихъ отношеніяхъ къ крѣпостнымъ дѣвушкамъ.

Какъ вообще обращался Иванъ Сергѣевичъ съ людьми, хотя и крѣпостными, но достойными, покажетъ слѣдующій разсказъ.

Здѣсь все помнятъ уже умершаго теперь Порфирія Тимофѣевича Кондрашева. Этотъ Порфирій былъ данъ Варварой Петровной въ услуженіе Ивану Сергѣевичу тогда, когда онъ былъ студентомъ за границей. Когда Иванъ Сергѣевичъ уходилъ на лекціи, Порфирій убравши квартиру, самъ тоже уходилъ на лекціи. Обѣдалъ Порфирій вмѣстѣ съ своимъ бариномъ, который съ нимъ разсуждалъ, какъ съ равнымъ себѣ. Разница только и была въ томъ, что баринъ Порфирію говорилъ «ты», а Порфирій барину — «вы». Разъ они, будучи въ Спасскомъ, возились какъ друзья. Вдругъ въ ихъ комнату вошла Варвара Петровна въ ту самую минуту, когда подушка, пущенная Порфиріемъ, летѣла въ Ивана Сергѣевича. Варвара Петровна приказала тотчасъ же высѣчь Порфирія. Никакія заступничества Ивана Сергѣевича не помогли. Когда Иванъ Сергѣевичъ кончилъ курсъ въ университетѣ, то Порфирій сперва былъ фельдшеромъ въ имѣніи Варвары Петровны, а потомъ, получивъ дипломъ зубнаго врача и послѣ смерти Варвары Петровны «вольную», служилъ земскимъ докторомъ въ Мценскомъ уѣздѣ.

Кстати, отмѣчу еще одну особенность характера Ивана Сергѣевича. Если случалось, что его глубоко огорчали, то у него на глазахъ навертывались слезы и онъ тотчасъ уходилъ въ свой кабинетъ, гдѣ оставался до тѣхъ поръ, пока совершенно не успокоится. Весьма понятно, откуда у него выработался исключительный въ то время взглядъ на среду, въ которой онъ вращался въ Россіи. Онъ былъ студентомъ берлинскаго университета и слушалъ

лекціи многихъ тогдашнихъ германскихъ знаменитостей, проповѣдывавшихъ либерализмъ и свободу; живя въ Германіи, среди свободнаго по сравненію съ Россіей народа, онъ невольно долженъ былъ поражаться контрастомъ, пріѣзжая въ Россію, гдѣ надъ всѣмъ окружающимъ властвовало сумазбродство, даже не одной его матери, основанное на крѣпостничествѣ. Какъ же онъ могъ придти къ другой оцѣнкѣ крѣпостныхъ цѣпей?

Когда Иванъ Сергѣевичъ пріѣзжалъ на каникулы къ матери, то старался всячески убѣгать изъ дому на охоту всѣхъ родовъ, служившую для него не столько развлеченіемъ, сколько средствомъ для близкаго знакомства съ народнымъ бытомъ, изученіе котораго въ то время считалось неблагоприятнымъ. Обычными спутниками его на охотѣ были двое моихъ двоюродныхъ дядей, Павелъ и Петръ Ивановичи Черемисиновы, и двое его крѣпостныхъ людей, Аванасій Ивановъ и Александръ Ивановъ.

Многіе винятъ Ивана Сергѣевича за то, что онъ будто бы не любилъ своей родины, приводя въ подтвержденіе его постоянное пребываніе за границей. Но могъ ли Иванъ Сергѣевичъ поступить иначе, обладая такимъ умомъ и сердцемъ, какимъ надѣлила его природа. Однимъ почеркомъ пера Царя Освободителя Россія не могла же вдругъ сбросить съ себя вѣками привитые ей нравы и обычаи, которые вполнѣ были изучены Иваномъ Сергѣевичемъ. При существованіи тогда, да отчасти существующихъ и теперь, условіяхъ, жить Ивану Сергѣевичу гдѣ бы-то ни было въ Россіи и ежедневно и ежечасно видѣть и слышать по всюду плачь и скрежетъ о старыхъ порядкахъ естественно было выше силъ его. Но живя за границей, онъ внимательно слѣдилъ за общественнымъ движеніемъ въ Россіи и, изрѣдка посѣщая родину, провѣрялъ свои наблюденія и впечатлѣнія. Его «Новь», лучше всего подтверждаетъ мои слова.

О. Аргамакова.

ПУШКИНСКАЯ „ГРЕЧАНКА“.

КИШИНЕВСКИЙ мировой судья, Х. С. Кировъ, доставилъ намъ, въ переводѣ, небольшой рассказъ молдавскаго писателя Негруци, подъ заглавіемъ «Калипсо» при слѣдующемъ письмѣ:

«Почтенный собиратель Кишиневской старины, Л. С. Мацѣвичъ, въ своемъ очеркѣ «Пушкинъ въ Кишиневѣ», напечатанномъ въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1883 года, № 5, обратился ко всѣмъ старожиламъ Кишинева съ просьбой сообщить ему все то, что имъ извѣстно о пребываніи Пушкина въ этомъ городѣ. Прочитавъ это обращеніе, я вспомнилъ, что еще въ дѣтствѣ переводилъ въ классѣ (до 1863 г. въ Кишиневской гимназіи преподавался молдавскій языкъ, какъ предметъ необязательный), отрывокъ изъ сочиненій извѣстнаго молдавскаго писателя 50-хъ годовъ, К. Негруци, подъ названіемъ «Калипсо», касающійся Пушкина и времени пребыванія его въ Кишиневѣ. Отрывокъ этотъ помѣщенъ въ сборникѣ сочиненій Негруци, изданномъ въ 1857 году, подъ заглавіемъ «Racatele Fineretilorî» (Грѣхи юности), составляющемъ нынѣ библиографическую рѣдкость. Отыскавъ только теперь, съ большимъ трудомъ, эту рѣдкость, я счелъ не лишнимъ передать отрывокъ «Калипсо» цѣликомъ, въ буквальномъ переводѣ, такъ какъ, насколько мнѣ помнится, онъ еще не появлялся въ русской печати».

Съ удовольствіемъ помѣщая присланный намъ г. Кировымъ переводъ, предпосылаемъ ему нѣсколько библиографическихъ примѣчаній.

Негруци, очевидно, не зналъ, что Пушкинъ посвятилъ героинѣ его рассказа «Калипсо» цѣлое стихотвореніе подъ заглавіемъ «Гречанка» начинающееся такъ:

«Ты рождена воспламенить
 Воображеніе поэтовъ,
 Его тревожить и плѣнять
 Любовной живостью привѣтовъ,
 Восточной страстностью рѣчей,
 Блистаньемъ зеркальныхъ очей
 И этой ножкою нескромной;
 Ты рождена для нѣги томной
 Для упоенія страстей»¹⁾.

.....
 .....

Пушкинъ въ своихъ «Запискахъ» называетъ Калипсо «прекрасной». Негруци въ своей статьѣ говоритъ также, что она была «ангельской красоты». Между тѣмъ, по словамъ Липранди, эта гречанка, — Калипсо Поликрони, — бѣжавшая изъ Константинополя въ Одессу, а съ половины 1821 года поселившаяся въ Кишиневъ, была некрасива: маленькаго роста, съ едва замѣтной грудью, длиннымъ, сухимъ и нарумяненнымъ лицомъ, съ огромнымъ носомъ и огромными глазами; по мнѣнію Липранди, она едва ли была предметомъ любви Пушкина, можетъ быть увлекавшася только рассказами, будто Калипсо была возлюбленной Байрона, о чемъ и говорится въ стихотвореніи «Гречанка» (См. примѣч. П. А. Ефремова на стр. 549 перваго тома «Сочиненій Пушкина». Изд. 1883 г.).

Негруци увѣряетъ, что извѣстное стихотвореніе Пушкина «Черная шаль» написано поэтомъ подъ влияніемъ знакомства съ Калипсо, а г. Ефремовъ въ примѣчаніи къ этому стихотворенію (стр. 563, перваго тома «Сочиненій Пушкина» изд. 1883 г.) приводитъ мнѣніе, что основою для «Черной шали» послужила пѣсня молодой молдаванки Маріулы, прислуживавшей въ одной изъ Кишиневскихъ ресторацій, часто посѣщаемой Пушкинымъ.

Чьи показанія достовѣрнѣе, мы рѣшать не беремся.

Калипсо.

(Письмо къ другу).

Ты знаешь, милый другъ, что въ 1821 году началось возстаніе въ Греціи и что началомъ этого возстанія слѣдуетъ считать предшествующія ему волненія въ Яссахъ. Подобно всѣмъ революціямъ, и наша сопровождалась грабежами и разореніемъ имущества гражданъ, да оно и понятно, такъ какъ всегда на ряду съ истинными патриотами являются темныя личности, пользующіяся случаемъ нажиться, благодаря волненіямъ.

¹⁾ Сочиненія Пушкина. Изд. 3-е. СПб. 1883. Часть I, стр. 412.

Послѣ разоренія Драгонешть и Скулянь, большинство людей состоятельныхъ бросило свою страну и, оставивъ имѣнія на произволъ судьбы, разбѣжалось, кто куда могъ. Яссы опустѣли. Горожане переселились въ Буковину и Бессарабію, гдѣ нашли временное убѣжище.

Мы съ отцомъ поселились сначала въ Хотинѣ, гдѣ провели всю зиму, а затѣмъ, весной 1822 года, переѣхали въ Кишиневъ, чтобы встрѣтиться съ родными и друзьями, такими же бѣглецами, какъ и мы. Обыкновенно пустой и сонный, Кишиневъ въ это время сталъ неузнаваемъ:—это былъ городъ полный жизни и шума. Онъ былъ переполненъ людьми, которые жили лишь сегодняшнимъ днемъ, которые не знали даже увидятъ-ли вновь когда либо свои заброшенные очаги. Эти несчастные, довольные тѣмъ, что спасли свою жизнь, потеряли было надежду видѣть свои дома, иначе, какъ въ развалинахъ, и, не имѣя дѣла, рѣшились заглушить свои чувства въ разгулѣ и пріятномъ времяпровожденіи, такъ какъ, на худой конецъ, веселье все-таки способствовало и тому, чтобы забыть свое несчастіе. Поэтому, ежедневно въ Кишиневѣ устраивались: балы, обѣды, увеселительныя поѣздки, концерты, назначались любовныя свиданья и т. д.

Изъ всей этой массы эмигрантовъ и мѣстныхъ жителей, два лица обратили особенное мое вниманіе и произвели на меня неизгладимое впечатлѣніе. Это были: молодой человекъ, средняго роста, въ красной фескѣ на головѣ, и молодая дѣвушка, высокаго роста, завернутая въ черную шаль. Эту пару можно было встрѣтить каждый день въ городскомъ саду. Молодой человекъ былъ А. Пушкинъ, этотъ Байронъ Россіи, котораго впоследствии постигла трагическая участь; дѣвушка же въ черной шали — куртизанка, эмигрировавшая изъ Яссы, по имени «Калипсо». Ее всѣ называли тогда—красавицей-гречанкой.

Калипсо гуляла всегда одна. Только Пушкинъ сопровождалъ ее иногда, когда встрѣчалъ на гуляньи.

Какъ они понимали другъ друга (Калипсо владѣла только греческимъ и молдавскимъ языками, которыхъ Пушкинъ не зналъ)—объяснить тебѣ не могу. Видно, впрочемъ, что 22-хъ-лѣтній возрастъ поэта и 18-ти-лѣтній куртизанки не нуждались въ переводчикѣ.

Пушкинъ полюбилъ меня и находилъ особенное удовольствіе исправлять мои ошибки, когда мы съ нимъ бесѣдовали по-французски. Изрѣдка онъ просиживалъ цѣлые часы въ городскомъ саду и слушалъ, какъ мы болтали съ Калипсо по-гречески. Иногда же декламировалъ намъ свои стихотворенія, которыя тутъ же переводилъ по-французски.

Черезъ мѣсяць я покинулъ Кишиневъ и весной 1823 года вернулся въ Молдавію, потерявъ на всегда изъ виду и Пушкина и гречанку.

Впослѣдствіи, каждый разъ, когда мнѣ приходилось читать произведенія великаго русскаго поэта, и въ особенности его «Черную Шаль» ¹⁾, поэму, написанную имъ подъ вліяніемъ знакомства съ Калипсо, я вспоминалъ эту женщину ангельской красоты и желалъ узнать, что съ нею случилось.

Въ темную, дождливую ночь, въ ноябрѣ 1824 года, къ воротамъ монастыря Нялцу (въ Молдавіи) подошелъ молодой человекъ и попросилъ позволенія впустить его въ обитель. Платье его было насквозь пропитано водой; самъ же онъ едва волочилъ ноги отъ усталости. Привратникъ впустилъ его и укрылъ отъ непогоды въ своей сторожкѣ. На другой день, вслѣдствіе настоятельной просьбы незнакомца, онъ былъ представленъ настоятелю монастыря. Незнакомецъ объяснилъ, что онъ иностранецъ и круглый сирота, и что желаетъ постричься въ монахи. Настоятель назначилъ его послушникомъ къ старому схимнику, келья котораго помѣщалась внѣ ограды монастыря, въ горахъ. Цѣлыхъ три года онъ провелъ въ монастырѣ и прослылъ самымъ благочестивымъ изъ монаховъ.

Однажды, утромъ, схимникъ позвалъ своего ученика, но тотъ не отозвался на его зовъ. Войдя въ келью, схимникъ нашелъ своего ученика покоящимся..... вѣчнымъ сномъ.

Передъ похоронами юноши, на груди его нашли слѣдующую записку:

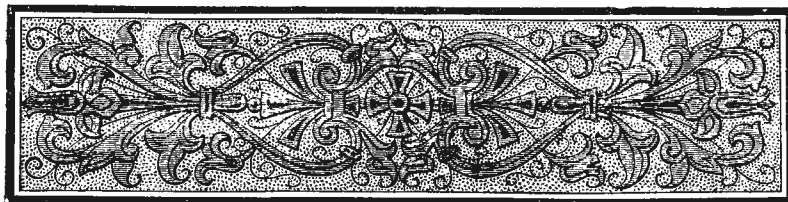
«Согрѣшихомъ, господи! Беззаконовахомъ, господи! и несмь достоинъ возрѣти на высоту славы твоея! Господи, прости и помилуй грѣшную Калипсо!»

Черепъ красавицы-гречанки и теперь можно видѣть въ катакомбахъ монастыря.

¹⁾ Прекрасный переводъ «Черной Шали» помѣщенъ Негруци въ томъ же сборникѣ (Pacatele Fineretilorú).

Примѣч. переводчика.

ПАМЯТИ АРХІЕПИСКОПА ДИМИТРІЯ ОДЕССКАГО.

КОНЧАВШІЙСЯ недавно (14 ноября 1883 г.) архіепископъ Одесскій Димитрій (въ мірѣ Климентъ Ивановичъ Муретовъ) займетъ видное и особенно симпатичное мѣсто въ исторіи русской церкви, въ прошлое, обильное событіями и идеями, царствованіе. Это былъ архіерей, на которомъ съ отрадою и умиленіемъ останавливается взоръ всякаго православнаго христіанина — и философски мыслящаго въ вѣрѣ (въ родѣ Хомякова; припомните его восторженный отзывъ о Димитріи...) и вѣрующаго въ простотѣ сердца. Въ своей жизни онъ силился осуществить идеаль Евангелскаго Пастыря, кроткаго, учительнаго—не только словомъ, но и жизнію, духомъ жизни, исполненнаго любви и снисходительности къ людямъ, особенно падшимъ, скорбящимъ и озлобленнымъ, милости Божіей и помощи требующимъ... другихъ стремленийъ онъ не имѣлъ... Не искалъ онъ ни стяжаній, ни карьеры... Быть можетъ, въ немъ не было достаточно административной дѣловитости, которая иногда такъ дорого цѣнится у людей вѣка сего,—и такъ щедро вознаграждается временными благами, но которая въ то же время иногда способна превратить пастыря церкви, Апостола Христова, приставника и воздѣлывателя высшихъ и вѣковѣчныхъ идеаловъ, въ простаго работника бюрократической машины, въ служителя чуждыхъ церкви чиновническихъ идеаловъ... Да, Димитрія нельзя назвать искуснымъ епархіальнымъ администраторомъ въ обыденномъ смыслѣ этого слова. Но за то въ немъ было много другой высшей администраціи, созидающей

души, заставляющей ихъ, дающей имъ возможность чувствовать и воочию видѣть силу и значеніе церкви Христовой, истинную, а не мнимую, власть представителей этой святой церкви, этого наивысшаго учрежденія на землѣ...

Съ Димитріемъ отошелъ въ вѣчность послѣдній представитель того блестящаго триумвирата, который подарила русской церкви Кіевская духовная академія, въ такъ называемый Иннокентіевскій свой періодъ... Самъ Иннокентій (Борисовъ), и ученики его: Димитрій Муретовъ, Макарій Булгаковъ... Послѣдній былъ кромѣ того и ученикомъ Димитрія. Такихъ рѣзко очерченныхъ типовъ церковно-христіанской дѣятельности, какіе представляютъ собою эти три кіевскіе мужа, не имѣла, можно сказать, ни одна изъ остальныхъ нашихъ духовныхъ академій... Ставши ректоромъ Кіевской академіи, Иннокентій образовалъ цѣлую школу богослововъ, питавшихся его идеями и разрабатывавшихъ ихъ въ наукѣ и жизни. Своими лекціями и проповѣдями онъ имѣлъ огромное вліяніе на умы учащейся молодежи. Димитрій продолжалъ его дѣло. Но къ прекраснымъ своимъ академическимъ лекціямъ, не уступавшимъ Иннокентіевскимъ, онъ присоединилъ еще особенное нравственно-сердечное вліяніе на студентовъ, какого не имѣлъ самъ Иннокентій. Иннокентія уважали, Иннокентію удивлялись; предъ нимъ преклонялись. Димитрія любили; къ Димитрію влеклись души особенными дѣтскими симпатіями. Ибо самъ онъ былъ младенецъ по сердцу, кротокъ и смиренъ сердцемъ. Объ Иннокентіѣ старые студенты вспоминаютъ съ какимъ-то горделивымъ восторгомъ, что они-де были слушателями такого великаго по уму мужа-оратора. О Димитріѣ они вспоминаютъ со слезами умиленія... Помню я тотъ моментъ на юбилей Кіевской духовной академіи въ 1869 году, когда Димитрій, тогда архієпископъ одесскій, говорилъ рѣчь. Какое она произвела впечатлѣніе на всѣхъ, особенно же на тѣхъ профессоровъ академіи, которые были учениками Димитрія!.. Одинъ изъ нихъ Д. В. П—овъ, со слезами на глазахъ, сказалъ: «вотъ что значитъ говорить отъ души, отъ сердца!» Макарій былъ ученикомъ Димитрія. Его, по окончаніи академическаго курса, взяли въ Петербургскую духовную академію... Тамъ встрѣтилъ его особый, господствовавшій тамъ духъ—духъ обрядоваго риторизма и богословскаго буквализма, внушенный кѣмъ-то графу Протасову, предъявленный имъ, какъ требованіе власти и услужливо разработанный Аѳанасіемъ Дроздовымъ, тогдашнимъ ректоромъ С.-Петербургской академіи. Макарій какъ разъ попалъ на свѣжую почву этого принимающаго душу живу новшества..., желавшаго водворить въ нашей церкви, подъ фѣрулою свѣтскаго и даже военнаго командира,—церковно-богословскую спячку... Были моменты, когда Макарій могъ увлечься этимъ направленіемъ и стать въ ряду гасильниковъ «духа жизни и жизни духа...» На него возлагали

большія надежды заправители реформы, желавшей, согласно съ католичествомъ, предпочесть Св. Писанію — Св. Преданіе: ему сулили награды, его ласкали... Но его удержало кіевское преда-

Архієпископъ Одесскій Димитрій.

ніе... Его сохранила отъ вліянія церковно-богословнаго буквализма та любовь къ научной истинѣ, та свобода богословскаго созерцанія въ предѣлахъ православія, которую онъ вынесъ изъ Кіевской

8*

академія—изъ школы Иннокентія и Димитрія. Онъ весь погрузился въ науку и тѣмъ уединилъ себя отъ вліянія протасовскихъ идей. Богословіе и исторія стали его любимою научною сферою. Уначала онъ разработывалъ богословіе. Тутъ онъ шелъ по слѣдамъ Димитрія. Онъ, можно сказать, только редактировалъ для печати богословскія лекціи Димитрія. Димитрій самъ не любилъ печататься. Но онъ нисколько не ревновалъ къ своему ученику, ставшему пользоваться славой богослова, благодаря трудамъ учителя. Напротивъ, онъ радовался этой славѣ. А только, какъ гласитъ дошедшее до насъ преданіе, говаривалъ иногда полушутливо, смотря на огромные томы Макарьевского богословія: «тутъ мой крестъ, а его цѣпочка» ¹⁾).

Съ именемъ Димитрія связывается предсѣдательство въ комитетѣ для образованія духовныхъ семинарій, въ началѣ 60-хъ годовъ... Это тоже въ высшей степени любопытная и поучительная исторія,—конца которой и до сихъ поръ не видно... Еще до сихъ поръ наши духовныя семинаріи какъ будто на какомъ-то временномъ положеніи, ждущемъ перемѣнъ и болѣе крѣпкой устойчивой почвы... Проектъ Димитрія не принятъ... Но это еще не значитъ, что онъ не соотвѣтствовалъ цѣли. Напротивъ, достоинство его въ томъ и состоитъ, что онъ ясно, отчетливо намѣтилъ эту цѣль именно дать народу пастырей по призванію, понимающихъ ясно свою миссію и приученныхъ къ ней практически, годныхъ для народа и достойныхъ по любви... Быть можетъ, Димитрій ошибался нѣсколько въ средствахъ. Такую же опредѣленную цѣль имѣлъ послѣ и проектъ архимандрита Филарета, ректора Кіевской академіи, тоже не принятый. Проектъ, который принятъ—отличается именно тѣмъ, что онъ рѣшился какъ будто нарочно игнорировать эту цѣль... Онъ сдѣлалъ изъ семинарій духовныхъ арену для разработыванія разныхъ цѣлей... Но это предметъ настолько важный и настолько совершенно жизненный, что о немъ нельзя говорить вскользь. Поэтому, отлагая рѣчь о немъ до другаго раза,—повторимъ только, что заслуга архієпископа Димитрія Муретова состоитъ въ ясной постановкѣ вопроса, чѣмъ должны быть наши духовныя семинаріи,—вопроса, остающагося открытымъ и до сего дня.

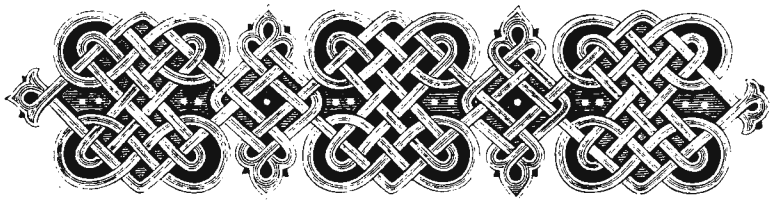
¹⁾ Одно только можно замѣтить съ прискорбіемъ, что самъ Макарій, въ предисловіи къ своему богословскому труду, не постарался заявить, какъ многимъ онъ обязанъ лекціямъ своего академическаго наставника. Въ послѣдствіи самъ Макарій очень ревниво относился къ своей собственной литературной славѣ—и всякій, пользовавшійся его трудомъ, непременно долженъ былъ указывать источники. Говоря такъ, мы имѣемъ въ виду изданіе одной богословской книги, имѣвшей смѣлость соперничать съ основнымъ богословіемъ Макарія.

Въ послѣдніе годы жизни Димитрія, за нимъ можно было замѣтить одну черту—это особенное усиленіе имъ проповѣдническаго слова—и на кафедрѣ, и въ печати... Онъ чувствовалъ, что недолго уже остается ему жить—и вотъ онъ какъ будто торопится получше выполнить свою пастырскую миссію—миссію церковнаго учителя... При каждомъ служеніи литургіи онъ говоритъ проповѣдь и затѣмъ печатаетъ ее, большею частію на страницахъ московскаго журнала «Православное Обозрѣніе». Проповѣдное слово его отличалось, по обычаю, простотою и задушевностію.

Вообще, архієпископъ Димитрій Муретовъ—это такая свѣтлая личность, которая служила и будетъ постоянно служить славою и украшеніемъ русской церкви.

К. В.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ П. И. МЕЛЬНИКОВА.

(По поводу годовщины со дня его смерти).

ПЕРВАГО февраля исполнился годъ со дня смерти извѣстнаго писателя Павла Ивановича Мельникова. При первой вѣсти о его кончинѣ, наши періодическія изданія наполнились небольшими некрологами, составленными главнымъ образомъ по извѣстному труду Д. И. Иловайскаго ¹⁾, но потомъ, занятыя новыми «вопросами дня», не посвятили покойному автору ни одной обстоятельной статьи. Между тѣмъ ни обширный трудъ г. Иловайскаго, ни еще болѣе краткіе некрологи, напечатанные въ прошломъ году, не дали полнаго обзора трудовъ, вышедшихъ изъ-подъ пера покойнаго писателя: трудъ г. Иловайскаго заключалъ болѣе біографію, чѣмъ бібліографическій обзоръ, а некрологи перечисляли только крупныя и извѣстныя произведенія. Поэтому, въ виду годовщины, мы рѣшаемся представить полный перечень трудовъ П. И. Мельникова со многими поясненіями. Этотъ перечень, необходимый для послѣдовательнаго изученія такого разносторонняго писателя, какъ Мельниковъ, заключаетъ въ себѣ слѣдующія произведенія:

1839 г. Дорожныя записки на пути изъ Тамбовской губерніи въ Сибирь (Отеч. Записки, кн. 11 и 12).

Эти «Записки» продолжали появляться въ 1840 г. (кн. 3, 4, 8, 10, 12), 1841 г. (кн. 3, 10) и 1842 г. (кн. 2 и 3).

1840 г. Первый магистръ монгольской словесности В. П. Васильевъ (Отеч. Записки, кн. 3).

¹⁾ Павелъ Ивановичъ Мельниковъ и его тридцатипятилѣтняя литературная дѣятельность въ «Русскомъ Архивѣ» 1875 г., кн. I, стр. 77—85.

Историческія извѣстія о Нижнемъ-Новгородѣ, отрывки изъ «Исторіи Владимірска-Суздальскаго великаго княжества и происшедшихъ изъ него отдѣльныхъ княжествъ» (Отеч. Записки, кн. 7), Библиографическая рѣдкость: «Symbola et Emblemata, Amstelodami, anno 1705» (Отеч. Записки, кн. 9).

Великій мастеръ, стихотвореніе Мицкевича, перев. съ польскаго (Литерат. Газета, № 14).

Эллипидоръ Перфильичъ, повѣсть (Литерат. Газета, № 23).

1841 г. Реляція о дѣйстви русскихъ войскъ въ Польшѣ въ 1773 г. (Отеч. Записки, кн. 1).

Повѣдка въ Кунгуръ, изъ дорожныхъ записокъ (Москвитян., кн. 3).

Къ этому же году относятся слѣдующія статьи Мельникова, напечатанныя въ нижегородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ: «Мухамедъ, какъ импровизаторъ», «Александръ великій, царь царей персидскихъ», «О корчемствѣ въ Россіи до конца XVII вѣка», «Персія при Сассанидахъ», «Нижегородскія древности», «Переводъ Висорія Kralcdworsky», «Собраніе нижегородскихъ преданій и повѣрій», «Описаніе нѣкоторыхъ старопечатныхъ и старописьменныхъ книгъ славяно-русскихъ, не находящихся въ извѣстныхъ каталогахъ и бібліотекахъ» (См. Отеч. Записки 1842 г., кн. 6, отд. VI, стр. 39 и журналъ мин. нар. проsv. 1843 г., ч. XXXVII, отд. III, стр. 20—21) ⁴).

1842 г. Солнечныя затмѣнія, видѣнныя въ Россіи до XVI столѣтія (Отеч. Записки, кн. 6).

Историческія замѣтки: 1) Гдѣ скончался Св. Александръ Невскій; 2) Гдѣ жилъ и умеръ Козьма Мининъ; 3) О царицѣ Маріи Петровнѣ; 4) О родственникахъ Козьмы Минина (Отеч. Записки, кн. 7—8).

1843 г. Нижній Новгородъ и нижегородцы въ смутное время (Отеч. Записки, кн. 7).

1844 г. Лифляндскій колоколъ XV столѣтія въ Нижнемъ Новгородѣ (Отеч. Записки, кн. 3).

1845 г. О стропоновскихъ зданіяхъ въ Россіи (Литерат. Газета, № 9).

Въ этомъ же году Мельниковъ началъ редактировать «Ниже-

⁴ Кромѣ того, въ протоколѣ археографической комиссіи, отъ 8-го апрѣля 1841 года, сказано: «Старшій учитель нижегородской гимназіи Мельниковъ, при донесеніи отъ 17-го марта, представилъ на разсмотрѣніе снятые имъ въ видѣ опыта списки съ восьми старинныхъ грамотъ съ приложеніемъ подлинниковъ; положено: просить г. Министра Народнаго Просвѣщенія объ утвержденіи г. Мельникова въ званіи корреспондента комиссіи съ порученіемъ ему, на основаніи существующихъ правилъ, доставлять ей свѣдѣнія о старинныхъ бібліотекахъ и архивахъ и сообщать описи хранящихся въ нихъ рукописей» (См. Журналъ мин. нар. проsv. 1841 г., ч. XXX, отд. III, стр. 53—54. Одно изъ донесеній Мельникова въ археографическую комиссію см. въ Журналѣ мин. нар. проsv. 1842 г., отд. III, стр. 37—38).

городскія губернскія вѣдомости» и издавалъ ихъ за своею подписью до 1848 года.

- 1846 г. Нижегородская ярмарка въ 1843, 1844 и 1845 годахъ. Нижній Новгородъ, 292 стр.

Этотъ трудъ печатался сначала въ Нижегородскихъ губернскихъ вѣдомостяхъ за 1845 годъ.

- 1850 г. Историческій очеркъ Нижегородской ярмарки (Московск. Вѣд., № 105).

Нѣсколько новыхъ свѣдѣній о смутномъ времени, о Козьмѣ Мининѣ, князѣ Пожарскомъ и патріархѣ Гермогенѣ (Москвитян., кн. 21).

Эта статья представляетъ выдержку изъ публичныхъ чтеній Мельникова въ Нижнемъ Новгородѣ. Объ этихъ «чтеніяхъ» сохранилось «объявленіе» (Нижегор. губ. вѣд. 1847 г., № 7) и такой «отчетъ» о первой лекціи: «11-го февраля (1847 года) въ Нижнемъ Новгородѣ случилось небывалое до сихъ поръ явленіе—публичныя лекціи о Россіи и въ особенности о Нижнемъ Новгородѣ въ началѣ XVII вѣка. Съ разрѣшенія начальства читаетъ ихъ Мельниковъ. Все лучшее общество и въ особенности много дамъ было вечеромъ 11-го февраля въ великолѣпной залѣ Александровскаго института».

- 1851 г. Общественныя моленія Эрзянь (Симбирск. губ. вѣд.).

На эту свою статью указываетъ самъ Мельниковъ въ Русскомъ Вѣстникѣ (1867 г., кн. 6, стр. 490), добавляя, что онъ производилъ слѣдствіе о мордовскомъ общественномъ моленіи въ 1848 году.

- 1852 г. Придѣлъ въ честь Козьмы Минина, корреспонденція изъ Нижняго Новгорода (Москвитян., кн. 6).

Красильниковы, повѣсть (Москвитян., кн. 8).

Подъ этою повѣстью впервые видѣется псевдонимъ Мельникова: «Андрей Печерскій». Такой псевдонимъ появлялся затѣмъ подъ каждымъ «рассказомъ» покойнаго писателя.

- 1854 г. О современномъ состояніи раскола въ Нижегородской губерніи.

Этотъ трактатъ, изложенный въ тринадцати большихъ тетрадяхъ, былъ написанъ по Высочайшему повелѣнію въ 1854 году и тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Бибиковымъ переданъ казанскому архіепископу Григорію, а отъ послѣдняго поступилъ въ бібліотеку казанской духовной академіи. Изъ этого труда редація «Православнаго Собесѣдника» напечатала нѣсколько статей о расколѣ.

- 1855 г. Отчетъ по министерству внутреннихъ дѣлъ.

Отрывки изъ этого «отчета» напечатаны въ журналѣ мин. внутр. дѣлъ за 1856 годъ.

- 1856 г. Дѣдушка Поликарпъ, рассказъ (Русск. Вѣстн., кн. 5).

- 1857 г. Поярковъ, повѣсть (Русск. Вѣстн., кн. 2).

Старые годы, повѣсть (кн. 4).

Медвѣжій уголь, повѣсть (кн. 10).

Непремѣнный, рассказъ (кн. 12).

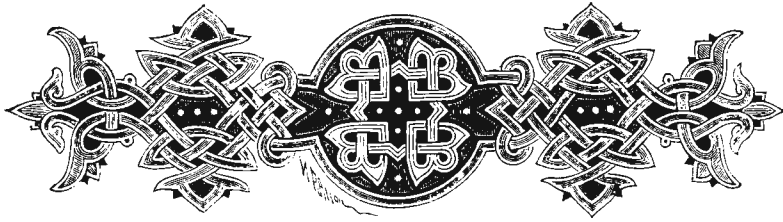
- 1858 г. Именинный пирогъ, рассказъ (Русск. Вѣстн., кн. 4).
 Бабушкины рассказы (Современн., кн. 8 и 10).
 Указатель достопримѣчательностей Нижняго Новгорода, М.
 По указанію самого Мельникова (Русск. Вѣстн. 1867 г., кн. 6, стр. 498), эта книжка составлена для государыни императрицы, напечатана въ крайне ограниченномъ числѣ экземпляровъ, даже безъ цензуры, и считается теперь библиографическою рѣдкостью.
- 1859 г. Братчина, учено-литературный сборникъ, ч. I, Спб., 280 стр.
 Редакціей этого «сборника» занимался Мельниковъ; ему же принадлежитъ и «предисловіе».
 На станціи, рассказъ (Русск. Дневникъ, № 21).
 Раскольническія преданія, записанныя въ Нижегородской губерніи (Русск. Дневникъ, № 137).
 Съ начала этого года Мельниковъ сталъ издавать въ Петербургѣ ежедневную газету «Русскій Дневникъ», при такой программѣ: 1) внутреннія новѣстія, 2) науки и искусства, 3) словесность, 4) библиографическія новѣстія. Эта газета прекратилась въ томъ же году на 141 №, 5-го іюля.
- 1860 г. Преданіе о судьбѣ Тарахановой (Сѣверн. Пчела, № 39).
- 1861 г. Аввакумъ Петровичъ протопопъ и Авраамій Нижегородецъ (Энциклопед. Словарь, составл. русск. учеными и литераторами, Спб., т. I).
 Грisha, повѣсть изъ раскольничьяго быта (Современн., кн. 3).
 Эта повѣсть издана отдѣльно Д. Кожанчиковымъ (Спб. 1861 г.).
 Лысково, изъ дорожныхъ записокъ (Иллюстрація, № 198—200).
 Изъ «Иллюстраціи» эти «записки» перепечатаны въ Нижегородскихъ губернск. вѣдомостяхъ (1861 г., № 51—52; 1862 г., № 1—3).
- 1862 г. Письма о расколѣ (Сѣверн. Пчела, № 5, 7, 9—10, 14—15).
 Отдѣльно эти «Письма» Спб. 1862 г.
 Въ Чудовѣ, рассказъ (Сѣверн. Пчела, № 30).
- 1863 г. Старобрядческіе архіереи (Русск. Вѣстн., кн. 4—6).
- 1864 г. Историческіе очерки поповщины (Русск. Вѣстн.; кн. 5).
 Эти «очерки» продолженіе предыдущей статьи—изданы отдѣльно: Спб., 1864 г., ч. I, 282 стр. Дальнѣйшіе очерки появились только въ Русск. Вѣстн. (1866 г., кн. 5 и 9; 1867 г., кн. 2).
- 1865 г. Описаніе праздника, бывшаго въ Петербургѣ 6—9-го апрѣля 1865 года по случаю столѣтняго юбилея Ломоносова, Спб., 46 стр.
 Воспоминаніе о Н. И. Второвѣ (Сѣверн. Пчела, № 266).
- 1866 г. Записка о русскомъ расколѣ.
 Она была написана еще въ 1857 году для В. К. Константина Николаевича, но издана В. Кельсиевымъ въ «Сборникѣ правительственныхъ распоряженій о расколѣ» (Лондонъ, 1866 г., т. I) «безъ конца, съ пропусками и искаженіями».
- 1867 г. Княжна Тараханова и принцесса Владимірская (Русск. Вѣстн., кн. 5, 6 и 8).
 Отдѣльно этотъ трудъ. Спб., 1868 г.
 Очерки Мордвы (Русск. Вѣстн., кн. 6, 9—10).

- 1868 г. Счисленіе раскольниковъ (Русск. Вѣстн., кн. 2).
Изъ прошлаго (кн. 4).
Эта статья, подписанная двумя инициалами: «П. М.», принадлежитъ Мельникову, какъ онъ самъ признается въ Русскомъ Вѣстникѣ (1869 г., кн. 5, стр. 253).
Тайныя секты (кн. 5).
За Волгой, рассказъ (кн. 6—7, 10 и 12).
- 1869 г. Бѣлые голуби, рассказы о скопцахъ и хлыстахъ (Русск. Вѣстн., кн. 3 и 5).
- 1870 г. Къ исторіи русской печати: о газетѣ «Русскій Инвалидъ» (Русск. Старина, кн. 10).
- 1871 г. Въ лѣсахъ, рассказъ (Русск. Вѣстн., кн. 1, 3, 5 и 8).
Этотъ рассказъ печатался въ 1872 г. (кн. 1, 3, 5 и 8), 1873 г. (кн. 2, 5, 8, 9 и 12) и 1874 г. (кн. 4, 5, 8 и 12), а потомъ изданъ отдѣльно: М., 1875 г., четыре части.
- 1872 г. Авдотья Петровна Нарышкина, историческая замѣтка (Русск. Вѣстн., кн. 1).
- 1873 г. Воспоминаніе о В. И. Далѣ (Русск. Вѣстн., кн. 3).
Изъ записокъ юрьевского архимандрита Фотія о скопцахъ, хлыстахъ и другихъ тайныхъ сектахъ въ Петербургѣ (Русск. Архивъ, кн. 8).
Изъ нашей учебно-исторической литературы: объ учебникѣ г. Беллярминова (кн. 11).
- 1875 г. На горахъ, рассказъ (Русск. Вѣстн., кн. 5 и 10).
Этотъ рассказъ печатался въ 1876 г. (кн. 8 и 11), 1877 г. (кн. 5—7, 9—10), 1878 г. (кн. 1, 5, 8 и 11), 1879 г. (кн. 9 и 12), 1880 г. (кн. 3, 5 и 8) и 1881 г. (кн. 2—3), а потомъ изданъ отдѣльно: М. 1881 г., четыре части.
- 1876 г. Рассказы Андрея Печерскаго, М. 398 стр.
Второе изданіе этой книги: Спб., 1882 г.
- 1879 г. Дѣло по поводу стихотворенія Тредьяковскаго (Чтеніе въ Общ. истор. и древн., кн. 1).
Воспоминаніе о графѣ С. С. Ланскомъ (Русск. Архивъ, кн. 2).

При видѣ такого длиннаго «перечня», остается согласиться съ слѣдующимъ правдивымъ примѣчаніемъ къ вышеупомянутой статьѣ г. Иловайскаго: какъ не пожалѣть, что до сихъ поръ не собраны и не изданы вмѣстѣ сочиненія П. И. Мельникова.

Дмитрій Языковъ.

ИСПОРЧЕННАЯ ЖИЗНЬ.

(Биографія и письма Ф. М. Достоевскаго. Спб., 1883 г.)

«Я тогда только могу показать, что я человекъ съ сердцемъ и любовью, когда самая внѣшность, обстоятельства, случай, вырветъ меня насильно изъ обыденной пошлости».

Изъ письма Ф. М. Достоевскаго къ брату.

ЗАДАЧА біографа — одна изъ труднѣйшихъ и неопредѣленнѣйшихъ задачъ въ области историко-литературныхъ явленій. Конечно, весьма просто свести по возможности всѣ, какимъ бы-то ни было образомъ добытыя, данныя — приемъ, съ успѣхомъ примѣняемый къ собиранію сырого матеріала; но, затѣмъ, необходимо выдѣлить наиболѣе интересное и характерное, что и составляетъ крайне трудную задачу, такъ какъ интересъ и характерность сообщаемыхъ фактовъ — понятія въ высшей степени условныя. Легче всего выходитъ изъ затрудненія тотъ біографъ, который старается представить данную личность въ томъ или иномъ желательномъ свѣтѣ и, сообразно съ этимъ, выдвигаетъ одни факты, пренебрегая другими, весьма важными съ иной точки зрѣнія.

Вотъ почему мы съ удовольствіемъ видимъ въ недавно изданномъ объемистомъ томѣ, подъ заглавіемъ «Биографія и письма Ф. М. Достоевскаго. Спб., 1883 г.», что издатели его, вмѣсто связанной «обработанной» біографіи, представили массу сырого матеріала, который даетъ возможность взглянуть на покойнаго писателя вполне объективно, такъ, чтобы мозаика фактовъ дала несомнѣнную и ясную картину его нравственнаго и умственнаго облика.

Это тѣмъ болѣе необходимо, что въ сужденіяхъ и мѣнїяхъ о Достоевскомъ, какъ писателѣ и человѣкѣ, можно найти все, что угодно, кромѣ ясности и опредѣленности. Находя въ настоящую минуту неудобнымъ и даже излишнимъ вдаваться въ оцѣнку литературной дѣятельности Достоевскаго, мы коснемся только его жизненнаго типа, что считаемъ дѣломъ далеко не празднымъ, въ виду того, что Достоевскій игралъ и играетъ въ нашей дѣйствительности не только роль замѣчательнаго художника, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, роль извѣстнаго нравственнаго идеала и общественнаго кумира. Впрочемъ, это чуть не общій фактъ относительно каждаго крупнаго художника, что его возводятъ на вышеупомянутый пьедесталь, и это явленіе заслуживаетъ особеннаго вниманія; но прежде перейдемъ къ фактамъ, которые даетъ намъ опубликованный біографическій матеріалъ.

Мы не будемъ подробно излагать, шагъ за шагомъ, біографію Достоевскаго, а, напротивъ, постараемся только прослѣдить факты внутренней жизни его отъ самыхъ юныхъ лѣтъ, руководясь при этомъ, главнымъ образомъ, его собственными письмами и нѣкоторыми наиболѣе характерными воспоминаніями близкихъ къ нему лицъ.

Юношеское воспитаніе, при своеобразныхъ условіяхъ семейной обстановки, во всякомъ случаѣ было довольно благопріятно для развитія основной душевной способности Достоевскаго, какою мы безусловно считаемъ талантъ беллетриста-художника. Онъ росъ въ семьѣ доктора, гдѣ, при замкнутой жизни, однимъ изъ немногихъ удовольствій считалось чтеніе выдающихся литературныхъ произведеній; въ свободное и праздничное время читали въ слухъ отецъ или мать, и еще до поступленія братьевъ Достоевскихъ въ пансіонъ, много было прочитано ими изъ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина, Загоскина, Лажечникова и др. Затѣмъ, у самого Федора Михайловича часто бывалъ въ рукахъ Вальтеръ Скоттъ; онъ перечитывалъ «Бурсака» Нарѣжнаго, а Пушкина обожалъ непосредственной любовью, не ослаблявшейся тѣмъ, что поэтическая авторитетность Пушкина не была еще тогда безусловно признана старшимъ поколѣніемъ, что въ данномъ случаѣ и высказывалось отцемъ Федора Михайловича и школьными учителями его.

Пансіонъ Чермака, куда поступили, въ 1834 году, братья Достоевскіе, не особенно роскошный въ научномъ отношеніи, все-таки, выдѣлялся для своего времени скорѣе въ хорошую сторону, чѣмъ въ дурную, и здѣсь опять не было пока элементовъ, которые могли бы придавить естественныя наклонности юноши. Напротивъ того, въ пансіонѣ былъ учитель русскаго языка, человѣкъ, кажется, не заурядный, скоро ставшій идоломъ братьевъ Достоевскихъ, относившихся съ живымъ интересомъ къ произведеніямъ словесности.

Но особенно опредѣлились склонности и интересы Федора Ми-

хайловича со времени поступления его въ инженерное училище. Натура юноши настолько уже сложилась и интересы его опредѣлились, что солдатская выправка и чисто-военное направленіе учебныхъ занятій не могли заглушить врожденныхъ его склонностей. Напротивъ, въ этихъ именно интересахъ юноша находилъ внутреннее удовлетвореніе и противовѣсь угнетавшей его атмосферѣ тактики и фортификаціи, которыми онъ занимался довольно усердно изъ самолюбія и необходимости, но всегда безъ малѣйшаго увлеченія. Въ одномъ письмѣ онъ пишетъ: «Экзамены и занятія страшныя. Всѣ спрашиваютъ—и репутаціи потерять не хочется,—вотъ и зубришь, съ отвращеніемъ, а зубришь» (II. 23)¹⁾. О томъ же свидѣтельствуетъ также и столь быстрый выходъ въ отставку, вскорѣ по окончаніи курса наукъ. Если прибавить сюда постоянную нужду въ каждой копѣйкѣ, то понятно, какое наслажденіе доставляло юношѣ уноситься въ міръ высокихъ художественныхъ впечатлѣній. Вся его переписка съ нѣжно любимымъ братомъ, Михайломъ Михайловичемъ, никогда не оставляетъ области именно этого рода интересовъ. Такъ, напримѣръ, осенью 1838 года, онъ пишетъ: «Ты хвалишься, что перечиталъ много... но прошу не вообразать, что я тебѣ завидую. Я самъ читалъ въ Петергофѣ, по крайней мѣрѣ, не меньше твоего. Весь Гоффманъ русскій и нѣмецкій (т. е. не переведенный Коть Муръ), почти весь Бальзакъ (Бальзакъ великъ! Его характеры — произведенія ума вселенной. Не духъ времени, но цѣлыя тысячелѣтія приготовили бореніемъ своимъ такую развязку въ душѣ человѣка). Фаустъ Гёте и его мелкія стихотворенія, Исторія Полеваго, Уголино, Ундина. Также Викторъ Гюго, кромѣ Кромвеля и Эрнани» (II. 9).

Уже въ замѣткѣ о Бальзакѣ сквозитъ философско-мечтательное настроеніе, направленное, впрочемъ, исключительно въ область широкихъ отвлеченностей, а не удручающей молодой умъ повседневной дѣйствительности. Но это же настроеніе сказывается еще болѣе въ слѣдующихъ строкахъ того же письма: «Мнѣ кажется, что міръ нашъ—чистилище духовъ небесныхъ, отуманенныхъ грѣшной мыслью. Мнѣ кажется, міръ принялъ значеніе отрицательное, и изъ высокой, изящной духовности вышла сатира. Попадись въ эту картину лицо, не раздѣляющее ни эффекта, ни мысли о цѣломъ, словомъ, совсѣмъ постороннее лицо, что же выйдетъ? Картина искажена и существовать не можетъ!» (II. 8).

Все это довольно туманно, но здѣсь уже сказывается міросозерцаніе художника, который прежде всего во всемъ и вездѣ видитъ картину и очарованный останавливается передъ ней; въ дѣятельность же его увлекають обстоятельства, а совсѣмъ не влеченіе

¹⁾ Сноски на страницы «Матеріаловъ для жизнеописанія» мы отмѣчаемъ буквой М, а «Письма» — буквой П.

непосредственное. Тутъ же этотъ юноша сокрушается о своей дѣни и восклицаетъ: «Но что же дѣлать, когда мнѣ осталось въ мирѣ одно: дѣлать безпрерывный кейфъ! Не знаю, стихнуть-ли мои грустные идеи? Одно только состояніе и дано въ удѣлъ человѣку: атмосфера души его состоитъ изъ сліянія неба съ землей; какое же противозаконное дитя человѣкъ; законъ духовной природы нарушенъ»... (II. 7). Текстъ заканчивается точками и мысль нѣсколько недосказана. Строки эти дышатъ юношеской неясностью, но онѣ весьма характерны. Достоевскій на всю жизнь остается такимъ порожденіемъ «сліянія неба съ землей», и его высокій даръ художественнаго таланта остается облеченнымъ до самой смерти въ брэнную оболочку жизни, о поддержаніи которой судьба не достаточно позаботилась, откуда и рождается главный источникъ всей дальнѣйшей драмы его жизни. Сложились бы обстоятельства иначе и молодой, пылкій умъ сразу нашелъ бы себѣ непосредственное, спокойное и благородное приложеніе въ своей надлежащей области, т. е. въ области чистой поэзіи и безкорыстнаго искусства, преклоненіе предъ которыми рано сформировалось въ молодомъ человѣкѣ. Такъ, на примѣръ, той же осенью, какъ и предыдущее письмо, онъ пишетъ: «Философію не надо полагать простой математической задачей, гдѣ неизвѣстное — природа!.. Замѣть, что поэтъ, въ порывѣ вдохновенія, разгадываетъ Бога, слѣдовательно исполняетъ назначеніе философіи. слѣдовательно, поэтический восторгъ есть восторгъ философіи... слѣдовательно, философія есть таже поэзія, только высшій градусъ ея!»... (II. 10).

Вотъ міросозерцаніе вполне свойственное «урожденному» художнику (см. Воспом. Страхова, М. 319) ставящему поэзію своимъ единственнымъ кумиромъ, и въ принесеніи жертвъ этому кумиру Достоевскій ясно предчувствовалъ свое единое назначеніе, чуждое всякихъ другихъ цѣлей. «Смотрю впередъ, пишетъ онъ — и будущее меня ужасаетъ... Я давно не испытывалъ взрывовъ вдохновенія... Не залетитъ ко мнѣ райская птичка поэзіи, не согрѣетъ охладѣлой души... Прежнія мечты меня оставили и мои чудные арабески, которые создавалъ я нѣкогда, сбросили позолоту свою» (II. 11).

Вотъ какъ рано знакомо уже было Достоевскому творческое томленіе, этотъ главнѣйшій двигатель въ дѣлѣ созданія не условныхъ художественныхъ произведеній, не привязанныхъ къ сегодняшнему черному дню. Тутъ же начинаютъ роиться мечты о славѣ, и всѣ эти мечтанья направляются исключительно въ одну сторону. «Мнѣ кажется, что слава,—пишетъ онъ—такъ-же содѣйствуетъ вдохновенію поэта. Байронъ былъ эгоистъ; его мысль о славѣ была ничтожна, суетна... Но одно помышленіе о томъ, что нѣкогда вслѣдъ за твоимъ былымъ восторгомъ вырвется изъ праха душа чистая, возвышенно-прекрасная, мысль, что вдохновеніе, какъ таинство небесное, освятитъ страницы, надъ которыми плакалъ ты

и будет плакать потомство, не думаю, чтобы эта мысль не закрадывалась въ душу поэта и въ самыя минуты творчества. Пустой крикъ толпы ничтоженъ. Ахъ! я вспомнилъ два стиха Пушкина, когда онъ описывалъ толпу и поэта:

«И шкочетъ (толпа) на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ» (II. 11).

Сколько здѣсь глубокой преданности чистой поэзіи, какъ непосредственнаго воспроизведенія дѣйствительности, и сколько съ другой стороны живого презрѣнія къ улицѣ, къ толпѣ, съ ея будничными интересами, дразнами и претензіями, въ которыя, можно думать, такой поэтъ никогда не вмѣшается единымъ словомъ или помышленіемъ, а не то что дѣломъ». Всѣ юношескія письма Федора Михайловича къ вѣжно-любимому брату, дышущія необыкновенной, какой-то страстной искренностью, свидѣтельствуютъ объ одномъ, что всѣ пламенные мечтанія юноши устремлялись на одну точку—поэзія и слава на почвѣ поэтическихъ вдохновеній.

Но, совершенно въ разрѣзъ съ этимъ, на развитіе богатой натуры клала свою тяжелую руку суровая дѣйствительность. И чѣмъ ближе подходило время зрѣлаго возраста, тѣмъ съ большей угнетающей реальностью представала передъ юношей печальная перспектива матеріальной нужды. Однимъ словомъ, мы видимъ, что Достоевскій, по выходѣ изъ училища, поступивъ на службу, перебивается со дня на день и никогда не бываетъ сколько нибудь обезпеченъ. Конечно, мы могли бы подойти къ данному факту съ контрольными приемами узкой морали, подсчитать всѣ возможные приходы и необходимые расходы, стѣснить пылкую и отзывчивую натуру талантливаго молодого человѣка во всякомъ движеніи и устранить для него возможность жить многообразными впечатлѣніями человѣческой жизни. Короче сказать, Достоевскій всегда нуждался и стоялъ лицомъ къ лицу съ необходимостью выйти изъ этой нужды. Въ данномъ случаѣ, ему представлялся двойкій исходъ. Съ одной стороны, онъ могъ усердно заняться своей служебной карьерой и искать себѣ сторонней работы на поприщѣ своей инженерной специальности. Но это ему очевидно претило, и вотъ, желая стать исключительно на почвѣ литературной дѣятельности, онъ увлекается различными литературно-коммерческими предпріятіями. Нѣсколько писемъ къ брату, втеченіе всего 1844 года, посвящены, главнымъ образомъ, различнымъ неудачнымъ затѣямъ: издать романъ Эжена Сю «Матильда», собственный переводъ романа Балзака и, наконецъ, сдѣланный братомъ переводъ «Донъ-Карлоса». «Покорный общему закону», молодой Достоевскій съ презрѣніемъ смотрѣлъ на всякую практическую дѣятельность, разъ онъ чувствовалъ въ себѣ пламень вдохновенья, а между тѣмъ нужда толкала его немедленно выработать копѣйку, для чего онъ готовъ былъ приниматься за самую черную литературную ра-

боту, и, конечно, всё предпринятыя въ этомъ направленіи, попытки кончались ничѣмъ, какъ попытки непрактичнаго молодаго чело-вѣка съ литературными задатками и стремленіями, но безъ денегъ и безъ имени.

Въ то же время внутренняя работа талантливой души пригото-вила глубоко задуманную повѣсть и, послѣ безконечныхъ передѣ-локъ, въ рукахъ Достоевскаго оказались «Бѣдные люди». Съ глу-бокой и гордой вѣрой въ свое дѣтище, Достоевскій хочетъ воспользо-ваться имъ какъ можно энергичнѣе и сейчасъ же обезпечить себѣ безбѣдное существованіе, которое дало бы возможность со всей страстью предаться свободному творчеству. Эти условія До-стоевскій всегда считалъ для себя безусловно необходимыми, тѣмъ болѣе, что обладалъ способностью совершенно сживаться съ своими героями, оставляя ихъ въ авторскомъ воображеніи до полного уяс-ненія образовъ. Вотъ какъ рассказываетъ самъ Достоевскій о про-цессѣ своего творчества въ письмѣ по поводу «Голядкина»:

«Яковъ Петровичъ Голядкинъ выдерживаетъ свой характеръ вполне. Подлецъ страшный, приступу нѣтъ къ нему; никакъ не хочетъ впередъ идти, претендуя, что еще вѣдь онъ не готовъ, а что онъ теперь покамѣстъ самъ по себѣ, что онъ ничего ни въ од-номъ глазу, а что пожалуй, если ужъ на то пошло, то и онъ тоже можетъ, почему же и нѣтъ, отчего же и нѣтъ? Онъ вѣдь такой, какъ и всѣ, онъ только такъ себѣ, а то такой, какъ и всѣ. Что ему? Подлецъ, страшный подлецъ! Раньше половины октября ни-какъ не хочетъ кончить свою карьеру. Онъ уже теперь объяснился съ Его Превосходительствомъ, и пожалуй (отчего же нѣтъ?) готовъ подать въ отставку. А меня, своего сочинителя, ставитъ въ крайне негодное положеніе» (П. 39). До чего доходило это «негодное по-ложеніе» говорятъ слѣдующія строки письма, писаннаго передъ выходомъ въ отставку: «Главное я буду безъ платя. Хлестаковъ соглашается идти въ тюрьму только благороднымъ образомъ. Ну, а если у меня штановъ не будетъ, будетъ ли это благород-нымъ образомъ?» (П. 31).

«Негодное положеніе» поправилось только слегка, когда нако-нецъ Достоевскій былъ порадованъ первымъ, но чрезвычайно круп-нымъ успѣхомъ. Появленіе «Бѣдныхъ людей» открыло Фед. М—чу доступъ къ корифеямъ тогдашней литературы; онъ вошелъ даже въ аристократическія гостинныя, но въ результатѣ оказалась чрез-мѣрная трата времени и денегъ, а въ смыслѣ обезпеченія—полная зависимость отъ издателя «Отечественныхъ Записокъ», изъ долга которому Достоевскій не вышелъ до самого своего ареста въ 1849 году. Все это время Достоевскій всецѣло увлеченъ своимъ творче-ствомъ и литературными успѣхами, которые довели его самолюбіе до степени крайности, сдѣлавшейся замѣтной ему самому (П. 43). Достоевскій выходилъ на литературное поприще болѣе чѣмъ увѣрен-

ный въ силѣ своего таланта и въ ничтожествѣ наличныхъ литературныхъ силъ. Еще въ началѣ 1844 года онъ писалъ брату: «Въ литературѣ—поле чисто. Примуть съ восторгомъ!» (П. 29). Достоевскій не хотѣлъ отдавать свою повѣсть въ журналъ и мотивировалъ свои соображенія слѣдующимъ образомъ: «Тамъ рукописей довольно и безъ этой. Напечатають, денегъ не дадутъ. А на что мнѣ тутъ слава, когда я пишу изъ хлѣба?.. Отдавать вещь въ журналъ значитъ идти подъ яремъ не только главнаго Maître d'hotel'я, но даже всѣхъ чумичекъ и поваренковъ, гнѣздящихся въ гнѣздахъ, откуда распространяется просвѣщеніе. Напечатать самому значитъ пробиться впередъ грудью, и, если вещь хорошая, то она не только не пропадетъ, но окупитъ меня отъ долговой кабалы и дастъ мнѣ ѣсть» (П. 32). Съ такими замыслами выступалъ Достоевскій на литературное поприще, и самолюбіе его, дѣйствительно, съ перваго момента, было удовлетворено въ сильной мѣрѣ. За мѣсяць до появленія «Бѣдныхъ людей» о нихъ было столько говору въ Петербургѣ, что Достоевскій писалъ брату слѣдующія строки:

«Ну, братъ, никогда, я думаю, слава моя не дойдетъ до такой апогеи, какъ теперь. Всюду почтеніе неимоверное, любопытство насчетъ меня страшное. Я познакомился съ бездною народа самаго порядочнаго. Князь Одоевскій проситъ меня осчастливить своимъ посѣщеніемъ, а графъ С. (Сологубъ?) рветъ на себѣ волосы отъ отчаянія. Панаевъ объявилъ ему, что есть талантъ, который всѣхъ ихъ въ грязь втопчетъ. С. обѣгалъ всѣхъ и зашедши къ Краевскому, вдругъ спросилъ его: Кто этотъ Достоевскій? Гдѣ мнѣ достать Достоевскаго? Краевскій, который никому въ усь не дуется и рѣжетъ всѣхъ на пропалую, отвѣчаетъ ему, что Достоевскій не захочетъ вамъ сдѣлать чести осчастливить васъ своимъ посѣщеніемъ. Оно и дѣйствительно такъ: аристократишка теперь становится на ходули и думаетъ, что уничтожить меня величіемъ своей ласки. Всѣ меня принимаютъ, какъ чудо. Я не могу даже раскрыть рта, чтобы во всѣхъ углахъ не повторяли, что Достоевскій то-то сказалъ, Достоевскій то-то хочетъ дѣлать. Бѣлинскій любить меня, какъ нельзя болѣе. На дняхъ воротился изъ Парижа поэтъ Тургеневъ (ты вѣрно слыхалъ) и съ перваго раза привязался ко мнѣ такою привязанностью, такою дружбой, что Бѣлинскій объясняетъ ее тѣмъ, что Тургеневъ влюбился въ меня»... «У меня бездна идей и нельзя мнѣ рассказать что нибудь изъ нихъ хоть Тургеневу, чтобы завтра почти во всѣхъ углахъ Петербурга не знали, что Достоевскій пишетъ вотъ то-то и то-то. Ну, братъ, если бы я сталъ исчислять тебѣ всѣ успѣхи мои, то бумаги не нашлось бы столько. Я думаю, что у меня будутъ деньги. Голядкинъ выходитъ превосходно; это будетъ мой chef d'oeuvre. Вчера я въ первый разъ былъ у П. и, кажется, влюбился въ жену его. Она умна и хорошенькая, вдобавокъ любезна и прима до

нельзя. Время я провожу весело. Нашъ кружокъ пребольшой. Но я все пишу о себѣ; извини, любезнѣйшій; я откровенно тебѣ скажу, что я теперь почти упоенъ собственной славой своей». (П. 41—42).

Затѣмъ, въ письмѣ по выходѣ «Бѣдныхъ людей», вызвавшихъ самые противорѣчивые, но и самые живые отзывы, Достоевскій писалъ: «Сунуль же я имъ всѣмъ собачью кость! Пусть грызутся—мнѣ славу—дурачье—строить» (П. 43).

Мы сдѣлали всѣ эти выписки главнымъ образомъ для того, чтобы показать оригинальную исключительность интересовъ юнаго беллетриста. Интересы эти специально-литературнаго, а отнюдь не общественаго характера.

То, что называется взглядами и убѣжденіями, въ молодомъ Достоевскомъ представляется намъ чрезвычайно неяснымъ, неопределеннымъ и неуловимымъ. Онъ принимаетъ участіе въ глумленіи надъ славянофилами вмѣстѣ со своими литературными друзьями, задумавшими изданіе летучаго листка «Зубоскаль», гдѣ, какъ пишетъ Достоевскій, предполагалось между прочимъ описать «Послѣднее засѣданіе славянофиловъ, гдѣ торжественно докажется, что Адамъ былъ славянинъ и жилъ въ Россіи, и по сему случаю покажется вся необыкновенная важность и польза разрѣшенія такого великаго соціальнаго вопроса для благоденствія и пользы всей русской націи» (П. 40).

Предположивъ, наконецъ, что извѣстный строй мыслей, который привелъ Достоевскаго на каторгу не могъ выразиться въ письмахъ, обратимся къ самому процессу Петрашевцевъ и посмотримъ, представителемъ какихъ взглядовъ и идей явился здѣсь Достоевскій.

Приговоръ, сославшій Достоевскаго въ каторгу, гласилъ, что онъ ссылается за участіе въ преступныхъ замыслахъ и распространеніи письма литератора Бѣлинскаго. Въ дѣлѣ о немъ, сверхъ общаго указанія на посѣщеніе имъ собраній у Петрашевскаго, сказано только: «принималъ участіе въ разговорахъ о строгости цензуры и на одномъ собраніи въ мартѣ 1849 года прочелъ полученное изъ Москвы отъ Плещеева письмо Бѣлинскаго о Гоголѣ; потомъ читалъ его на собраніяхъ у Дурова и отдалъ для списанія копии Монбелли. На собраніяхъ у Дурова слушалъ чтеніе статей, зналъ о предположеніи завести литографію у Спѣшневъ, слышалъ чтеніе (составленной Григорьевымъ) «Солдатской бесѣды» (М. 97).

Всѣ царившія въ кружкѣ Петрошевцевъ социалистическія мечтанія Достоевскій совершенно отрицалъ и говорилъ, что «жизнь въ икарійской коммунѣ или фаланстера представляется ему хуже всякой каторги» (М. 92).

Видѣнъ-ли во всемъ этомъ заговорщикъ, послѣдовательный разрушитель общественаго строя? Нѣтъ-ли здѣсь скорѣе отзывчиваго

художника, съ увлеченіемъ пропагандирующаго художественно-страстное письмо Бѣлинскаго, съ увлеченіемъ, раздѣлявшимся въ свое время всею мыслившею Россіей? Единственно, что было Достоевскому ясно изъ области общественныхъ идеаловъ—это необходимость освобожденія крестьянъ. Художника возмущало это безобразное явленіе русской жизни, и онъ, какъ рассказываетъ г. Милуковъ (М. 85), восторженно читалъ:

«Увижу-ль, о друзья, народъ не угнетенный
И рабство падшее по манію Царя,
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ-ли наконецъ прекрасная заря?»

Молодой Достоевскій неуклонно слѣдовалъ идеалу, намѣченному Пушкинымъ и тѣмъ шель какъ разъ въ уровень съ лучшими людьми своего времени.

Вообще, Достоевскаго тянуло въ кружокъ Петрашевцевъ, какъ въ наиболѣе возможную для него интеллигентную среду, которая была нужна ему для пополненія своего далеко не законченнаго образованія. Это было для него тѣмъ болѣе необходимо, что лихорадочная литературная дѣятельность и масса завязавшихся отношеній, въ связи съ довольно беспорядочной жизнью, не давали очнуться, задуматься и сколько нибудь серьезно слѣдить за ходомъ просвѣщенія. Онъ самъ пишетъ объ этой порѣ своей жизни тому же брату своему. «Ты не повѣришь, вотъ уже третій годъ литературнаго моего поприща я какъ въ чаду. Не вижу жизни, некогда опомниться; наука уходитъ за невременьемъ. Хочется установиться. Сдѣлали мнѣ извѣстность сомнительную и я не знаю, до которыхъ поръ пойдетъ этотъ адъ, тутъ бѣдность, срочная работа,—кабы покой»! (П. 65).

А, между тѣмъ, петля затягивалась все туже и туже; наступали иногда даже моменты отчаянія, и Достоевскій писалъ: «Экъ, сколько труда и тягости разной нужно перенести сначала, чтобы устроить себя. Здоровье свое, напиримѣрь, нужно пускать на авось, а обезпеченіе чортъ знаетъ еще когда будетъ» (П. 54). Ко всему этому у молодого автора было ясное убѣжденіе, что только блестящій успѣхъ могъ обезпечить правильное развитіе его таланта, и онъ съ горечью писалъ про себя: «Я тогда только могу по казать, что я человѣкъ съ сердцемъ и любовью, когда самая внѣшность, обстоятельства, случай, вырветъ меня насильно изъ обыденной пошлости (П. 63).

Но случая этого не предвидѣлось. Напротивъ, съ ужасающей ясностью опредѣлялась перспектива кабалы у издателей, дающихъ деньги впередъ и абсолютная невозможность работать *сop amoge*. Въ такіе моменты впечатлительный человѣкъ готовъ разомъ покончить съ своимъ существованіемъ; если же ему жалко себя и своихъ силъ и вообще онъ отличается живучестью, тогда душа жаждетъ какого нибудь перелома, хоть бы даже въ худшую

сторону. Была еще, конечно, возможность внутреннего перелома въ нѣдрахъ своей собственной души на почвѣ ограниченія въ жизни и собственнаго самообузданія и самоистязанія. Но мы уже раньше говорили, что живая, впечатлительная и отзывчивая натура Достоевскаго была къ этому неспособна, и молодой художникъ энергично протестовалъ противъ такой дисциплины жизни въ слѣдующихъ характерныхъ строкахъ: «Но, Боже мой! Какъ много отвратительныхъ, подло-ограниченныхъ сѣдобородыхъ мудрецовъ, знатоковъ, фарисеевъ жизни, гордящихся опытностью, то есть своею безличностью (ибо всѣ въ одну мѣрку сточаны) негодныхъ, которые вѣчно проповѣдуютъ довольство судьбой, вѣру во чтò-то, ограниченіе въ жизни и довольство своимъ мѣстомъ, не вникнувъ въ сущность словъ этихъ, — довольство, похожее на монастырское истязаніе и ограниченіе, и съ неистощимою мелкою злостью осуждающихъ сильную, горячую душу невыносящаго ихъ пошлаго дневнаго росписанія и календаря жизненнаго. Подлецы они съ ихъ водевильнымъ земнымъ счастіемъ. Подлецы они! Встрѣчаются иногда и бѣсятъ мучительно» (II. 61).

Внутри, такимъ образомъ, не было силы, чтобы повернуть съ корнемъ все свое существованіе и потому переломъ необходимо долженъ былъ прійти изъ внѣ. Такимъ переломомъ для Достоевскаго былъ арестъ и, затѣмъ, ссылка. Вотъ гдѣ, намъ кажется, коренится его усердная въ послѣдствіи благодарность судьбѣ за такой въ сущности жестокой и безпощадный ударъ, какъ четырехлѣтняя каторга. Этотъ ужасный періодъ его жизни художественно воспроизведенъ въ столь извѣстныхъ «Запискахъ изъ Мертваго Дома». Интересно лишь разобратъ въ одномъ вопросѣ: когда у Достоевскаго и его не въ мѣру ревностныхъ поклонниковъ сложилась теорія исправленія и правильной постановки человѣческихъ характеровъ, при помощи такихъ, на примѣръ героическихъ средствъ, какъ каторжныя работы.

Въ «Дневникѣ Писателя» за 1873 годъ, Достоевскій говоритъ о той внутренней переработкѣ, которая совершалась въ немъ тогда, въ періодъ каторжной жизни. Въ основѣ ея лежало, говоритъ онъ, «непосредственное соприкосновеніе съ народомъ, братское соединеніе съ нимъ въ общемъ несчастіи, понятіе, что самъ сталъ такимъ же какъ онъ, съ нимъ сравненъ и даже приравненъ къ самой низшей ступени его... Это не такъ скоро произошло, прибавляетъ онъ, а постепенно и послѣ очень долгаго времени... Мнѣ очень трудно было-бы рассказать исторію перерожденія моихъ убѣжденій», заключаетъ онъ, не усматривая, стало быть, такой полной исторіи въ «Запискахъ изъ Мертваго Дома» (M. 135).

Мы вслѣдъ за г. Миллеромъ вполне готовы признать, что въ «Мертвомъ Домѣ» не заключается раскрытія глубокаго внутренняго перелома, пережитаго Достоевскимъ, да этого и не могло

быть въ виду того, что «Записки изъ Мертваго Дома» есть произведеніе широко-объективное, въ которомъ свое я художника-наблюдателя исчезаетъ въ многообразіи ярко изображенныхъ явленій и, какъ выражался самъ Достоевскій, «рожа сочинителя» не показана (II. 44). Но обратившись опять таки къ письмамъ самого Достоевскаго, тотчасъ по выходѣ изъ каторги (Семипалатинскъ, 6 ноября, 1854), читаемъ слѣдующее: «Вотъ уже скоро 10 мѣсяцевъ, какъ я вышелъ изъ каторги и началъ мою новую жизнь. А тѣ 4 года считаю я за время, въ которое я былъ похороненъ живой и закрытъ въ гробу. Что за ужасное было это время, не въ силахъ я рассказать тебѣ, другъ мой. Это было страданіе невыразимое, безконечное, потому что всякій часъ, всякая минута тяготѣла какъ камень у меня на душѣ. Во всѣ 4 года не было мгновенія, въ которое бы я не чувствовалъ, что я въ каторгѣ. Но что рассказывать! Даже если бы я написалъ къ тебѣ 100 листовъ, то и тогда ты не имѣлъ бы понятія о тогдашней жизни моей. Это нужно по крайней мѣрѣ видѣть самому, — я уже не говорю испытать. Но это время прошло и теперь оно сзади меня, какъ тяжелый сонъ, такъ же какъ выходъ изъ каторги представлялся мнѣ прежде, какъ свѣтлое пробужденіе и воскресеніе въ новую жизнь» (II. 75).

Вотъ что чувствовалъ Достоевскій по выходѣ изъ каторги, проживая въ Семипалатинскѣ на службѣ солдатомъ въ 7-мъ линейномъ баталіонѣ, больной, измученный, удручаемый фронтомъ, ученьями, смотрами, лишенный правъ гражданства и, самое главное, права писать. Но его живучая натура все таки брала свое и Достоевскій имѣлъ достаточно жизненной силы, чтобы говорить: «Не теряя надежды, смотрю я впередъ довольно бодро» (II. 76). Опять надо было «пробивать дорогу вкривь и вкося, на право и на лѣво», чтобы какъ нибудь выбиться. И здѣсь два живительныя начала поддерживали его: желаніе найти тихую пристань въ лонѣ семейнаго счастья, которое онъ считалъ теперь выше всего на свѣтѣ (II. 75), и стремленіе поставить снова въ первыхъ рядахъ свое литературное имя. Первое оказалось легче втораго. Достоевскій въ это время горячо полюбилъ и, не смотря на самое тяжелое матеріальное положеніе, женился на М. Д. Исаевой. Теперь возрожденнаго Достоевскаго волнуютъ всецѣло двѣ мысли: обезпечить спокойное существованіе семьѣ и самому себѣ и снова стать въ ряды литературы. Послѣднее, думалъ онъ, важнѣе всего и должно было дать толчекъ всему остальному. Возбудивъ при помощи своихъ друзей и покровителей ходатайство объ улучшеніи своей участи, Достоевскій на первомъ мѣстѣ ставилъ разрѣшеніе печататься и въ мартѣ 1856 года писалъ барону Врангелю: «Хочу формально просить печатать. Если позволятъ, то я на всю жизнь съ хлѣбомъ. Теперь не такъ какъ прежде, столько обдѣ-

ланнаго, столько обдуманнаго и такая энергія къ письму! Надѣюсь написать романъ (къ сентябрю) получше «Бѣдныхъ людей». Вѣдь если позволятъ печатать—вѣдь это гуль пойдетъ, книга раскупится, доставитъ мнѣ деньги, значеніе, обратитъ на меня вниманіе правительства, да и возвращеніе прійдетъ скорѣе» (II. 88).

Но понимая инстинктивно, что все его будущее заключается въ литературной дѣятельности, Достоевскій, послѣ столь продолжительнаго перерыва, не могъ сразу разобраться въ своихъ впечатлѣніяхъ и мысляхъ и не зналъ за что взяться съ перомъ въ рукѣ. Онъ пишетъ стихи на коронацію и заключеніе мира, затѣваетъ писать политическій памфлетъ съ «самыми патриотическими идеями» (II. 94), письмо объ искусствѣ, съ тѣмъ, чтобы посвятить ихъ великой княгинѣ Маріи Николаевнѣ, но все это, кромѣ стиховъ, остается лишь въ проектѣ; съ другой стороны, онъ довольно небрежно относится къ возможности художественнаго воспроизведенія пережитой каторги, видимо далеко еще отъ мысли художественно разработать тему «Мертваго Дома», и въ январѣ 1856 года пишетъ Майкову слѣдующія строки: «Въ часы, когда мнѣ нечего дѣлать, я кое-что записываю изъ воспоминаній моего пребыванія въ каторгѣ, что было полубопытнѣе. Впрочемъ, тутъ мало чисто личнаго. Если кончу и когда нибудь будетъ очень удобный случай, то пришлю вамъ экземпляръ, написанный моею рукою, на память обо мнѣ» (II. 83—84).

Однимъ словомъ, съ одной стороны обстоятельства и тяжело прожитая жизнь заставляли опредѣлить самому себѣ и другимъ тотъ или другой строй мыслей, а съ другой — Достоевскій оставался прежнимъ отзывчивымъ художникомъ, образы тѣснились въ его головѣ, онъ проектировалъ романъ за романомъ, а, главное, набрасывалъ «Мертвый Домъ».

Между тѣмъ, залежавшаяся въ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», еще съ 1849 года, повѣсть, появилась только въ 1858 году и въ литературномъ мірѣ имя Достоевскаго было сильно призабыто. Приходилось чуть не съ-изнова начинать литературное поприще, а для того, чтобы работать, надо было имѣть досугъ и обезпеченіе. Достоевскій, какъ человѣкъ пострадавшій изъ-за свободнаго образа мыслей, могъ бы, казалось, разсчитывать теперь на поддержку со стороны представителей того-же направленія.

Но съ руководителемъ главнаго органа этого направленія—Некрасовымъ у Достоевскаго были старые непріятные счеты. Рука помощи явилась прежде всего со стороны человѣка, съ которымъ Достоевскій не былъ связанъ никакими традиціями. Это былъ М. Н. Катковъ, который, по первому же письму Достоевскаго, предложившаго ему свое сотрудничество, выслалъ сейчасъ же просимую имъ сумму денегъ. Другой поддержкой для Достоевскаго явился графъ Куселевъ, предпринявшій тогда изданіе «Русскаго Слова».

Вмѣстѣ съ тѣмъ, лѣтомъ 1859 года, по прошенію на Высочайшее имя и въ силу особыхъ ходатайствъ, Достоевскій выпущенъ былъ въ отставку и получилъ разрѣшеніе переѣхать въ Тверь, а въ слѣдующемъ году былъ уже въ Петербургѣ.

За все это время, письма Достоевскаго посвящены важнѣйшимъ для него въ тотъ моментъ вопросамъ: разрѣшенію вернуться, разрѣшенію печатать свои сочиненія и помѣщенію своихъ трудовъ въ тогдашнихъ журналахъ, съ условіемъ высылки денегъ впередъ. Понятно, что весь этотъ періодъ Достоевскому было не до того, чтобы развивать и вырабатывать свой образъ мыслей, помимо того, насколько онъ формировался самой жизнью его.

Между тѣмъ, переѣхавъ въ Петербургъ, Ѳед. Мих. чувствовалъ себя далеко не хорошо и въ письмахъ этого времени (см. М. 166) отзывался о Петербургѣ очень неодобрительно. Онъ нашелъ здѣсь старыхъ друзей каждаго въ отдѣльности глубоко къ нему расположенныхъ, но не нашелъ кружка съ сильными средствами для того, чтобы поддержать развитіе его таланта. Впрочемъ, кружокъ А. П. Милюкова въ значительной мѣрѣ сплочивалъ людей близкихъ Достоевскому по старымъ воспоминаніямъ, а также людей, съ которыми онъ близко сошелся впоследствии. А П. Милюковъ былъ тогда главнымъ сотрудникомъ журнала «Свѣточъ», гдѣ предполагалось, между прочимъ, помѣщеніе романа Достоевскаго, но дѣло это не состоялось.

Какъ бы-то ни было, къ осени 1860 года, сгруппировался уже значительный кружокъ около самихъ братьевъ Достоевскихъ, заявившихъ тогда же пространными объявленіями объ изданіи журнала «Время». Къ сожалѣнію, за это время переписка Достоевскаго изсякаетъ, и мы не знаемъ, при какихъ условіяхъ братья Достоевскіе рѣшились на такое крупное предпріятіе. Конечно, главный расчетъ здѣсь возлагался на силу художественнаго таланта Ѳед. Мих., который получалъ теперь возможность на страницахъ своего собственнаго журнала развернуться со всей свойственной ему ширью. Исполнялась же притомъ и юношеская мечта Ѳед. Мих.—освободиться отъ издательской кабалы у литературныхъ антрепренеровъ.

Но если главную силу въ журналѣ составлялъ художественный талантъ, то и направленіе журналу слѣдовало бы дать чисто-художественное, что его рѣзко выдѣляло бы изъ всей періодической печати того времени. А что Ѳед. Мих. опять таки былъ тогда истымъ художникомъ и никакъ не публицистомъ-теоретикомъ, о томъ говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ такой близкій къ нему человѣкъ, какъ Н. Н. Страховъ, который пишетъ: «Безпрестанно вдумываясь въ современныя явленія и гордясь ихъ увлеченіемъ въ своихъ произведеніяхъ, Ѳед. Мих. въ то же время готовъ былъ ставить выше всего строгія требованія искусства и былъ почти безукоризненно чистъ отъ всякой исключительности... Художество само

по себѣ восхищало его безъ всякихъ условій и подь конецъ онъ прямо твердилъ знаменитую формулу искусства для искусства» (274, 275).

И вотъ, съ такими-то задушевными тенденціями Достоевскій ринулся въ море петербургской журналистики, которая въ то время особенно бурлила и шумѣла, а главное, каждый журналъ долженъ былъ строго предъавлять свое собственное направленіе, и на прокрустово ложе этого послѣдняго считалось долгомъ возлагать всѣхъ и вся.

Время исторіи шестидесятихъ годовъ далеко еще не пришло. Слишкомъ еще немного отошло оно въ область минувшаго, слишкомъ еще мало явилось печатныхъ матерьяловъ для сужденія объ этомъ времени. Поэтому мы не рѣшаемся пускаться въ оборотъ сужденія и характеристики г. Страхова и входить въ подробный рассказъ о возникновеніи и паденіи журналовъ братьевъ Достоевскихъ. Для того же, чтобы уяснить фізіономію журнала «Время», обратимся къ словамъ челоуѣка, извѣстнаго своею прямою и устойчивостью своихъ взглядовъ. И. С. Аксаковъ, 6-го іюня 1863 года, писалъ Н. Н. Страхову слѣдующія глубоко характерныя строки: «Вы напрасно ссылаетесь на направленіе «Времени». Хотя оно постоянно кричало о томъ, что у него есть направленіе, но никто на это направленіе не обращалъ вниманія. Оно имѣло значеніе, какъ хорошій беллетристическій журналъ, болѣе чистый и честный, чѣмъ другіе, но претензіи его были всѣмъ смѣшны. Тамъ могли быть помѣщаемы и помѣщались и хорошія статьи...., —но все это не давало «Времени» никакого цвѣта, никакой силы. Ему недоставало высшихъ нравственныхъ основъ, честности высшаго порядка. Оно имѣло безстыдство напечатать въ программѣ, что первое въ русской литературѣ провозгласило и открыло существованіе русской народности! Нѣтъ такого врага славянофиловъ, который бы не возмутился этимъ. Потомъ—это наивное объявленіе, что славянофильство—моментъ отжившій, а пути къ жизни, новое слово, теперь у «Времени»! Славянофилы могутъ всѣ умереть до одного, но направленіе данное ими не умереть,—и я разумѣю направленіе во всей его строгости и неуступчивости, неприлаженное ко вкусу петербургской кананирующей публики. Вотъ это волокитство за публикой, это желаніе служить и нашимъ, и вашимъ, это трактованіе славянофиловъ свысока во «Времени» и съ презрѣніемъ въ первой программѣ «Времени», это уронило журналъ въ общемъ мнѣніи публики, а славянофилы, какъ вы знаете, нигдѣ, ни единымъ словомъ даже не задѣли «Времени», потому что убѣжденія ихъ не вопросъ личнаго самолюбія... (М. 256, 257). Самъ Достоевскій, въ письмѣ къ барону Врангелю (М. 277), съ полнымъ правомъ говорить, что фуроръ произведенный «Мертвымъ Домомъ» и романомъ «Униженные и оскорбленные», упрочилъ за «Временемъ» успѣхъ, погуб-

ленный затѣмъ приостановленіемъ журнала за статью г. Страхова «Роковой вопросъ».

Грустное происшествіе по поводу статьи «Роковой вопросъ», весьма интересное для исторіи шестидесятыхъ годовъ, имѣетъ, для исторіи развитія художественнаго таланта Ф. М. Достоевскаго, значеніе чисто внѣшнее: запрещеніе журнала «Время» снова выбило Фед. Мих. изъ благопріятной колеи, что, въ связи съ тяжелыми обстоятельствами, привело его, въ концѣ концовъ, въ самое безотрадное положеніе. Впрочемъ, всю эту грустную исторію передадимъ въ краткихъ, но искреннихъ словахъ самого Фед. Мих. въ письмѣ его къ барону Врангелю отъ 31 марта 1865 года. «Вы знаете, вѣроятно, что братъ затѣялъ четыре года назадъ журналъ. Я ему содрудничалъ. Все шло прекрасно. Мой «Мертвый Домъ» сдѣлалъ буквально фуроръ, и я возобновилъ имъ свою литературную репутацію. У брата были огромные долги при началѣ журнала, и тѣ стали оплачиваться,—какъ вдругъ въ 1863 году, въ маѣ, журналъ былъ запрещенъ за одну самую горячую и патріотическую статью, которую ошибкой приняли за самую возмутительную—противъ правительственныхъ дѣйствій и общественнаго тогдашняго настроенія. Правда, и писатель былъ отчасти виноватъ; слишкомъ перетонилъ, и его поняли обратно. Дѣло скоро поняли какъ надо, но ужъ журналъ былъ запрещенъ. Съ этой минуты дѣла брата приняли крайнее разстройство, кредитъ его пропалъ, долги обнаружались, а заплатить было нечѣмъ. Братъ выхлопоталъ себѣ позволеніе продолжать журналъ, подъ новымъ названіемъ «Эпоха». Позволеніе вышло только въ концѣ февраля 1864 года; 1-й номеръ не могъ появиться раньше 20-го марта. Журналъ значитъ опоздалъ, подписка уже повсемѣстно кончилась, потому что публика подписывается на всѣ журналы по старой привычкѣ только въ 3 мѣсяца, въ декабрѣ, январѣ и февралѣ. Надо было удовлетворить прежнихъ подписчиковъ, которые не получили разчета при прекращеніи «Времени». Имъ объявлено было, чтобы они досылали по шести рублей за «Эпоху» 1864 года. Такъ какъ новыхъ подписчиковъ почти не было, а были все старые, досылавшіе по шести рублей, то стало-быть братъ долженъ былъ издавать журналъ себѣ въ убытокъ. Это окончательно его разстроило и доканало. Онъ началъ дѣлать долги, здоровье же его стало разстраиваться. Меня подлѣ него въ это время не было. Я былъ въ Москвѣ подлѣ умиравшей жены моей. Да, Александръ Егоровичъ, да, мой безцѣнный другъ, вы пишете и соболѣзнуете о моей роковой потерѣ, о смерти моего ангела брата Миши, а не знаете, до какой степени меня судьба задавила! Другое существо, любившее меня, и которое я любилъ безъ мѣры, жена моя умерла въ Москвѣ, куда переѣхала за годъ до смерти своей отъ чахотки» (М. 277, 278).

Изданіе «Эпохи» и необходимость поддерживать семью брата

уже всѣмъ бременемъ легли на Ѳед. М—ча. Со второй книжкой «Эпохи» за 1865 годъ всѣ ресурсы истощились и наступило полное паденіе, подробности котораго намъ слишкомъ мало извѣстны; г. Страховъ говорить по этому только слѣдующее: «Впродолженіе всего этого времени мы съ нимъ не видались. У насъ вышла первая размолвка, о которой не стану рассказывать. Отчасти, но лишь въ самой ничтожной части, тутъ участвовали и тѣ неудовольствія и затрудненія, которыя бываютъ при паденіи общаго дѣла. Приходится дѣлить общее несчастье, и каждый изъ участниковъ естественно старается, чтобы его доля была какъ можно меньше. Грустно вспоминать черты эгоизма, которыя такимъ образомъ обнаруживаются» (М. 284).

Чтобы спасти погибающее зданіе своей жизни, Достоевскому надо было опять таки всецѣло обратиться къ эксплуатаціи своей основной душевной способности, къ художественно-беллетристическимъ работамъ, но и это было теперь не легко.

«Я охотно бы пошелъ въ каторгу, писалъ Достоевскій объ этомъ времени, на столько же лѣтъ, чтобы уплатить долги и почувствовать себя опять свободнымъ. Теперь опять начну писать романъ изъ-подъ палки, т. е. изъ нужды, на-скоро. Онъ выйдетъ эффектенъ, но то-ли мнѣ надобно! Работа изъ нужды, изъ-за денегъ, задавила и съѣла меня» (М. 282).

Но палка и нужда не задавили таланта, а, напротивъ, вызвали самое энергичное напряженіе всѣхъ его творческихъ силъ. Романъ о которомъ говорить Достоевскій, былъ не чтò иное, какъ «Преступленіе и Наказаніе», который, съ января 1866 года, началъ печататься въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Съ этого же момента Достоевскій дѣлается неоплатнымъ должникомъ г. Каткова, но отношеній этихъ нельзя назвать кабалой, и можно сказать, что мы обязаны г. Каткову сохраненіемъ для насъ таланта Достоевскаго. Въ то же время другой случай въ жизни Достоевскаго привелъ къ результатамъ чрезвычайно благоприятнымъ для упроченія его роли въ русской литературѣ.

Связанный самымъ беспощаднымъ обязательствомъ передъ издателемъ своихъ сочиненій Стелловскимъ, Ѳед. Мих. долженъ былъ въ одинъ мѣсяцъ написать рассказъ въ размѣрѣ 7-ми печатныхъ листовъ, чтò и было исполнено, при помощи стенографистки, а таковою явилась Анна Григорьевна Сниткина, которая спустя нѣсколько мѣсяцевъ, сдѣлалась женою Ѳедора Михайловича.

Черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, въ апрѣлѣ 1867 года, Достоевскій уѣхалъ за границу, главнымъ образомъ, съ той цѣлью, чтобы на свободѣ отъ кредиторовъ предаться своему творчеству и привести въ исполненіе въ сильной мѣрѣ продуманныя и въ головѣ отдѣланныя художественныя тѣмы. Душа его была, можно

сказать, переполнена художественными образами, надо было только успѣть запечатлѣть все это на бумагѣ.

Молодая и энергичная помощница, въ лицѣ жены, много способствовала осуществленію его задачи, и годы заграничной жизни были временемъ необычайной производительности Достоевскаго. Матерьяльная нужда, не смотря на большіе авансы Каткова, сильно тѣснила Достоевскаго и побуждала его усерднѣе работать. Съ этимъ вмѣстѣ, въ письмахъ его къ друзьямъ (Майкову и Страхову) слышится постоянная жалоба на невозможность художественно отдѣлывать и вынашивать свои произведенія, и онъ, на примѣръ признаетъ самъ, что, замѣтно для себя, портитъ свой романъ «до грязи, до позора» (II. 314). Все это было тѣмъ болѣе горько для Фед. Мих., что онъ всей душой чувствовалъ необходимость новыхъ путей въ русской беллетристикѣ и писалъ въ письмѣ къ Страхову (1871 г.) слѣдующее: «А знаете, вѣдь это все помѣщичья литература (т. е. Тургеневъ, Толстой и т. д.). Она сказала все, что имѣла сказать (великолѣпно у Толстого). Но это въ высшей степени помѣщичье слово было послѣднимъ. Новаго слова, замѣняющаго помѣщичье, еще не было, да и некогда. Рѣшетниковы ничего не сказали. Но всетаки Рѣшетниковы выражаютъ мысль необходимости чего-то новаго въ художественномъ словѣ, уже не помѣщичьяго, хотя и выражаютъ въ безобразномъ видѣ» (II. 314).

Откликаясь на запросы и явленія времени, насколько это вообще свойственно живому человѣку, Фед. М.—чѣмъ тѣмъ не менѣе пишетъ въ письмѣ къ Майкову: «Задумавъ огромный романъ (съ направленіемъ—дикое для меня дѣло), полагалъ сначала, что слажу легко. И что-жъ? перемѣнялъ чуть не десять редакцій и увидалъ что тѣма oblige, а поэтому ужасно сталъ къ роману мнителенъ» (II. 235). Здѣсь видно, что ярмо тенденціи приходилось для Достоевскаго еще тяжелѣе матерьяльной нужды. Его же собственныя задушевные убѣжденія отличались такою ширью, что не мѣшали его творчеству захватывать въ рамки его картинъ всѣхъ и вся. Убѣжденія эти тогда уже вылились приблизительно въ такую формулу (см. письмо къ Страхову отъ 18 марта 1869 года по поводу направленія журнала «Заря»): «...окончательная сущность русскаго призванія состоитъ въ разоблаченіи передъ міромъ русскаго Христа, міру невѣдомаго и котораго начало заключается въ нашемъ родномъ православіи. По моему, въ этомъ вся сущность нашего могучаго будущаго цивилизаторства и воскрешенія хотя бы всей Европы и вся сущность нашего могучаго будущаго бытія. Но въ одномъ словѣ не выскажешься, и я напрасно даже заговорилъ. Но одно еще выскажу: не можетъ такое строгое, такое русское, такое охранительное и зиждительное направленіе журнала не имѣть успѣха и не отзываться радостно въ читателяхъ, послѣ

нашего жалкаго, напускнаго, съ раздраженными нервами, односторонняго и бесплоднаго отрицанья» (II. 272).

Здѣсь опять таки слышенъ художникъ, крѣпко держащійся за міросозерцаніе, дающее возможность увлекаться всѣмъ многообразіемъ жизненныхъ явленій, видѣ узкости заурядныхъ тенденцій и опредѣленій. Наконецъ, въ письмѣ къ Страхову, гдѣ онъ восхищается драматическимъ произведеніемъ одного современнаго автора и видитъ въ немъ новый великій талантъ, Достоевскій находитъ главное его достоинство въ томъ, что «это изображеніе въ самомъ дѣлѣ, именно то настоящее, чтò и было» (II. 279), т. е. Достоевскій восхищается непосредственно-художественнымъ и правдивымъ воспроизведеніемъ живой дѣйствительности, помимо какихъ бы-то ни было тенденцій.

Но вѣдь, къ сожалѣнію, бываютъ обстоятельства, когда и правду принимаютъ за тенденцію, когда вообще изображенные сюжеты начинаютъ пенять на зеркало. Достоевскому пришлось въ сильной мѣрѣ считаться съ такимъ отношеніемъ къ творчеству и онъ предвидѣлъ даже впередъ, чтò его ожидаетъ въ подобныхъ случаяхъ. Приступая къ печатанію «Вѣсовъ», онъ писалъ: «хочу высказаться откровенно и не заигрывая съ молодежью» (II. 236). Вѣдь не ради же какихъ-нибудь злобныхъ цѣлей рѣшился на это Достоевскій, а просто потому, что у него была художественная потребность изобразить назрѣвшее явленіе жизни. Иначе какъ объяснить столь интимныя отношенія Достоевскаго къ молодежи въ послѣдніе годы его жизни? Тѣ же запросы отзывчиваго художника, жаждущаго увидѣть и оцутить изображаемыя явленія, будили въ немъ чрезвычайное стремленіе вернуться на родину, потому что оторванный отъ почвы, онъ не такъ живо представлялъ себѣ русскую дѣйствительность. И вотъ, наконецъ, въ 1871 году, Достоевскій нашелъ возможность вернуться въ Петербургъ. По немногу всѣ кредиторы его были удовлетворены, и онъ съ большимъ спокойствіемъ могъ предаться творчеству.

1873 годъ прошелъ въ редактированіи «Гражданина». Объ этомъ эпизодѣ г. Страховъ сообщаетъ счетомъ двадцать строкъ и отказывается сказать, по какимъ поводамъ и соображеніямъ Оед. Мих. отказался отъ редакторства (II. 299).

Какъ бы-то ни было, втеченіе семидесятихъ годовъ, передъ глазами читающей публики, въ лицѣ Достоевскаго, выросъ крупный художникъ, и, какъ таковой, онъ пріобрѣталъ и все большія симпатіи, совершенно независимо отъ всякихъ партій и направленій. Изданіе «Дневника» имѣло огромный успѣхъ именно въ силу привлекательности художественнаго паюса его автора. На этихъ исполненныхъ живаго интереса страницахъ всякій доискивался прорывавшихся перловъ самой изящной и сильной поэзіи; и читателю было лестно и пріятно видѣть, какъ на глазахъ у него

совершался процесс непосредственнаго отраженія жизненныхъ явленій въ мышленіи и воображеніи художника. Самое изданіе «Дневника» было предпринято съ чисто-художественною цѣлю: вступивъ въ непосредственныя отношенія съ публикой, обновить запасъ наблюденій и фактовъ. И дѣйствительно, расчетъ оказался болѣе чѣмъ вѣренъ: задуманные необыкновенно широко «Братья Карамазовы» захватили одной кистью всю пеструю картину русской жизни.

Русская публика поняла нѣсколько иначе значеніе «Дневника», поняла для себя и довольно быстро усвоила себѣ представленіе о Достоевскомъ, какъ о человѣкѣ, открывшемъ у себя всеобщую исповѣдальню и раздающемъ направо и налево разрѣшенія и отпущенія грѣховъ. Здѣсь въ сильной мѣрѣ проявился общественный эгоизмъ: насколько полезна была, для эстетическихъ цѣлей, масса писемъ, адресованныхъ къ Достоевскому, на столько же было безпощадно требовать отъ него отвѣтовъ на всѣ безчисленные и самыя разнообразныя вопросы. Все это исходило изъ ходячаго убѣжденія, что художникъ, одаренный силой воспроизведенія общественныхъ явленій и характеровъ, обладаетъ не только пониманіемъ этихъ послѣднихъ, но кромѣ того, подобно оракулу, вѣдаетъ разрѣшеніе всѣхъ жизненныхъ задачъ и душевныхъ конфликтовъ.

Гордый возрастающимъ къ нему довѣріемъ, даже среди рядовъ еще такъ недавно враждебныхъ, Достоевскій, съ свойственною ему мягкостью, старался отвѣчать всѣмъ своимъ корреспондентамъ, но, конечно, никакихъ сомнѣній не разрѣшалъ и вопросы не уяснялъ, о чемъ нѣкоторымъ и самъ откровенно рѣшался заявить, напримѣръ въ слѣдующихъ строкахъ письма къ какой-то дамѣ отъ 28-го февраля, 1878 года: «Вы думаете, я изъ такихъ людей, которые спасаютъ сердца, разрѣшаютъ души, отгоняютъ скорбь? Многіе мнѣ это пишутъ, но я знаю навѣрное, что способенъ скорѣе вселить разочарованіе и отвращеніе. Я убаюкивать не мастеръ, хотя иногда и брался за это. А вѣдь многимъ существамъ только и надо, чтобы ихъ убаюкали» (II. 329).

Достоевскій понималъ, что онъ своими художественными образами будить общественную мысль и индивидуальное сознаніе, и что въ этомъ-то и состоитъ назначеніе писателя, а не въ томъ, чтобы своимъ словомъ побудить человѣка поступить на тѣ, а не на другіе женскіе курсы (см. письмо къ г-жѣ Герасимовой, 332—5) или же просто тоскующей душѣ доставить свой автографъ, состоящій изъ общихъ любезныхъ фразъ.

Вообще, русское общество въ послѣдніе годы не жалѣло Достоевскаго, поступая съ нимъ подобно людямъ, которымъ нельзя дать въ руки порядочной вещи, чтобы они ее не испортили.

Душа его и запросы художественной дѣятельности требовали какъ можно больше спокойствія, а тутъ со всѣхъ сторонъ предъявляли къ нему свои права свѣтскіе салоны, устроители литера-

турныхъ чтеній, студенты, студентки и пр. и пр. (См. М. 316). Надо было предоставить Достоевскому появляться лишь тамъ, куда онъ самъ стремился всей душой; только тогда онъ и являлся, дѣйствительно, во всей силѣ своего паюса.

Такъ и было на самомъ дѣлѣ на Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ. Прекрасная рѣчь, сказанная здѣсь Федоромъ Михайловичемъ, въ сущности не представляла сама по себѣ ничего новаго для тѣхъ, кто сколько-нибудь помнитъ Бѣлинскаго и А. Григорьева; но слушателей, вмѣстѣ съ самимъ ораторомъ, охватило то высокое эстетическое возбужденіе, которымъ проникнута его рѣчь. Впечатлѣніе, произведенное этой рѣчью, г. Страховъ описываетъ такимъ образомъ: «Восторгъ, который разразился въ залѣ по окончаніи рѣчи, былъ неизобразимый, непостижимый ни для кого, кто не былъ его свидѣтелемъ. Толпа, давно зарядившаяся энтузіазмомъ, и изливавшая его на все, что казалось для того удобнымъ, на каждую громкую фразу, на каждый звонко произнесенный стихъ, эта толпа вдругъ увидѣла человѣка, который самъ весь полонъ былъ энтузіазма, вдругъ услышала слово уже несомнѣнно достойное восторга, и она захлебнулась отъ волненія, она ринулась всею душою въ восхищеніе и трепеть. Мы тутъ всѣ принялись цѣловать Федора Михайловича; нѣсколько человѣкъ, вопреки правиламъ, стали пробираться изъ залы на эстраду; какой-то юноша, какъ говорятъ, когда добрался до Федора Михайловича, упалъ въ обморокъ» (М. 310). — Достоевскій признанъ былъ теперь первокласснымъ писателемъ и на признаніи его таковымъ сошлись теперь люди рѣшительно всѣхъ сортовъ. И эта всеобщность общественнаго приговора была бы совершенно непонятна, если бы привязать Достоевскаго къ одному какому-нибудь теченію общественной жизни. Его широкообъемлющій талантъ примирялъ въ себѣ всѣ самыя враждебныя элементы; потому-то такой густой толпой собрались всѣ поклонники его таланта за его гробомъ, когда смерть безвременно оторвала его отъ жизни, въ самый расцвѣтъ его дѣятельности.

Если за гробомъ Достоевскаго шли и несли вѣнки самыя различные люди, то это свидѣтельствуешь только о томъ, что всѣ сознательно и безсознательно чтили въ немъ высокій поэтический талантъ, и русскимъ обществомъ руководили въ данномъ случаѣ тѣ же чувства, какія соединили всѣхъ мыслящихъ людей въ день открытія памятника Пушкину, день знаменательный и въ жизни Достоевскаго.

Какъ невозможно расчленивъ безусловно-цѣльную поэтическую дѣятельность Пушкина въ угоду различныхъ направленій, изъ которыхъ каждому онъ отдалъ дань въ силу своей всесторонности, такъ же точно напрасны притязанія сдѣлать изъ Достоевскаго пророка одной какой-нибудь узкой партіи.

Евгеній Гаршинъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О Р. А. ФАДЪЕВЪ.

ВЪ ОДЕССѢ, 29-го декабря прошлаго года, скончался Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ, авторъ многочисленныхъ изслѣдованій о политическомъ строѣ Россіи, о преобразованіяхъ въ ея государственномъ устройствѣ, о ея военныхъ силахъ и проч. Въ продолженіе послѣднихъ двадцати лѣтъ, Р. А. Фадѣевъ, обладавшій выдающимися способностями, неумоимо работалъ своимъ талантливымъ перомъ на избранномъ имъ публицистическомъ поприщѣ. Какъ и всякій, онъ могъ ошибаться, но всѣ его литературные труды проникнуты чувствомъ искренней любви къ Россіи, ко всему русскому, желаніемъ усиленія и окрѣпленія нашего государства, на страхъ его врагамъ, на благо его гражданамъ.

Въ теченіе нѣкотораго времени я находился съ Р. А. Фадѣевымъ въ близкихъ отношеніяхъ по его литературнымъ трудамъ. Нашему сближенію содѣйствовало слѣдующее обстоятельство:

Въ январѣ 1854 года, въ редакціи «Сѣверной Пчелы» получено было подробное описаніе сраженія при Башкадыкларѣ, 19-го ноября 1853 года, въ которомъ наши молодецкія кавказскія войска, подъ начальствомъ князя Бебутова, на голову разбили турецкую армію, значительно превосходившую ихъ своею численностью. Между тѣмъ какъ на Дунаѣ наши военныя дѣла шли тогда не блистательно, битва при Башкадыкларѣ была второю значительною побѣдою кавказцевъ въ Азіатской Турціи, послѣ сраженія подъ Ахалцыхомъ, гдѣ русскими войсками командовалъ князь Андрониковъ. Описаніе башкадыкларской битвы было составлено, какъ оказалось, молодымъ оберъ-офицеромъ Фадѣевымъ. Живо, увлекательно, литературнымъ слогомъ, представилъ онъ различные, наиболѣе интересные и замѣчательные, моменты этого сраженія, котораго онъ, по всѣмъ даннымъ его статьи,

былъ, повидимому, очевидцемъ. Авторъ общалъ, въ письмѣ въ редакцію, описывать всѣ военныя событія тогдашней кампаніи въ Азіатской Турціи по мѣрѣ накопленія у него матеріаловъ.

Прочитавъ статью г. Фадѣева и не видя въ ней никакого противорѣчія съ тогдашними цензурными правилами, я немедленно отвѣчалъ автору, что редакція съ удовольствіемъ напечатаетъ его литературное произведеніе и просилъ продолжать присылку своихъ описаній военныхъ событій. Я рассчитывалъ уже на оживленіе газеты интересными военными очерками наступающихъ важныхъ событій, но на практикѣ этимъ надеждамъ не суждено было осуществиться.

Статья г. Фадѣева, по цензурнымъ предписаніямъ того времени, подлежала, до представленія ея въ общую цензуру, предварительному разсмотрѣнію военного вѣдомства, почему и была отправлена въ военно-цензурный комитетъ. Для ускоренія времени, редакціямъ газетъ разрѣшено было посылать въ этотъ комитетъ статьи непосредственно отъ себя и, такимъ образомъ, обходить лишнюю инстанцію, въ видѣ петербургскаго цензурнаго комитета, чрезъ который собственно, если бы придерживаться строго закона, слѣдовало бы отправлять статьи въ военную цензуру. Чрезъ нѣсколько дней статья г. Фадѣева возвратилась въ редакцію «Сѣверной Пчелы» съ надписью: «не разрѣшена къ напечатанію».

Почему? На какомъ основаніи военная цензура запретила статью, вполнѣ «благонамѣренную», какъ тогда выражались цензора, если желали хорошо аттестовать какое либо литературное произведеніе? Я отправился къ тогдашнему предсѣдателю военно-цензурнаго комитета, генераль-лейтенанту барону Медему. Это былъ человѣкъ умный, просвѣщенный, привѣтливый, но педантъ и, согласно военной дисциплинѣ, неукоснительный исполнитель малѣйшихъ предписаній и распоряженій по военному вѣдомству. Объясненія съ барономъ Медемомъ были довольно затруднительны, потому что въ то время онъ былъ уже глуховатъ. Баронъ Медемъ, въ разговорѣ со мною, объявилъ, что описаніе башкадыкларской битвы г. Фадѣева вполнѣ цензурно, что ему самому жаль, что подобная статья не появится въ печати и что она не разрѣшена только потому, что свыше предписано, относительно военныхъ событій тогдашняго времени, допускать въ газеты только официальные военныя реляціи, высочайше прочитанныя и высочайше утвержденныя. Когда я замѣтилъ барону Медему, что если онъ, въ силу сказаннаго имъ мнѣ и даннаго ему предписанія, самъ не имѣетъ права разрѣшить къ печати статью г. Фадѣева, находимую имъ соотвѣтствующею требованіямъ цензуры, то вошелъ бы о томъ съ представленіемъ къ своему высшему начальству; но предсѣдатель военно-цензурнаго комитета отвѣтилъ мнѣ, что не можетъ, или не имѣетъ права, принимать на себя подобныя ходатайства.

Статья г. Фадѣева осталась ненапечатанною, о чемъ я его увѣдомилъ, съ возвращеніемъ рукописи. Для того времени такое рѣшеніе не было удивительно. При императорѣ Николаѣ официальныя реляціи князя Воронцова о дѣлахъ съ горцами помѣщались въ одной редакціи въ газетѣ «Кавказъ», въ Тифлисѣ, и въ совершенно другой въ Петербургѣ, въ «Русскомъ Инвалидѣ». Въ продолженіе всей войны 1853—1856 года г. Фадѣевъ уже ничего болѣе не писалъ въ редакцію, хотя съ расширеніемъ театра военныхъ дѣйствій, въ тяжкія времена для Россіи, можетъ быть военная цензура и разрѣшила бы послѣдующія его статьи о тогдашнихъ событіяхъ. Такъ, послѣ объявленія войны Франціею и Англіею, въ февралѣ 1854 года, императоръ Николай Павловичъ дозволилъ цензурѣ разрѣшать къ печати патриотическія стихотворенія, но только «безъ брани». Въ 1855 же году, съ воцареніемъ императора Александра Николаевича, явилась возможность помѣщать въ петербургскихъ газетахъ извлеченія, въ переводѣ съ англійскаго, изъ писемъ крымскаго корреспондента газеты «Times», а происки и ходатайства тогдашняго редактора «Русскаго Инвалида», Петра Семеновича Лебедева, о сохраненіи за этою газетою исключительной монополіи въ сообщеніи русской публикѣ извѣстій съ театра войны, въ видѣ однихъ официальныхъ реляцій, не увѣнчались успѣхомъ.

Р. А. Фадѣевъ остался продолжать свою службу на Кавказѣ, гдѣ его отецъ былъ членомъ совѣта главнаго управленія закавказскаго края и управляющимъ экспедиціею государственныхъ имуществъ. Вѣроятно, вслѣдствіе вышеупомянутой переписки между нами, въ 1859 году, по взятіи въ плѣнъ Шамиля, 26-го августа, онъ, отъ 18-го сентября, изъ Тифлиса, прислалъ мнѣ слѣдующее письмо, нѣкоторыя мѣста котораго послужать дополненіемъ къ его біографіи и характеристикѣ:

«Какъ всякому русскому теперь извѣстно, Восточный Кавказъ покоренъ; закавказскія области слились наконецъ въ одно цѣлое съ Россіею и русское владычество незыблемо и навѣки утверждено на кавказскомъ перешейкѣ. Пятьдесятъ лѣтъ кровавой войны и несчетныхъ жертвъ готовили это событіе и послѣдніе три года рѣшили его. Покореніе восточныхъ горъ такъ внезапно измѣняетъ многія условія не только нашего владычества на Кавказѣ, но даже военного могущества имперіи вообще, что до сихъ поръ, можно сказать положительно, нѣтъ человѣка, который могъ бы ясно обнять разомъ всѣ послѣдствія этого событія. Онѣ будутъ раскрываться ежедневно. Въ настоящую минуту право только смутное чувство толпы, которая, зная чего стоила Россіи кавказская война, и мѣряя важность результата по принесеннымъ жертвамъ, радостно повторяетъ: наконецъ Шамиль покоренъ!

«Всѣ мы, кавказскіе солдаты, отъ высшаго до низшаго, знаемъ цѣну совершеннаго нами дѣла. Мы уже видѣли за него милость

государя и сердце говорить намъ, что мы заслужили благодарность отечества. Но, тѣмъ не менѣе, съ естественнымъ любопытствомъ, ждали мы изъ Россіи отзывовъ, которыми выскажется общее впечатлѣніе. Первый отзывъ высказанъ военною газетою, «Инвалидомъ»...

«Покуда продолжалась война на Восточномъ Кавказѣ, больше всѣхъ толковалъ о ней «Journal de Constantinople». Эта восточная газета рассказывала кавказскую войну совершенно въ родѣ своей предшественницы, Шехеразеды. Только джинами и волшебницами пожертвовала она просвѣщенію вѣка: всѣ же прочія и лица, и событія, и мѣста, гдѣ они совершались, принадлежали очевидно какому-то баснословному восточному царству, не имѣвшему ничего общаго съ Кавказомъ. Обладая, къ моему несчастію, довольно раздражительными нервами, я не могъ прочитывать спокойно всю эту галиматью и нѣсколько разъ писалъ въ иностранныхъ журналахъ, подвергая константинопольскія реляціи разбору съ литературной точки зрѣнія, какъ весьма слабое продолженіе прелестной «Тысячи одной ночи». Когда, со взятіемъ Гуниба, палъ на Кавказѣ вооруженный мюридизмъ, къ естественному чувству русскаго, увидѣвшаго конецъ этой нескончаемой войны, примѣшалось еще другое, эгоистическое чувство: «Ну, думалъ я, конецъ константинопольскимъ реляціямъ о Шамилѣ; не буду я больше тратить времени на отвѣты имъ». Представьте мое удивленіе. Раскрываю № 187 «Инвалида». Послѣ двухъ телеграфическихъ донесеній главнокомандующаго кавказскою арміею государю императору, которыми возвѣщено Россіи, что Восточный Кавказъ покоренъ отъ моря Каспійскаго до военно-грузинской дороги, что Шамиль взятъ и отправленъ въ Петербургъ, на третьей страницѣ, между извѣстіями изъ Бельгіи и извѣстіями изъ Китая, нахожу статейку о положеніи Кавказа. Да это мой «Journal de Constantinople»; онъ тутъ весь. Кромѣ джинновъ и волшебницъ, опять баснословное восточное царство, опять небывалыя мѣста и тѣ же ребяческія понятія. Ищу примѣчаніе: изъ «Константинопольскаго Журнала». Нѣтъ, эту статью сочинилъ самъ «Инвалидъ».

«Она начинается риторическимъ восторгомъ по поводу окончанія этой войны, «продолжавшейся полвѣка, хотя и въ небольшихъ размѣрахъ» (227,000 человѣкъ подъ ружьемъ!). Далѣе идетъ разсужденіе: «Шамиль убѣдился, что званіе мирнаго русскаго гражданина (подумаешь, что онъ уже записался въ гильдію) почетнѣе нежели предводителя наѣздниковъ, живущихъ однимъ грабежемъ». Этотъ «предводитель наѣздниковъ», былъ двадцать три года политическимъ и духовнымъ начальникомъ народа, клявшася его именемъ и двадцать три года боролся противъ арміи, способной, въ своемъ полномъ составѣ, сокрушить любую европейскую державу. На счетъ того, что полумилліонное населеніе восточныхъ горъ

Кавказа жило однимъ разбоемъ, редакціи «Русскаго Инвалида» надобно было бы посмотрѣть покоренный край, такъ какъ уже свидѣтельство собственныхъ глазъ необходимо ей, чтобы имѣть хотя поверхностное понятіе о Кавказѣ. Тамъ увидала бы она работы, превосходящія работы строителей пирамидъ, — горы, встающія выше облаковъ, обдѣланныя сверху до низу террасами для по-сѣвовъ, придающія имъ видъ какого-то фантастическаго драгоцѣннаго камня; сады обширные и густые какъ лѣса, застилающіе всю глубину долинъ, разведенные на искусственно насыпной почвѣ; она узнала бы, что горцы, учреждавшіе пороховые и литейные заводы, строившіе крѣпости, которыя сдѣлали бы честь любымъ европейскимъ инженерамъ, — люди, живущіе не однимъ разбомъ. Наконецъ, что всего важнѣе, если бы редакція «Русскаго Инвалида» сама посмотрѣла Кавказскія горы, она не надѣлала бы тѣхъ безграмотныхъ ошибокъ во всѣхъ названіяхъ, которыми отличается ея статья; не увѣряла бы, что пространство покореннаго Кавказа составляетъ кругъ, имѣющій 90 верстъ въ діаметрѣ, когда отъ Галашекъ въ долину Самура триста верстъ; не перемѣшала бы ауловъ съ обществами, не говорила бы о Барсальскомъ хребтѣ, о которомъ никто не слыхивалъ; не ставила бы на западъ Тушетскихъ горъ («Инвалидъ» пишетъ Тушетинскихъ), лежащихъ на югѣ; не говорила бы Кураковсу, Казимухъ и Гымра. Если бы редакція этого военнаго журнала посмотрѣла Кавказъ только на картѣ, она не впала бы въ такіе грубые промахи и написала бы статью съ правильными собственными именами, чѣмъ все-таки поставила бы себя нѣсколько выше «Journal de Constantinople». Въ статьѣ остались бы еще, конечно, фразы въ родѣ слѣдующихъ: «Карата лежитъ на полпути отъ Аваріи» (на полпути къ чему?) Но отъ этого редакцію «Инвалида» не вылечишь, хотя покажи ей всѣ пять частей свѣта.

«Во Франціи нѣтъ ни одного человѣка, выходящаго изъ толпы чернорабочихъ, который бы не имѣлъ хотя поверхностнаго понятія объ Алжиріи и о происходящихъ въ ней событіяхъ. Во Франціи всякій подмастерье обязанъ, передъ своею публикою, знать сколько-нибудь географію Алжиріи, или его будутъ считать уже круглымъ невѣждою. Конечно, у насъ грамотность не такъ распространена, какъ во Франціи, но никто не обвинитъ насъ, кавказцевъ, въ чрезчуръ непомѣрномъ требованіи, если мы выразимъ желаніе, чтобы у насъ редакція специально военнаго журнала знала о военныхъ событіяхъ своего отечества столько же, сколько Франція требуетъ отъ cadaго изъ своихъ подмастерьевъ».

Прошло нѣсколько лѣтъ. Въ 1867 году, появился въ печати рядъ статей Р. А. Фадѣева подъ заглавіемъ «Вооруженныя силы Россіи», которымъ предшествовали «Письма о Кавказѣ». Тѣ и другія обратили на него вниманіе, какъ на талантливаго публи-

циста, чутко отзывающагося на историческія задачи Россіи. Продолженіе «Вооруженныхъ силъ Россіи» составило слѣдующую его брошюру, подъ заглавіемъ «Черноморскій военный театръ, по поводу крымской желѣзной дороги», выпущенную въ свѣтъ въ первой трети 1870 года. Около этого же времени, Р. А. Фадѣевъ познакомился со мною лично, явившись съ своими статьями въ редакцію «Биржевыхъ Вѣдомостей», которыя я редактировалъ въ тѣ годы вмѣстѣ съ издателемъ этой газеты, К. В. Трубниковымъ. «Биржевыя Вѣдомости» имѣли въ то время обширный кругъ читателей, болѣе «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» и «Голоса». Рядъ статей Р. А. Фадѣева не замедлилъ появиться въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» и отъ этого его сотрудничества сохранились у меня слѣдующія его три пасьяма:

Изъ Одессы, отъ 9-го ноября 1870 года: «У насъ будетъ передѣлываться вся армія. Въ виду этого событія, я счелъ необходимымъ представить вновь и съ новой точки зрѣнія, вслѣдствіе опыта, раскрывшаго всѣмъ глаза, основанія, на которыхъ можетъ и должна быть устроена русская армія, чтобы соотвѣтствовать своей задачѣ. Сочиненіе это не будетъ повтореніемъ «Вооруженныхъ силъ»; цѣль его иная; да и во многихъ вещахъ я значительно видоизмѣнилъ свой взглядъ: раскрылись новыя окна, въ которыя видно то, чего прежде нельзя было видѣть. Это очень просто. Сочиненіе будетъ капитальное, но короткое, двѣ, три статьи, по одному номеру газеты на каждую. Дѣло идетъ теперь о вещахъ гораздо важнѣе полемики. Отвѣчаю впередъ, что сочиненіе возбудитъ напряженное вниманіе. По старымъ отношеніямъ, я желаю конечно напечатать его у васъ ¹⁾, но съ однимъ условіемъ, si po—no. Я не могу согласиться на странный и теперь уже совершенно неудобочитаемый шрифтъ ²⁾, которымъ до сихъ поръ вы меня печатали, особенно это сочиненіе, которое будетъ принудительно прочтено всѣми великими міра. Сочиненіе должно быть напечатано благопристойно, по крайней мѣрѣ шрифтомъ, которымъ печатаются у васъ передовыя статьи, а не мелкимъ. Объявляю вамъ торжественно, что отъ этого условія я ни за что не откажусь; если вы его принимаете на честномъ словѣ, то увѣдомьте меня немедленно по адресу: Одесса, Полицейская улица, № 27. Статья къ тому времени будетъ уже переписана и немедленно отошлетъ къ вамъ. Затѣмъ второе условіе,—оно васъ не затруднитъ—печатать безъ задержки, на той же недѣлѣ, какъ получите.

«А славныя у васъ письма поляковъ,—и, вѣдь, все пошло съ моей легкой руки. Только знаете,—я вамъ дамъ искренній совѣтъ.

¹⁾ Т. е. въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ».

²⁾ Р. А. Фадѣевъ желалъ, чтобы его статьи набирались крупнымъ шрифтомъ, т. е. цѣцера, а не корпусомъ.

Въ послѣднее время я много видѣлъ поляковъ изъ первыхъ людей и очень совѣтую вамъ,—не задѣвайте религіи, не пишите о католицизмѣ, отравившемъ Польшу. Съ нашей точки зрѣнія, вѣроятно, даже абсолютно, это правда; но странно было бы думать, что католики согласятся на такое воззрѣніе. Я видѣлъ, что такія слова отравляли для нихъ впечатлѣніе статьи. По моему мнѣнію, русское отношеніе къ католицизму самое простое, особенно въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ польщизна не имѣетъ законной почвы: потребовать отъ папы законнаго установленія русскаго конфессіонала въ соборѣ св. Петра; потребовать, во имя всемірности же католичества, установленія русско-католической церкви для миліоновъ русскихъ католиковъ внѣ Польши, и затѣмъ вводить русскій языкъ въ ихъ богослуженіи на основаніи буллы, а не полицейскаго распоряженія. Папа, подольщающійся къ прусскому королю, будетъ очень радъ искреннему соглашенію. Затѣмъ останется только подбирать епископовъ для Россіи (кромѣ царства польскаго, разумѣется) изъ славянскихъ патріотовъ,—въ Австріи славянско-католическое духовенство сердцемъ русское. Но надобно такъ дѣлать, а не говорить, не возводить исключеніе поляковъ изъ епископата въ теорію. Покуда религіозный вопросъ не отдѣленъ отъ политическаго и мы не сошлись съ папою, что такъ легко, оказывая ему малѣйшее покровительство и благосклонность, мы не подѣлаемъ съ поляками ничего практическаго».

Отъ 3-го января 1871 года, изъ Бердичева, Р. А. Фадѣевъ писалъ мнѣ: «Изъ жидовской столицы, Бердичева, посылаю вамъ новую главу, VII-ю, о несостоятельности системы, на которой, кажется, остановилась редакціонная коммисія. Если эта часть сочиненія еще не напечатана, то вставьте эту главу на свое мѣсто и перенумеруйте остальные, будутъ VIII—XIV. Если уже это мѣсто напечатано, то помѣстите главу, съ этимъ VII №, въ концѣ съ замѣткою, что она должна быть въ серединѣ и выставьте замѣтку яркимъ шрифтомъ, чтобы главу не приняли за конецъ. Мы немного опоздали печатаніемъ; надобно, чтобы какое нибудь опубликованное рѣшеніе коммисіи не предупредило насъ. Понимаю, что вы отлагали печатаніе до начала новаго года, но далѣе медлить нельзя. Извѣстите меня о судьбѣ печатанія въ Скерневицы (у генераль-фельдмаршала, князя Барятинскаго) и, сдѣлавъ одолженіе, пришлите туда назначенные мною экземпляры съ моими статьями сначала».

Изъ Скерневицъ (подлѣ Варшавы), отъ 19-го января 1871 года: «Извините меня, пожалуйста, что осаждаю васъ своими посланіями. Но, печатая у васъ статью, имѣющую значеніе въ настоящую минуту, и которой многіе ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, самъ я, естественно, не желаю оставаться въ невѣдѣніи о ея судьбѣ и жду, не дождусь ея окончанія. Полагаю, что все обстоитъ благополучно,

такъ какъ статья написана совершенно цензурнымъ образомъ и у нея есть сильное покровительство. Тѣмъ не менѣе, первые нумера вашей газеты не получены никѣмъ въ Варшавѣ (во всякомъ случаѣ довожу до вашего свѣдѣнія эту неисправность доставки), изъ чего возникла сплетня о ея запрещеніи ¹⁾. Сдѣлайте мнѣ одолженіе напишите два слова неотлагательно и выпишите въ десяти экземплярахъ, что уже напечатано изъ моей статьи. Да кончайте ее поскорѣе. Сдѣлайте одолженіе также: прикажите отсылать, а если же не отослано, то хотя заразъ отослать все напечатанное аккуратно, по крайней мѣрѣ, къ графу Петру Андреевичу Шувалову, и въ трехъ экземплярахъ на имя гофмаршала генераль-лейтенанта Зиновьева (въ Аничковъ дворецъ). Скоро, можетъ быть, я вышлю вамъ дополненіе къ моей статьѣ. Если есть какая нибудь независящая отъ васъ остановка, то извѣстите, пожалуйста, телеграммою».

Съ моимъ выходомъ изъ редакціи «Биржевыхъ Вѣдомостей», въ маѣ 1871 года, Р. А. Фадѣевъ прекратилъ свое сотрудничество въ этой газетѣ. Онъ сдѣлался въ послѣдствіи дѣятельнымъ сотрудникомъ газеты «Русскій Міръ», основанной для борьбы съ тогдашнимъ военнымъ министромъ, Д. А. Милютинимъ, и первый номеръ которой вышелъ 1-го сентября 1871 года. Заключительнымъ трудомъ Р. А. Фадѣева въ «Русскомъ Мірѣ» былъ рядъ статей, подъ заглавіемъ «Чѣмъ намъ быть», которыя, дополненныя и развитыя съ большою опредѣленностью, изданы были затѣмъ въ 1874 году особою книгою подъ названіемъ «Русское общество въ настоящемъ и будущемъ». Такимъ образомъ, періодъ жизни Р. А. Фадѣева, съ 1867 по 1874 годъ, былъ наиболѣе плодотворнымъ въ его публицистической дѣятельности. Въ это время появились отдѣльными брошюрами и книгами его «Вооруженныя силы Россіи» (1867 г.), «Мнѣніе о восточномъ вопросѣ» (1869 г.), «Черноморскій военный театръ» (1870 г.), «Нашъ военный вопросъ» (1873 г.), въ которомъ собраны были военныя и политическія статьи его, появившіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ въ 1869, 1870, 1871, 1872, 1873 годахъ и, наконецъ, въ 1874 году, «Русское общество въ настоящемъ и будущемъ». Но многія статьи, напечатанныя въ этотъ періодъ времени въ журналахъ, не были включены Р. А. Фадѣевымъ въ изданные имъ сборники, подъ вышеупомянутыми названіями. Онъ заявилъ печатно, что, пустивъ въ свѣтъ въ 1867 году «Вооруженныя силы Россіи», онъ долженъ былъ защищаться и объяснять свои взгляды. Затѣмъ насталъ практический вопросъ объ общеобязательной военной повинности и о пере-

¹⁾ Всѣ эти четырнадцать статей Р. А. Фадѣева, подъ заглавіемъ «Переустройство русскихъ силъ», были помѣщены въ № 1, 2, 5, 9, 12, 14 «Биржевыхъ Вѣдомостей» 1871 года.

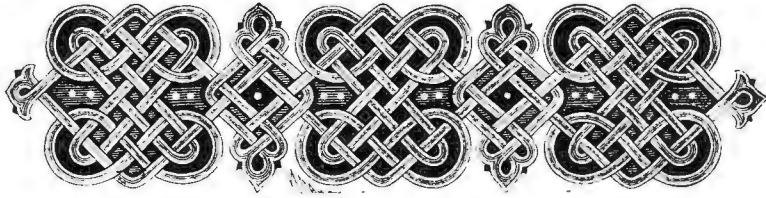
устройствѣ русской арміи, вызвавшій новыя статьи съ его стороны. Въ дѣйствительности, статьи Р. А. Фадѣева по военнымъ вопросамъ были выраженіемъ оппозиціи извѣстныхъ военныхъ сферъ реформамъ, предпринятымъ Д. А. Милутинымъ въ устройствѣ нашей арміи. Во главѣ этой оппозиціи находился и бывшій намѣстникъ Кавказа, генераль-фельдмаршалъ князь Барятинскій, побѣдитель Шамиля.

Послѣднимъ замѣчательнымъ литературнымъ трудомъ Р. А. Фадѣева были «Письма о современномъ состояніи Россіи», появившіяся первоначально за границею въ 1881 году безъ его имени. Онъ ихъ давалъ читать, въ 1880 году, близкимъ знакомымъ въ рукописи, но не иначе, какъ у себя на квартирѣ. Мы давно уже не видались другъ съ другомъ, когда случайно встрѣтились, 27 декабря 1880 года, у одного общаго знакомаго и провели вечеръ въ продолжительной бесѣдѣ. Р. А. Фадѣевъ сообщилъ, что онъ получилъ высочайшее разрѣшеніе на напечатаніе «Писемъ о современномъ состояніи Россіи», но не иначе какъ за границею, а также, что книга эта будетъ дозволена къ обращенію въ Россіи. Тогда же передавали, что эти письма, по мѣрѣ изготовленія имъ, передавались графу Лорисъ-Меликову, который читалъ ихъ или докладывалъ императору Александру Николаевичу. Сверхъ того, Р. А. Фадѣевъ говорилъ, что нѣкоторыя письма не принадлежатъ его перу, вслѣдствіе чего книга и появилась безъ его имени.

Пав. Усовъ.

ПОНЯТИЕ О ВЛАСТИ И О НАРОДѢ ВЪ НАКАЗАХЪ 1789 ГОДА.

(Рѣчь, произнесенная въ торжественномъ собраніи московскаго университета, 12-го января 1884 года, профессоромъ В. И. Герье.)

Мм. гг.

ВЪ ТОРЖЕСТВЕННУЮ годовщину своего основанія Московскій университетъ поручаетъ поочередно одному изъ своихъ членовъ привѣтствовать васъ рѣчью. Цѣль этихъ обращеній къ вамъ заключается въ томъ, чтобы поддерживать духовную связь между университетомъ и обществомъ, указывать на участіе университетской науки въ великой работѣ человѣчества, въ его неустанныхъ стремленіяхъ къ совершенствованію и прогрессу.

Способъ содѣйствія этому прогрессу не одинаковъ со стороны различныхъ отраслей университетской науки: это зависитъ отъ того, что чрезвычайно различны и самые элементы прогресса. Прогрессъ можетъ совершаться въ области положительнаго знанія, и здѣсь содѣйствіе науки обнаруживается наиболѣе непосредственно, или же въ области нравственной, въ которой вліяніе наукъ ощущается болѣе отдаленно и косвенно. Но существуетъ еще особая область прогресса, которая не совпадаетъ ни съ той, ни съ другою, хотя и находится въ извѣстной зависимости отъ обѣихъ—это прогрессъ общественный и политическій. Онъ не исчерпывается ни количествомъ знаній, распространенныхъ въ обществѣ, ни его воспримчивостью къ нравственнымъ идеаламъ, но нуждается для своего успѣшнаго развитія еще въ особыхъ историческихъ и общественныхъ условіяхъ. Вліяніе науки въ этой области прогресса

хотя и значительно, но болѣе условно, чѣмъ гдѣ-либо, вслѣдствіе того, что политическія и общественныя науки далеки отъ той точности, которою до извѣстной степени обладаютъ науки болѣе положительныя, а также и вслѣдствіе того, что онѣ требуютъ въ отличіе отъ другихъ наукъ извѣстной зрѣлости общественной среды и высокаго нравственнаго подъема со стороны тѣхъ, къ кому обращаются.

Главнѣйшая причина этого свойства наукъ политическихъ и общественныхъ заключается въ томъ, что онѣ имѣютъ дѣло не съ одними фактами, а съ идеями; или же составляютъ одинъ изъ важнѣйшихъ элементовъ прогресса, но и наиболѣе условныхъ въ своемъ проявленіи и въ своемъ вліяніи на понятія и на образъ дѣйствія людей. Исторія можетъ сказать, что чѣмъ значительнѣе обуславливающія прогрессъ идеи сами по себѣ, чѣмъ выше блага, которыя онѣ сулятъ, чѣмъ обширнѣе интересы, ими захваченные и сильнѣе возбужденныя ими страсти, тѣмъ легче онѣ въ приложеніи къ жизни подвергаются искаженію и тѣмъ чаще достигнутый на практикѣ результатъ не соотвѣтствуетъ сущности идеи.

Въ виду этого позвольте мнѣ, мм. гг., остановить ваше вниманіе на одной изъ самыхъ могущественныхъ и популярныхъ идей новаго времени, на идеѣ народа и указать на роль этой идеи въ исторіи той великой европейской націи, на судьбу которой она имѣла самое рѣшительное вліяніе.

Въ прошломъ вѣкѣ Франція, которая до того времени во многихъ отношеніяхъ шла во главѣ европейской цивилизаціи, переживала критическую эпоху своей жизни. Внутреннее развитіе ея, которое, не смотря на различныя уклоненія и задержки, шло быстро и стройно, совсѣмъ пріостановилось. Этотъ застой сказался во многихъ болѣзненныхъ явленіяхъ внутренней жизни и отразился также на внѣшнемъ могуществѣ страны. Тогдашнее правительство было бессильно исполнить свою историческую задачу и преодолѣть затрудненія, обуславливавшія собою застой. Тогда,—какъ спасительная сила, способная двинуть Францію на новый путь развитія, зародилась въ обществѣ идея націи. Современемъ она все болѣе овладѣвала умами и, преобразивъ общество, подготовила возможность реформы въ самыхъ существенныхъ для политической жизни отношеніяхъ.

Она дала возможность довершить территориальное объединеніе страны, замѣнила внѣшнія связи, которыми соединялись различныя области и провинціи, духовнымъ сознаніемъ національнаго единства. Во имя этого новаго интереса легко сглаживались историческія формы, обособлявшія провинціи и охотно приносились въ жертву мѣстныя льготы общинъ и областей, которыя до такой степени поддерживали между ними взаимное отчужденіе и даже антагонизмъ.

Торжеством національной идеи обуславливалось кромѣ того социальное объединеніе французскаго общества, въ которомъ предшествовавшій феодальный строй какъ будто увѣковѣчилъ отчужденіе и рознь классовъ. Предъ идеей націи привилегія утрачивала характеръ права, которое велитъ отстаивать честь и интересъ, и отреченіе отъ привилегіи становилось такимъ же доказательствомъ благородства, какъ прежде самая упорная защита ея.

Наконецъ, идея націи заключала въ себѣ зачатки объединенія политическихъ элементовъ Франціи; въ ней устранялся тотъ антагонизмъ между правительствомъ и обществомъ, который былъ одной изъ главныхъ причинъ застоя, и представлялась возможность сочетанія ихъ въ высшей политической формѣ.

Между тѣмъ, если мы взглянемъ на результатъ, достигнутый въ дѣйствительности, то убѣдимся, что онъ далеко не соответствовалъ идеалу. Въ первомъ отношеніи успѣхъ былъ наиболѣе полонъ и благотворенъ, хотя и здѣсь не обошлось безъ излишнихъ жертвъ и насильственной ломки того, что имѣло право на жизнь; многія мѣстныя и племенные особенности, которыя могли только содѣйствовать богатству и разнообразію національной жизни, завяли и заглохли можетъ быть безъ пользы для цѣлага.

Также полно, но менѣе благотворно, было социальное объединеніе во имя націи. Здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ первомъ случаѣ, были допущены насильственные средства и было достигнуто болѣе внѣшнее, чѣмъ внутреннее объединеніе. Сліяніе классовъ совершилось, но цѣною значительной атрофіи аристократическихъ элементовъ, безъ дѣятельнаго участія которыхъ тамъ, гдѣ они созданы исторіей, немыслимо правильное развитіе народной жизни.

Наименѣе же удовлетворительнымъ оказался результатъ, достигнутый въ политическомъ отношеніи. вмѣсто гармоническаго объединенія въ высшей формѣ произошла принципиальная борьба, вслѣдствіе которой самый національный элементъ прежняго политическаго развитія Франціи—монархія, былъ подломанъ. Почему это такъ произошло?

Этотъ вопросъ и послужилъ исходной точкой для моей рѣчи; но такъ какъ она не вмѣщается въ рамки отведеннаго мнѣ времени, то я ограничусь сжатымъ очеркомъ ея содержанія и выводомъ.

Для изученія поставленнаго вопроса мы имѣемъ чрезвычайно интересный и мало разработанный матеріалъ, — такъ называемые «Наказы 1789 года». Въ этомъ году, французское правительство вновь созвало, не собиравшіяся почти 200 лѣтъ, Генеральныя Штаты и, слѣдуя старинному обычаю, сдѣлало распоряженіе, чтобы всѣ избиратели по деревнямъ и городамъ внесли въ особыя тетради, или «Наказы», свои жалобы и нужды, желанія и надежды. Эти «Наказы» отсылались въ главные города тѣхъ округовъ, гдѣ происходили

выборы депутатовъ и тамъ перерабатывались въ одинъ общій «Наказъ» отъ цѣлаго округа.

Такъ возникъ одинъ изъ самыхъ любопытныхъ памятниковъ въ исторіи, въ которомъ отпечатлѣлась, какъ въ фотографическомъ снимкѣ, цѣлая нація съ своими понятіями и убѣжденіями. Этотъ памятникъ поучителенъ для насъ во многихъ отношеніяхъ, всего же болѣе какъ попытка разрѣшить вопросы о власти и о народѣ.

Но вмѣсто правильнаго и согласнаго разрѣшенія этого вопроса мы встрѣчаемъ на каждомъ шагѣ сбивчивое и невѣрное представленіе о власти, противорѣчивое понятіе о народѣ и туманныя несбыточные мечтанія объ отношеніяхъ между властью и народомъ.

Этотъ замѣчательный фактъ требовалъ объясненія и потому, прежде чѣмъ приступить къ характеристикѣ «Наказовъ», я долженъ былъ выяснитъ тѣ явленія въ исторіи французскаго общества, которыя главнѣйшимъ образомъ повліяли на его политическія воззрѣнія.

Прежде всего, приходится указать на потребность свободы и вызванныя ею либеральныя стремленія во французскомъ обществѣ. Это направленіе сложилось главнымъ образомъ подъ вліяніемъ извѣстнаго сочиненія Монтескьё о «Духѣ Законовъ». Но уже по этому сочиненію можно отмѣтить двѣ существенныя ошибки французскаго либерализма, которыя лишили это направленіе того плодотворнаго вліянія, которое оно могло бы имѣть. Либерализмъ во Франціи не могъ не имѣть подражательнаго характера; онъ заимствовалъ свои идеалы изъ Англіи, но при этомъ совершенно не выяснилъ себѣ существенныхъ особенностей и условій англійскихъ учреждений.

Вмѣсто дѣйствительнаго знакомства съ общественнымъ и государственнымъ бытомъ страны, принимаемой за образецъ, французскій либерализмъ усвоилъ себѣ два представленія, которыя были совершенно чужды политическому строю Англіи. Первое изъ нихъ, отголосокъ котораго встрѣчается въ значительной части наказовъ—это пресловутый принципъ равновѣсія властей. Того равновѣсія, которое сдѣлалось мечтой французскаго либерализма, именно и не было въ тогдашней Англіи, гдѣ верховная власть, не по имени только, а на дѣлѣ, находилась въ рукахъ вождей аристократическаго класса.

Другой принципъ, неправильно выведенный изъ англійскихъ учреждений, заключался въ отождествленіи монархической власти съ исполнительной функціей. Выраженіе *roi ou le pouvoir exécutif* для обозначенія правительства сдѣлалось ходячимъ терминомъ во Франціи и потому встрѣчается повсюду въ наказахъ, даже въ тѣхъ, составители которыхъ понимали необходимость сильной государственной власти для Франціи. Либеральные монархисты, — а таковыми были всѣ истинные либералы во Франціи,—слишкомъ поздно

поняли, что представительныя учрежденія могли привиться къ французской монархіи лишь подъ условіемъ признанія короля историческимъ и преемственнымъ представителемъ французской націи.

Но еще болѣе, чѣмъ свободой, увлекалась Франція идеей равенства. Это объясняется ея ненормальнымъ общественнымъ строемъ, основаннымъ на привилегіяхъ, и именно на худшемъ видѣ привилегій: на изъятіи отъ податей и повинностей въ пользу государства.

Привилегіи не только затемнили во Фраціи государственное и политическое значеніе аристократическаго класса, но проникли въ города и села и породили тамъ многочисленный разрядъ привилегированныхъ лицъ, которыя покупкой и выпрашиваніемъ мелкихъ должностей, избавляли себя отъ подати и увеличивали бремя, падавшее на другихъ.

Но стремленіе къ равенству предрасположило французское общество къ радикализму.

Радикализмъ главнымъ образомъ заключается въ отождествленіи и смѣшеніи идей съ конкретными явленіями, онъ смѣшиваетъ отвлеченное представленіе о государствѣ, какъ союзѣ разумныхъ людей, съ массой живущаго въ государствѣ населенія и видитъ идеальный типъ гражданина въ каждомъ случайномъ избирателѣ. Поэтому радикализмъ не можетъ представить себѣ идею національной воли иначе, какъ въ видѣ арифметическаго итога заявленныхъ голосовъ,—какъ бы на самомъ дѣлѣ ни было случайно и бессознательно такого рода заявленіе.

Французскій радикализмъ въ XVIII вѣкѣ еще болѣе, чѣмъ либерализмъ, жилъ въ иллюзіяхъ; этимъ иллюзіямъ онъ и былъ главнымъ образомъ обязанъ своимъ успѣхомъ. Коренное заблужденіе его заключалось въ томъ, что онъ считалъ свои мечты совмѣстными съ монархіей и стремился къ идеалу какой-то республиканской монархіи, какъ выразился Руссо. Этотъ миражъ серьезно принимался даже образованными классами Франціи какъ нѣчто желанное и реально-осуществимое.

Такое представленіе о государствѣ совершенно противорѣчило исторически сложившемуся порядку вещей. Но въ тогдашней Франціи напрасно стали бы мы искать той нравственной силы, которая въ состояніи обуздать фантазію, познать прошлое и выяснить его смыслъ для настоящей исторической науки. Французы гордились своей тринадцативѣковой исторіей, но знали ее чисто внѣшнимъ образомъ; историческая наука была, по выраженію одного изъ французскихъ историковъ, робка и нерѣшительна; она приняла чисто археологическое направленіе и сторонилась отъ жизни; ея мѣсто заняли разныя политическія тенденціи. Наиболѣе популярнымъ было въ свое время сочиненіе Мабли, представляющее собой при-

мѣненіе общественнаго договора Руссо къ исторіи Франціи. Примѣшивая фантази къ фактамъ, произвольно толкуя памятники старины, авторъ доказываетъ, что исторія Франціи началась съ такого политическаго устройства, въ которомъ верховная власть принадлежитъ всѣмъ, правительство же ничто иное, какъ исполнительный органъ общей воли.

Съ этой точки зрѣнія вся дальнѣйшая исторія представлялась не созиданіемъ государственнаго и національнаго тѣла, а уклоненіемъ отъ первоначальнаго закономѣрнаго состоянія, и то, что въ теоріи только казалось возможнымъ идеаломъ, выставлялось исторіей какъ дѣйствительность, которую необходимо возстановить.

Но почему же однако французское общество, столь образованное въ иныхъ отношеніяхъ, увлекалось такими теоріями и не было въ состояніи отличить вымысла отъ быти, фантази отъ мысли?

Между многими причинами, главную роль играла практическая неопытность общества, которая въ свою очередь была слѣдствіемъ полнаго отчужденія его отъ всякой общественной дѣятельности, и развившаяся отсюда привычка разсуждать о принципахъ, объ общихъ началахъ, не давая себѣ отчета о дѣйствительныхъ условіяхъ и потребностяхъ.

Французское государство образовалось изъ феодальнаго быта. Феодализмъ значитъ дробленіе государственной власти, смѣшеніе ея съ частнымъ правомъ и съ владѣніемъ.

Когда стало развиваться государство, правительство начало отбирать государственную власть у частныхъ владѣльцевъ и мѣстныхъ союзовъ и предоставлять завѣдываніе общественными и мѣстными интересами исключительно служебному сословію или бюрократіи. Но слѣдствіемъ этого было омертвѣніе общества, антагонизмъ классовъ, равнодушіе къ общественнымъ интересамъ и къ общему благу. Дворяне жили въ своихъ помѣстьяхъ, какъ дачники; горожане въ городскихъ стѣнахъ, какъ чужестранцы, занимаясь только своими дѣлами; и если они искали мѣсть въ городскомъ управленіи, или покупали ихъ, то только изъ личныхъ разсчетовъ.

Само же чиновничество смотрѣло на свои должности не какъ на службу государственному интересу, а какъ на частное владѣніе. Французское общество и чиновничество были далеки отъ того высокаго пониманія государства, которое можно назвать завѣтомъ Петра Великаго.

По идеѣ этого государя, какъ выразился нашъ незабвенный историкъ, государство должно быть школой для народа, школой, въ которой народъ учится не однимъ наукамъ, а гражданскимъ обязанностямъ, гражданской дѣятельности.

Потребность нравственныхъ идеаловъ однако глубоко врождена человѣку. Не находя для нихъ почвы около себя, французское об-

щество стало ихъ искать вдали отъ себя, въ античныхъ республиканскихъ общинахъ, въ Англии, въ Сѣверной Америкѣ, а болѣе всего въ теоріяхъ и вымыслахъ своихъ публицистовъ. И глубже всего укоренилось представленіе о народѣ, какъ о чемъ-то идеальномъ, особомъ отъ власти, призванномъ исцѣлить всѣ общественныя недуги, доставить всякому то счастье, котораго онъ для себя желалъ.

Подъ такимъ-то настроеніемъ писались указы 1789 года; потому-то, рядомъ съ идеальными стремленіями общества, въ нихъ такъ отразилась и полнѣйшая политическая неопытность его. Многотомное собраніе указовъ представляетъ для такой оцѣнки французскаго общества самый обширный и разнообразный матеріалъ. Но въ виду краткости времени я остановлюсь на двухъ самыхъ характерныхъ чертахъ.

Сюда относится прежде всего вопросъ о цѣли Генеральныхъ Штатовъ, созданныхъ королемъ. По этому вопросу мы находимъ въ указахъ самыя хаотическія и противорѣчивыя представленія. Значительная часть избирателей сохранила еще традиціонную точку зрѣнія на Генеральные Штаты. Они видѣли въ нихъ средство довести до свѣдѣнія правительства свои челобитныя, свои заявленія о мѣстныхъ или общихъ нуждахъ, свои желанія относительно различныхъ реформъ; они возлагали на Генеральные Штаты порученіе помочь правительству въ его финансовыхъ затрудненіяхъ и установить порядокъ въ администраціи.

Но эти скромные голоса были, большею частью, заглушены при переработкѣ указовъ въ большихъ городахъ.

Рядомъ съ ними раздаются самыя фантастическія требованія: одни хотятъ возродить націю, другіе — возстановить первобытное естественное состояніе. Многіе хотятъ установить между королемъ и народомъ письменный договоръ, какъ будто въ одномъ государствѣ существуютъ двѣ независимыя державы, которыя и заключаютъ между собой извѣстныя условія.

Очень часто встрѣчается въ указахъ выраженіе — устройство государства *constitution*. Одни утверждаютъ, что во Франціи уже существуетъ исконное устройство, но нужно только возстановить его, или выяснить и опредѣлить; другіе, напротивъ, утверждаютъ, что во Франціи нѣтъ законнаго строя и что нужно вновь создать его.

Какъ мало установились понятія относительно этого важнаго вопроса, особенно наглядно проявилось въ одномъ изъ указовъ, составители котораго наивно просили Генеральные Штаты разрѣшить ихъ недоумѣніе, имѣетъ ли Франція конституцію или нѣтъ, и что нужно разумѣть подъ французской конституціей.

Еще существеннѣе, чѣмъ въ вопросѣ о цѣли, были недоумѣнія избирателей относительно той власти, которая должна была осуществить разнообразныя и противорѣчивыя желанія, выраженныя

въ наказахъ. Здѣсь особенно наглядно проявилось, какъ, подъ вліяніемъ идеи о народѣ, въ французскомъ обществѣ затемнилось представленіе о верховной власти.

Многіе какъ будто еще держались правильнаго представленія; они ожидаютъ преобразованій отъ короля; но они очень часто сбиваются, впадаютъ въ противорѣчіе съ собой, забывая, что монархическая власть не можетъ быть исполнительницей другой воли.

Въ другой группѣ наказовъ еще опредѣленнѣе отражается представленіе о какомъ-то двоевластіи. Избиратели одновременно, или поочередно, обращаются то къ королю, то къ Генеральнымъ Штатамъ, и ждутъ отъ нихъ исполненія своихъ желаній.

Наконецъ, въ значительной части важнѣйшихъ наказовъ прямо преобладаетъ идея націи. Учредительная власть приписывается націи. Но тутъ-то и начинаются недоумѣнія и противорѣчія.

Если верховная власть у націи, то гдѣ и что нація? Самы ли избиратели составляютъ націю и имъ ли принадлежитъ право устанавливать законы, или же націю представляютъ собой Генеральные Штаты и одни имѣютъ право говорить отъ ея имени? Изъ этого недоумѣнія не въ состояніи выйти составители наказовъ, увлекшіеся идеей націи; они блуждаютъ между двумя принципами, иногда стараются соединить ихъ; иногда также безуспѣшно стараются ихъ разграничить.

Повидимому, ближе къ дѣйствительности и практическому разрѣшенію вопроса стоятъ тѣ, которые приписываютъ учредительную власть Генеральнымъ Штатамъ, видятъ въ нихъ національное собраніе или, какъ многіе выражаются, націю въ сборѣ—la Nation assemblée.

Но съ этимъ разрѣшеніемъ вопроса были связаны совершенно особенныя затрудненія и недоумѣнія. Генеральные Штаты 1789 года, какъ и всѣ предшествовавшіе, состояли изъ представителей разныхъ сословій и интересовъ. Какимъ же образомъ должно быть организовано это верховное собраніе? По какой системѣ должны происходить выборы? Какъ должны считаться голоса? какого нужно требовать большинства для рѣшенія основныхъ вопросовъ? Всѣ эти вопросы разрѣшались въ наказахъ самымъ различнымъ и противорѣчивымъ образомъ.

Приведенные здѣсь факты легко убѣждаютъ въ томъ, на какомъ шаткомъ основаніи строили свои планы тѣ избиратели, которые хотѣли видѣть въ Генеральныхъ Штатахъ націю и этой націи хотѣли предоставить учредительную власть. Всѣ они, представители всѣхъ сословій и партій, клерикалы и феодалы, либеральные и радикальные монархисты, централисты и приверженцы областной автономіи, по своимъ соображеніямъ сочиняли органъ для предполагаемой національной воли, для того, чтобъ во имя націи осуществить свою программу. Но при первомъ-же столкно-

веніи съ дѣйствительностью эти искусственно созданные идеалы націи, конечно, должны были разлетѣться въ прахъ.

Къ такому выводу приводитъ насъ изученіе наказовъ 1789 года. Въ этомъ заключается ихъ историческое значеніе.

Исторія Франціи въ XVIII вѣкѣ представляетъ намъ поразительный примѣръ того, въ какомъ несоотвѣтствіи можетъ находиться степень цивилизаціи, достигнутая извѣстнымъ обществомъ, съ его политической развитостью—до какой степени на ряду съ утонченностью нравовъ и вкусовъ, экономическимъ благосостояніемъ, высокими развитіемъ точныхъ наукъ, уваженіемъ къ умственной культурѣ и къ образованію—могутъ господствовать въ странѣ политическая незрѣлость и легкомысленная игра принципами и фразами. При большой восприимчивости народнаго характера и способности французовъ легко поддаваться великодушнымъ влеченіямъ, отсутствіе политической опытности давало себя чувствовать у нихъ особенно живо и непосредственно. При этихъ условіяхъ французское общество увлеклось великой идеей народа или націи прежде, чѣмъ было въ состояніи усвоить себѣ ея истинное значеніе и примѣнить ее къ своимъ потребностямъ. Недовольное своимъ положеніемъ, французское общество стало искать политическаго прогресса въ одностороннемъ развитіи этой идеи. Оно стало представлять себѣ націю, какъ нѣчто отдѣльное отъ власти, какъ нѣчто особое и самостоятельное, какъ нѣчто идеальное и потому болѣе высокое и почтенное, чѣмъ правительство. Достигнувши однажды этой наклонной плоскости, французское общество быстро или, правильнѣе сказать, одновременно прошло всѣ возможныя стадіи въ развитіи идеи націи. вмѣсто того, чтобы видѣть въ правительствѣ олицетвореніе націи въ политическомъ отношеніи, общество стало лелѣять мечты о какомъ-то совмѣстномъ владычествѣ монарха и народа. Мечты эти казались тѣмъ болѣе законными, что какъ будто опирались на преданіе старины, разукрашенной фантазіями историковъ; мечты эти были тѣмъ болѣе заманчивы, что въ то же время льстили реальнымъ страстямъ, что каждый классъ народа надѣялся царствовать во имя націи. При такомъ настроеніи, умами легко овладѣли политическія доктрины тогдашняго либерализма и радикализма, которыя, при всей противоположности своей въ принципахъ, одинаково сводили монархію на исполнительную функцію и тѣмъ лишали ее національнаго значенія. Смутно желая, чтобы государственная власть имѣла не сословный, а всенародный характеръ, чтобы законъ соотвѣтствовалъ національному идеалу о правѣ и разумномъ порядкѣ, чтобы въ общественной и умственной жизни было допущено свободное развитіе индивидуальныхъ силъ,—высшіе и интеллигентные классы Франціи не достаточно сознавали, что монархія представляетъ лучшія для всего этого условія и гарантіи; что нравственная сила и національное значеніе монархіи заключаются въ томъ,

что монархъ есть истинный и постоянный представитель національной воли и что только на этомъ незыблемомъ основаніи возможно и плодотворно мѣстное или общее представительство. Глубокій антагонизмъ между властью и народомъ, который такимъ образомъ укоренялся во французскомъ обществѣ, долго былъ скрытъ отъ него традиціонной преданностью всѣхъ класовъ къ монархіи; но избытокъ чувства и здѣсь не могъ вознаградить за отсутствіе политической мысли. Правда, причины политической неопытности французскаго общества были многосложны и глубоко коренились въ его исторіи; незрѣлость этого общества обуславливалась главнымъ образомъ давнимъ и полнымъ отчужденіемъ его отъ всякаго практическаго дѣла, отъ всякой серьезной отвѣтственности, отъ всякаго служенія общему интересу и благу; она обуславливалась рознью между привилегированными слоями и массой населенія; она обуславливалась наконецъ и характеромъ самой власти. Французская монархія до конца стараго порядка сохранила феодальный характеръ. Эта феодальная власть не была въ состояніи оцѣнить значеніе національной идеи и воспользоваться ею для своего преобразенія въ національную монархію. Но какъ ни многочисленны были причины политической неразвитости высшихъ и самыхъ образованныхъ слоевъ населенія, эта неразвитость несомнѣнно много содѣйствовала тому, что Франція, преслѣдуя односторонній національный идеаль, невольно и не вѣдая того, лишила себя—самаго національнаго своего института.

Но исторія французскаго общества въ XVIII вѣкѣ представляетъ намъ еще другой, болѣе непосредственный для насъ интересъ. Она показываетъ намъ, какую важную роль играютъ въ народной жизни историческія и политическія науки, какое значеніе можетъ имѣть принятое ими направленіе для политическаго воспитанія общества. Мы видѣли, какъ заблуждалась политическая наука во Франціи при изученіи государственныхъ формъ и учреждений въ другихъ странахъ и какъ несбыточенъ былъ указанный ею идеаль свободнаго государства, оттого что она оказалась не въ состояніи понять и выяснить значеніе самаго твердаго основанія свободы—монархической власти. Мы видѣли далѣе, какъ легко, подъ покровомъ строго логическаго мышленія, скрывалось политическое недомысліе и бредни воображенія принимались за требованіе отвлеченнаго разума. Мы видѣли, какъ историческая наука, уклонившись отъ своей прямой задачи—выяснить смыслъ прошедшаго, сдѣлалась игрушкой политическихъ теорій и страстей; какъ, сбившись съ пути и подъ вліяніемъ моды, она выдавала первобытныя формы и отношенія за идеальныя и правомѣрныя; какъ она, желая служить интересамъ свободы и гражданской равноправности, вселяла въ общество мысль объ антагонизмѣ между властью и народомъ и

на этомъ принципѣ строила невѣрное изображеніе всей прошлой жизни націи.

А между тѣмъ самая серьезная задача національной историографіи заключается въ правильномъ пониманіи и осмысленномъ изложеніи отношеній между властью и народомъ, такъ какъ взаимное отношеніе этихъ элементовъ составляетъ существеннѣйшее содержаніе исторіи націи.

Нигдѣ быть можетъ подобная задача не имѣть такого значенія, какъ для исторической науки въ Россіи, и нигдѣ съ другой стороны выполненіе этой задачи не облегчено до такой степени историческимъ ходомъ дѣла какъ у насъ, гдѣ созданіе государственной власти и притомъ власти всенародной, а не сословной,—было главнымъ, можно сказать, исключительнымъ трудомъ національной жизни, и гдѣ правительственная власть была искони вѣрнымъ блюстителемъ національныхъ интересовъ, главнымъ источникомъ политическаго и культурнаго прогресса. Самыя формы и приемы власти съ теченіемъ времени и здѣсь мѣнялись и совершенствовались, мысль объ историческомъ ея признаніи, о національной задачѣ, развивалась не всегда послѣдовательно и сознательно, эпохи и условія бывали для того неодинаково благопріятны, но историческое изученіе должно различать идею политическаго института и временныя условія его дѣйствія, моменты и общее движеніе, а въ общемъ движеніи государственная власть всегда была главнымъ органомъ прогрессивнаго развитія національной жизни. Особенно убѣдительно свидѣтельствуешь объ этомъ исторія русскихъ университетовъ. Государственной власти обязаны они своимъ насажденіемъ, подъ ея покровомъ и попеченіемъ возросли они отъ самыхъ слабыхъ начатковъ; отъ нея получили они завѣтъ служить разсадниками національнаго просвѣщенія. Этотъ опытъ прошедшаго заставляетъ университеты смотрѣть съ упованіемъ на будущее. Всякій научный трудъ обусловливается усиленіемъ индивидуальнаго духа и потому требуетъ простора и свободы; но вмѣстѣ съ тѣмъ вся высшая научная работа, есть изслѣдованіе мировыхъ законовъ и познаніе разумнаго порядка и поэтому зрѣлая и истинная наука всегда будетъ служить нравственной опорой для государственной власти въ великомъ ея призваніи—культурнаго воспитанія русскаго народа. А прежде всего такая обязанность лежитъ на старѣйшемъ изъ русскихъ университетовъ—на Московскомъ. Поставленный въ центрѣ исторической жизни русскаго народа, московскій университетъ глубоко сознаетъ задачу указанную Петромъ Великимъ государственной власти—поднять Россію на высоту обще-человѣческой цивилизаціи и въ порученной ему сферѣ дѣятельности будетъ послышно содѣйствовать этой цѣли, воспитывая молодое поколѣніе въ европейской наукѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ въ уваженіи къ національному преданію. Потому намъ овладѣваетъ отрадное чувство увѣренности въ свѣтлое буду-

щее нашихъ университетовъ и представляемой ими русской науки, когда мы собираемся здѣсь праздновать годовщину Московскаго университета—въ этой залѣ, съ которой связаны всѣ лучшія минуты нашей университетской жизни, куда мы, еще бывши студентами, сходились съ благоговѣніемъ передъ наукой, гдѣ факультеты раздавали научныя степени нѣсколькимъ поколѣніямъ ученыхъ; въ этой залѣ — гдѣ передъ портретомъ державной дочери Великаго Петра, основательницы нашего университета, передъ портретомъ государя, память о которомъ всегда будетъ дорога русскимъ университетамъ за то высокое довѣріе, которымъ онъ ихъ почтилъ—мы всѣ, настоящіе и бывшіе студенты, наглядно сознаемъ родовую, кровную связь между властью и народомъ и великое значеніе государственной власти, какъ проводника культуры и прогресса въ народной жизни.

В. Герье.

ОТЕЦЪ СОВРЕМЕННОЙ БИОЛОГИИ.

(По Уэллсу.)

КТО НЕ СЛЫХАЛЪ имени Чарльза Дарвина, этого творца знаменитой теоріи подбора, великаго учителя біологіи, объединившаго наши знанія объ органическомъ мірѣ, внесшаго гармонію, цѣльность, единство туда, гдѣ прежде царили рознь и хаосъ, и тѣмъ увѣковѣчившаго свое имя въ исторіи науки. Объ этомъ великомъ учителѣ, его колоссальной работѣ, мы и хотимъ сказать нѣсколько словъ...

Оставляя въ сторонѣ родословную Дарвина и его молодые годы, начнемъ съ того событія, которое имѣло важное вліяніе на послѣдующую дѣятельность его—съ назначенія его, въ качествѣ натуралиста, на корабль «Бигль» по рекомендаціи извѣстнаго естествоиспытателя, профессора Генслоу изъ кэмбриджскаго университета. Въ 1831 году, двадцатидвухлѣтній Дарвинъ, получивъ свой бакалаврскій дипломъ, покинулъ Англію для пятилѣтняго путешествія въ южномъ полушаріи. Вѣроятно, именно этому обстоятельству міръ обязанъ появленіемъ въ свѣтъ великаго ученія, извѣстнаго подъ именемъ теоріи Дарвина. Удобство изучать природу въ новыхъ, неизвѣстныхъ краяхъ, сравнивать произведенія одной страны съ произведеніями другой, изслѣдовать физическія и біологическія особенности острововъ и материковъ, наблюдать борьбу за существованіе въ дѣйственныхъ странахъ, гдѣ цивилизація еще не нарушила свободнаго взаимодѣйствія различныхъ группъ животныхъ и растений, и рядомъ съ этимъ обширный досугъ времени для полнаго, всесторонняго обсужденія каждой фазы представлявшихся явленій, отсутствіе общественныхъ соблазновъ и неприяностей—всѣ эти условія были крайне благопріятны для развитія оригинальнаго склада

мысли. Вотъ въ эти-то именно мѣсяцы и годы уединеннаго созерцанія природы и было посѣяно то сѣмя, которому суждено было въ будущемъ принести зрѣлый плодъ великой философской идеи. Бросимъ же взглядъ на «Дневникъ изслѣдованій», куда заносились главные факты и наблюденія молодаго путешественника, и посмотримъ какъ глубоко скрыты тамъ зародыши тѣхъ идей и намѣченныхъ задачъ, которымъ Дарвинъ посвятилъ свою долгую, трудолюбивую жизнь.

Вопросы о причинахъ обособленія и распредѣленія организмовъ служили для Дарвина предметомъ постоянныхъ наблюденій и размышленій. Еще въ началѣ путешествія онъ собиралъ пыль, падающую на корабль и замѣтилъ важный фактъ, что въ этой пыли, собранной на разстояннн трехъ сотъ миль отъ материка, попадались каменныя частички величиною въ тысячную долю квадратнаго дюйма, и по этому поводу замѣчаетъ: «Послѣ этого факта никто не станетъ удивляться, что гораздо болѣе легкія и мелкія споры тайнобрачныхъ растений могутъ разноситься на далекія разстоянія». Онъ замѣтилъ, что нѣкоторые виды насѣкомыхъ попадаютъ далеко въ морѣ, въ одномъ случаѣ—на разстояннн трехъ сотъ семидесяти миль отъ ближайшаго материка. Онъ обратилъ особенное вниманіе на насѣкомыхъ и растенія, живущія на островахъ Трески или Кокосовыхъ и на другихъ недавно образовавшихся коралловыхъ или вулканическихъ островахъ; контрастъ между данными формами, своеобразныя произведенія Галапагоскихъ острововъ очевидно глубоко его поразили. «Почему, спрашиваетъ онъ, туземная фауна Галапагоскихъ острововъ создана по одному типу и организаціи съ американской, между тѣмъ какъ обѣ эти страны такъ всецѣло различаются по своему геологическому характеру и физическимъ условіямъ? Почему существуетъ столько особенныхъ видовъ на каждомъ отдѣльномъ островѣ?» Онъ изумленъ количествомъ творческой силы, если такъ можно выразиться, разбросанной по этимъ маленькимъ, бесплоднымъ, скалистымъ островамъ, и, еще болѣе, ея совершенно различнымъ проявленіямъ на близкихъ другъ къ другу пунктахъ.

Собирая остатки большихъ вымершихъ млекопитающихъ въ пампасахъ, Дарвинъ былъ сильно пораженъ тѣмъ фактомъ, что, не смотря на свою громадную величину и странную форму, они всѣ походили на существующихъ животныхъ Сѣверной Америки, подобно тому какъ пещерные остатки Австраліи походятъ на двутрубку этой страны, и замѣчаетъ по этому поводу: «Это удивительное сходство на одномъ и томъ же материкѣ между вымершими и существующими формами, должно, безъ сомнѣнія, болше всякихъ другихъ фактовъ пролить въ будущемъ яркій свѣтъ на вопросъ о появленіи органическихъ существъ на нашей землѣ и ихъ исчезновеніи».

Ему уже былъ извѣстенъ тогда тотъ важный фактъ, что существуютъ значительныя и постоянныя препятствія къ размноженію дикихъ животныхъ, не смотря на ихъ большую плодовитость и что они, безъ сомнѣнья, размножились бы въ геометрической пропорціи, если бы эти препятствія отсутствовали. Онъ отмѣтилъ сравнительную рѣдкость видовъ при менѣе благоприятныхъ условіяхъ существованія и полное исчезаніе жизни при совѣмъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Собранныя имъ по данному предмету различныя факты «бросали, какъ ему казалось, нѣкоторый свѣтъ

Рабочій кабинетъ Дарвина.

на происхожденіе видовъ, эту тайну изъ тайнъ, какъ выразился одинъ великій философъ».

Посвятивъ пять лѣтъ научному путешествію вокругъ свѣта и болѣе пятнадцати лѣтъ непрерывнымъ наблюденіямъ, опытамъ и литературнымъ изысканіямъ, онъ далъ изумленному міру науки теорію во всей ея всеобъемлющей широтѣ и убѣдительно очевидности, въ своей, составившей эпоху, книгѣ—«Происхожденіе видовъ».

Въ теченіи всего этого двадцатидевятилѣтняго періода только очень немногимъ изъ самыхъ близкихъ друзей Дарвина было извѣстно, что онъ отрѣшился отъ общепринятыхъ въ то время биологическихъ воззрѣній. Большая часть до того времени знали его, глав-

нымъ образомъ, какъ хорошаго геолога, какъ автора замѣчательной монографіи объ усногихъ и остроумной теоріи происхожденія и строенія коралловыхъ рифовъ. Даже послѣ появленія великаго

Домъ Дарвина (видъ внутри сада).

труда, немногіе лишь могли оцѣнить ту громадную массу фактовъ, опытовъ и наблюденій, на которыхъ покоилась эта колоссальная работа, пока въ слѣдующія двадцать лѣтъ не появился цѣлый рядъ его изслѣдованій, показавшихъ образецъ того неисчерпаемаго

количества материала и той глубокой обдуманности мысли, на которых основана была его первая книга.

Хотя Дарвинъ рано пришелъ къ заключенію, что родственные виды произошли отъ общихъ родичей путемъ постепенныхъ измѣненій, для него, однако, долго оставалось необъяснимой загадкой, какъ могла совершаться такая постепенность измѣненій: загадка оставалась бы не разъясненной, говоритъ Дарвинъ, «еслибы я не изучилъ домашніе виды и этимъ путемъ не дошелъ бы до настоящей идеи о силѣ подбора». Эти изслѣдованія, кратко очерченные въ первой и отчасти въ пятой и девятой главахъ «Происхожденія видовъ», были опубликованы впоследствии (послѣ девятилѣтней задержки вслѣдствіе слабости его здоровья) въ двухъ большихъ томахъ подъ заглавіемъ: «Прирученныя животныя и воздѣланныя растенія». Никто, не прочитавъ самой книги, не можетъ составить себѣ достаточнаго представленія о широкихъ взглядахъ и той глубинѣ изслѣдованій, на которыхъ покоилось каждое ея положеніе, каждый ея взглядъ. Согласно многочисленному свидѣтельству авторитетовъ, чтобы написать эту книгу Дарвинъ долженъ былъ просмотрѣть почти цѣлую литературу по земледѣлію и садоводству, по разведенію лошадей и рогатаго скота (конеководству и скотоводству), по охотѣ, вскармливанію собакъ, кошекъ, голубей и домашнихъ птицъ, — литературу, разбросанную въ громадной массѣ обзорныхъ, сборниковъ, журналовъ и газетъ. Кромѣ того, ему приходилось прочитывать всякій научный трактатъ, появившійся въ Англии, Европѣ, или Америкѣ, который касался какой либо стороны занимавшаго его вопроса. Столь трудолюбиво собранные факты дополнялись еще личными распросами у зоологовъ, ботаниковъ, фермеровъ, садовниковъ, охотниковъ, голубятниковъ, путешественниковъ—вообще у всѣхъ, кто только могъ представить непосредственныя личныя свѣдѣнія о какомъ либо предметѣ его изслѣдованій. Не говоря уже о томъ, что онъ самъ дѣлалъ наблюденія и опыты для пополненія нѣкоторыхъ пробѣловъ, разъясненія сомнительныхъ вопросовъ или для постановки новыхъ задачъ, важность изслѣдованія которыхъ никто никогда и не подозрѣвалъ.

Для того, чтобы выяснитъ природу и громадное разнообразіе домашнихъ животныхъ, Дарвинъ приготовилъ скелеты всѣхъ наиболѣе важныхъ породъ кроликовъ, голубей, куръ, утокъ, равно, какъ и тѣхъ дикихъ породъ, отъ которыхъ они произошли, и показалъ путемъ измѣреній и тщательныхъ рисунковъ, что не только второстепенныя особенности, но почти каждая часть костной системы измѣняется въ общемъ въ томъ именно направленіи, въ какомъ обыкновенно различаются между собою различные виды и даже роды дикихъ животныхъ. Другая серія опытовъ была сдѣлана надъ скрещиваніемъ различныхъ породъ голубей и куръ, совершенно непохожихъ на дикія породы, при чемъ въ результатѣ получился

тотъ фактъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ потомки болѣе приближались къ своимъ дикимъ предкамъ, чѣмъ къ родичамъ. Эти опыты, подтвержденные массою фактовъ изъ наблюденій другихъ лицъ, послужили къ установкѣ принципа: стремленія потомства возвращаться къ типу предковъ; а этотъ принципъ, въ свою очередь, далъ возможность объяснить интересный фактъ—частаго появленія полосъ на мулахъ и на гнѣдыхъ лошадяхъ. Отсюда гипотеза, подкрѣпленная массою косвенныхъ доказательствъ, что общій предокъ лошади, осла и семейства зебры—было полосатое темно-окрашенное животное.

Далѣе, многочисленными точными сравненіями и измѣреніями домашнихъ и дикихъ птицъ—Дарвину удалось выяснитъ послѣд-

Видъ того же дома съ прилежащей дороги.

ствія бездѣятельности летательнаго снаряда, его неупотребленія и слѣдовавшаго отсюда уменьшенія (атрофіи) этого органа: грудина, лопатка и ключица, къ которымъ прикрѣпляются мышцы, служащія для летанія, найдены были уменьшенными у домашнихъ голубей; то же самое было обнаружено и у домашнихъ куръ.

Не менѣе громадное значеніе представляли изслѣдованія Дарвина по вопросу о наслѣдственности, причѣмъ масса самыхъ странныхъ и до того необъясненныхъ фактовъ были сопоставлены вмѣстѣ, сравнены и классифицированы и, казалось, могли быть подведены подъ нѣсколько общихъ законовъ. Далѣе слѣдуетъ изложеніе о скрещиваніи и помѣсяхъ, можетъ быть, самое важное изъ всей знаменитой его книги, такъ какъ оно много содѣйствовало выясненію вопроса о разнообразіи строенія и сложности взаимныхъ отношеній животныхъ и растений. Не смотря на громадную массу фак-

товъ и наблюдений, представленныхъ имъ по данному предмету, большая часть матеріала относительно растений составляла только извлечение изъ результатовъ его обширныхъ опытовъ, собранныхъ въ теченіи длиннаго промежутка лѣтъ и изложенныхъ впослѣдствіи въ трехъ отдѣльныхъ книгахъ — «Оплодотвореніе орхидій», «Перекрестное оплодотвореніе и самооплодотвореніе растений» и «Формы цвѣтовъ».

Эти труды имѣли громадное значеніе для ботаники, такъ какъ они впервые дали ясное и толковое объясненіе тому удивительному разнообразію формъ цвѣтовъ, на подробностяхъ которыхъ ботаника основывала свое ученіе о видовыхъ и родовыхъ отличіяхъ, но относительно пониманія и смысла которыхъ она оставалась, въ большинствѣ случаевъ, въ совершенномъ невѣдѣніи. Исслѣдованіе вопроса о скрещиваніи и помѣсяхъ показало, что, хотя скрещиваніе между различными видами обыкновенно и даетъ бесплодное потомство, но если только скрещиваются мало различныя разновидности, то это напротивъ ведетъ къ возрастающей плодовитости. Послѣ нѣсколькихъ опытовъ въ данномъ направленіи, Дарвинъ обнаружилъ другой, еще болѣе важный фактъ, что потомство отъ такихъ скрещиваній отличается большимъ ростомъ и силой. Это повело къ длинному ряду экспериментальныхъ изслѣдованій, въ результатѣ которыхъ получился важное положеніе, именно, что перекрестное оплодотвореніе имѣетъ громадное значеніе въ смыслѣ здоровья, силы и плодовитости растений. Тотъ фактъ, что большинство цвѣтовъ были гермофродиты и казались способными къ самооплодотворенію, повидимому, противорѣчилъ этому взгляду, но Дарвинъ нашелъ, что почти въ каждомъ подобномъ случаѣ существовало специальное приспособленіе, обезпечивавшее перенесеніе оплодотворяющей пыли съ цвѣтовъ одного растения на цвѣты другаго, того же вида. На примѣрѣ орхидій видно было, что ихъ удивительные, прекрасные цвѣты обязаны своей, часто фантастической, формой и своеобразнымъ строеніемъ особому приспособленію къ перекрестному оплодотворенію чрезъ посредство насѣкомыхъ, безъ участія которыхъ большинство изъ нихъ оставалось бы совершенно бесплоднымъ. При этомъ было далѣе найдено, что многіе виды приспособлены къ извѣстнымъ формамъ или группамъ насѣкомыхъ и не могутъ быть оплодотворены другими.

Эти изслѣдованія разъяснили массу самыхъ любопытныхъ фактовъ относительно устройства органовъ оплодотворенія цвѣтковъ, оставшихся до того совершенно необъясненными.

Во всей области естествознанія не существуетъ, можетъ быть, другихъ изслѣдованій съ столь богатыми результатами. Тѣмъ не менѣе, они получили распространеніе не ранѣе, какъ когда наблюдатели каждой части свѣта принялись за изслѣдованіе культурныхъ растений съ этой новой точки зрѣнія. За весьма немногими исключеніями, было найдено, что каждый цвѣтокъ обладаетъ устройствомъ,

обеспечивающимъ перекрестное оплодотворенiе иногда посредствомъ вѣтра, но чаще при содѣйствiи насѣкомыхъ и птицъ. Почти вся пестрота и отсутствiе симметрiи въ формѣ цвѣтовъ, придающiя имъ столько разнообразiя и красоты, оказались обязанными именно этой причинѣ; точно также она является источникомъ происхожденiя нектара, какъ приманки для насѣкомыхъ, различныхъ органовъ, вы-

Оранжерея, въ которой Дарвинъ производилъ свои опыты и наблюденiя.

работывающихъ этотъ нектаръ, равно какъ и запаха, цвѣтовъ и ихъ окраски.

Наблюденiя и опыты надъ взаимными отношенiями видовъ въ первобытномъ состоянiи, надъ препятствiями къ ихъ размноженiю и борьбой за существованiе, были столь же многочисленны и всесторонни, какъ и наблюденiя надъ домашними животными и растенiями. Какъ примѣръ, мы встрѣчаемъ указанiя на тщательные опыты Дарвина съ посѣвомъ растенiй и травъ для опредѣленiя

того—какая часть ихъ разрушается непріятелями до созрѣванія, и на другой рядъ наблюденій, имѣвшихъ цѣлью опредѣлить вліяніе болѣе сильныхъ растений въ борьбѣ со слабыми, съ которыми они приходятъ въ соприкосновеніе. Этотъ послѣдній фактъ, самъ по себѣ столь простой и, тѣмъ не менѣе, до него просмотрѣнный, разъясняетъ много странностей въ распредѣленіи, разведеніи и культивировкѣ растений.

Рѣдкій и нѣжный цвѣтокъ, который мы находимъ на лугу или въ кустахъ, въ то время, какъ на цѣлыя мили кругомъ нѣтъ и слѣда ему подобнаго, ясно показываетъ, что дѣло не заключается въ какой нибудь особенности почвы, мѣстоположеніи или другомъ физическомъ условіи, прямо благопріятствующихъ данному цвѣтку, а только въ томъ, что на этомъ именно участкѣ земли скопился подходящій комплексъ животныхъ и растений, не препятствующихъ его существованію. Подобные факты давали наглядныя свидѣтельства въ пользу того важнаго положенія, что различныя сочетанія формъ, характерныя для того или другаго клочка земли, холма, пригорка или лѣса, представляютъ результатъ самаго сложнаго и полнаго равновѣсія органическихъ силъ, выражаютъ собою послѣдній итогъ для даннаго времени постоянной борьбы растений и животныхъ за существованіе.

Другой замѣчательный рядъ опытовъ и наблюденій касался географическаго распредѣленія животныхъ и растений.

Дарвину наука обязана установкой различія между океаническими и материковыми островами, такъ какъ онъ первый указалъ на ту особенность условій, въ кругу которыхъ развивалась жизнь на островахъ. Трудюбивымъ обзоромъ всѣхъ отчетовъ изъ старыхъ путешествій онъ убѣдился, что ни на одномъ островѣ Великаго океана, отдаленномъ отъ материка, не встрѣчаются при первомъ его посѣщеніи ни континентальныя млекопитающія, ни континентальныя земноводныя; а при ближайшемъ изслѣдованіи, онъ нашелъ, что всѣ эти острова были или вулканическаго происхожденія, или состояли изъ коралловыхъ рифовъ, въ томъ и другомъ случаѣ сравнительно недавняго происхожденія—и потому не могли считаться частями потопленныхъ материковъ, какъ прежде думали. Тѣмъ не менѣе, эти острова были покрыты растительностью и населены различными животными. Изслѣдуя вопросъ о начальномъ заселеніи такихъ отдаленныхъ океаническихъ острововъ, Дарвинъ констатировалъ замѣчательную живучесть нѣкоторыхъ животныхъ и растений при перенесеніи ихъ водою чрезъ громаднаго пространства океана.

Съ этой точки зрѣнія, Дарвинъ сдѣлалъ многочисленныя наблюденія и изслѣдованія. Онъ старался убѣдиться въ томъ, какъ долго различныя виды сѣмянъ могутъ противодѣйствовать солевой водѣ, не теряя способности къ проростанію, и нашелъ, что болѣ-

шая часть сѣмянъ можетъ плавать въ водѣ безъ ущерба для себя въ теченiи мѣсяца, а нѣкоторыя переживаютъ погруженiе въ воду даже на сто тридцать семь дней. Но такъ какъ теченiе океана среднимъ числомъ равняется тридцати тремъ милямъ въ день, то не трудно допустить, что сѣмена могутъ легко переноситься за тысячу миль, а въ исключительныхъ случаяхъ и за три тысячи миль, и потомъ, все-таки, пустить ростки. Такимъ образомъ разъяснялась какъ самая возможность, такъ и одинъ изъ способовъ заселенiя отдаленныхъ океаническихъ острововъ...

Мѣсто обычной прогулки Дарвина.

Изъ другихъ работъ Дарвина укажемъ прежде всего на «Происхожденiе челоуѣка и половой подборъ», въ которомъ собрана масса замѣчательныхъ фактовъ и идей.—Затѣмъ, въ 1875 году, вышло новое изданiе его прежняго труда о «ползучихъ растенiяхъ», и въ томъ же году — объемистая книга о «насѣкомоядныхъ растенiяхъ»; въ 1876 году—«Перекрестное оплодотворенiе и самооплодотворенiе»; въ 1877 году—«Формы цвѣтовъ»; въ 1880 году—«Способность растенiй къ движенiю», — трудъ заключающiй въ себѣ много оригинальныхъ изслѣдованiй, и, наконецъ, въ 1881 году—

его замѣчательная небольшая книжка о «дождевыхъ червяхъ».— Этотъ послѣдній трудъ лучше всего характеризуетъ этого великаго работника и мыслителя. Въ 1837 году, Дарвинъ сдѣлалъ въ геологическомъ обществѣ небольшое сообщеніе «объ образованіи растительнаго чернозема при участіи червей». Болѣе чѣмъ черезъ 40 лѣтъ предметъ его раннихъ изслѣдованій былъ снова поставленъ на очередь, были сдѣланы новые опыты и наблюденія, результатомъ которыхъ явилось признаніе за одной изъ самыхъ низкихъ и презрѣнныхъ тварей важнаго агента въ образованіи почвеннаго слоя на пользу выспихъ животныхъ и человѣка.

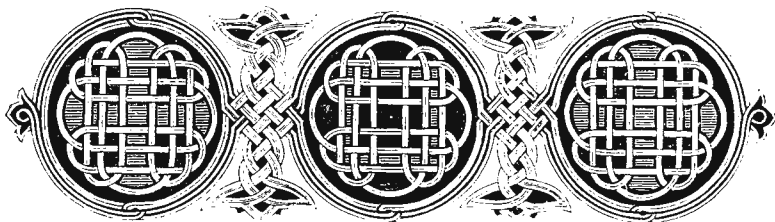
Представленный нами очеркъ трудовъ Дарвина не можетъ претендовать на полноту; неговоря уже о томъ, что мы ни слова не сказали о его первыхъ работахъ, которыя однако уже сами по себѣ были бы достаточны, чтобы доставить ему громкое имя въ наукѣ. Только величайшій геологъ могъ написать болѣе ученый трудъ, чѣмъ два тома его «Геологическихъ наблюденій» или его глубокое и серьезное сочиненіе о «Строеніи и распредѣленіи коралловыхъ рифовъ»; одни только многочисленныя его изслѣдованія объ оплодотвореніи и строеніи цвѣтовъ и движенія растений могли бы поставить его въ ряду выдающихся и самостоятельныхъ изслѣдователей въ области ботаники; а самый замѣчательный зоологъ или анатомъ могъ бы гордиться его прекрасной монографіей объ усоногихъ.

Но какъ ни велики эти труды въ отдѣльности или взятые вмѣстѣ, тѣмъ не менѣе, они не выдерживаютъ сравненія съ тѣмъ величественнымъ памятникомъ колоссальнаго труда и гениальной умственной работы, который носитъ названіе «Происхожденія видовъ», и съ которымъ такъ всецѣло связано имя Дарвина среди большинства образованной публики.

Какъ бы быстро наше знаніе природы ни росло въ грядущемъ, оно несомнѣнно будетъ слѣдовать по пути, освѣщенному для насъ великимъ учителемъ—и на много лѣтъ впередъ имя Дарвина будетъ служить образцомъ того, чѣмъ можетъ быть изслѣдователь природы...

Н. Н.

ФРАНЦУЗСКОЕ ОБЩЕСТВО ВО ВРЕМЯ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ.

(По запискамъ Вьель Кастеля).

Причины Крымской войны и ея вліяніе на Францію.—Ультиматумъ Наполеона III.—Переписка принцессы Матильды съ Николаемъ I.—Евгенія и столоверченіе.—Убіиство герцога Пармскаго.—Проповѣди Вентуры и записки Целесты Могадоръ.—Произволь и хищенія приближенныхъ Наполеона.—Министръ народнаго просвѣщенія.—Извѣстія съ театра войны.—Картонный колоссъ.—Заговоры противъ императора.—Министръ двора.—Ссоры союзниковъ въ Крыму.—Придворные скандалы.—Планы Наполеона и приготовленія къ отъѣзду въ Крымъ.—Принцъ Наполеонъ.—Смерть Николая I.—Письмо прусскаго короля.—Покушеніе Піаноро.—Испанскія дѣла.—Письмо Александра II къ принцессѣ Матильдѣ.—Переполохъ въ Лионѣ.—Викторія въ Парижѣ.—Покушеніе Бельтимора.—Взятіе Севастополя.—Французское дворянство.—Писатели въ оцѣнкѣ левитимиста.—Генералъ Трошю.—Волненія въ Италиі.—Дуэль на купоросѣ.

ВОЙНА ВЪ КРЫМУ, въ послѣдній годъ царствованія Николая I, началась по желанію Наполеона III. Она была нужна ему для поддержанія его авторитета, для прославленія его царствованія, для того, чтобы блескомъ побѣдъ, внѣшнимъ величіемъ, маскировать внутреннее униженіе, нравственное паденіе страны. О томъ, какъ относилось къ этой войнѣ французское общество, какое вліяніе имѣла она на политическую и общественную жизнь Франціи, можно найти любопытныя подробности въ вышедшемъ въ концѣ прошлаго года третьемъ томѣ мемуаровъ графа Гораса де-Вьель-Кастеля. Томъ этотъ замѣчательнъ не менѣе двухъ первыхъ, которые мы разобрали въ т. XII и XIV «Историческаго Вѣстника». Извлечемъ изъ

него все, что можетъ характеризовать эпоху и интересовать русскихъ читателей.

Еще въ концѣ января 1854 года, многіе вѣрили въ возможность сохраненія мира. Франція собиралась принудить Австрію присоединиться въ коалиціи державъ, вступившихся за Турцію. 19-го февраля, появилось въ «Монитёрѣ» извѣстіе, что на ультиматумъ Наполеона III, русскій царь отвѣчалъ отказомъ. Нечего говорить, что и Вьель-Кастель толкуетъ о непомѣрномъ честолюбіи Николая I и необходимости положить этому предѣлъ. Изъ всѣхъ приближенныхъ Наполеона только одна принцесса Матильда была «какъ всегда, совершенно русскою» (*toujours fort russe*) и не скрывала этого; она писала къ русскому императору и онъ отвѣчалъ ей, что очень тронуть высказанными ему знаками расположенія, тѣмъ болѣе пріятными, что въ послѣднее время онъ во многихъ ошибся. Онъ говорилъ также о ложныхъ слухахъ, ходящихъ о немъ въ Европѣ, но въ письмѣ его не было никакихъ миролюбивыхъ увѣреній. Евгения занималась верченіемъ столовъ и спрашивала у нихъ о судьбѣ войны. Столъ отвѣчалъ, что война будетъ продолжаться семь мѣсяцевъ—и только на бумагѣ. Заставили и епископа Нанси предложить столу вопросъ: что дѣлается съ душою послѣ смерти? но столъ упорно молчалъ въ присутствіи епископа, а докторъ Симонъ на вопросъ Наполеона, что онъ думаетъ о столоверченіи, отвѣчалъ: «я не знаю, что и думать объ этомъ». — Это самый разумный отвѣтъ, замѣтилъ императоръ. «И еще упрекаютъ нашихъ отцовъ, что они вѣрили въ колдуновъ!» прибавляетъ Вьель-Кастель.

Сенату и законодательному корпусу было сообщено официально о войнѣ только 27-го марта. Въ это время былъ убитъ ударомъ кинжала въ животъ герцогъ Пармскій. Вьель-Кастель выражается объ немъ безъ всякой церемоніи: «смерть его—не большая потеря; въ немъ не было ни одного достоинства; онъ напивался какъ крючникъ (*crocheteur*) и сдѣлалъ несчастною сестру герцога Бордоскаго, которую за него выдали. Онъ возмущалъ своими манерами всю аристократію. Такой же трусъ, какъ и его отецъ, онъ имѣлъ и тѣ же пороки, а одинъ изъ нихъ, которому былъ подверженъ и голландскій король, отецъ Луи-Наполеона, стоилъ ему большихъ денегъ. Шантажисты не разъ хотѣли устроить ему публичный скандалъ». Герцогиня Пармская, отецъ и мужъ которой пали подъ ножомъ убійцы, была назначена регентшею.

Два событія интересовали въ это время парижанъ, не менѣе объявленія войны: проповѣди отца Вентуры въ церкви Магдалины и появленіе въ продажѣ записокъ Целесты Могадоръ. Проповѣдника Вьель-Кастель называетъ прямо полишинелемъ и чтобы доказать, до какихъ невозможныхъ тонкостей доходитъ теологическая діалектика, приводитъ слѣдующую фразу проповѣди: «Когда

мы сильно любимъ какую нибудь вещь всѣмъ нашимъ сердцемъ, когда мы любимъ ее любовью, мы стремимся къ ней взглядами, призываемъ ее въ нашихъ желаніяхъ, мы ее схватываемъ, обнимаемъ, приближаемъ къ нашимъ губамъ, пожираемъ ее нашими поцѣлуями. Такъ и въ евхаристіи, братія, мы любимъ ее любовью, стремимся къ ней (*nous la convoitons*) приближаемъ ее къ нашимъ губамъ, схватываемъ ее, пожираемъ ее нашими поцѣлуями и проглатываемъ». Что касается до Целесты Венаръ, прозванной «Могадоръ», бывшей наѣздницы въ циркѣ и прославившейся своимъ канканомъ на публичныхъ балахъ еще при Луи-Филиппѣ, появленіе ея записокъ произвело скандалъ потому, что она въ это время была уже графинею Шабрильанъ, женою промотавшагося гуляки, но получившаго въ это время, по родству съ графомъ Шуазель, мѣсто французскаго консула въ Австріи. «И полиція спокойно допустила продажу этихъ грязныхъ мемуаровъ, вѣроятно для поддержанія чести консульскаго званія», прибавляетъ Вьель-Кастель. Много говорили также о бѣгствѣ принцессы Бофремонъ отъ своего мужа, грубаго и глупаго негодяя, и о высылкѣ изъ Парижа русскаго графа Л*, бывшаго одно время ростовщикомъ и шпиономъ. Префектъ полиціи заперъ его въ тюрьму Мазасъ за ругательства и оскорбленіе суда, правительства, императора, но Наполеонъ велѣлъ только выслать его за границу. Приближенные императора дѣлали все, что имъ хотѣлось. Напрасно Пьетри доказывалъ, что парижскій префектъ Гаусманъ, перестраивая городъ, крадетъ милліоны; напрасно Лори подавалъ въ сенатъ двѣ записки, въ которыхъ просилъ нарядить слѣдствіе надъ генераломъ Рандономъ, губернаторомъ Алжиріи, грабившимъ колонію и нарушавшимъ законы. Министръ двора Фульдъ, управлявшій печатью и театрами, отнималъ у Верона право на изданіе газеты «*Constitutionnel*», а у актрисы Денень—роль въ пьесѣ Скриба «*Le verre d'eau*», чтобы передать ее Маделенѣ Брoganъ, фавориткѣ Луи-Наполеона. Министръ просвѣщенія Фортуль, желая попасть въ академію, въ члены которой уже былъ намѣченъ серьезный ученый Лонжпьеръ, употреблялъ всѣ средства, чтобы уничтожить кандидатуру соперника: угрожалъ академикамъ, которые были профессорами, что онъ лишитъ ихъ кафедры, посылалъ другимъ подарки, просилъ голоса даже у Гизо, увѣрялъ, что избраніе его желаетъ императоръ. На выборахъ онъ получилъ однако 27 голосовъ, а Лонжпьеръ 19. И этотъ министръ просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, въ 1837 году, на публичномъ банкетѣ, провозгласилъ тостъ въ честь Алибо, покушавшагося на жизнь короля, и называлъ убійцу: *dernière incarnation de Jesus Christ*.

О войнѣ сообщались самыя нелѣпыя извѣстія. Такъ при бомбардированіи Одессы «разрушены всѣ батареи, взорваны пороховые погреба, сожжено 13 военныхъ кораблей и взято столько же

транспортныхъ судовъ съ военными припасами; задержанные въ гавани французскія суда освобождены». Свѣдѣнія о взятіи Бомарзунда доходятъ до колоссальной пошлости: «Когда, отдавшіеся въ плѣнъ русскія войска шли между рядами французскихъ и англійскихъ солдатъ, музыканты играли шотландскую джигу и русскіе стали танцовать подъ эту музыку». Принцъ Наполеонъ-Жеромъ, продолжавшій и въ Крыму составлять заговоры противъ своего двоюроднаго брата, вель себя въ арміи самымъ неприличнымъ образомъ. Герцогъ Кембриджскій не принималъ его у себя. Военные подвиги принца ограничились тѣмъ, что онъ уѣхалъ въ Константинополь лечиться отъ диссентеріи. 1-го октября, всѣ театры были иллюминованы вслѣдствіе полученія извѣстія о взятіи Севастополя, со всѣмъ флотомъ, послѣ двухъ кровопролитыхъ сраженій, въ которыхъ русскіе были совершенно разбиты. «Побѣжденная армія, которой была предоставлена свобода вернуться въ Россію, отказалась отъ этого и предпочла отправиться плѣнницей въ Европу». И по поводу этой непостижимой глупости, Вьель-Кастель, какъ истый французъ, восклицаетъ: «русскій императоръ потерялъ весь свой престижъ: онъ считалъ невозможнымъ, чтобы Франція объявила войну; онъ вѣрилъ въ существованіе сильной легитимистской партіи. Его посланники увѣрили его, что союзъ между Франціею и Англіею невозможенъ, что Наполеонъ III будетъ свергнутъ какъ только начнется война. Отъ этой увѣренности происходитъ и дерзость Меншикова и упрямство въ переговорахъ. Россія теряетъ плоды столѣтнихъ интригъ. Теперь уже нельзя вѣрить въ ея могущество; ея крѣпости сдаются безъ боя, войска сражаются неохотно, флотъ захватывается въ своихъ гаваняхъ. Россія не болѣе какъ картонный колоссъ». И послѣ этой чисто-французской тирады, Вьель-Кастель приходитъ въ негодованіе, что въ то время, когда во всѣхъ департаментахъ и даже въ Лондонѣ праздновали эту побѣду, парижскіе буржуа не хотѣли иллюминовать свои дома и ждали официальнаго подтверженія извѣстія. А на слѣдующій день онъ принужденъ сознаться, что изъ Вѣны пришли ложныя свѣдѣнія, что союзная армія потерпѣла чувствительный уронъ, хотя и одержала одну побѣду, что Севастополь и не думалъ сдаваться. О смерти Сент-Арно онъ отзывается съ участіемъ, увѣряетъ, что всѣ жалѣли объ немъ, и что его славная смерть (онъ умеръ отъ холеры) заставляетъ забыть грѣхи его молодости. Исторія, конечно, не подтвердитъ этого приговора о гулякѣ и шулерѣ въ молодости, безчестномъ грабителѣ и плохомъ генералѣ подъ старость. Что касается до грабежей, то ими занимались почти всѣ приближенные императора - авантюриста, и примѣрами алчнаго хищенія и взяточничества наполнено все его царствованіе. Вьель-Кастель говоритъ, между прочимъ о поставщикахъ министерства двора, жаловавшихся на то, что съ нихъ деруть безбожныя взятки

высшіе чиновники. Подрядчики, ставившіе дрова въ это министерство по 35 франковъ за извѣстную мѣру, получали только 31. Зная исторію подобныхъ подрядовъ въ другихъ государствахъ, казалось бы не стоило такъ кричать о взяткѣ въ четыре франка. Вѣдь не десятки же тысячъ мѣръ ставили подрядчики.

Заговоры противъ Луи-Наполеона продолжали составляться каждый годъ. Въ февралѣ было арестовано человекъ двадцать; въ октябрѣ, въ булонскомъ тоннелѣ, сторожъ желѣзной дороги нашель въ стѣнѣ выдолбленную нишу, скрытую довольно искусно и въ ней—адскую машину, отъ которой шли проводники къ электрической батарее на далекое разстояніе. Машину предполагалось взорвать въ то время, когда по тоннелю отправится изъ Булони въ Парижъ императоръ. Захватили двѣнадцать заговорщиковъ, но слѣдствіе производилось въ тайнѣ: не хотѣли, чтобы народъ могъ подумать о возможности покушенія на жизнь императора. Придворные скандалы шли также своимъ чередомъ. Графиня Нансути подарила на 80,000 франковъ бриліантовъ своей горничной, которую она очень любила. Въ то время, когда танцовка Карлота Гризи пользовалась въ Петербургѣ расположеніемъ высокопоставленнаго лица, въ Парижѣ министръ двора Фульдъ, послѣ страстныхъ писемъ къ гѣвицѣ Крувелли, попробовалъ перейти отъ слова къ дѣйствию. Крувелли дала ему оплеуху и оставила сцену, выйдя за мужъ за барона Вижье. Газетамъ запрещено было даже намекать на это происшествіе. Жена Фульда брала взятки не меньше своего мужа. Составляя «корзину новобрачной» для поднесенія невѣстѣ императора, она принудила поставщиковъ преподнести и ей дорогія матеріи, да кромѣ того дѣлала приписки къ ихъ счетамъ. Такъ, кружевное платье, которое предлагали принцессѣ Матильдѣ за 23,000 франковъ, Фульдъ поднесла Евгени за 30 тысячъ. Обершталмейстеръ, генералъ Флери, потребовалъ даже съ принцессы Матильды уплаты за четверку лошадей, подаренныхъ ей императоромъ. Управляющій загородными дворцами, генералъ Ролленъ, требовалъ, чтобы ему доставляли всѣ деньги, какія посѣтители Фонтенебло и Компьена вручали придворнымъ служителямъ, сопровождавшимъ посѣтителей при осмотрѣ дворцовъ. Одному изъ нихъ принцеса Матильда дала 500 франковъ и генералъ вытребовалъ у него эту сумму,—это сообщила автору сама принцеса. Луи-Наполеонъ зналъ, что его всѣ обкрадываютъ, но не хотѣлъ взыскивать со своихъ приближенныхъ, не желая показать публикѣ, какія лица окружаютъ его—какъ будто можно было скрыть подобные поступки отъ общественнаго мнѣнія, также строго относящагося и къ тому, кто воруетъ и къ тому, кто покрываетъ и терпитъ близъ себя воровъ.

По мѣрѣ того, какъ развивалась осада Севастополя, Вьель-Кастель сознавался, что «русскіе защищаются геройски», но въ то-

же время передавалъ въ своихъ запискахъ и нелѣпыя слухи въ родѣ того, что русскіе офицеры приказываютъ убивать раненыхъ на полѣ сраженія, и что какой-то маіоръ, взятый въ плѣнъ, былъ отданъ за это подъ военный судъ, а Канроберъ и лордъ Рагланъ писали объ этомъ Меншикову. Восхищаясь подвигами французской арміи, авторъ съ грустью замѣчаетъ, что ни одинъ членъ семейства Бонапарте не отличился на войнѣ: принцъ Наполеонъ оставляетъ армію при началѣ осады, молодой Мюратъ даже не просится въ Крымъ, а предпочитаетъ въ Парижѣ получать огромное жалованье, какъ и всѣ остальные наполеониды. На своихъ союзниковъ, англичанъ, французы не переставали жаловаться въ продолженіе всей кампаніи. Такъ, Канроберъ, послѣ альминскаго сраженія, хотѣлъ идти прямо на Севастополь, пользуясь разстройствомъ русской арміи, но лордъ Рагланъ настоялъ на томъ, чтобы перейти на южную сторону и начать правильную осаду. Во время осады англичане уклонялись отъ атакъ и штурмовъ и довольствовались канонадою редутовъ съ дальнихъ разстояній. При Инкерманѣ, впрочемъ, они понесли большія потери, потому что имъ не оказала помощи дивизія принца Наполеона, хотя принцъ получилъ точныя приказанія—подкрѣпить англійскій корпусъ.

А скандалы въ высшемъ кругу повторялись чуть не каждый день. Молодой герцогъ Валломброзо подарилъ кокеткѣ любовное письмо къ нему маркизы Бетизи. Кокотка автографировала письмо и отправила копии къ разнымъ лицамъ, не исключая мужа маркизы. Мужъ и братъ ея, герцогъ Валентинуа, вызвали на дуэль Валломброзо, но онъ отказался. Кокотка потребовала 60,000 франковъ за возвращеніе письма. Родные маркизы начали торговаться... Чѣмъ же хуже были нравы эпохи регентства и Людовика XV?

Въ февралѣ 1855 года, Наполеонъ III началъ собираться въ Крымъ, составивъ какой-то планъ взятія Севастополя, приводившій, конечно, въ восхищеніе его приближенныхъ. Кромѣ желанія выказать свой стратегическій талантъ, его побуждали принять главное начальство надъ экспедиціонною арміею интриги и ссоры между его генералами, отличавшимися бездарностью. Такъ, генерала Форей обвиняли въ томъ, что при атакѣ одного редута, онъ, изъ зависти къ генералу Лурмелю, не поддержалъ его своею дивизіею. Атака была отбита, Лурмель убитъ и Форей принужденъ подать въ отставку. Артиллеристы и инженеры враждовали между собою, мѣшали другъ другу въ военныхъ операціяхъ; подпоручики составляли планы, какъ взять городъ и обвиняли своихъ начальниковъ въ неспособности и бездѣйствіи; армейскіе офицеры ссорились съ гвардейцами и явно роптали на предпочтеніе, оказываемое привилегированнымъ войскамъ; солдаты, держа сторону своихъ начальниковъ, вступали въ перебранку и драку между собою. Присутствіе императора на театрѣ войны могло положить конецъ

этимъ неурядицамъ, хотя, съ другой стороны, его вмѣшательство въ военныя дѣйствія могло парализовать успѣхъ начатыхъ операцій. Наполеонъ приказалъ Лагероньеру написать въ Монитёрѣ статью, доказывавшую необходимость отправленія въ Крымъ, «гдѣ ждали также прибытія русскаго императора». Николай I прислалъ между тѣмъ еще письмо принцессѣ Матильдѣ, въ которомъ говорилось: «я положительно не понимаю, для чего Франція воюетъ со мною». Въ то время, когда двоюродная сестра французскаго императора стояла горой за Россію, двоюродный братецъ его, прозванный Плонъ-Плономъ (въ Крыму солдаты перемѣнили это названіе на *Craint-plomb*), напечаталъ въ Брюсселѣ брошюру, въ которой представлялъ положеніе французовъ въ Крыму въ самомъ ужасномъ видѣ, обвиняя генераловъ, осыпая бранью и насмѣшками офицеровъ. Брошюру приписывали сначала Романсу, бывшему префекту, женатому на русской, Кайсаровой, но свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ и планахъ могло сообщить только лицо, бывшее на мѣстѣ и знавшее всѣ предположенія главнокомандующаго. Грозилъ арестовать Плонъ-Плона, но тотъ далъ честное слово, что ничего не знаетъ о существованіи брошюры. Этого неугомоннаго брата, вернувшись въ Парижъ и котораго освистывали уличные мальчишки, когда онъ являлся на бульварахъ въ своемъ генеральскомъ мундирѣ, Наполеонъ рѣшилъ взять съ собою въ Крымъ. «Дай Господи, чтобы онъ не вернулся оттуда!» прибавляетъ Вьель-Кастель. Вслѣдъ затѣмъ, онъ заноситъ въ свой дневникъ:

«2-го марта, въ семь часовъ вечера, пришло извѣстіе, что русскій императоръ скончался отъ паралича легкихъ. Тотчасъ же сенаторы и вельможи бросились на маленькую биржу, въ пассажѣ Оперы, чтобы эксплуатировать эту новость. Рента поднялась на 2 франка 50 сантимовъ». Вьель-Кастель говоритъ, что новый императоръ противникъ войны, тогда какъ братъ его «стоитъ во главѣ старой русской и фанатической партіи» и тутъ же приводитъ новую нелѣпость о большомъ сраженіи, въ которомъ былъ убитъ великій князь. Смерть Николая I не остановила однако приготовленія къ отъѣзду въ Крымъ. Наполеонъ былъ чрезвычайно недоволенъ двусмысленнымъ положеніемъ Австріи. Прусскій король, убѣждая его не ѣздить въ Крымъ, писалъ: «Я имѣю полную надежду склонить императора Александра принять условія мира, который удовлетворилъ бы интересамъ Европы; но если, вопреки моей надеждѣ, это мнѣ не удастся, тогда я вполне присоединюсь къ вашей политикѣ и мои арміи пойдутъ на ряду съ вашими». Неизвѣстно, какія именно причины заставили Наполеона отказаться отъ поѣздки въ Крымъ и вмѣсто того отправиться въ Англию, гдѣ приняты съ восторгомъ его и Евгенію, хотя относительно послѣдней виндзорскій дворъ сначала колебался, какого рода этикета слѣдуетъ держать. Вьель-Кастель говоритъ, что Наполеона

побудило остаться во Франціи то обстоятельство, что онъ долженъ былъ передать власть своему дядѣ, принцу Жерому, требовавшему неограниченныхъ полномочій, а министерство объявило, что въ такомъ случаѣ оно будетъ принуждено въ полномъ составѣ подать въ отставку.

28-го апрѣля, въ пятомъ часу, Наполеонъ ѣхалъ верхомъ по Елисейскимъ полямъ въ Булонскій лѣсъ, въ сопровожденіи двухъ адъютантовъ. Вдругъ на шоссе вышелъ хорошо одѣтый молодой человекъ, и почти въ упоръ выстрѣлилъ въ императора, но не попалъ. Адъютанты бросились на убійцу, но онъ успѣлъ сдѣлать второй выстрѣлъ, также неудачный. Наполеонъ продолжалъ свою прогулку и вернулся во дворецъ, сопровождаемый многочисленной толпой. Въ Тюльери онъ сказалъ окружающимъ его лицамъ: «вы видите, что это не такъ легко», а вечеромъ былъ съ Евгеніей въ Комической оперѣ, гдѣ его встрѣтили восторженными криками и слезами. Убійца-римлянинъ, назвался сначала ложнымъ именемъ и не хотѣлъ отвѣчать на допросъ префекта полиціи, но когда Пьетри отдалъ приказаніе разстрѣлять его тотчасъ же, на дворѣ тюрьмы, онъ сознался, что его зовутъ Джіованни Піанори, что онъ ремесломъ сапожникъ, 28-ми лѣтъ, женатъ, имѣетъ нѣсколько дѣтей, служилъ прежде въ отрядѣ Гарибальди и посланъ отъ Мадзини—убить императора. Вьель-Кастель не говоритъ ни слова дальше ни о процессѣ убійцы, ни о казни его, 14-го мая, наканунѣ открытія всемірной выставки въ Парижѣ. За то авторъ сообщаетъ много сплетней о событіяхъ въ Испаніи, о причинахъ удаленія въ Парижъ королевы Христины, о томъ, что въ заговорахъ противъ жизни королевы Изабеллы участвовалъ ея супругъ. Впрочемъ и такая серьезная газета, какъ «Débats» приводила въ то время цѣлую сцену между Изабеллой, Эспартеро и О'Доннелемъ, по поводу закона о продажѣ духовныхъ имуществъ, утвержденного кортесами. Королева не хотѣла подписывать указа объ этомъ и уступила только угрозамъ генераловъ, что ее вышлютъ изъ Испаніи и объявятъ республику. О'Доннель такъ сжалъ ея руку, заставляя ее подписать, что она вскричала: «я протестую противъ вашихъ насилій и надѣюсь, что Богъ обрушитъ на ваши головы и на вашихъ сообщниковъ отвѣтственность за мою слабость». И это называется конституціоннымъ правленіемъ! прибавляетъ авторъ, недовольный всѣми и даже принцессой Матильдой. Послѣднюю онъ обвиняетъ въ томъ, что она не стѣсняется въ своихъ салонахъ отзываться о папѣ, кардиналахъ, австрійцахъ и англичанахъ, какъ настоящая мадзинистка и гордится болѣе своимъ родствомъ съ русскимъ, чѣмъ съ французскимъ императоромъ. Отъ перваго она получила письмо, въ которомъ Александръ II говоритъ, что его отецъ оставилъ ему дорогой для его сердца завѣтъ, который онъ считаетъ пріятнымъ долгомъ выполнить: это — продолженіе той привязанно-

сти, какую питаль къ принцессѣ покойный императоръ; она можетъ быть увѣрена въ его искреннемъ расположеніи и покровительствѣ ея интересамъ. Вьель-Кастель негодуетъ, что французская принцесса гордится дружбою врага Франціи. Еще болѣе негодуетъ онъ на ея брата, сказавшаго публично въ клубѣ, что французская армія—армія львовъ, командуемыхъ ослами. Лагероньеръ рѣшился однажды сказать принцу, что если судьба приведетъ его на тронъ Франціи, то онъ встрѣтитъ больше враговъ, чѣмъ приверженцевъ. Принцъ отвѣчалъ, что ему стѣитъ только, взойдя на престолъ, напечатать въ «Монитёрѣ»: всѣ чиновники сохраняютъ свои мѣста и должности, и приверженцевъ у него явятся тысячи. Изумленные успѣхомъ захвата власти Луи-Наполеономъ, всѣ члены его семейства разсчитывали, съ его помощью, также попользоваться чѣмъ можно. Мюраты явно подкапывались подъ короля неаполитанскаго. Но до какой степени было непрочно владычество самого Луи-Наполеона доказываетъ переполохъ, случившійся въ іюнѣ этого года, въ Ліонѣ. Маршалъ Кастелланъ, командовавшій въ этомъ городѣ войсками, получилъ изъ Парижа извѣстіе о внезапной смерти императора. Онъ тотчасъ же послалъ за управляющимъ правительственною типографіей и приказалъ ему напечатать прокламацію, которою жителямъ города сообщалось о восшествіи на престолъ Генриха V. Тутъ же маршалъ продиктовалъ прокламацію и ее стали набирать. По счастью, адъютанты маршала въ-время узнали объ этомъ, и доказали ему недѣльность и опасность его поступка. Луи-Наполеонъ, услышавъ объ этомъ, сказалъ: «я не зналъ, что маршалъ способенъ на энергическую инициативу».

Въ концѣ августа, королева Викторія отдала визитъ императору французовъ. Она провела десять дней въ Парижѣ, отъ котораго была въ восторгѣ: «У меня нѣтъ ничего подобнаго въ Англии», говорила она. Принцу Наполеону она дала орденъ Бани «за важныя военныя заслуги». «Лучше бы, вмѣсто бани, она поднесла ему кусокъ виндзорскаго мыла, да и тотъ не отмылъ бы всей насѣвшей на него грязи», прибавляетъ Вьель-Кастель. За придворными праздниками слѣдовала серьезная попытка рабочихъ изъ каменоломенъ — овладѣть Анжеромъ. Инсургентовъ, предводимыхъ членами тайнаго общества «Маріанны», окружили въ предмѣстьи города и захватили у нихъ двѣсти килограммовъ пороху и множество зажигательныхъ снарядовъ. 8-го сентября, въ императора, подѣзжавшаго къ итальянскому театру, выстрѣлилъ изъ пистолета руанскій уроженецъ Бельтиморъ, 22-хъ лѣтъ, уже 16-ти лѣтъ сидѣвшій въ тюрьмѣ за мошенничество, а въ 1852 году за участіе въ возстаніи. Его выдали за помѣшаннаго. Взятіе Севастополя праздновали торжественно, хотя сознавались, что при штурмѣ погибло шесть тысячъ человекъ и пять генераловъ. Въ концѣ октября, объявили официально, что Евгенія на пятомъ мѣсяцѣ бере-

менности. Наполеониды почти явно высказывали свою досаду. Принцъ Наполеонъ негодовалъ и на то, что во время торжественнаго входа въ Парижъ гвардіи, вернувшейся изъ Крыма, во главѣ процесіи поставили не его, а Канробера. Принца обвинили также въ несправедливости при раздачѣ наградъ за всемірную выставку комитетомъ жюри, въ которомъ онъ предсѣдательствовалъ. Въ клубѣ онъ велъ крупную игру въ пикетъ по 20 франковъ и выигрывалъ десятки тысячъ. Клубы были вообще враждебны правительству, также какъ писатели, художники и политехническая школа. Къ этимъ недовольнымъ присоединились, въ началѣ 1856 года, и крупные торговцы за то, что императоръ и императрица, вопреки обычаю, не приобрѣтали у нихъ подарковъ для раздачи придворнымъ. Только родственники Евгеніи получили порядочные куши: ея матери, графинѣ Монтихо, подаренъ отель въ Елисейскихъ поляхъ, купленный у Лористона за три милліона; мужа двухъ другихъ дочерей графини, — герцоги д'Альбъ и Гамильтонъ, получили большіе кресты почетнаго легіона, о чемъ, однако, не было объявлено въ «Монитёрѣ». Сама Евгенія получила эмалевый сервизъ въ 65 тысячъ; для будущаго ребенка было приготовлено бѣлье въ сто тысячъ франковъ. Евгенію не любили ни придворные, ни парижане. Въ февралѣ, въ театрѣ, студенты, въ ея присутствіи, начали пѣть осмѣивавшіе ее куплеты, пародію на модную шансонетку: «сиръ де-Фрамбуазъ». Возставая противъ упадка высшаго круга и дворянства, Вьель-Кастель называетъ нѣсколько извѣстныхъ именъ, унизившихъ свое званіе неровными браками: маркизъ Латуръ-Дюпенъ женился на дочери торговца лошадами, бывшаго конюха лорда Сеймура; дѣвица Бореперъ вышла за кучера своего отца; Делье — за тромбониста театра Folies nouvelles, Сегенъ — за своего садовника. Рошфоръ Сенъ-Луи, бывший обершталмейстеръ герцога Лукскаго, за пятьсотъ тысячъ франковъ женился на дочери герцога, которой необходимо было дать имя своему ребенку. Но этотъ послѣдній бракъ окончился трагически — смертью жены, которой мужъ не позволялъ лечиться, чтобы наказать ее за распутную жизнь. Подробности этой грязной исторіи слишкомъ циничны, чтобы приводить ихъ. Вообще, авторъ очень строго относится къ выродившейся аристократіи, еще строже къ авантюристамъ, стоящимъ во главѣ правительства, но всего безпощаднѣе — къ писателямъ, журналистамъ, артистамъ, осыпая насмѣшками представителей французской интеллигенціи, собирая объ нихъ всевозможные силетни и анекдоты, не дѣлающіе имъ чести. О дарованіи Жоржъ-Занда онъ отзывался съ презрѣніемъ и перечисляетъ только ея любовниковъ; госпожа Жиранденъ, умершая въ это время, замѣчательна тоже одними любовниками; у скульптора Давида Анжерскаго и живописца Энгра нѣтъ ни на волосъ таланта; Беранже — скверная собака (le plus mauvais chien de la chré-

tienté); директоръ «Journal des Debats», Арманъ Бертенъ, извѣстенъ только крайнимъ атеизмомъ, доходившимъ до того, что лакей Верона, прислуживавшій за завтракомъ, на который былъ приглашенъ журналистъ, слыша его богохульство, не захотѣлъ служить; историкъ Мишле — опасный сумасшедшій; Сю, Эмиль Жирарденъ — извѣстны только распутствомъ; Альфредъ Мюссе — пьяница; Викторъ Гюго и Александръ Дюма — безталанные хвастуны. Александру Дюма сыну аббатъ Дюгерри общалъ крестъ и мѣсто въ академіи, если онъ напишетъ религіозную драму. «Религія сама составила три кровавыя драмы, отвѣтилъ Дюма: войну съ альбигойцами, вареоломеевскую ночь и севенскія драгонады».

Когда въ Парижъ явились русскіе уполномоченные для переговоровъ о мирѣ, всѣ замѣтили, что ихъ отношенія къ Австріи были гораздо болѣе недружелюбны, чѣмъ къ Англіи. О ходѣ переговоровъ авторъ не сообщаетъ никакихъ подробностей и говоритъ только о восторгѣ народа при официальномъ извѣщеніи о заключеніи мира, о разницѣ между Франціею 1848 года униженною, презираемою и Франціею 1856 года, прославленною Наполеономъ. Вьель-Кастель умеръ за шесть лѣтъ до 1870 года. Чтò сказалъ бы онъ въ это время? Извѣстно, что уполномоченные на конгрессѣ подписали мирный договоръ перомъ, которое Фёлье де-Коншъ взялъ изъ крыла орла, въ звѣринцѣ Jardin des plantes. За этотъ «подвигъ» онъ получилъ командорскій крестъ почетнаго легіона. Принцъ Наполеонъ, отодвинутый на второй планъ рожденіемъ сына императора, хотѣлъ, чтобы его отправили на коронацію Александра II. Луи-Наполеонъ не согласился на это, сказавъ Матильдѣ: «пусть онъ дѣлаетъ глупости въ Парижѣ, но я не хочу, чтобы онъ дѣлалъ или говорилъ ихъ въ Петербургѣ; это дискредитируетъ насъ въ глазахъ Россіи». Посланъ былъ, какъ извѣстно, побочный братъ Луи-Наполеона, Морни.

Изъ исторіи севастопольской осады авторъ приводитъ примѣръ храбрости генерала Трошю, имъ самимъ рассказанный. Штурмъ большого редана былъ предпринятъ только какъ диверсія и долженъ былъ кончиться неудачей. Трошю созвалъ свою бригаду и, помѣстившись въ центрѣ ея, сказалъ солдатамъ: «приступъ, назначенный на завтра, будетъ тяжелъ, и изъ солдатъ, которые пойдутъ въ главѣ колонны, немногіе увидятъ конецъ дѣла. Они почти всѣ лягутъ на мѣстѣ и я не поручусь, чтобы оставшіеся получили всѣ награду; но мнѣ все таки нужно двѣсти волонтеровъ для начала атаки. Я надѣюсь на васъ и вы знаете, что я буду съ вами». Изъ рядовъ вышло пятьсотъ волонтеровъ. Трошю выбралъ двѣсти; изъ нихъ осталось въ живыхъ сорокъ. Вообще изъ полторатысячи, атаковавшихъ реданъ, осталось на мѣстѣ восемьсотъ солдатъ и семьдесятъ четыре офицера. У Трошю оторвало ядромъ икру ноги и онъ былъ спасенъ однимъ арабомъ, поднявшимъ его и помогав-

шимъ при отступленіи, которое было еще опаснѣе нападенія, такъ какъ русскіе цѣпились въ генерала, поддерживаемаго арабомъ.

Плохой цѣнитель литературныхъ заслугъ, Вьель-Кастель оказывается еще болѣе плохимъ политикомъ, въ своихъ сужденіяхъ о положеніи Италіи, гдѣ въ это время уже начиналось сильное революціонное движеніе, которое, вслѣдъ затѣмъ, повело къ освобожденію и объединенію страны. Авторъ записокъ—положительный противникъ этого объединенія; для него непонятенъ терминъ — итальянцы; онъ признаетъ только неаполитанцевъ, пьемонтцевъ, римлянъ и пр. и предсказываетъ, что всѣ они передерутся между собою, какъ только освободятся и соединятся. Онъ горячо заступаетъ за короля неаполитанскаго, деспотическіе поступки котораго принудили Англію и Францію отозвать своихъ пословъ изъ Неаполя. По этому случаю Вьель-Кастель ехидно замѣчаетъ, что Европа объявила войну Россіи за то, что эта держава вмѣшивалась во внутреннія дѣла Турціи, угнетавшей своихъ христіанскихъ подданныхъ, а теперь прерываетъ дипломатическія сношенія съ державою, которая укрощаетъ возникающіе въ ней бунты. Нечего и говорить, что вопросъ о свѣтскомъ владычествѣ папы кажется автору необходимымъ условіемъ не только благосостоянія, но даже существованія католицизма.

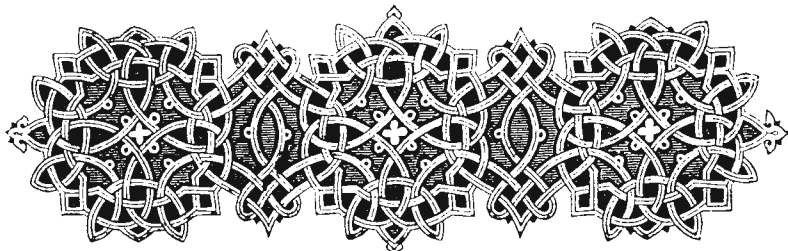
Нравы среднихъ классовъ общества, во время имперіи, были ничѣмъ не лучше нравовъ двора. Вотъ случай, о которомъ Вьель-Кастель говоритъ вскользь два слова, но рассказываетъ подробно записки современниковъ. Въ семействѣ одного извѣстнаго фотографа, его женѣ и дѣтямъ давала уроки музыки пианистка Леонида. И она и фотографъ были молоды, имѣли случай часто встрѣчаться, проводить вмѣстѣ цѣлые дни, немудрено, что они полюбили другъ друга. Но Леонида не хотѣла принадлежать женатому и нарушать его семейное спокойствіе. Тогда фотографъ увѣрилъ ее, что онъ вовсе не женатъ на женщинѣ, съ которой живетъ, и думаетъ разойтись съ нею по обоюдному согласію. Артистка повѣрила сказкѣ и онъ достигъ своей цѣли. Но о связи ихъ узналъ братъ жены фотографа и открылъ ей глаза. Оскорбленная мать семейства выгнала изъ дома свою соперницу, убѣдивъ ее неоспоримыми документами, что бракъ былъ вполнѣ законный. Бѣдняжка скрыла въ отдаленномъ углу Парижа свое горе и обманутое чувство. Прочхворавъ долгое время, она лишилась уроковъ, истощила всѣ свои небольшія средства и скоро дошла до крайней нищеты. Въ этомъ положеніи нашелъ ее фотографъ, долгое время розыскивавшій ее по городу и не желавшій прервать съ нею связи. Онъ умолялъ ее простить обманъ, внушенный сильною страстью. Артистка все еще любила его и не могла устоять противъ искушенія. Прежнія отношенія ихъ возобновились. Чтобы обезпечить ей средства къ жизни, онъ открылъ на ея имя фотографію въ Бельвилѣ, помогъ ей обза-

вестись всѣмъ необходимымъ и часто прїѣзжалъ къ ней, помогая ей работать и выдавая себя, передъ сосѣдями Леониды, за ея мужа. Эта семейная жизнь на двухъ различныхъ концахъ Парижа вскорѣ однако была нарушена трагическимъ событіемъ. Шуринъ фотографа узналъ какъ-то о бельвильской фотографіи, увидѣлъ Леониду и рассказалъ своей сестрѣ о продѣлкахъ ея мужа. Та, распросивъ обо всемъ, не исключая адреса соперницы, объявила брату, что тотчасъ же ѣдетъ отомстить ей и схватила изъ склада химическихъ препаратовъ склянку съ сѣрной кислотой. Братъ испугался ея возбужденнаго состоянія и рѣшился не оставлять ее. Когда они вошли въ бельвильскую фотографію, Леонида работала надъ обмываніемъ негативовъ, а мужъ-измѣнникъ помогалъ ей. Раздраженная супруга, не говоря ни слова, выхватила склянку и брызнула кислоту въ лицо Леониды. Та съ громкимъ крикомъ сдѣлала невольное движеніе въ сторону и на ея щеки и лобъ попало только нѣсколько капель кислоты. Мужъ бросился, чтобы удержать свою жену, но его схватилъ шуринъ и между ними началась борьба. Въ это время Леонида, въ бѣшенствѣ отъ боли, схватила склянку съ купоросомъ, которымъ обмывала пластинки и также плеснула имъ въ лицо соперницы. Но та была сильнѣе и ловчѣе Леониды и, уклонившись отъ брызговъ, бросилась на нее, вырвала у нее изъ рукъ почти полную склянку, опрокинула несчастную на полъ, разорвала на ней платье и начала поливать купоросомъ обнаженную грудь и плечи соперницы. Несчастливая, сжигаемая кислотою, страшно кричала; мужъ, сдерживаемый шуриномъ, звалъ на помощь, и сбѣжавшимся людямъ удалось наконецъ вырвать жертву изъ рукъ разсвирѣпѣвшей женщины въ ту минуту, какъ она старалась влить купоросъ въ глаза Леониды, чтобы ослѣпить ее. Исторія эта, прозванная «дуэль на купоросѣ» надѣлала много шума. Долгое время нельзя было производить слѣдствія, такъ какъ Леонида была между жизнью и смертью. Все тѣло ея носило слѣды страшныхъ обжоговъ, очень долго не позволявшихъ снять съ нея показанія. Мужъ, не желая обвинять жену, главную вину сваливалъ на ея брата. По предварительному слѣдствію, обвиненіе падало въ равной степени на сестру, какъ и на брата, но когда начались судебныя пренія, сестра приняла всю вину на себя. Въ процессѣ эта жестокая, энергическая женщина играла главную роль, представляя рѣзкій контрастъ съ своею жертвою, еще не оправившеюся отъ обезобразившихъ ее ранъ и дававшую отвѣты едва слышнымъ голосомъ, въ то время, какъ показанія ея палача, рѣзкія и циничныя, громко раздавались въ залѣ суда. Приговоръ былъ очень мягокъ, братъ объявленъ невиновнымъ; супруги должны были выдавать пожизненное содержаніе обезображенной Леонидѣ. Жену, несмотря на ея звѣрскій поступокъ, всѣ считали героинею, потому что она отстаивала свои семейныя права. Къ мужу всѣ отнеслись съ презрѣніемъ. Пра-

вительственныя власти обратили вниманіе на то, что фотографія, какъ и другія техническія занятія, даетъ сильныя орудія истребленія въ руки людей, которые могутъ злоупотреблять этимъ. Газеты начали говорить о необходимости гарантій въ подобныхъ случаяхъ, но въ это же время случилось еще одно происшествіе, доказавшее, какъ трудно найти такія гарантіи. Дантистъ въ пассажѣ Веро-Дода хлороформировалъ свою хорошенькую сосѣдку, пришедшую къ нему просить средства отъ зубной боли—и совершилъ надъ нею возмутительное насиліе. Его судили, отправили въ каторгу, но нельзя же было запретить употребленіе хлороформа при операціяхъ или разѣдающихъ кислотъ въ фотографіи. Вѣдь и простымъ ножомъ можно совершить убійство, а сѣрной спичкой поджечь домъ.

Вл. Зотовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Духовное образованіе и духовная литература въ Россіи при
Петрѣ Великомъ. Исслѣдованіе Александра Архангельскаго.
Казань. 1883 г.

РУКОВОДИТЕЛЕМЪ духовнаго просвѣщенія на Руси при Петрѣ Великомъ былъ знаменитый архіепископъ новгородскій Теофанъ Прокоповичъ, составитель «Духовнаго Регламента», въ которомъ онъ отвелъ значительное мѣсто вопросу и объ образованіи православнаго духовенства въ Россіи. По словамъ г. Архангельскаго, Теофанъ хотѣлъ воспитать въ православномъ русскомъ пастырѣ критическій взглядъ на науку и на окружающую ее жизнь вообще, развить въ немъ самостоятельность мышленія на столько, чтобы еще въ школѣ онъ провѣрялъ слова учителя по источникамъ, изъ которыхъ тотъ заимствовалъ свои свѣдѣнія, на столько, чтобы онъ, возвратясь въ семью и общество, не подчинялся бы, по старой памяти, ихъ вліянію, ихъ застарѣвшимъ заблужденіямъ и предрасудкамъ. «Теофанъ,—говоритъ далѣе г. Архангельскій—хотѣлъ воспитать въ православномъ пастырѣ разумнаго цѣнителя и защитника дѣлъ Петра Великаго, охватывавшихъ всю обширную область гражданскаго и церковнаго существованія русскаго государства—хотѣлъ воспитать серьезнаго ученаго, всегда готоваго отстоять свои убѣжденія не съ помощью формальной изворотливости ума и ловкой фразы, а силою положительнаго знанія, основаннаго на неотразимыхъ фактахъ; короче сказать, хотѣлъ воспитать просвѣщеннаго пастыря и учителя церкви и образованнаго члена общества».

До сихъ поръ у насъ на Прокоповича смотрятъ какъ на приверженца западной, господствовавшей въ то время, схоластики, но г. Архангельскій опровергаетъ такое мнѣніе, какъ ошибочное, и говоритъ, что рѣзкое слово

противъ схоластики принадлежало у насъ собственно Теофану, чувствовавшему необходимость новаго идеала образования для русскаго пастыря, и что передъ его идеаломъ тѣ идеалы, которые съ одной стороны рисовалъ самоучка Посошковъ, а съ другой и тѣ идеалы, къ которымъ стремилась южно-русская православная школа, начавшая въ исходѣ XVII вѣка водворяться и въ московской Руси, оказываются неудовлетворительными. Южно-русскія школы заботились главнымъ образомъ о подготовкѣ хорошихъ борцовъ за православіе противъ католичества, а Посошковъ желалъ видѣть въ православно-русскомъ священникѣ только защитника противъ современныхъ ему, Посошкова, раскола и протестантства, а также видѣть въ немъ и народнаго учителя.

Въ необходимости устройства «училищныхъ домовъ», по своей мысли, Теофанъ убѣждалъ своихъ современниковъ указаніемъ на несостоятельность тѣхъ доводовъ, которые, по старо-московской привычкѣ, не переставали выдвигать русскіе противъ образования и во дни Петра Великаго. «Когда нѣтъ свѣта ученія—писалъ Прокоповичъ въ предисловіи къ своему проекту объ училищахъ,—нельзя быть церкви доброму поведенію и нельзя не быть нестроеною и многимъ, смѣха достойнымъ, суевѣріямъ. Еще же раздорамъ и пребезумнымъ ересямъ». Мнѣнія свои этотъ ученый богословъ подтверждалъ многими примѣрами изъ гражданской и церковной исторіи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ требовалъ, чтобы ученіе было не поверхностное, а основательное, замѣчая, что «вкусившіе привидѣннаго и мечтательнаго ученія» бывають глупѣе и вреднѣе неученныхъ, «ибо весьма темни суще мнятъ себѣ быть совершенныхъ и помышляя, что все, что-либо знать можно, познали, не хотятъ, но ниже думаютъ честь книги и больше учиться». Такіе люди, по мнѣнію Теофана, были вредны и для церкви, и для государства. Прокоповичъ былъ недоволенъ программю преподаванія въ Кіевской академіи и примѣнялъ ее къ потребностямъ Великой Россіи, многое онъ измѣнилъ, а также дополнилъ или сократилъ. Въ особенности замѣчательна была его программа по богословію. Цѣль ея была—разрушить авторитетъ римско-католическихъ богослововъ, считавшихся образцовыми въ Кіевской коллегіи и перешедшихъ въ Московскую академію. Программы Теофана по богословію придерживались у насъ въ теченіи полустолѣтія. При школѣ, учреждаемой по «Регламенту», должна была быть библіотека, такъ какъ, по словамъ составителя «Регламента», академія безъ библіотеки была бы то же самое, что тѣло безъ души.

«Чтобы,—такъ говоритъ дальше Прокоповичъ,—вмѣсто чайной пользы (отъ школы) не получилась тѣста, смѣха достойная», нужно постановить строгія правила относительно приѣма учениковъ и учителей, а также относительно обязанностей ректора и профессоровъ академіи, а для усиленнаго надъ нею надзора, въ нее допускались и «фискалы». На должность ректора Теофанъ предлагалъ назначать людей хотя и неученыхъ, но «обаче честнаго житія, не весьма свирѣпыхъ и не меланхоликовъ». Префектъ могъ наказывать нарушителей порядка—«малыхъ розгою, а большихъ—словомъ укорительнымъ»; на непослушныхъ онъ обязанъ былъ доносить ректору, представлявшему собою въ академіи такую верховную власть, «которая, по разсужденію, великимъ наказаніемъ могла наказывать».

По «Регламенту» духовная школа должна была быть вполне закрытымъ заведеніемъ и, по существующимъ въ ней порядкамъ, уподобиться мона-

стырю. При академіи предположено было устроить «семинаріумъ», т. е. общежительное заведеніе. Въ этой семинаріи и должны были жить воспитанники, раздѣленные по возрастамъ: «большіе въ единой, средніе въ другой, малые въ третьей избѣ». Воспитанниковъ не слѣдовало куда выпускать изъ семинаріи ранѣе трехъ лѣтъ по ихъ поступленіи, да и послѣ того можно было отпускать не болѣе двухъ разъ въ теченіе года, и то не иначе, какъ подъ надзоромъ «инспектора или наблюдателя», который, въ свою очередь, за потворства сопровождаемому имъ ученику подвергался бы «гораздому наказанію». Теофанъ озаботился и объ удобномъ помѣщеніи воспитанниковъ, и о соблюденіи, во всѣхъ распорядкахъ, должнаго благочестія, такъ, чтобы ученики принимались за каждое дѣло въ урочный часъ. Онъ находилъ нужнымъ ввести между ними упражненіе въ играхъ «честныхъ и тѣлодвижныхъ» и два разъ въ годъ, или даже болѣе, дозволить въ академіи «нѣкія акціи, диспуты и риторскія экзерциціи». При столѣ семинаристовъ въ великіе праздникі допускалась музыка вокальная и инструментальная. Для желающихъ учиться ей предполагалось нанимать особаго «мастера» по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока нельзя будетъ найти учителя изъ самихъ школьниковъ.

Но всѣмъ этимъ предположеніямъ Прокоповича не суждено было осуществиться и даже программа Киевской коллегіи была примѣнена только въ Московской академіи и Новгородской школѣ, которая при Петрѣ Великомъ пользовалась большою славой и въ нее Петръ посылалъ учиться сыновей самыхъ знатныхъ сановниковъ и дворянъ. Съ своей стороны духовенство того времени старалось, какъ можно болѣе, обособиться отъ свѣтскихъ, такъ называвшихся «цифирныхъ» школъ, которыя сталъ учреждать Петръ Великій съ 1714 года. Въ виду такой, начавшейся борьбы между духовнымъ и свѣтскимъ образованіемъ, и мѣры государя по части народнаго просвѣщенія отличались колебаніемъ и нерѣшительностью, а съ своей стороны духовенство, пользуясь этимъ, все болѣе и болѣе обособлялось по своему образованію отъ другихъ сословій. Между тѣмъ Петръ требовалъ образованія отъ духовенства и неоднократно своими указами подтверждалъ, чтобы архіереи были разборчивы при оцѣнкѣ знаній ставленниковъ, а въ 1718 году состоялся указъ не только объ обязательномъ поступленіи дѣтей всѣхъ священно-церковно-служителей въ училища, но и объ окончаніи въ нихъ полнаго курса. Въ то же время дворянамъ воспрещено было учиться въ духовныхъ школахъ, безъ особаго на то разрѣшенія со стороны правительственныхъ властей. За нарушеніе этого указа Петръ грозилъ не только большимъ денежнымъ штрафомъ, но даже и трехлѣтнею ссылкой на галеры или въ ваторжную работу.

Съ учрежденіемъ св. синода это высшее церковное управленіе устроило въ 1721 году при себѣ особую контору, въ которую должна была поступать два раза въ годъ отчетность о состояніи епархіальныхъ училищъ и при этомъ возбудилъ чрезвычайно важный вопросъ о томъ, откуда брать для этихъ школъ наставниковъ? Этотъ вопросъ, въ виду недостатка лицъ, пригодныхъ для учительствованія, разрѣшился тѣмъ, что въ учителя можно было брать людей простаго, здраваго смысла, которые тѣмъ временемъ сами бы учились «отъ авторовъ въ дѣлѣ томъ искусныхъ», а за тѣмъ синодъ постановилъ еще болѣе строжайшія мѣры, предписавъ, чтобы «впредь никто немуществомъ учителей не отговаривался», и разрѣшилъ вмѣстѣ съ

тѣмъ выбирать въ учителя «изъ подъячихъ или поповскихъ дѣтей остроумныхъ и къ книжному ученію искусныхъ отъ 15-ти до 20-ти лѣтъ, для каждой школы трехъ чедовѣкъ, и посылать ихъ въ Новгородъ учиться. Но само духовенство не признавало пользы отъ ученія и не хотѣло посылать дѣтей въ училище, да кромѣ того и правительство, ссылаясь на то, что духовенство богато, не отпускало вовсе денегъ на духовныя училища. Учениками сильно тогда дорожили, такъ что изъ училища исключался только «дѣтина непобѣдимой злобы», послѣ всевозможныхъ отсрочекъ на исправленіе, назиданій и наказаній. Духовныя лица отзывались, что имъ «легче было умереть, нежели смотрѣть, какъ дѣтей въ семинарію на науку отбираютъ» ѣздившіе по епархіямъ зазакцики и разсыльные. Особенно тогдашніе педагоги надѣялись на пользу отъ закрытыхъ заведеній, полагая, что «дѣтя аще и тигръ, ангельскую тамо восприметь кротость на ся».

Система обученія въ духовныхъ школахъ была избрана самая неудачная, такъ какъ тамъ самыя простѣйшія знанія старались передать въ мудрѣйшей, непонятной формѣ. Къ этому способу обученія добавлялись: жестокія сѣченія въ двѣ, три и даже въ четыре лозы, побои по головъ и по рукамъ линейкой и книгой, наказанія плеткой, голодомъ. Учителя посылали учениковъ лѣтомъ въ лѣсъ по ягоды и по грибы, а зимою за дровами верстъ за десять, дня на два, на три. Впрочемъ, не смотря на всѣ недостатки тогдашнихъ духовныхъ школъ, попытка Петра Великаго завести ихъ была чрезвычайно важнымъ починомъ въ дѣлѣ просвѣщенія нашего духовенства.

Отъ описанія тогдашнихъ школъ г. Архангельскій переходятъ къ разсмотрѣнію духовной литературы при Петрѣ Великомъ. Онъ указываетъ на то, что въ Москвѣ прежде никакихъ учебниковъ не было, а изъ Кіева по этой части можно было позаимствоваться весьма немногимъ. Авторами учебниковъ явились при Петрѣ наставники двухъ академій—Кіевской и Московской. Они принялись за составленіе букварей, грамматикъ и словарей греческихъ и латинскихъ. Въ 1704 году былъ напечатанъ «Букварь языко-словеска, сирѣчь начало ученія дѣтямъ, хотящимъ учиться чтенію и писанію». Полагаютъ, что предисловіе къ этому букварю, наполненное насмѣшками надъ неучами, написано по указанію Петра Великаго. Какъ руководство для общаго развитія учащихся, заслуживаетъ вниманія составленное Прокоповичемъ «Первое ученіе отрокамаъ» въ 1720 году, а въ слѣдующемъ году появилась «Грамматика славянская», составленная Поликарповымъ. Появился также и латино-славянскій лексиконъ, составленный архіепископомъ черниговскимъ Іоанномъ Максимовичемъ. Для изученія пѣтики, реторикѣ, логики, психологіи и физики печатныхъ руководствъ не было. Всѣ эти предметы преподавались въ Московской академіи на греческомъ языкѣ, по методѣ Аристотеля. Что касается богословія, то оно стало у насъ наукой только при Петрѣ Великомъ, благодаря ученымъ трудамъ Теофана Прокоповича. Онъ же положилъ начало и апологитическому богословію. Полемическо-богословская литература была направлена при Петрѣ Великомъ частію противъ русскихъ еретиковъ и, преимущественно, противъ протестантовъ. При этомъ очень много заимствовалось у католическихъ богослововъ, преимущественно у Беллармина. Вообще же полемическо-богословскія сочиненія того времени отличаются схоластическими препирательствами.

Проповѣдническая литература временъ Петра Великаго ясно отражаетъ на себѣ слѣды тогдашней общественной жизни, не мало въ ней встрѣчается

и политической закваски, такъ какъ духовнымъ проповѣдникамъ приходилось объяснять и примирять образъ дѣйствій государя съ присущими русскому народу понятіями. И въ этой отрасли литературы главнымъ преобразователемъ выступилъ Теофанъ Прокоповичъ, сдѣлавшій рѣшительный шагъ къ освобожденію ея отъ схоластическихъ стѣсненностей и сблизивъ ее съ жизнью, нуждами слушателей и потребностями времени. Онъ же ввелъ въ обличительныя проповѣди сатирической отгѣнокъ. Къ извѣстнымъ проповѣдникамъ временъ Петра, кромѣ Теофана и Стефана Яворскаго, слѣдуетъ причислить еще Гавріила Бужинскаго, Симона Кохановскаго и Теофила Кролика.

Въ дополненіе къ сказанному здѣсь о духовно-литературной дѣятельности во время Петра Великаго, слѣдуетъ замѣтить, что при немъ стали появляться и нравственно-назидательныя и толковательныя сочиненія. Нѣкоторыя изъ нихъ были написаны виршами.

Мы не могли, конечно, представить во всей полнотѣ и всѣхъ подробностяхъ содержаніе изслѣдованія г. Архангельскаго, но вообще можемъ замѣтить, что желающіе познакомиться съ вопросомъ о духовномъ образованіи и о духовной литературѣ въ Россіи въ началѣ прошлаго вѣка найдутъ въ этомъ добросовѣстномъ и толковомъ изслѣдованіи не мало свѣдѣній по означенному вопросу.

Б. Н. В.

Живописная Россія. Томъ одиннадцатый. Западная Сибирь. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Подъ общей редакціей П. П. Семенова. Спб., 1884 г.

Торговое и промышленное товарищество М. О. Вольфъ выпустило еще одинъ томъ предпринятаго его покойнымъ основателемъ изданія «Живописная Россія». Этотъ томъ (XI), заключающій въ себѣ описаніе Западной Сибири, отличается тѣми же достоинствами и недостатками, какъ и предъидущіе томы. Текстъ его, составленный извѣстными специалистами и знатоками Сибири, гг. Радловымъ, Потанинымъ, Ядринцевымъ, Латкинымъ, Поляковымъ и др., знакомитъ читателя довольно полно и разносторонно съ этой отдаленной и до сихъ поръ все еще мало изслѣдованной областью нашего отечества. Но за то рисунки, очевидно, собранные случайно, безъ всякой системы и провѣрки, безъ указанія источника, откуда они заимствованы, не только не дополняютъ и не объясняютъ текста, но не рѣдко ему противорѣчатъ; притомъ же, многіе изъ нихъ исполнены крайне неудовлетворительно. Небрежность относительно рисунковъ доходитъ даже до того, что извѣстный въ Сибири «Кучумовъ оврагъ» воспроизведенъ на стр. 4 съ подписью «Крѣпость (?) Ермака», а на стр. 32 этотъ же самый рисунокъ повторенъ, но уже съ подписью «Видъ оврага (?)»; на стр. 36 помѣщенъ «Видъ памятника Ермаку въ Tobольскѣ», а на стр. 72 онъ, неизвѣстно для чего, помѣщенъ вторично, съ другой подписью «Садъ около памятника Ермаку», хотя на рисункѣ нѣтъ никакого сада, и т. д. Подробный разборъ художественной части «Живописной Россіи» и указанія на многочисленныя пробѣлы и промахи въ ней допущенныя, заняли бы слишкомъ много мѣста, а потому мы возьмемъ для примѣра лишь одну статью «Историческіе ссыльные въ Березовѣ и Пельмѣ». Къ

ней приложены слѣдующіе рисунки: виды Березовскаго собора и могилы Остермана, портретъ его и портреты Меншикова, Бирона и Миниха. Издатели, какъ будто нарочно, выбрали для воспроизведенія самыя плохіе и почти завѣдомо выдуманнныя портреты названныхъ лицъ, тогда какъ существуютъ, доступныя для каждаго, фотографическіе снимки съ превосходнаго портрета Меншикова, уже въ старости, принадлежащаго его прямому потомку, князю В. А. Меншикову, и съ наиболѣе схожаго изображенія Бирона, писаннаго съ натуры въ царствованіе Анны Іоанновны и составляющаго теперь собственность барона Бюлера; хорошій оттискъ портрета старика Миниха, гравированнаго вскорѣ послѣ возвращенія его изъ Пелымской ссылки извѣстнымъ Чемесовымъ, можно во всякое время купить за нѣсколько копѣекъ въ академіи художествъ. Не представляло ни малѣйшихъ затрудненій достать снимки съ подлинныхъ портретовъ и другихъ замѣчательныхъ ссыльныхъ, воспроизведеніе которыхъ было бы очень кстати, именно: двухъ невѣстъ императора Петра II, княженъ М. А. Меншиковой и Е. А. Долгоруковой, и его фаворита, князя И. А. Долгорукова (портреты эти, помимо «Альбома русскихъ историческихъ дѣятелей» г. Лужева, были воспроизведены въ «Древней и Новой Россіи» и «Русской Старинѣ»). Кромѣ того, въ изданномъ, въ 1865 году, Пекарскимъ, «Путешествіи академика Делиля въ Березовъ, въ 1741 году» находятся двѣ чрезвычайно интересныя копи-факсимиле съ современныхъ Меншикову и Долгорукиимъ видовъ Березова, рисованныхъ съ натуры самимъ Делилемъ, гдѣ, между прочимъ, изображенъ острогъ, въ которомъ содержались политическіе арестанты, церковь, построенная руками Меншикова, и другія зданія, нынѣ не существующія и давно уничтоженныя или временемъ, или пожарами. Но издатели и редакторъ «Живописной Россіи» не потрудились поискать для своего изданія достойныхъ рисунковъ, или, по крайней мѣрѣ, посоветоваться относительно ихъ съ людьми знающими; они довольствовались тѣмъ, что попадалось подъ руку и что можно было приобрести подешевле и безъ хлопотъ. Намъ могутъ замѣтить, что мы слишкомъ требовательны; но, вѣдь, товарищество М. О. Вольфъ желаетъ получить за «Живописную Россію» ни больше, ни меньше, какъ 150 рублей, и всякій, кто рѣшится заплатить столь огромную цѣну, вправдѣ требуетъ, чтобы ему дали за эти деньги, если не безукоризненное, то хоть добросовѣстное изданіе.

С. Ш.

Сочиненія Павла Якушкина. Изданіе В. Михневича. Слб. 1884.

Въ послѣднее время, когда чаще прежняго, въ литературѣ нашей, начали появляться толки о самобытности и народности, на произведенія нашихъ народниковъ стали обращать больше вниманія. Въ числѣ ихъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимаетъ безспорно Павелъ Ивановичъ Якушкинъ,—писатель весьма оригинальный и воплѣ самобытный, по отношенію къ изслѣдованію и описанію русскаго народа. Огромный томъ въ 800 стр. слишкомъ, изданный г. Михневичемъ, заключаетъ въ себѣ все, что написалъ и издалъ этотъ безспорно даровитый человѣкъ, хотя и не создавшій ничего особенно выдающагося. Въ небольшомъ предисловіи г. Михневичъ очень вѣрно оцѣниваетъ значеніе Якушкина въ литературѣ и излагаетъ причины изданія его сочиненій. Якушкинъ первый изъ русскихъ писателей пошелъ въ

народъ для изученія его, посвятилъ всю жизнь этому изученію, и дѣйствительно зналъ народъ, какъ у насъ знаютъ его немногіе. Все, что онъ написалъ, дышетъ правдой, искренностью и какимъ-то эпическимъ простодушіемъ. Его наблюденія всегда жизненны, всегда чужды натяжки и предвзятой окраски. Это—безхитростные, непосредственные снимки съ народныхъ возрѣній, нравовъ и обычаевъ. Написалъ онъ немного: семь небольшихъ разсказовъ, нѣсколько путевыхъ писемъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, да собралъ нѣсколько народныхъ пѣсень. Но все это проникнуто такимъ чисто народнымъ духомъ, заключаетъ въ себѣ столько оригинальнаго, что должно быть сохранено въ исторіи литературы. Мужика изображали у насъ многіе высокодаровитые писатели, начиная съ сороковыхъ годовъ. Григоровичъ первый взглянулъ на мужика, какъ на человѣка, Тургеневъ, какъ на члена общества, Писемскій изслѣдовалъ его какъ реалистъ, А. Потѣхинъ какъ психологъ. Якушкинъ отнесся къ народу безъ малѣйшей идеализаціи, безъ предубѣжденія образованныхъ классовъ, съ точки зрѣнія самого народа. Не смотря на свое дворянское происхожденіе и образованіе, полученное въ московскомъ университетѣ, Якушкинъ сдѣлался настоящимъ мужикомъ, не только по своему возрѣнію на народъ, но по языку, по привычкамъ, и даже по наружности. Это была въ высшей степени оригинальная и эксцентричная личность, и изученію этой личности посвящено двѣнадцать статей воспоминаній о покойномъ писателѣ. Статьи эти принадлежатъ его собратамъ: С. Максимова, Н. Курочкину, Н. Лѣскову, П. Боборыкину, П. Вейнбергу, И. Горбунову, Н. Лейкину, В. Португалову, Д. Минаеву, А. Иванову, В. Никитину и С. Турбину. Изъ всѣхъ этихъ очерковъ создается полный, характеристичный типъ Якушкина. Главною чертою его была дѣтская кротость и безпримѣрное невлобіе. Судилъ онъ обо всемъ честно, но въ поступкахъ другихъ людей часто не умѣлъ различать добра и зла. Къ направленіямъ внутренней и вѣншей политики онъ относился вполне равнодушно. Его интересовалъ одинъ народъ, но онъ не считалъ себя его учителемъ и апостоломъ, не изрекалъ приговоровъ именемъ народа, не создавалъ изъ него какого-то всечеловѣка. Слабости его были тѣ же, какъ и у народа, и были также причиною его преждевременной смерти. Теперь въ сочиненіяхъ, собранныхъ г. Михневичемъ, читатель знакомится во всѣхъ отношеніяхъ съ этимъ талантливымъ писателемъ и честнымъ, хотя слабымъ человѣкомъ. Г. Михневичу литература должна быть благодарна за то, что онъ своимъ изданіемъ сочиненій Якушкина пополнилъ собраніе сочиненій нашихъ народниковъ. Теперь, когда издаются уже сочиненія Глѣба Успенскаго и общающъ издатъ собраніе трудовъ Левитова, мы будемъ имѣть довольно полную коллекцію всего, что писано у насъ о русскомъ народѣ.

В. З.

Архивъ князя Воронцова. Книга 29-я. Москва. 1883 г.

Мы уже неоднократно указывали на это общепольное историческое изданіе. Нынѣ вышедшій томъ содержитъ въ себѣ менѣе своихъ предшественниковъ любопытныхъ данныхъ, имѣющихъ всеобщій интересъ. Двадцать девятая книга наполнена письмами на французскомъ языкѣ иностранцевъ къ графамъ Воронцовымъ, именно письма Пакте, Лаферьера (состоявшаго при наслѣдникѣ великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ и его супругѣ великой

княгини Маріи Ѳеодоровны и сопровождавшаго ихъ во время путешествія по Европѣ); Даламбера, Уилліама Пята, Рейфенштейна (прозваннаго Еккериною II «божественнымъ», извѣстнаго знатока и любителя изящныхъ искусствъ); испанца Миранды, Ламбро-Кочіони (знаменитаго греческаго морехода, грозы турокъ), Костюшки, лорда Вотворта (англійскаго посла въ Петербургѣ), графа Іосифа Местра, генерала Гедувиля (посланника французской республики при императорѣ Александрѣ I); два письма астронома Делиля къ неизвѣстному лицу, письмо г-жи Сталь къ Татищеву; длинное письмо графа Семена Романовича Воронцова къ Льву Алексѣевичу Яковлеву (бывшему русскимъ посланникомъ при королѣ Іеронимѣ Бонапарте, а затѣмъ, при Николаѣ I, сенаторомъ въ Москвѣ), въ которомъ графъ Воронцовъ проситъ его прекратить ухаживаніе за его дочерью и посѣщать его домъ, такъ какъ дочь не можетъ выдти за него замужъ, и нѣкоторыя еще письма. Многіе мелочные факты въ этихъ 127 письмахъ, сами по себѣ интересные, не вознаграждаютъ читателя за трудъ прочтенія всего тома въ 484 страницы. По нашему мнѣнію, было бы полезнѣе сдѣлать изъ нихъ лишь краткія извлеченія. Только нѣкоторыя письма, напримѣръ, Пакте или Пиктета (онъ былъ швейцарецъ) о финансахъ Англии, о Питтѣ, о законодательствѣ о несостоятельныхъ, о французской революціи (последнее письмо на 80 страницахъ), заслуживали быть помѣщенными вполнѣ. Даже въ письмахъ Лаферьера о поѣздѣ графа Сѣвернаго и его супруги по Европѣ очень мало интереснаго.

Напечатанная въ концѣ 29-го тома, записка графа Александра Романовича Воронцова, представленная имъ въ концѣ 1801 года императору Александру Павловичу, выкупаешь отчасти безсодержательность большей части остальнаго матеріала, сообщеннаго въ этой книжкѣ. Записка была составлена графомъ Воронцовымъ по вступленіи имъ въ должность государственнаго канцлера. Она отличается сжатымъ, но крайне правдивымъ, взглядомъ на предшествовавшія царствованія въ Россіи послѣ Петра Великаго и предлагаетъ разныя мѣры, которыми можно было бы исправить, по мнѣнію канцлера, многіе промахи въ управленіи государствомъ, совершенные до вступленія на престолъ Александра I.

Въ заключеніе въ означенной книжкѣ помѣщена поименная роспись чиновникамъ, которые управляли въ Россіи посольскимъ приказомъ, а потомъ коллегією иностранныхъ дѣлъ.

П. У.

Возраженіе на рѣчь Эрнеста Ренана „Исламъ и наука“ петербургскаго магометанскаго ахуна Атаула Баязитова. Спб. 1884.

Брошюра, написанная магометанскимъ духовнымъ лицомъ по поводу рѣчи знаменитаго европейскаго ученаго, принадлежитъ къ такимъ рѣдкимъ явленіямъ въ книжномъ дѣлѣ, что объ ней нельзя не сказать нѣсколько словъ. Рѣчь Ренана, произнесенная имъ въ прошломъ году, произвела большое впечатлѣніе, и тогда же явилась на русскомъ языкѣ, въ переводѣ г. Ведрова. Въ рѣчи этой противникъ христіанства проявился и надъ магометанствомъ строгій приговоръ. Противъ этого приговора вооружился г. Атаулъ Баязитовъ, разработавшій критически исключительныя мнѣнія Ренана объ

исламъ, указавшій на многія противорѣчія въ приговорѣ ученаго, и красно-рѣчиво доказывающій, что религія Магомета—одна изъ самыхъ рациональныхъ богословскихъ системъ, доступныхъ человѣческому уму, въ различныхъ степеняхъ его развитія. Почтенный ахунъ признаетъ магометанское ученіе обязательнымъ для его поклонниковъ, не потому только, что оно носитъ отпечатокъ откровенія свыше, но главнымъ образомъ потому, что, въ основныхъ положеніяхъ, религія эта не противорѣчитъ логикѣ, здравому мышленію, и не боится свѣта науки. Прежде всего, авторъ справедливо замѣчаетъ, что Ренанъ, говоря объ отношеніяхъ ислама къ наукѣ, не излагаетъ основъ этого ученія по письменнымъ документамъ, и аналитическому способу сужденія предпочелъ синтетическій, вывода заключеніе, что исламъ относится враждебно къ рациональной наукѣ. Эти выводы Ренана, не основательные и оскорбительные для ислама, авторъ опровергаетъ въ послѣдовательномъ порядкѣ рѣчи Ренана, который дѣйствительно не приводитъ догматовъ ислама, послужившихъ основаніемъ приписать этой религіи тотъ умственный застой, въ культурномъ прогрессѣ, который Ренанъ замѣтилъ въ мусульманскомъ мірѣ. Приписывать враждебное отношеніе ислама къ наукѣ, на основаніи двухъ-трехъ единичныхъ явленій, также не логично, какъ на основаніи фактовъ безнравственности, существовавшихъ въ христіанствѣ, выводитъ заключеніе, что христіанская религія враждебно относится къ нравственности. Не принадлежа къ числу ориенталистовъ, мы не можемъ конечно судить о томъ, въ какой степени документальныя цитаты, приводимыя авторомъ въ подтвержденіе его мнѣнія, что исламъ не враждебенъ наукѣ; но соглашаясь съ тѣмъ, что человѣчество стремится къ объединенію науки и религіи, не можемъ утверждать, какъ это дѣлаетъ авторъ, что безъ религіи нѣтъ и истинной науки. Вообще, брошюра г. Баязитова проникнута глубокой религіозностью, какою не часто встрѣтишь и въ сочиненіяхъ христіанскихъ авторовъ.

Лбн.

Петербургскій Некрополь, или справочный историческій указатель лицъ, родившихся въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, по надгробнымъ надписямъ александровской лавры и упраздненныхъ петербургскихъ кладбищъ. Составилъ Владиміръ Самтовъ. Москва, 1883 г.

Кладбища—эти такъ называемыя «нивы божіи» не представляютъ собою картины того равенства, какое устанавливаетъ смерть собственно въ отношеніи каждаго человѣка, какъ бы ни было высоко при жизни его общественное положеніе. Не только богатые памятники и въ противоположность имъ ветхіе деревянные кресты, не только установленные на кладбищахъ разряды, смотря по цѣнности могилъ, но и кладбища сами по себѣ раздѣляются и по породѣ погребаемыхъ и по денежнымъ средствамъ этихъ послѣднихъ, на кладбища аристократическія, средней руки и простонародныя демократическія. Самымъ аристократическимъ во всей Руси кладбищемъ можно считать кладбище Донскаго монастыря въ Москвѣ. Существующіе на немъ памятники испещрены родовыми прованіями древняго московскаго боярства и знатныхъ особъ прошлаго вѣка.

Даже, громкія въ русской торговлѣ, прозвища московскаго купечества встрѣчаются очень рѣдко на памятникахъ, оставленныхъ на этомъ кладбищѣ, которое оказывается почти исключительно усыпальницею русской знати. Въ Петербургѣ такому аристократическому значенію московско-донскаго кладбища соответствуетъ кладбище александро-невской лавры, но на этомъ кладбищѣ рядомъ съ знатными персонами улеглось не мало покойниковъ и изъ «первостатейнаго купечества». Конечно, голый перечень тѣхъ смертныхъ, которые разновременно переселились туда на вѣчный покой, былъ бы совершенно бесполезенъ даже для самыхъ ярыхъ любителей старины, но съ нѣкоторыми прибавками перечень этотъ можетъ имѣть своего рода любопытную сторону и даже входить при нѣкоторыхъ случаяхъ въ число историческо-справочныхъ источниковъ.

Извѣстно, что всюду есть много такихъ людей, которые любятъ бродить по кладбищамъ и, прочитывая надгробныя надписи, размышлять о суетѣ мірской, но на ряду съ такими любителями посѣщаютъ порою кладбища и такіе люди, которые прискиваютъ тамъ для себя какъ бы научную работу и къ числу такихъ людей принадлежитъ г. Владиміръ Саитовъ, издавшій въ видѣ приложенія къ «Русскому Архиву» довольно объемистую книжку подъ заглавіемъ «Петербургскій Некрополь». Въ составъ его входятъ, кромѣ лаврскихъ кладбищъ, и упраздненные нынѣ петербургскія. Почтенный составитель этого кропотливаго труда не можетъ нисколько обидѣться, если ему прямо, безъ всякихъ обиняковъ, скажутъ, что книжка его не найдетъ ни читателей, ни газетныхъ ни журнальныхъ критиковъ. Такое свойство книжки зависитъ отъ самого ея содержанія. Тѣмъ не менѣе однако, внесенными въ нее указаніями и свѣдѣніями можно воспользоваться отчасти какъ изданіемъ, принадлежащимъ къ области русской исторіи. Самое названіе ея «Некрополь» заимствованное изъ греческаго языка и означающее по-русски «смертный городъ» не совсѣмъ удобопонятно для большинства только взглянувшихъ на эту книгу, но изъ другаго, дополнительнаго, ея заглавія оказывается, что книжка г. Саитова—справочный указатель лицъ, родившихся въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, составленный по надгробнымъ надписямъ александро-невской лавры и упраздненныхъ петербургскихъ кладбищъ. Подъ этими послѣдними у г. Саитова подразумѣваются кладбища бывшія при церквяхъ: Благовѣщенія въ 8-й линіи Васильевскаго острова; Воздвиженія въ Ямской; Преображенія на Петербургской сторонѣ, и Самсона Страннопримца на Выборгской сторонѣ и холерное кадище въ той же мѣстности, извѣстной подъ названіемъ Куликово поле. Впрочемъ, упраздненные кладбища не давали г. Саитову почти никакой помощи, за исключеніемъ развѣ трехъ могилъ: Волынскаго, Еропкина и Хрущова, обезглавленныхъ во время господства Бирона.

Слѣдуетъ также замѣтить, что кладбища, по встрѣчающимся на нихъ надгробнымъ надписямъ, имѣютъ свою литературу, но что литература этого рода съ годами все болѣе и болѣе слабѣетъ, сокращается въ объемѣ своихъ произведеній и даже вымираетъ, въ особенности на аристократическихъ кладбищахъ: здѣсь все рѣже и рѣже начинаютъ появляться на надгробныхъ памятникахъ не только стихотворенія, но и вѣлѣрчиво составленные надписи въ прозѣ. Исчезаютъ также и тѣ подробности, по которымъ иногда можно было бы навести историческую справку. Въ былое время въ такой надписи означалось подробно званіе погребеннаго, его титулы, чины, имѣв-

шіеся у него ордена, начиная съ самыхъ высшихъ знаковь отличія и кончая даже «пряжкой», или «знакомъ отличія безпорочной службы», за известное число лѣтъ. Оставляются также безъ употребленія и старинныя прежде весьма употребительныя вступительныя формулы, какъ-то: «Лѣта такогото въ такой день такогото мѣсяца», «во имя Отца и Сына и Святаго Духа» или «подъ камнемъ симъ покоится тѣло раба божія» и т. д. Между тѣмъ въ прежнее время изъ надгробныхъ надписей можно было узнать сколько было не только лѣтъ и мѣсяцевъ, но даже и дней житія умершаго; кто «на память какого святаго» родился, когда вступилъ въ бракъ и умеръ, въ какомъ порядкѣ и въ какихъ чинахъ проходилъ службу, чѣмъ и когда былъ награждаемъ; оставилъ ли онъ дѣтей и неутѣшную вдову и пр. и пр.

Многіе изъ старинныхъ памятниковъ приходятъ въ окончательное разрушеніе, другіе хотя и возобновляются, но уже съ надписями, сдѣланными въ новомъ вкусѣ, такъ что кладбищенская наша старина исчезаетъ постепенно и эту-то исчезающую старину задумалъ сохранить на память потомству г. Саитовъ, примѣнивъ свой трудъ къ нѣкоторымъ петербургскимъ «некрополямъ».

Въ алфавитный списокъ покойниковъ г. Саитовъ внесъ лицъ, родившихся въ XVII и XVIII столѣтіяхъ. Сюда же внесены имъ и тѣ лица, надгробныя надписи которыхъ не заключаютъ въ себѣ указаній ни на годъ рожденія, ни на число прожитыхъ лѣтъ, или же вовсе не имѣютъ хронологическихъ данныхъ. Особенное вниманіе оказалъ составитель книжки лицамъ, погребеннымъ въ церквахъ александровской лавры. «Я—говоритъ онъ, позволилъ себѣ сдѣлать отступленіе отъ общаго плана, помѣстивъ сюда и тѣхъ, которые родились въ XIX столѣтіи». Хотя онъ и не объясняетъ почему допущено имъ такое отступленіе, но о причинѣ этого догадаться не трудно: въ упомянутыхъ церквахъ хоронятъ исключительно болѣе или менѣе видныхъ въ обществѣ лицъ, о которыхъ приходится находить справку гораздо чаще, нежели о заурядныхъ личностяхъ, переселившихся въ вѣчность.

При списываніи надгробій г. Саитовъ опускалъ тѣ обычныя формулы, о которыхъ мы замѣтили выше, равно какъ и тексты изъ св. писанія и не соблюдалъ также стариннаго правописанія, о чемъ, однако, могутъ пожалѣть любители истинной старины, хотя такихъ сожалѣющихъ отыщется, конечно, очень не много.

Первою по времени была погребена въ александровской лаврѣ царевна Наталья, дочь царя Алексѣя Михайловича, умершая въ 1716 году, а затѣмъ, въ 1719 году, погребенъ здѣсь представившійся въ Москвѣ рабъ Божій, російскихъ войскъ генералъ-фельдмаршалъ, тайный совѣтникъ и военный кавалеръ мальтійскаго славнаго чина, св. апостола Андрея и прочихъ орденовъ, графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ. Тѣло его привезено было въ Петербургъ по желанію Петра Великаго.

Изъ особъ императорскаго дома погребены въ Благовѣщенской церкви: правительница Анна Леопольдовна; Анна Петровна, дочь великаго князя Петра Федоровича † 1759 г., Екатерина Ивановна, герцогиня мекленбургская; великая княгиня Наталья Алексѣевна, первая супруга императора Павла † 1776 г.; царевна Наталія Алексѣевна, дочь царя Алексѣя Михайловича † 1716 г.; царевичъ Петръ Петровичъ, сынъ Петра I род. 1715 † 1719 г.; великая княжна Марія, дочь императора Александра I † въ 1800 году. Въ

Благовѣщенской же церкви на томъ мѣстѣ, гдѣ въ продолженіе слишкомъ тридцати-четырёхъ лѣтъ лежало тѣло императора Петра III, была въ 1807 г., погребена грузинская царица Дарья Георгіевна, супруга царя Ираклія. Въ этой церкви, а также въ Лазаревской, Духовской и Ѳedorовской, погребены многие члены бывшаго царскаго грузинскаго дома и представители и представительницы изъ фамилій князей Гагаринныхъ и Голицыныхъ, Долгорукихъ, графовъ Шереметевыхъ, Апраксинныхъ, Строгоновыхъ и преимущественно Нарышкиныхъ.

Изъ высшаго духовенства въ лаврскихъ церквахъ погребены митрополиты новгородскіе и с.-петербургскіе: Антоній † 1848 г., Григорій † 1860 г. и Серафимъ 1833 г.

Послѣ Б. П. Шереметева въ церквахъ и на кладбищахъ александроневской лавры были погребены изъ замѣчательныхъ нашихъ государственныхъ людей: фельдмаршалъ Степанъ Ѳedorовичъ Апраксинъ † 1762 г.; извѣстный въ началѣ прошлаго столѣтія генераль-аншефъ графъ А. М. Девіеръ † 1745 г.; графъ Петръ Вас. Завадовскій † 1812 г. с.-петербургскій военный генераль-губернаторъ М. А. Милорадовичъ † 1825 г.; графъ Н. С. Мордвиновъ † 1845 г.; графъ М. Н. Муравьевъ, генераль-губернаторъ сѣверо-западнаго края † 1866 г.; графъ Н. Н. Новосильцевъ, предѣдатель государственнаго совѣта † 1838 г.; А. И. Оленинъ, президентъ академіи художествъ † 1843 г.; графъ Н. И. Панинъ † 1783 г., бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ Л. А. Перовскій † 1856 г.; графъ М. М. Сперанскій † 1839 г., генералисимусъ князь Суворовъ † 1800; генераль-фельдмаршалъ князь И. Ю. Трубецкой; начальникъ тайной канцеляріи графъ А. И. Ушаковъ † 1747 г.; бывшій министромъ народнаго просвѣщенія адмиралъ А. С. Шишковъ † 1841 г.; генераль аншефъ П. И. Ягужинскій † 1736.

Изъ дѣятелей въ области наукъ и литературы и искусствъ въ александроневской лаврѣ покоятся: Араповъ, составитель «Исторіи русскаго театра» † 1861 г.; поэтъ Е. А. Баратынскій † 1844 г.; извѣстный историкъ Болтинъ † 1792 г., умершій въ томъ же году Д. И. фонъ-Визинъ и Н. И. Гнѣдичъ † 1833, В. А. Жуковский, извѣстный сивологъ о. Іакинѣвъ Вичуринъ † 1853 г.; Н. М. Карамзинъ † 1826 г.; поэтъ И. И. Ковловъ † 1844 г.; В. А. Жуковский † 1852 г.; И. А. Крыловъ † 1844 г.; графъ Г. А. Кущелевъ-Безбородко, издатель «Русскаго Слова»; М. В. Ломоносовъ † 1765; поэтъ Н. Ѳ. Щербина; Ѳ. М. Достоевскій и др.

Е. К.

Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и невеликихъ людей. Изъ старой записной книжки П. К. Мартыанова. Спб. 1884.

Сборники разнаго рода мыслей, изреченій, поговорокъ и т. п., были когда-то въ большой модѣ, не только въ западной, но и въ нашей литературѣ, и г. Мартыановъ напрасно называетъ свой трудъ «трудомъ новымъ». Подобный же сборникъ изреченій писателей и общественныхъ дѣятелей издалъ въ 1880 г. Н. Макаровъ. Это не мѣшаетъ, однакоже, книгѣ г. Мартыанова быть интересной и найти читателей; но она принесла бы несомнѣнно гораздо болѣе пользы, если бы собранныя изреченія были хотя сколько-нибудь систематизированы. Но авторъ самъ заявляетъ, что онъ не держался

никакой системы въ распредѣленіи изреченій по родамъ, такъ какъ самый характеръ сборника казался ему вполне лирическимъ. Съ этимъ нельзя согласиться, даже и при бѣгломъ знакомствѣ съ книгою, въ которой лирическихъ цитатъ немного, да и тѣ могли бы быть исключены изъ сборника, безъ малѣйшаго ущерба для него, такъ какъ цитаты изъ Грибоѣдова, Пушкина и другихъ поэтовъ, уже слишкомъ избиты, чтобы казаться для кого-нибудь новыми. Къ тому же тутъ необходимо возникаютъ вопросы, почему напримѣръ изъ Пушкина взяты четыре стиха: «Не для житейскаго волненья» и т. д., изъ Жуковскаго два стиха: «Цвѣты послѣдніе милѣй роскошныхъ первенцовъ полей». Почему автору вздумалось выбрать только подобныя цитаты и на нихъ остановиться? Къ сборнику приложенъ списокъ именъ и фамилій лицъ, чьи слова помѣщены въ книгѣ. Именъ этихъ, и громкихъ и вовсе неизвѣстныхъ, до тысячи. Списокъ этотъ конечно не лишній, но несравненно болѣе пользы принесъ бы другой указатель, не личный, а предметный, въ которомъ изреченія группировались бы по своему содержанию, или по тѣмъ предметамъ, которые въ нихъ упоминаются. Многія цитаты приобрѣтаютъ значеніе только по отношенію къ тому лицу, о которомъ говорится. Такъ изреченіе Наполеона: «вотъ человекъ», важно только потому, что это сказано о Гёте.

Г. Мартыановъ говоритъ, что если его сборникъ будетъ имѣть успѣхъ, то выйдутъ еще, одинъ или два выпуска. При отсутствіи въ нихъ всякой системы, съ ними легко можетъ случиться то же, что и съ предполагавшимся къ выпуску томами сочиненій автора.

З. Т. В.

Преображенское или Преображенскъ, московская столица достославныхъ преобразованій перваго императора Петра Великаго. Ивана Забѣлина. Москва. 1883.

Означенная брошюрка была написана г. Забѣлинымъ по поводу двухсотлѣтняго юбилея нашей регулярной арміи и посвящена имъ «представителямъ російскихъ императорскихъ войскъ», участвовавшихъ въ этомъ праздникѣ, совпавшемъ съ торжествомъ коронаціи въ нынѣшнемъ году.

Какъ видно изъ предисловія, брошюрка была написана ученымъ авторомъ по порученію командующаго войсками московскаго военнаго округа, генераль-адъютанта графа Бревенъ-де-ла-Гарди. По своему специальному назначенію, брошюра эта была отпечатана для бесплатной раздачи въ войскахъ и въ продажу не была пущена.

Авторъ обстоятельно описываетъ топографію Преображенскаго, его историческое прошлое, хозяйственныя обзаведенія и потѣхи въ немъ его устроителя царя Алексѣя Михайловича, почасту охотившагося здѣсь, и останавливается главнымъ образомъ на знаменитыхъ военныхъ потѣхахъ въ Преображенскомъ Петра Великаго.

Факты извѣстные, но, само собой разумѣется, они, какъ во всѣхъ работахъ талантливаго историка, мастерски подобраны и сгруппированы, и рассказаны занимательно, прекраснымъ общепонятнымъ языкомъ.

Мих. Н—евичъ.

Его спасло присутствіе духа егеря, который уговорилъ своего господина пробраться задними улицами ко дворцу брата его жены, Лоренцо Медичи.

Достигнувъ дворца, Вильгельмъ могъ считать себя въ безопасности, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время. Слуги впустили его, зная, что онъ родственникъ ихъ господина и видя въ его появленіи доказательство, что онъ находится на сторонѣ Медичей. Лоренцо Медичи, раненый, былъ незадолго передъ этимъ перенесенъ во дворецъ, но когда туда же принесли трупъ убитаго Джуліано, волненіе народа достигло высшей степени.

Вѣсть о покушеніи съ быстротой молніи разнеслась по городу. Народъ, преданный семьѣ Медичи, съ яростью началъ преслѣдовать ихъ враговъ.

Флорентинцы розыскивали всѣхъ, кого подозрѣвали въ соучастіи или во враждѣ къ Лоренцо Медичи и самымъ безжалостнымъ образомъ расправлялись съ ними. Архіепископъ Пьетро Ріаріо, спрятавшійся въ алтарь во время страшной суматохи, которая поднялась въ соборѣ, все-таки не избѣгъ возмездія, такъ-же какъ и Франциско Пацци—его повѣсили рядомъ съ архіепископомъ подъ окнами дворца „Синьоріи“, т. е. верховнаго совѣта города.

Изъ всѣхъ членовъ семьи Пацци уцѣлѣлъ только Вильгельмъ, мужъ Бланки. Какъ только Бланка узнала о томъ, что случилось, она немедленно поспѣшила въ городъ къ своему брату. Бланка пользовалась расположеніемъ флорентинцевъ за свою доброту и поэтому, когда она пріѣхала въ городъ, то толпа на улицахъ не только не нанесла ей никакого оскорбленія, хотя она носила фамилію врага Медичей, но привѣтствовала ее радостными криками и отправилась вслѣдъ за нею ко дворцу Лоренцо, такъ что въѣздъ Бланки, сопровождаемой

толпой, напоминалъ настоящее триумфальное шествіе.

Ужасъ Бланки не имѣлъ границъ, когда она узнала подробности того, что случилось. Она тотчасъ бросилась къ своему раненому брату, который лежалъ въ постели, и горькими слезами оплакивала печальную участь убитаго младшаго брата. Ей удалось, хотя не безъ труда, убѣдить Лоренцо въ томъ, что ея мужъ не принималъ никакого участія въ заговорѣ. Лоренцо согласился оказать покровительство Вильгельму, который только въ его домѣ могъ считать себя въ безопасности. Однако, Бланка понимала, что пока неистовства толпы не прекратятся, до тѣхъ поръ мужу ея будетъ грозить опасность и поэтому она переживала тяжелые дни мучительнаго безпокойства. Но мало по малу спокойствіе во Флоренціи возстановилось, и Бланка, наконецъ, могла вернуться къ своимъ дѣтямъ и зажить снова прежней спокойной жизнью.

Г Л А В А II.

Дочь венеціанской республики.

Неудавшійся заговоръ еще больше укрѣпилъ положеніе Лоренцо Медичи, власть котораго во Флоренціи сдѣлалась послѣ этого неограниченной. Но честолюбіе его не было удовлетворено: ему хотѣлось прославить свое управленіе Флоренціей и доставить ей выдающееся мѣсто среди другихъ итальянскихъ городовъ. До этого времени правители Флоренціи заботились только о расширеніи и процвѣтаніи ея торговли, и она держалась въ сторонѣ отъ прочихъ итальянскихъ государствъ. Лоренцо рѣшилъ измѣнить это и завести сношенія съ сосѣдними владѣтельными итальянскими князьями. Съ этой цѣлью онъ обратился прежде всего къ неаполитанскому королю.

Однажды утромъ Лоренцо вошелъ въ комнату, гдѣ его жена Кларисса сидѣла у окна и любовалась видомъ, который разстилался передъ ея глазами.

— Посланный неаполитанскаго короля Фердинанда привезъ мнѣ только что пріятную вѣсть, — сказала онъ, — въ Неапольъ ждуть моего посѣщенія. Теперь все дѣло въ томъ, чтобы произвести на короля хорошее впечатлѣніе и угодить ему.

Кларисса съ восторгомъ и гордостью взглянула на мужа. Когда она обручилась съ Лоренцо Медичи, враги его въ Римѣ съ насмѣшкою говорили, что она выходитъ замужъ за торговца шелковыми издѣліями, рассчитывая этими словами уязвить самолюбіе и гордость знатной римлянки. Ну, вотъ, теперь этотъ торговецъ будетъ гостемъ неаполитанскаго короля, который приметъ его, конечно, съ подобающею пышностью и почетомъ! Эта мысль несказанно радовала ее. Въ ту-же минуту въ головѣ ея возникъ планъ, какъ заслужить расположеніе неаполитанскаго короля. Планъ этотъ касался второго сына короля Фердинанда, принца Фридриха. Кларисса задумала устроить бракъ этого принца съ молодою кипрскою королевою, Катериною Корнаро. Она была вдова кипрскаго короля Іакова, и тотъ, кто получилъ бы ея руку, вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ бы и чудный островъ Кипръ. Хитрые венеціанцы давно уже желали овладѣть этимъ островомъ и поэтому они постарались женить болѣзненнаго кипрскаго короля на красавицѣ Катеринѣ Корнаро, дочери одного изъ венеціанскихъ вельможъ, объявивъ ее „дочерью венеціанской республики“.

Всѣ расчеты венеціанцевъ оправдались: вскорѣ умеръ мужъ Катерины Корнаро, и она унаслѣдовала послѣ него престолъ. Теперь венеціанцы опасались только одного: чтобы она не вышла вторично замужъ, такъ какъ тогда планы Венеціи могли рушиться. Поэтому за королевою былъ устроенъ самый бдительный надзоръ, и никто изъ принцевъ, желавшихъ получить ея руку и сердце, не могъ явиться на Кипръ. Лоренцо зналъ это и поэтому сказалъ своей женѣ, что ея планъ женить принца Фридриха на Катеринѣ Корнаро совершенно неосуществимъ.

— Да, — замѣтила Кларисса, — если приступитъ къ нему обычнымъ путемъ. Но нужно повести дѣло иначе: принцъ Фридрихъ долженъ обмануть бдительность венеціанцевъ, незамѣтно пробраться на островъ и плѣнить сердце молодой королевы.

Лоренцо согласился съ женой и сказалъ, что сообщить неаполитанскому королю этотъ планъ.

Приготовленія къ отъѣзду Лоренцо Медичи были скоро кончены, и, разумѣется, онъ не пожалѣлъ средствъ, чтобы обставить свое путешествіе какъ можно великолѣпнѣе. Онъ сѣлъ въ Ливорно на корабль и отправился въ Неаполь. Король Фердинандъ выслалъ къ нему на встрѣчу своего сына Фридриха. Лоренцо былъ очень радъ, что ему представился такимъ образомъ случай свести болѣе близкое знакомство съ принцемъ и заинтересовать его своимъ планомъ. Фридрихъ, однако, гораздо больше заинтересовался личностью молодой кипрской королевы, которую хитрые венеціанцы держали точно въ плѣну на островѣ, нежели тѣмъ обстоятельствомъ, что съ нею было связано получение кипрской короны.

Король Фердинандъ и наслѣдный принцъ приняли Лоренцо Медичи такъ, какъ будто онъ былъ главою какого нибудь могущественнаго государства, и Лоренцо былъ необыкновенно польщенъ этимъ пріемомъ. Въ честь пріѣзжаго гостя король устроилъ великолѣпныя празднества. Лоренцо имѣлъ полное основаніе быть довольнымъ своимъ путешествіемъ. Король Фердинандъ, съ своей стороны, также былъ доволенъ, такъ какъ онъ рассчитывалъ на то, что Лоренцо Медичи окажетъ ему поддержку противъ Рима, съ которымъ Неаполь не ладилъ. Во время одной изъ дружескихъ бесѣдъ Лоренцо повѣдалъ королю свой планъ женитьбы принца

Фридриха на Катеринѣ Корпаро, съ цѣлью отнять Кипръ у венеціанской республики. Королю также очень понравилась эта мысль, и они вмѣстѣ съ Лоренцо стали обсуждать, какъ лучше устроить это дѣло, не возбуждая подозрѣній Венеціи.

Когда Лоренцо собрался уѣзжать, король разрѣшилъ Фридриху проводить гостя на нѣкоторое разстояніе. Съ этою цѣлью для молодого принца была приготовлена королевская парусная барка, которая и отправилась вслѣдъ за кораблемъ, увозившимъ Лоренцо назадъ на родину.

На набережной собралась громадная толпа провожать Лоренцо. Всѣ бросали вслѣдъ отъѣзжавшимъ вѣнки и букеты, такъ что заливъ почти сплошь покрылся цвѣтами.

Принцъ Фридрихъ находился на кораблѣ вмѣстѣ съ Лоренцо, но, отъѣхавъ нѣкоторое разстояніе отъ города, онъ простился съ нимъ и пересѣлъ на свою барку. Рулевой былъ очень удивленъ, когда молодой принцъ велѣлъ ему повернуть барку въ другую сторону и править не домой въ Неаполь, а къ острову Кипру. Тогда только изумленные матросы поняли, почему на баркѣ были взяты запасы на нѣсколько дней. Конечно, никто изъ матросовъ не сдѣлалъ ни одного замѣчанія, и всѣ, молча, повиновались приказаніямъ принца, а онъ между тѣмъ спустился въ каюту и тамъ при помощи слуги переодѣлся въ костюмъ греческаго матроса.

Принцъ Фридрихъ очень много слышалъ о красотахъ острова Кипра и сгоралъ желаніемъ посмотреть его. Природа не поскупилась и щедро осыпала своими дарами этотъ островъ. Прекрасный климатъ, живописные виды, роскошная растительность, чудное вино,

всевозможные плоды — все это побуждало путниковъ останавливаться на этомъ островѣ на болѣе или менѣе продолжительное время. Торговля суда, везшія драгоценныя товары изъ Индіи, Персіи и другихъ странъ востока, обыкновенно заходили на островъ Кипръ, чтобы запастись прѣсною водою и отдохнуть послѣ морского путешествія. Жители Кипра, конечно, извлекали пользу изъ этихъ остановокъ, и торговля острова процвѣтала.

На всѣхъ парусахъ стремился Фридрихъ къ этой волшебной странѣ, привлекавшей его мечты.

Вѣтеръ благопріятствовалъ путешествію, и барка быстро подплывала къ острову. Скоро уже можно было различить пальмовыя, кипарисовыя и оливковыя рощи, и съ берега доносился сильный аромат померанцевыхъ цвѣтовъ. Барка обогнула островъ и направилась къ гавани города Фамагоста, который раскинулся по берегу. Вдали видѣлись красивыя виллы, окруженныя роскошными садами и совершенно потонувшія въ зелени, сквозь которую мѣстами только бѣлѣли ихъ мраморныя стѣны. Вблизи собора возвышался красивый королевскій дворецъ, окруженный кипарисами. Сады нѣкоторыхъ виллъ спускались прямо къ морю.

Барка подошла уже такъ близко къ берегу, что явился вопросъ, гдѣ пристать.

— Ни въ какомъ случаѣ не въ городской гавани!— воскликнулъ Фридрихъ. — Я терпѣть не могу шума и толкотни торговаго города.

Не успѣлъ онъ выговорить этихъ словъ, какъ увидѣлъ вблизи прелестную мраморную террасу, ступени которой спускались прямо къ морю. Позади террасы видѣлась изъ-за зелени красивая виλλα, окруженная садомъ.

Когда барка подплыла ближе, Фридрихъ увидѣлъ, что на террасѣ находилось нѣсколько дамъ, одѣтыхъ въ греческіе костюмы. Онѣ были заняты какою то игрой или танцами, и временами до него доносился ихъ серебристый смѣхъ. Не долго думая, принцъ рѣшилъ пристать къ этой террасѣ и вступить въ переговоры съ обитателями или обитательницами хорошенькой виллы.

Высокая фигура принца, стоявшаго, выпрямившись во весь ростъ, на палубѣ барки, которую матросы привязывали къ столбамъ, обратила на себя вниманіе дамъ на террасѣ. Въ первую минуту онѣ подумали, конечно, о морскихъ разбойникахъ, которые часто показывались въ этихъ краяхъ. Но наружность принца нѣсколько успокоила ихъ.

Дамы столпились на террасѣ и съ любопытствомъ смотрѣли на моряковъ. Двѣ изъ нихъ, болѣе храбрыя, рѣшились спуститься внизъ, чтобы разспросить чужеземцевъ, откуда они и по какому праву явились сюда.

Фридрихъ умѣлъ говорить по гречески и объяснилъ, что онъ странствующій пѣвецъ, желающій показать свое искусство королевѣ. Съ своей стороны онъ узналъ, что вилла, къ которой онъ присталъ, принадлежитъ княгинѣ Кандорасъ и попросилъ позволенія ей представиться.

Обѣ дамы были поражены смѣлостью его рѣчей и его гордымъ видомъ и обѣщали поговорить съ княгиней. Онѣ поднялись по лѣстницѣ, и принцъ видѣлъ, что на террасѣ начался оживленный разговоръ, по временамъ прерываемый смѣхомъ. Однако, разговоръ этотъ кончился благопріятно для принца, такъ какъ обѣ дамы снова спустились внизъ и объявили ему,

что княгиня готова принять его, но онъ долженъ покориться нѣкоторымъ мѣрамъ предосторожности, которыя должны быть непременно приняты. Фридрихъ на все согласился; тогда ему было позволено выйти на берегъ. Въ сопровожденіи обѣихъ дамъ онъ поднялся по лѣстницѣ на террасу, гдѣ ожидала его сама владѣтельница виллы, окруженная своими подругами.

Вѣрный своей роли, Фридрихъ повторилъ княгинѣ, что онъ пріѣхалъ съ одного греческаго острова и имѣеть намѣреніе показать королевѣ свое искусство пѣть и играть на лютнѣ. Послѣ этого онъ намѣренъ отправиться къ дворамъ другихъ властителей и королей.

Дама, которую онъ принималъ за владѣтельницу виллы, княгиню Кандорасъ, и которая поразила его своею красотой, привѣтливо улыбнулась ему въ отвѣтъ и просила, чтобы онъ показалъ ей и ея гостямъ образецъ своего искусства.

Фридрихъ приказалъ принести лютню, которая осталась на баркѣ. Онъ дѣйствительно игралъ на этомъ инструментѣ превосходно и обладалъ прекраснымъ задушевымъ голосомъ.

Чернокожія служанки принесли подушки на террасу, и дамы усѣлись въ кружокъ, обмахиваясь вѣерами и съ любопытствомъ поглядывая на пѣвца. Только красавица хозяйка склонила свою голову и словно о чемъ то глубоко задумалась.

Когда Фридрихъ кончилъ, раздались восторженные рукоплесканія. Дамы просили принца повторить пѣсню, что онъ охотно исполнилъ, затѣмъ онъ вступилъ съ нимъ въ разговоры о музыкѣ и пѣніи. Но златокудрая красавица не принимала въ этомъ разговорѣ никакого участія и когда онъ кончился, она сказала, обращаясь къ Фридриху:

— Правила гостепрѣимства требуютъ, чтобъ вамъ былъ оказанъ прѣютъ на этой виллѣ, но только одному вамъ. Ваши спутники должны оставаться на баркѣ, которая, повидимому, такъ прекрасно устроена, что они тамъ не могутъ терпѣть никакихъ неудобствъ, но вы должны дать мнѣ честное слово, что не питаете никакихъ злыхъ умысловъ ни противъ кого на этомъ островѣ и что вы не уѣдете отсюда, не предупредивъ меня.

Фридрихъ исполнилъ все, что отъ него требовали, и слуги отвели его въ предназначенную для него комнату. Онъ не замѣтилъ, однако, что за нимъ, такъ-же какъ и за его баркой, былъ устроенъ самый бдительный надзоръ.

На другой день Фридрихъ былъ очень огорченъ тѣмъ, что хозяйка виллы не показывалась. Онъ справился о ней и узналъ, что она не совсѣмъ здорова. У Фридриха какъ то сразу пропала охота видѣть королеву и добиваться ея благосклонности. Онъ провелъ цѣлый день на виллѣ, просидѣлъ нѣсколько часовъ на террасѣ и только два раза спускался къ своимъ людямъ на баркѣ, чтобы еще разъ напомнить имъ, что они должны хранить молчаніе.

Онъ обрадовался, когда наступилъ вечеръ и онъ могъ, наконецъ, отправиться спать, въ надеждѣ увидѣть на другой день свою хозяйку. Но и эта надежда была обманута: княгиня Кандорасъ не показывалась. Фридрихъ не подозрѣвалъ, что на виллѣ съ нетерпѣніемъ ждали того момента, когда онъ отправится къ королеву. Но онъ позабылъ объ этомъ и оставался жить на виллѣ, разгуливая по саду и распѣвая свои пѣсни на террасѣ по вечерамъ. Тогда онъ видѣлъ, что окна въ домѣ открывались и тамъ показывались какія то жен-

Литературная дѣятельность Тургенева; критическій этюдъ В. Буренина. Спб. 1884 г.

Безвременная кончина нашего лучшаго современнаго писателя послужила тѣмою для множества статей, очерковъ, некрологовъ, рѣчей, воспоминаній, не только въ нашей журналистикѣ, но и въ литературѣ Запада, которому Тургеневъ принадлежалъ почти столько же, какъ и Россіи. Недавно кто-то собралъ главнѣйшіе отзывы иностранныхъ писателей о ихъ русскомъ собратѣ и издалъ ихъ отдѣльною книгою (мы сдѣлали то же самое еще въ октябрьской книжкѣ «Историч. Вѣстн.», 1883 г. въ отдѣлѣ Заграничныхъ Новостей). Теперь является отдѣльною книжкой этюдъ г. Буренина о литературной дѣятельности Тургенева, печатавшійся въ ноябрьскихъ и декабрьскихъ нумерахъ «Новаго Времени». До настоящаго времени это положительно лучшая критическая оцѣнка произведеній и значенія писателя, да едва ли и не единственная, появившаяся отдѣльною брошюрой, если не считать квази-серьезнаго этюда г. Венгерова, напечатаннаго еще при жизни Тургенева и, по достоинству, встрѣченнаго серьезною критикою—глубокимъ молчаніемъ. Г. Павленковъ издалъ, правда, брошюру «Тургеневъ о русскомъ народѣ» какъ чтеніе для народа; вышли еще двѣ-три брошюрки по поводу смерти писателя, но полную характеристику его мы найдемъ только у г. Буренина, не смотря на то, что нѣкоторые изъ его выводовъ могли бы быть гораздо болѣе и послѣдовательнѣе развиты, если бы имъ не мѣшала замѣтная въ иныхъ мѣстахъ спѣшность журнальной работы. Эта же спѣшность изложенія въ сужденіяхъ о значеніи нѣкоторыхъ лицъ и даже произведеній писателя не позволяетъ, мѣстами, вполне соглашаться съ ихъ оцѣнкою, сдѣланною г. Буренинымъ. Но, въ общихъ чертахъ, оцѣнка эта вѣрна и добросовѣстна. Въ его изслѣдованіи, высоко-даровитая личность Тургенева является передъ читателемъ въ яркомъ свѣтѣ своего симпатичнаго таланта. Это, дѣйствительно, одинъ изъ болѣе плодотворныхъ и крупныхъ художниковъ не только въ нашей литературѣ, но и въ европейской, настоящій лѣтописецъ «временныхъ лѣтъ», въ которомъ отразился цѣлый періодъ развитія русской жизни, глубоко-изученной писателемъ, воссозданной имъ художественно и правдиво. Это чисто русскій человекъ и художникъ, въ которомъ «самымъ оригинальнымъ образомъ сочеталось необычайное простодушіе съ поразительнымъ критическимъ анализомъ жизни, самый чистый идеализмъ съ самымъ трезвымъ реализмомъ, самый проникательный и ясный умъ съ самымъ теплымъ сердечнымъ чувствомъ, самое преданное служеніе искусству съ самою чуткою отзывчивостью стремленіямъ времени». Все это совершенно вѣрно, но г. Буренинъ прибавляетъ, что только русская жизнь могла выработать такого писателя, а «западная жизнь по своей законченности, по своей опредѣленности и узости, по рѣзкости и, если можно такъ выразиться, по специализированности своихъ вліяній, не въ состояніи выработать ни такой разносторонности и ширины, ни такой простоты, ни такой общности таланта и ума». Но, не говоря уже о томъ, что западная жизнь и не закончена и не узка въ своихъ соціальныхъ стремленіяхъ, неужели г. Буренинъ не признаетъ въ ея передовыхъ писателяхъ таланта, равнаго тургеневскому по разносторонности, ширинѣ и простотѣ? Патріотизмъ—чувство пахвальное, но «избѣгая партійныхъ пристрастій», не увлекается ли авторъ этюда о

Тургеневъ пристрастіемъ къ народничеству, чувству также очень почтеному — если только оно не доходитъ до отрицанія заслугъ Запада въ дѣлѣ цивилизаціи и униженія европейскихъ талантовъ сравнительно съ отечественными?..

Во всякомъ случаѣ, не смотря на нѣкоторыя увлеченія, этуодъ г. Буренина вполне заслуживаетъ вниманія критика и читателей. Намъ было очень пріятно найти въ авторѣ очерка, еще такъ недавно подвизающемся на критическомъ поприщѣ, писателя, вполне освоившагося со своею спеціальностью. Для этого у него достаточно и дарованія, и опытности, и знаній. Г. Буренинъ извѣстенъ болѣе какъ поэтъ и беллетристъ, но поэтовъ и беллетристовъ у насъ не мало, тогда какъ критиковъ почти вовсе нѣтъ, а представлять вѣрныя характеристики и оцѣнки писателей — для исторіи литературы не менѣе важно, какъ и созданіе типовъ въ беллетристическихъ произведеніяхъ.

В. З.

Указатель ко всѣмъ періодическимъ изданіямъ Общества исторіи и древностей російскихъ при императорскомъ московскомъ университетѣ за 68 лѣтъ, 1815—1883 г. Москва. 1883 г.

Подъ этимъ заглавіемъ появилась недавно книжка, которая можетъ быть очень полезна для справокъ тѣмъ, которые занимаются разработкою русской исторіи, такъ какъ при помощи ея весьма легко отыскать то, что было помѣщено въ теченіи 68 лѣтъ въ наиболѣе замѣчательныхъ у насъ изданіяхъ по отечественной, а отчасти и славянской исторіи—изданіяхъ «Общества исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ».

Упомянутое Общество учреждено было въ 1804 году, по почину бывшаго въ то время попечителемъ московскаго университета М. Н. Муравьева. Однако до 1815 года оно ни чѣмъ не заявило въ печати о своей ученой дѣятельности и только въ этомъ году былъ изданъ первый печатный трудъ упомянутаго Общества подъ названіемъ «Труды и лѣтописи Общества исторіи и древностей російскихъ». Изданіе это было сборникомъ безъ всякой системы и оно продолжало выходить въ такомъ видѣ до 1837 года. Въ продолженіи этихъ двадцати двухъ лѣтъ Общество издало только 8 частей «Трудовъ и лѣтописей». Независимо отъ этого, означенное Общество, въ первый же годъ своего учрежденія, предположило издавать журналъ подъ названіемъ «Русскія достопамятности», но это предпріятіе не сопровождалось удачею, такъ какъ Обществомъ было издано только три выпуска «Достопамятностей», одинъ въ 1815 г., другой въ 1843 и третій въ 1844 годахъ.

По прекращеніи изданія «Трудовъ и лѣтописей» въ 1837 году, бывший въ то время секретаремъ Общества, покойный профессоръ Погодинъ началъ, по порученію Общества, издавать «Русскій историческій сборникъ», но и это изданіе окончилось въ 1844 году на седьмомъ выпускѣ.

Только съ 1845 года, когда мѣсто секретаря занялъ трудолюбивый О. М. Бодянский, начался новый оживленный періодъ издательской дѣятельности Общества. Бодянский предпринялъ отъ имени Общества новое изданіе подъ названіемъ «Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ исторіи и древностей російскихъ». Но и это изданіе извѣдало, въ свою очередь, печальную участь.

Въ 1848 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ, вышла первая, за этотъ годъ, книжка «Чтеній» и навлекла гоненія правительства и на себя, и на Бодянского, и на все Общество. За помѣщеніе въ этой книжкѣ «Записокъ» англичанина Флетчера, описавшаго состояніе Московскаго государства въ дни царя Ивана Грознаго, Бодянскій, по высочайшему повелѣнію, былъ лишенъ должностей секретаря и редактора и, удаленный съ профессорской кафедры въ московскомъ университетѣ, былъ отправленъ на службу въ Казань, и изданіе «Чтеній» было прекращено.

Новый секретарь опальнаго Общества, Д. И. Бѣляевъ, предложилъ Обществу предпринять новое періодическое изданіе подъ названіемъ «Временникъ Общества исторіи и древностей російскихъ». Это новое изданіе продолжалось до 1857 года, когда оно, по неозначеннымъ въ «Указателѣ» причинамъ, прекратило свое существованіе на двадцать пятую книжкѣ. Между тѣмъ, помилованный и возвратившійся изъ Казани въ Москву, Бодянскій былъ опять выбранъ секретаремъ Общества и возобновилъ изданіе «Чтеній», получивъ при этомъ изданіи должность редактора. Это произошло въ 1858 году и Бодянскій до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1877 году, завѣдывалъ изданіемъ «Чтеній» и надобно отдать ему справедливость, что онъ, несмотря на разныя затрудненія, вѣлъ свое дѣло и добросовѣстно, и успѣшно. Преемникомъ ему былъ избранъ А. Н. Поповъ, но въ 1881 году онъ скончался, и въ настоящее время редакторомъ «Чтеній» состоитъ Е. В. Барсовъ.

Не смотря на неблагопріятныя во многихъ отношеніяхъ обстоятельства и даже на перерывы изданій Общества, оно, въ продолженіи своего существованія, выпустило въ свѣтъ 160 книжекъ. Понятно, что здѣсь накопился такой сборникъ статей, который, помимо вопроса объ ихъ достоинствахъ или недостаткахъ, представляетъ громадный запасъ историческихъ свѣдѣній. Пользоваться же ими безъ обстоятельнаго указателя почти невозможно, такъ какъ каждый разъ приходилось бы пересматривать всѣ книжки или отыскивать нужныя свѣдѣнія на удачу. Потребность въ хорошемъ указателѣ чувствовалась еще двадцать лѣтъ слишкомъ тому назадъ, и потому въ 1862 году, а затѣмъ и въ 1865 году, она была удовлетворена указателемъ, составленнымъ Гриневичемъ и Бартечевымъ. Не говоря уже о томъ, что въ промежутокъ этого времени прибавилось столько новаго запаса, что прежніе указатели стали недостаточны сами по себѣ, оба они, по мнѣнію составителя нынѣшняго «Указателя», имѣютъ еще и тотъ недостатокъ, что въ нихъ всѣ статьи расположены исключительно въ алфавитномъ порядкѣ, такъ что и обширныя изслѣдованія и матеріалы и мелкія замѣтки сведены въ общій алфавитный порядокъ.

Составитель новаго «Указателя», скрывшій свою фамилію подъ подписью Сер. Вѣ-ку-въ, раздѣлялъ всѣ статьи, помѣщенныя въ изданіяхъ Общества на пять отдѣловъ: 1) изслѣдованія, 2) матеріалы отечественныя, 3) матеріалы славянскіе, 4) матеріалы иностранныя и 5) смѣсь, т. е. раздѣлилъ ихъ на тѣ отдѣлы, на которые впоследствии дѣлились статьи въ «Чтеніяхъ». Для перваго и послѣдняго изъ этихъ отдѣловъ онъ призналъ за лучшее алфавитный порядокъ, а для прочихъ отдѣловъ—хронологическій. Почему, однако, принята имъ такая система онъ не объясняетъ, хотя, какъ мы полагаемъ, распредѣленіе матеріаловъ въ хронологическомъ порядкѣ представило невозможность строгой выдержки такой системы, потому именно, что при многихъ документахъ не означено года, къ которому они относятся. Вслѣд-

стві этого и явилось въ «Указателѣ», во многихъ случаяхъ только гадательное ихъ распредѣленіе. Они размѣнены въ началѣ крупныхъ отдѣловъ русской исторіи, но кажется, что было бы удобнѣе удержать для всѣхъ отдѣловъ одинъ общій алфавитный порядокъ.

Разумѣется, что въ достоинствахъ или недостаткахъ изданій подобнаго рода можно убѣдиться только на практикѣ, такъ какъ главное условіе ихъ удовлетворительности состоятъ въ вѣрности не только выписокъ, но и коректурной безошибочности цифровыхъ указаній, а убѣдиться въ этомъ можно только при употребленіи «Указателей».

К. Н. В.

Воспоминанія крестьянина села Угодичъ (Ярославской губерніи Ростовскаго уѣзда) Александра Артынова. Москва. 1883.

Эти воспоминанія появились въ прошломъ году въ «Чтеніяхъ Императорскаго Общества исторіи и древностей російскихъ», а нынѣ вышли отдѣльнымъ изданіемъ. Авторъ писалъ эти воспоминанія, какъ и многія другія свои произведенія, не для печати, а только для самого себя, такъ что его съ трудомъ склонили къ ихъ напечатанію. А. Я. Артыновъ родился въ 1813 году, а съ 1822 года сталъ ѣздить по разнымъ мѣстностямъ Россіи и затѣмъ описывать свои воспоминанія и впечатлѣнія. Болѣе полуѣка онъ употребилъ все свое время, свободное отъ сельскихъ занятій, на собраніе сказокъ, легендъ, преданій, разсказовъ старожиловъ, горожанъ и крестьянъ. Онъ дѣлалъ также извлеченія изъ рукописныхъ книгъ, причемъ въ его рукахъ были двѣ знаменитыя рукописи: «Хлѣбниковскій ростовскій лѣтописецъ» XVII вѣка и «рукопись» бышаго владѣльца села Угодичъ, стольника Мусина-Пушкина, XVII—XVIII вѣка. Эти любопытныя, безхитростныя воспоминанія обнародованы потомъ извѣстнымъ археологомъ А. Л. Титовымъ, получившимъ на то согласіе А. Я. Артынова. Мы слышали, что существуетъ и вторая половина его воспоминаній, которая однако появится въ печати внослѣдствіи.

Со словъ дьякона Александра Фодоровича Златоустова, скончавшагося въ Угодичахъ въ престарѣлыхъ годахъ въ 1844 году, Артыновъ сообщилъ въ своихъ воспоминаніяхъ любопытный разсказъ о низложеніи ростовскаго митрополита Арсенія Мацевича со всѣми предсказаніями Мацевича о судьбѣ членовъ синода, осудившихъ его и присутствовавшихъ на его низложеніи. Златоустовъ въ то время былъ посошникомъ митрополита Арсенія и сопровождалъ его въ залу засѣданія суда. Всѣ предсказанія Арсенія Мацевича осуществились на дѣлѣ.

Въ 1827—1828 году, зимою, Артыновъ въ Петербургѣ былъ почти свидѣтелемъ слѣдующаго интереснаго случая. Идя по лѣвой сторонѣ Фонтанки, онъ встрѣтилъ противъ Троицкаго подворья «не молодого боярина съ мальчикомъ, сидящимъ рядомъ съ нимъ въ саняхъ, а на передкѣ рядомъ съ кучеромъ сидѣлъ малолѣтокъ, солдатскій кантонистъ. Всѣ встрѣчныя и идущіе останавливаются, смотрятъ и кланяются; поклонился и я, а при этомъ спросилъ: кто это такой проѣхалъ? мнѣ сказали, что мальчикъ, сидящій съ бояриномъ, цесаревичъ, наслѣдникъ престола Александръ Николаевичъ». Далѣе, не доходя до Чернышева моста, противъ переулка, у лѣсной биржи

купца Громова столшилось столько народа, что отъ тѣсноты съ трудомъ можно было пройти; Артыновъ сперва думаль, что тутъ пожаръ, вмѣшался въ народъ и услышалъ въ толпѣ слѣдующій разговоръ: ѣхаль тутъ дядька съ наслѣдникомъ; дядькѣ попался какой-то знакомый бояринъ. Онъ сошелъ къ нему съ саней и пошелъ панелью по берегу Фонтанки къ Аничкову мосту; кучеръ же съ наслѣдникомъ ѣхаль съ нимъ сзади. Наслѣдникъ, вѣроятно соскучась сидѣть одинъ, сошелъ съ саней и пошелъ по панели за дядькою. Въ это время на встрѣчу ему попался кантонистъ его лѣтъ; что между ними было причиною ссоры, никто не зналъ, только видѣли, какъ они безъ шапокъ дрались на кулачки, съ большимъ азартомъ, не уступая другъ другу. Никто не смѣлъ разнять ихъ, хотя мѣсто это и многолюдное. Наконецъ, кто-то сказалъ про это дядькѣ. Тотъ прибѣжалъ въ испугѣ и разнялъ бойцовъ. Приведя въ порядокъ одежду, онъ посадилъ наслѣдника съ собою, а кантониста рядомъ съ кучеромъ и повезъ ихъ въ Зимній дворецъ, куда онъ и до этого ѣхаль. Тутъ узналъ Артыновъ, что кантонистъ этотъ изъ кондукторской школы, а школа эта находилась какъ разъ противъ огорода его свата Грачева; между школою и огородомъ лежалъ одинъ только Измайловскій полеъ. Смотритель этой школы былъ знакомъ Артынову. и утромъ разсказаль ему слѣдующее объ кантонистѣ: къ испуганному его родителю, близкому къ отчаянню, отставному солдату, въ придворной каретѣ привезли его сына и съ нимъ 300 руб. денегъ, подаренныя ему во дворцѣ. По домашнему суду императора Николая Павловича, наслѣдникъ былъ обвиненъ и наказанъ, а кантонистъ былъ оправданъ и получилъ, какъ обиженный несправедливо, награду.

А. Я. Артыновъ—не единственное явленіе крестьянина-грамотѣя въ Ростовскомъ уѣздѣ, собирателя преданій, разсказовъ, легендъ. Вообще, Ростовъ и его уѣздъ издавна отличались купцами, крестьянами, посвящавшими свое свободное время на составленіе библиотекъ, собраніе и сохраненіе рукописей.

П. У.

Вильна и окрестности. Путеводитель и историческая справочная книжка, съ планомъ г. Вильны, 9-ю рисунками и картою Виленской губерніи. Вильна. 1883.

«Предлагаемая книжка—говорится въ предисловіи къ ней—не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что не было бы извѣстно любителямъ мѣстной старины изъ другихъ изданій на русскомъ и на польскомъ языкахъ. Издатель имѣлъ въ виду главнымъ образомъ пріѣзжающихъ въ Вильну и незнакомыхъ съ городомъ, а также и тѣхъ, которые не имѣютъ подъ руками всѣхъ изданій, касающихся Вильны, и слѣдовательно не имѣютъ возможности быстро навести какую нибудь историческую справку». Мы отъ себя прибавимъ, что книжка можетъ заинтересовать и не однихъ пріѣзжающихъ въ Вильну, но и вообще желающихъ познакомиться съ исторіей г. Вильны по крайней мѣрѣ въ общихъ и существенныхъ ея чертахъ. Въ началѣ книги приложенъ краткій очеркъ исторіи Вильны, составленный по статьѣ профессора петербургскаго университета Васильевскаго, помѣщенной въ изданіи Батюшкова «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ имперіи». Затѣмъ слѣдуетъ историческій обзоръ виленскихъ храмовъ католическихъ и

других вѣроисповѣданій, восполняющій общую исторію Вильны. Вслѣдствіе этого, историческая картина судьб Вильны представляется довольно полною и законченною, и на ней съ особенною тщательностію вырисовывается судьба православія и русской народности въ Вильнѣ. Жаль только, что издатель не указываетъ другихъ источниковъ своей книги, кромѣ статьи г. Васильевского, бывшихъ въ его распоряженіи. Если бы книга снабжена была цитатами, то она могла бы быть справочной книгой и для начинающихъ заниматься исторіей мѣстнаго края, которая и доселѣ остается мало-извѣстною для большинства читающей русской публики.

Н. П.

Ростовъ Великій. Путеводитель по городу Ростову, Ярославской губерніи, А. А. Титова. Москва. 1883.

Ростовъ Великій принадлежитъ къ древнѣйшимъ городамъ Россіи. Онъ существовалъ до прихода Рюрика и сдѣлался вполнѣ влѣдствіи родоначальникомъ другихъ городовъ Ростовско-Суздальской земли. Не смотря на древнее происхожденіе Ростова, остатковъ этого древняго существованія сохранилось очень немного въ настоящее время. Такъ, графъ Толстой, изучавшій древности Ростова, говоритъ въ своемъ сочиненіи, что Ростовскія древности, дошедшія до насъ, не старѣе второй половины XVII вѣка. Частые, опустошительные пожары, разорвніе городовъ сперва татарами, а потомъ и поляками, почти уничтожившими Ростовъ въ XVII столѣтіи, составляютъ главную причину истребленія остатковъ древности этого города. Главную и центральную часть города представляетъ крѣпость, заключающаяся въ земляномъ валѣ, построенномъ при царѣ Михаилѣ Федоровичѣ инженеромъ Яномъ. Внутри крѣпости находится городской Кремль съ древними святынями. Онъ окруженъ каменною стѣною, мѣстами зубчатою, и десятью башнями и построенъ въ XVII столѣтіи Ростовскимъ митрополитомъ Іоною Сысоевичемъ.

Г. Титовъ, составилъ описаніе своего родного города съ цѣлію ознакомить путешественниковъ какъ съ церквами и святынями Ростова, такъ и съ драгоцѣнными памятниками русскаго водчества XVII вѣка, въ немъ сохранившимися. Въ книгѣ находится краткій историческій очеркъ Ростовско-Суздальской области и Ростовскаго удѣльнаго княжества и краткія указанія на предметы, заслуживающіе вниманія въ Ростовѣ. По ясности и толковости изложенія, книга г. Титова вполнѣ достигаетъ цѣли, для которой она была составлена, и можетъ быть хорошимъ путеводителемъ по Ростову Великому. Авторъ общаетъ въ непродолжительномъ времени издать болѣе подробное описаніе Ростова и его уѣзда.

П. У.

Литовскіе евреи. Исторія ихъ юридическаго и общественнаго положенія въ Литвѣ. С. А. Вершадскаго. Спб. 1884.

Авторъ этого сочиненія издалъ въ 1882 г. любопытный этнографико-юридическій трудъ «Документы и регесты къ исторіи литовскихъ евреевъ», извлеченные изъ актовыхъ книгъ, метричь литовской, виленакаго архива и

проч. съ 1388 г. по 1569 году». Въ нынѣшнемъ своемъ сочиненіи авторъ задается рѣшеніемъ вопроса, почему литовскіе евреи, сто лѣтъ тому назадъ перешедшіе въ русское подданство, до сихъ поръ инородцы, а не русскіе граждане. Сознывая отчужденіе еврейства, его стремленія къ приобрѣтенію богатствъ, власть кагала, авторъ, для уясненія причинъ этихъ явленій, изучаетъ положеніе евреевъ въ Литвѣ, до перехода страны во власть Россіи. Онъ изслѣдуетъ солидарность евреевъ, начиная съ XV вѣка, и раздѣляетъ на три періода: исторію юридическаго и общественнаго положенія евреевъ, отъ Витовта до Люблинской Уніи, потомъ до начала казацко-шляхетскихъ войнъ, и наконецъ до раздѣла Польши. Послѣдніе два періода будутъ изложены въ слѣдующихъ томахъ. Въ выпущенномъ нынѣ томѣ разобрана только еврейская солидарность, по отношенію къ русскимъ законамъ, сдѣланъ критическій обзоръ сочиненій по исторіи евреевъ въ Литвѣ и Польшѣ, затѣмъ разобраны привилегіи Витовта, данныя евреямъ, разсказана исторія перваго еврейскаго погрома въ XV вѣкѣ и утвержденіе магдебургскаго права, показаны отношенія государственной власти къ литовскому обществу и, наконецъ подробно описано юридическое и общественное положеніе евреевъ отъ Сигизмунда до уніи. Книга, оканчивается появленіемъ въ Литвѣ талмуда, и заключаетъ въ себѣ много подробностей, интересныхъ для всякаго, кого занимаетъ еврейскій вопросъ.

В. З.

Греко-болгарскій церковный вопросъ, по неизданнымъ источникамъ. В. Теплова. Спб. 1884.

Въ настоящее время, когда Порты собирается уничтожить болгарскій экзархатъ и лишаетъ константинопольскаго патріарха правъ и привилегій, данныхъ ему еще первыми султанами, царствовавшими въ Стамбулѣ, вопросъ объ отношеніяхъ двухъ православныхъ церквей—греческой и болгарской, приобрѣтаетъ важное значеніе и можетъ повести къ серьезнымъ послѣдствіямъ (по послѣднимъ извѣстіямъ, патріархъ уже сложилъ съ себя свое званіе). Болгарія также волнуется при извѣстіи, что по прихоти турокъ ея независимой церкви, только что получившей самостоятельность, снова угрожаетъ подчиненіе греческому патріархату. Такое положеніе дѣлъ придаетъ исключительный интересъ изслѣдованію члена нашего константинопольскаго посольства, г. Теплова, помѣстившаго въ «Русскомъ Вѣстникѣ» прошлаго года чрезвычайно любопытныя изъясненія по греко-болгарскому вопросу. Но для вѣрнаго знакомства съ выводами автора необходимо прочесть статью его не въ журналѣ, а въ отдѣльныхъ оттискахъ, такъ какъ редакція «Русскаго Вѣстника» исключила изъ труда г. Теплова самыя любопытныя мѣста и сдѣлала много измѣненій въ изслѣдованіяхъ автора. Г. Тепловъ близко знаетъ свой предметъ, изучилъ его на мѣстѣ, имѣя подъ рукою всѣ документы и данныя, и почтенный трудъ его представляетъ самую полную и подробную картину этого запутаннаго вопроса, вносящаго новыя усложненія въ положеніе нашихъ единоплеменныхъ и единовѣрныхъ братьевъ и безъ того печальное и ненормальное.

Очеркъ исторіи Почаевской лавры и ея положеніе въ настоящее время. Протоіерей А. Ѳ. Хойнацкаго. Спб. 1883.

Почаевская лавра занимаетъ четвертое мѣсто въ ряду подобныхъ ей лавръ: Кіево-Печерской, Троицко-Сергіевой и Александро-Невской. Находясь въ Кременецкомъ уѣздѣ Волынской губерніи, Почаевская лавра въ юго-западной Россіи и даже въ сопредѣльной Галиціи пользуется особеннымъ обаяніемъ среди тамошняго кореннаго населенія. Замѣчательная судьба этого монастыря, бывшаго православнымъ, униатскимъ и вновь возвращеннымъ православію 10-го октября 1831 года, послѣ участія его униатскихъ монаховъ въ польскомъ возстаніи, создала о немъ цѣлую литературу. Трудъ протоіерей Хойнацкаго, появившійся первоначально въ «Христіанскомъ Читеніи» въ продолженіе 1880, 1881 и 1883 годовъ, и изданный затѣмъ отдѣльной книжкой, дополнилъ собою списокъ сочиненій объ этомъ многоважномъ историческомъ памятникѣ, праздновавшемъ свой юбилей въ прошедшемъ 1883 году.

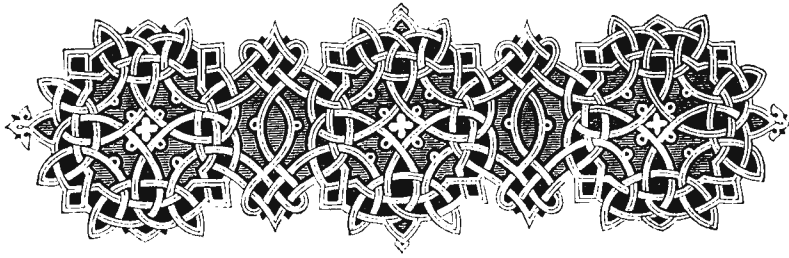
П. С.

Павель Ивановичъ Мельниковъ (Андрей Печерскій), его жизнь и литературное значеніе. Н. Невзорова. Казань. 1883.

27 марта 1883 года, въ Казани, въ тамошнемъ обществѣ любителей сценическаго искусства состоялся вечеръ, посвященный памяти Павла Ивановича Мельникова, окончившаго, какъ извѣстно, курсъ въ казанскомъ университетѣ. На этомъ вечерѣ г. Невзоровъ прочиталъ составленный имъ краткій біографическій очеркъ Мельникова, съ присовокупленіемъ значенія его въ русской литературѣ. Для біографическаго очерка авторъ воспользовался напечатанными воспоминаніями о Мельниковѣ Иловайскаго, Бестужева-Рюмина, Гацисскаго, Усова, а потому и не могъ сообщить ничего новаго. Для опредѣленія же значенія Мельникова въ русской литературѣ, въ которой г. Невзоровъ отводитъ этому художнику-этнографу одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ, авторъ привелъ мѣткія характеристики романовъ, повѣстей и рассказовъ Андрея Печерскаго. Сквозь весь небольшой трудъ (на 20 страницахъ) г. Невзорова проходитъ горячая, сочувственная струя къ Мельникову и къ его литературнымъ произведеніямъ.

В. Р.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Историческій альманахъ.—Переписка Талейрана.—Исторія Венгріи.—Литовскія легенды.—Неизвѣстный великій писатель изъ балтійскихъ дворянъ.—Крыловъ на англійскомъ языкѣ.—Нѣмецкія военныя сочиненія во французскомъ переводѣ.—Къ исторіи нравовъ XVIII вѣка.—Забитый педагогъ.—Дон-Жуанъ Австрійскій.—Англія при Іаковѣ I.—Исторія англійскихъ городовъ.—Турецкій султанъ и англійскій посланникъ.—Египетъ послѣ войны.—Санскритская литература.—Великороссы и малороссы.—Новый международный журналъ.

ИСТОРИЧЕСКАЯ наука въ Германіи съ каждымъ новымъ годомъ обогащается новымъ томомъ «Историческаго альманаха» (Historisches Taschenbuch), основаннаго еще Фридрихомъ Раумеромъ, но, въ настоящее время, издаваемаго Вильгельмомъ Мауренбрехеромъ, ученикомъ Ранке и Зибеля, бывшимъ профессоромъ въ Дерптѣ (въ 1867—1869 г.), авторомъ замѣчательныхъ сочиненій «Карлъ V и нѣмецкіе протестанты», «Англія въ эпоху реформаціи», «Прусская церковная политика» и пр. Мауренбрехеръ придалъ новую жизнь альманаху, первый выпускъ котораго вышелъ еще въ 1830 году. Особенно въ послѣдніе годы содержаніе выпусковъ сдѣлалось разнообразнѣе и интереснѣе. Помѣщаемыя въ нихъ статьи относятся ко всѣмъ эпохамъ исторіи и всѣмъ народамъ, изслѣдуютъ вопросы не только историческіе, но археологическіе, филологическіе и т. п. Въ нынѣ вышедшемъ, третьемъ томѣ шестой серіи помѣщено семь статей, имѣющихъ не только специальное, но и общее значеніе. Самая обширная статья профессора Гюффера излагаетъ исторію неаполитанской республики 1799 года. По малоизвѣстнымъ документамъ авторъ изображаетъ эту любопытную эпоху въ яркомъ, часто новомъ свѣтѣ. Вторая, по объему, статья заключаетъ въ себѣ характеристику замѣчательной личности XVII вѣка—нѣмца Самуеля Гартлиба, переселивша-

гося въ Англію, входившаго въ сношеніе со многими историческими лицами, друга Мильтона, побудившаго знаменитаго поэта написать трактатъ о воспитаніи. Не менѣе интересна характеристика основателя голландской республики въ XVI вѣкѣ, адвоката Іоанна Ольденбарневельта, теперь почти всѣми позабытаго, но игравшаго въ свое время значительную роль. Статьи о Швабскомъ союзѣ и о канцлерѣ Конрадѣ, жившемъ въ XII вѣкѣ, имѣютъ болѣе мѣстный интересъ для нѣмцевъ. Профессоръ Бернгеймъ помѣстилъ изслѣдованіе о литературно-историческомъ памятникѣ XII вѣка: «Преданіе о вѣрныхъ женахъ въ Вейнсбергѣ». Наконецъ, Арнольдъ Шеферъ напечаталъ статью о македонскомъ царствѣ, къ сожалѣнію, очень короткую (всего 10 страницъ), тогда какъ этотъ предметъ требовалъ болѣе подробнаго изученія. Смерть, постигшая въ концѣ прошлаго года, на 74 году, автора «Исторіи Семилѣтней войны» и «Демосеена» помѣшала докончить ему свой послѣдній трудъ.

— Въ Лейпцигѣ вышелъ переводъ «Переписки Талейрана съ королемъ Людовикомъ XVIII» (Talleyrand's Briefwechsel ömit König Ludwig XVIII). Она обнимаетъ эпоху вѣнскаго конгресса, извлечена изъ подлинныхъ бумагъ французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ г. Палленомъ и дѣлается въ первый разъ извѣстною въ печати. Свои донесенія о ходѣ переговоровъ на конгрессѣ и о характеристикѣ участвующихъ въ немъ лицъ Талейранъ посылалъ прямо королю, не стѣняясь ни формальностью, ни официальною. Поэтому письма его, помимо историческаго значенія, имѣютъ интересъ картины, рисующей особенности этой замѣчательной эпохи. Въ ожиданіи выхода въ свѣтъ записокъ знаменитаго дипломата, письма эти содержатъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей и историческихъ разоблаченій. Нѣмецкое изданіе отличается отъ французскаго подлинника предисловіемъ, разъясняющимъ значеніе переписки, и примѣчаніями переводчика, придающими еще болѣе значенія книгѣ, такъ какъ они касаются многихъ сторонъ тогдашней политической и общественной жизни.

— Лучшая «Исторія Венгрии» на нѣмецкомъ языкѣ написана Игнатіемъ Фесслеромъ. Теперь она вышла во второмъ улучшенномъ и увеличенномъ изданіи, въ переработкѣ Эрнста Клейна (Geschichte von Ungarn). Не смотря на то, что въ новомъ изданіи дѣйствительно многое прибавлено, найдена была возможность, вслѣдствіе сжатаго шрифта, превратить прежнее десяти томное изданіе въ пятитомное, что конечно привело и къ уменьшенію цѣны. Обработка Клейна касается болѣе всего новооткрытыхъ историческихъ документовъ, на основаніи которыхъ онъ разъяснилъ многие факты, представивъ ихъ въ настоящемъ свѣтѣ, и этимъ придавъ, конечно, еще болѣе значенія труду Фесслера, пользующемуся въ Германіи заслуженной извѣстностью.

— Вышли послѣдніе выпуски (7 и 8 второго тома) замѣчательнаго сборника, составленнаго и изданнаго Эдмундомъ Векенштедтомъ, старшимъ учителемъ древнихъ языковъ въ Николаевской Либавской гимназіи: «Мифы, саги и легенды Жмудянъ (литовцевъ)» (Mythen, Sagen und Legenden der Zamaiten (Litauer). Преданія этого племени, послѣдней прибывшей въ Европу отрасли аріевъ, не могутъ не интересовать историка, лингвиста и этнографа, и г. Векенштедтъ оказалъ большую услугу своимъ сборникомъ гдѣ помѣщено 130 легендъ, относящихся ко всѣмъ сторонамъ общественнаго и частнаго быта литовцевъ. Аріиское происхожденіе этихъ легендъ очевидно.

Многія изъ нихъ, въ незначительно измѣненномъ видѣ, вошли и въ русскія преданія, другія встрѣчаются въ германскихъ и скандинавскихъ сагахъ, даже въ древнихъ повѣрьяхъ романскихъ племенъ. Все это ведетъ къ любопытнымъ сближеніямъ и изысканіямъ о происхожденіи и родствѣ европейскихъ народовъ. Особенно важное значеніе имѣеть заключительная статья сборника, представляющая объясненіе миеологическихъ названій на основаніи лингвистическихъ изслѣдованій. Авторъ сборника принадлежитъ къ рѣдкимъ у насъ ученымъ знатокамъ литовскаго языка, ближе всѣхъ другихъ языковъ подходящаго къ санскритскому и сохранившаго нѣкоторыя славянскія слова въ ихъ древней формѣ (напр. жверя—звѣрь). Книгу эту слѣдовало бы перевести на русскій языкъ.

— Другого рода книга написана «балтійскимъ дворяниномъ» и издана его племянницею, подъ названіемъ: «Отто Магнусъ фон-Штакельбергъ, изображеніе его жизни и его путешествій по Италіи и Греціи» (Otto Magnus von Stackelberg. Schilderung seines Lebens und seiner Reisen in Italien und Griechenland). Это родъ автобіографіи, составленной по письмамъ и замѣткамъ путешественника. Въ письмахъ этихъ встрѣчаются интересныя, хотя и не новыя подробности о странахъ, посѣщенныхъ авторомъ, но нѣмецкая пресса въ русскихъ провинціяхъ приходитъ почему-то въ особенный восторгъ и отъ книги, и отъ путешественника. Въ то время когда Аугсбургская газета называетъ его только «почитателемъ и знаткомъ древняго искусства», наши дерптскія, рижскія и петербургскія (нѣмецкія) газеты приходятъ въ экстазъ оттого, что «балтійская публика» познакомилась съ произведеніемъ такого «представителя балтійскаго дворянства»; особенно «*Petersburger Zeitung*» доходитъ до геркулесовыхъ столбовъ въ похвалахъ «геніальному» писателю, котораго безъ церемоніи ставитъ на ряду съ Гете, Торвальдсеномъ, Жанъ-Полемъ, Байрономъ, Нибуромъ, Шамполюномъ. Газета восхищается даже портретомъ, приложеннымъ къ книгѣ, на которомъ Штакельбергъ изображенъ среди древняго пейзажа, сидящимъ на развалинахъ храма съ картою и карандашомъ въ рукахъ. «Благородная осанка, глаза полныя души (Selenvolle), какой-то идеализмъ въ ростѣ (?) и чертахъ этого передового челоуѣка обнаруживаютъ высокій духъ, теплое чувство, тонкій умъ» и проч. и проч. Уваженіе къ мѣстнымъ дарованіямъ своего прихода дѣло не дурное, но вѣдь надобно помнить и Крылова: «подумаешь иной затѣйникъ въ подсолнечной гремить, а онъ дивитъ свой только муравейникъ».

— Кстати, нашъ Крыловъ явился въ новомъ, вполне удовлетворительномъ переводѣ на англійскій языкъ. У англичанъ уже былъ прозаическій переводъ нашего баснописца, сдѣланный Рольстономъ, вѣрный, но не передающій ни крыловскаго юмора, ни своеобразныхъ оборотовъ его образнаго, чисто народнаго языка. Въ этомъ отношеніи трудъ Гаррисона (Krilof's original Fables) гораздо выше. Гаррисонъ вполне освоился съ духомъ оригинала, хотя не держался формы ямбическаго стиха, а замѣнялъ его различнымъ размѣромъ. Но чисто національныя черты русской жизни, какъ напр. въ баснѣ «Демьянова уха» переданы съ возможной точностью, для достиженія которой переводчику приходилось побѣдять не мало затрудненій. Изъ 149-ти переведенныхъ басенъ, только семь заимствованныя, но Гаррисонъ говоритъ, что перевелъ ихъ съ цѣлью показать, какъ мастерски русскій баснописецъ развивалъ и дополнял чужую мысль, пользуясь часто ничтожнымъ

содержаніемъ для того, чтобы создать превосходное произведеніе. Такъ, взявъ у Лафонтена только основную мысль басни «La vieille et les deux servantes», Крыловъ изъ сухого анекдота составилъ остроумный рассказъ. вмѣсто смутной морали лафонтеновской «Муха и Пчела» въ крыловской баснѣ ярко охарактеризована наглость паразитовъ, втирающихся въ чужіе дома. Гаррисонъ, прямо ставитъ Крылова выше Эзопа и Лафонтена, доказывая многочисленными примѣрами превосходство русскаго баснописца.

— Натянутыя отношенія между Франціей и Германіей придали особый интересъ брошюрѣ «Готова ли Франція» (*La France est elle prête?*) Это переводъ нѣмецкой брошюры, написанной прусскимъ офицеромъ, и сдѣланный «съ его разрѣшенія». Предметъ брошюры—реорганизація французскаго войска съ 1871 года, насколько она могла выкажаться на послѣднихъ большихъ маневрахъ въ концѣ прошлаго года. Прусскій авторъ основательно изучилъ этотъ вопросъ, а для Франціи, конечно, очень важно знать, что думаютъ въ Германіи о военныхъ силахъ своего недавняго противника. Сверхъ того, изъ перевода нѣмецкаго сочиненія французы могли познаться съ воплѣннѣ вѣрными цифрами, относящимися къ военному дѣлу и съ тѣмъ, что было сдѣлано по этой части въ послѣднее время. Реформъ было не мало, но пруссакъ, строго разбирая ихъ, не выводитъ заключенія, чтобы онѣ особенно содѣйствовали къ улучшенію и процвѣтанію французской арміи. Основываясь на мысли Клаузевица, что «способы приготовленія къ войнѣ и средства, съ какими ее начинаютъ содѣйствуютъ столько же къ побѣдѣ, какъ и счастливое веденіе кампаній», авторъ находитъ, что Франціи именно въ этомъ-то отношеніи многого недостаетъ. Въ какой степени основательны сужденія автора по этому предмету, можетъ рѣшить только специалистъ военнаго дѣла.

— Что Франція внимательно слѣдитъ за брошюрами, появляющимися въ Германіи по вопросамъ, имѣющимъ международное значеніе, доказываетъ переводъ еще другого военно-политическаго сочиненія, о появленіи котораго, на нѣмецкомъ языкѣ, мы говорили еще въ прошломъ году. На французскомъ языкѣ книга эта носитъ названіе «La nation armée» и заключаетъ въ себѣ изслѣдованіе современной военной организаціи и тактики. Переводъ также одобренъ специалистами. Подлинникъ написанъ барономъ Гольтцомъ, офицеромъ германскаго генеральнаго штаба, извѣстнымъ и во Франціи своимъ сочиненіемъ «Гамбетта и его армія». Книга Гольтца интересна не для однихъ военныхъ; это серьезный этюдъ всего, что въ какомъ-либо отношеніи касается войны, ея необходимости, содержанія постоянныхъ армій, ихъ состава, командованія ими, военныхъ операцій, плановъ сраженій, дисциплины, системы продовольствія, расквартированія и воинской повинности. Это полный трактатъ военной науки, полный новыхъ взглядовъ, доказывающихъ націи, что она должна укрѣпиться, готовится къ постояннымъ жертвамъ и развивать во всѣхъ своихъ членахъ воинскій энтузіазмъ. Для Франціи въ особенности книга Гольтца важна, какъ подробная картина военной организаціи Германіи и духа этой націи. Особенно любопытны мнѣнія нѣмецкихъ специалистовъ о французскихъ укрѣпленіяхъ на германской границѣ.

— Исторія нравовъ занимаетъ послѣднее мѣсто во всеобщей исторіи народовъ, если черты этихъ нравовъ общечеловѣчны или характеризуютъ отдѣльную націю. Къ сочиненіямъ, описывающимъ характерныя явленія

мѣстныхъ нравовъ можно отнести новые этюды XVIII столѣтія: «Важныя дамы и грѣшницы» (*Grandes dames et pécheuses*) Оноре Вонома, автора біографій г-жи Ментенонъ, Помпадуръ, герцога Пентьевра, Людовика XV и его семейства, издателя сочиненія Пирона, Колле, Дефорж-Мальяра, кавалера Эди и пр. Новый томъ изслѣдователя исторіи нравовъ XVIII столѣтія заключаетъ въ себѣ характеристику извѣстнаго генеральнаго откупщика Самуила Бернара и его трехъ дочерей, госпожи Виме, бывшей секретаремъ у графа д'Аржантала и г-жи Жоффренъ съ дочерью. Собственно біографія только этой писательницы имѣетъ литературное значеніе и заслуживаетъ остаться въ исторіи. Портретъ Жоффренъ хорошо набросанъ Вономомъ, съ жаромъ опровергающимъ въ этомъ очеркѣ обвиненіе энциклопедистовъ въ эгоизмъ и равнодушіе къ несчастіямъ ближняго. Приводя примѣры исполнѣннхъ и благотворительныхъ поступковъ Вольтера, Гельвеція, Гольбаха, Дидеро, Даламбера, Дюкло, Томаса, Монтескье, авторъ отдаетъ полную справедливость филантропіи г-жъ Жоффренъ, Аиссе, д'Эпине. Чтоже касается до біографій г-жъ Дюпенъ-де-Шенонсо, д'Арти и де ла Тушъ, похождения этихъ дамъ не выходятъ изъ ряда обыкновенныхъ любовныхъ исторій, характеризующихъ легкіе нравы XVIII вѣка, но не заключающихъ въ себѣ ничего выдающагося. Для француза эти похождения дочерей всевластнаго въ свое время откупщика могутъ имѣть значеніе; русскій читатель ими не заинтересуется.

— Современная педагогика, преклоняясь передъ новыми авторитетами этой науки, забываетъ тѣхъ, которые если не положили ей основаніе, то содѣйствовали развитію въ ней правильныхъ взглядовъ и вѣрныхъ системъ. Поэтому Бернаръ Перезъ оказалъ услугу, напомнивъ въ своемъ сочиненіи о педагогѣ, имѣвшемъ большое вліяніе на развитіе педагогическаго метода. Книга «Жакото и его метода умственной эмансипаціи» (*Jacotot et sa methode d'emancipation intellectuelle*), представляетъ подробную оцѣнку мыслей и сочиненій этого педагога, умершаго 44 года тому назадъ. Жакото, конечно, во многомъ ошибался; его философская система, выведенная изъ педагогическихъ наблюденій, не выдерживаетъ критики. Наука послѣ него ушла несомнѣнно впередъ, но и до сихъ поръ изъ сочиненій его, выдержавшихъ десятки изданій, можно извлечь много полезнаго. Одновременно съ книгою Переза, вышло изслѣдованіе Гуго Геринга о методѣ всеобщаго обученія (*Joseph Jacotot's Universal-Unterricht*). Французскій авторъ разбираетъ сначала общія положенія Жакото: «всѣ интеллигенціи равны; удерживаютъ только то, что повторяютъ; ученые дѣлаютъ не ученіе, а сохраненіе въ памяти выученнаго; научиться можно и самому безъ посторонней помощи». Эти главныя мысли педагога, съ присоединеніемъ къ нимъ спорнаго и туманнаго тезиса: «все заключается во всемъ» составляють сущность метода, изложенной и оцѣненной во всѣхъ подробностяхъ и, по книгѣ Переза, читатель можетъ составить себѣ ясное и полное понятіе о педагогѣ, именемъ котораго дижонскій муниципалитетъ называлъ, девять лѣтъ тому назадъ, одну изъ главныхъ улицъ Дижона.

— Авторъ замѣчательной книги «Монастырская жизнь Карла V» (*The cloister life of Charles V*), недавно умершій баронетъ Стирлингъ-Максвелль, издалъ другое еще болѣе интересное сочиненіе изъ той же эпохи «Донъ Жуанъ Австрійскій, эпизоды изъ исторіи XVI вѣка» (*Don John of Austria or passages from the history of the sixteenth century*). Біографія эта отличается отъ всѣхъ

подобныхъ книгъ и въ типографскомъ отношеніи. Авторъ, во время своихъ путешествій, собралъ множество рисунковъ, относящихся къ его труду, всѣ портреты его героя отъ его молодости до смерти и помѣстилъ все это въ своей книгѣ, гдѣ находятся также портреты Карла V, Филиппа II, Изабеллы Валуа и всѣхъ главныхъ дѣятелей того времени. Особенно богата иллюстраціями глава, посвященная кораблямъ и морской войнѣ съ описаніемъ Лепантской битвы. Изображено также множество монетъ, оружія, медалей и т. п. Всѣ вѣнзетки взяты изъ рисунковъ и книгъ той эпохи. Авторъ не успѣлъ окончательно отдѣлать своего сочиненія и ввести въ него послѣднія изысканія историковъ. Онъ консерваторъ, но держится строгой исторической критики и нисколько не смягчаетъ отталкивающей характеристики Филиппа II. Лучшіе эпизоды книги—возстаніе мавровъ, подавленное Донъ-Жуаномъ, и образованіе союза, послѣдствіемъ котораго было уничтоженіе турецкаго флота при Лепантѣ.

— Другой историкъ, Самуилъ Гардинеръ, выпустилъ въ свѣтъ пятый томъ своей «Исторіи Англіи отъ восшествія Іакова I до начала междоусобной войны» (A history of England from the accession of James I to the outbreak of the civil war). Эта эпоха, обнимающая собою промежутокъ времени всего въ сорокъ лѣтъ (отъ 1603 до 1642 г.) будетъ разсказана авторомъ въ десяти объемистыхъ томахъ. Въ вышедшей уже первой половинѣ сочиненія всего замѣчательнѣе исторія паденія великаго канцлера Бэкона. Привлекая справедливость приговора, осудившаго канцлера за взятку, Гардинеръ доказываетъ однако, что взятка не имѣла вліянія на рѣшеніе Бэкона, принятое еще до полученія ея. Онъ былъ все-таки, по словамъ автора, лучшій изъ англійскихъ канцлеровъ, не говоря уже о другихъ его заслугахъ. Книга читается вообще легко и въ ней много новаго.

— Одинъ изъ лучшихъ англійскихъ археологовъ, Фриманъ, издалъ сочиненіе о городахъ и округахъ Англіи (English Town and districts). Въ нихъ, какъ извѣстно, не сохранилось замѣчательныхъ историческихъ памятниковъ, какъ въ городахъ Франціи, Італіи, Германіи, и Фриманъ объясняетъ это тѣмъ, что Англія сдѣлалась свободною раньше другихъ странъ Европы и въ ея городахъ не было надобности ни вельможамъ воздвигать дворцовъ, ни горожанамъ устраивать замки въ защиту отъ феодаловъ. Новый трудъ автора «Исторія завоеванія Англіи норманнами», замѣчательнѣе тѣми же достоинствами, какъ и его прежнія сочиненія. Знанія его такъ велики и онъ говоритъ обо всемъ съ такою увѣренностью, что невольно напоминаетъ слова Льюиса о Маколеѣ: «Я бы желалъ быть такъ невозмутимо увѣреннымъ хотя въ одномъ фактѣ, какъ Маколеѣ увѣренъ во всѣхъ».

— Явилось новое сочиненіе о крымской войнѣ, хотя и съ анекдотической точки зрѣнія. Оно носитъ названіе: «Съ лордомъ Стратфордомъ въ крымскую войну» (With lord Stratford in the Crimean War) и написано Джемсомъ Скеномъ. Хотя обязанности автора при лордѣ-посланникѣ были чисто гражданскія, но ему пришлось однажды принять команду надъ кавалерійскимъ отрядомъ, причемъ онъ былъ раненъ саблей въ голову, пикой въ бокъ и пушечной пулей въ ногу. Любопытны подробности о вліяніи Стратфорда-Редлифа на Абдулъ-Меджида. Англійскій посоль въ Константинополь пользовался почти такою же властью, какъ и повелитель правовѣрныхъ. Это доказываетъ анекдотъ, приводимый Скеномъ. Узнавъ, что султанъ началъ строить новый лѣтній дворецъ, посланникъ потребовалъ аудіенціи и выра-

зиль султану «печальное удивленіе по поводу постройки новыхъ дворцовъ, когда имперія разрушается». Смущенный султанъ поручилъ Эльхи-бею узнать, чего желаетъ разгнѣванный посоль. «Скажите его величеству, отвѣчалъ Редклифъ, что у него уже восемь дворцовъ и что если онъ захочетъ—въ то время когда его армія не на что купить хлѣба—тратить деньги на девятый дворецъ, который займетъ русскій царь, то пусть не надѣется на помощь союзниковъ Турціи». Абдуль-Меджидъ приказалъ тотчасъ же остановить работы. Другой случай, приводимый Скеномъ, еще характеристичнѣе. По мусульманскому закону, принявшій исламъ и снова перешедшій потомъ въ другую религію подлежитъ смертной казни. Между тѣмъ, въ это время шейхъ-уль-исламу донесено, что армянинъ, сдѣлавшійся магометаниномъ, обратился въ прежнее вѣрованіе. Ему присудили отрубить голову. Редклифъ объявилъ, что онъ прерветъ дипломатическія сношенія и уѣдетъ изъ Константинополя. Султанъ не зналъ, что дѣлать, опасаясь взрыва фанатизма. «Вы калифъ и поэтому можете измѣнить мусульманскій законъ», отвѣчалъ посланникъ. Абдуль-Меджидъ въ нерѣшимости началъ диктовать указъ въ уклончивыхъ выраженіяхъ. Это замѣтилъ Редклифу секретарь посольства, и тотъ самъ приказалъ написать три слова, къ которымъ султанъ приложилъ свою печать и отправилъ бумагу къ шейхъ-уль-исламу. Слова эти были: «обращенный не можетъ быть казненъ смертью» (муктаб катиль олмас). Съ тѣхъ поръ въ Константинополѣ никто не казненъ за перемѣну религіи. Подобныхъ анекдотовъ много въ интересной книгѣ Скена.

— Полна современнаго интереса книга Вильерса Стюарта «Египетъ послѣ войны» (Egypt after War). Авторъ провелъ въ этой странѣ зиму 1882—83 года. Главною цѣлью его было—изученіе положенія феллаховъ и способовъ облегчить это положеніе. На основаніи этихъ изслѣдованій, лордъ Дофферинъ представилъ свои донесенія парламенту, въ февралѣ 1883 года, но officialныя донесенія мало кто читаетъ, а книгу Стюарта прочтутъ конечно съ любопытствомъ всѣ, кто слѣдитъ за выдающимися событіями нашего времени. Авторъ представляетъ феллаховъ вовсе не такими жалкими идиотами, какъ обыкновенно ихъ описываютъ. Они, правда, загнаны, принижены, ограблены, но возрожденіе ихъ, при лучшей системѣ управленія, не подлежитъ сомнѣнію. Стюартъ сознается, что туземный землевладѣлецъ, на котораго работаютъ феллахи, гораздо хуже турка, да не лучше его и англичанинъ. Но вывести страну изъ ея отчаяннаго экономическаго и политическаго положенія можетъ только англійское правительство. Народъ положительно не въ состояніи уплатить внутренняго долга въ 7 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (болѣе 70 милліоновъ рублей). Всѣ остальные внутренніе вопросы въ сравненіи съ этимъ отходятъ на второй планъ, также какъ и вообще все, что авторъ сообщаетъ о другихъ данныхъ въ странѣ. Но констатируя ея критическое положеніе, онъ не указываетъ на средства, какъ облегчить его.

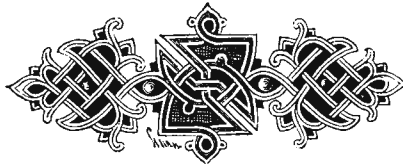
— Восточная филологія обогатилась замѣчательнымъ сочиненіемъ «Санскрито буддійская литература въ Непалѣ» (The Sanscrit Buddhist Literature of Nepal) написаннымъ и изданнымъ въ Калькуттѣ туземнымъ индійскимъ писателемъ Раджендралала Митро. Послѣ классическаго сочиненія Бюрнуфа о буддизмѣ, это лучший трудъ по этому вопросу. Авторъ доказываетъ, что первоначально буддійское ученіе преподавалось на санскритскомъ языкѣ, а не на языкѣ пали, и говоритъ о произведеніяхъ этой литературы, начиная съ «жатакъ», или «птичьихъ исторій», спеціальной формы, въ которой про-

являются буддистскія произведенія. Затѣмъ разбираются «вишайи» или дисциплинарныя правила религіозныхъ обществъ; сборники сказокъ «Бодисатвавадана» и др., длинный романъ «Дасакумаракарита», полный любопытныхъ похожденій. Мистическія и богослужебныя книги занимаютъ въ этой литературѣ первостепенное мѣсто.

— Гораздо болѣе интересно для насъ другое сочиненіе по части сравнительной филологіи «Славянское и латинское» (Slavic and Latin). Это четыре лекціи, читанныя Абелемъ въ Ильчестерѣ. Названіе, данное докторомъ этому сборнику, неточно; о латинскомъ языкѣ въ немъ почти ничего не говорится, а рассматриваются два славянскія нарѣчія—великорусское и малороссійское, въ особенности по отношенію къ ихъ различію, обусловливаемому разностью расъ и темпераментовъ. Абель близко знакомъ съ особенностями рѣчи великорусскаго племени, въ которомъ такъ много финской и татарской крови, и находитъ, что болѣе чистый славянскій элементъ сохранился у малорусовъ и даже въ Вѣлорусіи, долго находившейся подъ литовскимъ и польскимъ владычествомъ. Этотъ парадоксъ онъ поддерживаетъ сравненіемъ польскихъ словъ: wolny—лично свободный, и swobodny—политически-свободный съ такими-же русскими словами. Подобныя-же діалектико—лингвистическія тонкости—онъ видитъ въ словахъ равнозначущихъ съ англійскими gentleman и nobleman. Признавая за малороссами поэтическій и предпріимчивый характеръ, а за великоруссами практическій и выносливый, авторъ послѣднее свойство приписываетъ преобладанію финскаго элемента, благотворному вліянію котораго Россія обязана тѣмъ, что со стойкостью и терпѣніемъ переносила тяжелыя эпохи своей народной исторіи. Абель не раздѣляетъ нерасположенія многихъ иностранцевъ къ русскому народу и не винитъ высшихъ классовъ его въ распущенности и апатіи. Онъ убѣжденъ, напротивъ, въ здравомысліи, твердости и предпріимчивости низкихъ слоевъ малорускаго общества, въ которомъ соединяются финская смышленость съ польской отвагой, терпѣливая выносливость татарина съ легкою подвижностью славянина, даже армянская хитрость съ нѣмецкою обдуманностью и методичностью. Русскіе крестьяне гораздо менѣе образованы, чѣмъ низшіе классы другихъ европейскихъ странъ, но высшіе классы равны по интеллигенціи образованнымъ европейцамъ и даже превосходятъ многихъ изъ нихъ. Подобныя сужденія не часто случаются встрѣчать у европейскихъ писателей.

— Съ новаго года началъ выходить новый журналъ на французскомъ языкѣ, подъ редакціею итальянскаго писателя «Международное Обзорѣніе» (Revue internationale). Цѣль изданія—знакомитъ космополитическую публику съ умственнымъ движеніемъ всѣхъ странъ въ наукѣ, литературѣ и искусствѣ. Для международныхъ сношеній интеллигенціи всего свѣта редакторъ Анджело де-Губернатисъ избралъ и международный языкъ. Первая книжка журнала составлена весьма разнообразно и интересно. Въ ней участвуютъ писатели разныхъ націй, чуждые племенной непріязни. Мюнхенскій профессоръ Гольцендорфъ доказываетъ необходимость учрежденія кафедръ «международнаго обученія» въ римскомъ университетѣ; флорентинскій профессоръ Джуліани вспоминаетъ о своемъ великомъ соотечественникѣ Данте, литяжскій—Лавеле говоритъ о парламентскомъ управленіи въ Бельгіи, оксфордскій—Максъ Мюллеръ пишетъ о жизни и заслугахъ индійскаго ученаго Раммогун-рая; Дора д'Истрія (княгиня Кольцова-Масальская) передаетъ легенду о Рюрикѣ, Стефанія Воль рассказываетъ венгерскую по-

вѣсть; политика, книги, театры разбираются компетентными лицами. Объ умственномъ движеніи въ разныхъ странахъ сообщаютъ корреспонденціи изъ Парижа, Берлина, Вѣны, Петербурга, Бѣлграда, Лиссабона, Стокгольма, Лейдена, Бразиліи, Бомбея, Гонолулу. Петербургскій корреспондентъ приводитъ содержаніе главныхъ статей послѣднихъ книжекъ «Вѣстника Европы», «Отечественныхъ Записокъ», «Русской Мысли» и «Русскаго Вѣстника». Однимъ словомъ, журналъ составителя прекраснаго международнаго словаря современныхъ писателей вполне отвѣчаетъ космополитическимъ отношеніямъ интеллигенціи всѣхъ странъ и народовъ.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ біографіи князя П. И. Багратіона.

ЗВѢСТНО, что князь П. И. Багратіонъ, одинъ изъ выдающихся генераловъ отечественной войны, въ Бородинской битвѣ былъ тяжело раненъ. Послѣ этого онъ отправился для пользованія въ имѣніе друга своего, князя В. А. Голицына, село Симу, Юрьевского уѣзда, Владимірской губерніи. Здѣсь онъ и скончался 12 сентября 1812 года и былъ похороненъ въ мѣстной Бого-явленской церкви. Мѣсто, гдѣ погребенъ князь П. И. Багратіонъ, доселѣ обнесено желѣзной рѣшеткою и при ней находится бронзовая вызолоченная доска съ слѣдующей надписью:

«Князь Петръ Ивановичъ Багратіонъ, находясь у друга своего, князя Бориса Андреевича Голицына, въ селѣ Симѣ, получилъ Высочайшее повелѣніе быть главнокомандующимъ 2-ю западною арміею. Изъ Симы отправился къ оной и будучи раненъ въ дѣлѣ при Бородинѣ, прибылъ опять въ Симу, гдѣ и скончался».

Затѣмъ слѣдуютъ стихи графа Хвостова и въ концѣ эпитафія:

«Князю П. И. Багратіону истинная дружба.
«Прохожій! въ Симѣ зри того Героя прахъ,
Которой громъ металъ на Альпа высотахъ.
Бог—рати—онъ, слуга отечества и трона
Здѣсь кончилъ жизнь свою, разя Наполеона».

Въ 1839 году, по волѣ государя Николая Павловича, прахъ его былъ перенесенъ на Бородинское поле ко времени торжественнаго открытія памятника во славу воиновъ, павшихъ въ Бородинской битвѣ.

Сообщено Н. А. Добротворскимъ.

Русская фехтовальная пѣснь.

Въ 1857 году, была собрана команда матросовъ для изученія гимнастики и фехтованія, съ цѣлью образовать учителей, могущихъ преподавать въ морскихъ экипажахъ правила гимнастики и фехтованія. Главный надзоръ за обученіемъ фехтованія въ морской учебной командѣ былъ порученъ извѣстному преподавателю Роберту Самуиловичу Гавеману.

Команда эта занималась ежедневно, по три часа съ получасовымъ отдыхомъ. Передъ окончаніемъ занятій, матросовъ заставляли ходить гимнастическимъ, бѣглымъ и потомъ обыкновеннымъ шагомъ, причеиъ они пѣли пѣсни.

При фехтованіи приято всѣ приемы называть по-французски, но такъ какъ матросы коверкали французскія слова, то г. Гавеманъ замѣнилъ ихъ русскими названіями.

стойка—garde.	утекать—rompre.
переносъ—dégagé.	справа—sur les armes.
перемѣнить—dégager.	слѣва—dans les armes.
обманъ—une, deux.	отъ себя—tièrce.
на крестъ—flaconnade,	къ себѣ—quatre.
шпагу взять—engagé.	съ поворотомъ—seconde.
вызовъ—appel.	отвѣтъ—riposte.
наступать—avancer.	круговой—contre.
	сдвоить—double.

Для облегченія запоминанія всѣхъ правилъ, ему пришла мысль составить слѣдующую пѣснь:

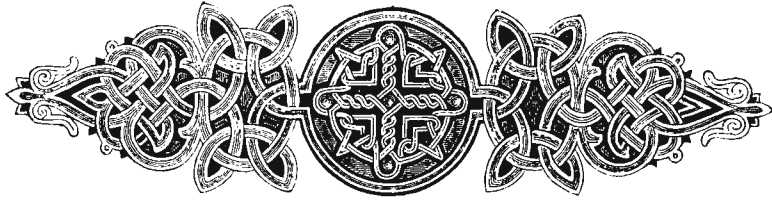
Ну ребята, не зѣвать,
 Какъ придется воевать!
 Саблей надо управлять,
 И штыка не забывать.
 А чтобъ лучше это знать
 Шпагой надо начинать.
 Чтобъ ловко фехтовать
 Корпусъ надо упражнять,
 Руки, ноги развивать,
 Головою же смѣкать
 Какъ себя оберегать
 И врага намъ поражать.
 Въ стойку надо ловко встать,
 Грудь поменьше открывать,
 Руку ниже плечь держать
 И ее не вытягать.
 А придется нападать,
 Руку вѣрно посылать,
 Задній слѣдъ не отдѣлять
 Да проворно выпадать.
 Въ стойку чтобы скоро встать
 Ногу заднюю сгибать,
 А передней помогать,
 Корпусъ живо убирать.
 Если будетъ врагъ зѣвать—
 Грудь свою не закрывать,
 Смѣло прямо поражать.
 Будетъ шпагой нажимать—
 Переносомъ досаждать,

Иль обманъ употреблять.
Будеть руку вытягать,
На крестъ подъ руку валять,
Въ правый бокъ чтобъ угрожать.
Чтобы лучше замудрить—
Шагау взять, перемѣнить.
А захочется открыть,
Вызовъ сдѣлать, и грозить—
Прямо въ сердце удружить.
Но при этомъ не забыть
Нападенею отразить.
Если будетъ наступать
Не робѣть, атаковать.
Вздумаетъ же утекать,
Шагъ впередъ и доканать.
Если будетъ нападать,
Чтобы справа поражать,
Отъ себя, и не зѣвать—
Съ поворотомъ посылатъ.
А захочетъ онъ шутить,
Слѣва другу удружить,
Къ себѣ живо отбивать,
И проворно отвѣчать.
Обманъ вздумаетъ задать,
Круговой не забывать.
А захочетъ онъ сдвоить
Надо круговой ужъ брать
И простой не забывать
Будетъ низко посылатъ
Внизъ къ себѣ и не зѣвать
Руку выше удержать.
Въ заключеніе сказать,
Какъ другаго обучать:
Знай всегда какъ отвѣчать
И старайся замѣчать
Какъ ошибки исправлять,
Не серчать и не ворчать,
Разъ хоть двадцать повторять
Да успѣха ожидать.

Сообщено П. Я. Дашковымъ.

С М Ъ С Ъ.

А **ВА ДУХОВНЫХЪ** юбилей. Прошлый годъ былъ особенно богатъ юбилеями. Занося на страницы нашего изданія описаніе тѣхъ юбилеевъ, которые имѣли историческое значеніе, мы не успѣли еще упомянуть о двухъ важныхъ годовщинахъ, хотя и не сопровождавшихся празднованіемъ и торжествами. Въ послѣднихъ числахъ декабря исполнилось пятьсотъ лѣтъ со времени открытія епископской каѳедры въ Перми. Исторія этой каѳедры въ то же время и исторія мирнаго утвержденія вліянія московскаго государства въ Соль-Вычегодскомъ краѣ, населенномъ зырянами, прежними данниками Новгорода. Изъ этого края московское вліяніе и московская власть постепенно охватили и весь сѣверо-восточный край Россіи, до поселеній вогуловъ и остяковъ. Учрежденіе пермской каѳедры неразрывно связано съ именемъ Стефана Пермскаго. Стефанъ родился въ г. Устюгѣ, между 1335—1340 годами. Способность къ ученію и нравственныя качества отличали его съ младенчества; когда же, въ 1365 г., поступилъ онъ монахомъ въ ростовскій монастырь Григорія Богослова, иначе называемый «Затворъ», то обратилъ на себя подвижническою жизнью всеобщее вниманіе. Въ это время онъ началъ уже подготавливаться къ апостольской дѣятельности въ Перми: научился пермскому языку, изобрѣлъ пермскій алфавитъ и перевелъ русскія священныя книги на языкъ пермскій, для чего основательно изучилъ и греческій языкъ. Въ 1379 году, Стефанъ, получивъ отъ коломенскаго епископа Герасима благословеніе на проповѣдь ученія Христа въ средѣ вычегодскихъ зырянъ, отправился къ нимъ и проповѣдывалъ четыре года въ краѣ съ полнымъ успѣхомъ, преодолевая козни язычниковъ, уничтожая кумиры и распространяя вновь переведенныя (прежнія сгорѣли во время пожара въ Ростовѣ) на пермскій языкъ священныя книги. Въ концѣ 1383 года, когда паства Стефана дошла до семисотъ человекъ, она убѣдила его отправиться въ Москву, просить себѣ епископа. Митрополитъ же Пимень, вмѣстѣ съ великимъ княземъ Димитріемъ Донскимъ, рѣшили сдѣлать Стефана епископомъ Пермскимъ. Отъ этого вліяніе Москвы проникло на весь сѣверо-востокъ Россіи: двинская, вятская земли, вскорѣ послѣ кончины Стефана, 26 апрѣля 1396 года, присоединились къ московскому великому княжеству. За свою апостольскую дѣятельность

въ Перми, Стефанъ признанъ святымъ. Мощи его лежатъ въ Московскомъ Кремлѣ, въ церкви Спаса на Бору. Русская исторія сохранила о немъ память, какъ о великомъ подвижникѣ русской церкви, какъ объ одномъ изъ собирателей русской земли.

— Другой, трехсотлѣтній юбилей также просвѣтителя полудикихъ ино-родцевъ, преподобнаго Трифона, исполнился 15 декабря, въ день его кончины въ 1583 году. Онъ извѣстенъ какъ пастырь лопарей и основатель Печенгскаго монастыря въ Архангельской губерніи, Кольскаго уѣзда. Этотъ монастырь находился въ Печенгской губѣ Сѣвернаго океана, подъ 69¹/₂° с. ш. и въ XVI столѣтіи производилъ значительную морскую торговлю. Трифонъ, основатель монастыря, родился въ 1485 году въ предѣлахъ Новгородской губерніи, близъ города Торжка, а умеръ въ основанномъ имъ монастырѣ, гдѣ почитается въ настоящее время, въ приходской церкви, находящейся на мѣстѣ бывшаго монастыря. Въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ онъ удалился въ поморье Сѣвернаго океана, на рѣку Печеру, гдѣ обитало племя язычниковъ лопарей. Тогда во всей странѣ, занимавшей площадь въ 500 верстъ въ длину и почти столько же въ ширину, только въ городѣ Колѣ была часовня, церковей же нигдѣ не было. Не мало лѣтъ трудился Трифонъ на берегахъ рѣкъ Печенги и Позрѣлки, проповѣдуя и обращая лопарей въ христіанство. Обитель Трифона сдѣлалась главнымъ разсадникомъ просвѣщенія на далекомъ сѣверѣ. Иванъ Грозный далъ особую грамоту Трифону на владѣніе окрестными землями и водами. Грамота эта найдена только теперь; она помѣчена 1566 годомъ. Трифонъ основалъ въ Варангерскомъ поморьѣ и на Мурманѣ рыболовство, звѣроловство, ловлю устрицъ, соляныя варницы, лѣсные дворы, мельницы, разные заводы и промышленныя суда. Вслѣдствіе этого, стали приходить въ Печенгскую гавань иностранныя корабли съ товарами, которые получались въ обмѣнъ производства монастырскихъ промысловъ. Кромѣ иноковъ, обывателей, слугъ и дѣтей, въ монастырѣ жили лопари, мельники, разные мастера и звѣроловы. Монастырскія ладьи грузились въ варангерскихъ гаваняхъ не только произведеніями домашнихъ промысловъ, но и нѣмецкими товарами, получаемыми на печенгскомъ торжкѣ, и торговали въ датскихъ заливахъ и далѣе. Монастырская экономія отпускала ежегодно во внутрь Россіи до 40 тысячъ пудовъ соли. Сбытъ товаровъ производился во всѣхъ попутныхъ городахъ, начиная съ Архангельска до Вологды и Ярославля. Нѣкоторые грузы достигали даже Москвы. Такія операціи монастыря потребовали устройства складовъ на всѣхъ главныхъ пунктахъ торговаго пути. Но быстрое развитіе русскаго торговаго мореходства на сѣверѣ не нравилось шведамъ и норвежцамъ. Въ 1590 году, т. е. черезъ 7 лѣтъ по смерти Трифона, въ день Рождества Христова, шведы и норвежцы напали на обитель и избили въ ней молящихся: 51 человекъ братіи, 65 послушниковъ, всего 116 человекъ были изрублены, а самый монастырь сожженъ. Въ 1617 году, при заключеніи столбовскаго мира, шведы успѣли завладѣть русскими землями и захватили земли, пожалованныя печенгскому монастырю. Въ 1826 году, въ мирное время, тамъ отмежеваны были имъ наши лучшіе, не замерзающіе заливы: Невденскій, Позрѣцкій и Ровдинскій, съ окрестными землями, на которыхъ жили православные лопари. Въ 1844 году вся эта земля окончательно уступлена Швеціи. Въ настоящее время возникла мысль возстановить Печенгскій монастырь. Съ этою цѣлью въ Архангельскѣ образовался комитетъ, который дѣятельно работаетъ по этому вопросу.

Памятникъ Пушкину въ Кишиневѣ. Въ этомъ городѣ, еще въ концѣ прошлаго года, проеиходила установка бюста А. С. Пушкина въ городскомъ саду. На площадкѣ, на которую ведутъ три гранитныя ступеньки, установлена высокая колонна изъ отшлифованнаго темнаго гранита, и на ней красуется бюстъ великаго поэта, изображеннаго съ обнаженною головою и съ накинутымъ на плечи плащемъ. На лицевой сторонѣ колонны, обращенной внутрь сада, надпись золотыми буквами:

« П У Ш К И Н У

26 мая 1884 года».

На противоположной сторонѣ надпись:

«Здѣсь, лирой сѣверной пустыни оглашая, скитался я...

«1820, 1821, 1822, 1823».

Послѣ установки, бюстъ былъ закрытъ краснымъ сукномъ, такъ какъ открытіе откладывается до дня годовщины рожденія великаго поэта—26 мая 1884 года; до того же времени, памятникъ будетъ закрытъ деревяннымъ балаганомъ.

Новооткрытая драма XVIII вѣка. Въ послѣднемъ засѣданіи Общества любителей древней письменности, И. В. Помяловскій сдѣлалъ сообщеніе о рукописи принесенной въ даръ обществу М. П. Петровскимъ. По словамъ г. Помяловскаго, эта рукопись относится къ концу XVII или началу XVIII столѣтія; она представляетъ интересный образчикъ латино-польскихъ драмъ того времени. На первомъ листѣ рукописи написано заглавіе пьесы: *Bela, Russiae principis aetabilissimus*. Изъ самаго же текста видно, что Бела, играющій въ драмѣ главную роль, князь венгерскій, сынъ Ладислава и двоюродный внукъ царя Стефана. Общая канва содержанія вьета изъ разсказа Длугоша, 1032 года, о помощи, которую оказали Польшѣ въ походѣ на поморянъ три венгерскія царевича—Бела, Андрей и Леванта. По своей формѣ, пьеса представляетъ драму, написанную согласно всѣмъ требованіямъ теории, и изложенную довольно плавною латинскою рѣчью, соблюдающею правила просодіи и метрики. Особенность этой рѣчи—ея шаблонность; того, что называется стилемъ, у автора не замѣтно и его языкъ очевидно, для него мертвый, усвоенный имъ теоретически. Не смотря на поиски, не удалось розыскать имени автора пьесы и того, издана она или нѣтъ.

Памятникъ великой княгини Александрѣ Павловнѣ. Въ десяти верстахъ отъ Буда-Пешта, по старой вѣнской дорогѣ, среди отлогихъ возвышенностей, покрытыхъ виноградниками, раскинулась небольшая деревушка Иромъ, мѣсто погребенія великой княгини Александры Павловны, бывшей палатини венгерской. Эта деревушка принадлежитъ эрцгерцогу Іосифу, сыну покойнаго палатина Іосифа, бывшаго супругомъ великой княгини. Живописное положеніе этой мѣстности очень нравилось покойной палатинѣ и она думала устроить здѣсь лѣтнюю резиденцію. При вѣздѣ въ деревушку, среди неважливаго садика, устроенъ императорскій надгробный храмъ, прочно сложенный изъ цѣльныхъ поколей мѣстной каменоломни. Снаружи онъ имѣетъ видъ продолговатаго четырех-угольника, а внутри форму правильнаго овала, съ невысокимъ сводомъ. Подъ поломъ находится склепъ, въ которомъ на каменномъ пьедесталѣ поставленъ гробъ съ останками великой княгини, съ бархатнымъ покровомъ. На восточной сторонѣ склепа крестъ, съ надписью: «Во имя пресвятыя, животворящія и нераздѣльной Троицы водрузился сей св. крестъ, по благоизволенію его императорскаго величества благочестивѣйшаго императора всероссійскаго Александра I, по благоудному обѣту и горячѣйшей любви его императорскаго высочества венгерскаго палатина Іосифа къ блаженной и вѣчно-достойной памяти своей вселюбивѣйшей супругѣ, ея императорскому высочеству великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ, эрцгерцогинѣ австрійской, на созиданіе православной греко-россійской церкви, во имя св. и праведнаго Іосифа и св. мученицы царицы Александры, въ которой гробъ ея высочества долженствуетъ препочить навсегда. Священный сей обрядъ совершалъ 1801 года, м. іюня 19 дня, въ присутствіи его превосходительства г. камергера и кавалера Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола, отправляющаго должность россійскаго министра при императорскомъ вѣнскомъ дворѣ, духовникъ Андрей Самборскій. Первый четверугольный средо-

стѣнный камень въ христіанскомъ единодушїи положили: превосходительный г. Муравьевъ-Апостоль, г. обергофмейстеръ сїятельный графъ Сапари и пречестный препозитъ оберъ-духовникъ придворный А. Самборскій». Гробъ съ останками великой княгини перенесенъ сюда только въ 1803 году. Въ 1838 году, храмъ обновленъ, украшенъ и вновь освященъ. Въ 1879 году, по повелѣнію эрцгерцога Іосифа, снова совершенно обновленіе иромскаго храма: онъ былъ ремонтированъ и выкрашенъ. Но не смотря на это, скоро оказалось необходимымъ полное и всестороннее его обновленіе, и въ прошломъ году, когда исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія покойной великой княгини, настоятель иромскаго храма ходатайствовалъ въ Петербургѣ о необходимости обновленія императорскаго надгробнаго храма ко дню юбилейнаго поминовенія почивающей въ немъ великой княгини. Его Величество пожертвовалъ для иромскаго храма новый иконостасъ въ рѣзной дубовой рамкѣ, церковныя облаченія и другіе предметы церковной утвари. Эрцгерцогъ Іосифъ обѣщаль лично присутствовать при торжествѣ возобновленія храма, но обстоятельства помѣшали этому. Ко дню столѣтней годовщины прибылъ изъ Штутгарта протоіерей Базаровъ, члены русскаго посольства въ Вѣнѣ и генеральнаго консульства въ Буда-Пештѣ. Масса народа окружала храмъ, за немѣнѣемъ достаточнаго мѣста внутри его. Православные сербы изъ ближайшихъ деревень вереницею стремились къ церкви. Былъ приглашенъ хоръ пѣвчихъ сербской православной церкви въ Буда-Пештѣ. Этимъ обновленіемъ иромской церкви благолѣпіе ея обезпечено на многія десятилѣтія. При иромскомъ храмѣ, въ періодъ его 82-лѣтняго существованія, было 11 настоятелей. Продолжительнѣе всѣхъ (около 20 лѣтъ) служилъ здѣсь протоіерей Войтковскій, нынѣшній профессоръ новороссійскаго университета. Въ церковной оградѣ на правой сторонѣ, за тотъ же періодъ времени, успѣло образоваться и русское кладбище. Здѣсь погребены: протоіерей, іеромонахъ, священники, псаломщики, діаконъ, прослужившій здѣсь около 33 лѣтъ, и нѣсколько членовъ семействъ священниковъ и церковнослужителей.

Столѣтіе Мраморнаго дворца. Екатерина II воздвигнула этотъ дворецъ для графа Григорія Григорьевича Орлова. Тринадцать лѣтъ продолжалась постройка Мраморнаго дворца по проекту архитектора Гваренги, пока, наконецъ, не была окончена въ 1783 году. Но графъ Орловъ не дожидъ до той минуты, когда принялъ бы этотъ высочайшій подарокъ, на которомъ, по повелѣнію императрицы, была выбита надпись: «Зданіе благодарности», и умеръ не переѣхавъ во дворецъ. Впослѣдствіи, Екатерина Великая купила этотъ домъ у наследниковъ Орлова и передала его въ казну. Григорій Орловъ, какъ извѣстно, оказалъ дѣятельное содѣйствіе вступленію на престолъ Екатерины II и былъ самымъ приближеннымъ къ ней лицомъ. За пожалованный дворецъ Орловъ поднесъ императрицѣ знаменитый брилліантъ, которымъ украшенъ императорскій скипетръ. Кромѣ того, Орловъ, въ благодарность за полученный подарокъ, выстроилъ на свой счетъ въ Петербургѣ арсеналь, то зданіе, въ которомъ въ настоящее время находятся судебныя мѣста. Мраморный дворецъ остается до настоящаго времени единственнымъ въ своемъ родѣ зданіемъ; въ немъ, кромѣ штучныхъ половъ и дверей, все прочее сдѣлано изъ мрамора, бронзы и желѣза, а кровли обиты мѣдными листами. Нижній этажъ его весь облицованъ тесанымъ дикимъ камнемъ, а верхніе два—полированнымъ разноцвѣтнымъ финляндскимъ и сибирскимъ мраморомъ, изъ котораго сдѣланы и карнизы. Во всѣхъ окнахъ вставлены были, тогда составлявшія большую рѣдкость, зеркальныя стекла въ бронзовыхъ вызолоченныхъ рамахъ; такія-же рѣшетки были сдѣланы и на большихъ балконахъ. Карнизы украшены вазами, урнами и другими мраморными фигурами. Внутреннее убранство комнатъ отличалось роскошью, богатствомъ и разнообразіемъ предметовъ, особенно въ среднемъ этажѣ; превосходная живопись, роскошныя драпировки оконъ, отдѣлка стѣнъ, вмѣсто обоевъ, паль-

мовыми барельефами, лапис-лазурью и яшмою, мебель, роскошно вышитая шелками и гарусомъ, дорогія вазы, громадныя зеркала, восточныя ванны и множество другихъ предметовъ изумляли посѣтителя. Изъ новыхъ украшеній дворца, заслуживаетъ вниманія оружейная, устроенная въ бывшемъ концертномъ залѣ, гдѣ было собрано множество достопримѣчательныхъ рѣдкостей; кромѣ того, богатая коллекція картинъ и библіотека, собранная въ царствованіе Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны барономъ Корфомъ и купленная императрицей Екатериной для наслѣдника престола. При Николаѣ I дворецъ принадлежалъ цесаревичу Константину, а послѣ его кончины нѣкоторое время оставался пустымъ и большая часть мебели и вещей перенесены были въ другіе дворцы. Наконецъ, 1832 года, дворецъ назначенъ великому князю Константину Николаевичу и принятъ въ вѣдѣніе департамента удѣловъ. Во дворцѣ находится небольшая домовая церковь во имя Введенія во храмъ Богородицы; она помѣщается въ нижнемъ этажѣ, въ комнатѣ, имѣющей только три окна, обращенныхъ на набережную Невы. Находящіеся въ ней образа переданы сюда изъ комнатъ цесаревича Константина. Особенно обращаютъ на себя вниманіе два маленькихъ образа, писанные на яшмовыхъ доскахъ и представляющіе: Воздвиженіе Креста и князя Владиміра и Ольгу; затѣмъ запрестольный образъ страданій Спасителя, снятіе со креста и образъ Божіей Матери, мозаичной работы. Рядомъ съ дворцомъ находится большой флигель, отдѣленный отъ него площадью въ 25 сажень длины, обнесенный желѣзною рѣшеткой на гранитномъ фундаментѣ. Въ немъ находится манежъ, службы и квартиры служащихъ при дворцѣ.

Четырехсотлѣтняя годовщина Цвингли. Вся протестантская Швейцарія отпраздновала съ большою торжественностью четырехсотлѣтнюю годовщину рожденія Цвингли. Во всѣхъ церквахъ говорились на эту тему проповѣди, читались рѣчи для взрослыхъ и дѣтей, пѣлись религиозныя и національныя пѣсни, а также пѣсни, сочиненныя и переложенныя на музыку самими Цвингли. Особенно выдавалось празднество у «камня Цвингли», близъ Каппеля, гдѣ Цвингли умеръ геройскою смертью въ борьбѣ за свое дѣло. Въ Цюрихѣ празднество происходило въ концертной залѣ. Академическое празднество состоялось въ залѣ университета, гдѣ Швейцерь произнесъ рѣчь, въ которой провѣлъ параллель между Лютеромъ и Цвингли. Изъ Германіи, Нидерландовъ и Шотландіи присланы поздравленія. Во всѣхъ проповѣдяхъ и рефератахъ Цвингли выставляется не только реформаторомъ, организовавшимъ церковь на демократическомъ основаніи, но также великимъ патриотомъ и государственнымъ мужемъ, идеаломъ котораго было сильное союзное государство. Менѣе счастливый чѣмъ Лютеръ, Цвингли не прославился подобно ему, хотя превосходилъ реформатора логической послѣдовательностью ученія. Правда, дѣятельность его была непродолжительна и условія, при которыхъ проявлялась она, были другія, но теоретическая часть его ученія гораздо систематичнѣе. На поприще проповѣдника Цвингли выступилъ въ 1506 году, по окончаніи ученія въ Бернѣ, Базелѣ и въ вѣнскомъ университетѣ, курсъ котораго далеко не удовлетворилъ его; по возвращеніи въ отечество, молодой ученый основательно изучилъ греческій языкъ и творенія гуманистовъ, продолжая заниматься изслѣдованіемъ священнаго писанія по греческому тексту. Въ 1512 и 1515 годахъ, онъ сдѣлалъ два похода съ наемными швейцарцами въ качествѣ полкового священника. Проповѣди Цвингли въ это время были полны скорби и гнѣва. Въ 1516 году, Цвингли былъ священникомъ въ аббатствѣ Эйнзидельскомъ. Здѣсь началась его реформатская дѣятельность: онъ прямо говорилъ многочисленнымъ пилигримамъ, что прощенье грѣховъ достигается не паломничествомъ и обѣтами, а исправленіемъ жизни и покаяніемъ, причѣмъ совѣтовалъ призывать въ часъ смерти только Христа. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ въ частныхъ разговорахъ съ сановниками церкви и въ письмахъ къ нимъ высказывалъ мысли о неотложности цер-

ковной реформы, но видя безуспѣшность своихъ усилій, открылъ въ 1519 году кампанію противъ католицизма рядомъ проповѣдей въ Цюрихѣ, въ которыхъ говорилъ не только противъ суевѣрія, лицемерія, упадка нравственности и злоупотребленій церкви, но и противъ разврата, жалуясь на упадокъ швейцарской чести. Римская курія была особенно недовольна тѣмъ, что Цвингли отговаривалъ швейцарцевъ отъ поступленія въ службу папы. Папскій легатъ возбудилъ противъ него гоненіе, но цюрихскій совѣтъ отстоялъ проповѣдника, объявивъ, что всѣ духовныя лица имѣютъ право разъяснять евангеліе согласно съ духомъ священнаго писанія. Ободренный Цвингли сталъ проповѣдовать противъ обязательности постовъ и безбрачія духовенства и наконецъ предложилъ публичный диспутъ своимъ противникамъ, выставивъ 67 тезисовъ, сущность которыхъ заключается въ томъ, что они исключаютъ изъ области церковнаго устройства и религіи все, что не можетъ быть доказано на основаніи священнаго писанія. Противники Цвингли были поражены на этомъ диспутѣ и цюрихскій совѣтъ предоставилъ какъ побѣдителю, такъ и другимъ духовнымъ, право свободы проповѣди. Такимъ образомъ въ богослуженіе былъ введенъ отечественный языкъ вмѣсто латинскаго, доходы монастырей обращены на дѣло народнаго образованія; безбрачіе духовенства отмѣнено и причащеніе признано подъ обоими видами. Ученіе это вскорѣ распространилось среди крестьянскаго населенія кантоновъ. Между тѣмъ Цвингли готовилъ новый ударъ: онъ желалъ придать большимъ кантонамъ значеніе, соотвѣтствующее ихъ пространству, богатству и населенію. Эта часть программы реформатора и была главною причиною ненависти католическихъ и древнихъ кантоновъ, которые наконецъ восторжествовали, съ одной стороны потому, что союзники Цюриха дѣйствовали робко и неединодушно, а съ другой потому, что Германія не дала ему помощи, такъ какъ Лютеръ, разойдясь окончательно съ швейцарскимъ реформаторомъ на марбургскихъ засѣданіяхъ, былъ противъ него. Цвингли палъ съ оружіемъ въ рукахъ въ сраженіи при Каппелѣ въ 1531 году. Обстоятельства помѣшали ему довести свою реформу до конца.

† Въ Одессѣ умеръ, на 58-мъ году, талантливый русскій публицистъ **Ростиславъ Андреевичъ Фадѣевъ**. Служебная карьера его не блестяща. Произведенный въ офицеры, въ 1842 году, онъ въ 1864 году былъ генераломъ, но военными подвигами не прославился. Воевалъ онъ всю жизнь на бумагѣ — и на попріищѣ публициста кампанія его были весьма замѣчательны, хотя онъ сражался за дѣло, которому не сочувствовало общественное мнѣніе. Во время послѣдней кавказской войны онъ былъ близкимъ лицомъ къ князю Барятинскому и его «Письма о Кавказѣ», большой трудъ «Вооруженныя силы Россіи» и разныя военныя статьи обратили на него вниманіе какъ по содержанию, доказывавшему глубокое знаніе авторомъ военнаго дѣла, такъ и по блестящему слогу, какимъ онъ были изложены. Но не эти спеціальныя статьи доставили ему извѣстность здѣсь и за-границей. Въ газетѣ «Русскій Міръ», 1874 года, издававшейся его сподвижникомъ, г. Черняевымъ, появился, подъ названіемъ «Чѣмъ намъ быть», рядъ статей, возбудившихъ вниманіе всей читающей и мыслящей публики. На вопросъ, поставленный въ заголовкѣ своихъ статей, авторъ почти прямо отвѣчалъ: намъ, то-есть представителямъ интеллигенціи общества, надо быть — консерваторами, ландлордами, крупными землевладѣльцами, всѣмъ остальнымъ — фермерами, арендаторами, батраками. Этому мнѣнію, высказанному категорически, защищаемому съ горячностью и несомнѣннымъ діалектическимъ талантомъ, Фадѣевъ остался вѣренъ всю свою жизнь, былъ Демосѣеномъ, Баяномъ, консервативной партіи, поддерживалъ ее всею силою своего краснорѣчія, всѣми мѣрами пропагандировалъ ея ученіе. Переработавъ свою статью въ книгу, изданную подъ названіемъ «Русское общество въ настоящемъ и будущемъ», онъ, въ виду возрожденія своей партіи, издалъ за-границей, въ 1881 году, «Письма о со-

временномъ состояніи Россіи», гдѣ тѣ же идеи проводятся съ болѣе рѣзкою аргументаціей, съ неменѣе блестящею діалектикой. Эти замѣчательныя качества его труда особенно выдаются въ критической части его сочиненія. Рѣдко кому удавалось такими рѣзкими и, вмѣстѣ съ тѣмъ, правдивыми чертами отмѣчать темныя стороны нашего общества, обнаружить его грѣхи, ошибки, заблужденія. Въ этомъ отношеніи трудно было возражать даровитому обличителю общественныхъ язвъ, но какъ только онъ начиналъ предполагать средства для излеченія этихъ язвъ: соединеніе въ рукахъ немногихъ избранныхъ аристократовъ—владѣнія земельными богатствами Россіи, просвѣщеніе — только для привилегированныхъ классовъ, обатраченіе крестьянъ, систему ландлордства — здравый смыслъ истинно русскихъ людей отворачивался и отъ цѣлителя язвъ и отъ предлагаемаго имъ лекарства. Хотя книга Фадѣева разрѣшена была къ обращенію, но на нее отвѣчали также за-границей — Ю. О. Самаринъ и О. М. Дмитріевъ. Первый особенно мѣтко назвалъ программу Фадѣева и его партіи «революціоннымъ консерватизмомъ», обращеннымъ «въ стѣнобитное орудіе противъ свободы живого духа». Возраженія, хотя и славянофильскихъ публицистовъ, разрушили въ концѣ систему консерваторовъ, оставшихся недовольными Фадѣевымъ за то, что онъ слишкомъ открыто и прямо разоблачилъ всю теорію партіи, всѣ ея тайныя надежды и замыслы. Въ послѣднее время Фадѣевъ какъ-то ступевался и опустился. Онъ умеръ ничего не достигнувъ какъ ничего не достигъ и прежде въ Сербіи и даже въ Египтѣ, куда также отправлялся неизвѣстно зачѣмъ, можетъ быть не довольный тѣмъ, что на родинѣ заслугамъ его не отдають должной справедливости. Во всякомъ случаѣ, это былъ замѣчательный публицистъ, направленію котораго нельзя было сочувствовать, но въ которомъ нельзя было не признать крупнаго дарованія.

† Въ клиникѣ Боткина отъ грудной болѣзни умеръ 37-ми лѣтъ, поэтъ и критикъ **Дмитрій Николаевичъ Садовниковъ**. Родился онъ въ Симбирскѣ и получилъ образованіе въ симбирской-же гимназіи, но не кончилъ курса и получилъ только дипломъ домашняго учителя. Впрочемъ, съ 23-хъ лѣтъ онъ уже не занимался уроками. Чрезвычайно способный и трудолюбивый, онъ собственными силами наверсталъ пробѣлы въ своемъ образованіи. Онъ свободно читалъ по-французски, по-итальянски, по-англійски, менѣе свободно по нѣмецки, и отличался основательнымъ знакомствомъ съ произведеніями лучшихъ представителей англійской и французской поэзіи и литературы, и большою начитанностью. Литературою онъ началъ заниматься десять лѣтъ тому назадъ, въ качествѣ лирическаго поэта. Его пѣсни о Стенькѣ Разинѣ,—основанныя на народныхъ преданіяхъ, собранныхъ имъ на мѣстѣ, — на Волгѣ, которую онъ горячо любилъ, одни изъ лучшихъ его произведеній. Кромѣ того, онъ былъ блестящимъ переводчикомъ поэтическихъ произведеній. Стихотворенія Д. Садовникова разбросаны во множествѣ нашихъ современныхъ изданій (болѣе, чѣмъ въ 35)—и въ толстыхъ журналахъ, и въ иллюстрированныхъ листкахъ. Лучшія помѣщены въ «Вѣстникѣ Европы», «Еженедѣльномъ Новомъ Времени», «Литературномъ журналѣ» (подъ псевдонимомъ Жанпрістъ). Въ декабрьской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за 1883 годъ онъ помѣстилъ прекрасный трудъ «Отзывы современниковъ о Пушкинѣ». Съ прошлаго года, онъ началъ вести литературно-критическій отдѣлъ во вновь родившемся журналѣ «Искусство». Здѣсь, подъ псевдонимомъ Д. Волжанова, онъ напечаталъ рядъ удачныхъ критическихъ этюдовъ о современныхъ нашихъ поэтахъ. Сверхъ того, онъ былъ ревностнымъ собирателемъ народныхъ сказокъ, пѣсенъ, пословицъ и проч. Большой томъ его сборника скоро выйдеть въ печати, въ «Запискахъ» императорскаго русскаго географическаго общества. Смерть застала его, когда онъ уже кончилъ корректуру послѣднихъ листовъ этого сборника. Близжайшею своею задачею, онъ считалъ работу надъ этюдами о Тургеневѣ и воспоминаніями о немъ, назначавшимися

для «Искусства» и печатаніе переписки покойнаго поэта Языкова, отысканной имъ въ Симбирскѣ, а также составленіе его біографіи. Послѣ его смерти весь этотъ цѣнный матеріалъ находится въ рукахъ Я. П. Полонскаго, которому Д. Н. Садовниковъ передалъ его на храненіе.

† 26-го декабря умеръ отъ разрыва сердца другой даровитый поэтъ **Иннокентій Васильевичъ Федоровъ**, писавшій подъ псевдонимомъ **Омулевскій**. Умеръ онъ 47-ми лѣтъ, оставивъ жену и трехъ маленькихъ дѣтей — 5, 3 и 1 года. На литературное поприще Омулевскій выступилъ въ 1861 году въ «Современникѣ», гдѣ печатались его мелкія стихотворенія; затѣмъ сотрудничалъ долгое время въ «Русскомъ Словѣ» и потомъ въ «Дѣлѣ»; въ послѣднемъ журналѣ былъ помѣщенъ его замѣчательный романъ «Шагъ за шагомъ». Кромѣ того, онъ помѣщалъ свои стихотворенія, оригинальныя и переводныя, въ «Искрѣ» и другихъ изданіяхъ, а въ послѣднее время — въ «Восточномъ Обзорѣннѣ» и «Наблюдателѣ». Литературная дѣятельность Омулевскаго, посвященная, въ послѣднее время, исключительно поэзії, не могла, конечно, давать ея автору достаточныхъ средствъ къ жизни, поэтому онъ и его семья вынуждены были проживать среди постоянныхъ лишеній и бѣдности. Эта бѣдность доходила до того, что покойный не имѣлъ возможности, въ послѣдніе мѣсяцы жизни, выйдти изъ квартиры: все его носильное платье было заложено и продано. Нѣсколько недѣль назадъ, по вызванію въ 90 руб., явился въ квартиру Омулевскаго судебный приставъ для описи имущества и описалъ все, что только было въ убогихъ двухъ комнаткахъ этой квартиры. Оказалось, что все имущество, принадлежащее покойному, стоитъ только шесть рублей. Когда онъ умеръ, не нашлось бѣлья, въ которое можно было бы одѣть его. Такъ умеръ даровитый писатель, проработавшій двадцать три года. Его стихотворенія—«Пѣсни жизни» вышли въ свѣтъ въ октябрѣ 1883 года, въ нихъ собраны стихотворныя произведенія поэта—оригиналы и переводы. Книга эта успѣха не имѣла. Романъ же его «Шагъ за шагомъ», разъ изданный и давно уже разошедшійся въ продажѣ, не могъ быть изданъ вновь — по обстоятельству, независящимъ отъ автора и отъ его издателя, г. Иванова. Покойный никому и никогда не жаловался на свое бѣдственное положеніе и даже тщательно всегда скрывалъ это положеніе отъ людей близкихъ. Федоровъ былъ сибирякъ, родился въ Камчаткѣ, въ петропавловскомъ портѣ, учился въ Иркутскѣ и, пріѣхавъ въ Петербургъ, сразу вступилъ на литературное поприще. Онъ былъ, въ особенности, хорошимъ переводчикъ и ему литература обязана превосходными переводами изъ «Сырокомли».

† Въ Ревелѣ скончался членъ мѣстной таможни, баронъ **Михаилъ Осиповичъ Косинскій**. Это былъ честнѣйшій труженикъ, въ лучшемъ значеніи этого слова. Дѣлать добро составляло для него высшее наслажденіе. Собственно служебная карьера, въ которой его застигла смерть, была случайнымъ событіемъ въ его жизни. По призванію, по дѣятельности всей жизни, онъ былъ истиннымъ педагогомъ. Окончивъ курсъ наукъ въ военной инженерной академіи, въ 1850 году, онъ вскорѣ же вышелъ въ отставку и занялъ мѣсто учителя географіи въ Смольномъ институтѣ. Еще бывши въ академіи основалъ онъ первую въ Петербургѣ «таврическую школу бесплатнаго обученія», и сталъ въ ней однимъ изъ главныхъ дѣятелей. Эта школа послужила первообразомъ для учрежденнаго при вольно-экономическомъ обществѣ комитета грамотности, и тутъ Косинскій, съ обычною ему горячностью и сердечностью, служилъ задачамъ этого комитета, между прочимъ, усердно занимаясь въ состоявшейся тогда при комитетѣ, первой на Руси, школѣ сельскихъ учительницъ. Въ 60-хъ же годахъ, Косинскій былъ инспекторомъ андреевскихъ педагогическихъ курсовъ, положившихъ начало первой земской учительской семинаріи. Въ дѣлѣ народнаго учительства, имя Косинскаго приобрѣло авторитетъ, и новгородская земская управа пригласила его къ организаціи учительской семинаріи; дѣлу этому онъ предался съ такимъ самоотверженіемъ,

что, благодаря его умѣлому руководительству, въ Новгородской губерніи, въ короткій срокъ, возникъ значительный контингентъ хорошо подготовленныхъ сельскихъ учителей. При новомъ составѣ земской управы, дѣятельность Косинскаго, не чуждая нѣкоторыхъ увлеченій педагогическаго свойства, подверглась осужденію и ему пришлось, по неволѣ, разстаться съ дѣломъ, къ которому такъ лежало его, отзывчивое къ пользѣ и добру, сердце. Возвратившись въ Петербургъ, онъ поступилъ воспитателемъ малолѣтнихъ преступниковъ, содержавшихся въ тюремномъ замкѣ, и на столько привлекъ къ себѣ персоналъ комитета, что былъ утвержденъ директоромъ, а потомъ былъ избранъ предсѣдателемъ исправительнаго совѣта въ замкѣ. Въ этомъ званіи, открывавшемъ ему большій просторъ для плодотворной дѣятельности, онъ съ замѣчательною энергіей и настойчивостью заботился объ улучшеніи тюремныхъ порядковъ, съ любовью интересовался судьбою малолѣтнихъ преступниковъ, какъ во время ихъ заключенія, такъ равно и по истеченіи срока ихъ судебной кары. Въ этотъ періодъ онъ не зналъ ни отдыха, не останавливался ни передъ какими трудностями, когда дѣло касалось облегченія участи несчастныхъ мальчиковъ. Но судьба опять разрушила всѣ стремленія покойнаго: столкновение съ тюремною администраціею вынудило его внезапно покинуть и педагогическую, и благотворительную дѣятельность. Онъ поступилъ для поправленія здоровья на государственную службу по таможенному вѣдомству въ провинцію и, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы на пограничныхъ таможахъ въ Александровѣ и Вержоловѣ, былъ назначенъ, два года тому назадъ, членомъ эстляндской таможи. По своей высокой честности, мягкому, доброму нраву, приобрѣлъ онъ всеобщее уваженіе со стороны всего городского населенія. Не смотря на то, что служебныя обязанности поглощали много времени, онъ и въ Ревелѣ остался вѣренъ себѣ. Досуги свои онъ посвящалъ дѣлу благотворительности, работая въ мѣстныхъ пріютахъ, занимался преподаваніемъ, читалъ публичные лекціи, и «учительство» не переставало быть его излюбленнымъ занятіемъ. Покойный занимался также литературою вообще, и педагогическою, въ особенности, причемъ написалъ не мало прекрасныхъ статей. Онъ умеръ 48-ми лѣтъ, оставивъ послѣ себя, безъ всякихъ средствъ къ жизни, жену и восемь дѣтей, изъ которыхъ большинство малолѣтнихъ.

† Въ декабрѣ прошлаго года, въ посадѣ Клинцахъ, Черниговской губерніи, скончался извѣстный старообрядческій писатель, *Иларіонъ Егоровичъ Кабановъ*, по прованію Ксеносъ (странникъ). О кончинѣ его упоминала только одна газета; даже въ тѣхъ изданіяхъ, которыя пристально слѣдятъ за событіями изъ старообрядческаго міра, такое крупное событіе, какъ смерть сочинителя «Окружнаго посланія», пройдено молчаніемъ. А, между тѣмъ, «Окружное посланіе» такое важное по послѣдствіямъ и художественное по языку произведеніе, къ которому не можетъ быть равнодушенъ не только старообрядецъ любого согласія, но и никто изъ православныхъ, интересующихся духовнымъ разъединеніемъ русскихъ людей. Въ этомъ сочиненіи рукою старообрядца разъяснены многія особенности нашего обряда и вообще замѣчается, сравнительно, благопріятное настроеніе относительно православной церкви; съ его появленіемъ, та часть старообрядства, которая признаетъ такъ называемую австрійскую іерархію, раздѣлилась на два рѣзко противоположные и взаимно враждебные стана: окружниковъ и противокружниковъ. За это расположеніе къ православной церкви Кабановъ извѣдалъ не мало горя, былъ съ ожесточеніемъ гонимъ и принужденъ удалиться изъ Москвы. Долгое время онъ жилъ въ уединеніи и въ постоянныхъ умственныхъ трудахъ на глотовскихъ постоялыхъ дворахъ, въ Масальскомъ уѣздѣ, Калужской губерніи, потомъ переселился къ старообрядческой часовнѣ въ Калугѣ, и года за два до смерти отправился въ Клинцы, гдѣ умеръ и погребенъ въ старообрядческомъ монастырѣ. Человѣкъ искреннаго и сильнаго

ума, кроткаго и незлобиваго сердца, замѣчательныхъ дарованій, умеръ не примиренный съ церковью.

† Въ Нью-Йоркѣ внезапно скончался, отъ разрыва сердца, прїѣхавшій туда на свиданіе съ братомъ, вождь либеральной партіи въ парламентѣ германской имперіи, высоко-даровитый ораторъ и публицистъ **Эдуардъ Ласкеръ**. Этотъ выдающійся германскій дѣятель былъ сыномъ бѣднаго еврея, занимавшагося торговлею въ Яроцинѣ, въ Познанской провинціи. Онъ родился въ 1829 году и умеръ 54-хъ лѣтъ. Въ бреславскомъ университетѣ онъ слушалъ математическія и юридическія науки. Въ 1858 году переселился въ Берлинъ и поступилъ на службу по судебному вѣдомству; черезъ двѣнадцать лѣтъ вышелъ въ отставку, сдѣлался адвокатомъ и синдикомъ при судной казѣ. Берлинъ избралъ его, въ 1865 году, депутатомъ въ ландтагъ, гдѣ онъ обратилъ на себя вниманіе краснорѣчіемъ, пылкостью и діалектикой. Позднѣе, онъ былъ представителемъ Магдебурга и Франкфурга-на-Майнѣ въ палатѣ депутатовъ. Въ нынѣшнемъ рейхстагѣ онъ былъ представителемъ либеральнаго круга въ Заальфельдѣ. Онъ основалъ національно-литературную партію. Въ 1873 году, Ласкеръ произнесъ рѣчь противъ учредителей померанской центральной желѣзной дороги, послужившую сигналомъ къ борьбѣ съ «учредительскими» злоупотребленіями. Во всѣхъ конституціонныхъ вопросахъ онъ игралъ выдающуюся роль, и либеральное законодательство послѣднихъ лѣтъ носитъ печать его духа. Ласкеръ былъ самымъ виднымъ парламентскимъ дѣятелемъ Германіи. Въ теченіи цѣлаго двадцатилѣтія онъ принималъ самое живое участіе въ политической жизни Германіи. Всѣмъ своимъ существованіемъ онъ старался принести пользу политическому развитію Германіи. Его общественная жизнь началась въ началѣ шестидесятихъ годовъ, въ то время, какъ въ Пруссіи началась «новая эра» политической жизни. Его политическія воззрѣнія были изложены въ то время въ нѣсколькихъ газетахъ и обратили на себя всеобщее вниманіе. Когда начался періодъ столкновеній, онъ выступилъ политическимъ ораторомъ въ народныхъ собраніяхъ и разныхъ обществахъ и сдѣлался главою оппозиціи, съ самаго дня своего избранія, въ 1865 году, депутатомъ, до 1879 года; даже его противники признаютъ его дарованія, его краснорѣчіе, благородство его стремленій. Но и онъ дѣлалъ ошибки въ выборѣ средствъ, хотя всегда принадлежалъ къ прогрессивной партіи, энергично борющейся противъ неконституціонныхъ мѣръ министерства. Немудрено, что онъ никогда не пользовался сочувствіемъ Бисмарка. На ряду съ парламентскою дѣятельностью, Эдуардъ Ласкеръ трудился и на литературномъ поприщѣ. Его произведенія не всегда достигали уровня его краснорѣчія, въ особенности, когда онъ удалялся отъ политическихъ вопросовъ. Таково небольшое произведеніе, появившееся подъ псевдонимомъ: «*Erlebnisse einer Mannsseele*». Но нѣкоторыя изъ его статей о воспитаніи и философскія сочиненія, появившіяся въ газетахъ, заслуживаютъ вниманія. Ласкеръ всецѣло посвятилъ себя общественной жизни и при своей слабой комплекціи, подорвалъ свое здоровье непожѣрнымъ трудомъ. Онъ умеръ холостякомъ.

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Для памяти редакціи «Русскаго Архива».

Въ январской книжкѣ «Русскаго Архива, на 1884 годъ, подъ рубрикою «Забытыя стихотворенія», напечатана пѣсня: «Чѣмъ я западъ огорчила», безъ означенія имени автора и съ поправками, измѣняющими отчасти основную тему этой стихотворной шутки. Перепечатка ея въ газетахъ «Новое Время» (5-го января, № 2821) и «Свѣтъ» (6-го января, № 5), свидѣтель-

ствуетъ о вниманіи, которое обратила на себя въ нашей печати эта буквально старая погудка на новый ладъ. Причисляя ее къ стихотвореніямъ забытымъ, «Русскій Архивъ» можетъ быть и правъ, но заимствуя ее, безъ указанія, однакоже, на это, изъ «Русской Старины» (изд. 1880 г. Томъ XXVII, стр. 669—670), редакция могла бы вспомнить имя автора — покойнаго П. А. Каратыгина, не измѣняя произвольно его стихотворенія, не позволяя себѣ вариантовъ по собственному своему вкусу.

Въ «Русской Старинѣ» напечатано:

«У меня ли всякимъ шмерцамъ
«Не раздольное житье?
«О французахъ ужь ни слова».

Въ «Русскомъ Архивѣ»:

«О германцахъ ужь ни слова...»

Но наше простонародье этихъ-то самыхъ германцевъ и называетъ въ насмѣшку шмерцами, иначе, кого же другого разумѣть «Русскій Архивъ» подъ этимъ именемъ?

Далѣе, въ «Русской Старинѣ»:

«И куда ни плюнь — повсюду
«Или вѣмецъ, иль французъ!»

Въ «Русскомъ Архивѣ»:

«И куда ни глянь — повсюду
«Или вѣмецъ, иль кракусъ...»

Съ какой стати: «кракусъ» (ополченецъ польскихъ мятежниковъ 1831 года)? Если подъ этимъ именемъ «Русскій Архивъ» подразумѣваетъ поляковъ вообще, то, помимо исторической ошибки, дѣлаетъ несправедливую нападку. Поляки не садятся на головы русскимъ ни въ службѣ, ни въ ученой, ни въ промышленной сферахъ. Отношенія Россіи къ полякамъ, право, не таковы, чтобы къ нимъ можно было примѣнить предъидущія слова:

«Денегъ я имъ сыплю груды
«На награды не скуплюсь!»

О польской заграничной интригѣ въ пѣснѣ упоминается далѣе:

Въ «Русской Старинѣ»:

«А для нихъ, собакъ, все мало
«Только лаются всегда...»

Тутъ есть аналогія: «лаются, собаки», но «Русскій Архивъ» смягчаетъ рѣзкость выраженія:

«А для нихъ все мало, мало...»
(«Р. С.») «Этотъ Западъ, старый песъ?»
(«Р. А.») «Алчный Западъ, дряхлый песъ...»

Можетъ быть въ этомъ видѣ стихъ и выигрываетъ, но, по нашему крайнему разумѣнію, къ чужимъ, чѣмъ бы-то ни было, стихамъ, при ихъ печатаніи, не мѣшаетъ примѣнять слова Пилата: «Иже писахъ, писахъ!»

П. П. Каратыгинъ.

Къ некрологу В. В. Маркова.

Въ некрологѣ В. В. Маркова, напечатанномъ въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», ему ошибочно приписанъ историческій романъ «Курскіе порубежники». Авторъ этого романа — Владиславъ Львовичъ Марковъ, проживающій въ Курской губерніи, не состоялъ даже въ родствѣ съ покойнымъ В. В. Марковымъ.

Его спасло присутствіе духа егеря, который уговорилъ своего господина пробраться задними улицами ко дворцу брата его жены, Лоренцо Медичи.

Достигнувъ дворца, Вильгельмъ могъ считать себя въ безопасности, по крайней мѣрѣ, на нѣкоторое время. Слуги впустили его, зная, что онъ родственникъ ихъ господина и видя въ его появленіи доказательство, что онъ находится на сторонѣ Медичей. Лоренцо Медичи, раненый, былъ незадолго передъ этимъ перенесенъ во дворецъ, но когда туда же принесли трупъ убитаго Джуліано, волненіе народа достигло высшей степени.

Вѣсть о покушеніи съ быстротой молніи разнеслась по городу. Народъ, преданный семьѣ Медичи, съ яростью началъ преслѣдовать ихъ враговъ.

Флорентинцы розыскивали всѣхъ, кого подозрѣвали въ соучастіи или во враждѣ къ Лоренцо Медичи и самымъ безжалостнымъ образомъ расправлялись съ ними. Архіепископъ Пьетро Ріаріо, спрятавшійся въ алтарь во время страшной суматохи, которая поднялась въ соборѣ, все-таки не избѣгъ возмездія, такъ-же какъ и Франциско Пацци—его повѣсили рядомъ съ архіепископомъ подъ окнами дворца „Синьоріи“, т. е. верховнаго совѣта города.

Изъ всѣхъ членовъ семьи Пацци уцѣлѣлъ только Вильгельмъ, мужъ Бланки. Какъ только Бланка узнала о томъ, что случилось, она немедленно поспѣшила въ городъ къ своему брату. Бланка пользовалась расположеніемъ флорентинцевъ за свою доброту и поэтому, когда она пріѣхала въ городъ, то толпа на улицахъ не только не нанесла ей никакого оскорбленія, хотя она носила фамилію врага Медичей, но привѣтствовала ее радостными криками и отправилась вслѣдъ за нею ко дворцу Лоренцо, такъ что въѣздъ Бланки, сопровождаемой

толпой, напоминалъ настоящее триумфальное шествіе.

Ужасъ Бланки не имѣлъ границъ, когда она узнала подробности того, что случилось. Она тотчасъ бросилась къ своему раненому брату, который лежалъ въ постели, и горькими слезами оплакивала печальную участь убитаго младшаго брата. Ей удалось, хотя не безъ труда, убѣдить Лоренцо въ томъ, что ея мужъ не принималъ никакого участія въ заговорѣ. Лоренцо согласился оказать покровительство Вильгельму, который только въ его домѣ могъ считать себя въ безопасности. Однако, Бланка понимала, что пока неистовства толпы не прекратятся, до тѣхъ поръ мужу ея будетъ грозить опасность и поэтому она переживала тяжелые дни мучительнаго безпокойства. Но мало по малу спокойствіе во Флоренціи возстановилось, и Бланка, наконецъ, могла вернуться къ своимъ дѣтямъ и зажить снова прежней спокойной жизнью.

Г Л А В А II.

Дочь венеціанской республики.

Неудавшійся заговоръ еще больше укрѣпилъ положеніе Лоренцо Медичи, власть котораго во Флоренціи сдѣлалась послѣ этого неограниченной. Но честолюбіе его не было удовлетворено: ему хотѣлось прославить свое управленіе Флоренціей и доставить ей выдающееся мѣсто среди другихъ итальянскихъ городовъ. До этого времени правители Флоренціи заботились только о расширеніи и процвѣтаніи ея торговли, и она держалась въ сторонѣ отъ прочихъ итальянскихъ государствъ. Лоренцо рѣшилъ измѣнить это и завести сношенія съ сосѣдними владѣтельными итальянскими князьями. Съ этой цѣлью онъ обратился прежде всего къ неаполитанскому королю.

Однажды утромъ Лоренцо вошелъ въ комнату, гдѣ его жена Кларисса сидѣла у окна и любовалась видомъ, который разстилался передъ ея глазами.

— Посланный неаполитанскаго короля Фердинанда привезъ мнѣ только что пріятную вѣсть, — сказала онъ, — въ Неапольъ ждуть моего посѣщенія. Теперь все дѣло въ томъ, чтобы произвести на короля хорошее впечатлѣніе и угодить ему.

Кларисса съ восторгомъ и гордостью взглянула на мужа. Когда она обручилась съ Лоренцо Медичи, враги его въ Римѣ съ насмѣшкою говорили, что она выходитъ замужъ за торговца шелковыми издѣліями, рассчитывая этими словами уязвить самолюбіе и гордость знатной римлянки. Ну, вотъ, теперь этотъ торговецъ будетъ гостемъ неаполитанскаго короля, который приметъ его, конечно, съ подобающею пышностью и почетомъ! Эта мысль несказанно радовала ее. Въ ту-же минуту въ головѣ ея возникъ планъ, какъ заслужить расположеніе неаполитанскаго короля. Планъ этотъ касался второго сына короля Фердинанда, принца Фридриха. Кларисса задумала устроить бракъ этого принца съ молодою кипрскою королевою, Катериною Корнаро. Она была вдова кипрскаго короля Іакова, и тотъ, кто получилъ бы ея руку, вмѣстѣ съ тѣмъ получилъ бы и чудный островъ Кипръ. Хитрые венеціанцы давно уже желали овладѣть этимъ островомъ и поэтому они постарались женить болѣзненнаго кипрскаго короля на красавицѣ Катеринѣ Корнаро, дочери одного изъ венеціанскихъ вельможъ, объявивъ ее „дочерью венеціанской республики“.

Всѣ расчеты венеціанцевъ оправдались: вскорѣ умеръ мужъ Катерины Корнаро, и она унаслѣдовала послѣ него престолъ. Теперь венеціанцы опасались только одного: чтобы она не вышла вторично замужъ, такъ какъ тогда планы Венеціи могли рушиться. Поэтому за королевою былъ устроенъ самый бдительный надзоръ, и никто изъ принцевъ, желавшихъ получить ея руку и сердце, не могъ явиться на Кипръ. Лоренцо зналъ это и поэтому сказалъ своей женѣ, что ея планъ женить принца Фридриха на Катеринѣ Корнаро совершенно неосуществимъ.

— Да, — замѣтила Кларисса, — если приступитъ къ нему обычнымъ путемъ. Но нужно повести дѣло иначе: принцъ Фридрихъ долженъ обмануть бдительность венеціанцевъ, незамѣтно пробраться на островъ и плѣнить сердце молодой королевы.

Лоренцо согласился съ женой и сказалъ, что сообщить неаполитанскому королю этотъ планъ.

Приготовленія къ отъѣзду Лоренцо Медичи были скоро кончены, и, разумѣется, онъ не пожалѣлъ средствъ, чтобы обставить свое путешествіе какъ можно великолѣпнѣе. Онъ сѣлъ въ Ливорно на корабль и отправился въ Неаполь. Король Фердинандъ выслалъ къ нему на встрѣчу своего сына Фридриха. Лоренцо былъ очень радъ, что ему представился такимъ образомъ случай свести болѣе близкое знакомство съ принцемъ и заинтересовать его своимъ планомъ. Фридрихъ, однако, гораздо больше заинтересовался личностью молодой кипрской королевы, которую хитрые венеціанцы держали точно въ плѣну на островѣ, нежели тѣмъ обстоятельствомъ, что съ нею было связано полученіе кипрской короны.

Король Фердинандъ и наслѣдный принцъ приняли Лоренцо Медичи такъ, какъ будто онъ былъ главою какого нибудь могущественнаго государства, и Лоренцо былъ необыкновенно польщенъ этимъ пріемомъ. Въ честь пріѣзжаго гостя король устроилъ великолѣпныя празднества. Лоренцо имѣлъ полное основаніе быть довольнымъ своимъ путешествіемъ. Король Фердинандъ, съ своей стороны, также былъ доволенъ, такъ какъ онъ рассчитывалъ на то, что Лоренцо Медичи окажетъ ему поддержку противъ Рима, съ которымъ Неаполь не ладилъ. Во время одной изъ дружескихъ бесѣдъ Лоренцо повѣдалъ королю свой планъ женитьбы принца

Фридриха на Катеринѣ Корпаро, съ цѣлью отнять Кипръ у венеціанской республики. Королю также очень понравилась эта мысль, и они вмѣстѣ съ Лоренцо стали обсуждать, какъ лучше устроить это дѣло, не возбуждая подозрѣній Венеціи.

Когда Лоренцо собрался уѣзжать, король разрѣшилъ Фридриху проводить гостя на нѣкоторое разстояніе. Съ этою цѣлью для молодого принца была приготовлена королевская парусная барка, которая и отправилась вслѣдъ за кораблемъ, увозившимъ Лоренцо назадъ на родину.

На набережной собралась громадная толпа провожать Лоренцо. Всѣ бросали вслѣдъ отъѣзжавшимъ вѣнки и букеты, такъ что заливъ почти сплошь покрылся цвѣтами.

Принцъ Фридрихъ находился на кораблѣ вмѣстѣ съ Лоренцо, но, отъѣхавъ нѣкоторое разстояніе отъ города, онъ простился съ нимъ и пересѣлъ на свою барку. Рулевой былъ очень удивленъ, когда молодой принцъ велѣлъ ему повернуть барку въ другую сторону и править не домой въ Неаполь, а къ острову Кипру. Тогда только изумленные матросы поняли, почему на баркѣ были взяты запасы на нѣсколько дней. Конечно, никто изъ матросовъ не сдѣлалъ ни одного замѣчанія, и всѣ, молча, повиновались приказаніямъ принца, а онъ между тѣмъ спустился въ каюту и тамъ при помощи слуги переодѣлся въ костюмъ греческаго матроса.

Принцъ Фридрихъ очень много слышалъ о красотахъ острова Кипра и сгоралъ желаніемъ посмотреть его. Природа не поскупилась и щедро осыпала своими дарами этотъ островъ. Прекрасный климатъ, живописные виды, роскошная растительность, чудное вино,

всевозможные плоды — все это побуждало путниковъ останавливаться на этомъ островѣ на болѣе или менѣе продолжительное время. Торговля суда, везшія драгоценныя товары изъ Индіи, Персіи и другихъ странъ востока, обыкновенно заходили на островъ Кипръ, чтобы запастись прѣсною водою и отдохнуть послѣ морского путешествія. Жители Кипра, конечно, извлекали пользу изъ этихъ остановокъ, и торговля острова процвѣтала.

На всѣхъ парусахъ стремился Фридрихъ къ этой волшебной странѣ, привлекавшей его мечты.

Вѣтеръ благопріятствовалъ путешествію, и барка быстро подплывала къ острову. Скоро уже можно было различить пальмовыя, кипарисовыя и оливковыя рощи, и съ берега доносился сильный ароматъ померанцевыхъ цвѣтовъ. Барка обогнула островъ и направилась къ гавани города Фамагоста, который раскинулся по берегу. Вдали виднѣлись красивыя виллы, окруженныя роскошными садами и совершенно потонувшія въ зелени, сквозь которую мѣстами только бѣлѣли ихъ мраморныя стѣны. Вблизи собора возвышался красивый королевскій дворецъ, окруженный кипарисами. Сады нѣкоторыхъ виллъ спускались прямо къ морю.

Барка подошла уже такъ близко къ берегу, что явился вопросъ, гдѣ пристать.

— Ни въ какомъ случаѣ не въ городской гавани!— воскликнулъ Фридрихъ. — Я терпѣть не могу шума и толкотни торговаго города.

Не успѣлъ онъ выговорить этихъ словъ, какъ увидѣлъ вблизи прелестную мраморную террасу, ступени которой спускались прямо къ морю. Позади террасы виднѣлась изъ-за зелени красивая виλλα, окруженная садомъ.

Когда барка подплыла ближе, Фридрихъ увидѣлъ, что на террасѣ находилось нѣсколько дамъ, одѣтыхъ въ греческіе костюмы. Онѣ были заняты какою то игрой или танцами, и временами до него доносился ихъ серебрястый смѣхъ. Не долго думая, принцъ рѣшилъ пристать къ этой террасѣ и вступить въ переговоры съ обитателями или обитательницами хорошенькой виллы.

Высокая фигура принца, стоявшаго, выпрямившись во весь ростъ, на палубѣ барки, которую матросы привязывали къ столбамъ, обратила на себя вниманіе дамъ на террасѣ. Въ первую минуту онѣ подумали, конечно, о морскихъ разбойникахъ, которые часто показывались въ этихъ краяхъ. Но наружность принца нѣсколько успокоила ихъ.

Дамы столпились на террасѣ и съ любопытствомъ смотрѣли на моряковъ. Двѣ изъ нихъ, болѣе храбрыя, рѣшились спуститься внизъ, чтобы разспросить чужеземцевъ, откуда они и по какому праву явились сюда.

Фридрихъ умѣлъ говорить по гречески и объяснилъ, что онъ странствующій пѣвецъ, желающій показать свое искусство королевѣ. Съ своей стороны онъ узналъ, что вилла, къ которой онъ присталъ, принадлежитъ княгинѣ Кандорасъ и попросилъ позволенія ей представиться.

Обѣ дамы были поражены смѣлостью его рѣчей и его гордымъ видомъ и обѣщали поговорить съ княгиней. Онѣ поднялись по лѣстницѣ, и принцъ видѣлъ, что на террасѣ начался оживленный разговоръ, по временамъ прерываемый смѣхомъ. Однако, разговоръ этотъ кончился благопріятно для принца, такъ какъ обѣ дамы снова спустились внизъ и объявили ему,

что княгиня готова принять его, но онъ долженъ покориться нѣкоторымъ мѣрамъ предосторожности, которыя должны быть непременно приняты. Фридрихъ на все согласился; тогда ему было позволено выйти на берегъ. Въ сопровожденіи обѣихъ дамъ онъ поднялся по лѣстницѣ на террасу, гдѣ ожидала его сама владѣтельница виллы, окруженная своими подругами.

Вѣрный своей роли, Фридрихъ повторилъ княгинѣ, что онъ пріѣхалъ съ одного греческаго острова и имѣеть намѣреніе показать королевѣ свое искусство пѣть и играть на лютнѣ. Послѣ этого онъ намѣренъ отправиться къ дворамъ другихъ властителей и королей.

Дама, которую онъ принималъ за владѣтельницу виллы, княгиню Кандорасъ, и которая поразила его своею красотой, привѣтливо улыбнулась ему въ отвѣтъ и просила, чтобы онъ показалъ ей и ея гостямъ образецъ своего искусства.

Фридрихъ приказалъ принести лютню, которая осталась на баркѣ. Онъ дѣйствительно игралъ на этомъ инструментѣ превосходно и обладалъ прекраснымъ задушевнымъ голосомъ.

Чернокожія служанки принесли подушки на террасу, и дамы усѣлись въ кружокъ, обмахиваясь вѣерами и съ любопытствомъ поглядывая на пѣвца. Только красавица хозяйка склонила свою голову и словно о чемъ то глубоко задумалась.

Когда Фридрихъ кончилъ, раздались восторженные рукоплесканія. Дамы просили принца повторить пѣсню, что онъ охотно исполнилъ, затѣмъ онъ вступилъ съ нимъ въ разговоры о музыкѣ и пѣніи. Но златокудрая красавица не принимала въ этомъ разговорѣ никакого участія и когда онъ кончился, она сказала, обращаясь къ Фридриху:

— Правила гостепрѣимства требуютъ, чтобъ вамъ былъ оказанъ прѣютъ на этой виллѣ, но только одному вамъ. Ваши спутники должны оставаться на баркѣ, которая, повидимому, такъ прекрасно устроена, что они тамъ не могутъ терпѣть никакихъ неудобствъ, но вы должны дать мнѣ честное слово, что не питаете никакихъ злыхъ умысловъ ни противъ кого на этомъ островѣ и что вы не уѣдете отсюда, не предупредивъ меня.

Фридрихъ исполнилъ все, что отъ него требовали, и слуги отвели его въ предназначенную для него комнату. Онъ не замѣтилъ, однако, что за нимъ, такъ-же какъ и за его баркой, былъ устроенъ самый бдительный надзоръ.

На другой день Фридрихъ былъ очень огорченъ тѣмъ, что хозяйка виллы не показывалась. Онъ справился о ней и узналъ, что она не совсѣмъ здорова. У Фридриха какъ то сразу пропала охота видѣть королеву и добиваться ея благосклонности. Онъ провелъ цѣлый день на виллѣ, просидѣлъ нѣсколько часовъ на террасѣ и только два раза спускался къ своимъ людямъ на баркѣ, чтобы еще разъ напомнить имъ, что они должны хранить молчаніе.

Онъ обрадовался, когда наступилъ вечеръ и онъ могъ, наконецъ, отправиться спать, въ надеждѣ увидѣть на другой день свою хозяйку. Но и эта надежда была обманута: княгиня Кандорасъ не показывалась. Фридрихъ не подозрѣвалъ, что на виллѣ съ нетерпѣніемъ ждали того момента, когда онъ отправится къ королеву. Но онъ позабылъ объ этомъ и оставался жить на виллѣ, разгуливая по саду и распѣвая свои пѣсни на террасѣ по вечерамъ. Тогда онъ видѣлъ, что окна въ домѣ открывались и тамъ показывались какія то жен-

НАШЪ ВѢКЪ

ОБЩИЙ ОБЗОРЪ ВАЖНѢЙШИХЪ ЯВЛЕНІЙ ВЪ ОБЛАСТИ ИСТОРИИ, ИСКУССТВА, НАУКИ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВТЕЧЕНІЕ ПОСЛѢДНЯГО СТОЛѢТІЯ

ОТТО ФОНЪ-ЛЕЙКСНЕРА

О множествѣ портретовъ, рисунковъ, автографовъ и другихъ иллюстрацій.

Столѣтній періодъ, начиная съ послѣдней четверти XVIII вѣка и до нашихъ дней, принадлежитъ къ наиболѣе плодотворнымъ въ исторіи. Со времени Сѣверо-Американской войны за независимость и Французской революціи, въ политической жизни народовъ совершилось много замѣчательныхъ событій: всемірное господство Наполеона и его паденіе, война за освобожденіе, періодъ революцій, американскія войны, памятная Европѣ борьба 1870—1871 годовъ и т. д.

Въ тѣсной связи съ историческимъ ходомъ событій, сдѣлала огромные успѣхи и наука, въ особенности естествовѣдѣніе. Изобрѣтенія ученыхъ переносятся въ практическую жизнь благодаря технике, исполненное развитіе которой стало отличительной чертой нашего времени. Въ искусствѣ и поэзіи также живо проявились новыя стремленія, испытавшія втеченіе столѣтія разнообразныя измѣненія.

Рядомъ съ обстоятельнымъ знакомствомъ со всѣми этими явленіями въ отдаленности, чувствуется потребность въ такомъ обзорѣ нашего вѣка, который давалъ бы въ ясной, всѣмъ доступной формѣ, общее понятіе о немъ и въ связномъ разказѣ обнималъ бы политическую и социальную исторію, дѣятельность выдающихся личностей, поэзію, искусство и науку, важнѣйшія завоеванія въ области знанія вообще и въ частности техники, развитіе журналистики и т. д. Въ ученыхъ исторіяхъ культуры нѣтъ недостатка, но сочиненій, предназначенныхъ, подобно настоящему, къ широкому распространенію въ обществѣ, не существуетъ ни въ одной странѣ Европы.

Обширный матеріалъ, естественно, принудилъ автора этого сочиненія исключить вещи, представляющія второстепенный интересъ; но за то нѣтъ упущено изъ виду ни одного явленія, такъ или иначе благотворно вліявшаго на нравственное развитіе народовъ. Авторъ вездѣ остается поборникомъ здраваго, правильно понимаемаго прогресса. Его выводы вполне независимы тамъ, гдѣ онъ самъ могъ провѣрить ихъ, и вездѣ опираются на неопровержимыя авторитеты.

Особенное вниманіе обращено на иллюстраціи, которыя тщательно исполнены по оригиналамъ знаменитѣйшихъ художниковъ. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это необходимо, текстъ поясняется чертежами, рисунками машинъ и т. п. Кромѣ того, приложены въ точныхъ снимкахъ музыкальныя и другіе автографы.

Исключительное право перевода и изданія „Нашего Вѣка“ въ Россіи приобрѣтено А. С. Суворинымъ.

Все сочиненіе будетъ состоять приблизительно изъ 60 выпусковъ, каждый отъ 1½ до 2½ листовъ, съ нѣсколькими портретами, рисунками и снимками.

Цѣна cadaго выпуска 35 коп. сер.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЬ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ **Петербургѣ**, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ **Москвѣ**, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнечкій мостъ, домъ Третьякова.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библіографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІА А. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 11 — 2

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

МАРТЪ, 1884 г.

	Стр.
I. Полемическія статьи Пушкина (По неизданнымъ документамъ). М. И. Сухомлинова	463
Иллюстраціи: Булгаринъ въ молодыхъ годахъ. — Булгаринъ въ пожилыхъ годахъ.	
II. Въ немпоной странѣ. Изъ воспоминаній. Гл. III—IV (Окончаніе). С. В. Максимова	506
Иллюстраціи: Сибирскіе казаки (два рисунка). — Сибирскія казачки. — Старовѣры сибирскіе.	
III. Таинственный свертокъ. Историческій разсказъ. К. К. Случевского	528
IV. Воспоминанія о службѣ въ Бѣлоруссіи въ 1864—1870 годахъ. Гл. I—III. И. Н. Захарьина	538
V. Лермонтовъ и цензура. Ф. И. Булгакова	566
Иллюстраціи: Лермонтовъ на смертномъ одрѣ. — Домъ гдѣ жилъ Лермонтовъ и церковь, въ которой онъ похороненъ, въ селѣ Тархановъ.	
VI. Изъ мозкъ воспоминаній. Гл. XLIX—LX. П. С. Усова	575
VII. Убійство М. А. Стаховича . М. И. Городецкаго	594
VIII. Идеи о народномъ образованіи въ екатерининское время. И. В.	600
IX. Русскія почты въ XVII и началѣ XVIII столѣтія. Е. П. Карновича . X. Герцогъ Рейхштатскій. Статья Фр. Гогенгаузена	615
Иллюстраціи: Король Римскій въ дѣтствѣ. — Герцогъ Рейхштатскій на смертномъ одрѣ.	
XI. Послѣдніе годы второй имперіи. В. Р. Зотова	635
XII. Критика и библиографія: Очерки и разсказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. М. И. Семевского . Спб. 1884. И. Н. В. — Николай Любимичъ. Исторія реформации въ Польшѣ. Варшава, 1883. Н. С. И. — Очерки изъ исторіи Украинской литературы XIX столѣтія. Н. И. Петрова . Кіевъ. 1884. З. Т. В. — Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. И. И. Дубасова . Вып. I. Москва, 1883. И. Б. — „Домострой“ по списку императорскаго общества исторіи и древностей русскіихъ. Москва, 1883. Е. К. — Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. 3. Тифлисъ, 1884. — Кубанская справочная книжка; сост. Е. Д. Фелицынъ . — Кубанскій сборникъ, подъ редакціей Фелицына . Т. I. Екатеринодаръ, 1884. В. З. — Географическій словарь западно-славянскихъ и югославянскихъ земель и прилежащихъ странъ. Сост. Я. Головацкій . Вильна, 1884. Е. Г. — Хроника русскаго театра Носова; съ предисловіемъ Е. В. Барсова . Москва, 1883. В. З. — Ежегодникъ Владимірскаго статистическаго комитета. Т. IV. Владиміръ, 1880. Н. Д.—снго. — Исторія XIX вѣка. Мишле. Т. II. Переводъ подъ редакціей М. Цебриковой . Спб. 1884. В. З. — Общій обзоръ дѣятельности петербургскаго филармоническаго общества. Составилъ Е. Альбрехтъ . Спб. 1884. Н. Н. — Чтенія по исторіи западной Россіи. М. Коляловича . Новое изданіе. Спб. 1884. Н. С. И.	
XIII. Заграничныя историческія новости	651
XIV. Изъ прошлаго: Къ эпохѣ графа Берга въ Варшавѣ. Сообщ. Ю. Ф. Ш.	674
XV. Смѣсь: Полувѣковой юбилей архіепископа Антонія. — Юбилей Ф. Ф. Веселого . — Юбилей А. И. Савельева . — Столѣтняя годовщина рожденія Гвидича . — Двадцатипятилѣтній юбилей картографическаго искусства. — Историко-этнографическій музей въ Ростовѣ. — Рефератъ профессора Ключевскаго о хлѣбной мѣрѣ въ древней Россіи. — Церковь въ селѣ Останкинѣ . — Некрологи: М. Е. Ковалевскаго ; П. П. Чубинскаго ; С. Д. Полтарацкаго ; С. И. Турбина ; Эжена Руэра	689
XVI. По поводу картины Рѣпина «Царевна Софья приводитъ къ присягѣ стрѣльцовъ»	698
XVII. Замѣтки и поправки: 1) По поводу статьи „Происхожденіе одного учебнаго заведенія“ Д. П. Родіонова . 2) Дополненіе къ статьѣ „Учено-литературная дѣятельность Д. И. Иловайскаго “	699
ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Картина Рѣпина „Царевна Софья приводитъ къ присягѣ стрѣльцовъ“. Цинкографическій снимокъ Э. Гальера въ Берлинѣ. — 2) Саванарола . Культурно-историческій очеркъ изъ временъ возрожденія во Флоренціи и Римѣ. Адольфа Глазера . Гл. IV (окончаніе), V и VI.	
Иллюстраціи: Картина Карнаро. — Ватиканъ въ Римѣ. — Гэтто въ Римѣ.	
Къ Мартовской книжкѣ прилагаются объявленія: 1) Отъ изданія «Исторической портретной галлерей». 2) Отъ Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества. 3) О сочиненіяхъ Ю. В. Иверсена .	

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТНАДЦАТАГО ТОМА.

(ЯНВАРЬ, ФЕВРАЛЬ И МАРТЬ 1884 ГОДА).

	СТР.
Ксенія Борисовна Годунова. Н. И. Костомарова	7
<i>Иллюстраціи:</i> Ксенія Годунова у Самозванца. Картина Неврева (на отдѣльномъ листѣ). — Убійство Маріи и Федора Годуновыхъ. Картина Маковского (на отдѣльномъ листѣ).	
Соціалистъ прошлаго вѣка. Историческая повѣсть. Д. Л. Мордовцева	24, 261
Императоръ Николай Павловичъ — цензоръ и критикъ сочиненій Пушкина. (По неизданнымъ документамъ). М. И. Сухомлинова	55
Отрывокъ изъ воспоминаній. Ө. Ө. Кокешкинъ. А. П. Милюкова .	88
Факсимиле одной изъ рукописей И. С. Тургенева	97
<i>Иллюстрація.</i> Факсимиле первой страницы разсказа «Бирюкъ».	
Учено-литературная дѣятельность Д. И. Иловайскаго . (По поводу его юбилея). Д. Д. Языкова	100
<i>Иллюстрація:</i> портретъ Д. И. Иловайскаго .	
Повстанскія похождения Сигизмунда Сулимы. Н. В. Верга .	107
Разсказы о быломъ. А. Н. Корсакова	133
Изъ частной жизни Гладстона. К. Н. В.	144
<i>Иллюстраціи:</i> Гладстонъ въ своей библиотекѣ. — Древній замокъ Гауэрдень. — Новый замокъ Гауэрдень. — Гербертъ и В. Г. Гладстонъ. — Миссисъ Гладстонъ. — Гладстонъ и его сестра (1814 г.).	
Документальная исторія чорта. В. Р. Зотова	158
Дочь королевы Викторіи. Ө. И. Вулгакова	173
Сторонники воцаренія Екатерины II. Д. А. Корсакова . . .	231
<i>Иллюстраціи:</i> Императрица Екатерина II (на отдѣльномъ листѣ). — Графъ Г. Г. Орловъ. — Графъ Н. И. Панинъ. — Княгиня Е. Р. Дашкова. — Медаль, выбитая въ честь канцлера графа А. И. Бестужева-Рюмина.	
Въ немпной странѣ. Изъ воспоминаній. С. В. Максимова .	300, 506
<i>Иллюстраціи:</i> Слѣпой остякъ. — Видъ Амура по выходѣ изъ Хинганскаго хребта. — Сибирскіе казаки (два рисунка). — Сибирскія казаки. — Старовѣры сибирскіе.	
Семейство Тургеневыхъ. Изъ воспоминаній. О. В. Аргамасовой .	324
Пушкинская гречанка. Сообщ. Х. С. Кирова	337

	СТР.
Памяти архієпископа Одесскаго Дмитрія. Е. В.	341
<i>Иллюстрація:</i> Портретъ архієпископа Дмитрія.	
Учено-литературная дѣятельность П. И. Мельникова. (По поводу годовщины со дня его смерти). Д. Д. Языкова	346
Испорченная жизнь. Е. М. Гаршина	351
Воспоминаніе о Р. А. Фадѣевѣ. П. С. Усова	371
Понятія о власти и о народѣ въ наказахъ 1789 года. В. И. Герье	380
Отецъ современной биологіи. Н. Н.	391
<i>Иллюстраціи:</i> Портретъ Дарвина (на отдѣльномъ листѣ). — Рабочій кабинетъ Дарвина. — Домъ Дарвина (видъ изъ сада). — Видъ того же дома съ прилежащей дороги. — Оранжерея, въ которой Дарвинъ производилъ свои опыты и наблюденія. — Мѣсто обычной прогулки Дарвина.	
Французское общество во время Крымской войны. В. Р. Зотова	403
Полемическія статьи Пушкина. (По неизданнымъ документамъ). М. И. Сухомлинова	463
<i>Иллюстраціи:</i> Булгаринъ въ молодыхъ годахъ. — Булгаринъ въ пожилыхъ годахъ.	
Таинственный свертокъ. Историческій разсказъ. К. К. Случевского	528
Воспоминанія о службѣ въ Бѣлоруссіи въ 1864—1870 годахъ. Гл. I—III. И. Н. Захарьина	538
Лермонтовъ и цензура. Ө. И. Вулгакова	566
<i>Иллюстраціи:</i> Лермонтовъ на смертномъ одрѣ. — Домъ, гдѣ жилъ Лермонтовъ, и церковь, въ которой онъ похороненъ, въ селѣ Тарханахъ.	
Изъ моихъ воспоминаній. Гл. XLIX—LX. П. С. Усова	575
Убіеніе М. А. Стаховича. М. И. Городецкаго	594
Идеи о народномъ образованіи въ екатерининское время. И. В.	600
Русскія почты въ XVII и началѣ XVIII столѣтія. Е. П. Карновича	615
Герцогъ Рейхштатскій. Статья Фр. Гогенгаузена	626
<i>Иллюстраціи:</i> Король Римскій въ дѣтствѣ. — Герцогъ Рейхштатскій на смертномъ одрѣ.	
Послѣдніе годы второй имперіи. В. Р. Зотова	635
ИНОСТРАННАЯ ИСТОРИОГРАФІЯ. В. Г. К.	175
КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ:	

Сочиненія Д. И. Иловайскаго. М. 1884. К. Н. В. — Мининъ и Пожарскій. Прямые и Кривые въ Смутное время. И. Забѣлина. М. 1883. Мих. Н—евича. — Родъ князей Зацѣпныхъ. Историческій романъ Шардина. Два тома. Спб. 1883. А. М. — Биографія, письма и замѣтки изъ записной книжки Ө. М. Достоевскаго. Съ портретомъ и приложеніями. Спб. 1883. Е. Г. — Сборникъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Выпуски 3-й и 4-й. М. 1883. П. У. — Духовное образованіе и духовная литера-

СТР.

тура въ Россіи при Петрѣ Великомъ. Изслѣдованіе А. Архангельскаго. Казань, 1883. **И. Н. В.** — Живописная Россія. Томъ одиннадцатый. Западная Сибирь. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Спб. 1884. **с. Ш.** — Сочиненія П. И. Якушкина. Изданіе В. Михневича. Спб. 1884. **В. З.** — Архивъ князя Воронцова. Книга 29-я. М. 1883. **П. У.** — Возраженіе на рѣчь Эрнеста Ренана «Исламъ и наука» петербургскаго магометанскаго ахуна Атаула Баязитова. Спб. 1884. **Лби.** — Петербургскій некрополь. Составилъ В. Сaitовъ. М. 1883. **Е. К.** — Умныя рѣчи, красныя слова великихъ и невеликихъ людей. Изъ записной книжки П. Мартыанова. Спб. 1884. **З. Т. В.** — Преображенское или Преображенскъ. Ивана Забѣлина. М. 1883. **Мих. Н—евича.** — Литературная дѣятельность Тургенева; критическій этюдъ. В. Буренина. Спб. 1884. **В. З.** — Указатель къ изданіямъ общества исторіи и древностей російскихъ при Московскомъ университетѣ за 68 лѣтъ, съ 1815 по 1883 г. М. 1883. **И. Н. В.** — Воспоминанія крестьянина А. Артынова. М. 1883. **П. У.** — Путеводитель по Вильнѣ и ея окрестностямъ. Вильна. 1883. **И. П.** — Путеводитель по городу Ростову. А. А. Титова. М. 1883. **П. У.** — Литовскіе евреи. С. Бершацкаго. Спб. 1884. **В. З.** — Греко-болгарскій вопросъ. В. Теплова. Спб. 1884. **И. Н.** — Очеркъ исторіи Поцаевской лавры. А. Хайнацкаго. Спб. 1883. **П. С.** — П. И. Мельниковъ (Андрей Печерскій), его жизнь и литературное значеніе. Н. Невзорова. Казань. 1883. **Б. Р.** — Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. М. И. Семеновскаго. Спб. 1884. **И. Н. В.** — Николай Любимичъ. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Варшава, 1883. **И. С. И.** — Очерки изъ исторіи Украинской литературы XIX столѣтія. Н. И. Петрова. Кіевъ. 1884. **З. Т. В.** — Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. И. И. Дубасова. Вып. I. Москва, 1883. **И. Б.** — «Домострой» по списку императорскаго общества исторіи и древностей російскихъ. Москва, 1883. **Е. К.** — Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. 3. Тифлисъ, 1884. — Кубанская справочная книжка; сост. Фелицынъ. — Кубанскій сборникъ; подъ редакціей Фелицына. Т. I. Екатеринодаръ, 1884. **В. З.** — Географическій словарь западно-славянскихъ и югославянскихъ земель и прилежащихъ странъ. Сост. Я. Головацкій. Вильна, 1884. **Е. Г.** — Хроника русскаго театра Носова; съ предисловіемъ Е. В. Барсова. Москва, 1883. **В. З.** — Ежегодникъ Владимірскаго статистическаго комитета. Т. IV. Владиміръ, 1880. **И. Д—снаго.** — Исторія XIX вѣка. Мишле. Т. II. Переводъ подъ редакціей М. Цебриковой. Спб. 1884. **В. З.** — Общій обзоръ дѣятельности петербургскаго филармоническаго общества. Составилъ Е. Альбрехтъ. Спб. 1884. **И. Н.** — Чтенія по исторіи западной Россіи. М. Кояловича. Новое изданіе. Спб. 1884. **И. С. И.** 185, 419, 651

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ . . 205, 438, 674

ИЗЪ ПРОШЛАГО:

Рассказъ объ императорѣ Александрѣ I. Сообщ. **П. С. Бѣльскимъ.** — Происхожденіе одного казеннаго заведенія. Сообщ. **Н. Л. Родіоновымъ.** — Къ біографіи князя П. И. Багратіона. Сообщ. **Н. А. Добро-творскимъ.** — Русская фехтовальная пѣснь. Сообщ. **П. Я. Дашковымъ.** — Къ эпохѣ графа Берга въ Варшавѣ. Сообщ. **Ю. Ф. Ш. . . 212, 447, 634**

СМѢСЬ:

Памятникъ императору Александру II. — Трехсотлѣтній юбилей русскаго Гуттенберга. — Юбилей Д. И. Иловайскаго. — Юбилей графа Д. А. Милютина. — Шестой археологическій съѣздъ въ Одессѣ. — Новое изданіе сочиненій Батюшкова. — Два духовныхъ юбилея. — Памятникъ Пушкину въ Кишиневѣ. — Новооткрытая драма XVIII вѣка. — Памятникъ великой княгинѣ Александрѣ Павловнѣ. — Столѣтіе Мраморнаго дворца. — Четырехсотлѣтняя годовщина Цвингли. — Полувѣковой юбилей архіепископа Антонія. — Юбилей Ѳ. Ѳ. Веселаго. — Юбилей А. И. Савельева. — Столѣтняя годовщина рожденія Гнѣдича. — Двадцатипятилѣтній юбилей картографическаго искусства. — Историко-этнографическій музей въ Ростовѣ. — Рефератъ профессора Ключевскаго о хлѣбной мѣрѣ въ древней Россіи. — Церковь въ селѣ Остакивѣ. — Некрологи: А. И. Кошелева; Н. А. Корфа; В. В. Маркова; Генри Мартена; Франсуа Лепормана; Ростислава Андреевича Фадѣева; Дмитрія Николаевича Садовникова; Иннокентія Васильевича Ѳедорова; Михаила Осиповича Косинскаго; Иллариона Егоровича Кабанова; Эдуарда Ласкеръ; М. Е. Ковалевскаго; П. П. Чубинскаго; С. Д. Полтарацкаго; С. И. Турбина; Эжена Руэра . . . 215, 450, 689

Лермонтовскій музей. **Ѳ. И. Вулгакова** 225

По поводу картины Рѣпина: «Царевна Софья приводитъ къ присягѣ стрѣльцовъ» 698

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ:

Для памяти редакціи «Русскаго Архива». П. П. Каратыгина. — Къ некрологу В. В. Маркова. — По поводу статьи «Происхожденіе одного учебнаго заведенія». Д. П. Родіонова. — Дополненіе къ статьѣ «Учено-литературная дѣятельность Д. И. Иловайскаго» 459, 699

ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) **Саванарола**. Культурно-историческій очеркъ изъ временъ возрожденія во Флоренціи и Римѣ. **Адольфа Глазера**. Главы I—VI.

Иллюстраціи: Саванарола во Флоренціи во время карнавала 1497 года (на отдѣльномъ листѣ). — Нынѣшній городъ Флоренція. — Косьма Медичи. — Дворецъ Пацци во Флоренціи. — Заговоръ Пацци. — Данте. — Дворецъ Медичи во Флоренціи. — Свадебный поѣздъ Катаринны Корнаро. — Лоренцо Медичи. — Видъ города Фамагоста на Кипрѣ. — Венеціанская галера. — Папская крипта (склепъ) въ катакомбахъ Каликста. — Катарина Корнаро. — Ватиканъ въ Римѣ. — Гэтто въ Римѣ.

2) Картина Рѣпина: „Царевна Софья приводитъ къ присягѣ стрѣльцовъ“. Цинкографическій снимокъ Э. Гальера въ Берлинѣ.

О ПОДПИСКѢ ВЪ 1884 ГОДУ

Н А

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“

(ПЯТЫЙ ГОДЪ).

„Историческій Вѣстникъ“ издается въ 1884 году по той же программѣ и на тѣхъ же условіяхъ, какъ и въ предшествовавшіе четыре года (1880—1883).

Подписная цѣна за двѣнадцать книжекъ въ годъ, со всѣми приложеніями, десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Редакція, вполне обеспеченная разнообразнымъ литературнымъ матеріаломъ, обратитъ особенное вниманіе на рисунки и обязательно будетъ давать въ каждой книжкѣ журнала нѣсколько иллюстрацій (въ 1883 году въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ помѣщено болѣе 130 гравюръ).

Въ приложеніи къ „Историческому Вѣстнику“ въ 1884 году печатается иллюстрированный (40-ка гравюрами на деревѣ) культурно-историческій очеркъ Адольфа Глазера „Саванарола“.

Въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1884 года будутъ помѣщены, уже находящіяся въ распоряженіи редакціи, статьи слѣдующихъ писателей:

Д. В. Аверкіева, А. В. Арсеньева, Н. В. Верга, Ф. И. Булгакова, В. П. Вуренина, А. Я. Вутковской, И. Д. Вѣлова, Н. А. Вѣлозерской, Е. М. Гаршина, В. И. Герье, Н. А. Добротворскаго, И. И. Дубасова, Г. В. Есипова, И. Н. Захарьина, В. Р. Зотова, П. П. Каратыгина, Е. П. Карновича, А. И. Кирпичникова, Н. М. Коншина, М. С. Корелина, Н. И. Костомарова, Д. А. Корсакова, А. Н. Корсакова,

«ИСТОР. ВѢСТН.», МАРТЪ 1884 Г., Т. XV.

1

В. Д. Кренке, Н. С. Кутейникова, Д. П. Лебедева, Н. С. Ляскова, В. Н. Майнова, С. В. Максимова, П. К. Мартынова, А. Н. Маслова, Л. С. Мацѣвича, А. П. Милюкова, В. О. Михневича, Д. Л. Мордовцева, А. И. Незеленова, В. И. Немировича-Данченко, Н. И. Петрова, А. С. Пругавина, Д. Н. Садовникова, графа Е. А. Сальяса, И. Н. Смирнова, А. И. Соболевскаго В. Я. Стоюнина, М. И. Сухомлинова, С. Н. Терпигорева, П. С. Усова, О. Н. Устрялова, М. К. Цебриковой и др.

Гравюры для иллюстраціи статей заказаны преимущественно граверамъ: Паннемакеру въ Парижѣ и Зубчанинову въ Петербургѣ.

Подписка принимается въ главной конторѣ „Историческаго Вѣстника“ въ Петербургѣ при книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Невскій проспектъ, д. № 38, и въ Москвѣ, въ отдѣленіи конторы, при московскомъ книжномъ магазинѣ „Новаго Времени“, Кузнецкій мостъ, д. Третьякова.

Примѣчаніе. Всѣ экземпляры „Историческаго Вѣстника“ 1883 года разошлись по подпискѣ и дальнѣйшія требованія о высылкѣ журнала за означенный годъ не могутъ быть удовлетворены. Что касается 1880, 1881 и 1882 годовъ, то въ конторѣ еще имѣется небольшое количество экземпляровъ журнала за это время.

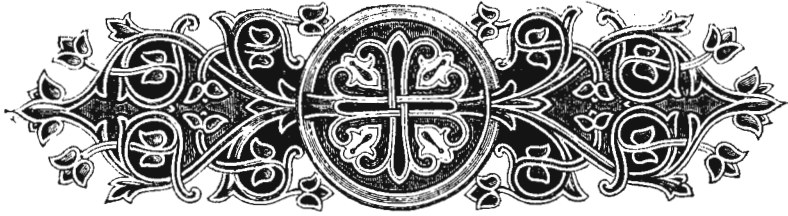
ЦАРЕВНА СОФЬЯ ПРИВОДИТЪ КЪ ПРИСЯГЪ СТРѢЛЬЦОВЪ.

Картина художника Рѣпина.

Дозв. цена. спб., 22 февраля 1884 г.

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ЗРТЕЛЕВЪ ПЕР., д. 11-2.

ПОЛЕМИЧЕСКІЯ СТАТЬИ ПУШКИНА.

ЛІА ИСТОРИИ нашей литературы безспорное значеніе имѣють полемическія статьи Пушкина, заключающія въ себѣ живыя черты тогдашнихъ литературныхъ понятій и нравовъ. Poleмика составляетъ неизбежное условіе журнальной дѣятельности, а отъ участія въ журналистикѣ трудно было отказаться писателю съ умомъ и талантомъ Пушкина и съ его отзывчивостью ко всему, въ чемъ выражается движеніе литературы и общественной жизни. Въ одной изъ статей «Литературной Газеты» говорится: «Въ журналахъ—движеніе, въ нихъ страсти, въ нихъ отголосокъ самихъ рѣчей, самихъ дѣяній; въ книгахъ гораздо меньше индивидуальности: въ книгѣ скроешь себя, въ журнальной статьѣ авторъ проговаривается; въ одной—слышимъ рѣчь его съ авторской кафедрѣ, въ другой—невольный крикъ его, экспромптъ его ума, его характера» и т. д.

Большихъ усилій стоило Пушкину приобрести право на изданіе литературнаго журнала. «Съ радостью взялся бы я—писалъ Пушкинъ—за редакцію политическаго и литературнаго журнала, т. е. такого, въ коемъ печатались бы политическія и заграничныя новости. Около него соединилъ бы я писателей съ дарованіями, и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію». Давнишнее желаніе Пушкина наконецъ осуществилось. 14 января 1836 года, министру народнаго просвѣщенія объявлено высочайшее повелѣніе слѣдующаго содержанія: «Камеръ-юнкеръ, титулярный совѣтникъ Александръ Пушкинъ просилъ разрѣшенія издать въ нынѣшнемъ 1836 году четыре тома статей чисто-литературныхъ (какъ-то повѣстей, стихотвореній и проч.), исто-

рическихъ, ученыхъ, также критическихъ разборовъ русской и иностранной словесности, на подобіе англійскихъ трехмѣсячныхъ *reviews*. Его императорское величество на такую просьбу г. Пушкина изволилъ изъявить высочайшее свое соизволеніе съ тѣмъ, чтобы означенное періодическое сочиненіе проходило, по установленному порядку, чрезъ цензурный комитетъ». Недолго пользовался Пушкинъ дорогимъ для него правомъ. Не прошло и года со времени появленія основаннаго Пушкинымъ журнала: «Современникъ», какъ издателями «Современника», вмѣсто «покойнаго Пушкина» являются: В. А. Жуковскій, князь П. А. Вяземскій, князь В. Ө. Одоевскій и П. А. Плетневъ.

Участіе Пушкина въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ ознаменовано рядомъ художественныхъ произведеній, обогатившихъ нашу литературу. На страницахъ этихъ же изданій появились и полемическія статьи Пушкина, бывшія, въ свою очередь, украшеніемъ тогдашней журналистики. Нѣкоторыя изъ полемическихъ статей Пушкина появлялись въ печати не въ своемъ первоначальномъ видѣ, а съ измѣненіями и пропусками—какъ вольными, такъ и невольными. Въ этомъ отношеніи любопытна судьба статьи Пушкина, направленная противъ редактора «Вѣстника Европы», Михаила Трофимовича Каченовскаго, обиженнаго выходками Полеваго и подавшаго грозную жалобу на «соумышленника» его—цензора Глинку. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ событія, вызвавшаго въ журнальныхъ кружкахъ оживленные толки, Пушкинъ воспроизвелъ его въ своей статьѣ съ тою же буквальною точностью, какъ и въ эпиграммѣ, написанной по тому же поводу на Каченовскаго:

Обиженный журналами жестоко,
Зоня Пахомъ печалился глубоко:
Вотъ подалъ онъ на цензора доносъ,
Но цензоръ правъ—намъ смѣхъ, Зонду носъ...

Статья предназначалась для «Невскаго Альманаха», издававшегося Аладынымъ. Авторъ не далъ ей особаго заглавія, какъ видно изъ того, что въ дѣлѣ, возникшемъ по ея поводу, она называется такъ: Распря между двумя извѣстными журналистами и тяжба одного изъ нихъ съ цензурою надѣлали шуму, т. е. заглавіемъ послужили слова, которыми статья начнется. Имени автора не обозначено. Цензурное вѣдомство, въ различныхъ инстанціяхъ, не дозволило напечатать эту статью на томъ основаніи, что въ ней выводится, какъ дѣйствующее лицо, цензоръ и говорится о рѣшеніи, послѣдовавшемъ въ главномъ управленіи цензуры. Уступая обстоятельствамъ, Пушкинъ исключилъ изъ своей статьи все то, что относится къ цензурному вѣдомству. Въ новомъ видѣ своемъ, подъ заглавіемъ: «Отрывокъ изъ литературныхъ лѣтописей, сочиненіе А. Пушкина», она была представлена въ цензуру издателями альманаха: «Сѣверные цвѣты».

«Выслушавъ вышеозначенную статью, главное управленіе цензуры нашло оную позволительною» и такимъ образомъ она появилась въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» на 1830 годъ. Отсюда перепечатывалась она и въ собраніяхъ сочиненій Пушкина. Въ изданіи П. В. Анненкова и въ послѣднемъ изданіи П. А. Ефремова она помѣщена въ томъ же видѣ, т. е. съ тѣми же пропусками, какъ и въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ». Приводимъ первоначальный текстъ статьи Пушкина, въ ея полномъ видѣ.

— «Распря между двумя извѣстными журналистами и тяжба одного изъ нихъ съ цензурою надѣлали шуму. Постараемся изложить исторически все дѣло.

«Въ концѣ минувшаго года, редакторъ В. Е., желая въ слѣдующемъ 1829 году потрудиться еще и въ качествѣ издателя, объявилъ о томъ публикѣ, все еще худо понимающей различіе между сими двумя учеными званіями. Убѣдившись единогласнымъ мнѣніемъ критиковъ въ односторонности и скудости В. Е., сверхъ того движимый глубокимъ чувствомъ состраданія при видѣ безпомощнаго состоянія литературы, онъ обѣщаль употребить наконецъ свои старанія, чтобы сдѣлать журналъ сей обширнѣе и разнообразнѣе. Онъ надѣялся отнынѣ далѣе видѣть, свободнѣе соображать и рѣшительнѣе дѣйствовать. Онъ собирался пуститься въ неизмѣримую область бытописанія, по которой Карамзинъ, какъ всѣмъ извѣстно, положилъ тропинку, теряющуюся въ тундрахъ бесплодныхъ. «Предполагаю работать самъ, говорилъ почтенный редакторъ, не отказывая однакожъ и другимъ литераторамъ участвовать въ трудахъ моихъ». Сія позднія, но тѣмъ не менѣе благія намѣренія, сія похвальная заботливость о русской литературѣ, сія скромная снисходительность къ своимъ сотрудникамъ, тронули и обрадовали насъ чрезвычайно. Пріятно было бы намъ привѣтствовать первые труды, первые успѣхи знаменитаго редактора В. Е. Его глубокія знанія, (думали мы), столь извѣстныя намъ по слуху, дадутъ плодъ во время свое (въ нынѣшнемъ 1829 году); свѣтильникъ исторической его критики озарить вышепомянутыя тундры области бытописаній, а законы словесности, умолкшіе при звукахъ журнальной полемики, заговорятъ устами ученаго редактора. Онъ не ограничитъ своихъ глубокомысленныхъ изслѣдованій замѣчаніями о заглавномъ листѣ Ист. гос. р. или даже разсужденіями о куньихъ мордкахъ; но вѣрнымъ взоромъ обвинеть наконецъ твореніе Карамзина, оцѣнить систему его разысканій, укажетъ источники новыхъ соображеній, дополнитъ недосказанное. Въ критикахъ собственно литературныхъ мы не будемъ слышать то брызгливаго ворчанія какого-нибудь стараго педанта, то непристойныхъ криковъ пьянаго семинариста. Критики г. Каченовскаго должны будутъ имѣть рѣшительное вліяніе на словесность. Молодые писатели не будутъ

ими забавляться, какъ статьями, наполненными восклицаніями, пошлою бранью и неумѣстными цитатами. Писатели извѣстные не будутъ ими презирать, ибо услышать не жалкія шуточкі журнальнаго гаера, но окончательный судъ своимъ произведеніямъ, оцѣненнымъ ученостью, вкусомъ и хладнокровіемъ.

«Можемъ смѣло сказать, что мы ни единой минуты не усомнились въ исполненіи плановъ г. К., изложенныхъ поэтическимъ слогомъ въ объявленіи о подпискѣ на В. Е. Но г. Полевой, долгое время наблюдавшій литературное поведеніе своихъ товарищей журналистовъ, худо повѣрилъ новымъ обѣщаніямъ Вѣстника. Не ограничаваясь безмолвными сомнѣніями, онъ напечаталъ въ 20-й книжкѣ М. Т. прошедшаго года статью, въ которой сильно напалъ на почтеннаго редактора В. Е. Давъ замѣтить неприличіе нѣкоторыхъ выраженій, употребленныхъ вѣроятно неумышленно г-мъ К., онъ говоритъ:

«Если бы онъ (В. Евр.), старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшныя предразсудки, заговорилъ голосомъ безпристрастія, мы всѣ охотно уважили бы его сознаніе въ слабости, желаніе учиться и познавать истину, всѣ охотно стали бы слушать его.

«Странныя требованія! Въ лѣтахъ В. Евр. уже не учатся и не бросаютъ предразсудковъ закоренѣлыхъ. Скромность, украшеніе сѣдинъ, не есть необходимость литературная, а если сознанія, требуемая г. Полевымъ, и заслуживаютъ какое-нибудь уваженіе, то можно ли намъ оныя слушать изъ устъ почтеннаго старца безъ болѣзненнаго чувства стыда и состраданія?

«Но что сдѣлалъ до сихъ поръ издатель Вѣстника Европы?» продолжаетъ г. Полевой: «гдѣ его права, и на какой воздѣланной его трудами землѣ онъ водрузить свои знамена: гдѣ, за какимъ океаномъ, эта обѣтованная земля? Юноши, обогнавшіе издателя В. Е., не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель В. Е. засѣлъ на одномъ мѣстѣ, и неподвижно просидѣлъ болѣе 20-ти лѣтъ. Дивится ли, что теперь Вѣстнику Европы видятся чудныя распри, грезятся кимвалы бряцающіе и мѣдъ звенящая?»

«На сіе отвѣствуемъ:

«Если г. К., не написавъ ни одной книги, достойной нѣкотораго вниманія, не напечатавъ въ теченіе 26-ти лѣтъ ни одной замѣчательной статьи, снискалъ однакожъ себѣ безсмертную славу; то чего же должно намъ ожидать отъ него, когда наконецъ онъ примется за дѣло не на шутку?

«Г. К. просидѣлъ 26 лѣтъ на одномъ мѣстѣ,—согласенъ; но какъ могли юноши обогнать его, если онъ ни за чѣмъ и не гнался? Г. К. ошибочно судилъ о музыкѣ Верстовскаго; но развѣ онъ музыкантъ?—Г. К. перевелъ «Терезу и Фальдони»—что за бѣда?

«Доселѣ казалось намъ, что г. Полевой не правъ, ибо обнару-

живается какое-то пристрастіе въ замѣчаніяхъ, которыя съ перваго взгляда являются довольно основательными. Мы ожидали отъ г. К. возраженій неоспоримыхъ, или благороднаго молчанія, каковымъ нѣкоторые извѣстные писатели всегда отвѣтствовали на неприличныя и пристрастныя выходки нѣкоторыхъ журналистовъ. Но сколь изумились мы, прочитавъ въ 24 № В. Е. слѣдующее примѣчаніе редактора къ статьѣ своего почтеннаго сотрудника г. Надоумки (одного изъ великихъ писателей, приносящихъ истинную честь и своему вѣку, и журналу, въ коемъ они участвуютъ): «Здѣсь приличнымъ считаю объявить, что препираться съ Бенигною я не имѣю охоты, отказавшись навсегда отъ бесплодной полемики; а теперь не имѣю на то и права, предпринявъ другія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола сего Бенигны и всѣхъ прочихъ. Я даже не читалъ бы статьи Телеграфической, еслибъ не былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и къ достоинству мѣста, при которомъ имѣю счастье продолжать оную. Рдръ».

«Сіе загадочное примѣчаніе привело насъ въ большое безпокойство. Какія мѣры къ охраненію своей личности отъ игриваго произвола г. Бенигны предпринялъ почтенный редакторъ? что значить игривый произволъ г. Бенигны? что такое: былъ увлеченъ слѣдствіями неблагонамѣренности, прикосновенными къ чести службы и достоинству мѣста? (впрочемъ смыслъ послѣдней фразы донинѣ остается темень, какъ въ логическомъ, такъ и въ грамматическомъ отношеніи). Многочисленные почитатели В. Е. затрепетали, прочитавъ сіи мрачныя, грозныя, беспорядочныя строки. Не смѣли вообразить, на что могло рѣшиться рыцарское негодованіе Михайла Трофимовича. Къ счастью, скоро все объяснилось.

«Оскорбленный, какъ издатель В. Е., г. К. рѣшился требовать защиты законовъ, какъ ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ и кавалеръ, и явился въ ценз. ком. съ жалобою на цензора, пропустившаго статью г. Полевова.

«Успокоясь насчетъ ужаснаго смысла вышепомянутаго примѣчанія, мы сожалѣли о бесполезномъ дѣйствіи почтеннаго редактора. Всѣ предвидѣли послѣдствія онаго. Въ статьѣ г. Полевова личная честь г. К. не была оскорблена. Говоря съ неуваженіемъ о его занятіяхъ литературныхъ, издатель М. Т. не упомянулъ ни о его службѣ, ни о тайнахъ домашней жизни, ни о качествахъ его души.

«Новое лицо выступило на сцену: цензоръ С. Н. Глинка явился отвѣтчикомъ. Пылкость и неустрашимость его духа обнаружались въ его рѣчахъ, письмахъ и дѣловыхъ запискахъ. Онъ увлекъ сердца краснорѣчіемъ сердца, и вопреки чувству уваженія и пре-

данности, глубоко питаемому нами къ почтенному профессору, мы желали побѣды храброму его противнику; ибо польза просвѣщенія и словесности требуетъ степени свободы, которая намъ дарована мудрымъ и благодѣтельнымъ уставомъ. В. В. Измайловъ, которому отечественная словесность уже многимъ обязана, снискалъ себѣ новое право на общую благодарность свободнымъ изъясненіемъ мнѣнія столь же умѣреннаго, какъ и справедливаго.

«Между тѣмъ, ожесточенный изд. М. Т. напечаталъ другую статью, въ коей дерзновенно подтвердилъ и оправдалъ первыя свои показанія. Вся литературная жизнь г. К. была разобрана по годамъ, всѣ занятія оцѣнены, всѣ простодушныя обмолвки выведены на позоръ. Г. П. доказалъ, что почтенный редакторъ пользуется славою ученаго мужа, такъ сказать, на честное слово; а донинѣ кромѣ переводовъ съ переводовъ, и кой-какихъ заимствованныхъ кое-гдѣ статей, ничего не произвелъ. Скучность, болѣе достойная сожалѣнія, нежели укоризны! Но что всего важнѣе, г. Полевой доказалъ, что Мих. Троф. нѣсколько разъ позволялъ себѣ личности въ своихъ критическихъ статейкахъ, что онъ упрекалъ изд. Телеграфа виновнымъ его заводомъ (пятномъ ужаснымъ, какъ извѣстно всему нашему дворянству!); что онъ неоднократно съ упрекомъ повторялъ г. Полевому, что сей послѣдній купецъ (другое, столь же ужасное обвиненіе!); и все сіе въ непристойныхъ, оскорбительныхъ выраженіяхъ. Тутъ уже мы приняли совершенно сторону г. Полевого. Никто, болѣе нашего, не уважаетъ истиннаго, родоваго дворянства, коего существованіе столь важно въ смыслѣ государственномъ; но въ мирной республикѣ наукъ, какое намъ дѣло до гербовъ и пыльныхъ грамотъ? Потомокъ Трувора или Гостомысла, трудолюбивый профессоръ, честный аудиторъ и страствующій купецъ равны передъ законами критики. Князь Вяземскій уже далъ однажды замѣтить неприличность сихъ аристократическихъ выходокъ; но не худо повторять полезныя истины.

«Однакожъ, таково дѣйствіе долговременнаго уваженія! И тутъ мы укоряли г. Полевого въ запальчивости и неумѣренности. Мы съ умиленіемъ взирали на почтеннаго старца, разстроеннаго до такой степени, что для поддержанія ученой своей славы принужденъ онъ былъ обратиться къ русскому букварю и преобразовать оный такъ, что свѣдѣнія Мих. Тр—ча въ греческой азбукѣ отнынѣ не подлежатъ уже никакому сомнѣнію.

«Съ вѣтерпѣніемъ ожидали мы развязки дѣла. Наконецъ рѣшеніе главнаго управленія цензуры водворило спокойствіе въ области словесности и прекратило распрю миромъ, равно выгоднымъ для побѣдителей и побѣжденныхъ». —

Чтобы понять настоящій смыслъ полемической статьи Пушкина, заключающіеся въ ней указанія и намеки, а также и тотъ интересъ, который возбудила она при своемъ появленіи, необхо-

димо обратиться къ свидѣтельству. первыхъ источниковъ, весьма живо рисующихъ тогдашніе времена и нравы.

18-го декабря 1828 года, профессоръ М. Т. Каченовскій подалъ въ Московскій цензурный комитетъ прошеніе слѣдующаго содержанія:

«Въ 20-й книжкѣ Московскаго Телеграфа на сей 1828-й годъ, издаваемаго купцомъ Николаемъ Полевымъ, и печатаемаго подъ цензурою г. майора и кавалера Сергѣя Глинки, на стран. 491-й, 492-й и 493-й, находятся выраженія укоризненные относительно къ моему лицу, и, не менѣе того, предосудительныя для мѣста, при которомъ имѣю счастье служить съ честію, съ дипломами на ученые степени и въ званіи ординарнаго профессора; выраженія сіи, крайне оскорбительныя для меня, совершенно противны § 3-го 4-му пункту, также §§ 13-му и 14-му высочайше утвержденнаго устава о цензурѣ, коими охраняется личная честь каждаго отъ оскорбленій. Поступокъ господина майора Глинки тѣмъ болѣе обиженъ для меня, что купецъ Полевой позволялъ себѣ и сотрудникамъ своимъ въ прежнихъ книжкахъ Телеграфа весьма часто, безъ всякаго повода литературнаго, упоминать объ имени моемъ съ неуваженіемъ и порицать мои труды, безъ всякихъ доказательствъ о степени ихъ достоинства, и что, слѣдовательно, г. цензоръ дѣйствовалъ по пристрастію, ибо не могъ не знать объ умыслѣ купца Полеваго, воспрепятствованномъ силою закона, въ § 70-мъ устава о цензурѣ. Будучи столь жестоко обиженъ передъ публикою, я, на основаніи того же § 70-го, покорнѣйше прошу цензурный комитетъ принять мѣры къ законному меня удовлетворенію и меня же снабдить копіею съ опредѣленія, какое по сему учинено будетъ».

Цензурный комитетъ потребовалъ объясненія отъ цензора С. Н. Глинки. На вопросы, предложенные Глинкою, Каченовскій отвѣчалъ цензурному комитету, упорно поддерживая обвиненіе.

— «Въ московскій цензурный комитетъ,
 «отъ статскаго совѣтника, ординарнаго профессора
 «и кавалера Каченовскаго

«Объясненіе.

«Вслѣдствіе опредѣленія онаго комитета, въ отношеніи, отъ 7-го января, подъ № 9-мъ, мнѣ объявленнаго, имѣю честь отвѣтствовать на пункты, предложенные господиномъ цензоромъ майоромъ и кавалеромъ Глинкою въ двухъ его донесеніяхъ комитету.

«Въ первомъ, отъ 2-го января, г. цензоръ желаетъ знать, какія именно выраженія почитаю я: 1) укоризненными моему лицу? 2) предосудительными мѣсту?

«Почитаю укоризненными моему лицу и предосудительными мѣсту тѣ самыя выраженія, которыя, какъ показалъ я въ своемъ прошеніи, находятся на 491-й, 492-й и 493-й страницахъ 20-й книжки

Московского Телеграфа, и которыя, какъ извѣстно господамъ членамъ комитета (кромѣ двухъ стороннихъ цензоровъ), найдены такими же и совѣтомъ императорскаго московскаго университета, сдѣлавшимъ уже свое о томъ представленіе, куда слѣдуетъ.

«Издатель Телеграфа, купецъ Полевой, не имѣлъ никакого права печатать, а г. цензоръ обязанъ былъ не позволять, слѣдующихъ выраженій, или оскорбительныхъ для чести моего лица, или даже относящихся до моей нравственности и предосудительныхъ для мѣста, при которомъ имѣю счастье служить съ честію, съ дипломами на ученые степени и въ званіи ординарнаго профессора: «Обѣщанія, какія всегда даетъ и не исполняетъ издатель Вѣстника Европы» и проч. «Мы напоминаемъ только Вѣстнику Европы, что не такъ должно ему братья за законы словесности». «Еслибъ онъ, старецъ по лѣтамъ, признался въ незнаніи своемъ, принялся за дѣло скромно, поучился, бросилъ свои смѣшныя предразсудки» и проч. «Но что сдѣлалъ до сихъ поръ издатель Вѣстника Европы? гдѣ права его?» и проч. «Юноши, обогнавшіе издателя В. Е., не виноваты, что они шли впередъ, когда издатель В. Е. засѣлъ на одномъ мѣстѣ и неподвижно просидѣлъ болѣе 20-ти лѣтъ» и проч. «Онъ даетъ поводъ у него потребовать доказательствъ на его права: гдѣ они?» и проч. «Самъ издатель В. Е. знаетъ по-гречески очень плохо» и проч. Я привожу здѣсь не всѣ мѣста, но цензурный комитетъ благоволилъ усмотрѣть, что не только на упомянутыхъ трехъ страницахъ Телеграфа, но и на прочихъ той же статьи, сочинитель дозволилъ себѣ упоминать обо мнѣ въ выраженіяхъ оскорбительныхъ для чиновника, долговременною и безпорочною службою своею, смѣю сказать, пріобрѣтшаго законныя права на уваженіе въ обществѣ, и не менѣе того для профессора, имѣющаго не только право, но и обязанность разсуждать о законахъ словесности и объ исторіи, которыя или преподавалъ, или до нынѣ преподавать съ честію, и которыхъ безъ знанія своего дѣла преподавать не можно въ такомъ высшемъ училищѣ, какимъ есть университетъ московскій. Купецъ Полевой напечаталъ, а г. цензоръ Глинка одобрилъ, не только оскорбительныя для чести моего лица непристойныя выраженія, запрещаемыя 4-мъ пунктомъ высочайше утвержденного устава, но и самыя клеветы, каковыми суть обвиненія несправедливыя, вовсе не подлежація обнародованію и предположенныя въ Телеграфѣ безъ всякихъ доказательствъ, на примѣръ, якобы я всегда даю обѣщанія и не исполняю (стр. 491), или то, чѣмъ будто бы я устилалъ себѣ дорогу въ храмъ безсмертія въ теченіи 25 лѣтъ (стр. 492) и вообще неосновательныя укоризны. Сіе и почти все, до меня касающееся, въ упомянутой книжкѣ Телеграфа (на которую покорнѣйше прошу московскій цензурный ко-

митеть обратить вниманіе) вовсе не принадлежит къ литературной критикѣ и есть, слѣдовательно, не опроверженіе какихъ либо мнѣній, не исправленіе погрѣшностей, терпимое и даже дозволенное, а предосудительное обнародованіе, запрещаемое 4-мъ пунктомъ 3-го §, также §§ 13-го и 14-го устава о цензурѣ.

«Во 2-мъ донесеніи, отъ 3-го января, г. цензоръ изъясняетъ желаніе знать: 1) Въ какомъ смыслѣ упомянулъ я о пристрастіи его, г. цензора, и 2) какимъ образомъ, по словамъ моимъ, онъ, г. цензоръ, не могъ не знать объ умыслѣ купца Полеваго.

«На сіе объясняю. Г. цензоръ, майоръ и кавалеръ Глинка, вѣдая возлагаемыя на него цензурнымъ уставомъ обязанности, и, однакожъ, одобряя къ напечатанію многократно повторенныя оскорбительныя для чести моей выраженія, равно какъ нескромное и предосудительное обнародованіе того, что относится до ученой службы моей и до нравственности, естественно дѣйствовалъ не по мгновенной оплошности, не по ошибкѣ или недосмотру, а по пристрастію. Къ сему присоединяю и еще доказательство, что г. цензоръ и кавалеръ Глинка не могъ не знать объ умыслѣ купца Полеваго, клонящемся къ оскорбленію чести моей непристойными выраженіями и предосудительнымъ обнародованіемъ того, что относится до моей нравственности, и самую даже клевету, когда и прежде уже неоднократно одобрялъ къ напечатанію то, что купецъ Полевой позволялъ себѣ и сотрудникамъ своимъ безъ всякаго повода литературнаго писать обо мнѣ, упоминать объ имени моемъ съ неуваженіемъ, порицать мои труды безъ всякихъ доказательствъ о степени ихъ достоинства. Напримѣръ:

«1) Въ Современномъ Наблюдателѣ въ первый разъ услышали откровенное признаніе, что Вѣстникъ Европы нынѣшняго издателя сухъ и тяжелъ», Моск. Телегр., 1828 года, № 5, стр. 104 и 105. «2) въ «Вѣстникѣ Европы» . . . «на каждой страницѣ встрѣтите подлужины барбаризмовъ и солецизмовъ», Моск. Телегр., 1828 года, № 12, стр. 506. «3) Программа въ этомъ мѣстѣ списана съ обертки Вѣстника Европы. Тамъ каждый годъ г. издатель обѣщаетъ: оды, гимны, отрывки изъ трагедій и комедій, элегіи, посланія, сатиры и проч. (зри обертку Вѣстника Европы какого угодно изъ послѣднихъ лѣтъ)»... «Издатель Вѣстника Европы не поэтъ и, по недороду поэзіи, не исполняетъ никогда своего обязательства на поставку одъ, гимновъ, элегіи». Моск. Телегр., 1828 года, № 15, стр. 462.

«Взводимое на меня здѣсь передъ публикою обвиненіе во всегдашнемъ неисполненіи моего обязательства есть одна изъ клеветъ, запрещаемыхъ закономъ. Доказываю прилагаемыми у сего четырьмя обертками, что въ истекшіе два года я не обѣщалъ ни гимновъ, ни элегіи, а въ прежніе годы не могъ обѣщать отрыв-

ковъ изъ трагедій и комедій, потому что помѣщеніе ихъ было запрещено передъ симъ лѣтъ за шесть или болѣе; о чемъ вѣдаютъ господа профессоры, присутствующіе въ комитетѣ.

«4) Московскаго Телеграфа, на 1828 годъ, въ № 19, на стр. 271-й, въ примѣчаніи упомянуто мое имя вмѣстѣ съ другими, а на слѣдующей, 272-й, сказано: «союзъ, смѣшеніе и заговоръ сихъ именъ въ виду имени заслугъ и славы Карамзина, все это явленіе болѣе смѣшное, нежели прискорбное для нашей литературной и народной чести».

«Все прописанное мною противно не только уставу о цензурѣ, но и прочимъ узаконеніямъ, охраняющимъ честь каждаго; оно запрещается и противно, именно: устава благочинія или полицейскаго § 123-му, касательно слуховъ, вредъ наносящихъ, лжеклеветы или поношенія, или злословія и проч.; § 270-му, коимъ повелѣвается учинившаго лживый поступокъ, имать подъ стражу и отослать къ суду; § 271-го, пункту 11-му, гдѣ повелѣвается учинившаго письма ругательныя отослать къ суду; § 272-му, пункту 9-му, гдѣ повелѣвается учинившаго разсѣваніе лжи и клеветы имать подъ стражу и отослать къ суду:

«За симъ, какъ жестоко обиженный передъ публикою, я, на основаніи § 70-го устава о цензурѣ, и вышеприведенныхъ параграфовъ устава благочинія или полицейскаго, повторительно прошу цензурный комитетъ принять мѣры къ оборонѣ меня отъ обидъ и къ законному удовлетворенію, и меня же снабдить копіею съ опредѣленія, какое по сему учинено будетъ. Января 24 дня, 1829-го года. На подлинномъ подписалъ: къ сему объясненію статскій совѣтникъ, ординарный профессоръ Михайлъ Трофимовъ сынъ Каченовскій руку приложилъ».—

Объясненіе, представленное С. Н. Глинкою въ цензурный комитетъ, вовсе непохоже на официальную бумагу: оно принадлежитъ къ числу самыхъ рѣзкихъ полемическихъ статей, появляющихся въ тогдашней литературѣ.

— «Въ московскій цензурный комитетъ,

«отъ майора и кавалера, цензора Сергѣя Николаева

«сына Глинки.

«Поелику господину статскому совѣтнику и кавалеру Каченовскому благоугодно было два раза безъ суда предать меня суду; во первыхъ, въ прошеніи своемъ, во вторыхъ въ объясненіи: то, на основаніи всѣхъ государственныхъ узаконеній, охраняющихъ гражданское бытіе каждаго лица, прошу покорно комитетъ вытребовать отъ г. статскаго совѣтника и кавалера Каченовскаго объясненіе: почему въ нарушение §§ 12, 15 и 47-го устава о цензурѣ, безъ предварительнаго и обстоятельнаго изслѣдованія начальства цензурнаго, превращаетъ онъ въ уголовное преступленіе полемическія и литературныя распри? Ибо въ сообразность 4-го пункта,

параграфа 3-го устава, во всѣхъ приведенныхъ имъ выраженіяхъ не только нѣтъ никакой клеветы на образъ его жизни, но даже ни слова не упомянуто о семейственномъ и нравственномъ его существованіи.

«А потому при семь, не только въ силу § 66-го устава о цензурѣ, но и какъ россиянинъ, любящій отечество, честь имѣю предложить разборъ того объявленія господина издателя Вѣстника Европы, по поводу котораго одобрилъ я къ напечатанію статью въ Телеграфѣ.

«Сообразно основательнымъ правиламъ словесности, надлежитъ предлагать о каждомъ предметѣ съ приличіемъ, свойственнымъ оному. Увѣдомленіе о изданіи журнала, есть объявленіе, не принадлежащее въ особенности ни къ какому разряду словесности. Оно требуетъ одного простаго, яснаго и опредѣлительнаго изложенія предмета.

«Разсмотримъ, такъ ли поступилъ г. издатель Вѣстника Европы.

«Послѣ нѣсколькихъ словъ, относящихся къ прежнему изданію Вѣстника, онъ продолжаетъ: «Не могу обѣщать всего; но имѣю справедливыя причины обнадежить почтенныхъ споспѣшествователей отечественнаго просвѣщенія, что Вѣстникъ между прочимъ представитъ имъ статьи новыя по содержанію. Область бытописаній неизмѣрима: нѣкоторыя мѣста въ ней донынѣ еще не были посѣщены изыскателями, ищущими открытій, на иныхъ проложены тропинки, теряющіяся въ тундрахъ бесплодныхъ».

«Г. издатель Вѣстника Европы напечаталъ объявленіе свое въ Москвѣ, слѣдственно подъ общимъ наименованіемъ бытописанія можно подразумѣвать и російскую исторію. Но Россія и Европа давно уже обратили вниманіе свое на трудъ знаменитаго нашего исторіографа Николая Михайловича Карамзина. Ужели и сей бытописатель оставилъ въ твореніи своемъ однѣ тропинки, теряющіяся въ тундрахъ бесплодныхъ? Ужели въ тѣ же тундры должно сослать всѣ изысканія о Россіи Миллера, Шлецера, Круга и другихъ мужей, извѣстныхъ умомъ и трудолюбіемъ?

«Ополчаясь на труды бытописателей, г. издатель Вѣстника Европы еще съ сильнѣйшимъ ожесточеніемъ нападаетъ на авторовъ, украшающихъ російскую словесность на различныхъ ея поприщахъ.

«Съ другой стороны,—воскликаетъ сочинитель объявленія—съ другой стороны видимъ безпомощное состояніе литературы, чудныя распри не за правое дѣло, а за невѣрныя выгоды первенства, усилія партій водрузить знамена свои на землѣ, которая не была воздѣлываема ихъ трудами. Законы словесности молчатъ при звукахъ журнальной полемики ¹⁾. Надобно, чтобъ голосъ ихъ доходилъ до

¹⁾ Слѣдовательно законы словесности молчали и при звукахъ той полемики, которою наполнены дѣльныя страницы Вѣстника Европы. Собственное признаніе всего убѣдительнѣе.

слуха любознательнаго, который не услаждается звуками кумвала бряцающаго и мѣди звенящей».

«Такимъ образомъ, загнавъ сперва труды всѣхъ историковъ въ тундры бесплодныхъ, новою грозною вылазкою г. издатель Вѣстника Европы домогается уничтожить всѣ произведенія новыхъ нашихъ писателей, которые, по мнѣнію его, водрузили знамена на чужой землѣ.

«Прибавимъ также съ чувствомъ благороднаго негодованія, что г. издатель Вѣстника Европы несправедливо утверждаетъ, будто бы литература наша въ безпомощномъ состояніи. Мы видѣли и видимъ, что и нынѣшнее правительство награждаетъ все то, что достойно награды. Карамзинъ, Гнѣдичъ, Булгаринъ, Грець и мног. (?) другіе служатъ тому неопровержимымъ доказательствомъ.

«Европа смотритъ на Россію зоркимъ окомъ и наблюдаетъ всѣ шаги нашего образованія и просвѣщенія. Переведите, если только можно перевести на какойнибудь языкъ выписанныя мною выраженія г. издателя Вѣстника Европы, переведите ихъ на нарѣчія иностранныя, и что скажутъ тогда европейскіе любители словесности, привыкшіе къ соображенію мыслей съ ясностью и точностію словъ; что скажутъ они о семъ туманномъ сбродѣ рѣчей? Да и я долженъ прибавить, что еслибъ у насъ всѣ стали такъ писать, то россійская словесность быстрыми бы шагами отступила къ тринадцатому столѣтію.

«Наконецъ долгомъ почитаю замѣтить, что г. статскій совѣтникъ и кавалеръ Каченовскій, уполномочивъ себя защищать то мѣсто, гдѣ служить, самъ на него доносить. Всѣмъ извѣстно, что г. издатель Вѣстника Европы, въ изданіи своемъ, нѣсколько лѣтъ подкрѣпляемъ былъ московскимъ университетомъ. Какъ же онъ о томъ объясняется? Приведемъ его слова. «Распорядитель, говоритъ онъ въ объявленіи своемъ, менѣе ограниченный обстоятельствами, далѣе видитъ, свободнѣе соображаетъ, рѣшительнѣе дѣйствуетъ».

«Ужели университетъ ограничивалъ его обстоятельствами? Ужели университетъ мѣшалъ ему далѣе видѣть? Ужели университетъ не давалъ ему свободы соображать и рѣшительнѣе дѣйствовать?»

«Вслѣдствіе сего изложенія, покорно прошу московскій цензурный комитетъ вытребовать отъ г. статскаго совѣтника и кавалера Каченовскаго: во первыхъ: такъ ли я читалъ его объявленіе; а во вторыхъ: имѣлъ ли я право, въ силу §§ устава о цензурѣ 7, 12, 15 и 47 одобрить статью, имъ избличаемую, право, которое онъ въ объясненіи своемъ оспариваетъ властительнымъ приговоромъ?»

«Подписалъ: къ сему объясненію руку приложилъ майоръ и кавалеръ, цензоръ Сергѣй Николаевъ сынъ Глинка». —

«1-го февраля 1829 года».

Сторону Каченовскаго приняли: совѣтъ московскаго университета и московскій цензурный комитетъ; сторону Глинки—цензоръ В. В. Измайловъ и главное управленіе цензуры.

Совѣтъ московскаго университета находилъ, что статью, помѣщенною въ двадцатомъ номерѣ «Московскаго Телеграфа», унижена честь профессора Каченовскаго и тѣмъ оскорблено даже начальство университета, и просилъ предсѣдателя цензурнаго комитета принять начальническія мѣры для законнаго взысканія и для отвращенія на будущее время подобнаго оскорбленія личности служащихъ въ университетѣ.

Московскій цензурный комитетъ, по большинству голосовъ, призналъ жалобу Каченовскаго справедливою и основательною, и представляя ее высшему начальству, просилъ «опредѣлительнаго предписанія—пропускать такія только критики, въ которыхъ явственно доказываются недостатки разбираемой книги, а не знанія самого писателя, что и для усовершенствованія литературы полезнѣе и съ цѣлію критики сообразнѣе».

В. В. Измайловъ не согласился съ большинствомъ, и подалъ такого рода особое мнѣніе:

— «Въ московскій цензурный комитетъ.

«Имѣю честь изложить мое мнѣніе о дѣлѣ, которое насъ занимаетъ.

«Правительство, основывая свои дѣйствія на законахъ государственнаго блага, имѣло въ виду: чрезъ законъ цензуры удержатъ книгопечатаніе въ границахъ осторожности; но согласно съ требованіями просвѣщенія и вѣка, не позволило цензурѣ поработать свободу мыслей, какъ видно изъ устава, по которому книги подвергаются запрещенію только въ немногихъ случаяхъ важныхъ, но рѣдкихъ, гдѣ, въ смыслѣ государственныхъ правилъ, есть злоупотребленіе права излагать свои мысли. Далѣе, желая всячески ускорять, а не замедлять ходъ разума и успѣхи гражданственности, желая даже совѣтоваться съ общественнымъ мнѣніемъ и мыслящими писателями, правительство вызываетъ ихъ говорить, и говорить именно объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, о сочиненіяхъ и статьяхъ отъ казенныхъ мѣстъ издаваемыхъ, слѣдственно съ неоспоримымъ правомъ объ ученыхъ достоинствахъ всякаго писателя, какому бы ученому обществу онъ ни принадлежалъ и какое бы мѣсто ни занималъ въ порядкѣ гражданскомъ.

«Теперь спрашиваю: на что можетъ цензоръ сослаться или опереться въ уставѣ, намъ данномъ, чтобы переменить или запретить критику одного журналиста на другаго, критику, хотя бы и рѣзкую, но чисто литературную. Говорятъ, на 4-й пунктъ, 3-го параграфа, гдѣ запрещается оскорблять честь какаго либо лица; но честь личная не одно съ достоинствомъ литературнымъ, и нанесенное кому-либо неудовольствіе, какъ автору или издателю, не имѣетъ

ничего общаго съ оскорбленіемъ человѣка, какъ гражданина или какъ чиновника; и если изъ критики можно вывести безвыгодное заключеніе о талантахъ или учености осуждаемаго писателя, это не касается до цензора; не его дѣло смотрѣть на слѣдствія критики и на ученую степень разбираемаго сочинителя. Иначе нельзя будетъ пропустить ни одной критической статьи противъ литераторовъ, занимающихъ государственныя мѣста. Въ самомъ дѣлѣ, тотъ прозаикъ, но судья; тотъ поэтъ, но сенаторъ; другой журналистъ, но академикъ; не смѣйте же касаться ни того, ни другаго. Вотъ что вопреки уставу о цензурѣ воспослѣдовало бы изъ новой требуемой строгости; наконецъ, можетъ ли какое либо ученое мѣсто требовать, чтобы его члены были недоступны строгому суду литературному подѣ защитой своихъ именъ и своихъ титуловъ? и можетъ ли частное осужденіе одного изъ нихъ въ литературномъ отношеніи падать на цѣлое общество, гдѣ онъ занимаетъ мѣсто? По крайней мѣрѣ не такъ думали до нынѣшняго времени, когда никто не протестовалъ ни противъ строгой критики Макарова на вице-адмирала Шишкова, ни противъ другихъ обидныхъ критиковъ, писанныхъ на исторіографа Карамзина, ни противъ недавней сильной рецензіи на статсъ-секретаря Муравьева, хотя всѣ упомянутые писатели стоятъ въ спискѣ почетныхъ членовъ російской академіи и московскаго университета. Когда же подобныя рецензіи на академиковъ и государственныхъ людей были донынѣ терпимы, то еще болѣе разрѣшены они правилами новаго устава, и цензоръ обязанъ съ нимъ согласоваться, не позволяя себѣ ни своевольнаго отступленія, ни самовольнаго дѣйствія.

«Но подавъ свой голосъ въ защищеніе того, что мнѣ кажется справедливою, я присоединяюсь къ общему мнѣнію и желанію всего комитета, чтобы, особеннымъ наказомъ, дано было цензору право прекратить бранную полемику, выходящую нынѣ изъ границъ вѣжливости и умѣренности; до того времени мы не можемъ дѣйствовать сами собою по своему произволу.

«Прошу покорно приобщить мой голосъ къ бумагамъ, относящимся къ сему дѣлу, и вмѣстѣ съ ними препроводить куда разсудитъ цензурный комитетъ перенести сіе дѣло. Подписаль: цензоръ Вл. Измайловъ». —

Жалоба Каченовскаго и всѣ относящіяся къ дѣлу документы представлены были въ главное управленіе цензуры, въ которомъ и состоялось слѣдующее опредѣленіе:

«Главное управленіе цензуры, разсмотрѣвъ вышеупомянутую статью, признало, что выраженія, на которыя принесъ жалобу г. Каченовскій, относятся единственно къ литературнымъ изданіямъ его, не содержатъ въ себѣ ничего оскорбительнаго для его личной чести. Посему, соглашаясь въ полной мѣрѣ съ мнѣніемъ г. цензора Измайлова, управленіе нашло, что г. цензоръ Глинка не могъ вос-

претить напечатаніе вышеупомянутой статьи, какъ не заключающей въ себѣ ничего противнаго общимъ правиламъ устава о цензурѣ. При семъ, главное управленіе замѣтило, что въ споръ совершенно литературный не слѣдовало бы вмѣшивать достоинство службы государственной и высшаго учебнаго сословія. Раздѣляя съ московскимъ цензурнымъ комитетомъ желаніе, чтобы вообще литературныя критики въ поврежденныхъ изданіяхъ русскихъ приняли сколько можно лучшій и приличнѣйшій тонъ, и чтобъ въ нихъ были соблюдаемы всѣ условія вѣжливости и учтивости; но не находя въ уставѣ о цензурѣ постановленія, дающаго цензурнымъ комитетамъ право воспрещать по симъ только уваженіямъ литературныя сужденія о книгахъ и ученыхъ изданіяхъ, не выходящія впрочемъ изъ предѣловъ благопристойности и не обидныя для нравственности и чести, главное управленіе цензуры признало, что исправленіе сего недостатка въ литературѣ надлежитъ предоставить вліянію читающей публики и дѣйствию общаго вкуса».

Этимъ-то рѣшеніемъ главнаго управленія цензуры и было, по словамъ Пушкина, водворено спокойствіе въ области словесности, взволнованной полемическими статьями двухъ журналовъ и жалобой одного изъ редакторовъ на цензора.

Самымъ ожесточеннымъ противникомъ Пушкина былъ Булгаринъ, большой охотникъ до журнальной полемики и обличительныхъ статей. Поводовъ къ столкновенію между Пушкинымъ и Булгаринымъ представлялось довольно много. Не говоря уже о различіи литературныхъ взглядовъ и направленій, о журнальной дѣятельности и критическихъ статьяхъ болѣе или менѣе обидныхъ для авторовъ разбираемыхъ произведеній, самыя условія, въ которыя поставленъ былъ Пушкинъ, давали новую пищу недобвѣрію къ Булгарину, пользовавшемуся особеннымъ покровительствомъ сильныхъ тогдашняго міра. Извѣстно, что Пушкинъ находился подъ постояннымъ надзоромъ Бенкендорфа, а о Булгаринѣ ходили слухи, что онъ состоитъ при Бенкендорфѣ въ качествѣ чиновника особыхъ порученій, преимущественно по литературнымъ дѣламъ. Трудно было разобратъся во всѣхъ этихъ слухахъ и предположеніяхъ, и нѣтъ ничего удивительнаго, если на Булгарина падали подозрѣнія, въ иныхъ случаяхъ и неосновательныя, тѣмъ болѣе, что самъ Булгаринъ не прочь былъ подчасъ похвалиться своею дружбою съ Бенкендорфомъ и Дубельтомъ.

Появленіе романа Булгарина: «Димитрій Самозванецъ» послужило однимъ изъ сильнѣйшихъ поводовъ къ полемикѣ, достигшей крайняго раздраженія и вышедшей изъ литературныхъ предѣловъ.

Предчувствуя бѣду, Булгаринъ пишетъ Пушкину: «Съ величайшимъ удивленіемъ услышалъ я отъ Олина, будто вы говорите, что я ограбилъ вашу трагедію Борисъ Годуновъ, пере-

ложилъ ваши стихи въ прозу, и взялъ изъ вашей трагедіи сцены для моего романа! Александръ Сергѣевичъ, поберегите свою славу! Можно ли возводить на меня такія небылицы? Я не читалъ вашей трагедіи, кромѣ отрывковъ печатныхъ, я слыхалъ только о ея составѣ отъ читавшихъ и отъ васъ. Мнѣ рассказали содержаніе, и я, признаюсь, не соглашался во многомъ. Говорятъ, что вы хотите напечатать въ «Литературной Газетѣ», что я обокралъ вашу трагедію!.. Для меня непостижимо, чтобы въ литературѣ можно было дойти до такой степени... Съ истиннымъ уваженіемъ и любовью есмь вашъ на вѣки Ѳ. Булгаринъ» ¹⁾).

Письмо Булгарина писано 18-го февраля 1830 года, а 7-го марта того же года появился въ «Литературной Газетѣ» разборъ романа Булгарина: «Димитрій Самозванецъ». О заимствованіяхъ изъ «Бориса Годунова» не было сказано ни слова въ этомъ разборѣ. Только впоследствии, въ самомъ разгарѣ полемики, въ «Литературной Газетѣ» сдѣлано ироническое замѣчаніе объ искусствѣ Булгарина пользоваться чужими трудами: «Въ Сѣверной Пчелѣ прочли мы, будто бы Пушкинъ, описывая Москву, взялъ обильную дань изъ Горя отъ ума и просимъ не прогибаться — изъ другой извѣстной книги. Не называетъ ли Сѣверная Пчела извѣстною книгою Ивана Выжигина? Обвинимъ Пушкина и въ другомъ, еще важнѣйшемъ похищеніи: онъ многое заимствовалъ изъ романа: Димитрій Самозванецъ, и сими хищеніями удачно съ искусствомъ, ему свойственнымъ, украсилъ свою историческую трагедію: Борисъ Годуновъ, хотя тоже, по странному стеченію обстоятельствъ, имъ написанную за пять лѣтъ до рожденія историческаго романа г. Булгарина» ²⁾).

Особенно обиднымъ для Булгарина было то, что его не считаютъ русскимъ писателемъ. Въ разборѣ романа, помѣщенномъ въ «Литературной Газетѣ», между прочимъ сказано: «Мы будемъ снисходительны къ роману «Димитрій Самозванецъ»: мы извинимъ въ немъ повсюду выказывающееся, пристрастное предпочтеніе народа польскаго передъ русскимъ. Намъ пріятно видѣть въ г. Булгаринѣ поляка, ставящаго выше всего свою націю; но мы бы еще съ большимъ удовольствіемъ прочли повѣсть о тѣхъ временахъ, сочиненную писателемъ русскимъ» ³⁾. Авторомъ критической статьи былъ баронъ Дельвицъ, а о Пушкинѣ замѣчено въ одномъ изъ слѣдующихъ номеровъ: «А. С. Пушкину предлагали написать критику историческаго романа г. Булгарина; онъ отказался, говоря: «чтобы критиковать книгу, надобно ее прочесть, а я на свои силы не надѣюсь» ⁴⁾. Статья напечатана безъ имени автора, и Булгаринъ,

¹⁾ Бумаги А. С. Пушкина. Выпускъ первый. 1881, стр. 29.

²⁾ «Литературная Газета». 1830, апрѣля 6, томъ I, № 20, стр. 161.

³⁾ «Литературная Газета». 1830, марта 7, т. I, № 14, стр. 112—118.

⁴⁾ «Литературная Газета». 1830, августа 9, т. II, № 45, стр. 72.

полагая, что она принадлежит Пушкину, сталь помѣщать въ «Сѣверной Пчелѣ» статьи, направленные противъ Пушкина и какъ писателя, и какъ человѣка.

О замѣчательнѣйшей литературной новости своего времени, о седьмой главѣ Евгенія Онѣгина, «Сѣверная Пчела» отозвалась какъ о пустой и жалкой книжонкѣ. Чтобы отомстить за разборъ романа Булгарина, помѣщенный въ «Литературной Газетѣ», рецензентъ «Сѣверной Пчелы» глумится надъ новымъ произведеніемъ Пушкина, и всячески старается уронить его во мнѣніи читателей. «Мы сперва подумали — ядовито замѣчаетъ рецензентъ — что это мистификація, просто шутка или пародія, и не прежде увѣрились, что эта глава есть произведеніе сочинителя «Руслана и Людмилы», пока книгопродавцы насъ не убѣдили въ этомъ. Глава VII испещрена балагурствомъ; ни одной мысли въ этой водянистой главѣ, ни одного чувствованія, ни одной картины, достойной возрѣнія! Совершенное паденіе, chute complète! Всѣ вводныя и вставныя части, всѣ постороннія описанія такъ ничтожны, что намъ вѣрить не хочется, чтобъ можно было печатать такія мелочи. Съ величайшимъ наслажденіемъ находимъ двѣ пропущенныя самимъ авторомъ строфы, а вмѣсто нихъ двѣ прекрасныя римскія цифры VIII и IX. Какъ это пестритъ поэму и заставляеть читателя мечтать, догадываться о небываломъ! Является новое дѣйствующее лицо на сцену—жукъ!..» и т. д. ¹⁾.

Перломъ полемической дѣятельности Булгарина служитъ статья, помѣщенная въ «Сѣверной Пчелѣ» подъ видомъ анекдота, заимствованнаго изъ англійскаго журнала, и наполненная рѣзкими и возмутительными выходками противъ Пушкина. По словамъ «Сѣверной Пчелы», Пушкинъ—человѣкъ безпутный и безнравственный, картежникъ, кутила, готовый на самую унижительную лестъ для полученія камеръ-юнкерскаго мундира. Пушкинъ выведенъ въ статьѣ подъ именемъ природнаго француза, а Булгаринъ подъ именемъ писателя-иноземца Гофмана. Сопоставленіе Булгарина съ французскимъ писателемъ Гофманомъ, нѣмцемъ по происхожденію, не разъ встрѣчается на страницахъ «Сѣверной Пчелы» и дѣлалось обыкновенно съ тою цѣлію, чтобы возвысить Булгарина и уколоть критиковъ, непризнававшихъ его вполнѣ русскимъ писателемъ. Возражая Воейкову, Н. И. Гречъ говоритъ въ защиту своего «ловкаго» товарища: «Булгаринъ, конечно, родился въ Польшѣ, писалъ и попольски, но теперь онъ пишетъ по русски, и стяжалъ неотъемлемое право литератора русскаго. Вспомнимъ, что Гофманъ, одинъ изъ первыхъ французскихъ критиковъ, по фамиліи нѣмецъ. Многія статьи Булгарина переведены на нѣмец-

¹⁾ «Сѣверная Пчела». 1830, марта 22, № 35. Новая книга. Евгеній Онѣгинъ, романъ въ стихахъ. Глава VII. Сочиненіе Ал. П. 1830.

кій и французскій языки и украшаютъ лучшіе европейскіе журналы: подъ каждою отмѣчено: переводъ съ русскаго языка. Самые строгіе критики иностранные отдаютъ справедливость его трудамъ по изданію «Сѣвернаго Архива»,—прочтите разныя книжки и листки журналовъ: *Geographische Ephemeriden*, *Annales des voyages*, *Morgenblatt*, *Abendzeitung*, *Freymüthiger*, *Lesefrüchte*, и вы въ этомъ удостовѣритесь. Еще недавно Меркель, гроза германскихъ авторовъ-самозванцевъ, отозвался съ безпристрастною хвалою о статьяхъ Булгарина» и т. д. ¹⁾.

Ближайшимъ поводомъ къ злобной статьѣ Булгарина противъ Пушкина было приведенное нами мѣсто въ разборѣ «Димитрія Самозванца». Вотъ какого рода «анекдотъ» рассказываетъ въ «Сѣверной Пчелѣ» англичаниномъ:

«Путешественники гнѣваются на нашу старую Англію (*Old England*), что чернь въ ней невѣжливо обходится съ иноземцами, и вмѣсто бранныхъ словъ употребляетъ названіе иноземнаго народа. Но подобные невѣжды есть вездѣ и даже въ классѣ людей, имѣющихъ притязаніе на образованность. *Tous les gascons ne sont pas en Gascogne!* Извѣстно, что въ просвѣщенной Франціи иноземцы, занимающіеся словесностью, пользуются особеннымъ уваженіемъ туземцевъ. Мальте-Брунъ, Дешпингъ, Гофманъ и другіе служатъ тому примѣромъ. Надлежало имѣть исключеніе изъ правила; и появился какой-то французскій стихотворецъ, который, долго морочивъ публику передразниваніемъ Байрона и Шиллера (хотя не понималъ ихъ въ подлинникѣ), наконецъ, упалъ въ общемъ мнѣніи, отъ стиховъ хватился за критику, и разбранилъ новое сочиненіе Гофмана самымъ безстыднымъ образомъ. Чтобъ уронить Гофмана въ мнѣніи французовъ, злой человекъ упрекнулъ автора тѣмъ, что онъ не природный французъ, и представляетъ въ комедіяхъ своихъ странности французовъ съ умысломъ для возвышенія своихъ земляковъ-нѣмцевъ. Гофманъ вмѣсто отвѣта на ложное обвиненіе и невѣжественный упрекъ, напечаталъ къ одному почтенному французскому литератору письмо слѣдующаго содержанія: «Дорожа вашимъ мнѣніемъ, спрашиваю у васъ, кто достоинъ болѣе уваженія изъ двухъ писателей: предъ вами предстаютъ на судъ, во первыхъ природный французъ, служащій усерднѣе Бахусу и Плутусу, нежели музамъ, который въ своихъ сочиненіяхъ не обнаружилъ ни одной высокой мысли, ни одного возвышеннаго чувства, ни одной полезной истины; у котораго сердце холодное и нѣмое существо какъ устрица, а голова—родъ побрякушки, набитой гремучими риемами, гдѣ не зародилась ни одна идея; который, подобно изступленнымъ, въ баснѣ Пильпая, бросающимъ камнями въ небеса, бросаетъ риемами во все священное, чванится предъ чернью вольнодумствомъ, а тиш-

¹⁾ «Сынъ Отечества» 1825, № XI, стр. 294, 296, 303—305.

комъ ползаетъ у ногъ сильныхъ, чтобъ позволили ему нарядиться въ шитый кафтанъ; который мараетъ бѣлые листы на продажу, чтобъ спустить деньги на крапленыхъ листахъ, и у котораго одно господствующее чувство—суетность. Во вторыхъ иноземецъ, который во всю жизнь не измѣнялъ ни правиламъ своимъ, ни характеру, былъ и есть вѣренъ долгу и чести, любилъ свое отечество до присоединенія онаго къ Франціи и послѣ присоединенія любить вмѣстѣ съ Франціей; который за гостепрѣимство заплатилъ Франціи собственною кровью, на полѣ битвъ, а нынѣ платитъ ей дань

О. В. Булгаринъ (въ молодости).

Съ портрета, приложеннаго къ изданію «Сто русскихъ литераторовъ».

жертвою своего ума, чувствованій и пламеннымъ желаніемъ видѣть ее славною, великою, очищенною отъ всѣхъ моральныхъ недуговъ; который пишетъ только то, что готовъ сказать каждому въ глаза, и говоритъ, что радъ напечатать. Рѣшите, м. г., кто достоинъ болѣе уваженія». На сіе французскій литераторъ отвѣчалъ слѣдующее: «Въ семьѣ не безъ урода. Трудитесь на полѣ нашей словесности, и не обращайтесь вниманія на пасущихся животныхъ, потребныхъ для удобренія почвы. Пристрастная критика есть матеріалъ удобренія; но этотъ матеріалъ, согнивая, не заражаетъ ни зерна, ни плода, а напротивъ утучняетъ ниву». Утѣшься, Джонъ-Буль, не ты одинъ бросаешь камнями и грязью въ добрыхъ иноземцевъ».

(Изъ англ. журнала).

Статья Булгарина была между прочимъ разсчитана и на то, чтобы еще болѣе повредить Пушкину во мнѣніи Бенкендорфа. Пушкинъ понялъ это очень хорошо, и въ приливѣ негодованія писалъ Бенкендорфу, 24-го марта 1830 года: «M-r Boulgarine, qui dit avoir de l'influence auprès de vous, est devenu un de mes ennemis les plus acharnés à propos d'une critique qu'il m'a attribuée. Après l'infame article qu'il a publié sur moi, je le crois capable de tout. Il m'est impossible de ne pas vous prévenir sur mes relations avec cet homme, car il pourrait me faire un mal infini» ¹⁾.

Бенкендорфъ отвѣчалъ Пушкину: «Quant à mr. Boulgarin il ne m'a jamais parlé de vous par la bonne raison que je ne le vois que deux ou trois fois par an, et je ne l'ai vu ce dernier tems que pour le réprimander» ²⁾.

Литературнымъ отвѣтомъ Пушкина на вызовъ Булгарина была остроумная замѣтка о сочиненіи полицейскаго сыщика Видока:

— «Въ одномъ изъ №№ «Литературной Газеты» упоминали о запискахъ парижскаго палача; нравственныя сочиненія Видока, полицейскаго сыщика, суть явленіе не менѣ отвратительное, не менѣ любопытное.

«Представьте себѣ человѣка безъ имени и пристанища, живущаго ежедневными донесеніями, женатаго на одной изъ тѣхъ несчастныхъ, за которыми по своему званію обязанъ онъ имѣть при-смотръ, отъявленнаго плута, столь же безстыднаго, какъ и гнусаго, и потомъ вообразите себѣ, если можете, что должны быть нравственныя сочиненія такого человѣка.

«Видокъ въ своихъ запискахъ именуется себя патриотомъ, кореннымъ французомъ (un bon Français), какъ будто Видокъ можетъ имѣть какое нибудь отечество! Онъ увѣряетъ, что служилъ въ военной службѣ, и какъ ему не только дозволено, но и предписано всячески переодѣваться, то и щеголяетъ орденомъ почетнаго легіона, возбуждая въ кофейняхъ негодованіе честныхъ бѣдняковъ, состоящихъ на половинномъ жалованьѣ (officiers à la demi-solde). Онъ нагло хвастается дружбою умершихъ извѣстныхъ людей, находившихся въ сношеніи съ нимъ (кто молодежь не бывалъ? а Видокъ человѣкъ услужливый, дѣловой). Онъ съ удивительной важностію

¹⁾ Г. Булгаринъ, имѣющій, по его словамъ, у васъ вліяніе, сдѣлался моимъ жесточайшимъ врагомъ вслѣдствіе критики, которую онъ мнѣ приписываетъ. Послѣ гнусной статьи, написанной имъ обо мнѣ, я считаю его способнымъ на все. Я долженъ предупредить васъ о моихъ отношеніяхъ къ этому человѣку, ибо онъ могъ бы надѣлать мнѣ безчисленныхъ бѣдъ.

²⁾ Что касается до г. Булгарина, то онъ мнѣ никогда не говорилъ о васъ, по той простой причинѣ, что я вижу его не болѣе двухъ-трехъ разъ въ годъ, и въ послѣднее время видѣлся съ нимъ только для того, чтобы сдѣлать ему выговоръ.

толкуеть о хорошемъ обществѣ, какъ будто входъ въ оное можетъ ему быть дозволенъ, и строго разсуждаетъ объ извѣстныхъ писателяхъ, отчасти надѣясь на ихъ презрѣніе, отчасти по расчету: сужденія Видока о Казимирѣ де-ла-Винѣ, о Б. Констанѣ, должны быть любопытны именно по своей нелѣпости.

«Кто бы могъ повѣрить? Видокъ честолюбивъ! Онъ приходитъ въ бѣшенство, читая неблагоклонный отзывъ журналистовъ о его слогѣ (слогъ г. Видока!). Онъ при семъ случаѣ пишетъ на своихъ враговъ доносы, обвиняетъ ихъ въ безправственности и вольнодумствѣ, и толкуеть (не въ шутку) о благородствѣ чувствъ и независимости мнѣній: раздражительность смѣшная во всякомъ другомъ писацѣ, но въ Видокѣ утѣшительная, ибо видимъ изъ нея, что человѣческая природа, въ самомъ гнусномъ своемъ уничиженіи, все еще сохраняетъ благоговѣніе передъ понятіями, священными для человѣческаго рода» ¹⁾.

Мѣткая статья Пушкина прямо попала въ цѣль: въ Видокѣ всѣ узнали Булгарина. Видокъ (Vidocq) былъ начальникомъ парижской тайной полиціи, и въ 1828—1829 года вышли въ Парижѣ его записки, въ четырехъ томахъ, подъ заглавіемъ: *Mémoires de Vidocq, chef de police de sûreté jusqu'en 1872, aujourd'hui propriétaire et fabricant de papier*. Увѣренность въ томъ, что сказанное Пушкинымъ о Видокѣ относится къ Булгарину, была такъ сильна въ тогдашнемъ обществѣ, что цензура стала запрещать статьи о Видокѣ. Въ засѣданіи с.-петербургскаго цензурнаго комитета, 11-го ноября 1830 года, слушали статью для «Литературныхъ Прибавленій къ Русскому Инвалиду» подъ заглавіемъ: Два слова объ исторіи Видока. «Засѣданіе комитета, усматривая въ оной довольно очевидные намеки на русское сочиненіе, выраженные словами оскорбительными для того лица, къ которому относятся оныя, полагало воспретить напечатаніе сей статьи». Главное управленіе цензуры потребовало объясненія, къ какому русскому сочиненію и почему можетъ относиться содержаніе означенной статьи. Попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа, представилъ, 11-го декабря 1830 года, слѣдующее объясненіе:

«Въ № 50 Литературной Газеты, апрѣля 6-го, напечатана была статья о Видокѣ, полицейскомъ сыщикѣ, и около того же времени ходила по рукамъ въ рукописи эпиграмма:

Не то бѣда, что ты полявъ:
Костюшко—ляхъ,
Мицкевичъ—ляхъ!
Пожалуй, будь себѣ татаринъ,—
И въ томъ не вижу я стыда;
Будь жидъ,—и это не бѣда;
Но то бѣда, что ты—Видокъ Фигляринъ.

¹⁾ «Литературная Газета» 1830 года, апрѣля 6-го, т. I, № 20, стр. 162.

«Неизвѣстно мнѣ почему, многіе предполагали, что обѣ сіи пьесы написаны на счетъ Булгарина. Между тѣмъ сія самая эпиграмма, 26-го апрѣля же мѣсяца, напечатана въ 17 № Сына Отечества и Сѣвернаго Архива съ перемѣною только двухъ словъ, а именно: вмѣсто Видокъ Фигляринъ сказано Өаддей Булгаринъ. Послѣ таковой, такъ сказать, гласности, я полагалъ, что и статья: «Два слова объ исторіи Видока» не можетъ быть допущена къ печатанію».

Вопросъ о степени вліянія Булгарина на Бенкендорфа имѣлъ существенное значеніе для Пушкина, ожидавшаго для себя большихъ невзгодъ вслѣдствіе враждебнаго ему вліянія. Сочиненія Пушкина не иначе появлялись въ печати, какъ по предварительномъ просмотрѣ ихъ Бенкендорфомъ; Пушкинъ могъ перемѣнить свое мѣстопребываніе не иначе, какъ съ разрѣшенія Бенкендорфа; въ различныхъ и чрезвычайно важныхъ обстоятельствахъ своей частной жизни Пушкинъ вынужденъ былъ обращаться къ Бенкендорфу, и т. д. Понятно, что Пушкинъ не могъ оставаться равнодушнымъ къ тому, какіе люди окружаютъ Бенкендорфа и пользуются его особеннымъ довѣріемъ.

Со времени полемики Пушкина съ Булгаринымъ, утвердилось у насъ мнѣніе, что Булгаринъ былъ довѣреннымъ лицомъ у Бенкендорфа и Дубельта, и своими доносами немало надѣлалъ вреда литературѣ и литераторамъ. Такъ какъ на Булгарина падаетъ обвиненіе въ навѣтахъ на величайшаго изъ нашихъ поэтовъ, то отношенія Булгарина къ лицу, подъ надзоромъ котораго находился поэтъ, получаютъ своего рода интересъ для исторіи литературы того времени. Чтобы содѣйствовать разъясненію вопроса, приводимъ нѣсколько данныхъ, за достовѣрность которыхъ ручаются самые ихъ источники; между ними много собственноручныхъ рукописей Булгарина.

Вначалѣ Бенкендорфъ принималъ, повидимому, большое участіе въ Булгаринѣ, опредѣлилъ его на службу и до нѣкоторой степени пользовался его услугами. Но скоро наступило охлажденіе, Бенкендорфъ не обращался къ перу Булгарина, какъ будто бы неоправдавшаго возлагаемыхъ на него надеждъ. Иной разъ Булгаринъ долженъ былъ просить какъ милости, чтобы прочитали ту или другую изъ составленныхъ имъ записокъ. А письма и записки Булгарина въ высшей степени любопытны. Главная цѣль ихъ выставить какъ можно ярче недостатки тогдашней администраціи. Авторъ гораздо болѣе и гораздо рѣзче говоритъ о цензурѣ, нежели о литературѣ, хотя и то небольшое, что говорится о литературѣ, очень похоже на доносъ. Что касается собственно Пушкина, то о немъ только нѣсколько строкъ въ перепискѣ Булгарина, укоряющаго Пушкина въ безнравственности. Укоръ этотъ сдѣланъ съ цѣлію чисто-практическою: Булгаринъ доказываетъ свои права,

какъ писателя благонамѣреннаго, на получение денежной ссуды, которая выдана была и такому безнравственному вольнодумцу, какъ Пушкинъ, и т. п. Всего отвратительнѣе то, что Булгаринъ позволилъ себѣ подобную выходку тогда, когда Пушкинъ давно уже былъ въ могилѣ...

Благодаря участию Бенкендорфа и «похвальнымъ литературнымъ трудамъ», Булгаринъ «избавился отъ званія французскаго капитана» и вступилъ въ русскую службу. 28-го октября 1826 года генераль-адъютантъ Бенкендорфъ увѣдомилъ министра народнаго просвѣщенія А. С. Шишкова, что бывший капитанъ французской службы Булгаринъ, обратившій на себя вниманіе похвальными литературными трудами, «желаетъ поступить на службу и посвятить способности свои занятіямъ общепользынымъ»,— и что государь императоръ высочайше соизволяетъ на причисленіе Булгарина въ министерство народнаго просвѣщенія. 30-го сентября 1826 года Булгаринъ подалъ министру Шишкову слѣдующую «всепокорнѣйшую» просьбу: «Имѣя желаніе вступить въ службу Его Императорскаго Величества и продолжать оную въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, всепокорнѣйше прошу ваше высокопревосходительство о исходатайствованіи на сіе высочайшаго его Императорскаго Величества соизволенія. Отставной капитанъ бывшихъ французскихъ войскъ Ѳаддей Венедиктовъ сынъ Булгаринъ». 22-го ноября 1826 года послѣдовалъ указъ правительствующему сенату: «Обращая вниманіе на похвальные литературные труды бывшаго французской службы капитана Ѳаддея Булгарина, всемилостивѣйше повелѣваемъ переименовать его въ 8-й классъ и причислить на службу по министерству народнаго просвѣщенія». Сохранилась любопытная записка о «похвальныхъ литературныхъ трудахъ» Булгарина, открывшихъ ему путь для вступленія въ русскую службу:

— «Многіе ученые, литераторы и художники, не только иностранные, всемилостивѣйше производимы были прямо въ штабъ-офицерскіе чины по статской службѣ, изъ уваженія къ ихъ трудамъ, на которые они посвящая время, не могли заниматься службою. Ѳаддей Булгаринъ, въ продолженіе десятилѣтняго своего пребыванія въ С.-Петербургѣ, снискалъ себѣ уваженіе отличнѣйшихъ людей сей столицы за свое поведеніе, и заслужилъ благосклонность публики своими литературными трудами. Булгаринъ почелъ бы себя счастливымъ, еслибъ могъ получить статскій чинъ, нѣсколько сообразный съ его лѣтами, и избавиться отъ званія французскаго капитана, которое вовсе несообразно съ десятилѣтними его занятіями. Ожидая сей милости единственно отъ щедротъ монарха, которому онъ преданъ душевно и готовъ посвятить ему жизнь и всѣ свои способности, Булгаринъ нѣкоторымъ образомъ заслужилъ, чтобы обратить вниманіе на его труды.

«Съ 1816 года, онъ, снискавъ уже почетное имя въ польской словесности, началъ трудиться для російской, помѣщая сперва статьи своего сочиненія въ журналахъ, по части исторической критики, военныхъ наукъ и словесности. Усмотрѣвъ, что въ высшихъ училищахъ вмѣсто учебной книги употребляютъ полное изданіе Горациевыхъ сочиненій, въ которыхъ находится множество предметовъ соблазнительныхъ, не приличныхъ юношеству, Булгаринъ издалъ и на свой счетъ напечаталъ Избранныя оды Горация, съ комментаріями на російскомъ языкѣ, гдѣ исключено все соблазнительное и помѣщено то, что сообразно съ христіанскою нравственностію. Книга сія на польскомъ языкѣ напечатана на казенный счетъ и введена въ училища. Для поддержанія воинственнаго духа въ народѣ и для сопряженія любви народной со славою государя, Булгаринъ издалъ: Славныя воспоминанія россиянь XIX столѣтія, собравъ и расположивъ на двухъ большихъ таблицахъ всѣ побѣды въ царствованіе императора Александра I, на каждый день въ году по одной. Сіе изданіе удостоилось вниманія блаженной памяти государя императора и чрезъ министерство просвѣщенія потребовано для эрмитажной бібліотеки. Для распространенія историческихъ и географическихъ свѣдѣній въ Россіи, въ духѣ свойственномъ образу правленія, Булгаринъ предпринялъ съ 1822 года изданіе журнала: Сѣверный Архивъ, который исключительно посвященъ исторіи, статистикѣ, путешествію и правовѣднію. Сіе изданіе, первое въ своемъ родѣ, заслужило вниманіе европейскихъ ученыхъ, которые безпрестанно и всѣ пользуются и переводятъ оттуда статьи, до Россіи касающіяся. Сей журналъ заслужилъ также вниманіе правительства и бывший министръ просвѣщенія князь Голицынъ, безъ всякаго ходатайства со стороны издателя, рекомендовалъ оный во всѣ училища. Ея императорское высочество великая княгиня Марія Павловна, во время бытности графа Кутайсова въ Веймарѣ, въ разговорѣ о російской словесности, рекомендовать изволила Сѣверный Архивъ. Съ 1823 года Булгаринъ издавалъ Литературныя листки, посвященные особенно исправленію нравовъ статьями въ родѣ Адиссонова Спектатора. Булгаринъ издалъ «Воспоминанія объ Испаніи», въ томъ намѣреніи, чтобы доказать, что народъ, воспламененный любовью къ своимъ государямъ, бываетъ непобѣдимъ. Для распространенія любви къ драматическому искусству, сильно дѣйствующему на нравы, онъ издалъ первый въ Россіи драматическій альманахъ: Русская Талія, за который получилъ благоволеніе отъ императрицы Александры Феодоровны. Съ 1825 года Булгаринъ издаетъ Сѣверную Пчелу, литературную и политическую газету, коей главнѣйшая цѣль состоитъ въ утвержденіи вѣрноподданническихъ чувствованій и въ направленіи умовъ къ истинной цѣли, то есть: преданности къ престолу и чис-

тотъ правовъ. Стоитъ прочесть статью на день 30-го августа 1825 года и статью на плачевную кончину блаженнаго памяти императора Александра I, чтобы увидѣть въ полной мѣрѣ духъ сей газеты. За сію послѣднюю статью, Булгаринъ удостоился получить благоволеніе нынѣ благополучно царствующаго государя императора чрезъ графа Милорадовича и отъ государыни императрицы Маріи Феодоровны чрезъ гофмаршала Нарышкина. Что Булгаринъ вытерпѣлъ за свой образъ мыслей отъ партіи, нѣкогда сильной въ обществѣ, которой пагубные замыслы открылись впоследствии, сіе извѣстно всѣмъ, составлявшимъ кругъ ихъ знакомства. Булгарина даже страшали публично, что современемъ ему отрубятъ голову на Сѣверной Пчелѣ за распространеніе не европейскихъ (такъ они называли) идей. Но Булгаринъ всегда пребылъ твердъ въ своихъ правилахъ, и видя какое-то своеволие мыслей между юношествомъ и нѣкоторыми умниками, не постигая тайной причины, всегда старался противудѣйствовать ихъ вліянію на общее мнѣніе. Доказательствомъ можетъ служить статья его сочиненія подъ заглавіемъ: Бѣдный макаръ, или кто за правду горой, тотъ истый прой, появившаяся въ свѣтѣ въ Сѣверномъ Архивѣ 8-го декабря 1825 года, гдѣ монархическія чувствованія и правосудіе русскихъ государей выставлены въ самомъ блестящемъ видѣ. Съ нынѣшняго года Булгаринъ издаетъ безденежно журналъ: Дѣтскій Собесѣдникъ, и чтобы удостовѣриться, въ какомъ духѣ онъ составляется, стоитъ только взглянуть на статью: Исторія Славянъ. Главнѣйшая цѣль сего журнала есть распространеніе вѣрноподданническихъ чувствованій между російскимъ юношествомъ. Получивъ монаршую милость, Булгаринъ получить новую жизнь, жизнь политическую, въ странѣ, которой онъ посвятилъ самого себя. Онъ первый изъ поляковъ появился на поприщѣ русской словесности, и вниманіе, оказанное къ трудамъ его, безъ сомнѣнія произведетъ благодѣтельныя дѣйствія въ общемъ мнѣніи польскаго народа, который питаетъ въ себѣ любовь ко всему національному. Въ варшавскихъ журналахъ безпрестанно припоминаютъ, что Булгаринъ родомъ полякъ; слѣдовательно, тамъ почитаютъ его достойнымъ уваженія».

Шишковъ былъ нѣсколько озадаченъ опредѣленіемъ Булгарина, не зная, какую должность дать ему въ министерствѣ, и порѣшилъ тѣмъ, что приказалъ считать его чиновникомъ по особымъ порученіямъ. И дѣйствительно Булгаринъ только считался на службѣ въ министерствѣ просвѣщенія, весьма часто уѣзжая изъ Петербурга въ Остзейскій край. Когда возникло дѣло объ отставкѣ Булгарина, министръ народнаго просвѣщенія князь Ливенъ отказался сдѣлать обычную отмѣтку въ формулярномъ спискѣ Булгарина на томъ основаніи, что Булгаринъ не имѣлъ должности по министерству, а потому и нельзя судить, способенъ онъ или нѣтъ

къ гражданской службѣ. На ходатайство о продленіи четырехмѣсячнаго отпуска Булгарина послѣдовала резолюція государя императора: «Нѣтъ причинъ отступать отъ правилъ; если хочетъ, можетъ просить отставки». Рѣшившись подать въ отставку, Булгаринъ писалъ князю Ливену изъ Дерпта, 29-го августа 1831 года: «Я живу въ городѣ, гдѣ имя вашей свѣтлости благословляется всѣми, а потому и льщу себя надеждою, что вы не захотите отвергнуть литератора, прибѣгающаго къ вамъ съ покорнѣйшею просьбою о представленіи меня къ наградѣ слѣдующимъ чиномъ при отставкѣ» и т. д. Ходатаемъ за Булгарина снова является генераль-адъютантъ Бенкендорфъ. Въ письмѣ къ князю Ливену, 15-го декабря 1831 года, онъ говоритъ: «Принимая въ уваженіе, что г. Булгаринъ опредѣленъ былъ на службу по представленію моему о способностяхъ его и трудахъ на пользу общую; что въ теченіе того времени, въ которое онъ считался на службѣ, былъ употребляемъ по моему усмотрѣнію по письменной части на пользу службы, и что всѣ порученія онъ исполнялъ съ отличными усердіемъ, я поставляю обязанностью моею засвидѣтельствовать предъ вашею свѣтлостію о способности г. Булгарина и ревности его къ пользамъ государственной службы, и притомъ просить васъ о сдѣланіи надлежащаго распоряженія, чтобы сенатъ при увольненіи его не нашелъ никакого препятствія къ награжденію его чиномъ за выслугу узаконенныхъ лѣтъ». Но комитетъ министровъ не призналъ возможнымъ наградить Булгарина чиномъ надворнаго совѣтника, потому что слѣдующій чинъ дается при отставкѣ только за добропорядочную и безпорочную службу, а въ формулярномъ спискѣ значится, что Булгаринъ, будучи подпоручикомъ въ ябургскомъ драгунскомъ полку, отставленъ, въ 1811 году, отъ службы по худой аттестаціи въ кондуктнскихъ спискахъ. Тогда-то онъ и вступилъ во французскую службу, изъ которой опять перешелъ въ русскую, но уже въ гражданскую, а не въ военную.

Бенкендорфъ оставался постояннымъ цѣнителемъ литературныхъ трудовъ Булгарина. По ходатайству Бенкендорфа, Булгаринъ, какъ авторъ Петра Ивановича Выжигина, получилъ брилліантовый перстень. Извѣщая Бенкендорфа о своемъ новомъ произведеніи, Булгаринъ писалъ, 23-го декабря 1830 года:

«Милостивый Государь,
«Александръ Христофоровичъ!

«Неоднократные знаки благорасположенія и милостей вашего высокопревосходительства рождаютъ во мнѣ утѣшительную надежду, что всепокорнѣйшая моя просьба будетъ услышана вами.

«Представляя при семъ программу вновь написаннаго мною и уже печатаемаго романа подъ заглавіемъ Петръ Ивановичъ

Выжигинъ, всенижайше прошу ваше высокопревосходительство объ исходатайствованіи мнѣ у всемилостивѣйшаго государя императора высочайшаго соизволенія украсить списокъ подписавшихся на сію книгу священнымъ именемъ его императорскаго величества.

«Таковая высокомонаршая милость была бы во всякое время и для каждаго писателя неоцѣнною; но нынѣ будетъ для меня новымъ, живительнымъ благотвореніемъ великаго монарха. Нынѣ, когда многіе изъ соотечественниковъ моихъ, по справедливости, лишились милостей своего государя, да позволено мнѣ будетъ по-

Ө. В. Булгаринъ (въ пожилыхъ годахъ).

Съ портрета, рисованнаго Тиммомъ и находящагося въ «Листкѣ для свѣтскихъ людей» 1844 года.

казать свѣту, что я все счастье жизни своей полагаю въ благоклонномъ взорѣ всеавгустѣйшаго монарха и что великій государь не считаетъ меня недостойнымъ своего взора. Упавшіе духомъ вѣрные поляки воскреснуть, когда увидятъ, что ихъ соотечественникамъ открыты пути трудами и тихою жизнью къ монаршимъ милостямъ. Достоинъ ли я сей высокой милости, предоставляю рѣшить вашему высокопревосходительству!

«Съ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностью честь имѣю пребыть вашего высокопревосходительства, милостивый государь, всепокорнѣйшій слуга

«Өаддей Булгаринъ».

Смѣлѣе и развязнѣе, нежели съ Бенкендорфомъ, Булгаринъ объяснялся съ Леонтиемъ Васильевичемъ Дубельтомъ, котораго считалъ своимъ другомъ, и въ перепискѣ съ нимъ позволялъ себѣ шутливый, пріятельскій тонъ. Въ письмѣ къ Дубельту, 18-го апрѣля 1839 года, Булгаринъ приводитъ такое доказательство своей чистосердечной преданности: «Въ одномъ обществѣ, гдѣ, между прочимъ, было три генераль-адъютанта, я объ васъ говорилъ съ такимъ чувствомъ, что одинъ изъ старыхъ остряковъ назвалъ меня въ шутку Фаддеемъ Дубельтовичемъ».

Въ письмѣ къ графу Алексѣю Фёдоровичу Орлову, 13-го апрѣля 1845 года, Булгаринъ объясняетъ, что для окончанія и изданія двухъ его сочиненій:—Россія въ историческомъ, статистическомъ, географическомъ и литературномъ отношеніяхъ и Лѣтописи послѣдняго двадцатилѣтія, т. е. царствованія императора Николая Павловича—надобны деньги, и потому проситъ ссудить ему изъ казны 25.000 рублей на десять лѣтъ, подъ залогъ имѣнія его Карлова, въ Лифляндской губерніи. Просьба Булгарина не была исполнена: онъ не получилъ желаемой ссуды.

подавляемый «грустью» о томъ, что ему не дали денежной ссуды, Булгаринъ дѣлится своимъ горемъ съ Дубельтомъ. Изліяніе чувствъ доходитъ до паэоса въ письмѣ къ Дубельту, 23-го апрѣля 1845 года:

— «Отецъ и командиръ!

«Я не знаю, какъ васъ называть! Милостивый государь и Ваше Превосходительство—все это такъ далеко отъ сердца, все это такъ изношено, что любимому душою человѣку—эти условные знаки вовсе не идутъ! А я люблю и уважаю васъ точно душевно! Ваша доброта, ваше снисхожденіе, ваша деликатность со мною—совершенно поработили меня, и нѣтъ той жертвы, на которую бы я не рѣшился, чтобъ только доказать вамъ мою привязанность!

«Но вотъ послѣдняя моя просьба! По добротѣ и деликатности своей, вы изволили заѣзжать ко мнѣ. Мнѣ бы слѣдовало немедленно явиться къ вамъ—и вотъ я на колѣняхъ умоляю васъ извинить меня и позволить не являться, по крайней мѣрѣ, нѣкоторое время, пока грусть моя нѣсколько утихнетъ и нервы успокоятся. Я нахожусь въ такомъ раздраженномъ положеніи, что прячусь отъ людей! Признаюсь, мнѣ не хотѣлось бы изъ вашихъ устъ слышать отказъ въ моей просьбѣ. Еслибъ было что-нибудь хорошее—вы, по добротѣ своей (какъ покойный М. Я. Фонтъ-Фокъ) не утерпѣли бы, чтобъ не увѣдомить, а теперь хотите усладить горечь пилюлей. Нѣтъ, добрый и благородный Леонтій Васильевичъ, есть горечи, которыхъ нельзя усладить! Не дѣло важно, но доказательство, во что меня цѣнятъ послѣ 26-ти лѣтнихъ трудовъ—вотъ что убійственно! Объ одномъ прошу васъ разувѣрить,

еслибъ кто вѣрилъ, что я поступилъ дерзновенно, обратясь въ нуждѣ къ моему государю. Я думалъ: если сочинителю Гавриліады, Оды на вольность и Кинжала—оказано столько благодѣяній и милостей (Пушкину), если банкроту Смирдину дано въ займы 35 т. руб. сер. подъ залогъ хлама, т. е. непродającychся книгъ, если Полевому, которому самъ государь запретилъ журналъ—дана пенсія и проч., и проч., то почему же не дать займы мнѣ подъ вѣрный залогъ имѣнья, за которое графъ Канкринъ давалъ сперва 300.000 руб. ас. для университета (Генндильгескаго института), а послѣ хотѣлъ купить для себя за 350.000 руб. ас. Вѣдь я просилъ не подарка! Покойный баронъ Штиглицъ далъ мнѣ на слово 50.000 руб. асс., которые я и заплатилъ; во время процесса моего Молво далъ мнѣ, подъ росписку, 10.000 руб. сер., чему я и имѣю доказательства. Я человекъ не нищій и не безъ кредита, и весь мой авантажъ былъ въ двухъ процентахъ!!! Просилъ я не невозможнаго и не надъ силы мои, но теперь вижу, какое мѣсто мнѣ назначено въ русскомъ царствѣ—и я, какъ улитка, прячусь въ мою раковину! Досадно мнѣ, что я послушался совѣтовъ пріятелей, да ужъ не воротись! Скомпроментировался, а дѣлать нечего! Есть Богъ и потомство: быть можетъ, они вознаградятъ меня за мои страданія... вѣдь надобно же чѣмъ нибудь утѣшаться!

«Съ искреннею и душевною преданностью и высокопочитаніемъ честь имѣю быть

«вашего превосходительства

«милостиваго государя

«покорнѣйшимъ слугою

«Фаддей Булгаринъ».

Въ перепискѣ съ Дубельтомъ, Булгаринъ даетъ полную волю своему языку, и старается представить тогдашніе порядки въ ихъ настоящемъ видѣ. Поощряемый, или только терпимый Дубельтомъ, Булгаринъ дѣйствовалъ перомъ неутомимо, высказывалъ въ своихъ рукописныхъ замѣткахъ такія вещи, о которыхъ нельзя было говорить печатно. Одно за другимъ Булгаринъ сообщалъ Дубельту слѣдующія свои произведенія, въ которыхъ весьма ярко выражаются и домыслы и соображенія автора и темныя стороны вскрываемой имъ дѣйствительности.

Нѣсколько правдъ, предлагаемыхъ на благоразсужденіе.

— «Кабинетные ученые и такъ называемые книжные черви вездѣ обуреваемы страстью вводить теоріи въ дѣла общественныя. Изъ этого произошло въ мірѣ много смѣшнаго и много злаго. Я человекъ совершенно практическій: вѣрю теоріи тогда только, когда она испытана на практикѣ; ищу разума въ книгахъ, а по-

вѣрью на людяхъ. Судьба поставила меня въ такое положеніе, что въ теченіе 25-ти лѣтъ я ежедневно вижу съ людьми разнаго сословія, прибѣгающими ко мнѣ, какъ къ какому нибудь канонику (chanoine) съ исповѣдью, за совѣтомъ и за справкою. Рѣдкій порядочный помѣщикъ, провинціальный купецъ, или чиновникъ, побываетъ въ столицѣ и не завернетъ ко мнѣ потолковать и познакомиться. О столичныхъ жителяхъ и говорить нечего. Бываютъ дни, что у меня утромъ отъ 8 до 2 часовъ перебиваетъ до 50-ти человекъ! Справиться легко—правда-ли! Благодаря Бога, люди имѣютъ ко мнѣ довѣренность, потому что я никому не измѣнялъ и не измѣняю. Кого утѣшу, кому посоветую терпѣніе, за иныхъ попрошу и похлопочу; а между тѣмъ узнаю ходъ дѣлъ и общественное мнѣніе. Всего не перетолкуешь, да мнѣ и писать некогда; но вотъ для пробы представлю нѣсколько выдержекъ изъ общественнаго мнѣнія.

«1) Носились слухи въ городѣ, якобы государь императоръ, встрѣтясь гдѣ-то съ графомъ Киселевымъ, за границую, указалъ ему на книгу (путешествіе французскаго инженера съ женою по южной Россіи, для нивелировки пространства между Чернымъ и Каспійскимъ морями), въ которой сказано и доказано, что въ Россіи есть система сокрытія истины, отъ низшаго чиновника до высшаго сановника, и что такимъ образомъ государь императоръ весьма мало знаетъ, что дѣлается въ Россіи. Не вхожу въ разборъ, справедливо-ли, что государь императоръ говорилъ объ этомъ Киселеву, но что въ словахъ жены инженера есть много правды,—это кажется не подлежитъ сомнѣнію.

«Напримѣръ: еслибъ я открылъ, что будочникъ былъ пьянъ, и оскорбилъ проходящую женщину, я бы приобрѣлъ враговъ: 1) министра внутреннихъ дѣлъ, 2) военнаго генераль-губернатора, 3) оберъ-полицеймейстера, 4) полицеймейстеровъ, 5) частнаго пристава, 6) квартальнаго надзирателя, 7) городского унтеръ-офицера и *par dessus le marché*—всѣхъ ихъ пріятелей, усердныхъ подчиненныхъ, и такъ далѣе. Спрашивается: кому-же придетъ охота открывать истину, когда каждое начальство почитаетъ врагомъ своимъ cadaго, открывающаго злоупотребленіе или злоупотребителей въ части, ввѣренной ихъ управленію?!

«Еслибъ я былъ начальникомъ какой части, я былъ бы благодаренъ каждому, кто бы вырвалъ дурную траву изъ моего огорода!

«Долженъ-ли министръ отвѣчать за открытіе злоупотребленій въ его управленіи? Тогда долженъ отвѣчать, когда знаетъ и прикрываетъ; но невозможно министру отвѣчать за чиновника, дѣлающаго зло за 3.000 верстъ или за сто шаговъ отъ него, когда передъ нимъ все скрываютъ, чтобъ избѣжать наказанія или отвѣтственности за допущеніе злоупотребленій! Тутъ чистая

логика! Когда всѣ отвѣтственны за одного, то всѣ прикрываютъ зло. Всѣ значить никто: *tout le monde,—c'est personne!*

«Отъ системы укрывательства всякаго зла и отъ страха отвѣтственности одному за всѣхъ, выродилась въ Россіи страшная система министерскаго деспотизма и сатрапства генераль-губернаторовъ. Это такое зло, которое угрожаетъ величайшими бѣдствіями престолу и отечеству, и ожесточаетъ всѣ сословія народа въ высшей степени. Русская пословица твердитъ: «Богъ высоко, царь—далеко». Но въ старину можно было броситься въ ноги царю, передъ краснымъ крыльцомъ, а теперь нѣтъ никакихъ средствъ довести истины до царя. Комиссія прошеній—есть комиссія отказовъ. Вы подадите жалобу на министра или на военнаго генераль-губернатора,—и вашу просьбу отсылаютъ на разрѣшеніе въ то мѣсто, на которое вы жалуетесь, и къ тому самому лицу. Чиновники, до директора, опредѣляются самими министрами, отъ нихъ вполнѣ зависятъ, и служатъ имъ, а не государю и отечеству. Государь и отечество для чиновника—отвлеченная идея, *une idée transcendente!*

«2) Заглянемъ на корень зла:

«Блаженной памяти императоръ Александръ Павловичъ, въ началѣ и даже въ половинѣ царствованія, сильно придерживался либеральныхъ идей, и въ этомъ духѣ учредилъ министерства, по примѣру конституціонныхъ государствъ. Но въ конституціонныхъ государствахъ министры отвѣтственны передъ палатами и парламентомъ и находятся подъ контролью свободнаго книгопечатанія. Въ чистыхъ монархіяхъ всегда былъ и есть первый министръ, отвѣтственный за всѣхъ предъ государемъ—слѣдовательно, власть находится всегда сосредоточенною, *centralisé.*

«У насъ какая отвѣтственность министровъ? Ихъ отчеты! А кто ихъ повѣряетъ? Никто!—Пишутъ, что угодно. На бумагѣ блаженство, въ существѣ горе! Сами чиновники, составляющіе отчеты смѣются надъ этой поэзіей, какъ они называютъ отчеты! *Chef d'oeuvres* этой поэзіи—это отчеты министерства просвѣщенія!

«Изъ этого вышло, что министры раздѣлили между собою Россію и господствуютъ въ своихъ удѣлахъ самовластно, давая полную власть тѣмъ генераль-губернаторамъ, которые сильны при дворѣ и связями. Милосердіе, правосудіе, благость царствующаго, при такомъ порядкѣ дѣлъ, почти бесполезны для государства, потому что государь видитъ одни только доклады, т. е. что нужно докладывающему, а не то, что полезно его подданнымъ. Кончилось тѣмъ, что собраніе законовъ и сводъ законовъ, великій подвигъ добраго нашего государя, полезенъ только въ теоріи и въ производствѣ тяжёбныхъ дѣлъ, а въ администраціи, или управленіи государства сводъ законовъ и собраніе законовъ не имѣютъ ни малѣйшей силы и подчиняются министерскимъ предписаніямъ

«Трудно вѣрить, а правда! Мало этого! чтобъ быть независимымъ въ своемъ удѣлѣ, каждый министръ охотно принимаетъ въ своемъ управленіи предписанія другаго министра, что касается до его части и выходитъ сцена изъ Мольеровою комедіи: *passerai moi le rhubarbe, je vous passerai la magnésie* или т. п.

«Было бы забавно, еслибъ не было больно!

«Возьмемъ ничтожные примѣры! Пронеслась вѣсть, что государю императору благоугодно заглядывать въ Сѣверную Пчелу, и вотъ всѣ министры согласились между собою, чтобъ въ Пчелѣ ничего не печатать безъ ихъ воли! Кажется, ужь и безъ того довольно безмолвія въ Россіи, но надобно было заглушить послѣдній законный голосъ, и заглушили. Въ цензурномъ уставѣ, въ главѣ первой, въ статьѣ 12-й, между прочимъ, сказано: «Дозволяются всякія сужденія о новыхъ общественныхъ зданіяхъ, объ улучшеніяхъ по части народнаго просвѣщенія, если сіи сужденія не противны общимъ правиламъ цензуры». Кажется, ясно, а, между тѣмъ, графъ Клейнмихель отнесся, чтобъ не позволять даже упоминать о новыхъ зданіяхъ и всемъ, касающемся до его управленія, безъ его воли! Ужь гдѣ намъ судить и разсуждать! Мы хотимъ сказать: «воздвигнуты новые конногвардейскія казармы»,—нельзя: посылайте къ графу Клейнмихелю! «Пароходы ходятъ по Бѣлу-озеру» — нельзя: можетъ быть графъ Клейнмихель не хочетъ, чтобъ это было извѣстно! А уставъ напечатанъ въ сводѣ законовъ! Князь Чернышевъ не доволенъ даже, когда Пчела перепечатываетъ изъ Инвалида! Это еще ничего; но вотъ самъ министръ просвѣщенія приказалъ, чтобъ Сѣверная Пчела не перепечатывала постановленій министерства просвѣщенія изъ журнала министерства, безъ воли директора просвѣщенія, а это уже и противу устава и противу привилегіи, высочайше утвержденной для Сѣверной Пчелы блаженной памяти императоромъ Александромъ. Чего же боятся, чтобъ постановленія министерства были перепечатаны? Чтобъ не дошли до свѣдѣнія государя императора! Чудная система! А, между тѣмъ, что печатается въ наше время! Я не доносчикъ, но стоитъ разспросить хоть одного благонамѣреннаго грамотнаго человѣка, онъ укажетъ такія вещи, за которыя и въ Англіи посадили бы въ тюрьму. Люди поумнѣли: тайныхъ обществъ не составляютъ, но всѣмъ, хотя мало знакомымъ съ литературою, извѣстно, что у насъ существуетъ чрезвычайно сильная партія, подъ покровительствомъ могущественнаго чиновника въ министерствѣ просвѣщенія, дѣйствующая въ духѣ коммунизма и правилъ неистоваго либерализма. У меня бездна жалобъ, даже отъ епископовъ, но это не мое дѣло! Извѣстный литераторъ и академикъ Борисъ Федоровъ представилъ мнѣ нѣкоторыя выписки, отъ которыхъ волосы становятся дыбомъ, когда

вспомнишь, что послѣ себя оставляешь шестерыхъ малолѣтнихъ дѣтей, противу которыхъ востряты, на твоихъ глазахъ, топоры! Но партія эта приобрѣла лестью сильнѣйшее покровительство, и ее никто не дерзаетъ затронуть, тѣмъ болѣе, что она привязала къ себѣ и матеріальными интересами. Мнѣ объ этомъ не слѣдуетъ распространяться, чтобъ не подумали, будто я дѣйствую по духу литературной вражды; но возьмите, если угодно, отъ меня выписки Бориса Федоровича и разспросите его, не страшая, а лаская,—увѣренъ, что ужаснетесь! Для краткости я привелъ въ примѣръ ниспроверженія законовъ министерскими предписаніями только цензурный уставъ. Всѣ уставы также ниспровергнуты, гдѣ они затрудняютъ самовластіе министровъ.

«Важный вопросъ! Болѣзнь указана, а есть ли лѣкарство? Есть и не новое. Въ самодержавномъ смягченномъ, какъ наше, государствѣ—другаго управленія быть не можетъ, какъ коллегіальное, введенное Петромъ Великимъ, по совѣту великаго Лейбница. Когда императоръ Александръ уничтожилъ его, и ввелъ министерства, онъ думалъ приготовить государство къ конституціи, что впослѣдствіи и было напечатано по-русски, при учрежденіи царства польскаго. Въ коллегіальномъ управленіи есть отвѣтственность министровъ, и самовластіе ихъ умѣряется голосами членовъ, отъ нихъ независимыхъ.

«Теперь пусть членъ совѣта министерскаго подаетъ голосъ противу министра, ему не дадутъ ленты или попросятъ выйти въ отставку. Императоръ Александръ чувствовалъ потомъ ошибку свою, что уничтожилъ коллегіальное управленіе, и—учредилъ совѣты министровъ; но этимъ дѣла не поправилъ, подчинивъ министру членовъ совѣта, и предоставивъ ему ихъ выборы!

«Поразсудите, и справьтесь, — увидите, что я говорю правду!

«3) Когда я хотѣлъ напечатать историческій выводъ, въ опроверженіе чужеземныхъ клеветъ на государя и Россію, безъ всякихъ споровъ съ клеветниками, мнѣ сказано, что не нужно входить съ ними въ разглагольствія, а, между тѣмъ, въ то же самое время напечатали въ «Journal de St.-Petersbourg» одну изъ самыхъ жестокихъ выходовъ противу дѣйствій правительства! По совѣсти долженъ я сказать, что эта статья произвела весьма непріятное впечатлѣніе для правительства. Изъ всѣхъ трактировъ и кондитерскихъ нумеровъ газеты похищенъ (какъ говорятъ трактирщики), а вѣрно то, что у многихъ купленъ. Мнѣ извѣстно, что давали по 200 за номеръ. Упрекъ правительству въ этой статьѣ насчетъ пропаганды православія тѣмъ сильнѣе подѣйствовалъ, что въ то же время появились въ лифляндской газетѣ Inland двѣ статьи, якобы подтверждающія истину упрека. Прилагаю при семь газету Inland ¹⁾. Выраженія чрезвычайно замѣчатель-

¹⁾ Со сжода кто-то взялъ; но отыщу и прищю.

ныя! Это въ точномъ смыслѣ псаломъ: тамо, на рѣкахъ Вавилонскихъ, сѣдохомъ и плакахомъ». Лютеранская вѣра называется сиротствующею вдовицею, аки Рахиль безутѣшная, въ одеждѣ печали, и т. п. Чудеса! До какого отчаянья должны быть доведены эти люди! И въ какое время посѣваютъ ненависть въ сердцахъ образованнаго сословія пограничныхъ губерній? Ради Бога, скажите, такъ ли должно дѣйствовать православіе, во славу свою, на пользу царя и отечества, какъ оно дѣйствуетъ? Въ журналѣ Маякъ, съ дозволенія духовной цензуры, печатаются вещи, которыя были бы смѣшны и въ XV вѣкѣ! Описано, какъ чертъ былъ посредникомъ между Христомъ и пьяницей, и т. п. Вотъ Вамъ книжица, предсказывающая скорое представленіе свѣта! Это то же, что было въ Европѣ въ 999-мъ году по Р. Х., а вотъ другая книжица противу лютеранской вѣры, которую исповѣдуютъ столько людей, начальствующихъ православными! Какъ же православный будетъ уважать человѣка, заблудшаго въ вѣрѣ, еретика? Non sens, вредъ царю и отечеству, и, какъ сказалъ Грибоѣдовъ въ «Горѣ отъ ума», «Все подѣ личиною усердія къ царю».

«Мнѣ лютеранизмъ также чуждъ, какъ и магометанство, но не чужды слава царя и благо Россіи, которая, дерзаю сказать, любитъ меня и вѣритъ мнѣ! Хоть сожгите меня на кострѣ, но долженъ высказать правду, ибо почитаю это долгомъ совѣсти!

«4) Во всей Польшѣ бунты и заговоры! Ужели есть хотя одинъ такой дуракъ въ Польшѣ, чтобъ вѣрилъ, будто возстаніе можетъ побѣдить благоустроенныя арміи трехъ государствъ? Сомнѣваюсь! Ведетъ въ пропасть отчаянье. Отчаянье—это порохъ, а искры брошены извнѣ. Въ 1789 году и въ 1830 году, когда западнымъ революціонерамъ надобно было сдѣлать диверсію на сѣверъ,—они подожгли Польшу. Исторія—то же, что математика: по двумъ извѣстнымъ отыскиваютъ третье неизвѣстное. Заговоры и бунты въ Польшѣ, а огонь тлѣетъ теперь въ Германіи: въ Пруссіи и Австріи. Я не пророкъ, но увидите, что откроется по слѣдствію, если только на слѣдствіи будетъ хотя одинъ дальновидный человѣкъ! Искры брошены изъ Кенигсберга, Кельна и изъ Венгріи, иначе быть не можетъ! Польскіе эмигранты—если участвуютъ, то второстепенно. Я убѣжденъ, что въ Германіи готовится революція, и поляковъ возмутили, чтобъ занять державы. По моему мнѣнію, ничего нѣтъ легче, какъ управлять поляками. Народъ живой, легковѣрный, удо(бо)воспламенимый: съ ними надобно играть какъ съ дѣтьми, въ игрушки, надобно занять ихъ страсть къ дѣятельности и ихъ воображеніе. Все зависитъ отъ выбора людей, которые бы не уничили ихъ. При мнѣ самый вѣрный царю полякъ заплакалъ, когда услышалъ, что Писареву (кіевскому) дали ленту! Но теперь не въ томъ дѣло. Главное въ томъ, что—я

полагаю—Польша взбунтована Германіей и Венгріей, и въ Пруссіи что-то готовится не доброе. И теперь именно раздражаютъ донельзя остзейцевъ!!! Какая польза отъ того, что я говорю правду? Ровно никакой! Въ началѣ польскаго бунта (въ 1831 г.), когда я составилъ изъ 3-хъ отрывковъ газетъ такую реляцію о возстаніи, что князь Любецкій вѣрилъ, якобы она составлена въ Варшавѣ нашимъ тамъ агентомъ, графъ Бенкендорфъ обѣщалъ мнѣ золотыя горы, которыхъ я вовсе не хотѣлъ и не требовалъ. Онъ хотѣлъ выслать меня въ Варшаву, вмѣсто графа Гауке, для усмиренія умовъ, и ужъ конечно я много сдѣлалъ бы добра,—меня не признали способнымъ! Писака бо есмь! Когда наши шли со стороны Праги на Варшаву, я написалъ къ Бенкендорфу: «зачѣмъ хотите пробывать лбомъ стѣну, когда можете переправиться чрезъ Вислу на прусской границѣ, и подойти къ Варшавѣ отъ Воли!» Бенкендорфъ задушилъ меня въ объятіяхъ,—а все я остался нулемъ: разъ въ жизни попросилъ бездѣлицы, и отказали со стыдомъ!! Но и интересы мои, и самолюбіе, и честолюбіе, кладу на жертвенникъ истины, и хотя знаю, что слова нуля—пойдутъ на вѣтеръ, почитаю долгомъ высказать то, что по моему мнѣнію полезно моему государю, которому я присягнулъ служить вѣрно и правдою!

«Тутъ можно было бы и много пояснить,
Да чтобъ гусей не раздражить!»—

— «Милостивый Государь

«Леонтій Васильевичъ!

«Программу г-на Киркора представлялъ я вашему превосходительству не для того, чтобъ испрашивать позволеніе на изданіе журнала на польскомъ языкѣ, зная, что это принадлежитъ министру просвѣщенія, который, разумѣется, не дозволитъ, но эта программа представлена мною только для свѣдѣнія. Я той вѣры, что только убѣжденіемъ можно успокоить встревоженные умы и уязвленные сердца въ Польшѣ, и для убѣжденія у насъ ничего не предпринимается и, вѣроятно, долго еще не будетъ предпринято. Отъ чего это происходитъ, что не взирая на строгость мѣръ къ пресѣченію всѣхъ покушеній противу русскаго правительства, безпрестанно появляются новыя жертвы? Отъ заблужденія! Надобно плакать и смѣяться, когда слышишь, что поляки говорятъ и что они за границею пишутъ о Россіи, не изъ злобы, но по невѣдѣнію, по ложнымъ извѣстіямъ и предположеніямъ. Непостижимо, что опроверженіе заблужденій насчетъ Россіи столь же строго запрещено у насъ, какъ и самая ложь! Приказано всѣмъ молчать, и всѣ молчатъ, а въ умахъ хаосъ, въ сердцахъ ядъ—просто нравственная чума! По моему мнѣнію, противу нравственной силы, неуловимой силою физическою, надлежало бы дѣйствовать нравствен-

ною же силою; а именно: правдою противу лжи, добродушіемъ противу ожесточенія, просвѣщеніемъ противу заблужденій насчетъ Россіи. Зная совершенно духъ и характеръ Польши, я бы взялся, подъ карою смерти, въ теченіе пяти лѣтъ одною письменностью успокоить Польшу и убѣдить поляковъ, что все ихъ счастье, все благосостояніе края зависитъ отъ тѣснаго соединенія съ Россіею, разумѣется, еслибъ въ краѣ не было такихъ чиновниковъ, какъ напримѣръ кievскій Писаревъ, о которыхъ анекдоты гораздо занимательнѣе и ужаснѣе Парижскихъ тайнъ. Но какъ мое дѣло сторона, то и я молчу, а зная ваше пламенное, неутомимое и непрерывное стремленіе къ добру, увѣдомилъ васъ о предпріятіи г-на Киркора, въ которомъ нашелъ то же искреннее желаніе къ примиренію и соединенію Польши съ Россіей, которое и меня одушевляетъ, предоставляя впрочемъ этотъ подвигъ providѣнію!

«Пользуясь симъ случаемъ, чтобъ повторить вашему превосходительству чувства глубокаго уваженія и душевной привязанности, съ коими навсегда пребываю

«вашего превосходительства

«милостиваго государя

«покорнѣйшимъ слугою

«Ѳаддей Булгаринъ.

«Qui ne fut rien

«Pas même académicien!

«15 января 1846

СПБ.

«N. В. Слышалъ я что рассказываютъ русскіе чиновники министерства внутреннихъ дѣлъ, возвратившіеся изъ Лифляндіи,—и знаю навѣрное что тамъ происходитъ. Рассказы эти такъ же далеки отъ истины, какъ земля отъ солнца! Есть Богъ, и: «сердце царево въ рущѣ Божіей». Вотъ одна надежда и утѣшеніе!»—

— «Отецъ и командиръ!

«Знаю я, что литературу и цензуру почитаютъ у насъ хуже дохлой собаки, а литераторовъ трактуютъ, какъ каторжниковъ. Но я, ради Бога, прошу Васъ показать прилагаемое маранье графу Алексѣю Федоровичу. Это человѣкъ—Ессе homo! Остальное хоть бросьте.

«Вѣрный до гроба и за гробомъ и преданный душою

«Ѳ. Булгаринъ.

«25 Апрѣля (?)

1846 г.»

Сыскной приказъ.

— «Полиція наша не въ силахъ исполнять то, что требуется отъ полиціи въ благоустроенномъ государствѣ. У насъ главное занятіе полиціи: чистота въ городѣ (и то наружная, а не внутри домовъ и дворовъ, которые вообще грязны до заразы!) и наблюденіе порядка при сѣздахъ. Исполнительная часть по управленію идетъ плохо и медленно. Полагая даже, чтобъ частные и квартальные были умные и даже честные люди, невозможно отъ нихъ требовать, чтобы они занимались безопасностью гражданъ. У частныхъ и квартальныхъ нѣтъ на то времени и денегъ! Роскошь у насъ жестоко увеличилась, дворовые люди расплодился и шатаются безъ мѣстъ по городу; изъ всѣхъ концовъ Россіи стекается множество народу искать счастья и пропитанія въ столицахъ; мѣщанъ безъ ремесла бездна, и все это хочетъ жить и наслаждаться! По характеру, русскій народъ не кровожаденъ; онъ убиваетъ тогда только, когда разъяренъ; но воровство не почитается большимъ преступленіемъ. Воруютъ здѣсь много, но всѣ почти воровства открываются у насъ случайно. У насъ нѣтъ неподобнаго французскаго заведенія *Police de Sûreté*, или, какъ было въ старину въ Россіи, Сыскаго приказа, а это первая потребность въ благоустроенномъ государствѣ! Сыскной приказъ долженъ заниматься однимъ только отыскиваніемъ воровъ, разбойниковъ, бродягъ, бѣглецовъ, мошенниковъ всякаго рода; долженъ быть въ вѣчной войнѣ съ ними; наблюдать за каждымъ подозрительнымъ человѣкомъ; знать чѣмъ онъ живетъ и гдѣ проживаетъ. Для этого надобны люди и деньги! Министръ Перовскій чувствовалъ потребность *Police de Sûreté*, но, по несчастію, попалъ на мошенника Синицына—плута въ родѣ Ваньки Каина, который былъ бы отличный сыщикъ подъ начальствомъ порядочнаго человѣка, но самъ не могъ быть начальникомъ, и уронилъ дѣло въ глазахъ правительства. Примѣръ, какъ у насъ обдѣлываются эти дѣла: мой крѣпостной человѣкъ ночью вломился въ чайный магазинъ, пойманъ и взятъ въ полицію. Онъ во всемъ сознался. Мнѣ не дали даже знать, что онъ взятъ подъ стражу, и полиція не явилась ко мнѣ, чтобъ пересмотрѣть вещи арестанта и разспросить объ немъ! Между тѣмъ, въ теченіе цѣлой недѣли, приходили въ домъ подозрительные люди, навѣдываться, что случилось съ Гришкой (имя вора)? Парижская полиція переловила бы ихъ всѣхъ, и открыла бы цѣлую шайку воровъ! Когда я спросилъ у полицейскаго чиновника, зачѣмъ полиція этого не дѣлала, онъ отвѣчалъ: «Помилуйте, и безъ того много хлопотъ, а тутъ пошла бы переписка, да розыски—ну, чортъ съ ними». У книгопродавца Ольхина украли изъ спальни 33,000 рублей серебромъ. Улики явныя: служанка имѣла любовника, человѣка безъ всякаго ремесла, у котораго въ квартирѣ най-

дены богатяя вещи. У сестры служанки найдено на 15,000 вещей. и она созналась, что эти вещи сестры; но служанка не сознается и все покрыто! У одного моего знакомаго (Ордынскаго) украли всё вещи, накопленныя 25-ти лѣтнею службою и бережливостію. Улики были явныя; но воръ уѣхалъ, и полицейскій чиновникъ сказалъ: «а на какой счетъ я поѣду за воровъ?» Дѣло пропало! Будь у насъ Сыскной приказъ, было бы иначе. Сыскной приказъ только бы и дѣлалъ, что гонялся за ворами и отыскивалъ ихъ, имѣя на это все свое время и деньги. Кромѣ воровства, развратъ здѣсь усилился до высшей степени. Дѣвочки, отъ 9-ти до 11-ти лѣтъ, бѣгаютъ толпами и просятъ денегъ, предлагая себя. Ужасно! На толкуемъ рынокъ днемъ, а ночью на главныхъ улицахъ, отъ нихъ нѣтъ отбоя! Полиція и не взглянетъ на это, чтобъ не навязывать себѣ дѣлъ, переписки и хлопотъ. Съ кого взыскивать? Полицейскій офицеръ скажетъ: «это не въ нашей части-съ!» Но въ начальники Сыскаго приказа надобно выбрать человѣка отличнаго и Сыскной приказъ освободить отъ начальства полиціи. Онъ долженъ быть въ вѣдѣніи военнаго генераль-губернатора и министра внутреннихъ дѣлъ, а только сноситься съ полиціею. Разумѣется, что, по нашей общей системѣ, Сыскной приказъ будетъ въ вѣчной войнѣ съ полиціею; но для гражданъ это будетъ лучше, какъ сказано въ баснѣ Дмитріева: «благодаря стеченію воровъ». Наши трактиры, харчевни, особливо загородныя,—сущіе притоны воровъ и мошенниковъ. Частныя и квартальныя получаютъ свою плату за то, чтобъ не мѣшать торговать, и они никого не беспокоятъ. Сыскной приказъ поочистилъ бы эти гнѣздилища. Кокоскинъ прекрасный, благородный и честный человѣкъ, но онъ слабъ, какъ монастырка, и первую обязанностію почитаетъ защищать свой корпусъ офицеровъ, какъ онъ называетъ полицейскихъ, а тамъ хоть трава не расти! Правило: «какъ можно меньше шуму» не годится въ полиціи, какъ не годятся камергеры въ полицеймейстеры. Начальникомъ Сыскаго приказа долженъ быть такой звѣрь, какъ былъ у насъ Эртель; вотъ образецъ!

«А Сыскной приказъ, право, нужнѣе лишннихъ комитетовъ и департаментовъ! —

Тарифъ.

— «Тарифъ долженъ быть непремѣнно измѣненъ. Безъ этого никакъ не обойдется. Нынѣшній тарифъ заключаетъ въ себѣ такія нелѣпости и противорѣчія, что не могъ бы существовать, еслибъ даже и не было измѣненія въ общей системѣ европейской торговли. Но кому поручить составленіе плана новаго тарифа? Разумѣется, министру финансовъ. А кто тамъ будетъ его составлять? Разумѣется, какой-нибудь начальникъ отдѣленія. За 50, а много за 100 тысячъ рублей ассигнаціями, опять можно будетъ ввести

въ новый тарифъ тѣ же нелѣпости, какъ въ старомъ, напримѣръ, о соляхъ, химическихъ и аптекарскихъ матеріалахъ. Но при министерствѣ финансовъ есть коммерческій совѣтъ! Правда, но голосъ тамъ имѣютъ иностранцы, а русскіе купцы, засѣдающіе тамъ какъ напримѣръ, нынѣшній градской глава, старикъ Пономаревъ, такіе невѣжды, что англійская лошадь умнѣ ихъ! Недавно меня они спрашивали, что значитъ Пиль и его система! Понятія ни объ чемъ не имѣютъ! Одинъ умный мужикъ тамъ: Харичковъ! Вотъ это голова! Для составленія плана новаго тарифа долженъ быть составленъ комитетъ изъ купцовъ всѣхъ русскихъ портовъ: Петербурга, Риги, Одессы, Архангельска и проч., и изъ фабрикантовъ, подъ предсѣдательствомъ министра финансовъ, и при засѣдательствѣ, по крайней мѣрѣ, министра внутреннихъ дѣлъ и министра государственныхъ имуществъ, имѣющихъ непосредственные интересы въ торговлѣ. Къ комитету можно пригласить нѣсколько извѣстныхъ лицъ изъ разныхъ вѣдомствъ и нѣсколько химиковъ, технологовъ и механиковъ. Тогда будетъ создано дѣло прочное и хорошее. Правилomъ должно положить, чтобы изъ купцовъ и фабрикантовъ не было ни одного, кто не родился въ Россіи, и не имѣютъ недвижимой собственности. Англичане подкупятъ и самого черта!

«Знаемъ мы людей довольно,
Знаемъ вдоль и поперекъ.
Рассказать—такъ будетъ больно
Вдоль спины и поперекъ!

Аминь». —

Литература и цензура.

— «Никакія разсужденія и доказательства не могутъ исказать той великой истины, что безъ литературы нѣтъ славы ни для царей, ни для народа! Не распространяясь въ примѣрахъ, укажемъ на Елизавету Петровну и Екатерину II. Онѣ покровительствовали литературу, и она, изъ благодарности, закрыла все бывшее зло такимъ блескомъ, что зло видно только на ихъ приближенныхъ, а все благое вошло въ украшеніе идоловъ литературы. Народъ есть тѣ же, что баснословный центавръ: поль-человѣка и поль-лошади, сирѣчь половина скота. Что замышляетъ голова, тому винуется туловище. А есть-ли народъ въ мірѣ, въ которомъ бы образованная, или, по крайней мѣрѣ, грамотная часть народа (т. е. голова центавра) не желала пламенно имѣть свою собственную литературу? Конечно нѣтъ! Въ Россіи, чувствующей свое высокое назначеніе, это желаніе превратилось въ страсть; и презрѣніе, хо-

лодность и совершенное запущеніе литературы со стороны правительства не располагаетъ къ нему общаго мнѣнія. Въ Россіи литераторъ—настоящій парія! Для него нѣтъ мѣста на гражданственной лѣстницѣ! Чиновникамъ и военнымъ поставляется въ порокъ занятіе литературою, чего никогда и нигдѣ не бывало, а неслужащіе литераторы заброшены и ниже мѣщанъ. Всѣмъ извѣстно, что милости, оказанныя Карамзину, Жуковскому, Крылову и Пушкину, относятся къ ихъ положенію при дворѣ и связямъ съ такъ называемымъ придворнымъ дворянствомъ. На другихъ литераторовъ не упало ни одного луча вниманія и милости! И въ какое это дѣлается время! Когда въ цѣлой Европѣ, во Франціи, въ Пруссіи, въ Англіи и даже въ неподвижной Австріи, литература и литераторы въ чести и осыпаны знаками вниманія, когда идеи кружатъ съ воздухомъ въ мірѣ, и когда каждый сравниваетъ положеніе дѣлъ здѣсь и тамъ! Ужели презрѣніе къ литературѣ и къ литераторамъ или, пожалуй, холодность и невниманіе почитаются полезнымъ? Или ужели полагаютъ, что это дѣло такъ ничтожно, что имъ не стоитъ заниматься? Вспомнимъ о центаврѣ! Ужъ, воля ваша, а если грамотное сословіе голова центавра, то литераторы самые чувствительные нервы въ мозгу! Ужели исторія также презрѣнная наука! Вѣдь это ящикъ съ опытностію. Загляните туда и увидите, сколько зла и добра произведено литературою, именно тамъ, гдѣ вовсе не бывало свободы книгопечатанія. Она всегда возьметъ свое. Можно разбить или скрыть компасъ, но нельзя уничтожить качества магнитной стрѣлки. Снимите флюгера, чтобъ не знать, въ какую сторону дуетъ вѣтеръ, а вѣтра не остановите! Общее мнѣніе вещь неистребимая, и оно приготовляетъ зло или добро въ будущемъ. Никакая сила не можетъ уничтожить его, а управлять имъ можетъ только одна литература. Этого-то у насъ знать не хотятъ, къ великому прискорбію людей, преданныхъ правительству!

«Когда на всѣ части администраціи обращается постепенное вниманіе, только на одно министерство просвѣщенія не хотятъ взглянуть съ настоящей точки зрѣнія.

«Извѣстно, что это министерство, полагая, что принадлежность его состоитъ единственно въ занятіи школами или учебными заведеніями, поставляетъ обязанностію притѣснять литературу. Уваровъ явно говоритъ, что цензура есть его полиція, а онъ полицеймейстеръ литературы! Лучше было бы, еслибъ цензура была медицинскій литературный факультетъ, а Уваровъ главнымъ докторомъ, и чтобъ они пеклись о здоровіи и хорошемъ направленіи литературы! А въ какомъ состояніи наши училища? Правительство весьма мудро хочетъ распространить познаніе русскаго языка въ польскихъ и нѣмецкихъ провинціяхъ, а у насъ и въ Петербургѣ нѣтъ даже порядочныхъ учителей русскаго языка! Ка-

кихъ чиновниковъ даютъ русскіе университеты? Кандидаты и магистры не умѣютъ написать правильно письма! Гдѣ напи ученые, гдѣ химики, технологи, механики, гдѣ историки, лингвисты? Жалость, да и только! Оттого правительству такъ и тяжело двигать государственнымъ механизмомъ, что такъ мало способныхъ людей. А въ отчетахъ министерства просвѣщенія все сіяетъ, какъ солнце, хотя этимъ отчетамъ никто не вѣритъ, кромѣ правительства.

«Цензура дѣло важное, должно сказать — дѣло первой важности, а у насъ она устроена хуже самой дурной полиціи въ запатномъ городѣ. Уставъ напечатанъ въ сводѣ законовъ, а онъ не исполняется ни въ одномъ пунктѣ. Не только министръ, но каждый попечитель измѣняетъ каждую статью закона своими предписаніями! Есть-ли это хотя въ одномъ государствѣ въ мірѣ?— Нѣтъ, и не будетъ! Намъ скажутъ, что не только трудно, но почти невозможно опредѣлить всѣ случаи по производству цензурнаго дѣла. Такъ говорятъ, но это несправедливо. Правила для всѣхъ цензурныхъ уставовъ въ мірѣ одни: что не вредно, то можно печатать. Вредное есть посягательство на вѣру, царя, мѣры правительства, нравственность и личность гражданина. Эти пункты легко опредѣлить, но вся важность въ исполненіи, а для исполненія должны быть выбраны люди, пользующіеся общимъ уваженіемъ, люди почтенные, уживчиваго нрава, деликатные, твердые, умные и притомъ свѣдущіе въ литературѣ и знающіе свѣтъ. Восемь человекъ можно для этого выбрать въ Петербургѣ и Москвѣ. Вѣдь надобно же имѣть какія-нибудь права, чтобъ быть судіею въ литературѣ и пользоваться уваженіемъ литераторовъ? Такъ и было прежде. Туманскій, Тимковскій, Красовскій, были люди ученые, почтенные, заслуженные. Взгляните на нынѣшнихъ цензоровъ! Кто съ борка, кто съ сосенки! Замѣчательно, что во всемъ составѣ цензуры былъ одинъ только дворянинъ природный, покойный Корсаковъ, а тутъ-то именно и нужны природные дворяне, чтобъ опираться идеямъ коммунизма и революціонному духу! Цензоръ Крыловъ признанъ негоднымъ занимать мѣсто адъюнкта статистики въ университетѣ, куда дѣвать его? Въ цензоры! Этотъ человекъ почти идиотъ, тупъ, какъ бревно! Что онъ запрещаетъ и что позволяетъ, удивить и разсмѣшить мертваго! Стоитъ переговорить съ нимъ три слова, чтобъ увидѣть его неспособность. Другой, настоящій идиотъ—цензоръ Фрейгангъ. Невѣжество его выше всего, что можно себѣ представить, а сверхъ того, онъ слабъ въ русскомъ языкѣ, и мараетъ даже слова, которыхъ не понимаетъ. Недавно онъ вымаралъ слово: «исполать вамъ» думая, что исполать (т. е. здравствовать, быть въ чести) значитъ бранное и непристойное слово! На мѣсто Корсакова опредѣлили шведа Михелина, который едва знаетъ порусски! Куторга, профессоръ ско-

товрачеванія, сирѣчь коноваль—литературный цензоръ! Народъ этотъ не знаетъ ни свѣта, ни людей, ни литературы, ни даже грамоты, и держится правила, чтобъ запрещать все, что не понимаетъ. Но это еще только меньшая половина бѣды! Признано за аксіому, что купецъ не можетъ быть таможеннымъ чиновникомъ, и по этому правилу надобно непременно положить, чтобъ для соблюденія безпристрастія, для пользы литературы и охраненія того, что правительство хочетъ охранить цензурою, цензоры не участвовали въ дѣятельной, ежедневной литературѣ. Пусть они пишутъ и издають книги, но они не должны издавать журналовъ или участвовать въ нихъ. Что же у насъ дѣлается? Цензоръ Очкинъ редакторъ «Библіотеки для чтенія» (Сеньковскій называется директоромъ журнала), а Фрейгангъ сотрудникъ его только для вида. Онъ же, Очкинъ, редакторъ академическихъ вѣдомостей, а Фрейгангъ его переводчикъ. Цензоры—Никитенко и Куторга сотрудники «Отечественныхъ Записокъ». Эти господа цензируютъ журналы, въ которыхъ участвуютъ и отъ которыхъ получаютъ жалованье!!! Можетъ ли тутъ быть безпристрастіе и справедливость? Да и другіе цензоры не будутъ-ли снисходительнѣе къ журналамъ, въ которыхъ участвуютъ ихъ товарищи? Это радикальное зло. И кому жаловаться на цензоровъ? Министръ и знать ничего не хочетъ; попечитель ничего не смѣетъ сдѣлать безъ министра, а главное правленіе цензуры почитаетъ непременно правиломъ утверждать всѣ представленія цензуры, одобренныя министромъ. Слѣдовательно, для писателя нѣтъ никакого спасенія! Цензоръ надъ нимъ самовластенъ! Еслибъ правительство вошло въ разбирательство цензурныхъ дѣлъ, то удивилось бы въ какую грязь брошены у насъ два высшія качества человѣка: разумъ и чувство!

«Слышно, что хотятъ перемѣнить цензурный уставъ. Все, что дѣлаетъ правительство, дѣлаетъ для добра, но добра быть не можетъ ни при какомъ уставѣ, если не положить правиломъ избирать въ цензоры людей, которыхъ бы писатели должны были уважать, если не постановятъ, чтобъ министръ или попечитель не имѣли права измѣнять устава предписаніями, отъ своего лица, и если не укажутъ, гдѣ писатель можетъ искать вѣрной защиты. Теперь ссылка со стороны писателя на цензурный уставъ почитается чѣмъ-то въ родѣ бунта. Едва самъ вѣришь тому, что пишешь, а все суцая правда.

«Еще разъ повторяю: для чести и славы Россіи, для успокоенія общаго мнѣнія, для уничтоженія справедливыхъ, въ этомъ отношеніи, насмѣшекъ иностранцевъ и русскихъ,—надобно составить цензуру изъ людей достойныхъ, облагородить это званіе, какъ Канкринъ облагородилъ все, даже таможеню, и позволить писателямъ, какъ говорится, перевести духъ, и писать обо всемъ

свободно что полезно для государства, разумѣется съ соблюденіемъ всѣхъ приличій, и не касаясь того, о чемъ запрещено писать. Безъ людей—законъ пустой звонъ! Аминь».—

Приведенныя мѣста изъ переписки Булгарина, съ сопровождавшими ее приложеніями, бросаютъ яркій свѣтъ на писателя, который своими обличительными произведеніями прибрѣлъ большую извѣстность въ современной ему литературѣ. При всестороннемъ изученіи Пушкина и его эпохи нельзя оставить безъ вниманія ни полемическія статьи Булгарина, ни его сочиненій вообще, ни его писемъ и записокъ. Какъ литературная дѣятельность Булгарина, такъ и его переписка представляютъ много любопытныхъ чертъ для обрисовки тогдашняго состоянія и нашей литературы, и нашей общественной жизни.

М. И. Сухомлиновъ.

ВЪ НЕМШОНОЙ СТРАНѢ ¹⁾.

IV.

Передовые насельники.

ПРИ РОДА людей выдаются издавна впереди другихъ въ мудреной сибирской жизни и больше всѣхъ остальныхъ привлекають къ себѣ вниманіе. Оставляя въ сторонѣ прочихъ, мы осмотримъ пока этихъ трехъ главныхъ.

Всѣ трое шли, плыли и ѣхали сюда, въ хваленую страну, покинувъ ту старожитную землю, которая отдала имъ всю свою силу, сама понуждалась въ долговременномъ отдыхѣ и кормить наотрѣзъ отказалась. Смутили ихъ и повели сюда базарные слухи. Одни повѣрили тому, что бабы бьютъ здѣсь соболей коромыслами: «пойдешь за водой, а онъ тутъ въ ногахъ и вертится, и идти мѣшается; она возьметъ, да коромысломъ, что подъ руками, и пристукнетъ». Другіе потянулись искать рѣки Дарьи съ притоками, да такими же, чтобы и у нихъ вода была сытовая, а берега кисельные, а въ лѣсахъ росли бы молодовыя яблоки: «вотъ захирѣлъ—задряхлѣлъ, а съѣлъ такое-то яблочко, и сила прежняя въ тебя назадъ вошла, и самъ ты помолодѣлъ, и сталъ работать за молодого». Третьи подумали, что такъ какъ вообще за горами славны бубны, то пошли, вмѣстѣ съ прочими, лишь по силѣ привычки и обычаевъ ничего не искать, но на все посмотреть. «Вы

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. XV, стр. 300.

поильнѣе ступайте впередъ, а мы какъ-нибудь промежь вами, потихоньку и полегоньку. Когда увидимъ, что вамъ хорошо, мы уже сами придумаемъ, что съ собой дѣлать».

Вышли всѣ на новую землю одной семьей—плотной общиной, точно и въ самомъ дѣлѣ какъ три родныхъ и кровныхъ брата. Вслѣдствіе того и сѣли на ней не только такъ, чтобы не мѣшать другъ другу, но, въ случаѣ нужды, помогать. Каждый взялъ себѣ свою часть и глядѣлъ въ одну точку, но въ оба глаза. Все шло благополучно: сосѣди были довольны другъ другомъ, жили въ полномъ согласіи; на обидчиковъ ходили стѣной, всѣ какъ одинъ человекъ. Земли они не дѣлили, работали сообща; въ кабалу не записывались, считали себя вольными. Случалось въ этой сторонѣ даже такъ, что тѣ, которымъ привелось было поступить въ крѣпость къ сильнымъ или богатымъ, и тѣ теперь поголовно всѣ вольные. Общинное согласіе такъ и пережило всѣ тѣ поколѣнія, которыя нарастали въ эти три сотни лѣтъ, и дожило до нашихъ дней.

Предки тѣхъ, которые принесли коромысла и пришли бить соболей, попали въ такіе лѣса, что привелось въ нихъ заблудиться и не выбраться. Соболю въ самомъ дѣлѣ сталъ у нихъ проводникомъ, указывалъ, гдѣ дѣлать тропы и выводилъ на такія, гдѣ можно было остановиться, перевести духъ и отдохнуть. Послѣ отдыха и походовъ, какъ всегда и вездѣ, были отсталые, которые не хотѣли рисковать больше, сажались на мѣсто, обживали его; вспоминали недавнее прошлое и принимались распахивать землю. Выросли селенія, слободы и городки. Впрочемъ, среди этихъ лѣсныхъ скитальцевъ, больше было такихъ, которые пустились дальше, довѣрившись звѣрьку, очень злomu по природѣ, но столь обворожительному, что изъ-за него некогда было осматриваться и не привелось опомниться. Онъ все велъ и заманивалъ и, наконецъ, увлекъ въ самыя дальнія трущобы и поставилъ здѣсь прямо подъ обухъ. Случилось это дѣло такимъ образомъ.

Раньше нашихъ пришельцевъ, за пушными звѣрями гонялся яноронецъ, поэтому привелось придти сюда на готовое и дешевое. Слабый и нехитрый человекъ былъ беззащитенъ. При всей своей скудости, если не цѣнилъ свое время, то понималъ трудъ и берегалъ добычу, припоминая перелазы въ трущобахъ и ночевки прямо въ сугробахъ. Приходилось по нѣскольку дней не принимать и той скверной пищи, къ какой пріучились съ малолѣтства, и въ противномъ соболиномъ мясѣ въ крайнихъ случаяхъ находить лакомство. Соболиная шкурка такимъ образомъ получила цѣну, хотя и небольшую, судя по ничтожной тратѣ деревянной стрѣлы съ костянымъ наконечникомъ, но, тѣмъ не менѣе, не могла быть передана въ чужія руки даромъ. Слѣдовало ее вымѣнивать на что-нибудь подходящее ко вкусу и нуждамъ дикаря, а не случалось того подъ руками, надо было лукавить, выманивать, отни-

мать силой. Обиды и притѣсненія дикари должны были переносить потому, что знали и видѣли, что новые пришлые люди ставили за собой и передъ собой крѣпкія затулы—деревянный острогъ: стрѣлами донять его было невозможно. Противъ лучнаго ихъ боя у пришлыхъ людей былъ страшный огненный: вырвется съ огнемъ и свистомъ, какъ изъ пасти злаго духа, каленое желѣзо, влетитъ въ толпу, найдетъ виноватыхъ, повалитъ ихъ на землю на смерть, и всѣхъ остальныхъ заставитъ разбѣжаться. Ходили пришельцы съ такимъ боемъ какъ на прогулку,—и все передъ ними сторонилось и пряталось. Куда ни придуть: «бери все, что ухватишь, только отпусти пожить хоть до новаго рыбнаго лова, до свѣжихъ осеннихъ соболей. Отпускали съ тѣмъ, чтобы этихъ новыхъ соболей привносили сами доброй волей и вѣрнымъ счетомъ изъ года въ годъ, пока и въ самомъ дѣлѣ живъ человекъ на землѣ. А чтобы прочно было то обѣщаніе и вѣренъ ясакъ, брали въ заложники лучшихъ людей, уводили съ собой въ остроги и сажали тамъ за крѣпкіе караулы. Сами шли въ другія мѣста и тамъ поступали точно также: «сказывали государеву жаловальное милостивое слово, кормили и поили довольно и давали подарки: сукна, олово, мѣхъ, смотря по службѣ и по радѣнью». А поѣлъ государевой хлѣба-соли, значить сталъ нашимъ, ясачнымъ человекомъ: кто обижать вздумаетъ,—заступятся. Больше же всего угождали крѣпкимъ напиткомъ, который полюбился слаще рыбы, потому что обогрѣвалъ скорѣе оленьяго мѣха и веселилъ мягкое сердце въ такую мѣру, что радъ былъ дикарь отдать все за этотъ веселый и здоровый напитокъ. Свинцомъ и порохомъ запугана была вся тайга и всѣ годовые уловы пушныхъ звѣрей на много лѣтъ впередъ заговорены и заручены были задатками, а на вино и табакъ всѣ эти цѣнные шкурки были куплены. Тогда звѣриный мѣхъ превратился нежданно-негаданно на всѣхъ сибирскихъ рынкахъ въ ходячую и размѣнную монету. Имъ можно было заплатить и государеву пѣдату и засчитаться въ богатые люди, передъ которыми всѣ прочіе разступаются и скидаютъ шапки. Въ этихъ «служилыхъ людяхъ», которыхъ обязала Москва разыскивать новыя земли и сборомъ ясаковъ, такимъ образомъ народился новый человекъ — временный и случайный торговецъ. Съ тѣхъ поръ богатырской отваги убыло; старыя крепя, что плотили всѣхъ въ единое тѣло и духъ, ослабли, стали промышлять всякимъ дѣломъ въ разбродъ и одиночку. Начали утѣсненные и дышать вольнѣй, и собирать въ себѣ силы, и ощущать отвагу. Чтобы больше накопить и той и другой, присмотрѣвшись,—выучились сами ходить за одно, сбиваться въ кучи, дѣлать засады, нападать въ расплохъ и чинить короткія расправы. Удалось однимъ, и другіе всѣ твердо на себя понадѣялись и начали искать случаевъ къ возмездію за прошлыя обиды, ко мщенію за притѣсненія. Понесли въ Москву жалобы.

«Городъ погнилъ и развалился, да и острогъ во многихъ мѣстахъ вывалился, а въ твоей великаго государя казнѣ порохъ отсырѣлъ и излежалъ, и безъ передѣлки въ стрѣльбѣ не годится. А ружья мало, безъ замковъ, съ жагры (припальники) и то все перержавѣло, и жагры портились и фитилю нѣтъ. А безъ городу и безъ острогу, и безъ прибавочнаго ружья отъ воинскихъ людей жить опасно».

Ошопавъ такимъ образомъ среди погонь за торговой корыстью, выпедшіе на соболей съ коромысломъ и добывавшіе ихъ огненнымъ боемъ и водкой, стали переживать тяжелыя времена. Тогда-то и развелась по Сибири та «обухова родня», которая подъ разными видами дожила до нашихъ дней, въ нисходящемъ потомствѣ, прямо отъ этихъ воинственныхъ и вооруженныхъ завоевателей.

Тѣ, которые потянулись въ новую страну искать молодыхъ яблочковъ, живой и мертвой воды,—нашли и то, и другое, и третье на вѣковыхъ непочатыхъ залежахъ чернозема. Эти, какъ ухватились за соху, такъ и не покидали ее. «А тѣхъ лишннихъ земель было много со всякими лѣсами и рыбной ловли угодій, и съ сѣнными покосами, и краснымъ и другимъ лѣсомъ, и со скотскимъ выпускомъ, и со всякимъ угодьемъ». И нельзя достаточно надивиться, откуда на Руси нашлись такіе громадныя запасы свободныхъ и вольныхъ людей, изъ которыхъ въ одинъ годъ наростало въ Сибири по нѣскольку слободъ за-разъ. Скоро для пропитанія служилыхъ людей, гонявшихся за ясакомъ и прозванныхъ, по старой привычкѣ, казаками, не надо уже было возить хлѣбъ изъ Россіи: съ Вологды, Тотьмы и Вятки. Объявилась, вмѣстѣ съ тайговой промышленной Сибирью—и Сибирь земледѣльческая.

Наскоро устанавливалъ себѣ зимовье пахарь: землянку его едва отъ земли видно, съ трудомъ отличишь ее отъ осыпавшейся лѣсной листвы. Сидитъ онъ въ ней смирно и выходитъ лишь оглядывать поле: тихій, ласковый и угодливый. Кто изъ тамошнихъ дикарей видитъ его такимъ, всякій про себя думаетъ въ его пользу: «живи себѣ въ волю, намъ не мѣшаешь. Земля, что пушишь ты и рѣжешь и зерномъ засѣваешь—намъ ни къ чему. А догадываемся такъ, что елидасть она тебѣ остатокъ, то и съ нами подѣлишься, помѣняешься». Между тѣмъ новый житель товарищей себѣ создалъ; говоритъ, что одному и у каши не спору. «И въ томъ никакой бѣды не видно: и отъ этихъ зла не видать ни для бродячей, ни для кочевой жизни. Подрубаютъ себѣ лѣсъ, ковыряютъ землю, и еще ласковѣй и угодливѣй стали». Вотъ выстроили они себѣ жилия поверхъ земли, огородились потомъ тыномъ: «опять-таки ихъ это дѣло: всякій живетъ по своему вкусу». Однако стали пахари съ тѣхъ поръ посмѣлѣе: какая ни приглянется земля—ту

и поднимуть, и позволенье на то перестали спрашивать. А когда сложили за тыномъ бревенчатыя стѣны, на углахъ поставили четыре глухія башни, пятую проѣзжую, да накатили черныя пушки со страшнымъ жерломъ: все измѣнилось. Ласковый жеребенокъ, который шагу не ступаль безъ матери, превратился въ борзаго коня, у котораго изъ глазъ сыплются искры, изъ ноздрей валить пламя. Теперь къ нему не подступишься. Стало всѣмъ теперь ясно, что идетъ бѣда большая: будутъ эти богатыри отбирать за себя всѣ эти лѣса и степи (они имъ такъ послушно служатъ). По всему видно, что эта сила не шутить пришла, и не даромъ рубила бревна и рыла рвы по цѣлымъ днямъ и ночамъ, сгѣшно и безъ усталы. Чудомъ какимъ-то выросла эта страшная крѣпость и, чтобы спасти себя самихъ, въ это самое опасное и горячее время, надо торопиться донимать пришельцевъ всякими способами, какіе найдутся готовыми и придумаются наново. Такимъ образомъ и пахари на чужихъ земляхъ и подъ крѣпостной защитой, очутились глазъ на глазъ съ опасностями. Подвернулись и они подъ обухъ, въ свое время и, по силѣ роковаго закона, какъ будто впередъ предначертаннаго для всѣхъ такихъ встрѣчъ сильнаго съ слабымъ, и равнаго съ равнымъ, глазъ на глазъ и при раздѣлѣ одной и той же добычи.

Приносятъ ясачные люди ясакъ и рассказываютъ до того слышныя недобрыя вѣсти. «Собираются наши люди толпами и ходятъ межъ ними шаманы, и говорятъ про вашихъ людей сердитыя рѣчи. Начали уже новыя стрѣлы рѣзать и свѣжія тетивы къ лукамъ прилаживать; бранятся и сердятся безъ удержу и собираются скоро идти войной и грозятся все разорить». Подтверждаются эти слухи и рассказами тѣхъ, которые выходили изъ острога за ясакомъ и ничего не принесли: старые ясачные на отрѣзъ отказались, новые встрѣтили угрозами и сулились убить.

А вотъ и самый бунтъ въ лицахъ: обступили дикари острожекъ со всѣхъ сторонъ и по всему было видно, что хотятъ стоять тутъ долго. Они очевидно смекнули, что слѣдуетъ отрѣзать всѣ пути и донимать казаковъ голодомъ. Въ острогъ они никого не пускаютъ: тѣхъ, которые посланы были промышлять «рыбьи кости моржоваго зуба», взяли къ себѣ въ полонъ, а пищали, топоры и спицы желѣзныя, чѣмъ моржа колютъ, отняли. Не по одно время со щитами и безъ щитовъ подступали къ острогу и «огнемъ сжечь хотѣли». Дошло до того, что осажденные варили рожь, изъ сгѣгу съ кровель топили воду, всѣ оцѣнжали, начали помирать голодною смертію. Такъ было съ тѣми, которые поселились въ тайговыхъ лѣсахъ, да не лучше и съ честными и смирными пахарями. Лихіе люди выбирали осеннее время, когда хлѣбъ лежалъ сложеннымъ въ скирды. Порывистымъ степнымъ вихремъ, въ ночное время, налетали они на хлѣбъ и весь пожигали. Жгли и самыя деревни,

когда всѣ мужчины были въ полѣ. Хватали въ попыхахъ плѣнныхъ, предпочитали женщинъ, чтобы не оставить ни сѣмени въ родъ—ни корени въ прокъ, чтобы изжить русскую породу вдосталь, чтобы пришельцы сами, доброю волей, снялись съ чужихъ мѣстъ и убирались откуда пришли. Изъ осажденныхъ остроговъ дѣлались отчаянныя вылазки, побивались на смерть попадавшіеся подъ руку, проливалась кровь и «по Божьей милости и государевымъ счастьемъ», обуревались толпы дикарей непонятнымъ и великимъ страхомъ и всѣ разбѣгались. Проходили съ тѣхъ поръ многіе годы, дикари войной не приходили, но по прежнему являлись только вино пить и ясакъ вносить. Не переставалъ, однако, висѣть обухъ надъ головами тѣхъ, которые, увлекаясь мирными временами и заглохнувшими недобрыми слухами, выходили изъ остроговъ и таскались по улусамъ одиночками, со своимъ товаромъ и возомъ и уже съ полнымъ смиренствомъ, какъ подобаетъ осторожнымъ торговцамъ и опытнымъ кушамъ.

Торговые люди оказались тотчасъ же послѣ того, какъ появились на новыхъ мѣстахъ лѣсные звѣровщики и полевые пахари, успѣвшіе въ сибирскихъ тайгахъ проставить ногу, и по рѣчнымъ побережьямъ найти опорныя точки для временныхъ стойбищъ и вѣковѣчнаго житья. Выдѣлились и эти третьи изъ рядовъ первыхъ выходцевъ: тѣ бойкіе и ловкіе, у которыхъ глазъ не привыкъ смотрѣть все въ одну сторону, а видить разомъ кругомъ и около все то, что другимъ не въ примѣту. Допытываютъ они и смекаютъ про себя далеко за тотъ часъ и время, когда всѣ прочіе успокоились на добытомъ. Большая часть изъ нихъ, со старымъ запасомъ опыта, затѣмъ и пришли сюда, чтобы ничего уже другаго не дѣлать, какъ высматривать, кому здѣсь что надо. Въ то же время они хорошо знали, когда и гдѣ можно достать это потребное: для себя—дешево и выгодно, для другихъ—въ пріятность и угоду. Это давало имъ ключъ и отпирало двери туда, гдѣ нечего было дѣлать пахарю и куда трудно было пролѣзть тяжело вооруженному служилому человѣку и казаку. Пока эти послѣдніе еще примѣривались какъ ступить ногой, торговый человѣкъ успѣлъ забѣжать впередъ, все осмотрѣть, вернуться назадъ и все рассказать, кое-чему научить и на крайній случай встать въ толмачахъ и проводникахъ. Пока служилые люди, по своему почину и по указаніямъ начальствъ, слѣдуя направленіямъ рѣкъ, стремились въ верховья, безсознательно разъединились съ передними и задними, дѣлали большіе и лишніе крюки, торговые люди въ то же время розыскивали прямые пути и броды, и проложили ближнія дороги. Когда власть ставила имъ здѣсь заставы, задерживала ихъ для сбора вѣсчихъ пошлинъ, вымогала барыши для себя, не щадила дорогаго для нихъ времени, они, отыскивая новыя обходныя дороги, находили ближайшія, облегчали

сношенія и взаимную помощь. Когда служилые искали только такихъ землищъ, которыя были богаты пушнымъ звѣремъ, тогда, несмотря на то, что туземцамъ ничего не нужно, торговые люди предпочитали такихъ обитателей, у которыхъ имѣлся и излишекъ лѣснаго промысла и желанье помѣняться, поторговать. Они даже съ полнымъ усердіемъ и не малымъ искусствомъ развѣтывали передъ ними всякіе соблазны, выводили ихъ изъ завѣтнаго круга до нельзя ограниченныхъ желаній, знакомили безразлично со всѣмъ полезнымъ и вреднымъ, предпочитая послѣднее во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ предвидѣли наибольшую корысть и вѣрнѣйшую кабалу. А средства къ тому доставляли дикари на каждомъ шагу: даже хлѣбъ, съ которымъ приводилось знакомить ихъ впервые, погодился лишь на то, что дикарямъ стало жить хуже; куда хлѣбъ понадобился, туда потребовался и привозъ продукта, и наѣздъ торговцевъ. Чѣмъ успѣшнѣе становились торговля дѣла и крѣпче завязывался узелъ, тѣмъ скорѣе накоплялись надъ купеческими головами грозныя тучи, и сами купцы въ свою очередь, дѣлались «обуховой родней», попадая подъ настороженный въ засадѣ обухъ первыми, такъ какъ очутились теперь впереди всѣхъ и со всѣмъ на виду.

Особенно усилилась эта опасность, когда пустились всѣ наживаться, а для этой цѣли торговать. Страсть къ наживѣ и обогащенію перешла въ повальную болѣзнь, заразившую всѣхъ низшихъ и высшихъ: смиренныхъ архіереевъ и тихіе монастыри, кляузныхъ подъячихъ и смѣлыхъ казаковъ, и больше всѣхъ самихъ воеводъ, облеченныхъ чрезмѣрною и страшною властью. И кто не радѣлъ въ наживахъ, не умѣлъ притѣснять, — оказался въ виноватыхъ, подвергалъ себя жестокимъ казнямъ. Молодого юношу, сидѣвшаго прикащикомъ ярославскаго купца въ Мангазеѣ, хозяинъ, заподозрѣвъ въ недоборахъ и утайкѣ барышей, билъ изъ своихъ рукъ до смерти. Убитаго бросили на дорогѣ и не хотѣли хоронить. Самъ воевода Савлукъ Пушкинъ принялъ участіе въ истязаніяхъ. Сторонніе люди видѣли, однако, неправду сильныхъ и чистоту и невинность пострадавшаго. Они признали мученика святымъ (первымъ въ Сибири) подъ именемъ Василія Мангазейскаго, похоронили его съ честію и поставили на могилѣ часовню. Своеволія и притѣсненія въ этомъ краѣ дошли до того, что озлобленные юраки сожгли этотъ острогъ до тла и заставили поставить его на другомъ мѣстѣ (гдѣ теперь Туруханскъ и куда перенесли и мощи Василія, построивъ ради ихъ монастырь).

Не было уже затѣмъ ни одного воеводы, который, «ради своей бездѣльной корысти», удерживался бы отъ соблазновъ легкой наживы, не собиралъ бы даромъ на себя пушныхъ звѣрей, не посылалъ бы за ними нарочныхъ посыльщиковъ, не разыскивалъ бы съ этихъ людей за недоборы и при этомъ не стѣснялся бы самыми

жестокими наказаніями. Свободно разыгравшійся воеводскій произволъ, подогрѣтый жаждой корысти, ни чѣмъ не стѣснялся, ни дальними разстояніями, ни трудностями въ пути посыльщиковъ. Илимскій воевода таскалъ за бороду, плевалъ въ глаза, топталъ ногами и сажалъ въ желѣзо того почтеннаго историческаго чело-вѣка, Ерофѣя Павловича Хабарова, который снабдилъ Сибирь первыми солеваренными заводами и приобрѣлъ, подъ высокую государеву руку, богатый и цвѣтущій Амуръ. Даровитый устюжанинъ, находчивый въ измышленіяхъ новыхъ и сильныхъ торговыхъ статей, только за то и пострадалъ, что стоялъ на дорогѣ неспособному, алчному, но имѣвшему власть, воеводѣ.

Вообще сибирскіе воеводы дѣйствовали на чистоту, «забывъ страхъ Божій и крестное цѣлованье»: велятъ своимъ слугамъ брать по шести палокъ въ одну руку и бить обвиненныхъ по голымъ спинамъ, по брюху, по бокамъ и по стегнамъ; бьютъ и изъ своихъ рукъ тростью. При приѣмѣ ясачной казны начали напрямки поступать такъ, что, отобравъ себѣ прежде черныхъ соболей и одинцевъ, черныхъ лисицъ и пупчатые мѣха, остальное записывали за государемъ; а то были: недособоли и вешняки — «худые соболишки». Мало этого: начнетъ воевода изъ хлѣбныхъ казенныхъ запасовъ на себя вино курить и пиво варить, и хлѣбъ страшно поднимется въ цѣнѣ. Разольютъ воеводы вино въ ведра, скляницы, ковши и чарки и начнутъ продавать отъ себя. Другіе вздумаютъ собирать табуны степныхъ лошадей и ставятъ ихъ въ казну по высокой цѣнѣ. Открываютъ игорные дома и публичные вертепы разврата и сдаютъ ихъ, вопреки указамъ и совѣсти, на откупъ охочимъ «скареднымъ» людямъ. Отъ такихъ промысловъ воеводы возвращались на Русь богачами. Въ Москвѣ засчитываютъ ихъ дѣла въ проступки и прописываютъ о томъ въ «наказахъ» новымъ воеводамъ, точно урокъ даютъ, чтобы тамъ, въ Сибирской землѣ, измышлять для своихъ кормовъ торговья статьи не трудились: всѣ онѣ въ московскихъ грамотахъ ясно указаны. Оставалось поступать такъ, чтобы среди ясачныхъ плательщиковъ укрѣплялась и возростала кабала, а изъ пришлаго русскаго населенія вырождались, даже среди земледѣльцевъ, кулаки и мірофды. Подъ охраной воеводъ этому злу объявился широкій просторъ; обнаружилась такая живучесть зла, что вотъ и триста лѣтъ прошло, а оно обрѣтается въ цвѣтущемъ здоровѣи и полномъ благополучіи, съ наддачею новыхъ приемовъ.

Не отставали отъ воеводъ и ихъ довѣренныя нарядчики, сборщики пошлинъ, называвшіеся въ Сибири прикащиками. Особенно разыгралась ихъ корысть въ то время, когда они добрались до Камчатки, гдѣ къ соболямъ и лисицамъ прибавились еще бобры и котики. Тутъ уже пошла рѣзня не на шутку: перестали распознавать своихъ и начались междоусобные грабежи, разбои и смерт-

ныя убійства. Торговья притѣсненія превзошли всякую мѣру: продавали два аршина холста за лисицу, выбоики одинъ аршинъ ставили въ ту же цѣну, за золотникъ табаку брали три лисицы, за фунтъ пороху — десять. Жалованье служилымъ людямъ выдавали табакомъ же, а деньги писали въ книгахъ облыжно. Дошло до того, что боялись провозить царскую казну для сдачи ея въ Якутскомъ острогѣ, и сами сидѣли въ острожныхъ стѣнахъ, какъ въ осаждѣ. Инородцы соединялись въ большія партіи и убивали казаковъ, изъ засадъ по дорогамъ, цѣлыми десятками. Воеводскія и прикащиковы притѣсненія, такимъ образомъ, подводили подъ обухъ тѣхъ людей, которые не могли быть отвѣтчиками и уже ни въ чемъ не были виноваты. Не навели страху на хищниковъ и вновь придуманныя суровыя наказанія, когда пятнали спины, рубили пальцы обѣихъ рукъ и отдавали крестьянамъ въ работники: «землю пахать и скотъ пасты». Нерубленныя руки вновь присыльныхъ прикащиковъ снова начинали грабить безъ зазрѣнія совѣсти и оглядки. Дикари же продолжали, по прежнему, сами давать оружіе въ руки, уступая на пудъ черкаскаго табаку: 5 бобровъ, 10 лисиць, 10 куницъ и 30 песцовъ, и т. п.

На этихъ кровавыхъ жертвахъ основалось, однако, завладѣніе землями, до тѣхъ поръ неприступными и цивилизованному міру неизвѣстными. Здѣсь торговья сношенія послужили первыми поводами для сближеній. Торговья люди, идя впереди, указывали пути тамъ, гдѣ впослѣдствіи властямъ оставалось только поддерживать и пособлять, крѣпить завязавшіеся узлы (чего, впрочемъ, по разнымъ случайностямъ, для Сибири не дѣлалось, а происходило часто наоборотъ). Куда не рѣшалась проникнуть военная сила, туда пробирался купецъ. Когда ослаблялось правительственное вліяніе и отъ него исходили произвольныя или вынужденныя запрещенія — торговецъ продолжалъ работать съ возроставшимъ успѣхомъ. Стоитъ только припомнить дѣла на Амурѣ и на границахъ съ Китаемъ, чтобы видѣть, какія громадныя услуги оказала странѣ исключительно торговая предпримчивость. Исторія сибирскаго торговаго одна изъ такихъ, передъ которою поблѣднѣють самыя занимательныя романы, и которой, въ то же время, принадлежитъ одна изъ крупныхъ страницъ въ исторіи русскаго народа.

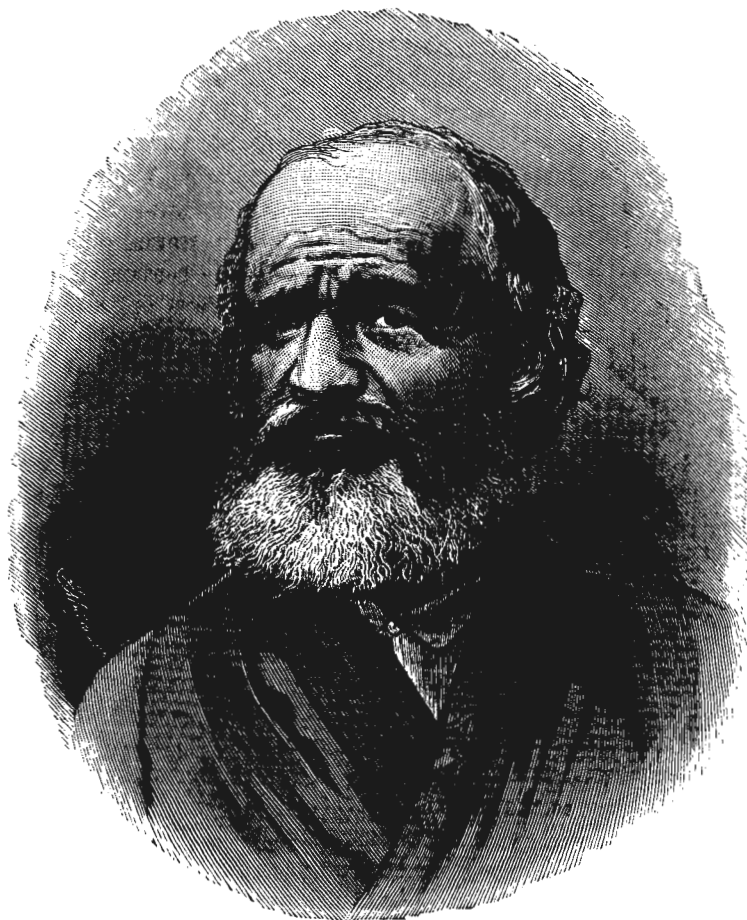
V.

Обухова родня.

По собственному почину въ половинѣ XVII столѣтія торговые казаки Петровъ и Ялычевъ забрались въ самый Пекинъ, когда китайцы еще очень ревниво огораживали свои интересы и свою

страну отъ цѣлаго свѣта высокой каменной стѣной. Это было впереди и на пути предприимчивыхъ и смѣлыхъ людей, а позади ихъ на громадныхъ сибирскихъ пустыняхъ, въ защиту имъ, кое-гдѣ чернѣли гнилыя бревешки остроговъ. За ними часто сидѣли въ осадѣ,

Сибирскій казакъ.
(Старожилъ Западной Сибири).

жили голодомъ и сами защитники, поджидавшіе поддержки и помощи. Однако, слѣдомъ за этими торговыми казаками, вернувшимися въ живѣ и здоровыми съ товаромъ, отправленное посольство было все перерѣзано бурятами. Тѣмъ не менѣе, въ послѣдствіи выросла та Кяхта, слава которой распространилась по всей Европѣ.

Въ другомъ мѣстѣ случилось такъ: Когда служилые и промышленные люди перессорились и перерѣзались въ Камчаткѣ, а съ Коряками однимъ огненнымъ боемъ стало трудно управляться: «огненный бой они вызнали», торговцы пустились дальше, какъ та снѣжная глыба, которая оторвалась отъ верхушки и сползла на горную покатость. Камчатскіе торговцы переплыли на Курильскіе острова. Тамошніе «мужики» дали имъ «бой крѣпкой» и оказались къ ратному бою досужими, «изъ всѣхъ иноземцевъ бойчивѣе». Однако курильскихъ мужиковъ русскіе мужики побили и три корбаса морскихъ у нихъ отбили, да сверхъ того прознали еще про другой народъ «езовитянь» (японцевъ). И этихъ удалось имъ встрѣтить, вступить въ переговоры и получить извѣстіе, что ясака они никому не платятъ, а бобровъ своихъ продаютъ иноземцамъ, «которыхъ-де землю видите вы съ нашего острова въ полуденной сторонѣ, и привозятъ они къ намъ желѣзо и иные товары, кропивные, тканые, пестрые». Хотя съ японцами до настоящаго времени торговли устроить не успѣли, однако по горячимъ слѣдамъ бросившіеся сюда торговые люди приготовили путь къ пріобрѣтенію владѣній на американскомъ берегу.

Увлекаясь примѣромъ другихъ купцовъ, промышленавшихъ въ Тихомъ океанѣ морскихъ бобровъ, рыльскій купецъ Шелеховъ добрался до американскихъ острововъ и вдохновился новыми открытіями. Среди сибирскихъ торговцевъ онъ отыскалъ способнаго челоуѣка (изъ каргопольскихъ выходцевъ) Баранова и поручилъ ему укрѣпиться на самомъ американскомъ берегу. Барановъ исполнилъ порученіе такъ успѣшно, что, въ 28 лѣтъ управленія дѣлами торговой компаніи, съ американскаго берега и острововъ переслалъ въ Россію мѣховыхъ товаровъ свыше чѣмъ на 20 милліоновъ рублей. Мало того, онъ въ то же время успѣлъ войти въ торговыя сношенія съ Кантономъ, Маниллой, Бостономъ, Нью-Йоркомъ и съ Сандвичевыми островами. Здѣсь разыгралась, наконецъ, торговая предприимчивость до того, что купецъ Ласточкинъ пришлылъ на эти острова, которые представляютъ теперь для Англіи морскую станцію высокой цѣны и громаднаго значенія. Съ завѣтными сибирскими видами и опредѣленными цѣлями, сибирскій купецъ отыскалъ здѣсь тамошняго короля, одарилъ его сукномъ, оловомъ и лаской; сказывалъ ему, по сибирскимъ обычаямъ и по указамъ, милостивое государево слово и, долго не думая, взялъ съ него клятву на русское подданство. Когда довели объ этомъ до свѣдѣнія Петербурга,—клятвенную запись велѣно возвратитъ королю, а Ласточкину дать строгое внушеніе, чтобы, «глядя на то, другимъ не было повадно такъ поступать».

Около двухсотъ лѣтъ рѣка Амуръ находилась подъ строгимъ запретомъ. Какъ ночныя тати пробирались въ ея верховья любознательные ученые изслѣдователи. Съ рѣдкою точностію и добро-

совѣстностію съ обѣихъ сторонъ исполнялись тѣ условія трактата, по которымъ возвращались подъ карауломъ всѣ, дерзнушіе переступить границу. Тѣмъ не менѣе съ такою же изумительною и рѣдкою настойчивостію наши торговцы продолжали сходитьсѣ съ заграничными въ условное время, по зависимости отъ ежемѣсячныхъ фазисовъ луны, подъ осыпавшимися земляными валами того самага роковаго Албазина, паденіемъ котораго вызвана была потеря страны и строгое запрещеніе ея посѣщеній. Когда амурская страна, въ наши времена, возвращена была въ четвертый разъ,—по слѣдамъ измиравшихъ отъ голодной смерти, возвращавшихся въ Забайкалье батальоновъ,—прошли въ числѣ первыхъ, наталкиваясь на ужасные слѣды несчастнаго похода, тѣ же торговые люди, которые въ подобныхъ случаяхъ созидаютъ болѣе надежныя и крупныя основы. Конечно, эти изслѣдователи мѣстныхъ нуждъ, въ видахъ устройства торговыхъ сношеній, очутились и здѣсь подъ тяжелымъ обухомъ голодной смерти, позывавшей молодущихъ на необычайныя поступки по примѣру полинезійскихъ папуасовъ. Не совершилось тяжкаго несмываемаго съ совѣсти грѣха лишь по вліянію высоко-нравственнаго, проникнутаго глубокимъ и искреннимъ религіознымъ убѣжденіемъ начальника торговой экспедиціи, вернувшагося однако на родину (въ Нерчинскъ) безъ ногъ, съ надломленнымъ здоровьемъ, съ разстроенными до неизлѣчимости нервами (покойнаго И. А. Юренскаго).

Если наведемъ справки въ ближайшихъ, такъ-сказать, вчерашнихъ событіяхъ, то встрѣтимся съ новыми подтвержденіями тѣхъ же фактовъ. Остановливаемся на одномъ изъ нихъ, лишь въ томъ расчетѣ, что о немъ, сколько помнится, не было заявлено въ печати. Вопросъ о томъ же запретномъ и таинственномъ Китаѣ, который любить торговлю до богопочитанія и умѣетъ вести торговля дѣла съ изумительнымъ искусствомъ и расчетомъ въ страхъ и поученіе даже такимъ мастерамъ коммерческаго дѣла, какъ англичане.

Вся южная сибирская граница съ Китаемъ на всемъ ея громадномъ протяженіи для торговли была издавна крѣпко замкнута, за исключеніемъ четырехъ лазеекъ, изъ которыхъ двѣ предназначены для Восточной и двѣ для Западной Сибири. Послѣдняя пробавлялась Кульджей и Чугучакомъ, и изъ-за первой факторіи едва лишь въ самое послѣднее время приведены къ концу надолго затянувшіеся переговоры. Казалось ничѣмъ нельзя было одолѣть установленныя препоны, но жива душа въ людяхъ и великъ соблазнъ и сладокъ вкусъ въ запрещенномъ плодѣ. Китайскіе города Улясутай и Хобдо не давали сна и покоя сибирскимъ купцамъ, конечно, тѣхъ городовъ, которые лежатъ ближе всѣхъ къ этой границѣ. Семипалатинскіе и бійскіе въ особенности ощущали то нервное безпокойство, которое зоветъ на рискъ и подвигъ.

Не прибѣгая къ посторонней помощи и не нуждаясь, по простотѣ и непосредственности убѣжденій, въ совѣтахъ и разрѣшеніяхъ, купцы сами принялись лѣчиться отъ нестерпимой болѣзни съ вѣчнымъ хроническимъ характеромъ.

Бійскіе купцы уже очень давно поторговывали по мелочамъ на мѣну, не переступая указаннаго рубежа пограничной рѣки Чуй, съ ближними жителями калмыками и сойотами, которые, называясь двоеданными, двуличили въ платежѣ податей и подчиненіи обѣимъ сосѣднимъ имперіямъ. Вдругъ, въ 50-хъ годахъ, на одномъ изъ пикетовъ китайское правительство для чего-то учредило праздникъ «Чуря», на который въ іюлѣ мѣсяцѣ стали съѣзжаться во множествѣ китайцы и монголы. Сразу наладились сношенія и, конечно, заиграла торговля, которая и начала въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ изрядно развиваться, пока опять-таки вдругъ, и съ чего-то (какъ всегда у китайцевъ) праздникъ уничтожили. Торговья дѣла оборвались на самомъ живомъ и интересномъ мѣстѣ: нечего больше дѣлать, какъ забираться внутрь Китая, повидать ихъ городовъ и старыхъ пріятелей. Въ серединѣ августа 1870 года на нанятыхъ верблюдахъ, съ товарными тюками въ 8—12 пудовъ, цѣлымъ караваномъ потянулись купцы по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ русской ноги еще не бывало и ходить было трудно. По дорогѣ острые камни, по бокамъ, мѣстами, какъ стѣна, невысокіе каменные утесы. Воды нѣтъ: надо пользоваться дождевой, скоплавшейся въ щеляхъ у подошвы утесовъ, и черпать оттуда ковшечкомъ. Либо воды вдругъ такое обиліе, что растилаются цѣлыя озера, а на самой дорогѣ лежатъ иловатые зыбуны, гдѣ верблюды проваливаются и тонуть, гдѣ надо нанимать нарочныхъ въ провожатые на этотъ неизбѣжный несчастный случай, гдѣ требуется возить воду въ запасахъ съ собой, и гдѣ стѣитъ лишь порыться въ песокъ всего на поларшина и можно самому напиться, и скотъ напоить. Дорога же идетъ дальше все такая же трудная, словно заказная: все по острымъ камнямъ, въ совершенно безлѣсной странѣ, между голыми скалами, среди дикихъ и пустынныхъ видовъ, которые, впрочемъ, кое-гдѣ разнообразятся стойбищами монголовъ по берегамъ озеръ и рѣкъ. Здѣсь всегда, въ такихъ рѣдкихъ случаяхъ, стелются травянистыя пастбища и отгуливается рогатый скотъ въ такомъ великомъ множествѣ, что разгораются глаза смекающаго дѣла торговаго человѣка. Когда на одномъ озерѣ, среди множества юртъ, думали расположиться наши путники на полудневку, они набрали на большую шайку китайскихъ разбойниковъ, числомъ въ 80 человѣкъ. На эту случайность купцы наши не рассчитывали, но хорошо знали, что въ степи у монголовъ неспокойно. Бродили партіи озлобленныхъ и голодныхъ; временами увеличивались объемомъ и числомъ. Разбой обратили они въ промыселъ и уже много городовъ разорили, расколотивъ ихъ глиняныя стѣны и башни, какъ горшки. Разбойники

пересѣкли всѣ дороги, ведущія изъ Китая въ Монголію и остановили тѣ огромные караваны, которые ходили прежде. Пробивались лишь кое-какіе маленькіе, на авось и большой рискъ, когда дунганскія шайки зазѣваются. На разбойниковъ наши купцы не разсчитывали натолкнуться, но смекнули, что товарныя кладовыя въ

Сибирскія казачки.

(Женщина и дѣвушка).

г. Улясутаѣ стоятъ пустыми и теперь самое время забраться туда. Однако эти встрѣчные придорожные разбойники, при видѣ чужихъ и вооруженныхъ людей, нападеніемъ не дерзнули. Наши благополучно прибыли въ городъ и всѣхъ несказанно утѣшили и обрадовали. Смѣлость и на этотъ разъ вяла цѣлый и большой городъ, хотя крайне невзрачный. Весь онъ построенъ изъ частоккола и, какъ

быть надо, утонкованъ глиной, но не бѣленъ, не высокъ, покрытъ плоскими крышами, грязью по узкимъ улицамъ, но за то украшенъ богатыми кумирнями. Раздѣленъ онъ на двѣ части: военную крѣпость съ генераль-губернаторомъ и торговую часть (версты на 1¹/₂ отъ первой) съ торгующимъ и обездоленнымъ людомъ. Наши сразу успѣли осмотрѣть, что торгуютъ больше пустяками: трубочками, кисетиками, табакерочками, огнивами, — точно ничего больше не дѣлаютъ, какъ только курятъ. И такихъ лавочекъ въ городѣ до 250, а всѣхъ жителей свыше 3-хъ тысячъ. За то торговля нашихъ началась со второго дня. Партиями ходили туземцы, купцы и чиновники, изъ склада къ складу и купили по бездѣлицѣ. Но когда потянулись за ними монголы, товары стали подбираться. Покупаютъ монголы товары и при этомъ, какъ простодушныя и откровенныя милыя дѣти, не опускаютъ случая попечалиться свѣжимъ, добрымъ людемъ и пожаловаться на притѣсненія китайскихъ властей. Эти власти сами торговцы: дзянь-дзюни, какъ и нашъ пріятель амбань,—купцы первой руки съ разрѣшенія высшаго пекинскаго правительства и въ совершенное сходство съ нашими старозавѣтными воеводами, которые также съ открытымъ лицомъ и спокойнымъ сердцемъ пріѣзжали въ назначенную область покормиться. Понятно, почему здѣшнія власти увѣряли въ ненадобности тѣхъ самыхъ русскихъ матерій, изъ которыхъ было шито все платье туземцевъ и ихъ собственное, и почему, отказавшись отъ новыхъ покупокъ, стали на каждомъ шагу дѣлать затрудненія и препятствія. Такъ они выдали секретное распоряженіе останавливать тѣхъ монголовъ, которые очень понуждались въ привозномъ товарѣ и приставили сторожей для того, чтобъ они отгоняли покупателей въ шею. Одинъ пробрался было вечернимъ временемъ и украдкой, но выйти не смѣлъ до утра, оставшись у нашихъ купцовъ ночевать.

Недолго пробыли бійскіе торговцы въ монгольскомъ городѣ, но успѣли уже вызнать ихъ нужды и всякій подходящий на нихъ товаръ. Составили очень подробный и любопытный реестръ.

Передо мною лежитъ такая записка одного изъ бывшихъ въ это время въ Улясутаѣ прикащиковъ, что нельзя не подивиться и здравому, осмысленному взгляду не только на торговое дѣло, но и на бытовыя условія страны, и быстрой сметкѣ, сразу опредѣлившей нужды населенія, а по зависимости отъ нихъ, до мельчайшихъ подробностей всѣ тѣ предметы, на которыхъ можетъ основаться серьезный торгъ, конечно, не оптовой, въ виду коварной, подозрительной и трусливой китайской политики. Нельзя не изумляться также и той быстротѣ, съ которою произведены такіа дѣловыя и подробныя наблюденія и при томъ условіи, когда китайскія власти все это старательно прикрывали или прятали, и нашимъ приходилось хватать и вязать приставленныхъ къ лавкамъ

дозорщиковъ и фискаловъ. Всѣ наблюденія сдѣланы съ убѣдительными доказательствами ихъ правды и точности еще и при тѣхъ дурныхъ условіяхъ, когда въ округѣ отъ города торговать нашимъ уже положительно было запрещено. Стало извѣстно по этой запискѣ все, что надо привозить и что можно вывезти, чтобы и впрямь

Сибирскій казакъ.
(Старожилъ Западной Сибири)

установились тѣ тѣсныя и дружелюбныя отношенія, на которыя оказывается такою опытною мастерицею—мирная и тихая мѣновая торговля. И вотъ передъ нами одинъ изъ тѣхъ, совершенно случайно объявившійся, въ которомъ несомнѣнно призваніе къ торговому дѣлу и подобныхъ которому, конечно, среди умудренныхъ опытомъ въ пограничныхъ сношеніяхъ, въ Сибири очень много.

Что въ самомъ дѣлѣ ожидаетъ этихъ людей и что изъ нихъ выйдетъ въ то время, когда прispѣетъ часъ, и какъ у нашего юнкера Бѣлыхъ и подъ офицерскою шинелью зашевелиятся тѣ нервы, и обнаружатся, какъ въ хорошей благородной породѣ, тѣ инстинкты, которые почитаются врожденными и тотчасъ по рожденіи осчастливлены готовымъ широкимъ полемъ для дѣла. Дальнѣйшія наблюденія приводятъ къ печальнымъ выводамъ.

Первоначальная школа сибирскихъ прикащиковъ очень плохая. Склады и буквы мудреной торговой азбуки на этотъ разъ выучены и затвержены въ захудалыхъ и обѣднѣвшихъ до крупныхъ прорѣхъ и отчаянія сѣверныхъ лѣсныхъ городкахъ. Отсюда въ подобіе птичьимъ станицамъ на небѣ во время перелета потянулись въ новую страну искать счастья первые торговые люди: все вологжане съ крупной наддачей и прибавкомъ архангельскихъ, пермскихъ, ярославскихъ и прочихъ, преимущественно обыкшихъ къ торговлѣ городовъ и слободъ русскаго сѣвера: Устюга, Тотьмы, Соль-Вычегодска, Галича, Каргополя, Ярославля, Ростова, Вязниковъ, имена которыхъ отличены ясно во всѣхъ старинныхъ грамотахъ и древнихъ лѣтописяхъ. Этотъ законъ, въ новыхъ поколѣніяхъ, не измѣненъ и въ новѣйшее время. Въ лѣсные города обращалось и московское правительство, когда надобился ему вызовъ искусныхъ людей для страны, вообще нуждавшейся въ людяхъ.

Здѣсь новая школа сразу раскидывала передъ новиками для соблазновъ широкое поле, прямо обозначались два стана и расположились другъ противъ друга два войска, вооруженныя совершенно разнообразными оружіями.

Одна стѣнка, дерзко выступавшая въ бой, тѣсно сплочена изъ хорошо обученныхъ въ ловкости и изворотливости, которые сверхъ того подогрѣвались надеждами на лучшее, послѣ испытанныхъ страданій въ ежовыхъ рукахъ голодной городской нужды. Противъ нихъ оказались разьединенныя кучки изъ такихъ слабыхъ силъ, которыя готовы сдаться при первомъ натискѣ, и это сейчасъ же не медлило обнаружиться. Простота и слабость до такой степени были велики и очевидны, что требовалась чрезмѣрная сила воли, чтобы не воспользоваться побѣдой въ корень, безъ всякой мѣры и безъ оглядки: что за нужда, если сразу приходится обезсилить человѣка такъ, что онъ уже и для самыхъ побѣдителей сдѣлается навсегда бесполезнымъ? Безиредѣльная и неудержимая страсть въ наживѣ, при такой податливости и облегченіяхъ, могла лишь возрасти выше мѣры. Свыше мѣры была и простота, по своей охотѣ и доброй волѣ, поспѣшно отдававшаяся въ руки. Любая хозяйка на Руси не отказывается нагружать нужную въ домашнемъ быту деревянную чашку хлѣбнымъ зерномъ до самага верху, чтобы по-

вую крашеную чашку оставить себѣ, а хлѣбъ пересыпать въ сбор-
ной мѣшокъ проѣзжаго торговца. Любой остякъ и вогуль (по весьма
распространеннымъ въ Сибири преданіямъ) не задумывался въ чу-
гунный котелокъ, въ которомъ онъ разъ по пяти на день что-то
варилъ, накладывать столько собольихъ шкурокъ, чтобы красивые
хвостики ихъ сравнялись съ краями. Соболей пусть беретъ торго-
вецъ себѣ, а ему—сдѣлалъ бы милость,—оставилъ чугунку.

Старовѣры сибирскіе (Тобольск. губ.).

(Дѣдъ, сынъ и внукъ).

Гдѣ же взять столько силы воли, остановиться и не плыть по
теченію такой сильной и быстрой рѣки? Въ соблазнахъ этой пер-
вобытной простоты сошлись рядомъ и разомъ: и нравственная
порча, и первые уроки къ дальнѣйшимъ успѣхамъ въ сибирской
торговой наукѣ. Они, конечно, шли быстро впередъ и намъ по
Сибири всюду навязывали чрезвычайно характерный анекдотъ, за
недавнее событіе, относя его ко многимъ тамошнимъ городамъ, но

больше останавливая его на Иркутскѣ. Впрочемъ, иркутянь за это недавнее бывшее событіе уже успѣли прозвать «осьмушниками».

Всякому покупателю, приходившему взять осьмушку и полфунта чаю, незамѣтно подкладывался, и непремѣнно во всякой лавкѣ, мѣдный пятакъ. При евангельской чистотѣ души, честные люди, видѣвшіе при возвращеніи домой, лишній прибавокъ, не считали его своимъ, такъ какъ не покупали его и, полагая въ этомъ ошибку купца, приходили назадъ и возвращали пятакъ, конечно, не повѣряя вѣса купленнаго чая. Преданіе прибавляетъ къ этому, что классическій мѣдный кружокъ чекана 30-хъ и 40-хъ годовъ, переходя изъ рукъ въ руки, натаскивалъ большіе барыши, а первому находчивому человѣку полагалъ основаніе для будущаго крупнаго капитала.

Не хороши обѣ школы торговаго человѣка, но еще безотраднѣе результаты примѣненія полученныхъ знаній на практикѣ, когда сибирскимъ торговцамъ надо разбираться въ московской фабричной странѣ.

Москва изумительно угадала азіатскіе вкусы и отлично «потрафила» тѣмъ, что изловчилась дѣлать и даже дешевле продавать тѣ самыя издѣлія, которыя изобрѣтены въ Азіи: бязь—персидскій бумажный холстъ, китайскія: лощоную китайку, цвѣтную нанку и синюю, замѣчательную своей дешевизной, дабу, сдѣлавшуюся, подобно старинному соболу и вынѣшнему кирпичному чаю, размѣнной монетной единицей. Безъ московскихъ желѣзныхъ сундуковъ съ перегородками и музыкальными замками не обходится ни киргизская переносная кибитка, ни ханскій дворецъ (гдѣ сундуки, покрытые тюменскими коврами, замѣняютъ диваны, а сами по себѣ служатъ кабинетными и будуарными столами, сохраняя дѣловыя бумаги и драгоценныя вещи или деньги). Шкатулки устюжской работы и разрисованные подносы не имѣютъ на азіатскихъ рынкахъ соперниковъ вмѣстѣ съ грубымъ и толстымъ русскимъ сукномъ, золотыми и мипурными позументами, юфтовыми кожами чернаго и краснаго цвѣта, гаруснымъ ластикомъ и бѣлымъ миткалемъ. Москва умѣетъ мастерить такія зеркальца, которыхъ не возьметъ самая глупая крестьянская дѣвушка (не желающая видѣть обезображеннымъ свое изображеніе), и клеить такія бумажныя коробки и маленькіе деревянные ящики съ зеркальцами, которые требуются лишь афганами, привыкшими носить въ нихъ табакъ. Словомъ, Москвою все предусмотрено и приготовлено, и она, хорошо разумѣя свое высокое руководящее значеніе въ Азіи, умѣетъ ловко продать торопливо сфабрикованный товаръ сибирскимъ торговцамъ «съ наваломъ» или тѣмъ излишкомъ, который вовсе не требуется и зачастую остается на рукахъ у сибирскихъ купцовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, надобится величайшее искусство раздѣляться съ московскими одолженіями. Москва устроила свои дѣла

въ Сибири такъ, что вся страна работаетъ на нее и для этой цѣли услуживаетъ ей или, лучше сказать, кабалить себя три раза въ годъ: у себя дома передъ открытіемъ навигаціи, на Нижегородской ярмаркѣ собираетъ товаръ для перваго зимняго пути въ интересахъ Восточной Сибири, и на Ирбитской и Крестовской ярмаркахъ для послѣдняго пути. Особенно старается во всѣхъ этихъ случаяхъ наваливать красный товаръ, въ глубокомъ и справедливомъ убѣжденіи, что, сколько ни накладывай, мануфактура вся разойдется въ Сибири безъ остатка. Кредитъ въ этихъ видахъ дается самый широкій и свободный; иногo способа сибиряки не понимаютъ и охотно принимаютъ накладку до 25⁰%, не считая провоза. Сверхъ всего фабриканты наваливаютъ еще за рискъ и, если временами подвергаются несчастіямъ и неудачамъ, то объ этомъ не тужатъ, т. е. собственно не подвергаясь никакому риску, остаются во всякомъ случаѣ съ хорошимъ барышомъ, потому что умѣютъ удерживать на товарѣ высокія цѣны.

Все непредвидѣнное предусмoтѣно и обезпечено платежами, поступающими отъ тѣхъ сибирскихъ купцовъ, которые намѣрены и впредь торговать и еще не вынуждены и не думаютъ идти на сдѣлку. Замѣчательно между прочимъ, что въ одномъ городѣ Иркутскѣ состоитъ одного вексельнаго долга до 10 милл., что, по разверсткѣ на всѣхъ городскихъ жителей, дѣлаетъ курьезную цифру 250 рублей на cadaго и показываетъ, до какой степени сильна московская кабала и экономическое рабство. Не даромъ же издавна сложилось про иркутянъ насмѣшливое присловье, что у нихъ «одна рука короче», т. е. не любя платить долговъ, они всегда находятся въ наибольшихъ платежныхъ затрудненіяхъ.

Сибирскому потребителю, поставленному въ безысходное положеніе, при полномъ отсутствіи собственныхъ производствъ, за немѣніемъ фабрикъ, приходится становиться совершенно въ тѣ же условія, въ какихъ находится и все инородческое населеніе: платить все, что потребуютъ, съ наростаніемъ процентовъ, по мѣрѣ удаленія мѣстностей на востокъ. На крайней границѣ Россійскаго государства, въ Владивостокѣ, напримѣръ, доигрывается торговый барышъ на товаръ до 400⁰%, въ совершенное подобіе тому чугунному котелку, который сибирскимъ инородцамъ надо до краевъ наполнить соболиными шкурками, чтобы получить его въ собственность. Все искусство оптовыхъ торговцевъ заключается, при этомъ случаѣ, въ томъ, чтобы подобрать искусныхъ исполнителей или прикащиковъ, у которыхъ бы не дрожала рука обмануть и начестъ, обсчитать и обвѣсить. Работать же этимъ приходится по двумъ основнымъ способамъ, которые выражаются хорошо извѣстными правилами: затянуть въ долгъ, снабжая товаромъ съ тѣмъ большею охотою, чѣмъ труднѣе положеніе бѣдняковъ. Затѣмъ, при

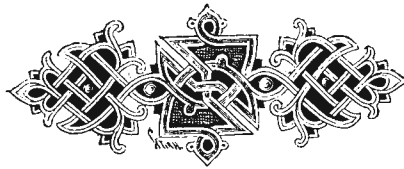
разсчитѣ въ благопріятное и надежное время, удешевить платежный продуктъ должника до крайней возможности: будетъ ли то сырье, въ видѣ кожъ или шерсти, или кедровые орѣхи въ мѣстностяхъ хвойныхъ лѣсовъ, или медъ въ листовыхъ лѣсахъ роскошнаго Алтайскаго края. Прикащики, дѣйствуя офенскимъ бродячимъ способомъ въ закабаленныхъ мѣстностяхъ, берутъ въ уплату все, что подойдетъ на руку, лишь бы только свезла лошадь. Получая ничтожное жалованье или не получая его вовсе, сибирскіе молодцы, развозя по-истинѣ скверный, никуда негодный товаръ, и притомъ полученный и сбываемый въ долгъ, должны изловчаться такъ, чтобы самимъ въ ближайшее время сдѣлаться хозяевами и въ то же время не потерять въ нихъ своихъ покровителей, по крайней мѣрѣ на первые боевые годы.

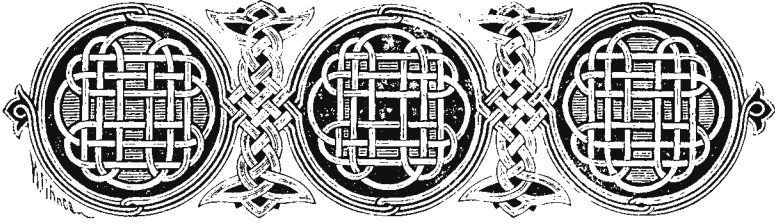
Въ Сибири нельзя надивиться тому могуществу власти и силы, какими пользуются, среди населенія обширныхъ околотковъ, умѣющіе, по указанному нашимъ знакомымъ юнкеромъ Бѣлыхъ образцу, молотить рожь, не уронивъ зерна, на томъ самомъ обухѣ, изъ-подъ котораго еще долго не вывернуться и сибирскому купцу, и мѣстному потребителю.

Никто въ Сибири, съ другой стороны, не удивляется тому, что мелкимъ прикащикамъ, при изворотливомъ умѣ, скоро счастливитъ. Съ настойчивостью, какую обнаружилъ нашъ юнкеръ (восходившее торговое свѣтило), — удается очень скоро овладѣвать капиталами, примѣнять ихъ къ порабощенію цѣлыхъ краевъ и самимъ становиться такою нравственною силою, съ которою приходится считаться и бороться (не всегда успѣшно) могущественнымъ сибирскимъ генераль-губернаторамъ. Съ мелкимъ торгашомъ, успѣвшимъ лишь развиться въ куколку, сами обиженные, пробуютъ, говорятъ, разсчитываться, подводя ихъ подъ вещественный обухъ. Указываютъ даже урочища, куда бросали тѣла убитыхъ, повѣствуютъ разнообразныя легенды, объясняютъ, что самое названіе «Обуховой родни» идетъ именно отъ тѣхъ молодцовъ, которымъ удалось очнуться для новыхъ подвиговъ при помощи живучести природы и мѣднаго лба. Но это случаи частные и, судя по тамошнимъ обычаямъ, очень рѣдкіе. Этихъ самыхъ молодцовъ, въ видѣ откупныхъ повѣренныхъ, на лихихъ тройкахъ перевозилъ въ свѣжной пустынѣ замерзшаго Байкала въ 60 верстъ поперечника, глазъ на глазъ съ десятками тысячъ рублей, первѣйшій и нѣкогда самый страшный всему Забайкалью разбойникъ Горкинъ. Умное населеніе богатой страны, умудренное опытомъ давнихъ лѣтъ, хорошо понимаетъ, что не въ этой мелкотѣ и ихъ крупныхъ хозяевахъ заключается главный корень зла и вся роковая путаница бытовыхъ и экономическихъ условій жизни, а потому съ обухомъ не гонятся за мухой. Напротивъ, это молодое и свѣжее населеніе далекой страны, надѣленное всѣми нравственными дарами, терпѣ-

ливо ждетъ коренныхъ преобразованій, хотя бы до уровня метрополіа. Съ надеждою смотреть оно въ свое будущее, и пока еще стоитъ въ томъ убѣжденіи, что, вопреки старинной русской и новѣйшей своей пословицѣ, «плетью обухъ перешебить можно».

С. Максимовъ.

ТАИНСТВЕННЫЙ СВЕРТОКЪ.

(Историческій разсказъ).

ВЪ ЦЕРКВИ зимняго дворца служатъ обѣдно и поютъ херувимскую. Пожилая императрица Анна Иоанновна и дворъ присутствуютъ. Золото, фижмы, парики. Чинъ служенія идетъ по обычаю; ничего, кажется, особеннаго не происходитъ; мелькаютъ крестныя знаменія, поклоны...

Какія тогда пѣлись херувимскія мы не знаемъ, но тѣхъ внушительныхъ херувимскихъ, которыя поются теперь, еще не существовало.

И вотъ, поютъ херувимскую... Это будто въ каменной церкви, другая звуковая церковь медленно возносится и уже въ этой церкви, а не въ каменной, производится общеніе молящихся съ тѣми добрыми силами, которыя невидимо служатъ.

Голосовъ слышно много. Всѣ они стройны, всѣ звучны, всѣ задушевы, большинство ихъ съ юга, но одинъ голосъ ярче всѣхъ.

Точно ласточка, случайно залетѣвшая въ церковь, забивается, испуганная, то туда, то сюда, въ лѣпныя и золоченыя изображенія херувимовъ, облаковъ и лучей подъ сводомъ, возможно глубже, возможно сокровеннѣе, пробивается этотъ удивительный голосъ, невѣдомыми путями, въ тайники людскаго сердца, вѣется по нимъ, ластится...

Ничего, кажется, особеннаго не случилось: царица на мѣстѣ и дворъ подлѣ нея, и херувимскую пропѣли.

Только малымъ началомъ, незамѣтною струйкою, запалъ этотъ замолкшій голосъ въ душу молодой цесаревны Елизаветы Петровны.

И не то, что молится она, и не то, что слушаетъ, а что-то такое въ ней происходитъ необъяснимое, будто зябкая дрожь пробѣгаетъ... а она уже знаетъ, что значитъ любовь.

Елизавета Петровна—это будущее недалекое царствованіе, прихотливое женское самодержавіе, это судьба Россіи.

Отошла обѣдня. Цесаревна спрашиваетъ какъ зовутъ пѣвчаго. Ей называютъ Алексѣя Розума и представляютъ его.

Розумъ недавно привезенъ изъ Малороссіи; онъ сынъ реестроваго казака. Будь онъ некрасивъ, будь онъ въ лѣтахъ, этотъ Розумъ—ничего бы не было. А то нѣтъ: онъ высокъ, строенъ, смуглолицъ, съ чудесными черными глазами, весь—молодость, весь—югъ, ростокъ благодатной Украйны, и этотъ голосъ — ласточка...

Сердце цесаревны заговорило...

Четыре года спустя, Розумъ уже дѣйствительный камергеръ только что воцарившейся императрицы Елизаветы; онъ имѣетъ ленту Андрея Первозваннаго и нѣсколько тысячъ душъ крестьянъ.

Подумаешь: теноровая партія молодого казака въ херувимской и закрѣпощеніе нѣсколькихъ тысячъ душъ крестьянъ!

Но годы идутъ, нѣтъ не идутъ, а бѣгутъ невозвратно. Императрицы Елизаветы нѣтъ больше—царствуетъ Екатерина II. Графъ Алексѣй Григорьевичъ Разумовскій, ему подъ шестьдесятъ, живетъ со времени смерти своей высокой благодѣтельницы совершенно уединенно.

Въ это время имѣютъ мѣсто двѣ различныя, быстро слѣдующія одна за другою, чудесно дополняющіяся сцены...

Зимній дворецъ еще объять утреннимъ сномъ.

Самое зданіе высится также точно, какъ теперь, но сосѣдняя съ нимъ мѣстность представляется иначе: объ Александровской колоннѣ нѣтъ еще и помину, а тамъ, гдѣ тянется зданіе адмиралтейства и идетъ бульваръ, раскинулись земляные валы, укрѣпленія, обведенные рвомъ, по дну котораго уставленъ частоколъ. Туманъ клубится по сугробамъ снѣга этого молчаливаго мѣста, кажуцагося пустошью подлѣ самаго дворца.

Зимнее, январское утро чрезвычайно лѣново; сквозь туманъ еле обозначается розовый свѣтъ невидимаго солнца; все небо одинаково розовое, одинаково блѣдное, такъ что рѣшительно нельзя опредѣлить: гдѣ же именно востокъ, гдѣ западъ, откуда заря?

Зимній дворецъ, окруженный часовыми, спокоенъ, но только по виду, потому что въ немъ зрѣетъ замыселъ чрезвычайно смѣлый. Кто за, кто противъ него, и всѣ вліянія, всѣ происки обострились.

Императрица Екатерина II молода, красива, и только что овдовѣла; Григорій Орловъ, за котораго стоятъ многіе, очень многіе, оказался блоннемъ счастья. Хворость цесаревича, наслѣдника престола, ребенка больнаго, непрочнаго, вызываетъ опасенія за бу-

душность страны. Воспоминанія о послѣдствіяхъ этой неопредѣленности еще такъ живы, и вотъ почему назрѣла въ Зимнемъ дворцѣ мысль выискать императрицѣ супруга между ея подданными.

Искать было недолго, многіе за Орлова, но пожелаетъ ли этого сама Екатерина?

Не изъ тѣхъ она, чтобы пожелать, но молодого счастливица баюкаетъ и ласкаетъ эта свѣтозарная мысль. Еще бы!

Замыселъ въ полномъ ходу. Екатерина принимаетъ свои мѣры. Она встала раньше обыкновеннаго и два раза уже послала Перекусихину Марью Савишну, свою знаменитую камеръ-юнгфёру, справиться не пріѣхалъ ли канцлеръ графъ Михаилъ Илларионовичъ Воронцовъ.

— Чего же это онъ не торопится? спрашивала императрица, видимо обеспокоенная, даже нетерпѣливая, какъ бы предполагавшая, что и Воронцовъ, подобно ей, долженъ торопиться.

Дѣло въ томъ, что не дальше, какъ вчера, Григорій Орловъ, уже не только намекнулъ ей о бракѣ, но говорилъ, и долго говорилъ о томъ, что это было бы нужно.

— А зачѣмъ? спросила императрица не безъ двухсмысленной улыбки и съ полнымъ сознаніемъ того, что будетъ она дѣлать въ данномъ случаѣ.

— По примѣру, отвѣтилъ ей Орловъ.

Легкая тучка скользнула по свѣтлому лицу государыни и точно сосредоточилась на бровяхъ ея, чуть-чуть нахмурившихся. Примѣръ, на который намекалъ Орловъ, дѣйствительно существовалъ.

— Я это вспоминаю, договорилъ Орловъ, о бракѣ покойной императрицы съ графомъ Алексѣемъ Григорьевичемъ...

— Да, да! перебила Екатерина, поднявшись съ мѣста, знаю, слыжала...

Съ глазу на глазъ говорила она съ Орловымъ и она любила его. Отказать — обидѣть! Исполнить — никогда... Надобно иначе.

— Это, я думаю, больше за-границей выдумали, быстро отвѣтила она, и гдѣ же документы? Я никакихъ не вѣдаю.

— Есть и документы, государыня! замѣтилъ Орловъ.

— То-есть развѣ самъ Разумовскій?

— Нѣтъ! документы, хранящіеся у Разумовскаго.

— О!? возразила Екатерина, какъ бы ничего не зная. Это любопытно. Пошлемъ, пошлемъ къ Разумовскому, освѣдомимся...

Разговоръ этотъ имѣлъ мѣсто вечеромъ. Въ ночь было обдумано Екатериною, что ей дѣлать.

Ночь принесла совѣтъ. Рѣшеніе, принятое Екатериною, было чрезвычайно характерно. Это было нѣчто вродѣ того, что сдѣлала она гораздо позже съ внукомъ своимъ, великимъ княземъ Александромъ, сыгравъ съ нимъ то, что она сама назвала un tour

diabolique, введя его въ искушеніе; другимъ, схожимъ съ этимъ дѣйствіемъ ея, была немилость, оказанная ею князю Репнину въ то время, когда ей хотѣлось, чтобы цесаревичъ Павелъ съ женою своею Марією Теодоровною, поѣхалъ за-границу и чтобы онъ самъ, цесаревичъ, захотѣлъ отправиться въ это путешествіе.

— Ты, князь, говорила она тогда Репнину, наведи ихъ, а въ особенности ее, la bonne dame, на мысль объ этомъ путешествіи; а чтобы они не думали, что эта мысль отъ меня идетъ, я буду къ тебѣ немилостива. Надо ихъ провѣтрить, эту Schwere Bagage, прокататься послать, такъ ты устрой, а я отблагодарю и немилость моя окончится!

Извѣстно, что цѣли своей Екатерина достигла. Репнинъ исполнилъ порученіе мастерски. Schwere Bagage поѣхала за-границу чуть не насильно. При прощаніи съ дѣтьми, Марія Теодоровна упала даже въ обморокъ и ее отнесли въ карету въ безпамятствѣ.

Но на такихъ мелочахъ матушка Екатерина не останавливалась.

Рѣшеніе, принятое ею и по вопросу о бракѣ, было сходнаго характера. Оно должно было быть осуществлено канцлеромъ графомъ Воронцовымъ, и вотъ почему Марья Савишна Перекусихина дважды бѣгала справляться о его пріѣздѣ. На третій разъ она ввела графа канцлера прямо къ императрицѣ и сама удалилась.

— Напишите мнѣ, графъ, сказала императрица, милостиво давъ поцѣловать вошедшему руку, напишите мнѣ указъ о томъ, что въ память въ Бозѣ почившей тетки нашей, императрицы Елизаветы Петровны, мы признаемъ справедливымъ присвоить графу Алексѣю Григорьевичу Разумовскому...

При этомъ имени Воронцовъ, и безъ того внимательный къ словамъ своей повелительницы, обратился весь въ слухъ, въ чуткость! Онъ зналъ, конечно, о существовавшихъ въ то время вѣяніяхъ насчетъ задуманнаго брака. Совпаденіе этихъ вѣяній съ раннимъ и неожиданнымъ призывомъ во дворецъ, имя графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, открывали ему нѣкоторую, чрезвычайно любопытную перспективу.

Кромѣ того, надо замѣтить, какъ своеобразно дѣйствуетъ на вельможу, находящагося во власти, неожиданное возникновеніе передъ нимъ имени другаго, отошедшаго въ тѣнь благо вельможнаго человѣка. Такимъ именно долженъ былъ представиться Воронцову давно отошедшій отъ всякихъ дѣлъ, полузабытый Разумовскій.

— Вѣдь и я, подумалъ канцлеръ, я тоже съ какимъ нибудь однимъ словомъ отойти могу!

Понятно, что этой мысли онъ ни за что бы никому не выразилъ, да и остановиться-то на ней онъ не могъ, потому что надо было слѣдить за дальнѣйшими повелѣніями Екатерины.

— Я хочу, видите ли, добавила императрица въ разъясненіе своей мысли, нѣкоторыя слухи въ дѣло обратить; справедливымъ признаю я графу Разумовскому, вѣнчаному, какъ извѣстно, съ государыней,—вѣдь вы, графъ слышали, конечно, объ этомъ бракѣ? присвоить титулъ императорскаго высочества, каковую дань признательности и благоговѣнія къ предшественницѣ нашей мы и желаемъ сдѣлать гласнымъ во всенародное извѣстіе.

— А когда же указъ этотъ изготовить прикажете, государыня, спросилъ графъ, не считая возможнымъ любопытствовать о причинахъ.

— Сейчасъ, тутъ у меня! Войдите вонъ въ эту комнату; тамъ у меня и перо и чернила найдете.

Императрица указала на двери.

— При мнѣ печати нѣтъ, государыня.

— Да вѣдь мы указа и не подпишемъ, а только въ проектѣ графу Алексѣю Григорьевичу свеземъ. Онъ, чай, въ халатѣ, въ своемъ Аничковомъ сидитъ. Вы какъ напишете указъ, сейчасъ сами его свезите и попросите отъ моего имени, чтобы графъ имѣющіеся у него, по этому важному дѣлу, документы, для составленія акта въ законной формѣ, вамъ вручилъ, чтобы мнѣ передать...

— Простите, государыня, но...

— Такъ, такъ, понимаю, возразила Екатерина, вы въ ту комнату войти не хотите, ну такъ я отсюда уйду, а вы останьтесь и пишите; вонъ столъ и все, что вамъ нужно...

Воронцову ничего не оставалось другаго, какъ исполнить повелѣніе.

Едва вышла императрица, онъ сѣлъ строчить проектъ, а государыня направилась въ ближнюю комнату къ Марьѣ Савишнѣ и толковала съ ней о томъ: обшить ей, или не обшивать, галунчикомъ то платье, которое предстояло одѣть вечеромъ на эрмитажное представленіе и которое блистало передъ нею раскинутое по двумъ тяжелымъ, съ золочеными ручками, кресламъ.

Комнату давно уже ярко озаряло тѣмъ неопредѣленнымъ розовымъ свѣтомъ, который въ это утро разливался надъ Петербургомъ.

Кто выходилъ изъ дому, тѣ думали: вотъ, вотъ глянетъ солнце мощнымъ малиновымъ шаромъ, лишеннымъ видимыхъ глазами лучей и станетъ тихо подниматься; но солнце не глянуло: невѣсть откуда стали налетать порывистыя дуновенія вѣтра, стали завихриваться свѣжки, начались завыванія мятели.

Какъ было въ природѣ, такъ было и въ комнатѣ Марьи Савишны. По внѣшности, по обстановкѣ все смотрѣло свѣтло, радужно; блестящее платье, растянутое по кресламъ, свидѣтельствовало о предстоявшемъ весельи; мнѣнія императрицы насчетъ об-

шивки галунчикомъ, которыя она высказывала, были такъ серьезны, что убѣдили бы всѣхъ и cadaго въ томъ, что этотъ галунчикъ дѣйствительно занималъ ее.

На самомъ дѣлѣ было иначе: сквозь розовыя разсужденія государыни, точно сами нарождаясь, завихривались, поднимались мятелицею разныя, очень важныя мысли. Толкуя съ Перекусихиной о галунчикахъ, она всѣмъ своимъ вниманіемъ обрѣталась въ сосѣдней комнатѣ, гдѣ канцлеръ строчилъ проектируемый указъ.

— Документы несомнѣнно есть, думала она, есть... Отдасть ли ихъ старикъ? вѣдь онъ можетъ сказать, что нѣтъ никакихъ... ну, тогда ровно ничего не измѣнится, будетъ, какъ было, а Григорій Орловъ при своемъ желаніи останется, вотъ и все... Но если...

— А что, Марья Савишна, спросила Екатерина, глянь-ка какая мятелица разыгрывается? Мятелица мнѣ мысль для платья даетъ: что еслибы вмѣсто галунчика да бѣлымъ пухомъ опушить, что скажешь?

— И пухомъ хорошо будетъ, матушка государыня, отвѣтила Перекусихина.

Этого отвѣта Марьи Савишны Екатерина не слыхала, вся сразу охваченная другою мыслью.

— Если, думала она, старикъ документы отдасть, что тогда?.. уничтожить ихъ?! Надо бы уничтожить! А гдѣ право на это?

Слегка вспыхнувъ, государыня отошла отъ платья къ окну и довольно долго безмолвно смотрѣла на неожиданно налетѣвшую, вполне разыгравшуюся мятель.

Проектъ указа былъ тѣмъ временемъ изготовленъ и по прочтеніи его Екатериною Воронцовъ отправленъ въ Аничковъ дворецъ, къ Разумовскому немедленно.

Дворецъ этотъ, гдѣ имѣла мѣсто другая историческая сцена, о которой мы упоминали, глядѣлъ тогда со стороны Большаго Перспективнаго проспекта, почти также, какъ и теперь. Совершенно инымъ представлялся онъ отъ Фонтанки. Отъ огромныхъ каменныхъ палатъ его, крытыхъ сплошь луженымъ желѣзомъ, шли къ рѣкѣ двѣ длинныя колоннады, соединенныя у воды крытой галлереей; отсюда доступъ возможенъ былъ только на лодкахъ. Построенный лѣтъ за десять до того дня, который мы описываемъ, дворецъ этотъ былъ роскошнымъ даромъ Елизаветы графу Алексѣю Разумовскому,—странное каменное воплощеніе той удивительной херувимской, которую она, нѣкогда, прослужала.

Пройдутъ немногіе годы и дворецъ этотъ подарятъ Потемкину!

Тамъ началось съ херувимской, тутъ—съ одного царственнаго взгляда на блестящаго всадника конной гвардіи, ловко повернушаго коня своего на глазахъ молодой императрицы, объѣзжавшей свои войска...

Мятель гудѣла. Грузная колымага канцлера, съ трудомъ влекомая по глубокому снѣгу, почти вся занесенная мятелью, подкатила къ мѣсту жительства графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, къ Аничкову дворцу, часу въ одиннадцатомъ утра. Особенно густо насѣлъ и лѣпился снѣгъ по тѣмъ мѣстамъ колымаги, на которыхъ держались небольшіе золоченые рельефные орнаментики. Стекла колымаги оставались чистыми, потому что острый, слегка подмороженный, снѣгъ скользилъ по гладкой поверхности ихъ.

Для впуска во дворъ пришлось отворить ворота. Когда-то, очень недавно, ворота эти были постоянно открыты настежь; а теперь привратнику, удивленному раннимъ посѣщеніемъ вельможнаго челоуѣка, не безъ труда удалось отодвинуть крѣпкій засовъ. Ему помогли два какихъ-то усатыхъ малоросса, только что посѣтившіе графа Алексѣя Григорьевича, земляки его, односельчане, отправляшіеся во-свояси, покалякавъ съ хозяиномъ, съ поклономъ родичамъ и богато одаренные.

Хохлы, пропуская во дворъ колымагу, снявъ шапки и обнаживъ чубы, съ любопытствомъ заглядывали сквозь стекла экипажа на вельможную фигуру канцлера, въ собольей шубѣ и шляпѣ, шитой по краямъ золотымъ узоромъ.

— Кто винъ? спросили хохлы привратника, когда колымага проѣхала.

— А бисъ ихъ знае! отвѣтилъ привратникъ.

Канцлеръ, въ свою очередь, увидавъ чубатыхъ хохловъ, улыбнулся.

Какъ сказала императрица, такъ это и было: Алексѣй Григорьевичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ, въ богатомъ, подбитомъ мѣхомъ калатѣ, подлѣ пылавшаго камина, когда ему доложили о прибытіи канцлера.

Посѣщеніе это поразило его чрезвычайно. Онъ торопливо, насколько торопливость была ему доступна, отложилъ въ сторону священное писаніе кievской печати, находившееся у него въ рукахъ, и не безъ труда поднялся съ мѣста.

Высокая, внушительная фигура его обрисовалась во весь ростъ и сказанное имъ канцлеру «добро пожаловать» было искренно и гостепріимно. Бывшій красавецъ, темноволосый казакъ, сохранилъ отъ былого одинъ только томный, кроткій, удивительный взглядъ и чрезвычайно пріятный голосъ.

— Чему обязанъ я, графъ Михаилъ Илларионовичъ? проговорилъ Разумовскій, усадивъ гостя и самъ усаживаясь.

— Я отъ государыни императрицы.

Разумовскій, только что опустившійся въ кресло, снова быстро поднялся; всталъ и канцлеръ.

— Отъ ея величества? проговорилъ онъ удивленный и точно болью какою-то сказалось въ немъ сердце, не добрымъ прозвуч-

чало, какую-то далекою стариною откликнулось; иное чувствовалъ онъ когда-то, когда его звала императрица...

Оба графа сѣли снова, и Разумовскій молча выслушалъ объясненія Воронцова. Взявъ въ руки проектъ указа, ему поданнаго, онъ пробѣжалъ его...

Легкій трепетъ въ рукахъ давалъ понять присутствовавшему, что нелегко было это чтеніе. И не тѣ были годы, въ которые неожиданности не поражаютъ, и не таковъ былъ предметъ, котораго коснулись, чтобы не вызвать быстро напряженія всѣхъ душевныхъ силъ.

Почему-то мелькнули также въ соображеніяхъ графа Алексѣя Григорьевича судьбы Меншикова съ дочерью, обрученною Петру II, Бирона, судьбы Долгоруковыхъ, тоже съ «государыней невѣстою...» Березовъ... тайная канцелярія... все это близко... все это свѣжіе слѣды... все это тяжелыя повѣсти...

Всталъ князь-казакъ съ своего мѣста. Пораздумалъ.

— Такъ государынѣ документы угодны?

— Да! отвѣтилъ Воронцовъ.

Въ роскошныхъ покояхъ Разумовскаго стояло кругомъ много цѣнныхъ предметовъ. Комнаты, убранные со всевозможною, по времени, изысканностью, носили на себѣ тотъ почтенный отпечатокъ осѣдлости, который теперь все болѣе исчезаетъ. Все кругомъ было рассчитано на вѣчность, на стойкость тѣхъ формъ жизни, въ которыя судьба отлила, а отливши, отчеканила хозяина. И нѣтъ тутъ никакого противорѣчія съ мгновенными крушеніями самовластныхъ личностей вродѣ Бирона, Меншикова, Долгоруковыхъ. Шквалы налетали въ разные слои быта людей только изъ одного, единого источника—отъ самодержавной власти. Другихъ подкашивателей, другухъ возмутителей законовъ соціальной гидростатики въ тѣ дни не существовало. Самыя проявленія безграничнаго самодержавія, въ концѣ-концовъ, служили только самымъ яркимъ доказательствомъ прочности всего остальнаго, всѣхъ этихъ бытовыхъ наслоеній.

Золото, шелкъ, ковры, фигуры изъ фарфора и бронзы, мозаики и картины глядѣли со стѣнъ кабинета. Чаше прочихъ, повсюду, замѣчались изображенія или вензеля императрицы Елизаветы. Знакомый намъ обликъ ея въ царственныхъ регаліяхъ, съ высокой прической, увѣнчанной брилліантовою короною, въ широкихъ фижмахъ и твердомъ корсажѣ, съ острымъ упрямымъ шнипомъ впереди, царилъ надъ всѣмъ окружающимъ со стѣны противулежавшей входной двери.

Подъ портретомъ стоялъ массивный, корельской березы, инкрустованный бронзою комодъ и на немъ виднѣлся ларецъ чернаго дерева, окованный серебромъ и выложенный перламутромъ.

Въ немъ хранились тѣ именно документы, о которыхъ шла рѣчь.

Ничего не сказавъ болѣе, глубоко взволнованный, направился Разумовскій къ комоду, отыскалъ въ немъ ключъ, отперъ ларецъ и вынулъ изъ потаеннаго ящика бумаги.

Розовый атласъ, въ который онѣ были тщательно обвиты, взглянувъ изъ чернаго ларца и, развертываясь въ дрожащихъ рукахъ графа, произвелъ на стоявшаго поодаль, безмолвнаго Воронцова какое-то странное, имъ самимъ не достаточно сознанное, впечатлѣніе спадающей, снимаемой гробовой парчи: атласъ—покровъ, черный ларецъ—гробъ; эти бумаги, которыя мало-по-малу обнажались — чѣмъ не покойникъ, не мертвецъ...

Безмолвіе продолжалось полное. Хруснули обнаженныя бумаги въ рукахъ графа; онъ спряталъ атласъ обратно, а бумаги началъ читать съ благоговѣйнымъ вниманіемъ. Прочиталъ ихъ, поцѣловалъ и заплакалъ...

Изъ чудесныхъ черныхъ глазъ его проступали крупныя, не сразу сбѣгавшія слезы. Взглянулъ онъ также на портретъ Елизаветы, на образа, перекрестился и направился къ Воронцову.

Канцлеръ стоялъ у камина; онъ не имѣлъ духа сказать что либо. Онъ протянулъ руку за бумагами, но Разумовскій быстро бросилъ свертокъ въ огонь.

Воронцовъ даже вздрогнулъ и отступилъ, такъ неожиданно встревожилось, вскинулось пламя камина; онъ даже потянулся было за сверткомъ, но пламя уже дѣлало свое дѣло: историческій фактъ улечивался изъ области фактовъ!

Разумовскій тѣмъ временемъ, точно обезсиленный, подкошенный, опустился въ кресла.

— Я, проговорилъ онъ наконецъ, помолчавъ немного, — былъ не болѣе, какъ вѣрнымъ рабомъ ея величества покойной императрицы Елизаветы Петровны, осыпавшей меня благодѣяніями выше заслугъ моихъ. Никогда не забывалъ я изъ какой доли и на какую степень возведенъ десницею ея. Обожалъ ее какъ сердолюбивую мать милліоновъ народа и примѣрную христіанку и никогда не дерзнулъ самую мыслью сблизиться съ ея царственнымъ величіемъ.

Будто отыскивая подтвержденія словамъ своимъ, взглянулъ онъ на медленно обугливавшіеся, рассыпавшіеся останки свертка въ каминѣ и склонивъ, свѣсивъ голову еще ниже прежняго, продолжалъ:

— Стократъ смиряюсь, вспоминая предшедшее, живу въ будущемъ, его же не преидешь, въ молитвахъ къ Вседержителю. Мысленно лобызаю державныя руки нынѣ царствующей монархини, подъ скипетромъ коей безмятежно въ остальныхъ дняхъ жизни вкушаю дары благодѣяній, изліянныхъ на меня отъ престола. Если бы было нѣкогда то, о чемъ вы говорите со мною, то повѣрьте, что я не имѣлъ бы суетности признать случай, помрачающій незабвенную память монархини, моей благодѣтельницы.

Эти слова были сказаны старикомъ по адресу Григорія Орлова;

произнося ихъ, онъ приподнялъ голову и пристально посмотрѣлъ на Воронцова.

— Теперь вы видите, сказалъ онъ въ заключеніе, — что у меня нѣтъ никакихъ документовъ. Доложите обо всемъ этомъ всемилостивѣйшей государынѣ, да продлить милости на меня старца, нежелающаго никакихъ почестей. Прощайте ваше сіятельство: да останется все происшедшее между нами въ тайнѣ! Пусть люди говорятъ что имъ угодно, пусть дерзновенные простираютъ надежды къ мнимымъ величіямъ.

Разумовскій еще разъ упорно взглянулъ на Воронцова, затѣмъ всталъ и протянулъ руку. Они молча простились другъ съ другомъ...

Долго, долго оставался открытымъ, по уходѣ канцлера, черный ларецъ съ осиротѣвшимъ въ немъ розовымъ атласомъ.

Непогода продолжалась. Хохловъ уже не было у воротъ, когда колымага съ канцлеромъ выѣхала на Большой Перспективный проспектъ.

Въ глубокомъ раздумьи сидѣлъ канцлеръ, прислушиваясь къ вою и взвизгиваніямъ вѣтра. Мириады бѣлыхъ хлопьевъ рѣяли передъ его глазами и будто хоронили историческій фактъ въ глубинахъ непогоды и въ самодержавіи неистово разыгравшейся мятели...

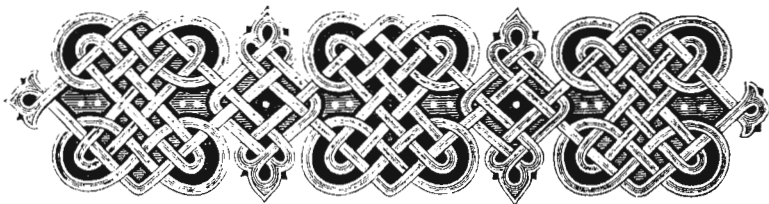
Екатерина, которой передано было дословно все случившееся, замѣтила не безъ удовольствія, что, слѣдовательно, тайнаго брака не существовало, хотя бы то и «для успокоенія боязливой совѣсти».

— Шепотъ объ этомъ былъ мнѣ всегда противенъ, сказала она.

Поступокъ Разумовскаго государыня отнесла къ свойственному малороссамъ самоотверженію. Глубже этого сердце въ ней не шевельнулось, но цѣль была достигнута: о задуманномъ бракѣ не было болѣе и рѣчи...

К. Случевскій.

ВОСПОМИНАНІЯ О СЛУЖБѢ ВЪ БѢЛОРУССІИ.

1864—1870 гг.

(Изъ записокъ мирового посредника.)

ЦѢЛЬ НАСТОЯЩИХЪ «Записокъ» — сохранить въ памяти многія интересныя событія и явленія, которыхъ мнѣ довелось быть очевидцемъ, почти 20 лѣтъ тому назадъ. Не мало воды утекло съ того времени!.. Многіе спятъ уже непробуднымъ сномъ въ могилѣ; юноши становятся сѣдѣющими стариками; страсти улеглись и стихли... Но тѣ годы, какъ годы молодости, этой лучшей поры жизни челоуѣка, остались въ памяти на-вѣки, и теперь, повидимому, вполне возможно не только «вспоминать» то время и людей той эпохи, но и говорить о нихъ вслухъ.

Мои «вспоминанія» ограничиваются, преимущественно, Могилевскою губерніей, гдѣ я служилъ въ то время по крестьянскимъ учрежденіямъ. Я пріѣхалъ въ эту губернію послѣ уже затихнувшаго мятежа, но въ самый еще разгаръ страстей... На насъ, мировыхъ посредниковъ, легла очень серьезная обязанность—устроить быть несчастныхъ бѣлорусскихъ крестьянъ, обиженныхъ и почти обезземеленныхъ польскими мировыми посредниками, составившими неправильныя и недобросовѣстныя уставныя грамоты. На насъ же, посредникахъ, лежали обязанности и по дѣлу народнаго образованія, т. е. по учрежденію сельскихъ училищъ, совершенно отсутствовавшихъ въ волостяхъ. Къ крайнему сожалѣнію, наша дѣятельность по устройству быта крестьянъ считалась въ то время, да, кажется, считается и теперь, «несимпатичною»: отчасти, можетъ быть, по недоразумѣнію, а главное, конечно, потому, что намъ

въ то время, невольно, довелось причинять весьма чувствительный матеріальный ущербъ помѣщикамъ края, а такого ущерба потерпѣвшіе никогда не забываютъ и не прощаютъ; равно, не извиняютъ подобной дѣятельности и тѣ, кто, такъ или иначе, сочувствуетъ потерпѣвающимъ. За эту-то «дѣятельность» мы и попали тогда въ «соціалисты», и подвергались нападенію и порицанію, одновременно, съ трехъ различныхъ сторонъ: со стороны высшей петербургской администраціи, въ направленіи которой наступила, въ 1866 году, реакція; со стороны крѣпостнической газеты «Вѣсть», и, наконецъ, со стороны той части прессы, которая сочувствовала польскимъ помѣщикамъ по инымъ причинамъ—чисто политическимъ; эта часть печати видѣла въ польскомъ возстаніи то, чего въ немъ, въ сущности, вовсе не было, а именно—революціонно-демократическое движеніе, и не видѣла того, что въ немъ было въ дѣйствительности, т. е. своекорыстныхъ вождельнѣй магнатовъ и ксендзовъ. Благодаря этой путаницѣ понятій и тому туману, который былъ, въ оное время, искусно напущенъ въ мотивы возстанія заграничною прессой, мы и находились между трехъ огней...

Собственно, къ полякамъ я не имѣлъ въ то время, какъ не имѣю и теперь, никакой антипатіи и ненависти; напротивъ, со многими изъ нихъ я сошелся въ то время гораздо ближе, чѣмъ съ рускими людьми, служившими въ краѣ, и до сихъ поръ вспоминаю ихъ съ глубокимъ уваженіемъ и любовью. Но, встрѣчая между ними массу людей умныхъ, образованныхъ, гуманныхъ и крайне добрыхъ, я не встрѣтилъ, все-таки, ни одного, искренно расположеннаго къ Россіи... Я не считаю, конечно, ренегатовъ и перекрестовъ, принявшихъ православіе; дружба и ненависть такихъ людей одинаково сомнительны.

Этимъ я и закончу предисловіе къ моимъ «Запискамъ». Если въ нихъ я впалъ въ какую нибудь неточность, что, за давностью времени, возможно, то буду очень благодаренъ тому, кто исправитъ эту неточность.

I.

Зачѣмъ я ѣхалъ. — Дорога до Вильны; вырубленные лѣса; обыскъ въ Динабургѣ.—Пріѣздъ въ Вильну и первыя впечатлѣнія; гостинница; атака евреевъ-разносчиковъ; внѣшній видъ города и улицъ; Остробрамская часовня. — Молящіяся на улицѣ.—Первая встрѣча съ Муравьевымъ.—Русскій ресторанъ.—Разныхъ видовъ «пши». — Люди идеи.—Сердечное согласіе «Вѣсти» и «Отечественныхъ Записокъ».

Въ началѣ іюня 1864 года, я выѣхалъ изъ Петербурга въ Вильну въ качествѣ одного изъ русскихъ людей, вызываемыхъ въ то время въ сѣверо-западный край, въ которомъ, желѣзною

рукой М. Н. Муравьева, было только-что подавлено вооруженное польское возстаніе. Я былъ въ то время очень еще молодымъ человѣкомъ—мнѣ не было и 25-ти лѣтъ, край былъ мнѣ совершенно незнакомъ, никакихъ предубѣжденій противъ поляковъ я не имѣлъ, и ѣхалъ я, поэтому, не безъ нѣкоторыхъ сомнѣній и колебаній въ душѣ, которыя, обыкновенно, сводились къ одному и тому же мучительному вопросу: въ силахъ ли я буду и съумѣю ли принести какую нибудь пользу? Это—съ одной стороны. Съ другой же стороны—свойственная многимъ людямъ страсть «къ перемѣнѣ мѣстъ», желаніе попасть въ край, въ которомъ никогда не былъ, и, наконецъ, главное — надежда послужить, по мѣрѣ разумѣнія и силъ, русскому дѣлу, влекли меня въ этотъ край...

Самая дорога до Вильны не походила на такую же точно, по разстоянію, дорогу отъ Москвы до Петербурга, по которой я незадолго передъ тѣмъ проѣхалъ: начиная отъ Антонополя, около Динабурга, и дальше, лѣса, по обѣ стороны желѣзной дороги, были вырублены на довольно значительное пространство. Это, какъ я узналъ изъ распросовъ, было сдѣлано по распоряженію Муравьева—въ огражденіе поѣздовъ отъ выстрѣловъ изъ лѣсной чащи, со стороны бывшихъ здѣсь повстанцевъ, въ 1863 году.

Внѣшній видъ пассажировъ нашего поѣзда носилъ на себѣ тоже довольно своеобразный характеръ: слышался гортанный еврейскій говоръ, тихій и осторожный шепотъ на польскомъ языкѣ, мелькало, порою, черное женское платье, съ бѣлою или свѣтло-сѣрою широкою каймою у подола, что означало «жалобу», трауръ «по ойчизнѣ», а можетъ быть, и по комъ нибудь изъ близкихъ, «крѣвныхъ», утраченныхъ въ безумномъ мятежѣ; это возвращались изъ Петербурга польскія пани, пріѣзжавшія сюда ходатайствовать, въ большинствѣ случаевъ не безъ успѣха, въ высшихъ сферахъ о помилованіяхъ или смягченіяхъ суровой участи виновныхъ лицъ, осужденныхъ тогдашними военными судами, приговоры которыхъ конфирмовались Муравьевымъ.

Едва мы подъѣхали къ Динабургу, какъ убѣдились въ томъ, что находимся, дѣйствительно, въ краѣ, объявленномъ на военномъ положеніи: всѣ вагоны въ поѣздѣ были тотчасъ же заперты на ключъ... Минуть черезъ десять, въ нашъ вагонъ вошли два жандармскимъ офицера въ сопровожденіи начальника станціи, военного коменданта вокзала и нѣсколькихъ жандармскихъ унтеръ-офицеровъ—и попросили насъ предъявить свои паспорта и виды на жительство. Формальность эта продолжалась довольно долго; между пассажирами, неожиданными этого требованія, произошла обычная суматоха и замѣшательство: одни имѣли паспорта при себѣ, а у другихъ они были въ сакъ-вояжахъ и даже въ багажѣ, сданномъ еще въ Петербургѣ. Началось отдѣленіе овецъ отъ козлищъ: нѣкоторыхъ «подозрительныхъ», особенно изъ числа имѣв-

шихъ заграничные паспорта, попросили «въ контору»; иныхъ, въ томъ числѣ и меня, оставили въ покоѣ; всѣхъ ѣдущихъ въ Варшаву осматривали съ большимъ вниманіемъ и подозрительностью. Очевидно, эти господа искали кого-то... Но какъ тяжела, мучительна и оскорбительна была эта мѣра! особенно, съ непривычки... Послѣ я узналъ, что досмотры эти, независимо отъ опредѣленной заранѣе цѣли найти кого нибудь, дѣлаются на каждомъ поѣздѣ, вслѣдствіе личнаго распоряженія Муравьева, вызваннаго слѣдующими обстоятельствами. Многіе польскіе помѣщики, ускользнувшіе отъ отвѣтственности за свое участіе въ возстаніи и не успѣвшіе уѣхать своевременно за-границу, перебрались, ради своего спасенія, въ Петербургъ, гдѣ власть Муравьева была уже безсильна; тамъ они, поосмотрѣвшись и устроившись съ своими денежными дѣлами, брали въ канцеляріи генераль-губернатора князя Суворова заграничные паспорта и отправлялись по варшавской желѣзной дорогѣ за границу. Нѣкоторые ѣхали даже съ паспортами, взятыми на чужое имя, то-есть на имя такихъ лицъ польскаго же происхожденія, которые, живя въ Петербургѣ, ничѣмъ себя передъ правительствомъ не скомпрометировали въ политическомъ отношеніи. Такъ какъ жандармерія у Муравьева была организована очень хорошо и обладала фотографическими карточками большинства скрывшихся революціонныхъ польскихъ дѣятелей, то ихъ очень часто и задерживали, вмѣстѣ съ ихъ заграничными паспортами. Впослѣдствіи, скрывающіеся поляки измѣнили свой маршрутъ и уже не рисковали проѣзжать за границу чрезъ районъ губерній, ввѣренныхъ Муравьеву: они стали уѣзжать моремъ — изъ петербургскаго и другихъ балтійскихъ портовъ.

По пріѣздѣ въ Вильну, я остановился на Нѣмецкой улицѣ, въ какой-то недорогой гостинницѣ, содержимой полякомъ. Кругомъ звучалъ нерусскій говоръ, въ которомъ преобладалъ польскій и еврейскій жаргонъ; вся прислуга въ гостинницѣ была польская, фактора—евреи. И вотъ, еще не успѣлъ я какъ слѣдуетъ умыться и выпить чаю, какъ ко мнѣ въ нумеръ нахлынула цѣлая толпа евреевъ — съ предложеніями всевозможныхъ товаровъ и услугъ; все это говорило ломанымъ полу-польскимъ, полу-русскимъ языкомъ. Мнѣ стоило не малыхъ усилій отдѣлаться отъ всей этой назойливости, не встрѣчающейся въ русскихъ городахъ: ни просьбы, ни приказанія оставить меня въ покоѣ не дѣйствовали; едва я выпроваживалъ какого нибудь разносчика за дверь и запиралъ ее подъ самымъ его носомъ, какъ онъ уходилъ на дворъ, подходилъ къ моимъ окнамъ, выходящимъ въ какой-то очень узкій и вонючій переулокъ, и предлагалъ свой товаръ въ окно, а въ это время, въ дверь стучался уже другой—съ тѣми же самыми «мелкими и галантерейными» товарами... У этихъ евреевъ имѣлось рѣшительно все, начиная отъ варшавской обуви и бѣлья и кончая

косметиками, письменными принадлежностями и самыми неприличными фотографическими карточками.

Я рассчитывалъ явиться къ Муравьеву и прочему начальству на другой день, желая, прежде всего, отдохнуть съ дороги и осмотрѣть, хотя немного, незнакомый мнѣ городъ. Часу въ первомъ дня я вышелъ изъ гостинницы и отправился бродить по Вильнѣ...

Городъ оказался совсѣмъ не похожимъ на наши русскіе города: узкія улицы, высокіе дома, крытые черепицей, и множество роскошной, тѣнистой зелени и высокихъ, стройныхъ, пирамидальныхъ тополей, жалкое подобіе которыхъ, въ количествѣ двухъ-трехъ экземпляровъ, я видѣлъ въ александровскомъ саду, въ Москвѣ. Кафедральный польскій соборъ св. Станислава поражалъ своею величественною архитектурой; вблизи его виднѣлась гора св. Креста, съ своею башнею и тѣми же пирамидальными тополями. Уличный людъ былъ, тоже, совсѣмъ иной: гладко остриженные головы съ длинными усами, еврейскія типичныя лица съ длинными пейсами, изрѣдка чамарки и кунтуши, на дамахъ—трауръ. Хотя этотъ трауръ, «жалоба», и былъ воспрещенъ Муравьевымъ, но хитроумныя польки обходили это запрещеніе довольно искусно: при полномъ глубокомъ траурѣ, надѣвалась какая нибудь цвѣтная ленточка на шею, или цвѣтокъ на шляпку, и распоряженіе было выполнено: дама уже не была въ траурѣ...

Мнѣ надо было найти, для врученія письма, «изъ Россіи»—какъ говорили уже въ Вильнѣ—одного чиновника, служившаго въ губернскомъ присутствіи по крестьянскимъ дѣламъ, и вотъ, найдя вдоволь по Вильнѣ и налюбовавшись ею, я подошелъ къ первому полицейскому солдату на посту и спросилъ его, — какъ мнѣ поближе пройти на ту улицу, на которой жилъ мой знакомый? Онъ сталъ объяснять мнѣ: идите прямо, а потомъ по такой-то улицѣ, потомъ по такой-то, пройдите черезъ площадь, «на которой всегда поляковъ вѣшаютъ», и поверните на-лѣво... У меня, просто, морозъ пробѣжалъ по кожѣ, когда онъ выговорилъ эту фразу—«площадь, на которой всегда поляковъ вѣшаютъ»... И такъ спокойно сказалъ онъ эти слова, какъ будто рѣчь шла о площади, на которой всегда торгуютъ яблоками!...

Когда я возвращался въ гостинницу, мнѣ довелось проходить чрезъ Остробрамскую узкую улицу, и тутъ представилось моимъ глазамъ чрезвычайно оригинальное зрѣлище: начиная отъ самой Остробрамской часовни, заключающей въ себѣ чудотворную икону Божіей матери, и вдоль улицы, внизъ, на протяженіи по крайней мѣрѣ двухъ-сотъ шаговъ, на каменныхъ тротуарахъ, по обѣимъ сторонамъ улицы, стояли на колѣняхъ сотни мужчинъ и женщинъ, многіе съ маленькими книжками въ рукахъ, и все это молилось... Солнце уже сильно палило, по улицѣ неслись тучи пыли, гремѣли и сновали экипажи, — а эта нѣмая толпа, состоящая преимуще-

ственно изъ элегантно одѣтыхъ во все черное дамъ, стояла на колѣняхъ, со сложенными на груди руками, и молилась, набожно глядя вверхъ, по направленію часовни... Нѣкоторые изъ молящихся лежали на землѣ «кршижемъ»—т. е. крестомъ, съ распростертыми по землѣ руками и ногами... Это мѣсто и самая арка подь Остробрамскою часовней считаются въ Вильнѣ, у поляковъ, такою же святыней, какъ, на примѣръ, Спасскія ворота въ московскомъ кремлѣ. Снявъ съ головы шляпу, я смотрѣлъ нѣсколько минутъ на эти черныя, неподвижныя фігуры... Какъ вдругъ, мое вниманіе было отвлечено другимъ явленіемъ: изъ-подъ арки, внизъ, на полныхъ рысяхъ, летѣла изящная карета, окруженная конвоемъ въ 8 казаковъ, съ офицеромъ впереди; все это мчалось подь гору, страшно стуча по мостовой колесами и лошадиными копытами; шедшіе по тротуарамъ мушкетеры пугливо сторонились въ бокъ и быстро снимали съ головъ шапки, а военные останавливались и дѣлали «фронтъ». Когда карета поравнялась со мною, я увидѣлъ въ глубинѣ ея толстаго генерала съ сѣдыми, небольшими усами; я тотчасъ же, по портретамъ, узналъ его—это былъ Муравьевъ, полновластный хозяинъ Литвы, Бѣлоруссіи, Жмуди и части царства Польскаго, съ безапелляціонными полномочіями и правами на жизнь и смерть цѣлыхъ шести миллионъ жителей вѣреннаго ему края!.. Это онъ такъ проѣзжалъ по Вильнѣ, во избѣжаніе покушеній на его жизнь, до которой, дѣйствительно, такъ желали добраться польскіе жандармы-вѣшатели... Не нужно, впрочемъ, было читать объ этомъ въ тогдашнихъ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», а стоило только присмотрѣться къ тѣмъ молніеноснымъ взглядамъ, полнымъ безконечной злобы и ненависти, которыми провожали карету Муравьева всѣ эти проходящіе и молящіеся люди, принадлежавшіе, несомнѣнно, къ польской національности... Лица дамъ и дѣвицъ, полныя передъ этимъ религіознаго умиленія, мгновенно измѣнились, и всѣ онѣ, уступая чувству любопытства, оторвались на мигъ глазами отъ святой часовни и глядѣли на эту быстро мчавшуюся, ненавистную карету, въ которой сидѣлъ ненавистный имъ, но властный и сильный человекъ... Прошло нѣсколько секундъ, и вновь начались молитвы, покиванія головами и паденія на землю «кршижемъ»...

Мой знакомый назначилъ мнѣ свиданіе въ ресторанѣ, вблизи театра, въ 4 часа, гдѣ мы и должны были вмѣстѣ отобѣдать. Ресторанъ этотъ оказался довольно опрятный и приличный и, вдобавокъ, недорогой; содержался онъ какимъ-то русскимъ, и главное его удобство состояло въ томъ, что здѣсь сходились воедино почти всѣ одинокіе и бездомные русскіе скитальцы, занесенные сюда на службу «изъ Россіи»; тутъ же можно было встрѣтить всегда и массу офицеровъ, всѣхъ родовъ оружія, армейскихъ и гвардейскихъ; здѣсь

уже «пахло Русью» и слышался повсюду «русскій духъ» и русскій говоръ....

Не мало встрѣчалось въ этомъ ресторанѣ и искателей приключеній, занесенныхъ сюда единственно желаніемъ наживы, или погонею за карьерой; это была та «золотая молодежь», которая являлась сюда изъ Петербурга съ рекомендательными письмами къ Муравьеву отъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, или съ просительными—отъ своихъ вліятельныхъ бабушекъ и тетушекъ. Они составляли въ ресторанѣ свой особый кружокъ, у нихъ за обѣдомъ лилось шампанское, слышались циническіе рассказы, игривыя французскія пѣсенки... Русское дѣло, служеніе идеѣ, обрусѣніе терроризованнаго края—все это были для нихъ смѣшныя и непонятныя слова, не приносящія, вдобавокъ, никакого пока дохода... Этихъ господъ въ Вильнѣ было не мало; они считались или при (по польски—пши) различныхъ канцеляріяхъ и присутственныхъ мѣстахъ, или же числились «состоящими въ распоряженіи генераль-губернатора». Не мало зла въ послѣдствіи причинили эти люди русскому дѣлу въ краѣ, не разъ они срамили и компрометировали русское имя!.. Виленскіе чиновные поляки и окрестили ихъ, поэтому, весьма характернымъ названіемъ, состоящимъ всего изъ трехъ буквъ: «пши»... т. е.—при генераль-губернаторѣ; а такъ какъ этихъ «пши» было въ Вильнѣ тѣма-тѣмушая и запомнить фамиліи ихъ не было никакой возможности, то ихъ, обыкновенно, и называли по нумерамъ—въ тѣхъ случаяхъ, если приходилось упоминать о нихъ.

— Вы слышали (говорилось, напр.), «пши» № 55-й опять скандалъ учинилъ—побилъ содержательницу «пансіона», Рахиль Лебензоншу?

Или:—А «пши» № 29-й опять приглашался къ полиціиместеру: травилъ собакою поляка портного, когда тотъ пришелъ къ нему со счетомъ...

И все въ томъ же родѣ... «Пши» эти ровно ничего не дѣлали, фланировали по Вильнѣ, кутили и буянили. На нихъ, въ большинствѣ случаевъ, не было ни суда, ни управы, такъ какъ, никакихъ мировыхъ судей въ то время еще не существовало, и жаловаться надо было въ ту же полицію. Тѣмъ не менѣе, этимъ господамъ шли чины, перепадали иногда и награды—«за отличіе»; а когда былъ открытъ пресловутый пяти-милліонный фондъ на покупку отъ польскихъ помѣщиковъ имѣній въ русскія руки и послѣдовалъ извѣстный указъ 10-го декабря 1865 года, то большинство этихъ «пши» превратилось въ помѣщиковъ и заговорило объ «обрусѣніи» края... Смѣнялись въ послѣдствіи генераль-губернаторы,—я «пши», подобно саранчѣ, поднимались вверхъ и куда-то улетали; но на ихъ мѣсто, съ пріѣздомъ новаго генераль-губернатора, прилетала и новая туча, выглядывала конфискованныя и секвестрованные имѣнія,—на которыя и опускалась по одиночкѣ...

Чтобы покончить съ этими «пши», я забѣгу нѣсколько впередъ. Въ 1869 году, мнѣ снова пришлось быть въ Вильнѣ, въ управленіе уже генерала Потапова. Велико было мое изумленіе, когда я, въ тучѣ многочисленной, по прежнему, «пши», встрѣтилъ множество поляковъ, съ гвардейскимъ штабсъ-ротмистромъ графомъ Грабовскимъ во главѣ!.. Этотъ сіятельный «пши», какъ извѣстно, покончилъ тѣмъ, что, пользуясь выгодами своего положенія при генераль-губернаторѣ, ликвидировалъ спокойнымъ образомъ свои дѣла по имѣніямъ, уѣхалъ «въ отпускъ» за границу и уже назадъ къ намъ не возвратился,—сопричисливъ тамъ себя къ лику самыхъ «непримиримыхъ» эмигрантовъ...

Другого такого «пши», но уже изъ другой національности, я встрѣтилъ случайно, въ Гродненской губерніи, гораздо позже. Это былъ русскій нѣмецъ, съ сильною протекціей, прошедшій огонь, воду и всѣ мѣдныя трубы петербургскихъ пріемныхъ, а также и ресторановъ Малой-Морской, едва не попавшій на должность директора московскихъ театровъ и заѣхавшій, «на счастье», въ Вильну къ генералу же Потапову. Въ Гродненской губерніи я встрѣтилъ его уже въ должности «обрусителя»—владѣльцемъ огромнаго имѣнія и почетнымъ мировымъ судьей... Онъ успѣлъ уже извлечь изъ имѣнія всѣ выгоды и вытянуть всѣ соки, заложилъ и перезаложилъ его, вырубилъ лѣсъ и подумывалъ уже о томъ, какъ бы поскорѣе «бросить» имѣніе—на шею казнѣ и виленскому земельному банку..

Но въ томъ же ресторанѣ Вильны, въ маѣ мѣсяцѣ 1864 года, можно было встрѣтить и совсѣмъ иные типы и характеры. Это были тѣ русскіе люди, тѣ вѣрные—если можно выразиться—слуги Россіи, которые пріѣхали въ край во имя идеи, чтобы послужить русскому дѣлу, не разчитывая на кресты и чины и еще менѣе на конфискованныя польскія имѣнія,—такъ какъ, это были люди, по большей части, не бѣдные, люди старинныхъ дворянскихъ фамилій, жившіе до этого въ своихъ собственныхъ помѣстьяхъ. Они ѣхали въ край не за приключеніями и наживой: ѣхали они сознательно, хорошо понимая положеніе дѣла, мирясь заранѣе съ той ненавистью, которую неминуемо должны были встрѣтить со стороны кореннаго польскаго населенія въ краѣ и преимущественно со стороны помѣщиковъ; Муравьевъ не былъ для нихъ знаменемъ, вокругъ котораго они собирались,—такъ какъ собирались они не на кличъ Муравьева, а непосредственно на призывъ самого правительства, по его приглашеніямъ. Большинство ихъ занимало тѣ же самыя должности и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи—служило членами губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, или мировыми посредниками,—живя у себя дома; многіе изъ нихъ пооставляли тамъ свои семейства, пріѣхали одни и стали жить, поневолѣ, на два дома. Со многими изъ нихъ мнѣ довелось

впослѣдствіи встрѣтиться во время моей службы и сойтись близко,—и мнѣ, можетъ быть, придется еще говорить о нихъ болѣе обстоятельно и подробно.

Свѣтлыми полосами на темномъ фонѣ проходили эти сѣятели русскаго дѣла,—и немногимъ изъ нихъ посчастливилось уйти изъ края «вольной волею»: большинство ушло «не хотя»—сначала, въ 1866 году, вслѣдъ за увольненіемъ К. П. Кауфмана, когда ихъ десятками увольняли отъ службы «для пользы службы»; а затѣмъ, въ 1868 году, тотчасъ же по назначеніи генераль-губернаторомъ Потапова, который иногда, увольняя отъ службы, выселялъ, въ то же время, изъ края уволенныхъ лицъ въ 24 часа. Именно такъ былъ уволенъ имъ и высланъ изъ Вильны коллежскій ассесоръ Л. Н. Антроповъ, занимавшійся впослѣдствіи литературою и написавшій извѣстную пьесу «Блуждающіе огни». Вотъ, подлинный рассказъ покойнаго Антропова объ этомъ увольненіи, слышанный мною отъ него лично, въ Москвѣ, въ 1871 году, который я, кстати, и приведу здѣсь.

«Я служилъ въ Вильнѣ, въ канцеляріи генераль-губернатора—разсказывалъ Лука Николаевичъ,—и на меня, иногда, возлагались очень серьезныя и кропотливыя работы. Съ приѣздомъ Потапова въ Вильну, когда систематически стали уничтожать все то, что было создано въ краѣ Муравьевымъ и Кауфманомъ, я, грѣшный человѣкъ, не стерпѣлъ—и сталъ, подъ строжайшимъ инкогнито, пописывать въ «Голосѣ». Корреспонденціи мои производили въ Вильнѣ не малую сенсацію; начальство тщательно розыскивало автора, но найти не могло. Такъ шло дѣло мѣсяца два-три. Однажды, по случаю большаго табельнаго дня, былъ у Потапова оффиціальныи обѣдъ, на который, въ числѣ другихъ, былъ приглашенъ и я. За этимъ обѣдомъ, генераль-губернаторъ, въ довольно громкомъ разговорѣ съ 3—ымъ, сталъ выражать свое profession de foi и свои взгляды по управленію краемъ; въ выраженіяхъ онъ, понятно, не стѣснялся,—такъ что, послѣ обѣда, мы, русскіе, ходили понуря голову, словно уличенные преступники, и подумывали только о томъ, какъ бы поскорѣе разоѣтись по домамъ; бывшіе же на этомъ обѣдѣ поляки ходили, напротивъ, высоко задравъ носы и поглядывали на насъ самымъ оскорбительнымъ и вызывающимъ образомъ... Нѣсколько дней спустя послѣ этого позорища, я послалъ въ «Голосѣ» письмо «Изъ сѣверо-западнаго края», которое редакція и помѣстила въ нижнемъ этажѣ газеты, фельетономъ. Въ этомъ злосчастномъ письмѣ, говоря о положеніи дѣлъ въ Литвѣ, я привелъ и взгляды Потапова; нѣкоторыя же подлинныя его фразы, сказанныя за обѣдомъ—самыя безцеремонныя,—я привелъ въ кавычкахъ, не указывая, конечно, высокопоставленнаго автора этихъ фразъ. Затѣмъ—я уже не могу сказать навѣрное,—самъ-ли я какъ-нибудь сдѣлалъ по разсѣянности ошибку, или же редакція, въ которой

хозяйничалъ тогда Леонтьевъ, но подѣ фельетономъ появились двѣ буквы: Л. А... Фельетонъ этотъ былъ высланъ Потапову изъ Петербурга, какъ мнѣ потомъ передавали, министромъ внутреннихъ дѣлъ, генераломъ Тимашевымъ, подчеркнутый синимъ карандашемъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ стояли фразы Потапова въ роковыхъ кавычкахъ; требовались объясненія... Авторъ былъ розысканъ очень скоро: взяли списокъ приглашенныхъ къ обѣду,—и меня, раба Божьяго, открыли... Однажды вечеромъ, я, ничего еще не знавшій объ этомъ открытіи и о самомъ даже напечатаніи фельетона, сидѣлъ въ своей квартирѣ и писалъ новую корреспонденцію въ «Голосъ». Вдругъ, входитъ офицеръ, «пши» № 112-й, и проситъ меня «пожаловать немедленно къ его высокопревосходительству». Черезъ десять минутъ, я былъ уже во дворцѣ и проходилъ по заламъ, въ сопровожденіи того же самага «пши»; передъ кабинетомъ меня остановилъ полковникъ Е—овъ, сухо поклонился мнѣ, не подавая руки, и пошелъ «доложить». Я сейчасъ же догадался, что дѣло плохо: всѣ «пши», толкавшіеся передъ кабинетомъ, или положительно отворачивались отъ меня, или же смотрѣли на меня такими глазами, какъ смотрятъ злые люди на преступника, ведомаго на казнь... Но вотъ, распахнулась дверь кабинета, показался Е—овъ и произнесъ беззвучное—«васъ просятъ!!!» Войдя въ кабинетъ, я увидѣлъ Потапова бѣгающимъ своими маленькими шажками по ковру, съ какою-то бумажкою въ рукахъ. Онъ быстро направился ко мнѣ, остановился передъ самымъ моимъ носомъ и, потрясая рукою и бывшею въ ней бумажкою, спросилъ дрожащимъ отъ волненія и злобы голосомъ:

— Это что?..

«Я взглянулъ на вырѣзку, узналъ нижній этажъ «Голоса» — и отвѣтилъ: — Фельетонъ...

Потаповъ сверкнулъ на меня черезъ ринсе-пез глазами и почти задыхающимся голосомъ проговорилъ:

— Это вы писали?—и ткнулъ пальцемъ на инициалы моего имени...

«Я всмотрѣлся — вижу, стоятъ двѣ буквы — Л. А., то-есть, Лука Антроповъ... догадался, конечно, что это — мой фельетонъ, появленія котораго я ожидалъ, и, ничтоже сумняся, отвѣтилъ:—Я, ваше высокопревосходительство...

«Потаповъ, видимо, никакъ не ожидалъ подобнаго откровеннаго отвѣта... Онъ отскочилъ отъ меня на нѣсколько шаговъ, словно ужаленный, потрясъ въ воздухѣ злополучнымъ фельетономъ и, почти съ пѣною у рта, проговорилъ:

— Милостивый государь! такіе поступки называются...

«Тутъ онъ остановился, видимо прискивая слово... Вся кровь ударила мнѣ въ лицо: я боялся, что онъ скажетъ какое нибудь оскорбительное и крайне дерзкое слово... Я инстинктивно оглянулся — есть ли кто нибудь въ кабинетѣ; оказалось — никого...

— Такіе поступки... называются — безтактством!..

«У меня polegчало на душѣ...

— Потрудитесь выѣхать изъ Вильны въ двадцать четыре часа и сейчасъ же подайте прошеніе объ отставкѣ!

«Я молча поклонился, повернулся къ дверямъ — и вышелъ изъ кабинета. Когда я одѣвался въ передней, ко мнѣ подошелъ какой-то молодой жандармскій офицеръ и объявилъ, что ему поручено наблюсти за исполненіемъ приказанія генераль-губернатора относительно моей особы; то-есть, говоря короче, онъ былъ приставленъ ко мнѣ на 24 часа... Мы вмѣстѣ пріѣхали на мою квартиру, вмѣстѣ пили чай, ужинали и вмѣстѣ же укладывали мои вещи; по-чеваль этотъ офицеръ тоже у меня и терпѣливо ждалъ меня на другой день, когда я поѣхалъ подать прошеніе объ отставкѣ и кое съ кѣмъ проститься; онъ же очень любезно и проводилъ меня на вокзалъ желѣзной дороги и даже предупредилъ, чтобы я бралъ билетъ «подальше — за черту виленскаго генераль-губернаторства».

Точно также «нехотя», хотя и не съ такою помпой и быстро-тою, былъ удаленъ изъ Вильны и Н. Н. Воскобойниковъ, — если не ошибаюсь, за свои корреспонденціи въ «Московскія Вѣдомости». Я бы могъ насчитать цѣлые десятки очень почтенныхъ русскихъ людей, удаленныхъ изъ края самымъ оскорбительнымъ образомъ — за единственную ихъ вину, что они были русскіе, дѣйствовали въ русскомъ духѣ и не соглашались тянуть въ польскую руку, — при измѣнившемся направленіи вѣтра во внутреннемъ управленіи этого несчастнаго сѣверо-западнаго края.

Иногда, при этихъ изгнаніяхъ русскихъ людей, случались и комическіе эпизоды. Въ 1868 году, мнѣ передавали въ Могилевѣ слѣдующій случай. Призываетъ, однажды, къ себѣ А. Л. Потаповъ почтеннаго Н. А. З—ова, на которомъ лежало крестьянское дѣло, и предлагаетъ ему подать въ отставку, прибавляя, между прочимъ, что обрусѣніе края, которому неутомимо служилъ З—овъ, уже «отмѣнено»... З — овъ былъ человѣкъ флегматическій, говорилъ густымъ басомъ, медленно, обдумывая каждое свое слово.

— Ваше высокопревосходительство желаете, чтобы я подалъ въ отставку?

— Да, желаю и даже требую этого отъ васъ.

З—овъ подумалъ...

— А я желаю служить и въ отставку не подамъ, ваше в—ство.

Потаповъ вспылилъ:—Я васъ выплю изъ Вильны!..

— За что же меня выслать, ваше в—ство?!.. Я — статскій со-вѣтникъ, корреспонденцій въ газеты не пишу, дѣломъ своимъ занимаюсь усердно... Позвольте ужъ дожидаться мнѣ въ Вильнѣ того времени, когда, въ свою очередь, ополяченіе края будетъ «отмѣнено», а обрусѣніе начнется съизнова...

Кончилось, однако, тѣмъ, что З—овъ былъ уволенъ отъ службы, такъ и не дождавшись отмѣны «ополяченія» края..

Страннѣ всего и, пожалуй даже, обиднѣ всего было то обстоятельство, что наша либеральная пресса того времени считала своимъ гражданскимъ долгомъ не только глумиться, но даже бросать грязью въ этихъ честныхъ борцовъ русскаго дѣла, изгоняемыхъ генераломъ Потаповымъ изъ края, въ которомъ «обрусѣніе» было такъ легкомысленно и неожиданно «отмѣнено». Несчастные «патріоты» очутились, вслѣдствіе этого, между двухъ огней: ихъ подвергали остракизму въ Вильнѣ и оплеванію въ Петербургѣ — со стороны либеральной печати. Но еще страннѣе и необычайнѣе было слѣдующее *qui pro quo* въ русской прессѣ того времени: упомянутые петербургскіе либералы вытаскивали лишь изъ огня каштаны—для газеты «Вѣсть», издававшейся гг. Скарятинымъ и Юматовымъ... Тѣ и другіе пѣли въ унисонъ по вопросу о «патріотахъ» сѣверо-западнаго края, хотя пѣли совершенно по разнымъ нотамъ. Но газета «Вѣсть» ставила, по крайней мѣрѣ, вопросъ ребромъ, обвиняя насъ въ социализмѣ и коммунистическихъ дѣйствіяхъ; она прямо и откровенно «докладывала» властямъ, потерявшимъ, послѣ извѣстнаго событія 4-го апрѣля, голову: «Тамъ (въ сѣв.-зап. краѣ)—съ одной стороны, мы видимъ массу голодныхъ пролетаріевъ, съ другой—отданное ей на жертву право собственности». Между тѣмъ, надо было бы сказать слѣдующее: «Вся будущая судьба и имущество благо почти шести милліоновъ крестьянъ, населяющихъ шесть губерній, устраиваются на вѣчныя времена на счетъ нѣсколькихъ тысячъ помѣщиковъ (въ числѣ которыхъ не мало русскихъ и нѣмцевъ), пользовавшихся, въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, даровымъ трудомъ этихъ самыхъ шести милліоновъ». А если эти коментаріи продолжить, то можно бы было, пожалуй, прибавить слѣдующія мысли: «Крестьяне вознаграждались еще и за то, что не приняли участія въ мятежѣ и не обратили, такимъ образомъ, войну съ «москалями» въ народную; помѣщики же (польскіе, преимущественно) наказывались «раззореніемъ», во-первыхъ, за открытое возстаніе, а во-вторыхъ, за свои недобросовѣстно составленныя — клонящіяся къ вѣчному порабощенію крестьянъ — уставныя грамоты; въ третьихъ же, это мнимое «раззореніе» гарантировало для Россіи политическое спокойствіе въ краѣ, со стороны польскихъ помѣщиковъ, по крайней мѣрѣ лѣтъ на 30 — и ужъ во всякомъ случаѣ вплоть до большой войны въ районѣ этого самаго края!!.»

Либеральныя «Отечественныя Записки», такъ горячо и неустанно проповѣдывавшія защиту и социальное обезпеченіе «меньшихъ братій»—т. е. крестьянъ же—стали кидать грязью въ насъ—«соціалистовъ» (кличка данная намъ «Вѣстью»), просто по одному подозрѣнію насъ въ «патріотизмѣ», чувствѣ весьма консерватив-

номъ, по ихъ мнѣнію, и въ которомъ мы, дѣйствительно, были немного грѣшны... Такъ или иначе, но я, вспоминая о томъ времени, невольно отмѣчаю этотъ фактъ замѣчательнаго единодушія между двумя столь различными направленіями тогдашней прессы и останавливаюсь надъ нимъ въ крайнемъ недоумѣніи... Ясно было, впрочемъ, одно: газета «Вѣсть» хорошо и тонко знала—что она говоритъ, о чемъ и ради спасенія чего и кого; либеральный же журналъ, а за нимъ, и нѣкоторыя газеты впоследствии, не знали и не понимали всей важности вопроса, о которомъ принялись разсуждать, въ pendant съ газетою гг. Скарятина и Юматова. Они не хотѣли знать дѣла, а видѣли только людей. При этомъ, ихъ поверхностный и близорукий петербургскій взглядъ видѣлъ лишь разные подонки и осадки русскаго приказнаго чиновничества, отъ которыхъ спѣшили освободиться многіе губернаторы-«патріоты», начальствовавшіе во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. Но Муравьевъ, обыкновенно, отправлялъ эти непригодные транспорты обратно, «въ Россію», на счетъ доставившихъ ихъ губернаторовъ-«патріотовъ». Понятно, что кое-что, не поддающееся уловленію на первыхъ порахъ, оставалось и въ краѣ; но все это, вмѣстѣ взятое, съ присоединеніемъ даже всей тучи «пши», отъ которой не въ силахъ избавиться у насъ ни одинъ генераль-губернаторъ и намѣстникъ, ни одинъ главнокомандующій (даже и такой, какъ, на примѣръ, Черняевъ въ Сербіи),—все это не составляло собою тѣхъ русскіихъ людей, которые явились въ край устроить бытъ и благо шести-милліоннаго крестьянскаго населенія, обнищавшаго, забитаго и низведеннаго панами на степень рабочаго скота, населенія, надъ православною вѣрою котораго глумились и надругались въ-явь, называя ее «хлѣпскою вірою», населенія, въ жилахъ котораго отрицалась даже человѣческая кровь, а допускалась лишь собачья—«пся кровь»... Насколько эти труженики идеи выполнили свою великую задачу—я коснусь, отчасти, въ послѣдующихъ главахъ моего разсказа, въ которомъ теперь же прошу извинить нѣкоторую непослѣдовательность и неизбѣжныя забѣганія впередъ.

II.

Представленіе Муравьеву. — Его внѣшность и личность. — Легенды «о покушеніяхъ» на него. — Дорога изъ Вильны до Борисова. — Еврейская «балагула» и фурманъ-философъ. — Еврейская сила и эксплуатація. — Plika polonica и крестьяне Минской губерніи. — Православное духовенство. — Крестьянскій хлѣбъ. — Городъ Борисовъ. — Легенда о Наполеонѣ. — Полковникъ Домбровскій.

На другой день, утромъ, я отправился во дворецъ, для представленія генераль-губернатору Муравьеву. Въ первой большой залѣ я увидѣлъ массу различныхъ лицъ—чиновниковъ, военныхъ,

духовныхъ, помѣщиковъ и дамъ; одни—представлялись, другіе были съ просьбами; не видно было ни одного крестьянина или крестьянки. Какой-то жандармскій полковникъ, кажется, г. Лосевъ, и поручикъ гвардейскаго стрѣлковаго баталіона Бибиковъ стали обходить всѣхъ собравшихся, спрашивать и записывать—кто и зачѣмъ? Затѣмъ, началась сортировка: всѣхъ лицъ официальныхъ и служащихъ попросили въ слѣдующую залу, называвшуюся «малиновою комнатою», остальные остались въ этой, большой. Въ «малиновой комнатѣ» насъ поставили по рангамъ и чинамъ, полукругомъ; сначала стали военные, а за ними гражданскіе чиновники; между послѣдними было нѣсколько человѣкъ въ придворныхъ мундирахъ—камергерскихъ и камеръ-юнкерскихъ. Все это ожидало Муравьева...

Не безъ нѣкотораго волненія ожидалъ я выхода и появленія этого—по описаніямъ и рассказамъ—страшнаго человѣка. Чего-чего только не говорилось въ то время о Муравьевѣ! какихъ ужасовъ не печатали о немъ въ заграничныхъ изданіяхъ и въ «Колоколѣ»!.. Въ одной изъ французскихъ газетъ, напримѣръ, рассказывалось, какъ о достовѣрномъ фактѣ, что поляковъ, политическихъ преступниковъ, подвергаютъ каждую ночь пыткамъ, въ присутствіи самого Муравьева; что, во время обѣда, ему ежедневно подаютъ красный борщъ, подкрашенный кровью пытаемыхъ преступниковъ... Весь этотъ и тому подобный вздоръ находилъ, иногда, легковѣрныхъ читателей, которые вѣрили этому лганью безусловно.

Минутъ десять мы стояли въ залѣ въ молчаливомъ ожиданіи; но вотъ, дверь слѣва, изъ кабинета, тихо отворилась и въ залу вошелъ Муравьевъ... Вся его внѣшность, дѣйствительно, производила не особенно пріятное впечатлѣніе: чрезвычайно полный и ожирѣвшій, съ короткою и толстою шеей, съ лицомъ безстрастнымъ и холоднымъ, на которомъ, подъ нависшими сѣдыми бровями, блестѣли недобрые, маленькіе глаза, устремлявшіеся «какъ двѣ свинцовыя пули», на того человѣка, съ которымъ онъ разговаривалъ... Сѣдые, коротко подстриженные усы и отвисшій жирный подбородокъ еще болѣе увеличивали тяжелое впечатлѣніе, производимое, на первыхъ порахъ, его внѣшностью. Въ pendant къ этому, отрывистыя фразы вопросовъ, металлическій тѣмбръ голоса и полуборотъ къ каждому представляющемуся лицу бокомъ, вслѣдствіе глухоты на одно ухо...

Не болѣе пятнадцати минутъ было посвящено Муравьевымъ на всю эту церемонію. Выслушавъ обычную, казенную фразу представленія, онъ кивалъ головой, дѣлалъ какой нибудь короткій вопросъ въ родѣ, «гдѣ учились?» «какой губерніи?»—и, шлепая мягкими сапогами по полу, переходилъ къ слѣдующему лицу. Ни для кого не нашлось у него ни теплаго слова, ни улыбки; я не замѣтилъ даже, чтобъ онъ подаль кому нибудь руку, хотя въ числѣ представлявшихся было два-три генерала и нѣсколько придворныхъ, съ русскими и иностранными звѣздами и орденами. Самъ онъ одѣтъ

былъ очень просто: въ обыкновенномъ сюртукѣ съ генеральскими погонами, на которыхъ былъ вышитъ номеръ той дивизіи, въ которой считался полкъ его имени; ни одного ордена не было на немъ. Въ правой рукѣ у него была толстая трость, на которую онъ сильно опирался. Вообще, онъ имѣлъ видъ совѣтъ дряхлаго старика, разбитаго и болѣзнями, и годами, и надо было удивляться, какъ этотъ разслабленный старикъ могъ работать въ сутки по 18-ти часовъ, принимая доклады съ 5-ти часовъ утра!..

Когда онъ обошелъ весь нашъ полукругъ, мы ожидали, что онъ выйдетъ въ сосѣдній залъ, гдѣ ожидала его гораздо большая часть просителей, нуждавшаяся въ немъ, очевидно, больше нашего; но онъ круто повернулъ къ дверямъ кабинета, пригласилъ, на-ходу какого-то генерала изъ числа представлявшихся и, вмѣстѣ съ нимъ, исчезъ изъ нашихъ глазъ. Когда мы проходили чрезъ большой залъ, то видѣли, что двое адъютантовъ Муравьева отбирали заготовленные ему прошенія; всей этой публикѣ было объявлено, что генераль-губернаторъ, по неимѣнію времени, не можетъ къ нимъ выйти... Тяжелое и жалкое чувство произвели на меня эти отверженные просители; между ними были сѣдые старики, масса дамъ, съ опухшими и красными отъ слезъ глазами, были и несчастныя дѣти... Все это держало въ дрожащихъ рукахъ «прошенія» — о помилованіи, о смягченіи участи виновныхъ, судившихся въ военныхъ судахъ, объ освобожденіи имѣній отъ наложенныхъ на нихъ конфискацій и секвестровъ...

Когда мы уже одѣвались въ передней, то большинство нашей публики (официальной) утверждало, что Муравьевъ потому не вышелъ въ сосѣдній залъ, что, недѣли за двѣ передъ этимъ, тайная полиція Вильны пронюхала о новомъ, готовящемся, будто бы, на него покушеніи и предупредила его быть осторожнымъ. На сколько вѣренъ этотъ фактъ, я не знаю; но одно изъ штабныхъ при Муравьевѣ лицъ передавало мнѣ на другой день, что подобное покушеніе, дѣйствительно, вещь очень возможная въ Вильнѣ, даже и теперь, по прошествіи почти года со времени подавленія мятежа въ краѣ; что мѣсяцевъ пять назадъ, въ числѣ просительницъ явилась молодая и изящно одѣтая дѣвушка-полька и, съ прошеніемъ въ рукахъ, ожидала Муравьева въ этомъ же большомъ залѣ; но одинъ изъ агентовъ полиціи далъ знать во дворецъ, всего за нѣсколько минутъ до выхода Муравьева въ залъ, что въ числѣ просительницъ имѣется новѣйшая Шарлота Кордэ... Пригласили, по указанію агента, эту барышню въ особую комнату, обыскали ее и нашли при ней маленькій кинжалъ; но она не созналась въ готовящемся покушеніи, и имѣніе при себѣ кинжала объяснила привычкою, усвоенною во время террора, носить при себѣ оружіе. Исторію эту я слышалъ впослѣдствіи не разъ, въ Могилевской и Минской губерніяхъ, изъ разныхъ источниковъ; по польскому варианту,

дѣвушка эта была повѣшена въ тюрьмѣ, по личному приказанію Муравьева. Это, конечно, ложь; но что ее не похвалили за ея «подвигъ»—въ этомъ, понятно, не можетъ быть и сомнѣнія, если только, вообще, вся эта исторія не легенда, раздутая русскими же изъ мухи въ слона.

Подобныхъ легендъ, связанныхъ съ именемъ Муравьева, ходило въ то время по устамъ не мало; фабриковались онѣ въ обоихъ лагеряхъ съ одинаковымъ усердіемъ и искусствомъ, хотя и съ совершенно разными цѣлями: одни видѣли въ этихъ легендахъ «о покушеніяхъ» полезную для нихъ сенсацію, другіе—сочиняли ихъ по чувству понятной ненависти, изъ желанія смутить покой безстрашнаго врага...

Черезъ два дня я выѣхалъ изъ Вильны. Мнѣ было бы захватить въ Борисовѣ, Минской губерніи, къ одному родственнику, служившему тамъ. Я, желая поближе присмотрѣться къ краю, рѣшилъ захватить не на почтовыхъ, а на долгихъ, и нанялъ въ Вильнѣ еврея-фурмана, оглядѣвъ, предварительно, его экипажъ и лошадей: лошади, пара, оказались очень хорошія, но экипажъ довольно подозрительнень; это была «балагула»—нѣчто въ родѣ русской телѣги, но гораздо длиннѣе ея и вся крытая... Скрѣпя сердце, я и мой человѣкъ усѣлись въ этотъ ковчегъ, наполнивъ его сначала вещами; сверхъ ожиданія, экипажъ этотъ оказался на-ходу очень спокойнымъ; т. е., сравнительно съ почтовой телѣжкой, и я въ первый же день путешествія къ нему привыкъ и привыкъ. Мы ѣхали не особенно быстро; мой возница не пропускалъ ни одной корчмы, ни одного селенія и мѣстечка: онъ вездѣ останавливался, передавалъ свѣже добытыя новости Вильны, получалъ за это, взаменъ, всѣ мѣстные новости—и ѣхалъ дальше. Я нисколько не жалѣлъ, что не поѣхалъ на почтовыхъ: мнѣ, во-первыхъ, нужно бы было, съ вещами и человѣкомъ, брать двѣ телѣжки; а во-вторыхъ, летя на почтовыхъ, я не могъ бы ни видѣть, ни узнать обстоятельно и вблизи этого интересующаго меня края и народа. Мой фурманъ, какъ оказалось, занимался извозомъ болѣе 20-ти лѣтъ, родомъ онъ былъ изъ Минска, гдѣ у него имѣлся собственный домъ и семья; онъ хорошо зналъ свой край и народъ, но ко всѣмъ фактамъ и явленіямъ мѣстной жизни относился съ своей, чисто-еврейской точки зрѣнія и объяснялъ ихъ по-своему. Однажды, напримѣръ, онъ слишкомъ много распространялся о бѣдности еврейскаго населенія; поэтому, я спросилъ его, указывая на работающихъ въ полѣ крестьянъ:

— Отчего же евреи не займутся хлѣбопашествомъ? ктò имъ мѣшаетъ работать и не бѣдствовать (въ то время, я наивно полагалъ, что евреи, и въ самомъ дѣлѣ, бѣдствуютъ)...

Мой фурманъ обернулся всѣмъ корпусомъ, посмотрѣлъ на меня плутовскимъ взглядомъ и далъ мнѣ слѣдующій многозначитель-

ный отвѣтъ, который отлично сохранился въ моей памяти, вслѣдствіе своей оригинальной логики и нѣкоторой доли цинизма.

— Теперь, отвѣтилъ фурманъ, мужики пахутъ землю и ѣдятъ хлѣбъ съ мякиной и лебедой, а евреи не пахутъ землю и ѣдятъ хлѣбъ чистый. Если же и евреи станутъ пахать землю, то кто же тогда будетъ ѣсть чистый хлѣбъ?!..

Евреи разсуждали очень вѣрно. Зачѣмъ имъ пахать землю, когда для этого есть мужикъ, трудъ котораго они привыкли эксплуатировать въ самыхъ широкихъ размѣрахъ? Польскіе помѣщики тоже находятся въ ихъ цѣпкихъ рукахъ: ни одинъ панъ ничего не продастъ и не купитъ безъ посредства еврея. Возстаніе еще болѣе способствовало евреямъ затянуть покрѣпче мертвую петлю, закинутую ими на помѣщичью шею: девять десятыхъ помѣщиковъ оказалось въ неоплатныхъ долгахъ у евреевъ; сначала деньги брались «на офяру», т. е. на возстаніе, а потомъ для того, чтобы выпутаться какъ нибудь изъ бѣды, выйти сухими изъ воды; наконецъ, деньги нужны были и на жизнь тѣмъ, которые уцѣлѣли, и тѣмъ, которые были сосланы. Въ банкахъ же и приказахъ общественаго призрѣнія денегъ подъ имѣнія нельзя было достать уже, потому, что $\frac{2}{3}$ имѣній были заложены еще раньше, до возстанія. И вотъ, началась отдача въ еврейскія руки, въ аренду, на долгіе сроки, земель и всѣхъ доходныхъ статей въ имѣніяхъ — корчемъ, мельницъ, заводовъ, и все это за полцѣны, а иногда и того меньше; началась вырубка и опустошеніе лѣсовъ, отдача луговъ въ аренду на тѣхъ же долгосрочныхъ условіяхъ... Въ еврейскія же руки перешла и вся почти помѣщичья движимость. Часто, по дорогѣ, я встрѣчалъ въ корчмахъ старинную дорогую мебель изъ краснаго дерева, зеркала въ золоченыхъ рамахъ, дорогіе ковры, массивные бронзовые подсвѣчники;—все это покупалось корчмариами за безцѣнокъ у помѣщиковъ или на аукціонахъ. Забравъ въ свои руки всѣ имѣнія, евреи, понятно, подчинили себѣ и крестьянъ, живущихъ при этихъ имѣніяхъ, и очень естественно, что имъ не было нужды пахать землю и ѣсть «нечистый» хлѣбъ... Въмѣсто «обрусѣнія», которое, какъ извѣстно, въ концѣ-концовъ не удалось, край ожидался, если можно такъ выразиться, и довольно успѣшно и быстро... Недоставало только права евреямъ покупать имѣнія на свое имя; но это право было имъ въ послѣдствіи дано. А когда потомъ послѣдовало вновь воспрещеніе евреямъ покупать имѣнія на свое имя, то они стали подыскивать подставныхъ лицъ, и обходили законъ самымъ отличнымъ образомъ... А крестьяне, между тѣмъ, изъ помѣщичьей кабалы попали въ еврейскую, еще болѣе худшую и безжалостную. Мнѣ потомъ, по должности мирового посредника, приходилось не разъ вчинать войну противу этой кабалы, и всегда евреи выходили побѣдите-

телями... Но объ этомъ мнѣ доведется, можетъ быть, говорить ниже и въ свое время.

Едва только я переѣхалъ изъ Виленской губерніи въ Минскую, какъ внѣшняя фізіономія народа быстро измѣнилась: вмѣсто Литвы, начиналась Бѣлоруссія, этотъ забытый Богомъ и забытый людьми край... Въ первый разъ въ жизни я увидѣлъ людей съ колтунами на головахъ. Это—страшная и отвратительная болѣзнь волосъ (plika polonika), свойственная лишь этой мѣстности; колтунъ встрѣчается въ Минской и Могилевской губерніяхъ очень часто, въ каждомъ почти мѣстечкѣ и селеніи; въ Витебской губерніи его можно встрѣтить гораздо рѣже. Избавиться отъ этой ужасной болѣзни невозможно, коль скоро разъ она началась. Подъ Минскомъ, въ корчмѣ, во время кормленія лошадей, я встрѣтилъ одного отставного чиновника казенной палаты, еще не стараго, потерявшаго совершенно зрѣніе: онъ рѣшился срѣзать колтунъ, т. е. остричься, и ослѣпъ; а иногда, послѣ произвольнаго снятія колтуна, отнимаются ноги, или руки; самъ онъ сваливается съ головы очень рѣдко, и то лишь спустя долгіе годы.

Крестьяне Минской губерніи поражали меня своимъ испытанымъ, болѣзненнымъ видомъ, малымъ ростомъ, бѣлаго сукна рубищами, въ которыя были одѣты. Избы ихъ всѣ курныя, темныя, сырыя; лошади ихъ ростомъ не больше обыкновенныхъ годовыхъ жеребятъ въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ; земля—или сплошныя болоты въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, или «подзѣлица», родящая при удобреніи самъ-другъ и рѣдко самъ-третьей. Не даромъ, покойный Добролюбовъ замѣтилъ, что бѣлоруссы совсѣмъ измелъчавшая и забитая человѣческая раса, мало похожая на обыкновенныхъ людей...

По дорогѣ, когда приходилось кормить лошадей въ селеніяхъ, гдѣ были православныя церкви, я шелъ, обыкновенно, въ домъ священника и знакомился. Духовенство это жило бѣдно и приниженно; во время возстанія они натерпѣлись не мало страху и обидъ отъ повстанцевъ; нѣсколько священниковъ Минской губерніи были даже повѣшены за свою преданность русскому правительству. Деревянныя церкви въ селеніяхъ были тоже очень бѣдны и ветхи; рѣдкія изъ нихъ имѣли паникадилы. Даже въ Борисовѣ, городѣ большомъ и населенномъ, православный соборъ былъ деревянный и очень бѣдный; единственное украшеніе его снаружи состояло изъ старыхъ, громадныхъ, пирамидальныхъ тополей. Какъ бы въ противуположность православнымъ храмамъ, всегда по близости ихъ стоялъ грандіозный польскій костелъ, непремѣнно красивый, каменный, просторный, съ каменными же постройками для ксендзовъ (плебанствомъ), съ роскошнымъ садомъ. Все было разсчитано на эффектное преимущество передъ православіемъ, насажденномъ здѣсь лишь со времени обращенія уніатовъ, при митрополитѣ виленскомъ

Иосифъ Сѣмашко; но православіе это пришлось не ко двору Литвѣ и Бѣлоруссіи, и съ теченіемъ времени неофиты ополячивались по прежнему; іезуитско-польская пропаганда дѣлала свое дѣло искусно и успѣшно, и край, мало по малу, утрачивалъ свой русскій обликъ... Не случись возстанія, то чрезъ какіе нибудь десять-двадцать лѣтъ, великое дѣло Сѣмашки погнѣбло бы безслѣдно. Доходило уже до того, что сами священники говорили съ своими прихожанами, въ большинствѣ случаевъ, по-польски. Если крестьянинъ приходилъ въ домъ священника съ какою нибудь требой, то первую его фразой, послѣ поклона, было обычное: «Нэхъ бѣндзе похваленный Езусъ Христусъ!»—на что священникъ отвѣчалъ, обыкновенно: «Амен»!.. Паны и экономы внушали крестьянамъ, что «ксендза плебана потшѣба для пана, а попа для жаднѣго хлопа», и крестьяне, смущаемые этимъ догматическимъ изреченіемъ, подтверждавшимся дѣйствительностью, тянули въ костель, а не въ церковь. Православные храмы пустѣли; польскіе же костелы были полны народу, преимущественно, крестьянъ. И это въ мѣстечкахъ; о городахъ уже и говорить нечего. Тогда, нѣкоторые православные священники, изъ бывшихъ униатовъ, чтобы удержать за собою разбѣгающуюся паству, прибѣгли къ слѣдующему малодушному приему: въ русскихъ церквахъ они, понемногу, стали вновь вводить обряды прежняго униатскаго богослуженія... Еще въ 1864 году, т. е. спустя годъ послѣ возстанія, я, во время пребыванія въ Борисовѣ, встрѣтилъ въ православномъ соборѣ, во время всеобщей, употребленіе колокольчиковъ, и священникъ, при земныхъ поклонахъ, падалъ на землю «кршижемъ»...

Подъ Борисовымъ верстъ за десять, мы остановились въ маленькой деревнѣ, чтобы дать усталымъ лошадямъ вздохнуть немного. Такъ какъ корчмы тутъ никакой не было, то я послалъ достать хлѣба для себя, къ завтраку, у крестьянъ. Человѣкъ мой ходилъ очень долго и вернулся ни съ чѣмъ: говорить—хлѣба во всей деревнѣ ни у кого нѣтъ... Въ одной только хатѣ онъ нашелъ полхлѣба, но не рѣшился купить его:

— Вы не станете кушать этотъ хлѣбъ, добавилъ онъ: — очень ужъ плохъ...

Я велѣлъ ему купить хотя бы и этого, плохого хлѣба. Черезъ нѣсколько минутъ, онъ принесъ кусокъ, фунта въ два, чернаго какъ земля, хлѣба. Попробовали мы нарѣзать его и ѣсть; но это оказалось выше силъ: первый же кусокъ, положенный въ ротъ, ободралъ и искололъ мнѣ все нѣбо и я такъ и не могъ проглотить его; вкусъ этого хлѣба былъ, тоже, отратительный—кислый, прѣлый, съ запахомъ гнили и плѣсени. Какіе именно суррогаты входили въ составъ этого ядовитаго вещества—это осталось для меня неизвѣстнымъ. Въ другихъ дворахъ той же деревни, какъ я сказалъ, и такою даже хлѣба не было: крестьяне давно уже питались злаками—щавелемъ, грибами, ягодами...

При самомъ вѣздѣ въ Борисовъ, у отлично устроеннаго подъемнаго моста черезъ рѣку Березину, насъ остановилъ военный караулъ: унтеръ-офицеръ потребовалъ мой «видъ», осмотрѣлъ его и меня,—и тогда только пропустилъ въ городъ. Какъ оказалось, порядки эти, были установлены, во время возстанія, во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ, и сохранились еще пока въ Борисовѣ, гдѣ уѣзднымъ военнымъ начальникомъ былъ командиръ малоярославскаго полка, полковникъ Домбровский, воспитывавшійся въ бывшемъ Дворянскомъ полку, отбывшій нѣсколько кампаній, раненый нѣсколько разъ и имѣвшій всѣ, возможные въ его чинѣ, ордена.

Самый городъ оказался похожимъ на всѣ уѣздные еврейскіе города и мѣстечки; рѣдко-рѣдко гдѣ виднѣлось каменное строеніе; посреди площади бродили еврейскія козы и коровы, ряды и лавки на площади были деревянные. Вокругъ города, по ту сторону Березины, сохранились еще «батареи» — т. е. насыпи бывшихъ здѣсь батарей, устроенныхъ въ 12-мъ году, при отступленіи французовъ изъ Россіи. Какъ извѣстно, Наполеонъ съ остатками своей арміи переправился ниже Борисова, верстъ на десять; еще живы были два старика, свидѣтели этой переправы, въ то время бывшіе молодыми парнями. О самой переправѣ французовъ сохранилась на мѣстѣ слѣдующая легенда. Когда стали подходить ихъ войска къ Борисову и маршаламъ сдѣлалось извѣстно, что вблизи моста черезъ рѣку Березину устроены батареи, тогда вся французская армія взяла вѣ-лѣво, ниже Борисова; но когда подошли къ Березинѣ, то не рѣшались идти по льду, изъ опасенія, что ледъ не выдержитъ артиллеріи. Тогда, будто бы, Наполеонъ, встрѣтивъ какого-то старика крестьянина, обласкалъ его и, чрезъ поляка-переводчика спросилъ,—въ какомъ мѣстѣ, черезъ рѣку, везутъ крестьяне сѣно съ той стороны? Старикъ и указалъ бродъ черезъ рѣку, гдѣ она была очень мелка; черезъ этотъ бродъ и спасены были остатки французской артиллеріи; а крестьянинъ, за свое указаніе, получилъ отъ Наполеона нѣсколько золотыхъ монетъ. Легенда эта, какъ извѣстно, не совсѣмъ вѣрна исторически, но, тѣмъ не менѣе, она сохранилась между крестьянами въ такой именно редакціи.

У подгородныхъ крестьянъ и у борисовскихъ мѣщанъ сохранилось множество французскаго оружія, найденнаго ими на мѣстѣ переправы и боя и вытащеннаго впоследствии, весною 13-го года, изъ рѣки Березины. Одинъ крестьянинъ показывалъ мнѣ ружье, кремневое, съ очень длиннымъ стволомъ, доставшееся ему отъ отца, который нашелъ это ружье на мѣстѣ переправы французовъ. Сабли французскія сохранились тоже у многихъ крестьянъ и переходятъ, какъ и ружья же, отъ отца къ сыну, какъ память событія; во время минувшаго возстанія, оружіе это покупали, иногда, поляки, но дѣйствовать этимъ оружіемъ противъ русскихъ войскъ имъ пришлось очень мало: полковникъ Домбровский ловилъ и уничтожалъ банды

повстанцевъ въ Борисовскомъ уѣздѣ при самомъ ихъ появленіи и первыхъ дѣйствіяхъ, и навелъ такой панической страхъ на поляковъ, что они трепетали при одномъ его имени и, за-глаза, называли его, обыкновенно, «дикимъ вепремъ» и «перекрестомъ», между тѣмъ, какъ Домбровский былъ только честнымъ офицеромъ, не измѣнившимъ присяги, и даже оставался, по прежнему, католикомъ.

III.

Боровская шайка въ Борисовскомъ уѣздѣ.—Разбойничья шайка пятидесятихъ годовъ.— Поимка атамана и его смерть.— Еврей Носонъ.— Постройки Борисова.— Начавшіеся поджоги и пожары.— Три пожара 10-го мая.— Ночь послѣ этихъ пожаровъ и утро 11-го мая.— Приѣздъ губернатора Шелгунова.— Наступившій голодъ и дороговизна хлѣба.— Помощь погорѣльцамъ.

Въ Борисовѣ мнѣ вновь довелось быть, почти годъ спустя — именно въ началѣ мая 1865 года, — и въ это время, я былъ очевидцемъ страшнаго бѣдствія, постигшаго этотъ несчастный городъ. Постараюсь разсказать все по порядку.

Всю зиму, съ 1864 на 1865 годъ, въ Борисовскомъ и въ со-сѣднихъ съ нимъ уѣздахъ, дѣйствовала какая-то, весьма искусная и опытная, воровская шайка, сформированная и организованная довольно правильно: она ловко хоронила концы и, не смотря на всѣ усилія мѣстныхъ властей, не могла быть ни открыта, ни переловлена. По поводу этой шайки, была даже образована, зимою, въ Борисовѣ, особая комиссія, — которая, къ сожалѣнію, ничего не открыла. Впрочемъ, съ наступленіемъ весны, воровства и грабежи въ уѣздѣ немного утихли; но за то, начались новыя бѣдствія — пожары, — и именно, въ Борисовѣ...

Здѣсь, мнѣ приходится прервать, не надолго, нить своего разсказа о бѣдствіи, постигшемъ Борисовъ, и перенестись за нѣсколько лѣтъ назадъ, къ событіямъ, имѣвшимъ, какъ увидятъ читатели, нѣкоторую связь съ пожарами. Событія эти напоминаютъ собою главу изъ какого нибудь французскаго уголовнаго романа, но, тѣмъ не менѣе, они происходили въ дѣйствительности.

Въ концѣ пятидесятихъ годовъ, въ Минской губерніи, въ Игуменскомъ и Борисовскомъ уѣздахъ, въ лѣсахъ, дѣйствовала смѣлая разбойничья шайка, открыто нападавшая на проѣзжающихъ. Долго ловили эту шайку, но изловить все-таки не могли; однажды, отрядъ инвалидовъ солдатъ изъ борисовской команды захватилъ было шайку на мѣстѣ ея ночлега, въ лѣсу, въ шалашахъ, но шайка оказала вооруженное сопротивленіе: на выстрѣлы инвалидовъ отвѣчала трескотней изъ револьверовъ, — и почтенное инвалидное воинство отступило, а шайка благополучно скрылась. Оцѣ

когда, вслѣдъ за тѣмъ, ограблена была денежная почта, идущая изъ Минска, то для поимки шайки командированы были двѣ роты армейскаго полка изъ Минска, которымъ, наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ, и удалось-таки настичь шайку и разбить ее на-голову; большинство разбойниковъ, отбивавшихся очень отчаянно, легло на мѣстѣ, остальные были ранены и взяты въ плѣнъ; самая незначительная часть — двое-трое человѣкъ — успѣли пробиться черезъ цѣпь атакующихъ и скрылись въ лѣсу; въ числѣ ихъ былъ и атаманъ шайки, родомъ еврей. Его долго искали, по лѣсамъ и по мѣстечкамъ Минской губерніи, и даже объявлена была денежная награда, въ 500 рублей, тому, кто его доставитъ. Но, однако, никто не указалъ и не доставилъ ловкаго атамана властямъ,—и рѣшено было, что онъ скрылся за границу. Такъ какъ его шайка имѣла въ каждомъ городѣ своего агента, то и въ Борисовѣ былъ, тоже, агентъ—еврей Носонъ, ускользнувшій отъ слѣдствія и суда. И вотъ, разъ, темною осеннею ночью, мѣсяца два уже спустя послѣ уничтоженія шайки, въ двери Носона тихо постучался атаманъ и попросилъ укрыть его, въ погребѣ, дня на два, на три; но, прежде чѣмъ укрыться, атаманъ показалъ Носону небольшой ящичекъ, вродѣ шкатулки, наполненный деньгами и золотыми вещами; затѣмъ, они оба отправились, тою же ночью, за рѣку Березину, въ сосновый лѣсъ, расположенный за бывшими, въ 12-мъ году нашими батареями,—и тамъ атаманъ закопалъ свое сокровище, взявъ клятву съ Носона, что, въ случаѣ, если какъ-нибудь его, атамана, изловятъ, то чтобы ящикъ этотъ былъ переданъ его женѣ и дѣтямъ, проживавшимъ гдѣ-то подъ Пинскомъ. Носонъ далъ клятву—и они оба возвратились въ Борисовъ; здѣсь—атаманъ былъ спрятанъ въ погребъ, а Носонъ отправился вновь въ лѣсъ, вырылъ ящикъ, закопалъ его въ другое мѣсто и, возвратившись въ Борисовъ, явился къ исправнику съ сообщеніемъ, что въ его погребѣ, находящійся на дворѣ, спрятался какой-то неизвѣстный человѣкъ... Атамана-разбойника взяли, судили военнымъ судомъ и приговорили къ прогнанію сквозь строй, чрезъ тысячу человѣкъ, 12 разъ. Вскорѣ послѣ этого страшнаго наказанія, онъ и умеръ въ больницѣ. Догадавшись, конечно, что онъ былъ предательски выданъ Носономъ, атаманъ, во время слѣдствія, рассказалъ, исторію съ ящичкомъ, а также и о томъ, что Носонъ былъ въ Борисовѣ агентомъ ихъ шайки. Ящичка, понятно, не нашли—оказалась только свѣже взрытая земля на томъ мѣстѣ,—но Носонъ былъ все-таки преданъ суду, за принадлежность къ шайкѣ. Минская уголовная палата оставила его «въ сильномъ подозрѣніи»; но общество Борисовскихъ евреевъ составило приговоръ о нежеланіи своимъ принять его къ себѣ и ходатайствовало о выселеніи его въ Сибирь. Но, благодаря ловкости Носона, а можетъ быть, и «ящичку», доставшемуся ему, приговоръ этотъ былъ найденъ незаконнымъ и не-

правильно составленнымъ, — и Носонъ вновь явился на жительство въ Борисовъ... Здѣсь, онъ устроилъ кузницу и началъ, повидимому, скромную и труженическую жизнь. Съ обществомъ Борисовскихъ евреевъ онъ избѣгалъ всякихъ сношеній и сторонился отъ нихъ; они ему платили, конечно, тѣмъ же, хотя всѣ сильно побаивались его—чтобы онъ не отомстилъ имъ какъ-нибудь за ихъ приговоръ о ссылке. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Когда началось польское возстаніе, Носонъ заперъ на-глухо свою кузницу и занялся политическими доносами — преимущественно, на Борисовскихъ евреевъ, такъ или иначе помогавшихъ повстанцамъ и чѣмъ-либо прикосновенныхъ къ мятежу. За годъ возстанія, онъ успѣлъ отомстить многимъ своимъ врагамъ и навелъ панической страхъ на остальныхъ. Но ему всего этого казалось еще мало...

Какъ только, въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая 1865 года, начались въ Борисовѣ пожары, то всѣ тотчасъ же убѣдились, что пожары эти происходятъ не отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ, а отъ поджоговъ. Затѣмъ, народная молва стала прямо указывать на Носо́на, какъ на главнаго и единственнаго виновника этихъ пожаровъ... За нимъ стали присматривать и строго слѣдить каждый его шагъ; онъ узналъ, конечно, объ этомъ и принялъ свои мѣры: почти никуда не выходилъ изъ дома, кромѣ базара и синагоги; арестовать его, поэтому, не было никакой причины. Пожары, между тѣмъ, продолжались по прежнему — горѣло почти каждый день гдѣ нибудь... Уѣздный военный начальникъ Борисова, полковникъ Домбровскій, командовавшій въ то время малоярославскимъ пѣхотнымъ полкомъ, принялъ при тушеніи этихъ пожаровъ самыя энергическія мѣры: добылъ новыя пожарныя трубы изъ Вильны, учредилъ ночные патрули и караулы, являлся на пожаръ всегда однимъ изъ первыхъ, и проч.; но все это, къ сожалѣнію, не могло спасти Борисова...

Весна въ то время стояла, какъ нарочно, сухая—съ половины апрѣля не было ни капли дождя; дни были холодные и съ сильными вѣтрами. Главною же бѣдой Борисова, какъ и всякаго еврейскаго уѣзднаго города, было его неправильное распланированіе и сплошныя деревянныя, крытыя гонтомъ и даже соломою, постройки. Евреи обыкновенно строятся въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ такъ: получивъ разрѣшеніе выстроить деревянный домъ, въ пять или меньше оконъ на улицу, съ обязательствомъ покрыть его деревомъ (гонтомъ), еврей-хозяинъ, онъ же самъ и архитекторъ, выстроить непременно еще двѣ-три лачуги на дворѣ, крытыя соломою, къ дому построить какую нибудь лавочку, затѣмъ, на томъ же дворѣ, выстроить сарай для склада товара, и застроить такимъ образомъ всю площадь своей усадьбы сплошными деревянными постройками, крытыми гонтомъ и соломою. Сосѣдъ его устраиваетъ у себя то же самое, и т. д., подъ рядъ... Во всемъ городѣ

было всего лишь два каменныхъ строенія: казначейство, крытое желѣзомъ, помѣщавшееся на площади, и костель, крытый деревомъ, выстроенный внизу Минской улицы, спускавшейся къ рѣкѣ Березинѣ. Надо было просто удивляться тому обстоятельству, что Борисовъ, представлявшій такую сплошную пищу огню и систематически при этомъ поджигаемый, ежедневно, съ конца апрѣля мѣсяца, продержался кое-какъ цѣлыхъ двѣ недѣли...

Но вотъ наступило роковое 10-е мая. Наканунѣ, вечеромъ, я былъ въ гостяхъ у полковника Домбровскаго; кромѣ меня, тамъ были и мѣстные городскія власти. Зашель, понятно, разговоръ о пожарахъ. Исправникъ обратился къ Домбровскому:

— Пока, Ромуальдъ Эдуардовичъ, вы не арестуете Носона, до тѣхъ поръ пожары у насъ не прекратятся.

— Арестовать его по однимъ подозрѣніямъ, отвѣчалъ Домбровскій, нельзя; а во-вторыхъ, вы всѣ убѣждены, что Носонъ не одинъ, что у него есть товарищи; слѣдовательно, его арестъ несколько не поможетъ дѣлу.

Разговоръ на эту тему продолжался довольно долго, и было рѣшено, насколько припоминаю, арестовать Носона лишь въ томъ случаѣ, если этого потребуетъ само еврейское общество. Едва мы усѣлись въ тотъ вечеръ за ужинъ, какъ подъ самыми окнами квартиры Домбровскаго затрещалъ барабанъ, бившій тревогу... Понятно, мы всѣ побѣжали на пожаръ, случившійся тутъ же, на площади; горѣлъ нежилой сарай при домѣ какого-то еврея... Солдаты малоярославскаго полка и тысячи евреевъ, быстро сбѣжавшіеся на пожаръ, потушили его въ какіе нибудь полчаса. Была тихая, майская ночь, и огонь поэтому не успѣлъ охватить сосѣднихъ строеній. Почти до разсвѣта мы всѣ, гости Домбровскаго, и онъ самъ пробыли на этомъ пожарѣ. Къ нашей группѣ, помню, подходили и еврей, и польскіе помѣщики, проживавшіе въ Борисовѣ, и всѣ единогласно говорили, что виновникомъ всѣхъ этихъ пожаровъ Носонъ... Почему? этого никто не объяснялъ толково и обстоятельно. Евреи прямо заявляли Домбровскому, что они хотятъ выбираться изъ города за Березину, въ сосновый лѣсъ, со всѣмъ своимъ имуществомъ и скарбомъ. Мы разошлись по квартирамъ въ самомъ тяжеломъ расположеніи духа: поджигаютъ, въ самомъ дѣлѣ, городъ каждый день, и нѣтъ возможности прекратить эти злодѣйства!..

Утромъ, 10-го мая, едва только мнѣ подали самоваръ, какъ въ соборѣ зазвонили въ набать; вслѣдъ затѣмъ, заиграли тревогу военные рожки и забили барабаны... Я выскочилъ на крыльцо гостиницы, въ которой остановился, и увидѣлъ шагахъ въ трехстахъ маленькій дымокъ; живо добѣжавъ туда, я засталъ пожаръ почти уже потушеннымъ: еврей и солдаты залили огонь до прибытія пожарныхъ трубъ. Оказалось, что это былъ несомнѣнный

поджогъ: въ стѣну нежилого сарая были воткнуты обмазанныя фосфоромъ и смолою небольшія лучинки; тутъ лежала залитая водою пакля и рогожа... Сарай примыкалъ къ дому богатаго еврея-купца, который былъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ составленія общественнаго приговора о ссылкѣ Носона въ Сибирь. Евреи по окончаніи пожара обступили Домбровскаго и вновь стали указывать ему на Носона...

— Обратитесь ко мнѣ черезъ вашихъ кагалныхъ выборныхъ, и я тогда только его арестую, отвѣчалъ имъ Домбровскій.

— Мы зѣразь, пане пулковнику, зѣразь, отвѣчали евреи, и хлынули въ сторону, по направленію къ ратушѣ...

— Сегодня долженъ быть въ Борисовѣ губернаторъ, сообщилъ намъ Домбровскій: — и я этому очень радъ; онъ мнѣ развяжетъ руки: заставлю городъ купить еще десять пожарныхъ трубъ и завести настоящую пожарную команду.

Въ это время, часовъ около 10-ти, начинался уже рѣзкій и холодный сѣверо-восточный вѣтеръ; пыль носилась по улицамъ Борисова столбами и залѣпляла глаза... Мы собирались-было расходиться съ этого пожара по домамъ, какъ вдругъ увидѣли цѣлую толпу евреевъ, идущую по площади со стороны Березины; въ толпѣ былъ какой-то мальчуганъ, лѣтъ 12-ти, со связанными назадъ руками. Оказалось, по словамъ евреевъ, что онъ будто бы хотѣлъ поджечь цѣпной мостъ черезъ рѣку Березину и уже разводилъ огонь внизу подъ мостомъ... Мальчикъ трясся какъ въ лихарадкѣ и упорно молчалъ. Его арестовали, конечно. Пока происходила эта исторія съ мальчикомъ, другіе евреи вернулись изъ ратуши и въ лицѣ своихъ выборныхъ просили Домбровскаго объ арестованіи Носона. Полковникъ согласился, и въ качествѣ военнаго уѣзднаго начальника, предложилъ судебному слѣдователю произвести этотъ арестъ. Когда пришли къ Носону арестовать его, онъ мирно работалъ на своей кузницѣ и сдѣлалъ очень удивленное лицо, узнавъ зачѣмъ къ нему явились власти... Какъ только его отвели въ острогъ, всѣ евреи сейчасъ же успокоились!—Хвала Богу! хвала Богу! злапали злодія...

Однако, въ 2 часа дня, въ городѣ вновь раздались зловѣщіе звуки церковнаго набата, барабаны и рожки... Загорѣлся небольшой складъ дровъ, вблизи площади, на одной изъ плотно застроенныхъ улицъ... Поджигатели, очевидно, разчитывали на этотъ горючій матеріалъ, что онъ дружно вспыхнетъ и обратится въ громадный пожаръ. Этого можно было ожидать еще и потому, что сильный вѣтеръ, начавшійся послѣ второго пожара, превратился въ настоящую бурю... Но надежды эти на тотъ разъ не оправдались: евреи какъ муравьи облѣпили загорѣвшіяся дрова, загушили ихъ и раскидали по полѣну въ разныя стороны. Любо было смотрѣть на нихъ, какъ они работали!.. Пожаръ этотъ, все-таки, по-

разилъ всѣхъ своею неожиданностью, такъ сказать: только что арестовали Носона, главнаго по общему гласу народа, виновника пожаровъ, а они начались crescendo—второй случай въ одинъ день...

Къ пяти часамъ дня, буря усилилась еще больше: словно ураганъ носился по улицамъ города непрерывно; черныя тучи пыли, просто, залѣпляли глаза,—и я съ трудомъ добрался изъ table d'hôte, отъ памятнаго мнѣ пана Юзефа, гдѣ обѣдалъ, въ свой номеръ гостинницы, гдѣ жилъ. Только что, было, прилежъ я отдохнуть немного, какъ услышалъ новый колокольный набатъ... Выйдя на улицу, я увидалъ не только дымъ, но уже и сильный огонь въ сторонѣ перваго пожара, бывшаго въ 9 часовъ утра. Черезъ двѣ-три минуты я былъ на мѣстѣ пожара. Полковникъ Домбровскій лихо распоряжался уже тамъ и отстаивалъ сосѣдній домъ; оказалось, что загорѣлся какъ разъ тотъ самый сарай въ томъ же домѣ, гдѣ былъ пожаръ утромъ... Въ то время, какъ евреи и солдаты употребляли самыя неимовѣрныя усилія отстоять сосѣдній съ пылавшимъ сараемъ домъ и не дать распространиться огню далѣе, къ Домбровскому подбѣжалъ какой-то унтеръ-офицеръ и крикнулъ ему задыхающимъ голосомъ:

— Ваше в—дѣ! еще въ двухъ мѣстахъ горитъ!!...

Я машинально оглянулся назадъ,—и увидѣлъ длинные огненные языки въ двухъ, совершенно противоположныхъ отъ насъ, концахъ, но на той же базарной площади...

Всѣ, понятно, бросились бѣгомъ по своимъ квартирамъ—спасать вещи... Но пока я добѣжалъ до гостинницы, правая сторона площади была вся уже въ огнѣ; сухія, деревянныя и соломенные крыши вспыхивали моментально, а буря, еще болѣе усилившаяся съ началомъ пожара, быстро переносила огонь съ крыши на крышу, съ улицы на улицу... Евреи, сидѣвшіе въ лавкахъ, по обыкновенію, съ дѣтьми, бросились въ свои дома; въ лавкахъ же, которыя не успѣли запереть, оставили дѣтей—чтобы они караулили ихъ и, кстати, не мѣшали бы матерямъ и отцамъ спасать изъ своихъ домовъ вещи. Многія изъ этихъ несчастныхъ дѣтей сгорѣли въ слѣдствіи—когда неожиданно вспыхнули и всѣ эти лавки, занимавшія середину площади...

Вскорѣ, пожаръ превратился въ одно безграничное, бушующее огненное море... Воздухъ накалился до такой степени, что становилось тяжело дышать; искры били въ лицо какъ острия иглы; солнце совсѣмъ померкло отъ огня и дыма и казалось въ небѣ какимъ-то тусклымъ, краснымъ пятномъ... Вещи и мебель, вынесенныя на площадь, вспыхивали отъ сыпавшихся искръ и просто отъ нестерпимой жары; двѣ пожарныя трубы, очутившіяся въ улицѣ внезапно вспыхнувшей съ обѣихъ сторонъ, не могли уже выбраться изъ огня: солдаты кое-какъ спаслись, а лошади и самыя трубы сгорѣли... Сгорѣла, также, масса скота, изъ того, который былъ

не въ стадѣ: на другой день, я видѣлъ цѣлыя десятки лошадей, свиней и козъ, лежавшихъ посреди улицъ и на дворахъ, совсѣмъ обуглившихся, распухшихъ отъ жара... По официальнымъ донесеніямъ, сгорѣло $\frac{3}{10}$ всего тогдашняго Борисова... Сгорѣли цѣлыя улицы, всѣ присутственныя мѣста (кромѣ казначейства), православный деревянный соборъ, единственная въ городѣ аптека, всѣ трактиры и гостинницы, всѣ еврейскія синагоги, и пр.; отъ улицъ остались однѣ аллеи каменныхъ трубъ, да груды мусора и угля— и только!.. Помню тотъ моментъ, когда глухо загудѣли и рухнули колокола съ пылавшей колокольной православнаго собора... потомъ сильныя взрывы ротныхъ цейхаузовъ, откуда не успѣли выхватить солдатскіе патроны, взрывы складовъ спирта, керосина и пр... Губернаторъ Шелгуновъ подѣхалъ къ Борису со стороны Минска, переѣхалъ цѣпной мостъ черезъ Березину, но далѣе уже не могъ двигаться—передъ нимъ была сплошная масса огня... Онъ повернулъ назадъ, въ предмѣстье, приютился у какого-то мельника. за рѣкой, и, только часа два спустя по приѣздѣ, могъ дать знать въ городъ о своемъ прибытіи... Уже поздно ночью, когда огонь, за неимѣніемъ пищи, сталъ утихать, полковникъ Домбровскийъ пробрался окольными путями къ мосту, переѣхалъ за Березину и явился къ губернатору съ рапортомъ, что городъ Борисовъ— былъ... Нечего, конечно, и говорить о томъ, что всю эту ночь никто не спалъ въ городѣ... Рано утромъ, 11-го мая, когда только-что стало всходить солнце, я и мой добрый другъ П. А. Рахманинъ отправились бродить по городу... Страшныя картины разрушенія и смерти были на каждомъ шагу; люди, какъ тѣни, ходили по своимъ пепелищамъ, наклонялись, раскапывали горячую золу руками и искали чего-то... Еврейки, съ распущенными волосами и съ лицами, искаженными отъ горя и ужаса, розыскивали своихъ потерянныхъ дѣтей... Я встрѣтилъ офицера, подполковника Бѣлослюдова, который шелъ въ кафтанѣ своего кучера; въ началѣ третьяго пожара онъ спалъ и выскочилъ на улицу въ одномъ бѣльѣ; потомъ, выхватилъ изъ горѣвшаго уже дома своихъ дѣтей, а самъ такъ и остался безъ платья—у него сгорѣло, буквально, все. У одного молодого офицера малоярославскаго же полка, Зацѣпина, сгорѣлъ ручной медвѣженокъ,—и онъ ходилъ по пожарицу и плакалъ о своемъ воспитанникѣ.. Такъ ужъ, должно быть, ведется въ мірѣ: трагическое идетъ рука-объ-руку съ смѣшнымъ...

У пяти-тысячнаго населенія города, спасшагося отъ огня за Березину и въ противоположную сторону, т. е. въ поле, и собравшагося на другой день опять въ несуществующій уже городъ, не было самаго главнаго—хлѣба. Всѣ запасы погорѣли; изъ деревень подвезено еще не было... И вотъ, тутъ я имѣлъ возможность вдоволь надивиться на еврейское гешефтмахерство и корысть: часамъ къ 9-ти утра, на площади сидѣли уже евреи и еврейки, съ вѣ-

сами въ рукахъ, и торговали разными продуктами — маленькими ржаными хлѣбами, гречневою крупой, солью, пшеномъ и проч.; цѣны у нихъ были страшныя на все: такъ, напримѣръ, маленькій черный хлѣбъ, вѣсившій $\frac{1}{2}$ фунта, стоилъ 5—6 коп., фунтъ крупы—17 и 20 коп., и пр. П. Н. Шелгуновъ сильно возмущался всѣмъ этимъ барышничествомъ жидовъ, явившихся, какъ оказалось, изъ-за рѣки Березины, т. е. изъ той слободы Борисова, гдѣ не было пожара, и тотчасъ же, совмѣстно съ Домбровскимъ, принялъ мѣры къ прокормленію многотысячнаго голоднаго населенія: посланы были гонцы во всѣ сосѣднія селенія и мѣстечки для закупки хлѣба и прочихъ продуктовъ,—и все, что удалось достать было, къ вечеру того же 11-го мая, привезено въ Борисовъ и раздавалось неимущимъ людямъ, безъ различія, конечно, вѣроисповѣданій, бесплатно. Хищные жида съ площади были изгнаны, установлены были таксы на всѣ продукты, и пр.

Я уѣхалъ изъ Борисова черезъ два дня послѣ этого страшнаго пожара, и не знаю, поэтому, что случилось съ евреемъ Носономъ, такъ жестоко отомстившимъ городу и обществу за свой остракизмъ ¹⁾. Я знаю только, что въ Борисовѣ была учреждена какая-то чрезвычайная комиссія, подъ предсѣдательствомъ жандармскаго штабъ-офицера, для разслѣдованія всѣхъ этихъ поджоговъ и раскрытія виновныхъ. Затѣмъ, я знаю, что великій князь Николай Николаевичъ пожертвовалъ бѣднѣйшимъ жителямъ Борисова, на постройку домовъ, лѣсъ изъ своего сосѣдняго имѣнія, а покойный государь оказалъ значительную денежную помощь всѣмъ погорѣльцамъ города безъ изыятія; офицеры малоярославскаго полка получили отъ имени государя половину всей стоимости сгорѣвшаго у нихъ имущества. Самъ же я, лично, понесъ въ этомъ пожарѣ весьма чувствительную и невознаградимую потерю: какой-то солдатикъ выхватилъ изъ огня мой дорожный, небольшой сундукъ съ бумагами, который я всегда возилъ съ собою, и поставилъ его на площади, вблизи лавокъ; остальные мои вещи, попавшія на другую часть площади, были спасены, а сундучекъ этотъ сгорѣлъ до-тла. Въ немъ было до десяти большихъ тетрадей народныхъ пѣсень, записанныхъ мною въ различныхъ губерніяхъ Россіи, гдѣ мнѣ, до этого, доводилось странствовать; тамъ же была и сгорѣла еще болѣе дорогая для меня вещь — рукопись моего покойнаго отца, описавшаго, въ качествѣ очевидца, бунтъ въ Черниговскомъ пѣхотномъ полку.

Ив. Захарьянъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ О печальной судьбѣ этого еврея я узналъ лишь надняхъ, изъ письма Борисовскаго уѣзднаго исправника, къ которому я обратился съ вопросомъ по этому поводу. Еврей Носонъ (по прозвищу Косой) былъ вскорѣ послѣ пожара освобожденъ изъ-подъ ареста, по неимѣнію уликъ; но, спустя два-три года, онъ былъ застрѣленъ, вечеромъ, изъ ружья, пулею, въ окно его дома; имя убійцы осталось неизвѣстно.

И. З.

ЛЕРМОНТОВЪ И ЦЕНЗУРА.

(По матеріаламъ Лермонтовскаго музея.)

ЧАСТЬ КАЖДАГО литературнаго произведенія въ извѣстной степени интересна, а тѣмъ болѣе должны представлять интересъ судьбы, пережитыя образцовыми твореніями роднаго генія. Эти судьбы обыкновенно зависятъ не только отъ общихъ основныхъ условій, устанавливающихъ предѣлы литературной дѣятельности въ государствѣ, опредѣляющихъ ея характеръ, но гораздо въ большей еще мѣрѣ отъ временныхъ, случайныхъ причинъ. Послѣднія свидѣтельствуютъ объ уровнѣ взглядовъ на литературу въ данный періодъ, о требованіяхъ, къ ней предъявляемыхъ, о вліяніяхъ, дѣйствіе которыхъ такъ или иначе отражается на ея направленіи и развитіи. Эти преходящія вліянія не всегда, безъ сомнѣнія, согласуются съ коренными основами существованія литературы и не всегда находятъ себѣ въ нихъ резонное оправданіе. Тѣ и другія напротивъ нерѣдко бываютъ несомвѣстимы между собой. Тогда какъ общія, существенныя основы законодательства о печати предназначены къ обереганію развитія литературы, случайныя вліянія на дѣлѣ ведутъ къ уклоненіямъ отъ него и къ разнымъ его нарушеніямъ, становящимся помѣхою дѣятельности писателя.

Эти временныя соображенія, конечно, виднѣе и ярче выступаютъ въ цензурованіи творческихъ созданій эпохи, и любознательность историка литературы и библіографа должна задѣваться живѣе, когда является возможность документально показать слѣды цензурнаго очищенія произведеній великихъ талантовъ отъ того, что почитается въ данное время неблагонамѣренностью. Живѣе и силь-

нѣе интересуется ими историкъ потому, во-первыхъ, что по нимъ видно, въ какой степени были близки сердцу писателя - художника извѣстные «злобы дня», съ какою ясностью и глубиною отразились онѣ въ его твореніяхъ, въ какой мѣрѣ, наконецъ, талантъ сознавалъ свою связь съ направлениемъ современной жизни. Во вторыхъ, по этимъ, на поверхностный взглядъ незначительнымъ иногда, слѣдамъ красныхъ чернилъ можно судить, какихъ предѣловъ достигаетъ въ извѣстные годы порабощеніе печатной мысли, что собственно признается рановременнымъ или запретнымъ плодомъ для общества, насколько густа завѣса, покрывающая все, что въ сочиненіи писателя можетъ имѣть хоть тѣнь намека на дѣйствительность и настоящее положеніе вещей. Въ этомъ отношеніи довольно любопытный матеріалъ представляютъ корректуры нѣсколькихъ изданій сочиненій Лермонтова, хранящіяся въ открытомъ недавно Лермонтовскомъ музеѣ ¹⁾.

Лермонтовъ открылъ своими произведеніями новое теченіе въ русской поэзіи. Послѣ пиндарическихъ ея паремій, послѣ чувствительныхъ изліяній и, наконецъ, послѣ восхваленій и величаній явленій русской жизни, недовольство которой, да и то лишь изрѣдка, пробивается наружу въ созданіяхъ Пушкина, послѣ всего этого въ нашей литературѣ почувствовалась потребность въ серьезной критикѣ на современную дѣйствительность, а съ этимъ вмѣстѣ раздались и новые голоса, поражавшіе темныя стороны этой дѣйствительности. Въ такой-то періодъ умственного броженія въ нашемъ обществѣ и явился Лермонтовъ. Повторяя всѣ мотивы своего великаго предшественника, скучая жизнью, подобно Пушкину, выражая недовольство свѣтомъ, воодушевляясь воинственнымъ жаромъ двѣнадцатаго года, М. Ю. Лермонтовъ, однакожь, послѣдовательнѣе и рѣзче высказываетъ это недовольство и разочарованіе жизнью, не примиряется съ нею, какъ было съ Пушкинымъ. Это, насколько показываетъ, впрочемъ, далеко еще не разъясненная біографія автора «Героя Нашего Времени», было слѣдствиемъ болѣе ранняго и болѣе глубокаго дѣйствія на него идей байронизма и слѣдствиемъ житейскихъ неудачъ и невзгодъ, съ молодости испытанныхъ Лермонтовымъ. Въ то время какъ байронизмъ Пушкина выражался внѣшними признаками разочарованія, утомленіемъ свѣтской суетой, порываньемъ къ скитальческой жизни, Лермонтовъ обратился къ самой идеѣ отрицанія. Его «Демонъ» тужитъ по утраченномъ блаженствѣ и не находитъ себѣ примиренья. Тутъ ярко отразились на русскомъ поэтѣ чтеніе Байрона, мечты о счастіи и презрѣніе его къ современному обществу. Даже пѣсни любви Лермонтова нерѣдко принимаютъ мрачный оттѣнокъ.

¹⁾ См. о немъ «Истор. Вѣстн.», т. XV, стр. 225—228.

Редакція «Историческаго Вѣстника» выражаетъ свою искреннюю признательность А. А. Вильдерлингу за разрѣшеніе воспользоваться этими матеріалами

Поэтъ ищетъ и не находитъ успокоенія въ удовлетвореніи всѣмъ естественнымъ влеченіямъ сердца. Поэтъ стремится найти успокоеніе въ гармоніи съ природой. Но тѣ цѣльныя, сильныя натуры, дикіе, вольные характеры кавказской жизни, тѣ сыны свободы, какихъ рисуешь намъ Лермонтовъ, протестуя противъ общественнаго безсилія и ничтожества, все-таки должны преклониться передъ образованностью. Словомъ, ни въ чемъ жизнь не радуется поэта. Вотъ почему остается ему благодарить судьбу лишь за мученія страстей, за месть враговъ и клевету друзей, за жаръ души, растраченной въ пустынь. Но не за себя одного скорбитъ онъ. Лермонтовъ сознавалъ и реальность страданій толпы, которыхъ нельзя облегчить посулами романтическихъ надеждъ и «глупыхъ ожиданій».

Что же недозволительнымъ находила цензура во всѣхъ этихъ мотивахъ, вылившихся въ «железный стихъ, облитый горечью и злобой»? Если позволительно дѣлать выводъ изъ имѣющихся въ Лермонтовскомъ музеѣ матеріаловъ, то надо признать, что преслѣдованіе сочиненій поэта оффиціальной цензурой ограничивалось зачеркиваніемъ отдѣльныхъ стиховъ или даже отдѣльныхъ словъ. Тутъ, за немногими исключеніями, все, разумѣется, зависѣло отъ личной точки зрѣнія цензора. Сообразить цензирующей неудобство такого-то слова, явится въ немъ подозрѣніе, что такой-то стихъ можетъ быть превратно истолкованъ или не согласуется съ рутиннымъ взглядомъ,—сейчасъ же долой это слово и этотъ стихъ. Въ иныхъ мѣстахъ для соблюденія размѣра цензоръ беретъ замѣнять зачеркнутое слово придуманнымъ, при чемъ, не всегда, конечно, оказывается счастливой находчивость такого корректора. Вотъ примѣры подобнаго рода помарокъ и поправокъ.

Первая по времени въ настоящей коллекціи корректуръ помѣчена 29-мъ сентября 1842 года. Это—драма «Маскарадъ». Исключенія въ ней произведены цензоромъ А. Никитенко. Здѣсь подозрительность цензора возбудили прежде всего слова Казарина въ первой сценѣ 1-го дѣйствія: «или за то, что не былъ на дуэли: боялся быть убійцей». Рѣчь идетъ о выгнанномъ изъ полка ¹⁾. Въ чемъ же, спрашивается, усмотрѣна тутъ непристойность или вредная мысль? По всей вѣроятности, цензоръ сообразилъ, что такое объясненіе причины удаленія изъ полка можетъ какъ нибудь набросить тѣнь на военную честь вообще. Дуэль-де въ обычаѣ, особенно такъ было въ тѣ времена, и отождествленіе дуэлиста съ убійцей покажется, пожалуй, обиднымъ гг. офицерамъ. Это, конечно, называется «читать между строкъ» и послѣдствіемъ его является навязываніе автору цензоромъ своихъ произвольныхъ толкованій смысла.

¹⁾ См. «Сочиненіе Лермонтова» изд. 1873 года, т. II, стр. 329. И ниже страницы указываются по этому изданію.

Такому навязыванію обязаны многія изъ цензорскихъ «помѣтъ». Въ той же пьесѣ, во 2-й сценѣ (338 стр.) подверглись остракизму слова Арбенина: «и также можетъ быть, что эта же краса къ вамъ завтра вечеромъ придетъ на полчаса». Цензоръ обнаруживаетъ здѣсь пылкость своей фантазіи и, очевидно, стыдится собственнаго плода этой пылкости. Дальше Арбенинъ прощается съ своимъ любовнымъ миромъ, называя его раемъ «небеснымъ» (359 стр.). Никитенко вмѣсто этого эпитета надписываетъ надъ зачеркнутымъ словомъ: «прекрасный». Явное опасеніе попасть на замѣчаніе духовной цензуры заставляетъ Никитенку очищать произведеніе свѣт-

Лермонтовъ на смертномъ одрѣ.

Съ рисунка сдѣланнаго на другой день его смерти художникомъ Шведе и приложеннаго къ каталогу Лермонтовскаго музея.

скаго писателя отъ словъ, имѣющихъ какое либо отношеніе къ духовенству. Казаринъ, напримѣръ, рассказываетъ про встрѣчу одной барыни съ однимъ князькомъ: «не помню я, на балѣ, у обѣдни» (стр. 376) и цензоръ ставитъ свое veto надъ словами: «у обѣдни», которыя считались запретными и въ 1861 году¹⁾.

Подобными же соображеніями, вѣроятно, вызвано недопущеніе въ тогдашней печати въ фразѣ Арбенина «я самъ свершу свой страшный судъ» (стр. 407) словъ «свой страшный». Вмѣсто нихъ

¹⁾ По крайней мѣрѣ, въ «Дополненіяхъ къ сочиненіямъ Лермонтова изд. 1863 г.», о которыхъ будетъ говорено ниже, слова эти также зачеркнуты цензоромъ В. Н. Бекетовымъ.

цензоръ написалъ слово «ужасный». Тоже и ниже (стр. 408): стихъ «Но я, не Богъ, и не прощаю!» Никитенко замѣнилъ неуклюжей прозаической фразой: «Но я, я—нѣтъ, не прощаю!» Или вотъ еще въ той же пьесѣ «Неизвѣстный» говорить о душѣ Арбенина (стр. 430):

....ее пойметъ лишь Богъ,
Который сотворить одинъ такую могъ!

Послѣдній стихъ подвергся остракизму, точно цензоръ усумнился въ могуществовѣ Божьемъ.

Какъ бережливо цензура охраняла писателя того времени отъ малѣйшаго намека, способнаго внушить кому либо сомнѣнiе въ безпорочности «службы изъ чести», показываетъ курьезное наложенiе запрета на слѣдующую сценку (стр. 391), которая вся перекрещена красными чернилами:

ВАРОНЕССА.
О, Боже мой!..

АРВЕНИНЪ.
Я говорю безъ лести...
А сколько платятъ вамъ всѣ эти господа!

ВАРОНЕССА (упадеетъ въ кресло).
Но вы безчеловѣчны!..

АРВЕНИНЪ.
Да,
Ошибся, виноватъ, вы служите изъ чести!
(Хочетъ идти).

Тутъ сколько ни ищи резона къ запрету, много не обрящешь, помимо усмотрѣнiя цензоромъ въ напечатанныхъ курсивомъ словахъ намека на государственную службу, хотя въ дѣйствительности это проницеское замѣчанiе относится къ салоннымъ кумушкамъ—посредницамъ въ любовныхъ свиданiяхъ молодежи.

Очевидно, при всей строгости, можно сказать, придирчивости цензуры, въ этой драмѣ нельзя было ничего найти внушающаго тревогу или подозрѣнiе въ смыслѣ благонамѣренности, кромѣ вышеприведенныхъ совершенно невинныхъ мѣстъ, не пропущенныхъ въ печать почти черезъ десять лѣтъ послѣ написанiя «Маскарада».

Впрочемъ, другiя произведенiя выдерживали и болѣе продолжительный цензурный карантинъ. Такъ было, напримѣръ, съ поэмой «Измаиль Бей». О цензурованiи ея имѣются въ Лермонтовскомъ музеѣ корректура «Дополненiй къ сочиненiямъ Лермонтова изданiя 1863 года» съ помѣтками цензора В. Бекетова отъ 17 ноября 1861 года, «Поправки и дополненiя къ сочиненiямъ М. Лермонтова», съ помѣтками того же цензора 22-го января и 6-го апрѣля 1862 года, и корректурные оттиски безъ означенiя года съ исключенiями цензора, кажется, Новосильцева ¹⁾. Эта поэма, повидимому, особенно тревожила цензуру.

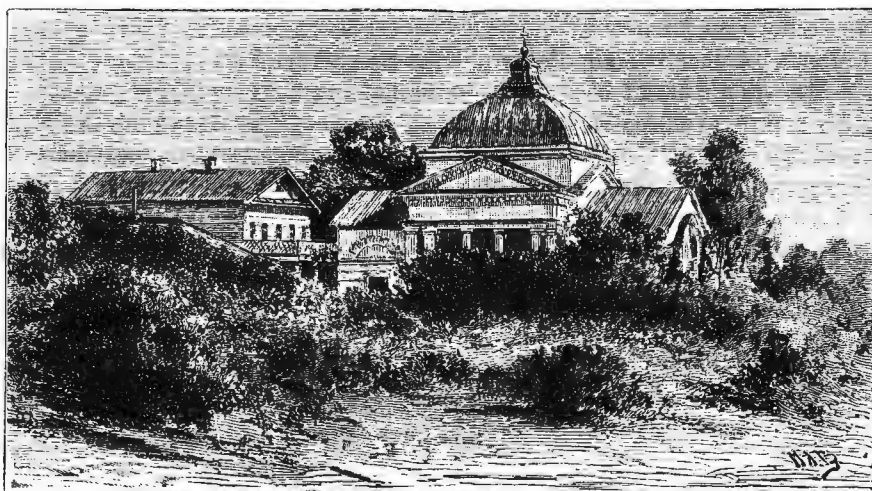
¹⁾ Подпись краснымъ карандашемъ цензора не разборчива.

Въ первомъ изъ названныхъ документовъ значатся запретными всѣ мѣста, гдѣ только идетъ рѣчь о «вольности», героизмѣ черкесовъ и о «цѣпяхъ вражескихъ силъ». Такъ, въ первой части поэмы въ строфѣ VIII не допущены 21 строка, начиная со стиховъ (т. II, стр. 248—249):

«Черкесь удамый въ битвѣ правой
Умѣеть умереть со славой», и пр.

Въ IX строфѣ вышущены слова: «готовяты мщеніе народы» и ниже: «Лезгинецъ слыша голосъ брани, готовитъ стрѣлы и кинжалъ»—все до конца строфы. Далѣе, въ XVII—со словъ «ужели

Домъ гдѣ жилъ Лермонтовъ и церковь, въ которой онъ похороненъ, въ селѣ Тарханахъ, Чембарскаго уѣзда.

Съ рисунка приложеннаго къ каталогу Лермонтовскаго музея.

отдыхаетъ мщеніе» недозволены 15 стиховъ. Во второй части поэмы Бекетовъ зачеркнулъ слѣдующіе пять стиховъ въ XXI строфѣ:

За то, что бѣдны мы, и волю,
И степь свою не отдадимъ
За злато роскоши нарядной!
За то, что мы боготворимъ,
Что презираете вы хладно!

Въ «Поправкахъ къ сочиненіямъ Лермонтова» издателю П. А. Ефремову удалось отстоять нѣсколько стиховъ, но здѣсь помогло ему то обстоятельство, что въ № 16 «Библиографическихъ Записокъ», разрѣшенномъ къ печатанію въ Москвѣ 14-го декабря 1861 года

цензоромъ И. Безсомыкинымъ, появились вышеприведенныя мѣста поэмы, не пропущенныя петербургскою цензурою. Въ Лермонтовскомъ музеѣ находится, между прочимъ, и слѣдующее письмо В. Н. Бекетова по этому поводу къ барону Н. В. Медему, тогдашнему предсѣдателю цензурнаго комитета, отъ 25-го января 1862 года: «Имѣю честь представить съ самимъ г. издателемъ Петромъ Александровичемъ Ефремовымъ прилагаемую при семь рукопись стихотвореній Лермонтова, гдѣ между прочимъ зачоркнуты отрывки изъ «Измаила Бея». Стихотвореніе это, какъ нынѣ оказалось, уже напечатано въ № 16 «Библиографическихъ Записокъ», которыя при семь для видимости Вашей прилагаются и которыя въ свое время не навлекли никакого пререкательства со стороны правительства. А потому я полагалъ бы возможнымъ сказанное стихотвореніе дозволить и здѣсь печатать. О чемъ и имѣю честь представить на разрѣшеніе Вашего Превосходительства».

Въ «поправкахъ», однако, остались недозволенными указанные выше стихи изъ VIII строфы 1-й части поэмы и въ XVII, а также въ XXI стофѣ 2-й части. Остальное изъ приведеннаго нами было разрѣшено къ печати. Что касается корректурныхъ оттисковъ, то, помимо тѣхъ же мѣстъ изъ первой и второй части, подверглись исключенію въ XII строфѣ (2-й ч.) два стиха:

Пора! кипять они досадой,
Что русскихъ нѣтъ: имъ крови надо!

Затѣмъ въ XVIII строфѣ (ibid.) не дозволены два стиха:

Бываютъ люди: чувства—имъ страданья,
Причуда злой судьбы—ихъ бытіе...

Наконецъ, въ 3-й части поэмы подлежали остракизму въ II строфѣ послѣдніе пять стиховъ, въ XXIX строфѣ послѣдніе четыре стиха и въ концѣ поэмы послѣдніе девять стиховъ. Всѣ эти мѣста восстановлены въ изданіи 1873 года.

Кромѣ «Измаила Бея», въ «Дополненіяхъ къ сочиненіямъ Лермонтова изданія 1863 года» есть не мало характерныхъ помѣтъ цензора Бекетова къ другимъ произведеніямъ Лермонтова. Въ стихотвореніи, напимѣръ, «Любовь мертвеца» въ строкахъ: «что мнѣ сіянье божьей власти и рай святой!» цензоръ поставилъ вмѣсто «святой» слово «земной», но потомъ одумался или, поддавшись настойчивости издателя, приписалъ: «печатать слово «святой». Далѣе въ «Очеркахъ Демона» слѣдуютъ почти однородные помѣты красныхъ чернилъ. Такъ, въ 1-мъ очеркѣ зачеркнутъ стихъ: «стѣна обители святой» (т. II, стр. 31), а на поляхъ рукописи значится, что всѣ приводимые стихи и поправки изъ «Очерковъ Демона» напечатаны въ «Библиографическихъ Запискахъ» 1859 годъ № 12 и 1861 годъ № 3. Во 2-мъ очеркѣ зачеркнуты стихи и слова: «глаза монахини сіяли» (II, стр. 36), «монастырское» (т. е. преданье ib.

стр. 38), «стѣну обители святой» (40), слово «монахиня» (стр. 41, 42, 44 и 48), «куда зоветъ отшельницъ онъ?» (46). Тутъ же были запрещены цѣликомъ стихотвореніе «Уланша», изъ «петергофскаго праздника» три стиха со словъ: «нѣтъ! гонять, видишь, какъ скотину»... (II, 140). Но наибольшее вниманіе обратила на себя драма «Странный человѣкъ».

Любопытно, что цензорскія помѣты къ этой романтической драмѣ относятся къ концу 1861 года т. е. къ тому времени, когда уже крестьяне были освобождены оффиціально. А между тѣмъ во всѣхъ зачеркнутыхъ Бекетовымъ выдержкахъ рѣчь идетъ о пыткахъ надъ крѣпостными, о злоупотребленіяхъ помѣщичьяго произвола и о взглядѣ на крѣпостныхъ, какъ на вещь. Вотъ три выдержки, вошедшія въ составъ «Дополненій» изъ «Библиографическихъ Записокъ» 1861 года № 31 и усердно выуженныя цензоромъ среди строкъ дозволенныхъ, по его мнѣнію:

«Вотъ она приказала руки ему вывертывать на станкѣ... а управитель былъ на него сердить... Какъ повели его на барскій дворъ, дѣти кричали, жена плакала... вотъ стали руки вывертывать... Да вывертывали, да ломали... Оедька и сталъ безрукой; на печькѣ такъ и лежитъ, да клянеть свое рожденіе. (II, стр. 200).

«Разсказываютъ горничныя: разъ барыня разсердилась—такъ, вѣдь, ножницами стала имъ кожу рѣзать... Охъ! больно!.. А какъ бороду велить щипать, волосокъ по волоску... батюшка! Ну, такъ тутъ и святыхъ забудешь, батюшка! (Упадаетъ въ ноги Бѣлинскому). (Ibid).

«Все, куплено кровавыми слезами! Ломать руки, рѣзать кожу, сѣчь, щипать бороду волосокъ по волоску... О Боже! При одной мысли объ этомъ я чувствую боль во всѣхъ моихъ жилахъ! Я бы раздавилъ ногами каждый суставъ этой злодѣйской женщины! Это приводитъ меня въ бѣшенство.

«Бѣлинскій. Въ самомъ дѣлѣ ужасно! Морозъ по кожѣ подираетъ (Стр. 201).

«Несчастные мужики! Что за живнъ, когда я каждую минуту въ опасности, потерять все, что имѣю, и попасть въ руки палачей! (Ibid.).

«Пускай они будутъ при дворѣ, пускай шаркаютъ въ гостиныхъ съ камергерскими ключами... (Стр. 204).

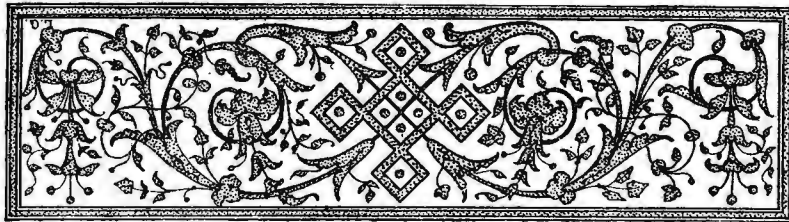
«Видѣть предъ собой бумажку, которая содержитъ въ себѣ цѣну многихъ людей и думать: своими трудами ты достигнулъ способа мѣнять людей на бумажки. Ха, ха, ха! Почему же нѣтъ? И человѣкъ тлѣетъ, какъ бумажки, человѣкъ, какъ бумажка, носить на себѣ условные знаки, которые славятъ его выше другихъ и безъ которыхъ онъ»... (Ibid.).

Нѣтъ надобности разяснять, насколько подобныя поправки характеризуютъ взгляды нашей администраціи того времени на печать и ея отношеніе къ крестьянскому вопросу. То, что писалъ Лермонтовъ ровно тридцать лѣтъ до освобожденія крестьянъ, когда лишь въ незначительномъ кругу образованныхъ русскихъ людей нарождалась только мысль объ этой реформѣ, оказывалось для общества запретнымъ плодомъ въ 1861 году, когда мысль не-

многихъ осуществилась, наконецъ, въ дѣйствительности и, казалось бы, должна была стать общимъ достояніемъ. Какъ это ни странно, но во всякомъ случаѣ здѣсь цензура могла оправдывать себя серьезными политическими соображеніями въ строгостяхъ относительно Лермонтова и особыми предписаніями высшей власти того времени вообще не допускать въ печати возбужденія одного словія противъ другаго. Само собою разумѣется, поэту было чуждо столь нелѣпое намѣреніе и для него можно было бы сдѣлать исключеніе. Но проникаемость цензуры не всегда знаетъ предѣлы и потому нерѣдко граничитъ съ близорукостью. Жертвою этой-то близорукости и были долгое время нѣкоторыя произведенія Лермонтова, въ сущности, казалось бы уже въ силу своей глубины и художественной объективности, не долженствовавшія смущать самаго бдительнаго и самаго подозрительнаго изъ цензурныхъ аргусовъ.

О. Булгаковъ.

ИЗЪ МОИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ. ¹⁾

XLIX.

Защита политическихъ каррикатуръ цензурою.

ВЪ 1862 ГОДУ, въ № 44-мъ сатирическаго журнала «Гудокъ», появилась карриатура подъ названіемъ «Изъ семейной хроники римскаго вопроса», сущность которой состояла въ настойчивомъ требованіи императрицею Евгениею у своего супруга, Наполеона III, чтобы онъ не оставлялъ безъ защиты свѣтской власти римскаго папы. Тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ, князь А. М. Горчаковъ, сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что онъ, съ своей стороны, не можетъ вообще одобрить появленія въ сатирическихъ журналахъ политическихъ каррикатуръ, потому что «подобныя каррикатуры потрясаютъ уваженіе къ монархической власти». Въ доказательство своего мнѣнія, князь Горчаковъ сослался на означенную карриатуру въ № 44-мъ «Гудка», которую, по его мнѣнію, цензурѣ не слѣдовало бы пропускать. Министръ народнаго просвѣщенія потребовалъ объясненія отъ петербургскаго цензурнаго комитета, почему подобная карриатура была пропущена въ печати. Въ этомъ объясненіи было изложено, что дозволеніе на по-

¹⁾ Первые главы изъ воспоминаній П. С. Усова были помѣщены въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ 1882 году въ январьской, февральской, мартовской и майской книжкахъ и въ 1883 году, въ февральской—майской книжкахъ.

мѣщеніе означенной карриатуры и вообще просторъ, данный политическому отдѣлу въ нашихъ журналахъ, произошли не случайно и не по неосмотрительности, но въ уваженіе слѣдующихъ причинъ:

«Политическія карриатуры существуютъ во всѣхъ безъ исключенія образованныхъ государствахъ и нигдѣ не почитаются опаснымъ орудіемъ для потрясенія монархическихъ началъ. Доказательствомъ служитъ то, что, изъ всѣхъ западныхъ государствъ, едва ли не въ Англіи верховная власть пользуется наибольшимъ уваженіемъ, а между тѣмъ нигдѣ болѣе, какъ въ Англіи, не является политическихъ карриатуръ. У насъ, въ Россіи, вкусъ къ этимъ карриатурамъ до сихъ поръ еще мало былъ развитъ, но, при существованіи трехъ сатирическихъ листковъ въ Петербургѣ и при непрерывныхъ сношеніяхъ съ западомъ, увеличившихся въ особенности въ послѣднее время съ открытіемъ желѣзныхъ дорогъ, карриатуры во множествѣ привозятся изъ заграницы, причемъ онѣ тѣмъ еще безвредны, что вовсе не понятны для огромной массы публики и могутъ быть разгаданы только болѣе образованнымъ обществомъ. Наши же сатирическіе журналы помѣщаютъ ихъ болѣе для того, чтобы не отставать отъ заграничныхъ сатирическихъ листковъ, которымъ они стараются подражать. Запрещеніе же всѣхъ подобныхъ карриатуръ «произвело бы безъ всякой надобности раздраженіе въ журналистикѣ» и придало бы этимъ шуткамъ слишкомъ большое значеніе. Поэтому не представляется возможности и не предвидится особенной надобности въ воспрещеніи перепечатки изъ заграничныхъ журналовъ политическихъ карриатуръ, безвредность которыхъ признается цензурою. Карриатура, о которой упоминаетъ князь Горчаковъ, взята цѣликомъ изъ берлинскаго сатирическаго журнала «Kladderadatch». Цензурный комитетъ, исключивъ изъ подлинника всѣ надписи и подписи, которые могли бы показаться оскорбительными, не затруднился дозволить эту карриатуру, намекающую на обстоятельство, извѣстное всей читающей публикѣ, а именно что императрица французовъ настойчиво дѣйствуетъ на Наполеона III, убѣждая его не оставлять въ Римѣ безъ защиты свѣтской власти папы. Впрочемъ, всѣ карриатуры въ иностранныхъ журналахъ, которыя, по содержанию своему, могли бы быть дѣйствительно оскорбительными для царствующихъ особъ, или касались бы тѣхъ изъ нихъ, которыя связаны родственными отношеніями съ нашею императорскою фамиліею, какъ, на примѣръ, карриатуры, направленные противъ короля прусскаго и нашего правительства, въ настоящее время не одобряются цензурою.

«Что же касается до политическаго отдѣла въ журналахъ, то, при большемъ просторѣ, даваемомъ сему отдѣлу, казалось бы, министерство иностранныхъ дѣлъ можетъ только выигрывать, потому что, съ одной стороны, наше правительство, при настоящемъ его

либеральномъ направленіи, имѣеть возможность, не безъ пользы для себя, прислушиваться къ говору общественнаго мнѣнія, съ другой же стороны, г. вице-канцлеръ, при личныхъ своихъ сношеніяхъ съ представителями чужеземныхъ державъ, можетъ, на основаніи высочайшаго повелѣнія отъ 8-го марта 1862 года ¹⁾, отклонять отъ себя всякую солидарность со всѣми мнѣніями, по вопросамъ внѣшней политики, которыя высказываются въ нашихъ журналахъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ онъ можетъ иногда, не безъ пользы, въ случаѣ, когда того потребуютъ виды нашего правительства и интересы нашей заграничной политики, ссылаться на общественное мнѣніе, выражающееся въ печати, которое нынѣ у насъ, какъ и вездѣ, день отъ дня, получаетъ большее и большее значеніе».

L.

Къ дѣлу о сектѣ Татариновой.

О хлыстовской сектѣ Татариновой было неоднократно сообщено въ нашей печати, но въ моихъ бумагахъ оказались копіи съ нѣкоторыхъ документовъ, которые относятся къ этому дѣлу и пополняютъ его. Къ числу ихъ принадлежитъ всеподданнѣйшая записка управлявшаго министерствомъ полиціи, Вязмитинова, императору Александру Павловичу слѣдующаго содержанія:

«Въ Михайловскомъ замкѣ живетъ подполковница Татаринова, которая содержитъ особую секту и приводитъ въ оную другихъ. Она писала письмо къ жившей въ Литейной части, въ домѣ Лелякина, женѣ польской службы маіора Аннѣ Францъ, съ котораго случайно получена копія. Въ письмѣ, называя ее дражайшею во Христѣ сестрицею, просить не открывать никому ихъ тайны, ибо Господь запрещаетъ бросать перлы передъ нечистыми животными и тутъ же изясняетъ, что вся тайна ихъ заключается въ 14-й главѣ посланія къ коринѣянамъ, ст. 1, 2, 3, 4, 5. Означенная госпожа Францъ имѣеть жительство въ Михайловскомъ же замкѣ, вмѣстѣ съ Татариною. Говорятъ, что находящаяся въ услуженіи у Татариновой и принятая въ секту ея солдатская жена Варвара Осипова рассказывала, что, при приѣмѣ ея, она положена была въ постель и, не зная отъ чего, пришла въ безпамятство. Когда же она очутилась, то явился ей пророкъ, предрекавшій, что придетъ къ ней корабль съ деньгами, а госпожѣ Францъ, которая также приведена была въ безчувствіе, явившійся пророкъ сказалъ, что вскорѣ явятся ангелы и возьмутъ ее отъ сей жизни, и

¹⁾ Объ отнѣннѣ специальныхъ предварительныхъ цензуръ въ Россіи, въ томъ числѣ и цензуры министерства иностранныхъ дѣлъ.

потому совѣтовалъ ей, для пріобрѣтенія спасенія, быть благотворительною.

«Приверженные къ этой сектѣ собираются каждое воскресенье поутру въ шесть часовъ, въ Михайловскомъ замкѣ, въ квартирѣ Татариновой. Въ комнатѣ, гдѣ собираются, повѣшенъ на стѣнѣ большой образъ, Тайная Вечеря. Когда соберутся всѣ, коихъ числомъ до сорока человѣкъ, люди всякаго званія, большею же частью люди низкаго состоянія, то садятся вокругъ комнаты, встаютъ, читаютъ въ слухъ «Отче нашъ» и проч., потомъ изъ Евангелія св. Іоанна, а затѣмъ, ставъ на колѣни, поютъ всѣ нараспѣвъ слѣдующіе стихи:

Дай намъ Господа!
 Дай намъ Иисуса Христа,
 Дай намъ Сына Твоего.
 Господь, помилуй грѣшныхъ насъ,
 Изъ твоея полноты
 Дай, Создатель, теплоты;
 Народи изъ насъ пророка,
 Чтобы силы подкрѣпить;
 Засуди судомъ небеснымъ
 И не дай врагу мѣшать.
 Ниспосли живое слово
 Здѣсь просящимъ всѣмъ сердцемъ;
 Ты Христось, ты нашъ Спаситель —
 Инаго Бога нѣтъ у насъ
 Твоей силой укрѣпимся,
 За Тобой въ слѣдъ идемъ
 Приими слезы Твоей твари
 И поставь всѣхъ на пути.

«Во время этой молитвы одинъ изъ присутствующихъ становится на средину и вертится кругомъ на востокъ; по окончаніи же молитвы, подходитъ къ каждому и пророчить, большею частью лестными предсказаніями, послѣ чего всѣ расходятся по домамъ. Пророчествуютъ болѣе женщины и сама Татаринова.

«Всѣ они заражены мыслію, что на сихъ пророковъ и пророчицъ бываетъ сошествіе св. Духа. Пророчать нараспѣвъ, скороговоромъ, безъ всякаго порядка въ рѣчахъ, и едва ли что можно разумѣть. Сии пророки и пророчицы увѣряютъ, что когда бываютъ въ такомъ положеніи, то не помнятъ себя и говорятъ не собою, но св. Духомъ, и потому сами не знаютъ, что кому предсказываютъ.

«Самые извѣстные изъ посѣтителей Татариновой слѣдующія лица: отставной придворный музыкантъ Никита Ивановъ Ѳедоровъ; отставной маіоръ, бывший секретарь челоѣколюбиваго общества, Пилецкій; подпоручикъ лейбъ-гвардіи семеновскаго полка, Алексѣй Григорьевичъ Милорадовичъ; капитанъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка Бригенъ; три брата Рачинскихъ, офицеры

лейбъ-гвардіи семеновскаго полка; поручикъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка Миклашевскій; капитанъ артиллеріи Буксгевденъ, братъ Татариновой; дѣвица Настасья Петровна Пиперъ, проживающая у госпожи Загряцкой.

«Пилецкій, Милорадовичъ и Ѳедоровъ болѣе прочихъ вѣрятъ, что служеніе ихъ, моленіе и пророчество дѣйствуется св. Духомъ. Пилецкій и Милорадовичъ ѣздили на три мѣсяца въ коневскій монастырь, что близъ Кексгольма (на Ладожскомъ озерѣ).

«Госпожа Татаринова, подъ предлогомъ, что комнаты, занимаемыя ею въ Михайловскомъ замкѣ, исправлялись, проживала на Петербургской сторонѣ близъ дома, гдѣ занимала квартиру Милорадовичъ, а когда онъ въ августѣ съѣхалъ, то отправилась въ Дерптъ къ своей матери, Буксгевденъ. Пилецкій и Ѳедоровъ проживаютъ въ Литейной части, въ домѣ Храповицкаго, близъ церкви Симеона Богопріимца. Эти двое во время собраній, послѣ чтенія св. Евангелія, говорятъ проповѣди по смыслу чтенія».

Къ этой всеподаннѣйшей запискѣ управляющаго министерствомъ полиціи было приложено слѣдующее письмо госпожи Татариновой къ госпожѣ Францъ:

«Почтеннѣйшая и дражайшая во Христѣ сестрица Анна Ивановна!

«Чувствую до глубины сердца моего вашу ко мнѣ довѣренность; я желаю въ глазахъ Господа оную заслужить; теперь живеть у меня мать моя и занимаетъ ту комнату, которую я вамъ всѣмъ сердцемъ желаю уступить, и я надѣюсь, что до сентября мѣсяца она уже уѣдетъ, и тогда я буду свободнѣе вамъ пожелать приобрести покой въ моемъ домѣ. Да благословитъ Богъ сіе намѣреніе! Прошу васъ покорнѣйше не открывайте никому нашу тайну, ибо вы знаете, что Господь запрещаетъ перлы бросать передъ нечистыми; а мы не знаемъ, кому мы о Богѣ говоримъ, можемъ и ошибиться. Извольте прочесть первое посланіе къ коринѳянамъ, главу 14, стихъ 1, 2, 3, 4, 5 ¹⁾). Въ сей главѣ состоитъ тайна наша, которая, по высокому милосердію Божію, насъ утѣшаетъ: любить единого Бога и для его единственно жить; молю Его, чтобы Онъ и

¹⁾ Въ этихъ стихахъ содержится:

1. Держитесь любви; ревнуйте духовнымъ, паче да пророчествуете.
2. Глаголюя бо языки, не человѣкомъ глаголетъ, но Богу; никто бо слышитъ, духомъ же глаголетъ тайны.
3. Пророчествуя же человѣкомъ глаголетъ созиданіе и утѣшеніе и утвержденіе.
4. Глаголюя бо языки себѣ виждеть, а пророчествуя церковь виждеть.
5. Хочу же всѣхъ васъ глаголати языки, паче же да прорицаете. Божій бо пророчествуя нежели глаголюя языки, развѣ еще (кто) сказуетъ, да церковь созиданіе прииметь.

вась сподобилъ сего счастья, которое есть истинное предвѣщаніе царствія небснаго. Я надѣюсь сама къ вамъ побывать, а до тѣхъ поръ честь имѣю пребыть, почтеннѣйшая сестрица, ваша искренняя слуга Катерина Татаринова».

Записка Вязмитинова имѣла послѣдствіемъ слѣдующія высочайшія распоряженія, сообщенныя въ двухъ письмахъ министра народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князя Александра Николаевича Голицына. Въ одномъ письмѣ, отъ 8-го октября 1817 года, онъ писалъ къ С. К. Вязмитинову: «Его императорское величество, разсмотрѣвъ записку вашу о собраніяхъ въ Михайловскомъ замкѣ у подполковницы Татариновой, указать мнѣ соизволилъ, сообщить вашему высокопревосходительству, что можно оставить оныя безъ вниманія, какъ не заключающія въ себѣ важности. Находя же, что въ Михайловскомъ замкѣ отведены комнаты Буксгевденной, а не Татариновой, то и повелѣлъ мнѣ написать письмо, адѣсь въ копіи прилагаемое».

Это второе письмо, также изъ Москвы, отъ 7-го октября 1817 года, было адресовано барону Петру Романовичу Альдебиллю и содержало въ себѣ слѣдующее: «Дошло до свѣдѣнія государя императора, что у жительствующей въ Михайловскомъ замкѣ полковницы Буксгевденной живетъ дочь ея, вдова подполковница Татаринова и еще вдова маіора польской службы Францъ, безъ высочайшаго на то соизволенія. А какъ по существующему правилу для Зимняго дворца, особы, помѣщаемыя въ немъ жительствомъ, не имѣютъ права принимать къ себѣ, безъ высочайшей воли, отдѣльныхъ отъ нихъ совсѣмъ родственниковъ, долженствующихъ жить въ вольныхъ квартирахъ, кромѣ несовершеннолѣтнихъ и никуда еще не пристроенныхъ, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола дѣтей, зависящихъ совершенно отъ своихъ родителей, то его императорскому величеству благоугодно было повелѣть мнѣ сообщить вашему превосходительству, чтобы и жительствующія въ Михайловскомъ замкѣ особы не могли принимать къ себѣ подобныхъ родственниковъ безъ высочайшей воли и чтобы таковыя, помѣщенные ими самими, выведены нынѣ были изъ онаго, и впредь бы никакому лицу сего дѣлать не позволено было. О таковой монаршей волѣ сообщаю вашему превосходительству къ надлежащему со стороны вашей исполненію».

LI.

Посоль при его великобританскомъ величествѣ.

Газета «Одесскій Вѣстникъ» была основана въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, вскорѣ послѣ назначенія Новороссійскимъ генераль-губернаторомъ графа Михаила Семеновича Ворон-

цова. Первыми редакторами «Одесскаго Вѣстника» были баронъ Филиппъ Ивановичъ Брунновъ (въ послѣдствіи графъ) и Алексѣй Иракліевичъ Левшинъ, бывшій потомъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и членомъ государственнаго совѣта. Оба они состояли на службѣ при графѣ Воронцовѣ при его канцеляріи, гдѣ въ то время вмѣстѣ съ ними, въ числѣ другихъ молодыхъ чиновниковъ, занимался и Михаилъ Ивановичъ Лексъ, занимавшій въ послѣдствіи также мѣсто товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Лексъ или Левшинъ сообщили Н. И. Гречу слѣдующій эпизодъ изъ жизни Бруннова. Однажды, подойдя къ столу, за которымъ занимался въ канцеляріи Воронцова Брунновъ, рассказчикъ замѣтилъ, что Брунновъ, писавшій что-то передъ тѣмъ, поспѣшно спряталъ исписанный имъ листъ бумаги. На просьбу показать, что на немъ изложено, Брунновъ, послѣ долгихъ домогательствъ, исполнилъ желаніе. Оказалось, что молодой чиновникъ нѣсколько разъ написалъ на листѣ бумаги слѣдующую фразу: «посоль его императорскаго величества императора всероссійскаго при его великобританскомъ королевскомъ величествѣ баронъ Брунновъ». Увидавъ эту подпись, товарищи Бруннова разсмѣялись, но онъ серьезно имъ сказалъ:

— Вы увидите, что не умру до тѣхъ поръ, пока не дослужусь до этого важнаго и почетнаго поста.

Брунновъ дѣйствительно много лѣтъ былъ сперва посланникомъ, а потомъ посломъ императора всероссійскаго, но только при ея, а не при его, великобританскомъ величествѣ.

ЛП.

Сюрпризъ къ Пасхѣ.

Первый выпускъ билетовъ государственнаго казначейства, или такъ называемыхъ серій, состоялся въ 1831 году, въ силу высочайшаго указа 14-го іюля, слѣдовательно слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. При императорѣ Николаѣ Павловичѣ тогдашній министръ финансовъ, графъ Канкринъ, ввелъ въ обыкновеніе, къ празднику Пасхи, составлять для императора особый докладъ о какомъ либо благопріятномъ явленіи, обстоятельствѣ или событіи, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ финансамъ Россіи. Очень можетъ быть, что подобные доклады дѣлались съ цѣлію увеличить монаршія награды чиновникамъ финансоваго вѣдомства къ Пасхальнымъ праздникамъ. Въ 1855 году, въ первый годъ царствованія императора Александра Николаевича, въ эпоху крымской войны, тогдашній министръ финансовъ Брокъ, въ виду огромныхъ затратъ на военные расходы, при неблагопріятномъ финан-

совомъ положеніи Россіи, крайне затруднялся сдѣлать императору обычный пасхальный докладъ, который могъ бы произвести на государя радостное впечатлѣніе. По всѣмъ канцеляріямъ и департаментамъ министерства дѣлались розысканія и соображенія, которыя могли бы послужить дѣльнымъ основаніемъ къ такому докладу. Наконецъ, въ государственномъ казначействѣ нашли матеріалъ для всеподданнѣйшаго доклада. Оказалось, что въ продолженіи 24 лѣтъ, со времени перваго выпуска серій, сумма непотребованныхъ по нимъ процентовъ составила 12.000,000 рублей. Поступивъ въ народное обращеніе, серіи стали подвергаться всѣмъ его случайностямъ и нерѣдко утрачивались и пропадали. Особенно много погибло серій во время бывшаго сильнаго пожара въ Твери, когда тамъ сгорѣлъ гостинный дворъ. Статсъ-секретарь Брокъ, въ докладѣ своемъ, указывая на сумму непотребованныхъ процентовъ по серіямъ, находилъ возможнымъ снять со счетовъ государственнаго казначейства 9 милліоновъ рублей, оставивъ 3.000,000 рублей на тотъ случай, если владѣльцы серій заявятъ свои требованія на полученіе слѣдующихъ имъ интересовъ. Докладъ министра финансовъ былъ утвержденъ, и къ Пасхѣ 1855 года русская казна приобрѣла доходомъ 9.000,000 рублей на счетъ утраченныхъ серій.

LIII.

Указъ о расторженіи браковъ.

Въ нашей печати не замолкаетъ вопросъ о необходимости измѣненія законодательства по бракоразводнымъ дѣламъ. По этому вопросу я нашелъ въ своихъ бумагахъ замѣтку, что въ церковномъ архивѣ Воскресенской слободы (Челябинскаго уѣзда, Оренбургской губерніи) сохраняется любопытный указъ Тобольской дикастеріи, отъ 23-го іюня 1739 года. Въ то время нынѣшній Челябинскій уѣздъ входилъ въ составъ тобольской епархіи. Означеннымъ указомъ предписано, чтобы «священники отнюдь сами собою, по желанію супруговъ, не расторгали браковъ, выдавая имъ отъ себя за своимъ подписомъ разводные листы, подъ опасеніемъ за это лишенія сана и жестокаго тѣлеснаго наказанія».

LIV.

Неудачно окончившійся годичный актъ.

Несостоявшійся, 8-го февраля 1883 года, по случаю предшествовавшаго пожара, годичный актъ въ петербургскомъ университетѣ напомнилъ мнѣ несовсѣмъ пріятную развязку торжественнаго

акта 8-го февраля 1847 года. На этотъ актъ съѣхалось очень много посѣтителей. Былъ министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, тогдашній попечитель петербургскаго округа, тайный совѣтникъ Мусинъ-Пушкинъ, нѣсколько высшихъ духовныхъ особъ, генераловъ и проч. Профессоры сидѣли за столомъ, подковою расположеннымъ передъ портретомъ императора, а сзади стола стояла кафедра, съ которой прочелъ свой годовой отчетъ ректоръ университета, Петръ Александровичъ Плетневъ, и читали рѣчи профессоры, приготовленные для торжественнаго акта. Студенты, по тогдашней своей привычкѣ, наполняли пространство между окнами и колоннами, поддерживающими хоры и преимущественно толпились въ означенномъ промежуткѣ близъ кафедры, чтобы лучше слышать читаемое. Я расположился около предпоследней колонны, съ правой стороны отъ входа въ залу, такъ что и хорошо слышалъ, что читалось съ кафедры, и могъ видѣть всѣхъ профессоровъ и посѣтителей. Такъ какъ въ междуколонномъ проходѣ стульевъ не полагалось, то мнѣ пришлось выстоять все время акта. Прямо напротивъ меня, съ лѣвой стороны, у колонны расположился также одинъ изъ студентовъ, но на стулѣ, который онъ умудрился достать, прислонивъ его къ колоннѣ. Послѣ продолжительнаго, довольно утомительнаго, годоваго отчета Плетнева, сталъ читать свою рѣчь кто-то изъ профессоровъ. Монотонное чтеніе, при мало интересномъ содержаніи, наводило невольнo дремоту на слушателей. Нѣкоторые изъ нихъ заснули, въ томъ числѣ и студентъ, сидѣвшій напротивъ меня около колонны съ лѣвой стороны. Упало ли на него что либо сверху съ хоръ, или приснилось ему что либо во снѣ, только я увидалъ, что онъ вдругъ вскочилъ съ своего мѣста, взглянулъ на верхъ и стремглавъ бросился бѣжать. Сказалъ ли онъ что нибудь окружающимъ его, или нѣтъ, я не знаю, потому что не слышалъ ни одного слова. Но внезапно, въ одно мгновеніе, всѣхъ посѣтителей охватилъ необыкновенный паническій страхъ. Всѣ бросились въ какомъ то ужасѣ къ выходнымъ дверямъ изъ залы, на площадку парадной лѣстницы. Другаго выхода изъ залы не было. Большинство оборачивалось и со страхомъ смотрѣло на лѣвый уголъ хоръ и залы, который перепугалъ заснуваго студента. Криковъ отъ ужаса не было слышно; паника была безмолвная. Ректоръ Плетневъ, видя, что ничего не произошло, что могло бы побудить присутствовавшихъ къ поголовному бѣгству, взошелъ на кафедру и громко сталъ просить всѣхъ успокоиться, что никакого бѣдствія не случилось, просилъ возвратиться въ залу. Никто его не послушалъ.

Между тѣмъ, при первомъ паническомъ страхѣ, произошло нѣсколько куріозныхъ сценъ. Не слыша ни треска, ни шума отъ поломки хоръ или потолка залы, я совершенно спокойно пошелъ сзади всѣхъ, а потому и могъ видѣть обстоятельно что соверша-

лось въ залѣ. Профессоръ богословія, протоіерей Райковскій, сидѣвшій за профессорскимъ столомъ, перескочилъ чрезъ него, подобно другимъ многимъ изъ своихъ сотоварищей и затѣмъ, подобравъ свою рясу, сталъ перескакивать съ одного ряда стульевъ на другой, чтобы поскорѣе добраться до выхода изъ залы, такъ какъ между стульями былъ только одинъ проходъ посрединѣ, гдѣ столпились всѣ посѣтители, между тѣмъ какъ въ крайнихъ колонныхъ промежуткахъ тѣснились студенты. Нѣкоторые изъ профессоровъ, не разсчитывая на возможность протискаться сквозь толпу посѣтителей къ выходу, поспѣшили встать въ амбразуры оконъ въ томъ предположеніи, что если хоры и потолокъ обрушатся, то они невредимо уцѣлѣютъ на широкихъ подоконникахъ.

Я очутился въ хвостѣ толпы, подлѣ графа Уварова, который не толкался и уходилъ вслѣдъ за другими. Оборачиваясь во всѣ стороны, поправляя очки, онъ спросилъ.

— Что же такое случилось? Все кажется цѣло?

— Ничто не обрушилось, отвѣчалъ я ему.

На полу валялись перчатки, обрывки пѣтушьихъ разноцвѣтныхъ султановъ, украшавшихъ въ то время генеральскія шляпы и проч. Всѣ поспѣшно надѣвали шубы и еще спѣшнѣе спускались по лѣстницѣ. Увѣщанія ректора не подѣйствовали. Актъ окончательно разстроился; золотыя и серебряныя медали за сочиненія, написанныя на заданныя тѣмы, розданы были студентамъ въ одной изъ другихъ университетскихъ залъ.

На другой день комиссія изъ архитекторовъ осмотрѣла въ подробности университетскую актовую залу. Она оказалась въ техническомъ отношеніи безупречною, слѣдовательно, ни трескъ отъ разрушенія хоровъ или потолка, ни обломки карниза, не могли быть указаны причинами страха, обуявшаго посѣтителей на актѣ 8-го февраля. Безотчетная паника была единственною тому причиною.

Послѣ этого событія, министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, болѣе не являлся на годовыя акты Петербургскаго университета.

LV.

Литературный процессъ въ старыхъ судахъ.

Въ № 70 «Сѣверной Пчелы» 1863 года было напечатано письмо вышедшаго въ отставку офицера Волховскаго, жаловавшагося на то, что инспекторскій департаментъ военнаго министерства очень долгозамедлилъ высылку ему указа объ отставкѣ, вслѣдствіе чего онъ лишился возможности опредѣлиться на одну выгодную для него должность. Поэтому г. Волховской, безъ всякихъ оскорбительныхъ или неодобрительныхъ выраженій, задавалъ въ своемъ письмѣ

вопросъ: можетъ ли инспекторскій департаментъ вознаградить его за потери, понесенныя имъ отъ такого замедленія, и изложенныя имъ въ его статьѣ. Инспекторскій департаментъ прислалъ свое возраженіе на письмо г. Волховскаго, которое я не замедлил напечатать въ № 84 «Сѣверной Пчелы». Въ своемъ возраженіи, департаментъ, не отвергая факта замедленія въ высылкѣ г. Волховскому указа объ отставкѣ, доказалъ свое непричастіе въ этомъ дѣлѣ, потому что, на основаніи закона, г. Волховской долженъ былъ получить указъ о своей отставкѣ не изъ инспекторскаго департамента военнаго министерства, но изъ канцеляріи петербургскаго военнаго генераль-губернатора, такъ какъ г. Волховской состоялъ по арміи безъ должности менѣе одного года.

Не удовольствовавшись напечатаніемъ своего возраженія, инспекторскій департаментъ обратился въ петербургскую палату уголовнаго суда съ просьбою о преданіи меня, какъ редактора «Сѣверной Пчелы», суду, обвиняя въ оскорбленіи департамента неточнымъ указаніемъ мѣста, къ которому долженъ былъ обратиться г. Волховской за полученіемъ указа объ своей отставкѣ. Черезъ мѣстную полицію получилъ я приглашеніе явиться въ уголовную палату. Это было въ сентябрѣ 1863 года. Въ назначенное время я былъ въ палатѣ, помѣщавшейся, на углу Гороховой улицы и Адмиралтейской площади, въ томъ домѣ, гдѣ теперь находится петербургское градоначальство. Молодой товарищъ предсѣдателя палаты, г. Турчаниновъ, объявилъ мнѣ, что поводомъ къ вызову меня въ судъ послужила вышеприведенная жалоба объ оскорбленіи инспекторскаго департамента, далъ мнѣ прочитать все дѣло, начатое по этому предмету, любезно дозволилъ мнѣ списать отношеніе департамента и затѣмъ сказалъ, что я долженъ представить письменное объясненіе въ свое оправданіе.

— Въ какой срокъ должно быть готово мое объясненіе? спросилъ я товарища предсѣдателя.

— Если успѣете изготовить въ двѣ недѣли, былъ отвѣтъ, то принесите сами въ палату въ присутственное время.

Когда въ назначенный срокъ я принесъ свое письменное объясненіе, то г. Турчаниновъ принялъ его отъ меня и, прочитавъ, сказалъ, чтобы я его дополнилъ въ томъ и въ другомъ мѣстѣ, потому что я упустилъ изъ вниманія нѣкоторые пункты въ обвиненіи инспекторскаго департамента, которые будутъ на виду уголовной палаты, при разсмотрѣннй жалобы обидившагося присутственнаго мѣста и моего объясненія. Я искренно поблагодарилъ за полезныя совѣты г. Турчанинова, тѣмъ болѣе, что, до моего прихода въ первый разъ въ палату, я не только не былъ знакомъ съ нимъ, но нигдѣ даже не встрѣчался. Воспользовавшись указаніями, я передѣлалъ свое объясненіе и вторично, 16-го октября, представилъ его въ палату. Засѣдателемъ въ палатѣ уголовнаго суда отъ дво-

рянства былъ въ то время Павелъ Никитичъ Меншиковъ (уже умершій), авторъ нѣсколькихъ литературныхъ произведеній, въ томъ числѣ одной комедіи, которая въ свое время была напечатана въ «Современникѣ», Некрасова. Съ П. Н. Меншиковымъ я былъ прежде хорошо знакомъ, но, въ палатѣ и внѣ ея, у меня съ нимъ не было никакихъ разговоровъ по моему дѣлу.

Прошло нѣсколько недѣль. Вновь получаю приглашеніе чрезъ полицію явиться въ уголовную палату, для выслушанія рѣшенія по моему дѣлу съ инспекторскимъ департаментомъ. Когда я пришелъ въ палату, то дежурный чиновникъ объявилъ мнѣ, чтобы я дожидался въ канцеляріи момента, когда меня позовутъ. Я присѣлъ. Передъ мною къ дверямъ присутственной залы подходили разные лица, или подводились подъ конвоемъ арестанты, двери отворялись настежь приставленнымъ къ нимъ унтеръ-офицеромъ, обвиняемый становился на порогѣ дверей и выслушивалъ постановленіе палаты по его дѣлу, которое читалъ секретарь. Точно также я, въ свой чередъ, подошелъ къ дверямъ; онѣ растворились и я услышалъ, что уголовная палата, по обвиненію меня инспекторскимъ департаментомъ военного министерства въ оскорбленіи его путемъ печати, постановила: «такого-то къ суду не привлекать».

Затѣмъ двери снова затворились.

— Все? спросилъ я у дежурнаго чиновника.

— Можете идти домой, отвѣчалъ онъ мнѣ. Рѣшеніе палаты для васъ очень благопріятное.

Какъ видно, порядокъ процесса по оскорбленію путемъ печати былъ совершенно иной, чѣмъ нынѣ, при новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ. Несмотря на необходимость нынѣ являться первоначально къ мировому судѣ для примирительнаго разбирательства (при оскорбленіи частныхъ лицъ), затѣмъ къ судебному слѣдователю и потомъ въ публичное засѣданіе суда, настоящій порядокъ даетъ большую возможность подсудимому оправдываться, опровергать взводимыя на него обвиненія, или разъяснять поводы, повлекшіе къ проступку по дѣламъ печати.

LVI.

Разрѣшеніе на изданіе новой газеты въ 1824 году.

У меня сохранилась копія съ цензурнаго разрѣшенія, даннаго въ 1824 году на изданіе газеты «Сѣверная Пчела», которая впервые появилась въ свѣтъ съ января 1825 года. Для исторіи нашей журналистики и права печатанія въ періодическихъ изданіяхъ театральныхъ пьесъ,—этотъ документъ не лишній. 9-го сентября 1824 года, исправлявшій должность попечителя петербургскаго учеб-

наго округа, Дмитрій Руничъ, прислалъ за № 1109 слѣдующее увѣдомленіе петербургскому цензурному комитету: «представленіе сего комитета, отъ 23-го прошлаго іюня, о просимомъ коллежскимъ совѣтникомъ Гречемъ и отставнымъ капитаномъ Булгаринымъ дозволеніи на изданіе журналовъ, съ будущаго 1825 года, подъ названіемъ «Сынъ Отечества», «Сѣверный Архивъ» и «Сѣверная Пчела», я доводилъ до свѣдѣнія господина министра народнаго просвѣщенія и его высокопревосходительство, въ предписаніи отъ 3-го сего сентября, изъявилъ согласіе, чтобы дозволено было предполагаемое гг. Гречемъ и Булгаринымъ изданіе журналовъ подъ названіемъ: «Сынъ Отечества», «Сѣверный Архивъ» и «Сѣверная Пчела» на изясненномъ основаніи, со включеніемъ и отрывковъ изъ комедій и трагедій, съ тѣмъ однако же: 1) Что какъ подобныя отрывки предназначено исключать изъ періодическихъ изданій въ томъ предположеніи, что могло бы случиться, что они взяты были бы изъ непропущенныхъ надлежащею цензурою театральныхъ піесъ, то, въ предупрежденіе сего, постановить, чтобы издатели, представляя въ петербургскій цензурный комитетъ журналъ свой, въ составъ коего имѣютъ входить таковыя отрывки, представляли ему удостовѣреніе, что оныя уже пропущены цензурою министерства внутреннихъ дѣлъ. 2) Строго подтвердить цензорамъ, дабы они особенное имѣли вниманіе въ просмотрѣніи заграничныхъ извѣстій и, въ случаѣ сомнѣнія, испрашивали бы разрѣшенія начальства. Сообщая о семъ петербургскому цензурному комитету для надлежащаго исполненія, предлагаю оному въ точности руководствоваться предписанными его высокопревосходительствомъ правилами, касательно пропуска заграничныхъ извѣстій и отрывковъ изъ театральныхъ піесъ».

LVII.

Случай изъ жизни адмирала Шанца.

Адмиралъ Иванъ Ивановичъ Шанць, скончавшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, родомъ изъ Финляндіи, отличался прямою характера и рѣзкостью сужденій, особенно когда считалъ свое мнѣніе справедливымъ и находилъ необходимымъ его высказать. Со словъ очевидцевъ, я записалъ два подобныя случая изъ его жизни.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ, онъ привелъ въ Кронштадтъ изъ Соединенныхъ Сѣвероамериканскихъ Штатовъ военный пароходо-фрегатъ «Камчатку», построенный въ заатлантической республикѣ по заказу нашего правительства. Въ то время это было одно изъ лучшихъ, красивыхъ, ходкихъ судовъ нашего военнаго флота. Шанць былъ командиромъ «Камчатки». Прочно построенный, этотъ пароходо-фрегатъ выслужилъ долѣе обыкновеннаго срока. «Кам-

чатка» строилась въ Америкѣ подъ надзоромъ Шанца. Императоръ Николай Павловичъ пріѣхалъ на «Камчатку».

— У тебя фрегатъ кривой, сказалъ императоръ Шанцу.

— Прямой, ваше императорское величество.

— Почему же онъ не стоитъ прямо?

— Вѣтеръ клонить его, ваше императорское величество.

Императоръ, посмотрѣвъ на Шанца, обратился къ сопровождавшему его адмиралу Меншикову, начальнику морскаго штаба (такъ тогда назывался морской министръ), съ другимъ вопросомъ.

Въ другой разъ, во время смотра императоромъ Николаемъ I балтійскаго флота, командиръ линейнаго корабля, капитанъ Опочининъ, за какую-то оплошность, подвергся гнѣву государя. Императоръ приказалъ ему отправиться на салингъ (верхнюю часть мачты), куда за провинности командиры судовъ сажали матросовъ и молодыхъ офицеровъ. Примѣненіе подобнаго же наказанія къ штабъ-офицеру, а главное къ командиру корабля, бывало въ нашемъ флотѣ крайне рѣдко; было, можно сказать, безпримѣрное. Опочининъ полѣзъ на салингъ, но тотчасъ же подалъ прошеніе объ увольненіи въ отставку.

Въ свитѣ императора, находился, въ числѣ прочихъ, генераль-адъютантъ Василій Алексѣевичъ Перовскій (бывшій оренбургскимъ генераль-губернаторомъ), управлявшій морскимъ министерствомъ за отъѣздомъ въ отпускъ князя Меншикова. В. А. Перовскій не зналъ ни морской службы, ни морскаго дѣла. Когда императоръ приказалъ Опочинину отправиться на салингъ, то В. А. Перовскій сказалъ громко:

— На гауптвахту ихъ (т. е. командировъ судовъ) надобно сажать.

— Извините, ваше превосходительство, отвѣчалъ ему также громко находившійся по близости на палубѣ И. И. Шанцъ, командировъ судовъ на гауптвахту не сажаютъ. Такъ вы можете поступать только съ командирами пѣхотныхъ полковъ, но не съ корабельными капитанами.

Разговоръ этотъ происходилъ въ такомъ близкомъ разстояніи отъ императора, что онъ не могъ не слышать его.

LVIII.

Курьезный отзывъ о грамотности.

Профессоръ петербургскаго университета, Василій Васильевичъ Григорьевъ, бывшій нѣсколько лѣтъ начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, безспорно принадлежалъ къ числу ученыхъ, умныхъ и даровитыхъ людей своего времени. Сверхъ того,

по своему образу мыслей, онъ былъ безусловно русскимъ человекомъ. Но не рѣдко онъ любилъ щеголять оригинальными взглядами, крайними выводами, рѣзкими приговорами. Одно время онъ былъ предсѣдателемъ отдѣленія этнографіи русскаго географическаго общества. Въ засѣданіи этого отдѣленія, 23-го октября 1869 года, онъ дѣлалъ докладъ собранію по доставленному географическому обществу г. Радловымъ описанію Заравшанскаго округа, въ нашихъ среднеазиатскихъ владѣніяхъ. По поводу замѣчаній г. Радлова объ умственныхъ способностяхъ туземныхъ жителей, В. В. Григорьевъ обратилъ вниманіе отдѣленія на отзывъ г. Радлова, который нашелъ туземцевъ грамотныхъ и учившихся въ школахъ гораздо туже и не развитѣе неучившихся въ школахъ и неграмотныхъ. Это замѣчаніе г. Радлова, присовокупилъ В. В. Григорьевъ, «имѣетъ приложеніе не къ однимъ обитателямъ Заравшанской долины и вообще фактъ, указанный г. Радловымъ, заслуживаетъ серьезнаго вниманія ревнителей грамотности, которые видятъ въ ней одной залогъ не только умственнаго, но даже нравственнаго и матеріальнаго, прогресса».

Подобный отзывъ профессора о грамотности—своего рода курьезъ.

Въ 1876 году, во время войны сербовъ противъ турокъ, В. В. Григорьевъ пригласилъ меня къ себѣ по одному дѣлу, въ главное управленіе по дѣламъ печати. Наше свиданіе было очень продолжительное и разговоръ коснулся разныхъ предметовъ. Между прочимъ, онъ доказывалъ пользу войны Сербіи для Россіи и пользу выѣзда на поле брани нашихъ добровольцевъ тѣмъ, что этимъ путемъ наше отечество «освободится отъ безпокойныхъ революціонныхъ элементовъ, нигилистовъ, которые найдутъ занятіе своимъ страстямъ въ борьбѣ съ мусульманами». На этомъ основаніи, по мнѣнію В. В. Григорьева, «слѣдовало поощрять всѣми мѣрами высылку волонтеровъ изъ Россіи». Послѣдующія событія въ Россіи доказали всю нелѣпость подобныхъ соображеній, которыя въ то время, повидимому, находили себѣ сторонниковъ въ правительственныхъ сферахъ.

ЛІХ.

Графъ Л. Н. Толстой и его «Ясная Поляна».

Въ № 2 «Историческаго Вѣстника» 1883 года я сообщилъ два любопытные документа, касающіеся знаменитаго профессора Шлейдена, по поводу обвиненія его въ 1862 году наблюдательною цензурою министерства внутреннихъ дѣлъ въ атеизмъ. Обвиненіе взведено было вслѣдствіе незнакомства его автора съ учеными трудами профессора. Но тогдашніе ревнивые, сверхъ мѣры, чтецы литературныхъ произведеній, докладывавшіе своему министру ре-

зультаты своих трудовъ, не ограничились безмысленнымъ преслѣдованіемъ Шлейдена, но направили его и противъ графа Толстаго, обвиняя его въ ниспроверженіи основныхъ правилъ религіи и нравственности. Примѣры Шлейдена и Толстаго служатъ доказательствомъ, какъ въ то время легковѣрно утверждались и подписывались подобные неосновательные доклады и получали дальнѣйшій ходъ. До меня доходили слухи, что доклады о Шлейденѣ и Толстомъ, равно какъ и многіе другіе противъ тогдашнихъ органовъ печати, составлены были однимъ полякомъ-чиновникомъ, состоявшимъ въ генеральскомъ рангѣ и оставшимся недовольнымъ тѣмъ, что не онъ былъ избранъ министромъ народнаго просвѣщенія въ предсѣдателя петербургскаго цензурнаго комитета. Вотъ въ чемъ состояла переписка между двумя министерствами по поводу «Ясной Поляны».

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, 3-го октября 1862 года: «Наблюдательное чтеніе педагогическаго журнала «Ясная Поляна», издаваемого графомъ Толстымъ, приводитъ къ убѣжденію, что этотъ журналъ, проповѣдующій совершенно новыя приемы преподаванія и основныя начала народныхъ школъ, нерѣдко распространяетъ такія идеи, которыя, независимо отъ ихъ неправильности, по самому направленію своему, оказываются вредными. Не входя въ подробный разборъ доктрины этого журнала и не указывая на отдѣльныя статьи и выраженія, что, впрочемъ, не представило бы затрудненій, я считаю нужнымъ обратить вниманіе вашего превосходительства на общее направленіе и духъ этого журнала, нерѣдко низвергающіе самыя основныя правила религіи и нравственности.

«Продолженіе этого журнала въ томъ же духѣ, по моему мнѣнію, должно быть признано тѣмъ болѣе вреднымъ, что издатель, обладая замѣчательнымъ, и, можно сказать, увлекательнымъ литературнымъ дарованіемъ, не можетъ быть заподозрѣнъ ни въ злоумышленности, ни въ недобросовѣстности своихъ убѣжденій. Зло заключается именно въ ложности и, такъ сказать, въ эксцентричности этихъ убѣжденій, которыя, будучи изложены съ особеннымъ краснорѣчіемъ, могутъ увлечь на этотъ путь неопытныхъ педагоговъ и сообщить неправильное направленіе дѣлу народнаго образованія. Имѣю честь сообщить о семъ вамъ, милостивый государь, въ томъ предположеніи, что не изволите ли вы признать полезнымъ обратить особое вниманіе цензора на это изданіе».

Получивъ это отношеніе, министръ народнаго просвѣщенія поручилъ разсмотрѣть всѣ вышедшія книги журнала «Ясная Поляна» и сообщилъ министру внутреннихъ дѣлъ, 24-го октября того же года, что какъ по собственному наблюденію министерства, такъ и по содержанію представленнаго ему, министру, отчета о «Ясной Полянѣ», «въ направленіи помянутаго изданія нѣтъ ничего вред-

наго и противнаго религіи, но встрѣчаются крайности педагогическихъ воззрѣній, которыя подлежатъ критикѣ въ ученыхъ педагогическихъ журналахъ, а никакъ не запрещенію со стороны цензуры». Вообще, писалъ далѣе министръ народнаго просвѣщенія, «я долженъ сказать, что дѣятельность графа Толстаго по педагогической части заслуживаетъ полнаго уваженія, и министерство народнаго просвѣщенія обязано помогать ему и оказывать сочувствіе, хотя и не можетъ раздѣлять всѣхъ его мыслей, отъ которыхъ, послѣ многосторонняго обсужденія, онъ и самъ, вѣроятно, откажется». При отвѣтѣ этомъ министра народнаго просвѣщенія, препровожденъ былъ и самый отчетъ, полученный имъ о содержаніи и направленіи журнала «Ясная Поляна», который, по своей обширности, я не считаю возможнымъ привести, тѣмъ болѣе, что общій выводъ, сдѣланный въ пользу «Ясной Поляны» и графа Толстаго, приведенъ въ отвѣтѣ министра народнаго просвѣщенія министру внутреннѣхъ дѣлъ.

LX.

Подозрѣніе въ разсылкѣ прокламацій.

Весною 1862 года, получилъ я приглашеніе въ такомъ-то часу прибыть къ петербургскому оберъ-полиціймейстеру, которымъ тогда былъ генераль-маіоръ Иванъ Васильевичъ Анненковъ. Въ кабинетѣ его (въ полицейскомъ домѣ на Большой Морской, между Гороховой и Невскимъ), куда меня ввели, я встрѣтилъ, кромѣ И. В. Анненкова, съ которымъ я ранѣе познакомился по одному дѣлу, всѣхъ тогдашнихъ полиціймейстеровъ, которые присутствовали при послѣдовавшемъ затѣмъ разговорѣ.

— Мнѣ необходимо знать, вслѣдствіе одного обстоятельства, началъ И. В. Анненковъ, какимъ образомъ происходитъ доставка «Сѣверной Пчелы» городскимъ подписчикамъ газеты.

Я объяснилъ, что газета сдается ея конторою на городскую почту, которая уже чрезъ своихъ почталіоновъ разноситъ экземпляры подписчикамъ. Сверхъ того, нѣкоторые лица получаютъ газету безъ доставки, для чего они сами являются въ контору за нею или присылаютъ свою прислугу. Наконецъ, что нѣкоторые книгопродавцы подписываются на нѣсколько экземпляровъ безъ доставки, присылаютъ за ними въ контору своихъ разсылныхъ и затѣмъ уже раздають газету изъ своихъ магазиновъ.

— Слѣдовательно «Сѣверная Пчела» не разносится по городу разсылными отъ редакціи?

— Какъ видите, нѣтъ.

— Съ «Сѣвѣрною Пчелою» разослана была по городу преступная прокламація, продолжалъ И. В. Анненковъ, и мнѣ поручено

министромъ внутреннихъ дѣлъ разслѣдовать путь, которымъ прокламація была вложена въ газету.

— Прокламація была разослана со всѣми экземплярами? былъ мой вопросъ.

— Не при всѣхъ.

— Слѣдовательно, необходимо прежде всего разузнать, какимъ изъ трехъ объясненныхъ мною путей пересылается газета подписчику, получившему съ нею и прокламацію.

— На этотъ разъ мнѣ другихъ объясненій отъ васъ не нужно, сказалъ оберъ-полиціймейстеръ, но если по ходу дѣла потребуются новыя дополнительныя свѣдѣнія, то я вновь буду вынужденъ васъ беспокоить приглашеніемъ къ себѣ.

Мы распрощались. Прошло нѣсколько недѣль, но меня болѣе не приглашали къ оберъ-полиціймейстеру. Бѣду я, однажды, по Невскому проспекту, въ исходѣ четвертаго часа пополудни, и между Малою и Большою Морскою, встрѣчаю шедшаго пѣшкомъ полиціймейстера зарѣчныхъ частей, полковника лейбъ-гвардіи кирасирскаго его величества полка, Золотницкаго, съ которымъ я былъ знакомъ. Увидавъ меня, онъ пригласилъ подойти къ нему.

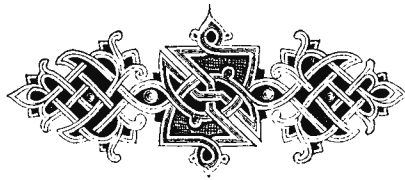
— Есть у васъ время, такъ пройдемтесь по Большой Морской; я могу сообщить вамъ интересную для васъ новость, сказалъ Золотницкій.

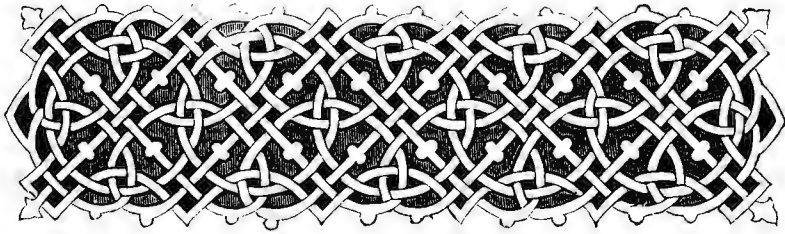
Я пошелъ съ нимъ.

Золотницкій сообщилъ мнѣ, что ему поручено было изслѣдовать дѣло о прокламаціи, попавшей въ «Сѣверную Пчелу». Въ 1862 году, въ Петербургѣ впервые появились въ большомъ числѣ противозаконныя политическія прокламаціи, которыя печатались въ тайныхъ типографіяхъ. Правительству, естественно, желательно было разузнать источникъ ихъ появленія и распространенія. Прокламація, вложенная въ «Сѣверную Пчелу», найдена была въ ресторанѣ Дюссо (на углу Большой Морской улицы и Кирпичнаго переулка) однимъ чиновникомъ особыхъ порученій министерства внутреннихъ дѣлъ. За завтракомъ, онъ потребовалъ себѣ газету, развернулъ ее и нашелъ тамъ прокламацію, которую и представилъ своему министру. Дюссо подписывался на «Сѣверную Пчелу» въ книжномъ магазинѣ Юнгмейстера, который и доставлялъ газету отъ себя въ ресторанъ. У другихъ подписчиковъ на газету прокламацій не оказалось, такъ что, повидимому, она была вложена только въ одинъ экземпляръ, попавшій къ Дюссо. По этой причинѣ полицейскія власти болѣе и не беспокоили меня разспросами. Стали подозрѣвать, что прокламація была вложена въ газету въ самомъ ресторанѣ, къѣмъ либо изъ его посѣтителей и, кажется, чиновнику особыхъ порученій сдѣлано было даже замѣчаніе, зачѣмъ онъ скрытно увезъ прокламацію, а не возбудилъ дѣла на мѣстѣ находенія прокламаціи, приглашеніемъ мѣстной полиціи къ немедленному разслѣдованію пути

появленія прокламаціи. Но чиновнику желательно было отличиться передъ своимъ начальствомъ открытіемъ пути, которымъ прокламаціи попадали тогда въ дома, и онъ поспѣшилъ указать на распространенную въ то время газету, въ серединѣ которой нашелъ преступное произведеніе печати. Говорили, будто бы и новая «Сѣверная Пчела» не была во вкусѣ этого чиновника, предпочитавшаго газету болгаринскаго періода.

Пав. Усовъ.

УБИЙСТВО М. А. СТАХОВИЧА.

В ЧИСЛѢ литературныхъ новинокъ, въ началѣ текущего года, появились «Сочиненія Павла Ивановича Якушкина», собранныя и изданныя В. О. Михневичемъ. Изданіе это, по отзыву нѣкоторыхъ журналовъ, оказалось далеко не лишнимъ въ русской литературѣ. Но оно представляется нелишеннымъ интереса еще по тѣмъ воспоминаніямъ объ изслѣдователѣ русской народности, которымъ въ книгѣ отведено довольно видное мѣсто.

Въ ряду этихъ воспоминаній, на первомъ планѣ стоитъ біографическій очеркъ С. В. Максимова. Въ живомъ, полномъ интереса, рассказѣ о П. И. Якушкинѣ авторъ очерка коснулся судьбы его друга Михаила Александровича Стаховича, богатаго орловскаго помѣщика, русскаго народника и писателя, погибшаго преждевременною и мучительною смертію.

Рассказъ объ этой преждевременной смерти Стаховича, въ нѣкоторыхъ подробностяхъ, требуетъ поправки.

Живя нѣсколько лѣтъ въ Орлѣ, я неоднократно слышалъ всѣ подробности убійства Стаховича; кромѣ того, въ силу моихъ близкихъ—служебныхъ и частныхъ—отношеній къ слѣдователю, открывшему всѣ нити преступленія, я, такъ сказать, изъ первыхъ рукъ получилъ достовѣрный рассказъ объ этомъ, да и теперь имѣю подъ рукой нѣкоторые письменные матеріалы, дающіе возможность провѣрить и дополнить рассказъ С. В. Максимова.

М. А. Стаховичъ въ рассказѣ автора очерка выставленъ талантливымъ писателемъ, горячо преданнымъ народнымъ интересамъ, отлично знавшимъ народную жизнь и непрестанно занимавшимся ею изученіемъ.

По отзыву людей, близко знавших покойнаго, В. А. Стаховичъ не былъ личностью особенно замѣчательною. Это былъ хороший, умный и добрый человѣкъ. Воспитанникъ московскаго университета, онъ былъ по убѣжденіямъ славянофилъ, а по образу жизни народникъ, но народникъ съ нѣскольکو утрированнымъ отѣнкомъ. Будучи человѣкомъ состоятельнымъ, онъ благодѣтельствовалъ крестьянамъ, но этимъ не снискалъ себѣ уваженія съ ихъ стороны и боготворимые имъ крестьяне не рѣдко эксплуатировали его, подобно бурмистру, виновнику его смерти. Дитя душею, человѣкъ идеи, онъ не былъ практикъ и администраторъ, какимъ долженъ былъ бы быть по положенію помѣщика и по занимаемому посту предводителя дворянства. Очевидно, что онъ не могъ поэтому, въ ту пору мертвеннаго формализма, нравиться властямъ. Самая женитьба его въ Пруссіи, на нѣмкѣ, женитьба эксцентричная, сдвинула его съ общей русско-дворянской стези и поставила въ необходимость создать для себя образъ жизни независимый и свободный, жизни такъ не похожей на общій строй окружавшаго его міра. Это конечно не помѣшало бы ему, въ наступавшую тогда пору крестьянской реформы, обратить свою энергію на это, столь сродное ему, дѣло и сдѣлаться полезнымъ дѣятелемъ.

Но злой рокъ судилъ иначе.

Основнымъ поводомъ убійства Стаховича С. В. Максимовъ представляетъ крупную сумму денегъ, принадлежавшихъ покойному.

Слѣдствіе, произведенное самымъ тщательнымъ образомъ, не открыло причинъ убійства. Указаніе на деньги, привезенныя Михаиломъ Александровичемъ изъ банка, не подтвердилось. Мнѣніе, что главную роль въ дѣлѣ убійства играли векселя Стаховича, бывшіе въ рукахъ бурмистра Ивана Гаврилова Мокринскаго и писмоводителя Стаховича Дмитрія Алексѣева Киндякова, но непризнанные покойнымъ, имѣеть нѣкоторую вѣроятность, потому что Киндяковъ купилъ имѣніе Боевку, давъ 3,000 руб. въ задатокъ, но не внесъ остальной суммы въ срокъ, опасаясь представить векселя послѣ возникновенія серьезнаго слѣдствія. Сказаніе объ адресѣ, будто бы несогласномъ съ желаніемъ большинства дворянъ, весьма не правдоподобно или, по крайней мѣрѣ, сбивчиво и туманно.

Все это, однимъ словомъ, идетъ не далѣе слуховъ и толковъ, прочныхъ же данныхъ, указывающихъ на дѣйствительную цѣль убійства, слѣдствіемъ не было обнаружено, не смотря на продолжительныя и энергическія изысканія, которыя привели лишь къ открытію виновниковъ преступленія: Мокринскаго и Киндякова.

Честь этого открытія авторъ очерка относитъ къ опытности жандармскихъ офицеровъ, которымъ было приказано произвести строжайшее слѣдствіе.

Слѣдствіе производилось неоднократно.

Первое—временнымъ отдѣленіемъ елецкой полиціи, на долю котораго выпадала возможность дѣйствовать—какъ говорили тогда—«по горячимъ слѣдамъ»; въ слѣдахъ этихъ недостатка конечно не было, въ особенности потому, что призванный къ трупу врачъ Голофѣевъ—честнѣйшая личность—указывалъ на дѣйствительную причину смерти: сдавленіе въ паху; но выставить это на видъ было признано вѣроятно неудобнымъ и временное отдѣленіе отнесло смерть Стаховича къ самоубійству; составленный объ этомъ медицинскій протоколъ, съ которымъ врачъ Голофѣевъ не согласился, оказывался на столько туманнымъ, что орловская врачебная управа не могла вывести совершенно яснаго заключенія.

Не лучшій результатъ доставило и второе слѣдствіе, произведенное старшимъ совѣникомъ орловскаго губернскаго правленія Zubovымъ.

Третье слѣдствіе было начато чиновникомъ особыхъ порученій при орловскомъ губернаторѣ М. совместно съ жандармскимъ полковникомъ Арцишевскимъ; но послѣдній отказался вести дальнѣйшія изысканія и, возвращаясь въ Орель, далъ къ дѣлу отзывъ, что онъ не видитъ возможности раскрыть истину и, призываемый своими обязанностями, находитъ бесполезнымъ пребываніе свое при слѣдствіи.

Наконецъ, четвертое и послѣднее слѣдствіе, открывшее все преступленіе, было произведено чиновникомъ особыхъ порученій г-мъ М. единолично.

Слѣдствіе открыло, что М. А. Стаховичъ, въ воскресенье, 26-го октября 1858 года, утромъ, возвратился изъ Ельца въ имѣніе свое, село Пальну; онъ былъ совершенно здоровый, веселый, трезвый, дорогой дѣлалъ разныя хозяйственныя распоряженія, пѣлъ пѣсни... но вскорѣ послѣ того былъ найденъ въ спальн. комнатѣ повѣшеннымъ на ключъ и ручкѣ двери. Неестественное и невозможное для удавленника положеніе съ лицомъ, обращеннымъ къ верху, сразу устраняло предположеніе о самоповѣшаніи, а къ тому же ключъ оказался отъ кабинетной двери.

Первый, кто увидѣлъ въ такомъ положеніи трупъ Стаховича, была солдатка Аксинья Александрова Гревцова, родственница бурмистра Мокринскаго, фаворитка покойнаго; позванная бурмистромъ, часа въ три пополудни, къ барину, она вошла въ спальную и, пораженная тѣмъ, что тамъ ей представилось, выбѣжала изъ комнаты и съ ужасомъ объявила о томъ Мокринскому, который между тѣмъ дожидался ея возвращенія въ передней для того, чтобы услышать вѣсть какъ бы для него новую, въ дѣйствительности же ему отлично извѣстную.

Кому слѣдовало выказать необходимую въ такомъ чрезвычайномъ случаѣ распорядительность, принять всѣ мѣры къ поддержанію порядка, заявить полиціи, дать знать ближайшимъ сосѣ-

дямъ покойнаго, изъ которыхъ самымъ близкимъ былъ М. Я. Ростовцевъ,—кому, какъ не человѣку, близко стоявшему къ покойному, имъ благодѣтельствованному и въ то время бывшему подъ одной съ нимъ крышей?

Ничего этого бурмистръ Мокринскій не сдѣлалъ; ему какъ будто только и нужно было теперь, чтобы кто нибудь, непричастный къ дѣлу, удостовѣрилъ фактъ мнимаго самоубійства; а затѣмъ его охватила жажда поживы. Выказывая по истинѣ циничное хладнокровіе къ совершившемуся, онъ началъ съ того, что бросился обшаривать буфетные шкапы въ домѣ, невозмутимо пообѣдалъ въ дѣвичьей комнатѣ, согналъ съ господскаго двора лошадей своихъ, которыя откармливались господскимъ овсомъ, цѣлую ночь шатался по людямъ, подговаривая и подбучивая ихъ... Тщательные, умѣлые опросы выдѣлили однако истину отъ навѣянныхъ преступникомъ наущеній: бывшіе въ барскомъ домѣ, въ моментъ преступленія, дворовая дѣвушка Аксинья Іонова, племянница ея 10-ти лѣтняя дѣвочка Василиса Андреева и 9-ти лѣтній сынъ бурмистра Григорій, дали показанія, несомнѣнно доказывающія активное участіе бурмиистра Мокринскаго въ убійствѣ его благодѣтеля.

Но быстрота, съ которою, судя по времени, было совершено преступленіе, отсутствіе слѣдовъ употребленія какого либо орудія для убійства, наконецъ крѣпкое, здоровое тѣлосложеніе покойнаго—указывали, что преступленіе не могло быть совершено однимъ лицомъ. Необходимо было по этому розыскать соучастника преступленія.

Это представлялось нелегкою задачею, такъ какъ второй преступникъ, какъ потомъ оказалось, дѣйствовалъ крайне осторожно и по заранѣ составленному и строго обдуманному плану.

Каждый шагъ письмоводителя Киндякова, направленный къ сокрытію слѣдовъ преступленія, показываетъ, къ какимъ хитро spletеніямъ онъ прибѣгалъ, чтобы выскользнуть чистымъ изъ воды. Въ день убійства, 26-го октября, Киндяковъ былъ въ Задонскѣ; тамъ его видѣли въ церкви, у ранней обѣдни, видѣли во время и послѣ обѣда на постояломъ дворѣ вмѣстѣ съ его женою, а разстояніе отъ Задонска до Пальны не малое—болѣе 60 верстъ! Какъ же могъ онъ совершить въ тотъ же день, въ 2 часа дня, преступленіе въ Пальнѣ?

Чѣмъ однако хитрѣе была загадка, тѣмъ болѣе явилось у слѣдователя настойчиваго желанія добиться истины. Разныя розысканія въ Задонскѣ и на пути къ нему изъ Пальны, осмотръ мѣстностей, собраніе и провѣрка многочисленныхъ слуховъ, иногда крайне сбивчивыхъ и разнорѣчивыхъ, опросъ свидѣтелей, собранныхъ въ числѣ болѣе 30-ти человѣкъ, сближеніе слѣдователя съ нѣкоторыми изъ нихъ,—все это выставило обслѣдуемый предметъ во всей рельефности и открыло полную и несомнѣнную виновность Киндякова.

Оказалось, что Киндяковъ пріѣхалъ въ Задонскъ утромъ въ субботу, 25-го октября, т. е. наканунѣ убійства Стаховича. Весь этотъ день и утромъ въ воскресенье онъ пробылъ въ Задонскѣ; въ воскресенье же, въ послѣполуденную пору, въ Пальнѣ нѣкоторые изъ дворовыхъ видѣли, какъ Киндяковъ вышелъ изъ аллеи господскаго сада, прокрался въ домъ и, поздоровавшись въ передней комнатѣ съ бурмистромъ Иваномъ, вошелъ въ барскій кабинетъ; когда же, вслѣдъ затѣмъ, пріѣхалъ домой Стаховичъ и послѣ обращеннаго къ бурмистру привѣтствія прошелъ въ дѣвичью комнату, то Киндяковъ, незамѣтно для Стаховича, прокрался изъ кабинета въ залъ...

Здѣсь занавѣсъ опускается. Подъ нею навѣки скрылось фактическое, активное участіе въ злодѣяніи того и другаго преступника, та роль, которая принадлежала каждому изъ нихъ, и только сами они могли бы рассказать все какъ было.

Поѣздку изъ Задонска въ Пальну и обратно Киндяковъ совершилъ на тройкѣ съ ямщикомъ, крестьяниномъ с. Понаринскаго, Никитой Семеновымъ Дурневымъ, который славился лихой ѣздой. Ямщикъ этотъ былъ нанятъ въ Задонскѣ и, по указанію нанимателя, подаль лошадей къ заставѣ. Выѣхали они изъ Задонска до благовѣста къ поздней обѣднѣ. Дорогою сѣдокъ усердно поилъ ямщика водкой, имѣя для того при себѣ не только водку, но и стаканъ. Ѣхали очень шибко, такъ какъ сѣдокъ очень спѣшилъ къ барину въ Пальну на обѣдъ. У самой Пальны, остановившись въ котловинѣ около лѣса, сѣдокъ отстегнулъ пристяжную и верхомъ скрылся въ лѣсу. Часа черезъ два, Никита Дурневъ переѣхалъ на другое, указанное ему сѣдокомъ мѣсто и здѣсь, постоявъ нѣкоторое время, увидѣлъ возвращающагося съ вершины оврага сѣдока своего, который велѣлъ ѣхать на большую Данковскую дорогу по направленію къ Ельцу. Затѣмъ, проѣхавъ нѣсколько по большаку, Киндяковъ свернулъ на Лебедянскую дорогу и возвратился въ Задонскъ уже ночью, оставивъ ямщика при въѣздѣ въ городъ, у заставы.

Свидѣтели, Задонскіе и Талецкіе, видѣвшіе Киндякова 26 октября, оказались крайне запуганными; пальновскіе крестьяне и дворовые люди находились подъ вліяніемъ паники, навѣянной ужасомъ событія; вся окружающая среда представляла собою рядъ неточностей, хитросплетеній, разнорѣчій... Самъ главный виновникъ преступленія, творецъ хитро задуманнаго и настойчиво приведеннаго въ дѣйствіе плана, продолжалъ и послѣ преступленія запугивать и безъ того очень сложное дѣло, съ цѣлью отвлеченія отъ себя подозрѣнія. Такъ, прибывъ въ Пальну уже явно, когда огласилась смерть Стаховича, Киндяковъ подсылалъ къ мѣстнымъ властямъ письма, клонящіяся къ закрытію истины, подбрасывалъ записки въ квартиру слѣдователя съ намеками, что если въ день

убііства видѣли нѣкоторые въ Пальнѣ посторонняго человѣка, то это былъ не Киндяковъ, а кто-то другой, и т. п.

Преступники не сознались, не смотря на явныя и серьезныя улики и свидѣтельскія показанія, съ настойчивостію отрицая свое участіе въ преступленіи. Да и трудно было ожидать чистосердечнаго раскаянія отъ такихъ людей, какъ Мокринскій и Киндяковъ—людей жестокосердыхъ и безнравственныхъ. Будучи семейными людьми, ни тотъ, ни другой не дорожилъ святостію брака и за ними обоими, какъ показали знавшіе ихъ люди, были въ этомъ отношеніи такіе грѣшки, которые сами по себѣ влекли за собою строгую отвѣтственность предъ закономъ. Чтобы доказать свою бытность въ Задонскѣ въ теченіи цѣлаго дня 26 октября, Киндяковъ пригласилъ на постоялый дворъ, на которомъ онъ остановился, къ своей женѣ, подставное за себя лицо—писца предводительской канцеляріи, Глаголева, котораго и видѣли съ женою... Мокринскій къ тому же былъ гордецъ: пользуясь положеніемъ бурмистра въ большомъ имѣніи, онъ заносчиво держалъ себя предъ крестьянами, а бѣдными родственникамъ своимъ, простымъ мужичкамъ, платилъ деньги, чтобы только они при народѣ не называли его «сватомъ».

Послѣ окончанія допросовъ и очныхъ ставокъ, Киндяковъ началъ уклоняться отъ дачи отвѣтовъ и наконецъ объявилъ, что онъ обладаетъ тайной по дѣлу Стаховича и только лично можетъ ввѣрить ее высшему правительству и что послѣ его доклада уже не нужно будетъ никакихъ допросовъ.

Судъ—дореформенный—осудилъ Мокринскаго и Киндякова на основаніи уликъ, приговоривъ ихъ къ каторжнымъ работамъ,—случай весьма рѣдкій въ практикѣ старыхъ судовъ, обвинявшихъ преступниковъ только при ихъ сознаніи.

Долго спустя послѣ того, въ концѣ шестидесятыхъ годовъ, я слышалъ, что Киндяковъ бѣжалъ изъ Сибири.

М. Городецкій.

ИДЕИ О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНИИ ВЪ ЕКАТЕРИНИНСКОЕ ВРЕМЯ.

МЫ НЕ ЗНАЕМЪ на сколько справедливъ не такъ давно сообщавшійся газетами слухъ, что нынѣшній президентъ академіи наукъ, графъ Д. А. Толстой, занять будто бы составленіемъ обширной исторіи императрицы Екатерины II; можетъ быть, слѣдуетъ видѣть подтвержденіе сказаннаго слуха въ недавно вышедшемъ изслѣдованіи графа, подъ заглавіемъ «Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII столѣтіи, до 1782 года»,—сочиненіи, которое, составляя приложение къ 47-му тому «Записокъ» академіи, выпущено также и отдѣльнымъ оттискомъ. Новый трудъ графа не обширенъ по своему объему—въ немъ всего сто страницъ,—тѣмъ не менѣе онъ представляетъ плодъ весьма тщательнаго изученія избраннаго предмета, въ чемъ убѣждаютъ насъ и разнообразіе пособій, которыми авторъ пользовался при составленіи своей книги, и чрезвычайная фактичность ея содержанія.

Сочиненіе начинается прямо съ сообщенія историческихъ данныхъ относительно разнаго рода свѣтскихъ учебныхъ заведеній въ Россіи прошлаго вѣка, въ послѣдовательномъ порядкѣ по времени ихъ возникновенія. Не передавая здѣсь, вслѣдъ за авторомъ, во многихъ отношеніяхъ любопытныхъ свѣдѣній объ этихъ учрежденіяхъ, мы ограничимся простымъ перечнемъ ихъ наименованій, съ цѣлью дать читателю непосредственное представленіе о предметѣ занимающаго насъ изслѣдованія. Послѣ эфемернаго существованія самыхъ раннихъ у насъ свѣтскихъ школъ, устроенныхъ на манеръ тогдашнихъ западно-европейскихъ школъ,—школы пастора Глюка (1703—1706 г.) и четырехъ «разноязычныхъ нѣмец-

кихъ школъ» (1711 г.), были учреждены «цыфирныя школы» (1714—1744 г.); затѣмъ идутъ — академическая гимназія и академическій университетъ; гарнизонныя школы; медицинскія школы и «бабичьяго дѣла»; морской кадетскій корпусъ; артиллерійскій и инженерный кадетскій корпусъ; шляхетный кадетскій корпусъ; московскій университетъ и гимназія при немъ; гимназія въ Казани; пажескій корпусъ; Смольный; горное училище; греческая гимназія или греческій кадетскій корпусъ; медико-хирургическія училища и школы (1787 г.).

Кромѣ сжатаго, но весьма цѣннаго по своей содержательности, разсказа о законодательныхъ мѣропріятіяхъ относительно перечисленныхъ нами учебныхъ заведеній и о ихъ судьбахъ въ теченіе прошлаго столѣтія, сочиненіе графа Толстаго заключаетъ въ себѣ также страницы, представляющія и гораздо болѣе общій интересъ для современнаго читателя,—это тѣ изъ нихъ, на которыхъ излагаются возникавшіе въ ту пору проекты относительно устройства вообще школьнаго дѣла въ Россіи. Таковы были — проектъ И. И. Шувалова; затѣмъ, проектъ созданной извѣстнымъ Екатерининскимъ наказомъ «Комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія» и, наконецъ, проектъ знаменитаго энциклопедиста Дидро. Съ ними именно мы и намѣрены познакомить читателя.

Состоя кураторомъ московскаго университета, И. И. Шуваловъ, первый въ Россіи понявъ необходимость озаботиться относительно общей распространенности образованія, безъ которой нельзя было разсчитывать на успѣхи и для единичныхъ, уже существовавшихъ тогда учебныхъ заведеній, въ чемъ онъ живо убѣждался на примѣрѣ ввѣреннаго его попеченію московскаго университета, какъ онъ прямо и указывалъ на то въ своемъ представленіи, или по тогдашнему «приступѣ», съ которымъ онъ обратился къ сенату.

Правда, предложенный Шуваловымъ проектъ отличался еще исполнѣ сословнымъ характеромъ, такъ какъ въ немъ подѣ общедоступностью образованія разумѣлась доступность его собственно для всѣхъ дворянскихъ дѣтей, неудовлетворительное положеніе которыхъ въ военной службѣ и послужило главнымъ поводомъ Шувалову для составленія его проекта. Въ то время дѣти дворянъ, въ большинствѣ, не получая никакого домашняго образованія, поступали простыми солдатами на службу, гдѣ они за всякія проступки и неисправности подвергались самымъ грубымъ мѣрамъ наказанія, несоотвѣтствовавшимъ характеру ихъ происхожденія. Чтобы дать имъ возможность служить, минуя унижительную для нихъ, при тогдашнихъ порядкахъ, солдатскую службу, надо было найти для нихъ средство поступать въ армію уже съ офицерскимъ чиномъ, что могло осуществиться, конечно, лишь подѣ условіемъ обладанія ими извѣстнымъ уровнемъ образованія. Поэтому Шуваловъ и предлагалъ «учредить въ большихъ городахъ гимназія, а

въ малыхъ городахъ—школы грамотности, въ которыхъ можно было бы готовить дѣтей къ гимназіямъ. По окончаніи гимназическаго курса, юноши должны были переходить въ кадетскій корпусъ или въ университетъ, и, по окончаніи тамъ образованія, поступать въ военную или гражданскую службу». Сенатъ, отнесшись сочувственно къ предложенію Шувалова, поручилъ ему подробнѣе развить свой планъ, при чемъ уполномочилъ его обратиться за надлежащими указаніями въ этомъ дѣлѣ къ разнымъ учрежденіямъ, которыя могли быть полезными ему въ данномъ случаѣ. Въ числѣ ихъ была академія наукъ. На обращенные Шуваловымъ къ академикамъ вопросы о томъ, въ какихъ городахъ слѣдуетъ учредить задуманныя учебныя заведенія и какія науки должны преподаваться въ послѣднихъ, послѣдовало нѣсколько отвѣтовъ. Относительно перваго пункта, впрочемъ, академики, ссылаясь на свое недостаточное знакомство съ страной, ограничивались общимъ указаніемъ на тѣ пункты, въ которыхъ, или по близости ихъ, живетъ дворянство; что же «касается до курса, который слѣдовало бы установить для гимназій и школъ и до связи обоего рода этихъ учебныхъ заведеній между собою, то, повидимому, сословное значеніе, которое давалъ имъ Шуваловъ, подало поводъ и академикамъ предложить для нихъ курсъ не общій для всѣхъ учениковъ, а видоизмѣняющійся, соотвѣтственно съ тѣмъ званіемъ, къ которому каждый себя готовилъ». Предполагались особые планы школьнаго преподаванія для учениковъ изъ дворянъ и желавшихъ сдѣлаться учеными, для купеческихъ дѣтей и для мальчиковъ простолюдиновъ. Для первыхъ признавалось необходимымъ изученіе латинскаго и даже греческаго языковъ, для вторыхъ англійскаго и голландскаго, для учениковъ предназначавшихъ себя для военной карьеры—нѣкоторыхъ военныхъ наукъ. При этомъ, по мысли нѣкоторыхъ академиковъ, имѣлась въ виду и извѣстная градуальность въ самомъ обученіи школьнымъ предметамъ, такъ что напримѣръ въ нижнемъ отдѣлѣ училища латинскій языкъ былъ обязательенъ одинаково для всѣхъ учениковъ, тогда какъ въ третьемъ занятіи обоими классическими языками должны были усиливаться съ цѣлю приготовленія будущихъ ученыхъ, а въ четвертомъ болѣе обстоятельное преподаваніе извѣстныхъ наукъ служило для подготовки лицъ, предназначавшихъ себя для службы. Академикъ Фишеръ, исходя изъ той же идеи сословной разрозненности, предлагалъ болѣе практическій путь къ распространенію просвѣщенія въ разныхъ сословіяхъ, который заключался въ учрежденіи особыхъ школъ для разныхъ сословій съ отдѣльными для нихъ программами. Курсъ гимназій предлагался весьма разнообразный и многопредметный, въ него входили напримѣръ естественное и международное право и политика, а въ «академическихъ» гимназіяхъ—вообще всѣ юридическія науки и даже медицина. Всѣ академики признавали за непремѣнное основаніе

подготовки къ дальнѣйшему изученію высшихъ наукъ—*studia humanitatis*. Было обращено вниманіе и на вопросъ о выборѣ учителей: одни указывали, что ихъ слѣдуетъ испытывать въ академіи, чтобы дурнымъ преподаваніемъ несвѣдущихъ людей не вселить въ ученикахъ отвращенія къ наукамъ; тогда какъ другіе считали необходимымъ, чтобы они были природные русскіе.

Всѣ подобнаго рода разсужденія академикомъ были изложены лишь въ самомъ общемъ видѣ, такъ что даже не было сдѣлано ни распредѣленія уроковъ, ни установленія штатовъ. «Это, какъ замѣчаетъ авторъ, были мысли, не получившія положительной опредѣленности. Остались онѣ безъ результатовъ, вѣроятно, за послѣдовавшею скорѣ кончиною императрицы Елизаветы, имѣвшею послѣдствіемъ удаленіе отъ государственныхъ дѣлъ Шувалова». Въ смыслѣ общей оцѣнки проекта И. И. Шувалова, графъ Толстой говоритъ, что онъ «въ наше время, конечно, представляется одностороннимъ, узкимъ, сословнымъ, исключительно-дворянскимъ, но въ эпоху его составленія, только одно дворянство, и то въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, было въ состояніи цѣнить образованіе. За Шуваловымъ же остается несомнѣнная заслуга предъявленія впервые мысли объ образованіи цѣлаго сословія, что въ то время было однозначительно съ всеобщимъ образованіемъ страны, гдѣ тогда стояли особнякомъ, единицами, и то только въ столицѣ, нѣкоторыя учебныя заведенія, со специальнымъ, по большей части, назначеніемъ».

Императрица Екатерина II, придававшая такое значеніе просвѣщенію, не могла не заботиться о дѣлѣ всеобщаго распространенія образованія въ Россіи. Созвавъ комиссію, которой, наказомъ 1767 года, поручалось составить проектъ новаго уложенія для имперіи, Екатерина предоставила ей также обсужденіе и вопроса объ устройствѣ общественнаго образованія, причемъ, въ видѣ предположенія, указывалось на учрежденіе трехъ родовъ учебныхъ заведеній въ Россіи—низшихъ, среднихъ и высшихъ (верховныхъ училищъ), т. е. начальныхъ школъ, гимназій и университетовъ. Въ числѣ 18 специальныхъ комиссій, образованныхъ при такъ называемомъ «Большомъ Собраніи», была также и «Комиссія о училищахъ и призрѣніи требующихъ». Въ первый разъ заговорили въ «Большомъ Собраніи» о школьномъ дѣлѣ въ маѣ 1768 года, причемъ депутатъ отъ пахатныхъ солдатъ Нижегородской провинціи просилъ открыть для ихъ дѣтей школы. Пензенскій городской депутатъ отвергалъ необходимость подобныхъ школъ, ссылаясь на то, что научившіеся и безъ школъ грамотѣ нѣкоторые изъ пензенскихъ пахатныхъ солдатъ сдѣлались отъ этого только хуже, такъ какъ, выйдя въ приказные, стали брать взятки, а земли свои забросили,—названный депутатъ вообще полагалъ, что «земледѣльцу не слѣдуетъ учиться несходственнымъ съ его состояніемъ наукамъ,

кромѣ російской грамотѣ, но и то по собственному чьему желанію». На сторону нижегородскаго депутата сталъ, между прочимъ, депутатъ отъ серпейскаго дворянства, графъ Строгановъ, понимавшій, однако, весьма своеобразно пользу просвѣщенія низшаго сословія, а именно въ интересѣ самаго дворянства. Такъ онъ писалъ: «На что намъ далеко искать примѣровъ, до какихъ бѣдствъ доводить насъ невѣжество? Безъ ужаса представить себѣ не могу плачевное позорище умерщвленныхъ своими собственными крестьянами помѣщиковъ. Еще годъ не минулъ, какъ подобный злоумыселъ почти въ глазахъ нашихъ предприемлемъ и совершенъ былъ: сіи злодѣи, подобные дикимъ звѣрямъ, не токмо господина разлучивъ, умертвили, но жену его и нерожденного еще младенца изъ нѣдръ ея вырвали. Я увѣренъ, почтенное собраніе, что еслибы просвѣщеніе сей родъ людей было, то конечно бы подобныхъ свирѣпствъ мы свидѣтелями не были. И такъ вы сами видите, сколь училища для крестьянства полезны. И когда оныя изъ тьмы невѣжества выйдутъ, тогда и достойными себя сдѣлаютъ пользоваться собственностію и вольностію». Но вообще «Большое Собраніе» не вдавалось въ подробное обсужденіе вопроса о народномъ образованіи. Гораздо обстоятельнѣе отнеслась къ этому важному дѣлу учрежденная въ маѣ 1768 года учебная или училищная комиссія.

Почти вслѣдъ за открытіемъ названной комиссіи въ нее поступили изъ Дирекціонной комиссіи два проекта объ учрежденіи въ Россіи училищъ и, затѣмъ, еще три записки: отъ депутата новокрещенной мордвы въ Пензенской провинціи, изъ наказа Калужскому и Медынскому депутату князю Борису Голицыну о заведеніи въ Россіи училищъ и проектъ отъ Рязскаго городскаго депутата объ опредѣленіи, на счетъ дворянства, учителя для обученія дѣтей бѣдныхъ дворянъ грамотѣ, математикѣ, фортификаціи и артиллеріи. «Кромѣ того, въ комиссіи читались уставы существовавшихъ тогда въ Россіи учебныхъ заведеній, и положенія о разныхъ иностранныхъ учебныхъ заведеніяхъ, о прусскихъ начальныхъ училищахъ и т. п.». Отъ трудовъ самой комиссіи между прочимъ, сохранились въ черновомъ видѣ, четыре проекта уставовъ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній,—это были: 1) нижнія деревенскія училища; 2) нижнія городскія училища; 3) среднія училища, и 4) училища для иновѣрцевъ. Мысль объ учрежденіи городскихъ училищъ принадлежала Клингштету, члену комиссіи, который въ представленной ей своей запискѣ доказываетъ, «что однихъ гимназій и начальныхъ школъ недостаточно, что между ними должны быть поставлены срединныя учебныя заведенія, городскія училища (Trivial Schulen), которыя приготавливали бы своихъ учениковъ къ практической жизни, а также и облегчали бы ихъ поступленіе въ гимназіи пріуготовительнымъ обученіемъ». Что касается устройства деревенскихъ школъ, то училищ-

ная комиссія предполагала ввести, по примѣру прусскихъ начальныхъ школъ, обязательное обученіе для всего мужскаго населенія, но только чтенію, а не письму. Съ этою цѣлью предполагалось открывать въ каждомъ селѣ школу, а въ большихъ деревняхъ, далеко отстоящихъ отъ села, по одной школѣ на каждыя 100—250 семей, на 30 человѣкъ учащихся. Если семействъ было болѣе 500, то должно было устроить двѣ школы, а если—менѣе 100, то все-таки и для нихъ одна школа была обязательна. Устройство и содержаніе школъ должны были производиться на счетъ прихожанъ. Мальчики должны были поступать въ возрастѣ отъ 8—12 лѣтъ срокомъ на четыре года, а дѣвочки могли посѣщать школу только по желанію ихъ родителей. Учебный курсъ предполагался восьмимѣсячный, отъ окончанія полевыхъ работъ въ сентябрѣ до начала ихъ въ маѣ; учебникъ для школы, составленный Синодомъ, долженъ былъ заключать въ себѣ церковную и гражданскую азбуку, нѣкоторыя молитвы, краткій катихизисъ и изложеніе обязанностей крестьянина. Священникамъ предоставлялся надзоръ надъ школами, но они освобождались отъ обязанности учить, которую должны были исполнять дьяконы, а за неимѣніемъ ихъ—дьячки. Въ случаѣ недостатка церковно-служителей допускались и свѣтскіе преподаватели. Главное завѣдываніе сельскими школами предоставлялось архіерею совмѣстно съ губернаторомъ, а ближайшее наблюденіе надъ ними—выборнымъ дворянамъ, обязаннымъ ревизовать школы, экзаменовывать учениковъ и наказывать и смѣнять учителей.

Проектъ относительно нижнихъ городскихъ училищъ также замѣчательнѣе тѣмъ, что въ немъ предлагалось сдѣлать ученіе обще-обязательнымъ и въ городахъ, притомъ не только для мальчиковъ, но и для дѣвочекъ: начиная отъ 7-ми лѣтняго возраста, первые должны были обучаться чтенію и письму, вторыя же—только одному чтенію. На каждыя 100 семействъ полагалась одна школа; строиться и содержаться она должна была на счетъ городскихъ жителей. Городскія училища, какъ и деревенскія школы, подчинены были власти архіерея и губернатора. Обязанность школьнаго обученія необходимо возбуждала вопросъ о денежныхъ взысканіяхъ за несоблюденіе установленныхъ о немъ правилъ. Впрочемъ, въ концѣ концовъ, не было опредѣлено какого рода наказаніямъ или штрафамъ должны были подвергаться родители за неприсылку въ школу дѣтей опредѣленнаго возраста, прихожане—за неуплату потребной для содержанія школъ суммы, и помѣщики—за помѣху крестьянамъ отдавать въ школы своихъ дѣтей и уплачивать школьный сборъ.

Двое изъ членовъ училищной комиссіи внесли въ нее весьма интересную по тому времени записку, въ которой доказывалась необходимость сближенія инородцевъ съ остальнымъ народонаселе-

ніемъ имперіи, и какъ лучшее средство къ достиженію этого рекомендовалось устроить для нихъ особыя училища, въ которыхъ преподаваніе должно было быть принаровлено къ ихъ образу жизни и ихъ религіознымъ вѣрованіямъ. Комиссія, отнесшись сочувственно къ этому предложенію, даже привлекла къ участию въ своихъ за-сѣданіяхъ инородческихъ депутатовъ, чтобы ближе ознакомиться съ ихъ вѣроисповѣданіемъ, обрядами и обычаями, и вообще старалась изучить этотъ важный вопросъ во всѣхъ его подробностяхъ. Вслѣдствіе такого изученія, положено было для осѣдлыхъ инородцевъ устроить отдѣльныя училища, безъ принудительнаго однакожь посѣщенія ихъ, и ввести въ нихъ руководство, которое, будучи составлено въ духѣ полной терпимости по отношенію къ инородческимъ религіямъ и заключаая въ себѣ только общее понятіе о божествѣ и обязанности подданнаго, должно было печататься для инородческихъ племенъ, неимѣющихъ собственной азбуки, русскими буквами. Кромѣ того, предполагалось перевести этотъ учебникъ на русскій языкъ, а нѣсколькихъ инородческихъ мальчиковъ помѣстить въ русскія школы, гдѣ они, ознакомившись по сказанному руководству съ русскимъ языкомъ, должны были приготовиться въ учителя въ средѣ своихъ сородичей, такъ какъ вообще было признано, что учителями инордцевъ могутъ быть исклю-чительно лишь ихъ единоплеменники.

Что касается до среднихъ училищъ въ городахъ, то единственнымъ типомъ для нихъ комиссія признавала гимназію и, считая излишними какія либо иныя средне-учебныя заведенія, она даже предлагала уничтожить духовныя семинаріи, такъ что въ гимназіи должны были учиться и лица, готовящіяся къ духовному званію. Подъ помѣщенія гимназій комиссія думала обратить большіе монастыри—мысль, бывшая въ то время довольно распространенной. Включивъ въ задачи гимназій и образованіе духовенства, комиссія конечно не могла устранить отъ завѣдыванія ими епархіальныхъ архіереевъ: такимъ образомъ и здѣсь явилось то же двое-властіе, что и въ отношеніи къ низшимъ школамъ, но съ той разницей, что оно въ этомъ случаѣ было еще менѣе примѣнимо на практикѣ. Именно, губернаторы и епархіальные архіереи предназначались совмѣстно быть «главными директорами»—или, вѣрнѣе, попечителями—надъ семинаріями, а между тѣмъ въ то время предѣлы епархій не совпадали съ границами губерній, такъ что бывали губерніи, въ которыя входили двѣ и болѣе епархій, при чемъ «главнымъ директоромъ» полагался тотъ архіерей, въ чьей епархій находилась гимназія, прочіе же архіереи получали отчеты объ ея дѣятельности и имѣли право посылать на экзамены своихъ представителей, — очевидно, что подобный порядокъ страдалъ крайней непрактичностью. Непосредственныхъ же начальниковъ надъ семинаріею, или «ректоровъ», полагалось также

двое: архимандритъ или игумень, назначаемый Синодомъ, и свѣтскій «ректоръ», назначаемый университетомъ; учителя также были духовные и свѣтскіе. Ближайшее завѣдываніе гимназіею принадлежало совѣту, состоявшему изъ обоихъ «ректоровъ» и четырехъ старшихъ учителей, назначаемыхъ попечителемъ. Преподаваніе должно было производиться по утвержденнымъ руководствамъ. Самый учебный курсъ отличался чрезвычайнымъ разнообразіемъ: кромѣ общепринятыхъ въ гимназіи наукъ, съ латинскимъ, греческимъ и двумя новѣйшими языками, въ него входили еще еврейскій и англійскій языки, теоретическая философія, метафизика, механика, геодезія, гражданская и военная архитектура, коммерція, политика, юриспруденція и медицина. Вѣроятно, въ виду такой многопредметности преподаванія проектъ допускалъ для учениковъ свободный выборъ между отдѣльными науками столь сложнаго гимназическаго курса, небывшаго обязательнымъ во всемъ его объемѣ ни для казенныхъ, ни для своекоштныхъ учениковъ гимназіи. Гимназіямъ былъ присвоенъ характеръ закрытыхъ учебныхъ заведеній съ 120 казенными учениками на каждую; въ нихъ могли поступать какъ дѣти дворянъ, такъ и разночинцевъ, причемъ первые, при совершенно одинаковомъ содержаніи, должны были оставаться въ отдѣльности отъ прочихъ своихъ товарищей какъ въ помѣщеніи, такъ и въ классахъ, и за столомъ. Хотя устройство университетовъ, равно какъ и проектъ университетскаго штата, также обсуждались въ училищной комисіи; но за послѣдовавшимъ вскорѣ закрытіемъ послѣдней, университетскій уставъ даже не былъ оконченъ въ проектѣ.

По поводу вышеизложенныхъ предположеній училищной комисіи, авторъ дѣлаетъ слѣдующія весьма вѣрныя замѣчанія: «Проектъ среднеучебнаго заведенія былъ самый слабый изъ всѣхъ проектовъ, составленныхъ училищною комиссіей,—онъ просто былъ невозможенъ и неисполнимъ; напротивъ того, мысли ея членовъ объ устройствѣ сельскихъ и городскихъ училищъ, также объ образованіи инородцевъ, были такъ здравы, что не только опередили свое время, но и наше. И доселѣ мы не дошли до убѣжденія, что единственное вѣрное средство для всеобщаго образованія народа есть обязательность начальнаго обученія для всѣхъ, что единичные случаи учрежденія начальныхъ школъ, столь же часто открывающихся, какъ и закрывающихся, мало вліяютъ на распространеніе образованія въ обширной имперіи, и что безъ правительственнаго принужденія къ ученію русскій народъ, видящій въ указаціяхъ правительства тотъ путь, которымъ онъ долженъ слѣдовать, на долгое время останется въ невѣжествѣ, самъ собою не сознавая пользы образованія; конечно есть и будутъ исключенія, но не болѣе. Легко себѣ представить какія благодѣтельныя послѣдствія имѣло бы принятіе правительствомъ, болѣе вѣка тому на-

10*

задъ, начала обязательности ученія: теперь почти весь русскій народъ былъ бы грамотенъ, какъ германскій, и общій уровень образованности страны, вліяющій на все ея положеніе, какъ духовное, такъ и экономическое, былъ бы гораздо выше. То же можно сказать и объ идеяхъ относительно образованія инородцевъ, имѣющихъ у насъ несравненно болѣе значенія, чѣмъ въ какой либо другой странѣ, какъ по ихъ многочисленности и племенной разнообразности, такъ и по тому, что они занимаютъ всѣ окраины государства, составляя политически-слабую его сторону. Только въ последнее время началось образованіе инородцевъ, положены главныя начала, такъ сказать, инородческой системы образованія, учреждено нѣсколько инородческихъ учительскихъ семинарій и т. п. Но все это не болѣе, какъ приступъ къ дѣлу, и очень многое остается недоуѣланымъ. Вѣрность взглядовъ членовъ училищной комиссіи въ этомъ вопросѣ поразительна: они предлагали именно такія мѣры, которыя въ наше время специалистами признаны единственно возможными для правильнаго образованія инородцевъ. Къ нимъ относятся и введеніе русскаго алфавита для книгъ тѣхъ инородцевъ, которые не имѣютъ собственной литературы, и совмѣстное съ ихъ нарѣчіемъ изученіе русскаго языка, и правила о томъ, чтобы учителя для нихъ назначались изъ ихъ соплеменниковъ. Многое изъ этой вѣрной системы и доселѣ не могло быть выполнено за разными мѣстными и другими затрудненіями».

Труды училищной комиссіи не получили однакожь осуществленія на практикѣ и ея проекты остались не только не примѣненными, но до настоящаго времени и никому неизвѣстными. Но во всякомъ случаѣ дѣятельность комиссіи заслуживаетъ историческаго воспоминанія за тѣ просвѣщенныя мысли, которыя она должна была провести въ русскую жизнь.

Слѣдуетъ еще замѣтить, что въ дополненіе къ вышеизложеннымъ планамъ училищной комиссіи академією наукъ было предложено учредить высшее учебное вѣдомство, состоящее изъ девяти лицъ, которымъ должно было принадлежать высшее завѣдываніе всѣми безъ исключенія учебными заведеніями въ имперіи и главный контроль надъ ними; сами же члены этого «правительства» должны были состоять въ непосредственномъ подчиненіи государю, которому исключительно и должны были отдавать отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Но училищная комиссія не сознавала важности сказаннаго центральнаго управленія, которое придало бы всему учебному дѣлу потребныя энергію и единство дѣйствія, и полагала подчинить училища правительствующему сенату.

Не менѣе, чѣмъ вышеприведенныя свѣдѣнія объ устройствѣ общаго образованія, интересенъ сообщаемый въ мемуарѣ графа Толстаго планъ устройства учебной части въ Россіи, составленный Дидро. Вотъ что говоритъ авторъ о происхожденіи этого проекта,

который, встаетъ сказать, почерпнуть имъ изъ полного собранія сочиненій знаменитаго энциклопедиста, въ новѣйшемъ изданіи Ассеза¹⁾, и, появляясь впервые въ русскомъ изложеніи, представляетъ собою интересную новинку:

«Въ бытность Дидро въ Петербургѣ, императрица, въ частыхъ съ нимъ бесѣдахъ, не разъ касалась вопросовъ народнаго образованія и просила его изложить свои мысли о томъ, какъ бы можно было наилучше устроить въ Россіи училища разныхъ степеней. По возвращеніи въ Парижъ, Дидро исполнилъ порученіе императрицы и въ 1775 году прислалъ ей «Планъ университета русскаго правительства, или проектъ народнаго образованія во всѣхъ наукахъ». Университетъ принять здѣсь во французскомъ смыслѣ этого слова, т. е. какъ совокупность разныхъ учебныхъ заведеній, въ родѣ нашего учебнаго округа».

Такимъ образомъ, университетъ Дидро обнималъ собою начальную школу, среднее учебное заведеніе, дополнительный въ немъ или переходный къ университету курсъ и собственно университетъ, организація котораго почти ничѣмъ не разнилась отъ устройства вообще тогдашнихъ университетовъ въ Европѣ.

Наиболѣе оригиналенъ въ проектѣ Дидро учебный планъ средняго учебнаго заведенія, которымъ онъ думалъ замѣнить гимназію. По идеѣ Дидро, оно должно было состоять изъ восьми классовъ и въ первые пять лѣтъ въ немъ предполагалось проходить естественныя и математическія науки, причемъ словесныя науки вовсе не допускались въ этотъ пятилѣтній курсъ. Слѣдовательно, развитіе учениковъ поставлено было въ слишкомъ большую зависимость отъ такихъ одностороннихъ занятій преимущественно въ области математическаго знанія, причемъ остальные функціи ума остались бы слишкомъ незатронутыми, такъ что ни воображеніе, ни вкусъ и чувство изящнаго, ни воля не получали себѣ пищи и удовлетворенія, или, другими словами, нравственная природа чловѣка какъ бы вовсе не признавалась въ планѣ воспитанія, составленномъ Дидро.

«Но и въ этомъ узкомъ направленіи — замѣчаетъ авторъ — учащіеся не могли бы идти успѣшно по несоотвѣтственности учебныхъ требованій съ ихъ возрастомъ и силами. Для поступленія въ такое среднее учебное заведеніе дѣти должны были только умѣть читать, писать и знать цифры, а съ перваго же года имъ преподавали бы уже, кромѣ ариметики, алгебру съ теоріей вѣроятностей и геометрію. Во второмъ классѣ, девяти—десятилѣтніе мальчики должны были проходить физику, механику и гидравлику; въ третьемъ—систему мірозданія, астрономію; въ четвертомъ—естественную исторію и экспериментальную физику; въ пятомъ—хи-

¹⁾ Oeuvres complètes de Diderot, publ. par Assézat. Tome troisième. Paris. 1875.

мію и анатомію. Одолѣть всѣ эти науки, усвоить ихъ себѣ конечно не по силамъ 14—15-лѣтнему мальчику; не развить его могли бы онѣ, а забить въ немъ всякія умственныя способности...» Только съ шестаго класса, допускаемыя Дидро, словесныя науки были—логика, критика и общая грамматика; изученіемъ же русскаго и славянскаго языковъ, дѣти должны были заняться не прежде, какъ съ переходомъ въ седьмой классъ. Иностранныя языки вовсе были исключены изъ программы, но за то оба древніе языка, латинскій и греческій, полагалось пройти въ одинъ послѣдній годъ, притомъ совмѣстно съ краснорѣчіемъ и поэзіей. Замѣчательно, что, не смотря на столь краткій срокъ для занятія классическими языками, Дидро предполагалъ возможнымъ для учениковъ достигнуть не только основательнаго знанія ихъ грамматики и литературы, но и способности сознательно оцѣнивать достоинства древнихъ писателей.

Въ первый годъ курса, долженствовавшего служить связующимъ звѣномъ между гимназіей и университетомъ, слѣдовало, по проекту Дидро, преподавать главныя основанія метафизики и религію, съ объясненіемъ двухъ естествъ Спасителя и существованія Божія. Впрочемъ, религіозныя предметы были включены Дидро въ курсъ ученія только изъ снисходительности къ императрицѣ, въ видѣ уступки ея убѣжденіямъ. Вотъ что писалъ ей по этому поводу французскій философъ: «Ваше величество не раздѣляете взгляда Бейля, который полагаетъ, что гражданское общество атеистовъ можетъ быть устроено такъ же хорошо, какъ общество деистовъ, во всякомъ случаѣ лучше, чѣмъ сборище изувѣровъ. Вы не думаете, какъ Плутархъ, что религіозный фанатизмъ болѣе опасенъ по своимъ послѣдствіямъ и болѣе оскорбляетъ божество, чѣмъ безвѣріе. Вы не называете религію, вмѣстѣ съ Гоббесомъ, изувѣрствомъ, допущеннымъ законами, а изувѣрство — религію, ими запрещаемою. Вы полагаете, что страхъ загробныхъ наказаній имѣетъ большое вліяніе на образъ дѣйствій людей и что злодѣянія, не останавливаемыя висѣлицею, могутъ быть остановлены боязнію отдаленнаго наказанія. Не смотря на неисчислимыя бѣдствія, которыя принесли религіозныя вѣрованія, несмотря на неудобство системы, подчиняющей народы духовнымъ лицамъ, всегда соперничающимъ съ государственною властью, системы, которая навязываетъ государямъ духовнаго главу и устанавливаетъ законы болѣе твердые, болѣе священныя, чѣмъ ихъ собственныя; не смотря на все это, вы убѣждены, что сумма ежедневныхъ благъ, доставляемыхъ религіей всѣмъ слоямъ общества, превышаетъ сумму зла, производимаго въ народѣ религіозными сектами, а въ сношеніяхъ народовъ между собою религіозною нетерпимостью, этимъ трудно излѣчаемымъ умоизступленіемъ. И такъ остается только сообразоваться съ вашимъ взглядомъ при обученіи вашихъ под-

данныхъ, и допустить, чтобы имъ объясняли два естества въ Иисусѣ Христѣ, существованіе Божіе, безсмертіе души и будущую жизнь, но только какъ введеніе въ науку нравственности».

Также своеобразный взглядъ проводитъ Дидро на преподаваніе исторіи, полагавшейся во второмъ классѣ дополнительнаго курса, наравнѣ съ географіей, политической экономіей и домоводствомъ. «Думаю, говоритъ онъ, что изученіе исторіи нужно начать съ своего отечества и притомъ такъ, чтобы при изложеніи какъ отечественной исторіи, такъ и исторіи другихъ народовъ, начинать съ ближайшаго къ намъ времени, нисходя постепенно къ вѣкамъ побасенокъ и миеологіи... Вообще, не слѣдуетъ начинать съ событій, давно минувшихъ, для насъ не любопытныхъ, но съ болѣе вѣрныхъ, близкихъ фактовъ и идти отъ нихъ шагъ за шагомъ до начала временъ». Выходило, какъ будто, что исторія должна преподаваться на выворотъ.

Не менѣе поражаетъ противорѣчіе Дидро съ самимъ собою, когда онъ, отнеся изученіе классическихъ языковъ на послѣдній годъ школьнаго курса, какъ дѣло вполнѣ побочное и второстепенное въ развитіи юношескихъ умовъ, не безъ восторженности говорить о той великой благотворной роли, которую эти же языки играли въ его собственномъ образованіи. «Многіе годы, говоритъ онъ, передъ сномъ я также обязательно читалъ пѣснь Гомера, какъ священникъ свой молитвенникъ. Съ юности я сосалъ молоко Гомера, Горація, Теренція, Анакреона, Платона и Еврипида, перемѣшанное съ молокомъ Моисея и пророковъ... Языкъ Гомера — это языкъ поэзіи. Да извинится мнѣ тотъ слабый фиміамъ, который я сожигаю передъ статуей учителя, которому я обязанъ тѣмъ, что есть, если чего нибудь стою». Между тѣмъ на вопросъ: кому необходимо знаніе древнихъ языковъ? тотъ же Дидро говоритъ — «почитаю себя въ правѣ отвѣчать на этотъ вопросъ: никому, и развѣ только поэтамъ, ораторамъ, ученымъ и записнымъ литераторамъ, т. е. классу общества, наименѣе полезному». И, однакожь, знакомство съ произведеніями древнихъ писателей въ переводѣ на современныя нарѣчія, Дидро считаетъ отнюдь недостаточнымъ, — «лучшіе переводы древнихъ авторовъ, справедливо замѣчаетъ онъ, безцвѣтныя и безжизненныя копіи; судить о древнихъ по такимъ образцамъ — это все равно, что судить о Рафаэлѣ и Тиціанѣ по описаніямъ».

Хотя, повидимому, при составленіи плана объ устройствѣ учебныхъ заведеній въ Россіи, Дидро главнымъ образомъ билъ на оригинальность, какъ это замѣтно и изъ слѣдующихъ его словъ: «я возстаю противъ системы воспитанія, освященной опытомъ всѣхъ вѣковъ и всѣхъ націй». Онъ посовѣтовалъ, однакожь, Екатеринѣ обратиться за указаніями по занимавшему ихъ предмету также и къ Лейпцигскому ученому филологу Эрнести, одному изъ глав-

ныхъ представителей классическаго знанія въ прошломъ столѣтіи, едва ли раздѣлявшему взгляды Дидро, изложенные имъ въ учебномъ его планѣ.

Какъ противникъ классическаго образованія, Дидро исключаетъ изъ собственно университетскаго образованія философскій факультетъ, главное основаніе котораго составляютъ оба классическіе языка съ ихъ литературами, такъ что въ организацію университетовъ у него входятъ только три факультета: медицинскій, юридическій и богословскій, послѣдній, разумѣется, съ извѣстными предосторожностями. Здѣсь любопытно замѣтить, что болѣе всего Дидро опасался вліянія римской церкви на греческую и старался оградить отъ ея покушеній православіе, почему и совѣтовалъ: «не допускать ничего, что способствовало бы къ сближенію греческой церкви съ римскою; наука, быть можетъ, отъ того и выиграла бы, но это было бы опасно для государственнаго спокойствія. Безразсудно было бы позволять, чтобы такое вліятельное въ государствѣ сословіе, какъ духовное, признавало, какимъ бы-то ни было образомъ, иноземное главенство; это было бы источникомъ постояннаго разъединенія церкви съ сенатомъ (!!). Окончательное рѣшеніе спорныхъ дѣлъ должно принадлежать государю; никакъ не допускать собора внѣ предѣловъ имперіи, никакъ не терпѣть, чтобы предсѣдатель собора былъ кто либо иной, кромѣ государя». И въ данномъ случаѣ онъ рекомендовалъ Екатеринѣ особенно руководиться совѣтами знаменитаго архіепископа Платона. О самомъ же духовенствѣ Дидро выражался слѣдующимъ образомъ: «Я оставилъ бы священниковъ, не какъ представителей истины, но только какъ помѣху возможнымъ, еще болѣе чудовищнымъ заблужденіямъ, не какъ наставниковъ для здравомыслящихъ людей, но какъ стражей сумасшедшихъ; ихъ же церкви сохранилъ бы я какъ пріюты, или сумасшедшіе дома для извѣстнаго рода полоумныхъ, которые стали бы неистовствовать, если не обратятъ на нихъ вниманіе».

Проектъ Дидро, впрочемъ, отличался не только оригинальными, порою даже странными и непримѣнимыми предложеніями, но онъ содержитъ также и нѣсколько вполне дѣльныхъ и справедливыхъ указаній. Такъ, относительно медицинскаго факультета Дидро указалъ на дѣйствительно слабую сторону преподаванія входящихъ въ составъ его наукъ почти во всѣхъ европейскихъ университетахъ въ XVIII столѣтіи, именно на недостатокъ учебныхъ пособій и медицинской практики. Клиническихъ кафедръ въ то время во французскихъ университетахъ не существовало, и Дидро въ своемъ проектѣ совѣтовалъ завести при медицинскихъ факультетахъ анатомическіе театры, гдѣ въ зимній семестръ профессора хирургіи должны были читать лекціи надъ трупами, а рядомъ съ университетами слѣдовало учредить госпитали на 50 кроватей, половина которыхъ предназначалась для больнымъ острыми, а другая—хро-

ническими болѣзнями, съ цѣлью практическихъ занятій студентовъ тѣми и другими въ продолженіе двухъ лѣтъ; продолжительность же общаго курса на медицинскомъ факультетѣ предполагалась семилѣтняя. Далѣе, для курса юридическаго факультета Дидро назначалъ четыре года и вводилъ въ него кафедру гражданскаго и уголовнаго судопроизводства, что было новостью для большинства тогдашнихъ университетовъ. Кромѣ того, онъ находилъ, на примѣръ, полезнымъ учреждать университеты въ небольшихъ городахъ, для которыхъ открывались выгоды отъ жительства въ нихъ молодежи, а послѣдняя обезпечивалась отъ излишнихъ соблазновъ и развлеченій, связанныхъ съ жизнью въ столицахъ и большихъ торговыхъ и портовыхъ городахъ. Онъ находилъ также полезнымъ ввести гонорарій, вносимый студентами профессорамъ за каждый семестръ; по этому поводу онъ дѣлаетъ слѣдующія, не лишеныя и современнаго значенія, замѣчанія: «даровое обученіе испортило нашихъ профессоровъ; въ самомъ дѣлѣ, какое имъ дѣло, много или мало у нихъ слушателей, хорошо или дурно исполняютъ они свою обязанность? Труда имъ меньше, а вознагражденіе то же. Другое удобство этого маленькаго взноса со стороны студентовъ заключалось бы въ томъ, что такую мѣрою уменьшилось бы ихъ число, а оно всегда будетъ слишкомъ велико, каковы бы ни были въ будущемъ обстоятельства и положеніе государства. Легкость поступленія въ учебныя заведенія, самолюбіе родителей, ихъ скупость, побуждающая ихъ избирать такую подготовку дѣтей, которая ничего не стоитъ, вытягиваютъ ихъ дѣтей изъ сословія ихъ родителей; большіе торговые дома угасаютъ, значительныя фабрики упадаютъ или ухудшаются, промышленность сокращается, и для чего? — для того, чтобы выдѣлать одного ученаго доктора».

Заслуживаетъ вниманія также и мнѣніе Дидро о необходимости правительственнаго контроля надъ учебными успѣхами студентовъ, съ каковою цѣлью онъ рекомендовалъ присутствіе на университетскихъ испытаніяхъ особыхъ депутатовъ или представителей отъ сената. Мало того, онъ считалъ необходимымъ ввести для поступающихъ на службу особый экзамень въ комисіи, составленной изъ лицъ того вѣдомства, въ которомъ имъ предстояло служить. Дидро уже сто лѣтъ тому назадъ толковалъ о «государственномъ экзаменѣ», по поводу котораго такъ много разсуждали у насъ въ послѣднее время.

Въ дополненіе къ изложенному проекту, Дидро въ особомъ письмѣ къ императрицѣ предлагалъ слѣдующее, столь же простое, сколько и недѣйствительное средство для устраненія двухъ важныхъ затрудненій, неизбѣжно представлявшихся при введеніи общаго и высшаго образованія въ Россіи, а именно — недостатка въ учебныхъ пособіяхъ и неимѣнія преподавателей: по мнѣнію Дидро, стоило заказать Петербургскимъ академикамъ и западнымъ уче-

нымъ составить потребные учебники и перевести ихъ на русскій языкъ, чтобы избѣжать необходимости вызывать въ Россію, для занятія профессорскихъ и учительскихъ должностей, ученыхъ иностранцевъ, такъ какъ всякій русскій, понимающій написанное въ учебникѣ, могъ бы преподавать данную науку!..

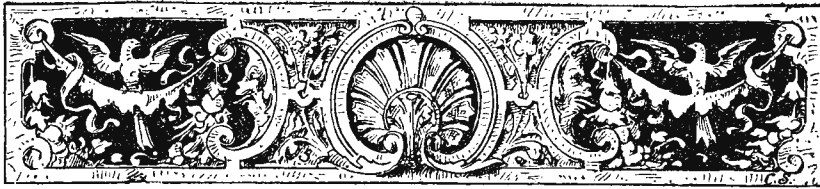
Проектъ Дидро не получилъ никакого практическаго примѣненія и былъ отложенъ Екатериною II въ сторону, какъ непригодный при данныхъ условіяхъ въ управляемой ею странѣ.

Заключеніемъ мемуара графа Толстаго служить его, также весьма интересный, разборъ «Инструкціи», данной, въ 1784 году, императрицею Екатериною II Н. И. Салтыкову, о воспитаніи великихъ князей Александра и Константина Павловичей. Особенно любопытно сравненіе сказанной «Инструкціи» съ служившею для нея главнымъ источникомъ книгой Локка о воспитаніи (уже съ 1760 года переведенной на русскій языкъ): изъ сопоставленія отдѣльныхъ положеній, взятыхъ изъ той и изъ другой и параллельно напечатанныхъ въ «Приложеніи», ярко выступаютъ на видъ своеобразные и нерѣдко свидѣтельствующіе о большомъ педагогическомъ тактѣ взгляды Екатерины на отдѣльные пункты въ дѣлѣ воспитанія.

Полагая, что вышеизложеннаго вполне достаточно для того, чтобы читатель убѣдился въ интересности и серьезности новаго труда графа Д. А. Толстаго, мы прибавимъ здѣсь только, что авторъ пользовался не однимъ лишь печатнымъ матеріаломъ, но также и архивными документами, какъ это видно, на примѣръ изъ ссылки на 73-й страницѣ его монографіи.

И. В.

РУССКІЯ ПОЧТЫ ВЪ XVII И НАЧАЛѢ XVIII СТОЛѢТІЙ.

КЪ ПОЯВЛЯЮЩИМСЯ время отъ времени въ нашей литературѣ историческимъ монографіямъ прибавилась еще одна, заслуживающая вниманіе монографія, подъ заглавіемъ «Къ исторіи русскихъ почтъ. Очеркъ ямскихъ и почтовыхъ учрежденій отъ давнихъ временъ до царствованія Екатерины II. И. П. Хрущова. Съ портретами, снимками и картами. С.-Петербургъ. 1884 г.». Составленіе ея началось еще въ 1880 году, по почину тогдашняго директора почтоваго департамента, барона Веліо. Въ этой монографіи предполагалось изобразить начало и развитіе почтоваго дѣла въ Россіи, отъ времени натуральной почтовой повинности, состоявшей въ дачѣ княжескому гонцу коня и корма, до 1878 года, т. е. до парижскаго почтоваго конгресса, или до примѣненія къ нашимъ почтамъ началъ, принятыхъ единогласно всѣми европейскими правительствами. Теперь вышла первая часть этого труда подъ самостоятельнымъ названіемъ «Очерка», который обнимаетъ древнее время и петербургскій періодъ русской исторіи до воцаренія Екатерины II, когда сдѣлано было коренное переустройство у насъ почтовой части. До временъ же Екатерины II, ямскія и почтовыя учрежденія, по своей первобытности и простотѣ, были чрезвычайно своеобразны и представляли какъ бы отраженіе нашего несложнаго государственнаго и общественнаго быта, которому несвойственна была быстрота передвиженій и сношеній. Въ виду этой своеобразности нашего почтоваго дѣла и обособленности его прежняго устройства отъ послѣдующаго, г. Хрущовъ весьма основательно призналъ возможность издать исторію этого дѣла до вре-

мень Екатерины II, какъ самостоятельное сочиненіе, снабдивъ его всѣми тѣми приложениями, которыя были предназначены для казеннаго изданія, т. е. двумя портретами: Ордына-Нащокина и Вишуса, двумя снимками и четырьмя картами. Между разными печатными источниками, послужившими для составленія упомянутого «Очерка», авторъ пользовался дѣлами архива почтоваго департамента, дѣлами бывшаго посольскаго приказа и бывшими ямской канцеляріи и иностранной коллегіи, а также и нѣкоторыми рукописями императорской публичной бібліотеки.

Руководствуясь трудомъ г. Хруцова, мы укажемъ на факты наиболѣе выдающіеся въ исторіи нашего почтоваго дѣла.

Еще въ 1666 году, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, по почину извѣстнаго, въ то время, боярина Ордына-Нащокина была устроена въ государствѣ Московскомъ почта для пересылки государственныхъ бумагъ и частной переписки торговыхъ людей. Впрочемъ, попытки къ учрежденію правильной почты на Руси дѣлались еще и прежде, и онѣ были вызываемы безпрестанными дипломатическими сношеніями между Россіею и Польшею передъ заключеніемъ Деулинскаго мира. При этомъ, безъ учрежденія какого либо особаго почтоваго управленія, правительство воспользовалось существовавшимъ уже на Руси «ямомъ» или ямщицкими стойками, чрезвычайно размножившимися еще въ XVI столѣтіи. Первоначально казенныя почтовые сообщенія производились черезъ посылаемыхъ каждый разъ нарочныхъ гонцовъ, которые имѣли право пользоваться, отъ имени правительства, всѣми представлявшимися, въ то время, общественными и частными способами для передвиженія съ одного мѣста на другое. Послѣ того правительство приступило къ устройству, на извѣстныхъ путяхъ, подставъ и домовъ для ночлега и корма, т. е. къ устройству станцій. Затѣмъ почтовое дѣло улучшилось тѣмъ, что для пересылки казенныхъ бумагъ, а также и частной переписки было установлено срочное движеніе, и дано было болѣе способовъ для передвиженія гонцовъ. Все это не было, однако, водвореніемъ почты на европейскихъ началахъ, но истекало только изъ существовавшей искони на Руси повинности обывателей—давать князю и его людямъ «кормъ и повозъ». Но правительство стало за извѣстную плату передавать право пользованія такою повинностію и частнымъ людямъ, представлявшимъ данную отъ правительства на проѣздъ грамоту. На развитіе почтовыхъ сношеній въ прежней Руси имѣло отчасти вліяніе и господство татаръ, которые, еще въ мѣстахъ прежняго ихъ пребыванія въ Азіи, устраивали на проѣздныхъ дорогахъ для своихъ чиновниковъ, пословъ и гонцовъ особые станы, и на эти станы окрестные жители, по повелѣнію хана, должны были доставлять лошадей и всякаго рода продовольствіе. Самыя слова, сдѣлавшіяся столь употребительными въ русскомъ языкѣ: «ямъ» и «ямщикъ»—

слова татарскія. Изъ нихъ первое происходитъ отъ «дзямъ» — дорога, а второе отъ «ям-чи» — проводникъ. Устройство ямовъ такъ размножилось, что въ XVII вѣкѣ Архангельскъ, Смоленскъ, Нижній-Новгородъ и сѣверскіе города, а позднѣе и украинскіе, преимущественно Новгородъ и Псковъ, черезъ которые проѣзжали въ столицу иноземные послы, были соединены ямами съ Москвою.

Подорожныя грамоты стали появляться уже въ XV вѣкѣ. Древнѣйшая изъ нихъ относится къ 1493 году.

Изъ иностранцевъ впервые сообщилъ свѣдѣнія объ ямской ѣздѣ въ Россіи извѣстный баронъ Герберштейнъ, бывшій въ Московскомъ государствѣ въ началѣ XVI вѣка. Онъ пишетъ: «великій князь московскій имѣетъ по разнымъ мѣстамъ своего княжества ямщиковъ съ достаточнымъ количествомъ лошадей, такъ что куда бы князь ни послалъ своего гонца, вездѣ для него найдутся лошади. Гонецъ имѣетъ право выбирать коня, который покажется ему лучшимъ. На каждомъ яму лошадей намъ мѣняли. Въ свѣжихъ лошадяхъ недостатка не было. Кто требовалъ ихъ 10 или 12, тому приводили ихъ 40 и 50. Усталыхъ оставляли на дорогѣ и замѣняли другими, которыхъ брали въ первомъ селеніи или у проѣзжающихъ».

Ямская ѣзда была, по свидѣтельству Герберштейна, и дешева и быстра. За 10 и даже за 20 верстъ платили не болѣе 6 денегъ, а ѣздили такъ быстро, что одинъ изъ служителей барона пріѣхалъ изъ Новгорода въ Москву въ теченіи 52 часовъ. Въ ямщики поступали охочіе люди, селившіеся по большимъ дорогамъ особыми слободами, а для ямскихъ лошадей каждой слободы установилось тавро или «пятно» по особому рисунку. Ямщиковъ, какъ неспихъ тягло на службѣ правительству, стали зачислять въ разрядъ «людей служилыхъ», т. е. такихъ, которыхъ нельзя было закрѣпить за частнымъ лицомъ, помѣщикомъ; а ямщицкія слободы быстро размножались и расширялись вслѣдствіе увеличенія ихъ населенія охочими людьми. Можно даже сказать, что вслѣдствіе этого, ямщики составили изъ себя особое сословіе въ государствѣ, несшее опредѣленныя обязанности и за то пользовавшееся нѣкоторыми правами.

Царь Михаилъ Федоровичъ завелъ «Ямской приказъ», начальникомъ котораго былъ сдѣланъ знаменитый князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій. Ямскому приказу, кромѣ ямскихъ сборовъ, былъ также подвѣдомственъ сборъ и на выкупъ плѣнныхъ. Приказъ этотъ разбиралъ взаимныя тяжбы и иски ямщиковъ, провѣрялъ гонечныя книги и выдавалъ подорожныя, а также завѣдывалъ и почтовою частью, которая первоначально была въ неразрывной связи съ ямскою.

Въ 1650 году послѣдовалъ цѣлый рядъ распоряженій относительно ямщицко-почтоваго дѣла. Ямщикамъ, какъ нужнымъ для

государева дѣла людямъ, даны были нѣкоторыя льготы относительно обязательной государственной службы и, сверхъ того, они были освобождены отъ податей, платимыхъ посадскими людьми. Въ добавокъ къ ямщикамъ, царь Алексѣй Михайловичъ завелъ такъ называемыхъ «трубниковъ», которые должны были «отъ Москвы до Путивля съ государевыми грамотами и изъ Путивля къ государю къ Москвѣ съ отписками ѣздить отъ стана до стана на-скоро».

Въ 1665 году, въ Москву явился частный предприниматель по устройству почтъ,—голландецъ Иванъ фанъ-Сведень, предложившій доставлять черезъ каждыя двѣ недѣли въ приказъ тайныхъ дѣлъ, на своихъ лошадяхъ и своими людьми, вѣдомости изъ-за границы черезъ Ригу, а затѣмъ вообще устроить почту въ Вильно, черезъ Великій Новгородъ и Курляндію, и эта почта была передана въ вѣдѣніе фанъ-Сведена. Въ 1668 году, почта отъ фанъ-Сведена перешла въ вѣдѣніе иноземца Леонтія Марселиса, которому царь велѣлъ завѣдывать почтою въ Москвѣ и въ Курляндіи покамѣстъ тамъ посольство будетъ, а какъ оно совершится, тогда той почтѣ быть черезъ Смоленскъ на Вильно. Главный же надзоръ надъ почтами государь поручилъ боярину Ордыну-Нащокину. Къ такому устройству почты побудилъ государя заключенный съ польскими послами договоръ, въ силу котораго, для облегченія сношеній между королемъ и царемъ, «наипаче для приумноженія обоимъ государствамъ торговыхъ прибытковъ» постановлено было: учредить вмѣсто гонцовъ, правильную почту съ одной стороны отъ мѣста пребыванія короля только до польскаго Кодина, лежавшаго на польской границѣ, а съ другой—отъ Москвы черезъ Смоленскъ до мѣстечка Мигновичи, лежавшаго близъ Кодина на новой русской границѣ. Въ упомянутомъ договорѣ, между прочимъ, было сказано, что какъ государскіе, такъ и торговые листы и отвѣты должны быть отправляемы какъ можно скорѣе по этой почтѣ и взаимно другъ другу передаваться русскими и польскими почтмейстерами, поставленными въ двухъ означенныхъ мѣстечкахъ; за возку же частной корреспонденціи предполагалось назначить соразмѣрную плату. Почтовые сумки Марселисъ долженъ былъ возить день и ночь съ поспѣшеніемъ и со всякимъ сбереженіемъ, не распечатывая и не смотря ничего, и передавать во двory почтмейстерамъ. Сдѣлано было такое распоряженіе, чтобы ямщики были люди благонадежные изъ выборныхъ и цѣловавшихъ крестъ. Марселисъ желалъ, чтобы они всѣ носили однообразную одежду, а именно: зеленые суконные кафтаны, съ орломъ изъ краснаго сукна на правой сторонѣ кафтана, а на лѣвой—рожокъ для того, чтобы они въ дорогѣ были «знатны», т. е. замѣтны. Марселису разрѣшено было возить по почтѣ: дорогіе каменья, жемчугъ и золото. Почта, учрежденная по договору съ Марселисомъ, имѣла собственно значеніе почты международной, но вслѣдъ за тѣмъ признано было нужнымъ учре-

дить на тѣхъ же основаніяхъ и внутреннюю почту. Устроены были четыре почтовые тракта со срочнымъ по нимъ движеніемъ въ указанные дни, даже и тогда, когда возить было нечего. Изъ четырехъ упомянутыхъ трактовъ особое значеніе имѣлъ рижскій, такъ какъ по немъ доставлялись въ Москву иностранныя газеты или «куранты». Изъ нихъ въ Москвѣ получались: четыре газеты на нѣмецкомъ языкѣ; двѣ на голландскомъ и, сверхъ того, письменныя извѣстія на нѣмецкомъ языкѣ. Ордынъ-Напокинъ чрезвычайно сочувствовалъ дѣятельности Марселиса и предпріятіе его называлъ «великимъ государственнымъ соединительнымъ дѣломъ», которое «впередъ къ умноженію всякаго добра царству московскому будетъ».

Въ 1670 году, послѣ смерти Леонтія Марселиса, почта порешла въ завѣдываніе къ его сыну Петру, а въ 1675 году, вслѣдствіе неисправности Петра Марселиса, почта была передана въ вѣдѣніе переводчика посольскаго приказа Андрея Виніуса.

При Виніусѣ было приказано возить почту не только не мѣшкотно, но и съ такою исправностію, чтобы ямщики въ положенный часъ ждали у назначеннаго для того стана и чтобы они вмѣсто себя ни кого другаго не посылали. За неисполненіе этихъ распоряженій приказано было: «бить батоги безъ пощады». Почтовые сношенія съ заграницей возбуждали подозрительность въ русскомъ правительствѣ и въ 1690 году былъ посланъ указъ въ Смоленскъ о вскрытіи всѣхъ писемъ, отправляемыхъ за границу.

Въ 1696 году, англійскіе и голландскіе купцы просили царей Ивана и Петра объ учрежденіи почты отъ Москвы до Архангельска, и просьба ихъ была удовлетворена, причемъ было обращено вниманіе на неизбѣжность улучшить почтовую дорогу и введены были точныя отмѣтки на станціяхъ о проходѣ почты по означенному тракту.

При Петрѣ I почтово-ямщицье дѣло, какъ и всѣ государственныя потребности, стали развиваться сильнѣе прежняго. Ямщики стали расходиться, жалуясь не только на претерпѣваемые ими обиды и притѣсенія, но и на неплатежъ имъ прогонныхъ денегъ служилыми людьми. Противъ этого Петръ принялъ разныя мѣры: онъ закрѣпилъ ямщиковъ въ ихъ званіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ приказалъ удовлетворить ихъ на этотъ разъ деньгами изъ суммъ посольскаго приказа; въ то же время запретилъ давать лошадей по воеводскимъ и по какимъ другимъ грамотамъ, почему и донинѣ подорожная выдается только «по указу его императорскаго величества». Петръ вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣлъ означать въ подорожныхъ кто отъ какого приказа былъ посланъ и сколько прибывающій долженъ платить на каждомъ яму прогоновъ, дабы ямщики могли основательно жаловаться въ случаѣ неплатежа слѣдующихъ имъ отъ служилыхъ людей казенныхъ прогоновъ. Исправность доставки

всего пересылаемаго по почтѣ была доведена до того, что Виніусъ, завѣдывавшій почтою, за не прописку, въ данной ямщикамъ подорожной, наставленій относительно сбереженія почты, долженъ былъ быть потребованнымъ въ Ямской приказъ и тамъ, «по розыску быть пытанымъ». Вообще, устройство архангелогородской почты отличается установленіемъ многихъ формальностей, но, не смотря на это, какъ замѣчаетъ г. Хрущовъ, она въ сущности сдѣлала шагъ назадъ, и вотъ почему именно: Марселісь при передачѣ ему смоленской почты былъ обязанъ гонять ее въ урочные дни непременно, хотя бы и не было посольскихъ и другихъ грамотъ. Виніусъ же могъ распоряжаться почтою совершенно патріархальнымъ порядкомъ. Такъ, онъ, обязанный отправить почту одинъ разъ въ недѣлю, могъ однако и не отправить ее, если къ назначенному дню не было отъ великаго государя грамотъ, воеводскихъ отписокъ и никакихъ грамотъ въ Москвѣ или въ Архангельскѣ, такъ что на потребности частныхъ лицъ и городовъ, промежуточныхъ между Москвою и Архангельскомъ, не было обращено никакого вниманія.

Въ 1700 году, Петръ, начиная войну съ Швеціею, былъ озабоченъ благоустройствомъ заграничной почты и вслѣдствіе этого, по предложенію Андрея Виніуса, былъ учрежденъ новый почтовый трактъ отъ Смоленска къ Пскову, такъ какъ предстоявшая война препятствовала сообщеніямъ черезъ Ригу, и поэтому нужно было направить заграничную почту черезъ Литву. Въ 1701 году, заграничная почта изъ вѣдѣнія стольника Виніуса перешла въ вѣдѣніе переводчика посольскаго приказа Петра Шафирова, при чемъ, однако, почта осталась на прежнемъ коммерческомъ основаніи, и какъ Виніусу было предоставлено право «взимать со всѣхъ писемъ золотниками въ оба пути должный сборъ противъ прежняго», такъ точно долженъ былъ поступать и Шафировъ, уплачивая прогонныя деньги изъ взимаемаго имъ почтоваго сбора. При этомъ онъ обязанъ былъ вести счетъ и имѣть записныя книги. Кромѣ того, онъ долженъ былъ пересылать бесплатно государеныя приказы и «всякія государственныя дѣла».

Шведская война вызвала устройство еще и новоторжскаго тракта «для свѣйской службы». Война эта тяжело отозвалась на ямщикахъ въ сѣверной полосѣ Россіи, такъ какъ они должны были безостановочно возить полковую казну, пушечные припасы и ратныхъ людей. Они дошли до того, что имъ не стало чѣмъ кормить лошадей. Жалобы эти были уважены Петромъ, и онъ приказалъ увеличить число ямщиковъ и выдавать по 20 рублей жалованья на выть. Но ни помѣщики, ни монастыри, не хотѣли отдавать своихъ крестьянъ въ ямскія выти. Петръ однако не уважилъ домогательства монастырей.

Съ основаніемъ Петербурга былъ проложенъ къ нему новый

трактъ отъ Новгорода, а вмѣстѣ съ тѣмъ была устроена почта изъ Москвы въ южномъ направленіи черезъ Сѣвскъ, Батуринь и Нѣжинъ до Бѣлой Церкви. При устройствѣ этой почты, какъ и при устройствѣ другихъ почтъ, ямщикамъ былъ сказанъ государевъ указъ съ подкрѣпленіемъ, чтобы они исполняли его подъ опасеніемъ себѣ жестокаго наказанія и пытки, и почту возили бы бережно «подъ пазухою», чтобы отъ дождя нигдѣ не измочить и печатей и обертокъ не попортить и другъ другу отдавать по станамъ ее съ росписками. Почта эта была первою почтою, устроенною внѣ вѣдѣнія Ямскаго приказа и подчинена была приказу Малой Россіи. Почтари къ ней были опредѣлены какъ бы рекрутскимъ наборомъ, они ѣздили верхомъ и передвиженіе на подводахъ не входило въ обязанность этой почты.

Изъ книги г. Хруцова видно, что въ промежутокъ времени отъ 1704 по 1707 годъ было учреждено нѣсколько новыхъ трактовъ и состоялся указъ о водвореніи во всѣхъ ямахъ тѣхъ ямщиковъ, которые, уйдя оттуда, поселились въ посадахъ и стали заниматься промыслами и торговлею. Такихъ отлучившихся ямщиковъ велѣно было сыскать и затѣмъ, кромѣ ямской гоньбы, ни въ какія службы и въ тягло не писать.

Въ 1711 году, установлена была поверстная плата за «почтовыхъ» лошадей — по деньгѣ на версту. При этомъ указано было никому почтовыхъ лошадей не давать за исключеніемъ: князя Меншикова, фельдмаршала Шереметева, адмирала Апраксина и канцлера Головкина. Учрежденіе почтъ вызвало нѣкоторыя особыя санитарныя мѣры. Такъ, въ 1710 году, при появленіи заразы, сдѣлано было распоряженіе о приѣмѣ на заставахъ писемъ издали, о держаніи ихъ на вѣтру и объ окуриваніи можжевеловымъ. Ямской приказъ долженъ былъ разсылать въ Москвѣ письма провѣтренныя и окуренныя и не иначе какъ со своими посланными, а не съ прибывшими въ Москву почтарами.

Въ 1711 году, Ямской приказъ былъ упраздненъ, а вмѣсто него учреждено было Ямское поветье подъ вѣдѣніемъ «въ Московскои губерніи управителя», но вскорѣ ходъ дѣлъ потребовалъ возстановленія прежняго приказа. При учрежденіи сената главное завѣдываніе ямскою гоньбою и почтами перешло къ нему, и только иностранная почта осталась въ вѣдѣніи Посольскаго приказа подъ главнымъ надзоромъ Шафирова, бывшаго уже въ то время государственнымъ подканцлеромъ.

Географическое положеніе Петербурга потребовало усиленнаго развитія почтовыхъ сношеній и тогда учреждена была изъ Петербурга до Москвы обыкновенная почта, ѣздившая въ недѣлю два раза, а также были устроены ямы, въ которые были выбраны лучшіе «семьянистые лошадные люди». Въ 1723 году, были уже въ Россіи 4 почтовые конторы, которыми исключительно завѣды-

вали нѣмцы, а также и центральное управленія всѣми почтами подъ названіемъ «General-Post-Amt». Въ 1716 году, была учреждена «полевая почта, при которой состояли и почтальоны». Въ 1717 году, подводы были раздѣлены на почтовые и ямскія, и тѣ и другія разрѣшено было брать «партикулярнымъ» лицамъ, но только съ двойною платою противъ той, какая взималась съ проѣзжихъ по казенной надобности. Въ 1719 году, состоялся указъ о проведеніи изъ Петербурга ординарной почты до всѣхъ «знатныхъ» городовъ, и мѣры эти значительно облегчили ямщиковъ, такъ какъ сократилась посылка курьеровъ и гонцовъ, бывшихъ главными притѣснителями ямщиковъ. Почта, смотря по важности городовъ, должна была ходить въ недѣлю одинъ или два раза, исключительно для посылки указовъ и казенныхъ бумагъ. Указъ объ этомъ велѣно читать въ городахъ и селахъ, на торжкахъ и ярмаркахъ, чтобы всѣ знали объ ограниченіи права брать для кого бы-то ни было ямскія и почтовые подводы.

Въ 1722 году, во время похода въ Персію, указомъ Петра была учреждена новая должность генераль-почтъ-директора. Въ инструкціи, данной государемъ этому новому сановнику, сведены были въ одно всѣ потребности почтоваго дѣла, все то, на что было обращено вниманіе въ указахъ послѣдняго десятилѣтія, какъ - то: о защитѣ ямщиковъ отъ испытываемыхъ ими притѣсненій со стороны проѣзжающихъ, о постановленіи относительно опредѣленнаго количества подводъ, подтвержденіе о платѣ, о взиманіи прогоновъ со всѣхъ лицъ, безъ всякаго исключенія, хотя бы и съ ѣдущихъ по казенной надобности, объ обязательной пересылкѣ казенныхъ бумагъ по почтѣ, о платѣ за это изъ присутственныхъ мѣстъ. Иностранная почта до времени осталась на прежнемъ положеніи и только было высказано предположеніе объ устройствѣ ея впослѣдствіи по иностраннымъ образцамъ. На должность генераль-почтъ-директора былъ назначенъ надворный совѣтникъ Алексѣй Дашковъ.

Въ послѣдній годъ царствованія Петра и въ Сибири была учреждена почта, которая должна была быть отправляема одинъ разъ въ мѣсяць.

Въ дальнѣйшемъ развитіи у насъ почтоваго дѣла замѣтны усилія правительства устранить тѣ злоупотребленія, которыя начали устанавливаться по почтовому вѣдомству. Такъ, въ 1725 году, приказано было наблюдать, чтобы никакихъ партикулярныхъ писемъ не было влагаемо въ казенные пакеты. Въ 1727 году, во главѣ почтоваго вѣдомства стала тогдашній вице-канцлеръ баронъ—впослѣдствіи графъ — Остерманъ. При немъ была уменьшена почти втрое такса за письма, отправляемыя отъ Петербурга до Мемеля; устроенъ былъ прямой почтовый трактъ отъ Петербурга до Архангельска, помимо Москвы, Ярославля и Вологды. Этимъ трак-

томъ былъ сокращенъ путь съ 2,000 верстъ до 1,178 и сдѣлано это было съ цѣлью «способствовать коммерціямъ и публичному интересу». Остерманъ обратилъ также вниманіе и на тѣ злоупотребленія, какія въ отношеніи ямщиковъ позволяли себѣ воеводы и вице-губернаторы, принуждавшіе ямщиковъ возить безденежно даже дрова, а когда ямщики отказывались исполнять это, то ихъ, какъ ослушниковъ, заковывали въ желѣза или били батожемъ. За такія притѣсненія сенатъ установилъ взыскивать съ виновныхъ значительные, по тому времени, денежные штрафы.

При Аннѣ Іоанновнѣ состоялись указы о неотягощеніи лошадей тяжестью свыше 10 пудовъ, объ учрежденіи «телѣжной почты», о прибавкѣ лошадей на станціяхъ. Запрещено было подъ страхомъ тѣлесной и даже «смертной казни» непристойно ругать почтовыхъ управителей или служителей, или «оказывать имъ невѣжество и нахальство». Все это, впрочемъ, относилось собственно къ Лифляндіи, но нѣкоторыя улучшенія по почтовой части были произведены и въ другихъ мѣстахъ имперіи. Такъ, въ 1731 году, запрещено было пересылать изъ Астрахани почту сухимъ путемъ, по опасности отъ тамошнихъ «вѣтреныхъ» народовъ. Въ Малороссіи еще учреждена «ординарная» почта. Обращено было вниманіе на Сибирь, дабы не обременять тамошнихъ жителей выставкою на станахъ одновременно значительнаго числа лошадей. Берингъ, отправленный въ Камчатку для научныхъ изслѣдованій, долженъ былъ самъ заботиться объ устройствѣ почтовыхъ сношеній съ Петербургомъ. Объ устройствѣ почтъ въ Сибири старался въ особенности извѣстный историкъ Татищевъ, желая примѣнить къ Сибири тѣ порядки по почтовой части, какіе были установлены для Лифляндіи. Онъ задумывалъ даже изданіе «Дорожника», которымъ могли бы руководствоваться проѣзжающіе при платежѣ прогоновъ. Вообще, Татищевъ имѣлъ такіе обширные взгляды на цѣль и способы устройства почтъ, что впоследствии даже Безбородко не могъ осуществить многихъ изъ высказанныхъ Татищевымъ предположеній.

Походы Миниха въ Крымъ вызвали, по его требованію, отчасти улучшенія почтовыхъ сообщеній, а отчасти и учрежденіе новыхъ; то же самое вызвала и отправка русскихъ пословъ на съѣздъ съ турецкими уполномоченными. Смотрителей на почтовыхъ станахъ начали опредѣлять изъ офицеровъ, состоявшихъ при ямской канцеляріи. Въ 1739 году, повелѣно было учредить почтовые станы въ «донскихъ» казачьихъ городкахъ, и на этихъ станахъ давать подводы только тѣмъ лицамъ, которыя будутъ посланы для государевыхъ дѣлъ. Въ 1740 году, состоялся чрезвычайно важный указъ объ устройствѣ почтъ во всѣхъ губерніяхъ и провинціяхъ, съ тѣмъ, чтобы «способы къ пересылкѣ писемъ всякому свободны были». Въ образецъ для устройства новыхъ почтъ были взяты почты отъ Петербурга до Москвы и отъ Москвы до Кіева.

Когда, по вступленіи на престолъ императрицы Елизаветы, Остерманъ былъ отправленъ въ ссылку, то почты были отданы въ непосредственное вѣдѣніе великаго канцлера князя Черкаскаго, но съ назначеніемъ на мѣсто вице-канцлера Бестужева-Рюмина, онѣ были подчинены этому послѣднему. При немъ, какъ и въ прежнее время, продолжались жалобы ямщиковъ на испытываемыя ими притѣсненія, а правительство съ своей стороны старалось ограничивать число бланковъ, выдаваемыхъ на проѣздъ безъ платежа прогоновъ. И въ это время открытіе новыхъ почтовыхъ трактовъ обуславливалось прежде всего военными потребностями. Кромѣ того, для привоза изъ Астрахани фруктовъ къ высочайшему столу была устроена сухопутная почта отъ Москвы до Царицына и отъ Царицына до Астрахани судоходная, которая, соотвѣтственно вызвавшей ее потребности, называлась «фруктовой» почтой.

Въ 1744 году, въ новозавоеванныхъ областяхъ Финляндіи было учреждено 7 почтовыхъ станцій. Была также учреждена почта для города Раненбурга, рязанской губерніи, для сношенія съ тѣми лицами, которыя были назначены для наблюденія за сосланною туда брауншвейгскою фамиліею. Учреждены были также почты и по тракту въ Оренбургъ, при чемъ «купецкія» письма должны были быть оплачиваемы по особой таксѣ. Вообще, въ половинѣ прошлаго столѣтія, протяженіе всѣхъ почтовыхъ путей въ Россіи доходило до 16.434 версты, считая при этомъ Москву исходною ихъ точкою, но не включая трактовъ изъ Петербурга до Москвы и до Смоленска. Для возки почты были заведены крѣпкіе чемоданы, которые обвертывались парусиною. Указы стали развозить въ кожаныхъ сумахъ, запечатывать въ пакеты изъ толстой картонной бумаги, а большіе конверты—запирать въ холстъ. Въ царствованіе Елизаветы выходили иногда по почтовому вѣдомству странная, по современнымъ намъ понятіямъ, распоряженія. Мы говорили уже о «фруктовой» почтѣ. Кромѣ того, былъ еще и такой случай. Однажды императрица приказала привезти въ Петербургъ изъ Москвы лучшихъ дьяконовъ на среду или, по крайней мѣрѣ, на четвергъ страстной недѣли и тогда выпелъ указъ—не выдавать никому подорожныхъ, пока дьяконы не будутъ привезены въ Петербургъ. Почтовые дороги при Елизаветѣ были такъ дурны, что почты изъ Москвы приходили въ Петербургъ на тринадцатый и даже на четырнадцатый день, и на этомъ трактѣ «ради многой гоньбы и изнеможенія ямщиковъ» былъ установленъ платежъ двойныхъ прогоновъ.

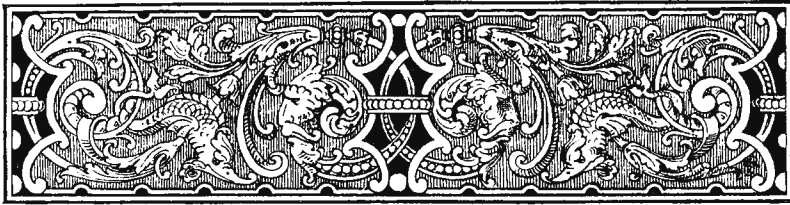
Въ послѣдніе годы царствованія Елизаветы и въ шестимѣсячное царствованіе Петра III почты отличались прежнимъ разстройствомъ: то пакеты не доходили по назначенію, то ямщики доведены были до раззоренія, то возникали взаимныя ссоры между проѣзжими и ямщиками. Въ это же время главноприсутствующій

въ ямской канцеляріи генераль-поручикъ Овцынъ озаботился устройствомъ на станціяхъ почтовыхъ дворовъ, какъ гостинницъ съ трактирами. Не лучше было состояніе почтъ и въ первыя семнадцать лѣтъ царствованія Екатерины II. Только со времени вступленія въ управленіе почтовымъ вѣдомствомъ графа А. А. Безбородки начались существенныя улучшенія и преобразованія по этой части, причемъ приняты были за образецъ французскія почты.

Мы заимствовали изъ книги г. Хрущева только самыя главныя указанія, но въ ней есть не мало любопытныхъ свѣдѣній, и вообще книга эта можетъ быть прочтена легко, не смотря на то, что предметъ ея самъ по себѣ представляетъ, повидимому, мало занимательнаго.

Е. Карновичъ.

ГЕРЦОГЪ РЕЙХШТАТСКІЙ.

(Статья Ф. Гогенгаузена.)

ПРЕЖДЕВРЕМЕННАЯ смерть и разбитая жизнь герцога Рейхштатскаго придаютъ его исторіи особенно грустный интересъ; его трагическая судьба служитъ достойнымъ эпилогомъ всемірной драмѣ, разыгранной Наполеономъ съ такимъ величественнымъ паѳосомъ.

20-го марта 1811 года, громъ орудій возвѣстилъ рожденіе наследника престола. Вся Франція ликовала,—Наполеонъ былъ упоенъ счастіемъ. Ему, столь суевѣрному къ числамъ и днямъ, роковое число 20-го марта, казалось, должно было бы подсказывать недобрыя предзнаменованія. Въ этотъ день, семь лѣтъ тому назадъ, въ Венсенскомъ рву разстрѣлянъ былъ, по приказанію перваго консула, герцогъ Энгіенскій. Кровавый призракъ долженъ былъ бы заслонить образъ восходящаго свѣтила счастья.

Четыре года Наполеонъ безмятежно наслаждался отцовскими радостями; онъ страстно любилъ сына, любовался имъ, когда тотъ бывало игралъ на его колѣняхъ. Знаменитая картина Жерара увѣковѣчила эти краткія и счастливыя минуты изъ жизни Наполеона.

Господствующая страсть Наполеона,—ненасытное его властолюбіе, не вполне подавили въ немъ человѣческое чувство истинной любви; вѣдь чувствовалъ же онъ и прелесть поэзіи, читалъ же онъ Оссіана, даже во время своихъ походовъ.

Грустно вспомнить, что этому великому человѣку, нѣкогда властелину міра, не суждено было пользоваться ласками единственнаго сына, не суждено было то наслажденіе, которое неощенно

для каждаго простаго смертнаго. На смертномъ одрѣ онъ тщетно призывалъ сына, милый образъ котораго носился передъ его глазами.

Императорскій отрокъ, четырехъ лѣтъ, потерялъ корону, отечество, отца; у него было даже отнято имя,—его сдѣлали герцогомъ Рейхштатскимъ и назвали Францемъ: имя Наполеона было изгнано изъ всѣхъ календарей.

Маленькаго француза стерегли нѣмецкіе воспитатели въ Шенбрунскомъ замкѣ, какъ птичку въ клѣткѣ, боясь, чтобъ орлиная кровь въ немъ не заговорила. Но герцогъ Рейхштатскій былъ тихій, грустный ребенокъ; онъ съ раннихъ лѣтъ привыкъ скрывать свои дѣтскія чувства. Разъ только онъ выказалъ силу своихъ ощущеній, когда ему, едва десяти-лѣтнему мальчику, сообщили о смерти отца; потрясеніе, произведенное на него этимъ извѣстіемъ, было такъ сильно, что опасались за его жизнь. Добродушный дѣдъ его, императоръ Францъ, осыпалъ его ласками, стараясь всячески утѣшить. Маленькій герцогъ не хотѣлъ покинуть комнаты, въ которой онъ получилъ роковую вѣсть; въ ней онъ велѣлъ повѣсить портретъ отца, и часто проводилъ часы въ созерцаніи его изображенія.

Въ этой же комнатѣ, десять лѣтъ спустя, суждено было умереть и ему.

Замокъ Шенбрунъ, въ которомъ Наполеонъ провелъ самые славные, самые свѣтлые дни своей жизни, когда онъ сваталъ дочь габсбургскаго дома, тотъ же замокъ видѣлъ смерть послѣдняго, единственнаго отростка этого гениальнаго человѣка.

Съ годами, въ молодомъ герцогѣ постоянно росло желаніе ознакомиться съ исторіею отца. Императоръ Францъ, который вообще очень любилъ внука, находилъ желаніе это вполне естественнымъ и готовъ былъ его исполнить; онъ говорилъ: «Внукъ мой добръ, уменъ и разсудителенъ; было бы несправедливо не показать ему отца тѣмъ, чѣмъ онъ дѣйствительно былъ — величайшимъ гениемъ; при этомъ необходимо только указать ему, что неограниченное честолюбіе, безпредѣльная гордость и самообольщеніе, привели Наполеона къ паденію.

Преподавателемъ исторіи Франціи герцогу Рейхштатскому былъ избранъ маршалъ Мармонъ. Отъ него ожидали, что онъ не станетъ выставлять своего бывшаго товарища и покровителя въ слишкомъ благопріятномъ свѣтѣ. Измѣнивъ Наполеону въ несчастіи, онъ предался Бурбонамъ и послѣ июльской революціи явился въ Вѣну искателемъ мѣста. Даже самъ Меттернихъ надѣялся, что Мармонъ охладитъ юношескіе порывы герцога къ поклоненію памяти отца.

Мармонъ былъ представленъ герцогу на придворномъ балу; видъ сына его бывшаго царственнаго друга произвелъ на него сильное впечатлѣніе, и самъ герцогъ былъ потрясенъ этимъ свиданіемъ; едва удерживая слезы, онъ долженъ былъ прислониться къ стѣнѣ, чтобъ не упасть. Во время уроковъ, Мармонъ скоро замѣтилъ вол-

неніе, которое вызывала въ ученикѣ его память отца. Видно было, что герцогъ только и мечталъ достигнуть такой-же славы. Глаза его блистали, когда онъ внималъ рассказамъ о славныхъ подвигахъ Наполеона, и самъ рассказчикъ такъ увлекался при воспоминаніяхъ о славныхъ дѣлахъ, въ которыхъ и онъ принималъ такое близкое участіе, что забывалъ наставленія Меттерниха быть холоднымъ въ изложеніи своего предмета.

Однажды герцогъ восторженно и съ горечью воскликнулъ: «Еслибъ отецъ и мать моя не покинули Парижа, судьба наша могла бы быть совсѣмъ иною».

Припоминая, что при отъѣздѣ императрицы Маріи Луизы сынокъ ни за что не хотѣлъ дозволить увезти себя изъ Тюльери и съ громкимъ плачемъ хватался ручками за двери, Наполеонъ въ своемъ заточеніи на островѣ св. Елены часто съ удовольствіемъ говорилъ объ этомъ трогательномъ эпизодѣ.

По окончаніи преподаванія, герцогъ Рейхштатскій подарилъ Мармону свой портретъ съ слѣдующею надписью:

«Arrivé près de moi par un zèle sincère
Tu me contais alors l'histoire de mon père.
Tu sais combien mon âme attentive à ta voix
S'échauffait au récit de ses nobles exploits».

(Придя ко мнѣ, влекомый искренною ревностью, ты рассказалъ мнѣ исторію моего отца. Ты знаешь какъ горячо душа моя внимала твоему голосу, повѣствовавшему о его великихъ подвигахъ.)

Энтузіазмъ, который возбуждалъ Наполеонъ въ дни своего величія и славы, послѣ его смерти возродился и перешелъ въ нѣкоторый родъ религіознаго почитанія. Наполеоновскій культъ началъ даже распространяться за предѣлы Франціи, и въ самой Германіи имя великаго императора сдѣлалось предметомъ поэзіи. Два знаменитые поэта, Цейдлицъ и Гейне, прославляли его въ своихъ лучшихъ произведеніяхъ. Изъ числа французскихъ поэтовъ, Мери и Бартэlemi, высказывали памяти усопшаго героя восторженное поклоненіе. Свое стихотвореніе, касавшееся герцога Рейхштатскаго, они озаглавили: «Le fils de l'homme» (сынъ чловѣка). Бартэlemi поѣхалъ въ Вѣну, надѣясь лично передать свое произведеніе въ руки молодого принца, но, не смотря на рекомендательныя письма, ему не удалось добиться аудіенціи у герцога Рейхштатскаго. Меттернихъ съ боязливою осторожностью старался устранить все, что могло разгорячить и безъ того уже пылкое воображеніе герцога. Графъ Дитрихштейнъ, возвращая поэту стихотвореніе, сказалъ ему нѣсколько холодныхъ словъ похвалы и передалъ ему опасенія Меттерниха. Огорченный и опечаленный этимъ отказомъ Бартэlemi цѣлые дни бродилъ по улицамъ Вѣны, тщетно отыскивая встрѣчи съ герцогомъ Рейхштатскимъ. Ему посоветовали отправиться въ Burg-

theater, куда дворъ являлся каждый вечеръ. Желаніе его наконецъ исполнилось. Изъ небольшой, боковой ложи, скрываясь за бархатною занавѣсью, онъ увидѣлъ сына своего императора, и слѣдующимъ образомъ описываетъ его наружность: «Ему девятнадцать лѣтъ. Онъ похожъ и на отца и на мать. Отъ матери онъ унаследовалъ ея высокій ростъ, роскошные, бѣлокурые волосы и орлиный носъ; но ротъ, античный лобъ и блестящіе глаза его чисто наполеоновскіе». И Бартелеми увѣренъ былъ, что отъ блеска этихъ глазъ загорится вновь свѣточъ славы Франціи подъ эгидой имперіи.

Король Римскій въ дѣтствѣ.

Даже самъ императоръ Францъ въ душѣ питалъ желаніе и надежду видѣть внука своего на французскомъ престолѣ. Онъ однажды сказалъ внуку: «Францель, тебѣ стоитъ только явиться на Страсбургскомъ мосту, чтобъ пробилъ послѣдній часъ Орлеановъ;—жалъ только, что ты слишкомъ молодъ!»

Но не одна молодость, а также и слабое здоровье герцога мѣшали осуществленію этихъ политическихъ грезъ. Вопреки совѣтамъ врачей, герцогъ увлекался военными упражненіями; во что бы-то ни стало онъ хотѣлъ вести солдатскую жизнь и закалить свое слабое

тѣло. Сынъ Наполеона мечталъ развить въ себѣ желѣзную волю отца. Извѣстно, какое обаяніе имѣла личность императора на солдатъ. Герцогъ унаслѣдовалъ эту особенность отъ отца. Однажды, когда онъ проѣзжалъ передъ фронтомъ своего венгерскаго полка, серьезное выраженіе его молодаго лица и смѣлая осанка такъ поразили солдатъ, что, не смотря на строгую дисциплину, они съ энтузіазмомъ привѣтствовали его громкими возгласами.

Романическая личность молодаго герцога привлекала къ нему множество искателей и искательницъ приключеній. Между прочими, являлись въ Вѣну многія знатныя польки, интриговавшія въ пользу провозглашенія его королемъ польскимъ. Даже австрійская принцесса Эстергази, бывшая замужемъ за польскимъ княземъ, раздѣляла эту романическую идею и старалась привлечь князя Меттерниха къ этой комбинаціи. Но ей вскорѣ пришлось убѣдиться въ несбыточности своей фантазіи. Меттернихъ коротко объявилъ ей: «Рѣшено разъ навсегда не допускать герцога Рейхштатскаго до занятія какого бы-то ни было престола». Эти слова дошли до молодаго герцога; они его глубоко поразили, но не уничтожили честолюбія, разгоравшагося въ немъ все болѣе и болѣе.

Другая авантюристка, графиня Камерати, дочь Элизы Бачіокки, возбуждала въ Вѣнѣ много толковъ своею эксцентричностью. Она преслѣдовала герцога Рейхштатскаго во время его прогулокъ въ Пратерѣ и, наконецъ, успѣла привлечь его вниманіе. Она посылала ему страстные письма, но они большею частью оставались въ рукахъ присмотрщиковъ герцога. Однажды, графиня подстерегла принца въ то время, когда онъ шелъ къ своему учителю барону Обенаусу. Она бросилась цѣловать его руки и обнимать его колѣни, умоляя его ѣхать во Францію, чтобъ принять тамъ императорскую корону, принадлежащую ему по праву. Какъ ни льстили эти слова тайнымъ желаніямъ герцога, но онъ не могъ не сознавать, что подобнымъ путемъ ничего нельзя будетъ достигнуть. Онъ устранился отъ экзальтированныхъ демонстрацій графини и велѣлъ просить ее выѣхать изъ Вѣны.

Къ этому же времени относится начало тѣсной дружбы между герцогомъ Рейхштатскимъ и графомъ Прокешъ-Остенемъ, авторомъ описанія сраженія при Ватерлоо. Въ этой книгѣ многое говорилось въ защиту Наполеона, что и возбудило въ герцогѣ чувство живой благодарности къ графу. Въ первый разъ они встрѣтились на придворномъ обѣдѣ, къ которому приглашенъ былъ графъ Прокешъ-Остенъ, недавно возвратившійся въ Грацъ послѣ продолжительнаго путешествія.

Вотъ какъ графъ передаетъ объ этой встрѣчѣ въ своихъ мемуарахъ: «22-го іюня 1830 года, я удостоился приглашенія къ императорскому столу; я сидѣлъ противъ императрицы, рядомъ со мною помѣстился герцогъ Рейхштатскій. Красивый юноша съ вырази-

тельными глазами, роскошными бѣлокурыми волосами, высокимъ лбомъ, сразу очароваль меня, и я невольно полюбилъ его. За столомъ мы обмѣнялись только немногими словами. Императрица и эрцгерцогъ Иоаннъ, мой давнишній покровитель, все время заставляли меня рассказывать о моихъ путешествіяхъ въ Константинополь, по Малой Азіи, Сирии, Египту и Нубіи. По окончаніи обѣда, разговоръ этотъ еще продолжался; когда же я откланялся, герцогъ Рейхштатскій подошелъ ко мнѣ и проговорилъ: «Я давно васъ знаю», при этомъ онъ пожалъ мнѣ руку, какъ старому другу».

На слѣдующій день, къ графу Прокешу явился графъ Морицъ Дитрихштейнъ, воспитатель герцога, съ приглашеніемъ навѣстить послѣдняго. Князь Меттернихъ далъ необходимое для этого разрѣшеніе, зная, что графъ Прокешъ любимъ при дворѣ и никогда не воспользуется исключительнымъ положеніемъ молодаго наполеонида для политическихъ демонстрацій. При входѣ графа, герцогъ казался сильно взволнованнымъ. Онъ поспѣшилъ на встрѣчу своему гостю и съ живостью сказалъ ему:—«Да, я давно васъ знаю. Еще мальчикомъ я читалъ ваше описаніе сраженія при Ватерлоо; я даже нѣсколько разъ переводилъ его, для того, чтобы запечатлѣть въ своей памяти каждую строчку».

Вліяніе графа Прокеша на молодаго герцога было чрезвычайно благотворно. Принцъ горячо привязался къ новому другу. Стараясь развлечь скучавшаго въ одиночествѣ юношу, графъ много рассказывалъ о Греціи, намекая ему на возможность со временемъ занять престолъ этой страны. На сколько отношенія между герцогомъ и графомъ Прокешемъ были сердечны и близки видно уже изъ того, что они безпрестанно переписывались между собою, даже при частомъ личномъ свиданіи. Эта, въ сущности совершенно невинная переписка, послужила поводомъ къ распространенію недостойной клеветы, бросавшей тѣнь на образъ жизни герцога.

Графъ Прокешъ занимался въ канцеляріи извѣстнаго дипломатическаго агента Меттерниха, писателя Генца, возведеннаго въ дворянское достоинство. Къ Прокешу въ канцелярію приносили письма герцога ливрейный лакей. Въ верхнемъ этажѣ того же дома жила танцовщица Фанни Эльслеръ, извѣстная въ то время красавица, которую съ величайшей роскошью содержалъ выжившій изъ ума старикъ Генцъ. Трудно предположить, чтобъ онъ допустилъ къ ней столь опаснаго соперника, какимъ былъ герцогъ Рейхштатскій. Тѣмъ не менѣе вся Вѣна объясняла появленіе въ этомъ домѣ лакея въ придворной ливреѣ любовною связью между герцогомъ и Фанни Эльслеръ. Одни увѣряли, что она обманываетъ своего стараго обожателя; по мнѣнію же другихъ, Генцъ продалъ свою любовницу Меттерниху, на пагубу герцога.

Графъ Прокешъ рѣшительно опровергаетъ всѣ эти слухи. По его словамъ, молодой принцъ не подвергался низкимъ страстямъ;

онъ увлекался лишь одними высокими идеалами. Герцогъ ни разу не встрѣчался съ Ф. Эльслеръ, видѣлъ ее только на сценѣ, и она ему даже не особенно нравилась. Все, что рассказывалось въ Вѣнѣ о страстной любви принца къ танцовщицѣ, всѣ анекдоты, ходившіе по этому поводу и которыхъ не будемъ повторять здѣсь, слѣдуетъ отнести къ области чистой фантазіи. Нельзя не довѣрять свидѣтельству графа Прокеша; оно вполне искренно, и графъ нисколько не хотѣлъ возвеличить своего друга; онъ признается даже, что, не придерживаясь строгихъ правилъ въ сердечныхъ дѣлахъ, самъ желалъ счастливой любви для молодого герцога, видя въ этомъ хорошее средство, чтобы отвлечь его отъ честолюбивыхъ мечтаній. Съ этою цѣлью, онъ даже старался сблизить своего друга съ красивыми, умными женщинами. Одна молодая княгиня очень нравилась герцогу Рейхштатскому, но его слишкомъ робкое ухаживанье не имѣло успѣха. Знакомство принца съ актрисою Пехе, въ то время славившеюся своею красотой и недавно умершею въ Вѣнѣ въ преклонныхъ лѣтахъ, тоже не могло развлечь его. На этотъ разъ слишкомъ большая предупредительность красавицы оттолкнула молодого герцога. Съ годами принцъ все больше и больше погружался въ меланхолію; онъ даже совсѣмъ пересталъ находить удовольствіе въ придворныхъ кругахъ, не смотря на все вниманіе и ласки, которыми его окружали. Его своеобразная красота, просвѣтленная тихою грустью, рыцарскія манеры, романическое положеніе, все дѣлало его предметомъ общей симпатіи.

Французскій посланникъ въ Вѣнѣ, маршалъ Мэзонъ, былъ глубоко пораженъ его личностью. Говорятъ, что маршалъ не разъ выражался передъ нимъ въ такомъ духѣ, что съ новою силою воспламенялъ честолюбивыя мечты герцога. Да и у самого императора Франца на одной изъ аудіенцій французскому посланнику вырвались слова, обращенныя къ внуку и наполнившія душу его мучительнымъ волненіемъ: «Я бы радъ былъ видѣть тебя на французскомъ престолѣ, если только французскій народъ тебя призоветъ и союзныя державы изъявятъ свое согласіе».

Но преждевременная смерть иначе рѣшила его судьбу.

Онъ умеръ 22-го іюля 1832 года.

Всю зиму передъ тѣмъ онъ медленно угасалъ, хотя собственно и не былъ боленъ. Во время прогулки въ Пратерѣ въ открытой коляскѣ, при холодномъ весеннемъ вѣтрѣ, онъ подвергся простудѣ, которая разрушила его слабыя легкія.

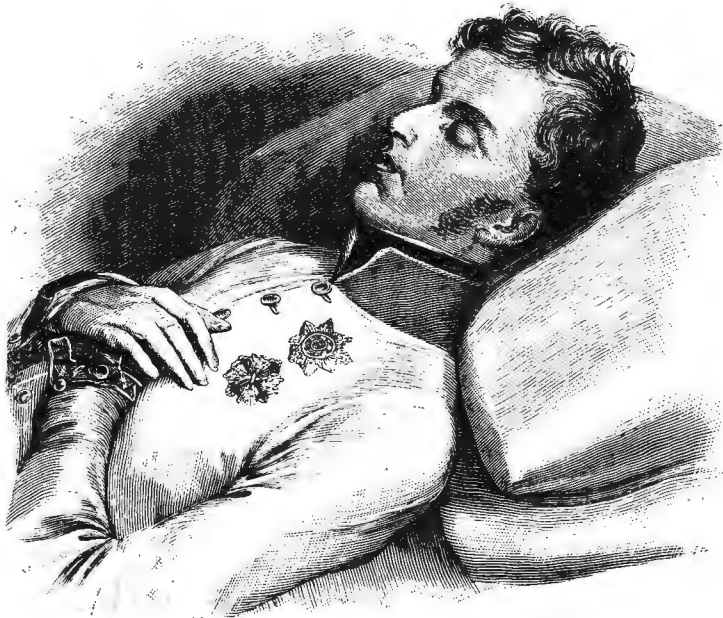
Въ часъ смерти онъ со страхомъ, какъ ребенокъ, призывалъ свою мать. Она поспѣшила къ нему, и на ея рукахъ онъ умеръ.

Послѣднія его слова были: «Рожденіе и смерть—вотъ вся моя исторія».

Графъ Прокешъ былъ далеко, когда смерть похитила у него друга. Онъ находился въ Римѣ, и наканунѣ горестнаго событія ему

неожиданно пришлось провести нѣсколько трогательныхъ минутъ.

Мать Наполеона I, 84-хлѣтняя Летиція, пригласила его къ себѣ, желая получить извѣстія о герцогѣ Рейхштатскомъ. Графъ рассказываетъ объ этомъ посѣщеніи слѣдующее: «Графиня Шарлотта, дочь Люсьена Бонапарта, бывшая замужемъ за графомъ Помпеемъ Габриели, пріѣхала за мною 21-го іюля 1832 года и повезла меня въ своемъ экипажѣ во дворецъ на Венеціанской площади. Въ передней я встрѣтилъ двухъ молодыхъ женщинъ, одѣтыхъ въ черномъ, и секретаря Равалья. Принцесса повела меня въ

Герцогъ Рейхштатскій на смертномъ одрѣ.

большую, высокую комнату, окна которой были затянута тяжелыми занавѣсями. Слепая, слабая женщина сидѣла на диванѣ и попросила меня сѣсть возлѣ нея. Мягкимъ голосомъ обратилась она ко мнѣ съ нѣсколькими любезными словами на ломаномъ, но изысканномъ французскомъ языкѣ. Я сообщилъ ей все, что зналъ о герцогѣ Рейхштатскомъ. Она слушала меня съ возрастающимъ волненіемъ и часто прерывала своими вопросами. Все, что я рассказывалъ ей о жизни герцога, видимо радовало ее. Я старался успокоить ее относительно его болѣзни, которую, въ то время, самъ не считалъ опасною. Съ любовью и грустью вспомнила она о томъ, какъ послѣдній разъ, въ Блуа, видѣла и обнимала «короля рим-

скаго». Затѣмъ она рассказала мнѣ, безъ всякой горечи, что нѣсколько разъ писала императрицѣ Маріи-Луизѣ и своему внуку, но не получила отвѣта. Она велѣла подвести меня къ бюсту герцога Рейхштатскаго, стоявшему рядомъ съ бюстомъ великаго императора. Она обѣщала мнѣ прислать для возлюбленнаго внука свой миниатюрный портретъ, сказавъ при этомъ: «на обратной сторонѣ онъ найдетъ прядь волосъ отца своего». Я поцѣловалъ ея руку и хотѣлъ удалиться, но она удержала меня. Съ трудомъ поднялась она — я былъ пораженъ величественнымъ выраженіемъ ея лица. Она вся дрожала и положила руки свои на мою голову; я угадалъ ея намѣреніе и опустился на колѣни. «Его ужъ мнѣ не увидѣть; въ вашемъ лицѣ я благословляю своего внука. Вскорѣ мнѣ придется покинуть этотъ міръ; но молитвы мои, слезы и пожеланія будутъ сопровождать его до послѣдней минуты моей жизни. Передайте ему все это». Послѣ этихъ словъ она обняла меня, и я еще разъ поцѣловалъ ея руку».

На слѣдующій день, графъ Прокешъ получилъ обѣщанный портретъ, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими вещицами, оставшимися послѣ Наполеона. Эти подарки Летиціи ужъ не попали въ руки герцога Рейхштатскаго. Въ тотъ день, когда она посылала ему свое благословеніе, онъ уже лежалъ на смертномъ одрѣ.

Престарѣлая мать Наполеона четыре года еще прожила послѣ своего внука. Она умерла 2-го февраля 1836 года въ Римѣ, у своего брата, кардинала Феша.

Въ темной часовнѣ церкви св. Августина, въ Вѣнѣ, стоитъ урна, заключающая сердце герцога Рейхштатскаго. Тамъ недавно молилась эксъ-императрица Евгенія, оплакивавшая своего единственнаго сына. И его рожденіе привѣтствовалось въ Парижѣ пущечнымъ громомъ и восторгами народа. И онъ сгоралъ желаніемъ занять престоль, для котораго былъ рожденъ. Его кончина едва ли не еще трагичнѣе кончины герцога Рейхштатскаго. Судьба обоихъ принцевъ представляетъ поразительный примѣръ превратности земнаго счастья.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ ВТОРОЙ ИМПЕРІИ.

Луи-наполеонистъ въ роли Ювенала.—Главныя событія предшествовавшія паденію имперіи.—Убіиство парижскаго архіепископа.—Процессъ Верже.—Герцогъ Морни и графиня Легонъ.—Графиня Кастильоне и маркиза Пайва.—Спиритъ Юмъ и патеръ Вентура.—Смерть Вьельяра.—Участь чиновника, обличающаго министра.—Министерскія квартиры.—Сердечное согласіе.—Возстаніе въ Индіи.—Императорская шутка.—Покушеніе на жизнь Луи-Наполеона.—Орсини и императрица Евгенія.—Милитаризмъ и обидчивые подпоручики.—Нравы военныхъ.—Ненависть къ полиціи.—Парижскіе воры и убійцы.—Фальшивыя монетчики.—Казнь Понсе.—Крупныя кражи.—Герцогъ Брауншвейскій и его брилліанты.—Заговоръ Греко.—Вліяніе Мадзини на судьбу имперіи.

ВАПИСКИ Вьель-Кастеля, о которыхъ намъ неразъ приходилось говорить въ «Историческомъ Вѣстникѣ», оканчиваются со смертью ихъ автора, не издавашаго послѣднихъ годовъ имперіи, которую онъ такъ безпощадно, хотя и по заслугамъ, клеймилъ въ своихъ замѣткахъ.

Но послѣдніе томы этихъ записокъ своимъ однообразнымъ колоритомъ и повтореніемъ однихъ и тѣхъ же грязныхъ разсказовъ о грязныхъ людяхъ, наводятъ тяжелое чувство и дѣлаются монотонными, хотя авторъ касается событій, имѣвшихъ несомнѣнное вліяніе на судьбы имперіи. Это впечатлѣніе происходитъ отъ одно-сторонняго взгляда автора и его пессимистскаго отношенія къ событіямъ и дѣятелямъ его времени. Поэтому излагать его мнѣніе объ этихъ лицахъ и событіяхъ, приводитъ его сужденія было бы бесполезно, и мы остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которыя представляютъ особенно характеристическія черты той эпохи, или бросаютъ новый свѣтъ на какой нибудь историческій фактъ. Съ

этой же точки зрѣнія отнесемъ мы и къ событіямъ послѣднихъ годовъ имперіи, которыхъ уже онъ не былъ свидѣтелемъ. Этотъ легитимистъ обратился въ бонапартиста, или скорѣе въ луи-наполеониста, такъ какъ изо всѣхъ бонапартовъ онъ отзывается восторженно только объ одномъ героѣ второго декабря. Главные факты 1865—1870 годовъ, не историческіе, всѣмъ извѣстные, а культурные, рисующіе положеніе общества, мы передадимъ согласно съ послѣдними изслѣдованіями объ этой эпохѣ.

Послѣдній, недавно вышедшій томъ записокъ Вьель-Кастеля начинается разсказомъ объ убійствѣ парижскаго архіепископа Сибура священникомъ Верже, которому было запрещено служить обѣдни и исполнять духовныя требы. Это странное злодѣйство такъ и осталось не вполне разъясненнымъ. Во французскихъ газетахъ той эпохи объ немъ очень мало свѣдѣній, потому что правительство, испугавшись впечатлѣнія, произведеннаго на массу смертью перваго сановника церкви, и толками о причинахъ, вызвавшихъ убійство, вскорѣ же запретило газетамъ вовсе упоминать объ этомъ событіи. А между тѣмъ изслѣдованіе его психическихъ причинъ было важнѣе самаго факта. Газеты успѣли только расхвалить убитаго, не касаясь убійцы. Похвалы были справедливы, пока дѣло касалось доброты и щедрости архіепископа, но заодно превозносили его способности, весьма сомнительныя, и его ораторское искусство. А между тѣмъ Вьель-Кастель пишетъ «Сибуръ любилъ говорить и проповѣдничать (*préchailler*) безъ изящества; это даже не была струя теплой водицы, потому что его вульгарныя рѣчи текли съ большимъ затрудненіемъ. Честолюбивый, безъ политическихъ убѣжденій, онъ впрягался во всякую колесницу и однажды серьезно повѣрилъ, что его выберутъ въ президенты республики... Тогда онъ былъ республиканцемъ». Что касается до Верже, то онъ держалъ себя дерзко на судѣ, приговорившемъ его къ смертной казни, обвинялъ всѣхъ и когда началъ поносить Сибура, судьи приказали удалить его изъ залы судилища. Тогда онъ обратился къ публикѣ, протестуя противъ неправосудія, прося поддержать его. Но изъ публики, допущенной съ большимъ выборомъ въ судъ, раздались голоса: «молчи, убійца!» Такъ рассказываетъ Вьель-Кастель, но судебный протоколъ говоритъ просто, что онъ вышелъ, не желая слушать рѣчи прокурора. Въ тюрьмѣ онъ видимо упалъ духомъ, поручилъ своему адвокату употребить въ дѣло все, что законъ предоставляетъ осужденному, написалъ императору просьбу о помилованіи, просилъ, чтобы за него ходатайствовала принцесса Матильда. Вьель-Кастель говоритъ, что все это онъ дѣлалъ не отъ раскаянія, а отъ страха смерти, и не упоминаетъ ни слова о томъ, что могло его побудить къ преступленію. А, между тѣмъ, эти мотивы очень важны для изслѣдованія психическаго состоянія убійцы и они объясняются отчасти его прежнею жизнью. Родившись въ

о́крестностяхъ Парижа, въ 1826 году, онъ 14-ти лѣтъ поступилъ въ семинарію, откуда былъ исключенъ черезъ четыре года. Поступивъ черезъ нѣсколько времени въ другую семинарію, въ городъ Мо, онъ 23-хъ лѣтъ былъ сдѣланъ священникомъ; въ 1852 году перешелъ въ Парижъ, въ церковь Сень-Жермена, но въ 1855 году ему было запрещено служить. Онъ вернулся въ Мо, гдѣ епископъ позволилъ ему совершать духовныя требы, но черезъ годъ снова подвергся запрещенію за проповѣди противъ догмата непорочнаго зачатія Богородицы и за найденную у него рукопись «завѣщаніе», въ которой церковь, ея іерархія и религія осыпались оскорбленіями. Тогда, пріѣхавъ въ Парижъ, Верже убилъ ударомъ ножа, въ церкви св. Стефана, архіепископа Сибура. На судъ онъ настаивалъ на томъ, что хотѣлъ убить не лицо, а догматъ, противный его убѣжденіямъ; Сибура онъ обвинялъ только въ томъ, что тотъ не хотѣлъ ни снять съ него интердикта, ни выслушать его, но требовалъ, чтобы выслушали 60 человѣкъ, приводимыхъ имъ въ свидѣтели и знавшихъ его жизнь. Судъ отказалъ въ этомъ требованіи на томъ основаніи, что лица эти, какъ говорилъ прокуроръ, «стали бы клеветать на высшихъ духовныхъ особъ». Самъ Верже сталъ обвинять священника Сень-Жерменской церкви въ постыдныхъ предложеніяхъ, но предсѣдатель не позволилъ ему продолжать. Вьель-Кастель рассказываетъ дальше, что когда осужденному объявили, что надо идти на гильотину, онъ началъ кататься по постели, бороться съ палачомъ и его помощниками, отказывался отъ утѣшеній религіи, но потомъ исполнилъ всѣ обряды, заявилъ раскаяніе въ своемъ преступленіи, отрекся отъ своихъ заблужденій и умеръ съ твердостью, вскричавъ «да здравствуетъ Іисусъ Христосъ! да здравствуемъ императоръ!» Все это странно, сомнительно и нисколько не разъясняетъ ни мотивовъ преступленія, ни личности преступника.

Верже былъ, впрочемъ, исключительнымъ явленіемъ въ эту эпоху, когда явныя убійства были рѣдки; въ имперіи было больше грязи, чѣмъ крови, и грязью этой были забрызганы болѣе всего лица, ближе другихъ стоявшія у трона. Побочный братъ Луи-Наполеона, герцогъ Мори, получившій огромныя суммы за приведеніе въ исполненіе заговора 2-го декабря, вздумалъ упрочить свое состояніе женитьбой на богатой иностранкѣ. Невѣста его получила, кромѣ миллионнаго приданаго, свадебный подарокъ въ полторасти тысячъ франковъ отъ своего государя, при которомъ Мори состоялъ одно время посланникомъ. Въ Парижѣ были недовольны тѣмъ, что французскій посланникъ принимаетъ подарки отъ монарха, передъ лицомъ котораго онъ долженъ поддерживать достоинство и интересы своего отечества. Но это недовольство, основательность котораго еще можно было оспаривать, увеличилось еще болѣе, когда женщина, съ которой Мори жилъ около двадцати лѣтъ,

на аудіенціи у императора, объявила ему, что Морни, управляя всѣми ея дѣлами и имѣніями, присвоилъ себѣ все ея состояніе, простирающееся до трехъ съ половиной милліоновъ франковъ. Женищина эта, жена бывшаго бельгійскаго посланника при Луи-Филиппѣ, угрожала процессомъ, если ей не будетъ возвращена эта сумма. Боясь скандала, Луи-Наполеонъ приказалъ выдать эту сумму изъ «капиталовъ» герцога, котораго еще въ концѣ ноября 1851 года кредиторы собрались посадить въ тюрьму, за долги въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Но всего любопытнѣе, что вернувшись въ Парижъ, Морни представилъ доказательство, что онъ ничего не долженъ графинѣ, а что она, напротивъ должна ему болѣе двухъ милліоновъ. Новыя разоблаченія грозили новымъ скандаломъ, въ которомъ врядъ ли бы правосудіе добилось до истины, но злословіе конечно нашло бы для себя неисчерпаемую пищу. Новое высочайшее повелѣніе окончательно прекратило эти препирательства, принимавшія уже слишкомъ странный видъ. Публика такъ и не узнала, въ чемъ же тутъ дѣло, но инстинктивно сознавала, что и молодой супругъ и старая его подруга оба должны быть не правы. Графиня, однако, продала свой отель въ Парижѣ и уѣхала изъ него. Вьель-Кастель рисуетъ характерные типы и другихъ дамъ высшаго круга. Одна изъ нихъ, графиня Кастильоне, фаворитка Луи-Наполеона, была не болѣе, какъ жорошенькая женщина, великосвѣтская камелія, взявшая съ лорда Гертфорда милліонъ франковъ за одно свиданіе и отличавшаяся только способностью не краснѣя слушать самыя циническія фразы. Другая, маркиза де Паива, умершая въ январѣ нынѣшняго года — авантюристка, завоевавшая умомъ и ловкостью положеніе въ большомъ свѣтѣ. Вьель-Кастель называлъ ее русскою, но она только родилась въ Россіи, а по происхожденію нѣмка. Дочь незначительнаго торговца, Паулина Терезія Лахманъ, вышла въ 1836 году за московскаго портного Франсуа Виллуэна. Тихая семейная жизнь вскорѣ же накучила ей; она бросила мужа и ребенка и отправилась искать счастья въ Парижъ. Сначала ей сильно не повезло: извѣстный пианистъ Герцъ въ зимній вечеръ наткнулся въ Елисейскихъ поляхъ на женщину, умирающую отъ холода и голода. Онъ спасъ ее, пріютилъ, и она долгое время раздѣляла его судьбу. Подъ покровительствомъ герцога Гиша, она даже попала ко двору Луи-Филиппа, но тамъ вскорѣ же узнали, что у нее въ Москвѣ мужъ, далеко не придворнаго званія, и однажды попросили ее удалиться изъ дворца. Въ досадѣ на несбывшіяся надежды, на почетъ и значеніе въ большомъ свѣтѣ, она оставила Парижъ, пренебрегая и богатствомъ и ухаживаніями своихъ поклонниковъ. Но въ Лондонѣ жизнь ея была до того полна лишеній и разочарованій, что она готова была избавиться отъ нее самоубійствомъ. Случайно, въ Ковентгарденскомъ театрѣ, она познакомилась съ богатымъ джентльменомъ, потомъ съ

другимъ и, черезъ нѣсколько времени, убѣдившись, что карьеру можно составить только въ Парижѣ, вернулась туда съ прежними надеждами, но съ довольно значительными средствами. Вскорѣ салонъ ея на площади Сентъ-Жоржа, сдѣлался сборнымъ мѣстомъ парижскихъ знаменитостей, только не финансоваго міра,—къ деньгамъ она была всегда совершенно равнодушна. Но на ея обѣдахъ постоянными собесѣдниками были Теофиль Готье, Арсенъ Гуссе, Эмиль Жирарденъ, Понсаръ, Поль Лакруа, Эмиль Ожье. Въ 1849 году, умеръ ея мужъ портной и тогда она рѣшилась завзевать себѣ положеніе въ свѣтѣ съ помощью новаго брака. Въ свитѣ португальскаго посланника, маркиза Паива, былъ его кузенъ, носившій ту же фамилію и титулъ португальскаго гранда. Вдова портнаго женила его на себѣ, и, на другой же день послѣ свадьбы, откровенно объявила ему, что ей нужно было только его имя и званіе, а что жить съ нимъ она не будетъ. Бѣдный маркизъ успѣшилъ скрыться отъ обидныхъ свѣтскихъ сплетенъ въ своемъ португальскомъ замкѣ, назначивъ однако супругѣ приличное содержаніе. Но ей всегда не доставало того, что было достаточно для другихъ. Маркиза повела жизнь еще болѣе открытую и откровенную. Ей было въ то время за сорокъ лѣтъ, но она была до того привлекательна, что поклонники ждали какъ милости одного ея слова или взгляда. Одинъ изъ нихъ до того неотступно преслѣдовалъ ее, что она, зная его недостаточное состояніе, потребовала, чтобы онъ въ доказательство своей любви пожертвовалъ десять тысячъ франковъ не ей, конечно,—въ такой ничтожной суммѣ она не нуждалась и не продавала своихъ ласкъ за деньги,—но онъ долженъ былъ въ ея присутствіи сжечь эту сумму въ формѣ десяти банковыхъ билетовъ. Поклонникъ исполнилъ ея странный капризъ, обставленный въ «запискахъ» еще болѣе странными подробностями; но когда жертвоприношеніе было совершено, онъ очень хладнокровно объявилъ, что обманулъ ее, и что сожженные билеты были только фотографическими снимками съ настоящихъ. Можно себѣ представить, какую разъяренною львицею явилась въ эту минуту великосвѣтская куртизанка. Никогда ни Герміона, ни Камилла не осыпали такими упреками находчиваго юношу, излѣчившагося отъ своей страсти послѣ этой сцены. Маркиза, у которой вскорѣ послѣ этого умеръ и второй мужъ, вышла за третьяго, кузена Бисмарка, графа Генкель-Доннермарка. Ей было уже за 50 лѣтъ. Умерла она въ своемъ сilesскомъ замкѣ въ уединеніи, всѣмъ разочарованная въ жизни, 72-хъ лѣтъ.

Львами этой эпохи были спиритъ Юмъ, тогда еще не посѣщавшій Петербурга и не женатый на сестрѣ русскаго поэта, и патеръ Вентура. Юмъ продѣлывалъ въ Тюльери тогда еще новые фокусы матеріализаціи рукъ и прыганья столовъ. Вентура, рѣчи котораго мы приводили въ статьѣ «Французское общество во время крым-

ской кампаніи», продолжалъ отличатьсѣ ораторскими выходками противъ общепринятыхъ порядковъ. Такъ, въ тюльерійской капеллѣ, въ присутствіи императора и всего двора, онъ вздумалъ читать проповѣдь противъ классическаго преподаванія, предупредивъ, что рѣчь его будетъ политическая. Онъ требовалъ, чтобы изъ университетскаго образованія было исключено изученіе греческихъ и римскихъ классиковъ и замѣнено католическимъ преподаваніемъ и чтеніемъ отцовъ церкви. Разгромивъ протестантское ученіе, онъ обратился къ императору съ слѣдующими словами: «знаете ли, государь, кто вооружаетъ руку всѣхъ политическихъ убійцъ: Фіески, Алибо, однимъ словомъ всѣхъ тѣхъ, кто поднимаетъ святотатственную руку на монарховъ?.. Это греки и римляне! это пагубное классическое образованіе, это примѣры Брутовъ, которыми заставляютъ восхищаться юношество. Если бы ангелы сошли на землю, они вернулись бы къ предвѣчному отцу развращенные вашимъ классическимъ преподаваніемъ».

«И этотъ Вентура, прибавляетъ Вьель-Кастель, въ Римѣ былъ революціонеромъ и другомъ Мадзини, а когда папа бѣжалъ изъ вѣчнаго города, спрятавшись переодѣтымъ въ каретѣ французскаго посланника, Вентура служилъ благодарственный молебенъ за освобожденіе Рима. Императрица поощряетъ это направленіе духовенства и когда нибудь раскается въ этомъ. Императоръ слушаетъ невозможно эту болтовню и не мѣшаетъ ей». Вентура впрочемъ умеръ вскорѣ же въ 1861 году и тѣло его отвезено въ Римъ. Другой левъ сезона, Юмъ, еще въ 1857 году былъ посаженъ въ тюрьму и потомъ выгнанъ изъ Франціи за мошенничество и распутство. Луи-Наполеонъ возставалъ однако противъ неисполненія религиозныхъ обрядовъ и когда умеръ старый его учитель Вьельяръ, котораго онъ сдѣлалъ сенаторомъ, оставивъ завѣщаніе, чтобы тѣло его не вносили въ церковь и не отпѣвали, Луи-Наполеонъ послалъ телеграмму камергеру, назначенному слѣдовать за гробомъ: вернуться съ процессіи. Луи-Наполеонъ слѣдовалъ общепринятымъ правиламъ и въ администраціи, что, конечно, не могло принести ничего, кромѣ вреда. Такъ, подчиненный Фульда доказалъ неопровержимо, что министръ собирался обмануть императора и уничтожить документъ, компрометирующій министра. Императоръ поблагодарилъ чиновника за его честность, правдивость, самоотверженіе, но все-таки уволилъ его, такъ какъ подчиненный, обличившій начальника, не можетъ служить съ нимъ. Фульда остался на прежнемъ мѣстѣ, потому что услуги, оказываемыя имъ государю, важнѣе честности мелкаго чиновника. Луи-Наполеонъ очень хорошо зналъ что за люди окружаютъ его, но не мѣнялъ ихъ потому, что при существующихъ условіяхъ порядочные люди и не пошли бы служить ему, а другіе оказались бы, пожалуй, еще хуже. Да и дѣлали эти люди то, что обыкновенно практикуется и въ другихъ странахъ. Такъ

въ Луврскомъ музеѣ не было мѣста для помѣщенія рѣдкихъ предметовъ, а директоръ музея, человѣкъ одинокій, отдѣлывалъ себѣ въ бельэтажѣ квартиру въ 17 комнатъ со всѣми удобствами и заѣмами. Въ этомъ не было ничего необыкновеннаго, и министръ, передѣлавшій подъ свою квартиру помѣщеніе нѣсколькихъ департаментовъ и устроившій въ ней 14 необходимыхъ кабинетовъ—не для занятій, являлся только подражателемъ Ньеверкерке. Министръ Барошъ требовалъ даже въ новоотстроенной церкви св. Клотильды отдѣльной капеллы для себя и своего семейства, такъ какъ ему было бы «тяжело подвергаться толчкамъ народа».

Сердечное согласіе Франціи съ Англіею, устройствомъ котораго такъ гордился Луи-Наполеонъ, было однако антипатично французамъ и не разъ подвергалось серьезной опасности превратиться въ явную непріязнь. Восстанію въ Индіи сочувствовала вся Франція, отзывавшаяся потомъ съ глубокимъ негодованіемъ о жестокостяхъ, какими сопровождались побѣды англичанъ надъ инсургентами, взятіе Дели, казни сипаевъ и индійскихъ раджей. Вьель-Кастель приводитъ много примѣровъ возмутительныхъ поступковъ съ побѣжденными; онъ напечаталъ даже анонимную брошюру, въ которой доказывалъ безсердечіе англійской политики въ Индіи, и «Times», осыпавъ бранью брошюру, вывелъ заключеніе, что она написана русскимъ или социалистомъ. Но въ то время, когда въ Индіи разстрѣливали массами сипаевъ, привязывая ихъ къ жерламъ пушекъ, а сыновей делейскаго короля собственноручно пристрѣливалъ взявшій ихъ въ плѣнъ англійскій офицеръ «потому что могли попытаться освободить ихъ», въ Парижѣ, правитель Франціи, для своего развлечения, придумалъ болѣе чѣмъ странную шутку со своею супругою, воспользовавшись ея сочувствіемъ къ индійцамъ. Въ это время умерла Удская королева, бѣжавшая изъ своей страны, захваченной англичанами и нашедшая убѣжище въ Парижѣ со своими родственниками и свитою. Они давно просили аудіенціи у императора, но тотъ постоянно отказывалъ въ ней изъ политическихъ соображеній, чтобы не возбудить подозрѣнія англичанъ. Евгенія выразила ему свое сожалѣніе по этому поводу, и онъ отвѣчалъ, что теперь можно дать аудіенцію и онъ сдѣлаетъ распоряженіе. Черезъ день оберъ-камергеръ Бачіоки извѣстилъ императрицу, что Удскіе принцы со свитою явятся въ Тюльери, въ 8 часовъ вечера. Въ назначенный часъ передъ императоромъ и императрицею явилась группа индійцевъ и индіанокъ, одѣтыхъ въ кашемиръ и муселинъ, увѣшанныхъ браслетами, брошками, серьгами; женщины были закутаны въ густыя вуали. При входѣ ихъ императоръ не могъ удержаться отъ улыбки и императрица замѣтила ему: «если вы не можете сохранить серьезность, приличную вашему званію, то лучше удалитесь». Обернувшись она увидѣла, что и Бачіоки смѣется, и такъ строго крикнула: *sortez!* что

тотъ поспѣшилъ скрыться. Узнавъ, что одинъ изъ принцевъ говорить по-англійски, Евгенія обратилась къ нему со словами сожалѣнія о смерти Удской королевы, объ ихъ тяжеломъ положеніи. Принцъ только кланялся, но между женщинами, закутанными въ покрывала, началось сильное движеніе. Приписывая это ихъ волненію, Евгенія сказала, что они вѣроятно еще не утѣшились въ потерѣ ихъ королевы. При этихъ словахъ Луи-Наполеонъ разразился громкимъ смѣхомъ, на который отвѣчалъ смѣхъ вернушагося камергера. Въ то же время неутѣшныя принцессы подняли вуали—и императрица увидѣла своихъ придворныхъ дамъ переодѣтыхъ индіанками. Церемоніймейстеръ Лекокъ былъ наряженъ принцемъ, гофмаршалъ евнухомъ и т. д. Евгенія сначала остолбѣнѣла при видѣ этой неприличной комедіи, потомъ пришла въ бѣшенство, но видя, что императоръ покатывается со смѣху отъ этого грубаго фарса, разсмѣялась сама—и «вечеръ окончился очень весело, что рѣдко бываетъ въ Тюльери»—прибавляетъ Вьель-Кастель, хотя тутъ ничего не было особенно веселаго.

При началѣ имперіи, покушенія на жизнь Луи-Наполеона возобновлялись почти каждый годъ. Въ 1857 году, пытались захватить его у графини Кастильоне, къ которой онъ пріѣзжалъ на свиданіе. Захвачено было человекъ двадцать, осудили на каторгу только пятерыхъ, такъ какъ не было явныхъ уликъ въ покушеніи на убійство. Въ слѣдующемъ году, произошло извѣстное покушеніе Орсини, бросившаго три бомбы въ карету императора, когда онъ подъѣзжалъ съ императрицей къ театру. Ранено было изъ свиты и публики до ста человекъ, но всѣ легко. Схватили и судили только четверыхъ итальянцевъ, да и то двое изъ нихъ были простыми орудіями преступленія; казнь была имъ замѣнена вѣчной каторгой. Орсини и Пьери были гильотинированы. Любопытно, что Евгенія употребляла всѣ усилія, чтобы выпросить помилованіе Орсини; она падала къ ногамъ Луи-Наполеона и съ рыданіями умоляла простить убійцу, повторяя, что «эта милость принесетъ счастье ея сыну». Напрасно посылали къ ней кардинала-архіепископа, который своимъ саномъ и своими сѣдыми волосами клялся ей, что казнь эта нужна въ интересѣ человѣческаго общества. Напрасно новый министръ внутреннихъ дѣлъ, генералъ Леспинасъ, говорилъ ей съ грубостью солдата: «и о чемъ вы заботитесь? Оставьте насъ дѣлать наше ремесло и занимайтесь вашимъ. Хорошихъ дѣлъ настройте вы съ вашимъ милосердіемъ! Если вы къ несчастью выхлопчете помилованье Орсини—вамъ нельзя будетъ показаться на улицѣ, противъ васъ всѣ поднимутся». Но она стояла на своемъ и твердила, что Орсини превосходный патриотъ, что онъ хотѣлъ убить не императора французовъ, а друга австрійскаго императора, что къ убійству подвигнула Орсини экзальтація великодушнаго чувства: онъ страстно любилъ свободу и

энергически ненавидѣлъ притѣснителей своей страны. «Я очень хорошо помню, прибавляла она, ту ненависть, которую мы всѣ въ Испаніи чувствовали къ французамъ послѣ войны первой имперіи». Эта страстная защита убійцы ея мужа и государя не могла не показаться странною и не мало содѣйствовала охлажденію Луи-Наполеона къ своей эксцентричной супругѣ.

Впрочемъ, въ эту эпоху, понятія о нравственномъ чувствѣ, объ общественныхъ обязанностяхъ, о долгѣ совѣсти, о логическомъ критеріумѣ были до того извращены и спутаны, что самые чудовищные факты не казались аномаліею. Молодой журналистъ Ганри де-Пенъ, описывая въ «Фигаро» какой-то праздникъ сказалъ: «онъ былъ прекрасенъ, на немъ не было этихъ подпоручиковъ, которые стремятся къ буфетамъ и рвутъ своими шпорами дамскія платья», На другой же день автора завалили письмами, въ которыхъ эта фраза сочтена оскорбительною для военнаго званія и чести мундира. Можно осмѣивать сенаторовъ, министровъ, депутатовъ, даже священниковъ, но коснуться подпоручиковъ, этихъ опоръ современнаго общества — непростительное преступленіе. Между письмами были и такія, авторы которыхъ прямо вызывали на дуэль Пена. Онъ былъ молодъ, пылокъ, неробокъ—и принялъ всѣ вызовы. На другой день явилось слишкомъ много подпоручиковъ. Пенъ ранилъ своего противника, но его секундантъ Іеннъ потребовалъ, чтобы оскорбитель дрался съ нимъ. Секунданты Пена не соглашались на это, говоря, что онъ уже утомленъ, что ему предстоятъ еще дуэли завтра и послѣзавтра. Тогда Іеннъ нанесъ ударъ оскорбителю подпоручиковъ и тотъ принужденъ былъ скрестить свою шпагу съ новымъ противникомъ. На этотъ разъ судьба не благоприятствовала Пену и онъ упалъ раненый въ грудь. Недовольствуясь этимъ, Іеннъ прокололъ еще разъ шпагою упавшаго противника. Пенъ долго былъ между жизнью и смертью—его спасла только молодость и сильная натура. Но подпоручики долго еще не могли успокоиться, и вмѣстѣ съ ними даже такія лица, стояція въ главѣ мирныхъ искусствъ, какъ директоръ луврскаго музея, тоже имѣвшій честь когда-то быть подпоручикомъ, говорилъ, что «Пенъ заслуживаетъ смерти, что всѣ офицеры должны драться съ нимъ, пока онъ останется на мѣстѣ и что въ столкновеніи между «канальями-журналистами и военными нечего и думать о томъ, чью сторону взять». А каковы были военные того времени—свидѣтельствуется исторія. Не задолго до дуэли Пена, капитанъ Дуано былъ приговоренъ къ смерти за убійство арабскаго шейха, заманеннаго въ западню (императоръ помиловалъ убійцу); поручикъ Мерси также присужденъ къ смертной казни за то, что измѣнически убилъ офицера своего полка. Наконецъ Іеннъ, безчестнымъ образомъ поступившій съ Пеномъ, остался безнаказаннымъ. Даже такія звѣрскія преступленія, какъ убійство въ 1863 году въ Парижѣ подпо-

ручикою императорской гвардіи молодой прачки, наказывалось двадцатилѣтней каторгой, то-есть въ сорокъ лѣтъ съ небольшимъ убійца получалъ возможность продолжать рѣзать людей.

Таковы были нравы сословія, преобладавшаго во время имперіи. Высшіе представители его, пособники преступленія 2-го декабря, отличались распутною жизнью, не знали, какъ говорится, ни стыда, ни совѣсти, низшіе презрительно относились къ мирнымъ гражданамъ, къ буржуазіи, не хотѣли знать никакихъ законовъ, увѣренные въ своей безнаказанности и въ томъ, что во всякомъ столкновении со «статскими» мундиръ конечно, одержитъ верхъ. Страна, гдѣ правительство явно на сторонѣ милитаризма, никогда не достигнетъ полнаго гражданскаго и общественнаго развитія. Предпочтеніе одного сословія другому необходимо порождаетъ между ними антагонизмъ и нерасположеніе къ власти, допускающей неравенство правъ и обязанностей между двумя классами общества. Но еще болѣе, чѣмъ противъ военныхъ, вообще среднее сословіе въ Парижѣ было возбуждено противъ городскихъ сержантовъ, въ которыхъ простой народъ видѣлъ не только грубыхъ солдатъ, но и палачей. Ненависть къ нимъ объяснялась и тѣмъ, что почти всѣ они были корсиканцы и не имѣли никакихъ связей съ кореннымъ населеніемъ города. А между тѣмъ для нихъ содѣйствіе гражданъ было особенно необходимо, потому что число воровъ, мошенниковъ и разбойниковъ, никогда не было такъ велико въ Парижѣ, какъ въ эпоху второй имперіи. Но замѣчательно, что самые знаменитые воры того времени были англичане, убійцы — нѣмцы; настоящіе французы отличались больше на поприщѣ кражъ и всякаго рода обмановъ. Такъ, въ первое полугодіе 1862 года болѣе чѣмъ на 600,000 фальшивыхъ банковыхъ билетовъ было распространено во Франціи. Полиція была сильно озабочена такимъ изобиліемъ поддѣльныхъ ассигнацій, до того схожихъ съ настоящими, что въ нихъ ошибались даже банковскіе чиновники. Главнымъ сбытчикомъ такихъ билетовъ въ Парижѣ былъ землевладѣлецъ сенскаго департамента Жиро де-Гатебурсъ. Онъ скрывался долгое время и попался только оттого, что имѣлъ неосторожность, пріѣзжая въ Парижъ для своихъ операцій, брать все одного и того же извозчика, стоявшаго со своимъ фіакромъ въ извѣстномъ мѣстѣ. Онъ даже этому извозчику давалъ размѣнивать фальшивые билеты, и тотъ, хорошо помня своего сѣдока, привезъ его однажды прямо въ полицію. У этого помѣщика были два великолѣпные загородные дома и въ одномъ изъ нихъ, гдѣ онъ принималъ блестящій кругъ пріятелей, была устроена химическая лабораторія, гдѣ фабриковались поддѣльныя бумажки. Фальшиваго монетчика сослали въ Кайенну, вмѣстѣ съ его помощникомъ Понсе. Сообщники задумали бѣжать съ каторги, и Понсе въ оставленныхъ имъ «залискахъ» рассказываетъ довольно краснорѣчиво драматическія подробности

ихъ бѣгства. Чтобы выбраться изъ мѣста своего заключенія, они должны были убить надсмотрщика. Но и свобода въ лѣсахъ Гвіаны вела за собою всякаго рода страданія и опасности. Они должны были защищаться противъ дикихъ звѣрей, змѣй, насѣкомыхъ, крабовъ, даже противъ пауковъ съ куриное яйцо величиною, съ мохнатыми лапами въ шесть дюймовъ. Въ лѣсномъ пожарѣ они такъ сильно изранили себѣ ноги, что не могли идти дальше и упали въ изнеможеніи на горячую землю. Гатенбургъ, уже не первой молодости, не вынесъ этихъ страданій и умеръ отъ изнуренія силъ. Понсе нашли полумертвымъ у трупа его товарища и опять возвратили на каторгу, но онъ вторично бѣжалъ изъ Кайенны и на этотъ разъ ему удалось пробраться въ Парижъ черезъ Сѣверную Америку, Флориду и Лондонъ. Въ этомъ городѣ онъ свелъ знакомство съ 78-лѣтнимъ старикомъ Лаверномъ, нажившимъ порядочное состояніе въ Англіи и возвращавшемся во Францію. Понсе втерся въ его довѣренность, поѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ и, въ октябрѣ 1865 года, по дорогѣ въ Парижъ убилъ Лаверна въ аржантейльскомъ лѣсу. На судѣ это было доказано неопровержимыми свидѣтельствами, но Понсе упорно отрицалъ свою виновность и взомель на эшафотъ 25-ти лѣтъ, твердя, что его напрасно обвиняютъ въ убійствѣ. Тоже самое онъ подтверждалъ въ своихъ «запискахъ», напечатанныхъ въ 1866 году. Понсе былъ настоящій типъ парижскаго гамена, наглаго, тщеславнаго, хвастливаго, испорченнаго до мозга костей, но все-таки, и въ этомъ классѣ закоренѣлые убійцы встрѣчались не часто. Злодѣй Троппманъ, былъ альзасецъ; убійца своей тещи, казненный въ 1860 году, Альдеръ—нѣмецъ изъ Страсбурга. Въ то время какъ французскій убійца подъ топоромъ гильотины твердилъ о своей невинности, нѣмцы, послѣ самаго подлаго злодѣйства, выказывали самое приторное раскаяніе. Преступники англичане отличались циничностью своихъ признаній. Уличенный въ кражѣ на 250.000 фр. брилліантовъ у ювелира Фонтана Стюардъ, вмѣстѣ со своимъ сообщникомъ Джаксономъ, отвѣтилъ: «мы были очень неловки; постараемся не попасться въ другой разъ». Виновикъ другой, еще болѣе замѣчательной кражи, о которой говорилъ весь Парижъ, англичанинъ Шау, держалъ себя еще наглѣе. Расскажемъ подробнѣе объ этомъ происшествіи, возбудившемъ всеобщіе толки.

Въ старинномъ, божеонскомъ кварталѣ Парижа, вниманіе прохожихъ и сосѣдей привлекалъ домъ мрачной наружности, выкрашенный красною краской; двери его съ трудомъ отворялись на массивныхъ ржавыхъ петляхъ; въ отдаленномъ уголку его обширнаго сада, въ павильонѣ итальянской архитектуры, также пестро и вычурно раскрашенномъ, жилъ владѣлецъ дома, такой же странный и крашенный, какъ и его зданіе. Это былъ когда-то владѣтельный государъ небольшого нѣмецкаго герцогства, одинъ изъ послѣднихъ

могикановъ, мелкихъ тирановъ, высасывавшихъ жизненные соки Германіи, уничтоженныхъ, хотя, къ сожалѣнію, и не вполне, ея объединеніемъ. Наполеонъ I, въ 1806 году, присоединилъ къ Вестфальскому королевству Брауншвейгское герцогство, послѣ того какъ герцогъ Карлъ-Вильгельмъ, служившій генераломъ въ прусской арміи, былъ убитъ въ сраженіи при Іенѣ. Сынъ его, Фридрихъ-Вильгельмъ, послѣ сраженія при Лейпцигѣ, овладѣлъ снова, въ декабрѣ 1813 года, своимъ наслѣдіемъ, но былъ также убитъ при Ватерлоо, оставивъ 11-ти-лѣтняго сына, Карла-Фридриха. Первые годы дѣтства, когда отецъ его былъ лишенъ своихъ владѣній послѣ Тильзитскаго мира, ребенокъ былъ увезенъ матерью въ Швецію, потомъ жилъ въ Карлсруэ и получилъ весьма ограниченное воспитаніе. Регентъ Англій, Георгъ IV, ближайшій родственникъ и опекунъ молодого герцога, зная дурныя наклонности мальчика, не вручалъ ему правленія, пока онъ не достигъ 19-ти лѣтъ. Въ 1823 году, сдѣлавшись самодержавнымъ властелиномъ, молодой герцогъ поручилъ управленіе страной своему наставнику, а самъ отправился путешествовать по Италіи и Англій, предаваясь самымъ грубымъ удовольствіямъ. Вернувшись, въ 1827 году, въ Брауншвейгъ, онъ началъ съ того, что завелъ на своего наставника самыя тяжкія обвиненія по управленію, сначала въ безыменномъ пасквилѣ, потомъ въ официальномъ документѣ. Взявъ власть въ свои руки, онъ сталъ поступать какъ деспотъ, незнающій никакихъ границъ, нарушалъ основные законы, разогналъ всѣ судебныя учрежденія, съ высшими сановниками обращался самымъ наглымъ и недостойнымъ образомъ, не позволялъ государственнымъ чинамъ ни собираться, ни разсуждать, отвѣчалъ грубостью на всѣ представленія сосѣднихъ державъ. Потерявшіе терпѣніе, подданные подали на своего властителя жалобу германскому сейму, и даже этотъ строгій охранитель священныхъ правъ монарховъ нашелъ поступки герцога нарушающими всякія человѣческія права и потребовалъ его къ своему суду. Герцогъ и не подумалъ подчиниться сейму, но когда тотъ отправилъ въ Брауншвейгъ федеральныя войска, къ которымъ присоединилось населеніе страны, Карлъ-Фридрихъ бѣжалъ въ Бельгію, потомъ попробовалъ вернуться на престолъ и употребить насиліе, чтобы снова захватить власть. Но тогда и народъ отвѣчалъ насиліемъ. 7-го сентября 1830 года, въ Брауншвейгѣ вспыхнула революція. Народъ бросился на дворецъ и разгромилъ его. Герцогъ спасся только быстрымъ бѣгствомъ. Но, покидая неблагодарное отечество, онъ, не забывъ захватить съ собою, кромѣ значительныхъ суммъ, и всѣ брилліанты и драгоценности государства, оцѣненные въ 15,300,000 франковъ. Напрасно семейный совѣтъ, провозгласившій низверженіе съ престола герцога и передавшій корону его брату, требовалъ неоднократно возвращенія коронныхъ брилліантовъ. Хорошо знавшій цѣну деньгамъ, бѣглець не склонялся ни на ка-

кія убѣжденія и, привезя свои драгоценности въ Парижъ, запряталъ ихъ въ домикъ божонскаго квартала. Онъ не тратилъ ихъ на удовольствія, имѣя въ своемъ распоряженіи другіе капиталы, скопленные во время своего достославнаго царствованія, а наслаждался ими какъ Гарпагонъ, пересматривая и перебирая эти блестящія игрушки. Зная, однако, какъ на нихъ падко челоувѣчество, онъ хранилъ свое сокровище съ такими предосторожностями, что добратся до него постороннему лицу было невысказимо. Бриллианты хранились въ спальнѣ герцога, за десятью замками и дверями, въ нишѣ, вдѣланной въ стѣну, отъ которой во всѣ стороны были проведены безчисленные колокольчики и электрическіе звонки. Особый механизмъ былъ соединенъ съ цѣлымъ рядомъ револьверовъ, которые пронизали бы пулями неосторожнаго, рѣшившагося дотронуться до шкатулки. Сдѣлавшись съ годами не только скупцомъ, но и грязнымъ скрягой, герцогъ не жалѣлъ денегъ только на изобрѣтенія механизмовъ по части охраненія своихъ сокровищъ, на взрывчатыхъ машины и хитрости слесарнаго искусства. Онъ тратилъ свои капиталы только на это, да на уплату полицейскимъ шпионамъ и сыщикамъ, которые должны были охранять его самого и его сокровища отъ злоумышленниковъ. И охрана этого сумрачнаго старика (во время имперіи ему было уже 60 лѣтъ) полиціи стоила большаго труда, чѣмъ охрана самого императора. Не желая имѣть никакихъ сношеній съ своими нѣмецкими соотчичами, которые всѣ, и не безъ причины, презирали и избѣгали его, онъ бралъ прислугу изъ французовъ и англичанъ, и за нею полиціи приходилось слѣдить неуспынно, такъ какъ сокровища герцога соблазняли всѣхъ знаменитыхъ воровъ и многіе изъ нихъ не разъ пробовали попользоваться хоть частичкою его богатствъ. Попытки эти, однако, не удавались, благодаря предосторожностямъ, принятымъ самимъ герцогомъ и полиціею. Не разъ, однако, его привлекали къ суду и интриганты и честные люди, съ которыми онъ дурно поступалъ. Такъ, какая-то авантюристка вытянула у него довольно крупную сумму, предъявивъ сомнительныя доказательства въ томъ, что она его побочная дочь. Герцогъ не захотѣлъ тянуть по судебнымъ инстанціямъ это дѣло и уплатилъ что съ него требовали. Въ другой разъ, одинъ бѣднякъ долженъ былъ прибѣгнуть къ суду, чтобы получить съ герцога плату за составленіе инвентаря его имущества и драгоценностей. Скряга оттягивалъ и обрѣзывалъ сколько могъ эту незначительную плату за долгій трудъ. Приходилось защищать герцога и отъ непомѣрныхъ претензій разныхъ бульварныхъ нимфъ, съ которыми онъ, не смотря на свои лѣта, входилъ въ интимныя сношенія. Часто видѣли его въ маленькихъ театрахъ, въ бенуарахъ съ рѣшетками, съ какоюнибудь дамою изъ четверти-свѣта (знакомство съ героинями полу-свѣта скупецъ находилъ слишкомъ дорогимъ). Скрытый въ глу-

бинѣ ложи, въ сосѣдствѣ съ своимъ мажордомомъ, герцогъ сидѣлъ неподвижно; ни одинъ мускулъ не шевелился на подкрашенномъ лицѣ этого старика, худого, какъ скелетъ, въ которомъ все было фальшиво: парикъ, бакенбарды, зубы, румянецъ на щекахъ. Всѣ движенія его были размѣрены, автоматичны; взглядъ безцвѣтныхъ глазъ холодный, подозрительный, отталкивающий; голосъ глухой, непріятный.

И этотъ презрѣнный человѣкъ, ограбившій свое государство и принимавшій такія предосторожности, чтобы сохранить коронныя драгоценности, былъ, въ свою очередь, ограбленъ ловкимъ мошенникомъ, нью-кастльскимъ уроженцемъ, Генрихомъ Шау. Этотъ англичанинъ, опредѣлившійся къ нему лакеемъ, въ нѣсколько лѣтъ пріобрѣлъ полную довѣренность своего господина и сдѣлался необходимымъ для него лицомъ. Долго изучалъ онъ всѣ привычки, наклонности, странности герцога, вполне свыкъся съ порядками его хозяйства, зналъ каждый уголокъ въ саду, каждую западню въ домѣ, каждую машину, каждое приспособленіе къ охранѣ сокровищъ—и убѣдился, что похищеніе можно совершить только, когда герцогъ, по забывчивости или разсѣянности, не запретъ своей шкатулки, секретъ которой зналъ только онъ самъ. Тогда, съ терпѣніемъ дикаря, слѣдящаго по годамъ за своей жертвой, англичанинъ сталъ выжидать счастливаго случая, всякій день готовясь къ кражѣ и побѣгу. 7-го декабря 1863 года, герцогъ ждалъ своего ювелира, которому хотѣлъ отдать сдѣлать новую оправу къ нѣкоторымъ драгоценнымъ камнямъ. Для этого онъ отстранилъ весь аппаратъ револьверовъ и звонковъ отъ шкатулки и перебиралъ свои сокровища, когда Шау доложилъ, что его приглашаетъ префектъ полиціи по одному спѣшному дѣлу. Герцогъ, не устанавливая на мѣсто аппарата, и рассчитывая тотчасъ же вернуться, заперъ только дверцы въ нишу, гдѣ стояла шкатулка, потомъ дверь въ спальню и, выйдя съ лакеемъ въ пріемную комнату, поручилъ сказать ювелиру, чтобы тотъ подождалъ его возвращенія изъ префектуры. Затѣмъ онъ уѣхалъ—и Шау, не теряя ни минуты, принялся приводить въ исполненіе давно подготовленный планъ. Взломавъ дверь спальни, потомъ дверцы ниши, онъ быстро нагрузилъ брилліантами, кольцами, мѣшками съ золотомъ свои карманы, уложилъ все это у себя въ саквояжъ, и отправился на желѣзную дорогу, поручивъ другому лакею дожидаться возвращенія господина и сказать ему, что Шау внезапно захворалъ и лежитъ въ своей комнатѣ. Герцогъ дѣйствительно незамедлилъ вернуться и, узнавъ о болѣзни Шау, самъ отправился къ вѣрному служителю. Комната его была, однако, заперта и на стукъ не было отвѣта. Опасаясь, что Шау въ обморокъ, герцогъ приказалъ взломать замокъ, — комната оказалась пуста и царствовавшій въ ней безпорядокъ доказывалъ бѣгство жильца. Найдя затѣмъ взломанною дверь спальни и шкатулку,

герцогъ тотчасъ увидѣлъ, что у него похищено деньгами и бриліантами на два милліона франковъ. Немедленно подалъ онъ жалобу въ полицію. Похититель, по всей вѣроятности, долженъ былъ бѣжать по дорогѣ въ Лондонъ. Въ приморскіе города были посланы фотографіи бѣжавшаго и надежные агенты во всѣ гостиницы. Вскорѣ же изъ Булони, откуда пароходъ отходитъ въ Фолькстонъ, привезли вора, захваченнаго съ его бриліантами и деньгами, изъ которыхъ онъ успѣлъ истратить сто тысячъ. Герцогъ не явился на судъ какъ свидѣтель, опасаясь скандальныхъ обличеній лакея, а прислалъ своего адъютанта. Шау держалъ себя нагло, отвѣчалъ дерзко на вопросы. Когда президентъ спросилъ его, зачѣмъ онъ далъ полторы тысячи франковъ проституткѣ, у которой переночевалъ послѣ кражи, лакей отвѣчалъ: «вѣдь не всякій день получаешь два милліона». На вопросъ, куда онъ дѣвалъ недостающія сто тысячъ, былъ данъ отвѣтъ: «я, вѣрно, уронилъ ихъ въ комнату, гдѣ ночевалъ и полѣнился поднять». Потомъ, подумавъ, онъ сказалъ, что назоветъ того, кому передалъ эти деньги, если лицо это не позовутъ къ отвѣту. — Вы требуете невозможнаго! замѣтилъ президентъ. — Не могу судить объ этомъ! иронически отвѣтилъ Шау. Его проговорили къ двадцатилѣтней каторгѣ, но такъ и не нашли ста тысячъ, а герцогъ Брауншвейгскій не требовалъ возвращенія и разысканія этой суммы. Герцогъ умеръ въ Женевѣ, въ 1873 году, не переставая просить у своей родственницы, королевы Викторіи, чтобы она помогла ему снова занять потерянный имъ тронъ, и въ 1868 году, когда другой его родственникъ, король Ганноверскій, протестовалъ противъ лишенія его престола Пруссіею, герцогъ Брауншвейгскій тоже обнародовалъ манифестъ о незаконномъ низверженіи его съ престола тридцать восемь лѣтъ тому назадъ. Видя, однако, что никто и не думаетъ о возвращеніи ему короны, герцогъ умирая завѣщалъ, въ пику Брауншвейгскому герцогству, всѣ свои сокровища—швейцарской республикѣ. Бриліанты его были проданы, въ пользу Женевы, съ публичнаго торга, за сумму, превысившую на двѣсти тысячъ франковъ ихъ первоначальную оцѣнку, но царствующему Брауншвейгскому герцогу удалось изъ завѣщанія покойнаго брата получить нѣкоторыя государственныя драгоценности.

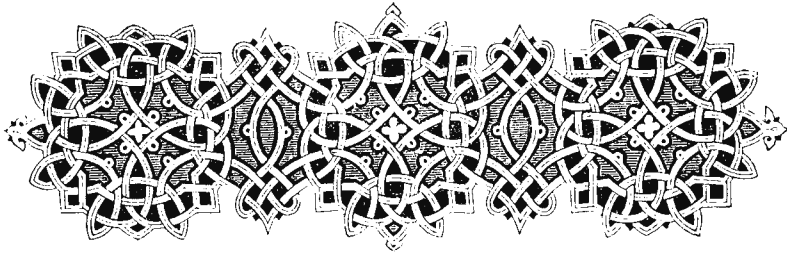
А разговоры противъ Луи-Наполеона не прекращались, не смотря на неудачу покушеній. Черезъ пять лѣтъ послѣ казни Орсини, у театра Большой оперы были схвачены четыре итальянца съ усовершенствованными бомбами, которыя они приготавливали бросить въ залу театра. Заговоръ составлялся, какъ всегда, въ Лондонѣ, подъ руководствомъ Мадзини; главою его былъ Паскуале Греко, студентъ медицины и учитель музыки. Онъ игралъ на гитарѣ у ногъ своей возлюбленной и въ то же время получалъ бомбы отъ Мадзини и крупныя суммы, на которыя жилъ роскошно, удѣляя

изъ нихъ крупницы своимъ сообщникамъ: Трабуко, тоже хорошо игравшему на охотничьемъ рожкѣ, литографу Императори и студенту Скальони—слѣбнымъ орудіямъ главы заговора. Полиція давно слѣдила за заговорщиками и знала по перехваченнымъ, хотя и шифрованными письмамъ, что они должны были взять въ четверомъ ряду ложу противъ императорской и оттуда бросить свои бомбы въ Луи-Наполеона, а потомъ, воспользовавшись возникшимъ смятеніемъ, спастись, защищаясь отравленными кинжалами. Бомбы и кинжалы найдены были при нихъ, въ ихъ квартирѣ. Не смотря на явныя доказательства преступнаго намѣренія, но, основываясь на томъ, что заговорщики могли отказаться отъ него въ минуту его исполненія—ихъ присудили только къ отправленію на каторжную работу въ Кайенну. Греко продолжалъ играть на гитарѣ и въ Кайеннѣ, а Трабуко, на вопросъ президента, не желаетъ ли онъ заявить о какомънибудь требованіи, сказалъ: «пусть мнѣ возвратятъ мой охотничій рогъ!» Это покушеніе доказало Луи-Наполеону, что Италія не примирилась съ нимъ, хотя онъ и помогъ Виктору Эммануилу освободить часть ея отъ власти австрійцевъ и туземныхъ герцоговъ. Испугавшись возрастающей силы объединеннаго государства, императоръ французовъ остановился, какъ извѣстно, на полдорогѣ, заключивъ миръ, по которому оставилъ Австріи Венецію, не выводя изъ Рима французскія войска. Все это еще болѣе раздражило итальянцевъ. На пути освобожденія, всякія попытки не только вернуться назадъ, но и остановить либеральное движеніе могутъ быть пагубны для освободителя. Поэтому, освободителю Италіи грозили новыя покушенія со стороны Мадзини, недовольствовавшагося неполною свободою своего отечества. Руководитель революціоннымъ движеніемъ Италіи имѣлъ еще и личныя причины не довѣрять Луи-Наполеону. Въ 1830 году они были вмѣстѣ членами общества карбонаріевъ и клялись уничтожить всѣ троны въ Европѣ; потомъ Мадзини присылалъ своему товарищу средства, помогшія ему бѣжать изъ крѣпости Гамъ. Но когда бывшій карбонари, вмѣсто разрушенія троновъ, воздвигнулъ новый тронъ, захватилъ верховную власть во Франціи и не заботился нисколько объ освобожденіи Италіи, старый заговорщикъ началъ подсылать убійцъ къ императору французовъ, который, для собственной безопасности, долженъ былъ сдѣлать что нибудь для Италіи. Но не довершивъ начатаго дѣла, онъ, естественно, долженъ былъ возбудить противъ себя еще больше вражды и непріязни.

В. Зотовъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Очерки и рассказы изъ русской исторіи XVIII вѣка. „Слово и Дѣло“ 1700—1725. М. И. Семевскаго. Спб. 1884.

ВЪ ПРОДОЛЖЕНІЕ послѣднихъ тринадцати лѣтъ г. Семевскій успѣлъ составить себѣ извѣстность какъ опытный редакторъ историческаго журнала «Русская Старина», весьма распространеннаго среди читающей русской публики и давшаго на своихъ страницахъ не мало важныхъ и любопытныхъ историческихъ матеріаловъ. Г. Семевскій приступилъ къ такой трудной работѣ, какъ изданіе у насъ историческаго журнала, — и при томъ затрогивающаго иногда почти-что современные вопросы — не новичкомъ по части исторической литературы. Онъ, выражаясь образно — едва-ли не первый сталъ жать новую полосу на почвѣ нашей исторической науки. Историческіе труды его, которые теперь появились въ видѣ особаго сборника, имѣютъ за собою слишкомъ двадцати-лѣтнюю давность, такъ какъ они относятся къ 1860—1862 годамъ.

Мы сказали, что г. Семевскій началъ жать новую полосу на нивѣ нашей отечественной исторіи и замѣчаніе это будетъ вполнѣ вѣрно, если мы добавимъ, что первые труды г. Семевскаго представляли обнаруженіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обдѣлку, архивныхъ документовъ, и притомъ такихъ, которые относились къ нѣкогда столь грозному и таинственному учрежденію, какимъ представлялась, да и на самомъ дѣлѣ была, «Тайная розыскныхъ дѣлъ канцелярія» времени Петра I. Документы этого инквизиціоннаго судилища, или точнѣе сказать, собственно только расправы — въ которой законы къ дѣламъ почти не примѣнялись, а дѣйствовало только личное усмотрѣніе начальника канцеляріи—хранившіеся болѣе ста лѣтъ въ Петропавловской крѣпости въ С.-Петербургѣ, были переданы, по волѣ императора

Николая Павловича, въ архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ и тамъ разобраны по карточкамъ подъ ближайшимъ наблюденіемъ графа Дмитрія Николаевича Блудова.

Отъ этихъ матеріаловъ, отъ которыхъ несло уже залежалую стариную, повѣяло свѣжестью новизны въ той обработкѣ, какую придавалъ имъ г. Семеновскій, постаравшійся обработать сокровенныя прежде бумаги въ литературномъ видѣ и обставить ихъ тѣми данными, какія нашлись тогда относительно эпохи Петра Великаго въ исторической литературѣ, какъ русской, такъ и иностранной. Безъ такой работы надъ этимъ матеріаломъ онъ былъ бы не только и скученъ и мало понятенъ, но просто-на-просто оказался бы неудобнымъ для чтенія.

Тогдашняя наша печать встрѣтила радушно первыя произведенія г. Семеновскаго, и такъ какъ въ ту пору у насъ не существовало особыхъ историческихъ журналовъ, которые могли бы помѣщать у себя архивные документы въ такой обработкѣ, какую придавалъ имъ г. Семеновскій, то первые труды его очень охотно помѣщались въ тогдашнихъ литературно-ученыхъ общихъ русскихъ журналахъ, какъ-то въ «Отечественныхъ Запискахъ» А. А. Краевского, «Времени» М. М. и О. М. Достоевскихъ, «Свѣточѣ» Д. И. Калиновскаго и А. П. Милюкова, «Вѣкѣ», А. В. Дружинина, К. Д. Кавелина, и П. И. Вейнберга, «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» В. О. Корша, «Русской Рѣчи» г-жи Евгеніи Туръ; «Иллюстраціи» г. Баумана и другихъ лучшихъ журналахъ.

Заговоривъ о литературно-журнальной дѣятельности г. Семеновскаго, нельзя обойти молчаніемъ и то, что онъ, какъ человекъ, понимающій значеніе литературно-историческихъ справокъ, которыя приходится у насъ собирать съ большими затрудненіями—счелъ нужнымъ, къ изданнымъ имъ нынѣ своимъ первоначальнымъ трудамъ, приложить росписи своихъ «историческихъ и историко-литературныхъ» статей и изданій вообще съ 1856 по 1884 годъ, такъ что онъ самъ отдалъ публикѣ отчетъ о своей литературной дѣятельности, уже три года какъ вступившей во вторую четверть столѣтія со времени ея возникновенія. Изъ упомянутой росписи видно, что дѣятельность г. Семеновскаго была чрезвычайно разнообразная, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и весьма плодотворная въ области отечественной нашей исторіи. Такъ, онъ занимался описаніемъ и изученіемъ юридическихъ актовъ XVII и XVIII столѣтій и разными сообщеніями въ учено-историческіе журналы; открылъ и издалъ подлинное современное описаніе «Кожуховскаго похода» 1694 года, издалъ подъ своею редакціею «Дневникъ Корба» и «Описаніе состоянія Россіи при Петрѣ Великомъ», сочиненное капитаномъ Джономъ Перри. Написалъ статьи «Царица Авдотья Ѳеодоровна Лопухина», «Кормилица царевича Алексѣя Петровича», «Царевичъ Алексѣй Петровичъ», «Семейство Монсовъ» и «Царица Прасковья».

Труды г. Семеновскаго коснулись и послѣдовавшихъ по смерти Петра Великаго царствованій. Они относятся къ царствованіямъ Анны Ивановны и Елизаветы Петровны; изъ этого послѣдняго подробно разработаны г. Семеновскимъ случаи, относящіеся къ печальной судьбѣ «Статсъ-дамы Наталіи Ѳеодоровны Лопухиной», и къ войнѣ Россіи съ Пруссіею. Далѣе г. Семеновскій написалъ монографію: «Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи» приходящіеся собственно на царствованіе императора Петра III. Царствованіямъ Екатерины II и Парла I г. Семеновскій посвятилъ не много изъ своей дѣятельности

но за то, въ противоположность этому, онъ усердно занялся обработкою нѣкоторыхъ явленій и эпизодовъ изъ временъ Александра I и Николая I.

Въ длинной росписи трудовъ г. Семеновскаго встрѣчаются также статьи историческо-статистическія и этнографическія, очерки и матеріалы по исторіи русской литературы, а также статьи по педагогикѣ и исторіи общественнаго образованія и, наконецъ, замѣтки и критическіе очерки. Понятно, впрочемъ, что мы не можемъ здѣсь не только входить въ критическую оцѣнку всѣхъ этихъ сочиненій, но даже и исчислить ихъ въ простомъ только перечнѣ. Вообще же замѣтимъ, что г. Семеновскій принадлежитъ къ числу тѣхъ заслуженныхъ дѣятелей, которые сдѣлали весьма замѣтный, а отчасти и весьма цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу какъ своими трудами, такъ и подготовкою нужныхъ для того источниковъ.

Издательская дѣятельность г. Семеновскаго также весьма замѣтна. Не говоря уже о «Русской Старинѣ», имъ были предприняты нѣкоторыя отдѣльныя изданія, представляющія особый или историческій или бытовой интересъ какъ-то: «Записки Добрынина», «Записки Порошина», «Записки Болотова» и «Записки князя Якова Шаховскаго», а также «Русская родословная книга», 2 тома, въ редакціи которой принималъ равное съ нимъ участіе бывший товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, а нынѣ русский посолъ въ Вѣнѣ, князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій, извѣстный любитель и знатокъ русской исторіи, особенно исторіи прошлаго столѣтія.

Желаніе наше представить научно-историческіе труды г. Семеновскаго, вообще, отвлекло насъ на нѣкоторое время отъ того особаго изданія, которое вызвало настоящій общій очеркъ его двадцати-восьми-лѣтней литературной дѣятельности.

Книга, о которой теперь идетъ у насъ рѣчь, заключаетъ въ себѣ слѣдующія статьи г. Семеновскаго: «Тайная канцелярія при Петрѣ Великомъ», «Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста», «Камеръ-фрейлина Гамильтонъ», «Петръ I какъ юмористъ» и «Покушеніе на жизнь Петра».

Въ названныхъ очеркахъ и разсказахъ г. Семеновскаго, относящихся къ царствованію Петра I, внѣшнія событія этого царствованія вовсе не затрогиваются, но это-то самое и придаетъ своеобразность его сборнику, особенно если сообразить, что тѣ статьи, которыя входятъ въ его составъ, были написаны въ ту пору, когда собственно бытовой исторіи у насъ не было еще въ зачаткѣ, а выступали только въ болѣе или менѣе блестящей обстановкѣ строго-историческія личности. Тогда, какъ казалось, въ историческихъ нашихъ бытописаніяхъ совершенно былъ неумѣстенъ какой-то старецъ Антоній. Неумѣстнымъ казалась тогда и брань «вельми шумнаго подъячаго», зазорные разсказы школяровъ, т. е. представителей тогдашней учащейся молодежи и т. д. Между тѣмъ г. Семеновскій именно и нарисовалъ такія, чуждыя еще нашей исторіи бытовыя картинки, въ которыхъ проявились духъ и складъ народной жизни и самобытныя умосоверзанія русскихъ людей, а также и такія черты, которыя хотя и не составляютъ сами по себѣ историческихъ фактовъ, но которыя въ общей своей совокупности даютъ о той или другой исторической эпохѣ гораздо болѣе наглядное понятіе, нежели отвлеченные о ней отрывы въ общихъ, хотя бы и самыхъ краснорѣчивыхъ разглагольствованіяхъ.

Читая статьи г. Семеновскаго, приходится, вслѣдствіе самаго ихъ содержанія, всего чаще бывать въ тайной канцеляріи, о дѣятельности которой очень легко составить себѣ самыя отчетливыя понятія по книгѣ г. Семеновскаго, и

изъ обстоятельствъ производившихся въ ней дѣлъ ознакомиться съ тогдашними взглядами какъ правившихъ, такъ и управляемыхъ лицъ. Здѣсь прежде всего поражаетъ та легкость, съ какою даже самыя сдержанные, но случайно только проболтавшіеся или очень часто неповинно-оговоренные люди попадали въ пытку и терзѣли—такъ-себѣ, ни за что, ни про что—страшныя истязанія, оканчивавшіяся то мучительною смертью, то искалечиваніемъ на всю жизнь. Въ книгѣ г. Семевского можно встрѣтить самыя подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ въ ту пору мучили людей, стараясь добиться правдивыхъ отъ нихъ показаній, и съ какимъ недовѣріемъ принимались даже такія показанія, въ чистосердечности которыхъ, казалось, не могло быть никакого сомнѣнія для тѣхъ, кто производилъ розыски и пытку.

Съ наибольшимъ интересомъ изъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ сборникъ прочтется, какъ мы полагаемъ, статья о «Камеръ-фрейлинѣ Маріи Даниловнѣ Гамильтонѣ». О казни этой несчастной полудѣвицы г. Семевскій собралъ такія данныя, которыя уничтожаютъ въ конецъ мнѣнія льстивыхъ историковъ Петра, желавшихъ представить казнь фрейлины, какъ примѣръ великопріятія великаго монарха въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о справедливомъ возданіи за злодѣяніе, нарушившее законы божескіе и человѣческіе. Если эта статья представляется занимательною и по ея изложенію, и по ея содержанію, то вмѣстѣ съ тѣмъ она имѣетъ и научно-поучительное значеніе, показывая то, какъ мало слѣдуетъ вѣрить хвалебнымъ отзывамъ такихъ бытописателей, которые во что бы-то ни стало хотятъ настаивать на однажды высказанномъ ими мнѣніи о величіи души какого либо избраннаго ими героя.

Въ статьѣ подъ заглавіемъ «Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія антихриста», г. Семевскій взялъ, между прочимъ, на себя разрѣшеніе довольно важной задачи, а именно: прослѣдить «образованіе» безвѣстно проживавшаго въ городѣ Тамбовѣ дьячка Степана Выморкова, какъ одного изъ враговъ преобразованій Петра Великаго или, говоря иначе, г. Семевскій пожелалъ прослѣдить вліяніе тѣхъ ученій, которыя заставили Выморкова признать въ русскомъ государѣ ни кого иного, какъ самого антихриста. Г. Семевскій подробно указываетъ на то, какъ Выморковъ почерпалъ изъ книгъ свѣдѣнія, уподоблявшія Петра антихристу и затѣмъ по слѣдственному дѣлу, а не по догадкамъ г. Семевского, Выморковъ оказывается какъ бы основателемъ ученія о томъ, что императоръ Петръ долженъ считаться антихристомъ. Дѣло въ томъ, однако, что ученіе о господствѣ антихриста вызвано было собственно не преобразованіями Петра, а церковнымъ расколомъ. Еще до Петра о явленіи антихриста проповѣдывали расколо-учители. Такъ, протопопъ Аввакумъ и боярыня Морозова не хотѣли поддаться представителямъ антихриста, подразумеваемыхъ подъ послѣднимъ царя Алексѣя. Еще старо-московскихъ ратныхъ людей, хотя и съ бородами, отправлявшихся въ дебри преслѣдовать раскольниковъ, эти послѣдніе называютъ слугами антихриста. Бритые бороды при Петрѣ только добавило и утвердило вѣрованіе народа въ пришествіе антихриста, являясь видимою его печатью. Такое же значеніе имѣло впоследствии среди раскольниковъ и прививаніе оспы. Впрочемъ и самъ Выморковъ считалъ Петра сначала только предтечею антихриста, т. е. не шелъ далѣе того, что говорили раскольники еще до него, видя между прочимъ предтечу антихриста и въ патріархѣ Никонѣ.

Дальнѣйшія похожденія Выморкова, постригшагося сперва въ монахи, а

потомъ поступившаго въ Законоспаскую академію, очень любопытны тѣмъ болѣе, что г. Семевскій обставилъ ихъ условіями тогдашняго монашескаго быта. Но мы не имѣемъ возможности вдаваться въ эти подробности. Скажемъ только, что при Екатеринѣ I разстриженный Степанъ Выморковъ попалъ въ тайную канцелярію за хулу на покойнаго императора, и дѣло окончилось тѣмъ, что 14-го ноября 1725 года ему, въ Петербургѣ, отсѣкли голову, положили ее въ спиртъ и гвардіи сержантъ отвезъ ее въ Тамбовъ «для публички», т. е. для выставки ея на каменномъ столбѣ на показъ народу съ прибитіемъ къ столбу объявленія, въ которомъ описывались вины Выморкова.

Не лишена своеобразнаго интереса и небольшая статья подъ заглавіемъ, по правдѣ сказать, очень не точнымъ, «Петръ Великій въ его снахъ», въ 1714—1719 годахъ. Въ этой статьѣ г. Семевскій напечаталъ собственно рядъ замѣтокъ Петра о видѣнныхъ имъ снахъ. Оказывается, что Петру снилось: корабль въ зеленыхъ флагахъ; левъ да бобръ, орелъ, крокодилы, драконы и невиданные звѣри; что онъ во снѣ ходилъ по берегу волнованнейшей рѣчки, въ которой убывала вода. Видѣлись ему и очень нелѣпные сны. Такъ, ему однажды снилось, что онъ взбирался на башню на сдѣланныхъ имъ лыжахъ, видѣлъ онъ во снѣ турокъ, у которыхъ на барабанахъ былъ жемчугъ. Не мало было у него сновъ и по морской части. Записано было также нѣсколько сновъ и Екатерины Алексѣевны. Ей, напримѣръ, снилось, что сильный вѣтеръ поднимаетъ у женщинъ юбки на головы, а также снилось нѣсколько разъ, что вокругъ ея кричали какое-то загадочное слово: «сальдорееъ». Снились ей и бѣлые медвѣди и какіе-то звѣри со свѣчами въ лапахъ.

Предпослѣдняя изъ статей сборника озаглавлена: «Петръ Великій какъ юмористъ». Въ статьѣ этой заключается нѣсколько небольшихъ отдѣльныхъ разсказовъ о насмѣнкахъ Петра надъ папствомъ, о «машкарадахъ», о толкованіи имъ заповѣдей, а также разсужденія о ханжествѣ и лицемеріи.

Разсказы г. Семевского заключаются заимствованнымъ у известнаго профессора Штелина разсказомъ о покушеніи въ 1720 году расколника на жизнь Петра, но разсказъ этотъ не представляетъ надлежащей исторической достовѣрности.

Въ заключеніе скажемъ, что статьи г. Семевского, не имѣя строго-научнаго значенія, тѣмъ не менѣе представляютъ для того времени, когда онѣ были написаны, почтенный историческо-бытовой трудъ, а теперь могутъ быть прочтены очень легко и охотно.

К. Н. В.

Н. Любвицъ. Исторія реформаціи въ Польшѣ. Кальвинисты и антиринитаріи (по неизданнымъ источникамъ). Варшава, 1883 г.

Монографія эта, написанная доцентомъ по кафедрѣ исторіи въ Варшавскомъ университетѣ, составляетъ лишь первую половину обстоятельнаго труда, второй томъ котораго, по словамъ предисловія, долженъ появиться въ непродолжительномъ времени. Раздѣльнымъ пунктомъ между частями изслѣдованія служить Петровскій сеймъ 1562—63 годовъ, когда польская реформація достигла высшей степени развитія, а предметомъ перваго тома—причины появленія въ малой Польшѣ реформаціи, замѣчательно быстрое развитіе, новаго и начало внутренняго его разложенія на польской почвѣ, которое, со-

вершилось также до того быстро, что спустя два столѣтія, въ эпоху невѣрія, Польша считалась даже оплотомъ католицизма.

Наиболѣе интересную часть книги составляютъ тѣ ея страницы, гдѣ авторъ рисуетъ происхожденіе и первые шаги развитія въ Польшѣ кальвинистскихъ идей, находя объясненіе своеобразному развитію польской реформаціи въ состояніи тогдашняго польскаго общества. Впрочемъ, картинѣ общественнаго быта въ странѣ посвящено сравнительно очень мало мѣста. Авторъ видитъ причину реформаціи въ шляхтѣ, въ ея экономическомъ положеніи, въ отношеніяхъ къ духовенству, съ которымъ шляхта вела борьбу цѣлыя полтора столѣтія до реформаціи. Общій характеръ объясненій автора таковъ, что съ теченіемъ этой—чисто свѣтскаго характера—борьбы, борьбы за преобладаніе и богатство между шляхтой и духовенствомъ, вдругъ явилось для первой подходящее средство борьбы, которымъ она и воспользовалась. «Вдругъ въ западной Европѣ появляется движеніе, за которое стоитъ только ухватиться, и оно дастъ орудіе для побѣдоноснаго выхода изъ борьбы съ духовенствомъ. Дѣйствительно, польская шляхта и въ незначительной степени высшіе слои городского сословія, и притомъ, по большей части, иноземнаго происхожденія, прижкнули къ этому движенію».

Конечно, могла быть и такая сторона въ числѣ причинъ быстрого появленія и усиленія польской реформаціи, но едва ли справедливо приписывать политическимъ причинамъ столь преобладающее значеніе, какъ это представлено въ изслѣдованіи г. Любовича. Самая быстрота развитія реформаціи въ Польшѣ показываетъ, что тамъ существовала уже подготовленная къ тому почва, что были причины внутреннія, къ которымъ лишь прибавкою послужили чисто политическія, партійныя соображенія, отыскивавшія всюду подходящее орудіе въ своихъ частныхъ счетахъ. Между тѣмъ, этимъ кореннымъ причинамъ столь своеобразнаго явленія, какъ польская реформація, въ изслѣдованіи г. Любовича отводится незначительное и подчиненное мѣсто. Такъ, очень мало выяснено въ книгѣ значеніе гуманистическаго движенія по отношенію къ умамъ поляковъ XV и XVI столѣтій, хотя мимоходомъ упомянуто, что «Польша не была чужда умственной жизни западной Европы того времени». Мало того, что шляхта отдавала своихъ дѣтей въ германскіе и итальянскіе университеты и даже, по словамъ книги, выбирала по преимуществу тѣ изъ нихъ, которые были очагами гуманизма, но и въ самомъ сердцѣ Польши, въ Краковѣ, университетъ въ то время занималъ выдающееся положеніе. Въ Краковѣ же образовался кружокъ нѣкоего Яна Тругесескаго, богатаго человека, который самъ увлекся религиозною борьбою, происходившею на западѣ, и собиралъ около себя людей, сочувствовавшихъ религиозной реформѣ. Итальянскіе и германскіе гуманисты, при посѣщеніи Польши, встрѣчали живое сочувствіе своимъ идеямъ. Уже одни эти данныя показываютъ, что польская реформація не составляла только продолженія политической борьбы шляхты съ духовенствомъ. Правда, авторъ не находитъ нигдѣ подтвержденія тому, чтобъ «гуманистическія занятія въ Польшѣ были обращены на религиозныя цѣли»; тамъ больше интересовались классическими авторами, старались писать блестящимъ латинскимъ стилемъ. Но можно ли допустить, чтобъ образованные поляки, сочувственно встрѣчавшіе у себя итальянскихъ гуманистовъ, выбиравшіе для воспитанія своихъ дѣтей «очаги» гуманистическаго движенія, не шли дальше стили при изученіи писателей древности. Приложение духа эпохи возрожденія къ религиознымъ (или прежде всего къ церковнымъ)

цѣлямъ должно было явиться само собой, въ силу внутренней логичности того новаго міросозерцанія, какое велъ за собою гуманизмъ. Притомъ же поляки того времени, въ противоположность своимъ потомкамъ, не отличались большою религіозностью, хотя по свидѣтельству г. Любовича, и не дошли до индеферентизма въ религіи. Шляхта проявляла равнодушіе къ такому, на примѣръ, немаловажному для своего времени духовному оружію, какъ отлученіе отъ церкви, не подчинялась духовному суду, не выполняла обязанностей по отношенію къ церкви. Короче, почва была готова именно для антицерковнаго движенія, при чемъ догматы оставался пока нетронутымъ.

Была еще сторона, обыкновенно ведущая къ религіознымъ возмущеніямъ и расколамъ, но въ данномъ случаѣ будто бы игравшая, по мнѣнію автора, подчиненную роль. Это—испорченность польскаго духовенства, которое, къ тому же, поставлено было фактически довольно независимо отъ Рима. По разнымъ даннымъ, упоминаемымъ въ книгѣ г. Любовича, видно, однакожь, что это обстоятельство далеко не было второстепеннымъ. Само собою разумѣется, что духовенство хотѣло «оторвать польское общество отъ единенія съ умственной жизнью западной Европы». Но мы видимъ еще «безправственность духовенства, корыстолюбіе, вымогательства и злоупотребленія церковными отлученіями». Духъ наживы, спекуляція церковными деньгами проявлялись даже среди сельскихъ пастырей. Люди, энергически стоявшіе за неприкосновенность католицизма, какъ религіи, духовные капитулы порицали злоупотребленія духовенства и апатичное отношеніе къ этому и вообще къ интересамъ церкви со стороны епископовъ. Какъ сенатъ, такъ и самъ король Сигизмундъ-Августъ не были на сторонѣ католическаго духовенства; король открыто высказывался за реформы въ церкви. Обособившись до извѣстной степени отъ Рима, тогдашнее польское духовенство не завязало прочныхъ узъ и съ совѣстью своей паствы, за исключеніемъ развѣ крестьянъ.

Обстоятельства выручили польскій католицизмъ. Отсутствие способныхъ вождей у польскихъ кальвинистовъ (кромѣ Ласкаго), продолжительныя неурядицы въ ихъ средѣ, неимѣніе прочной организаціи, неумѣнье сойтись съ демократическою сектою «братьевъ чешскихъ», а больше всего раздоры изъ-за догмата, появленіе антиринитаріевъ (арианъ), которые отвергали божественность втораго и третьяго лицъ Св. Троицы,—все это подорвало не окрѣпшій еще польскій кальвинизмъ и дало возможность католической церкви собраться съ силами, призвать новыхъ бойцовъ на свою защиту.

Упадокъ протестантства въ Польшѣ авторъ обрисуетъ въ слѣдующемъ томѣ. Желательно, чтобъ онъ не ограничивался одною малою Польшею, а обрисовалъ движеніе, какое было во всѣхъ частяхъ тогдашняго польскаго королевства, и чтобы религіозныя дѣла поставлены были въ болѣе выпуклое соотношеніе съ общей характеристикой эпохи, насколько она касается Польши. Ставя вопросъ шире, чрезвычайно любопытно видѣть, какими еще сторонами коснулось старой Польши вѣяніе эпохи возрожденія, и нѣтъ ли связи между реакціей собственно въ этомъ отношеніи и появляющимся векоръ постепеннымъ замираніемъ цѣлаго польскаго государства.

Трудъ г. Любовича, какъ безпристрастно-научный и основанный на неизданныхъ источникахъ, представляетъ несомнѣнно хорошій вкладъ въ исторію Польши. Мы бы указали только на хромящую мѣстами русскій языкъ этого изслѣдованія.

Н. С. К.

Очерки исторіи украинской литературы XIX столѣтія. Н. И. Петрова. Кіевъ, 1884 г.

Читатели «Историческаго Вѣстника» знакомы съ этимъ трудомъ почтеннаго автора. Въ теченіи четырехъ лѣтъ сочиненіе это печаталось въ нашемъ журналѣ и является теперь отдѣльно, въ исправленномъ видѣ, съ добавленіями. Совершенно новымъ является только періодъ украинскаго славянофильства съ конца сороковыхъ годовъ и до начала шестидесятыхъ, имѣющій связь съ русскимъ славянофильствомъ и враждебный полонизму. Главными его представителями были Костомаровъ, Кулишъ и Шевченко, къ нимъ присоединены еще Навроцкій, и біографіи этихъ писателей, съ оцѣнкою ихъ произведеній, посвящена отдѣльная, обширная глава книги, предшествующая періоду новѣйшей украинской литературы. Со взглядами и манерою изложенія автора, читатели «Историческаго Вѣстника» уже знакомы, и намъ остается только сказать, что, несмотря на скромное названіе «Очерковъ», книга г. Петрова представляетъ самую полную исторію украинской литературы между всѣми сочиненіями, описывающими отдѣльные періоды этой литературы. Картины ея дополняютъ прежде изданныя авторомъ «Очерки изъ исторіи украинской литературы XVIII вѣка». Отзывы г. Петрова объ украинскихъ писателяхъ и произведеніяхъ вѣрны, хотя иногда выражены слишкомъ мягко. Такъ, послѣдній переходъ Кулиша на сторону полиціи онъ объясняетъ тѣмъ, что писатель принялъ соціологическія идеи, на самомъ дѣлѣ оказавшіяся полонофильскими. Но неговоря уже о томъ, что соціологическія и соціалистическія идеи никогда не были достояніемъ польской интеллигенціи, она была всегда непримиримымъ врагомъ Украины; преслѣдовавшимъ не только ея національную независимость, но ея вѣру и языкъ. Можно найти историческія данныя для оправданія утвержденій Кулиша, что казачество было не болѣе, какъ отвратительное разбойничество, что воссоединеніе Украины съ Россіей несправедливость, но чѣмъ оправдать увѣреніе украинскаго писателя, что поляки были всегда друзьями его народа и поступали съ нимъ гуманно и справедливо? Мудрено ли, что при подобныхъ увѣреніяхъ, при требованіи, чтобы украинцы протянули руку полякамъ, забывъ прежнюю вражду, отъ Кулиша отвернулся и русскіе украинцы и австрійскіе руссины. Иначе и быть не могло, и приглашеніе этихъ племенъ идти рука объ руку по общему пути, къ одной цѣли, не найдетъ отголоска. Когда, въ какую историческую эпоху Кулишъ видѣлъ осуществленіе идеала поэта, чтобы «полякъ въ союзѣ съ русскимъ былъ, какъ вольный съ вольнымъ, равный съ равнымъ?» Поляки постоянно жалуются, что ихъ угнетаетъ и Россія, и Пруссія, и Австрія, но чуть гдѣ нибудь и когда нибудь они дѣлаются силою въ странѣ—тотчасъ же начинаютъ угнетать своихъ единоплеменниковъ. За примѣрами не далеко ходить, стоитъ взглянуть на современное положеніе Галиціи. Книга г. Петрова грѣшитъ мѣстами излишнимъ пристрастіемъ къ второстепеннымъ литературнымъ дѣятелямъ и несовсѣмъ правильно приурочиваетъ нѣкоторыхъ изъ нихъ къ принятымъ у него отдѣльнымъ періодамъ литературы: псевдоклассическому, сентиментальному, романтико-художественному, національному. Подобныя перегородки излишни въ исторіи литературы и заставляютъ дѣлать одностороннюю оцѣнку ея дѣятелей. Напрасно также авторъ причисляетъ къ украинской литературѣ малороссійскія повѣсти Гоголя и даже «Тараса Бульбу». Если

авторъ беретъ свои рассказы изъ жизни другого племени, нельзя причислять эти рассказы, писанные не на языкѣ этого племени, къ его литературѣ. Но всё эти мелкіе недостатки не уменьшаютъ достоинства и значенія книги г. Петрова, весьма цѣнной и для русской литературы, такъ какъ авторъ говорить о многихъ украинскихъ дѣятеляхъ, писавшихъ въ то же время и по-русски, а біографіи и критическія оцѣнки г. Петрова составлены по самымъ лучшимъ источникамъ, указаннымъ для каждаго писателя отдѣльно. Составитель исторіи украинской литературы несомнѣнно близко знакомъ со всемъ, что написано по предмету его изслѣдованій, и обработалъ его вполне добросовѣстно. Къ книгѣ въ 470 страницъ приложенъ алфавитный указатель личныя именъ.

З. Т. В.

Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Выпускъ I-й. Изслѣдованіе И. И. Дубасова. Москва, 1883 г.

Г. Дубасовъ издалъ трудъ превосходный во всѣхъ отношеніяхъ, дающій близкое, какъ нельзя болѣе обстоятельное знакомство съ краемъ и заставляющій искренно желать, чтобы подобныя труды появлялись какъ можно чаще въ нашей исторической литературѣ. Авторъ начинаетъ исторію Тамбовскаго края съ основанія города Тамбова, что, по словамъ мѣстнаго лѣтописца, послѣдовало такимъ образомъ: «Лѣта 7144 (1636 г.) по указу богоизбраннаго и святымъ елеемъ помазаннаго крѣпкаго хранителя и поборника святыхъ православныхъ вѣры, благовѣрнаго и Богомъ почтеннаго и превознесеннаго и благочестіемъ всея вселенныя въ концѣхъ возсіявшаго царя и великаго князя Михаила Федоровича, создася градъ Тамбовъ на рѣкѣ Цѣль. А строилъ тотъ городъ стольникъ Романъ Федоровичъ Бобарыкинъ и былъ воеводою три лѣта».

«Цѣль построенія нашего города, говоритъ г. Дубасовъ, заключалась въ оборонѣ отъ татаръ всей московской юго-восточной украины». Въ книгѣ почтеннаго автора указаны всѣ нападенія татаръ, какъ равнымъ образомъ указано и нападеніе воровскихъ казаковъ Стеньки Разина. «Божіимъ попущеніемъ, повѣствуетъ тамбовскій лѣтописецъ, воровскіе казаки измѣнника Стеньки Разина приходили къ намъ отъ града Шацкаго и обступили крѣпость мѣсяца ноемврія въ 9 день и стояли тутъ до мѣсяца февраля и въ то время пало служилыхъ людей и измѣнниковъ многое число».

Въ 1708 году заходили въ тамбовскіе предѣлы и шайки Кондратія Булавина.

Такимъ образомъ, выходитъ, что тамбовскій край пережилъ на своемъ вѣку не мало невзгодъ. Въ концѣ XVII столѣтія вся сѣверная часть нынѣшней Тамбовской губерніи была сплошь покрыта дремучими лѣсами—хвоей и чернопольею. Въ этихъ дѣвственныхъ лѣсахъ, на всей своей волѣ, проживали мордовскія и мещерскія племена, укрываясь отъ зоркихъ московскихъ бояръ и воеводъ, и въ нихъ же свободно рыскали хищныя звѣри, всячески донимая лѣсныхъ обитателей. То было время, когда многіе Спасскіе, Темниковскіе, Елатомскіе и Шацкіе лѣса, по всей справедливости, именовались големовыми борами и боровыми гонами.

Великій преобразователь Петръ не проглядѣлъ и Тамбовскаго края. Г. Дубасовъ приводитъ нѣсколько его указовъ, направленныхъ къ извлече-

нію пользы изъ природныхъ богатствъ этого края. Между прочимъ, въ 1714 году, усиленно собирали тамбовскихъ и шацкихъ недорослей для государева дѣла. Иныхъ отвозили въ школы, другихъ сдавали въ солдаты и матросы, «но оны дворяне, говорятъ мѣстные документы,—къ государеву дѣлу были несклонны и въ томъ учинялись противны». Тогда ихъ начали забирать посредствомъ военныхъ командъ.

Царь Петръ, въ бытность въ Липецкѣ, гдѣ онъ построилъ себѣ дворецъ, состоявшій изъ трехъ покоевъ, основалъ въ этомъ городѣ чугунно-литейный заводъ, на которомъ иногда самъ работалъ, и открылъ извѣстныя липецкія минеральныя воды, для пользованія которыми имъ же составлены собственноручно гигиеническія и медицинскія правила.

Въ тамбовскомъ краѣ, какъ видно изъ книги г. Дубасова, съ перваго появленія московской администраціи, народились и всевозможныя безобразія, тѣсно соединенныя съ воеводскимъ управленіемъ. Мы не имѣемъ возможности приводить многіе интереснѣйшіе и характерные факты, которыми въ книгѣ г. Дубасова непочатый край, скажемъ только, что положительно непонятно, какимъ образомъ русская земля могла существовать при такихъ страшныхъ, отчаянныхъ условіяхъ, предполагая, что болѣе или менѣе вездѣ повторялась одна и та же печальная исторія. Поневолю повѣришь, что непомѣрно велика духовная сила русскаго народа, способная переживать выходяція изъ ряда испытанія.

Въ 1779 году, было открыто тамбовское намѣстничество. Это торжество совершилось очень просто. Торжественныхъ рѣчей не говорили, потому что всѣ тамбовскіе обыватели были люди не книжныя. Въ это время въ Тамбовѣ не было еще ни одного училища, кромѣ гарнизонной школы, въ которой слабо обучали грамотѣ и болѣе энергично барабанной наукѣ.

Авторъ даетъ особенное значеніе общественной дѣятельности Державина, какъ тамбовскаго губернатора, по инициативѣ котораго открыты въ Тамбовѣ главное училище и типографія. Такъ какъ родители не отдавали дѣтей въ ученье, то, по распоряженію Державина, крестьянскихъ и мѣщанскихъ мальчиковъ забирали въ классы насильно, черезъ полицію. Вслѣдствіе этихъ чрезвычайныхъ мѣръ, произошло то, что въ 1787 году училищныхъ воспитанниковъ во всей тамбовской губерніи считалось около 400 человекъ. Не мало интересныхъ фактовъ сообщаетъ г. Дубасовъ о тогдашнихъ мѣстныхъ педагогахъ, похожихъ на описанныхъ въ запискахъ маіора Данилова.

Многіе тамбовскіе порядки времени императрицы Екатерины II напоминаютъ современные порядки иныхъ нашихъ провинціальныхъ городовъ; все это такъ знакомо намъ по газетнымъ извѣстіямъ и рассказамъ. Первая попытка къ мощенію Тамбова сдѣлана была Державинимъ. Съ тамбовскихъ обывателей собрали 140,000 рублей и заготовили уже бутовый камень, но вслѣдствіе отставки Державина дѣло стало и камень пролежалъ безъ употребленія около 40 лѣтъ. Къ довершенію городского безобразія, обыватели свободно вывозили со двора навозъ къ собору, и тутъ, въ центрѣ города, вышались, на берегу Цны, дѣлыя смраднаыя горы. А иные жители бросали навозъ прямо въ рѣку, которая и безъ того никогда не отличалась доброкачественностью воды. Такое описаніе можетъ быть, безъ малѣйшаго ущерба истины, названо живымъ снимкомъ современнаго положенія многихъ нашихъ не только уѣздныхъ, но и губернскихъ городовъ.

Въ мрачныхъ чертахъ рисуетъ г. Дубасовъ многія явленія жизни Там-

бовскихъ дворянъ, духовенства и чиновничества. Чего только не творилось на св. Руси и чего только не переносилъ нашъ многострадальный народъ!

Напримѣръ, авторъ такъ рисуетъ извѣстнаго князя и пѣвца князя Ю. Н. Голицына. Онъ приказывалъ иногда давать провинившимся крестьянамъ по 1,000 ударовъ и потомъ къ избитымъ мѣстамъ прикладывать шпанскія мушкетеры. А когда не хотѣлось ему развлекаться сѣченіемъ своихъ крестьянъ, онъ ставилъ ихъ въ маленькую башню на крышѣ барскаго дома и держалъ тамъ, не смотря ни на какую погоду, по нѣскольку сутокъ безъ пищи. Желая иной разъ поглумиться надъ своими дворовыми, онъ собственноручно мазалъ ихъ дегтемъ или смолою. Мазалъ онъ стариковъ, не щадилъ женщинъ и дѣтей. Нерѣдко приходила ему фантазія наказывать крестьянъ при болѣе или менѣе торжественной обстановкѣ. Такъ, однажды, онъ созвалъ къ себѣ всѣхъ своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ и въ ихъ присутствіи приказалъ сѣчь одну изъ нихъ, а самъ въ это время игралъ на билліардѣ. Сѣченіе продолжалось цѣлый часъ и результатомъ его было то, что изувѣченную крестьянку, немедленно послѣ экзекуціи, приобщили. Однажды князь пріѣхалъ откуда-то въ свое имѣніе и прямо подѣхалъ къ церкви, гдѣ въ это время совершалось богослуженіе, вслѣдствіе чего священникъ не могъ встрѣтить князя. Тогда, разсерженный невниманіемъ къ своей особѣ, помѣщикъ живо вошелъ въ алтарь, схватилъ священнодѣйствующаго іерея за бороду и привелъ его на паперть. «Вотъ гдѣ, сказалъ онъ оторопѣвшему священнику, долженъ ты встрѣтить меня».

Но странное дѣло, замѣчаетъ г. Дубасовъ, князь щадилъ и уважалъ тѣхъ людей, которые давали ему отпоръ. Разъ, онъ встрѣтилъ въ полѣ священника Орлова и ударилъ его кнутомъ. Тогда удивленный и разобитый отецъ Орловъ нѣсколько разъ ударилъ своимъ пастырскимъ жезломъ князя и съ тѣхъ поръ вошелъ въ княжескую милость.

Встрѣчаются въ трудѣ г. Дубасова личности изъ высшаго духовенства, немного уступающія князю, о которомъ была рѣчь выше.

Въ юнѣ 1758 года, въ Тамбовѣ прибылъ епископъ Пахомій, оставившій по себѣ самую тяжелую память. Этъ былъ человѣкъ слишкомъ замѣтный по жестокости даже и въ тѣ суровыя времена. Онъ былъ ласковъ только къ постороннимъ людямъ, въ особенности къ помѣщикамъ. А для духовенства епископъ Пахомій былъ тѣмъ же, чѣмъ были въ его времена помѣщики для крѣпостныхъ крестьянъ. Онъ сѣлъ священниковъ плетями и заковывалъ ихъ въ ручныя кандалы, а сыновей и дочерей ихъ нерѣдко дарилъ или продавалъ своимъ пріятелямъ. Со всѣхъ ставленниковъ брали за посвященіе взятки, отъ 10—50 рублей съ человѣка и ихъ же епископъ Пахомій заставлялъ работать на архіерейскомъ дворѣ: рыть каналы, возить лѣсъ и кирпичи, бить сваи и зимою возить снѣгъ. Нѣкоторые ставленники несли такую барщицу лѣтъ по 5-ти.

Почтенный авторъ совершенно справедливо говоритъ, что всѣми упомянутыми безобразіями, жертвой которыхъ дѣлалось духовенство, можетъ быть и объясняются всѣ тѣ многочисленныя уклоненія отъ православія, которыми, съ половины прошлаго столѣтія, замѣтно отличается Тамбовская губернія. Въ самомъ дѣлѣ, могли-ли Тамбовскіе прихожане уважать своихъ пастырей, когда они постоянно видѣли, что ихъ подвергаютъ самымъ позорнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ.

Конечно, и въ нашей исторіи, какъ и во всякой, не безъ свѣтлыхъ обра-

зовъ. Говорить о нихъ и книга г. Дубасова. Такъ, въ ней мы находимъ свѣтлыя личности епископа Θεодосія, епископа Θεοφιλα и Ионы. Мы не имѣемъ возможности хотя сколько нибудь коснуться ихъ дѣятельности; скажемъ только, что она принадлежитъ исторіи, ибо оставила благотворные слѣды въ Тамбовскомъ краю. Въ 1779 году, въ жизни Тамбовскаго духовенства совершилось весьма скромное по видимому и весьма важное по существу дѣло. Это—открытие духовной семинаріи.

Чиновный людъ въ Тамбовскомъ краѣ состоялъ въ старое время изъ лицъ, неимѣвшихъ никакого образованія и нерѣдко малограмотныхъ. Какъ образецъ степени образованія и грамотности старыхъ дѣльцовъ, г. Дубасовъ приводитъ многія доказательства, взятые изъ подлинныхъ дѣлъ. Вотъ одно изъ нихъ: «Протоколъ Тамбовской палаты уголовного суда, отъ 14-го іюля 1820 года. Палата, слушавъ дѣло, поступившее на ревизію изъ Липецкаго уѣзднаго суда, въ зарѣзанія якобы губернской секретарши Зеленовой дворовыми людьми находящагося двороваго человѣка Чайковскаго на прокормленіи помѣщицы Вишневецкой быка рыжепестраго уѣзднаго казначея Свѣшникова».

Смыслъ этихъ курьезныхъ словъ, объясняетъ авторъ, совершенно внезапно обнаруживается на 3-й страницѣ дѣла. Оказывается, что рыжепестрый быкъ принадлежалъ уѣздному казначею Свѣшникову.

Одно дѣло озаглавлено такъ: «Дѣло о крестьянинѣ Сидоровѣ, обвиняемомъ якобы въ покушеніи себя къ удушенію».

Говорить-ли о взяточничествѣ чиновниковъ того времени? Думаю, что бесполезно много распространяться объ этомъ предметѣ, ибо въ существованіи его, конечно, никто не сомнѣвается. Брала воеводы, губернаторы, средніе и маленкіе чиновники. Въ книгѣ г. Дубасова фигурируютъ многіе изъ нихъ, но всего болѣе выдается нѣкто Федюхинъ, копіистъ, получавшій (въ началѣ текущаго столѣтія) по 50 копѣекъ жалованья въ мѣсяцъ. Онъ продѣлывалъ художнически различные фокусы. Въ виду собранія статистическихъ цифръ приказывалъ пасѣчнику выпускать всѣхъ пчелъ изъ улья, но такъ, чтобы онѣ вылетали постепенно и непременно по одной, ибо только при этомъ условіи онъ можетъ ихъ считать. Разумѣется, пасѣчникъ отплачивается. Наживъ огромныя деньги, Федюхинъ вдался въ ханжество. Въ высшей степени интересенъ рассказъ автора о чиновникѣ Потаповичѣ, личности высоко-свѣтлой, а, пожалуй и больной, если вспомнить слова писанія: не мечите бисера предъ свиньями, да не попрутъ его ногами. Губернскія власти, заподозривъ здравое состояніе ума Потаповича, спрашиваютъ его: «Что вы писали въ Шацкій уѣздный судъ?» Я представлялъ суду, отвѣчаетъ онъ, — чтобы онъ нашелъ средство сдѣлать людей добросовѣстными. «Не желаете ли вы служить?» Желая, но въ такомъ мѣстѣ, гдѣ болѣе благородства, ибо служба въ статской службѣ, я самъ себѣ сдѣлалъ вопросъ: какая польза отъ этой службы, и не могъ рѣшить этого. Впрочемъ, я готовъ служить, но только съ благородными людьми, которые имѣютъ такія же правила, какъ и я (Архивъ Тамбовскаго губернскаго правленія, № 2409).

Понятно, что для общества, подобнаго описываемому г. Дубасовымъ, Федюхинъ—человѣкъ здраваго ума, а Потаповичъ и другой безукоризненно честный чиновникъ, Станинскій, упоминаемый авторомъ, люди съумасшедшіе. Да и для той ли только эпохи? Нѣтъ-ли подобныхъ лишенныхъ ума и въ настоящее время?

И. В.

Домострой по списку императорскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Москва. 1883 г.

Списокъ этотъ, прибрѣтенный покойнымъ секретаремъ общества Бодянскимъ и напечатанный въ 1882 году въ «Чтеніяхъ» общества и появившійся теперь отдѣльною книжкою, былъ рассмотрѣнъ и описанъ членомъ упомянутаго общества И. С. Некрасовымъ. Списокъ этотъ долженъ, по своей древности и полнотѣ, считаться самымъ замѣчательнымъ памятникомъ для бытовой исторіи до-петровской Руси. Часть рукописи «Домостроя» написана мелкимъ полууставомъ XVI столѣтія, а часть—скорописью второй половины XVI столѣтія. Дальнѣйшія страницы этого списка въ видѣ особой статьи «О чину свадебномъ» писаны уже полууставомъ XVII столѣтія, а за этой статьею помѣщены приписки скорописью конца XVII или даже начала XVIII столѣтія. Такимъ образомъ рукопись эта представляетъ какъ бы сборникъ различнаго письма, въ которомъ къ первоначальному древнѣйшему изъ всѣхъ доселѣ списку «Домостроя» присовокуплены его продолженія,—писанныя позднѣйшими полууставами и скорописью.

Первоначально списокъ этотъ былъ подготовляемъ къ печати подъ редакцію умершаго недавно секретаря общества А. Н. Попова, а потомъ трудъ этотъ перешелъ къ извѣстному знатоку русской старины И. Е. Забѣлину. Недостаткомъ этого изданія оказывается отсутствіе объяснительнаго словаря. Хотя нельзя не сказать, что «Домострой» по своему изложенію и по встрѣчающимся въ немъ названіямъ предметовъ изъ стариннаго нашего обихода и удобо-полезенъ для тѣхъ, кто болѣе или менѣе приноровился къ старинному нашему языку и достаточно знакомъ съ бытовой обстановкой прежняго времени, тѣмъ не менѣе даже и для такихъ читателей попадаются слова, на счетъ значенія которыхъ приходится впасть въ соображенія и догадки, особенно по съѣстной части. Такъ, напримѣръ, остаются не разъясненными слова: «зугъ», «кушачно», «зендепипное платье», «прутовая рыба», «черная уха», «кобунцы», «мазуны» и т. д.; впрочемъ такой недостатокъ будетъ устраненъ «по времени» изданіемъ составляемаго г. Забѣлинымъ объяснительнаго указателя предметовъ, и можно надѣяться, что такая необходимая прибавка къ «Домострою» будетъ вполне удовлетворительна относительно той задачи, которая при этомъ должна имѣться въ виду.

«Домострой» и по цѣли, и по содержанію, соответствуетъ вполне издаваемымъ нынѣ въ Европѣ и у насъ руководствамъ относительно того, какъ держать себя въ обществѣ, какъ одѣваться, а также разнымъ повареннымъ и хозяйственнымъ книжкамъ. При этомъ, однако, въ немъ отразилась и новѣйшая, исходная точка возрѣвнй прежнихъ столѣтій, а именно религіозность и охраненіе разныхъ обрядностей. Поэтому «Домострой» главнымъ образомъ представляетъ собою поученіе въ благочестивомъ духѣ, хотя и изобилуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ указаніями на чисто-житейскія потребности и на условія общественной и домашней жизни своего времени.

«Домострой» начинается наставленіемъ или «наказаніемъ» отца къ сыну о христіанскихъ вѣрованіяхъ, о покорности всякому властителю, о почитаніи отцовъ духовныхъ. За тѣмъ идутъ наставленія о томъ, какъ лечиться отъ болѣзней и скорбей христіанскихъ, царямъ, князьямъ, всякимъ челоуѣкамъ и святителескому, монашескому и священническому чину; какъ поощрять церкви и монастыри и какъ дѣлать приношенія и въ тѣ и другіе.

Отъ религиозныхъ наставленій составитель «Домостроя» переходитъ къ наставленіямъ семейственнымъ, опредѣляя взаимныя отношенія между двумя главными основаніями каждой семьи: супружеской четы и ихъ чадъ. На первый разъ идетъ поученіе о томъ, какъ слѣдуетъ мужу совѣтоваться съ женою на счетъ приказанія ключнику, на счетъ столоваго обихода, поварни и хлѣбной. По «Домострою» всѣмъ этимъ повелѣваетъ «государь», т. е. хозяинъ, а «государыня» или хозяйка только распоряжается. Предусматривается далѣе и такой случай, когда въ домѣ бываетъ пиръ и тогда ключнику дается болѣе сложный «указъ», причеиъ на него возлагается давать отчетъ обо всемъ, что было съѣдено и выпито гостями и сколько чего осталось отъ пиршественной трапезы.

Переходя къ воспитанію дѣтей «Домострой» не говоритъ ничего объ ихъ научномъ образованіи, но заботится, такъ сказать, о реальномъ ихъ обученіи, внушая, чтобы отецъ сыновей, а мать дочерей учили рукодѣлю. Внушаетъ онъ также не давать дѣтямъ повадки, такъ что «Домострой», поучая родителей любить и беречь своихъ дѣтей, добавляетъ, что ихъ надобно спасать страхомъ, наказуя и «возлагая раны», и бить жезломъ, такъ какъ отъ такого битія младенецъ не умретъ, но оно ему во здравіе будетъ. «Казни своего сына измлада—поучаетъ «Домострой»—и порадуешься о немъ въ мужествѣ. Не дай ему власти въ юности, но сокруши ему ребро». Совѣтуетъ онъ также припасать постепенно для дочерей въ приданое и платье, и посуду, и «животину съ приплодомъ».

Внушаетъ «Домострой» всѣмъ и каждому опрятность и бережливость въ одеждѣ, усѣренность въ питіи и въ пицѣ, вѣрность жены въ отношеніи къ мужу, котораго поучаетъ какъ беречь жену отъ соблазна и грѣха. Возстааетъ «Домострой» и противъ столь любимой въ старину русскими забавы—охоты съ собаками, птицами и медвѣдями, а также противъ плясанія, пѣнія и игры въ шахматы и тавли (шашки), противъ «рѣзоинства», т. е. отдачи денегъ въ ростъ, и жизни выше своихъ средствъ.

Вышними добродѣтелями женщины «Домострой» признаетъ ея умѣніе вести разумно хозяйство и сберегать всякіе обрѣзки и остатки. Онъ поучаетъ, чтобы «въ каждомъ подворьѣ была снасть и плотницкая, и портного мастера, и желѣзная, и сапожнаго», а у хозяйки своя «нарядная». Не мало находится въ «Домостроѣ» статей, поучающихъ какъ держать слугъ, отъ которыхъ по «Домострою» требуется большая вѣжливость. Такъ, она, входя къ господамъ, должны сотворить молитву и если имъ послѣ третьей молитвы не отвѣтятъ «аминь», то они должны легонько постучать, а стоя передъ господиномъ, въ носу не копать пальцемъ, не сморкаться, не кашлять и не смотрѣть по сторонамъ.

Не мало статей «Домостроя» посвящено хозяйственному обиходу, какъ-то: приготовленію, покупкѣ и сбереженію разныхъ съѣстныхъ припасовъ и питій, устройству кѣтѣй, подкѣтѣй, ледниковъ, амбаровъ, конюшенъ, поварни, хлѣбной, лѣснаго, и дровянаго двора и т. д.

По находящемуся въ «Домостроѣ» росписанію яствъ, и въ скромные и въ постные дни, легко ознакомиться, чѣмъ продовольствовались предки наши въ XVI и XVII столѣтіяхъ. Изъ этого росписанія можно заключить, что, кромѣ разныхъ родовъ мяса домашнихъ животныхъ, за неизмѣнимъ телятины, довольно употребительною снѣдью были, нынѣ неупотребляемые уже въ пищу лосья губы, лебеди, журавли, цапли и жаворонки. Рыба была

въ большомъ употребленіи и, между прочимъ, щука съ шафраномъ, т. е. по жидовски, и «нѣмецкія сельди». Изъ иноземныхъ приправъ, сверхъ шафрана, были извѣстны еще сахаръ, перецъ, имбирь, кардамонъ, лимоны, мускатный орѣхъ и гвоздика.

Для питья употреблялись: разнаго рода пиво и медъ, квасъ, брага, ягодный морсъ, варъ въ хмѣлю, для сладкой приправы употребляли сотовой медъ и патоку. Самымъ лучшимъ напиткомъ считался «боярскій медъ». Какъ одно изъ лучшихъ лакомствъ приготавлилась тертая рѣдька, поджаренная и приправленная патокой и перцемъ. Приготавливались также арбузы, дыни, яблоки, груши, «леваши» изъ ягодъ и пастилы.

Свадебные обряды описаны въ «Домостроѣ» съ такими частностями, что по этому описанію можно было бы отправить ихъ и теперь со всѣми подробностями, если бы только современные намъ понятія о приличіи допускали все, что предписывается въ «Домостроѣ».

Е. К.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ третій. Тифлисъ. 1884. — Кубанская справочная книжка, составилъ Е. Д. Фелицынъ, Екатеринодаръ, 1884. — Кубанскій сборникъ подъ редакцію Фелицына. Томъ I. Екатеринодаръ. 1884.

Жалобы на недостатокъ въ нашей литературѣ сочиненій, по которымъ мы могли бы всесторонне изучить наше обширное отечество, сдѣлалось давно уже общимъ мѣстомъ. Нельзя сказать однакоже, чтобы эти жалобы были вполнѣ основательны. Подробныхъ и удовлетворительныхъ описаній Россіи дѣйствительно нѣтъ, да такой трудъ, хотя бы только въ «живописномъ» отношеніи, не говоря уже о серьезномъ, научномъ, не подъ силу одному лицу, даже съ помощью специалистовъ. Но описаній отдѣльныхъ частей и мѣстностей нашего отечества у насъ не мало, и многія изъ нихъ вполнѣ отвѣчаютъ самымъ строгимъ современнымъ требованіямъ. Къ такимъ трудамъ принадлежатъ книги, доставленныя намъ съ отдаленныхъ и своеобразныхъ окраинъ Россіи, еще недавно обособленныхъ, но теперь слившихся съ нею въ административномъ отношеніи. Какъ ни желательна у насъ въ этомъ отношеніи децентрализація подобныхъ окраинъ, но и превращеніе ихъ въ самобытныя *compranii*, въ *status instatu*, нисколько не желательно, въ виду скрѣпленія общей связи государства съ его разнородными этнографическими и мѣстными элементами. Не смотря на всѣ свои особенности, которыя необходимо принимать во вниманіе, Кавказъ сдѣлался теперь такою же провинціею, частью Россіи, какъ и всѣ другія части ея; но для насъ знакомство съ этими особенностями, изученіе ихъ по достовѣрнымъ даннымъ полезно и необходимо. Такой цѣли вполнѣ удовлетворяютъ названныя выше книги. Первая изъ нихъ, касающаяся всего Кавказа, издана управленіемъ кавказскаго учебнаго округа и составляетъ продолженіе удачно задуманнаго, начатаго въ 1881 году и хорошо выполняемаго труда. Каждый выпускъ «Сборника матеріаловъ» заключаетъ въ себѣ два отдѣла статей — историческихъ, статистическихъ, географическихъ и отдѣлъ этнографическій, бытовой, мѣстныхъ обычаевъ, преданій, пѣсенъ и т. п. Такъ, въ третьемъ выпускѣ

помѣщены: весьма обстоятельныя статьи «Замѣтка объ Осетіи и осетинахъ», гдѣ кромѣ интересныхъ историческихъ свѣдѣній, изложена орографія и гидрографія страны, ея растительность, климатъ, фауна. Къ статьѣ, еще неоконченной, приложена подробная карта части Кавказа, населенной осетинами съ показаніемъ сопредѣльныхъ съ ними народностей. Менѣе обширна, но не менѣе любопытна статья «Краткія замѣтки о Карской области», гдѣ описаны занятія жителей, характеръ, землевладѣніе, промышленность, торговля, пути сообщенія, указано на различіе системы турецкаго и русскаго управленія, приведено много интересныхъ и новыхъ статистическихъ данныхъ и отдѣльная таблица о населеніи и экономическомъ состояніи края, гдѣ болѣе 151 тысячи жителей, а съ войсками 163 тысячи. Во второмъ отдѣлѣ, въ статьѣ «Станица Теможебская» говорится сначала о мѣстоположеніи и населеніи станицы, о характерѣ, занятіяхъ и воспитаніи жителей, о ихъ времяпровожденіи; но болышая часть статьи занята сборникомъ пѣсенъ, поющихъ въ станицѣ. Приложено даже 23 страницы тѣхъ главныхъ 66 пѣсенъ, изъ 148 приведенныхъ авторомъ статьи, учителемъ Баталпаинскаго городскаго училища г. Переднивскимъ (изъ шести статей составляющихъ выпускъ, пять принадлежатъ учителямъ разныхъ школъ и тифлисской гимназіи). Между пѣснями, впрочемъ, мало замѣчательныхъ, многія изъ нихъ представляютъ не болѣе какъ варианты изъ сборниковъ Корневскаго, Рыбникова и др. и приводятъ такія, общеизвестныя пѣсни, какъ «А мы про со сѣяли» или «Распашу я пашенку»—излишне. Не для чего было также записывать солдатскія пѣсни, почти вездѣ отличающіяся пошлостью и натянутымъ патриотизмомъ. Сочиняемыя жалкими полковыми пѣтами онѣ поются въ небольшихъ кружкахъ и сохранять для потомства такой вздоръ какъ напр. пѣсню «Нашъ полковой господинъ себѣ орденъ получилъ» нѣтъ никакой надобности. Болѣе строгій выборъ также необходимъ, чтобы въ сборникѣ не попадались поддѣлки подъ народную пѣсню: въ родѣ «Гуляетъ по Дону казакъ молодой; льетъ слезы дѣвица надъ быстрой рѣкой». Въ статьѣ «Нѣсколько казачьихъ пѣсенъ, и повѣрій въ станицѣ Разшеватской» семь солдатскихъ пѣсенъ замѣчательны только совершеннымъ отсутствіемъ поэзіи и какимъ-то дѣланымъ, неприятнымъ ухарствомъ; но нѣкоторые изъ повѣрій и легендъ любопытны, также какъ «Татарскія сказки, записанныя въ селеніи Салах-лу» и «Карачаевскія сказанія». Учителя, собиравшіе эти преданія, отнесли къ нимъ добросовѣстно и передали умѣло. «Сборникъ», занимающая болѣе 500 страницъ, вообще читается легко и составленъ съ знаніемъ дѣла.

Кубанская справочная книжка—издана областнымъ статистическимъ комитетомъ и заключаетъ въ себѣ всѣ необходимыя для ознакомленія съ этой мѣстностью справочно-статистическія свѣдѣнія: объ административномъ дѣленіи Кубанской области, ея населенности, распространеніи землевладѣнія, движеніи и распространеніи населенія, свѣдѣнія объ урожаѣ, числѣ учебныхъ заведеній, промышленныхъ заводовъ, составъ казачьяго войска, судебныя установленія, почтоваыя, телеграфныя, желѣзнодорожныя и другія свѣдѣнія. Третья книга занимаетъ адресъ-календарь гражданскаго, военнаго и духовнаго вѣдомствъ.

Тотъ же областной статистическій комитетъ издалъ огромный (въ 1120 страницъ) «Кубанскій сборникъ», составленный изъ трудовъ этого комитета. Томъ этотъ составленъ изъ 11 статей, относящихся преимущественно къ статистическимъ изслѣдованіямъ отдѣльныхъ населенныхъ мѣстностей. Таковы

статьи о городѣ Ейскѣ и его уѣздѣ, о станицахъ Николаевской, Новоминской, Воронежской и Троицкой, о движеніи населенія въ городѣ Темрюкѣ. Къ этимъ статьямъ редакція сборника, по ея словамъ, «приложила много стараній и труда, чтобы привести ихъ въ удобочитаемый видъ», но сознается, что только одно описаніе станицы Новоминской «въ извѣстной степени удовлетворяетъ требованіямъ программы и то лишь по отдѣлу хозяйственнаго быта населенія». Такая строгая оцѣнка собственныхъ трудовъ дѣлаетъ честь комитету, существующему только со второй половины 1879 года и поэтому неуспѣвшему сдѣлать многого. Да и вообще Кубанская область—край новый, только что устроивающійся, малоизвѣстный и совершенно неизученный, позже другихъ административныхъ райновъ Кавказа вступившій на путь мирнаго гражданскаго развитія, хотя по размѣру территоріи и числу населенія занимаетъ первое мѣсто. Поэтому, кромѣ чисто статистическихъ изслѣдованій, не удовлетворяющихъ редакцію, но тѣмъ не менѣе любопытныхъ для большинства читателей, они съ неменьшимъ интересомъ прочтутъ другія статьи сборника, имѣющія не только мѣстное, но и общее значеніе. Таковы статья «Заселеніе западныхъ предгорій главнаго Кавказскаго хребта». І. В. Бентковскаго—лучшаго знатока сѣвернаго Кавказа (86 сочиненій его, относящихся къ этому предмету, перечислены редакціей). «Исторія земельной собственности у Кубанскихъ казаковъ» Ф. Щербина; «Начальное народное образованіе въ Кубанской области» Н. Блюдова и «Вредныя насѣкомыя Кубанской области», изслѣдованіе профессора Линдемана—самая обширная статья сборника. Всѣ статьи заслуживаютъ полнаго вниманія не только специалистовъ, но и вообще образованной публики. Редакція отдаетъ полную справедливость основателю статистическаго комитета, бывшему начальнику области Н. Н. Кармалину, «принимавшему живѣйшее участіе во всѣхъ предпріятіяхъ, имѣвшихъ цѣлью изученіе ввѣреннаго ему края». Къ сожалѣнію и г. Кармалинъ испыталъ участь многихъ нашихъ администраторовъ: не доведя далеко до конца дѣло устройство края—онъ долженъ былъ оставить его. Къ книгѣ приложена превосходная карта Кубанской области, составленная г. Фелицынымъ. Непріятно поражаетъ въ ней только множество опечатокъ (замѣченныхъ—болѣе шести страницъ). Происходитъ это отъ недостаточности средствъ мѣстныхъ типографій, такъ что для ускоренія выхода въ свѣтъ книги части ея надо набирать и печатать въ другомъ городѣ за тысячу верстъ—въ Одессѣ.

В. З.

Географическій словарь западнославянскихъ и югославянскихъ земель и прилежащихъ странъ, составленный Яковомъ Головацкимъ, съ приложеніемъ географической карты. Вильна. 1884 г.

Съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ появленіе новаго только что изданаго труда почтеннаго дѣятеля въ области славяновѣдѣнія, Я. О. Головацкаго. Галичанинъ по происхожденію, Головацкій (род. 1814 г.) окончилъ курсъ богословскихъ наукъ въ Львовскомъ университетѣ. Еще будучи студентомъ, онъ примкнулъ къ возникшему въ тридцатыхъ годахъ кружку галичанъ-студентовъ Львовскаго университета, которые ставили себѣ цѣлью изученіе своей народности и стремились положить прочное на-

чало галицкой литературѣ. Въ 1834 году, этотъ кружокъ задумалъ издать небольшой сборникъ, состоявшій изъ народныхъ пѣсенъ и собственныхъ статей въ стихахъ и въ прозѣ. Но печатать книгу было воспрещено, а сами издатели и авторы отданы подъ надзоръ полиціи; повиднѣе они всетаки напечатали свой сборникъ въ Пештѣ, подъ заглавіемъ «Русалка Днѣстровая», и книжку эту безспорно можно считать исходнымъ фактомъ новѣйшей галицкой литературы.

Въ сороковыхъ годахъ, Головацкій сдѣлался униатскимъ священникомъ, а въ 1848 году былъ приглашенъ на кафедру русскаго языка и словесности въ Львовскомъ университетѣ. Онъ всегда ревностно защищалъ права русской народности и на этомъ полѣ велъ ожесточенную борьбу съ поляками. Въ 1867 году, послѣ Общеславянскаго съѣзда во время Московской выставки, Головацкій навсегда покинулъ Галицію и назначенъ былъ председателемъ Виленской Археографической Коммисіи.

Головацкому принадлежить значительное число работъ въ области историко-литературныхъ исследованийъ, главнымъ образомъ на почвѣ галицко-русской словесности; но капитальный трудъ его составляютъ «Народныя пѣсни Галицкой и Угорской Руси», которыя впервые стали появляться въ «Чтеніяхъ Московскаго Общества исторіи и древностей» (гдѣ этому богатѣйшему собранію памятниковъ непосредственнаго народнаго творчества предшествовало предисловіе Бодянскаго), а въ настоящее время изданы отдѣльно тремя томами въ четырехъ частяхъ.

Только что вышедшій трудъ ревностнаго слависта свидѣтельствуетъ о томъ, что имъ по прежнему руководитъ живое увлеченіе идеями объединенія славянскихъ народовъ и развитія въ нихъ національнаго самосознанія и чувства племеннаго единства. Съ этой точки зрѣнія, книга его, дѣйствительно, должна сдѣлаться настольной для всякаго туриста или путешественника по славянскимъ землямъ, для всякаго журналиста, писателя, литератора. Съ помощью подобнаго справочнаго пособия, возможно хотя отчасти устраненіе того, что, по справедливому замѣчанію автора «Географическаго словаря», «въ русскихъ газетахъ встрѣчаются грубыя ошибки и недоумѣнія отъ ошибочнаго перевода географическихъ названій въ славянскихъ земляхъ». Между тѣмъ «Географическій словарь» даетъ возможность вникнуть въ смыслъ каждаго географическаго термина славянскаго происхожденія. Въ разбираемомъ словарѣ матерьялъ расположенъ такимъ образомъ, что подъ однимъ алфавитомъ идутъ какъ чисто славянскія названія, такъ и ихъ искаженія и замѣны нѣмецкія, мадьярскія и турецкія, при чемъ русскія названія напечатаны жирнымъ шрифтомъ, возлѣ нихъ ставится терминъ, употребляемый мѣстнымъ или сосѣднимъ населеніемъ, а затѣмъ слѣдуетъ исковерканное иностранное названіе. Эти послѣднія, равно какъ и ошибочно выставленные на картахъ термины, стоятъ въ томъ-же алфавитномъ порядкѣ, со ссылками на славяно-русское названіе.

Приложенная къ книгѣ карта западно-славянскихъ и югославянскихъ земель и прилежащихъ странъ отличается большой подробностью и тщательностью, но конечно картой этой весьма затруднительно пользоваться, помимо «Географическаго словаря», безъ котораго на картѣ трудно ориентироваться, обладая только поверхностнымъ знаніемъ славянской топографіи.

Е. Г.

**Хроника русскаго театра Носова, съ предисловіемъ и новыми
розъисканіями Е. В. Варсова. Москва, 1883 г.**

Въ «Чтеніяхъ московскаго общества исторіи и древностей» была напечатана любопытная лѣтопись русскаго театра, представляющая хронологическій списокъ пьесъ, игранныхъ со времени его основанія, сначала въ Москвѣ, потомъ въ Петербургѣ и другихъ городахъ. Теперь лѣтопись издана отдѣльною книгою. Составленіе лѣтописи г. Варсовъ приписываетъ Носову до 1763 года и неизвѣстному лицу до 1784 года, которымъ оканчивается хронологическій перечень пьесъ. Трудъ составленія подобнаго перечня, конечно, требуетъ только акуратности, вниманія къ дѣлу; глубокихъ соображеній, обширныхъ знаній для него не нужно, но и при этихъ условіяхъ мы не можемъ признать Носова составителемъ «Хроникъ», хотя онъ самъ говорилъ, что взялъ свои свѣдѣнія изъ «Исторіи о руссискомъ театрѣ» Дмитревскаго. Носовъ былъ плохой актеръ на вторыя роли (лучшая роль его—Саміеля въ «Волшебномъ стрѣлѣ») и человекъ очень малообразованный. Въ началѣ прошлаго царствованія онъ былъ уже пансіонеромъ, сильно нуждался и, въ 1857 году, въ журналѣ «Музыкальный и Театральный Вѣстникъ» (№ 12) напечаталъ незначительныя воспоминанія о Дмитревскомъ, Тропольской и трагедіи Льва Неваховича «Султы»— вотъ и все его литературныя произведенія. Въ этихъ же воспоминаніяхъ, напечатанныхъ имъ отдѣльно, посвященныхъ директору театровъ Гедсону и разносимыхъ по разнымъ милостивцамъ, Носовъ говоритъ, что исторія русскаго театра Дмитревскаго, представленная въ руссійскую академію, «затерялась, такъ что теперь невозможно и найти слѣда ея». Какимъ же образомъ могъ онъ заносить въ свою «Хронику» изъ этой безъ слѣда пропавшей исторіи факты, относящіеся къ 1678 году? Поэтому Алексѣй Николаевичъ Веселовскій, въ своемъ сочиненіи «Старинный русскій театръ въ Европѣ» (Москва, 1870 г.), имѣетъ основаніе не довѣрять извѣстіямъ, сообщаемымъ подъ фирмою Дмитревскаго, о существованіи у насъ народныхъ комедій и представлений до пріѣзда выписанныхъ изъ-за границы нѣмцевъ труппы Грегори, въ іюнѣ 1672 года. Г. Варсовъ отстаиваетъ возможность представленія приводимыхъ Дмитревскимъ комедій «Баба Яга», «Праздникъ Ляды и Коляды», «Туръ», но говоритъ, что это были «ни что иное какъ народныя игры». Въ такомъ случаѣ ихъ никакъ нельзя причислить къ пьесамъ, иначе все хороудныя, свадебныя и подблюдныя пѣсни, игры въ семькѣ и т. п. слѣдуетъ считать сценическими представленіями. Вообще, о первой эпохѣ русской сцены, кромѣ названнаго капитальнаго труда Веселовскаго, много неопровержимыхъ фактовъ находится въ сочиненіи Тихонравова «Первое пятидесятилѣтіе русскаго театра» (1833 г.), у Пекарскаго, и, сопоставивъ съ ними свѣдѣнія «Хроникъ», найдемъ въ ней много несходнаго съ изслѣдованіями авторитетныхъ по этой части лицъ. Г. Варсовъ не сводилъ этихъ, часто противорѣчивыхъ извѣстій и вообще не дѣлалъ никакихъ примѣчаній къ «Хроникѣ», хотя и добавилъ ее любопытными и новыми розъисканіями о Чижинскомъ, стоявшемъ, вмѣстѣ съ Грегори, во главѣ московской труппы при Алексѣѣ Михайловичѣ, объ актерахъ петровской труппы Куншта, ея музыкантахъ и о духовной драмѣ въ Москвѣ при Петрѣ I. Не свѣрены также показанія «Хроникъ», относящіеся къ послѣдующимъ царствованіямъ, къ эпохѣ Елизаветы и Екатерины, тогда какъ объ этомъ есть обстоятельныя свѣдѣнія въ статьяхъ Лонгинова, «истор. вѣстн.», мартъ, 1884 г., т. xv.

скія фигуры, очевидно, слушавшія его пѣніе. Роль пѣвца уже начала надоѣдать ему, и онъ подумываль о томъ, чтобы открыть свое званіе, какъ вдругъ произошло событіе, которое все измѣнило.

Однажды ночью Фридрихъ былъ разбуженъ страшнымъ шумомъ. Очевидно, что то случилось, потому что раздавались крики и поднялась бѣготня и суматоха. Онъ быстро вскочилъ съ постели и, накинувъ на себя платье, выбѣжалъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Бѣгавшіе назадъ и впередъ въ сильномъ волненіи слуги сообщили ему, что только что прибылъ гонецъ отъ королевы съ извѣстіемъ, что тунисскіе морскіе разбойники напали на ея дворець, очевидно, съ цѣлью похитить королеву.

Фридрихъ былъ глубоко потрясенъ этимъ извѣстіемъ и тотчасъ же почувствовалъ, что рыцарскій долгъ повелѣваетъ ему идти спасать королеву. Какъ разъ въ эту минуту, когда онъ раздумываль, какъ ему поступить, къ нему подбѣжала одна изъ дамъ, которую онъ видѣль въ первый день на террасѣ возлѣ прекрасной княгини Кандорасъ.

— Идите скорѣе и помогите спасти королеву,—сказала она.—Я тоже послала туда вооруженныхъ слугъ, потому что дворцовая стража недостаточно сильна. Королеву предупреждали, что тунисскій бей назначилъ большую награду за то, чтобъ ее взяли въ плѣнъ и привели къ нему. Это и вызвало нападеніе тунисскихъ морскихъ разбойниковъ. Оттого и ваше появленіе возбудило такія подозрѣнія и за вами такъ слѣдили. Бѣгите же скорѣе на помощь королевѣ.

— Я спѣшу туда,—отвѣтилъ ей Фридрихъ,—но умоляю васъ, не отсылайте всѣхъ людей отсюда, такъ какъ

вѣдь тогда княгиня Кандорасъ окажется совсѣмъ беззащитной...

— Обо мнѣ не заботьтесь,—прервала его дама.—Мнѣ не грозитъ никакой опасности, но спѣшите скорѣе къ королевѣ, которой нужна помощь...

— Что это значитъ?—воскликнулъ пораженный Фридрихъ.—Я видѣлъ княгиню Кандорасъ на террасѣ въ первый день и обязанъ ей отплатить чѣмъ нибудь за ея гостепріимство. Какъ же я могу оставить ее одну безъ всякой защиты, тѣмъ болѣе теперь, когда,—какъ мнѣ сказали,—она лежитъ больная...

— Вы ошибаетесь,—поспѣшно замѣтила ему дама.—Княгиня Кандорасъ—это я, а та красивая дама, съ которою вы разговаривали въ первый день—это была королева, удостоившая мой маленькій праздникъ своимъ присутствіемъ. Торопитесь же къ ней поскорѣе и присоединитесь къ ея защитникамъ.

Услышавъ это, принцъ, какъ безумный, бросился къ морю, разбудилъ своихъ людей и велѣлъ слѣдовать за собой. Они подоспѣли къ королевскому дворцу какъ разъ во время. Дворцовая стража уже не въ силахъ была болѣе задерживать разбойниковъ, которые устремились во внутренніе покои дворца, куда въ смертельномъ страхѣ спряталась королева. Фридрихъ со своими людьми съ яростью бросился на нихъ и своимъ неожиданнымъ появленіемъ произвелъ среди нихъ переполохъ. Но и Фридрихъ не могъ бы долго удерживать натискъ разбойниковъ, если бы не подоспѣла вооруженная городская стража, и разбойники, слышавъ звонъ оружія, тотчасъ обратились въ бѣгство.

Фридрихъ преслѣдовалъ ихъ до самаго моря и затѣмъ вернулся во дворецъ. Королевѣ уже сообщили, что она обязана своимъ спасеніемъ, главнымъ образомъ,

чужеземцу, греческому моряку, который за нѣсколько дней передъ этимъ остановился на виллѣ княгини Кандорась. Она выразила желаніе видѣть молодого моряка, чтобы лично поблагодарить его.

Сильно билось сердце Фридриха, когда онъ входилъ къ королевѣ. Онъ тотчасъ узналъ въ ней мнимую княгиню Кандорась. Королева протянула ему руку и въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ поблагодарила его, прибавивъ шопотомъ просьбу, чтобы онъ открылъ ей, кто онъ такой.

Фридрихъ не могъ не исполнить просьбы, высказанной такимъ образомъ. Онъ шопотомъ назвалъ свое имя и званіе. Какъ разъ въ эту минуту въ комнату вошла пожилая дама, которую Фридрихъ уже замѣтилъ въ первый день своего приѣзда въ числѣ гостей, бывшихъ на террасѣ. Она извинилась передъ королевой, посмотрѣла испытующимъ взоромъ на Фридриха и медленно удалилась.

— Я окружена шпионами, — шепнула ему королева, какъ только она отошла.—Прошу васъ, будьте осторожны и слушайте меня. Уѣзжайте отсюда какъ можно скорѣе теперь, а затѣмъ возвращайтесь сюда не тайкомъ, а со свитой, подобающей вашему высокому сану. Здѣсь меня окружаетъ измѣна, вы должны дѣйствовать осторожно, чтобы не погубить ни себя, ни меня...

— Могу я явиться, какъ подобаетъ королевскому сыну и просить вашей руки, королева?—спросилъ тихо Фридрихъ.

Королева могла кивнула головой въ знакъ согласія и затѣмъ еще разъ напомнила ему о величайшей осторожности.

— Прощайте, и да хранитъ васъ Богъ!—сказала она. Фридрихъ ушелъ отъ нея совершенно счастливый. Че-

резъ нѣсколько часовъ онъ уже отплывалъ отъ Кипра, и благоухающій цвѣтущій островъ скоро потонулъ въ морской лазури.

Катерина Корнаро осталась одна въ своемъ дворцѣ. Волненіе и страхъ, которые она испытала во время нападенія разбойниковъ, мало по малу улеглись и уступили мѣсто мечтамъ о близкой свободѣ. Хотя Катерина и носила титулъ королевы и окружена была всевозможнымъ почетомъ, но она чувствовала себя словно въ плѣну. Да она и была настоящею плѣнницей. Могущественный Совѣтъ Десяти, управлявшій Венеціей и давшій ей почетный титулъ „дочери Венеціанской республики“, неустанно слѣдилъ за ней. Она не могла располагать своими поступками, не могла сдѣлать ни одного шага самостоятельно и страшно скучала въ своемъ дворцѣ, съ тоскою поглядывая на море и словно ожидая отъ него избавленія. И вотъ избавленіе явилось въ лицѣ молодого красиваго принца, который могъ освободить ее окончательно отъ тяготившаго ее ига Венеціи, вырвать ее изъ плѣна и сдѣлать своею женою.

Катерина не обманывала себя. Она знала, что исполненіе этого плана сопряжено съ величайшими затрудненіями, что ея пріемные отцы, конечно, будутъ всячески стараться помѣшать ему, но она все-таки не ожидала, что ея мечтамъ о свободѣ будетъ такъ скоро нанесенъ рѣшительный ударъ.

Въ одинъ прекрасный день въ гавань Фамагосты явился небольшой венеціанскій флотъ подъ командою брата королевы, Георга Корнаро. Совѣтъ Десяти прислалъ его со строгимъ приказомъ привезти королеву въ Венецію. Предлогомъ для этого послужило нападеніе тунисскихъ пиратовъ, о которомъ было донесено въ Венецію. Напрасно королева плакала и умоляла брата

оставить ее на островѣ, съ которымъ ей не хотѣлось разставаться. Братъ старался ее утѣшить какъ могъ, но сказалъ ей, что передъ желѣзною волей Совѣта Десяти всѣ должны преклоняться. Тогда Катерина Корнаро, думая подѣйствовать на брата, открыла ему свою тайну и рассказала про сына неаполитанскаго короля, принца Фридриха, который явился на островъ подъ видомъ греческаго матроса.

— Несчастливая!—воскликнулъ Георгъ Корнаро.—Развѣ ты не понимаешь, почему неаполитанскій король хочетъ женить своего сына на тебѣ? Ему нуженъ Кипръ такъ-же, какъ и венеціанской республикѣ. Но Венеція не можетъ этого допустить. Ты должна покоряться безпрекословно ея вельніямъ; никакое сопротивленіе тутъ невозможно. Бѣдная сестра, мнѣ жаль тебя, но что же дѣлать! Счастье какого нибудь одного человѣка ничто въ сравненіи съ величіемъ республики. Развѣ мало людей жертвовали своей жизнью на полѣ битвы ради славы отечества; мало ли людей погибло въ страшныхъ пыткахъ ради его пользы! Венеція требуетъ отъ тебя этой жертвы, и ты должна принести ее!

Бѣдная кипрская королева убѣдилась, что противиться невозможно. Жители Кипра устроили пышные проводы своей королевѣ, которую они дѣйствительно очень любили. Народу было сказано, что королева уѣзжаетъ только на время, чтобы повидаться со своими родными въ Венеціи и со своимъ сыномъ, который тамъ воспитывался. Ее просили скорѣе возвращаться, народъ засыпалъ ее цвѣтами, и она улыбалась сквозь слезы въ отвѣтъ, махая платкомъ, но сердце ея сжималось тоской.

Когда корабль поднялъ паруса и медленно и величаво отплылъ отъ берега, бѣдная молодая королева удалилась въ каюту и тамъ дала волю своимъ слезамъ.

ГЛАВА III.

„Вѣчный городъ“ въ средніе вѣка.

Фридрихъ вернулся въ Неаполь въ самомъ радостномъ настроеніи духа. Онъ разсказалъ своему отцу обо всемъ происшедшемъ съ нимъ на Кипрѣ и о своемъ желаніи открыто посвататься за королеву. Но король, болѣе осторожный и опытный, нежели молодой принцъ, объяснилъ ему, что онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ открыто явиться на островъ въ качествѣ жениха королевы. Могущественная Венеція будетъ всѣми силами противиться этому браку, не желая упускать острова изъ своихъ рукъ, и принцъ ничего не добьется такимъ образомъ. Единственное, что остается сдѣлать—это тайно обвѣнчаться съ королевой,—и тогда Венеція уже ничего не въ состояніи будетъ сдѣлать и должна будетъ примириться съ совершившимся фактомъ.

Слѣдуя совѣтамъ отца, Фридрихъ втайнѣ подготовилъ свое вторичное путешествіе на Кипръ.

Но всѣмъ планамъ и надеждамъ его былъ нанесенъ смертельный ударъ, когда въ Неаполь пришло извѣстіе, что Венеція прислала свой флотъ за кипрскою королевой и увезла ее. Молодой принцъ пришелъ въ отчаяніе, узнавъ про это. Онъ прекрасно понималъ, что

Венеція не выпуститъ королеву изъ своихъ рукъ. Принцъ придумывалъ разные способы, какъ освободить ее отъ этого плѣна, и рѣшилъ обратиться къ родственницѣ покойнаго кипрскаго короля, Шарлоттѣ Лузиньякъ, въ надеждѣ, что она поможетъ ему вырвать Катерину Корнаро изъ рукъ ея венеціанскихъ отцовъ, такъ самовластно распоряжавшихся ея судьбой.

Княгиня Шарлотта Лузиньякъ жила въ Римѣ. Она выстроила себѣ дворецъ вблизи Ватикана и окружила себя образованными людьми—поэтами, учеными и художниками, преимущественно греками. Въ то время повсюду въ Италіи, а въ особенности въ Римѣ, было въ модѣ заниматься греческою литературой и изучать греческое искусство. Потомки древнихъ грековъ пользовались большимъ почетомъ въ знатномъ итальянскомъ обществѣ и могли рассчитывать на самый радушный пріемъ. Съ изумительнымъ рвеніемъ собирались тогда всѣ уцѣлѣвшіе остатки древняго искусства, и дома знатныхъ римлянъ представляли въ этомъ отношеніи настоящіе художественные музеи. Всѣ папы покровительствовали искусствамъ и окружали себя необычайной пышностью. Не только въ папскомъ дворцѣ, но и среди кардиналовъ царилъ величайшая роскошь. Какъ далеко было этимъ представителямъ католической церкви, пользовавшимся властью, могуществомъ и всѣми благами жизни, до первыхъ христіанъ, отличавшихся величайшею кротостью и смиреніемъ! Каждый папа, вступая на престолъ, заботился прежде всего о томъ, чтобы окружить себя наибольшею пышностью и затмить въ этомъ отношеніи своихъ предшественниковъ и всѣхъ другихъ европейскихъ государей. Родственники папы получали выгодныя должности, безъ стѣсненія грабили и притѣсняли народъ, вымогая отъ него деньги и также

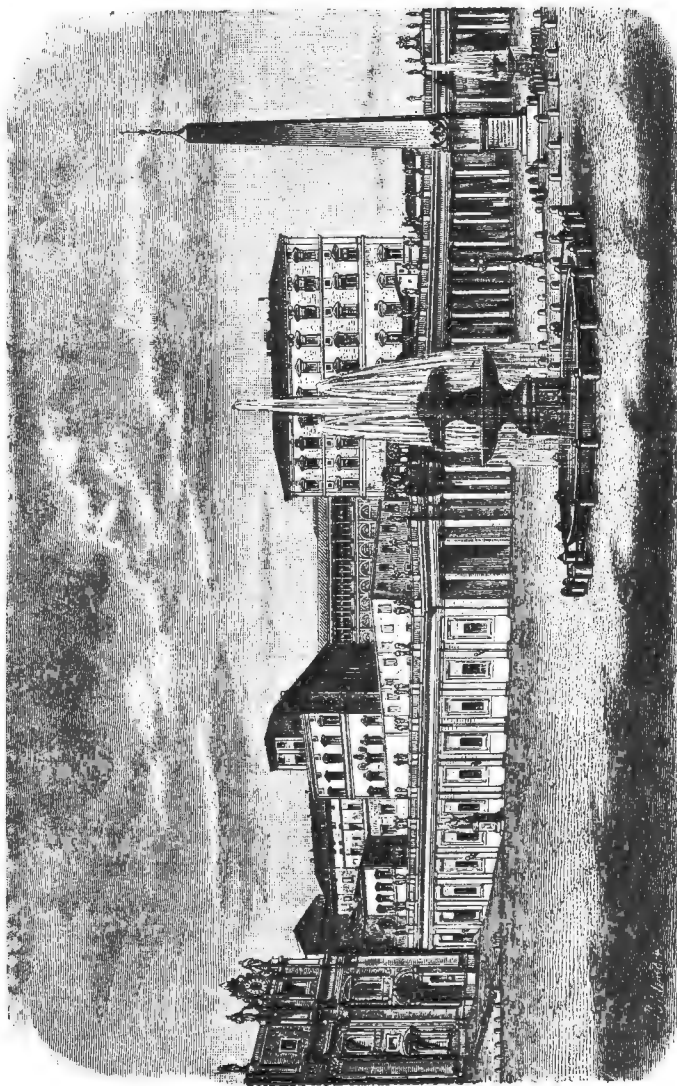
окружали себя великолѣпіемъ и блескомъ. Деньги добывались всѣми способами, но и тратились также безумно. Не только знатные римляне, но и духовенство, кардиналы и архіепископы задавали блестящіе пиры, стараясь затмить другъ друга своею расточительностью.

Фридрихъ Неаполитапскій явился во дворецъ Шарлотты подъ чужимъ именемъ. Онъ назвался графомъ Сполето; хотя при папскомъ дворѣ и въ знатномъ римскомъ обществѣ, въ которомъ онъ вращался, скоро догадались, кто онъ такой, но не показывали вида и предоставляли ему выдавать себя за итальянскаго графа.

Бывая у Шарлотты, принцъ Фридрихъ скоро убѣдился, что она враждебно настроена противъ Венеціи. Она также имѣла права на кипрскую корону и, въ случаѣ, если бы Катерина Корнаро отказалась отъ престола, Шарлотта могла бы наследовать послѣ нея. Но, разумѣется, ей пришлось бы натолкнуться на сильное сопротивленіе Венеціи и поэтому она смотрѣла на венеціанскую республику, какъ на своего врага. На этомъ основаніи Фридрихъ вправѣ былъ разсчитывать, что она поможетъ ему получить руку Катерины Корнаро подъ тѣмъ условіемъ, чтобы эта послѣдняя отказалась отъ кипрской короны.

Вскорѣ Фридрихъ настолько сблизился съ Шарлоттой, что открылъ ей свою тайну. Она очень сочувственно отнеслась къ нему и обѣщала ему свою помощь. Отъ нея онъ узналъ, что Катерина Корнаро живетъ въ Тревизо, въ кругу друзей, преимущественно ученыхъ и художниковъ, и занимается искусствами и наукой.

Въ это время Римъ находился въ большомъ волненіи. Папа Иннокентій VIII давно былъ боленъ, и уже въ Римѣ разсуждали о томъ, кто будетъ его преемникомъ. У Шарлотты очень часто бывалъ кардиналъ Родриго

Ватиканъ --- папскій дворець въ Римѣ.

Бордоріа, обладавшій громаднымъ богатствомъ. На него указывали, какъ на будущаго папу, и такъ какъ Шарлотта была очень дружна съ нимъ, то она и обѣщала Фридриху его содѣйствіе, какъ только онъ займетъ папскій престолъ послѣ смерти Иннокентія VIII.

Надежды эти чуть было не оправдались. Въ Римѣ распространился слухъ, что папа умеръ. Всѣ кардиналы собрались въ Ватиканъ и уже готовились выбрать ему преемника. Но папа очнулся; оказалось, что съ нимъ былъ только глубокій обморокъ, въ которомъ онъ пролежалъ нѣсколько часовъ. Когда онъ пришелъ въ себя и увидѣлъ, что кардиналы уже готовились дѣлать между собою его наслѣдіе, онъ очень разсердился и, призвавъ къ себѣ кардиналовъ, объявилъ имъ, что они напрасно надѣются на его смерть и что онъ еще переживетъ ихъ всѣхъ.

Однако, папа былъ очень напуганъ своимъ обморокомъ и боялся, что если съ нимъ повторится что-нибудь подобное, его могутъ заживо похоронить. Врачи, лечившіе папу, не возбуждали его довѣрія, и онъ рѣшилъ обратиться за помощью къ одному врачу-еврею, который жилъ въ *Гетто* (такъ назывались въ средніе вѣка кварталы, назначенные для евреевъ во многихъ городахъ Италіи, Германіи и Востока) и славился своимъ искусствомъ. Папа слышалъ не разъ рассказы о его чудесныхъ исцѣленіяхъ и поэтому велѣлъ отыскать его и привести въ Ватиканъ, къ великому неудовольствію всѣхъ кардиналовъ.

Гетто или еврейскій кварталъ состояло изъ главной улицы, довольно узкой, къ которой примыкало нѣсколько переулковъ, еще болѣе узкихъ. Съ каждой

печатавшихся въ запискахъ нашей академіи. Тамъ у него приведенъ хронологическій списокъ всѣхъ пьесъ, игранныхъ до царствованія Екатерины II. Вообще критическая часть въ «Хроникѣ» блистаетъ своимъ отсутствіемъ, что не мѣшаетъ книгѣ г. Барсова быть очень интересной, несмотря даже на наружную неуклюжесть и типографское неряшество изданія.

В. З.

Ежегодникъ Владимірскаго губернскаго статистическаго комитета. Владиміръ. Томъ IV, 1880 г.

Всякаго несомнѣнно поразить, что мы въ 1884 году даемъ отчетъ о книгѣ, помѣченной 1880 годомъ. Но въ этомъ виноваты не мы, виновата «провинція», которая всегда живетъ заднимъ числомъ и очень любитъ во всемъ запаздывать. Владимірскій «Ежегодникъ» за 1880 годъ, дѣйствительно, вышелъ въ свѣтъ только на дняхъ, въ самомъ концѣ прошлаго декабра; даже чернила типографскія не успѣли еще хорошенько засохнуть на немъ. Такой анахронизмъ произошелъ отъ того, что съ 1879 года Владимірскій статистическій комитетъ не издалъ ни одного тома своихъ трудовъ, и хотя дѣлъ за нимъ никакихъ, повидимому, не числится, тѣмъ не менѣе въ теченіи трехъ лѣтъ онъ не нашелъ досужихъ двухъ-трехъ мѣсяцевъ, чтобы сообразиться съ матеріаломъ и приготовить что-нибудь къ печати. А теперь онъ вдругъ съ чего-то надумался—совѣсть что ли его заговорила или по другой какой причинѣ, хорошенько не знаешь—и издаетъ, «ничтоже сумняшеса», въ концѣ 1883 года «Ежегодникъ» за 1880 годъ. А въ концѣ 1886 года, вѣроятно, издать «Ежегодникъ» за 1881 годъ, и т. д.

Въ «Ежегодникѣ» за 1880 годъ помѣщены, по обыкновенію, только одни «матеріалы», обработанные въ видѣ отдѣльныхъ, законченныхъ статей. Матеріалы эти раздѣляются на три категоріи: «матеріалы для статистики», «матеріалы для этнографіи» и «матеріалы для исторіи и археологіи». Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены статьи: «Географическо-статистическое описаніе Муромскаго уѣзда», глава 2-я (сельское хозяйство въ Муромскомъ уѣздѣ), Н. Добрынкина; «О лѣсахъ, древесномъ топливѣ и добываніи торфа во Владимірской губ.», бывшаго редактора неофициальной части «Влад. губ. Вѣдомостей» К. Н. Тихонравова, нынѣ уже умершаго; «Бустарная промышленность въ Муромск. уѣздѣ», Н. Добрынкина. Во второмъ отдѣлѣ: «Семикъ и Троицынъ День», Екатер. Добрынкиной; «Отправка офеней въ дорогу для торговой промышленности и нѣкоторые обычаи при этомъ случаѣ», И. Голышева; «Народные праздничные обычаи въ г. Гороховцѣ»; «Одинскій языкъ» (дополн. къ сообщенію г. Голышова въ трудахъ Владимірскаго статистическаго комитета, вып. X, 1874 года); «Сговоръ», этнографическій этюдъ, Е. Добрынкиной. Въ третьемъ отдѣлѣ: «Село Годуново, Александровскаго уѣзда» и въ приложеніи къ нему: «Грамота царей Ивана и Петра Алексѣевичей и царевны Софьи Ивану Михайл. Дурново, на пожалованіе ему с. Годунова» (1687 года); «Симеоновскій монастырь, бывший близъ Александровой слободы», Н. С. Строилова; «Древняя Козмодемьянская церковь въ г. Муромѣ», Н. Добрынкина; и затѣмъ «Памятники русской старины», И. Голышева. Эта послѣдняя статья вышла недавно отдѣльнымъ изданіемъ при альбомѣ русскихъ старинныхъ орнаментовъ, о которомъ мы дали уже отзывъ въ декабрской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» прошлаго 1883 года.

Въ историческомъ отдѣлѣ самая замѣчательная, выдающаяся статья есть несомнѣнно «Симеоновскій монастырь» Н. Стромиллова. Монастырь этотъ, основанный при Иванѣ Грозномъ, былъ упраздненъ въ 1724 году вслѣдствіе извѣстнаго синодскаго указа отъ 15 апрѣля. Въ печатныхъ источникахъ о немъ почти нигдѣ не упоминается: ни въ «Исторіи русской іерархіи», ни въ «Описаніи Владимірской епархіи» іеромон. Іоасафа, ни въ «Полномъ спискѣ монастырей, упраздненныхъ во Влад. епархіи» (Влад. Епарх. Вѣд., неоф. часть, 1873 года, № 8), ни даже въ перечнѣ монастырей, приписанныхъ къ Троицко-Сергіевской Лаврѣ, напечатанномъ въ «Историч. Опис. Свято-Троицкой Сергіевской Лавры», А. Горскаго (1879 года). Только одинъ Ратшинъ даетъ о немъ нѣкоторыя свѣдѣнія, да и то слишкомъ отрывочныя и неполныя. При составленіи настоящей статьи, г. Стромилловъ руководствовался главнымъ образомъ «Сборникомъ актовъ Троицко-Сергіевой Лаврской бібліотеки», № 627, и списками съ 10 грамотъ Симеоновскаго монастыря (рук. XVII стол.), находящимися въ той же Лаврской бібліотекѣ. Подробное историческое описаніе упраздненнаго Симеоновскаго монастыря, по словамъ г. Стромиллова, составлено давно С. К. Смирновымъ (нынѣ о. Сергіемъ, ректоромъ Московской дух. академіи); онъ передалъ свою рукопись І. М. Бодянскому для напечатанія въ «Чтеніяхъ Имп. Моск. Общества исторіи и древн. російскихъ», но къ сожалѣнію трудъ этотъ еще и до сихъ поръ не напечатанъ.

«Ежегодникъ» изданъ в 4°; каждая страница раздѣлена на два столбца. Бумага хорошая, печать (корпусъ) разборчивая. Въ концѣ приложенъ Указатель статей, помѣщенныхъ въ неофициальной части «Влад. Губ. Вѣдомостей» 1880 и 1881 годовъ.

Н. Д—скій.

Исторія XIX вѣка. Мишле. Томъ II. Переводъ подъ редакціей М. Цебриковой. Спб. 1884.

Въ прошломъ году мы отдали отчетъ о первомъ томѣ этого послѣдняго произведенія французскаго историка, явившемся на русскомъ языкѣ. Нынѣ вышедшій томъ заключаетъ въ себѣ событія конца XVIII вѣка въ Англіи, министерство Питта, войну въ Италіи 1796—97 годовъ, событія во Франціи въ эти же годы, египетскую экспедицію Бонапарте, перевороты фруктидора, преріалы и наконецъ 18-го брюмера. Все это рассказано цвѣтистымъ, блестящимъ языкомъ, составляющимъ особенность таланта Мишле, но едва ли отвѣчающимъ требованіямъ строгой, прагматической исторіи. Если лѣтописецъ долженъ, «не мудрствуя лукаво» описывать событія, «добру и злу виная равнодушно», то отъ историка хотя и не требуется этого равнодушія, но, во всякомъ случаѣ излишняя страстность въ оцѣнкѣ людей и событій мѣшаетъ безпристрастному приговору исторіи, а тѣмъ болѣе ея правосудію которому самъ Мишле, во введеніи къ своей книгѣ, придаетъ такое важное значеніе. Млѣніе будущаго, которому столько лицъ приносятъ въ жертву самую жизнь—значитъ что нибудь, говоритъ Мишле, называя проклятіе исторіи съ ея адомъ страшнымъ и для тирановъ, потому что они не щадятъ ничего для охраненія своей памяти и для обмана потомства. Мишле могъ бы прибавить, что они также ревностно охраняютъ память и другихъ тирановъ, своихъ собратьевъ, запрещая разоблачать въ печати поступки, истребляя до-

кументы, служащіе къ ихъ обличенію. Это не мѣшаетъ однако исторіи знать и говорить правду. Тѣмъ болѣе слѣдуетъ ей быть безпристрастной и справедливой. А Мишле видитъ одни черныя черты въ поступкахъ Бонапарте. Правда, исторія нашего времени рисуетъ эту личность весьма несимпатичными чертами; но развѣ болѣе симпатичны были личности, составившія управленіе директоріи, которую онъ уничтожилъ? Развѣ лучше были террористы, которыхъ въ свою очередь смѣнила директорія? Несправедливые поступки иногда оправдываются необходимостью уничтоженія другихъ поступковъ, еще болѣе приносящихъ вредъ и заслуживающихъ порицаніе. Абсолютная правда рѣдко руководитъ дѣйствіями какъ частныхъ, такъ и историческихъ лицъ, а послѣдніе бываютъ поставлены иногда въ такія обстоятельства, что не могутъ ей слѣдовать. Человѣкъ не создаетъ обстоятельствъ и самъ часто долженъ имъ подчиняться. А Мишле не хочетъ ничего извинить и все осуждаетъ, увлекаясь въ то же время нѣкоторыми облюбованными имъ личностями. Эта односторонность сужденій не отнимаетъ однако значенія отъ его изысканій, всегда добросовѣстныхъ и основанныхъ на стремленіи къ справедливости. Переводъ этого тома лучше перваго. Слогъ Мишле передается не легко, и редактировать его по чужому переводу еще труднѣе. Мѣстами попадаются неловкіе обороты и тяжелыя фразы. Явныхъ небрежностей не замѣтно.

В. З.

Общій обзоръ дѣятельности петербургскаго филармоническаго общества. Составилъ Евгеній Альбрехтъ. Спб. 1884.

Прекрасно отпечатанная книга заключаетъ въ себѣ довольно интересные матеріалы для исторіи общества, существующаго уже 82 года. По словамъ предсѣдателя общества, въ настоящее время оно переживаетъ, если не критическій, то по крайней мѣрѣ неопредѣленный періодъ своего существованія, и потому г. Альбрехтъ предлагаетъ измѣнить уставъ общества, утвержденный, впрочемъ, только въ 1865 году. Въ какой мѣрѣ перемѣна устава, недѣйствующаго и двадцати лѣтъ, должна содѣйствовать возрожденію общества, существовавшаго болѣе 60-ти лѣтъ при прежнихъ три раза уже измѣнявшихся уставахъ, — конечно, теперь опредѣлить невозможно, также какъ и отвѣчать на вопросъ: одинъ ли уставъ виною «неопредѣленнаго» положенія дѣла? Мы не видимъ даже, чтобы дѣла эти были особенно «неопредѣленны». Къ маю 1883 года наличный капиталъ общества составлялъ болѣе 185,000 (надавая обзоръ въ январѣ 1884 года почему бы не показать состояніе капитала къ этому сроку?), ежегодно общество выдаетъ пенсій на сумму болѣе 10,000 рублей; членовъ въ немъ, правда, немного — 139 и число это не рекомендуетъ музыкальность Петербурга; странный законъ 7-го марта 1854 года, вошедшій въ уставъ «о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій» о томъ, что «благотворительныя общества могутъ назначать въ пользу своихъ заведеній не болѣе какъ по одному публичному концерту въ годъ, въ сроки указанные закономъ», уничтоженъ въ нынѣшнее царствованіе, вмѣстѣ съ монополіею императорскихъ театровъ, не считающихъ болѣе нужнымъ пресѣкать и предупреждать такія преступленія, какъ концерты. Все это, казалось бы, не должно вести къ предложенію, по новому уставу, подчинять совѣтъ общества министерства

двора, подвергнуть всѣхъ членовъ петербургскихъ и московскихъ оркестровъ обязательному взносу не менѣе двухъ процентовъ съ казеннаго содержанія, наконецъ, прекратить приемъ въ общество новыхъ пенсіонерокъ, а наличный капиталъ общества положить въ основаніе эмеритуры. Впрочемъ, самимъ музыкантамъ, болѣе знакомымъ съ положеніемъ общества, это виднѣе чѣмъ намъ, судящимъ на основаніи опубликованной книги, гдѣ приведены далеко не всѣ данныя, на основаніи которыхъ можно было бы дѣлать заключенія. Такъ, сборъ съ концертовъ показанъ только въ теченіи первыхъ 25-ти лѣтъ съ основанія общества, тогда какъ гораздо интереснѣе и важнѣе было бы знать цифру сборовъ послѣднихъ концертовъ, не колебавшихся, вѣроятно, такъ странно, какъ въ первые годы между 8,500 и 17-ью рублями. Любопытны помѣщенные въ приложеніи письма Гайдна, Бетховена, Мейербера, Вагнера, Листа и программы концертовъ. Жаль, что не приводятся критическіе отзывы хотя бы о главныхъ изъ нихъ и что въ числѣ почетныхъ членовъ общества гораздо меньше хорошихъ музыкантовъ, чѣмъ такихъ знатоковъ музыки какъ директоръ театровъ Сабуровъ, начальникъ репертуара П. С. Федоровъ и управляющій театральною конторою Юргенсъ.

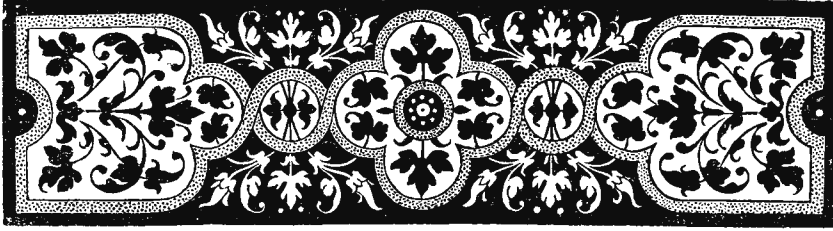
N. N.

Чтенія по исторіи западной Россіи. М. Кояловича. Новое изданіе, переработанное и дополненное съ изданія 1864 года. Спб. 1884 года. Съ этнографическою картою.

Лекціи профессора Кояловича при первомъ своемъ появленіи имѣли заслуженный успѣхъ, благодаря не только эрудиціи автора, но также и политическимъ обстоятельствамъ того времени. Книга эта не потеряла значенія и до сихъ поръ, тѣмъ болѣе, что авторъ, постоянно работавшій надъ памятниками исторіи края, имѣлъ возможность обогатить свой трудъ многочисленными дополненіями и даже написалъ заново нѣкоторыя мѣста, какъ-то, касающіяся событія прошлаго столѣтія.

При переживаемыхъ теперь столѣтнихъ юбилеяхъ польскихъ раздѣловъ, желательно появленіе большаго количества основательныхъ и безпристрастныхъ изслѣдованій этихъ событій, особенно по отношенію къ тѣмъ частямъ бывшаго королевства, которые составляли исконное русское достояніе. Авторъ посвятилъ самыя краснорѣчивыя страницы своихъ лекцій этой эпохѣ, столь близко касающейся исторической судьбы его родины. Рѣзкую критику г. Кояловича вызываютъ и тѣ мѣры въ царствованіе императора Александра I, которыя какъ бы утверждали поляковъ въ мысли о нераздѣльности западнаго края съ царствомъ Польскимъ. Не будемъ обвинять автора за отсутствіе мѣстами спокойствія въ трактованіи своего предмета. Ученыя заслуги г. Кояловича ставятъ его выше нареканій въ тенденціозности. Но и простые люди были свидѣтелями, сколькихъ кровавыхъ разочарованій стояла упомянутая ложная политика по отношенію къ западной Россіи.

H. C. K.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ.

Два сочиненія о Балтійскихъ провинціяхъ.— Англійскій генераль, китайскій мандаринъ и египетскій паша въ одномъ лицѣ.— Исторія римскихъ императоровъ.— Исторія древней и современной Германіи.— Дневникъ Карла VII.— Биографія Болингброка.— Аттическія надписи.— Очеркъ исторіи Италиі.— Французскій реформаторъ XVII вѣка.— Сочиненія о Фридрихѣ II.— Первый французскій журналъ.— Два историческіе романа.— Филиппъ II какъ нѣжный отецъ.— Мемуары Гейне.— Дневникъ королевы Викторіи.— Книга Буша о Бисмаркѣ.

НИГИ О РОССІИ продолжаютъ постоянно появляться въ Германіи. Больше всего сосѣди наши обращаютъ вниманіе на балтійскія провинціи: въ нихъ видятъ частицу своего «общаго отечества» (Gesammt Vaterland), къ нимъ обращаются они съ нѣжнымъ чувствомъ матери, соболѣзвующей о томъ, что не всѣ ея дѣти собраны подъ широкими крыльями германскаго орла. Что за дѣло этимъ «патріотамъ своего отечества», что они пришельцы въ Балтійскомъ краѣ, подпавшемъ ихъ власти только въ силу завоеванія, что коренное, туземное населеніе до сихъ поръ относится къ нимъ далеко недружелюбно, помня если не историческій погромъ ихъ края тевтонскими рыцарями, то новѣйшія угнетенія остзейскихъ бароновъ. И едва только нынѣшніе властители страны начинаютъ принимать мѣры для облегченія участи эстонцевъ, латышей, куронцевъ, обездоленныхъ нѣмецкими культуртрегерами, какъ со всѣхъ концовъ Германіи поднимаются крики о русскомъ варварствѣ, о нарушеніи священныя обязанности—обращать туземцевъ въ батраковъ, о потрясеніи основъ кулачнаго права (Faust-Recht). Если даже въ краѣ и не принимается никакихъ мѣръ, могущихъ потревожить высокорожденныхъ бароновъ, одноплеменники ихъ не упускаютъ случая инсинуировать, по мѣрѣ возможности, противъ русскаго управленія въ Балтійскомъ краѣ. Подобнаго рода инсинуаціями полна книга неизвѣстнаго автора «Пятьдесятъ лѣтъ русскаго управленія въ

Балтійскихъ провинціяхъ» (Fünfzig Jahre russischer Verwaltung in den Baltischen Provinzen). Нѣмецкіе органы періодической печати въ восторгѣ отъ этого произведенія. Журналъ историческаго общества въ Берлинѣ «Mitteilungen aus der historischen Litteratur» говоритъ прямо, что друзья остзейскихъ провинцій должны радоваться появленію этой книги именно въ настоящее время, когда «подъ покровомъ русскаго правительства летты и эсты снова натравлены (gehetzt) на нѣмцевъ и предпринимаются эксперименты, уже испробованные въ послѣдніа 50 лѣтъ». Исторію этихъ-то экспериментовъ и натравливанія рассказываетъ книга, основанная будто бы на официальныхъ документахъ и запискахъ лицъ, принимавшихъ участіе въ правленіи. Можно представить себѣ, какую «длинную цѣпь страданій и произвола» развиваетъ авторъ, благоразумно скрывшій свое имя, и какія похвалы расточаетъ онъ «покинутымъ остзейскимъ братьямъ, съ мужественною твердостью и упорствомъ защищающимъ самостоятельность страны противъ правительственнаго обрусѣнія и неуклюжихъ (tölpelhaften) махинацій Каткова, Аксакова и пр.». Какіхъ только обвиненій не вводится тутъ на «фанатическихъ героевъ догмата національнаго и церковнаго объединенія, съ слѣпой яростью сражающихся противъ западноевропейской культуры!» Какъ искажаются и заподозриваются самыя благотворныя мѣры для улучшенія благосостоянія жителей! Что говорится о школахъ, церкви и пр. Несмотря на крайнюю тенденціозность сочиненія, съ нимъ все-таки необходимо познакомиться русскому человеку, хотя бы для того, чтобы узнать, напримѣръ, почему, отзываясь невыгодно обо всѣхъ правителяхъ края, авторъ расхваливаетъ правленіе князя Суворова. Въ концѣ книги помѣщена неопубликованная еще программа генерала Альбедисскаго 1866—70 годовъ, который ввелъ въ управленіе крайнюю систему, дѣйствовавшую при Головинѣ. Авторъ увѣряетъ, что край управляется и теперь по этой программѣ.

— Другое сочиненіе вышло въ формѣ «Путешествія черезъ Литву въ Курляндію и Ригу» (Eine Reise durch Litauen nach Kurland und Riga). Первоначально оно появилось въ известномъ періодическомъ изданіи «Unsere Zeit» и написано курляндцемъ Дорнетомъ, оставившемъ свою родину и вздумавшемъ снова побывать въ ней. Авторъ описываетъ свои путевыя впечатленія, говоритъ о прошедшемъ страны, о крещеніи туземцевъ, дѣлаетъ выписки изъ лифляндскихъ хроникъ и «Acta bogussica», рисуетъ картины бѣдности литовцевъ, о которыхъ не заботились ихъ польскіе паны,—и зажиточности эстовъ, которою они обязаны нѣмцамъ. Въ Курляндіи—ведѣть порядокъ и благосостояніе, тогда какъ въ Литвѣ—произволъ и безправіе. Если же летты и эсты поджигаютъ иногда дома нѣмецкихъ бароновъ, то виною этому «возбуждаемая панславистами ненависть къ германской расѣ, превращающаяся въ ненависть неимущихъ къ собственникамъ, угрожающая благословеннымъ балтійскимъ провинціямъ стыдомъ и опустошеніемъ». Главная мысль всей статьи сводится къ тому заключительному выводу, что въ этомъ краѣ «борьба за существованіе германства (Deutschthum) приняла въ послѣднее время явно угрожающій характеръ. Но отъ рѣшенія туземныхъ жителей будетъ зависѣть, останутся ли вѣрны германству балтійскія провинціи, еще называющіяся нѣмецкими, или навсегда упадутъ руссизму (dem Russenthum verfallen sollen). Не слышно, но знаменательно приводится здѣсь въ дѣйствіе преобразование, которое можетъ имѣть вліяніе на положеніе всей Европы». Такого мнѣнія автора, допускающаго еще альтернативу свободнаго присоединенія ту-

земцевъ къ той или другой національности, тогда какъ авторъ предъидущей брошюры не можетъ даже подумать о преобладаніи русскаго элемента. По этому брошюра Дорнета все-таки безпристрастнѣ относится къ балтійскому вопросу.

— Послѣднія событія въ Суданѣ до того встревожили англичанъ, что они забыли даже кричать о ненасытной завоевательной политикѣ Россіи, захватившей Мервъ, этотъ ключъ къ Герату, который, въ свою очередь, ключъ къ Афганистану, этому ключу къ Индію. Такія событія, какъ уничтоженіе цѣлой арміи Гикса-паши, до послѣдняго человѣка, развитіе Бекера-паши, взятіе крѣпости Синката, причѣмъ истребленъ весь гарнизонъ съ Тевфикъ-пашею, всѣ женщины и дѣти, конечно, не могли не напугать англичанъ, прибѣгнувшихъ для спасенія Судана къ помощи его бывшаго правителя Гордона-паши. Почти въ одно время съ назначеніемъ его неограниченнымъ распорядителемъ въ этой странѣ, вышла его біографія, написанная его двоюроднымъ братомъ Эгмонтомъ Гакомъ, подъ названіемъ «Исторія Китайскаго Гордона» (The Story of Chinese Gordon). Извѣстно, что прозваніе «Китайскаго» онъ получилъ за свои подвиги въ Серединной имперіи. Біографія, конечно, не болѣе какъ панегирикъ Гордона, человѣка безспорно даровитаго, смѣлаго, предприимчиваго, но все-таки авантюриста, бросившагося во всевозможныя, сомнительныя предпріятія съ цѣлью прославленія себя и наживы. Кузень его представляетъ Гордона человѣкомъ скромнымъ, даже до того, что выписки изъ его писемъ приводятся въ книгѣ противъ его воли. Но именно этого-то качества, скромности, и недостаетъ Гордону, автору сочиненія «Всегда непобѣдимая армія, исторія китайской кампаніи», вышедшаго въ 1868 году. Службу свою въ началъ подъ Севастополемъ, гдѣ пробылъ до конца 1854 года, до заключенія мира. Потомъ былъ комиссаромъ по проведенію русской-турецкой границы въ Азіи, участвовалъ въ войнѣ Англіи съ Китаемъ, а по окончаніи ея поступилъ на службу къ державѣ, съ которою только-что сражался. Его назначили предводителемъ арміи, дѣйствовавшей противъ тайпинговъ, возставшихъ противъ манджурскаго правительства и захватившихъ въ свои руки плодороднѣйшія провинціи Китая и богатые города. Съ помощію европейскихъ офицеровъ Гордону удалось, въ два года, потушить возстаніе въ крови инсургентовъ, хотя онъ писалъ къ своей матери, что «принялъ начальство съ гуманной цѣлью: открыть Китай для цивилизаціи и уничтожить мятежъ, задерживающій въ странѣ развитіе прогресса». За свои подвиги и за взятіе послѣдняго оплота тайпинговъ—Нанкина, онъ сдѣланъ былъ мандариномъ. Ему было дѣйствительно трудно бороться, но не съ инсургентами, а съ китайскими начальниками, мѣшавшими ему на каждомъ шагѣ, и съ своими собственными солдатами, не получавшими все время жалованья и поминутно бунтовавшими. Побѣды арміи Гордона неизбѣжно соединялись съ грабежами городовъ, отнятыхъ у инсургентовъ и жестокими казнями побѣжденныхъ, но въ этомъ виноватъ не начальникъ, а китайская система веденія войны. По возвращеніи въ Англію, онъ получилъ должность королевскаго инженера въ Гревендѣ, а въ 1871 году англійскаго комиссара въ дунайской комиссіи и вице-консула въ Галацѣ. Но мирныя занятія скоро наскучили ему и онъ поступилъ на службу къ хедиву, сдѣлавшему его губернаторомъ Судана. Пять лѣтъ боролся онъ тамъ съ полудикими, независимыми племенами, преслѣдовалъ торговлю невольниками, но опять еще больше приходилось ему, какъ въ Китаѣ, бороться съ самимъ правительствомъ, грабившимъ Суданъ че-

резъ своихъ пашей и чиновниковъ и уничтожавшимъ всё полезныя мѣры, принимаемыя губернаторомъ. Чтобы избавиться отъ Гордона, хедивъ отправилъ его съ дипломатическимъ порученіемъ къ абиссинскому императору—и тотъ, захвативъ посланника, не казнилъ его только потому, что боялся мести Англіи, помня участь негуша Теодора. Но хедивъ все-таки отнялъ у Гордона управление Суданомъ и генералъ отправился въ Индію, гдѣ хотѣлъ поступить секретаремъ къ лорду Рипону, но недовольный управленіемъ англичанъ въ Индіи уѣхалъ и оттуда въ Пекинъ, гдѣ, какъ говорятъ, отсвѣтовалъ китайцамъ затѣвать войну съ Россією. Видя, что и въ Китаѣ ему нечего дѣлать, Гордонъ въ 1882 году отправился на мысъ Доброй Надежды воевать съ басутосами, но когда онъ пріѣхалъ, война была уже кончена, а его планы для устройства и администраціи страны—не приняло министерство. Тогда онъ направился въ Іерусалимъ, гдѣ занялся археологическими изысканіями. Но и тамъ ему не сидѣлось и, въ началѣ нынѣшняго года, онъ вернулся въ Европу, чтобы принять участіе въ экспедиціи во внутреннюю Африку на рѣку Конго. Вдругъ Англія предложила ему званіе ея представителя въ Суданѣ, и онъ взялся поправить положеніе дѣлъ въ этой странѣ, получивъ болѣе четырехъ милліоновъ рублей для этой цѣли, то есть для подкупа вліятельныхъ шейховъ и приверженцевъ пророка Махди, поднявшаго весь Суданъ. Книга Гака сообщаетъ много фактовъ о великодушіи, безкорыстіи, мужествѣ, благотворительности Гордона, но эти черты характера не оправдываютъ его безпокойнаго нрава, и чтобы произнести о немъ окончательное сужденіе, надо подождать его дальнѣйшихъ дѣйствій и приговора исторіи.

— Вышелъ второй томъ замѣчательной «Исторіи временъ римскихъ императоровъ» (*Geschichte der römischen Kaiserzeit*) Германа Шиллера. Въ этомъ томѣ, обнимающемъ пространство времени отъ Веспасіана до восшествія на престолъ Діоклетіана, авторъ, основываясь на новѣйшихъ изслѣдованіяхъ, представляетъ характеристику многихъ императоровъ далеко не такою, какъ она является въ общепринятыхъ руководствахъ. Такъ, Веспасіанъ у него представитель милитаризма. Титъ не заслуживаетъ похвалъ, какими его обыкновенно осыпаютъ, а Домиціанъ—упрековъ ненавидѣвшихъ его сената и аристократіи; но они же восхваляли слабаго Нерву, за то что онъ возвратилъ имъ власть. Траянъ былъ прежде всего солдатъ, Адрианъ—государственный дѣятель; дѣятельность послѣдняго была изумительна: онъ первый уравнялъ права провинцій и Рима. Маркъ Аврелій былъ слишкомъ философъ и доктринеръ, чтобы понять стремленія своего времени. Сенатъ получалъ большое вліяніе при Александрѣ Северѣ, но потерялъ его при Аврелианѣ. Ходъ историческихъ событій въ книгѣ Шиллера прерывается главами, въ которыхъ излагается культура, общественная жизнь, искусство, литература и религиозное настроеніе различныхъ эпохъ.

— Изывѣстный историкъ и романистъ Феликсъ Данъ началъ писать «Исторію древнихъ временъ Германіи» (*Geschichte der deutschen Urzeit*). Вышелъ первый томъ, изображающій положеніе Европы во время перехода въ нее германцевъ отъ береговъ Каспійскаго моря; въ живою, вполне вѣрной картинѣ переданы обычай и жизнь этого племени при постепенномъ переходѣ его изъ семейнаго быта въ общинный, потомъ въ союзъ отдѣльныхъ племенъ и, наконецъ, въ народный союзъ. Томъ оканчивается основаніемъ франкскаго королевства. Особенно любопытны историческія подробности страшныхъ битвъ съ Римомъ, до паденія западной имперіи при Одоакрѣ и возникновенія меровингской династіи.

— Покойный историк Нитчъ не успѣлъ составить полной исторіи германскаго народа и послѣ него остались только отрывочныя записки и лекціи, приведенныя теперь въ порядокъ Георгомъ Маттеи, подготовившимъ изданіе этой исторіи до Аугсбургскаго мира. Вышелъ первый томъ до конца царствованія Оттоновъ (*Geschichte des deutschen Volkes bis zum Ausgang der Ottonen*). Въ книгѣ нисколько не замѣтно, что она составлена изъ неполныхъ обработанныхъ записокъ, и дарованіе автора является въ обычномъ блескѣ.

— По исторіи отдѣльныхъ провинцій и эпохъ Германіи вышли «Исторія Силезіи» (*Geschichte Schlesiens*) Карла Грюнгагена, доведенная въ первомъ томѣ до владычества Габсбурговъ, и «Исторія областей, вошедшихъ въ составъ прусской Саксоніи» (*Geschichte der in der preussischen Provinz Sachsen vereinigten Gebiete*) Эдуарда Якобса. Книга Грюнгагена вполне замѣнила все, что до него было писано объ этомъ предметѣ, но трудъ Якобса заслуживаетъ еще болѣе вниманія. Не легко было собрать вполне достовѣрныя свѣдѣнія, начиная съ дохристіанской эпохи, обо всѣхъ мелкихъ владѣніяхъ, образовавшихся въ 1815 году въ провинцію Саксонію. Замѣчательно сочиненіе Альфреда Дове—Эпоха Фридриха Великаго и Иосифа II (*Das Zeitalter Friedrich's des Grossen und Joseph's II*) доведенная до 1745 года. Трудъ этотъ задуманъ не съ прусской или австрійской точки зрѣнія, а съ національной. Особенно рельефно изобразилъ авторъ, какое вліяніе на событія произвелъ дуализмъ обонхъ монарховъ и почему не удалась попытка Карла VII измѣнить государственныя и правовыя отношенія имперіи. Этому императора историкъ представляетъ въ непривлекательномъ свѣтѣ и даже сравниваетъ его съ Карломъ-Толстымъ, расхваливая въ то же время Фридриха II, Карла VI, Марію Терезію, Франца I. Что Карлъ VII никогда не былъ рабомъ Франціи, авторъ могъ бы узнать изъ вышедшаго недавно «Дневника императора Карла VII изъ временъ войны за австрійское наслѣдство» (*Das Tagebuch Kaiser Karl's VII aus der Zeit des oesterreichischen Erbfolgekrieges*). Изданный по автографу императора Карломъ Гейгелемъ, дневникъ этотъ доказываетъ, что Карлъ VII если и не былъ великимъ государемъ, то любилъ правду и сознавалъ свои ошибки, хотя постоянно жаловался, что судьба была всегда противъ него во всѣхъ его предпріятіяхъ. Дове не имѣлъ въ виду этой книги, когда печаталъ свой трудъ.

* — Морлицъ Брашъ издалъ любопытный этюдъ изъ исторіи Англіи: «Лордъ Болингброкъ и виги и тори его времени» (*Lord Bolingbroke und die Whigs und Tories seiner Zeit*). Для своего сочиненія авторъ пользовался новыми источниками, помѣщенными въ венеціанскомъ архивѣ, въ донесеніяхъ посланниковъ и въ страсбургской бібліотекѣ. Оно снимаетъ съ лорда многія обвиненія и представляетъ его продуктомъ партійныхъ раздоровъ, настоящимъ сыномъ своего вѣка. Эти партіи и отдѣльныя личности Марлбороу, Честерфильда и Вальпола обрисованы мастерски; но нельзя сказать, чтобы авторъ вполне разъяснилъ двойственный, измѣнчивыя характеръ Болингброка, являвшагося то консервативнымъ монархистомъ, то якобы-томъ, то приверженцемъ, то противникомъ церкви. Такія натуры могутъ занимать блестящее положеніе въ данную минуту, но не оставляютъ прочныхъ слѣдовъ въ исторіи страны, и народъ не даромъ не сочувствовалъ Болингброку, принужденному оставить свое отечество, которому оказалъ не мало услугъ, особенно при заключеніи Утрехтскаго мира.

— Берлинская академія давно уже издаетъ необходимое для исторіи и археологіи древняго міра собраніе греческихъ и римскихъ надписей. Въ двухъ уже вышедшихъ въ свѣтъ томахъ заключаются греческія надписи до евклидовыхъ временъ и римской эпохи императоровъ. Теперь Ульрихъ Келеръ, по порученію академіи, составилъ третій томъ, въ который вошли надписи отъ Евклида до Августа (*Corpus inscriptionum Atticarum... inter Euclidis annum et Augusti tempora*). Въ сборникъ этотъ вошли надписи, во многомъ разъясняющія историческія событія и принадлежащія правительственнымъ лицамъ, какъ хранителямъ сокровищъ Аѳины и другихъ боговъ, исчисленіе приношеній, инвентарь имущества храмовъ, реестры серебряныхъ чашъ, списки земельныхъ участковъ, кораблей, постановленія амфиціоновъ и жрецовъ, затѣмъ списки архонтовъ, притановъ, судебного, духовнаго и военнаго сословія; наемные и арендные контракты и т. п. Недостають только надгробныхъ надписей и посвященій богамъ. Они слишкомъ многочисленны и войдутъ вѣроятно въ особый томъ.

— Мастыгый авторъ «Исторіи германскаго владычества въ Италіи» (*Storia delle dominazioni germaniche in Italia*) и «Древней исторіи Италіи» (*Storia antica d'Italia*) неаполитанскій профессоръ Франческо Бертолини издалъ новое, замѣчательное сочиненіе «Критическіе опыты итальянской исторіи» (*Saggi critici di storia italiana*). Въ десяти очеркахъ, вошедшихъ въ это изданіе, видно близкое знакомство автора съ новѣйшими историческими изслѣдованіями и методами. Первые четыре очерка касаются древней исторіи Рима, въ которой Бертолини, по слѣдамъ Момзена, видитъ въ исторіи царей сказочный характеръ, а въ исторіи уничтоженія монархіи и учрежденія республиканскаго правленія — явное противорѣчіе. Объясняетъ его авторъ предлагаетъ—возстаніемъ рода Валерія противъ Тарквиніевъ, потомъ возстаніемъ противъ Публія Валерія и добровольною передачею имъ власти—консуламъ. Второй очеркъ изслѣдуетъ учрежденіе трибуната, третій опровергаетъ мнѣніе Момзена объ аграрномъ законѣ Кассія; въ четвертомъ излагаются причины уничтоженія децемвирата. Въ остальныхъ этюдахъ авторъ подвергаетъ серьезной критикѣ нѣкоторые факты средневѣковой и новѣйшей исторіи и между прочимъ доказываетъ, что средніе вѣка въ Италіи надо считать со вторженія лонгобардовъ, а не съ уничтоженія Одоакромъ западной римской имперіи,—предводители варваровъ давно уже управляли ею, не нося званія императоровъ и Одоакръ былъ въ этомъ отношеніи только преемникомъ Рицимера. Въ послѣднемъ очеркѣ помѣщенъ подробный разборъ исторіи Рима въ средніе вѣка, Григоровіуса.

— Каллери, авторъ «Исторіи королевской подати въ XVII и XVIII вѣкѣ» (*Histoire de la taille royale au XVII et XVIII siecles*), издалъ новое изслѣдованіе о Буленвильерѣ, подъ названіемъ «Реформаторы старинной Франціи» (*Les réformateurs de l'ancienne France Boulainvilliers*). Этотъ странный историкъ и политическій писатель, теперь позабытый, въ свое время возбуждалъ такое впечатлѣніе своею «Исторіею стариннаго управленія во Франціи», «Мемуарами за французское дворянство противъ герцоговъ и перовъ», «Исторіею перства во Франціи и парижскаго парламента», что его опровергали Вольтеръ и Монтескье, а въ наше время Огюстенъ Тьері. Каллери также доказываетъ невозможность осуществленія реформаторскихъ пріемовъ Буленвильера, между которыми первое мѣсто занимаетъ предложеніе о восстановленіи феодальной системы, которую онъ называлъ лучшимъ созданіемъ чело-вѣческаго ума. Онъ требовалъ также сосредоточенія всемірной торговли въ

одну монополію взиманія, въ видѣ подати, одной пятой съ жалованья всѣхъ чиновниковъ и пр. Эти планы, близко сходящіеся и съ прямымъ коммунизмомъ и съ государственнымъ социализмомъ, доказываютъ, что идеи современныхъ коммунистовъ и приверженцевъ системы имперскаго германскаго канцлера были въ ходу и предлагались еще въ XVII вѣкѣ.

— О Фридрихѣ II вышло два отдѣльныхъ сочиненія: одно въ известномъ изданіи всемірной исторіи Онкена «Эпоха Фридриха Великаго» (*Das Zeitalter Friedrichs des Grossen*), добросовѣстный трудъ, обработанный по послѣднимъ изысканіямъ; другое составляетъ сборникъ отдѣльныхъ статей, относящихся «Къ исторіи характеристики Фридриха» (*Zur Geschichte und Charakteristik Friedrich des Grossen*) и написанныхъ покойнымъ Эдуардомъ Кауеромъ. Авторъ говоритъ сначала объ отношеніяхъ Фридриха къ классической древности, которую онъ хорошо зналъ и любилъ и о его идеяхъ о воспитаніи и обученіи. Король не былъ вовсе поклонникомъ идей Руссо, хотѣлъ, чтобы моральное развитіе основывалось на любви къ отечеству и, не смотря на свой деспотизмъ, не запрещалъ разсуждать (*raisoniren*) ни взрослымъ, ни даже ученикамъ. Онъ не былъ нисколько противникомъ самостоятельности. Въ книгѣ Кауера приведена правительственная программа Фридриха, разобраны написанныя противъ него полемическія сочиненія, особенно многочисленные въ эпоху Семилѣтней войны. Въ послѣдней главѣ Фридрихъ разбирается какъ стихотворецъ.

— О первомъ французскомъ журналистѣ вышли два изслѣдованія—Эжена Гатена: «*Théophraste Renaudot et ses innocentes inventions*» и Жюль де-ла-Турретъ: «*Théophraste Renaudot d'après les documents inédits*». Послѣдняя біографія, составленная землякомъ Ренодо, впадаетъ уже въ черезъ-чуръ панегиристическій тонъ. Ла-Турретъ не только требуетъ, чтобы Ренодо воздвигли статую, но и сравниваетъ его съ святымъ Винцентомъ де-Поль, не потому, что онъ издавалъ газету, конечно, но за то, что ввелъ во Франціи ссудныя кассы и даровыя консультаціи въ госпиталяхъ, то есть за его филантропическія подвиги. Но филантропія у Ренодо была только средствомъ расширить его промышленныя обороты. Это былъ Эмиль Жирардъ своего времени, даровитый, предприимчивый, дѣятельный писатель и изобрѣтатель, но не задумывавшійся надъ средствами пустить въ ходъ свои «невинныя изобрѣтенія», какъ онъ называлъ ихъ. Докторъ медицины на 20-мъ году въ Луденѣ, онъ приобрѣлъ тамъ такую известность, что былъ вызванъ въ Парижъ и сдѣланъ королевскимъ врачомъ; онъ получилъ также званіе совѣтника и исторіографа. Вернувшись въ свой родной городъ, онъ прожилъ тамъ 12 лѣтъ и написалъ «Жизнь принца Конде», «Жизнь маршала Госсіона» и др.; назначенный главнымъ комиссаромъ бѣдныхъ всего королевства, онъ поселился окончательно въ Парижѣ. Ришелье далъ ему привилегію на открытіе конторы адресовъ, объявленій и справокъ всякаго рода. При этомъ учрежденіи, 30-го мая 1631 года, началъ выходить еженедѣльно листокъ объявленій, подъ названіемъ «Газета». Это изданіе новаго рода имѣло большой успѣхъ и, пополняясь постепенно известіями и свѣдѣніями всякаго рода, превратилось скоро въ политическій листокъ. Его составители и продавцы на улицѣ получили названіе газетчиковъ. Но въ то же время, газета Ренодо встрѣтила сильную оппозицію въ лицѣ ретроградовъ, восставшихъ противъ опаснаго нововведенія—дѣлать известнымъ для всѣхъ то, что дѣлалось немногими лицами, стоящими въ главѣ правленія. Но у Ренодо былъ покровитель—всевластный кардиналъ, не разъ посылавшій полезныя для него известія въ га-

зету, и Ренодо напечатать въ ней: «газета—такой товаръ, продажу котораго никогда нельзя запретить. Она похожа на потокъ, который тѣмъ стремительнѣе несется впередъ, чѣмъ больше ему ставятъ преграды». Книга Гатена, автора «Исторіи періодической печати во Франціи», относится чрезвычайно сочувственно къ первому французскому газетчику и сообщаетъ объ немъ много новыхъ подробностей.

— Къ исторической области относятся два нѣмецкихъ романа. Одинъ Эрнеста Экштейна «Прузій» (Prusias) изображаетъ возстаніе рабовъ подъ предводительствомъ Спартака. Герой романа Прузій—братъ понтійскаго царя Митридата, душа возстанія; планы его идутъ далѣе плановъ Спартака: онъ хочетъ сломить тиранію Рима и освободить всѣ народы, поробощенные безпощадною политикою сената. Но Прузій попадаетъ въ сѣти молодой римлянки Невіи, которая дѣлается для него тѣмъ же, чѣмъ была Капуа для Аннибала. Его захватываютъ въ плѣнъ и присуждаютъ къ позорной казни, назначаемой для рабовъ,—къ распятію на крестѣ. Ему удается, однако, добыть ядъ и онъ отравляется. Другой романъ Феликса Дана—Биссула (Bissula) относится къ эпохѣ паденія имперіи и переселенію народовъ. Дѣйствіе происходитъ въ 378 году въ Римѣ и между племенемъ аллемановъ, въ главѣ которыхъ стоятъ старый вождь, умный какъ Несторъ, и молодой гордый, кипучій германскій Ахиллесъ. Племенемъ править также старая пророчица, въ родѣ Велледы. Со стороны римлянъ главныя лица—хитрый, расуточный патрицій и благородный трибунъ, влюбленный въ героиню романа Биссулу, аллеманскую рабыню, получившую свободу, странный типъ, представляющій смѣсь дочери природы съ образованною римлянкою. Интимная драма, происходящая между этими лицами, искусно перемеживается съ картинами и бытовыми древнихъ германцевъ и историческими событіями той эпохи. Оба романа читаются съ интересомъ, хотя Данъ пишетъ слишкомъ прѣстистымъ языкомъ.

— Бельгійскій ученый Гашаръ, издавшій любопытную корреспонденцію Филиппа II о нидерландскихъ дѣлахъ Маргариты, герцогини Пармской, и Вильгельма Оранскаго, выпустилъ въ свѣтъ «Письма Филиппа II къ своимъ дочерямъ, инфантамъ Изабеллѣ и Екатеринѣ» (Lettres de Philippe II à ses filles les infantes Isabelle et Catherine). О Филиппѣ II, какъ о государѣ и какъ о человѣкѣ, исторія давно произнесла свой приговоръ. Его четыре жены вели невеселую жизнь. Не говоря о матери Донъ-Карлоса, умершей 18-ти лѣтъ, ни о Маріи Тюдоръ, которая была уже стара и истощена, когда онъ на ней женился, двѣ послѣднія жены скончались загадочною смертію. Елизавета Валуа, по крайней мѣрѣ, дѣлный годъ находилась въ агоніи, что противорѣчитъ утвердившемуся мнѣнію о ея отравленіи; но нѣмка Анна умерла скоропостижно послѣ того, какъ мужъ за что-то пришелъ на нее въ сильный гнѣвъ. Сына своего, Донъ-Карлоса, онъ если не приказалъ убить, то, во всякомъ случаѣ, оставилъ его умереть безъ помощи. Поэтому письма короля, обнаруженные Гашаромъ, въ оригиналѣ и въ переводѣ съ испанскаго на французскій языкъ, поражаютъ своимъ добродушнымъ тономъ и заботливостью о молодыхъ инфантахъ. Письма эти сохранены инфантою Екатериною, вышедшею потомъ за савойскаго герцога, Карла-Эмануила, и найдены въ туринскомъ архивѣ. Они обнимаютъ пространство времени отъ апрѣля 1581 года по мартъ 1583 года, когда Филиппъ былъ въ Португаліи, только что завоеванной герцогомъ Альбой, то есть въ эпоху, когда король вѣшалъ, сжигалъ, пыталъ и убивалъ болѣе, чѣмъ въ другое время. И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ писалъ самыя нѣжныя письма къ пятнадцатилѣтней Изабеллѣ

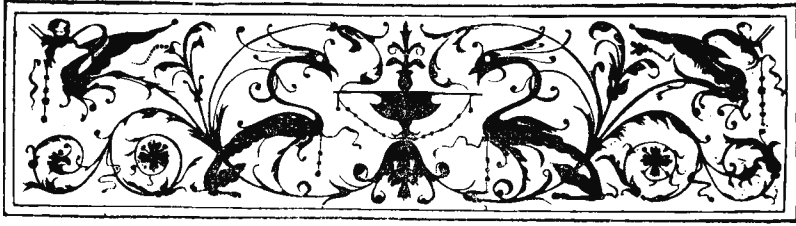
и тринадцатилѣтней Екатеринѣ, посылая имъ ящичекъ съ нитками, фарфоръ, четки, рѣдкіе фрукты, печати, картинки для раскрашиванія, прописи. Онъ сожалѣеть, что давно ихъ не видитъ, просить, чтобы онѣ прислали ему шелковыя ленточки, какъ мѣрку, на сколько онѣ безъ него выросли, беспокоится, когда онѣ захвораютъ, приказываетъ одной принять бульонъ, другой сиропъ, заботится о томъ, тепла ли ихъ комната и, въ то же время, описываетъ имъ, какъ онъ присутствовалъ на аутодафе, посылаетъ имъ программу этого зрѣлища, списокъ сожженныхъ. Дѣти боятся: не утомила ли эта церемонія ихъ добраго батюшку—тотъ отвѣчаетъ, что не очень усталъ и что въ Португаліи эти торжества продолжаются часа четыре, а не такъ длинны, какъ въ Кастиліи. И вслѣдъ затѣмъ онъ спрашиваетъ: все ли хорошо растетъ въ саду дворца, живы ли его кролики, вѣрно ли идутъ дворцовые часы, восхищается прекрасными пейзажами Португаліи, пѣніемъ птицъ, жалѣетъ, что не слышитъ только соловьевъ. Какъ согласить все это добродушіе отца семейства съ жестокостью и безсердечіемъ короля, казавшагося на смертномъ одрѣ въ томъ, что онъ былъ слишкомъ добръ и милосердъ? Чрезвычайно интересно изученіе этой до сихъ поръ неизвѣстной стороны характера мрачнаго, холоднаго деспота, безъ сожалѣнія губившаго тысячи людей, приказывавшаго, когда у него умирали дѣти, служить благодарственные молебны за принятіе въ рай души скончавшагося инфанта. Все это представляетъ такое странное психологическое явленіе, надъ которымъ нельзя не остановиться.

— Вниманіе всей образованной европейской публики привлекли почти одновременно появившіеся мемуары Генриха Гейне, королевы Викторіи и книга Морица Буша—о Бисмаркѣ. Появленію мемуаровъ Гейне долгое время мѣшали его родственники, оспаривавшіе сначала подлинность самыхъ записокъ, а когда ихъ приобрѣлъ издатель журнала «Gartenlaube», Кренеръ (147 листовъ, писанныхъ карандашомъ, за 16,000 франковъ), то братъ Гейне уничтожилъ въ нихъ 26 страницъ (отъ 6-й до 31-й), въ которыхъ говорится о семействѣ покойнаго поэта. Еще при жизни его всемъ было извѣстно, что семья, проникнутая увкими еврейскими тенденціями, враждебно относилась къ великому писателю, но чтобы и по смерти его позволили разжрѣвшему жиду святотатственно уничтожать строки, оставленныя въ наслѣдіе всему образованному міру—этому нельзя не удивляться, также какъ и равнодушію интеллигентнаго класса, допустившаго такое вандализмъ. Достаточно было и того, что малообразованная жена Гейне при жизни своей не разрѣшала печатанія этихъ мемуаровъ; на это она имѣла, по крайней мѣрѣ, юридическое право, какъ наслѣдница произведеній своего покойнаго мужа, но чтобы по смерти ея какой-то братецъ позволилъ себѣ распоряжаться, какъ своимъ гешефтомъ, литературнымъ достояніемъ писателя, принадлежащимъ пѣлому свѣту—этому трудно повѣрить, и непонятно, какъ въ Германіи могли допустить это. Въ «запискахъ», или, по крайней мѣрѣ, въ той части ихъ, которая явилась въ печати, нѣтъ ровно ничего, что могло бы для кого нибудь быть оскорбительнымъ, или возбудить скандалъ. Это—воспоминанія о годахъ юности поэта, часто полныя грусти, потому что писаны на одрѣ мучительной болѣзни; они написаны, въ стилѣ Reisebilder, блестящимъ, остроумнымъ языкомъ, исключаяющимъ всякое сомнѣніе въ принадлежности ихъ поэту.

— Мемуары королевы Викторіи составляютъ какъ бы продолженіе ея «Листковъ изъ дневника», изданныхъ въ 1868 году и относятся къ ея жизни въ Бальморалѣ, гдѣ она постоянно проводитъ часть года. Они носятъ названіе «Еще листки изъ дневника о жизни въ горной странѣ, отъ 1862 до 1882 года»

(More Leaves from the Journal of a Life in the Highlands). Книга эта исключительно посвящена описанію домашней жизни королевы въ шотландскомъ замкѣ и природныхъ красотъ страны, которыми королева восхищается, какъ молоденькая дѣвушка. При изображеніи этихъ красотъ языкъ книги, чрезвычайно простой во всёхъ другихъ частяхъ, дѣлается цвѣтистымъ, изысканнымъ, риторическимъ. Для Викторіи Шотландія гораздо живописнѣе Швейцаріи, гдѣ «мало уединенія, за то много гостинницъ и нищихъ». Къ шотландцамъ она особенно расположена за ихъ простоту и независимость. Любовь свою къ горной странѣ королева объясняетъ тѣмъ, что «въ ея жилахъ течетъ кровь Стюартовъ». Самая книга посвящена съ благодарностью «моимъ вѣрнымъ горцамъ и, въ особенности, моему преданному камердинеру и вѣрному другу Джону Брауну». Этому камердинеру, недавно умершему, отведено весьма значительное мѣсто въ мемуарахъ, оканчивающихся слѣдующими словами: «я слабо выражу истину, когда скажу, что каждый день и каждый часъ чувствую потерю того, кто заслужилъ мою признательность постоянною заботливостью и преданностью». Такое отношеніе къ своему лакею доказываетъ мягкое, благодарное сердце и замѣчательно еще болѣе потому, что Браунъ вовсе не былъ идеаломъ преданнаго служителя, въ родѣ вальтеръ-скоттовскаго Калеба. Никто изъ придворныхъ лакеевъ не любилъ его за грубое обращеніе, хитрость и стараніе отстранить всёхъ отъ королевы, сдѣлаться только самому необходимымъ для нея. Кроме того, своими спиритическими фокусами и бесѣдами съ духомъ принца Альберта онъ вредно дѣйствовалъ на разстроенное воображеніе Викторіи. Въ мемуарахъ нѣтъ ничего политическаго, ни одного слова о событіяхъ послѣдняго двадцатилѣтія, да и странно было бы требовать, чтобы лицо, такъ высоко стоящее въ сферѣ европейской политики, выражало въ печати свои сужденія объ ней. Но книга, не смотря на отсутствіе въ ней всякой «злобы дня», все-таки, очень любопытна, и изъ простодушныхъ разсказовъ королевы о всѣдневныхъ событіяхъ ея частной жизни можно легко вывести заключеніе о ея наклонностяхъ и симпатіяхъ. Такъ, изъ разсказа о смерти сына Наполеона III, убитаго зулусами, ясно видно, что Викторія была очень расположена къ наполеонидамъ, а молодой принцъ любилъ втайнѣ младшую дочь королевы, Беатрису. Къ книгѣ приложено нѣсколько гравюръ и рисунковъ, сдѣланныхъ самой Викторіей и нѣсколько портретовъ, между которыми портреты Джона Брауна и двухъ собакъ.

— Книга Морица Буша носитъ названіе «Нашъ имперскій канцлеръ» (Unser Reichskanzler) и заключаетъ въ себѣ продолженіе разсказовъ о желѣзномъ канцлерѣ, появившихся въ переводѣ и на русскомъ языкѣ (Графъ Бисмаркъ и его люди, 1879 г.). Это все то же повальное восхваленіе какъ самого Бисмарка, такъ и его системы и вообще преобладанія силы, удачи, рѣшимости надъ правомъ и законностью. Въ политическомъ отношеніи книга не представляетъ ничего новаго для тѣхъ, кто слѣдитъ за современной германской и вообще европейской политикой, а подробности о частной жизни канцлера, его взглядахъ, мнѣніяхъ, сужденіяхъ могутъ интересовать исключительно нѣмцевъ. Есть, впрочемъ, и ретроспективныя извѣстія, изъ которыхъ можно вывести заключеніе о будущности, какую готовить Бисмаркъ нѣкоторымъ странамъ. Такъ, Бушъ сообщаетъ, что при переговорахъ о мирѣ съ Австріею въ 1866 году, канцлеръ не прочъ былъ попользоваться кусочкомъ Чехіи (Ein Stück von Böhmen). Это своего рода—avis au lecteur.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Къ эпохѣ графа Верга въ Варшавѣ.

(Отрывокъ изъ воспоминаній.)

ТО, ЧТО МЫ намѣрены рассказать, произошло въ Варшавѣ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ. Н. А. Милютинъ почти сошелъ со сцены, ибо его постигъ ударъ, ставшій роковымъ предвѣстникомъ послѣдовавшей вскорѣ кончины. Тѣмъ не менѣе пущенная Милютинымъ въ ходъ машина дѣйствовала на всѣхъ парахъ. Работа шла оживленная и по введенію крестьянской реформы, и по водворенію русскаго учебнаго дѣла. Справедливость требуетъ признать, что эта работа была чужда всеподавляющаго канцеляризма. Отъ нея вѣяло жизнью. Русскіе дѣятели, какъ бы ни была скромна роль, выпавшая на ихъ долю, въ большинствѣ случаевъ, не были простыми чиновниками, въ томъ смыслѣ, какъ у насъ принято понимать этотъ терминъ. Несомнѣнною заслугою Н. А. Милютина, какъ государственнаго человѣка, было умѣнье придать службѣ въ царствѣ Польскомъ характеръ государственнаго и общественнаго служенія Россіи. Бывали прискорбные случаи своеобразнаго пониманія этого служенія и рассказъ объ одномъ такомъ случаѣ недавно появился въ печати ¹⁾.

Но за то были и характерные образчики инаго отношенія къ дѣлу. Если мы оглашаемъ настоящій отрывокъ изъ нашихъ воспоминаній, то это единственно потому, чтобы указать на забавную, чтобы не сказать болѣе, оппозицію, на которую привелось натолкнуться русскому чиновнику при исполненіи своего долга, со стороны мѣстнаго начальника жандармскаго округа и главнаго начальника края. Казусъ почти невѣроятный, а между тѣмъ мы рассказываемъ быль изъ недавняго прошлаго...

¹⁾ Эпизодъ съ Кудишемъ, въ бытность его на службѣ въ царствѣ Польскомъ.

На улицахъ Варшавы, въ окнахъ магазиновъ, лавчонокъ и на лоткахъ, у торговавшихъ въ разное книжнымъ матеріаломъ, въ изобиліи преподносила мѣстной публикѣ разнообразныя произведенія фотографіи и литографіи, по цѣнамъ баснословно дешевымъ. Особенно бойко шла торговля на предметы, содержаніе которыхъ было безусловно патріотическое. Такъ, между прочимъ, продавались совершенно открыто портреты обывателей, выступившихъ въ качествѣ адвокатовъ жертвъ, пострадавшихъ во время уличныхъ манифестацій, которыя предшествовали возстанію. Какъ извѣстно, въ 1862 году, въ разгарѣ уличныхъ манифестацій, на краковскомъ предмѣстьѣ, по приказанію русскаго генерала, послѣ троекратнаго предупрежденія, былъ произведенъ выстрѣлъ въ толпу, и пять лицъ, совершенно случайно очутившихся въ толпѣ, пали жертвою роковаго залпа. Понятно, что раздраженіе, и въ безъ того возбужденномъ населеніи, достигло крайнихъ предѣловъ. Выразителями этого настроенія передъ высшею русскою властью явились 12 делегатовъ.

Они, въ качествѣ якобы уполномоченныхъ отъ населенія не одной только Варшавы, а всего царства Польскаго, нахально и категорически заявили тогдашнему намѣстнику князю Горчакову, что не ручаются за спокойствіе въ краѣ, если русская власть не заявитъ безотлагательно о своей рѣшимости успокоить взволнованные умы.

— Что же прикажете дѣлать, воскликнуть въ отчаяніи растерявшійся русскій намѣстникъ.

— Единственное средство, возразили делегаты, чтобы это успокоеніе не исходило отъ русской власти, а было предоставлено самимъ жителямъ, въ лицѣ ихъ избранниковъ.

Понятно, что эти 12 делегатовъ и провозгласили себя уполномоченными избранниками населенія. Въ случаѣ колебанія намѣстника, по ихъ мнѣнію, открытое возстаніе представлялось неизбежнымъ.

Князь Горчаковъ, очевидно, желая отклонить отъ себя отвѣтственность, въ случаѣ этой новой, роковой случайности, рѣшился на небывалый въ исторіи поступокъ.

Не испрося полномочій изъ Петербурга (которыя, конечно, никогда ему даны бы не были), отъ самовольно, поступилъ своею властію, въ пользу этихъ самозванныхъ 12-ти делегатовъ. Совершился фактъ оскорбительный, не только для правительства, но и для достоинства русскаго имени... Высшая власть въ царствѣ Польскомъ фактически перешла въ руки 12-ти лицъ, самовольно признавшихъ себя носителями высокой миссіи. И эта импровизированная власть дѣйствовала и ховяйничала въ краѣ едва ли не цѣлыхъ двѣ недѣли, при полномъ, фактическомъ устраненіи полиціи отъ всякаго вмѣшательства въ ея распоряженія... Значеніе этой власти, со всеми атрибутами ея обширной, мгновенно сложившейся организаціи, сказалось особенно во время торжественныхъ похоронъ пяти убитыхъ жертвъ. Этими похоронамъ придали характеръ національнаго польскаго событія. Къ сохраненію порядка въ церемоніи, въ которой приняло поголовно участіе все населеніе Варшавы, были привлечены люди всѣхъ возрастовъ и состояній. Всѣ имѣли особыя значки, установленныя делегаціею двѣнадцати. Здѣсь, на этой торжественной, печальной церемоніи, превращенной въ манифестацію колоссальныхъ размѣровъ противъ Россіи, совершилось пресловутое братство поляковъ-католиковъ съ поляками-лютеранами и поляками моисеева закона. За погребальною колесницею, въ назиданіе живущихъ и грядущихъ поколѣній, шли подъ руку—

ксендъ, пасторъ и раввинъ. Мимоходомъ замѣтимъ, что въ наши дни, поляки отрещиваются, но тщетно, отъ этого еврейскаго братства, которое имъ приходится весьма солоно.

Но возвратимся къ достопамятной делегаціи. Для нагляднаго изображенія мотивовъ своей власти, эти 12 делегатовъ сочинили особый трауръ по убитымъ пяти жертвамъ. На лѣвомъ рукавѣ ихъ платья красовались три бѣлые шеврона. Услужливые фотографы успѣли увѣковѣчить этихъ импровизированныхъ властителей. Въ числѣ делегатовъ находились—банкиры Леопольдъ Кроненбергъ, баронъ Розентъ, сапожникъ Гишпанскій и другіе.

Продажа фотографій производилась безпрепятственно долгое время, когда, наконецъ, было обращено вниманіе на это обстоятельство. Смотрѣть сквозь пальцы на торговлю фотографіями и рисунками, очевидно, разсчитанными на поддержаніе недружелюбныхъ чувствъ къ Россіи, представлялось, по меньшей мѣрѣ, непослѣдовательнымъ, тѣмъ болѣе, что уже въ 1868 году въ варшавскомъ цензурномъ комитетѣ при просмотрѣ книгъ руководились инымъ взглядомъ. Но какимъ образомъ распространить цензурный контроль на произведенія свѣтописи? Цензурный уставъ былъ изданъ въ тридцатыхъ годахъ, когда о фотографіи не было ни слуху ни духу. Требовалось, слѣдовательно, особое распоряженіе. Предсѣдательствовавшій въ варшавскомъ цензурномъ комитетѣ тогда же вошелъ съ докладомъ къ попечителю варшавскаго учебнаго округа Битте (цензура не была еще изъята изъ вѣдѣнія министерства народнаго просвѣщенія) о необходимости подчинить произведенія свѣтописи, обращающіяся въ продажѣ, контролю наравнѣ съ книгами. Намѣстникъ графъ Бергъ, къ которому, въ свою очередь, поступилъ этотъ докладъ, далъ утвердительную резолюцію. Оставалось привести новую мѣру въ исполненіе. Всѣ книгопродавцы, фотографы и вообще лица, торгующія произведеніями свѣтописи, были приглашены доставить по одному экземпляру, находившихся у нихъ въ продажѣ фотографическихъ снимковъ. Всего было доставлено до 500 различныхъ предметовъ. Цензурный комитетъ, послѣ тщательнаго разсмотрѣнія всего этого художественнаго матеріала, призналъ подлежащими изъятію изъ продажи 47 предметовъ. Остракизму, между прочимъ, подверглись также фотографическіе портреты нѣкоторыхъ именитыхъ обывателей, изображенныхъ съ эмблемою ихъ временной диктатуры въ краѣ.

До сихъ поръ, повидимому, ничего сверхестественнаго не произошло. Но вотъ, когда дѣло дошло до приведенія въ исполненіе цензурныхъ резолюцій, наступаетъ рядъ, по истинѣ, комическихъ случайностей. Тогдашній начальникъ варшавскаго жандармскаго округа баронъ Фредерикъ (впослѣдствіи генералъ-губернаторъ Сибири) находился въ заграничномъ отпуску. Мѣсто его заступалъ генералъ Молдверъ. И вотъ мѣстная полиція, по совѣщаніи съ этимъ послѣднимъ, выказала усердіе, которое, во всякомъ случаѣ похвальныхъ называть нельзя.

Вмѣсто того, чтобы обязать подпискою подлежащихъ лицъ прекратить продажу такихъ-то и такихъ-то предметовъ, бывали случаи появленія въ частныхъ кварталахъ полисменовъ, срывавшихъ, напримѣръ, со стѣнъ портреты Костюшки. Въ заграничныхъ польскихъ газетахъ не замедлили появиться корреспонденція, въ которыхъ и распоряженіе цензурнаго комитета, и приведеніе его въ дѣйствіе, были изображены въ весьма искаженномъ и превеличенномъ видѣ. Вся отвѣтственность обрушилась на личность предсѣдателя цензурнаго комитета. Его успѣли представить какому-то вампиромъ, алѣй-

шимъ врагомъ всякаго порядка и добрыхъ отношеній, якобы установившихся, благодаря мудрой политикѣ графа, между туземнымъ населеніемъ и русскими. Интрига, свившая себѣ прочно гнѣздо, подъ бокомъ самаго намѣстника, быть можетъ, и незамѣтно для него самого, вслѣдствіе его полнѣйшаго индифферентизма къ тому, что творилось тогда въ царствѣ Польскомъ во имя водворенія русской національной политики, возымѣла свое дѣйствіе. Въ одинъ прекрасный день, председатель цензурнаго комитета получилъ чрезъ барона Фредерикса, уже возвратившагося изъ-за границы, приглашеніе прибыть къ графу-намѣстнику для объясненія по дѣламъ службы. Въ назначенный часъ, въ кабинетъ-салонъ графа Берга, въ бышемъ королевскомъ замкѣ, произошла слѣдующая любопытная сцена. Когда председатель явился въ кабинетъ, въ немъ, кромѣ графа, находился уже начальникъ жандармскаго округа.

— Вы компрометируете русское правительство, обратился графъ къ вошедшему председателю. Когда послѣдній сдѣлалъ изъ своей физиономіи вопросительный знакъ, недоумѣвая въ чемъ дѣло, графъ обратился къ барону Фредериксу со словами:

— Читайте генераль.

Началось чтеніе жандармскаго доклада, или, вѣрнѣе, критическій анализъ резолюцій цензурнаго комитета объ изъятыхъ изъ продажи фотографіяхъ, на основаніи—«точныхъ, формальныхъ справокъ». По этому докладу оказалось, что цензурный комитетъ совершилъ непростительную погрѣшность, запретивъ продажу фотографическихъ карточекъ, такихъ благонадежныхъ личностей, каковы—г. Леопольдъ Кроненбергъ, баронъ Розенъ и другіе.

— Помилуйте, прерывалъ чтеніе намѣстникъ, какъ можно запретить портретъ Кроненберга, челоуѣка преданнаго правительству.

Незадолго передъ тѣмъ Леопольдъ Кроненбергъ, по ходатайству графа Берга, былъ пожалованъ орденомъ Владиміра 3-й степени и возведенъ въ потомственное дворянство. А по окончаніи чтенія, намѣстникъ обратившись уже прямо къ ошеломленному председателю, воскликнулъ, съ раздражительною ироническою улыбкою:

— Да что съ вами — какъ вы рѣшились запретить портретъ барона Розена—ну какой же вредъ можетъ произойти отъ обращенія его физиономіи въ публикѣ — вѣдь это пустѣйшій челоуѣкъ, самаго ограниченнаго ума не правда-ли баронъ?

— Совершенная правда, ваше сіятельство.

— Позвольте заявить вамъ, ваше сіятельство, рѣшился выговорить председатель, молчавшій до сихъ поръ, что я не могъ предусмотрѣть зачѣмъ вамъ угодно было меня потребовать, а потому не имѣю съ собою фактическихъ данныхъ, для разъясненія ошибочныхъ заключеній только что прочитаннаго генераломъ доклада. Увѣренный въ безпристрастіи вашего сіятельства, я прошу разрѣшенія доставить, хотя сегодня вечеромъ факты, послужившіе мотивомъ для резолюцій, подвергшихся строгому осужденію, а пока дозволю себѣ утверждать, что цензурный комитетъ и не помышлялъ присвоивать себѣ не подлежащаго ему права — оцѣнки благонамѣренности того или другаго лица, и, что, наконецъ, никто не мѣшаетъ г.г. Кроненбергу и барону Розену сниматься въ какихъ угодно позахъ, но изъятію подверглись только портреты, распространеніе которыхъ, очевидно, обусловливается спеціальною, неблагопріятною для правительства цѣлью.

Графъ Бергъ согласился на передокладъ дѣла. Но не смотря на то, что

предсѣдатель выступилъ съ вѣскою аргументаціею, что каждая изъ 47 резолюцій была обстоятельно мотивирована, намѣстникъ настаивалъ на необходимости отмѣны нѣкоторыхъ изъ нихъ.

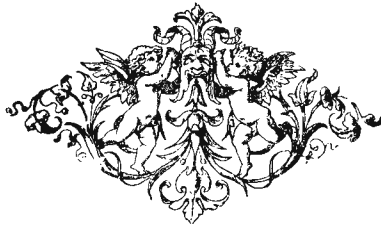
— Если даже допустить, ваше сіятельство, рѣшился замѣтить предсѣдатель, что цензурный комитетъ нѣсколько поусердствовалъ, то отмѣна состоявшихся резолюцій произведетъ, несомнѣнно, большій вредъ, нежели оставленіе ихъ въ своей силѣ.

— Все таки Кроненберга и Розена нужно разрѣшить, твердилъ намѣстникъ.

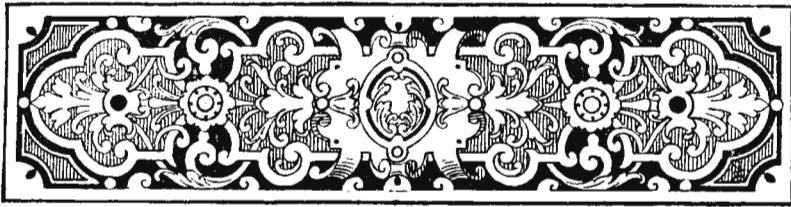
— Вы, какъ главный начальникъ края, вольны приказать что вамъ угодно, но я, какъ чиновникъ, не считающій себя вправѣ отступать ни на іоту отъ закона, счелъ своимъ долгомъ заявить о руководившемъ мною въ данномъ случаѣ искреннемъ убѣжденіи.

Намѣстникъ и тутъ не поддался и сдѣлалъ только небольшую уступку. На замѣчаніе предсѣдателя, что попечитель учебнаго округа, находившійся въ то время за границею, былъ бы неприятно пораженъ, что въ его отсутствіе, резолюціи цензурнаго комитета, прошедшія чрезъ его санкцію, подверглись отмѣнѣ, графъ согласился воздержаться съ своимъ рѣшеніемъ, впредь до возвращенія изъ отпуска сенатора Витте. Послѣднему удалось добыть согласіе графа на злосчастныя резолюціи, бывшія предметомъ оживленнаго препирательства.

Сообщено Ю. Ө. Ш.

С М Ъ С Ъ.

ПОЛУВЪКОВОЙ юбилей архієпископа Антонія. 11-го февраля, на окраинѣ русскаго царства, въ далекой обители, праздновалась полувѣковая годовщина архіерейства человѣка, котораго почти не знаетъ наше забывчивое поколѣніе, но который въ 1832 году принесъ огромныя услуги русской церкви, содѣйствуя, вмѣстѣ съ архієпископомъ Сѣмашко, воссоединенію униатовъ съ ихъ братьями по крови и вѣрѣ. Принадлежа къ русскому роду, Антоній Зубко самъ былъ униатомъ, «отторгнутымъ лестью и насиліемъ отъ вѣковаго кровнаго союза съ православною церковью», какъ говоритъ рескриптъ на его имя; но понимая какъ опасно соединеніе съ католицизмомъ «не только для вѣры, но и для народности русской», онъ съ молодыхъ лѣтъ стремился къ ученію, за которое его «отцы и дѣды жертвовали своею жизнью и достояніемъ». Родившись въ 1797 году, Зубко воспитывался въ полоцкой семинаріи, потомъ въ іезуитской полоцкой академіи, гдѣ получилъ сильнѣйшую антипатію къ іезуитамъ, къ ихъ политикѣ, наконецъ, на богословскомъ факультетѣ виленскаго университета, не подчиненномъ католической ультрамонтанской власти, гдѣ только начальниѣ да профессора духовныхъ наукъ были ксендзы, а вообще преподаваніе, не исключая и духовныхъ предметовъ, было либеральное; учебники тамъ были австрійскіе, временъ Іосифа II. «Я видѣлъ, говорилъ протоіерей Антоній, что римская церковь носить въ нѣдрахъ своихъ нужный ей обскурантизмъ, препятствующій всякому прогрессу, я видѣлъ упорное стремленіе ко всемірному распространенію своей власти, охраняемой обскурантизмомъ, причѣмъ не пренебрегалось никакими средствами, видѣлъ, что вся ея христіанская миссія равносить фанатическую ненависть, видѣлъ, что она враждебно вторгается въ нѣдра христіанскаго славянства, вооружая въ немъ однихъ противъ другихъ»... По окончаніи курса, магистръ Зубко читалъ лекціи философіи, сдѣлавъ былъ профессоромъ, получилъ санъ іерея и въ качествѣ униатскаго депутата отправился въ Петербургъ. Здѣсь стали принимать мѣры къ постепенному воссоединенію полутора-милльоннаго народа, отторгнутаго отъ вѣры предковъ проясками поляковъ и іезуитовъ. Прежде всего необходимо было произвести умственный подъемъ униатскаго духовенства, доведен-

наго иезуитами и базилианами до бѣдности, грубости нравовъ, невѣжества, лишеннаго училищъ и ихъ богатыхъ капиталовъ. Рѣшено было открыть въ 1828 году для литовской епархіи семинарію въ Жаровицахъ—мѣстечкѣ уединенномъ, но дававшемъ много благоприятныхъ условий для перевоспитанія униатскаго, ополяченнаго по вѣншности и морально, духовенства на началахъ греко-восточной церкви. Жаровицы стали, такимъ образомъ, средоточіемъ новой жизни и живой дѣятельности для всего униатскаго духовенства. Во главѣ этой великой миссіи явился, какъ ректоръ семинаріи, протоіерей Зубко. Въ открытой униатской семинаріи приняли уставъ и все внутреннее устройство православныхъ семинарій; начальникъ ея и профессора, хотя также униаты, уже были предрасположены къ православію. Протоіерей Зубко прежде всѣхъ отростилъ бороду и надѣлъ великорусскую рясу. Управление его семинаріей было истинно отеческое. Въ 1833 году состоялся указъ о назначеніи его униатскимъ епископомъ брестскимъ, викаріемъ литовской епархіи. Въ 1839 году Антоній съ Іосифомъ Сѣмашко и главными представителями униатскаго духовенства присоединились къ православію. Вся подготовительная работа по присоединенію лежала на Антоніи и онъ исполнилъ ее съ умомъ, любовью и энергіею. Митрополитъ Сѣмашко писалъ тогда: «Никто не помогалъ мнѣ столь добросовѣстно по униатскому дѣлу, какъ преосвященный Антоній». Ему онъ обязанъ значительнымъ успѣхомъ въ проведеніи этого дѣла. Въ 1840 году Антоній переведенъ на минскую кафедру. Надорванныя уже силы не выдержали новыхъ многосложныхъ трудовъ и заботъ и препирательствъ съ поляковавшими гражданскими властями и въ 1841 году онъ уѣхалъ на излеченіе въ Друскеники. Сѣмашко писалъ тогда графу Протасову: «безъ преосвященнаго Антонія воссоединенное духовенство почти приходитъ въ отчаяніе». Но въ 1848 году Антоній отприсился на совершенный покой. Въ 1864 году онъ напечаталъ интересный по многимъ даннымъ этюдъ: «О греко-униатской церкви въ Россіи». Послѣ удаленія на покой Антоній жилъ въ 60-ти верстахъ отъ Минска, въ небольшомъ своемъ имѣніи. Тутъ архипастыръ былъ истиннымъ патриархомъ всего околотка. Къ нему все имѣли доступъ, обращались, какъ къ судѣ, въ своихъ спорахъ и крестьяне и шляхта, и какъ рѣшалъ владыка, такъ и было. Но передъ польскимъ возстаніемъ 1863 года поляки возмутили миръ архіепископа. Зная его готовность отзываться на всякое доброе дѣло, они предложили ему сдѣлать пожертвованіе на какое-то благотворительное заведеніе. Владыка въ простотѣ сердечной сдѣлалъ посильное пожертвованіе, а потому оно оказалось въ числѣ пожертвованій на возстаніе. Владыка бросилъ свой мирный дотолѣ уголокъ и переѣхалъ на жительство въ Пожайскій монастырь. Преосвященный Антоній пережилъ свой юбилей только нѣсколькими днями. Давно удручаемый жестокою болѣзью, онъ скончался 15-го февраля.

Юбилей Ф. Ф. Веселаго. Морское вѣдомство праздновало пятидесятилѣтній юбилей службы директора гидрографическаго департамента, извѣстнаго своими учеными и литературными трудами Θεодосія Θεодоровича Веселаго. Сынъ моряка, онъ воспитывался въ морскомъ корпусѣ и въ 1834 году произведенъ въ мичмана. Съ 1837 года онъ преподавалъ въ гардемаринскихъ классахъ корпуса астрономію и навигацію, потомъ аналитическую геометрію и былъ сдѣланъ завѣдующимъ этими классами. Онъ составилъ два учебника «Начальную геометрію», «Динамику и гидростатику» и, въ началѣ сороковыхъ годовъ, сталъ помѣщать статьи по морскимъ вопросамъ въ «Маякѣ» и другихъ временныхъ изданіяхъ. Онъ сдѣлалъ въ то же время пять морскихъ кампаній, по обстоятельствамъ требовали его присутствія въ Москвѣ. Онъ былъ переименованъ въ майора въ 1853 году и назначенъ инспекторомъ студентовъ Московскаго университета. Должность эту онъ исполнялъ три года и при немъ не было ни одного случая исключенія студентовъ изъ университета за какіе бы-то ни было проступки. Назначенный помощникомъ попечителя казанскаго учебнаго округа, онъ управлялъ округомъ за болѣзью попечителя до 1860

года, когда по болѣзни уѣхалъ за границу и вернувшись оттуда перешелъ на службу въ петербургскій цензурный комитетъ. Въ 1866 году онъ былъ назначенъ членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати, потомъ и членомъ комитета морскихъ учебныхъ заведеній, предсѣдателемъ его и ученаго отдѣленія морского технического комитета, наконецъ, въ 1881 году, директоромъ гидрографическаго департамента. Состоя преподавателемъ высшихъ морскихъ и математическихъ наукъ великому князю Алексѣю Александровичу и сопровождая его въ путешествіи, онъ напечаталъ рядъ статей объ этомъ путешествіи въ «Голосѣ» 1866—68 годовъ. Главная учено-литературная дѣятельность юбиляра посвящена исключительно исторіи русскаго флота, и труды его въ этомъ отношеніи представляютъ драгоцѣнный матеріалъ. До г. Веселаго, по этой части издавались сочиненія только эпизодическаго содержанія. Онъ первый представилъ цѣльное произведеніе. Въ 1852 году, ко дню столѣтняго юбилея морского корпуса, вышелъ въ свѣтъ капитальный трудъ «Очеркъ исторіи морскаго кадетскаго корпуса». За него О. О. Веселаго получилъ демидовскую премію. Въ 1831 году вышли «Краткія свѣдѣнія о русскіхъ морскихъ сраженіяхъ за два столѣтія съ 1656 по 1856 годы»; въ слѣдующемъ году «Списокъ русскіхъ военныхъ судовъ съ 1668 по 1860 годы», то есть съ постройки на Волгѣ перваго русскаго корабля «Орель» до начала постройки броненосцевъ, въ 1875 году. «Очеркъ русской морской исторіи» получилъ уваровскую премію. Четыре тома «Описанія дѣлъ морскаго архива» (1877—1883 г.) и «Матеріалы для исторіи русскаго флота» — завершаютъ полезную дѣятельность юбиляра. Этотъ громадный трудъ въ десяти томахъ доведенъ до царствованія Екатерины II; подъ редакціей г. Веселаго издано шесть томовъ (1875—1883 гг.). Кромѣ того онъ помѣщалъ много статей по гидрографіи и морскому дѣлу въ разныхъ журналахъ, біографіи Крашенинникова, Крузенштерна, адмираловъ А. И. и С. И. Зеленаго, Литке, свѣдѣнія о «дѣдушкѣ русскаго флота»; въ «Маякѣ» 1841—42 года, литературныя статьи очерки, рассказы, стихотворенія; по порученію академіи, избравшей его въ почетные члены, писалъ рецензіи ученыхъ сочиненій, рѣчи на разные случаи и пр. На юбилей почти всѣ наши ученые общества и учрежденія выразили полное сочувствіе глубокимъ знаніямъ и важнымъ заслугамъ О. О. Веселаго.

Юбилей А. И. Савельева. 7-го февраля, праздновался скромный юбилей наставника инженернаго училища А. И. Савельева, посвятившаго тридцать лѣтъ жизни дѣлу образованія и воспитанія офицеровъ инженерныхъ войскъ, службѣ въ офицерскихъ чинахъ котораго исполнилось 50 лѣтъ. Въ этотъ же день г. Савельевъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты. Въ теченіи 30-ти лѣтъ (1838—69 г.) когда онъ былъ учителемъ и наставникомъ, инженерное училище воспитало и литераторовъ, какъ Григоровича и Достоевскаго. А. И. Савельевъ часы досуга отъ многотрудныхъ обязанностей военнаго педагога посвящалъ литературнымъ и археологическимъ занятіямъ. Эти труды его начались, въ 1841 году, въ «Военно-энциклопедическомъ лексиконѣ», издававшемся барономъ Зедделеромъ, гдѣ А. И. печаталъ статьи по землянымъ работамъ и преимущественно по исторіи инженернаго дѣла въ Россіи. Участвуя въ «Сѣверной Пчелѣ», въ качествѣ рецензента военныхъ сочиненій, г. Савельевъ въ 1853 году, напечаталъ въ «Инженерныхъ Запискахъ» капитальный трудъ, «Матеріалы къ исторіи инженернаго дѣла въ Россіи». Избранный въ действительные члены Русскаго археологическаго общества, онъ напечаталъ въ «Запискахъ» общества статью объ остаткахъ древняго Билярска, Казанской губерніи. Въ то же время, какъ членъ Географическаго общества, составилъ карту древняго Кавказа и Каспійскаго моря для сочиненія академика Дорна, а въ 1870 году для М. П. Погодина — карту древней Россіи. Въ 1871 году редактировалъ «Записки Императорскаго Географическаго общества» и участвовалъ въ составленіи «Техническаго словаря». Въ послѣдніе годы писалъ по археологическимъ вопросамъ въ журналахъ «Древняя и Новая Россія»

«Русской Старинѣ» и «Историческомъ Вѣстникѣ», также въ «Русскомъ Инвалидѣ», и «Гражданинѣ» по вопросамъ промышленнымъ и военнымъ. Капитальный трудъ его, начатый въ 1874 году, «Историческій очеркъ инженернаго управленія въ Россіи», оконченъ въ 1880 году, но изъ него напечатана только 1-я часть, а 2-я до сихъ поръ въ рукописи. Наконецъ, послѣдней его литературной работой являются воспоминанія о Ф. М. Достоевскомъ, помѣщенные въ первомъ томѣ сочиненій Достоевскаго. Съ Достоевскимъ онъ до конца жизни былъ въ самыхъ близкихъ сердечныхъ отношеніяхъ, засвидѣтельствованныхъ покойнымъ его «незабвенному наставнику». Юбиляръ получилъ, какъ водится, много подарковъ, стиховъ, рѣчей, телеграммъ и поздравленій отъ бывшихъ своихъ учениковъ, старыхъ сослуживцевъ и отъ ученыхъ обществъ географическаго и археологическаго, членомъ которыхъ онъ состоятъ, и въ которыхъ помѣщалъ свои добросовѣстные труды. Всѣ эти привѣтствія отличались необыкновенной теплотой и сердечностью, доказывающими въ какой мѣрѣ юбиляръ пользуется общимъ уваженіемъ.

Столѣтняя годовщина рожденія Гнѣдича. 2-го февраля исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія Николая Ивановича Гнѣдича и этотъ день Академія наша почтила не юбилейнымъ торжествомъ, а изданіемъ въ свѣтъ нѣсколькихъ неизвѣстныхъ его сочиненій и новыми данными для его биографіи. Изъ этихъ матеріаловъ для оцѣнки Гнѣдича, какъ писателя и человѣка, замѣчательнѣе всего его «Записная книжка», гдѣ помѣщено нѣсколько интересныхъ мыслей и сужденій о разныхъ предметахъ. О Гнѣдичѣ у насъ написано не мало: всѣ историки русской словесности и критики высказали объ немъ почти одинаковыя сужденія, отдали справедливость его дарованію, его трудамъ и любви къ литературѣ. Онъ былъ вполнѣ честный литераторъ и честный человѣкъ. Его переводъ Илліады былъ настоящимъ подвигомъ и не забудется въ исторіи литературы, хотя устарѣлъ для нашего времени. Гнѣдичъ былъ не поэтъ, и въ стихахъ его только мѣстами проглядываетъ истинное вдохновеніе, какъ въ идилліи «Рыбаки». Даже чужой талантъ не могъ вдохновить его и его переводы шекспировскаго «Лира» и вольтеровскаго «Ганкред» очень слабы. Но ко дню его рожденія академія могла бы издать хоть собраніе сочиненій своего члена, которое замѣнило бы плохое смирдинское изданіе 1854 года.

Двадцатипятилѣтній юбилей картографическаго искусства. 23-го января, наше лучшее картографическое заведеніе праздновало двадцатипятилѣтіе своего существованія. Хозяину заведенія, генералу А. А. Ильину, поднесены были адреса отъ общества издателей книгопродавцевъ и отъ служащихъ въ заведеніи мужчинъ и женщинъ—жетонъ съ цѣнью изъ медалей (10 штукъ), полученныхъ заведеніемъ на разныхъ выставкахъ; на верхней доскѣ жетона изображенъ государственный гербъ, полученный на послѣдней выставкѣ. Заведеніе это возникло въ январѣ 1858 года. Штабъ военно-учебныхъ заведеній поручилъ полковнику Полторацкому издать военно-историческій атласъ войнъ 1812—15 годовъ. Для лучшаго и дешеваго исполненія Полторацкій вошелъ въ соглашеніе съ капитаномъ Ильинымъ и открылъ литографію подъ управленіемъ гравера Шинкевича. Кромѣ атласа, литографія исполнила нѣсколько частныхъ заказовъ и первый картографическій трудъ — карту театра войны въ Сѣверной Италіи, хромолитографированную въ четыре краски. Съ 1860 года дѣятельность мастерской начала увеличиваться. Техническою частью сталъ управлять г. Бергштрессеръ, управляющій и до сихъ поръ; стали изготовляться атласы, рисунки, карты, особенно съ 1867 года. Полторацкій въ 1874 году передалъ все заведеніе г. Ильину. Въ 1868 году приобрѣтена первая скоропечатная машина. Оборота заказовъ достигъ до 32,000 руб., а количество оттисковъ до 1.566,000. Затѣмъ заведеніе приобрѣло такую извѣстность, что всѣ выдающіяся работы всѣми вѣдомствами поручались ему, имъ же предпринято изданіе альбомовъ покойной государыни импера-

трицы въ 1876 году, великой княгини Маріи Николаевны въ 1881 году, исполнены меню и карты на коронацію и пр. На всѣхъ выставкахъ заведеніе получало почетныя награды. Въ день юбилея, написанъ въ бухгалтерскія книги заведенія основной, вспомогательный и пенсіонный капиталъ въ процентныхъ бумагахъ, пожертвованный владѣльцемъ и составленный имъ изъ % съ чистой прибыли въ теченіи 12 лѣтъ. Сумма капитала къ 1-му января состояла въ 15,730 р. 39 к. Послѣ московской выставки въ главѣ заведенія сталъ сынъ генерала Ильина.

Историко-этнографическій музей въ Ростовѣ, Ярославской губерніи. Въ одномъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ бывшей Суздальской области—Ростовѣ, въ концѣ прошлаго года, въ возобновленномъ зданіи бывшаго митрополичьего дома открытъ губернской историко-этнографическій музей. По поводу этого открытія, членъ московскаго археологическаго и другихъ ученыхъ обществъ, А. И. Кельсіевъ, братъ извѣстнаго писателя В. И. Кельсіева, напечаталъ теперь «Записку объ основаніяхъ дѣятельности» и проектъ устава этого музея, представленные имъ владимірскому губернатору. Въ запискѣ г. Кельсіевъ указываетъ на значеніе музея «давать средства къ изученію націи въ ея лучшихъ церковныхъ и свѣтскихъ представителяхъ и по лучшимъ художественнымъ произведеніямъ». Мѣсто для этого музея выбрано самое приличное въ городѣ, прославленномъ еще въ старину высокоразвитою жизнью, гдѣ уже въ XIII вѣкѣ существовала одна изъ первыхъ въ Россіи бібліотекъ—великаго князя Константина Всеволодовича, въ самомъ ростовскомъ кремлѣ, богатымъ памятниками религіознаго искусства и историческими воспоминаніями. Зданіе, гдѣ помѣщается музей, само по себѣ рѣдкость, какъ неискаженный передѣлками образецъ гражданскаго зодчества XVI вѣка. Теперь въ немъ отдѣланы только такъ называемыя Бѣлая и Отдѣлочная палаты, но и для реставраціи остальныхъ частей дворца найдутся средства. Въ музей поступаютъ и хранятся въ оригиналахъ и копіяхъ слѣдующіе, преимущественно мѣстные предметы Ростовско-Суздальской области: по отдѣлу исторіи портреты, документы, автографы, вещи дорогія по достопамятнымъ событіямъ и проч.; по отдѣлу археологіи: древности до-христіанской и позднѣйшихъ эпохъ, книги рукописныя и старопечатныя, монеты, утварь гражданская и церковная, иконы, одежды, архитектурные фрагменты и проч.; по отдѣлу этнографіи: манекены костюмовъ, модели крестьянскихъ построекъ, утвари, кустарныхъ производствъ; наконецъ, книги, относящіяся къ этимъ предметамъ. Для пріобрѣтенія этихъ предметовъ учреждается комитетъ въ Ярославлѣ, приглашающій всѣхъ содѣйствовать благой дѣли музея. Предполагается издавать ежегодникъ ростовскаго музея и въ первомъ томѣ помѣстить очеркъ исторіи ростовскаго митрополичьего дворца, возобновленія его двухъ палатъ, торжество открытія музея, его каталогъ и проч. Входъ въ музей и пользованіе его бібліотекой и коллекціями—сдѣлать доступными для всѣхъ; открыть въ немъ чтенія для народа; назначить преміи за сочиненіе о ростовской старинѣ; учредить при музеѣ классы прикладнаго рисованія, даже классы хороваго пѣнія. Все это, конечно, очень желательно, но на все это нужны средства, а пока они пріобрѣтутся, музею можно пожелать только—обогащенія предметами, отвѣчающими его назначенію.

Рефератъ профессора Ключевскаго о хлѣбной мѣрѣ въ древней Россіи.—Въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества, состоявшемся 1-го февраля сего года, между прочимъ, былъ сообщенъ рефератъ профессоромъ императорскаго Московскаго университета В. О. Ключевскимъ «О хлѣбной мѣрѣ въ древней Россіи». Рефератъ этотъ имѣетъ чисто историческій интересъ, облегчая нѣкоторыя частности «въ дѣлѣ техники исторіографіи». Референтъ задался цѣлью представить болѣе простой способъ перевода цѣнъ древне-русскаго рынка на цѣны современной размѣнной монеты. Показавъ неудовлетворительность способа Д. И. Прозорова («Монеты и вѣсъ въ древней Россіи

Спб. 1865.», который дѣлаетъ переводъ только на основаніи сравнительнаго вѣса соотвѣтствующихъ монетъ, В. О. Ключевскій отдаетъ предпочтеніе системѣ М. Заблоцкаго («О цѣнностяхъ въ древней Руси. Спб. 1854»), который принимаетъ въ расчетъ вѣсъ, пробу монеты, цѣнность серебра и золота въ данную эпоху и т. д., но при этомъ авторъ указывалъ на сложность и затруднительность способа Заблоцкаго. Затѣмъ референтъ излагаетъ свой способъ: взять стоимость соотвѣтственнаго количества хлѣба данной эпохи и на нее раздѣлить среднюю современную стоимость той же мѣры того же хлѣба, полученное отъ дѣленія и будетъ отношеніе цѣнностей. Умножая стоимость каждаго продукта или предмета на эту относительную величину, мы получимъ стоимость на современные деньги. Авторъ подтвердилъ свое изслѣдованіе вычисленіями, напримѣръ цѣнности четверти ржи на наши деньги, основываясь на стоимости ея, показанной Кильбургеромъ въ концѣ XVII вѣка въ Москвѣ, сначала по способу Заблоцкаго, т. е. сравнивая стоимость монеты, а потомъ по своему, и относительная величина цѣнностей какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ вышла почти одинакова, около 12¹/₂ разъ. Такъ какъ въ древней Россіи хлѣбъ продавался на мѣру емкости, а не вѣса, то автору, чтобы сдѣлать свой способъ приложимымъ, пришлось подробно коснуться вопроса о хлѣбной мѣрѣ въ древней Руси. Это составило второе, почти совершенно самостоятельное изслѣдованіе.

Референтъ, указавъ на существовавшія мѣры хлѣба: бочки, бочки седловки, оковы, качъ, рогожи, мѣхъ, четверть, подробно остановился на послѣдней, какъ наиболѣе вошедшей въ употребленіе, и выяснилъ, что съ начала или половины XVII вѣка, вѣроятно, какъ предполагаетъ авторъ, съ послѣднихъ лѣтъ царствованія Михаила Ѳеодоровича, у насъ была установлена правительствомъ четверть, вѣсомъ ржи около 8 пуд., т. е. равная настоящей. До этого времени въ Россіи была четверть 4-хъ пудовая, она упоминается лѣтописцемъ при описаніи голода бывшаго въ 1602 году, но онъ пишетъ о ней какъ уже о несвоевременной. На ряду съ московской четвертью до установленія 8-ми пудовой, была своя въ Новгородѣ и Псковѣ, первая около 5-ти пудовъ, вторая немного болѣе.

Церковь въ селѣ Останкинѣ. Въ засѣданіи общества любителей древней письменности Н. В. Султановъ сдѣлалъ сообщеніе объ одномъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ древне-русскаго зодчества — церкви въ подмосковномъ селѣ Останкинѣ, которое первоначально принадлежало роду князей Черкасскихъ, а въ XVIII вѣкѣ перешло въ родъ графовъ Шереметевыхъ. Эта церковь представляетъ самое полное выраженіе русскаго зодчества XVII вѣка. Благодаря своему высокому художественному достоинству, она пользуется громкою извѣстностью между архитекторами и художниками, и въ настоящее время стала распространяться въ большомъ количествѣ фотографическихъ снимковъ не только у насъ, но даже и за-границею; за то этому памятнику древне-русскаго зодчества очень не посчастливилось въ нашей археологической литературѣ и она даже не попала въ «Русскую Старину» Снегирева и Мартынова, гдѣ помѣщено немало снимковъ съ церковей, которыя несравненно ниже ея въ художественномъ отношеніи. Первое печатное ея изображеніе появилось въ 70-хъ годахъ въ одномъ изъ русскихъ иллюстрированныхъ изданій. Затѣмъ покойный В. А. Прохоровъ помѣстилъ рисунки этой церкви въ своемъ изданіи «Христіанскія Древности», но эти рисунки представляютъ только небольшія литографіи съ фотографическихъ снимковъ: ни плановъ, ни разрѣзовъ нѣтъ, а краткій текстъ сводится весь къ нѣсколькимъ печатнымъ строкамъ. Церковь села Останкина, какъ и многія другія, сильно пострадала отъ позднѣйшихъ передѣлокъ и надстроекъ, но въ 1878 году она была возстановлена въ древнемъ видѣ Н. В. Султановымъ и архитекторомъ г. Серебряковымъ. Графъ С. Д. Шереметевъ рѣшился издать подробные чертежи и рисунки этого чрезвычайно интереснаго памят-

ника, съ пояснительнымъ текстомъ, причемъ составленіе чертежей и пояснительнаго текста поручилъ докладчику. Въ настоящее время Н. В. Султановъ приготовилъ чертежи плановъ обоихъ этажей церкви. На одномъ изъ этихъ плановъ изображенъ нижній этажъ церкви, или, такъ называемый, подклѣтъ, въ которомъ ничего не помѣщается и который устроивается только для того, чтобы возвысить храмъ надъ землею; на 2-мъ — изображенъ 2-й этажъ, въ которомъ помѣщается главный храмъ во имя св. Троицы, южный придѣлъ во имя св. Александра Свирскаго и сѣверный придѣлъ Тихвинской Божіей Матери; кромѣ того, главный храмъ обнесенъ вокругъ ходовыми папертями, которыя упираются по бокамъ въ придѣлы и имѣютъ съ боковъ два крытыхъ крыльца (сѣверное и южное). Съ западной стороны, по средней оси зданія, расположена въ связи съ нимъ колокольня. На этихъ планахъ показаны какъ позднѣйшія части, которыя были сломаны при восстановленіи, такъ и древнія части, восстановленныя въ это же время.

† 31-го января скончался скоропостижно одинъ изъ самыхъ видныхъ государственныхъ дѣятелей, котораго ожидала блестящая будущность, на котораго возлагалось столько надеждъ, теперь утраченныхъ. Карьера **Михаила Евграфовича Ковалевскаго** была блестящая и завидная. Сынъ Евграфа Петровича Ковалевскаго, бывшаго министра народнаго просвѣщенія, онъ воспитывался въ училищѣ правовѣдѣнія, и всю службу, которую началъ въ 1849 году, проходилъ въ судебномъ вѣдомствѣ. Со введеніемъ судебной реформы въ 1866 году, онъ былъ назначенъ изъ предсѣдателей петербургской уголовной палаты прокуроромъ уголовного кассационнаго департамента сената, а въ 1870 году возведенъ въ сенаторы кассационнаго уголовного же департамента. Въ 1880 году, онъ производилъ ревизію казанской, оренбургской и уфимской губерній, гдѣ обнаружилъ расхищеніе казенныхъ земель; затѣмъ въ 1881 году былъ назначенъ членомъ государственнаго совѣта, въ которомъ считался однимъ изъ выдающихся дѣятелей. Сверхъ дѣятельности въ сенатѣ и въ государственномъ совѣтѣ, покойный, со времени открытія въ 1868 году въ Петербургѣ общества земледѣльческихъ колоній, былъ постоянно избираемъ въ товарищи предсѣдателя общества, а послѣ смерти предсѣдателя Н. В. Зиновьева, занимая его мѣсто, часто посѣщалъ колонию, содѣйствовалъ матеріальному ея обезпеченію, такъ что процвѣтаніе колоніи, главнымъ образомъ, обязано ему. Наконецъ, онъ въ послѣднее время состоялъ членомъ тюремнаго совѣта при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ. Это былъ человекъ въ высшей степени энергичный, дѣятельный, обладалъ твердою волею и яснымъ взглядомъ. Онъ умеръ на 48 году жизни, а, между тѣмъ, уже былъ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и имѣлъ много орденъ.

† Въ Киевѣ умеръ **Павелъ Платоновичъ Чубинскій**, одинъ изъ самыхъ энергичныхъ дѣятелей на поприщѣ русской этнографіи и въ дѣлѣ изученія экономическихъ богатствъ нашего Сѣвера и развитія техническаго желѣзнодорожнаго образованія въ Россіи. На всѣхъ этихъ поприщахъ онъ оставилъ яркіе слѣды своей неутомимой дѣятельности, прекратившейся вдругъ вслѣдствіе постигшей его неизлечимой болѣзни, въ періодъ разцвѣта силъ, когда ему едва исполнилось сорокъ лѣтъ. Его капитальный, семитомный трудъ изданъ Русскимъ Географическимъ обществомъ въ 1872—1877 годахъ, подъ заглавіемъ: «Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край». Богатѣйшіе, собранные имъ во время этой экспедиціи матеріалы, распадающіеся на семь главныхъ группъ: легенды, загадки, пословицы, колдовство; сказки мѣстныя и бытовыя; народный календарь, пѣсни обрядовыя, пѣсни бытовыя; волостные суды; евреи, поляки, статистика малорусскаго населенія, оборотъ малорусскихъ говоровъ, жилище, пища и одежда малоруссовъ, — всѣ эти матеріалы заняли до 5,000 страницъ большаго формата. Едва ли были примѣры въ учено-экспедиціонной дѣятельности нашего отечества,

чтобы одно лицо успѣло въ такой короткій промежутокъ времени собрать и приготовить къ печати такую массу научнаго матеріала, какую доставилъ Географическому обществу Чубинскій: однихъ пѣсенъ имъ записано до 4,000 и изъ книгъ волостныхъ судовъ выбрано до 1,000 рѣшеній. Его трудами сохранены такія черты народности, такія бытовныя особенности, которыя съ каждымъ годомъ исчезаютъ безслѣдно и которыя для науки составили бы незамѣнимую потерю. Раньше этого, въ званіи секретаря архангельскаго статистическаго комитета, Чубинскій, личною инициативою, возбудилъ въ русскомъ обществѣ и въ высшихъ сферахъ глубокой интересъ къ нашему Сѣверу, а затѣмъ блестящими публичными лекціями въ Географическомъ обществѣ далъ сильный толчокъ къ обстоятельному изслѣдованію экономическихъ условий и задачъ этого Сѣвера. Не менѣе цѣнною заслугою остается на памяти покойнаго непродолжительная, но плодотворная дѣятельность его по службѣ въ министерствѣ путей сообщенія. Ему была поручена разработка вопроса объ устройствѣ техническихъ желѣзнодорожныхъ училищъ,— и онъ блистательно исполнилъ возложенное на него порученіе.

† Въ Нелли, близъ Парижа, скончался **Сергій Дмитріевичъ Полторацкій**, на 81-мъ году. Это былъ извѣстный въ Россіи библиоманъ и библиографъ. Въ своемъ селѣ Авчурино, близъ Калуги, онъ собралъ рѣдкую коллекцію экземпляровъ первыхъ русскихъ газетъ и періодическихъ изданій. Онъ составилъ также замѣчательный «Словарь русскихъ писателей», который остался неизданнымъ и хранился въ его библиотекѣ, въ томъ же селѣ. Библиографическія его изслѣдованія о произведеніяхъ русскихъ литераторовъ, его статьи по исторіи русской литературы, помѣщались до шестидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія преимущественно въ «Сѣверной Пчелѣ». Въ его библиотекѣ, еще при его жизни, были собраны богатые матеріалы для исторіи русской литературы. Въ 1855 году, во время пребыванія за-границею, Полторацкій издалъ «Опаснаго сосѣда», извѣстное стихотвореніе Василя Львовича Пушкина. Полторацкій замѣчательнѣе еще тѣмъ, что въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія, въ своемъ рязанскомъ помѣстьѣ, основалъ первый игольный заводъ въ Россіи. До него къ намъ привозили иглы для шитья исключительно изъ Англіи. Онъ намѣревался освободить русскихъ отъ тяжелой зависимости отъ иностранцевъ, но потерпѣлъ неудачу въ своихъ фабричныхъ предпріятіяхъ. По природѣ своей онъ не былъ промышленникомъ. Для него самое пріятное препровожденіе времени было чтеніе книгъ, газетъ и журналовъ, дѣланіе изъ нихъ выписокъ, замѣтокъ, отысканіе рѣдкихъ экземпляровъ, сличеніе ихъ и проч. Поэтому неудивительно, что его большое состояніе разстроилось. Рязанскіе его заводы перешли въ другія руки и онъ самъ удалился за-границу, гдѣ и провелъ послѣдніе годы жизни.

† 23-го января, въ измайловской военной богадѣльнѣ, умеръ литераторъ **Сергій Ивановичъ Турбинъ**, извѣстный авторъ пьесъ, типично и рельефно рисующихъ армейскій военный бытъ: «Картинка съ натуры», «Войкая барыня», «Свекровь и теща», «Хозяйка и постоялецъ» и другія его пьесы долго не сходили съ репертуара столичныхъ и провинціальныхъ сценъ. Кромѣ пьесъ онъ написалъ нѣсколько небольшихъ рассказовъ, воспоминаній и мелкихъ журнальныхъ статей. Получивъ университетское образованіе, онъ поступилъ въ военную службу, прошелъ курсъ въ академіи генеральнаго штаба и выйдя въ отставку — посвятилъ себя литературѣ и журналистикѣ. Это была одна изъ прямыхъ, честныхъ и всѣми любимыхъ личностей. Полнѣйшій безсребренникъ, не помышлявшій о завтрашнемъ днѣ, онъ перебивался кое-какъ, пока болѣзнь не подломила эту крѣпкую, выносливую натуру. Работать болѣе онъ не могъ, средствъ къ жизни не было никакихъ—и пришлось доживать вѣкъ въ богадѣльнѣ. Покойный скоро свылся съ своею новою жизнью и покончилъ ее, какъ большинство журнальныхъ труженниковъ, почти въ ничетъ: онъ получалъ небольшую, рублей сорокъ въ мѣсяцъ, пенсію. За его

статью «Бапшмачникъ Янъ Калининскій и его жемуары», помѣщенную въ «Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», 1866 года, газета эта была приостановлена на три мѣсяца.

† Въ Парижѣ скончался Эмьель Руэръ, бывший министръ Наполеона III. Онъ родился въ 1814 году и предназначенный родителями для морской службы, воспитывался сначала въ морскомъ училищѣ, потомъ поступилъ въ парижскій университетъ, прошелъ курсъ юридическихъ наукъ и послѣ смерти брата, адвоката въ Рюмѣ, поселился въ родномъ городѣ, пріобрѣтя многочисленныхъ кліентовъ. Въ то время Руэра считали отъявленнымъ республиканцемъ и послѣ революціи 1848 года республиканцы департамента Пюн-де-Домъ избрали его своимъ представителемъ въ національное собраніе. Но Руэръ не долго засѣдалъ въ рядахъ республиканцевъ; онъ скоро примкнулъ къ правой и въ законодательномъ собраніи выступилъ уже въ качествѣ консерватора. Еще въ 1849 году Руэръ сдѣлался однимъ изъ приближенныхъ принца Луи-Наполеона и въ октябрѣ былъ уже президентомъ кабинета и министромъ юстиціи. Въ 1851 году, онъ вышелъ въ отставку, но послѣ государственнаго переворота вновь получилъ тотъ же портфель, отъ котораго, однако, вновь отказался, когда, вопреки его совѣтамъ, былъ изданъ императоромъ декретъ о конфискаціи имуществъ Орлеанскаго дома. Тогда Наполеонъ III назначилъ Руэра президентомъ государственнаго совѣта. Съ 1855 года по 1863 годъ Руэръ управлялъ министерствомъ торговли, общественныхъ работъ и земледѣлія. Онъ усердно проводилъ фритредерскія идеи Наполеона III и заключилъ извѣстный торговый договоръ съ Англіей. Послѣ смерти Вильо, Руэръ былъ назначенъ государственнымъ министромъ, главная обязанность котораго заключалась въ отстаиваніи передъ палатами правительственныхъ проектовъ и правительственной политики. Руэръ выказалъ себя искуснымъ ораторомъ. Онъ былъ человекъ съ несомнѣннымъ талантомъ, но безъ всякихъ убѣжденій; не разъ онъ отстаивалъ тѣ самыя идеи, которыя наканунѣ осуждалъ. То потворствуя чувству зависти, вызванному усѣхами прусскаго оружія въ Богеміи, взывалъ къ воинственному пылу французовъ, то со смиреніемъ агнца говорилъ о благахъ мира и о братствѣ народовъ. Нѣсколько разъ онъ высказывалъ мысль, что либеральныя учрежденія и конституціонный режимъ погубятъ Францію, но это не мѣшало ему чуть ли не на слѣдующій день провозглашать, что конституція — вѣнецъ зданія, воздвигаемаго императоромъ. Благодаря ловкости, съ которою онъ умѣлъ превозносить весьма неблагоприятныя поступки второй имперіи, Руэръ постоянно пользовался милостями Наполеона III и сдѣлался въ Тюльерійскомъ дворцѣ такимъ необходимымъ человекомъ, что Эмилъ Оливье назвалъ его «вице-императоромъ». Впрочемъ, Руэръ до такой степени утратилъ уваженіе общественнаго мнѣнія, что когда Наполеонъ III рѣшилъ начать либеральную эру, въ 1869 году, онъ, не смотря на все свое желаніе, не могъ уже оставить Руэра въ главѣ правленія. Въ началѣ 1870 года Руэръ подалъ въ отставку, но былъ назначенъ президентомъ сената и сохранилъ при дворѣ свое прежнее вліяніе. 4-го сентября 1870 года, онъ поспѣшилъ удалиться изъ Парижа, и все время войны проживалъ за-границею. Возвратившись во Францію, онъ сталъ во главѣ небольшой бонапартистской партіи и имѣлъ мужество громко защищать вторую имперію противъ всѣхъ нападокъ. Трагическая кончина императорскаго принца разрушила всѣ надежды Руэра. Хотя онъ и призналъ принца Наполеона законнымъ претендентомъ, однако, пересталъ принимать всякое участіе въ бонапартистской агитаціи и удалился въ частную жизнь.

По поводу картины Рѣпина „Царевна Софья приводитъ къ присягѣ стрѣльцовъ“.

Къ настоящей книжкѣ «Историческаго Вѣстника» мы прилагаемъ цинкографическій снимокъ (сдѣланный Э. Гальяромъ, въ Берлинѣ) съ картины нашего талантливаго художника Рѣпина: «Царевна Софья приводитъ къ присягѣ стрѣльцовъ». Сюжетъ картины взятъ изъ втораго стрѣлецкаго бунта 1689 года. Известно, что когда, подъ влияніемъ честолюбивыхъ замысловъ царевны Софіи, вспыхнулъ этотъ мятежъ, юный царь Петръ скрылся въ Троицкую Сергіеву лавру, куда для защиты его стали стекаться съ разныхъ сторонъ бояре, думные люди, царедворцы и др. Изъ лавры Петръ разослалъ грозныя грамоты во всѣ стрѣлецкіе полки, сотни и дворцовыя слободы, требуя, чтобы полковники и урядники съ десятью рядовыми стрѣльцами отъ cadaго полка, а изъ сотенъ и слободъ всѣ старосты и выборные съ десятью тяглецами отъ каждой слободы и сотни «безъ мотчанья и оплошья явились въ Троицкую лавру; если же кто не явится, тому быть въ смертной казни». Эти грамоты произвели желаемое дѣйствіе. Устрашенные стрѣльцы, начали толпами являться въ лавру и изъявлять покорность.

Царевна Софья, видя неудачу своихъ плановъ, рѣшилась искать примиренія съ братомъ и для этой цѣли сама отправилась въ лавру. Въ десяти верстахъ отъ монастыря, въ селѣ Воздвиженскомъ, она была встрѣчена комнатнымъ стольникомъ И. И. Бутурлинымъ, передавшимъ ей волю государя, чтобы она «въ монастырь не ходила». — «Конечно, пойду» — отвѣчала Софья и хотѣла продолжать путь; но вскорѣ прибывъ изъ лавры бояринъ князь И. Б. Троекуровъ съ рѣшительнымъ указомъ не пускать царевну въ монастырь и объявленіемъ, что, въ случаѣ ея упорства, «съ ней поступлено будетъ нечестно».

Съ неукротимой злобой въ сердцѣ возвратилась, ночью, Софья въ Москву и тотчасъ велѣла призвать къ себѣ немногихъ, оставшихся къ ней приверженными, стрѣльцовъ. За два часа до разсвѣта, она вышла къ нимъ съ горькими жалобами.

— Чуть меня не застрѣлили, — говорила Софья, — въ Воздвиженскомъ прискакали на меня многіе люди съ самопалами и луками. Я насилу ушла. Затѣваютъ Нарышкины съ Лопухиными извести царя Иоанна Алексѣевича, и до моей головы доходить. Соберу полки и буду имъ говорить сама. Вы послужите намъ и къ Троицѣ не уходите. Я вамъ вѣрю: кому и вѣрить, какъ не вамъ, старымъ? Пожалуй, и вы побѣдите. Цѣлуйте лучше крестъ!

Верховая дѣвица вынесла изъ комнаты крестъ. Софья взяла его и сама держала, приводя стрѣльцовъ къ присягѣ.

— А если побѣдите, заключила царевна, животворящій крестъ васъ не допустить.

Вотъ этотъ именно моментъ, предшествовавшій паденію Софіи, и изобразилъ художникъ на своей картинѣ, о достоинствахъ которой уже столько было писано, что мы считаемъ излишнимъ повторять ихъ здѣсь.

ЗАМЪТКИ И ПОПРАВКИ.

По поводу статьи „Происхождение одного учебнаго заведенія“.

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника», 1884 года, въ отдѣлѣ «Изъ прошлаго» помѣщена замѣтка, подъ заглавіемъ «Происхождение одного казеннаго заведенія», за подписью «Н. Л. Родіоновъ». Какъ членъ рода (Казанскихъ) Родіоновыхъ, располагая притомъ семейнымъ архивомъ нашимъ, считаю долгомъ исправить нѣкоторыя неточности, вкравшіяся въ означенную замѣтку, вѣроятно, потому, что она писана на основаніи изустныхъ, давно слышанныхъ преданій. Прежде всего замѣчу, что вдова полковника Родіонова, Анна Николаевна, была родная бабка Лукѣ Павловичу Родіонову, по Павлу Ивановичу, рожденному ею отъ Ивана Александровича Родіонова, которому она приходилась второю женою. Между тѣмъ, въ замѣткѣ она является «бездѣтною старушкой», а Лука Родіоновъ племянникомъ ея — сыномъ меньшаго ея брата, Павла. Равнымъ образомъ, и свѣдѣнія о причинѣ пожертвованія имѣнія основательницею института, и ходъ дѣла утверженія ея распоряженія—не точно переданы. Нижеслѣдующее основано на документахъ, современныхъ письмамъ, и Полномъ Собраніи Россійскихъ Законовъ:

Иванъ Александровичъ Родіоновъ, полковникъ и помѣщикъ имѣній въ Казанской, Нижегородской и другихъ губерніяхъ, былъ два раза женатъ. Отъ первой жены (Анны Александровны) имѣлъ онъ сына Александра (полковника артиллеріи), который, въ 1758 году, женился на Наталіи Ивановнѣ Осокиной; отъ нихъ ведутъ свой родъ Родіоновы, помѣщики Симбирской и Казанской губерній. Одна изъ ихъ дочерей: Анна была за княземъ Семен. Михайл. Баратаевымъ (ихъ дочь Елизавета за Борис. Павл. Мансуровымъ), Елизавета за Мергасовымъ и Марья за Порфиріемъ Молоствовымъ. Отъ второй жены Иванъ Александровичъ, женившись въ преклонныхъ лѣтахъ на Аннѣ Николаевнѣ (кажется, рожденной Крупениковой), имѣлъ сына Павла (лейбъ-гвардіи поручика), отъ котораго ведутъ свой родъ Родіоновы Нижегородской губерніи. Иванъ Александровичъ Родіоновъ былъ замученъ, 12-го іюня 1774 года, на паперти Воскресенской церкви, въ день взятія Казани Пугачевымъ; въ этотъ же день былъ убитъ и сынъ его—Александръ, при защитѣ крѣпостной стѣны Казани, распоряжаясь артиллеріею. Анна Николаевна, оставшись вдовою, была недовольна поведеніемъ своего внука, Луки Павловича, и нелюба дѣтей покойнаго мужа своего, отъ первой его жены, не измѣнила поданнаго ею, 8-го февраля 1789 года, на высочайшее имя, прошенія, о предоставленіи ею имѣнія при с. Масловкѣ (Лашшевскаго уѣзда, на р. Камѣ, съ 700 душъ крестьянъ и до 10,000 десятинъ земли), перешедшаго къ ней отъ ея мужа, фондомъ для благотворительнаго учрежденія. Дѣло это продолжалось до 1826 года, такъ какъ нѣкоторые изъ наслѣдниковъ (Мергасовы) оспаривали законность распоряженія родовымъ имуществомъ. Въ означенномъ году послѣдовало высочайшее повелѣніе объ основаніи въ Казани Родіоновскаго института благородныхъ дѣвицъ. Анна Николаевна Родіонова была небольшого роста, дородна, съ большими, строгими, сѣрыми глазами; нрава непреклоннаго и сварливаго; жила въ гор. Казани, въ своемъ домѣ, на Воскресенской улицѣ (нынѣ, кажется, зданіе духовной семинаріи); сама занималась всѣми дѣлами по имѣніямъ и

по домохозяйству. Въ свой кабинетъ никого не впускала, кромѣ любимой своей старухи ключницы, и то одинъ только разъ въ день. Въ началѣ 1827 года Анна Николаевна еще была жива. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, въ одной изъ залъ Родіоновскаго института красовался женскій портретъ, слывшій за портретъ Анны Николаевны, тогда какъ правнука ея по мужу, Варвара Ивановна Родіонова (сестра моего отца), узнала въ ней любимую ключницу основательницы института. Варвара Ивановна общалась, владѣя кистью, нарисовать портретъ прабабки по памяти. Портретъ, однакожь, не былъ доставленъ, и, можетъ быть, до сихъ поръ ключница занимаетъ почетное мѣсто своей госпожи.

Дмитрій Петр. Родіоновъ.

Въ январской книжкѣ «Историческаго Вѣстника» въ статьѣ Д. Д. Языкова «Учено-литературная дѣятельность Д. И. Иловайскаго» почтенный библиографъ пропустилъ одно сочиненіе г. Иловайскаго, именно «Поборники норманизма и туранизма», напечатанное въ «Русской Старинѣ» 1882 г. № 12, и имѣющее существенное значеніе по отношенію къ теоріи г. Иловайскаго о происхожденіи Руси и вопросу о гуннахъ.

Встрѣча Саванаролы съ Ипполитомъ и Орсолой.

ДОЗВ. ЦЕНЗ. СВЪ. 22 ФЕВРАЛЯ 1884 Г.

ТИПОГРАФІА А. С. СУВОРИНА. ВРЕДЕВЪ ПЕР., К 11—2.

скія фигуры, очевидно, слушавшія его пѣніе. Роль пѣвца уже начала надоѣдать ему, и онъ подумываль о томъ, чтобы открыть свое званіе, какъ вдругъ произошло событіе, которое все измѣнило.

Однажды ночью Фридрихъ былъ разбуженъ страшнымъ шумомъ. Очевидно, что то случилось, потому что раздавались крики и поднялась бѣготня и суматоха. Онъ быстро вскочилъ съ постели и, накинувъ на себя платье, выбѣжалъ, чтобы узнать, въ чемъ дѣло. Бѣгавшіе взадъ и впередъ въ сильномъ волненіи слуги сообщили ему, что только что прибылъ гонецъ отъ королевы съ извѣстіемъ, что тунисскіе морскіе разбойники напали на ея дворець, очевидно, съ цѣлью похитить королеву.

Фридрихъ былъ глубоко потрясенъ этимъ извѣстіемъ и тотчасъ же почувствовалъ, что рыцарскій долгъ повелѣваетъ ему идти спасать королеву. Какъ разъ въ эту минуту, когда онъ раздумываль, какъ ему поступить, къ нему подбѣжала одна изъ дамъ, которую онъ видѣль въ первый день на террасѣ возлѣ прекрасной княгини Кандорасъ.

— Идите скорѣе и помогите спасти королеву,—сказала она.—Я тоже послала туда вооруженныхъ слугъ, потому что дворцовая стража недостаточно сильна. Королеву предупреждали, что тунисскій бей назначилъ большую награду за то, чтобъ ее взяли въ плѣнъ и привели къ нему. Это и вызвало нападеніе тунисскихъ морскихъ разбойниковъ. Оттого и ваше появленіе возбудило такія подозрѣнія и за вами такъ слѣдили. Бѣгите же скорѣе на помощь королевѣ.

— Я спѣшу туда,—отвѣтилъ ей Фридрихъ,—но умоляю васъ, не отсылайте всѣхъ людей отсюда, такъ какъ

вѣдь тогда княгиня Кандорасъ окажется совсѣмъ беззащитной...

— Обо мнѣ не заботьтесь,—прервала его дама.—Мнѣ не грозитъ никакой опасности, но спѣшите скорѣе къ королевѣ, которой нужна помощь...

— Что это значитъ?—воскликнулъ пораженный Фридрихъ.—Я видѣлъ княгиню Кандорасъ на террасѣ въ первый день и обязанъ ей отплатить чѣмъ нибудь за ея гостепріимство. Какъ же я могу оставить ее одну безъ всякой защиты, тѣмъ болѣе теперь, когда,—какъ мнѣ сказали,—она лежитъ больная...

— Вы ошибаетесь,—поспѣшно замѣтила ему дама.— Княгиня Кандорасъ—это я, а та красивая дама, съ которою вы разговаривали въ первый день—это была королева, удостоившая мой маленькій праздникъ своимъ присутствіемъ. Торопитесь же къ ней поскорѣе и присоединитесь къ ея защитникамъ.

Услышавъ это, принцъ, какъ безумный, бросился къ морю, разбудилъ своихъ людей и велѣлъ слѣдовать за собой. Они подоспѣли къ королевскому дворцу какъ разъ во время. Дворцовая стража уже не въ силахъ была болѣе задерживать разбойниковъ, которые устремлялись во внутренніе покои дворца, куда въ смертельномъ страхѣ спряталась королева. Фридрихъ со своими людьми съ яростью бросился на нихъ и своимъ неожиданнымъ появленіемъ произвелъ среди нихъ переполохъ. Но и Фридрихъ не могъ бы долго удерживать натискъ разбойниковъ, если бы не подоспѣла вооруженная городская стража, и разбойники, слышавъ звонъ оружія, тотчасъ обратились въ бѣгство.

Фридрихъ преслѣдовалъ ихъ до самаго моря и затѣмъ вернулся во дворецъ. Королевѣ уже сообщили, что она обязана своимъ спасеніемъ, главнымъ образомъ,

чужеземцу, греческому моряку, который за нѣсколько дней передъ этимъ остановился на виллѣ княгини Кандорась. Она выразила желаніе видѣть молодого моряка, чтобы лично поблагодарить его.

Сильно билось сердце Фридриха, когда онъ входилъ къ королевѣ. Онъ тотчасъ узналъ въ ней мнимую княгиню Кандорась. Королева протянула ему руку и въ самыхъ сердечныхъ выраженіяхъ поблагодарила его, прибавивъ шопотомъ просьбу, чтобы онъ открылъ ей, кто онъ такой.

Фридрихъ не могъ не исполнить просьбы, высказанной такимъ образомъ. Онъ шопотомъ назвалъ свое имя и званіе. Какъ разъ въ эту минуту въ комнату вошла пожилая дама, которую Фридрихъ уже замѣтилъ въ первый день своего пріѣзда въ числѣ гостей, бывшихъ на террасѣ. Она извинилась передъ королевой, посмотрѣла испытующимъ взоромъ на Фридриха и медленно удалилась.

— Я окружена шпионами, — шепнула ему королева, какъ только она отошла.—Прошу васъ, будьте осторожны и слушайте меня. Уѣзжайте отсюда какъ можно скорѣе теперь, а затѣмъ возвращайтесь сюда не тайкомъ, а со свитой, подобающей вашему высокому сану. Здѣсь меня окружаетъ измѣна, вы должны дѣйствовать осторожно, чтобы не погубить ни себя, ни меня...

— Могу я явиться, какъ подобаетъ королевскому сыну и просить вашей руки, королева?—спросилъ тихо Фридрихъ.

Королева могла кивнула головой въ знакъ согласія и затѣмъ еще разъ напомнила ему о величайшей осторожности.

— Прощайте, и да хранитъ васъ Богъ!—сказала она. Фридрихъ ушелъ отъ нея совершенно счастливый. Че-

резъ нѣсколько часовъ онъ уже отплывалъ отъ Кипра, и благоухающій цвѣтущій островъ скоро потонулъ въ морской лазури.

Катерина Корнаро осталась одна въ своемъ дворцѣ. Волненіе и страхъ, которые она испытала во время нападенія разбойниковъ, мало по малу улеглись и уступили мѣсто мечтамъ о близкой свободѣ. Хотя Катерина и носила титулъ королевы и окружена была всевозможнымъ почетомъ, но она чувствовала себя словно въ плѣну. Да она и была настоящею плѣнницей. Могущественный Совѣтъ Десяти, управлявшій Венеціей и давшій ей почетный титулъ „дочери Венеціанской республики“, неустанно слѣдилъ за ней. Она не могла располагать своими поступками, не могла сдѣлать ни одного шага самостоятельно и страшно скучала въ своемъ дворцѣ, съ тоскою поглядывая на море и словно ожидая отъ него избавленія. И вотъ избавленіе явилось въ лицѣ молодого красиваго принца, который могъ освободить ее окончательно отъ тяготившаго ее ига Венеціи, вырвать ее изъ плѣна и сдѣлать своею женою.

Катерина не обманывала себя. Она знала, что исполненіе этого плана сопряжено съ величайшими затрудненіями, что ея пріемные отцы, конечно, будутъ всячески стараться помѣшать ему, но она все-таки не ожидала, что ея мечтамъ о свободѣ будетъ такъ скоро нанесенъ рѣшительный ударъ.

Въ одинъ прекрасный день въ гавань Фамагосты явился небольшой венеціанскій флотъ подъ командою брата королевы, Георга Корнаро. Совѣтъ Десяти прислалъ его со строгимъ приказомъ привезти королеву въ Венецію. Предлогомъ для этого послужило нападеніе тунисскихъ пиратовъ, о которомъ было донесено въ Венецію. Напрасно королева плакала и умоляла брата

оставить ее на островѣ, съ которымъ ей не хотѣлось разставаться. Братъ старался ее утѣшить какъ могъ, но сказалъ ей, что передъ желѣзною волей Совѣта Десяти всѣ должны преклоняться. Тогда Катерина Корнаро, думая подѣйствовать на брата, открыла ему свою тайну и рассказала про сына неаполитанскаго короля, принца Фридриха, который явился на островъ подъ видомъ греческаго матроса.

— Несчастливая!—воскликнулъ Георгъ Корнаро.—Развѣ ты не понимаешь, почему неаполитанскій король хочетъ женить своего сына на тебѣ? Ему нуженъ Кипръ такъ-же, какъ и венеціанской республикѣ. Но Венеція не можетъ этого допустить. Ты должна покоряться безпрекословно ея вельніямъ; никакое сопротивленіе тутъ невозможно. Бѣдная сестра, мнѣ жаль тебя, но что же дѣлать! Счастье какого нибудь одного человѣка ничто въ сравненіи съ величіемъ республики. Развѣ мало людей жертвовали своей жизнью на полѣ битвы ради славы отечества; мало ли людей погибло въ страшныхъ пыткахъ ради его пользы! Венеція требуетъ отъ тебя этой жертвы, и ты должна принести ее!

Бѣдная кипрская королева убѣдилась, что противиться невозможно. Жители Кипра устроили пышные проводы своей королевѣ, которую они дѣйствительно очень любили. Народу было сказано, что королева уѣзжаетъ только на время, чтобы повидаться со своими родными въ Венеціи и со своимъ сыномъ, который тамъ воспитывался. Ее просили скорѣе возвращаться, народъ засыпалъ ее цвѣтами, и она улыбалась сквозь слезы въ отвѣтъ, махая платкомъ, но сердце ея сжималось тоской.

Когда корабль поднялъ паруса и медленно и величаво отплылъ отъ берега, бѣдная молодая королева удалилась въ каюту и тамъ дала волю своимъ слезамъ.

ГЛАВА III.

„Вѣчный городъ“ въ средніе вѣка.

Фридрихъ вернулся въ Неаполь въ самомъ радостномъ настроеніи духа. Онъ разсказалъ своему отцу обо всемъ происшедшемъ съ нимъ на Кипрѣ и о своемъ желаніи открыто посвататься за королеву. Но король, болѣе осторожный и опытный, нежели молодой принцъ, объяснилъ ему, что онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ открыто явиться на островъ въ качествѣ жениха королевы. Могущественная Венеція будетъ всѣми силами противиться этому браку, не желая упускать острова изъ своихъ рукъ, и принцъ ничего не добьется такимъ образомъ. Единственное, что остается сдѣлать—это тайно обвѣнчаться съ королевой,—и тогда Венеція уже ничего не въ состояніи будетъ сдѣлать и должна будетъ примириться съ совершившимся фактомъ.

Слѣдуя совѣтамъ отца, Фридрихъ втайнѣ подготовилъ свое вторичное путешествіе на Кипръ.

Но всѣмъ планамъ и надеждамъ его былъ нанесенъ смертельный ударъ, когда въ Неаполь пришло извѣстіе, что Венеція прислала свой флотъ за кипрскою королевой и увезла ее. Молодой принцъ пришелъ въ отчаяніе, узнавъ про это. Онъ прекрасно понималъ, что

Венеція не выпуститъ королеву изъ своихъ рукъ. Принцъ придумывалъ разные способы, какъ освободить ее отъ этого плѣна, и рѣшилъ обратиться къ родственницѣ покойнаго кипрскаго короля, Шарлоттѣ Лузиньякъ, въ надеждѣ, что она поможетъ ему вырвать Катерину Корнаро изъ рукъ ея венеціанскихъ отцовъ, такъ самовластно распоряжавшихся ея судьбой.

Княгиня Шарлотта Лузиньякъ жила въ Римѣ. Она выстроила себѣ дворецъ вблизи Ватикана и окружила себя образованными людьми—поэтами, учеными и художниками, преимущественно греками. Въ то время повсюду въ Италіи, а въ особенности въ Римѣ, было въ модѣ заниматься греческою литературой и изучать греческое искусство. Потомки древнихъ грековъ пользовались большимъ почетомъ въ знатномъ итальянскомъ обществѣ и могли рассчитывать на самый радушный приѣмъ. Съ изумительнымъ рвеніемъ собирались тогда всѣ уцѣлѣвшіе остатки древняго искусства, и дома знатныхъ римлянъ представляли въ этомъ отношеніи настоящіе художественные музеи. Всѣ папы покровительствовали искусствамъ и окружали себя необычайной пышностью. Не только въ папскомъ дворцѣ, но и среди кардиналовъ царилъ величайшая роскошь. Какъ далеко было этимъ представителямъ католической церкви, пользовавшимся властью, могуществомъ и всѣми благами жизни, до первыхъ христіанъ, отличавшихся величайшею кротостью и смиреніемъ! Каждый папа, вступая на престолъ, заботился прежде всего о томъ, чтобы окружить себя наибольшою пышностью и затмить въ этомъ отношеніи своихъ предшественниковъ и всѣхъ другихъ европейскихъ государей. Родственники папы получали выгодныя должности, безъ стѣсненія грабили и притѣсняли народъ, вымогая отъ него деньги и также

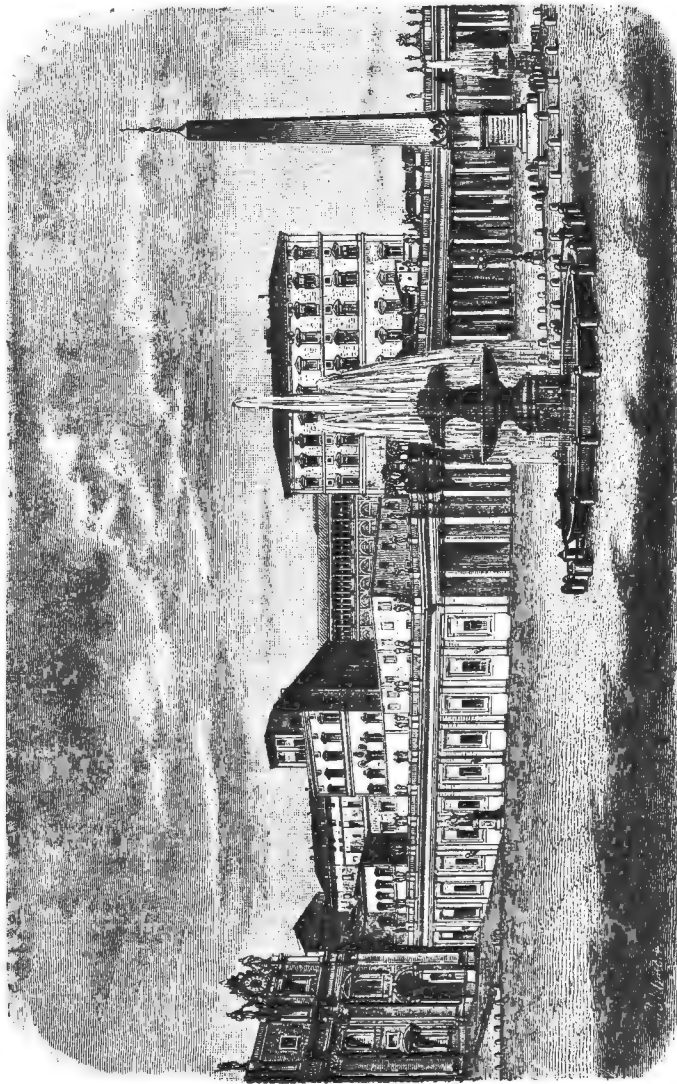
окружали себя великолѣпіемъ и блескомъ. Деньги добывались всѣми способами, но и тратились также безумно. Не только знатные римляне, но и духовенство, кардиналы и архіепископы задавали блестящіе пиры, стараясь затмить другъ друга своею расточительностью.

Фридрихъ Неаполитанскій явился во дворецъ Шарлотты подъ чужимъ именемъ. Онъ назвался графомъ Сполето; хотя при папскомъ дворѣ и въ знатномъ римскомъ обществѣ, въ которомъ онъ вращался, скоро догадались, кто онъ такой, но не показывали вида и предоставляли ему выдавать себя за итальянскаго графа.

Бывая у Шарлотты, принцъ Фридрихъ скоро убѣдился, что она враждебно настроена противъ Венеціи. Она также имѣла права на кипрскую корону и, въ случаѣ, если бы Катерина Корнаро отказалась отъ престола, Шарлотта могла бы наследовать послѣ нея. Но, разумѣется, ей пришлось бы натолкнуться на сильное сопротивленіе Венеціи и поэтому она смотрѣла на венеціанскую республику, какъ на своего врага. На этомъ основаніи Фридрихъ вправѣ былъ разсчитывать, что она поможетъ ему получить руку Катерины Корнаро подъ тѣмъ условіемъ, чтобы эта послѣдняя отказалась отъ кипрской короны.

Вскорѣ Фридрихъ настолько сблизился съ Шарлоттой, что открылъ ей свою тайну. Она очень сочувственно отнеслась къ нему и обѣщала ему свою помощь. Отъ нея онъ узналъ, что Катерина Корнаро живетъ въ Тревизо, въ кругу друзей, преимущественно ученыхъ и художниковъ, и занимается искусствами и наукой.

Въ это время Римъ находился въ большомъ волненіи. Папа Иннокентій VIII давно былъ боленъ, и уже въ Римѣ разсуждали о томъ, кто будетъ его преемникомъ. У Шарлотты очень часто бывалъ кардиналъ Родриго

Ватиканъ.....папскій дворець въ Римѣ.

Бордоріа, обладавшій громаднымъ богатствомъ. На него указывали, какъ на будущаго папу, и такъ какъ Шарлотта была очень дружна съ нимъ, то она и общалась Фридриху его содѣйствіе, какъ только онъ займетъ папскій престолъ послѣ смерти Иннокентія VIII.

Надежды эти чуть было не оправдались. Въ Римѣ распространился слухъ, что папа умеръ. Всѣ кардиналы собрались въ Ватиканъ и уже готовились выбрать ему преемника. Но папа очнулся; оказалось, что съ нимъ былъ только глубокій обморокъ, въ которомъ онъ пролежалъ нѣсколько часовъ. Когда онъ пришелъ въ себя и увидѣлъ, что кардиналы уже готовились дѣлить между собою его наслѣдіе, онъ очень разсердился и, призвавъ къ себѣ кардиналовъ, объявилъ имъ, что они напрасно надѣются на его смерть и что онъ еще переживетъ ихъ всѣхъ.

Однако, папа былъ очень напуганъ своимъ обморокомъ и боялся, что если съ нимъ повторится что-нибудь подобное, его могутъ заживо похоронить. Врачи, лечившіе папу, не возбуждали его довѣрія, и онъ рѣшилъ обратиться за помощью къ одному врачу-еврею, который жилъ въ *Гетто* (такъ назывались въ средніе вѣка кварталы, назначенные для евреевъ во многихъ городахъ Италіи, Германіи и Востока) и славился своимъ искусствомъ. Папа слышалъ не разъ рассказы о его чудесныхъ исцѣленіяхъ и поэтому велѣлъ отыскать его и привести въ Ватиканъ, къ великому неудовольствію всѣхъ кардиналовъ.

Гетто или еврейскій кварталъ состояло изъ главной улицы, довольно узкой, къ которой примыкало нѣсколько переулковъ, еще болѣе узкихъ. Съ каждой стороны главной улицы находились желѣзныя ворота, которыя, со времени папы Пія IV, запирались вечеромъ

ОБЪ ИЗДАНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОРТРЕТНОЙ ГАЛЛЕРЕИ

Лишь немногимъ любителямъ доступно знакомство съ оригиналами историческихъ портретовъ, хранящимися какъ драгоценное сокровище, унаслѣдованное отъ предыдущихъ вѣковъ, въ публичныхъ библіотекахъ и музеяхъ. Между тѣмъ, для всякаго, занимающагося исторіей вообще, и специально исторіей искусствъ и культуры, весьма важно изучать и психологически анализировать портреты знаменитыхъ историческихъ дѣятелей, имѣвшихъ могущественное вліяніе на судьбы міра, и отыскивать связь между чертами лица и историческимъ характеромъ данной личности.

Кромѣ того, не малое значеніе представляетъ также и знакомство съ художниками, рисовавшими эти портреты, такъ какъ въ извѣстные періоды искусства существовали особые взгляды на портретную живопись, отъ которыхъ художники находились въ полной зависимости.

Пользуясь фототипіей, доведенной въ послѣднее время до высокой степени совершенства, мы предприняли изданіе подъ заглавіемъ:

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЛЕРЕЯ

Собраніе портретовъ знаменитѣйшихъ людей всѣхъ народовъ, начиная съ 1300 года, по лучшимъ оригиналамъ, съ краткими біографіями.

Изданіе это выходитъ, по мѣрѣ изготовленія фототипій, выпусками по 8 портретовъ и біографій въ каждомъ.

ВЫПУСКИ БУДУТЪ РАСПРЕДЕЛЕНЫ СЛѢДУЮЩИМЪ ОБРАЗОМЪ:

Государи и папы.
Государственные люди, полководцы, герои, моряки.
Писатели.
Композиторы и музыканты.
Ученые, педагоги, реформаторы.
Знаменитыя женщины.

Цѣна каждому выпуску 2 руб., съ пересылкой 2р. 50 коп.

Отдѣльно портреты не продаются.

„Историческая портретная галлерей“, печатается всего въ количествѣ 150 экземпляровъ. Фототипіи для настоящаго изданія изготовляются въ художественномъ заведеніи Фр. Врукманна въ Мюнхенѣ.

0 выходѣ cadaго выпуска будетъ объявляться особо.

Съ требованіями слѣдуетъ обращаться въ книжные магазины «Новаго Времени» Петербургъ, уголъ Михайловской улицы и Невскаго

проспекта, домъ Волжско-Камскаго банка, и Москва, Кузнецкій мость домъ Третьякова.

ВЪ ПЕРВЫХЪ 3-ХЪ ВЫПУСКАХЪ

ПОМѢЩЕНЫ СЛѢДУЮЩІЕ ПОРТРЕТЫ:

ВЪ ПЕРВОМЪ ВЫПУСКѢ: Густавъ-Адольфъ, король шведскій, 1611—1632. Съ портрета Ванъ-Дика, гравироваль Понтіусъ. Генрихъ VIII, король англійскій, 1509—1547. Съ портрета Гольбейна, гравироваль Хубракенъ. Людовикъ XIV, король французскій, 1643—1715. Съ портрета Гейслина, гравироваль Вермейленъ. Карлъ I, король англійскій, 1625—1649. Съ портрета Ванъ-Дика, гравироваль Петръ Іоде. Марія Терезія, императрица австрійская, 1740—1780. Съ портрета Ванъ-Митенса, гравироваль Киліанъ. Марія Стюартъ, королева шотландская, 1559—1587. Съ портрета Цункари, гравироваль Барталоцци. Иосифъ II, императоръ австрійскій, 1765—1790. Съ портрета Ліона, гравироваль Тишлеръ. Юлій II, папа, 1503—1513. Съ портрета Рафаеля, гравироваль Морасе.

ВО ВТОРОМЪ ВЫПУСКѢ: Марія Медичи, королева французская, 1600—1642. Съ портрета Ванъ-Дика, гравироваль Понтіусъ. Карлъ V, императоръ германскій, 1519—1536. Гравироваль Бартель Бегамъ. Анна австрійская, королева французская, 1615—1666. Гравироваль Нантейль. Генрихъ IV, король французскій, 1589—1610. Съ портрета Гольтціуса, гравироваль Германъ Адольфъ. Людовикъ XV, король французскій. 1715—1774. Съ портрета Гейльмана, гравироваль Вилле. Іаковъ II, король англійскій, 1685—1688. Съ портрета Кнеллера, гравироваль Шмитъ. Карлъ XII, король шведскій, 1697—1718. Съ портрета Крафта, гравироваль Танже. Папа Климентъ XIV, 1769—1774. Съ портрета Порта, гравироваль Кунего.

ВЪ ТРЕТЬЕМЪ ВЫПУСКѢ: Фридрихъ II, король прусскій, 1712—1786. Съ портрета А. Пене, гравироваль Г. Шмидтъ (Портретъ 1746 года). Георгъ III, король англійскій, 1738 — 1820. Съ портрета Зоффани, гравироваль Р. Густонъ. Фердинандъ I, императоръ германскій. 1503—1564. Гравироваль Бартель Бегамъ. Людвигъ I, король баварскій, 1786—1868. Съ литографированнаго портрета Г. Бодмера. Лоренцо-Медичи, глава Флорентинской республики, 1449—1492. Съ портрета Г. Вазари, гравироваль Р. Моргхенъ. Августъ III, король польскій, 1733—1763. Съ портрета Л. Сильвестра, гравироваль Г. Шмидтъ. Христина, королева шведская, 1626—1689. Съ портрета Д. Бека, гравироваль Г. Фалькъ. Геронимъ Бонапартъ, король Вестфальскій, 1784—1860. Съ портрета Кинсона, гравироваль Мюллеръ.

ВТОРОЕ ОБЪЯВЛЕНИЕ

Совѣта С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества.

5-го апрѣля 1885 года, исполнится 1000 лѣтъ со дня блаженной кончины первоучителя славянъ св. равноапостольнаго **Меоодія**.

Считая священнымъ долгомъ взять на себя починъ въ дѣлѣ чествованія этого дня, С.-Петербургское Славянское Благотворительное Общество въ общемъ собраніи, состоявшемся 27-го марта 1883 г., постановило:

1) издать **въ 5-му апрѣля 1885 года**, общедоступное жизнеописание св. Кирилла и Меоодія, въ размѣрѣ одного листа убористой печати, въ количествѣ **100,000** экзemplяровъ, для бесплатной разсылки во всѣ православныя церкви и для раздачи народу.

2) Для составителей этого жизнеописанія назначить **конкурсъ** съ двумя — за лучшіе труды — **преміями**, одною — въ **300** рублей и другою — въ **150** рублей.

3) Предоставить Совѣту Общества сдѣлать объявленіе объ этомъ конкурсѣ съ соблюденіемъ обычныхъ условій.

Во исполненіе этого постановленія, Совѣтъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества симъ объявляетъ, что желающіе принять участіе въ соисканіи вышеозначенныхъ премій приглашаются составить **исторически достоверное, ясно и просто изложенное жизнеописаніе св. Кирилла и Меоодія на русскомъ языкѣ**, въ размѣрѣ одного листа убористой печати и доставить свой трудъ въ Совѣтъ Общества (въ С.-Петербургѣ, на площади Александринскаго театра, въ домѣ Императорскаго Русскаго музыкальнаго общества, № 7), въ полное его распоряженіе, **не позже 1-го сентября 1884 года**, безъ означенія имени автора, только съ номеромъ или девизомъ.

Обозначеніе имени автора должно быть приложено въ особомъ, наглухо запечатанномъ конвертѣ, на которомъ должны быть прописаны номеръ или девизъ рукописи.

По присужденіи, по докладу Совѣта, общимъ собраніемъ за лучшія сочиненія премій, таковыя будутъ выданы соискателямъ, по вскрытіи конвертовъ съ ихъ именами, въ торжественномъ собраніи гг. членовъ Общества **14-го февраля 1885 года**.

ПРОДАЮТСЯ У АВТОРА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, ГОРОХОВАЯ, Д. № 31. КВ № 10.

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ

Ю. В. ИВЕРСЕНА.

1) Beitrag zur russischer Medaillenkunde. 160 bester unedirte Privatpersonen ertheilte Medaillen. 8°. 1870. Цѣна 1 руб.

2) Медали на дѣянія императора Петра Великаго. 1872. 4°. XXV. 68 стр. съ 12 таблицами, на которыхъ изображены 99 медалей. Цѣна 3 руб.

3) Medaillen auf die Thaten Peter des Grossen 1872. 4°. XXVII. 70 стр. съ тѣми же таблицами. Цѣна 4 руб.

4) Неизданныя и рѣдкія русскія медали. 1874. 4°. 26 стр. съ 6 таблицами, на которыхъ изображены 41 медали. Цѣна 2 руб.

5) Словарь медальеровъ. 1874. 4°. 37 стр. Цѣна 1 руб.

6) Icones familiae ducalis Radzivilleanae fol. Цѣна 20 руб.

165 портретовъ фамиліи Радзивиловъ (грубой работы) съ биографическими данными на каждомъ листѣ. Это сочиненіе вышло въ 1758 году въ столь маломъ количествѣ, что всегда считалось рѣдкимъ. Въ 1875 году, г. Иверсенъ, пріобрѣвшій старинныя мѣдныя доски, отпечаталъ ихъ въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ.

7) Медали выбитыя въ царствованіе императора Александра II. 1880. 4° VII, 106 стр. съ портретомъ на заглавномъ листѣ и 15 таблицами на которыхъ изображены 100 медалей. Цѣна 15 руб.

8) Медали въ честь русскихъ дѣятелей 4°. 2 тома, 1880 по 1883.

въ 1-мъ томѣ 378 стр. съ 29 таблицами.

   , 2-мъ „ 441 „ „ 29 „

Изъ этихъ книгъ № 1, 3, 6 и 7 имѣются въ маломъ количествѣ экземпляровъ.

Печатается и въ непродолжительномъ времени поступить въ продажу

НОВАЯ КНИГА:

„ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ САРАТОВА И САРАТОВСКОЙ ГУБ.“,

Н. Ф. ХОВАНСКАГО.

Выпускъ 1-й, съ фотографич. портретомъ А. Н. Радищева и такимъ же видомъ части г. Саратова. Цѣна 1 р. 25 к. Билеты на книгу можно получать въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени».

Въ настоящемъ выпускѣ заключаются, между прочимъ, біографіи выдающихся саратовскихъ уроженцевъ и дѣятелей: А. Н. Радищева, А. Ф. Леопольдова, Скопина, Г. И. Чарнышевскаго, Э. И. Губера, С. П. Шевырева, А. И. Порфицкаго, А. В. Попова, А. Н. Пыпина, И. Я. Салова, С. С. Гусева, И. П. Ларионова и мн. другихъ, всего до 30 біографій.

Книгопродавцы обращаются къ автору: Саратовъ, Армянская, д. Осетровой. Уступки 25 к. съ книги.

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ПЛЕМЕНЬ И НАРОДОВЪ

ФР. ГЕЛЬВАЛЬДА.

Со множеством иллюстрацій художника Келлеръ-Лейцингера.

Сочиненіе это заключаетъ въ себѣ исторію развитія культуры племенъ и народовъ земного шара. Авторъ, строго придерживаясь географической группировки и сравнительнаго метода, описываетъ послѣдовательно обитателей Австраліи, Америки, Африки, Азіи и Европы со всѣми особенностями ихъ жизни, и вездѣ ссылается на источники, которыми пользовался, что значительно облегчаетъ трудъ дальнѣйшаго изученія любопытныхъ матеріаловъ, имъ собранныхъ.

„ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ПЛЕМЕНЬ И НАРОДОВЪ“ иллюстрирована художникомъ Келлеръ-Лейцингеромъ, изобразившимъ не только типы расъ (преимущественно по фотографическимъ снимкамъ съ натуры), но также и разнообразные предметы ихъ домашняго быта, о которыхъ нельзя составить себѣ полнаго представленія безъ соответствующихъ рисунковъ.

Право перевода и изданія въ Россіи **„ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ПЛЕМЕНЬ И НАРОДОВЪ“** приобрѣтено А. С. Суворинымъ.

„ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ ПЛЕМЕНЬ И НАРОДОВЪ“ въ русскомъ переводѣ, со всѣми иллюстраціями нѣмецкаго оригинала, выходитъ выпусками отъ двухъ до трехъ каждый мѣсяцъ. Всѣхъ выпусковъ будетъ приблизительно пятьдесятъ, что составитъ два большихъ тома, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждому выпуску 30 коп.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ десять рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 38. Отдѣленіе главной конторы въ Москвѣ, при московскомъ отдѣленіи книжнаго магазина „**Новаго Времени**“, Кузнецкій мостъ, домъ Третьякова.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ, или извлеченіи) историческія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., библиографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы и документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются портреты и рисунки, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналѣ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея московское отдѣленіе съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

ТИПОГРАФІА А. СУВОРИНА, ЭРТЕЛЕВЪ ПЕР., 11 — 2

